497485

497485

Бѣлинскій въ послѣдніе годы жизни.

По разнымъ даннымъ рисовалъ И. А. Астафьевъ (1881).

Уральская областная
БИБЛИОТЕКА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

В. Г. БѢЛИНСКАГО.

8(с)Р
Б 432

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

В. Г. БѢЛИНСКАГО.

ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМАХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ И СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ

С. А. Венгерова.

ТОМЪ VI.

Съ приложеніемъ портрета Бѣлинскаго, рисованнаго И. А. Астафьевымъ въ 1881 г., и двухъ снимковъ съ рукописи статей Бѣлинскаго о народной поэзіи.

497485
ПР.-48г

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза".
Большая Подъяческая, 39.
1903.

8р

Пр. 1940

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Уральского
Госуниверситета
г. Свердловск

ОГЛАВЛЕНІЕ VI-го ТОМА.

*) **Звѣздочка поставлена передъ статьями и указаніями, невходившими въ прежнія собранія сочиненій Бѣлинскаго или входившими съ сокращеніями.**

«Отечественныя Записки» 1841 года.

		стр
*517.	Стихотворенія *М. Лермонтова*	1—62
*518.	Раздѣленіе поэзіи на роды и виды	63—118
519.	Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразователя Россіи. Соч. *И. И. Голикова.*—Исторія Петра Великаго. Соч. *Веніамина Бергмана.* Перев. съ нѣм. *Егоръ Аладьинъ.*—О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича. Соврем. соч. *Григорія Кошихина.*	118—143
520.	Собраніе стихотвореній *Ивана Козлова*	144—153
520 а.	[1]) Аббадона. Соч. *Николая Полеваго.*	153—157
*521.	Стихотворенія *Ивана Языкова*	157
*522.	Любовь и Честь, драма *Ивельева*	158—159
*523.	Леонора или Мщеніе Италіанки, драм. представ. Соч. *Павла Ильина*	159
524.	(Замѣтка *о Навроцкомъ*)	160—163
*525.	На сонъ грядущій. Соч. графа *В. А. Соллогуба*	163—167
526.	Русскій театръ въ С.-Петербургѣ. Братья—враги или Мессинская Невѣста, трагедія, соч. *Шиллера*	168
*527.	Душенька, древняя пов. *И. Богдановича*	168—173
*528.	Сенсаціи и Замѣчанія госпожи *Курдюковой* за границею дан-л'Этранже	173—174
*529.	Мозаисты, соч. *Ж. Занда*. Перев. *М. Р**.	174—176
*530.	Интересныя Продѣлки, ком. соч. *І. І.*	176—177
*531.	Портретная и Біографическая Галлерея словесности, наукъ, художествъ, и искусствъ въ Россіи. Тетради II—III.	177
*532.	Памятникъ Искусствъ. Тетр. VI и VII	177—178
*533.	Опытъ руководства къ преподаванію и изученію русской грамматики для русскихъ. *В. Половцова.*	178—179
534.	Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразователя Россіи. Соч. *И. И. Голикова.*—Исторія Петра Великаго. Соч. *Веніамина Бергмана.* Перев. съ нѣм. *Егора Аладьинъ.* Статья 2.	179—198
*535.	Бернардъ Монпратъ (,) или Перевоспитанный Дикарь (,) соч. *Жоржъ Зандъ.* (*Ж-жи Дюдеванъ*). Перев. съ фр.	198—199

[1]) По недосмотру, эта статья въ текстѣ помѣчено № 520.

стр.

536. Ластòвка. Соч. на малор. яз. Гг. *Л. Боровиковскаго, Е. Гребенки, Грицька Основьяненка, В. Забѣлы, И. Котляревскаго, Кореницкаго, П. Кулеша, Мартовицкаго, П. Писаревскаго, А. Чужбинскаго, Т. Шевченка, С. Шереперы* и др. Собралъ *Е. Гребенка*. . . . . 199—202
537. Сказанія Русскаго Народа, собр. *И. Сахаровымъ*. . . . . 202—206
538. Русскія Народныя Сказки. *И. П. Сахарова*. . . . . 206—207
*539. Сто русскихъ литераторовъ. Изд. *А. Смирдина* . . . . . 207—236
540. (Шестая книжка Москвитянина и Ѳ. Н. Глинка). . . . . 236—241
*541 Римскія Элегіи. Соч. *Гете*. Перев. *Струговщикова* . . . . . 241—272
*542. Сочиненія *Александра Пушкина* . . . . . 272—283
*543. Фритіофъ, Скандинавскій Богатырь. Поэма *Тегнера* въ русс. перев. *Я. Грота*. . . . . 283—293
*544. Древнія россійскія стихотворенія, соб. *Киршею Даниловымъ*. Древнія русскія стихотворенія (,) служащія въ дополненіе (дополненіемъ?) къ *Киршѣ Данилова* (у?) Собр. *М. Сухановымъ*. Сказанія русскаго парода, собр. *И. Сахаровымъ*. Русскія народныя сказки . . . . . 293—312
*545. Герой Нашего Времени. Соч. *М. Лермонтова*. . . . . 312—321
*546. Стихотворенія графини *Е. Ростопчиной*. . . . . 317—321
*547. Очерки жизни и избранныя сочиненія *Александра Петровича Сумарокова*. (,) И(и)зд. *Сергѣемъ Глинкою* . . . . . 321—325
548. Двѣнадцать собственноручныхъ писемъ Адмирала *Шишкова*. 325—327
*549. Русская Исторія для первоначальнаго чтенія. Соч. *Николая Полеваго*. . . . . 328—332
*550. Древнія россійскія стихотворенія, собр. *Киршею Даниловымъ*. Древнія русскія стихотворенія (,), служ. въ дополненіе (дополненіемъ?) къ *Киршѣ Данилова* (*у?*), собр. *М. Сухановымъ*. Сказанія русскаго народа, собр. *И. Сахаровымъ*. Русскія народныя сказки. Статья II. . . . . 333—349
551. Упырь. Соч. *Краснорогскаго*. . . . . 349—350
552. Сказка за Сказкой. I. Сержантъ Иванъ Ивановичъ, или всѣ за одно. Историч. разск. *Н. В. Кукольника*. . . . . 350—353
*553. Русскіе(я) Повѣсти *Маріи Жуковой* (сочинительницы Вечеровъ на Карповкѣ). 353
*554. Народныя Пѣсни Вологодской и Олонецкой губерніи, собр. *О. Студитскимъ* 353
*555. Мель-Дона(,) пов. въ стихахъ. Соч. *П. Алексѣева*. . . . . 354—355
556. Рѣчь о Современномъ Направленіи Отечественной Литературы, экстр. проф. д-ра филос. *А. Никитенко*. . . . . 355—357
*557. Древнія россійскія стихотворенія, собр. *Киршею Даниловымъ*. Древнія россійскія стихотворевія(,), служ. въ дополненіе (дополненіемъ?) къ *Киршѣ Данилова(у?)*. Собр. *М. Сухановымъ*. Сказанія русскаго народа, собр. *И. Сахаровымъ*. Русскія народныя сказки. Статья III. . . . . 357—426
*558. Русская Бесѣда изд. въ пользу *А. Ф. Смирдина* . . . . . 426—428
*559. Стихотворенія *П. Бочарова*. 428
*560. Сказка за Сказкой. Шахъ и Матъ. Историч. пов. XIV стол. *Александра Грамотова*. . . . . 428—429

стр.

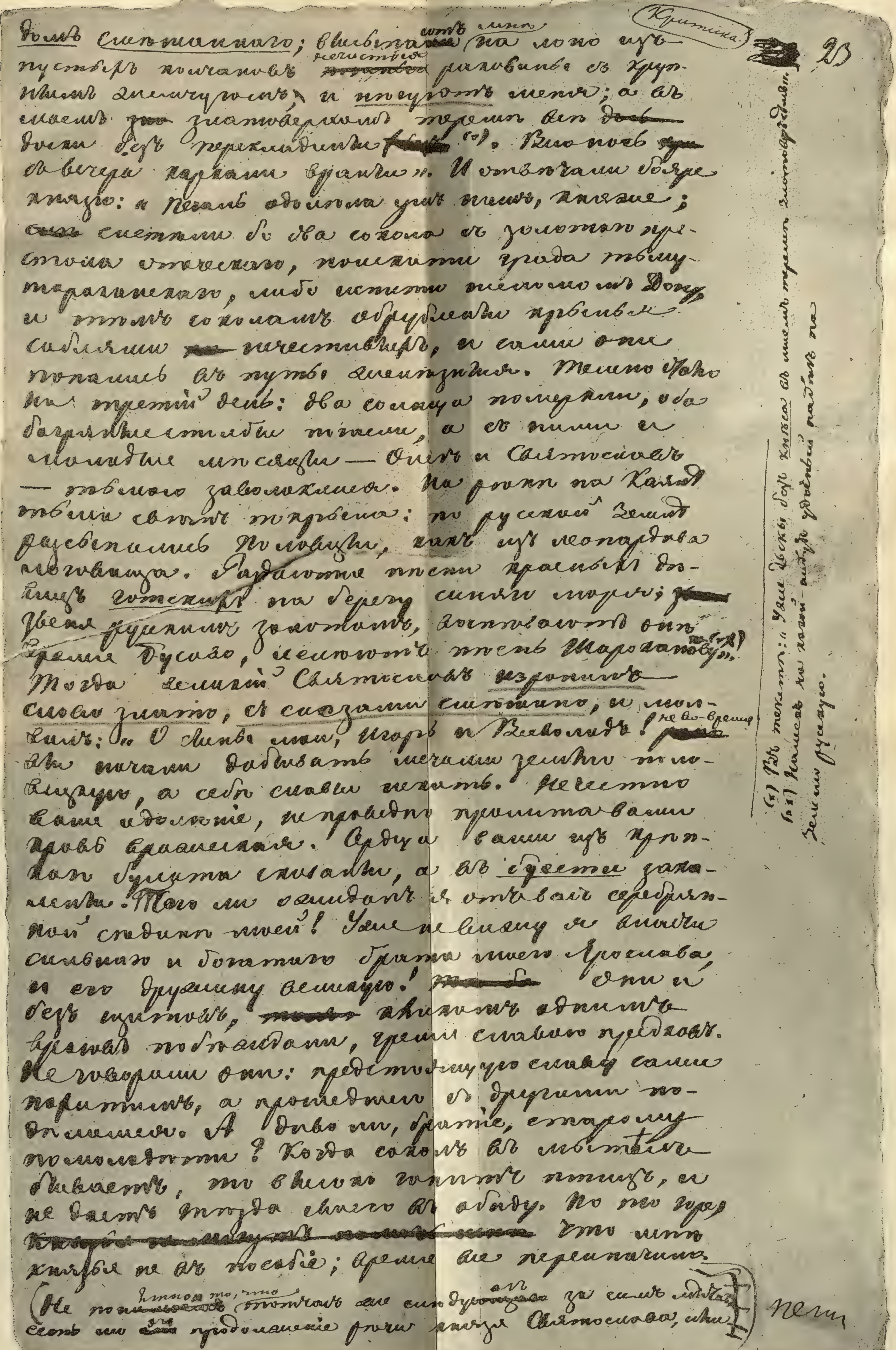
561. Князь Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій. Драма. Соч. *Н. В. Кукольника* . . . . . 429—436
562. Костромскіе Лѣса, русс. быль. Соч. *Н. А. Полеваго* . . . . . 436—437
563. Отецъ и Откупщикъ, Дочь и Откупъ. Ком. Соч. *Н. А. Полеваго* 437—438
564. Современное Бородолюбіе, оригин. ком. соч. *Д. Г. Зубарева*. 438—439
*565. Древнія россійскія етихотворенія, собр. *Киршею Даниловымъ*. Древнія русскія стихотворенія(,), служ. въ дополненіе (дополненіемъ?) къ *Киршѣ Данилова(у?)*. Собр. *М. Сухановымъ*.— Сказанія русскаго народа, соб. *И. Сахаровымъ*.—Русскія народныя сказки. Статья IV и послѣдняя. . . . . 439—484
*566. Непостижимая. *Владиміра Филимонова*. . . . . 484—490
*567. Сказка за Сказкой. III. Дуняша. IV. Эдуардъ и Кунигунда, Серебряная Свадьба. Анекдотъ. Соч. *Н. В. Кукольника*. V. Полковникъ Лесли. Историч. разск. *Н. В. Кукольника* . . 490
*568. Басни и сказки *И. И Хемницера*. . . . . 491—492
*569. Очерки жизни и избранныя сочиненія *Александра Петровича Сумарокова*, изд. *Сергѣемъ Глинкою*. . . . . 492—497
*570. Ширатъ. Соч. *Марріета*. Перев. съ англ. . . . . 497—498
*571. Русская Азбука, составл. по грамматикамъ *Н. Греча* и *А. Востокова*. . . . . 498—499

Статьи, примыкающія къ «Критической Исторіи русской литературы».

(При жизни Бѣлинскаго напечатаны не были) Относятся къ (1841—1848 г.).

*572. Идея Искусства . . . . . 500—515
573. Общее значеніе слова литература . . . . . 515—545
574. Первая редакція начала предыдущей статьи . . . . . 545—548
575 Общій взглядъ на народную поэзію и ея значеніе . . . . 548—552
Примѣчанія къ VI тому. . . . . 553—637

Приложенія къ VI тому: 1) Портретъ Бѣлинскаго, рис. И. А. Астафьевымъ. 2) Снимокъ 23-й страницы III-й статьи Бѣлинскаго о народной поэзіи. 3) Снимокъ 31-й страницы той-же статьи.


Критика 23

домъ смешаннаго; высыпали на лоно изъ пустыхъ колчановъ нечестивыхъ раковины съ крупнымъ жемчугомъ и нѣгуютъ меня; а въ моемъ златоверхомъ теремѣ всѣ доски безъ перекладины (*). Всю ночь съ вечера каркали враны. И отвѣчали бояре князю: «Печаль одолѣла умъ нашъ, княже; слетѣли два сокола съ золотого престола отческаго, поискати града Тьмутараканскаго, либо испити шеломомъ Дону; и этимъ соколамъ обрубили крылья саблями нечестивцевъ, и сами они попались въ путы желѣзныя. Темно было на третій день: два солнца померкли, оба багряные столбы погасли, а съ ними и молодые мѣсяцы — Олегъ и Святославъ — тьмою заволоклися. На рѣкѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по русской земли разсыпались Половцы, какъ изъ леопардова логовища. Раздаются пѣсни красныхъ дѣвицъ готскихъ на берегу синяго моря; звеня русскимъ золотомъ, вспоминаютъ онѣ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканову (**)! Тогда великій Святославъ изронилъ слово златое, со слезами смѣшанное, и молвилъ: «О дѣти мои, Игорь и Всеволодъ! не во-время вы начали досаждать мечами землю половецкую, а себѣ славы искать. Нечестно ваше одолѣніе, неправедно пролита вами кровь вражеская. Сердца ваши изъ крѣпкаго булата скованы, а въ буести закалены. Того ли ожидалъ я отъ вашей серебряной сѣдины моей! Уже не вижу я власти сильнаго и богатаго брата моего Ярослава, и его дружину великую! Они и безъ щитовъ, кликомъ однимъ враговъ побѣждали, гремя славою прадѣдовъ. Не говорили они: предстоящую славу сами похитимъ, а прошедшею съ другими подѣлимся. А дивно ли, братья, старому помолодѣти? Когда соколъ въ мытехъ бываетъ, то высоко гонитъ птицъ, и не даетъ гнѣзда своего въ обиду. Но вотъ горе что мнѣ князья не въ пособіе; время все переиначило.

(Не понимаю только то, что отсюда все слѣдующее за симъ есть ли еще продолженіе рѣчи князя Святослава, или) Петит

(*) Въ текстѣ: «Уже дьски безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златоверхомъ».
(**) Камень на [illegible] удобный падетъ на землю Русскую.

Изъ рукописи статей Бѣлинскаго о народной поэзіи.
I. Образчикъ страницы съ незначительными помарками. Помѣтки „Критика“ и „пет.“ (петитомъ) принадлежатъ Краевскому. Карандашныя подчеркиванія относятся къ эпохѣ передѣлки статьи для отдѣльнаго изданія—второй половинѣ 1840-хъ гг.

Дозв. ценз. СПБ., 30 ноября 1902 г.
Тип. тов. „Общ. Польза“, Б. Подъяч., 39.

* 517. **Стихотворенія М. Лермонтова.** Санктпетербургъ. 1840 [1]).

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай.
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай!
Веневитинов.

Всѣ говорятъ о поэзіи, всѣ требуютъ поэзіи. Повидимому, это слово для всѣхъ имѣетъ такое ясное и опредѣленное значеніе, какъ, напримѣръ, слово «хлѣбъ», или еще болѣе—слово «деньги». Но когда только двое начнутъ объяснять одинъ другому, что каждый изъ нихъ разумѣетъ подъ словомъ «поэзія», то и выходитъ на повѣрку, что одинъ называетъ поэзіею воду, другой—огонь. Что жь, еслибы всѣ-то такъ-называемые любители поэзіи заговорили о предметѣ своей любви! Это была бы настоящая картина вавилонскаго смѣшенія языковъ! И очень естественно: если трудно опредѣлить поэзію ученымъ образомъ, то еще труднѣе намекнуть на ея значеніе повседневнымъ языкомъ общества, всѣмъ и каждому равно понятнымъ. Еслибъ вамъ и удалось это, вы все таки удовлетворите только людей, которые съ вами симпатизируютъ, которые одинаково съ вами настроены. Въ-самомъ-дѣлѣ, если я подъ словомъ «поэзія» разумѣю размѣренныя и зарифменныя строчки, заключающія въ себѣ правила добронравія и добродѣтели, то какъ вы убѣдите меня, что поэзія есть воспроизведеніе, живопись явленій жизни?—Если я подъ словомъ «идеализированіе» разумѣю представленіе дѣйствительности совсѣмъ не такъ, какъ она есть,—ходули мыслей, дыбы чувства, то какъ увѣрите вы меня, что «идеализированіе» дѣйствительности есть только подчиненіе взятыхъ изъ нея матеріаловъ извѣстной цѣли, извлеченіе изъ нея, такъ-сказать, ея сущности, и сочлененіе въ живое и органическое цѣлое разнородныхъ, повидимому, частей?—Если я подъ словомъ «вдохновеніе» разумѣю нравственное опьяненіе, какъ бы отъ пріема опіума, или дѣйствія винаго хмѣля, изступленіе чувствъ, горячку страсти, которыя заставляютъ непризнаннаго поэта изображать предметы въ какомъ-то безумномъ круженіи, выражаться дикими, натянутыми фразами, неестественными оборотами рѣчи, придавать обыкновеннымъ словамъ насильственное значеніе,—то какъ вразумите вы меня, что «вдохновеніе» есть состояніе духовнаго ясновидѣнія, кроткаго,

но глубокаго созерданія таинства жизни, что оно, какъ-бы магическимъ жезломъ, вызываетъ изъ недоступной чувствамъ области мысли свѣтлые образы, полные жизни и глубокаго значенія, и окружающую насъ дѣйствительность, нерѣдко мрачную и нестройную, являетъ просвѣтлѣнною и гармоническою?.. Поэзія и наука тождественны, если подъ наукою должно разумѣть не однѣ схемы знанія, но сознаніе кроющейся въ нихъ мысли. Поэзія и наука тождественны, какъ постигаемыя не одною какою-нибудь изъ способностей нашей души, но всею полнотою нашего духовнаго существа, выражаемою словомъ «разумъ». Въ этомъ отношеніи, онѣ рѣзкою чертою отдѣляются отъ такъ-называемыхъ «точныхъ» наукъ, нетребующихъ ничего, кромѣ разсудка, и развѣ еще воображенія. Можно быть очень умнымъ человѣкомъ и не понимать поэзіи, считать ее за вздоръ, за побрякушку рифмъ, которою забавляются праздные и слабоумные люди; но нельзя быть умнымъ человѣкомъ и не сознавать въ себѣ возможности постичь значеніе, напр., математики и сдѣлать въ ней, при усиленномъ трудѣ, бо́льшіе или меньшіе успѣхи. Можно быть умнымъ, даже очень умнымъ человѣкомъ, и не понимать, что̀ хорошаго въ «Иліадѣ», «Макбетѣ» или лирическомъ стихотвореніи Пушкина; но нельзя быть умнымъ человѣкомъ и не понимать, что два, умноженные на два, составляютъ четыре, или, что двѣ параллельныя линіи никогда не сойдутся, хотя бы продолжены были въ безконечность. Ясно, что подъ словомъ «точныхъ» истинъ разумѣются тѣ истины, которыхъ очевидности и непреложности не можетъ не признать ни одинъ человѣкъ въ мірѣ, нелишенный здраваго смысла, прежде всего отличающаго людей отъ животныхъ. Въ этомъ отношеніи, наука, въ высшемъ ея значеніи, т. е. философія, и поэзія—повторяемъ—тождественны: та и другая равно далеки отъ того, что̀ имѣетъ хотя видъ «точности». Но въ хаотической борьбѣ и противоположности понятій, убѣжденій и вкусовъ насчетъ произведеній искусства, внимательный взоръ открываетъ, какъ и во всѣхъ великихъ явленіяхъ жизни, торжество единства, которое тѣмъ выше и поразительнѣе торжества «точности», чѣмъ, повидимому, неопредѣленнѣе и неуловимѣе для разсудка сущность искусства. Океанъ времени, смывшій съ лица земли греческія республики, вынесъ имена: Гомера, Гезіода, Эсхила, Софокла, Пиндара, Анакреона,—и теперь всѣ, считающіе себя причастниками даровъ вдохновенія, охотно или по неволѣ, все-таки дивятся этимъ именамъ. Удачно сдѣланная копія съ Аполлона Бельведерскаго возбуждаетъ всеобщій восторгъ, а оригиналамъ, состоящимъ изъ двухъ кусковъ мрамора, нѣтъ цѣны. Невѣжды, зѣвающіе отъ драмъ Шекспира и втайнѣ предпочитающіе имъ мыльные пузыри водевилей, вслухъ хвалятъ Шекспира и оскорбляются, если съ нимъ сравниваютъ кого бы то ни было. Но это работа времени: въ нестротѣ современности торжество единства мнѣнія еще поразительнѣе, ибо оно есть вмѣстѣ и торжество разумности надъ близорукою ограниченностью, надъ борьбою мелкихъ страстей. Пушкинъ явился у насъ во времена классической неподвижности, и потому какъ благосклонно и привѣтливо встрѣтило его молодое поколѣніе, такъ непріязненно и сурово приняло его старое поколѣніе, и въ особенности записные

поэты, литераторы и словесники того времени. Но истина взяла свое,—и, несмотря на смѣшанные крики и ожесточенные споры, *общее мнѣніе* тотчасъ же превознесло имя молодаго поэта превыше всѣхъ поэтическихъ лауреатовъ, прежде его и при немъ бывшихъ.

Но это торжество единства надъ разнообразіемъ и противорѣчіемъ во мнѣніяхъ о такомъ неопредѣленномъ и неточномъ предметѣ, каково искусство, выходитъ не изъ множества, не изъ толпы, но отъ немногихъ и избранныхъ переходитъ въ толпу. Не всѣ могутъ и не всѣ должны понимать изящное; его понимаютъ только немногіе, избранные. Кто, по натурѣ своей, есть духъ отъ духа,—тотъ по праву рожденія причастенъ всѣхъ даровъ духа, недоступныхъ плоти и ея душѣ—разсудку. *Разсудокъ* становитъ человѣка выше всѣхъ животныхъ; но только *разумъ* дѣлаетъ его человѣкомъ по превосходству. Разсудокъ не шагаетъ далѣе «точныхъ» наукъ и не понимаетъ ничего, выходящаго изъ тѣснаго круга «полезнаго» и «насущнаго»; разумъ же объемлетъ безконечную сферу сверхъ-опытнаго и сверхъ-чувственнаго, дѣлаетъ яснымъ непостижное, очевиднымъ—неопредѣленное, опредѣленнымъ—«неточное». Искусство принадлежитъ къ этой сферѣ бытія, доступной только разуму—и потому понимать поэзію нельзя выучиться, такъ же, какъ нельзя выучиться писать стихи. Воспріемлемость впечатлѣній изящнаго есть своего рода талантъ: она не пріобрѣтается ни наукою, ни образованіемъ, ни упражненіемъ, но дается природою. Постиженіе поэзіи есть откровеніе духа, а таинство откровенія сокрывается въ натурѣ человѣка; между-тѣмъ, извѣстно, что натуры людей разнообразны до безконечности и представляютъ собою безконечную лѣствицу съ безконечными ступенями—снизу вверхъ или сверху внизъ, смотря по тому, съ котораго конца будете смотрѣть на нее. Поэзія первоначально воспринимается сердцемъ, и уже имъ передается головѣ. Потому, чье сердце жестко и черство отъ природы для воспринятія впечатлѣній изящнаго,—окружите его съ малолѣтства произведеніями искусства, толкуйте ему цѣлую жизнь о поэзіи,—онъ пріобрѣтетъ только навыкъ къ ея формамъ и пріучится судить о ихъ внѣшней отдѣлкѣ; но сущность творчества навсегда останется для него тайною, которой онъ и подозрѣвать не будетъ. И такихъ людей, чуждыхъ поэзіи по натурѣ своей, несравненно больше, чѣмъ людей, одаренныхъ инстинктомъ изящнаго. Почему же это?—Потому же, почему число художниковъ относится къ толпѣ, какъ единица къ милліону.—А почему же существуетъ это отношеніе? На такой вопросъ даетъ превосходный отвѣтъ Моцартъ Пушкина, говоря Сальери:

Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
Гармоніи! Но нѣтъ: тогда бъ не могъ
И міръ существовать; никто бъ не сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой жизни;
Всѣ предались бы вольному искусству,
Насъ мало избранныхъ счастливцевъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единаго прекраснаго жрецовъ.

*

Обыкновенно, толпа такъ же холодна и равнодушна къ искусству, какъ приверженна и предана пользѣ;—и поэтъ имѣетъ полное право, въ порывѣ благороднаго негодованія, отвѣчать на ея безмысленные крики:

Молчи, безсмысленный народъ,
Поденьщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
Ты червь земли, не сынъ небесъ;
Тебѣ бы пользы все—на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ!.. Такъ что же!
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты нищу въ немъ себѣваришь... [2]).

Но чѣмъ равнодушнѣе и холоднѣе толпа къ дѣлу искусства, тѣмъ выше и поразительнѣе торжество искусства надъ толпою: невольно подчиняясь вліянію избранниковъ природы, оно признаетъ его *автономію* *), не смотря на его «неточность», и тѣмъ самымъ дѣлаетъ явнымъ единодержавіе разума. И поэтъ, существо, называющее пользу—этотъ идолъ толпы—презрѣнною, поэтъ возбуждаетъ къ себѣ суевѣрное удивленіе толпы, сбираетъ дань ея рукоплесканій, возбуждаетъ въ ней восторгъ своимъ появленіемъ. Это такое явленіе, передъ которымъ поневолѣ задумается самый жаркій поклонникъ «полезнаго», постигшій всю глубину «точной» премудрости...

Итакъ, оставимъ въ сторонѣ всѣхъ враговъ изящнаго; забудемъ о равнодушіи толпы къ дѣлу искусства и не будемъ бояться, что одни насъ не поймутъ, другіе съ нами не согласятся, а третьи будутъ надъ нами смѣяться—и возвратимся къ вопросу, которымъ мы начали статью: что̀ такое поэзія? Только во дни кипучей и неискушенной опытами жизни юности, человѣку сродно питать благородное, но несбыточное желаніе—увѣрить весь свѣтъ въ истинѣ своихъ убѣжденій, одинаковымъ языкомъ и одинаковымъ жаромъ говорить со всѣми о томъ, что̀ доступно только нѣкоторымъ, и огорчаться, что нѣкоторые не понимаютъ того, чего и не дано, и не нужно имъ понимать... Будемъ говорить для всѣхъ и всѣмъ, но будемъ надѣяться только на отзывъ немногихъ... И что̀ жъ—развѣ это не великое счастіе—пробудить полетъ къ высокому въ иной дремлющей душѣ? развѣ это не великое счастіе—родить въ себѣ сочувствіе въ сердцѣ, котораго мы никогда не знали и не узнаемъ, которое живетъ, можетъ-быть, въ далекомъ отъ насъ уголку этого міра, но которое отъ нашихъ строкъ забьется въ ладъ съ нашимъ сердцемъ и, въ общемъ человѣческомъ интересѣ, сознаетъ свое родство съ нами по духу, въ ознаменованіе торжества духа надъ условіями пространства и времени!..

---

*) *Автономія* есть право предмета, основанное не на внѣшнихъ уваженіяхъ, какъ-то пользѣ, преданіи (traditio), или постороннемъ авторитетѣ, но на сущности самого предмета. Впрочемъ, это слово довольно удовлетворительно объяснено даже въ русскомъ «Энциклопедическомъ Лексикопѣ». Любопытные могутъ справиться въ первомъ его томѣ.

Что же такое поэзія?—спрашиваете вы, желая скорѣе услышать рѣшеніе интереснаго для васъ вопроса, или, можетъ быть, лукаво желая привести насъ въ смущеніе отъ сознанія нашего безсилія рѣшить столь важный и трудный вопросъ... То или другое—все равно; но прежде, чѣмъ мы вамъ отвѣтимъ, сдѣлаемъ вопросъ и вамъ, въ свою очередь. Скажите: какъ назвать то, чѣмъ отличается лицо человѣка отъ восковой фигуры, которая чѣмъ съ бо́льшимъ искусствомъ сдѣлана, чѣмъ похожѣе на лицо живаго человѣка,—тѣмъ большее возбуждаетъ въ насъ отвращеніе? Скажите: чѣмъ отличается лицо живого человѣка отъ лица покойника?—Вѣдь форма одинаково правильна въ томъ и другомъ, тѣ же части и та же же соотвѣтственность и стройность въ частяхъ. Отъ-чего эти глаза такъ свѣтлы, такъ полны смысла и разумности, что вы читаете въ нихъ какую-то мысль, что они какъ-будто хотятъ сказать вамъ что-то задушевное и любовное; а тѣ—такъ тусклы, стеклянны!.. Дѣло ясное: въ первыхъ есть жизнь, а во вторыхъ ея нѣтъ. Но что̀ же такое эта «жизнь»? Мы знаемъ процессы человѣческаго тѣла, знаемъ, что жизнь человѣка въ его организмѣ, что она продолжается вмѣстѣ съ обращеніемъ крови въ его жилахъ и прекращается вмѣстѣ съ прекращеніемъ кровообращенія; но мы знаемъ также, что нашъ организмъ не машина, которая заводится или останавливается, подобно часамъ, чрезъ извѣстное колесо, или извѣстный органъ. И чѣмъ дальше углубимся мы въ таинство организма, чѣмъ, повидимому, ближе будемъ къ тайнѣ жизни,—тѣмъ на самомъ дѣлѣ будемъ дальше отъ нея, тѣмъ неуловимѣе будетъ она для насъ. Но мертвые бываютъ и между живыми, такъ же, какъ и живые между мертвыми, ибо что̀ жизнь для животнаго, то смерть для человѣка; что̀ жизнь для Ирокеза, то смерть для Европейца; что жизнь для раба житейскихъ нуждъ и пользы, который ничего не видитъ дальше удовлетворенія потребностямъ голода и кармана, или мелкаго тщеславія,—то смерть для человѣка мыслящаго и чувствующаго. И что существуетъ въ идеѣ, то выражается въ формахъ: посмотрите, какое животное лицо у этого человѣка, съ сонными и мутными глазами, съ апатическимъ выраженіемъ,—толстаго, одержимаго одышкою, сейчасъ только плотно покушавшаго,—и посмотрите, какимъ огнемъ сверкаютъ черные глаза этого худощаваго, блѣднолицаго человѣка, какая подвижность въ его физіономіи, сколько страсти въ его голосѣ! Не правда ли, первый—мертвецъ; другой—полонъ жизни? Но жизнь безконечно-разнообразна въ своихъ проявленіяхъ. Тигръ полонъ жизни въ сравненіи съ черепахою, но жизнь его все-таки чисто-органическая, животная; ея источникъ—горячая кровь, обильные электричествомъ нервы. Такъ и въ иномъ человѣкѣ много жизни, но эта жизнь не покоритъ васъ себѣ неотразимымъ обаяніемъ, и вы готовы сказать ей:

Въ *ней* признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!
Скорѣе жизнь свою въ заботахъ истощи,
Разлей отравленный напитокъ!

Безконечное разстояніе раздѣляетъ человѣка-страсти отъ человѣка-чувства; но еще бо́льшее разстояніе раздѣляетъ человѣка оставшагося при одномъ непосредственномъ чувствѣ, отъ человѣка, въ которомъ рабскій инстинктъ, хотя бы даже и благородныхъ наклонностей, перешелъ въ свободно́е сознаніе, котораго чувство просвѣтлѣно мыслію. Нигдѣ жизнь не является столько жизнію, какъ въ сферѣ духовныхъ интересовъ и разумнаго сознанія, которые движутъ волею человѣка и поддерживаютъ ея неистощимую дѣятельность: это самый пышный цвѣтъ жизни, ея высшее развитіе, ея высшая ступень, это жизнь по превосходству; въ-сравненіи съ нею всякая другая, низшая степень жизни, есть настоящая смерть. Но жизнь всегда жизнь, въ чемъ бы ни проявлялась она, на какой бы степени развитія ни стояла. Неизмѣримо разстояніе, раздѣляющее духовную жизнь генія отъ безсознательныхъ явленій природы, но и въ природѣ, даже на самыхъ низшихъ ступеняхъ ея развитія, жизнь является святымъ и великимъ таинствомъ. Духъ человѣческій съ безграничнымъ упоеніемъ прислушивается къ прозябанію дольней лозы, къ подводному ходу морскаго гада, къ шелесту листьевъ, колеблемыхъ въ знойный полдень лѣтнимъ вѣтеркомъ: онъ сознаетъ съ ними свое родство; онъ чуетъ въ нихъ незримое присутствіе, слышитъ въ нихъ вѣяніе того же безсмертнаго духа жизни, который, подобно огню прометееву, живитъ и его собственное существованіе. Для живаго человѣка, природа всюду является одушевленною: онъ слышитъ ея голосъ и въ безмолвномъ образованіи металловъ, въ таинственной лабораторіи нѣдръ земныхъ, и въ завываніи вѣтра,—тамъ, у полюсовъ, въ царствѣ вѣчной зимы и смерти, на звонкихъ льдахъ воздымающаго пушистыя вьюги; въ приливѣ и отливѣ водъ онъ видитъ какъ-бы тяжелое, напряженное дыханіе исполинской груди сѣдаго старца-океана... Полонъ таинственной думы для души нашей чернѣющійся вдали лѣсъ, и когда подходимъ мы къ нему, нами невольно овладѣваетъ какая-то дѣтская робость, какой-то мистическій, но полный обаянія ужасъ,—и мы повторяемъ съ поэтомъ:

О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ?
Какія въ немъ сокрыты думы?
Уже ль въ его холодномъ царствѣ
Затаена живая мысль?
. . . . . .
Порой, во тьмѣ пустынной ночи,
Былыхъ вѣковъ живыя тѣни
Изъ глубины его выходятъ,
И на людей наводятъ страхъ.
Съ приходомъ дня уходятъ тѣни;
Слѣдовъ ихъ нѣтъ; лишь на вершинахъ
Одинъ туманъ, да, въ темной грусти,
Ночь безразсвѣтная лежитъ...
Какая жь тайна въ дикомъ лѣсѣ
Такъ безотчетно насъ влечетъ,
Въ забвенье погружаетъ чувство

И тайны новыя рождаетъ въ немъ?..
Ужели въ насъ духъ вѣчной жизни
Такъ безсознательно живетъ,
Что въ царствѣ безотрадной смерти
Свое величье сознаетъ...

Нѣтъ, не безсознательность, но чувство своего сродства, своей общности, своего тождества со всѣмъ великимъ царствомъ жизни, заставляетъ нашъ духъ видѣть свое отраженіе въ таинственныхъ явленіяхъ природы!.. Повидимому оторгнутый отъ общаго своею индивидуальностію, ставши въ человѣкѣ личностію,—духъ нашъ тѣмъ живѣе и глубже чувствуетъ свое таинственное единство съ безсознательною природою, которая не чувствуетъ своего единства съ нимъ... Въ природѣ нѣтъ нашего духа, но въ насъ есть духъ природы, ибо законъ бытія таковъ, что высшее необходимо заключаетъ въ себѣ низшее. Да, у духа нашего есть общее съ природою,—и это общее есть жизнь, и потому-то она говоритъ ему такимъ понятнымъ и родственнымъ языкомъ, и все въ ней влечетъ его къ себѣ, все—

И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растепій,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлаженныя ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи
Грузинки жарко-молодой...

Неисчислимы и разнообразны предметы міра, но въ нихъ есть единство, и всѣ они—частныя явленія общаго. Вотъ почему философія говоритъ, что существуетъ одно общее. Вздохи дышущей груди жизни—ея частныя явленія рождаются и умираютъ, приходятъ и преходятъ, а жизнь никогда не умираетъ, никогда не преходитъ: такъ въ океанѣ рождаются волны, и волна гонитъ волну, волна смѣняетъ волну,—а океанъ все также великъ и глубокъ, также живетъ и движется на своемъ бездонномъ, необъятномъ ложѣ;—а въ его кристаллѣ все также торжественно отражается лучезарное солнце, и все также колышется и трепещетъ ночное небо, усыпанное міріадами звѣздъ. Каждый человѣкъ есть отдѣльный и особенный міръ страстей, чувства, желаній, сознанія; но эти страсти, это чувство, это желаніе, это сознаніе—принадлежатъ не одному какому-нибудь человѣку, но составляютъ достояніе человѣческой природы, общее всѣхъ людей. И потому, въ комъ больше общаго, тотъ больше и живетъ; въ комъ нѣтъ общаго—тотъ живой мертвецъ. Чѣмъ же выражается причастность человѣка общему?—Въ доступности всему, что̀ сродно человѣческой натурѣ, что̀ составляетъ ея сущность и характеръ; въ правѣ сказать о себѣ: «я человѣкъ—и ничто человѣческое не чуждо мнѣ». Кто причастенъ общему, для того личныя выгоды и потребности житейскія—интересы второстепенные, а природа и

человѣчество—главнѣйшіе интересы. Чья личность есть выраженіе общаго, тотъ жаждетъ сочувствія ближнихъ, трепетнаго упоенія любви, кроткаго счастія дружбы, жаждетъ волненій чувства, бурь и непогодъ жизни, борьбы съ препятствіями; тотъ все понимаетъ, на все откликается: и въ раззолоченныхъ палатахъ, среди богатства и роскоши, онъ слышитъ стоны нищеты и бѣдствія, и сердце его содрогается, но не отвращается отъ ихъ пронзительныхъ диссонансовъ; окруженный всѣмъ, что горячо любитъ онъ, что зоветъ роднымъ и милымъ,—онъ откликается на вопль и слезы вѣчной разлуки и невозвратимой утраты, и плачетъ о чужомъ горѣ, котораго самъ не испыталъ; пылкій юнопа,—онъ умѣряетъ рѣзкость своихъ движеній, смягчаетъ силу своихъ порывовъ, и благоговѣйно, стыдливо, дѣвственно опускаетъ пламенные взоры въ присутствіи старца, на лицѣ котораго сіяетъ кроткій свѣтъ чувства, дрожащій голосъ котораго льется свѣтлою волною любви; согбенный лѣтами старецъ,—онъ съ умиленіемъ смотритъ на рѣзвое дѣтя, которое по зеленому лугу гонится за пестрою бабочкою; онъ радуется его дѣтской радости, принимаетъ участіе въ младенческой печали; онъ прощаетъ заблужденіе пламенной юности, снисходителенъ къ кипѣнію ея порывистыхъ страстей, онъ понимаетъ мгновенный пламень и внезапную блѣдность на ланитахъ молодой дѣвушки, ея тоскующій взоръ и нѣмую горесть, волненіе ея молодой груди, и печаль безъ горя, и страхъ безъ бѣды, и радость безъ причины... Съ благословеніемъ на устахъ, съ умиленіемъ во взорѣ, смотритъ онъ на пылкую юность, которая кружится въ вихрѣ жизни и, полная надеждъ и отваги, гордая сознаніемъ своей силы, спѣшитъ безъ оглядки на встрѣчу будущему, обольщаемая его заманчивою далью, не зная и не желая знать его предательскихъ обмановъ,—и передъ нимъ воскресаетъ прошедшее его собственной жизни, возстаютъ милые призраки и знакомые образы невозвратимо-протекшихъ лѣтъ, и вмѣсто резонерскихъ поученій и докучнаго ворчанія, онъ повторяетъ про себя съ грустно-радостною улыбкою:

. . . . Такъ было прежде
Во время оно и со мной!

Да, жить не значитъ столько-то лѣтъ ѣсть и пить, биться изъ чиновъ и денегъ, а въ свободное время бить хлопушкою мухъ, зѣвать и играть въ карты: такая жизнь хуже всякой смерти, и такой человѣкъ ниже всякаго животнаго, ибо животное, повинуясь своему инстинкту, вполнѣ пользуется всѣми средствами, данными ему отъ природы для жизни, и неуклонно выполняетъ свое назначеніе. Жить значитъ—чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать; всякая другая жизнь—смерть. И чѣмъ больше содержанія объемлетъ собою наше чувство и мысль, чѣмъ сильнѣе и глубже наша способность страдать и блаженствовать, тѣмъ больше мы живемъ: мгновеніе *такой* жизни существеннѣе ста лѣтъ, проведенныхъ въ апатической дремотѣ, въ мелкихъ дѣйствіяхъ и ничтожныхъ цѣляхъ. Способность страданія условливаетъ въ насъ способность блаженства, и незнающіе страданія не знаютъ и блаженства, неплакавшіе не воз-

радуются. Когда Мефистофель предлагаетъ Фаусту всѣ блага, всѣ наслажденія, столь высоко-цѣнимыя толпою,—Фаустъ отвѣчаетъ ему:

Не думалъ я о наслажденьяхъ.
Я кинусь въ бурный чадъ страстей,
Упьюсь восторгами мученій;
Я ненависть любви, отраду огорченій
Сыщу въ печальной жизни сей.
Святая истина отъ глазъ моихъ сокрыта,
Высокой мудрости уму не суждено.
Всѣмъ горестямъ отнынѣ грудь открыта,
И всѣмъ, что̀ человѣчеству дано,
Въ самомъ себѣ хочу я насладиться
И въ адъ, и въ небо погрузиться,
И грусть людей, и радость ихъ испить,
Съ ихъ бытіемъ свое совокупить
И съ ними наконецъ въ уничтоженьѣ слиться *).

Да, все постичь духомъ, все обнять чувствомъ, всѣмъ возобладать и ничему исключительно не покориться—вотъ жизнь! Но эта жизнь есть достояніе тѣхъ немногихъ, которые стоятъ въ главѣ человѣчества, играютъ роль его представителей. Вотъ одинъ изъ нихъ:

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья.
Мечтою по волѣ проникнуть не могъ
И въ нищую хату и въ царскій чертогъ.
Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Въ этихъ двадцати стихахъ Баратынскаго о Гёте заключается высшій идеалъ человѣческой жизни и все, что можно сказать о жизни *внутренняго* человѣка.

Но, кромѣ природы и личнаго человѣка, есть еще общество и человѣчество. Какъ бы ни была богата и роскошна внутренняя жизнь человѣка, какимъ бы горячимъ ключемъ ни била она во внѣ, и какими бы волнами не лилась черезъ край,—она неполна, если не усвоитъ въ свое содержаніе интересовъ внѣшняго ей міра, общества и человѣчества. Въ полной и здоровой натурѣ тяжело лежатъ на сердцѣ судьбы родины; всякая благородная личность глубоко сознаетъ свое кровное родство, свои кровныя связи съ отечествомъ. Общество, какъ всякая индивидуальность, есть нѣчто живое и органическое, которое

*) Изъ перевода г. Губера.

имѣетъ свои эпохи возрастанія, свои эпохи здоровья и болѣзней, свои эпохи страданія и радости, свои роковые кризисы и переломы къ выздоровленію и смерти. *Живой* человѣкъ носитъ въ своемъ духѣ, въ своемъ сердцѣ, въ своей крови, жизнь общества: онъ болѣетъ его недугами, мучится его страданіями, цвѣтетъ его здоровьемъ, блаженствуетъ его счастіемъ, внѣ своихъ собственныхъ, своихъ личныхъ обстоятельствъ. Разумѣется, въ этомъ случаѣ, общество только беретъ съ него свою дань, отторгая его отъ него самого, въ извѣстные моменты его жизни, но не покоряя его себѣ совершенно и исключительно. Гражданинъ не долженъ уничтожать человѣка, ни человѣкъ гражданина: въ томъ и другомъ случаѣ выходитъ крайность, а всякая крайность есть родная сестра ограниченности. Любовь къ отечеству должна выходить изъ любви къ человѣчеству, какъ частное изъ общаго. Любить свою родину значитъ—пламенно желать видѣть въ ней осуществленіе идеала человѣчества и по мѣрѣ силъ своихъ споспѣшествовать этому. Въ противномъ случаѣ, патріотизмъ будетъ китаизмомъ, который любитъ свое только за то, что оно свое, и ненавидитъ все чужое за то только, что оно чужое, и не нарадуется собственнымъ безобразіемъ и уродствомъ. Романъ Англичанина Морьера «Хаджи-Баба» есть превосходная и вѣрная картина подобнаго *квасnаго* (по счастливому выраженію князя Вяземскаго) патріотизма. Человѣческой натурѣ сродно любить все близкое къ ней, свое родное и кровное; но эта любовь есть и въ животныхъ, слѣдовательно, любовь человѣка должна быть выше. Это превосходство любви человѣческой передъ животною состоитъ въ разумности, которая тѣлесное и чувственное просвѣтляетъ духомъ, а этотъ духъ есть общее. Примѣръ Петра Великаго, говорившаго о родномъ сынѣ, что лучше чужой да хорошій, чѣмъ свой да негодный,—лучше всего поясняетъ и оправдываетъ нашу мысль. Конечно, изъ частнаго нельзя дѣлать правило для общаго, но можно черезъ сравненіе объяснять частнымъ общее. Можно не любить и роднаго брата, если онъ дурной человѣкъ, но нельзя не любить отечества, какое бы оно ни было: только надобно, чтобы эта любовь была не мертвымъ довольствомъ тѣмъ, что̀ есть, но живымъ желаніемъ усовершенствованія; словомъ—любовь къ отечеству должна быть вмѣстѣ и любовью къ человѣчеству.

И вотъ мы сказали о жизни все, что̀ хотѣли сказать о ней, и хотя, по-видимому, отдалились черезъ это отъ нашего вопроса, но въ сущности только приблизились къ его рѣшенію.

Поэзія есть выраженіе жизни, или, лучше сказать, сама жизнь. Мало этого: въ поэзіи жизнь болѣе является жизнью, нежели въ самой дѣйствительности.

Отсюда вытекаетъ новый вопросъ, рѣшеніе котораго и будетъ рѣшеніемъ вопроса о поэзіи,—вопросъ: если сама жизнь заключаетъ въ себѣ столько поэзіи, такъ, что въ сущности своей жизнь и поэзія тождественны,—то зачѣмъ-же же еще другая поэзія, и какую необходимость можетъ носить въ себѣ искусство, и какое самостоятельное значеніе можетъ имѣть оно?

Много прекраснаго въ живой дѣйствительности, или, лучше сказать, все

прекрасное заключается только въ живой дѣйствительности; но чтобъ насладиться этою дѣйствительностію, мы сперва должны овладѣть ею въ нашемъ разумѣніи, а это возможно только при двухъ условіяхъ: мы должны обнимать ее въ цѣлости и притомъ предметно, такъ чтобъ наша личность, наши отношенія не заслоняли ея отъ насъ. И мы этимъ пользуемся, но только въ рѣдкія минуты восторга, въ нежданныя мгновенія какого-то внезапнаго внутренняго откровенія; по-большей-части, мы теряемся во множествѣ частностей и, не видя за ними цѣлаго, ничего въ нихъ не понимаемъ. Даже собственныя наши чувства только тогда бываютъ предметомъ нашего наслажденья, когда мы освобождаемся отъ ихъ томящей тяжести, или отъ ихъ трепетнаго волненія, въ которомъ занимается дыханіе, теряется сознаніе, и когда мы возобновляемъ ихъ въ воспоминаніи. Настоящее никогда не наше, ибо поглощаетъ насъ собою; и самая радость въ настоящемъ тяжела для насъ, какъ и горе, ибо не мы ею, но она нами преобладаетъ. Чтобъ насладиться ею, мы должны отойдти отъ нея на извѣстное разстояніе, какъ отъ картины, по требованіямъ освѣщенія, — должны взглянуть на нее, свободные отъ нея, какъ на нѣчто внѣ насъ находящееся, *предметное*. Вотъ отчего мы облегчаемся отъ томительной тяжести горя, какъ скоро сообщимъ его другому, или изольемъ его на бумагѣ для самихъ же себя: мы видимъ его отдѣленнымъ отъ нашей личности, наша личность не заслоняетъ его отъ насъ,—и тогда намъ мило наше горе, мы любимъ вспоминать о немъ, любимъ говорить о немъ, какъ воинъ о своихъ походахъ и опасностяхъ, которымъ онъ подвергался. Все прошедшее получаетъ для насъ новый колоритъ, является какъ-бы преображеннымъ: счастіе кажется лучшимъ, нежели тогда, какъ мы имъ наслаждались; въ самомъ несчастіи видимъ мы одну поэтическую сторону. Причина этому та, что отдаленность скрадываетъ отъ нашихъ глазъ всѣ неровности, случайности, нечистыя пятна, которыя вблизи первыя бросаются въ глаза. Въ дѣйствительности все покорено законамъ пространства и времени, естественнымъ требованіямъ: и герои ѣдятъ, пьютъ, чувствуютъ холодъ и голодъ, какъ и обыкновенные люди. Вы видите въ природѣ прекрасный ландшафтъ, но какъ?—непремѣнно вдалекѣ и притомъ съ извѣстной точки зрѣнія: отдаленность придаетъ ему живописную прелесть, точка зрѣнія придаетъ ему цѣлость. Сдѣлайте шагъ, перемѣните точку зрѣнія—и ландшафтъ исчезъ: передъ вами что-то нестройное, разбросанное, безъ начала, безъ конца и середины, безъ всякой общности, безъ всякой физіономіи. Подойдите вблизь къ очаровавшему васъ ландшафту—и вы очутитесь у какой-нибудь негодной избушки, дрянной мельницы, ничтожнаго ручья, обыкновенной рощи, гдѣ на каждомъ шагу спотыкаетесь отъ неровностей, или попадаете въ лужу. А издалека все было такъ чисто, опрятно, красиво, цѣлостно, обрамлено,—настоящая *картина!* Итакъ, картина лучше дѣйствительности? Да, ландшафтъ, созданный на полотнѣ талантливымъ живописцемъ, лучше всякихъ живописныхъ видовъ въ природѣ. Отчего же?—Отъ того, что въ немъ нѣтъ ничего случайнаго и лишняго, всѣ части подчинены цѣлому, все направлено къ одной цѣли, все образуетъ

собою одно прекрасное, цѣлостное и индивидуальное. Дѣйствительность прекрасна сама-по-себѣ, но прекрасна по своей сущности, по своимъ элементамъ, по своему содержанію, а не по формѣ. Въ этомъ отношеніи, дѣйствительность есть чистое золото, но не очищенное, въ кучѣ руды и земли: наука и искусство очищаютъ золото дѣйствительности, перетопляютъ его въ изящныя формы. Слѣдовательно, наука и искусство не выдумываютъ новой и небывалой дѣйствительности, но у той, которая была, есть и будетъ, берутъ готовые матеріалы, готовые элементы, словомъ—готовое содержаніе; даютъ имъ приличную форму, съ соразмѣрными частями и доступнымъ для нашего взора объемомъ со всѣхъ сторонъ. Что Петръ Великій создалъ въ Россіи армію и флотъ — это фактъ исторической дѣйствительности; но исторія, излагая это дѣло, беретъ изъ него только главныя характеристическія черты, выпуская подробности: не ея дѣло описывать, какъ набирали солдатъ и матросовъ, какъ учили каждаго изъ нихъ, и прочее [3]). Шекспиръ въ ограниченномъ объемѣ драмы сосредоточиваетъ всю жизнь историческаго лица, напр., какого-нибудь Ричарда II, или важнѣйшее событіе изъ жизни героя, которое въ дѣйствительности могло совершиться только въ нѣсколько лѣтъ. Онъ включаетъ въ свою драму только тѣ черты изъ жизни ея героя, только тѣ факты изъ событія, избраннаго для драматической картины, которые имѣютъ прямое отношеніе къ идеѣ его созданія, а все прочее, хотя бы само-по-себѣ и интересное, но не относящееся къ основной идеѣ его произведенія, онъ исключаетъ, какъ ненужное. Хотя рамы романа и несравненно обширнѣе стѣсненныхъ рамъ драмы, хотя романистъ пользуется и несравненно-бо́льшею противъ драматурга свободою; но любой романъ Вальтера Скотта или Купера не отниметъ у насъ больше дня безпрерывнаго чтенія, а подробное описаніе, въ родѣ мемуаровъ, года жизни каждаго человѣка наполнило бы собою въ десятеро бо́льшее число томовъ, нежели цѣлая жизнь героя, или важнѣйшее событіе изъ нея въ романѣ, состоящемъ изъ четырехъ небольшихъ книжекъ. Поэтъ не обязанъ описывать, какъ герой его романа обѣдалъ каждый разъ; но поэтъ можетъ изобразить одинъ изъ его обѣдовъ, если этотъ обѣдъ имѣлъ вліяніе на его жизнь, или если въ этомъ обѣдѣ можно представить характеристическія черты обѣдовъ извѣстнаго народа въ извѣстную эпоху. Если герой романа рыцарь, то поэту не для чего описывать всѣ его поединки и сраженія, которые у каждаго рыцаря были такъ часты и обыкновенны, какъ у русскаго купца питье чая; но поэтъ можетъ описать важнѣйшіе поединки и сраженія своего героя, или даже и одинъ поединокъ, если только въ немъ духъ рыцарства выразился столь характеристически, что новое описаніе въ этомъ родѣ ничего не дополнитъ, или если характеръ героя въ немъ обозначился такъ полно и рѣзко, что мы, по одному его поединку, знаемъ уже, какъ бы онъ сталъ сражаться въ тысячѣ другихъ. Для поэта не существуютъ дробныя и случайныя явленія, но только одни идеалы, или типическіе образы, которые относятся къ явленіямъ дѣйствительности, какъ роды къ видамъ, и которые, при всей своей индивидуальности и особности, заключаютъ въ себѣ всѣ общія, ро-

довыя примѣты цѣлаго рода явленій въ возможности, выражающихъ собою одну извѣстную идею. И потому каждое лицо въ художественномъ произведеніи есть представитель безчисленнаго множества лицъ одного рода, и потому-то мы говоримъ: этотъ человѣкъ настоящій Отелло, эта дѣвушка совершенная Офелія. Такія имена, какъ *Онѣгинъ*, *Ленскій*, *Татьяна*, *Ольга*, *Загорѣцкій*, *Фамусовъ*, *Скалозубъ*, *Молчалинъ*, *Репетиловъ*, *Хлестова*, *Сквозникъ-Дмухановскій*, *Бобчинскій*, *Добчинскій*, *Держиморда* и прочіе—суть какъ бы не собственныя, а нарицательныя имена, общія характеристическія названія извѣстныхъ явленій дѣйствительности. И потому-то въ наукѣ и искусствѣ, дѣйствительность больше похожа на дѣйствительность, чѣмъ въ самой дѣйствительности,—и художественное произведеніе, основанное на вымыслѣ, выше всякой были, а историческій романъ Вальтера Скотта, въ отношеніи къ нравамъ, обычаямъ, колориту и духу извѣстной страны въ извѣстную эпоху, достовѣрнѣе всякой исторіи. Наука отвлекаетъ отъ фактовъ дѣйствительности ихъ сущность—идею; а искусство, заимствуя у дѣйствительности матеріалы, возводитъ ихъ до общаго, родоваго, типическаго значенія, создаетъ изъ нихъ стройное цѣлое. Какъ повидимому ни нелѣпа мысль французскихъ эстетиковъ прошлаго вѣка, что искусство должно украшать природу, но въ ней есть своя часть истины; только они не поняли самихъ себя, и, по разсудочному противорѣчію, отрицая простое списываніе съ природы, приняли подражаніе природѣ, хотя и украшенной. И если ихъ подражанія были манерны, искусственны и мертвы, то не дальше ихъ ушли и эти quasi романтическія списыванія съ натуры, въ которыхъ красуются мужицкія побранки и поговорки во всей ихъ неопрятной естественности. Можно очень натурально изобразить пытку, казнь, несчастную смерть человѣка, упавшаго въ нетрезвомъ видѣ въ помойную яму,—но всѣ эти изображенія будутъ возмутительны для души, неизящны и безсмысленны, ибо въ нихъ не будетъ никакой разумной мысли, никакой разумной цѣли. Но когда живописецъ представитъ вамъ естественно истязаніе человѣка за истину, и въ лицѣ его выразитъ побѣду душевной твердости надъ физическимъ страданіемъ,—то чѣмъ больше въ картинѣ будетъ естественности, тѣмъ картина будетъ изящнѣе и художественнѣе, ибо въ ней будетъ видна разумная цѣль и разумная мысль. Что̀ дѣйствительно, то разумно, и что̀ разумно, то и дѣйствительно: это великая истина; но не все то дѣйствительно, что̀ есть въ дѣйствительности, а для художника должна существовать только разумная дѣйствительность [4]). Но и въ отношеніи къ ней, онъ не рабъ ея, а творецъ, и не она водитъ его рукою, но онъ вноситъ въ нее свои идеалы и по нимъ преображаетъ ее.

Итакъ, поэзія есть жизнь по преимуществу, есть сущность, такъ сказать, тончайшій эоиръ, тройль-экстрактъ, квинт-эссенція жизни. Поэзія не описываетъ розы, которая такъ пышно цвѣтетъ въ саду, но, отбросивъ грубое вещество, изъ котораго она составлена, беретъ отъ нея только ея ароматическій запахъ, нѣжные переливы ея цвѣта, и создаетъ изъ нихъ свою розу, которая еще лучше и пышнѣе. Поэзія—это невинная улыбка младенца, его ясный взоръ,

его звонкій смѣхъ и живая радость. Поэзія—это стыдливый румянецъ на лицахъ прекрасной дѣвушки, кроткій блескъ ея глубокихъ, какъ море, какъ небеса, голубыхъ очей, или яркій огонь ея черныхъ глазъ, волны кудрей, разбѣжавшихся по ея мраморнымъ плечамъ, волненіе ея пѣжной груди, гармонія ея серебрянаго голоса, музыка ея чарующихъ рѣчей, стройность ея стана, художественная рельефность и роскошь ея живыхъ формъ, граціозность и нѣга ея плѣнительныхъ движеній... Поэзія—это огненный взоръ юноши, кипящаго избыткомъ силъ; это его отвага и дерзость, его жажда желаній, неудержимые порывы его стремленія—сжать въ пламенныхъ объятіяхъ и небо и землю, разомъ осушить до дна неистощимую чашу жизни... Поэзія—это сосредоточенная, овладѣвшая собою сила мужа, вполнѣ созрѣвшаго для жизни, искушеннаго ея опытами, съ уравновѣшенными силами духа, съ просвѣтленнымъ взоромъ, готоваго на битву и на подвигъ... Поэзія—это тихій блескъ безцвѣтныхъ глазъ старца, кроткое какъ ласка, глубокое какъ дума, выраженіе сіяющаго блескомъ нездѣшней жизни морщиноватаго лица его, спокойный и полный души звукъ его дрожащаго и прерывающагося голоса, его тихая и важная рѣчь, любящая и величавая улыбка его мудрыхъ устъ... Поэзія—это свѣтлое торжество бытія, это блаженство жизни, нежданно посѣщающія насъ въ рѣдкія минуты; это упоеніе, трепетъ, млѣніе, нѣга страсти, волненіе и буря чувствъ, полнота любви, восторгъ наслажденія, сладость грусти, блаженство страданія, ненасытимая жажда слезъ: это страстное, томительное, тоскливое порываніе куда-то, въ какую-то всегда обольстительную и никогда недостигаемую сторону,—это вѣчная и никогда неудовлетворимая жажда все обнять и со всѣмъ слиться; это тотъ божественный наѳосъ, въ которомъ сердце наше бьется въ одинъ ладъ со вселенною; предъ упоеннымъ взоромъ летаютъ безъ покрова безплотныя видѣнія высшаго бытія, а очарованному слуху слышится гармонія сферъ и міровъ,—тотъ божественный наѳосъ, въ которомъ земное сіяетъ небеснымъ, а небесное сочетавается съ земнымъ, и вся природа является въ брачномъ блескѣ, разгаданнымъ іероглифомъ помирившагося съ нею духа... Весь міръ, всѣ цвѣты, краски и звуки, всѣ формы природы и жизни, могутъ быть явленіями поэзіи; но сущность ея—то, что̀ скрывается въ этихъ явленіяхъ, живитъ ихъ бытіе, очаровываетъ въ нихъ игрою жизни. Поэзія—это біеніе пульса міровой жизни, это ея кровь, ея огонь, ея свѣтъ и солнце [5]).

Поэтъ—благороднѣйшій сосудъ духа, избранный любимецъ небесъ, таинникъ [6] природы, эолова арфа чувствъ и ощущеній, органъ міровой жизни. Еще дитя, онъ уже сильнѣе другихъ сознаетъ свое родство со вселенной, свою кровную связь съ нею; юноша—онъ уже переводитъ на понятный языкъ ея нѣмую рѣчь, ея таинственный лепетъ... Но послушаемъ лучше самого поэта: свидѣтельство, которому нельзя не повѣрить. Онъ говоритъ:

Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,

Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой рифмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйной,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчи тихоструйной.

Есть еще другіе стихи Пушкина, болѣе чудные, болѣе глубокіе, и потому самому незнаемые толпою и извѣстные только немногимъ истиннымъ поклонникамъ и жрецамъ изящнаго; въ этихъ стихахъ заключается полнѣйшая характеристика поэта и высочайшая апоѳеоза художника. Поэтъ обращается къ *эху:*

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ —
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жь нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

Да, все, чѣмъ живетъ міръ и что̀ живетъ въ мірѣ—находитъ свой отзывъ во всеобъемлющей груди поэта; и ни одно существо на землѣ не имѣетъ бо̀льшаго права примѣнить къ себѣ слова Фауста:

Всевышній духъ! Ты все, ты все мнѣ далъ,
О чемъ тебя я умолялъ;
Не даромъ зрѣлся мнѣ
Твой ликъ сіяющій въ огнѣ.
Ты далъ природу мнѣ, какъ царство, во владѣнье;
Ты далъ душѣ моей
Даръ чувствовать ее, далъ силу наслаждаться.
Иной едва скользитъ по ней
Холоднымъ взглядомъ удивленья;
Но я могу въ ея таинственную грудь,
Какъ въ сердце друга, заглянуть *).

*) Переводъ Веневитинова.

Но кто же онъ, самъ поэтъ, въ-отношеніи къ прочимъ людямъ?—Это организація воспріимчивая, раздражительная, всегда дѣятельная, которая при малѣйшемъ прикосновеніи даетъ отъ себя искры электричества, которая болѣзненнѣе другихъ страдаетъ, живѣе наслаждается, пламеннѣе любитъ, сильнѣе ненавидитъ; словомъ—глубже чувствуетъ; натура, въ которой развиты въ высшей степени обѣ стороны духа—и пассивная и дѣятельная. Уже по самому устройству своего организма, поэтъ больше, чѣмъ кто-нибудь, способенъ вдаваться въ крайности, и, возносясь превыше всѣхъ къ небу, можетъ-быть, ниже всѣхъ падаетъ въ грязь жизни. Но и самое паденіе его не то, что̀ у другихъ людей: оно слѣдствіе ненасытимой жажды жизни, а не животной алчбы денегъ, власти и отличій. Эта жажда жизни въ немъ такъ велика, что за одну минуту упоенія страсти, за одинъ мигъ полноты чувства, онъ готовъ жертвовать всѣмъ своимъ будущимъ, всѣми надеждами, всею остальною жизнію. У него—по выраженію Гезіода—*пѣснь всегда на умѣ, а въ груди сердце беззаботное* *). Когда онъ чувствуетъ приближеніе бога и обдумываетъ зарождающееся въ немъ новое созданіе, тогда—

Пройдя безъ шума близь него,
Не нарушай холоднымъ словомъ
Его священныхъ, тихихъ сновъ!
Взгляни съ слезой благоговѣнья,
И молви: это сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья!

Когда онъ творитъ—онъ царь, онъ властелинъ вселенной, повѣренный тайнъ природы, прозирающій въ таинства неба и земли, природы и духа человѣческаго, только ему одному открытыя; но когда онъ находится въ обыкновенномъ земномъ расположеніи — онъ *человѣкъ*, но человѣкъ, который можетъ быть ничтожнымъ, и никогда не можетъ быть низкимъ, который чаще другихъ можетъ падать, но который такъ же быстро возстаетъ, какъ падаетъ,—который всегда готовъ отозваться на голосъ, несущійся къ нему отъ его родины — неба. Но послушаемъ его собственной исповѣди:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира;
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межь дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется

*) „Теорія Поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ“ С. Шевырева, стран. 18.

Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ
Въ широкошумныя дубровы...

Какая цѣль поэзіи?—вопросъ, который для людей, обдѣленныхъ отъ природы эстетическимъ чувствомъ, кажется такъ важенъ и неудоборѣшимъ. Поэзія не имѣетъ никакой цѣли внѣ себя, но сама-себѣ есть цѣль, такъ же, какъ истина въ знаніи, какъ благо въ дѣйствіи [7]). Не все ли намъ равно—знать или не знать, что не относится къ нашей жизни или нашимъ выгодамъ, что и высоко и далеко отъ насъ, какъ это небо, котораго и безконечно-малой частицы никогда не придвинемъ мы къ себѣ всѣми телескопами? Однакожь астрономъ посвящаетъ всю жизнь свою этому небу,—и открытіе новой звѣзды, которая не прибавитъ ни полтины къ его годовому доходу, дѣлаетъ его счастливымъ и блаженнымъ. Развѣ потому должны мы любить добро, что насъ за него хвалятъ или награждаютъ? Развѣ мы должны отрекаться отъ него и сворачивать на широкую дорогу зла, какъ скоро увидимъ, что добро не только не приноситъ намъ никакихъ процентовъ, но еще подвергаетъ насъ гоненіямъ и несчастіямъ? Подобно истинѣ и благу, красота есть сама-себѣ цѣль и по праву царствуетъ надъ вселенной только властію своего имени, неотразимымъ обаяніемъ своего дѣйствія на души людей. Вотъ въ ярко-освѣщенную, великолѣпную залу входитъ красавица,—и трепещетъ пылкая юность, разглаживаются морщины на челѣ старости, улыбка радости проясняетъ сонныя отъ пустоты и скуки лица; кажется, царства мало за одинъ взглядъ ея; лавровый вѣнокъ героя, лучезарный ореолъ поэта готовы пасть къ ногамъ ея, лишь бы только захотѣла она замѣтить ихъ... А между тѣмъ, вы въ лицѣ ея тщетно отыскиваете выраженія какой-нибудь опредѣленной идеи, оттѣнка какого-нибудь опредѣленнаго чувства: ничего, ничего, кромѣ безбрежнаго моря красоты и граціи, въ которомъ тонутъ ваши очарованные взоры, исчезаетъ все существо ваше... Объясните мнѣ: для чего такая красота, какая цѣль ея,—и я объясню вамъ со всевозможною ясностію и даже «точностію», для чего существуетъ поэзія, какая цѣль ея... И еслибы нашлись люди, надъ которыми красота не имѣетъ никакой власти, не будемъ спорить съ ними! Хладные скопцы (по выраженію Пушкина), лишенные огня прометеева,—стоятъ ли они словъ, и имъ ли можно растолковать, почему дилеттантъ [8]) такъ благоговѣйно и цѣломудренно любуется обнаженною красотою Венеры Медичейской, и за обломокъ древней капители, барельефа, или камѳю, готовъ жертвовать всѣмъ достояніемъ своимъ, съ безумною горячностію любовника, которому и жизни не жаль за одну улыбку возлюбленной...

НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ГОСУДАРСТВЕННАГО УНИВЕРСИТЕТА

Вотъ какъ понималъ красоту «божественный Платонъ», и какъ во всѣ вѣка будутъ понимать ее умы благородные и возвышенные:

Наслажденіе красотою въ этомъ земномъ мірѣ возможно въ человѣкѣ только по воспоминанію той единой, истинной и совершенной красоты, которую душа припоминаетъ себѣ въ первоначальной ея родинѣ. Вотъ почему зрѣлище прекраснаго на землѣ, какъ воспоминаніе о красотѣ горней, способствуетъ тому, чтобъ окрылять душу къ небесному и возвращать ее къ божественному источнику всякой красоты.

Красота была свѣтлаго вида въ то время, когда мы, счастливымъ хоромъ, слѣдовали за Діемъ, въ блаженномъ видѣніи и созерцаніи, другіе же за другими богами; мы зрѣли и совершали блаженнѣйшее изъ всѣхъ таинствъ; пріобщились ему всецѣлые, не причастные бѣдствіямъ, которыя въ позднее время насъ посѣтили; погружались въ видѣнія совершенныя, простыя, нестрашныя, но радостныя, и созерцали ихъ въ свѣтѣ чистомъ, сами будучи чисты и не запятнаны тѣмъ, что́ мы, нынѣ влача съ собою, называемъ тѣломъ, мы, заключенные въ него, какъ въ раковину.

Красота одна получила здѣсь этотъ жребій: быть пресвѣтлою и достойною любви. Не вполнѣ посвященный, развратный стремится къ самой красотѣ, не взирая на то, что носитъ ея имя; онъ не благоговѣетъ передъ нею, а подобно четвероногому, ищетъ одного чувственнаго наслажденія, хочетъ слить прекрасное съ своимъ тѣломъ... Напротивъ того, вновь посвященный, увидѣвъ богамъ подобное лицо, изображающее красоту, сначала трепещетъ; его объемлетъ страхъ; потомъ, созерцая прекрасное, какъ бога, онъ обожаетъ, и еслибы не боялся, что назовутъ его безумнымъ, онъ принесъ бы жертву предмету любимому... *).

Какъ красота, такъ и поэзія—выразительница и жрица красоты, сама себѣ цѣль, и внѣ себя не имѣетъ никакой цѣли. Если она возвышаетъ душу человѣка къ небесному, настроиваетъ ее къ благимъ дѣйствіямъ и чистымъ помысламъ—это уже не цѣль ея, а прямое дѣйствіе, свойство ея сущности; это дѣлается само-собою, безъ всякаго предначертанія со стороны поэта. Поэтъ есть живописецъ, а не философъ. Всегдашній предметъ его картинъ и изображеній есть «полное славы творенье»—міръ со всею безконечностію и разнообразіемъ его явленій. Поэзія говоритъ душѣ образами,—и ея образы суть выраженіе той вѣчной красоты, первообразъ которой блещетъ въ мірозданіи и во всѣхъ частныхъ явленіяхъ и формахъ природы. Поэзія не терпитъ отвлеченныхъ идей въ ихъ безтѣлесной наготѣ, но самыя отвлеченныя понятія воплощаетъ въ живые и прекрасные образы, въ которыхъ мысль сквозитъ, какъ свѣтъ въ граненомъ хрусталѣ. Поэтъ видитъ во всемъ формы, краски, и всему даетъ форму и цвѣтъ, овеществляетъ невещественное, дѣлаетъ земнымъ небесное—да свѣтитъ земное небеснымъ свѣтомъ! Для поэта, всѣ явленія въ мірѣ существуютъ сами-по-себѣ; онъ переселяется въ нихъ, живетъ ихъ жизнію, и съ любовію лелѣетъ ихъ на своей груди, такъ, какъ они есть, не измѣняя по своему произволу ихъ сущности.

---

*) „Теорія Поэзіи въ ист. разв. у др. и нов. народовъ". *С. Шевырева*, стр. 31—32.

Это не значитъ, чтобъ поэтъ не могъ отрываться отъ созерцанія міра, взятаго въ самомъ-себѣ, и вносить въ него свой идеалъ, чтобъ лиру пѣснопѣнія, кинжалъ трагедіи и трубу эпопеи не могъ онъ мѣнять на громы благороднаго негодованія и даже на свистокъ сатиры; молитву оставлять для проповѣди, и прошедшее, міровое и вѣчное, забывать на минуту для современности и общества; но смѣшно требовать, чтобъ въ этомъ онъ увидѣлъ цѣль своей жизни и за долгъ себѣ поставилъ подчинить свое свободное вдохновеніе разнымъ «текущимъ потребностямъ». Свободный какъ вѣтеръ, онъ повинуется только внутреннему своему призванію, таинственному голосу движущаго имъ бога, а на крики *тупой* черни, которая бы стала приставать къ нему, въ своей дикой слѣпотѣ:

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй;
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя—

онъ можетъ и долженъ отвѣчать, если только стоитъ она отвѣта:

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ!
Душѣ противны вы какъ гробы,
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры:
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ—полезный трудъ!
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ! [9])

Поэтъ не подражаетъ природѣ, но соперничествуетъ съ нею,—и его созданія исходятъ изъ того же источника, тѣмъ же самымъ процессомъ, какъ и всѣ явленія природы, съ тою только разницею, что на сторонѣ процесса его творчества есть еще и сознаніе, котораго лишена природа и ея дѣятельность. Вся природа со

всѣми ея явленіями есть плодъ вдохновеннаго порыва духа—изъ идеальной области возможнаго перейдти въ реальную область дѣйствительнаго, стать фактомъ, чтобъ потомъ, въ разумнѣйшемъ своемъ явленіи—человѣкѣ, взглянуть на себя, какъ на нѣчто особое, сознать себя. И всякое произведеніе искусства есть плодъ вдохновеннаго усилія художника — вывести наружу, осуществить во-внѣ внутренній міръ своихъ безплотныхъ идеаловъ. Итакъ, вдохновеніе есть источникъ всякаго творчества; но искусство выше природы на столько, на сколько всякое сознательное и свободное дѣйствіе выше безсознательнаго и невольнаго. Но сознаніе, при актѣ творчества, есть не дѣятель, а только какъ-бы свидѣтель, дабы творчество было художнику въ наслажденіе и награду. Конечно, всякое дѣйствіе есть уже необходимо и сознаніе; но подъ сознаніемъ въ творчествѣ не должно разумѣть дѣятельность разсудка, трудъ соображенія, разсчета, и механическую работу: вдохновеніе, которое Платонъ называетъ *маніею*,—вотъ единственный дѣятель творчества, а разсудокъ враждебенъ творчеству и мертвитъ его. «Кто—говоритъ Платонъ—безъ маніи, внушаемой музами, приходитъ къ вратамъ поэзіи, убѣжденный въ томъ, что искусствомъ (ἐχτεχνης) сдѣлается изъ него хорошій поэтъ, тотъ никогда не будетъ совершеннымъ, и поэзія его, какъ поэзія *благоразумнаго*, будетъ отличаться отъ поэзіи *безумствующихъ*» *).

Вообще, понятіе Платона о вдохновеніи такъ глубоко-вѣрно и такъ поэтически, *вдохновенно* выражено, что, сообщивъ его, мы скажемъ о вдохновеніи все, что только можно сказать:

..... Не искусствомъ (*техникою*), но энтузіазмомъ и вдохновеніемъ, великіе эпическіе поэты сочиняютъ свои прекрасныя произведенія. Славные лирики также, подобно людямъ, волнуемымъ безуміемъ корибантовъ, пляшущихъ внѣ себя, не остаются въ умѣ своемъ, когда творятъ изящныя пѣснопѣнія: какъ скоро вошли они въ ладъ гармоніи и ритма, то преисполняются безуміемъ, объемлются восторгомъ, подобнымъ восторгу вакханокъ, которыя въ минуту упоенія черпаютъ въ рѣкахъ млеко и медъ, чего не бываетъ съ ними во время покоя. Въ душѣ поэтовъ лирическихъ на самомъ дѣлѣ совершается то, чѣмъ они хвалятся. Они говорятъ намъ, что черпаютъ въ медовыхъ источникахъ, что, подобно пчеламъ, летаютъ они по садамъ и долинамъ музъ, и въ нихъ собираютъ пѣсни, которыя поютъ намъ. Они говорятъ правду. Поэтъ въ самомъ дѣлѣ есть существо легкое, крылатое и святое; онъ можетъ творить тогда только, когда восторгъ его обыметъ, когда онъ выйдетъ изъ себя и разсудокъ покинетъ его. Но покамѣстъ онъ съ нимъ, человѣкъ неспособенъ творить все и произносить пророчества.

Итакъ, если не искусствомъ, а божественнымъ вдохновеніемъ творятъ поэты,—то каждый изъ нихъ, по жребію Божію, успѣваетъ только въ томъ родѣ, къ которому муза его призываетъ. Одинъ превосходенъ въ дифирамбѣ, другой въ похвальной одѣ, третій въ плясовой пѣснѣ, четвертый въ эпосѣ, пятый въ ямбахъ, и всѣ будутъ слабы во всякомъ другомъ родѣ, потому что не искусство, а сила божественная внушаетъ ихъ. Если бы искусствомъ они умѣли творить, то могли бы успѣть въ разныхъ родахъ. А конецъ, на какой

*) „Теорія Поэзіи“ С. Шевырева, стр. 33.

богъ, отъемля у нихъ смыслъ, употребляетъ ихъ какъ служителей своихъ наравнѣ съ пророками и гадателями, есть тотъ, чтобъ мы, внимая имъ, познавали, что не сами-собою они говорятъ намъ вещи дивныя, ибо они внѣ своего разума, но что самъ богъ чрезъ нихъ къ намъ глаголетъ *).

Этотъ взглядъ на вдохновеніе, такъ простодушно, въ духѣ младенческой древности выраженный, удивителенъ по своей глубокости. Ясно, что Платонъ «благоразуміемъ» называетъ разсудочное, обыкновенное, будничное, такъ-сказать, состояніе нашего духа; а подъ «безуміемъ» разумѣетъ тотъ божественный παθος, то состояніе вдохновеннаго ясновидѣнія, когда разумъ человѣка созерцаетъ таинство высшаго міра, а воля его движетъ горами. Въ самомъ дѣлѣ, восторгъ наслажденія, изступленіе радости, упоеніе страданія, тоска разлуки, трепетъ свиданія, обаяніе любви, отвага самаго жертвованія, готовность пострадать за правое дѣло и истину, сладострастіе вдохновенія:—что̀ все это, если не безуміе?... Но это безуміе разумное, безуміе божественное, которое возноситъ человѣка превыше премудрыхъ міра сего и равняетъ его съ богами... А мертвое равнодушіе, затянутое въ формы приличія, разсчеты мелкаго самолюбія и эгоизма, размѣренные шаги къ ничтожной цѣли, отреченіе отъ истиннаго назначенія человѣческаго для достиженія ея:—что̀ все это, если не благоразуміе?... Но не будемъ говорить о благоразуміи: оно врагъ поэзіи, а предметъ статьи—поэзія...

Все, сказанное нами о поэзіи вообще, легко приложить къ поэзіи Лермонтова.

Гдѣ вдохновеніе неподдѣльно, тамъ есть и поэзія, и чьей натурѣ сродно вдохновеніе, тотъ поэтъ: но и вдохновеніе имѣетъ свои степени, и въ каждомъ поэтѣ отличается особеннымъ характеромъ: въ одномъ оно искрится и шипитъ пѣною, какъ шампанское, и подобно шампанскому тотчасъ же оживляетъ легкимъ, но и скоропреходящимъ похмѣльемъ; въ другомъ оно льется свѣтлою, прозрачною рѣчкою, съ смѣющимися зелеными берегами; въ третьемъ оно бьетъ и стремится бурными волнами, съ громомъ, пѣною и брызгами, подобно ніагарскому водопаду; въ четвертомъ оно подобно океану, безъ береговъ и дна, отражающему въ себѣ и небесный куполъ, съ его солнцемъ, луною и міріадами звѣздъ, и страшныя тучи, съ ихъ мракомъ и молніями,—океану, который равно величественъ и въ тишину, и въ бурю, который носитъ на своихъ могучихъ волнахъ и утлый челнокъ рыбаря, и огромные флоты, и который въ необъятныхъ таинственныхъ нѣдрахъ своихъ заключаетъ цѣлые міры живыхъ существъ, и великихъ и малыхъ и горы раковинъ, и лѣса коралловъ... Жизнь одна и та же во всѣхъ своихъ явленіяхъ, но одно изъ нихъ объемлетъ собою только извѣстную часть ея, другое же заключаетъ въ себѣ безконечно-великое содержаніе жизни. Таково же и отношеніе между поэтами: въ отношеніи къ акту творчества, къ процессу вдохновенія, пѣсня Беранже совершенно равна любой драмѣ Шекспира, но въ отношеніи къ содержанію жизни, которое объемлетъ собою то и другое изъ упомянутыхъ произведеній, между ними безконечная разность въ важности, цѣнности

*) „Теорія Поэзіи“ *С. Шевырева*, стр. 35—36 [10]).

и достоинствѣ. И эта разница существуетъ не только въ пьесахъ различнаго рода, какъ наприм., застольная пѣсенка и высокая драма: она можетъ существовать и между двумя застольными пѣснями, написанными на одинъ и тотъ же предметъ, но только разными поэтами. И вотъ здѣсь-то можно видѣть превосходство одного поэта передъ другимъ: пѣсня одного читается съ наслажденіемъ, но рѣдко вспоминается и скоро забывается; другого—чѣмъ больше читается тѣмъ больше наслажденія доставляетъ, и даже прочитанная разъ, навсегда остается въ памяти—если не словами своими, то своимъ колоритомъ, тѣмъ «нѣчто», для выраженія котораго нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ. Сравните «Поэта» Языкова съ «Поэтомъ» Пушкина, котораго мы выписали выше, въ нашей статьѣ, и съ его же стихотвореніемъ «Поэту» *): сначала вамъ можетъ показаться, что пьеса Языкова выше обѣихъ пушкинскихъ; но вы скоро—если, въ васъ есть эстетическое чувство, замѣтите, въ первой, при всемъ ея блескѣ, нѣкоторую напряженность, съ какою она составлена,—и благородную простоту естественность, неизмѣримую глубину двухъ послѣднихъ и ихъ безконечное превосходство надъ первою... Причина этой разности есть разность сколько въ талантѣ, столько и въ натурахъ обоихъ поэтовъ: одинъ смотритъ на природу вещей извнѣ, видитъ только ея наружность; другой проникъ въ ея сущность и обратилъ ее въ свое достояніе, по праву законнаго властелина...

Немного поэтовъ, къ разбору произведеній которыхъ было бы нестранно приступать съ такимъ длиннымъ предисловіемъ, съ предварительнымъ взглядомъ на сущность поэзіи: Лермонтовъ принадлежитъ къ числу этихъ немногихъ... Подробное разсмотрѣніе небольшой книжки его стихотвореній покажетъ, что въ ней кроются всѣ стихіи поэзіи, что она заключаетъ въ себѣ возможность въ будущемъ нѣсколькихъ и притомъ большихъ книгъ... Мы увидимъ, что свѣжесть благоуханія, художественная роскошь формъ, поэтическая прелесть и благородная простота образовъ, энергія, могучесть языка, алмазная крѣпость и металлическая звучность стиха, полнота чувства, глубокость и разнообразіе идей, необъятность содержанія—суть родовыя характеристическія примѣты поэзіи Лермонтова и залогъ ея будущаго, великаго развитія...

Чѣмъ выше поэтъ, тѣмъ больше принадлежитъ онъ обществу, среди котораго родился, тѣмъ тѣснѣе связано развитіе, направленіе и даже характеръ его таланта съ историческимъ развитіемъ общества [11]). Пушкинъ началъ свое поэтическое поприще «Русланомъ и Людмилою»—содержаніемъ [12]), котораго идея отзывается слишкомъ раннею молодостію, но которое кипитъ чувствомъ, блещетъ всѣми красками, благоухаетъ всѣми цвѣтами природы, созданіемъ неистощимо веселымъ, игривымъ... Это была шалость генія послѣ первой опорожненной имъ чаши на свѣтломъ пиру жизни... Лермонтовъ началъ историческою поэмою [13]), мрачною по содержанію, суровою и важною по формѣ... Въ первыхъ своихъ лирическихъ произведеніяхъ, Пушкинъ явился провозвѣстникомъ человѣчности, пророкомъ

*) „Поэтъ! не дорожи любовію народной“.

высокихъ идей общественныхъ; но эти лирическія стихотворенія были столько же полны свѣтлыхъ надеждъ, предчувствія торжества, сколько силы и энергіи. Въ первыхъ лирическихъ произведеніяхъ Лермонтова, разумѣется, тѣхъ, въ которыхъ онъ особенно является русскимъ и современнымъ поэтомъ, также виденъ избытокъ несокрушимой силы духа и богатырской силы въ выраженіи; но въ нихъ уже нѣтъ надежды, они поражаютъ душу читателя безотрадностію, безвѣріемъ въ жизнь и чувства человѣческія, при жаждѣ жизни и избыткѣ чувства... Нигдѣ нѣтъ пушкинскаго разгула на пиру жизни; но вездѣ вопросы, которые мрачатъ душу, леденятъ сердце... Да, очевидно, что Лермонтовъ поэтъ совсѣмъ другой эпохи, и что его поэзія—совсѣмъ новое звено въ цѣпи историческаго развитія нашего общества *).

Первая пьеса Лермонтова напечатана была въ «Современникѣ» 1837 года, уже послѣ смерти Пушкина. Она называется «Бородино» [14]). Поэтъ представляетъ молодого солдата, который спрашиваетъ стараго служаку:

Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина.

Вся основная идея стихотворенія выражена во второмъ куплетѣ, которымъ начинается отвѣтъ стараго солдата, состоящій изъ тринадцати куплетовъ:

— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!

Эта мысль—жалоба на настоящее поколѣніе, дремлющее въ бездѣйствіи, зависть къ великому прошедшему, столь полному славы и великихъ дѣлъ. Дальше мы увидимъ, что эта *тоска по жизни* внушила нашему поэту не одно стихотвореніе, полное энергіи и благороднаго негодованія. Что же до «Бородина»,—это стихотвореніе отличается простотою, безыскусственностію: въ каждомъ словѣ слышите солдата, языкъ котораго, не переставая быть грубо простодушнымъ, въ то же время благороденъ, силенъ и полонъ поэзіи. Ровность и выдержанность тона дѣлаютъ осязаемо ощутительною основную мысль поэта. Впрочемъ, какъ ни прекрасно это стихотвореніе, оно не могло еще показать, чего отъ его автора должна была ожидать наша поэзія. Въ 1838 году, въ «Литературныхъ При-

*) Замѣтимъ для большей ясности и „точности“, что, говоря объ обществѣ, мы разумѣемъ только чувствующихъ и мыслящихъ людей новаго поколѣнія.

бавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» была напечатана его поэма «Пѣсня про Царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова»; это произведеніе сдѣлало извѣстнымъ имя автора, хотя оно явилось и безъ подписи этого имени. Спрашивали: кто такой безъименный поэтъ? кто такой Лермонтовъ? писалъ ли онъ что-нибудь кромѣ этой поэмы? [15]) Но, не смотря на то, эта поэма все-таки еще не оцѣнена, толпа и не подозрѣваетъ ея высокаго достоинства. Здѣсь поэтъ отъ настоящаго міра неудовлетворяющей его русской жизни, перенесся въ ея историческое прошедшее, подслушалъ біеніе его пульса, проникъ въ сокровеннѣйшіе и глубочайшіе тайники его духа, сроднился съ нимъ всѣмъ существомъ своимъ, обвѣялся его звуками, усвоилъ себѣ складъ его старинной рѣчи, простодушную суровость его нравовъ, богатырскую силу и широкій разметъ его чувства, и, какъ-будто современникъ этой эпохи, принялъ условія ея грубой и дикой общественности, со всѣми ихъ оттѣнками, какъ-будто бы никогда и не зналъ о другихъ,—и вышесъ изъ нея вымышленную быль, которая достовѣрнѣе всякой дѣйствительности, несомнѣннѣе всякой исторіи.

Охъ [16]), гой еси царь Иванъ Васильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твово любимаго опричника,
Да про смѣлаго купца Калашникова;
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслярный звонъ
И причитывали, да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,
А боярынъ Матвѣй Ромодановскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго,
А боярыня его бѣлолицая
Поднесла намъ на блюдѣ серебряномъ
Полотенцо новое, шолкомъ шитое.
Угощали насъ три дня, три ночи,
И все слушали—не наслушались.

И подлинно, этой пѣсни можно заслушаться, и все нельзя ея довольно наслушаться: какъ маніемъ волшебнаго скипетра воскрешаетъ она прошедшее—и мы не можемъ насмотрѣться на него, забываемъ для него свое настоящее, ни на минуту не сводимъ съ него взоровъ, боясь, чтобъ оно не исчезло отъ насъ. На первомъ планѣ, видимъ мы Іоанна Грознаго, котораго память такъ кровава и страшна, котораго колоссальный обликъ живъ еще въ преданіи и въ фантазіи народа.... Что за явленіе въ нашей исторіи былъ этотъ «мужъ кровей», какъ называетъ его Курбскій? Былъ ли онъ Людовикомъ XI нашей исторіи, какъ говоритъ Карамзинъ?.. Не время и не мѣсто распространяться здѣсь о его историческомъ значеніи; замѣтимъ только, что это была сильная натура, которая требовала себѣ великаго развитія для великаго подвига; но какъ условія тогдашняго полуазіатскаго быта и внѣшнія обстоятельства отказали ей даже въ какомъ-нибудь развитіи, оставивъ ее при естественной силѣ и грубой мощи, и лишили ее всякой возможности пересоздать дѣйствительность,—то эта сильная натура,

этотъ великій духъ поневолѣ исказились и нашли свой выходъ, свою отраду только въ безумномъ мщеніи этой ненавистной и враждебной имъ дѣйствительности... [17]) Тираннія Іоанна Грознаго имѣетъ глубокое значеніе, и потому она возбуждаетъ къ нему скорѣе сожалѣніе, какъ къ падшему духу неба, чѣмъ ненависть и отвращеніе, какъ къ мучителю... Можетъ быть, это былъ своего рода великій человѣкъ, но только не во время, слишкомъ рано явившійся Россіи,—пришедшій въ міръ съ призваніемъ на великое дѣло и увидѣвшій, что ему нѣтъ дѣла въ мірѣ: можетъ быть, въ немъ безсознательно кипѣли всѣ силы для измѣненія ужасной дѣйствительности, среди которой онъ такъ безвременно явился, которая не побѣдила, но разбила его, и которой онъ такъ страшно мстилъ всю жизнь свою, разрушая и ее и себя самого въ болѣзненной и безсознательной ярости... Вотъ почему изъ всѣхъ жертвъ его свирѣпства онъ самъ наиболѣе заслуживаетъ соболѣзнованія; вотъ почему его колоссальная фигура, съ блѣднымъ лицомъ и впалыми, сверкающими очами, съ головы до ногъ облита такимъ страшнымъ величіемъ, нестерпимымъ блескомъ такой ужасающей поэзіи... И такимъ точно является онъ въ поэмѣ Лермонтова: взглядъ очей его—молнія, звукъ рѣчей его—громъ небесный, порывъ гнѣва его—смерть и пытка; но сквозь всего этого, какъ молнія сквозь тучи, проблескиваетъ величіе падшаго, униженнаго, искаженнаго, но сильнаго и благороднаго по своей природѣ духа...

Поэма начинается картиною царскаго пира: въ золотомъ вѣнцѣ своемъ сидитъ грозный царь, окруженный стольниками, боярами, князьями и опричниками,

И пируетъ царь во славу Божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.

Онъ велитъ наполнить золотой ковшъ заморскимъ виномъ, обнести пирующихъ—

И всѣ пили, царя славили.

Лишь только одинъ изъ опричниковъ

Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ,

и сидѣлъ съ крѣпкою думою на сердцѣ. Гнѣвно взглянулъ на него царь, словно ястребъ съ высоты небесъ на молодого голубя сизокрылаго,—

Да не поднялъ глазъ молодой боецъ.

Царь стукнулъ объ полъ своею палкою, съ желѣзнымъ наконечникомъ—палка на четверть вонзилась въ дубовый полъ, но и тутъ не дрогнулъ добрый молодецъ;

Вотъ промолвилъ царь слово грозное
И очнулся тогда добрый молодецъ.
„Гей ты, вѣрный нашъ слуга Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ—звѣзды радуются,

Что свѣтлый имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется,
Та стремглавъ на землю падаетъ...
Не прилично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушатися;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормленъ Малютиной!..

Низко кланяясь, опричникъ проситъ у царя извиненія, говоря:

Сердца жаркаго не залить виномъ,
Душу черную—не запотчивать!
А прогнѣвалъ я тебя—воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову;
Тяготитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится.

Царь разспрашиваетъ о причинѣ печали, и его вопросы—перлы народной нашей поэзіи, полнѣйшее выраженіе духа и формъ русской жизни того времени. Таковъ же и отвѣтъ, или, лучше сказать, отвѣты опричника, потому-что, по духу русской національной поэзіи, онъ отвѣчаетъ почти стихомъ на стихъ. Боясь длинноты, не выписываемъ этого мѣста; но вторая половина рѣчи Кирибѣевича дышетъ такою полнотою чувства, блещетъ такими самоцвѣтными камнями народной поэзіи, что мы не можемъ удержаться, чтобы не перечесть его вмѣстѣ съ нашими читателями. Вина печали удалова бойца—молодушка, которая закрывается фатою, когда на него любуются красныя дѣвушки:

На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно—будто лебедушка:
Смотритъ сладко—какъ голубушка,
Молвитъ слово—соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цалуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитревной.
Какъ увижу ее, я и самъ не свой
Опускаются руки смѣлыя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды нарчевые,
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?

Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужь сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье бусурманское,
И раздѣлютъ по себѣ злы Татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельцо бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сирыя дождикъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется...

Какая сильная, могучая натура! Ея страсть — лава, ея горесть тяжела и трудна; это удалое, разгульное отчаяніе, которое въ молодечествѣ, въ подвигѣ крови и смерти ищетъ своего утоленія! Сколько поэзіи въ словахъ этого опричника, какая глубокая грусть дышетъ въ нихъ,—эта грусть, которая разрываетъ сильную душу, но не убиваетъ ея, эта грусть, которая составляетъ основный элементъ, родную стихію, главный мотивъ нашей національной поэзіи!

Со смѣхомъ отвѣчаетъ царь своему любимому слугѣ, что его горю-бѣдѣ не мудрено помочь, предлагаетъ ему яхонтовый перстень и жемчужное ожерелье, велитъ сперва поклониться «смышлёной» свахѣ, а потомъ послать къ своей Аленѣ Дмитріевнѣ дары драгоцѣнные:

Какъ полюбишься—празднуй свадебку,
Не полюбишься—не прогнѣвайся:
— Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему христіанскому...

Какъ ударъ грома, какъ приговоръ смерти, поражаетъ душу читателя этотъ отвѣтъ опричника,—и тщетно испуганный слухъ его ждетъ, что̀ скажетъ на это грозный царь: поэтъ опускаетъ занавѣсъ на эту такъ трагически-недоконченную картину, такъ страшно-прерванную сцену; передъ вами нѣтъ героевъ поэмы, и вы съ трудомъ вѣрите, что видѣли все это не на яву передъ собою, но что все это—только разсказъ пѣсенниковъ...

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
Ужь потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

Но этотъ удалой припѣвъ, эти затѣйливыя прибаутки народнаго остроумія не веселятъ васъ: сердце ваше сжимается болѣзненною тоскою: оно чуетъ горе, предвидитъ бѣду; повѣсть превращается для васъ въ мрачную драму, съ тра-

гическою катастрофою, и завязка уже готова, дѣйствіе уже зародилось. Вы видите, что любовь Кирибѣевича—не шуточное дѣло, не простое волокитство, но страсть натуры сильной, души могучей. Вы понимаете, что для этого человѣка нѣтъ середины: или получить, или погибнуть! Онъ вышелъ изъ-подъ опеки естественной нравственности своего общества, а другой, болѣе высшей, болѣе человѣческой, не пріобрѣлъ: такой развратъ, такая безнравственность въ человѣкѣ съ сильною натурою и дикими страстями опасны и страшны. И при всемъ этомъ, онъ имѣетъ опору въ грозномъ царѣ, который никого не пожалѣетъ и не пощадитъ, даже за обиду, не только за гибель своего любимца, хотя бы этотъ былъ рѣшительно виноватъ.

Занавѣсъ поднятъ—и передъ нами новая картина: молодой купецъ, статный молодецъ, Степанъ Парамоновичъ, по прозванію Калашниковъ, за прилавкою,

Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой онъ гостей заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ.

Это другая сторона русскаго быта того времени; на сценѣ является представитель другого класса общества. Первое его появленіе на сцену располагаетъ васъ въ его пользу: почему-то вы чувствуете, что это одинъ изъ тѣхъ упругихъ и тяжелыхъ характеровъ, которые тихи и кротки только до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не расколыхаютъ ихъ, одна изъ тѣхъ желѣзныхъ натуръ, которыя и обиды не стерпятъ и сдачи дадутъ. Сильнѣе и сильнѣе щемитъ ваше сердце—чуетъ оно недоброе, тѣмъ больше, что «молодому купцу статному молодцу» задался не добрый день:

Ходятъ мимо бояре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ...
Отзвонили вечерни во святыхъ церквахъ:
За Кремлемъ горитъ заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо,—
Гонитъ ихъ мятелица распѣваючи;
Опустѣлъ широкій гостиный дворъ.

Калашниковъ запираетъ свою лавочку дубовою дверью, «да нѣмецкимъ замкомъ со пружиною», привязываетъ на желѣзную цѣпь зубастаго пса,

И пошелъ онъ домой, *призадумавшись*,
Къ молодой хозяйкѣ за Москву-рѣку.

Отъ-чего же онъ призадумался?—Или душа человѣка чуетъ шелестъ шаговъ незримо-слѣдующей по пятамъ его судьбы, которая обрекла его въ свои жертвы?..

Пришедъ въ свой «высокій» домъ, Степанъ Парамоновичъ дивится, что его не встрѣчаютъ ни молода жена, ни малыя дѣтушки, что дубовый столъ не покрытъ бѣлою скатертью, и свѣчка передъ образомъ еле-теплится. Кличетъ онъ старуху Еремѣевну и спрашиваетъ, куда въ такой поздній часъ «дѣва-

лась, затаилася» Алена Дмитріевна, и не заигрались ли его любезныя дѣти, что такъ рано уложились спать? И слышитъ въ отвѣтъ:

...Къ вечернѣ пошла Алена Дмитревна;
Вотъ ужь попъ прошелъ съ молодой попадьей,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать,—
А по-сю-пору твоя хозяюшка
Изъ приходской церкви не вернулася.
А дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли—
Плачемъ плачутъ все, не унимаются.

Въ этихъ стихахъ полная картина домашняго быта и простыхъ, многосложныхъ [18]), простодушныхъ, семейственныхъ отношеній у нашихъ предковъ.

Смутился Степанъ Парамоновичъ крѣпкою думою.

И онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу—
А на улицѣ ночь темнехонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаетъ слѣдъ человѣческій.
Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ—сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молода жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя расплетеныя
Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны:
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя,
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.

Онъ спрашиваетъ ее, гдѣ она шаталася: ужь не гуляла ли, не пировала ли съ дѣтьми боярскими, что волосы ея такъ растрепаны и одежда изорвана.

Не на то передъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!..

Онъ грозитъ запереть ее за дубовую дверь окованную, за желѣзный замокъ чтобъ она и свѣту Божьяго не видѣла, его имени честнаго не порочила.

Какъ осиновый листъ затряслася Алена Дмитріевна, упала мужу въ ноги, прося его выслушать ее и говоря, что она «не боится смерти лютыя, а боится его немилости»: въ двѣнадцати стихахъ полная картина супружескихъ отношеній варварскаго времени! Жена разсказываетъ мужу, что, шедши отъ вечерни домой, услышала за собою чьи-то шаги, «оглянулася — человѣкъ бѣжитъ»; этотъ человѣкъ схватилъ ее за руки, говоря ей, что онъ слуга царя грознаго, прозывается Кирибѣевичемъ, а изъ славныя семьи изъ Малютиной...

Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цаловать-ласкать,
А цалуя все приговаривалъ:

— Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать,
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе!
И ласкалъ онъ меня, цаловалъ меня:
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцалуи его окаянные...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки,
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали...

Рванувшись изъ рукъ его, она оставила у него свою фату бухарскую и узорный платокъ,—подарочекъ мужа. Заключеніе ея разсказа состоитъ въ жалобахъ на свой позоръ и въ просьбахъ мужу—не дать ея, свою вѣрную жену, въ поруганіе злымъ охульникамъ. Тогда Степанъ Парамоновичъ посылаетъ за своими двумя меньшими братьями и разсказываетъ объ обидѣ, нанесенной ему злымъ опричникомъ царскимъ:

А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому!

говоритъ имъ о своемъ намѣреніи—биться на смерть съ опричникомъ на кулачномъ бою, который будетъ завтра на Москвѣ-рѣкѣ, при самомъ царѣ, и проситъ ихъ постоять за правду, если самъ будетъ побитъ.

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
„Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушныя,
Когда сизый орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются:
Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь,
А ужь мы тебя роднаго не выдадимъ.

Изъ этого отвѣта видно, что семья Калашниковыхъ хоть и не славилась столько, какъ Малютиныхъ, но состояла изъ сизаго орла съ орлятами... Превосходно очеркнулъ поэтъ, въ этомъ отвѣтѣ, будто мимоходомъ, и простоту родственныхъ отношеній нашихъ предковъ, гдѣ право первородства было и правомъ власти, гдѣ старшій братъ заступалъ мѣсто отца для младшихъ. И это сдѣлано имъ не въ описаніи, а въ живой картинѣ, въ самомъ разгарѣ въ высшей степени драматическаго дѣйствія. Этою сценою семейнаго совѣщанія оканчивается вторая

часть драматической поэмы: дѣйствующія лица и завязка дѣйствія уже рѣзко обозначились,—и сердце наше замираетъ отъ предчувствія горестной развязки...

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской бѣлокаменной
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ зачѣмъ ты, алая заря просыпалася?
На какой ты радости разыгралася!

На Москву-рѣку сходилися удалые молодцы, «разгуляться для праздника, потѣшиться». Самъ царь пріѣхалъ съ дружиною, боярами и опричниками, и велѣлъ оцѣпить серебряною цѣпью мѣсто въ 25 саженъ «для охотницкаго бою, одиночнаго». Потомъ царь велѣлъ вызывать охотниковъ:

Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!

Выходитъ Кирибѣевичъ и съ похвальбою вызываетъ супротивниковъ, обѣщаясь «лишь потѣшить царя батюшку, но для праздника отпустить живаго».
Вдругъ раздалась толпа—и выходитъ Степанъ Парамоновичъ.

Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ его очи соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ
Да кудряву бороду поглаживаетъ.

Кирибѣевичъ, не выходя изъ тона своей удалой, молодецкой похвальбы, спрашиваетъ Калашникова о родѣ-племени и имени, «чтобъ знать по комъ панихиду служить, чтобъ было чѣмъ и похвастаться».

Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнóва отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,

Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутитъ, не людей смѣшитъ
Къ тебѣ вышелъ я теперь, бусурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!
И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ:
Бойки очи его затуманились
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...

Вотъ оно—ужасное торжество совѣсти въ глубокой натурѣ, которая никогда не отрѣшится отъ совѣсти, какъ бы ни была искажена развратомъ, какъ бы ни страшно погрязла въ порокѣ!.. Всегда надъ нею грозная длань нравственнаго закона, грозный голосъ суда Божія, потому—что она сама—свой нравственный законъ и свой неумолимый судъ!..

Начинается бой (мы пропускаемъ его подробности); правая сторона побѣдила,

И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ за-мертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.

Не правда ли: вамъ жаль удалаго, хотя и преступнаго бойца? съ невыразимою тоскою повторите вы за поэтомъ жалобную мелодію, которою выразилъ онъ его паденіе?.. А между тѣмъ, вы же сами желали побѣды благородному купцу и гибели его преступному оскорбителю?.. Таково обаяніе великихъ натуръ: какъ бы ни было велико ихъ преступленіе, но, наказанныя, онѣ привлекаютъ все удивленіе и всю любовь нашу:—мы видимъ въ нихъ жертвы неотразимой судьбы, и братскимъ поцалуемъ прощанія и прощенія въ холодныя, посинѣлыя уста ихъ запечатлѣваемъ торжество возстановленной ихъ смертію гармоніи общаго, которую нарушили было они своей виною...

Грозный царь воспалился гнѣвомъ, и спрашиваетъ Калашникова: вольною волею или нехотя убилъ онъ его вѣрнаго слугу и лучшаго бойца? Вѣроятно Калашниковъ могъ бы еще спасти себя ложью, но для этой благородной души, дважды такъ страшно потрясенной—и позоромъ жены, разрушившимъ его семейное блаженство, и кровавою местью врагу, невозвратившею ему прежняго блаженства,—для этой благородной души жизнь уже не представляла ничего обольстительнаго, а смерть казалась необходимою для уврачеванія ея неисцѣлимыхъ ранъ... Есть души, которыя довольствуются кое-чѣмъ—даже остатками бывшаго счастія; но есть души, лозунгъ которыхъ—все или ничего, которыя не хотятъ запятнаннаго блаженства, разъ потемненной славы: такова была и душа удалого купца, статнаго молодца, Степана Парамоновича Калашникова! Онъ сказалъ царю всю правду, скрывъ однако причину своего мщенія:

А за что, про что—не скажу тебѣ!
Скажу только Богу единому!

Какая дивная черта глубокаго знанія сердца человѣческаго и древнихъ нравовъ! Какая высокая, трагическая черта! Онъ охотно идетъ на казнь, и лишь проситъ царя «не оставить своей милостью милыхъ дѣтушекъ, молодой жены да двухъ братьевъ его». Въ отвѣтѣ царя, рѣзко, во всемъ страшномъ величіи, выказывается колоссальный образъ Грознаго:

Хорошо тебѣ, дѣтинушка
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему Царству Русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-наострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Чтобъ знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью...

Какая жестокая пропія, какой ужасный сарказмъ! и мертвый содрогнулся бы отъ него во гробѣ! А между тѣмъ, въ согласіи на милость женѣ, покровительствѣ дѣтямъ и братьямъ осужденнаго проблескиваетъ лучъ благородства и величія царственной натуры, и какъ-бы невольное признаніе достоинства человѣка, который обреченъ судьбою безвременной и насильственной смерти!.. Какая страшная трагедія! сама судьба, въ лицѣ Грознаго, присутствуетъ предъ нами и управляетъ ея ходомъ!.. И едва ли во всей исторіи человѣчества можно найдти другой характеръ, который могъ бы съ бо́льшимъ правомъ представлять лицо судьбы, какъ Іоаннъ Грозный!..

На площади собирается народъ; гудитъ-воетъ заунывный колоколъ; по высокому лобному мѣсту весело похаживаетъ палачъ, руки голыя потираючи:

Удалова бойца дожидается,
А лихой боецъ, молодой купецъ,—
Со родными братьями прощается.

Онъ велитъ имъ поклониться отъ него Аленѣ Дмитревнѣ да *заказать* ей меньше печалиться, а дѣтушкамъ про него не велитъ сказывать...

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Въ крови на плаху покатилася.
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ, промежъ трехъ дорогъ:

Промежъ Тульской, Рязанской, Владимірской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ-шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безъименной могилою.

И вотъ, занавѣсъ опустился, трагедія кончилась, колоссальные образы ея героевъ исчезли изъ глазъ нашихъ, прошедшее стало опять прошедшимъ—

И что жь осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?

Что?—могила, мрачное жилище тлѣнія и смерти; но надъ этою могилою вѣетъ жизнь, царитъ воспоминаніе, нѣмою рѣчью говоритъ преданіе:

И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится,
Пройдетъ молодецъ—пріосанится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.

Какія роскошныя дани, какія богатыя жертвы приносятся этой могилѣ живыми! И она стоитъ ихъ, ибо не живые въ ней, мертвой,—но она, мертвая, рождаетъ жизнь въ живыхъ; заставляетъ ихъ и креститься, и пріосаниваться, и пригорюниваться, и пѣть пѣсни!.. Васъ огорчаетъ, заставляетъ страдать горестная и страшная участь благороднаго Калашникова; вы жалѣете даже и о преступномъ опричникѣ: понятное, человѣческое чувство! Но безъ этой трагической развязки, которая такъ печалитъ ваше сердце, не было бы и этой могилы, столь краснорѣчивой, столь живой, столь полной глубокаго значенія, и не было бы великаго подвига, который такъ возвысилъ вашу душу, и не было бы чудной пѣсни поэта, которая такъ очаровала васъ... И потому, да перемѣнится печаль ваша на радость, и да будетъ эта радость свѣтлымъ торжествомъ побѣды безсмертнаго надъ смертнымъ, общаго надъ частнымъ! Благословимъ непреложные законы бытія и міродержавныхъ судебъ, и повторимъ, за поэтомъ, музыкальный финалъ, которымъ, по старинному и достохвальному русскому обычаю, заставляетъ онъ гусляровъ заключить свою поэтическую пѣсню:

Гей вы, ребяты удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали—красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте.
Тароватому боярину слава!
И красавицѣ боярынѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

Излагая содержаніе этой поэмы, уже извѣстной публикѣ, мы имѣли въ виду намекнуть на богатство ея содержанія, на полноту жизни и глубокость идеи,

которыми она запечатлѣна: что же до поэзіи образовъ, роскоши красокъ, прелести стиха, избытка чувства, охватывающаго душу огненными волнами, свѣжести колорита, силѣ выраженія, трепетнаго, полнаго страсти одушевленія,— эти вещи не толкуются и не объясняются... Мы выписали цѣлую часть поэмы— пусть читаютъ и судятъ сами: кто не увидитъ въ этихъ стихахъ того, что̀ мы видимъ, для тѣхъ нѣтъ у насъ очковъ, и едва ли какой оптикъ въ мірѣ поможетъ имъ.

Содержаніе поэмы, въ смыслѣ разсказа происшествія, само-по-себѣ полно поэзіи; если бы оно было историческимъ фактомъ, въ немъ жизнь являлась бы поэзіею, а поэзія жизнію. Но тѣмъ не менѣе, онъ не существовалъ бы для насъ, нашли ли бы мы его въ простодушной хроникѣ старыхъ временъ, или, по какому-нибудь чуду, сами были его свидѣтелемъ—оно было бы для насъ мертвымъ матеріаломъ, въ который только поэтъ могъ бы вдохнуть душу живу, отдѣливъ отъ него все случайное, произвольное, и представивъ его въ гармоническомъ цѣломъ, поставленномъ и освѣщенномъ сообразно съ требованіями точки зрѣнія свѣта. И въ этомъ отношеніи, нельзя довольно надивиться поэту: онъ является здѣсь опытнымъ, геніальнымъ архитекторомъ, который умѣетъ такъ согласить между собою части зданія, что ни одна подробность въ украшеніяхъ не кажется лишнею, но представляется необходимою и равно важною съ самыми существенными частями зданія, хотя вы и понимаете, что архитекторъ могъ бы легко вмѣсто нея, сдѣлать и другую. Какъ ни пристально будете вы вглядываться въ поэму Лермонтова, не найдете ни одного лишняго или недостающаго слова, черты, стиха, образа; ни одного слабаго мѣста: все въ ней необходимо, полно, сильно! Въ этомъ отношеніи, ея никакъ нельзя сравнить съ народными легендами, носящими на себѣ имя ихъ собирателя — Кирши Данилова: то дѣтскій лепетъ, часто поэтическій, но часто и прозаическій, нерѣдко образный, но чаще символическій, уродливый въ цѣломъ, полный ненужныхъ повтореній одного и того же [19]); поэма Лермонтова—созданіе мужественное, зрѣлое и столько же художественное, сколько и народное. Безъименные творцы этихъ безъискусственныхъ и простодушныхъ произведеній составляли одно съ вѣющимъ въ нихъ духомъ народности; они не могли отъ нея отдѣлиться, она заслоняла въ нихъ саму же себя; но нашъ поэтъ вошелъ въ царство народности какъ ея полный властелинъ и, проникнувшись ея духомъ, слившись съ нею, онъ показалъ только свое родство съ нею, а не тождество: даже въ минуту творчества онъ видѣлъ ее предъ собою, какъ предметъ, и такъ же по волѣ своей вышелъ изъ нея въ другія сферы, какъ и вошелъ въ нее. Онъ показалъ этимъ только богатство элементовъ своей поэзіи, кровное родство своего духа съ духомъ народности своего отечества; показалъ, что и прошедшее его родины такъ же присуще его натурѣ, какъ и ея настоящее; и потому онъ, въ этой поэмѣ, является не безъискусственнымъ пѣвцомъ народности, но истиннымъ художникомъ, — и если его поэма не можетъ быть переведена ни на какой языкъ [20]), ибо колоритъ ея весь въ русско-народномъ языкѣ, то тѣмъ не менѣе она — художественное произве-

*

деніе, во всей полнотѣ, во всемъ блескѣ жизни, воскресившее одинъ изъ моментовъ русскаго быта, одного изъ представителей древней Руси. Въ этомъ отношеніи, послѣ Бориса Годунова, больше всѣхъ посчастливилось Іоанну Грозному: въ поэмѣ Лермонтова колоссальный образъ его является изваяннымъ изъ мѣди или мрамора....

По внутреннему плану нашей статьи, мы должны были сперва говорить о тѣхъ стихотвореніяхъ Лермонтова, въ которыхъ онъ является не безусловнымъ художникомъ, но внутреннимъ человѣкомъ, и по которымъ одинмъ можно увидѣть богатство элементовъ его духа и отношенія его къ обществу. Мы такъ и начали, такъ и продолжаемъ: взглядъ на чисто-художественныя стихотворенія его заключитъ нашу статью. И если мы остановились на «Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова», которую сами признаемъ художественною, то потому, что, во-первыхъ, самая ея художественность болѣе или менѣе условна, ибо въ этой «Пѣсни» онъ поддѣлывается подъ ладъ старинный и заставляетъ гусляровъ пѣть ее; во-вторыхъ, эта «Пѣсня» представляетъ собою фактъ о кровномъ родствѣ духа поэта съ народнымъ духомъ, и свидѣтельствуетъ объ одномъ изъ богатѣйшихъ элементовъ его поэзіи, намекающемъ на великость его таланта. Самый выборъ этого предмета свидѣтельствуетъ о состояніи духа поэта, недовольнаго современною дѣйствительностію и перенесшагося отъ нея въ далекое прошедшее, чтобъ тамъ искать жизни, которой онъ не видитъ въ настоящемъ. Но это прошедшее не могло долго занимать такого поэта: онъ скоро долженъ былъ почувствовать всю бѣдность и все однообразіе его содержанія и возвратиться къ настоящему, которое жило въ каждой каплѣ его крови, трепетало съ каждымъ біеніемъ его пульса, съ каждымъ вздохомъ его груди. Не отдѣлиться ему отъ него! Оно внѣдрилось въ него, обвилось вокругъ него, оно сосетъ кровь изъ его сердца, оно требуетъ всей жизни его, всей дѣятельности! Оно ждетъ отъ него своего просвѣтлѣнія, уврачеванія своихъ язвъ и недуговъ. Онъ, только онъ можетъ совершить это, какъ полный представитель настоящаго, *другой властитель нашихъ думъ!* Въ созданіяхъ поэта, выражающихъ скорби и недуги общества, общество находитъ облегченіе отъ своихъ скорбей и недуговъ: тайна этого цѣлительнаго дѣйствія—сознаніе причины болѣзни чрезъ представленіе болѣзни, какъ мы говорили объ этомъ выше въ нашей статьѣ. Великую истину заключаютъ въ себѣ эти простодушныя слова изъ «Гимна Музамъ» древняго старца Гезіода: «Если кто чувствуетъ скорбь, свѣжую рану сердца, и сидитъ съ своею горькою думою, а пѣвецъ, служитель музъ, запоетъ о славѣ первыхъ человѣковъ и блаженныхъ боговъ, на Олимпѣ живущихъ,—въ тотъ же мигъ забываетъ несчастный горе и не помнитъ ни одной заботы: такъ скоро даръ боговъ измѣнилъ его» *). Но это сила поэзіи вообще, сила всякой поэзіи; дѣйствіе же поэзіи, воспроизводящей наши собственныя страданія, еще чуднѣе оказывается на

*) „Теорія Поэзіи въ историч. развитіи“ *С. Шевырева*, стр. 19.

нашихъ же собственныхъ страданіяхъ: увидѣвъ ихъ внѣ насъ самихъ, очищенными и просвѣтлѣнными общимъ значеніемъ скрывающагося въ нихъ таинственнаго смысла, мы тотчасъ же чувствуемъ себя облегченными отъ нихъ...

Нашъ вѣкъ—вѣкъ по преимуществу исторический. Всѣ думы, всѣ вопросы наши и отвѣты на нихъ, вся наша дѣятельность выростаетъ изъ исторической почвы и на исторической почвѣ. Человѣчество давно уже нережило вѣкъ полноты своихъ вѣрованій; можетъ быть, для него наступитъ эпоха еще высшей полноты, нежели какою когда-либо прежде наслаждалось оно; но нашъ вѣкъ есть вѣкъ сознанія, философствующаго духа, размышленія, «рефлексіи» *). *В прозѣ*—вотъ альфа и омега нашего времени. Ощутимъ ли мы въ себѣ чувство любви къ женщинѣ,—вмѣсто того, чтобъ роскошно упиваться его полнотою, мы прежде всего *спрашиваемъ* себя, что такое любовь, въ самомъ ли дѣлѣ мы любимъ? и пр. Стремясь къ предмету съ ненасытною жаждою желанія, съ тяжелою тоскою, со всѣмъ безумствомъ страсти, мы часто удивляемся холодности, съ какою видимъ исполненіе самыхъ пламенныхъ желаній нашего сердца, — и многіе изъ людей нашего времени могутъ примѣнить къ себѣ сцену между Мефистофелемъ и Фаустомъ, у Пушкина:

Когда красавица твоя
Была въ восторгѣ, въ упоеньѣ,
Ты безпокойною душой
Ужъ погружался въ *размышленье*
(А доказали мы съ тобой,
Что *размышленье*—скуки сѣмя).
И знаешь ли, философъ мой,
Что думалъ ты въ такое время,
Когда не думаетъ никто?
Сказать ли?

Фаустъ.

Говори. Ну, что?

Мефистофель.

Ты думалъ: агнецъ мой послушный!
Какъ жадно я тебя желалъ!
Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
Я грезы сердца возмущалъ!
Любви невольной, безкорыстной
Невинно предалась она...
Что жъ грудь теперь моя полна
Тоской и скукой ненавистной?..
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьемъ,
Съ неодолимымъ отвращеньемъ:

*) Хотя слово „размышленіе“ и далеко не выражаетъ вполнѣ слова „рефлексія“, но намекаетъ на его значеніе, въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребилъ его Пушкинъ въ своей „Сценѣ изъ Фауста“. Французское слово reflexion ближе значеніемъ къ тому, что Нѣмцы разумѣютъ подъ словомъ reflectiren и Reflexion.

Такъ безразсчетный дуралей,
Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
Брапитъ ободранное тѣло;
Такъ на продажную красу,
Насытясь ею торопливо
Развратъ косится боязливо...

Ужасно!.. Но это не смерть и даже не старость міра, какъ думаетъ старое поколѣніе, которое, въ своей молодости, такъ беззаботно пило и ѣло, такъ весело плясало, такъ безсознательно наслаждалось жизнію. Нѣтъ, это не смерть и не старость: люди нашего времени также или еще больше полны жаждою желаній, сокрушительною тоскою порываній и стремленій. Это только болѣзненный кризисъ, за которымъ должно послѣдовать здоровое состояніе лучше и выше прежняго. Та же рефлексія, то же размышленіе, которое теперь отравляетъ полноту всякой нашей радости, должно быть въ послѣдствіи источникомъ высшаго, чѣмъ когда-либо блаженства, высшей полноты жизни. Но горе тѣмъ, кто является въ эпоху общественнаго недуга! Общество живетъ не годами—вѣками, а человѣку данъ мигъ жизни: общество выздоровѣетъ, а тѣ люди, въ которыхъ выразился кризисъ его болѣзни, благороднѣйшіе сосуды духа, навсегда могутъ остаться въ разрушающемъ элементѣ жизни!..

Какъ бы то ни было, но нашъ вѣкъ есть вѣкъ размышленія. Поэтому, рефлексія (размышленіе) есть законный элементъ поэзіи нашего времени, и почти всѣ великіе поэты нашего времени заплатили ему полную дань: Байронъ въ «Манфредѣ», «Каинѣ» и другихъ произведеніяхъ; Гёте особенно въ «Фаустѣ»; вся поэзія Шиллера по преимуществу *рефлектирующая*, размышляющая. Въ наше время, едва-ли возможна поэзія въ смыслѣ древнихъ поэтовъ, созерцающая явленіе жизни безъ всякаго отношенія къ личности поэта (поэзія объективная) и въ наше время тотъ не поэтъ и особенно не художникъ, у котораго въ основаніи таланта не лежитъ созерцательность древнихъ и способность воспроизводить явленія жизни безъ отношеній къ своей личности; но въ наше время отсутствіе въ поэтѣ внутренняго (субъективнаго) элемента есть недостатокъ. Въ самомъ Гёте не безъ основанія порицаютъ отсутствіе историческихъ и общественныхъ элементовъ, спокойное довольство дѣйствительностію, какъ она есть [21]). Это и было причиною, почему менѣе гетевской *художественная*, но болѣе *человѣчественная, туманная* поэзія Шиллера нашла себѣ больше отзыва въ человѣчествѣ, чѣмъ поэзія Гёте.

Преобладаніе внутренняго (субъективнаго) элемента въ поэтахъ обыкновенныхъ есть признакъ ограниченности таланта. У нихъ субъективность означаетъ выраженіе личности, которая всегда ограниченна, если является отдѣльно отъ общаго. Они обыкновенно говорятъ о своихъ нравственныхъ недугахъ, и всегда одно и то же; читая ихъ, невольно вспоминаешь эти стихи Лермонтова:

Какое дѣло намъ, страдалъ ты, или пѣтъ,
На что намъ знать твои сомнѣнья,

Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ
Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогою привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь неприличной,—
А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья, иль утраты!..
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ.
Съ своимъ напѣвомъ заученымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечомъ картоннымъ...

Въ талантѣ великомъ, избытокъ внутренняго, субъективнаго элемента есть признакъ гуманности. Не бойтесь этого направленія: оно не обманетъ васъ, не введетъ васъ въ заблужденіе. Великій поэтъ, говоря о себѣ самомъ, о своемъ *я*, говоритъ объ общемъ—о человѣчествѣ, ибо въ его натурѣ лежитъ все, чѣмъ живетъ человѣчество. И потому въ его грусти всякій узнаетъ свою грусть, въ его душѣ всякій узнаетъ свою и видитъ въ немъ не только *поэта*, но и *человѣка*, брата своего по человѣчеству. Признавая его существомъ несравненно высшимъ себя, всякій въ то же время сознаетъ свое родство съ нимъ.

Вотъ что заставило насъ обратить особенное вниманіе на субъективныя *) стихотворенія Лермонтова, и даже порадоваться, что ихъ больше, чѣмъ чисто-художественныхъ. По этому признаку, мы узнаемъ въ немъ поэта русскаго, *народнаго*, въ высшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова,—поэта, въ которомъ выразился историческій моментъ русскаго общества. И всѣ такія его стихотворенія глубоки и многозначительны; въ нихъ выражается богатая дарами духа природа, благородная человѣческая личность.

Черезъ годъ послѣ напечатанія «Пѣсни про Царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова, Лермонтовъ вышелъ снова на арену литературы, съ стихотвореніемъ «Дума», изумившимъ всѣхъ алмазною крѣпостію стиха, громовою силою бурнаго одушевленія, исполинскою энергіею благороднаго негодованія и глубокой грусти. Съ тѣхъ поръ, стихотворенія Лермонтова стали являться одни за другими безъ перемежки, и съ его именемъ.

Поэтъ говоритъ о новомъ поколѣніи, что онъ смотритъ на него съ печалью, что его будущее «ниль пусто, иль темно», что оно должно состарѣться подъ бременемъ *познанья* и сомнѣнья; укоритъ его, что оно изсушило умъ *безплодною наукою*. Въ этомъ нельзя согласиться съ поэтомъ: *сомнѣнье*—такъ; но излишества *познанія* и *науки*, хотя бы и «безплодной» мы не

*) Повторяемъ, что слово „субъективность“ здѣсь принимается въ смыслѣ внутренняго элемента духа, а не выраженія ограниченной личности, какъ понимали его прежде.

видимъ: напротивъ, недостатокъ познанія и науки принадлежитъ къ болѣзнямъ нашего поколѣнія:

Мы всѣ учились понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь!

Хорошо бы еще, еслибъ, въ-замѣнъ утраченной жизни, мы наслаждались хоть знаніемъ: былъ бы хоть какой-нибудь выигрышъ! Но сильное движеніе общественности сдѣлало насъ обладателями знанія, безъ труда и ученія—и этотъ плодъ безъ корня, надо признаться, пришелся намъ горекъ: онъ только пресытилъ насъ, а не напиталъ, пригубилъ нашъ вкусъ, но не усладилъ его. Это обыкновенное и необходимое явленіе во всѣхъ обществахъ, вдругъ вступающихъ изъ естественной непосредственности въ сознательную жизнь, не въ нѣдрахъ ихъ возросшую и созрѣвшую, а пересаженную отъ развившихся народовъ. Мы въ этомъ отношеніи—*безъ вины виноваты!*

Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ *и поздними* ихъ *умомъ*,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ!

Какая вѣрная картина! Какая точность и оригинальность въ выраженіи! Да, умъ отцовъ нашихъ, для насъ—*поздній умъ*: великая истина!

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови!
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ легкомысленный, ребяческій разгулъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастія и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Не геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ!

Эти стихи писаны кровью; они вышли изъ глубины оскорбленнаго духа: это вопль, это стонъ человѣка, для котораго отсутствіе внутренней жизни есть зло, въ тысячу разъ ужаснѣйшее физической смерти!.. И кто же изъ людей новаго поколѣнія не найдетъ въ немъ разгадки собственнаго уныпія, душевной апатіи, пустоты внутренней, и не откликнется на него своимъ воплемъ, своимъ стономъ?.. Если подъ «сатирою» должно разумѣть не невинное зубоскальство веселенькихъ остроумцевъ, а громы негодованія, грозу духа, оскорбленнаго позоромъ общества,—то «Дума» Лермонтова есть сатира, и сатира есть законный

родъ поэзіи. Если сатиры Ювенала дышатъ такою же бурею чувства, такимъ же могуществомъ огненнаго слова, то Ювеналъ дѣйствительно великій поэтъ!...[2]).

Другая сторона того же вопроса выражена въ стихотвореніи «Поэтъ». Обдѣланный въ золото галантерейною игрушкою кинжалъ наводитъ поэта на мысль о роли, которую это орудіе смерти и мщенія играло прежде... А теперь?... Увы!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ...
Въ нашъ вѣкъ изнѣженный, не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньи?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, *какъ чаша для пировъ,*
Какъ вениамъ въ часы молитвы!
Твой стихъ, какъ Божій духъ носился надъ толпою,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшатъ блестки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ?
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?..

Вотъ оно, то бурное одушевленіе, та трепещущая, изнемогающая отъ полноты своей страсть, которую Гегель называетъ въ Шиллерѣ *пафосомъ*!.. Нѣтъ, хвалить такіе стихи можно только стихами, и притомъ такими же... А мысль?.. Мы не должны здѣсь искать статистической точности фактовъ; но должны видѣть выраженіе поэта,—и кто не признаетъ что то, чего онъ требуетъ отъ поэта, составляетъ одну изъ обязанностей его служенія и призванія? Не есть ли это характеристика поэта—характеристика благороднаго Шиллера?...

«Не вѣрь себѣ» есть стихотвореніе, составляющее тріумвиратъ съ двумя предшествовавшими. Въ немъ поэтъ рѣшаетъ тайну истиннаго вдохновенія, открывая источникъ ложнаго. Есть поэты, пишущіе въ стихахъ и въ прозѣ, и, кажется, удивительно какъ сильно и громко; но чтеніе которыхъ дѣйствуетъ на душу какъ угаръ или тяжелый хмѣль, и ихъ произведенія, особенно увлекающія молодость, какъ-то скоро испаряются изъ головы. У этихъ людей нельзя отнять дарованія и даже вдохновенія, но

Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!

Скорѣе жизнь въ заботахъ истощи,
Разлей отравленный напитокъ!
Случится ли тебѣ, въ завѣтный, чудный мигъ,
Отрыть въ душѣ давно-безмолвной
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный,—
Не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
Набрось на нихъ покровъ забвенья:
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
Не передашь ты ихъ значенья.
Закрадется ль печаль въ тайникъ души твоей,
Зайдетъ ли страсть съ грозой и вьюгой:
Не выходи тогда на шумный пиръ людей,
Съ твоею бѣшеной подругой;
Не унижай себя. Стыдись торговать
То гнѣвомъ, то тоской послушной,
И гной душевныхъ ранъ надменно выставлять
На диво черни простодушной.

Со времени появленія Пушкина, въ нашей литературѣ показались какія-то неслыханныя прежде жалобы на жизнь, пошло въ оборотъ новое слово «разочарованіе», которое теперь уже успѣло сдѣлаться и старымъ и приторнымъ. Элегія смѣнила оду и стала господствующимъ родомъ поэзіи. За поэтами даже и плохіе стихотворцы начали воспѣвать

Погибшій жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ восьмнадцать лѣтъ.

Ясно, что это была эпоха пробужденія нашего общества къ жизни: литература въ первый разъ еще начала быть выраженіемъ общества. Это новое направленіе литературы вполнѣ выразилось въ дивномъ созданіи Пушкина—«Демонъ»:

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія—
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И почью пѣнье соловья—
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь,—
Часы надеждъ и наслажденій,
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимый клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою;

Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Это демонъ сомнѣнія, это духъ размышленія, рефлексіи, разрушающей всякую полноту жизни, отравляющей всякую радость. Странное дѣло: пробудилась жизнь, и съ нею объ-руку пошло сомнѣніе—врагъ жизни! «Демонъ» Пушкина съ тѣхъ поръ остался у насъ вѣчнымъ гостемъ, и съ злою, насмѣшливою улыбкою показывается то тутъ, то тамъ... Мало этого: онъ привелъ другого демона, еще болѣе страшнаго, болѣе неразгаданнаго (Стихотворенія М. Лермонтова, стр. 109):

И скучно и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. Что пользы напрасно и вѣчно желать?..
А годы проходятъ—все лучшіе годы!
Любить... но кого же?.. На время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя ли заглянешь?—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и мука, и все тамъ ничтожно!..
Что страсти?—вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка,
И жизнь—какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ—
Такая пустая и глупая шутка...

Страшенъ этотъ глухой, могильный голосъ подземнаго страданія, нездѣшней муки, этотъ потрясающій душу реквіемъ всѣхъ надеждъ, всѣхъ чувствъ человѣческихъ, всѣхъ обаяній жизни! Отъ него содрогается человѣческая природа, стынетъ кровь въ жилахъ, и прежній свѣтлый образъ жизни представляется отвратительнымъ скелетомъ, который душитъ насъ въ своихъ костяныхъ объятіяхъ, улыбается своими костяными челюстями и прижимается къ устамъ нашимъ! Это не минута духовной дисгармоніи, сердечнаго отчаянія: это—похоронная пѣснь всей жизни! Кому не знакомо по опыту состояніе духа, выраженное въ ней, въ чьей натурѣ не скрывается возможность ея страшныхъ диссонансовъ,—тѣ, конечно, увидятъ въ ней не больше, какъ маленькую пьесу грустнаго содержанія, и будутъ правы; но тотъ, кто не разъ слышалъ внутри себя ея могильный напѣвъ, а въ ней увидѣлъ только художественное выраженіе давно-знакомаго ему ужаснаго чувства, тотъ припишетъ ей слишкомъ глубокое значеніе, слишкомъ высокую цѣну, дастъ ей почетное мѣсто между величайшими созданіями поэзіи, которыя когда-либо, подобно свѣточамъ Эвменидъ, освѣщали бездонныя пропасти человѣческаго духа... И какая простота въ выраженіи, какая естественность, свобода въ стихѣ! такъ и чувствуешь, что вся пьеса мгновенно излилась на бумагу сама-собою, какъ потокъ слезъ, давно уже накипѣвшихъ, какъ струя горячей крови изъ раны, съ которой вдругъ сорвана перевязка...

Вспомните «Героя Нашего Времени», вспомните *Печорина*—этого страннаго человѣка, который, съ одной стороны, томится жизнію, презираетъ и ее и самого себя, не вѣритъ ни въ нее, ни въ самого себя, носитъ въ себѣ какую-то бездонную пропасть желаній и страстей, ничѣмъ ненасытимыхъ, а съ другой—гонится за жизнію, жадно ловитъ ея впечатлѣнія, безумно упивается ея обаяніями: вспомните его любовь къ Вэлѣ, къ Верѣ, къ княжнѣ Мери, и потомъ поймите эти стихи:

Любить... но кого же?.. на время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно!

Да, невозможно! Но зачѣмъ же эта безумная жажда любви, къ чему эти гордые идеалы вѣчной любви, которыми мы встрѣчаемъ нашу юность, эта гордая вѣра въ неизбѣжность чувства и его дѣйствительность?.. Мы знаемъ одну пьесу, которой содержаніе вполнѣ выражаетъ тайный недугъ нашего времени, и которая за нѣсколько лѣтъ предъ симъ казалась бы даже безсмысленною, а теперь для *многихъ* слишкомъ многознаменательна. Вотъ она:

Я не люблю тебя: *мнѣ суждено судьбою*
Не полюбивши разлюбить;
Я не люблю тебя: больной моей душою,
Я никого не буду здѣсь любить.
О, не кляни меня! Я обманулъ природу,
Тебя, себя, когда, въ волшебный мигъ,
Я сердце праздное и бѣдную свободу
Повергъ въ слезахъ у милыхъ ногъ твоихъ.
Я не люблю тебя, но, нелюбя другую,
Я презиралъ бы горько самъ себя:
И, какъ безумный, я и плачу и тоскую,
И все о томъ, что не люблю тебя..

Неужели прежде этого не бывало? Или, можетъ быть, прежде этому не придавали большой важности: пока любилось—любили; разлюбилось—не тужили: даже соединяясь какъ-бы по страсти тѣми узами, которыя навсегда рѣшаютъ участь двухъ существъ, и потомъ увидѣвъ, что ошиблись въ своемъ чувствѣ, что не созданы одинъ для другого, вмѣсто того, чтобъ приходить въ отчаяніе отъ страшныхъ цѣпей, предавались лѣнивой привычкѣ, *свыкались*, и равнодушно изъ сферы гордыхъ идеаловъ, полноты чувства, переходили въ мирное и почтенное состояніе пошлой жизни?.. Вѣдь у всякой эпохи свой характеръ?.. Можетъ быть, люди нашего времени слишкомъ многаго требуютъ отъ жизни, слишкомъ необузданно предаются обаяніямъ фантазіи, такъ-что, послѣ ихъ роскошныхъ мечтаній, дѣйствительность кажется имъ уже слишкомъ безцвѣтною, блѣдною, холодною и пустою?.. Можетъ быть, люди нашего времени слишкомъ серьезно смотрятъ на жизнь, даютъ слишкомъ большое значеніе чувству?.. Можетъ-быть, жизнь представляется имъ какимъ-то высокимъ служеніемъ, священнымъ таинствомъ, и они лучше хотятъ совсѣмъ не жить, нежели жить какъ живётся?.. Можетъ быть, они слишкомъ прямо смотрятъ на вещи, слиш-

ють добросовѣстны и точны въ названіи вещей, слишкомъ откровенны насчетъ самихъ себя: протяжно зѣвая, не хотятъ называть себя энтузіастами, и ни другихъ, ни самихъ себя не хотятъ обманывать ложными чувствами и становиться на ходули?.. Можетъ быть, они слишкомъ совѣстливы и честны въ отношеніи къ участи другихъ людей, и, обѣщавъ другому существу любовь и блаженство, думаютъ, что непремѣнно должны дать ему то и другое, а не видя возможности исполнить это, предаются тоскѣ и отчаянію?.. Или, можетъ быть, лишенные сочувствія съ обществомъ, сжатые его холодными условіями, они видятъ, что не въ пользу имъ щедрые дары богатой природы, глубокаго духа, и представляютъ собою младенца въ англійской болѣзни?.. Можетъ быть—чего не можетъ быть!..

«И скучно и грустно» изъ всѣхъ пьесъ Лермонтова обратила на себя особенную непріязнь старого поколѣнія. Странные люди! имъ все кажется, что поэзія должна выдумывать, а не быть жрицею истины, тѣшить побрякушками, а не гремѣть правдою! Имъ все кажется, что люди—дѣти, которыхъ можно заговорить прибаутками, или утѣшать сказочками! Они не хотятъ понять, что если кто *кое-что* знаетъ, тотъ смѣется надъ увѣреніями и поэта и моралиста, зная, что они сами имъ не вѣрятъ. Такія правдивыя представленія того, что есть, кажутся нашимъ чудакамъ безнравственными. Питомцы Бульи и Жанлисъ, они думаютъ, что истина сама по себѣ не есть высочайшая нравственность... Но вотъ самое лучшее доказательство ихъ дѣтскаго заблужденія: изъ того же самаго духа поэта, изъ котораго вышли такіе безотрадные, леденящіе сердце человѣческое звуки, изъ того же самаго духа вышла и эта молитвенная, елейная мелодія надежды, примиренія и блаженства въ жизни жизнію (стр. 71):

Въ минуту жизни трудную
Тѣснится ль въ сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышетъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.
Съ души какъ бремя скатится.
Сомнѣнье далеко,—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко..

Другую сторону духа нашего поэта представляетъ его превосходное стихотвореніе «Памяти А. И. О-го»: это сладостная мелодія какихъ-то глубокихъ, но тихихъ думъ, чувства сильнаго, но цѣломудреннаго, замкнутаго въ самомъ себѣ.. Есть въ этомъ стихотвореніи что-то кроткое, задушевное, отрадно успокоивающее душу...

Но до конца среди волненій трудныхъ,
Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ,
Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,

И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную.
Но онъ погибъ далеко отъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужихъ полей,
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ.
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ тебя не понялъ ни единый...
И было ль то привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крикъ послѣдняго недуга,
Кто скажетъ намъ?.. твои дѣла и мнѣнья,
И думы—все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ лѣтній паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ—
Куда они? зачѣмъ? откуда?—кто ихъ спроситъ!..

И какою грандіозною, гармонирующею съ тономъ цѣлаго картиною заключается это стихотвореніе:

Любилъ ты моря шумъ, молчанье сипей степи—
И мрачныхъ горъ зубчатые хребты...
И, вкругъ твоей могилы неизвѣстной,
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебряпымъ Кавказъ ее объемлетъ;
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ, склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая,
А Море Черное шумитъ не умолкая...

Вотъ истинно-безконечное и въ мысли и въ выраженіи; вотъ то, что въ эстетикѣ должно разумѣть подъ именемъ высокаго (sublime)...

Не выписываемъ чудной «Молитвы» (стр. 43), въ которой поэтъ поручаетъ Матери Божіей, «теплой заступницѣ холоднаго міра», невинную дѣву. Кто бы ни была эта дѣва—возлюбленная ли сердца, или милая сестра—не въ томъ дѣло; но сколько кроткой задушевности въ тонѣ этого стихотворенія, сколько нѣжности безъ всякой приторности; какое благоуханное, теплое, женственное чувство! Все это трогаетъ въ голубиной натурѣ человѣка; но въ духѣ мощномъ и гордомъ, въ натурѣ львиной—все это больше, чѣмъ умилительно... Изъ какихъ богатыхъ элементовъ составлена поэзія этого человѣка, какими разнообразными мотивами и звуками гремятъ и льются ея гармоніи и мелодіи! Вотъ

пьеса, означенная рубрикою «*1-е Января*»: читая ее, мы опять входимъ въ совершенно-новый міръ, хотя и застаемъ въ ней все ту же думу, то же сердце, словомъ—ту же личность, какъ и въ прежнихъ. Поэтъ говоритъ, какъ часто, при шумѣ пестрой толпы, среди мелькающихъ вокругъ него бездушныхъ лицъ—*стянутыхъ приличьемъ масокъ*, когда холодныхъ рукъ его съ небрежною смѣлостью касаются *давно безтрепетныя* руки модныхъ красавицъ, какъ часто воскресаютъ въ немъ старинныя мечты, святые звуки погибшихъ лѣтъ...

И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится—и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.

Только у Пушкина можно найдти такія картины въ этомъ родѣ! Когда же, говоритъ онъ, шумъ людской толпы *спугнетъ мою мечту*,

О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!..

Если бы не всѣ стихотворенія Лермонтова были одинаково-*лучшія*, то это мы назвали бы однимъ изъ лучшихъ.

«Журналистъ, Читатель и Писатель» напоминаетъ и идеею, и формою, и художественнымъ достоинствомъ «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ» Пушкина. Разговорный языкъ этой пьесы—верхъ совершенства; рѣзкость сужденій тонкая и ѣдкая насмѣшка, оригинальность и поразительная вѣрность взглядовъ и замѣчаній—изумительны. Исповѣдь поэта, которою оканчивается пьеса, блеститъ слезами, горитъ чувствомъ. Личность поэта является въ этой исповѣди въ высшей степени благородною.

«Ребенку»—это маленькое лирическое стихотвореніе заключаетъ въ себѣ цѣлую повѣсть, высказанную намеками, но тѣмъ не менѣе понятную. О, какъ глубоко-поучительна эта повѣсть, какъ сильно потрясаетъ она душу!.. Въ ней глухія рыданія обманутой любви, стоны исходящаго кровію сердца, жестокія проклятія, а потомъ, можетъ быть, и благословеніе смиреннаго испытаніемъ сердца женщины... Какъ я люблю тебя, прекрасное дитя! Говорятъ, ты похожъ на нее, и хоть страданія измѣнили ее прежде времени, но ея образъ въ моемъ сердцѣ...

.... А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебѣ непрошенныя ласки?
Не слишкомъ часто ль я твои цѣлую глазки?
Слеза моихъ ланитъ твоихъ не обожгла ль?
Смотри жь, не говори ни про мою печаль,

Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть можетъ
Ребяческій разсказъ разсердитъ, иль встревожитъ...
Но ты мнѣ все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней,—скажи: тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ-быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя?—Звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если какъ-нибудь, когда-нибудь случайно
Узнаешь ты его,—ребяческіе дни
Ты вспомни, и его, дитя, не проклянн!

Отчего же тутъ нѣтъ раскаянія?—спросятъ моралисты. Надѣньте очки, господа, и вы увидите, что герой пьесы спрашиваетъ дитя—не учила ли *она* его молиться еще за кого-то, не произносила ли, блѣднѣя, теперь забытаго имъ имени?.. Онъ проситъ ребенка не проклинать этого имени, если узнаетъ о немъ. Вотъ истинное торжество нравственности!

Поэтическая мысль можетъ иногда родиться и вслѣдствіе какого-нибудь изъ тѣхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ слагается наша жизнь; но чаще всего и почти всегда она есть не что иное, какъ случай дѣйствительности въ возможности, и потому въ поэзіи не имѣетъ никакого мѣста вопросъ: «было ли это?»; но она всегда должна положительно отвѣчать на вопросъ: «возможно ли это, можетъ ли это быть въ дѣйствительности?» Самое обстоятельство можетъ только, такъ сказать, натолкнуть поэта на поэтическую идею, и будучи выражено имъ въ стихотвореніи, является уже совсѣмъ другимъ, новымъ и небывалымъ, но могущимъ быть. Потому, чѣмъ выше талантъ поэта, тѣмъ больше находимъ мы въ его произведеніяхъ примѣненій и къ собственной нашей жизни, и къ жизни другихъ людей. Мало этого: въ неиспытанныхъ нами обстоятельствахъ мы узнаемъ какъ-будто коротко-знакомое намъ по опыту,—и тогда понимаемъ, почему поэзія, выражая частное, есть выраженіе общаго. Прочтите «Сосѣда» Лермонтова—и хотя бы вы никогда не были въ подобномъ обстоятельствѣ, но вамъ покажется, что вы когда-то были въ заключеніи, любили незримаго сосѣда, отдѣленнаго отъ васъ стѣною, прислушивались и къ мѣрному звуку шаговъ его, и къ унылой пѣсни его, и говорили къ нему про себя:

Я слушаю—и въ мрачной тишинѣ
Твои напѣвы раздаются...
О чемъ они—не знаю; но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются...
И лучшихъ лѣтъ надежды и любовь

Въ груди моей все оживаетъ вновь,
И мысли далеко несутся,
И полонъ умъ желаній и страстей,
И кровь кипитъ—и слезы изъ очей,
Какъ звуки другъ за другомъ льются...

Эта тихая, кроткая грусть души сильной и крѣпкой, эти унылые, мелодическіе звуки, льющіеся другъ за другомъ, какъ слеза за слезою; эти слезы, льющіяся одна за другою, какъ звукъ за звукомъ,—сколько въ нихъ таинственнаго, невыговариваемаго, но такъ ясно понятнаго сердцу! Здѣсь поэзія становится музыкою: здѣсь обстоятельство является, какъ въ операѣ, только поводомъ къ звукамъ, намекомъ на нихъ таинственное значеніе; здѣсь отъ случая жизни отнята вся его матеріальная, внѣшняя сторона, и извлеченъ изъ него одинъ чистый эоиръ, солнечный лучъ свѣта, въ возможности скрывавшіеся въ немъ... Выраженное въ этой пьесѣ обстоятельство можетъ быть фактомъ, но сама пьеса относится къ этому факту, какъ относится къ натуральной розѣ поэтическая роза, въ которой нѣтъ грубаго вещества, составляющаго натуральную розу, но въ которой только нѣжный румянецъ и кроткое ароматическое дыханіе натуральной розы...

Гармонически и благоуханно высказывается дума поэта въ пьесахъ: «Когда волнуется желтѣющая нива», «Разстались мы; но твой портретъ», и «Отчего»,—и грустно, болѣзненно въ пьесѣ «Благодарность». Не можемъ не остановиться на двухъ послѣднихъ. Онѣ коротки, повидимому лишены общаго значенія и не заключаютъ въ себѣ никакой идеи; но, Боже мой! какую длинную и грустную повѣсть содержитъ въ себѣ каждое изъ нихъ! какъ онѣ глубоко знаменательны какъ полны мыслію!

Мнѣ грустно, потому-что я тебя люблю,
И знаю: молодость цвѣтущую твою
Не пощадитъ молвы коварное гоненье.
За каждый свѣтлый день, иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ.
Мнѣ грустно... потому-что весело тебѣ.

Это вздохъ музыки, это мелодія грусти, это кроткое страданіе любви, послѣдняя дань нѣжно и глубоко-любимому предмету отъ растерзаннаго и смиреннаго бурею судьбы сердца!.. И какая удивительная простота въ стихѣ! Здѣсь говоритъ одно чувство, которое такъ полно, что не требуетъ поэтическихъ образовъ для своего выраженія; ему не нужно убранства, не нужно украшеній, оно говоритъ само за себя, оно вполнѣ высказалось бы и прозою...

За все, за все тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцалуя,
За месть враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ,—
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...

Устрой лишь такъ, чтобы тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ...

Какая мысль скрывается въ этой грустной «благодарности», въ этомъ сарказмѣ обманутаго чувствомъ и жизнію сердца? Все хорошо: и тайныя мученія страстей, и горечь слезъ, и всѣ обманы жизни; но еще лучше, когда ихъ нѣтъ, хотя безъ нихъ и нѣтъ ничего, что̀ проситъ душа, чѣмъ живетъ она, что̀ нужно ей, какъ масло для лампады!.. Это утомленіе чувствомъ; сердце проситъ покоя и отдыха, хотя и не можетъ жить безъ волненія и движенія... Въ pendant къ этой пьесѣ можетъ идти новое стихотвореніе Лермонтова, *Завѣщаніе*, напечатанное въ этой книжкѣ «Отеч. Записокъ»: это похоронная пѣснь жизни и всѣмъ ея обольщеніямъ, тѣмъ болѣе ужасная, что ея голосъ не глухой и не громкій, а холодно-спокойный; выраженіе не горитъ и не сверкаетъ образами, но небрежно и прозаично... Мысль этой пьесы: и худое и хорошее—все равно; сдѣлать лучше не въ нашей волѣ, и потому пусть идетъ себѣ какъ оно хочетъ... Это ужь даже и не сарказмъ, не иронія, и не жалоба: не на что сердиться, не на что жаловаться,—все равно! Отца и мать жаль огорчить... Возлѣ нихъ есть сосѣдка—она не спроситъ о немъ, но нечего жалѣть пустого сердца—пусть поплачетъ: вѣдь это ей ни почемъ! Страшно!.. Но поэзія есть сама дѣйствительность, и потому она должна быть неумолима и безпощадна, гдѣ дѣло идетъ о томъ, что̀ есть или что̀ бываетъ... А человѣку необходимо должно перейти и черезъ это состояніе духа. Въ музыкѣ, гармонія условливается диссонансомъ, въ духѣ—блаженство условливается страданіемъ, избытокъ чувства сухостію чувства, любовь ненавистью, сильная жизненность отсутствіемъ жизни: это такія крайности, которыя всегда живутъ вмѣстѣ, въ одномъ сердцѣ. Кто не печалился и не плакалъ, тотъ и не возрадуется, кто не болѣлъ, тотъ и не выздоровѣетъ, кто не умиралъ за-живо, тотъ и не возстанетъ... Жалѣйте поэта, или, лучше, самихъ себя: ибо показавъ вамъ раны своей души, онъ показалъ вамъ ваши собственныя раны; но не отчаявайтесь ни за поэта, ни за человѣка: въ томъ и другомъ бурю смѣняетъ ведро, безотрадность—надежда...

Надежда!—можетъ-быть, подъ бременемъ годовъ,
Подъ снѣгомъ опыта и зимняго сомнѣнья,
Таятся сѣмена погибшувшихъ цвѣтовъ
И, можетъ быть, еще свершится прозябенье!

Два перевода изъ Байрона,—«Еврейская мелодія» и «Въ Альбомъ», тоже выражаютъ внутренній міръ души поэта. Это боль сердца, тяжкіе вздохи груди; это надгробныя надписи на памятникахъ погибшихъ радостей...

Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ,
Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданьями была упитана она,
Таилась долго и безмолвно;

И грозный часъ насталъ—теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти яда полный.

«Вѣтка Палестины» и «Тучи» составляютъ переходъ отъ субъективныхъ стихотвореній нашего поэта къ чисто-художественнымъ. Въ обѣихъ пьесахъ видна еще личность поэта, но въ то же время виденъ уже и выходъ его изъ внутренняго міра своей души въ созерцаніе «полнаго славы творенья». Первая изъ нихъ дышетъ благодатнымъ спокойствіемъ сердца, теплотою молитвы, кроткимъ вѣяніемъ святыни. О самой этой пьесѣ можно сказать то же, что говорится въ ней о *вѣткѣ Палестины*:

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой,
Стоишь ты, вѣтвь Іерусалима,
Святыни вѣрный часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой...

Вторая пьеса «Тучи» полна какого-то отраднаго чувства выздоровленія и надежды, и плѣняетъ роскошью поэтическихъ образовъ, какимъ-то избыткомъ умиленнаго чувства.

«Русалкою» начнемъ мы рядъ чисто-художественныхъ стихотвореній Лермонтова, въ которыхъ личность поэта исчезаетъ за роскошными видѣніями явленій жизни. Эта пьеса покрыта фантастическимъ колоритомъ, и по роскоши картинъ, богатству поэтическихъ образовъ, художественности отдѣлки, составляетъ собою одинъ изъ драгоцѣнѣйшихъ перловъ русской поэзіи. «Три Пальмы» дышатъ знойною природою востока, переносятъ насъ на песчаныя пустыни Аравіи, на ея цвѣтущіе оазисы. Мысль поэта ярко выдается,—и онъ поступилъ съ нею какъ истинный поэтъ, не заключивъ своей пьесы нравственною сентенціею. Самая эта мысль могла быть опоэтизирована только своимъ восточнымъ колоритомъ и оправдана названіемъ «Восточное сказаніе»; иначе она была бы дѣтскою мыслію. Пластицизмъ и рельефность образовъ, выпуклость формъ и яркій блескъ восточныхъ красокъ—сливаютъ, въ этой пьесѣ, поэзію съ живописью: это картина Брюлова, смотря на которую, хочешь еще и осязать ее.

..... Вдали голубой
Столбомъ ужь крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Нестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.
Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой поднимали,
И черныя очи оттуда сверкали...

И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ вороного коня.
И конь на дыбы подымался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой,
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ;
И съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

Нечего хвалить такіе стихи—они говорятъ сами за себя, и выше всякихъ похвалъ.

«Дары Терека» есть поэтическая апоѳеоза Кавказа. Только роскошная, живая фантазія Грековъ умѣла такъ олицетворять природу, давать образъ и личность ея нѣмымъ и разбросаннымъ явленіямъ. Нѣтъ возможности выписывать стиховъ изъ этой дивно-художественной пьесы, этого роскошнаго видѣнія богатой, радужной, исполинской фантазіи; иначе пришлось бы переписать все стихотвореніе. Терекъ и Каспій олицетворяютъ собою Кавказъ, какъ самыя характеристическія его явленія. Терекъ сулитъ Каспію дорогой подарокъ; но сладострастно-лѣнивый сибаритъ моря, покоясь въ мягкихъ берегахъ, не внемлетъ ему, не обольщаясь ни стадомъ валуновъ, ни трупомъ удалаго Кабардинца; но когда Терекъ сулитъ ему сокровенный даръ—безцѣннѣе всѣхъ даровъ вселенной, и когда

... Надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косой размытой,
Колыхаяся всплыла,—
И старикъ во блескѣ власти
Всталъ могучій какъ гроза,
И одѣлись влагой страсти
Темносиніе глаза.
Онъ взыгралъ, веселья полный—
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви...

Мы не назовемъ Лермонтова ни Байрономъ, ни Гете, ни Пушкинымъ; но не думаемъ сдѣлать ему гиперболической похвалы, сказавъ, что *такія* стихотворенія, какъ «Русалка», «Три Пальмы», и «Дары Терека» можно находить только у такихъ поэтовъ, какъ Байронъ, Гете и Пушкинъ...

Не менѣе превосходна «Казачья колыбельная пѣсня». Ея идея—мать; но поэтъ умѣлъ дать индивидуальное значеніе этой общей идеѣ: его мать—казачка, и потому содержаніе ея колыбельной пѣсни выражаетъ собою особенности и оттѣнки казачьяго быта. Это стихотвореніе есть художественная апоѳеоза матери: все, что̀ есть святаго, беззавѣтнаго въ любви матери, весь трепетъ, вся нѣга, вся страсть, вся безконечность кроткой нѣжности, безграничность безкорыстной преданности, какою дышетъ любовь матери,—все это воспроизведено поэтомъ во всей полнотѣ. Гдѣ, откуда взялъ поэтъ эти простодушныя слова,

эту умилительную нѣжность тона, эти кроткіе и задушевные звуки, эту женственность и прелесть выраженія? Онъ видѣлъ Кавказъ,—и намъ понятна вѣрность его картинъ Кавказа; онъ не видалъ Аравіи, и ничего, что могло бы дать ему понятіе объ этой сторонѣ палящаго солнца, песчаныхъ степей, зеленыхъ пальмъ и прохладныхъ источниковъ, но онъ читалъ ихъ описанія: какъ же онъ такъ глубоко могъ проникнуть въ тайны женскаго и материнскаго чувства?

Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жь, дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
. . . . . .
Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!..
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жь, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.
Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой.
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю!

«Воздушный Корабль» не есть собственно переводъ изъ Зейдлица: Лермонтовъ взялъ у нѣмецкаго поэта только идею, но обработалъ ее по-своему. Эта пьеса, по своей художественности, достойна великой тѣни, которой колоссальный обликъ такъ грандіозно представленъ въ ней.—Какое тихое, успокоительное чувство ночи послѣ знойнаго дня вѣетъ въ этой маленькой пьесѣ Гете, такъ граціозно переданной нашимъ поэтомъ:

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной;
Тихія долины
Полны свѣжей мглой;
Не пылитъ дорога,

Не дрожатъ листы..
Подожди немного—
Отдохнешь и ты.

Теперь намъ остается разобрать поэму Лермонтова «Мцыри». Плѣнный мальчикъ Черкесъ воспитанъ былъ въ грузинскомъ монастырѣ; выросши, онъ хочетъ сдѣлаться, или его хотятъ сдѣлать монахомъ. Разъ была страшная буря, во время которой Черкесъ скрылся. Три дня пропадалъ онъ, а на четвертый былъ найденъ въ стени, близъ обители, слабый, больной, и умирающій перенесенъ снова въ монастырь. Почти вся поэма состоитъ изъ исповѣди о томъ, что было съ нимъ въ эти три дня. Давно манилъ его къ себѣ призракъ родины, темно носившійся въ душѣ его, какъ воспоминаніе дѣтства. Онъ захотѣлъ видѣть Божій міръ—и ушелъ.

Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,
Узнать, прекрасна ли земля,—
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ. О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ въ замѣнъ
Той дружбы краткой, но живой
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?..

Уже изъ этихъ словъ вы видите, что за огненная душа, что за могучій духъ, что за исполинская натура у этого мцыри! Это любимый идеалъ нашего поэта, это отраженіе въ поэзіи тѣни его собственной личности. Во всемъ, что ни говоритъ мцыри, вѣетъ его собственнымъ духомъ, поражаетъ его собственною мощью. Это произведеніе субъективное.

Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ;
Растеній радужный нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ
И кудри виноградныхъ лозъ
Вились, красуясь межъ деревъ
Прозрачной зеленью листовъ;
И грозды полные на нихъ,
Серегъ подобье дорогихъ,
Висѣли пышно, и порой
Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
И снова я къ землѣ припалъ,
И снова вслушиваться сталъ
Къ волшебнымъ, страннымъ голосамъ.
Они шептались по кустамъ,

Какъ-будто рѣчь свою вели
О тайнахъ неба и земли;
И всѣ природы голоса
Сливались тутъ; не раздался
Въ торжественный моленья часъ
Лишь человѣка гордый гласъ.
Все, что̀ я чувствовалъ тогда,
Тѣ думы—имъ ужь нѣтъ слѣда;
Но я бъ желалъ ихъ разсказать,
Чтобъ жить, хоть мысленно, опять
Въ то утро былъ небесный сводъ
Такъ чистъ, что ангела полетъ
Прилежный взоръ слѣдить бы могъ;
Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
Такъ полонъ ровной синевой!
Я въ немъ глазами и душой
Тонулъ, пока полдневный зной
Мои мечты не разогналъ,
И жаждой я томиться сталъ.

. . . . . .

Вдругъ голосъ—легкій шумъ шаговъ...
Мгновенно скрывшись межь кустовъ,
Невольнымъ трепетомъ объятъ,
Я поднялъ боязливый взглядъ,
И жадно вслушиваться сталъ,
И ближе, ближе все звучалъ
Грузинки голосъ молодой,
Такъ безъискусственно-живой,
Такъ сладко-вольный, будто онъ
Лишь звуки дружескихъ именъ
Произносить былъ пріученъ.
Простая пѣсня то была,
Но въ мысль она мнѣ залегла,
И мнѣ, лишь сумракъ настаетъ,
Незримый духъ ее поетъ.
Держа кувшинъ надъ головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила къ берегу. Порой
Она скользила межь камней,
Смѣясь неловкости своей.
И бѣденъ былъ ея нарядъ;
И шла она легко, назадъ
Изгибы длинные чадры
Откинувъ. Лѣтніе жары
Покрыли тѣнью золотой
Лицо и грудь ея; и зной
Дышалъ отъ устъ ея и щекъ,
И мракъ очей былъ такъ глубокъ,
Такъ полонъ тайнами любви,
Что думы пылкія мои

Смутились. Помню только я
Кувшина звонъ, когда струя
Вливалась медленно въ него,
И шорохъ... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила отъ сердца кровь,
Она была ужь далеко;
И шла хоть тише—но легко,
Стройна подъ ношею своей,
Какъ тополь, царь ея полей!

Мцыри сбивается съ пути, желая пробраться въ родную сторону, воспоминаніе которой смутно живетъ въ душѣ его.

Напрасно въ бѣшенствѣ, порой,
Я рвалъ отчаянной рукой
Терновникъ, спутанный плющомъ:
Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
Страшнѣй и гуще каждый часъ;
И милліономъ черныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждаго куста...
Моя кружилась голова;
Я сталъ влѣзать на дерева;
Но даже на краю небесъ
Все тотъ же былъ зубчатый лѣсъ.
Тогда на землю я упалъ
И въ изступленіи рыдалъ.
И грызъ сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
Въ нее горячею росой...
Но, вѣрь мнѣ, помощи людской
Я не желалъ... Я былъ чужой
Для нихъ на вѣкъ, какъ звѣрь степной;
И еслибъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ, клянусь, старикъ,
Я бъ вырвалъ слабый мой языкъ.
Ты помнишь дѣтскіе года:
Слезы не зналъ я никогда:
Но тутъ я плакалъ безъ стыда.
Кто видѣть могъ? Лишь темный лѣсъ,
Да мѣсяцъ, плывшій средь небесъ!
Озарена его лучомъ
Покрыта мохомъ и пескомъ,
Непроницаемой стѣной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдругъ по ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры... и потомъ
Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и легъ,

Играя, навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость—
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ;
То взоръ кровавый устремлялъ,
Мотая ласково хвостомъ,
На полный мѣсяцъ,—и на немъ
Шерсть отливалась серебромъ
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуту битвы; сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови... Да, рука судьбы
Меня вела инымъ путемъ..
Но нынѣче я увѣренъ въ томъ,
Что быть бы могъ въ краю отцовъ
Не изъ послѣднихъ удальцовъ..
Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ, и вой
Протяжный, жалобный какъ стонъ
Раздался вдругъ... и началъ онъ
Сердито лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ,
И первый бѣшеный скачокъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ...
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ.
Надежный сукъ мой, какъ топоръ,
Широкій лобъ его разсѣкъ...
Онъ застоналъ какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила изъ раны кровь
Густой, широкою волной,—
Бой закипѣлъ, смертельный бой!
Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Мое ружье... онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетясь какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ, и во мглѣ
Бой продолжался на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ:
Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ какъ онъ;
Какъ-будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ
Казалось, что слова людей
Забылъ я—и въ груди моей
Родился тотъ ужасный крикъ,

Какъ-будто съ дѣтства мой языкъ
Къ иному звуку не привыкъ...
Но врагъ мой сталъ изнемогать,
Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно—и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!..

Блуждая въ лѣсу, голодный и умирающій, мцыри вдругъ увидѣлъ съ ужасомъ, что воротился опять къ своему монастырю. Выписываемъ окончаніе поэмы:

Прощай, отецъ... дай руку мнѣ:
Ты чувствуешь, моя въ огнѣ...
Знай: этотъ пламень съ юныхъ дней
Таился, жилъ въ груди моей;
Но нынѣ пищи нѣтъ ему,
И онъ прожогъ свою тюрьму
И возвратится вновь къ тому,
Кто всѣмъ законной чередой
Даетъ страданье и покой...
Когда я стану умирать,
И, вѣрь, тебѣ не долго ждать—
Ты перенесть меня вели
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
Акацій бѣлыхъ два куста...
Трава межь ними такъ густа,
И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
И такъ прозрачно-золотистъ
Играющій на солнцѣ листъ;
Тамъ положить вели меня.
Сіяньемъ голубого дня
Упьюся я въ послѣдній разъ.
Оттуда видѣнъ и Кавказъ!
Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ,
Пришлетъ съ прохладнымъ вѣтеркомъ...
И близъ меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звукъ!
И стану думать я, что другъ,
Иль братъ, склонившись надо мной,
Отеръ внимательной рукой
Съ лица кончины хладный потъ,
И что въ полголоса поетъ
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!

Изъ нашихъ выписокъ вполнѣ видна мысль поэмы: эта мысль отзывается юношескою незрѣлостію, и если она дала возможность поэту разсыпать передъ вашими глазами такое богатство самоцвѣтныхъ камней поэзіи,—то не сама собою, а точно какъ странное содержаніе инаго посредственнаго либретто даетъ геніальному композитору возможность создать превосходную оперу. Недавно, кто-то резонерствуя въ газетной статьѣ о стихотвореніяхъ Лермонтова, назвалъ его «Пѣсню про царя Ивана Васильевича, удалова опричника и молодова купца Калашникова» произведеніемъ дѣтскимъ, а «Мцыри»—произведеніемъ зрѣлымъ; глубокомысленный критиканъ, разсчитывая по пальцамъ время появленія той и другой поэмы, очень остроумно сообразилъ, что авторъ былъ тремя годами старше, когда написалъ «Мцыри», и изъ этого казуса весьма основательно вывелъ заключеніе: ergo «Мцыри» зрѣлѣе. Это очень понятно: у кого нѣтъ эстетическаго чувства, кому не говоритъ само за себя поэтическое произведеніе, тому остается гадать о немъ по пальцамъ, или соображаться съ метрическими книгами... [23]).

Но несмотря на незрѣлость идеи и нѣкоторую натянутость въ содержаніи «Мцыри»,—подробности и изложеніе этой поэмы изумляютъ своимъ исполненіемъ. Можно сказать безъ преувеличенія,—что поэтъ бралъ цвѣты у радуги, лучи у солнца, блескъ у молніи, грохотъ у громовъ, гулъ у вѣтровъ,—что вся природа сама несла и подавала ему матеріалы, когда писалъ онъ эту поэму... Кажется, будто поэтъ до того былъ отягощенъ обременительною полнотою внутренняго чувства, жизни и поэтическихъ образовъ, что готовъ былъ воспользоваться первою мелькнувшею мыслію, чтобъ только освободиться отъ нихъ,—и они хлынули изъ души его, какъ горящая лава изъ огнедышущей горы, какъ море дождя изъ тучи, мгновенно объявшей собою распаленный горизонтъ, какъ внезапно прорвавшійся яростный потокъ, поглощающій окрестность на далекое разстояніе своими сокрушительными волнами... Этотъ четырехстопный ямбъ съ одними мужескими окончаніями, какъ въ «Шильйонскомъ Узникѣ», звучитъ и отрывисто падаетъ, какъ ударъ меча, поражающаго свою жертву. Упругость, энергія и звучное, однообразное паденіе его удивительно гармонируютъ съ сосредоточеннымъ чувствомъ, несокрушимою силою могучей натуры и трагическимъ положеніемъ героя поэмы. А между тѣмъ, какое разнообразіе картинъ, образовъ и чувствъ! тутъ и бури духа, и умиленіе сердца, и вопли отчаянія, и тихія жалобы, и гордое ожесточеніе, и кроткая грусть, и мраки ночи, и торжественное величіе утра, и блескъ полудня, и таинственное обаяніе вечера!.. Многія положенія изумляютъ своею вѣрностію: таково мѣсто, гдѣ мцыри описываетъ свое замираніе подлѣ монастыря, когда грудь его пылала предсмертнымъ огнемъ, когда надъ усталою головою уже вѣяли успокоительные сны смерти и носились ея фантастическія видѣнія. Картины природы обличаютъ кисть великаго мастера: онѣ дышутъ грандіозностію и роскошнымъ блескомъ фантастическаго Кавказа. Кавказъ взялъ полную дань съ музы нашего поэта... Странное дѣло! Кавказу какъ-будто суждено быть колыбелью нашихъ

поэтическихъ талантовъ, вдохновителемъ и пѣстуномъ ихъ музы, поэтическою ихъ родиною! Пушкинъ посвятилъ Кавказу одну изъ первыхъ своихъ поэмъ—«Кавказскаго Плѣнника», и одна изъ послѣднихъ его поэмъ—«Галубъ» тоже посвящена Кавказу; нѣсколько превосходныхъ лирическихъ стихотвореній его также относятся къ Кавказу. Грибоѣдовъ создалъ на Кавказѣ свое «Горе отъ Ума»: дикая и величавая природа этой страны, кипучая жизнь и суровая поэзія ея сыновъ вдохновили его оскорбленное человѣческое чувство на изображеніе анатическаго, ничтожнаго круга Фамусовыхъ, Скалозубовъ, Загорѣцкихъ, Хлестовыхъ, Тугоуховскихъ, Репетиловыхъ, Молчалиныхъ—этихъ каррикатуръ на природу человѣческую... И вотъ является новый великій талантъ—и Кавказъ дѣлается его поэтическою родиною, пламенно-любимою имъ; на недоступныхъ вершинахъ Кавказа, вѣнчанныхъ вѣчнымъ снѣгомъ, находитъ онъ свой Парнассъ; въ его свирѣпомъ Терекѣ, въ его горныхъ потокахъ, въ его цѣлебныхъ источникахъ, находитъ онъ свой Кастальскій ключъ, свою Ипокрену... Какъ жаль, что не напечатана другая поэма Лермонтова, дѣйствіе которой совершается тоже на Кавказѣ, и которая въ рукописи ходитъ въ публикѣ, какъ нѣкогда ходило «Горе отъ Ума»: мы говоримъ о «Демонѣ». Мысль этой поэмы глубже и несравненно-зрѣлѣе, чѣмъ мысль «Мцыри», и хотя исполненіе ея отзывается нѣкоторою незрѣлостію, но роскошь картинъ, богатство поэтическаго одушевленія, превосходные стихи, высокость мыслей, обаятельная прелесть образовъ, ставитъ ее несравненно выше «Мцыри» и превосходитъ все, что можно сказать въ ея похвалу. Это не художественное созданіе, въ строгомъ смыслѣ искусства; но оно обнаруживаетъ всю мощь таланта поэта и обѣщаетъ въ будущемъ великія художественныя созданія.

Говоря вообще о поэзіи Лермонтова, мы должны замѣтить въ ней одинъ недостатокъ: это иногда неясность образовъ и неточность въ выраженіи. Такъ, напр., въ «Дарахъ Терека», гдѣ *сердитый потокъ* описываетъ Каспію красоту убитой казачки, очень неопредѣленно намекнуто и на причину ея смерти, и на ея отношенія къ гребенскому казаку:

По красоткѣ-молодицѣ
Не тоскуетъ надъ рѣкой
Лишь одинъ во всей станицѣ
Казачина гребенской.
Осѣдлалъ онъ воронаго,
И въ горахъ, въ ночномъ бою,
На кинжалъ Чеченца злаго
Сложитъ голову свою.

Здѣсь на догадку читателя оставляется три случая, равно возможные: или, что Чеченецъ убилъ казачку, а казакъ обрекъ себя мщенію за смерть своей любезной; или что самъ казакъ убилъ ее изъ ревности и ищетъ себѣ смерти, или что онъ еще не знаетъ о погибели своей возлюбленной, и потому не тужитъ о ней, готовясь въ бой. Такая неопредѣленность вредитъ художественности, которая именно въ томъ и состоитъ, что говоритъ образами опредѣленными, вы-

пуклыми, рельефными, вполнѣ выражающими заключенную въ нихъ мысль. Можно найти въ книжкѣ Лермонтова пять-шесть неточныхъ выраженій, подобныхъ тому, которыми оканчивается его превосходная пьеса «Поэтъ»:

Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ?
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

Ржавчина презрѣнья—выраженіе неточное и слишкомъ сбивающееся на аллегорію. Каждое слово въ поэтическомъ произведеніи должно до того исчерпывать все значеніе требуемаго мыслію цѣлаго произведенія, чтобъ видно было, что нѣтъ въ языкѣ другаго слова, которое тутъ могло бы замѣнить его. Пушкинъ, и въ этомъ отношеніи, величайшій образецъ: во всѣхъ томахъ его произведеній едва-ли можно найти хоть одно сколько-нибудь неточное или изысканное выраженіе, даже слово... Но мы говоримъ не больше, какъ о пяти или шести пятнышкахъ въ книгѣ Лермонтова: все остальное въ ней удивляетъ силою и тонкостію художественнаго такта, полновластнымъ обладаніемъ совершенно покореннаго языка, истинно-пушкинскою точностію выраженія.

Бросая общій взглядъ на стихотворенія Лермонтова, мы видимъ въ нихъ всѣ силы, всѣ элементы, изъ которыхъ слагается жизнь и поэзія. Въ этой глубокой натурѣ, въ этомъ мощномъ духѣ все живетъ; имъ все доступно, все понятно; они на все откликаются. Онъ всевластный обладатель царства явленій жизни, онъ воспроизводитъ ихъ какъ истинный художникъ; онъ поэтъ русскій въ душѣ— въ немъ живетъ прошедшее и настоящее русской жизни; онъ глубоко знакомъ и съ внутреннимъ міромъ души. Несокрушимая сила и мощь духа, смиреніе жалобъ, елейное благоуханіе молитвы, пламенное, бурное одушевленіе, тихая грусть, кроткая задумчивость, вопли гордаго страданія, стоны отчаянія, таинственная нѣжность чувства, неукротимые порывы дерзкихъ желаній, цѣломудренная чистота, недуги современнаго общества, картины міровой жизни, хмѣльныя обаянія жизни, укоры совѣсти, умилительное раскаяніе, рыданія страсти и тихія слезы, какъ звукъ за звукомъ, льющіяся въ полнотѣ умирённаго бурею жизни сердца, упоенія любви, трепетъ разлуки, радость свиданія, чувство матери, презрѣніе къ прозѣ жизни, безумная жажда восторговъ, полнота упивающагося роскошью бытія духа, пламенная вѣра, мука душевной пустоты, стонъ отвращающагося самого-себя чувства замершей жизни, ядъ отрицанія, холодъ сомнѣнія, борьба полноты чувства съ разрушающею силою рефлексіи, падшій духъ неба, гордый демонъ и невинный младенецъ, буйная вакханка и чистая дѣва — все, все въ поэзіи Лермонтова: и небо и земля, и рай и адъ... Но глубинѣ мысли, роскоши поэтическихъ образовъ, увлекательной, неотразимой силѣ поэтическаго обаянія, полнотѣ жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненнымъ фонтаномъ, его созданія напоминаютъ собою созданія великихъ поэтовъ. Его поприще еще только начато, и уже какъ много имъ сдѣлано, какое неистощимое богатство элементовъ обнаружено имъ: чего же должно ожидать

отъ него въ будущемъ?.. Пока еще не назовемъ мы его ни Байрономъ, ни Гёте, ни Пушкинымъ, и не скажемъ, чтобъ изъ него современемъ вышелъ Байронъ, Гёте, или Пушкинъ: ибо мы убѣждены, что изъ него выйдетъ ни тотъ, ни другой, ни третій, а выйдетъ—*Лермонтовъ*... Знаемъ, что наши похвалы покажутся большинству публики преувеличенными; но мы уже обрекли себя тяжелой роли говорить рѣзко и опредѣленно то, чему сначала никто не вѣритъ, но въ чемъ скоро всѣ убѣждаются, забывая того, кто первый выговорилъ сознаніе общества и на кого оно за это смотрѣло съ насмѣшкою и неудовольствіемъ... Для толпы нѣмо и безмолвно свидѣтельство духа, которымъ запечатлѣны созданія вновь-явившагося таланта: она составляетъ свое сужденіе не по самымъ этимъ созданіямъ, а потому-что о нихъ говорятъ сперва люди почтенные, литераторы заслуженные, а потомъ, что̀ говорятъ о нихъ *всѣ*. Даже восхищаясь произведеніями молодого поэта, толпа косо смотритъ, когда его сравниваютъ съ именами, которыхъ значенія она не понимаетъ, но къ которымъ она прислушалась, которыхъ привыкла уважать на-слово... Для толпы не существуютъ убѣжденія истины: она вѣритъ только авторитетамъ, а не собственному чувству и разуму—и хорошо дѣлаетъ... Чтобъ преклониться передъ поэтомъ, ей надо сперва прислушаться къ его имени, привыкнуть къ нему, и забыть множество ничтожныхъ именъ, которыя на минуту похищали ея безсмысленное удивленіе. Procul profani...

Какъ бы то ни было, но и въ толпѣ есть люди, которые высятся надъ нею: они поймутъ насъ. Они отличатъ Лермонтова отъ какого-нибудь фразера, который занимается стукотнею звучныхъ словъ и *богатыхъ* рифмъ, который вздумаетъ почитать себя представителемъ національнаго духа потому только, что кричитъ о славѣ Россіи (нисколько ненуждающейся въ этомъ) и вандальски смѣется надъ издыхающею, будто-бы, Европою, дѣлая изъ героевъ ея исторіи что-то похожее на нѣмецкихъ студентовъ... [24]). Мы увѣрены, что и наше сужденіе о Лермонтовѣ отличатъ они отъ тѣхъ производствъ въ «*лучшіе* писатели нашего времени, надъ сочиненіями которыхъ (будто-бы) примирились всѣ вкусы и даже всѣ литературныя партіи», такихъ писателей, которые дѣйствительно обнаруживаютъ замѣчательное дарованіе, но лучшими могутъ казаться только для малаго кружка читателей того журнала, въ каждой книжкѣ котораго печатаютъ они по одной и даже по двѣ повѣсти... [25]) Мы увѣрены, что они поймутъ какъ должно и ропотъ стараго поколѣнія, которое, оставшись при вкусахъ и убѣжденіяхъ цвѣтущаго времени своей жизни, упорно принимаетъ неспособность свою сочувствовать новому и понимать его—за ничтожность всего новаго...

И мы видимъ уже начало истиннаго *(не шуточнаго)* примиренія всѣхъ вкусовъ и всѣхъ литературныхъ партій надъ сочиненіями Лермонтова,—и уже не далеко то время, когда имя его въ литературѣ сдѣлается народнымъ именемъ, и гармоническіе звуки его поэзіи будутъ слышимы въ повседневномъ разговорѣ толпы, между толками ея о житейскихъ заботахъ... [26]).

* 518. Раздѣленіе поэзіи на роды и виды *).

Поэзія есть высшій родъ искусства [27]). Всякое другое искусство болѣе или мен,нѣе стѣснено и ограничено въ своей творческой дѣятельности тѣмъ матеріаломъ посредствомъ котораго оно проявляется. Произведенія архитектуры поражаютъ насъ или гармоніею своихъ частей, образующихъ собою граціозное цѣлое, или громадностію и грандіозностію своихъ формъ, восторгая съ собою духъ нашъ къ нему, въ которомъ исчезаютъ ихъ остроконечные шпицы. Но этимъ и ограничиваются средства ихъ обаянія на душу. Это еще только переходъ отъ условнаго символизма къ абсолютному искусству; это еще не искусство въ полномъ значеніи, а только стремленіе, первый шагъ къ искусству; это еще не мысль, воплотившаяся въ художественную форму, но художественная форма, только *намекающая* на мысль. Сфера скульптуры шире, средства ея богаче, чѣмъ у зодчества: она уже выражаетъ красоту формъ человѣческаго тѣла, оттѣнки мысли въ лицѣ человѣческомъ; но она схватываетъ только одинъ моментъ мысли

*) Не смотря на юность нашей литературы и младенчество литературнаго образованія русскаго общества,—уже лѣтъ двадцать тому назадъ пробудилось у насъ сильное критическое движеніе, усиливающееся съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Въ журналахъ (прежде даже и въ альманахахъ) постоянно являлись и являются болѣе или менѣе примѣчательныя статьи въ критическомъ родѣ, духѣ и направленіи. Можно указать въ нашей литературѣ на нѣсколько именъ, пріобрѣтшихъ себѣ извѣстность въ качествѣ критиковъ. Публика, съ своей стороны, читаетъ въ журналахъ критики и рецензіи почти съ такимъ же интересомъ, какъ повѣсти и другія произведенія изящной словесности. Словомъ, критика составляетъ жизнь нашихъ журналовъ и нашей литературы. Фактъ утѣшительный: онъ обнаруживаетъ въ обществѣ живую потребность эстетическаго образованія, живое стремленіе къ разумному сознанію законовъ изящнаго, къ разумному сознанію цѣнности произведеній отечественной литературы и степени достоинства каждаго изъ ея дѣйствователей. Но все это пока еще не удовлетвореніе, а только потребность, указывающая на другую, болѣе важную—на потребность систематическаго знанія законовъ изящнаго и основаннаго на немъ систематическаго знанія исторіи отечественной литературы. Между тѣмъ, у насъ нѣтъ ни одной книги, которая хоть сколько-нибудь удовлетворяла бы этой потребности, не смотря на нѣсколько попытокъ въ этомъ родѣ. Главныя причины неудовлетворительности такихъ сочиненій, доселѣ являвшихся у насъ, кажется, недостатокъ мыслительности, отсутствіе системы, произвольность и устарѣлость взглядовъ и понятій.

Желая, по мѣрѣ силъ своихъ, пополнить этотъ важный недостатокъ въ русской литературѣ, одинъ изъ молодыхъ литераторовъ, г. Бѣлинскій, рѣшился осуществить давно уже занимавшую его мысль—написать критическую исторію русской литературы. Любя отечественную словесность и будучи съ давнихъ поръ внимательнымъ наблюдателемъ ея хода и имѣя достаточный запасъ свѣдѣній по этой части,—онъ можетъ, повидимому, надѣяться, что трудъ его будетъ не совсѣмъ неудаченъ, хотя и представитъ собою рѣшительно первый опытъ подобнаго сочиненія на русскомъ языкѣ. Сверхъ изложенныхъ причинъ, его побудило приступить къ этому труду и желаніе представить публикѣ, въ особой книгѣ и въ систематическомъ изложеніи, сводъ своихъ идей объ изящномъ и о русской литературѣ, разсѣянныхъ по статьямъ его въ разныхъ журна-

лица, одно положеніе тѣла (attitude). Притомъ же, сфера творческой дѣятельности скульптуры не простирается на всего человѣка, а ограничивается только внѣшними формами его тѣла, изображаетъ только мужество, величіе и силу въ мужчинѣ, красоту и грацію въ женщинѣ. Живописи доступенъ весь человѣкъ—даже внутренній міръ его духа; но и живопись ограничивается схватываніемъ одного момента явленія. Музыка—по преимуществу выразительница внутренняго міра души; но выражаемыя ею идеи неотдѣлимы отъ звуковъ, а звуки, много говоря душѣ, ничего не выговариваютъ ясно и опредѣленно уму. Поэзія выражается въ свободномъ человѣческомъ словѣ, которое есть и звукъ, и картина, и опредѣленное, ясно-выговоренное представленіе. Посему, поэзія заключаетъ въ себѣ всѣ элементы другихъ искусствъ, какъ бы пользуется вдругъ и нераздѣльно всѣми средствами, которыя даны порознь каждому изъ прочихъ искусствъ. Поэзія представляетъ собою всю цѣлость искусства, всю его организацію, и, объемля собою всѣ его стороны, заключаетъ въ себѣ ясно и опредѣленно всѣ его *различія*.

I. Поэзія осуществляетъ смыслъ идеи во внѣшнемъ и организуетъ духовный

лахъ,—идей, по крайней мѣрѣ оригинальныхъ и совершенно отличныхъ отъ всѣхъ, доселѣ обращавшихся въ нашей литературѣ. Книга его явится подъ общимъ названіемъ «Теоретическаго и Критическаго Курса Русской Литературы» и заключитъ въ себѣ слѣдующія части, тѣсно связанныя между собою единствомъ основной мысли и систематическимъ изложеніемъ: *Общее Введеніе; Эстетику* (развитіе идеи искусства вообще и теоріи поэзіи въ частности); *Теорію русскаго стихосложенія; Теорію словесности вообще* (теорія краснорѣчія и взглядъ на такъ-называемыя *бельлетрическія*, или собственно-литературныя—а не художественныя—и догматическія сочиненія, непринадлежащія ни къ искусству въ строгомъ смыслѣ, ни къ ученой литературѣ); *Взглядъ на народную поэзію вообще; Критическое разсмотрѣніе памятниковъ русской народной поэзіи* («Слово о полку Игоревомъ» и русскія пѣсни эпическаго и лирическаго содержанія); *Историческое обозрѣніе памятниковъ русской письменности отъ ея начала до временъ Петра Великаго; Исторію книжной русской литературы отъ Кантемира и Ломоносова до Карамзина, отъ Карамзина до Пушкина, и отъ Пушкина до 1841 года включительно; Общій взглядъ на русскую литературу, надежды въ будущемъ, заключеніе.* Сверхъ подробнаго критическаго разсмотрѣнія художественныхъ созданій и даже произведеній бельлетрическихъ, почему бы то ни было примѣчательныхъ, въ «Теоретическомъ и Критическомъ Курсѣ Русской Литературы» будетъ обращено полное вниманіе и на исторію всѣхъ повременныхъ изданій, имѣвшихъ бо́льшее или меньшее, хорошее или вредное вліяніе на литературу и пользовавшихся заслуженною или незаслуженною извѣстностію,—отъ начала журналистики до «Московскаго Журнала» и «Вѣстника Европы» Карамзина, а отъ нихъ до настоящаго времени включительно.

Предлагаемая статья есть отрывокъ изъ Эстетики; онъ можетъ служить въ нѣкоторомъ отношеніи образцомъ цѣлаго сочиненія. Изъ исторіи литературы тоже будутъ помѣщены въ «Отеч. Запискахъ» одинъ или два отрывка.

Книга выйдетъ въ началѣ слѣдующаго 1842 года, и будетъ состоять болѣе, нежели изъ *тридцати* листовъ компактнаго изданія, въ большую осьмушку, въ два столбца, среднимъ и мелкимъ шрифтомъ. Издателемъ вызвался быть одинъ изъ петербургскихъ книгопродавцевъ. *Ред.* [28]).

міръ въ совершенно-опредѣленныхъ, пластическихъ образахъ. Все внутреннее глубоко уходитъ здѣсь во внѣшнее, и обѣ эти стороны—внутреннее и внѣшнее—не видны отдѣльно одна отъ другой, но въ непосредственной совокупности являютъ собою опредѣленную, замкнутую въ самой себѣ реальность—*событіе*. Здѣсь не видно поэта; міръ, пластически-опредѣленный, развивается самъ-собою, и поэтъ является только какъ-бы простымъ повѣствователемъ того, что̀ совершилось само-собою. Это поэзія *эпическая*.

II. Всякому внѣшнему явленію предшествуетъ побужденіе, желаніе, намѣреніе, словомъ—мысль; всякое внѣшнее явленіе есть результатъ дѣятельности внутреннихъ, сокровенныхъ силъ: поэзія проникаетъ въ эту вторую внутреннюю сторону *событія*, во внутренность этихъ силъ, изъ которыхъ развивается внѣшняя реальность, событіе и дѣйствіе; здѣсь поэзія является въ новомъ, противоположномъ родѣ. Это царство субъективности, это міръ внутренній, міръ начинаній, остающійся въ себѣ и невыходящій наружу. Здѣсь поэзія остается въ элементѣ внутренняго, въ ощущающей, мыслящей думѣ; духъ уходитъ здѣсь изъ внѣшней реальности въ самого себя и даетъ поэзіи различные до безконечности переливы и оттѣнки своей внутренней жизни, которая претворяетъ въ себя все внѣшнее. Здѣсь личность поэта является на первомъ планѣ, и мы не иначе, какъ черезъ нее, все принимаемъ и понимаемъ. Это поэзія *лирическая*.

III. Наконецъ, эти два различные рода совокупляются въ неразрывное цѣлое: внутреннее перестаетъ оставаться въ себѣ и выходитъ во внѣ, обнаруживается въ дѣйствіи; внутреннее, идеальное (субъективное) становится внѣшнимъ, реальнымъ (объективнымъ). Какъ и въ эпической поэзіи, здѣсь также развивается опредѣленное, реальное дѣйствіе, выходящее изъ различныхъ субъективныхъ и объективныхъ силъ; но это дѣйствіе не имѣетъ уже чисто внѣшняго характера. Здѣсь дѣйствіе, событіе представляется намъ не вдругъ, уже совсѣмъ готовое, вышедшее изъ сокрытыхъ отъ насъ производительныхъ силъ, совершившее въ себѣ свободный кругъ и успокоившееся въ себѣ,—нѣтъ, здѣсь мы видимъ самый процессъ начала и возникновенія этого дѣйствія изъ индивидуальныхъ воль и характеровъ. Съ другой стороны, эти характеры не остаются въ самихъ себѣ, но безпрерывно обнаруживаются, и въ практическомъ интересѣ открываютъ содержаніе внутренней стороны своего духа. Это высокій родъ поэзіи и вѣнецъ искусства—поэзія *драматическая*.

Теперь, сдѣлавъ общій и краткій очеркъ каждаго изъ трехъ родовъ поэзіи, разовьемъ ихъ глубочайшее и дальнѣйшее значеніе чрезъ сравненіе одного съ другимъ.

Эпическая и *лирическая* поэзія представляютъ собою двѣ отвлеченныя крайности дѣйствительнаго міра, діаметрально одна другой противоположныя; *драматическая* поэзія представляетъ собою сліяніе (конкрецію) этихъ крайностей въ живое и самостоятельное третіе.

Эпическая поэзія есть по преимуществу поэзія объективная, внѣшняя, какъ въ отношеніи къ самой себѣ, такъ и къ поэту и его читателю. Въ эпической

поэзіи выражается созерцаніе міра и жизни, какъ сущихъ *по себѣ* и пребывающихъ въ совершенномъ равнодушіи къ самимъ себѣ и созерцающему ихъ поэту, или его читателю.

Лирическая поэзія есть, напротивъ, по преимуществу поэзія *субъективная*, внутренняя, выраженіе самаго поэта. «Въ лирической поэзіи,—говоритъ Жанъ-Поль-Рихтеръ,—живописецъ становится картиною, творецъ—своимъ твореніемъ». Эпическую поэзію можно сравнить съ образовательными исскуствами—архитектурою, ваяніемъ и живописью; лирическую поэзію можно сравнить только съ музыкою. Есть даже такія лирическія произведенія, въ которыхъ почти уничтожаются границы, раздѣляющія поэзію отъ музыки. Такъ, напр., многія русскія народныя пѣсни удерживаются въ памяти народа не содержаніемъ своимъ (ибо въ нихъ почти совсѣмъ нѣтъ содержанія), не значеніемъ словъ, изъ которыхъ состоятъ (ибо соединеніе этихъ словъ лишено почти всякаго значенія и, при грамматическомъ смыслѣ, не имѣетъ почти никакого логическаго), но музыкальностію звуковъ, образуемыхъ соединеніемъ словъ, ритмомъ стиховъ, и своимъ мотивомъ въ пѣніи, или своимъ «голосомъ», какъ говорятъ простолюдины. Другія лирическія пьесы, не заключая въ себѣ особеннаго смысла, хотя и не будучи лишены обыкновеннаго, выражаютъ собою безконечно знаменательный смыслъ одною музыкальностію своихъ стиховъ, какъ, напр., эти стихи изъ пѣсни сумасшедшей Офеліи:

Онъ во гробѣ лежалъ съ непокрытымъ лицомъ,
Съ непокрытымъ, съ *открытымъ* лицомъ, [29])

Непокрытый есть то же, что̀ открытый, а открытый—то же, что̀ непокрытый; но какое глубокое впечатлѣніе производитъ на душу это повтореніе одного и того же слова, съ незначительнымъ грамматическимъ измѣненіемъ! И какъ чувствуется, что эти стихи должны не читаться, а пѣться! Вотъ пѣсня Дездемоны, переведенная, или передѣланная [30]) Козловымъ:

Бѣдняжка въ раздумьи подъ тѣнью густою
Сидѣла вздыхая, крушима тоскою:
„Вы пойте мнѣ иву, зеленую иву!“
Она свою руку на грудь положила,
И голову тихо къ колѣнямъ склонила.
Студеныя волны, шумя тамъ бѣжали,
И стонъ ея жалкій тѣ волны роптали.
„О ива, ты, ива, зеленая ива!“
Горючія слезы катились ручьями
И дикіе камни смягчались слезами
„О ива, ты, ива, зеленая ива!“
Зеленая ива мнѣ будетъ вѣнкомъ.
„О ива, ты, ива, зеленая ива!“

Скажите, какое отношеніе имѣетъ здѣсь ива къ предмету стихотворенія—страданію Дездемоны? Развѣ то, что Дездемона, когда она пѣла свою пѣсню, представляла себя сидящею подъ ивою,—и въ безотрадной тоскѣ, обращаясь къ

ней, какъ-бы хотѣла высказать все свое безнадежное горе, всю плачевность своей неизбѣжной судьбы, и какъ бы просила у ней утѣшенія?.. Какъ бы то ни было, но этотъ стихъ: «О ива, ты, ива, зеленая ива», невыражающій никакого опредѣленнаго *смысла*, заключаетъ въ себѣ глубокую *мысль*, отрѣшившуюся отъ слова, безсильнаго выразить ее, и превратившуюся въ чувство, въ звукъ музыкальный... И потому-то этотъ стихъ такъ глубоко западаетъ въ сердце и волнуетъ его мучительно сладостнымъ чувствомъ неутолимой грусти... Совсѣмъ въ другомъ родѣ, но тоже подходитъ подъ разрядъ этихъ музыкальныхъ стихотвореній извѣстный романсъ Пушкина:

Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ,
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.
Вотъ взошла луна златая...
Тише... чу... гитары звонъ...
Вотъ Испанка молодая
Оперлася на балконъ.
Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ.
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.
Скинь мантилью, ангелъ милый,
И явись какъ яркій день!
Сквозь чугунныя перилы
Ножку дивную продѣнь!
Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ,
Шумитъ
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

Что это такое?—волшебная картина, фантастическое видѣніе, или музыкальный аккордъ, раздавшійся съ вышины и пролетѣвшій надъ утомленной нѣгою и желаніемъ головою обольстительной Испанки?.. Звуки серенады, раздавшіеся въ таинственномъ, прозрачномъ мракѣ роскошной, сладострастной ночи юга, звуки серенады, полной томленія и страсти, которую лѣниво слушаетъ прекрасная Испанка, небрежно опершись на балконъ и жадно впивая въ себя ароматическій воздухъ упоительной ночи?.. Въ гармонической музыкѣ этихъ дивныхъ стиховъ не слышно ли, какъ переливается эѳиръ, струимый движеніемъ вѣтерка, какъ плещутъ серебрянныя волны бѣгущаго Гвадалквивира?.. Что это—поэзія, живопись, музыка? Или то, и другое, и третье, слившіеся въ одно, гдѣ картина говоритъ звуками, звуки образуютъ картину, а слова блещутъ красками, вьются образами, звучатъ гармоніею и выражаютъ разумную рѣчь?.. Что такое первый куплетъ, повторяющійся въ серединѣ пьесы и потомъ замыкающій ее? Не есть ли это рулада—голосъ безъ словъ, который сильнѣе всякихъ словъ?..

*

Эпическая поэзія употребляетъ образы и картины для выраженія образовъ и картинъ, въ природѣ находящихся; лирическая поэзія употребляетъ образы и картины для выраженія безъобразнаго и безформеннаго *чувства*, составляющаго внутреннюю сущность человѣческой природы. «Эпосъ,—говоритъ Жанъ-Поль-Рихтеръ,—представляетъ событіе, развивающееся изъ прошедшаго; лира—чувствованіе, заключенное въ настоящемъ». Даже, когда лирическій поэтъ выражаетъ чувство, повидимому, совершенно внѣшнее его личности, заимствованное имъ изъ чуждаго ему міра,—и тогда онъ субъективенъ: ибо всякое выражаемое имъ чувство, въ минуту творчества, становится его собственнымъ чувствомъ, будучи переведено чрезъ его личность. «Историческое въ эпосѣ разсказывается, въ драмѣ предвидится или творится; въ лирѣ чувствуется или переживается»—говоритъ Жанъ-Поль-Рихтеръ. По мнѣнію этого знаменитаго поэта-мыслителя Германіи, лирика предшествуетъ всѣмъ формамъ поэзіи, потому что «она есть мать, зажигательная искра всякой поэзіи, какъ безъобразный прометеевъ огонь, который оживляетъ всѣ образы». Въ историческомъ смыслѣ нельзя согласиться съ Жанъ-Поль-Рихтеромъ, чтобъ лирика предшествовала другимъ родамъ поэзіи. Образцомъ, формою и высшимъ авторитетомъ должно быть для насъ искусство греческое, ибо ни у одного народа въ мірѣ искусство не развилось такъ самобытно и нормально, какъ у Грековъ, полнота богатой жизни которыхъ преимущественно выразилась въ искусствѣ. Посему, акты историческаго развитія греческаго искусства должны имѣть для насъ всю силу разумнаго авторитета. Эпопея предшествовала у нихъ лирѣ, такъ же, какъ лира предшествовала драмѣ [31]). Такой ходъ искусства оправдывается и самымъ умозрѣніемъ: для младенчествующаго народа, объективное воззрѣніе на природу и жизнь, какъ на предметы сущіе *по себѣ*, какъ преданіе о прошедшемъ, должны предшествовать вмутреннему созерцанію и мысли, какъ самостоятельному сознанію. Однакожь, изъ этого отнюдь не слѣдуетъ заключать, чтобъ развитіе искусства у всѣхъ народовъ должно было совершаться въ одинаковой послѣдовательности. Не должно забывать, что вся полнота жизни Эллиновъ выразилась преимущественно въ искусствѣ, такъ что ихъ національная исторія есть по преимуществу исторія развитія искусства; тогда какъ у другихъ народовъ искусство было побочнымъ элементомъ жизни, второстепеннымъ интересомъ и подчинялось другимъ стихіямъ общественной жизни. Такъ, религіозная поэзія Евреевъ по преимуществу только лирическая, т. е. или чисто лирическая, или эпико-лирическая, или лирико-догматическая. У Арабовъ, какъ не народа, а племени, и притомъ племени номаднаго, разсѣяннаго по пустынѣ, чуждаго общественности, существовала только лирическая, или лирико-эпическая поэзія, но драматической никогда не было и не могло быть. У Римлянъ, какъ народа завоевательнаго и законодательнаго, поглощеннаго интересами чисто-политическими и гражданственными, поэзія состояла въ безцвѣтномъ подражаніи образцовымъ произведеніямъ художественной Греціи. У новѣйшихъ народовъ Европы, по необъятному богатству содержанія ихъ жизни, по неистощимой многочисленности элементовъ ихъ общественности и

высшему ея развитію, существуютъ всѣ роды поэзіи; но они явились у каждаго изъ народовъ въ своей особенной послѣдовательности, или, лучше сказать, въ совершенной смѣшанности. Такъ, напр., у Англичанъ сперва развилась драма въ лицѣ Шекспира, и уже черезъ два вѣка лирическая поэзія достигла высшаго развитія въ лицѣ Байрона, Томаса Мура, Вордсворта и другихъ, и, вмѣстѣ съ лирическою, эпическая поэзія, въ лицѣ Вальтера Скотта, а въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, родныхъ Англіи по происхожденію и по языку, въ лицѣ Купера.

Что же касается до мысли Жанъ-Поля, что лирическая поэзія есть основная стихія всякой поэзіи, эта мысль совершенно-справедлива и глубокоосновательна. Лирика есть жизнь и душа всякой поэзіи; лирика есть поэзія по преимуществу, есть поэзія поэзіи,—и Жанъ-Поль-Рихтеръ сколько остроумно, столько и вѣрно, называя ее общимъ элементомъ всякой поэзіи, сравниваетъ ее съ обращающеюся кровью во всей поэзіи. Посему, лиризмъ, существуя самъ-по-себѣ, какъ отдѣльный родъ поэзіи, входитъ во всѣ другіе, какъ стихія, живитъ ихъ, какъ огонь прометеевъ живитъ всѣ созданія Зевеса. Вотъ почему драмы Шекспира—эти по преимуществу *драматическія* созданія высочайшей творческой силы,—такъ богаты лиризмомъ [32]), который проступаетъ сквозь драматизмъ, и сообщаетъ ему игру переливнаго свѣта жизни, какъ румянецъ лицу прекрасной дѣвушки, какъ алмазный блескъ и сіяніе—ея чарующимъ очамъ. Безъ лиризма, эпопея и драма были бы слишкомъ прозаичны и холодно-равнодушны къ своему содержанію; точно такъ же, какъ онѣ становятся медленны, неподвижны и бѣдны дѣйствіемъ, какъ скоро лиризмъ дѣлается преобладающимъ элементомъ ихъ.

Содержаніе эпопеи составляетъ—*событіе;* мимолетное и мгновенное ощущеніе, потрясшее душу поэта, какъ вѣтеръ струны эоловой арфы, составляетъ содержаніе лирическаго произведенія. По-этому, какова бы ни была идея лирическаго произведенія,—оно никогда не должно быть слишкомъ-длинно, по-большей-части всегда должно быть очень коротко. Объемъ эпической поэзіи зависитъ отъ объема самаго событія,—и если событіе, при длинотѣ своей, интересно и хорошо изложено, наше вниманіе не утомляется имъ; оно даже можетъ прерываться, обращаясь на другіе предметы и снова возвращаясь къ нему: «Иліаду», какъ и всякій романъ Вальтера Скотта или Купера, мы можемъ читать нѣсколько дней, оставляя книгу и снова принимаясь за нее, а въ промежуткахъ занимаясь совсѣмъ другими предметами. Вообще, эпопея, въ отношеніи къ объему, даетъ поэту гораздо больше свободы, чѣмъ другіе роды поэзіи. Драма, какъ увидимъ ниже, имѣетъ болѣе или менѣе опредѣленныя границы величины и объема; но лирическія произведенія, въ этомъ отношеніи, тѣсно ограничены. Если бы драма была и слишкомъ велика,—наше вниманіе и дѣятельность нашей воспріемлемости впечатлѣній могли бы долго поддерживаться безпрестаннымъ измѣненіемъ развивающагося въ драмѣ дѣйствія; но лирическое произведеніе, выражая собою только чувство, и дѣйствуетъ на одно только наше чувство, не возбуждая въ насъ ни любопытства, ни поддерживая

вниманія нашего объективными фактами, которые, даже и въ дѣйствительности—нетолько въ поэзіи, сильно занимаютъ нашъ умъ и дѣйствуютъ на чувство. При всемъ богатствѣ своего содержанія, лирическое произведеніе какъ будто лишено всякаго содержанія—точно музыкальная пьеса, которая, потрясая все существо наше сладостными ощущеніями, совершенно невыговариваемо въ своемъ содержаніи, потому-что это содержиніе непереводимо на человѣческое слово. Вотъ почему всегда можно не только пересказать другому содержаніе прочитанной поэмы или драмы, но даже и подѣйствовать, болѣе или менѣе, на другого своимъ пересказомъ,—тогда-какъ никогда нельзя уловить содержанія лирическаго произведенія. Да, его нельзя ни пересказать, ни растолковать, но только можно дать почувствовать, и то не иначе, какъ прочтя его такъ, какъ оно вышло изъ-подъ пера поэта: будучи же пересказано словами, или переложено въ прозу, оно превращается въ безъобразную и мертвую личинку, изъ которой сейчасъ только выпорхнула блестящая радужными цвѣтами бабочка. Вотъ почему псевдо-лирическія и богатыя мнимыми «мыслями» произведенія почти ничего не теряютъ въ переложеніи изъ стиховъ въ прозу; тогда-какъ величайшія созданія, вышедшія изъ глубочайшихъ нѣдръ творческаго духа, часто теряютъ, въ переложеніи на прозу, или мало-мальски неудачномъ переводѣ, всякое значеніе. И это очень-естественно: какъ дадите вы другому понятіе о мотивѣ слышанной вами музыки, если не проиграете его на инструментѣ? Если вы скажете, что въ такомъ-то музыкальномъ произведеніи удачно возпроизведена идея любви и ревности,—вы этимъ ровно ничего не скажете объ этой музыкальной пьесѣ: начните ее пѣть или играть—и она сама за себя заговоритъ.

Конечно, лирическое произведеніе не есть одно и то же съ музыкальнымъ произведеніемъ, но въ ихъ основной сущности есть нѣчто общее. Въ лирическомъ произведеніи, какъ и во всякомъ произведеніи поэзіи, мысль выговаривается словомъ; но эта мысль скрывается за ощущеніемъ и возбуждаетъ въ насъ созерцаніе, которое трудно перевести на ясный и опредѣленный языкъ сознанія. И это тѣмъ труднѣе, что чисто лирическое произведеніе представляетъ собою какъ бы картину, между-тѣмъ, какъ въ немъ главное дѣло не самая картина, а чувство, которое она возбуждаетъ въ насъ,—такъ точно, какъ въ операѣ драматическое положеніе дѣйствующаго лица важно не само-по-себѣ, но по той музыкѣ, которою отзовется, или отгрянетъ оно изъ глубины духа дѣйствующаго лица. Такова, напр., лирическая пьеса Пушкина «Туча»:

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облекала,
И молнія грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный громъ
И алчную землю поила дождемъ.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась, и буря промчалась,

И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

Сколько есть людей на бѣломъ свѣтѣ, которые, прочтя эту пьесу и не найдя въ ней нравственныхъ апофегмъ и философскихъ афоризмовъ, скажутъ: «Да что же тутъ *такого?*—препустенькая пьеска!» Но тѣ, въ душѣ которыхъ находятъ свой отзывъ бури природы, кому понятнымъ языкомъ говоритъ *таинственный громъ* и кому *послѣдняя туча разсѣянной бури*, которая одна печалитъ ликующій день, тяжела, какъ грустная мысль при общей радости,—тѣ увидятъ въ этомъ маленькомъ стихотвореніи великое созданіе искусства.

Хотя драма и есть примиреніе противоположныхъ элементовъ—эпической объективности и лирической объективности, но тѣмъ не менѣе она не есть ни эпопея, ни лирика, но третіе, совершенно новое и самостоятельное, хотя и вышедшее изъ двухъ первыхъ. Посему, у Грековъ драма была какъ бы результатомъ эпоса и лиры, ибо и явилась-то послѣ нихъ, и была самымъ пышнымъ, но и послѣднимъ цвѣтомъ эллинской поэзіи. Несмотря на то, что въ драмѣ, какъ и въ эпопеѣ, есть *событіе*, драма и эпопея діаметрально противоположны другъ другу, по своей сущности. Въ эпопеѣ господствуетъ *событіе*, въ драмѣ—*человѣкъ*. Герой эпоса—*происшествіе;* герой драмы—*личность человѣческая*. Жизнь въ эпопеѣ является какъ нѣчто сущее *по себѣ*, т. е. такъ, какъ она есть, независимая отъ человѣка, незнаемая сама-собою, равнодушно пребывающая и къ человѣку и къ самой-себѣ. Эпосъ—это сама природа, вѣчно-неизмѣнная въ своемъ исполинскомъ величіи, всегда равнодушная въ пышномъ блескѣ красоты своей. Въ драмѣ, жизнь является уже не только *по себѣ*, но и *для себя* сущею, какъ разумное сознаніе, какъ свободная воля. *Человѣкъ* есть герой драмы, и не *событіе* владычествуетъ въ ней надъ *человѣкомъ*, но *человѣкъ* владычествуетъ надъ *событіемъ*, по свободной волѣ давая ему ту или другую развязку, тотъ или другой конецъ. Чтобъ яснѣе развить это, представимъ примѣры изъ извѣстныхъ и великихъ художественныхъ созданій древняго и новаго міра.

Въ «Иліадѣ» царствуетъ судьба. Она управляетъ дѣйствіями не только людей, но и самихъ боговъ. Едва успѣлъ поэтъ поднять занавѣсъ, скрывавшій отъ насъ сцену повѣствуемаго имъ событія,—какъ мы уже узнаемъ впередъ, что Иліонъ долженъ пасть отъ Ахейцевъ. Убитъ ли Патроклъ: это сдѣлалось не случайно, по возможностямъ кроваваго боя—нѣтъ, это заранѣе было предназначено судьбою. Когда Антилохъ, сынъ Нестора, спѣшитъ къ Ахиллесу съ горькою вѣстію о смерти Патрокла,—Ахиллесъ въ это время сидѣлъ передъ своимъ шатромъ, томимый грустнымъ предчувствіемъ, и такъ думалъ съ самимъ-собою:

О, не свершили ли боги несчастій, ужаснѣйшихъ сердцу,
Кои мнѣ матерь давно предвѣщала; она говорила:
Въ Троѣ, прежде меня, Мирмидоняпинъ, въ брани храбрѣйшій,

Долженъ подъ дланью троянской разстаться съ солнечнымъ свѣтомъ.
Боги безсмертные! умеръ менетіевъ сынъ благородный.

(*Пѣснь XVIII, ст. 8—12*).

Ахиллъ *долженъ* отомстить убійцѣ друга своего Патрокла; но убивши его, *долженъ* и самъ пасть отъ стрѣлы Париса, направленной рукою Феба: это знаетъ самъ Ахиллъ,—и вотъ что говоритъ онъ своей матери, среброногой Ѳетидѣ, безсмертной нимфѣ океана:

Должно теперь и тебѣ безконечную горесть извѣдать,
Горесть о сынѣ погибшемъ, котораго ты не увидишь
Въ домѣ отеческомъ! ибо и сердце мое не велитъ мнѣ
Жить, и въ обществѣ быть человѣческомъ, ежели Гекторъ,
Первый, моимъ копіемъ пораженный, души не извергнетъ,
И за грабежъ надъ Патрокломъ любезнѣйшимъ мнѣ не заплатитъ!

(*Ibid. ст. 88—93*).

Мать отговариваетъ его пророчествомъ о предстоящей ему погибели, въ случаѣ, если Гекторъ падетъ отъ руки его:

Скоро умрешь ты, о сынъ мой, судя по тому, что вѣщаешь!
Скоро за сыномъ Пріама конецъ и тебѣ уготованъ!

(*Ib. ст. 95—96*).

Ахиллесъ даже и не спрашиваетъ ее, почему это такъ, и только обнаруживаетъ героическую готовность, за сладкую цѣну мщенія, подчиниться роковому предопредѣленію:

О, да умру я теперь же! далеко, далеко отъ родины милой
Палъ онъ; и вѣрно меня призывалъ, да избавлю отъ смерти!
Что же мнѣ въ жизни! Я ни отчизны драгой не увижу,
Я ни Патрокла отъ смерти не спасъ, ни другимъ благороднымъ
Не былъ защитой друзьямъ, отъ могучаго Гектора падшимъ.
Праздный, сижу предъ судами, земли безполезное бремя,
Будучи мужъ! среди всѣхъ мѣдполатныхъ героевъ ахейскихъ
Первый во брани, хотя на совѣтахъ и лучше другіе!
. . . . . .
Я выхожу, да главы мнѣ любезной губителя встрѣчу,
Гектора! *Смерть же принять готовъ я, когда ни разсудитъ*
Здѣсь мнѣ назначить ее всемогущій Кронідъ и боги!
Смерти не могъ избѣжать ни Геракълъ, изъ мужей величайшій,
Какъ ни любезенъ онъ былъ громоносному Зевсу Кроніду;
Мощнаго рокъ одолѣлъ и вражда непреклонная Геры.
Также и я, коль назначена доля мнѣ равная, лягу,
Гдѣ суждено; но сіяющей славы я прежде добуду!
Прежде еще не одну между женъ полногрудныхъ троянскихъ
Вздохами тяжкими грудь разрывать я заставлю, и въ горѣ
Съ нѣжныхъ лапитъ отирать руками обѣими слезы!
Скоро узнаютъ, что долгіе дни отдыхалъ я отъ брани!
Въ бой выхожу; не удерживай, матерь, ничѣмъ не преклонишь!

(*Ib. ст. 98—126*).

Роковая катастрофа жизни Ахиллеса извѣстна самому Гектору: умирая, онъ умолялъ своего врага—не предавать тѣла его поруганію, но, вмѣсто согласія, услышавъ проклятія,

Духъ испуская, къ нему провѣщалъ шлемоблещущій Гекторъ:
Зналъ я тебя; предчувствовалъ я, что монмъ ты моленьемъ
Тронутъ не будешь: въ груди у тебя желѣзное сердце.
Но трепещи, да не буду тебѣ я божіимъ гнѣвомъ,
Въ оный день, когда Александръ и Фебъ стрѣловерженъ,
Какъ ни могучаго, въ Скейскихъ воротахъ тебя низпровергнутъ!
(*Пѣснь XXII, ст. 355—360*).

Мало этого: самъ Зевесъ-промыслитель, при всемъ своемъ доброжелательствѣ Гектору, при всемъ своемъ состраданіи къ его жребію, не можетъ помочь ему своею властію верховнаго божества, котораго трепещутъ всѣ другіе боги, но прибѣгаетъ къ рѣшенію другой, высшей власти:

Зевсъ распростеръ, промыслитель, вѣсы золотыя; на нихъ онъ
Бросилъ два жребія смерти, въ сонъ погружающей долгій:
Жребій одинъ Ахиллеса, другой пріамова сына.
Взялъ посредниѣ и поднялъ: поникнулъ Гектора жребій,
Тяжкій, къ Аиду упалъ; Аполлонъ отъ него удалился.
(*Ib. ст. 9—13*).

Изъ всего этого ясно, что герой поэмы не Ахиллъ: ибо онъ какъ-будто лишенъ свободной воли, дѣйствуетъ не отъ себя, но только выполняетъ волю другой, высшей себя и неотразимой воли. То воля *судьбы!* Что же такое эта «судьба», которой трепещутъ люди и которой безпрекословно повинуются сами боги? Это понятіе Грековъ о томъ, что̀ мы, новѣйшіе, называемъ разумною необходимостію, законами дѣйствительности, соотношеніемъ между причинами и слѣдствіемъ, словомъ—*объективное дѣйствіе*, которое развивается и идетъ себѣ, движимое внутреннею силою своей разумности, подобно паровой машинѣ,—идетъ не останавливаясь и не совращаясь съ пути, встрѣчается ли ей человѣкъ, котораго она можетъ раздавить, или каменный утесъ, о который она сама можетъ разбиться... [33]).

Нѣкоторые упрекаютъ Вальтера Скотта, что герои многихъ его романовъ, сосредоточивая на себѣ дѣйствіе цѣлаго произведенія, въ то же время отличаются столь безцвѣтнымъ характеромъ, что не приковываютъ къ себѣ исключительно всего нашего интереса, который какъ-бы уступаютъ они второстепеннымъ лицамъ романа, какъ болѣе оригинальнымъ и характернымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое, напр., рыцарь *Иваное*—герой одного изъ лучшихъ романовъ Вальтера Скотта?—храбрый и благородный рыцарь въ общемъ духѣ своего времени, но не болѣе. Въ сравненіи съ неистовымъ Бріаномъ, очаровательною Ревеккою, даже Цедрихомъ-Саксонцемъ и Ательстаномъ, Иваное—какая-то блѣдная тѣнь, слабый очеркъ, образъ безъ лица. Онъ мало и дѣйствуетъ, мало имѣетъ вліянія на ходъ романа. Онъ то раненъ, то при смерти, то въ плѣну, тогда какъ

другіе дѣйствуютъ и рисуются на первомъ планѣ. Несмотря на дикость своихъ страстей, звѣрски проявляющихся, несмотря на свою безнравственность и преступность своихъ дѣйствій, храмовой рыцарь Бріанъ въ тысячу разъ больше, чѣмъ Иваное, возбуждаетъ къ себѣ участіе читателя, потому-что онъ—лицо типическое, характеръ могучій и самобытный. А между-тѣмъ, Бріанъ все-таки второстепенный персонажъ въ романѣ, котораго всѣ нити сходятся на личной судьбѣ Иваное, какъ главнаго лица, какъ *героя* романа. Но тѣмъ не менѣе, это обвиненіе противъ геніальнаго романиста только по-наружности имѣетъ видъ справедливости, но въ-самомъ-дѣлѣ оно совершенно ложно: то, что̀ кажется недостаткомъ въ романѣ, есть только сущность эпопеи. Еще поразительнѣйшимъ образцомъ этого можетъ служить, напр., «Маннеринтъ, или Астрологъ», гдѣ герой романа является на сценѣ только въ третьей части и то какимъ-то таинственнымъ лицомъ, въ которомъ узнаете вы героя только въ концѣ романа, хотя и съ первыхъ страницъ повѣсти, еще только родившись на свѣтъ, онъ уже сосредоточиваетъ на себѣ все дѣйствіе романа. Это такъ и должно быть въ произведеніи чисто-эпическаго характера, гдѣ главное лицо служитъ только внѣшнимъ центромъ развивающагося событія, и гдѣ оно можетъ отличаться только общечеловѣческими чертами, заслуживающими нашего человѣческаго участія: ибо герой эпопеи есть сама жизнь, а не человѣкъ. Въ эпопеѣ, событіе, такъ-сказать, подавляетъ собою человѣка, заслоняетъ своимъ величіемъ и своею огромностію личность человѣческую, отвлекаетъ отъ нея наше вниманіе своимъ собственнымъ интересомъ, разнообразіемъ и множествомъ своихъ картинъ.

Въ драмѣ, сила и важность событія даетъ себя знать, какъ «коллизія», или та ошибка, то столкновеніе между естественнымъ влеченіемъ сердца героя и его понятіемъ о долгѣ, которыя не зависятъ отъ его воли, которыхъ онъ не можетъ ни произвесть, ни предотвратить, но которыхъ разрѣшеніе зависитъ не отъ событія, но единственно отъ свободной воли героя. Власть событія становитъ героя драмы на распутіи и приводитъ его въ необходимость избрать одинъ изъ двухъ, совершенно-противоположныхъ другъ-другу путей для выхода изъ борьбы съ самимъ-собою; но рѣшеніе въ выборѣ пути зависитъ отъ героя драмы, а не отъ событія. Мало того: катастрофа драмы можетъ воспослѣдовать и ускориться даже вслѣдствіе нерѣшительнаго колебанія со стороны героя; но и эта нерѣшительность заключается не въ сущности и силѣ событія, но единственно въ характерѣ героя. Лучшій примѣръ этого представляетъ намъ шекспировъ *Гамлетъ:* онъ узнаетъ объ ужасной смерти отца своего изъ устъ самой тѣни отца: вотъ событіе, приготовленное не Гамлетомъ, но вышедшее изъ развращенной воли вѣроломнаго брата умершаго короля; оно ставитъ Гамлета въ необходимость играть роль мстителя; но какъ эта роль совсѣмъ не въ его натурѣ, то онъ и повергается во внутреннюю борьбу съ самимъ-собою, произведенную ошибкою двухъ враждебныхъ силъ—долга, повелѣвающаго мстить за смерть отца, и личною неспособностію къ мщенію: вотъ трагическая *коллизія!* Ужасное открытіе тайны отцовской смерти, вмѣсто того, чтобы исполнить Гамлета однимъ чув-

ствомъ, однимъ помышленіемъ—чувствомъ и мыслію мщенія, каждую минуту готовыми осуществиться въ дѣйствіи,—это ужасное открытіе заставило его не выйдти изъ самого-себя, а уйдти въ самого-себя и сосредоточиться во внутренности своего духа, возбудило въ немъ вопросы о жизни и смерти, времени и вѣчности, долгѣ и слабости воли, обратило его вниманіе на свою собственную личность, ея ничтожность и позорное безсиліе, родило въ немъ ненависть и презрѣніе къ самому-себѣ. Гамлетъ пересталъ вѣрить добродѣтели, нравственности, потому-что увидѣлъ себя неспособнымъ и безсильнымъ ни наказать порокъ и безнравственность, ни перестать быть добродѣтельнымъ и нравственнымъ. Мало того: онъ перестаетъ вѣрить въ дѣйствительность любви, въ достоинство женщины; какъ безумный, топчетъ онъ въ грязь свое чувство, безжалостною рукою разрываетъ свой святой союзъ съ чистымъ, прекраснымъ женственнымъ существомъ, которое такъ беззавѣтно, такъ невинно отдалось ему все, которое такъ глубоко и нѣжно любилъ онъ; безжалостно и грубо оскорбляетъ онъ это существо, кроткое и нѣжное, все созданное изъ эѳира, свѣта и мелодическихъ звуковъ, какъ бы спѣша отрѣшиться отъ всего въ мірѣ, что̀ напоминаетъ собою о счастіи и добродѣтели. Ясно, что натура Гамлета чисто-внутренняя, созерцательная, субъективная, рожденная для чувства и мысли; а ужасное событіе требуетъ отъ него не чувства и мысли, но *дѣла*, изъ идеальнаго міра вызываетъ его въ міръ практическій, въ чуждый его духовной настроенности міръ дѣйствія. Естественно, что изъ этого положенія возникаетъ внутри Гамлета страшная борьба, которая и составляетъ сущность всякой драмы. И если конецъ *этой* драмы совершается какъ бы въ эпическомъ характерѣ, вытекая не изъ свободнаго рѣшенія воли со стороны Гамлета, а изъ случайности (изъ неумышленнаго обмѣна шпагъ Гамлетомъ и Лаэртомъ, и неумышленной ошибки королевы-матери, выпившей отравленный кубокъ, назначенный ея сыну), тѣмъ не менѣе, «Гамлетъ» есть нисколько не эпическое, но по-преимуществу драматическое произведеніе: ибо сущность содержанія и развитія этой трагедіи заключается во внутренней борьбѣ ея героя съ самимъ-собою. Внѣ этой борьбы, «Гамлетъ» не имѣетъ для насъ никакого даже побочнаго интереса, ибо и самая участь Офеліи, такъ глубоко насъ трогающая, есть слѣдствіе этой же борьбы. Кромѣ того, смерть короля-братоубійцы есть столько же необходимое слѣдствіе его преступленія, сколько и дѣло воли Гамлета, вспыхнувшей могучимъ рѣшеніемъ при концѣ его жизни, какъ вспыхиваетъ болѣе яркимъ пламенемъ угасающая лампада... «Макбетъ» и «Отелло» представляютъ собою совершеннѣйшіе образцы коллизіи, какъ драматической сущности. Торжествующій полководецъ, знаменитый вельможа и родственникъ добраго, благороднаго старца-короля, Макбетъ слышитъ въ себѣ ревущій голосъ глубоко-затаеннаго, но сильнаго и страстнаго честолюбія. Эта страсть, столь ужасная и гибельная въ душахъ мощныхъ, но непроникнутыхъ елейною теплотою любви и правдивости, является ему въ страшной апоѳеозѣ трехъ вѣдьмъ. Ихъ загадочныя предсказанія, сейчасъ же сбывающіяся, не надолго смущаютъ его, ибо скоро узнаетъ онъ въ нихъ осуществившійся глубокій

и мрачный замыселъ собственной души. Его честолюбіе является ему въ новой и еще болѣе чудовищной апоѳеозѣ—въ лицѣ его жены, этого демонскаго существа въ видѣ женщины. Она заглушаетъ въ немъ послѣдній ропотъ совѣсти, примѣромъ собственной сатанинской рѣшимости на злодѣйство, возбуждаетъ въ немъ ложный стыдъ, и окончательно подвигаетъ его на проклятое дѣло. Здѣсь событіе почти не играетъ никакой роли: оно пріуготовляется волею самого Макбета, а роковое стеченіе благопріятствующихъ злодѣйству обстоятельствъ только помогаетъ совершенію злодѣйства, но не порождаетъ его. Мы видимъ Макбета въ борьбѣ съ самимъ-собою, въ трагической коллизіи: онъ могъ побѣдить въ себѣ грѣховное побужденіе и могъ послѣдовать ему. И это вина его воли, что онъ послѣдовалъ влеченію злаго начала; его воля родила событіе, но не событіе дало направленіе его волѣ. Остальная часть этой драмы представляетъ уже слѣдствіе свободнаго выхода Макбета изъ роковой борьбы: уже не въ его волѣ измѣнить послѣдовавшія за цареубійствомъ событія; преступленіе отдало его во власть фуріямъ, которыя взяли его за руки и, какъ слѣпца, повели отъ злодѣйства къ новому злодѣйству. Отъ его воли зависѣло только пасть съ честію—и онъ палъ, сраженный, но не побѣжденный, какъ довлѣетъ виновному, но великому въ самой винѣ своей мужу. Событіе поставляетъ Отелло въ состояніе ревности. Это событіе вышло, конечно, не изъ его воли или сознанія, но тѣмъ не менѣе онъ самъ способствовалъ его совершенію своимъ волканическимъ темпераментомъ, своими знойными страстями, которыя мгновенно вспыхивали подобно песчанымъ мятелямъ въ пустыняхъ Аравіи, и не покорялись голосу разсудка, своимъ младенчески-довѣрчивымъ характеромъ, своимъ суевѣрнымъ воображеніемъ, напоминавшимъ его восточное, африканское происхожденіе. Обуздай онъ въ роковую минуту свое звѣрство въ отношеніи къ мнимо-виновной Дездемонѣ,—и истина открылась бы глазамъ его для счастія и блаженства жизни; но онъ не хотѣлъ, или не могъ обуздать порыва животной мести,—и свѣтъ истины озарилъ его глаза, подобно адскому блеску отъ свѣточей Эвменидъ, для того только, чтобъ онъ могъ измѣрить глубину бездны, въ которую стремглавъ низвергся...

Хотя всѣ эти три рода поэзіи существуютъ отдѣльно одинъ отъ другого, какъ самостоятельные элементы; однакожь, проявляясь въ особныхъ произведеніяхъ поэзіи, они не всегда отличаются одинъ отъ другого рѣзко-опредѣленными границами. Напротивъ, они часто являются въ смѣшанности, такъ-что иное эпическое по формѣ своей произведеніе отличается драматическимъ характеромъ, и наоборотъ. Эпическое произведеніе не только ничего не теряетъ изъ своего достоинства, когда въ него входитъ драматическій элементъ, но еще много выигрываетъ отъ этого. Это особенно относится къ произведеніямъ христіанскаго искусства, въ которомъ нѣтъ ничего выше человѣческой личности съ ея внутренней, субъективной стороны, и въ которомъ, посему, драматическій элементъ входитъ въ эпическій по праву и возвышаетъ его цѣну. Превосходный примѣръ эпическаго произведенія, проникнутаго драматическимъ элементомъ, представляетъ собою повѣсть Гоголя «Тарасъ Бульба». Это дивно-художественное созда-

ніе заключаетъ въ себѣ двѣ трагическія коллизіи, изъ которыхъ каждой стало бы на великое драматическое произведеніе. Во время осады непріятельскаго города, уже доведеннаго до послѣдней крайности всѣми ужасами голода, Андрій, сынъ Бульбы, встрѣчается съ давно уже плѣнившею его дѣвушкою изъ враждебнаго племени. Онъ не можетъ отдаться ей, не навлекши на себя проклятія отца, не измѣнивши своимъ соотчичамъ и единовѣрцамъ, а между тѣмъ, онъ не можетъ и оторваться отъ *нея*, ибо онъ столько же *человѣкъ*, сколько и *Малороссіянинъ*: вотъ *коллизія*. И полная натура, кипящая избыткомъ юныхъ силъ, безъ рефлексіи отдалась влеченію сердца, и за мигъ безконечнаго блаженства заплатила лютою казнію, смертію отъ рукъ родного отца, смертію, которая была необходимымъ слѣдствіемъ рѣшенія его воли въ коллизіи, и единственнымъ выходомъ изъ ложнаго, неестественнаго положенія! Съ другой стороны, отецъ, который поставленъ уже не въ возможность, но въ необходимость быть палачемъ собственнаго сына: какое трагическое положеніе, какая ужасная коллизія, и какъ страшно вышла изъ нея желѣзная воля полудикаго Запорожца!.. Эта повѣсть Гоголя во всякомъ случаѣ была бы превосходнымъ произведеніемъ искусства, но, благодаря обилію драматическихъ элементовъ, насквозь проникнувшихъ ее, она должна занимать почетное мѣсто между созданіями перваго разряда величайшихъ творцовъ. Сколько внутренней жизни, сколько движенія сообщаетъ «Полтавѣ» Пушкина драматическій элементъ! Какимъ неотразимымъ обаяніемъ вѣетъ на душу, какъ глубоко потрясаетъ все существо наше одна сцена между Мазепою и Маріею, эта сцена, набросанная шекспировскою кистью! Мучимая ревностію любящаго женскаго сердца, Марія допытывается у Мазепы объясненія его холодности и таинственнаго поведенія:

О милый мой
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанетъ
Корона царская!

МАЗЕПА.

Постой,
Не все свершилось. Буря грянетъ;
Кто можетъ знать, что̀ ждетъ меня?

МАРІЯ.

Я близъ тебя не знаю страха—
Ты такъ могущъ! О! знаю я:
Тропъ ждетъ тебя.

МАЗЕПА.

А если плаха?..

МАРІЯ.

Съ тобой на плаху, если такъ.
Ахъ, пережить тебя могу ли?
Но нѣтъ: ты носишь власти знакъ.

МАЗЕПА.

Меня ты любишь?

МАРІЯ.
Я! люблю ли?

МАЗЕПА.
Скажи: отецъ, или супругъ
Тебѣ дороже?

МАРІЯ.
Милый другъ,
Къ чему вопросъ такой? тревожитъ
Меня напрасно онъ. Семью
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей въ позоръ; быть можетъ,
(Какая страшная мечта!)
Моимъ отцомъ я проклята,
А за кого?

МАЗЕПА.
Такъ я дороже
Тебѣ отца? Молчишь...

МАРІЯ.
О, Боже!

МАЗЕПА.
Что жь? отвѣчай.

МАРІЯ.
Рѣши ты самъ.

МАЗЕПА.
Послушай: если бъ было намъ,
Ему иль мнѣ, погибнуть надо.
А ты бы намъ судьей была:
Кого бъ ты въ жертву принесла.
Кому бы ты была ограда?

МАРІЯ.
Ахъ, полно! сердца не смущай!
Ты искуситель.

МАЗЕПА.
Отвѣчай!

МАРІЯ.
Ты блѣденъ; рѣчь твоя сурова...
О, не сердись! Всѣмъ, всѣмъ готов.
Тебѣ я жертвовать, повѣрь;
Но страшны мнѣ слова такія.
Довольно.

МАЗЕПА
Помни же, Марія,
Что ты сказала мнѣ теперь.

Можно ли глубже заглянуть въ сердце женщины, беззавѣтно отдавшейся страстно-любимому человѣку? Какъ дитя блестящею игрушкою, Марія уже заранѣе любуется короною на сѣдыхъ волосахъ возлюбленнаго; она любитъ его, и потому не знаетъ съ нимъ страха; въ ея глазахъ онъ «такъ могущъ», что она не хочетъ и вѣрить, чтобъ ему могла грозить опасность, хоть онъ и самъ

предупреждаетъ ее о грозящей ему опасности!.. А если ему и суждено погибнуть, для нея не все еще кончено: для нея остается еще радость—вмѣстѣ съ нимъ умереть на плахѣ!.. Тутъ вся женщина въ апоѳеозѣ любви своей, и самъ Шекспиръ ни одной черты не могъ бы прибавить къ этому дивно-художественному изображенію нашего поэта! Сколько истины и вѣрности дѣйствительности въ страхѣ Маріи при мысли объ ужасномъ выборѣ между отцомъ и любовникомъ! Какъ естественно, что она желаетъ уклониться отъ утвердительнаго и неизбѣжнаго отвѣта на этотъ вопросъ, оледеняющій холодомъ смерти сердце ея! Какое торжество женской натуры въ ея отвѣтѣ въ пользу возлюбленнаго, какъ бы насильно, подобно болѣзненному воплю, исторгнутомъ изъ ея души! Какимъ могильнымъ холодомъ вѣетъ отъ мрачныхъ словъ Мазепы, замыкающихъ собою эту дивную сцену:

Помни же, Марія,
Что ты сказала мнѣ теперь!

А сцены между Орликомъ и Кочубеемъ, передъ пыткою послѣдняго; между Маріею и ея матерью; между Мазепою и Орликомъ, передъ полтавскою битвою, и между бѣгущимъ Мазепою и сумасшедшею Маріею: каждая изъ нихъ—трагедія, во всей безконечности значенія этого слова!..

Въ большей части романовъ Вальтера Скотта и Купера есть важный недостатокъ, хотя на него никто не указываетъ и никто не жалуется (по крайней-мѣрѣ, въ русскихъ журналахъ): это рѣшительное преобладаніе эпическаго элемента и отсутствіе внутренняго, субъективнаго начала. Вслѣдствіе такого недостатка, оба эти великіе творца являются, въ отношеніи къ своимъ произведеніямъ, какъ бы какими-то холодными безличностями, для которыхъ все хорошо, какъ есть, которыхъ сердце какъ будто не ускоряетъ своего біенія при видѣ ни блага, ни зла, ни красоты, не безобразія, и которыя какъ будто и не подозрѣваютъ существованія *внутренняго* человѣка. Конечно, это можетъ почитаться недостаткомъ только въ наше время, но тѣмъ не менѣе, оно все-таки есть недостатокъ: ибо современность есть великое достоинство въ художникѣ. Однакожъ оба эти романиста какъ бы невольно платили иногда дань духу новѣйшаго искусства, и мы ссылаемся на свидѣтельство собственныхъ ихъ созданій, чтобы показать, что лучшія и высшія изъ нихъ суть тѣ, которыя больше или меньше проникнуты драматическимъ элементомъ. «Ламмермурская Невѣста» даже на простыхъ читателей производитъ необыкновенно глубокое впечатлѣніе, чѣмъ, конечно, обязано это произведеніе тому, что оно есть не что иное, какъ трагедія въ формѣ романа. Вотъ почему Эдгаръ Равенсвудъ уже не просто сосредоточиваетъ на себѣ интересъ романа, но въ полномъ смыслѣ слова есть его герой, лицо оригинальное, характеръ типическій, существо дѣйствующее, а не страдательное. Посему, благородная личность его приковываетъ къ себѣ все наше вниманіе, а несчастная участь болѣзненно потрясаетъ все существо наше. Однакожъ, этой безконечной силѣ впечатлѣнія романъ обязанъ не одному своему содержанію, но и простотѣ формы, сжатой и сосредоточенной, чуждой многослож-

ности и запутанности въ ходѣ и развитіи событія, строгому единству дѣйствія, и очень жаль, что авторъ представилъ своего героя больше со-внѣ, и не заглянулъ глубже въ его душу, не освѣтивъ для насъ драмы, которая разъигрывалась въ сокровенныхъ глубинахъ его сердца. Сдѣлай онъ это, и тогда его «Ламмермурская Невѣста» была бы истинною шекспировскою драмою, и дѣйствіе, производимое ею на читателя, было бы еще въ тысячу разъ сильнѣе. Въ «Сен-Ронанскихъ Водахъ» любовь и трагическія отношенія Франца Тирреля къ Кларѣ Мобрай, равно какъ и ужасныя отношенія его къ своему развратному брату, Этерингтону, раскрыты до сокровенныхъ глубинъ души и сердца. Сцены свиданія въ горахъ Тирреля съ Кларою, и потомъ свиданія Тирреля съ капитаномъ Джекилемъ, уполномоченнымъ посредникомъ со стороны преступнаго брата, проникнуты такою истиною, отличаются такою глубиною сердцевѣдѣнія и тайнъ страстей и страданія, что украсили бы собою любую драму Шекспира. Прочтя разъ, невозможно забыть, какъ безнравственный больше по привычкѣ и легкомыслію, чѣмъ по натурѣ, капитанъ Джекиль, пришедши къ Тиррелю съ лукавыми намѣреніями, уходитъ отъ него, повѣсивъ голову и въ глубокомъ раздумьи, какъ бы въ первый еще разъ потрясенный непривычнымъ ему зрѣлищемъ безконечной любви, безконечнаго страданія и безконечнаго самоотверженія... Вообще, въ этомъ отношеніи, мы ставимъ «Сен-Ронанскія Воды» несравненно выше и, такъ сказать, *человѣчнѣе* «Ламмермурской Невѣсты». Если не всѣ раздѣлятъ наше мнѣніе въ семъ случаѣ, причина этого заключается въ многосложности «Сен-Ронанскихъ Водъ», въ обиліи и запутанности происшествій и во множествѣ лицъ, столь характерныхъ и типическихъ [35]). Въ отношеніи къ Тиррелю и Кларѣ, этотъ романъ больше драма, чѣмъ «Ламмермурская Невѣста»; но со стороны аксессуаровъ, это чистая эпопея, и притомъ болѣе или менѣе заслоняющая собою заключенную въ ней драму. Отверженная, непризнанная любовь Ревекки къ рыцарю Иваное, будучи, въ отношеніи къ цѣлому роману, какъ бы эпизодомъ, тѣмъ не менѣе даетъ ему цѣлость, какъ его основная идея, живитъ и согрѣваетъ его, какъ свѣтъ солнечный природу, которая величественна, прекрасна и въ пасмурный день, но при солнцѣ является въ новомъ и преображенномъ видѣ. Сцена свиданія Ревекки съ лэди Ровеною, замыкающая собою романъ, производитъ на душу глубоко-грустное, но и безконечно-отрадное впечатлѣніе, открывая намъ таинство страданія непризнанной любви глубокаго женственнаго существа, которое вполнѣ достойно обожанія, но судьбою своего рожденія среди отверженнаго и презираемаго племени, лишено, въ собственныхъ глазахъ, всякаго права и всякой надежды на взаимность христіанина и рыцаря... И вотъ благородная, прекрасная Еврейка приходитъ къ своей соперницѣ, предлагаетъ ей драгоцѣнные подарки и молитъ ее, какъ о милости, отдернуть покрывало и показать ей прекрасное лицо, плѣнившее идола ея растерзаннаго сердца... Какая картина сама по себѣ, и какую безконечную перспективу открываетъ она въ глубинѣ своего фона упоенному любовію и грустію взору читателя!...

Но еще несравненно-высшій образецъ, чѣмъ всѣ эти, драматическаго романа представляетъ собою «Путеводитель въ Пустынѣ» Купера. Человѣкъ съ глубокою натурою и мощнымъ духомъ, проведшій лучшіе года своей жизни съ охотничьимъ ружьемъ за плечами, въ дѣвственнымъ неисходныхъ лѣсахъ Америки, добровольно отказавшійся отъ удобствъ и приманокъ цивилизованной жизни для широкаго раздолья величавой природы, для возвышенной бесѣды съ Богомъ въ торжественномъ безмолвіи Его великаго творенія; человѣкъ, только-что вполнѣ расцвѣтшій всѣми силами тѣла и духа, въ ту эпоху жизни, когда другіе уже отцвѣтаютъ, и въ сорокъ лѣтъ сохранившій свѣжесть и пламень чувства, дѣвственную чистоту младенчески-незлобиваго сердца; человѣкъ, возмужавшій подъ открытымъ небомъ, въ вѣчной борьбѣ съ опасностями, въ вѣчной войнѣ съ хищными звѣрями и злыми *Мингами*; человѣкъ съ желѣзными мышцами и стальными мускулами въ сухощавомъ тѣлѣ, съ голубинымъ сердцемъ въ львиной груди,—этотъ человѣкъ встрѣчаетъ на дорогѣ жизни прекрасное, граціозное явленіе женственнаго міра—и тихо и незамѣтно любовь овладѣваетъ всѣмъ существомъ его... Другъ его, сержантъ, отецъ прекрасной дѣвушки, давно уже обѣщалъ ему руку своей дочери. Вмѣстѣ съ нимъ, Мабель провожаетъ молодой и прекрасный Джасперъ. Безхитростное и простодушное сердце Патфайндера не предчувствуетъ въ Джасперѣ опаснаго соперника себѣ. Онъ любитъ его съ нѣжностью отца, съ преданностію друга: любитъ за его открытую душу, благородный и мужественный характеръ, бодрый и смѣлый нравъ, трудолюбіе и ловкость. Патфайндеръ не упускаетъ ни одного случая похвалить Мабели Джаспера, выставить ей на видъ его достоинства. И вотъ наступаетъ минута его объясненія съ Мабелью,—и всѣ мечты его уничтожаются жестокою дѣйствительностію: существо, которое одно заставило биться его сердце, которое одно могъ онъ полюбить со всею силою глубокой натуры, съ которымъ слилъ онъ драгоцѣннѣйшія мечты о счастіи и блаженствѣ всей жизни, доселѣ одинокой и грубой,—это существо уважаетъ его глубоко, свято, но женой его быть не можетъ... Судорожно сжалъ онъ своими желѣзными пальцами шею и, улыбаясь сквозь страдальческое выраженіе своего лица, повторялъ: «Да, сержантъ виноватъ, сержантъ ошибся!» О, какъ глубоко страдалъ онъ, и какой благородный, человѣческій характеръ имѣло его страданіе: ничего звѣрскаго, ничего дикаго: грубые глаза его орошаются слезами, съ улыбкою сжимаетъ онъ руку Мабели—и отнынѣ, не оторвавшись отъ любви, отрывается навсегда отъ ея предмета, и мужественно несетъ на себѣ тяжелый крестъ!.. Ужасная была минута, когда наконецъ онъ узнаетъ въ Джасперѣ своего соперника: но онъ выдержалъ и это испытаніе: онъ вручаетъ ему *ее*, благословляетъ ихъ обоихъ на радость и счастіе, которыхъ ему самому уже не знать болѣе, онъ проситъ Джаспера цѣнить подругу своей жизни, не оскорблять грубою мужскою натурою ея нѣжнаго, женственнаго сердца—и скрывается отъ нихъ навсегда... Мы пишемъ не кри-

тику *) этого превосходнаго произведенія и, боясь увлечься его частностями, намекаемъ только на общія черты: тѣ, кто прочелъ и понялъ этотъ романъ, тѣ помнятъ цѣлый рядъ дивно-художественныхъ сценъ, въ которыхъ съ такою потрясающею вѣрностію изображена борьба чувствъ, буря души Патфейндера, и которыхъ достоинства нельзя показать иначе, какъ прослѣдивши, въ послѣдовательномъ порядкѣ, всѣ ихъ подробности, а нѣкоторыя и выписавши цѣликомъ. Повторяемъ: читавшіе и уразумѣвшіе поймутъ насъ, и скажемъ только, что весь этотъ романъ есть апоѳеоза самоотреченія (Resignation), великая мистерія страданія, разоблаченіе глубочайшихъ и благороднѣйшихъ таинствъ человѣческаго сердца. Куперъ является здѣсь глубокимъ сердцевѣдцемъ, великимъ живописцемъ міра души, подобно Шекспиру. Опредѣленно и ясно выговорилъ онъ невыразимое, примирилъ и слилъ во-едино внѣшнее и внутреннее,—и его «Путеводитель въ Пустынѣ» есть шекспировская драма въ формѣ романа, единственное созданіе въ этомъ родѣ, неимѣющее ничего равнаго съ собою, торжество новѣйшаго искусства въ сферѣ эпической поэзіи. И всѣмъ этимъ романъ обязанъ, послѣ великаго творческаго генія своего автора, глубокому драматическому началу, которое просвѣчиваетъ въ каждой строкѣ повѣствованія, какъ солнечный лучъ въ граненомъ хрусталѣ...

Точно такъ же, какъ бываетъ драма въ эпопеѣ, бываетъ и эпопея въ драмѣ. У Грековъ всѣ роды поэзіи, не исключая и самой лирики, отличаются характеромъ болѣе или менѣе эпическимъ: ибо вся жизнь этого народа выразилась преимущественно въ пластической созерцательности. Трагедія Грековъ особенно отличается эпическимъ характеромъ, и, въ этомъ отношеніи, діаметрально противоположна драмѣ новѣйшей, христіанской, шекспировской. Герой греческой трагедіи не человѣкъ, а событіе; интересъ ея сосредоточенъ не на участи индивидуума, а на судьбахъ народа, въ лицѣ его представителей. И отъ того, главное лицо греческой трагедіи есть всегда полубогъ, царь, герой, а второе по немъ и противопоставленное ему лицо есть самъ народъ, присутствующій въ трагедіи какъ хоръ, который самъ не имѣетъ прямаго, дѣятельнаго вліянія на ходъ пьесы, но который какъ бы созерцаетъ ея развитіе и выговариваетъ свое о немъ сознаніе. Въ своихъ герояхъ, греческіе трагики олицетворяли общія силы и стихіи народной и общественной жизни. Такъ въ благороднѣйшемъ созданіи Софокла «Антигонѣ», въ лицѣ героини трагедіи осуществлена идея естественнаго права семейственности, а въ лицѣ Креона—торжество государственнаго права, силы закона. Креонъ запрещаетъ, подъ смертною казнію, хоронить тѣло Полиника, какъ врага отчизны; а лишеніе погребенія считалось, по религіознымъ и общественнымъ понятіямъ Грековъ, величайшимъ позоромъ и бѣдствіемъ какъ для умершаго, такъ и для живыхъ его родственниковъ. Антигона, сестра Поли-

*) „Отеч. Записки“ пользуются здѣсь случаемъ повторить читателямъ свое обѣщаніе—представить въ скоромъ времени подробный критическій разборъ „Путеводителя въ Пустынѣ“ [36]).

ника, преклоняетъ свою сестру, Исмену, тайно погребсти тѣло ихъ несчастнаго брата. Робкая и слабая Исмена отказывается,—и великодушная Антигона одна совершаетъ свой благородный подвигъ. Когда узнавшій объ этомъ Креонъ спрашиваетъ ее, точно ли она сдѣлала это преступленіе и знала ли объ ожидавшей ее за то казни,—Антигона отвѣчаетъ утвердительно, прибавляя, что если ея братъ былъ и виновенъ, то все-таки она «не ненавидѣть, а любить рождена». Безтрепетно выслушиваетъ она приговоръ лютой казни и не молитъ о прощеніи. Эмонъ, женихъ ея и сынъ Креона, молитъ его о пощадѣ своей невѣсты, ссорится съ непреклоннымъ отцомъ и уходитъ отъ него въ отчаяніи. Жрецъ Тирезій совѣтуетъ ему погребсти тѣло Полиника, угрожая зловѣщими выраженіями гнѣва боговъ, оскорбленныхъ нарушеніемъ родственнаго права. Голосъ народа, въ лицѣ хора, явно на сторонѣ благородной Антигоны. Креонъ непреклоненъ, но сомнѣніе уже безпокоитъ его: онъ, можетъ быть, и готовъ бы простить благородную преступницу, но ему трудно ослабить силу закона и унизить достоинство государственнаго права. Наконецъ, голосъ хора, подкрѣпившій силу угрозъ Тирезія, преклоняетъ Креона спасти Антигону, хотя и неохотно. Но уже поздно: она повѣсилась въ пещерѣ, куда была отведена на голодную смерть, а Эмонъ, въ глазахъ отца, закалывается при ея трупѣ. Эвредика, супруга Креона и мать Эмона, узнавши о гибели сына, тоже лишаетъ себя жизни. Креонъ проклинаетъ свою жестокость, оплакивая въ лютомъ отчаяніи милыя тѣни погубленныхъ имъ единокровныхъ. Трагедія торжественно заключается нравственною апоѳегмою хора, въ духѣ наивной древности. Итакъ, оскорбленное правомъ крови государственное право отомщаетъ за себя оскорбителю; но мститель, въ ужасныхъ слѣдствіяхъ своей мести, навлекаетъ на себя мщеніе оскорбленнаго имъ права крови; а мудрость, извлеченная народомъ изъ этого событія, служитъ примиреніемъ обѣихъ крайностей... Какъ и въ эпопеѣ, въ трагедіи Грековъ преобладаетъ ихъ основное міросозерцаніе—*судьба*. Одинъ безъ всякаго преступленія дѣлается ужаснымъ преступникомъ, и самъ караетъ себя за это лишеніемъ свѣта очей... Смерть царственнаго страдальца примиряетъ съ нимъ подземныя силы—и могила его, по опредѣленію боговъ, дѣлается залогомъ благосостоянія для страны, пріютившей его мученическій прахъ... Дѣйствіе каждой греческой трагедіи совершается вовнѣ; внутренній міръ дѣйствователей закрытъ отъ глазъ зрителей. Развитіе дѣйствія просто, не многосложно, въ одномъ моментѣ: ибо и самаго содержанія, чисто объективнаго и абстрактнаго, не могло бы стать на большое произведеніе. Механизмъ однообразенъ, пружины всегда однѣ и тѣ же. Дѣйствующія лица похожи на статуи, съ прекрасными, но почти неизмѣняющимися физіономіями, съ рельефнымъ выраженіемъ, но съ глазами безъ зрачковъ и живаго блеска.

Въ новѣйшемъ искусствѣ, эпическимъ характеромъ отличаются иногда только драмы собственно-историческаго содержанія, основная идея которыхъ берется изъ сферы высшей государственной жизни. Таковы, напр., «Макбетъ» или «Ричардъ II» Шекспира. Въ «Отелло» развито чувство, каждому болѣе или менѣе

понятное и доступное; въ «Королѣ Лирѣ» представлено положеніе, еще болѣе близкое и возможное для каждаго въ самой толпѣ,—и потому, эти пьесы производятъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Но интересъ «Макбета» и «Ричарда II» чисто объективный, и потому слишкомъ немногимъ доступный и родственный. Впрочемъ, обѣ драмы только въ этомъ отношеніи и могутъ быть названы эпическими: развитіе же ихъ въ высшей степени драматическое, ибо оно полно движенія, и каждое лицо, вполнѣ и всего себя высказываетъ въ сферѣ своего внутренняго интереса. Но «Борисъ Годуновъ» Пушкина есть трагедія чисто эпическаго характера. Преступленіе Годунова совершено еще до начала драмы, и поэтъ не показалъ намъ своего героя въ борьбѣ трагической коллизіи. Мы видимъ, какъ хитро и искусно допускаетъ онъ народу умолить себя—принять вѣнецъ, который давно уже почитаетъ своимъ; но не видимъ, что̀ дѣлается у него внутри и какъ отзывается тамъ преступное дѣйствіе цареубійства. Тотчасъ вниманіе наше переходитъ на новаго героя, будущаго самозванца—орудіе, избранное историческою Немезидою для отмщенія попраннаго государственнаго права. Только тогда уже, какъ мститель является на сцену, поэтъ приподымаетъ слегка завѣсу, скрывавшую отъ насъ внутреннее состояніе Годунова, и дѣлаетъ насъ свидѣтелями его нѣмыхъ бесѣдъ съ самимъ собою, его страшныхъ разсчетовъ съ своею совѣстію. Въ трагедіи Пушкина два героя, или, говоря собственно, нѣтъ ни одного: ея герой—*событіе*, идея котораго—мщеніе исторической Немезиды за оскорбленное государственное право. Вотъ почему это великое созданіе Пушкина немногимъ доступно и не можетъ пользоваться заслуживаемою имъ славою въ большинствѣ нашей публики: его идея и характеръ не имѣютъ общедоступнаго для всѣхъ интереса. Къ этому должно отнести и самый характеръ Годунова: слишкомъ держась исторіи, во вредъ своему произведенію, Пушкинъ представилъ Годунова не больше, какъ необыкновенно умнымъ честолюбцемъ, и не придалъ ему никакого личнаго величія, никакой геніальной силы духа, свойственной герою исторіи. И потому, понимая цѣну нѣкоторыхъ частностей трагедіи (какъ напр., геніальной сцены Пимена-лѣтописца, въ кельѣ, наединѣ съ собою, и въ бесѣдѣ съ будущимъ самозванцемъ), не могутъ схватить идею цѣлаго созданія, столь колоссальнаго въ своемъ медленномъ и величаво-эпическомъ развитіи.

Къ эпическимъ драмамъ принадлежатъ многія драматическія произведенія, занимающія середину между трагедіею и комедіею. Таковы, напр., «Буря» «Цимбелинъ», «Двѣнадцатая Ночь, или Что̀ угодно» Шекспира, въ которыхъ героемъ является сама жизнь. Возьмемъ, напр., «Что̀ угодно»: тутъ нѣтъ героя, или героини; тутъ каждое лицо равно занимаетъ насъ собою; даже внѣшній интересъ цѣлаго произведенія сосредоточенъ на двухъ любящихся парахъ, которыя обѣ равно интересуютъ читателя, и которыхъ соединеніе составляетъ развязку драмы.

Перевѣсъ лирическаго элемента также бываетъ и въ эпопеѣ, и въ драмѣ. Къ разряду лирическихъ поэмъ относятся поэмы Байрона и Пушкина. Въ нихъ

господствуетъ не событіе, какъ въ эпопеѣ, а человѣкъ, какъ въ драмѣ, или обѣ эти стороны уравновѣшиваются и взаимно сопроникаются. Главное ихъ отличіе есть то, что въ нихъ берутся и сосредоточиваются только поэтическіе моменты событія, и самая проза жизни идеализируется и опоэтизировывается. «Евгеній Онѣгинъ» Пушкина также долженъ относиться къ числу лирическихъ поэмъ. Хотя проза жизни и составляетъ едва ли не бо́льшую часть содержанія «Онѣгина», но эта проза улеглась въ немъ въ живой, летучій, свѣтлый, поэтическій и гармоническій стихъ, который, даже сверкая огнемъ эпиграммы, растворенъ грустію—элементомъ чисто лирическимъ. Отступленія поэта отъ разсказа, его обращенія къ самому себѣ, составляютъ драго́цѣннѣйшіе лирическіе перлы этого единственнаго и превосходнѣйшаго художественнаго созданія.

«Орлеанская Дѣва» и «Мессинская Невѣста» Шиллера суть по преимуществу лирическія драмы, въ которыхъ дѣйствіе совершаѐтся какъ бы не само для себя, но имѣетъ значеніе оперная либретто, и которыхъ сущность составляютъ лирическіе монологи, высказывающіе основную идею каждой изъ нихъ. Это поэтическія апоѳеозы благородныхъ страстей, высокихъ помысловъ и великихъ явленій,—что̀ особенно можно сказать объ «Орлеанской Дѣвѣ». Байроновъ «Манфредъ» и гетевскій «Фаустъ»—тоже лирическія драмы, хотя и въ другомъ характерѣ: это поэтическія апоѳеозы распавшейся натуры внутренняго человѣка, чрезъ рефлексію стремящейся къ утраченной полнотѣ жизни. Вопросы субъективнаго, созерцательнаго духа, вопросы о тайнахъ бытія и вѣчности, о судьбѣ личнаго человѣка и его отношеніяхъ къ самому себѣ и общему, составляютъ сущность обоихъ этихъ великихъ произведеній. По своему свойству, лирическая драма презирать можетъ условіями внѣшней дѣйствительности, вызывать на сцену духовъ и давать живые образы и лица страстямъ, желаніямъ и думамъ. Недостаткомъ лирической драмы можетъ быть наклонность къ символизму и аллегоріи,—въ чемъ болѣе или менѣе справедливо упрекаютъ вторую часть «Фауста».

Что касается до собственно лирическихъ произведеній,—онѣ иногда принимаютъ эпическій характеръ, какъ въ *романсѣ* и *балладѣ*,—о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже. Отъ драмы же они заимствуютъ, но не сущность, а только форму, которая способствуетъ сильнѣйшему выраженію мысли, подстрекая, такъ сказать, энергію чувства. Превосходнѣйшіе образцы такого рода лирическихъ произведеній въ драматической формѣ представляютъ слѣдующія пьесы: «Поэтъ и Чернь» и «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ» Пушкина, «Поэтъ и Другъ» Веневитинова, «Журналистъ, Читатель и Писатель» Лермонтова.

Развивъ общее значеніе каждаго рода поэзіи и чрезъ опредѣленіе и чрезъ сравненіе, перейдемъ къ особенностямъ каждаго изъ нихъ и раздѣленію на виды.

ПОЭЗІЯ ЭПИЧЕСКАЯ.

Эпосъ, *слово*, *сказаніе*, передаетъ предметъ въ его внѣшней видимости и вообще развиваетъ, *что* есть предметъ и *какъ* онъ есть. Начало эпоса есть всякое изреченіе, которое въ сосредоточенной краткости схватываетъ въ какомъ-либо данномъ предметѣ всю полноту того, что̀ есть существеннаго въ этомъ предметѣ, что̀ составляетъ его сущность. У древнихъ, *эпиграмма* (въ смыслѣ *надписи*) имѣла этотъ характеръ. Сюда же принадлежатъ и такъ называемые *гномы* древнихъ, т. е. нравственныя сентенціи, которыя нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствуютъ нашимъ пословицамъ и притчамъ, впрочемъ различаясь отъ этихъ послѣднихъ своимъ возвышеннымъ, поэтическимъ, а иногда и религіознымъ характеромъ, и отсутствіемъ комизма и прозаичности. Сюда же относятся цѣлыя собранія поученій, этихъ свѣжихъ твореній младенческаго народа, въ которыхъ онъ, до разрыва въ своей жизни поэзіи и прозы, въ непосредственной и живой формѣ созерцаній, излагалъ свое воззрѣніе на міръ, на различныя части природы и т. п. Съ ними никакъ не должно смѣшивать позднѣйшихъ, возникшихъ изъ прозы жизни, такъ называемыхъ *дидактическихъ* стихотвореній.

Еще выше на лѣстницѣ развитія эпоса находятся *космогоніи* и *теогоніи* древнихъ. Въ первыхъ представляется возникновеніе вселенной изъ первоначальныхъ субстанціальныхъ силъ, а во вторыхъ индивидуализированіе этихъ силъ въ различныя божества. Наконецъ, эпическая поэзія достигаетъ вершины своего развитія, полнаго осуществленія самой-себя, дошедъ до живого источника событій, человѣка, и выразившись въ собственно-такъ-называемой *эпопеѣ*.

Эпопея всегда считалась высшимъ родомъ поэзіи, вѣнцомъ искусства. Причина этому—великое уваженіе, которое питали къ «Иліадѣ» Греки, а за ними и другіе народы до нашего времени. Это безпредѣльное и безсознательное уваженіе къ величайшему произведенію древности, въ которомъ выразилось все богатство, вся полнота жизни Грековъ, простиралось до того, что на «Иліаду» смотрѣли не какъ на эпическое произведеніе въ духѣ своего времени и своего народа, но какъ на самую эпическую поэзію, т. е. смѣшали сочиненіе съ родомъ поэзіи, къ которому оно принадлежитъ. Думали, что всякое близкое къ формѣ «Иліады» произведеніе, всякій сколокъ съ нея, долженъ быть эпическою поэмою, и что всякій народъ долженъ имѣть свою эпопею, и притомъ точно такую, какая была у Грековъ. По «Иліадѣ» смастерили даже опредѣленіе эпической поэмы, по которому она сдѣлалась воспѣваніемъ великаго историческаго событія, имѣвшаго вліяніе на судьбу народа. Вслѣдствіе этого, оставалось только пріискать въ отечественной исторіи подобное событіе, признать въ началѣ музу, начать съ завѣтнаго «пою», и пѣть, пока не охрипнешь. И вотъ, Виргилій вспомнилъ преданіе о прибытіи Энея изъ Трои къ берегамъ Тибра, по претерпѣніи неисчетныхъ бѣдствъ, и, какъ онъ началъ съ словами «cano», то и самъ подумалъ и другихъ увѣрилъ, что будто написалъ эпическую поэму. Его

выглаженное, обточенное и щегольское реторическое произведеніе, явившись въ анти-поэтическое время, въ эпоху смерти искусства въ древнемъ мірѣ, долго оспоривало у «Иліады» пальму первенства. Католическіе монахи Западной Европы чуть не причислили Виргилія къ лику святыхъ; анти-поэтическій французскій критикъ, Лагарпъ, чуть ли не ставилъ «Энеиду» еще выше «Иліады». Итакъ, «Энеида» породила «Освобожденный Іерусалимъ», «Похожденія Телемака, сына Улиссова», «Потерянный Рай», «Мессіаду», «Генріаду», «Гонзальва Кордуанскаго», «Тилемахиду», «Петріаду», «Россіаду» и множество другихъ «адъ». Испанцы гордились своею «Араукапою», Португальцы—«Луизитанами». Стоитъ только бросить взглядъ на сущность и условія эпопеи вообще и на характеръ «Иліады», чтобъ увидѣть, до какой степени простирается безусловное достоинство этихъ «эпическихъ» и «героическихъ» поэмъ и пѣнъ.

Эпосъ есть первый зрѣлый плодъ въ сферѣ поэзіи только-что пробудившагося сознанія народа. Эпопея можетъ явиться только во времена младенчества народа, когда его жизнь еще не распалась на двѣ противоположныя стороны—*поэзію* и *прозу*, когда его исторія есть еще только преданіе, когда его понятія о мірѣ суть еще религіозныя представленія, когда его сила, мощь и свѣжая дѣятельность проявляется только въ героическихъ подвигахъ. Въ «Иліадѣ» поэзія и проза жизни такъ нераздѣльно слиты между собою, что въ ней простыя ремесла называются искусствами, и *Гефестъ-небожитель* созидаетъ (а не работаетъ или дѣлаетъ), по творческимъ замысламъ, и щиты и оружіе для боговъ и героевъ, и золотые треноги, деревянныя подножія (по-просту—скамейки), чтобъ покоить богамъ ноги на пиршествахъ сладкихъ, храмины съ хитроустроенными дверями на петляхъ и съ задвижками плотными (а не замка́ми—куда! до такой нѣмецкой хитрости не простиралось еще искусство самихъ боговъ). Въ «Иліадѣ», боги принимаютъ личное участіе въ дѣйствіяхъ людей, движимые страстями и пристрастіями; боги ссорятся между-собою на совѣтахъ, дѣйствуютъ другъ противъ друга партіями, сражаются другъ съ другомъ въ рядахъ Ахеянъ и Данаевъ; ихъ прямое, непосредственное вліяніе рѣшаетъ судьбу событія. Въ «Иліадѣ» религія является еще не отдѣленною отъ другихъ стихій общественной жизни: право народное, понятія политическія, отношенія гражданскія и семейныя,—все вытекаетъ прямо изъ религіи и все возвращаетя въ нее. Хитроумный Одиссей состязается въ бѣгствѣ съ Аяксомъ Теламонидомъ, и видя, что тотъ обгоняетъ его, молитъ о помощи Палладу: вняла своему любимцу голубоокая дочь Эгіоха, и Аяксъ, поскользнувшись на тельчіемъ пометѣ, упадаетъ, и Одиссей получаетъ первую награду, серебряную шестимѣрную чашу, «Сидонянъ изящное дѣло», а Аяксъ радъ, что успѣлъ добыть второй призъ, «тельца откормленнаго, тяжкаго тукомъ». Видите ли: простая случайность не есть случайность, а дѣло богини, поборающей своему любимцу. Самъ Аяксъ отъ всей души вѣритъ этому:

Сталъ, и рукою держался за роги вола полеваго,
Онъ выплевывалъ калъ, и такъ говорилъ Аргивянамъ:

„Дочь громовержца, друзья, повредила мнѣ ноги, Аѳина!
„Вѣчно, какъ матерь, она Одиссею на помощь приходитъ!“
(*Пѣснь XXIII, ст. 780—784*).

Одиссей есть апоѳеоза человѣческой мудрости; но въ чемъ состоитъ его мудрость? въ хитрости, часто грубой и плоской, въ томъ, что̀ на нашемъ прозаическомъ языкѣ называется «надувательствомъ». И между-тѣмъ, въ глазахъ младенческаго народа, эта хитрость не могла не казаться крайнею степенью возможной премудрости. Отсюда вытекаетъ и наивный характеръ какъ самыхъ высокихъ, такъ и самыхъ простыхъ мыслей у Гомера, выражается ли въ нихъ народное міросозерцаніе, или только практическое наблюденіе, правило житейской мудрости. Существованіе Гомера полагаютъ за 600 лѣтъ до нашествія Ксеркса на Грецію, эпохи совершеннаго выхода народа изъ состоянія младенчества и полнаго развитія его духовной и гражданской жизни. Слѣдовательно, Гомеръ былъ именно тѣмъ, чѣмъ является въ своей «Иліадѣ»: старцемъ-младенцемъ, простодушнымъ геніемъ, который отъ всей души вѣритъ, что описываемое имъ могло быть именно такъ, какъ представлялось оно ему въ его вдохновенномъ ясновидѣніи; словомъ, онъ былъ одно съ своимъ твореніемъ, и его твореніе было искреннимъ и наивнымъ выраженіемъ святѣйшихъ его вѣрованій, глубочайшихъ его убѣжденій. Однакожь, Гомеръ явился не въ самое время троянской войны, но около двухъсотъ лѣтъ послѣ нея. Будь онъ современнымъ свидѣтелемъ этого событія, онъ не могъ бы создать изъ него поэмы: надобно было, чтобъ событіе сдѣлалось поэтическимъ преданіемъ живой и роскошной фантазіи младенческаго народа; надобно было, чтобъ герои событія представлялись въ отдаленной перспективѣ, въ туманѣ прошедшаго, которые увеличили бы ихъ естественный ростъ до колоссальныхъ размѣровъ, поставили бы ихъ на котурнъ, облили бы ихъ съ головы до ногъ сіяніемъ славы, и скрыли бы отъ созерцающаго взора всѣ неровности и прозаическія подробности, столь замѣтныя и рѣзкія вблизи настоящаго. Настоящее не бываетъ предметомъ поэтическихъ созданій младенчествующаго народа,—и древній старецъ Гезіодъ, который, въ своемъ миѳическомъ гимнѣ Музамъ высказалъ всю сущность поэзіи, сознательно развитую германскимъ мышленіемъ, Гезіодъ говоритъ, что «Музы вдунули въ него пѣснь божественную, да славитъ онъ *будущее* и *бывшее*», но что сами музы «увеселяютъ на Олимпѣ пѣснями великій умъ отца Дія, говоря обо всемъ, *что̀ есть*, *что́ будетъ* и *что́ было*»: только поэзія боговъ,к ромѣ прошедшаго и будущаго, объемлетъ и настоящее, ибо у боговъ самая жизнь есть блаженство, поэзія *)).... Но эпоха существованія Гомера не была отдѣлена слишкомъ-рѣзкою чертою отъ эпохи воспѣтаго имъ событія: еще все было полно имъ, и преданію о немъ вѣрили, какъ исторіи, не видя большой разницы между прошедшимъ и

*) „Теорія Поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ“ С. Шевырева, стр. 17.

настоящимъ, и потому Гомеръ, не бывши современникомъ троянской войны, тѣмъ не менѣе былъ полонъ гуломъ паденія священнаго Иліона...

Теперь ясно видно достоинство «Энеиды». Конечно, остроумный авторъ ея взялся за прошедшее, ухватился за преданіе; но это прошедшее, это преданіе интересовало его ни чѣмъ не больше, сколько насъ, Русскихъ, интересуютъ сомнительные походы Олега подъ Цареградъ [37]). Членъ народа, почти совершившаго полный циклъ своей жизни, клонившагося къ паденію, сынъ цивилизаціи состарѣвшейся, одряхлѣвшей, утратившей всѣ вѣрованія, наружно чтившей боговъ, но подъ рукой смѣявшейся надъ ними,—какъ могъ Виргилій, не будучи лицемѣромъ и ханжею, быть благочестивымъ (pius), и не смѣясь говорить съ благоговѣніемъ и поэтическимъ жаромъ о томъ, что не возбуждало въ немъ задушевнаго участія, не потрясало всѣхъ струнъ его сердца, не было его религіознымъ вѣрованіемъ?... Одно уже то, что его поэма родилась не изъ самобытной мысли, а была плодомъ сознательнаго дѣйствія, возбужденнаго существованіемъ «Иліады»; одно уже то, что его «Энеида» была не оригинальнымъ произведеніемъ, а рабскимъ подражаніемъ великому образцу,—служитъ ей лучшею критикою и окончательнымъ приговоромъ. Это просто—«Похожденія Телемака, сына Улиссова» въ прекрасныхъ (со стороны внѣшней отдѣлки) латинскихъ гекзаметрахъ.

Лучшія попытки въ эпопеѣ у новѣйшихъ народовъ—безъ сомнѣнія, «Освобожденный Іерусалимъ», «Потерянный Рай» и «Мессіада». Онѣ въ-самомъ-дѣлѣ изобилуютъ превосходными поэтическими частностями и обнаруживаютъ въ своихъ творцахъ великія поэтическія способности; но усиліе сдѣлать изъ нихъ, во что бы то ни стало, «Иліады», естественнымъ образомъ исказило и изуродовало ихъ въ цѣломъ; но въ цѣломъ онѣ и потому уже не могли быть стройными художественными созданіями, что вышли не изъ непосредственнаго акта творчества, а изъ сознательной и притомъ ошибочной мысли. Что имѣетъ общаго европейское рыцарство среднихъ вѣковъ съ жизнію героической Греціи? Что имѣютъ общаго крестовые походы съ троянскою войною?—ровно ничего, ибо внѣшняго сходства нѣчего и брать въ разсчетъ! И однакожь Тассъ изъ того и другого непремѣнно хотѣлъ сдѣлать «Иліаду» и нѣсколько разъ передѣлывалъ свою поэму въ угоду академическимъ парикамъ... Хотя Orlando Furioso Аріоста и далеко не пользуется такою знаменитостію, какъ «Освобожденый Іерусалимъ», но онъ въ тысячу разъ больше рыцарская эпопея, чѣмъ пресловутое твореніе Тасса. Калейдоскопическая пестрота лицъ и происшествій, узорочная ткань переплетенныхъ случайностей и столкновеній, самый комическій элементъ по праву духа и условій времени распавшейся на поэзію и прозу жизни, вошедшій въ поэму, любовь и бои, волшебство и чудеса, отступленія, эпизоды—все это въ чуждомъ претензій, натянутости и реторики произведеніи Аріоста гораздо больше, чѣмъ въ поэмѣ Тасса, выражаетъ духъ и колоритъ жизни европейскаго рыцарства, и гораздо больше удовлетворяетъ требованіямъ рыцарской эпопеи.

«Потерянный Рай» есть произведеніе великаго таланта; но подобная поэма могла бы быть написана только Евреемъ библейскихъ временъ, а не пуритани-

номъ кромвелевской эпохи, когда въ вѣрованіе вошелъ уже свободный мыслительный (и притомъ еще чисто-разсудочный) элементъ. И потому, форма этой поэмы неестественна, и при многихъ превосходныхъ отдѣльныхъ мѣстахъ, обличающихъ исполинскую фантазію, въ ней множество уродливыхъ частностей, несоотвѣтствующихъ величію предмета: стоитъ только указать на сраженія ангеловъ съ падшими духами земнымъ оружіемъ, на раны, которыя наносятъ они своимъ эѳирнымъ тѣламъ и которыя заживаютъ, смотря по силѣ удара, отъ часу до сутокъ времени, на пушки, которыя ангелы добываютъ ночью изъ горъ, чтобъ стрѣлять изъ нихъ въ злыхъ духовъ...

«Мессіада» тоже не лишена поэтическихъ частностей...

О нашихъ россійскихъ «ндахъ» «адахъ» и «ядахъ» нѣчего сказать, кромѣ «Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра»...

Если не всѣ, то почти всѣ народы, въ эпоху своего младенчества, имѣли эпическія сказанія; но не всѣ эти сказанія могутъ быть разсматриваемы съ художественной точки зрѣнія: ибо въ нихъ необходима безконечная идея. Если состояніе народа, его субстанція, составляютъ главное содержаніе эпоса,—необходимо еще, чтобъ народъ вмѣщалъ въ себѣ идею, духъ, чтобъ онъ былъ всемірно-историческимъ народомъ. Вотъ почему въ образецъ эпопеи могутъ быть приводимы только немногія созданія, какъ-то: индійскія поэмы «Махабгарата» и «Рамайяна», но преимущественно гомеровы эпосы—«Иліада» и «Одиссея». Индійскія поэмы, при всемъ богатствѣ своемъ, не могутъ выдержать сравненія съ сими послѣдними, принадлежа къ той степени развитія искусства, на которой оно еще только стремится къ своему осуществленію, слѣдовательно, не удовлетворяетъ еще всѣмъ требованіямъ поэзіи. Другія эпическія пѣснопѣнія, важныя въ національномъ отношеніи, какъ напр., Nibelungenlied Германцевъ, не имѣютъ еще въ себѣ всеобъемлющаго человѣческаго интереса и не представляютъ художественной полноты.

Итакъ, содержаніе эпопеи должно составлять сущность жизни, субстанціальныя силы, состояніе и бытъ народа, еще неотдѣлившагося отъ индивидуальнаго источника своей жизни. Посему, народность есть одно изъ основныхъ условій эпической поэмы: самъ поэтъ еще смотритъ на событіе глазами своего народа, не отдѣляя отъ этого событія своей личности. Но, чтобъ эпопея, будучи въ высшей степени національнымъ, была бы въ то же время и художественнымъ созданіемъ,—необходимо, чтобъ форма индивидуальной народной жизни заключала въ себѣ обще-человѣческое, міровое содержаніе. Такова была индивидуальная жизнь Грековъ,—и потому даже младенческій лепетъ ихъ космогоническихъ и теогоническихъ пѣснопѣній заключаетъ въ себѣ идеи, которыя впослѣдствіи сдѣлались достояніемъ всего человѣчества. Повторяемъ: въ гимнѣ Гезіода Музамъ, на который мы уже ссылались выше, заключается зерно и сущность эстетики новѣйшаго времени, полной философіи изящнаго, развитой созерцательною мыслительностію современныхъ намъ Германцевъ. Вотъ почему «Иліада» и «Одиссея», будучи національно греческими созданіями, въ то же время принадлежатъ всему

человѣчеству, равно доступны всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ, болѣе или менѣе удобно переводимы на всѣ языки и нарѣчія въ мірѣ. Греки, эпохою своего младенчества, выразили младенчество цѣлаго человѣчества, какъ полные и достойные его представители,—и въ поэмахъ Гомера человѣчество вспоминаетъ съ умиленіемъ о свѣтлой эпохѣ своего собственнаго (а не греческаго только) младенчества. Въ русскихъ, напр., пѣсняхъ и эпическихъ сказаніяхъ, много поэзіи, но эта поэзія заключена въ тѣсномъ и заколдованномъ кругу народной индивидуальности, лишена обще-человѣческаго содержанія, и потому понятно и сильно говоритъ только русской душѣ, но безмолвна для всякаго другого народа и непереводима ни на какой другой языкъ. По этой же причинѣ, наши народныя пѣсни и эпическія сказанія лишены всякой художественности и, сверкая мѣстами яркими блестками поэзіи, въ то же время исполнены прозаическихъ мѣстъ; часто мысль въ нихъ не находитъ своего выраженія и лепечетъ намеками и символами. Только обще-человѣческое, міровое содержаніе можетъ проявиться въ художественной формѣ [38]).

Субстанціальная жизнь народа должна выразиться въ событіи, чтобъ дать содержаніе для эпопеи. Во времена младенчества народа, жизнь его преимущественно выражается въ удальствѣ, храбрости, героизмѣ. Посему общенародная война, которая пробудила, вызвала наружу и напрягла всѣ внутреннія силы народа, которая составила собою эпоху въ его (еще миѳической) исторіи, и имѣла вліяніе на всю его послѣдующую жизнь,—такая война представляетъ собою по превосходству эпическое событіе и даетъ богатый матеріалъ для эпопеи. Баснословная троянская война была для Грековъ именно такимъ событіемъ и дала содержаніе для «Иліады» и «Одиссеи», а эти поэмы дали содержаніе большей части трагедій Софокла и Эврипида. Дѣйствующія лица эпопеи должны быть полными представителями національнаго духа; но герой преимущественно долженъ выражать своею личностію всю полноту силъ народа, всю поэзію его субстанціальнаго духа. Таковъ Ахиллесъ Гомера. Вы любите Гектора, опору своего погибающаго народа и семейства, нѣжнаго супруга и отца, храбраго и мощнаго витязя, уступающаго одному Ахиллесу; вы горько жалѣете о его смерти и какъ будто досадуете на пристрастіе судьбы и боговъ, поборающихъ Ахиллесу на счетъ справедливости: но взглядитесь пристальнѣе—и вы увидите, что рьяный, гнѣвный, доблестный и поэтическій Пелидъ по праву беретъ верхъ надъ Гекторомъ. Онъ герой по преимуществу, съ головы до ногъ облитый нестерпимымъ блескомъ славы, полный представитель всѣхъ сторонъ духа Греціи, достойный сынъ богини. Гекторъ человѣчнѣе Ахилла, но Ахиллъ божественнѣе Гектора. Ахиллъ выше всѣхъ другихъ героевъ цѣлою головою; Аяксъ равенъ ему силою, но уступаетъ въ быстротѣ ногъ. Несторъ, мужъ совѣта, убѣленный лѣтами, представляетъ собою апоѳеозу старости, умудренной опытомъ долговременной жизни, апоѳеозу елейной теплоты сердца и старческаго благодушія. Одиссей—представитель мудрости въ смыслѣ политики. Аяксъ исполненъ рьяности, дикаго мужества и тѣлесной силы. Пастырь народовъ, Агамемнонъ, отличается царственнымъ ве-

личіемъ. Словомъ, каждое изъ дѣйствующихъ лицъ «Иліады» выражаетъ собою какую-нибудь сторону національнаго греческаго духа; но Ахиллъ представляетъ собою совокупность субстанціальныхъ силъ народа. Онъ не видитъ себѣ равнаго, и только на совѣтахъ добровольно уступаетъ нѣкоторымъ. Ахиллъ—это поэтическая апоѳеоза героической Греціи; это герой поэмы по праву; великая геройская душа его обитаетъ въ прекрасномъ, богоподобномъ тѣлѣ; мужество слилось съ красотою въ лицѣ его; въ движеніяхъ его величавость, грація и пластическая живописность; въ рѣчахъ его благородство и энергія. Не диво, что боги и сама судьба побораютъ ему; не диво, что одно появленіе его, безоружнаго, на валу, и троекратный крикъ обратилъ въ бѣгство войско Троянъ. Онъ есть центръ всей поэмы: его гнѣвъ на Агамемнона и примиреніе съ нимъ дали ей завязку и развязку, начало, середину и конецъ. Гнѣвный, онъ сидитъ въ бездѣйствіи въ своей палаткѣ, играя на златострунной лирѣ, не участвуя въ бояхъ; но онъ ни на минуту не перестаетъ быть героемъ поэмы: въ ней все отъ него исходитъ и все къ нему возвращается. Но это потому-что онъ присутствуетъ въ поэмѣ не отъ себя, а отъ лица народа, какъ его представитель...

Что эпопея должна имѣть цѣлость, единство дѣйствія, соразмѣрность въ частяхъ—это составляетъ необходимое условіе каждаго художественнаго произведенія, а не исключительное свойство эпопеи.

Эпопея нашего времени есть *романъ*. Въ романѣ, всѣ родовые и существенные признаки эпоса, съ тою только разницею, что въ романѣ господствуютъ иные элементы и иной колоритъ. Здѣсь уже не миѳическіе размѣры героической жизни, не колоссальныя фигуры героевъ, здѣсь не дѣйствуютъ боги: но здѣсь идеализируются и подводятся подъ общій типъ явленія обыкновенной прозаической жизни. Романъ можетъ брать для своего содержанія или историческое событіе, и въ его сферѣ развить какое-нибудь частное событіе, какъ и въ эпосѣ: различіе заключается въ характерѣ самыхъ этихъ событій, а слѣдовательно и въ характерѣ развитія и изображенія; или, романъ можетъ брать жизнь въ ея положительной дѣйствительности, въ ея настоящемъ состояніи. Это вообще право новѣйшаго исскуства, гдѣ судьбы частнаго человѣка важны не столько по отношенію его къ обществу, сколько къ человѣчеству. Ежедневная жизнь хотя и имѣетъ своимъ послѣднимъ основаніемъ вѣчныя субстанціальныя силы, но въ своемъ проявленіи случайна и подавлена внѣшностями, лишенными всякой значительности. Исторія хотя уже обнаруживаетъ въ дѣйствительномъ проявленіи вѣчные законы и разумную необходимость, но ея проявленія, ея факты лишены самосознанія, и потому имѣютъ видъ внѣшнихъ событій, а притомъ они вѣчно перепутаны и переплетены съ случайностями ежедневной жизни. Задача романа, какъ художественнаго произведнія, есть—совлечь все случайное съ ежедневной жизни и съ историческихъ событій, проникнуть до ихъ сокровеннаго сердца—до животворной идеи, сдѣлать сосудомъ духа и разума внѣшнее и разрозненное. Отъ глубины основной идеи и отъ силы, съ которою она организуется въ отдѣльныхъ особностяхъ, зависитъ бо́льшая или меньшая художест-

венность романа. Исполненіемъ своей задачи, романъ становится на ряду со всѣми другими произведеніями свободной фантазіи, и въ такомъ смыслѣ, долженъ быть строго отдѣляемъ отъ эфемерныхъ произведеній беллетристики, удовлетворяющихъ насущнымъ потребностямъ публики. Имена Ричардсоновъ, Фильдинговъ, Радклифъ, Левисовъ, Дюкре-де Меннилей, Лафонтеновъ, Шписовъ, Крамеровъ, Поль-де Коковъ, Марріетовъ, Диккенсовъ, Лесажей, Мичьюреновъ, Гюго, де-Виньи, имѣютъ свою относительную важность, и пользуются, или пользовались заслуженною извѣсностію; но ихъ отнюдь не должно смѣшивать съ именами Сервантеса, Вальтера Скотта, Купера, Гофмана и Гете, какъ романистовъ [39]).

Сфера романа несравненно-обширнѣе сферы эпической поэмы. Романъ, какъ показываетъ самое его названіе, возникъ изъ новѣйшей цивилизаціи христіанскихъ народовъ, въ эпоху человѣчества, когда всѣ гражданскія, общественныя, семейныя, и вообще человѣческія отношенія, сдѣлались безконечно-многосложны и драматичны, жизнь разбѣжалась въ глубину и ширину въ безконечномъ множествѣ элементовъ. Кромѣ занимательности и богатства содержанія, романъ ничѣмъ не ниже эпической поэмы и какъ художественное произведеніе. Намъ возразятъ, можетъ быть, тѣмъ, что мы сами признали образцовыми только двѣ поэмы, тогда какъ одинъ Вальтеръ Скоттъ написалъ больше *тридцати* романовъ. Правда, эпическая поэма требуетъ большей сосредоточенности въ силѣ генія, который видитъ въ ней подвигъ цѣлой жизни своей; но причина этого совсѣмъ не въ превосходствѣ эпопеи надъ романомъ, а въ богатѣйшемъ и превосходнѣйшемъ содержаніи жизни новѣйшихъ народовъ въ сравненіи съ жизнію древнихъ Грековъ. Ихъ историческая жизнь вся выразилась въ одномъ событіи и въ одной поэмѣ (ибо «Одиссея» есть какъ-бы продолженіе и окончаніе «Иліады», хотя и выражаетъ собою другую сторону греческой жизни). Явись у нихъ новый Гомеръ,—и для его поэмы уже не было бы другого событія, въ родѣ троянской войны; а еслибы, положимъ, и нашлось такое событіе, то все-таки его поэма была бы повтореніемъ «Иліады» и, слѣдовательно, не имѣла бы никакого достоинства. Но возьмите, напр., крестовые походы: Вальтеръ Скоттъ написалъ цѣлые четыре романа, относящихся къ этой эпохѣ («Графъ Робертъ Парижскій», «Конетабль Честерскій», «Талисманъ», «Иваное»),—и если бы онъ написалъ ихъ тысячу, и тогда бы не исчерпалъ всей полноты этого событія. Кромѣ того, на сторонѣ романа еще и то великое преимущество, что его содержаніемъ можетъ служить и частная жизнь, которая никакимъ образомъ не могла служить содержаніемъ греческой эпопеи: въ древнемъ мірѣ существовало божество, государство, народъ, но не существовало человѣка, какъ частной индивидуальной личности, и потому въ эпопеѣ Грековъ, равно какъ и въ ихъ драмѣ, могли имѣть мѣсто только представители народа—полубоги, герои, цари. Для романа же, жизнь является въ человѣкѣ, и мистика человѣческаго сердца, человѣческой души, участь человѣка, всѣ ея отношенія къ народной жизни, для романа—богатый предметъ. Въ романѣ совсѣмъ не нужно, чтобъ Ревекка была

непремѣнно царица, или героиня въ родѣ Юдиои: для него нужно только, чтобъ она была женщина.

Романъ обязанъ Вальтеру Скотту своимъ высокимъ художественнымъ развитіемъ. До него романъ удовлетворялъ только требованіямъ эпохи, въ которую являлся, и вмѣстѣ съ нею умиралъ. Исключеніе остается только за безсмертнымъ твореніемъ Испанца Мигэля Сервантеса «Донъ Кихотъ», да развѣ еще за романами Гёте («Вертеръ», «Вильгельмъ Мейстеръ», Die Wahlverwandschaften). Послѣдніе, впрочемъ, имѣютъ особое, хотя и великое значеніе какъ созданія рефлектирующаго, а не непосредственнаго творчества. Вальтеръ Скоттъ, можно сказать, создалъ историческій романъ, до него несуществовавшій. Люди, лишенные отъ природы эстетическаго чувства и понимающіе поэзію разсудкомъ, а не сердцемъ и духомъ, возстаютъ противъ историческихъ романовъ, почитая въ нихъ незаконнымъ соединеніе историческихъ событій съ частными происшествіями. Но развѣ въ самой дѣйствительности, историческія событія не переплетаются съ судьбою частнаго человѣка; и наоборотъ, развѣ частный человѣкъ не принимаетъ иногда участія въ историческихъ событіяхъ? Кромѣ того, развѣ всякое историческое лицо, хотя бы то былъ и царь, не есть въ то же время и просто человѣкъ, который, какъ и всѣ люди, и любитъ и ненавидитъ, страдаетъ и радуется, желаетъ и надѣется? И тѣмъ болѣе, развѣ обстоятельства его частной жизни не имѣютъ вліянія на историческія событія, и наоборотъ? Исторія представляетъ намъ событіе съ его лицевой, сценической стороны, не приподнимая завѣсы съ закулисныхъ происшествій, въ которыхъ скрываются и возникновеніе представляемыхъ ею событій и ихъ совершеніе въ сферѣ ежедневной, прозаической жизни? Романъ отказывается отъ изложенія историческихъ фактовъ и береть ихъ только въ связи съ частнымъ событіемъ, составляющимъ его содержаніе; но черезъ это, онъ разоблачаетъ передъ нами внутреннюю сторону, *изнанку*, такъ сказать, историческихъ фактовъ, вводитъ насъ въ кабинетъ и спальню историческаго лица, дѣлаетъ насъ свидѣтелями его домашняго быта, его семейныхъ тайнъ, показываетъ его намъ не только въ парадномъ историческомъ мундирѣ, но и въ халатѣ съ колпакомъ. Колоритъ страны и вѣка, ихъ обычаи и нравы, выказываются въ каждой чертѣ историческаго романа, хотя и не составляютъ его цѣли. И потому, историческій романъ есть какъ-бы точка, въ которой исторія, какъ наука, сливается съ искусствомъ; есть дополненіе исторіи, ея другая сторона. Когда мы читаемъ историческій романъ Вальтера Скотта, то какъ-бы дѣлаемся сами современниками эпохи, гражданами страны, въ которыхъ совершается событіе романа, и получаемъ о нихъ, въ формѣ живого созерцанія, болѣе вѣрное понятіе, нежели какое могла бы намъ дать о нихъ какая-угодно исторія.

По художественному достоинству своихъ романовъ, Вальтеръ Скоттъ стоитъ наряду съ величайшими творцами всѣхъ вѣковъ и народовъ. Онъ истинный Гомеръ христіанской Европы [40]). Наравнѣ съ нимъ стоитъ геніальный Куперъ, романистъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Его романы совершенно самобытны и,

кромѣ высокаго художественнаго достоинства, не имѣютъ ничего общаго съ романами Вальтера Скотта, хотя, впрочемъ, и были ихъ результатомъ, въ смыслѣ исторической послѣдовательности развитія новѣйшей литературы: за Вальтеромъ Скоттомъ остается слава созданія новѣйшаго романа.

Повѣсть есть тотъ же романъ, только въ меньшемъ объемѣ, который условливается сущностію и объемомъ самаго содержанія. Въ нашей литературѣ, этотъ видъ романа имѣетъ представителемъ истиннаго художника—Гоголя. Лучшія изъ его повѣстей: «Тарасъ Бульба», «Старосвѣтскіе Помѣщики» и «Повѣсть о томъ какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Близко, по художественному достоинству, стоитъ повѣсть Пушкина «Капитанская Дочка», а отрывокъ изъ его неконченнаго романа «Арапъ Петра Великаго» показываетъ, что если бы не преждевременная кончина поэта, то русская литература обогатилась бы художественнымъ и историческимъ романомъ. Кромѣ ихъ, для повѣсти и даже романа, много обѣщаетъ въ будущемъ молодой, недавно явившійся на поприщѣ нашей литературы талантъ—г. Лермонтовъ. Въ нѣмецкой литературѣ, повѣсть имѣетъ своимъ представителемъ геніальнаго Гофмана, создавшаго, можно сказать, особый родъ фантастической поэзіи. Другія литературы не представляютъ такого богатаго развитія повѣсти; даже въ самой англійской литературѣ нѣтъ нувелистовъ, которыхъ имена могли бы упоминаться послѣ именъ Вальтера Скотта и Купера. Вашингтонъ-Ирвингъ необыкновенно даровитый разскащикъ, но не болѣе.

Хотя новѣйшія стихотворныя поэмы, образцы которыхъ представляютъ поэмы Байрона и Пушкина, и которыя, въ эпоху своего появленія, назывались *романтическими поэмами*,—хотя онѣ, по явному присутствію въ нихъ лирическаго элемента, и должны называться *лирическими поэмами*: но тѣмъ не менѣе, онѣ принадлежатъ къ эпическому роду: ибо основаніе каждой изъ нихъ есть *событіе*, да и самая форма ихъ чисто эпическая. Впрочемъ, это уже эпопея нашего времени, эпопея смѣшанная, проникнутая насквозь и лиризмомъ и драматизмомъ, и нерѣдко занимающая у нихъ и формы. Въ ней событіе не заслоняетъ собою человѣка, хотя и само-по-себѣ можетъ имѣть свой интересъ.

Къ эпическому роду относится еще *идиллія* или *эклога*, изъ которой XVIII вѣкъ сдѣлалъ особый родъ поэзіи—поэзію *пастушескую*, или *буколическую*. Тогда непремѣнно хотѣли, чтобъ идиллія воспѣвала жизнь пастуховъ въ до общественный періодъ человѣчества, когда люди (будто-бы) были невинны, какъ барашки; добры, какъ овечки; нѣжны, какъ голубки. Приторная, сладенькая сантиментальность, растлѣнное, гнилое чувство любви, лишенное всякой энергіи, составляли отличительный характеръ этой пастушеской поэзіи. И ее выдумали на основаніи древнихъ, во имя Теокрита. Чтобы показать, до какой степени нелѣпа эта плоская клевета на древнихъ и на Теокрита, и чтобъ дать истинное понятіе объ идилліи, — представляемъ здѣсь мнѣніе объ этомъ предметѣ знаменитаго Гнѣдича, глубокаго знатока древности, проникнутаго ея художественнымъ духомъ, обвѣяннаго ея священными звуками, истиннаго поэта

по душѣ и по таланту. Вотъ что говоритъ онъ въ предисловіи къ переведенной имъ съ греческаго идилліи Теокрита «Сиракузянки, или праздникъ Адониса»:

«Поэзія идиллическая у насъ, какъ и въ новѣйшихъ литературахъ европейскихъ, ограничена тѣснымъ опредѣленіемъ *поэзіи пастушеской:* опредѣленіе ложное. Изъ него истекаютъ и другія, столько же неосновательныя мнѣнія, что поэзія пастушеская (т. е. идилліи, эклоги), въ словесности нашей существовать не можетъ, ибо у насъ нѣтъ пастырей, подобныхъ древнимъ, и проч. и проч.

«Идиллія Грековъ, по самому значенію слова *) есть *видъ*, *картина*, или то, что̀ мы называемъ *сцена;* но сцена жизни и пастушеской и гражданской, и даже героической. Это доказываютъ идилліи Теокрита, поэта перваго, а лучше сказать, единственнаго, который, въ семъ особенномъ родѣ поэзіи, служилъ образцемъ для всѣхъ народовъ Запада. Хотя не онъ началъ обработывать сей родъ, но онъ усовершенствовалъ его, приблизивъ болѣе къ природѣ.—Занявъ для идиллій своихъ формы изъ мимъ, сценическихъ представленій, изобрѣтенныхъ въ отечествѣ его, Сициліи, онъ обогатилъ ихъ разнообразіемъ содержанія; но предметы для нихъ избиралъ большею частію простонародные, чтобъ пышности двора александрійскаго, при которомъ жилъ, противопоставить мысли простыя, народныя, и сею противоположностью плѣнить читателей, которые были вовсе удалены отъ природы. Дворъ Птолемеевъ совершенно не зналъ нравовъ пастырей сицилійскихъ; картины жизни ихъ должны были имѣть для читателей идиллій двоякую прелесть, и по новости предмета, и по противоположности съ чрезмѣрною изнѣженностію и необузданною роскошью того времени. Сердце, утомленное бременемъ роскоши и шумомъ жизни, жадно плѣняется тѣмъ, что напоминаетъ ему жизнь болѣе тихую, болѣе сладостную. Природа никогда не теряетъ своего могущества надъ сердцемъ человѣка.

«Вездѣ, гдѣ общества человѣческія доходили до предѣла, на которомъ былъ тогда Египетъ, поэты также пытались производить подобныя противоположности. Но одни Греки умѣли быть вмѣстѣ и естественными и оригинальными. Всѣ другіе народы хотѣли улучшивать, или по своему переиначивать самую природу: чувство замѣняли чувствительностію, простоту—изысканностію. У Римлянъ нѣсколько разъ пытались представить горожанамъ картины жизни сельской. Идилліями началъ свое поприще Виргилій; но не смотря на прелесть стиховъ, онъ остался позади Теокрита: пастухи его большею частію ораторы. Калпурній и другіе изъ Римлянъ подражали Виргилію, не природѣ.

«Въ литературахъ новѣйшихъ временъ, особенно въ итальянской, когда всѣ роды поэзіи были испытаны, являлось множество идиллій посреди народа развращеннаго; но какъ мало естественности въ Санназаро, какая изысканность

*) Εἰδύλλιον происходитъ отъ εἶδος *видъ* и есть слово уменьшительное, такъ сказать, *видикъ*.

въ Гваринѣ! О Французахъ и говорить нечего. Геснеръ, котораго много читали при дворѣ Людовика XV, также не могъ выдержать испытанія времени: онъ создалъ природу сантиментальную, на свой образецъ, пастуховъ своихъ идеализировалъ, а что̀ хуже, въ идиллію ввелъ миѳологію греческую. Въ этомъ состояло его важнѣйшее заблужденіе: нимфы, фавны, сатиры для насъ умерли, и не могутъ показаться въ поэзіи нашего времени, не разливая ледянаго холода.—Такимъ образомъ, Теокритъ остается, какъ Гомеръ, тѣмъ свѣтлымъ фаросомъ [41]), къ которому всякій разъ, когда мы заблуждаемся, должно возвратиться.

«До сихъ поръ одни поэты германскіе, намъ современные, хорошо поняли Теокрита: Фоссъ, Бронперъ, Гебель произвели идиллію истинно народныя; плѣнительныя картины ихъ переносятъ читателя къ той сладостной жизни въ нѣдрахъ природы, отъ которой нынѣшнее состояніе общества такъ насъ удаляетъ: онѣ вселяютъ даже любовь къ сему роду жизни. Успѣхъ сей производятъ не одни дарованія писателей: Санназаро, Геснеръ имѣли также дарованія. Германскіе поэты поняли, что родъ поэзіи идиллической болѣе нежели всякій другой, требуетъ содержаній народныхъ, отечественныхъ; что не одни пастухи, но всѣ состоянія людей, по роду жизни близкихъ къ природѣ, могутъ быть предметами сей поэзіи. Вотъ главная причина ихъ успѣха».

Вотъ содержаніе «Сиракузянокъ» Теокрита: Сиракузянки, съ семействами ихъ пріѣхавшія въ Александрію, приходятъ одна къ другой; желая видѣть праздникъ Адониса, идутъ во дворецъ Птолемея Филадельфа, гдѣ жена его Арсиноя, великолѣпно устроила это празднество. Эта идиллія представляетъ съ одной стороны бытъ простаго народа, его повседневную жизнь, семейныя отношенія; съ другой стороны, отношенія простого народа къ высшей субстанціальной народной жизни, заставляя простыхъ женщинъ приходить въ восторгъ и умиленіе отъ высокой, поэтической пѣсни Адонису, пропѣтой знаменитою пѣвицею, дѣвою аргивскою. Та и другая сторона, т. е. проза и поэзія простонароднаго быта, видны даже въ заключительной рѣчи Горго̀, одной изъ Сиракузянокъ:

Ахъ, Праксиноя, чудесное пѣнье! Аргивская дѣва
Счастлива даромъ, стократъ она счастлива голосомъ сладкимъ!
Время однако домой: Діоклидъ мой еще не обѣдалъ:
Мужъ у меня онъ презлой, а какъ голоденъ, съ нимъ не встрѣчайся.
Милый Адонисъ, прости! возвратися опять намъ на радость!

Образцами идиллій могутъ служить также переведенныя Жуковскимъ стихотворенія Гебеля и другихъ нѣмецкихъ поэтовъ: «Красный Карбункулъ», «Двѣ Были и еще одна», «Неожиданное Свиданіе», «Нормапскій Обычай», «Путешественникъ и Поселянка» (Гете), «Овсяный Кисель», «Деревенскій Сторожъ», «Тлѣнность, разговоръ на дорогѣ, ведущей въ Базель, въ виду развалинъ замка Ретлера, вечеромъ», «Воскресное Утро въ Деревнѣ». На русскомъ языкѣ было много оригинальныхъ идиллій, но слѣдуя пословицѣ: «кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ», мы о нихъ умалчиваемъ. Блестящее исключеніе представляетъ собою превосходная идиллія Гнѣдича «Рыбаки». Бытъ и самый образъ выраженія дѣйствующихъ

лицъ въ ней идеализированы, но не въ смыслѣ мнимо-классической идеализаціи, которая состояла въ ходуляхъ, бѣлилахъ и румянахъ, а тѣмъ, что слишкомъ проникнута лиризмомъ и вѣетъ духомъ древне-эллинской поэзіи не смотря на руссизмъ многихъ выраженій. Во всякомъ случаѣ, роскошь красокъ, глубокая внутренняя жизнь, счастливая идея и прекрасные стихи дѣлаютъ идиллію Гнѣдича истиннымъ, хотя къ сожалѣнію еще и неоцѣненнымъ перломъ нашей литературы. Пушкина «Гусаръ», «Будрысъ и его Сыновья» также суть идилліи.

Къ эпической поэзіи принадлежатъ *апологъ* и *басня*, въ которыхъ опоэтизировывается проза жизни и практическая обиходная мудрость житейская. Этотъ родъ поэзіи достигъ высшаго своего развитія только въ двухъ новѣйшихъ литературахъ—французской и русской. Въ первой представитель басни есть Лафонтенъ; наша литература имѣетъ нѣсколькихъ талантливыхъ баснописцевъ, а въ Крыловѣ истинно-геніальнаго творца народныхъ басенъ, въ которыхъ выразилась вся полнота практическаго ума, смышлености, повидимому простодушной, но язвительной насмѣшки русскаго народа.

Къ эпической же поэзіи должна относиться и такъ называемая *дидактическая* поэзія; но о ней мы еще будемъ говорить.

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Въ эпосѣ субъектъ поглощенъ предметомъ; въ лирикѣ, онъ не только переноситъ въ себя предметъ, растворяетъ, проникаетъ его собою, но и изводитъ изъ своей внутренней глубины всѣ тѣ ощущенія, которыя пробудило въ немъ столкновеніе съ предметомъ. Лирика даетъ слово и образъ нѣмымъ ощущеніямъ, выводитъ ихъ изъ душнаго заточенія тѣсной груди на свѣжій воздухъ художественной жизни, даетъ имъ особное существованіе. Слѣдовательно, содержаніе лирическаго произведенія не есть уже развитіе объективнаго происшествія, но самъ субъектъ и все, что проходитъ черезъ него. Этимъ условливается дробность лирики: отдѣльное произведеніе не можетъ обнять цѣлости жизни, ибо субъектъ не можетъ въ одинъ и тотъ же мигъ быть всѣмъ. Отдѣльный человѣкъ въ различные моменты полонъ различнымъ содержаніемъ. Хотя и вся полнота духа доступна ему, но не вдругъ, а въ отдѣльности, въ безчисленномъ множествѣ различныхъ моментовъ. Все *общее*, все субстанціальное, всякая идея, всякая мысль—основные двигатели міра и жизни, могутъ составить содержаніе лирическаго произведенія, но при условіи, однакожь, чтобъ общее было претворено въ кровное достояніе субъекта, входило въ его ощущеніе, было связано не съ какою-либо одною его стороною, но со всею цѣлостію его существа. Все, что занимаетъ, волнуетъ, радуетъ, печалитъ, услаждаетъ, мучитъ, успокоиваетъ, тревожитъ, словомъ, все, что составляетъ содержаніе духовной жизни субъекта, все, что входитъ въ него, возникаетъ въ немъ,—все это пріемлется лирикою, какъ законное ея достояніе. Предметъ здѣсь не имѣетъ цѣны самъ-по-себѣ, но все зависитъ отъ того, какое значеніе даетъ ему субъектъ, все зависитъ отъ того

вѣнія, того духа, которыми проникается предметъ фантазіею и ощущеніемъ. Что̀ напр., за предметъ—засохшій цвѣтокъ, найденный поэтомъ въ книгѣ?—но онъ внушилъ Пушкину одно изъ лучшихъ, одно изъ благоуханнѣйшихъ, музыкальнѣйшихъ его лирическихъ произведеній.

Лирическое произведеніе, выходя изъ моментальнаго ощущенія, не можетъ и не должно быть слишкомъ длинно; иначе, оно будетъ и холодно и натянуто, и вмѣсто наслажденія, только утомитъ читателя. Чтобъ пробудить наше чувство и долго поддерживать его въ дѣятельности,—намъ нужно созерцаніе какого-нибудь объективнаго содержанія: иначе, чѣмъ глубже раскроется и чѣмъ пышнѣйшимъ цвѣтомъ развернется чувство, тѣмъ скорѣе и охладѣетъ оно. Вотъ почему опера есть самое длинное музыкальное произведеніе; въ ней музыка привязана къ объективному дѣйствію, и драматизмъ ея, не смотря на господствующій мотивъ, придаетъ ей живое разнообразіе. Та же бы самая опера, но написанная на воображаемое, а не на существующее либретто, показалась бы утомительною. Но тому же самому, и лирическая поэма, или драма, не имѣетъ опредѣленныхъ границъ для своего объема. Но собственно-лирическое произведеніе, плодъ минутнаго вдохновенія, можетъ потрясти все существо наше, наполнить насъ собою на долгое время,—но не иначе, какъ если для его прочтенія нужно не больше нѣсколькихъ минутъ. Плодъ мгновенной настроенности духа поэта, лирическое произведеніе пропадаетъ невозвратно, если не переходитъ на бумагу прежде, нежели духъ поэта не подчинился новой настроенности. И потому, ни поэтъ не можетъ написать длинной лирической пьесы, которая, при длинотѣ своей, отличалась бы единствомъ ощущенія, а слѣдовательно, и единствомъ мысли, и потому была бы полна, цѣлостна и индивидуальна; ни воспріемлемость нашего чувства не можетъ быть долго въ дѣятельности и скоро не утомиться, не будучи поддерживаема разнообразіемъ идей и образовъ, возбуждающихъ ее и вмѣстѣ дѣйствующихъ и на умъ. Вотъ почему лирическія произведенія Пушкина всѣ безъ исключенія такъ коротки, въ сравненіи съ лирическими пьесами его предшественниковъ. Длинпота лирическихъ пьесъ обыкновенно происходитъ или отъ-того, что поэтъ, въ одной и той же пьесѣ, переходитъ отъ одного ощущенія къ другому, и переходы эти поневолѣ принужденъ связывать реторическими вставками, или отъ ложнаго, анти-поэтическаго и еще болѣе анти-лирическаго направленія—развивать дидактически какія-нибудь отвлеченныя мысли. Полный представитель того и другого недостатка, производящаго длинноту лирическихъ пьесъ, есть реторическій элегистъ Ламартинъ. Хотя тѣ же самые недостатки въ Державинѣ выкупаются иногда яркими проблесками сильнаго таланта, однако такія длинныя оды его, какъ «Ода на взятіе Измаила», въ цѣломъ невыносимо-утомительны; самый «Водопадъ» его трудно прочесть сразу. Что же касается до ораторскихъ рѣчей въ стихахъ, которыми безсмертный Ломоносовъ плѣнялъ слухъ вѣрныхъ Россовъ; до надутыхъ пузырей реторическаго эмфаза въ «торжественныхъ одахъ» Петрова; до водяныхъ разглагольствованій Капниста, въ которыхъ онъ, по правиламъ реторики г. Кошан-

скаго, оплакиваетъ свои утраты и «злополучія»; наконецъ, до торжественныхъ и казенныхъ лирическій Мерзлякова *), читанныхъ имъ на университетскихъ актахъ: онѣ годятся только для того, чтобъ магнетически погружать душу читателей въ тяжкую скуку и сонную апатію.

Лирическая поэзія возникаетъ на всѣхъ ступеняхъ жизни и сознанія, во всѣ вѣка и эпохи; но цвѣтущее ея состояніе, въ противоположность эпосу, бываетъ уже тогда, какъ образуется въ народѣ субъективность съ одной стороны, и положительная прозаическая дѣйствительность съ другой. На ступени же непосредственнаго сознанія, гдѣ такъ роскошно и полно развивается эпосъ, лирическая поэзія еще далека отъ своего высшаго назначенія и, говоря собственно, находится еще внѣ сферы искусства. Это такъ-называемая естественная, или *народная* поэзія.

Виды лирической поэзіи зависятъ отъ отношеній субъекта къ общему содержанію, которое онъ беретъ для своего произведенія. Если субъектъ погружается въ элементъ общаго созерцанія и какъ бы теряетъ въ этомъ созерцаніи свою индивидуальность, то являются: *гимнъ*, *дивирамбъ*, *псальмы*, *пеаны*. Субъективность на этой ступени какъ бы не имѣетъ еще своего собственнаго голоса, и вся вполнѣ отдается тому высшему, которое осѣнило ее; здѣсь еще мало *обособленія*, и общее хотя и проникается вдохновеннымъ ощущеніемъ поэта, однако проявляется болѣе или менѣе *отвлеченно*. Это начало, первый моментъ лирической поэзіи, и потому, на-примѣръ, *гимны* Каллимаха и Гезіода, *дивирамбы* Пиндара носятъ на себѣ характеръ эпическій, допускаютъ въ себѣ повѣствованія, и вообще являются въ видѣ лирическихъ поэмъ довольно большого объема. Новѣйшая поэзія мало можетъ представить образцовъ такого рода лирическихъ произведеній. Знаменитый «Гимнъ Радости» Шиллера слишкомъ проникнутъ сознаніемъ, чтобъ его можно было отнести къ нимъ, хотя по эксцентрической силѣ пламеннаго, бурнаго одушевленія, онъ и можетъ назваться и гимномъ и дивирамбомъ. Содержаніе пушкинова «Торжества Вакха», его же «Вакхической Пѣсни» и «Вакханки» Батюшкова взято изъ древней жизни. «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская Годовщина» Пушкина, хотя и дышатъ бурнымъ, пламеннымъ, дивирамбическимъ вдохновеніемъ, но тоже не могутъ быть названы гимнами, или дивирамбами въ строгомъ смыслѣ, потому-что въ нихъ слишкомъ замѣтна личность поэта. Образцы произведеній этого рода представляетъ только древность.

Субъективность поэта, сознавъ уже себя, свободно беретъ и объемлетъ собою какой-либо интересующій ее предметъ: тогда является *ода*. Предметъ *оды* и самъ-по-себѣ можетъ имѣть какой-либо субстанціальный интересъ (различный

*) Здѣсь разумѣются только оды Мерзлякова, а не его переводы изъ древнихъ и русскія пѣсни, большая часть которыхъ превосходна. Натура Мерзлякова была поэтическая, но реторика и пінтика прошлаго вѣка часто сбивали ее съ толку. Что же до одъ Ломоносова, то здѣсь разумѣются только торжественныя, въ которыхъ длинноты и реторическій характеръ не выкупаются и блестками поэзіи.

сферы жизни, дѣйствительности, сознанія: государство, слава боговъ, героевъ, любовь, дружба и т. п.); въ такомъ случаѣ, оды имѣютъ характеръ торжественный. Хотя здѣсь поэтъ и весь отдается своему предмету, но не безъ рефлексіи на свою субъективность; онъ удерживаетъ свое право, и не столько развиваетъ самый предметъ, сколько свое, полное этимъ предметомъ, вдохновеніе. Таковы пьесы Пушкина: «Наполеонъ», «Къ морю», «Кавказъ» и «Обвалъ». Вообще, надо замѣтить, что *ода*—этотъ средній родъ между *гимномъ*, или *диѳирамбомъ* и *пѣснею*, тоже мало свойственъ нашему времени; поэтъ нашего времени дѣлаетъ изъ увлекшаго его предмета фантазію, картину (какъ напримѣръ, Лермонтовъ изъ Кавказа «Дары Терека»); но любимый и задушевный его родъ—*пѣсня*, значеніе и сущность которой болѣе лирическія и субъективныя. Въ одѣ больше внѣшняго, объективнаго; тогда-какъ пѣсня есть чистѣйшій эѳиръ субъективности. Вотъ почему у Пушкина такъ мало *одъ*, въ которыхъ преимущественно проявлялась могучая поэтическая дѣятельность Державина. Многія оды Державина, не смотря на ихъ невыдержанность, на нехудожественную отдѣлку, регулярную форму и большее или меньшее присутствіе реторики, могутъ служить, въ духѣ своего времени, образцами одъ, какъ вида лирической поэзіи. Таковы особенно: «На Смерть Мещерскаго», «Водопадъ», «Къ первому сосѣду», «Осень во время осады Очакова», «Хариты», «Рожденіе Красоты» и проч.

Чистый, безпримѣсный элементъ лирики является въ *пѣснѣ*, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, какъ выраженіе чисто-субъективныхъ ощущеній. Все безчисленное многоразличіе тѣхъ таинственныхъ, невыразимыхъ безъ творческой силы поэзіи ощущеній, которыя такъ безотчетно, такъ *особенно* возникаютъ въ темнотѣ нашей внутренности, освобождаются здѣсь отъ своей *особенности*, т. е. отъ исключительной принадлежности *мнѣ*, и выпархиваютъ на свѣтъ, окрыленныя фантазіею. Наконецъ, субъектъ, кромѣ этихъ совершенно-личныхъ ощущеній, выражаетъ въ лирическихъ произведеніяхъ болѣе *общіе*, болѣе сознательные факты своей жизни, различныя созерцанія, воззрѣнія, сближенія, мысли, весь объективный запасъ свѣдѣній, и пр. Сюда, кромѣ собственно-*пѣсни*, относятся *сонеты*, *станцы*, *канцоны*, *элегіи*, *посланія*, *сатиры*, и наконецъ, всѣ тѣ многоразличныя стихотворенія, которыя трудно даже и назвать особеннымъ именемъ. Всѣ они, вмѣстѣ съ пѣснію, составляютъ исключительную лирику нашего времени. Лучшія, задушевнѣйшія созданія лирической музы Пушкина принадлежатъ къ числу ихъ. Таковы напр., «Уединеніе», «Недоконченная картина», «Возрожденіе», «Погасло дневное свѣтило», «Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный», «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты», «Ненастный день потухъ», «Демонъ», «Желаніе славы», «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной», «19 октября», «Зимняя дорога», «Ангелъ», «Поэтъ», «Воспоминаніе», «Предчувствіе», «Цвѣтокъ», «На холмахъ Грузіи лежитъ ночная тѣнь», «Когда твои младыя лѣта», «Зимнее Утро», «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ», «Поэту», «Трудъ», «Мадона», «Зимній Вечеръ», «Даръ напрасный», «Анчаръ», «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье» и многія другія. По нашему перечню можно видѣть,

что большая ихъ часть безъ названія и означается первымъ стихомъ: это свойство лирическихъ произведеній, содержаніе которыхъ неуловимо для опредѣленія, какъ музыкальное ощущеніе. Какъ образецъ благоуханности, музыкальности, легкой, прозрачной формы, граціи выраженія чувства нѣжнаго, но глубокаго и мужескаго, какъ образецъ сущности лиризма, растворенаго и насквозь проникнутаго чистѣйшимъ, безпримѣснымъ эѳиромъ благороднѣйшей субъективности, выписываемъ здѣсь одно изъ посмертныхъ стихотвореній Пушкина:

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.
Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой—
А съ нимъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ за тобой...

Это мелодія сердца, музыка души, непереводимая на человѣческій языкъ, и тѣмъ не менѣе заключающая въ себѣ цѣлую повѣсть, которой завязка на землѣ, а развязка на небѣ...

Въ *посланіяхъ* и *сатирахъ* взглядъ поэта на предметы преобладаетъ надъ ощущеніемъ. Посему стихотворенія этого рода могутъ превосходить объемомъ пѣсню и другія собственно-лирическія произведенія. Впрочемъ, въ посланіи и въ сатирѣ, поэтъ смотритъ на предметы сквозь призму своего чувства, даетъ своимъ созерцаніямъ и воззрѣніямъ живые поэтическіе образы; дидактизмъ, какъ обыкновенно понимаютъ его, тутъ не можетъ имѣть мѣста. Сатира не должна быть осмѣяніемъ пороковъ и слабостей, но порывомъ, энергіею раздраженнаго чувства, громомъ и молніею благороднаго негодованія. Въ ея основаніи долженъ лежать глубочайшій юморъ, а не веселое и невинное остроуміе. Превосходный образецъ *посланія* представляетъ собою стихотвореніе Пушкина «Къ Вельможѣ», въ которомъ поэтъ, въ дивно-художественныхъ образахъ характеризо-

валъ русскій XVIII вѣкъ и намекнулъ на значеніе XIX-го. Что до *сатиры*, то мы не знаемъ на русскомъ языкѣ лучшихъ образцовъ ей, какъ «Дума» и «Не вѣрь себѣ» Лермонтова.

Элегія собственно есть пѣсня грустнаго содержанія; но въ нашей литературѣ, по преданію отъ Батюшкова, написавшаго «Умирающаго Тасса», возникъ особый родъ *исторической*, или *эпической элегіи*. Поэтъ вводитъ здѣсь даже событіе подъ формою воспоминанія, проникнутаго грустью. Посему и объемъ такихъ элегій обширнѣе обыкновенныхъ лирическихъ произведеній. Таковы: Батюшкова же элегія «На развалинахъ Замка въ Швеціи», Пушкина «Андрей Шенье»; самый «Водопадъ» Державина можно назвать эпическою элегіею. Впрочемъ, эпическая элегія можетъ имѣть и не историческое содержаніе, какъ напр., знаменитая элегія Грея, «Сельское Кладбище», такъ прекрасно переданная по-русски Жуковскимъ, и элегія Батюшкова «Тѣнь Друга». Къ эпическимъ произведеніямъ принадлежатъ еще *дума*, *баллада* и *романсъ*. *Дума* есть тризна историческому событію, или просто пѣсня историческаго содержанія. Дума почти то же, что̀ эпическая элегія; только она требуетъ непремѣнно народности во взглядѣ и выраженіи. Превосходные образцы того и другого имѣемъ мы въ «Пѣснѣ объ Олегѣ Вѣщемъ» и «Пирѣ Петра Великаго» Пушкина. Въ *балладѣ*, поэтъ беретъ какое-нибудь фантастическое и народное преданіе, или самъ изобрѣтаетъ событіе въ этомъ родѣ. Но въ ней главное не событіе, а ощущеніе, которое оно возбуждаетъ, дума, на которую оно наводитъ читателя. Баллада и романсъ возникли въ средніе вѣка, и потому герои европейскихъ балладъ—рыцари, дамы, монахи; содержаніе—явленія духовъ, таинственныя силы подземнаго міра; сцена—замокъ, монастырь, кладбище, темный лѣсъ, поле битвы. Превосходные переводы Жуковскаго познакомили насъ съ балладами Шиллера, Гёте, Вальтера Скотта, и другихъ германскихъ и англійскихъ пѣвцовъ. Жуковскій и самъ написалъ нѣсколько превосходныхъ балладъ; лучшія изъ нихъ тѣ, которыхъ содержаніе взято не изъ русской жизни. Особенно прекрасны: «Эолова Арфа» и «Ахиллъ». Пушкина «Женихъ», «Утопленникъ» и «Бѣсы» представляютъ превосходнѣйшіе образцы національныхъ русскихъ балладъ. *Романсъ* отличается отъ *баллады* рѣшительнымъ преобладаніемъ лирическаго элемента надъ эпическимъ, а вслѣдствіе этого, и гораздо меньшимъ объемомъ. Жуковскій познакомилъ насъ своими поэтическими переводами и съ этимъ родомъ лирической поэзіи.

Лиризмъ есть преобладающій элементъ въ германской литературѣ. Лирическая поэзія и музыка составляютъ самый пышный цвѣтъ художественной жизни этой націи. Шиллеръ и Гёте—это цѣлые два міра лирической поэзіи, два великія ея солнца, окруженныя множествомъ спутниковъ и звѣздъ различныхъ величинъ. Богатая литература Англіи, и въ лиризмѣ также едва ли уступаетъ какой литературѣ, какъ и превосходитъ всѣ другія литературы въ эпической и драматической поэзіи. Сонеты и лирическія поэмы (какъ напр. «Венера и Адонисъ») Шекспира, поэмы и мелкія пьесы Байрона, лирическія поэмы

Вальтера Скотта, произведенія Томаса Мура, Уордсворта, Борнса, Сутея, Кольриджа, Коупера и другихъ, составляютъ богатѣйшую сокровищницу лирической поэзіи. Французы почти не имѣютъ лирической поэзіи; по крайней мѣрѣ, она не восходила у нихъ дальше народной пѣсни (водевиля). Беранже единственный великій ихъ лирикъ, но его летучія созданія, по народной формѣ своего выраженія, непереводимы ни на какой языкъ. Послѣ его пѣсенъ, достойны замѣчанія проникнутыя духомъ пластической древности элегіи Андрея Шенье и ямбы энергическаго Барбье.

Собственно-лирическая поэзія, въ смыслѣ выраженія внутренняго субъективнаго чувства при виртуозности формы, началась у насъ съ Пушкина. О его собственныхъ произведеніяхъ здѣсь довольно сказать, что имъ нѣтъ цѣны. Онъ увлекъ ими за собою всю нашу литературу, всѣ возникавшіе таланты, и со времени его появленія, элегія-пѣсня сдѣлалась исключительнымъ родомъ лирической поэзіи; только старики и пожилые люди допѣвали еще свои торжественныя оды. Явившіеся съ Пушкинымъ и пошедшіе по данному имъ направленію таланты, теперь уже вполнѣ опредѣлились, пишутъ мало, или уже и совсѣмъ не пишутъ; тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ нихъ отличались замѣчательною силою и обогатили русскую лирическую поэзію прекрасными произведеніями. Но никто, съ перваго же появленія своего, не обнаружилъ такой мощи, такого богатства фантазіи, такой виртуозности въ формѣ своихъ созданій, какъ Лермонтовъ. Нѣкоторыя изъ его лирическихъ произведеній могутъ состязаться въ художественномъ достоинствѣ съ пушкинскими. Справедливость требуетъ замѣтить еще, какъ рѣзко выдавшееся явленіе, могучій талантъ Кольцова. Онъ создалъ себѣ особый, совершенно оригинальный и неподражаемый родъ поэзіи. Правда, сфера его поэзіи вращается въ заколдованномъ кругу народности, но онъ расширяетъ этотъ кругъ, внося въ народную и наивную форму своихъ пѣсенъ и думъ болѣе общее содержаніе изъ болѣе высшей сферы сознанія.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Драма представляетъ совершившееся событіе какъ бы совершающимся въ настоящемъ времени, передъ глазами читателя или зрителя. Будучи примиреніемъ эпоса съ лирою, драма не есть отдѣльно ни то, ни другое, но образуетъ собою особенную органическую цѣлость. Съ одной стороны, кругъ дѣйствія въ драмѣ не замкнутъ для субъекта, но напротивъ, изъ него выходитъ и къ нему возвращается. Съ другой стороны, присутствіе субъекта въ драмѣ имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ въ лирѣ: онъ уже не есть сосредоточенный въ себѣ внутренній міръ, чувствующій и созерцающій, не есть уже самъ поэтъ, но онъ выходитъ и становится самъ для созерцанія среди объективнаго и реальнаго міра, организуемаго собственною его дѣятельностію; онъ раздѣлился и является живою совокупностію многихъ лицъ, изъ дѣйствія и противодѣйствія которыхъ слагается драма. Вслѣдствіе этого, драма не допускаетъ въ себя эпическихъ

изображеній мѣстности, происшествій, состояній, лицъ, которыя всѣ сами должны быть передъ нашимъ созерцаніемъ. Требованія самой народности въ драмѣ гораздо слабѣе, чѣмъ въ эпопеѣ: въ «Гамлетѣ» мы видимъ Европу, и, по духу и натурѣ лицъ, Европу Сѣверную, но не Данію, и притомъ Богъ знаетъ въ какую эпоху. Драма не допускаетъ въ себя никакихъ лирическихъ изліяній; лица должны высказывать себя въ дѣйствіи: это уже не ощущенія и созерцанія—это характеры. То, что обыкновенно называется въ драмѣ лирическими мѣстами, есть только энергія раздраженнаго характера, его *пафосъ*, невольно окрыляющій рѣчь особеннымъ полетомъ; или тайная, сокровенная дума дѣйствующаго лица, о которой нужно намъ знать и которую поэтъ заставляетъ его *думать вслухъ*. Дѣйствіе драмы должно быть сосредоточено на одномъ интересѣ и быть чуждо побочныхъ интересовъ. Въ романѣ, иное лицо можетъ имѣть мѣсто не столько по дѣйствительному участію въ событіи, сколько по оригинальному характеру: въ драмѣ, не должно быть ни одного лица, которое не было бы необходимо въ механизмѣ ея хода и развитія. Простота, немногосложность и единство дѣйствія (въ смыслѣ единства основной идеи) должно быть однимъ изъ главнѣйшихъ условій драмы; въ ней все должно быть направлено къ одной цѣли, къ одному намѣренію. Интересъ драмы долженъ быть сосредоточенъ на главномъ лицѣ, въ судьбѣ котораго выражается ея основная мысль.

Впрочемъ, все это относится болѣе къ высшему роду драмы—къ *трагедіи*. Сущность трагедіи, какъ мы уже выше говорили, заключается въ коллизіи, т. е. въ столкновеніи, спорѣ естественнаго влеченія сердца съ нравственнымъ долгомъ, или просто съ непреоборимымъ препятствіемъ. Съ идеею трагедіи соединяется идея ужаснаго, мрачнаго событія, роковой развязки. Нѣмцы называютъ трагедію *печальнымъ зрѣлищемъ*, Trauerspiel,—и трагедія въ самомъ дѣлѣ есть печальное зрѣлище! Если кровь и трупы, кинжалъ и ядъ, не суть всегдашніе ея аттрибуты, тѣмъ не менѣе ея окончаніе всегда—разрушеніе драгоцѣннѣйшихъ надеждъ сердца, потеря блаженства цѣлой жизни. Отсюда и вытекаетъ ея мрачное величіе, ея исполинская грандіозность: рокъ царитъ въ ней, рокъ составляетъ ея основу и сущность... Что такое коллизія?—безусловное требованіе судьбою жертвы себѣ. Побѣди герой естественное влеченіе сердца своего въ пользу нравственнаго закона—прости, счастіе, простите, радости и обаянія жизни! онъ мертвецъ посреди живущихъ; его стихія—грусть глубокой души, его пища—страданіе, ему единственный выходъ—или болѣзненное самоотреченіе, или скорая смерть! Послѣдуй герой трагедіи естественному влеченію своего сердца—онъ преступникъ въ собственныхъ глазахъ, онъ жертва собственной совѣсти, ибо его сердце есть почва, въ которую глубоко вросли корни нравственнаго закона—не вырвать ихъ, не разорвавши самого сердца, не заставивши его истечь кровью. Въ коллизіи законъ бытія напоминаетъ собою повелѣніе Нерона, по которому казнили, какъ преступниковъ, и тѣхъ, кто не плакалъ объ умершей сестрѣ властелина: ибо они не сочувствовали

его утратѣ,—и тѣхъ, кто плакалъ о ея смерти, ибо она была причислена къ сонму богинь, а слезы по богинѣ могли быть только знакомъ зависти къ ея благополучію... И между-тѣмъ, ни одинъ родъ поэзіи не властвуетъ такъ сильно надъ нашею душою, не увлекаетъ насъ такимъ неотразимымъ обаяніемъ, и не доставляетъ намъ такого высокаго наслажденія, какъ трагедія. И въ основѣ этого лежитъ великая истина, высшая разумность. Мы глубоко сострадаемъ падшему въ борьбѣ, или погибшему въ побѣдѣ герою; но мы же знаемъ, что безъ этого паденія, или этой погибели, онъ не былъ бы героемъ, не осуществилъ бы своею личностію вѣчныхъ субстанціальныхъ силъ, міровыхъ и непреходящихъ законовъ бытія. Если бы Антигона погребла тѣло Полиника, не зная, что ее ожидаетъ за это неизбѣжная казнь, или безъ всякой опасности подпасть казни, ея дѣйствіе было бы только доброе и похвальное, но обыкновенное и не героическое дѣйствіе. Въ такомъ случаѣ Антигона не возбудила бы къ себѣ всего нашего участія, и еслибъ тотчасъ же умерла какъ-нибудь случайно, мы не пожалѣли бы о ея смерти: вѣдь каждый часъ на земномъ шарѣ умираютъ тысячи людей, такъ если жалѣть обо всѣхъ, некогда будетъ выпить и чашки чаю! Нѣтъ, безвременная и насильственная смерть юной и прекрасной Антигоны потому только потрясаетъ все существо наше, что въ ея смерти мы видимъ искупленіе человѣческаго достоинства, торжество общаго и вѣчнаго надъ преходящимъ и частнымъ, подвигъ, созерцаніе котораго возноситъ къ небу нашу душу, заставляетъ биться высокимъ восторгомъ наше сердце! Судьба избираетъ, для рѣшенія великихъ нравственныхъ задачъ, благороднѣйшіе сосуды духа, возвышеннѣйшія личности, стоящія во главѣ человѣчества, героевъ, олицетворяющихъ собою субстанціальныя силы, которыми держится нравственный міръ. Исмена была также сестра Полиннику; доброе и родственное сердце ея тоже страдало при мысли о позорѣ погибшаго брата; но это страданіе не было въ ней сильнѣе страха смерти; Антигонѣ же казалось легче перенести муки лютой казни, нежели позоръ единокровнаго; ей жаль было разстаться съ юною жизнію, столь полною надеждъ и очарованія; она горестно прощается съ обольщеніями гименея, сладости котораго судьба не дала ей вкусить; но она не проситъ о помилованіи, о пощадѣ, она не отвращается ужасающей ее смерти, но спѣшитъ броситься ей въ объятія: слѣдовательно, разница между обѣими сестрами не въ чувствахъ, но въ силѣ, энергіи и глубинѣ чувства, вслѣдствіе чего одна изъ нихъ—доброе, но обыкновенное существо, а другая—героиня. Уничтожьте роковую катастрофу въ любой трагедіи—и вы лишите ее всего величія, всего ея значенія, изъ великаго созданія сдѣлаете обыкновенную вещь, которая надъ вами же первымъ утратитъ всю свою обаятельную силу.

Иногда коллизія можетъ состоять въ ложномъ положеніи человѣка, вслѣдствіе несоотвѣтственности его натуры съ мѣстомъ, на которое поставила его судьба. Просимъ читателей вспомнить одного изъ героевъ романа В. Скотта «Пертской Красавицы», несчастнаго шефа клана, который при гордой душѣ и сильныхъ страстяхъ своихъ, наканунѣ роковой битвы, долженствующей рѣшить

участь его клана, признается своему пѣстуну въ томъ, что онъ—трусъ... Гамлетъ не трусъ, но его внутренняя созерцательная натура создана не для бурь жизни, не для борьбы съ порокомъ и наказанія преступленія, а между-тѣмъ, судьба зоветъ его на этотъ подвигъ... Что ему дѣлать? Избѣгнуть—люди не узнаютъ и не осудятъ; но развѣ есть во вселенной другое мѣсто, кромѣ гроба, куда можно укрыться отъ себя-самого?—и бѣдный Гамлетъ дѣйствительно нашелъ свое убѣжище въ могилѣ... Судьба сторожитъ человѣка на всѣхъ путяхъ жизни: за мгновенное увлеченіе безумной страсти, юноша платится иногда счастіемъ всей своей жизни, отравляя ее воспоминаніемъ о невинной жертвѣ, которую погубила его любовь... И почему это такъ? потому-что въ его душѣ глубоко пустили корни сѣмена нравственнаго закона, тогда-какъ ничтожное, подлое существо спокойно наслаждается плодами своего разврата, и нагло хвалится числомъ погубленныхъ жертвъ!.. Только человѣкъ высшей природы можетъ быть героемъ, или жертвою трагедіи: такъ бываетъ въ самой дѣйствительности!

Случайность, какъ напр., нечаянная смерть лица, или другое непредвидѣнное обстоятельство, не имѣющее прямаго отношенія къ основной идеѣ произведенія, не можетъ имѣть мѣста въ трагедіи. Не должно упускать изъ виду, что трагедія есть болѣе искусственное произведеніе, нежели другой родъ поэзіи. Помедли Отелло одною минутою задушить Дездемону, или поспѣши отворить двери стучавшейся Эмиліи—все бы объяснилось, и Дездемона была бы спасена, но за то трагедія была бы погублена. Смерть Дездемоны есть слѣдствіе ревности Отелло, а не дѣло случая, и потому поэтъ имѣлъ право сознательно отдалить всѣ, самыя естественныя случайности, которыя могли бы служить къ спасенію Дездемоны. Дездемона такъ же могла бы и замѣтить сброшенный съ головы своей мужемъ ея платокъ, послужившій къ ея погибели, какъ она могла и не замѣтить его; но поэтъ имѣлъ полное право воспользоваться этою случайностію, какъ соотвѣтствовавшею его цѣли. Цѣль же его трагедіи была—не предостеречь другихъ отъ ужасныхъ слѣдствій слѣпой ревности, но потрясти души зрителей зрѣлищемъ слѣпой ревности, не какъ порока, но какъ явленія жизни. Ревность Отелло имѣла свою причинность, свою необходимость, заключавшіяся въ пламенной натурѣ, воспитаніи и обстоятельствахъ цѣлой его жизни: онъ столько же былъ виноватъ въ ней, сколько былъ и невиноватъ. Вотъ почему этотъ великій духъ, этотъ мощный характеръ возбуждаетъ въ насъ не отвращеніе и ненависть къ себѣ, а любовь, удивленіе и состраданіе. Гармонія міровой жизни была нарушена диссонансомъ его преступленія,—и онъ возстановляетъ ее добровольною смертію, искупаетъ ею тяжкую вину свою—и мы закрываемъ драму съ примиреннымъ чувствомъ, съ глубокою думою о непостижимомъ таинствѣ жизни, и предъ очарованнымъ взоромъ нашимъ носятся рука съ рукою двѣ помирившіяся за гробомъ тѣни... Трупы и кровь возмущаютъ наше чувство только тогда, когда мы не видимъ ихъ необходимости, когда авторъ щедро устилаетъ и наводняетъ ими сцену для эффектовъ. Но, слава Богу, отъ частаго употребле-

нія, эти эффекты потеряли всю свою силу и теперь производятъ уже смѣхъ, а не ужасъ.

Въ условіяхъ жизни есть что-то несовершенное, роковое. Жизнь слагается изъ толпы и героевъ, и обѣ эти стороны въ вѣчной враждѣ, ибо первая ненавидитъ вторую, а вторая презираетъ первую. Всякое прекрасное явленіе въ жизни должно сдѣлаться жертвою своего достоинства. Едва прочли вы ночную сцену въ саду между Ромео и Юліею—и уже въ душу вашу закрадывается грустное предчувствіе... «Нѣтъ,—говорите вы—не для земли такая любовь и такая полнота жизни, не между людей жить такимъ существамъ! И за что они будутъ такъ счастливы, когда всѣ другіе и не подозрѣваютъ возможности такого счастія? Нѣтъ, дорогою цѣною должны они поплатиться за свое блаженство!..» И въ самомъ дѣлѣ, что губитъ Ромео и Юлію?—Не злодѣйство, не коварство людей, а развѣ глупость и ничтожество ихъ. Старики Капулеты просто—добрые, но пошлые люди: они не умѣютъ вообразить ничего выше самихъ себя, судятъ о чувствахъ дочери по своимъ собственнымъ, измѣряютъ ея натуру своею натурою—и погубили ее, а потомъ, когда уже было поздно, догадались, простили и даже похвалили... О, горе! горе! горе!..

Ричардъ II возбуждаетъ въ насъ къ себѣ непріязненное чувство своими поступками. Но вотъ двоюродный братъ его, Болингброкъ, похищаетъ у него корону—и недостойный въ счастіи, является великимъ въ злополучіи. Онъ входитъ въ сознаніе величія своего положенія,—и мудрыя рѣчи, полныя высокихъ мыслей, бурнымъ потокомъ льются изъ его устъ, а дѣйствія обнаруживаютъ великую душу. Вы уже не просто уважаете его—вы удивляетесь ему; вы уже не просто жалѣете о немъ—вы сострадаете ему. Ничтожный въ счастіи, великій въ несчастіи—онъ герой въ вашихъ глазахъ. Но для того, чтобъ вызвать наружу всѣ силы своего духа, чтобъ стать героемъ, ему нужно было испить до дна чашу бѣдствія и погибнуть... Какое противорѣчіе, и какой богатый предметъ для трагедіи, а слѣдовательно и какой неисчерпаемый источникъ высокаго наслажденія для васъ!...

Драматическая поэзія есть высшая ступень развитія поэзіи и вѣнецъ искусства, а трагедія есть высшая ступень и вѣнецъ драматической поэзіи. Посему, трагедія заключаетъ въ себѣ всю сущность драматической поэзіи, объемлетъ собою всѣ элементы ея, и слѣдовательно, въ нее по праву входитъ и элементъ комическій. Поэзія и проза ходятъ объ руку въ жизни человѣческой, а предметъ трагедіи есть жизнь во всей многосложности ея элементовъ. Правда, она сосредоточиваетъ въ себѣ только высшіе, поэтическіе моменты жизни, но это относится только къ герою, или героямъ трагедіи, а не къ остальнымъ лицамъ, между которыми могутъ быть и злодѣи и добродѣтельные, и глупцы, и шуты, такъ какъ вся жизнь человѣческая состоитъ въ столкновеніи и взаимномъ воздѣйствіи другъ на друга героевъ, злодѣевъ, обыкновенныхъ характеровъ, ничтожныхъ людей и глупцовъ. Раздѣленіе трагедіи на историческую и не историческую не имѣетъ никакой существенной важности: герои той и другой

равно представляютъ собою осуществленіе вѣчныхъ, субстанціальныхъ силъ человѣческаго духа. Въ новѣйшемъ христіанскомъ искусствѣ, человѣкъ является не отъ общества, а отъ человѣчества; трагедія же есть вѣнецъ новѣйшаго искусства, а потому король Ричардъ II, мавръ Отелло, аристократическій юноша Ромео, аѳинскій гражданинъ Тимонъ, имѣютъ совершенно равное право занимать въ ней первыя мѣста, потому что всѣ они—равно герои. Вотъ почему искаженіе историческихъ лицъ, менѣе допускаемое въ романѣ, есть какъ бы неотъемлемое право трагедіи, вытекающее изъ самой ея сущности. Трагикъ хочетъ представить своего героя въ извѣстномъ историческомъ положеніи: исторія даетъ ему положеніе, и если историческій герой этого положенія не соотвѣтствуетъ идеалу трагика, онъ имѣетъ полное право измѣнить его по своему. Въ трагедіи Шиллера «Донъ Карлосъ», Филиппъ изображенъ совсѣмъ не такимъ, какимъ представляетъ его намъ исторія, но это нисколько не уменьшаетъ достоинства пьесы, скорѣе увеличиваетъ его. Альфьери, въ своей трагедіи, изобразилъ истиннаго, историческаго Филиппа II, но его произведеніе все-таки неизмѣримо ниже шиллерова. Что же до принца Карлоса,—смѣшно и смотрѣть какъ на что-то серьезное, на искаженіе его историческаго характера въ трагедіи Шиллера, ибо донъ-Карлосъ слишкомъ незначительное лицо въ исторіи. Многихъ соблазняетъ вольность Гёте, который изъ семидесяти-лѣтняго Эгмонта, отца многочисленнаго семейства, сдѣлалъ кипящаго юношу, страстно-любящаго простую дѣвушку: вольность самая законная!—ибо Гёте хотѣлъ изобразить въ своей трагедіи не Эгмонта, а молодого человѣка, страстнаго къ упоеніямъ жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жертвующаго ею для искупленія счастія родины. Всякое лицо трагедіи принадлежитъ не исторіи, а поэту, хотя бы носило и историческое имя. Глубоко справедливы эти слова Гёте: «Для поэта нѣтъ ни одного лица историческаго; онъ хочетъ изобразить свой нравственный міръ, и для этой цѣли дѣлаетъ нѣкоторымъ историческимъ лицамъ честь, относя ихъ имена къ своимъ созданіямъ».

Что касается до раздѣленія трагедіи на акты, до ихъ числа—это относится къ внѣшней формѣ драмы вообще. Трагедія можетъ быть написана и прозою и стихами; но болѣе всего этому соотвѣтствуетъ смѣшеніе того и другого, смотря по сущности содержанія отдѣльныхъ мѣстъ, т. е. потому, поэзія или проза жизни въ нихъ выражается.

Драматическая поэзія является у народа уже съ созрѣвшею цивилизаціею, въ эпоху пышнаго цвѣта его историческаго развитія. Такъ было и у Грековъ. Знаменитѣйшіе ихъ трагики—Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ. Мы уже намекнули выше сего на сущность и характеръ греческой драмы, а изложеніемъ содержанія «Антигоны» дали читателямъ и фактъ для повѣрки нашихъ намековъ. Изъ новѣйшихъ народовъ, ни у кого драма не достигла такого полнаго и великаго развитія, какъ у Англичанъ. Шекспиръ есть Гомеръ драмы; его драма—высочайшій первообразъ христіанской драмы. Въ драмахъ Шекспира всѣ элементы жизни и поэзіи слиты въ живое единство, необъятное по содержанію, ес-

ликое по художественной формѣ. Въ нихъ все настоящее человѣчества, все его прошедшее и будущее; онѣ—пышный цвѣтъ и роскошный плодъ развитія искусства у всѣхъ народовъ и во всѣ вѣка. Въ нихъ и пластицизмъ и рельефность художественной формы, и цѣломудренная непосредственность вдохновенія и рефлектирующая дума, міръ объективный и міръ субъективный, проникли другъ друга и слились въ неразрывномъ единствѣ. Говорить о глубокомъ сердцевѣдѣніи, вѣрности натурѣ и дѣйствительности, безконечности и высокости творческихъ идей этого царя поэтовъ всего міра, значило бы повторять уже много разъ сказанное тысячами людей. Опредѣлять достоинство каждой его драмы, значило бы—написать огромную книгу и не высказать сотой доли того, что̀ бы хотѣлось высказать, и не высказать милліонной частицы того, что̀ заключается въ нихъ.

Послѣ англійской, первое мѣсто занимаетъ нѣмецкая трагедія. Шиллеръ и Гёте возвели ее на эту степень знаменитости. Впрочемъ, нѣмецкая драма имѣетъ совсѣмъ другой характеръ и даже другое значеніе, чѣмъ шекспировская: это большею частію или лирическая или рефлектирующая драма. Только въ «Гёцѣ фонъ Берлихингенѣ» и «Эгмонтѣ» Гёте, «Вильгельмъ Телѣ» и «Валленштейнѣ» Шиллера замѣтенъ порывъ къ непосредственному творчеству. Значеніе нѣмецкой драмы тѣсно связано съ значеніемъ нѣмецкаго искусства вообще *).

Испанская драма мало извѣстна, хотя и гордится не однимъ славнымъ драматическимъ именемъ, каковы Лопе-де-Вега и Кальдеронъ. Кажется, причина этому—національность ея драмы, еще не возвысившейся до общаго, мірового содержанія.

Исторія французской литературы блеститъ многими драматическими славами. Корнель и Расинъ почти два вѣка считались первыми трагиками въ мірѣ, а послѣ нихъ—Кребильонъ и Вольтеръ. Но теперь ясно, что исторія драматической поэзіи во Франціи относится къ исторіи костюмовъ, модъ и общественныхъ правовъ добраго стараго времени, но съ исторіею искусства ничего общаго не имѣетъ [43]). Изъ новѣйшихъ писателей, въ драмахъ Гюго просвѣчиваютъ иногда блестки замѣчательнаго дарованія, но не болѣе.

Наша русская трагедія съ Пушкина началась, съ нимъ и умерла. Его «Борисъ Годуновъ» есть твореніе, достойное занимать первое мѣсто послѣ шекспировскихъ драмъ. Кромѣ того, Пушкинъ создалъ особый родъ драмы, который къ настоящему относится, какъ повѣсть къ роману; таковы его: «Сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ», «Сальери и Моцартъ», «Скупой Рыцарь», «Русалка», «Каменный Гость». По формѣ и объему, это не больше, какъ драматическіе очерки, но по содержанію и его развитію, это—трагедіи, въ полномъ смыслѣ этого слова. По оригинальности и самобытности, онѣ не могутъ быть сравниваемы ни съ какими другими, но по глубокости идей и художественности формы, свидѣтельствующей о непосредственности акта творчества, изъ котораго

*) Объ этомъ подробно говорится въ другомъ мѣстѣ этого сочиненія. *Авт.* [42]).

онѣ вышли,—ихъ достоинство можетъ измѣряться только шекспировскими драмами. Въ наше время великій поэтъ не можетъ быть исключительно эпикомъ, лирикомъ или драматургомъ: въ наше время творческая дѣятельность является въ совокупности всѣхъ сторонъ поэзіи; но великіе художники большею частію начинаютъ съ эпическихъ произведеній, продолжаютъ лирикою, а оканчиваютъ драмою. Такъ было и съ Пушкинымъ: даже въ первыхъ поэмахъ его, драматическій элементъ рѣзко проявлялся, и многія мѣста въ нихъ образуютъ собою превосходныя трагическія сцены, особенно въ «Цыганахъ» и «Полтавѣ». Послѣднія же произведенія его показываютъ, что онъ рѣшительно обращался къ драмѣ, и что его «драматическіе очерки» были только пробою пера, очиненнаго для болѣе великихъ созданій: каковы же были бы эти созданія! Но смерть застала его въ то время, какъ его геній совершенно созрѣвалъ и возмужалъ для драмы—и страдальческая тѣнь его унесла съ собою

Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ!

Всѣ другія попытки на драму въ русской литературѣ, отъ Сумарокова до г. Кукольника включительно, могутъ имѣть право только на упоминовеніе въ исторіи литературы, гдѣ о нихъ и говорится въ своемъ мѣстѣ, но не въ эстетикѣ, гдѣ имѣютъ право быть указаны только художественныя произведенія.

Комедія есть послѣдній видъ драматической поэзіи, діаметрально противоположный *трагедіи*. Содержаніе трагедіи—міръ великихъ нравственныхъ явленій, герои ея—личности, полныя субстанціальныхъ силъ духовной человѣческой природы; содержаніе комедіи—случайности, лишенныя разумной необходимости, міръ призраковъ, или кажущейся, но не существующей на-самомъ-дѣлѣ дѣйствительности; герои комедіи — люди, отрѣшившіеся отъ субстанціальныхъ основъ своей духовной натуры. Посему, дѣйствіе, производимое трагедіею—потрясающій душу священный ужасъ; дѣйствіе, производимое комедіею—смѣхъ, то веселый, то сардоническій. Сущность комедіи—противорѣчіе явленій жизни съ сущностію и назначеніемъ жизни. Въ этомъ смыслѣ, жизнь является въ комедіи, какъ отрицаніе самой себя. Какъ трагедія сосредоточиваетъ въ тѣсномъ кругѣ своего дѣйствія только высокіе, поэтическіе моменты въ событіи героя, такъ комедія изображаетъ преимущественно прозу повседневной жизни, ея мелочи и случайности. Трагедія есть поворотный кругъ солнца поэзіи, которое, доходя до нея, становится въ апогеѣ своего теченія, а переходя въ комедію, спускается внизъ. У Грековъ, комедія была смертію поэзіи: Аристофанъ былъ послѣдній поэтъ ихъ, а его комедіи—похоронная пѣсня навсегда утраченной полноты жизни и возникшаго изъ нея прекраснаго искусства Греціи. Но въ новомъ мірѣ, гдѣ всѣ элементы жизни, проникая другъ друга, не мѣшаютъ развитію одинъ другого, комедія не имѣетъ такого печальнаго значенія для искусства: ея элементъ вошелъ, или можетъ входить во всѣ роды поэзіи, и она можетъ развиваться вмѣстѣ съ трагедіею, и даже предшествовать ей въ историческомъ развитіи искусства.

Въ основаніи истинно-художественной комедіи лежитъ глубочайшій юморъ. Личности поэта въ ней не видно только по-наружности; но его субъективное созерцаніе жизни, какъ artière-pensée, непосредственно присутствуетъ въ ней, и изъ-за животныхъ, искаженныхъ лицъ, выведенныхъ въ комедіи, мерещатся вамъ другія лица, прекрасныя и человѣческія, и смѣхъ вашъ отзывается не веселостью, а горечью и болѣзненностію... Въ комедіи, жизнь для того показывается намъ такою, какъ она есть, чтобъ навести насъ на ясное созерцаніе жизни такъ, какъ она должна быть. Превосходнѣйшій образецъ художественной комедіи представляетъ собою «Ревизоръ» Гоголя.

Художественная комедія не должна жертвовать предположенной поэтомъ цѣли объективною истиною своихъ изображеній: иначе, изъ художественной, она сдѣлается *дидактическою*, въ томъ смыслѣ, какъ мы ниже сего развиваемъ значеніе этого слова. Но если дидактическая комедія выходитъ не изъ невиннаго желанія поострить, но изъ глубоко-оскорбленнаго пошлостію жизни духа, если ея насмѣшка растворена саркастическою желчью, въ основаніи ея лежитъ глубочайшій юморъ, а въ выраженіи дышетъ бурное одушевленіе, словомъ, если она есть выстраданное созданіе,—то стоитъ всякой художественной комедіи. Разумѣется, такая комедія не можетъ быть произведеніемъ не великаго таланта; изображенія ея могутъ отличаться излишнею яркостію и густотою красокъ, но не быть преувеличены до неестественности и каррикатурности; разумѣется, что характеры дѣйствующихъ лицъ должны быть въ ней созданы, а не выдуманы, и въ изображеніи ихъ видна бо́льшая или меньшая степень художественности. Высочайшій образецъ такой комедіи имѣемъ мы въ «Горе отъ Ума» — этомъ благороднѣйшемъ созданіи геніальнаго человѣка, этомъ бурномъ дифирамбическомъ изліяніи желчнаго, громоваго негодованія, при видѣ гнилого общества ничтожныхъ людей, въ души которыхъ не проникалъ лучъ божьяго свѣта, которые живутъ по обветшалымъ преданіямъ старины, по системѣ пошлыхъ и безнравственныхъ правилъ, которыхъ мелкія цѣли и низкія стремленія направлены только къ призракамъ жизни—чинамъ, деньгамъ, сплетнямъ, униженію человѣческаго достоинства, и которыхъ апатическая, сонная жизнь есть смерть всякаго живого чувства, всякой разумной мысли, всякаго благороднаго порыва... «Горе отъ Ума» имѣетъ великое значеніе и для нашей литературы, и для нашего общества [44]).

Есть еще низшая комедія, которая можетъ возвышаться до художественности созданіемъ оригинальныхъ характеровъ, вѣрнымъ изображеніемъ нравовъ общества; но въ основаніи которой лежитъ не юморъ, а только комическая веселость. По мѣрѣ своего достоинства, такая комедія можетъ относиться и къ искусству и къ беллетристикѣ, колеблясь между двумя этими сторонами литературы. Въ нашей литературѣ нѣтъ образцовъ такой комедіи. «Недоросль» и «Бригадиръ» Фонъ-Визина относятся къ комедіи нравовъ и сатирической, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Истинно-художественная комедія никогда не можетъ устарѣть, вслѣдствіе измѣненія изображенныхъ въ ней нравовъ общества: «Ревизоръ» и «Горе отъ Ума» безсмертны.

Есть еще особый видъ драматической поэзіи, занимающій середину между трагедіею и комедіею: это то, что̀ называется собственно *драмою*. Драма ведетъ начало свое отъ *мелодрамы*, которая въ прошломъ вѣкѣ дѣлала оппозицію надутой и неестественной тогдашней трагедіи, и въ которой жизнь находила себѣ единственное убѣжище отъ мертвящаго псевдоклассицизма, такъ же, какъ въ романахъ Радклифъ, Дюкре-дю-Мениля и Августа Лафонтена отъ реторическихъ поэмъ въ родѣ «Гонзальва Кордуанскаго», «Кадма и Гармоніи» и т. п. Впрочемъ, это происхожденіе относится только къ названію «драма», видового, а не родового имени, и развѣ еще къ новѣйшей драмѣ (какова, напр. «Клавиго» Гёте). Шекспиръ, всегда шедшій своею дорогою, по вѣчнымъ уставамъ творчества, а не по правиламъ нелѣпыхъ пінтикъ, написалъ множество произведеній, которыя должны занимать середину между трагедіею и комедіею, и которыя можно назвать *эпическими драмами*. Въ нихъ есть характеры и положенія трагическія (какъ напр., въ «Венеціанскомъ Купцѣ»); но развязка ихъ почти всегда счастливая, потому-что роковая катастрофа не требуется ихъ сущностію. Героемъ драмы должна быть сама жизнь. Но не смотря на эпическій характеръ драмы, ея форма должна быть сама жизнь. Но не смотря на эпическій характеръ драмы, ея форма должна быть въ высшей степени драматическою. Драматизмъ состоитъ не въ одномъ разговорѣ, а въ живомъ дѣйствіи разговаривающихъ одного на другого. Если, напримѣръ, двое спорятъ о какомъ-нибудь предметѣ, тутъ нѣтъ не только драмы, но и драматическаго элемента; но когда спорящіе, желая пріобрѣсть другъ надъ другомъ поверхность [45]), стараются затронуть другъ въ другѣ какія-нибудь стороны характера, или задѣть за слабыя струны души, и когда чрезъ это въ спорѣ выказываются ихъ характеры, а конецъ спора становитъ ихъ въ новыя отношенія другъ къ другу,—это уже своего рода драма. Но главное въ драмѣ—отсутствіе длинныхъ разсказовъ, и чтобъ каждое слово высказывалось въ дѣйствіи. Драма не должна быть ни простымъ списываніемъ съ природы, ни сборомъ отдѣльныхъ, хотя бы и прекрасныхъ сценъ, но образовывать собою отдѣльный, замкнутый міръ, гдѣ каждое лицо, стремясь къ собственной цѣли и дѣйствуя только для себя, способствуетъ, само того не зная, общему дѣйствію пьесы. А это можетъ быть только тогда, когда драма возникла и развилась изъ мысли, а не слѣпилась черезъ соображеніе.

Вотъ всѣ роды поэзіи. Ихъ только три, и больше нѣтъ и быть не можетъ. Но въ пінтикахъ и литературахъ прошлаго вѣка существовало еще нѣсколько родовъ поэзіи, между которыми особенную важность имѣлъ *дидактическій* или *поучительный*. Въ огромныхъ поэмахъ учили земледѣлію, скотоводству, астрономіи, ариѳметикѣ и чуть ли еще не портному мастерству. Этотъ родъ возникъ въ древности по упадкѣ искусства. Обыкновенно, когда поэзія исчезаетъ, ее замѣняетъ стихотворство.

И однакожъ, мы признаемъ существованіе дидактической поэзіи, только принимаемъ дидактику не какъ родъ, а какъ характеръ поэзіи, и относимъ ее къ

эпическому роду. Слово «дидактическій», по нашему мнѣнію, есть такое же выраженіе свойства и характера, какъ напр. объективный и субъективный.

Образцомъ дидактическихъ поэмъ мы считаемъ не агрономическія поэмы Виргилія, не гораціеву Ars Poetica, не L'Art Poétique Буало, не водяныя поэмы Делиля,—а міро-объемлющія созерцанія исполинской фантазіи и поэтическіе афоризмы Жанъ-Поля Рихтера. Они отличаются отъ произведеній художественной поэзіи тѣмъ, что сознаніе ихъ основной идеи можетъ предшествовать въ душѣ художника самому акту творчества, и тѣмъ еще, что мысль въ нихъ есть главное, а форма только какъ-бы средство для ея выраженія. Общаго же съ произведеніями художественной поэзіи они имѣютъ то, что выходятъ изъ живого и пламеннаго вдохновенія, а не мертваго и холоднаго разсудка, берутъ у поэзіи всѣ ея краски, говорятъ душѣ образами, а-не отвлеченными идеями. Кому извѣстны «Сонъ» и «Уничтоженіе» Жанъ-Поля Рихтера, тѣ поймутъ, о чемъ мы говоримъ. Для незнакомыхъ же съ этимъ писателемъ, выписываемъ здѣсь двѣ маленькія его пьески:

Любишь-ли ты меня? воскликнулъ молодой человѣкъ въ минуту чистѣйшаго восторга любви, въ то мгновеніе, когда души встрѣчаются и отдаются другъ-другу.—Молодая дѣвушка взглянула на него и молчала.

— О, если ты меня любишь,—продолжалъ онъ,—заговори!

Но она взглянула на него, не будучи въ состояніи говорить.

— Да, я былъ слишкомъ счастливъ, я надѣялся, что ты меня любишь-все теперь исчезло—надежда и блаженство!

— Возлюбленный, не-уже-ли я тебя не люблю!—и она повторила вопросъ.

— О, зачѣмъ такъ поздно произнесла ты эти небесные звуки!

— Я была слишкомъ счастлива, я не могла говорить; только тогда возвращенъ мнѣ былъ даръ слова, когда ты передалъ мнѣ свою скорбь...

Старецъ стоялъ подъ окномъ, въ полночь на новый годъ, и съ горькимъ отчаяніемъ смотрѣлъ на неподвижное, вѣчно-цвѣтущее небо, и оттуда на безмолвную, чистую, обѣленную землю, на которой никому теперь не были столько чужды радость и сонъ, сколько ему, ибо его гробъ стоялъ близъ него; не юношеская зелень, но старческій снѣгъ лежалъ на немъ, и онъ уносилъ съ собою изо всѣхъ богатствъ жизни однѣ только заблужденія, преступленія и недуги — разоренное тѣло, запустѣвшую душу, грудь, напоенную ядомъ и возрастъ раскаянія. Прекрасные дни юности мелькали предъ нимъ, какъ привидѣнія, и манили его опять къ тому прелестному утру, когда отецъ въ первый разъ поставилъ его на распутіи жизни, вправо ведущемъ по солнечной стезѣ добродѣтели, въ дальнюю мирную страну, полную свѣта и жатвы и полную ангеловъ; влѣво же сводящемъ въ кротовую нору порока, въ черный вертепъ, полный точащагося яда, полный гнѣздящихся змѣй и мрачныхъ удушающихъ паровъ.

Ахъ! змѣи висѣли у него на груди и капли яда на языкѣ: онъ зналъ теперь, гдѣ онъ былъ!

Безчувственный, съ неизрекаемою скорбію, воскликнулъ онъ къ небу: „Отдай мою юность! о отецъ мой! поставь меня опять на распутіи, дабы я могъ выбрать иначе!“

Но его отецъ и его юность были уже далеко. Онъ видѣлъ блудящіе

огни, скакавшіе по болотамъ, угасавшіе на кладбищѣ и говорилъ: „Это буйные дни мои!“ Онъ видѣлъ падавшую съ неба звѣзду, сверкавшую въ своемъ паденіи и разсыпавшуюся на землѣ: „Это я! сказало сердце его, облитое кровью, и змѣиные зубы раскаянія глубже еще вились въ раны.

Распаленное воображеніе представляло ему лунатиковъ, бѣгающихъ по кровлямъ: вѣтреная мельница угрожала раздробить его размахнутыми крыльями, и запавшее въ опустѣломъ жилищѣ мертвыхъ страшилище принимало на себя мало-по-малу черты его.

Посреди снхъ ужасныхъ судорогъ, вдругъ отдалась съ башни музыка на новый годъ, какъ отдаленное церковное пѣніе. Кроткія, тихія движенія пробудились въ немъ. — Онъ провелъ взоры по небосклону вокругъ широкой земли; вспомнилъ о друзьяхъ своей юности, кои, счастливѣе и лучше его, были теперь наставниками земли, отцами счастливыхъ дѣтей, благословляемыми мужами; вспомнилъ—и воскликнулъ: „О! и я бы могъ, еслибъ захотѣлъ, продремать эту первую ночь, такъ же, какъ и вы, съ сухими глазами!— ахъ! я бы могъ быть счастливымъ, любезные родители! когда бы исполнялъ ваши новогоднія желанія и наставленія!“

Въ лихорадочномъ воспоминаніи о дняхъ юности ему показалось, что на кладбищѣ встаетъ страшилище, имѣющее черты его: суевѣріе, мечтающее ночью подъ новый годъ видѣть духовъ будущности, превратило это страшилище въ живаго юношу.

Онъ не могъ смотрѣть болѣе;—закрылъ глаза;—потоки горячихъ слезъ брызгали изъ нихъ, растопляя снѣгъ; онъ вздыхалъ—и вздыхалъ тихо, безутѣшно, безчувственно: „Воротись только, воротись опять, юность!“

. . . . . *И она опять воротилась*, ибо это былъ только страшный *сонъ* подъ новый годъ. *Онъ былъ еще юноша:* только — *заблужденія его были не сонъ!*—Но онъ благодарилъ Бога, что, будучи юнъ еще, можетъ пока воротиться назадъ съ грязныхъ путей порока и вступить снова на солнечную стезю, ведущую въ богатую страну жатвы.

Боротись съ нимъ, юный читатель! если стоишь на его пути лукавомъ! Этотъ ужасный сонъ будетъ нѣкогда твоимъ судьею: и если ты тогда съ сокрушеніемъ звать будешь: „воротись, прекрасная юность!“—ахъ, она не воротится!

Русская литература имѣетъ писателя, по духу, формѣ и достоинству своихъ, произведеній близкаго къ Жанъ-Полю Рихтеру. Мы говоримъ о князѣ Одоевскомъ и имѣемъ въ виду такія его произведенія, какъ «Послѣдній Квартетъ Бетховена», «Opera del cavaliere Giambattista Piranesi», «Импровизаторъ», «Насмѣшка Мертваго», «Бригадиръ» и пр. Содержаніе каждой изъ этихъ пьесъ составляетъ феноменъ духа человѣческаго, или нравственный вопросъ въ глубочайшемъ значеніи этого слова; въ основѣ ихъ глубокое міросозерцаніе и благородный юморъ, форма дышетъ красками вдохновенной поэзіи, мысль мощно охватываетъ душу читателя, и высказывается рѣзко и опредѣленно. Колоритъ этихъ пьесъ—фантастическій, какъ самый приличный произведеніямъ такого рода. Впрочемъ, и повѣсть кн. Одоевскаго «Княжна Мими», хотя ея содержаніе и взято изъ прозы жизни, принадлежитъ также къ тому, что мы называемъ дидактическою поэзіею. Ея цѣль чисто-нравственная; но эта цѣль высказывается въ живыхъ картинахъ, въ увлекательномъ разсказѣ, въ проникнутыхъ чувствомъ

и одушевленіемъ мысляхъ, а не въ холодной аллегоріи, не въ моральныхъ сентенціяхъ и ходячихъ истинахъ, которыхъ справедливость всѣ признаютъ, какъ и то, что два, умноженные на два, составляютъ четыре, но которыя всѣмъ надоѣли, никого не убѣждаютъ, какъ и почтенныя истины, что если выйдешь на холодъ съ открытой грудью, то можешь простудиться, а если пойдешь на улицу въ дождь, то непремѣнно вымочишься.

Желая быть для всѣхъ сколько возможно ясными, выписываемъ здѣсь одну пьесу кн. Одоевскаго, какъ фактъ того, что̀ мы называемъ дидактическою поэзіею.

Балъ разгорался часъ-отъ-часу сильнѣе; надъ безчисленными тускнѣющими свѣчами волновался тонкій чадъ и сквозь него трепетали штофные занавѣсы, мраморныя вазы, золотыя кисти, барельефы, колонны, картины; отъ обнаженной груди красавицъ поднимался знойный воздухъ, и часто, когда пáры, будто бы вырвавшіяся изъ рукъ чародѣя, въ быстромъ кружепіи промелькали передъ глазами, — васъ, какъ въ безводныхъ степяхъ Аравіи, обдавалъ горячій, удушающій вѣтеръ, часъ-отъ-часу скорѣе развивались душистые локоны; смятая дымка небрежнѣе свертывалась на распаленныя плечи; быстрѣе бился пульсъ, чаще встрѣчалися руки; близились вспыхивающія лица; томнѣе дѣлались взоры, слышнѣе смѣхъ и шопотъ; старики поднималися съ мѣстъ своихъ, расправляли безсильные члены, и въ ихъ остолбенѣлыхъ глазахъ мѣшалась горькая зависть съ бѣшенымъ воспоминаніемъ прошедшаго — и все вертѣлось, прыгало, бѣсновалось въ сладострастномъ безуміи...

На небольшомъ возвышеніи, съ визгомъ скользили смычки по патянутымъ струнамъ, трепеталъ могильный голосъ валторпъ, и однобразные звуки литавръ отзывались насмѣшливымъ хохотомъ Сѣдой капельмейстеръ, съ улыбкой на лицѣ, внѣ себя отъ восторга, безпрестанно учащалъ размѣръ и взоромъ, тѣлодвиженіями, возбуждалъ утомленныхъ музыкантовъ.

— „Не правда ли?“ говорилъ онъ мнѣ отрывисто, не оставляя смычка: „не правда ли? я говорилъ, что оживлю этотъ балъ — и сдержалъ свое слово. Все дѣло въ музыкѣ,—не умѣютъ составлять ея,—она поднимаетъ съ мѣста,— она невольно вводитъ танцующихъ въ упоеніе,—въ сочиненіяхъ славныхъ музыкантовъ есть мѣста, которыя производятъ страшное дѣйствіе—я славно подобралъ ихъ—въ этомъ все дѣло—вотъ слышите: это вопль доны Анны, когда донъ Хуанъ насмѣхается надъ нею; вотъ это стонъ умирающаго Командора, вотъ минута, когда Отелло начинаетъ вѣрить своей ревности, вотъ послѣдняя молитва Дездемоны.....“

Еще долго капельмейстеръ исчислялъ мнѣ всѣ человѣческія страданія, получившія голосъ въ произведеніяхъ славныхъ музыкантовъ; но я не слушалъ его болѣе,- я замѣтилъ въ музыкѣ что-то страшное, обворожительно-ужасное, я замѣтилъ, что къ каждому звуку присоединялся другой звукъ, болѣе пронзительный, отъ котораго холодъ пробѣгалъ по жиламъ и волосы дыбомъ становились на головѣ; прислушиваюсь: то какъ-будто крикъ страждущаго младенца, или буйный вопль юноши, или визгъ сиротѣющей матери, или трепещущее стенаніе старца, и всѣ голоса различныхъ терзаній человѣческихъ явились мнѣ, какъ музыкальные тоны, разложенными по степенямъ одной безконечной *гаммы*, продолжавшейся отъ перваго вопля новорожденнаго, до послѣдней мысли умирающаго Байрона: каждый звукъ выры-

вался изъ раздраженнаго нерва и каждый напѣвъ былъ судорожнымъ движеніемъ.

Этотъ страшный оркестръ темнымъ облакомъ висѣлъ надъ танцующими,— при каждомъ ударѣ оркестра вырывались изъ облака: и громкая рѣчь негодованія; и прерывающійся лепетъ побѣжденнаго болью; и глухой говоръ отчаянія; и рѣзкая скорбь жениха, разлученнаго съ невѣстою; и раскаяніе измѣны; и крикъ торжествующихъ возмутителей; и насмѣшка невѣрія; и безплодное рыданіе генія; и таинственная печаль обманутаго лицемѣра; и стонъ страдальца, непризнаннаго своимъ вѣкомъ; и вопль человѣка, въ грязь стоптавшаго сокровищницу души своей; и болѣзненный голосъ изможденнаго долгою жизнію человѣка; и радость мщенія, и трепетаніе злобы; и упоеніе истребителя; и томленіе жажды; и скрежетъ зубовъ, и хрустъ костей, и плачъ, и взрыдъ, и хохотъ.... и все сливалось въ неистовыя созвучія, которыя громко выговаривали проклятіе природѣ и ропотъ на Провидѣніе; при каждомъ ударѣ оркестра выставлялись изъ него: то посинѣлое лицо истерзаннаго пыткою, то смѣющіеся глаза сумасшедшаго, то трясущіяся колѣни убійцы, то замолчавшія уста убитаго тайною грустію; изъ темнаго облака капали на паркетъ кровавыя слезы,— по нимъ скользили атласные башмаки красавицъ—и все по прежнему вертѣлось, прыгало, бѣсновалось въ сладострастномъ холодномъ безуміи....

Долго за разсвѣтъ длился балъ, долго поднятые съ постели житейскими заботами, останавливались посмотрѣть на мелькающія тѣни въ свѣтлыхъ окошкахъ.

Закруженный, усталый, истерзанный его мучительнымъ весельемъ, я выскочилъ на улицу изъ душныхъ комнатъ и впивалъ въ себя свѣжій воздухъ; утренній благовѣстъ терялся въ шумѣ разъѣзжающихся экипажей и предо мною были растворенныя двери храма.

Я вошелъ; въ церкви пусто; одна свѣча горѣла предъ иконою, и тихій голосъ священника раздавался подъ сводами: онъ произносилъ завѣтныя слова любви, вѣры, надежды; онъ возвѣщалъ таинство искупленія, онъ говорилъ о Томъ, Кто соединилъ въ Себѣ всѣ страданія человѣка; онъ говорилъ о высокомъ созерцаніи Божества, о мирѣ душевномъ, о милосердіи къ ближнему, о братскомъ соединеніи человѣчества, о забвеніи обидъ, о прощеніи врагамъ, о тщетѣ замысловъ богопротивныхъ, о безпрерывномъ совершенствованіи души человѣка, о смиреніи предъ судьбами Всевышняго; онъ молился объ оглашенныхъ, о предстоящихъ!

Я бросился къ притвору храма, хотѣлъ удержать бѣспующихся ст дальцевъ, сорвать съ сладострастнаго ложа ихъ растерзанное сердце, возбудить его отъ холоднаго сна огненною гармоніею любви и вѣры, но уже было поздно!—всѣ проѣхали мимо церкви и никто не слыхалъ словъ священника...

Была еще встарину такъ называемая *описательная* поэзія. Цѣлыя огромныя поэмы были посвящаемы описанію извѣстныхъ садовъ, мѣстоположеній, временъ года, и пр.; такую поэзію приличнѣе было бы называть *статистическою*. Впрочемъ, это вздоръ, который не стоитъ и опроверженія. Поэзія говоритъ не описаніями, а картинами и образами; поэзія не описываетъ и списываетъ предмета, а создаетъ его.

Была еще *эпиграмматическая* поэзія. Выше мы намекнули на значеніе

эпиграммы у древнихъ. Въ наше время, это—острота, bon-mot, оправленное въ рифму. Въ прошломъ вѣкѣ, эпиграмма занимала почетное мѣсто въ ряду другихъ родовъ поэзіи; иные поэты тогда только и писали, что эпиграммы. Теперь это—или шалость поэта, или его хлопушка по иной физіономіи. Во всякомъ случаѣ, она относится не къ искусству, а къ беллетристикѣ [46]).

В. Бѣлинскій.

519. Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразователя Россіи, собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ. Сочиненіе *И. И. Голикова.* Изданіе второе. Москва. 1837—1840. Томы I—XIII.

Исторія Петра Великаго. Сочиненіе *Веніамина Бергмана* Перевелъ съ нѣмецкаго *Егоръ Аладьинъ.* Второе, сжатое (компактное) изданіе, исправленное и умноженное. С.-Петербургъ. 1840. Три тома.

О Россіи въ царствованіе Алексія Михаиловича. Современное сочиненіе *Григорія Кошихина.* С.-Петербургъ. 1840 [47]).

Статья 1.

> Все *народное* ничто передъ *человѣческимъ.* Главное дѣло быть *людьми,* а не *Славянами.* Что̀ хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ; и что̀ Англичане или Нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то *мое,* ибо я человѣкъ!
>
> Карамзинъ. *Письма Русскаго Путешественника, т. III, стр. 167.*

Мы, Русскіе, безпрестанно упрекаемъ самихъ себя въ холодности ко всему родному, въ равнодушіи ко всему отечественному, русскому. Справедливо ли это?—И справедливо и нѣтъ! Справедливо, потому что это фактъ; несправедливо, потому-что въ уразумѣніи этого факта принимаютъ слѣдствіе явленія за самое явленіе. Что̀ такое любовь къ своему безъ любви къ общему? Что̀ такое любовь къ родному и отечественному безъ любви къ обще-человѣческому? Развѣ Русскіе сами-по-себѣ, а человѣчество само-по-себѣ? Сохрани Богъ!.. Только какіе-нибудь китайцы особны и самостоятельны въ отношеніи къ человѣчеству; но потому-то они и представляютъ собою каррикатуру, пародію на человѣчество, и человѣчество отвращается отъ братства съ ними. Но и китайцы еще не примѣръ въ этомъ вопросѣ, потому что было время, когда и китайцы были связаны съ человѣчествомъ, выразивъ собою первый моментъ его сознанія въ формѣ гражданскаго общества; этому и обязаны они своимъ дивнымъ государственнымъ устройствомъ, въ которомъ все опредѣлено и ничего не оставлено безъ сознанія, и которое теперь потому только смѣшно, что, лишенное движенія, представляетъ собою какъ бы окаменѣвшее прошедшее, или египетскую му-

мію довременнаго общества. Нѣтъ, здѣсь въ примѣръ идутъ развѣ какіе-нибудь Якуты, Буряты, Камчадалы, Калмыки, Черкесы, Негры, которые, дѣйствительно, ничего общаго съ человѣчествомъ не имѣли, которыхъ человѣчество не признаетъ живою, кровною частію самого себя, и для которыхъ, можетъ быть, есть только будущее... И такъ, развѣ Петръ Великій—только потому великъ, что онъ былъ *Русскій*, а не потому, что онъ былъ также *человѣкъ*, и что онъ болѣе нежели кто-нибудь имѣлъ право сказать о самомъ себѣ: *я человѣкъ—и ничто человѣческое не чуждо мнѣ?* Развѣ мы можемъ сказать о себѣ, что любимъ Петра и гордимся имъ, если мы не любимъ Александра Македонскаго, Юлія Цезаря, Наполеона, Густава Адольфа, Фридриха Великаго и другихъ представителей человѣчества? Что онъ къ намъ ближе всѣхъ другихъ, что мы связаны съ нимъ болѣе родственными, болѣе такъ сказать кровными узами—объ этомъ нѣтъ и спора, это истина святая и несомнѣнная; но все-таки мы любимъ и боготворимъ въ Петрѣ не то, что должно или можетъ принадлежать только собственно-Русскому, но то общее, что̀ можетъ и должно принадлежать всякому человѣку, не по праву народному, а по праву природы человѣческой. *Геній*, въ смыслѣ превосходныхъ способностей и силъ духа, можетъ явиться вездѣ, даже у дикихъ племенъ, живущихъ внѣ человѣчества; но *великій человѣкъ* можетъ явиться только или у народа, уже принадлежащаго къ семейству человѣчества, въ историческомъ значеніи этого слова, или у такого народа, который міродержавными судьбами предназначено ему, какъ напр. Петру, ввести въ родственную связь съ человѣчествомъ. И потому-то есть разница между великими людьми человѣчества и геніями племенъ и, такъ сказать *заштатныхъ* народовъ; есть великая разница между Александромъ Македонскимъ, Юліемъ Цезаремъ, Карломъ Великимъ, Петромъ Великимъ, Наполеономъ—и между Атиллою, Чингисомъ, Тамерланомъ: первые должны называться *великими людьми*, вторые—*les grands Kalmuks*...

Да! Мы холодны къ своему, равнодушны къ родному, но не потому, чтобъ холодность и равнодушіе лежали въ нашей натурѣ, не потому, чтобъ они были какимъ-нибудь нашимъ недугомъ, а потому что мы еще холодны и равнодушны къ общему, къ міровому, которое заслонено отъ насъ личнымъ. Слово «интересъ» мы еще принимаемъ въ смыслѣ «выгоды», а не живого и страстнаго сочувствія ко всему человѣческому, въ высшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова. Мы еще только начинаемъ соглашаться, что не худо иногда, передъ вистомъ, въ ожиданіи, пока подойдетъ *четвертый*, долженствующій дополнить партію,—поговорить и объ искусствѣ, и объ исторіи, и о Наполеонѣ, и о Шекспирѣ, словомъ—о «Байронѣ и о матерьяхъ важныхъ»... Петръ Великій есть величайшее явленіе не нашей только исторіи, но и исторіи всего человѣчества; онъ божество, воззвавшее насъ къ жизни, вдунувшее душу живую въ колоссальное, но поверженное въ смертную дремоту тѣло древней Россіи: и что̀ же? чѣмъ показали мы свое неравнодушіе къ такому великому для насъ явленію? Ничѣмъ, потому что громкія фразы, великолѣпныя реторическія вос-

клицанія еще меньше, чѣмъ ничто. Любовь проявляется въ дѣлѣ; слѣдовательно, вопросъ въ томъ, что̀ мы *сдѣлали* для того, чтобъ понять Петра Великаго, какъ великое историческое явленіе. Собрали ли мы матеріалы для его исторіи? Нѣтъ!—Свѣрили-ль, сличили-ль между собою, повѣрили-ль историческою критикою хотя извѣстные намъ факты?—Нѣтъ! Есть ли у насъ хоть какія-нибудь, сколько-нибудь заслуживающія вниманіе попытки изобразить въ стройной исторической картинѣ жизнь и дѣянія Великаго?—Досель еще—нѣтъ! Правда, былъ у насъ одинъ, который могъ бы алмазнымъ перомъ своимъ, какъ на мѣди или мраморѣ, нетлѣнными чертами передать вѣчности дѣла и образъ Великаго; но преждевременная смерть вырвала волшебное перо изъ творческихъ рукъ и надолго лишила Россію надежды имѣть учено-художественную исторію творца ея будущаго величія и счастія... Изъ прежнихъ попытокъ сдѣлать что-нибудь для исторіи Петра Великаго, достоинъ величайшаго уваженія только безкорыстный и простодушный трудъ Голикова. Прекрасное, отрадное явленіе въ русской жизни этотъ Голиковъ! Полуграмотный курскій купецъ, выучившійся на желѣзные гроши читать и писать, чувствуетъ сильную потребность во что̀ бы то ни стало узнать исторію Петра Великаго. Недостатокъ въ средствахъ лишаетъ его возможности собирать матеріалы; однако онъ дѣлаетъ для этого всевозможныя пожертвованія, урывками отъ коммерческихъ занятій и житейскихъ заботъ, читаетъ онъ все, что̀ попадается ему подъ руку о Петрѣ, дѣлаетъ выписки, и такимъ образомъ полагаетъ начало своему труду, огромности котораго и самъ не предчувствуетъ. Вдругъ подпадаетъ онъ уголовному суду, лишается свободы и чести; но черезъ два съ половиною года освобождается изъ заключенія вслѣдствіе милостиваго манифеста, по случаю открытія въ Петербургѣ монумента Петру Великому. Изъ тюрьмы спѣшитъ онъ въ церковь, оттуда на Петровскую площадь, и, въ священномъ изступленіи, упавъ на колѣни предъ статуею великаго, громко и всенародно клянется достойно отблагодарить его за благодѣяніе. Съ тѣхъ поръ, каждая минута жизни его посвящена на совершеніе высокаго подвига. *Тридцать томовъ* остались памятникомъ его благороднаго рвенія, и въ безъискусственномъ, безпорядочномъ его разсказѣ нерѣдко замѣтно одушевленіе, достойное предмета, его возбудившаго; въ основѣ лежитъ безсознательное, но тѣмъ не менѣе вѣрное созерцаніе идеи, выраженной явленіемъ Петра Великаго. Явись Голиковъ у англичанъ, французовъ, нѣмцевъ—не было бы конца толкамъ о немъ, не было бы счета его біографіямъ; гипсовыя изображенія его продавались бы вмѣстѣ съ статуйками Наполеона, Вольтера, Руссо, Франклина; портреты выставлялись бы въ окнахъ эстампныхъ магазиновъ, виднѣлись бы на площадяхъ и перекресткахъ.

И такъ, трудъ Голикова есть почти *все*, что̀ сдѣлано нашею литературою для исторіи Петра Великаго. Карамзинъ еще далеко не дошелъ до нея, Пушкинъ смертью застигнутъ въ приготовительныхъ работахъ къ ней. Записные наши историческіе критики заняты вопросомъ «откуда пошла Русь»—отъ Балтій-

скаго, или отъ Чернаго Моря. Имъ какъ-будто и нужды нѣтъ, что рѣшеніе этого вопроса не дѣлаетъ ни яснѣе, ни занимательнѣе баснословнаго періода нашей исторіи. Норманы ли за-балтійскіе или Татары за-понтійскіе—все равно: ибо если первые не внесли въ русскую жизнь европейскаго элемента, плодотворнаго зерна всемірно-историческаго развитія, не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ ни въ языкѣ, ни въ обычаяхъ, ни въ общественномъ устройствѣ, то стоитъ ли хлопотать о томъ, что Норманы, а не Калмыки пришли княжити надъ Словены; если же это были Татары, то развѣ намъ легче будетъ, если мы узнаемъ, что они пришли къ намъ изъ-за Урала, а не изъ-за Дона, и вступили въ словенскую землю правою, а не лѣвою погою?.. Ломать голову надъ подобными вопросами, лишенными всякой существенной важности, которая дается факту только мыслію—все равно, что пускаться въ археологическія изысканія и писать цѣлые томы о томъ, какого цвѣта были доспѣхи Святослава, и на которой щекѣ была родинка у Игоря. А между-тѣмъ, этотъ первый и безплодный періодъ русской исторіи поглощаетъ, или, по крайней мѣрѣ, поглощалъ всю дѣятельность большей части нашихъ ученыхъ изслѣдователей, которые и знать не хотятъ того, что имена Рюриковъ, Олеговъ, Игорей и подобныхъ имъ героевъ наводятъ скуку и грусть на мыслящую часть публики, и что русская исторія начинается съ возвышенія Москвы и централизаціи около нея удѣльныхъ княжествъ, т. е. съ Іоанна Калиты и Симеона Гордаго. Все, что было до нихъ, должно составить коротенькій разсказъ на нѣсколькихъ страничкахъ, въ родѣ введенія, разсказъ съ выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: «лѣтописи говорятъ, но думать должно; вѣроятно; можетъ быть; могло быть», и т. д. Подобное введеніе должно быть коротко, ибо что интереснаго въ подробномъ повѣствованіи о колыбельномъ существованіи хотя бы и великаго человѣка? И малые и великіе люди въ колыбели равно малы: спятъ, кричатъ, ѣдятъ, пьютъ. Даже и собственно исторія Московскаго Царства есть только введеніе, разумѣется, несравненно важнѣе перваго,—введеніе въ исторію Государства Русскаго, которое началось съ Петра. Въ этомъ введеніи встрѣчаются интересныя лица, сильные и могучіе характеры, даже драматическія положенія цѣлаго народа; но все это имѣетъ чисто-человѣческій, а не историческій интересъ; все это такъ же интересно въ русской исторіи, какъ и въ исторіи всякаго другого народа во всѣхъ пяти частяхъ свѣта. Исторія есть фактическое жизненное развитіе общей (абсолютной) идеи въ формѣ политическихъ обществъ [48]). Сущность исторіи составляетъ только одно разумно-необходимое, которое связано съ прошедшимъ, и въ настоящемъ заключаетъ свое будущее. Содержаніе исторіи есть общее: судьбы человѣчества. Какъ исторія народа не есть исторія милліоновъ отдѣльныхъ лицъ, его составляющихъ, но только исторія нѣкотораго числа лицъ, въ которыхъ выразились духъ и судьбы народа,—точно такъ же и человѣчество не есть собраніе народовъ всего земного шара, но только нѣсколькихъ народовъ, выражающихъ собою идею человѣчества. Мы уже намекнули, что и самый Китай имѣлъ всемірно-историческое значеніе, выразивъ собою первый моментъ общественности; но хотя Китайцы и теперь суще-

ствуютъ, да еще въ числѣ, какъ говорятъ, чуть ли не ста милліоновъ головъ, однако они столько же принадлежатъ къ человѣчеству, сколько и милліоны рогатыхъ головъ ихъ многочисленныхъ стадъ. Индійцы, Египтяне, и особенно племена семитическія, Греки и Римляне,—каждый изъ этихъ народовъ былъ звеномъ въ цѣпи развитія человѣчества,—*былъ*, но теперь уже не *есть*, ибо Индійцы и Египтяне теперь нѣчто въ родѣ окаменѣлостей, а Греки и Римляне исчезли совсѣмъ съ лица земли, уступивъ родную почву другимъ племенамъ. Мухаммеданскій востокъ раскинулся пышнымъ, хотя и мгновеннымъ цвѣтомъ; но и этому онъ обязанъ былъ той односторонней истинѣ, которую выразилъ въ многосторонней лжи своей. Аравитяне имѣли вліяніе на самую Европу и тѣмъ придали мухаммеданству характеръ исторической необходимости, и спасли его отъ забвенія. Но когда односторонняя истина его содержанія сшиблась съ общею, міровою истиною христіанскаго европеизма,—онъ уступилъ, потомъ палъ, и теперь одряхлѣвшій и безжизненный трупъ Турціи держится только милостію европейскихъ державъ. Умершій Римъ завѣщалъ богатое наслѣдство своей жизни разрушившимъ его варварамъ: онъ далъ имъ христіанство, цивилизацію и законы. Съ тѣхъ поръ, человѣчество явилось въ лицѣ тевтонскаго племени, широкимъ потокомъ разлившагося по Европѣ; все же остальное представляло собою явленія случайныя, которыя возникали Богъ знаетъ откуда и какъ, и исчезали Богъ знаетъ гдѣ и какъ, подобно вѣтру въ степяхъ Аравіи... Атиллы и Тамерланы основывали огромныя монархіи и грозили всему міру и Европѣ; но міръ и Европа остались, а грозные воители исчезли вмалѣ; вмѣстѣ съ ними исчезли и ихъ эфемерныя монархіи, возникшія и развившіяся не изнутри, подобно явленіямъ растительнаго и животнаго царствъ природы, а снаружи, чрезъ налипаніе, подобно минераламъ, не органически, а химически и механически. Случайно было ихъ явленіе, случайно было и ихъ паденіе: могущество отдѣльной отъ человѣчества личности воззвало ихъ къ бытію, а смерть этой личности возвратила ихъ въ прежнее ничтожество. Между тѣмъ, Европа росла, крѣпла и развивалась, выдержала ужасные напоры случайныхъ силъ, и въ существенныхъ стихіяхъ собственной жизни нашла разрѣшеніе противорѣчій этой жизни, а въ борьбѣ разумной необходимости съ случайностію открыла неисчерпаемый источникъ, богатое содержаніе неизживаемой жизни,—и только простодушное невѣжество, или жалкое суевѣріе и фанатизмъ могутъ видѣть послѣдніе дни и смертное томленіе Европы въ успѣхахъ ея цивилизаціи, въ торжествѣ человѣческаго разума. Въ какомъ смутномъ броженіи, въ какой свирѣпой борьбѣ элементовъ и силъ является исторія Европы среднихъ вѣковъ! Но въ этомъ хаосѣ немолчно раздается всемогущій глаголъ жизни, творческое «да будетъ!»; духъ Божій носится во мракѣ надъ ярящимися волнами безпредѣльныхъ водъ... и вотъ почему, при всей нестротѣ, при всей яркости цвѣтовъ, при всемъ разнообразіи и смѣшеніи борющихся между собою элементовъ, исторія Европы представляетъ стройную и величественную картину разумныхъ и великихъ событій;

взоръ мыслителя усматриваетъ въ формѣ этой многосложной картины единство діалектически развивающейся мысли.

Чтобъ лучше показать, какая разница между интереснымъ характеромъ народа, неживпіаго жизнію человѣчества, и интереснымъ характеромъ всемірно-историческаго народа, сравнимъ Іоанна Грознаго и Лудовика XI. Оба они—характеры сильные и могучіе, оба ужасны своими дѣлами; но Іоаннъ Грозный—важное лицо только для частной исторіи Россіи: онъ довершилъ уничтоженіе удѣловъ, окончательно рѣшилъ мѣстный вопросъ, многозначительный только для Россіи,—между тѣмъ, какъ тираннія Лудовика XI имѣла великое значеніе для Франціи, и, слѣдовательно, для Европы: Лудовикъ нанесъ ужасный ударъ феодализму, сколько можно было сосредоточилъ государство, поднялъ среднее сословіе, установилъ почты, хитрою и коварною своею политикою отстоялъ Францію отъ Карла Смѣлаго и другихъ опасныхъ враговъ, и пр. Въ характерѣ и дѣйствіяхъ Лудовика XI выразился духъ эпохи, конецъ среднихъ вѣковъ и начало новѣйшей исторіи Европы. Іоаннъ интересенъ какъ *человѣкъ* въ извѣстномъ положеніи, даже какъ частно-историческое лицо; Лудовикъ XI—какъ лицо *всемірно-историческое*. Іоаннъ палъ жертвою условій жизни народа, на которомъ вымѣщалъ свою погибель; Лудовикъ, чувствуя на себѣ вліяніе времени, былъ въ то же время не только рабомъ его, но и господиномъ, ибо давалъ ему направленіе и управлялъ его ходомъ.

Исторія Россіи отъ временъ Калиты и особенно отъ Іоанна III, до Петра Великаго, безъ всякаго сомнѣнія, несравненно интереснѣе, чѣмъ въ періодъ удѣловъ и первой половины татарскаго ига; но чѣмъ интереснѣе становится она тѣмъ менѣе обращаетъ на себя вниманіе и трудолюбіе ученыхъ дѣятелей. По крайней мѣрѣ, въ послѣднее время издано много историческихъ памятниковъ, относящихся къ этому періоду, чему обязаны мы болѣе просвѣщенному содѣйствію правительства, нежели ревности частныхъ лицъ. Что же до самой интереснѣйшей эпохи нашей исторіи—царствованія Петра Великаго, ея какъ будто и не существуетъ въ глазахъ нашихъ ученыхъ, поглощенныхъ общими мѣстами о происхожденіи Руси. А между тѣмъ, каждый, если случится ему написать имя Петра, почитаетъ за долгъ выйдти изъ себя, накричать множество громкихъ фразъ, зная, что бумага все терпитъ. Иные изъ писавшихъ о Петрѣ, впрочемъ люди благонамѣренные, впадаютъ въ странныя противорѣчія, какъ будто влекомые по двумъ разнымъ, противоположнымъ направленіямъ: благоговѣя передъ его именемъ и дѣлами, они на одной страницѣ весьма основательно говорятъ, что на что̀ ни взглянемъ мы на себѣ и кругомъ себя—вездѣ и во всемъ видимъ Петра; а на слѣдующей страницѣ утверждаютъ, что европеизмъ—вздоръ, гибель для души и тѣла, что желѣзныя дороги ведутъ прямо въ адъ, что Европа чахнетъ, умираетъ, и что мы должны бѣжать отъ Европы чуть-чуть не въ степи киргизскія [49])...

Мы очень рады, что появленіе втораго изданія Голикова, исторіи Бергмана и сочиненія Кошихина, даетъ намъ случай и возможность сказать нѣсколько

словъ о величайшемъ явленіи русской исторіи и объ одномъ изъ величайшихъ явленій всемірной исторіи—о Петрѣ Великомъ. Просимъ нашихъ читателей не быть слишкомъ взыскательными, не выпускать изъ вида великости предмета и незначительности средствъ къ его уразумѣнію, не забывать также, что въ журнальной статьѣ нельзя высказать всего такъ, какъ бы хотѣлось. Мы почтемъ себя вполнѣ достигшими цѣли, если статья наша займетъ не одни глаза читателя, но и душу и разумъ его, и наведетъ его на мысли и думы, которыхъ еще не возбуждали въ немъ историческіе возгласы о Петрѣ Великомъ.

Собраніе фактовъ, касающихся до исторіи Петра Великаго, критическое разсмотрѣніе и повѣрка матеріаловъ ея—вотъ что прежде всего ожидаетъ дѣятелей. Прагматическое изложеніе этихъ фактовъ—второе великое дѣло, пока еще тщетно ожидающее для себя труда и таланта. Но ни то, ни другое не можетъ обойдтись безъ опредѣленія настоящей точки зрѣнія на Петра Великаго, какъ на историческаго дѣйствователя. Пусть всякій дѣлаетъ свое: мы постараемся изложить свою мысль, или, если угодно, свое мнѣніе о дѣлѣ Петра, подкрѣпляя его, гдѣ будетъ нужно, живымъ свидѣтельствомъ историческихъ фактовъ.

Въ чемъ заключается дѣло Петра Великаго? въ преобразованіи Россіи, въ сближеніи ея съ Европою. Но развѣ Россія и безъ того находилась не въ Европѣ, а въ Азіи?—Въ географическомъ отношеніи, она всегда была державою европейскою; но одного географическаго положенія мало для европеизма страны.

Что же такое Европа и что такое Азія?—Вотъ вопросъ, изъ рѣшенія котораго только можно опредѣлить значеніе, важность и великость дѣла Петра.

Азія—страна такъ называемой естественной непосредственности, Европа—страна сознанія; Азія — страна созерцанія, Европа — воли и разсудка. Вотъ главное и существенное различіе востока и запада, причина и исходный пунктъ исторіи того и другаго. Азія была колыбелью человѣческаго рода, и до сихъ поръ осталась его колыбелью: дитя выросло, но все еще лежитъ въ колыбели, окрѣпло—но все еще ходитъ на помочахъ. Въ жизни, дѣйствіяхъ и самомъ сознаніи Азіатца видна только первобытная естественность—и больше ничего. Азіатца нельзя назвать животнымъ, ибо онъ одаренъ смысломъ и словомъ; но онъ животное въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно назвать животнымъ младенца. Младенецъ есть возможность человѣка въ будущемъ, но въ настоящемъ—что такое жизнь его?—растительность и животность. Воплемъ и слезами изъявляетъ онъ страданіе и горесть; крикомъ и смѣхомъ—радость и удовольствіе. Источникъ его радостей и страданій—его организмъ: здоровъ онъ и сытъ—онъ доволенъ; можетъ лакомиться—онъ счастливъ; боленъ и голоденъ—онъ страдаетъ; есть у него пища, но нѣтъ лакомствъ—онъ спокоенъ, но унылъ, страсти его молчатъ, живость ощущеній притупляется; увидитъ лакомства—онъ испускаетъ вопли радости, глаза его сверкаютъ огнемъ и странною живостію. Таковъ и Азіатецъ. Основа его общественности есть обычай, освященный древностію, давностію и привычкою. «Такъ жили отцы наши и дѣды»—вотъ основное правило и высшее разумное оправданіе Азіатца въ его бытѣ и образѣ жизни. Прекрас-

ное правило, все оправдывающая причина! Это альфа и омега всякой мудрости, это послѣдній отвѣтъ на всѣ вопросы разума! И, къ тому же, оно такъ легко для уразумѣнія, такъ коротко! Спросите Черкеса, зачѣмъ онъ свято соблюдаетъ права гостепріимства въ своей саклѣ, и грабитъ, рѣжетъ своего гостя на дорогѣ, подстрѣливаетъ его изъ-подъ куста, какъ дикую птицу, или хватаетъ на арканъ, заковываетъ въ желѣзо и заставляетъ всю жизнь пасти стада, — онъ отвѣтитъ вамъ: «такъ дѣлали отцы и дѣды наши». Хорошо ли это, дурно ли, разумно или безсмысленно,—подобные вопросы не приходятъ ему въ голову; это слишкомъ тяжелая, слишкомъ неудобоваримая пища для его головы. Также точно нисколько не думаетъ Азіатецъ о своей человѣческой личности—о значеніи ея и правахъ. Сегодня богатъ онъ, завтра нищъ; сегодня онъ неограниченный повелитель милліоновъ, завтра рабъ презрѣнный и безгласный; сегодня, движеніе руки его, маніе бровей его изрекаютъ войну и миръ, жизнь и смерть,—завтра подносятъ ему шелковый снурокъ, который онъ самъ надѣваетъ себѣ на шею. Почему все это такъ, а не иначе, и должно ли все это быть такъ, а не иначе,—онъ объ этомъ никогда не спрашивалъ ни себя, ни другихъ. Такъ было задолго до него, такъ бываетъ не съ однимъ имъ, а со всѣми; слѣдовательно, такова воля Аллаха! И потому, онъ такъ же хладнокровно распоряжается счастіемъ или несчастіемъ, жизнію и смертію ближнихъ, какъ хладнокровно самъ подчиняется велѣніямъ судьбы. Вслѣдствіе этого, цѣнность человѣческой крови для него нисколько не выше цѣнности крови домашнихъ животныхъ. Отсюда неограниченный деспотизмъ и безусловное рабство. Отсюда же совершенный произволъ съ одной стороны, и совершенное отсутствіе чувства законной приверженности и непоколебимой вѣрности съ другой. Турокъ не ропщетъ, если дурное расположеніе духа властелина сажаетъ его на колъ, или вѣшаетъ на петлѣ; но Турокъ же не задумается ни на минуту пристать къ смѣлому мятежнику противъ законнаго властителя, къ сыну противъ роднаго отца. Вотъ непрочность однѣхъ естественныхъ связей, несознанныхъ *посредствомъ* разсудка! Семейственность есть общая форма азіатскаго быта; самое государство на Востокѣ—семейство въ огромномъ размѣрѣ. Но посмотрите, какъ ничтожны тамъ узы родства! У дѣтей нѣтъ матери, потому что мать ихъ не *человѣкъ*, не *женщина*, а *самка* и *матка*; но у дѣтей нѣтъ и отца, ибо и отецъ ихъ только *самецъ*, владѣющій извѣстнымъ числомъ самокъ, и притомъ господинъ и повелитель и своихъ самокъ и своихъ *дѣтенышей*, неограниченный властелинъ, при которомъ они, какъ рабы, должны безмолвно стоять потупивъ глаза въ землю, приложивъ руку къ груди. И потому, кровавыя сцены въ семействѣ на Востокѣ—обыкновенныя событія, и далеко не возбуждаютъ такого мистическаго ужаса, какъ въ безнравственной и *безбожной* (по мнѣнію китайскихъ мандариновъ пятой степени) Европѣ. Въ нѣкоторыхъ мусульманскихъ земляхъ повелитель, восходя на тронъ отца своего, умерщвляетъ всѣхъ своихъ братьевъ, а въ нѣкоторыхъ, только велитъ имъ выкалывать глаза. Разумѣется, подобное право не простирается на частныхъ людей; но что̀ освящено употребленіемъ и обычаемъ, то не можетъ казаться осо-

беннымъ преступленіемъ, не можетъ внушать особеннаго ужаса. Вотъ что̀ значатъ естественныя права крови, неосвященныя любовію и духомъ, несознанныя разумѣніемъ! Кажется, никто такъ не близокъ къ природѣ, какъ животныя, и, слѣдовательно, ни у кого узы крови не должны быть такъ крѣпки и нерушимы, какъ у животныхъ; но у нихъ то и нѣтъ совсѣмъ никакихъ узъ родственныхъ: тигръ пожираетъ дѣтей своихъ даже безъ крайней необходимости, тигрица пожираетъ дѣтей въ голодѣ, и вообще самка какого бы то ни было животнаго только до тѣхъ поръ мать своимъ дѣтямъ, пока кормитъ ихъ грудью, а ея порожденія только до тѣхъ поръ ея дѣти, пока сосутъ ее; послѣ же этого термина, взаимныя отношенія дѣтей къ матери и матери къ дѣтямъ какъ-то странно измѣняются...

Почти все это можно видѣть и между людьми на Востокѣ: торговля дѣтьми (особенно дочерьми)—одинъ изъ главнѣйшихъ промысловъ у нѣкоторыхъ азіатскихъ племенъ. Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ и взаимной довѣренности, а узы родства тамъ только увеличиваютъ взаимную недовѣрчивость, ибо личные интересы родныхъ чаще всего сталкиваются враждебно. Сила личнаго самохраненія не можетъ ослабѣвать или усыпляться отъ родства, если любовь не освобождаетъ отъ подозрѣнія и страха. Въ Европѣ власть родительская основана на правѣ любви сознательной и разумной, вышедшей изъ любви естественной; и потому, въ Европѣ право родства утрачиваетъ всю силу свою, какъ скоро перестаетъ опираться на правѣ любви. Объ исключеніяхъ говорить нечего; но можно почитать общимъ правиломъ, что отецъ не имѣетъ права жаловаться на дурныхъ дѣтей, потому что только у дурныхъ родителей могутъ быть дурныя дѣти. А такъ какъ отношенія столь близкихъ между собою людей, какъ родные, не могутъ быть предметомъ вѣрнаго и непогрѣшительнаго суда постороннихъ, то эти отношенія и приведены въ общія и законныя формы. Законъ смотритъ только на внѣшнее, на форму, на приличіе, не позволяя себѣ проникать во внутреннее, которое передаетъ въ высшую инстанцію—въ судилище совѣсти. И потому гражданскій законъ въ Европѣ требуетъ отъ дѣтей только внѣшняго уваженія къ родителямъ, но не любви, для которой нѣтъ гражданскихъ законовъ. Съ другой стороны, права родителей надъ дѣтьми ограничены общественнымъ мнѣніемъ; въ извѣстныя лѣта, дѣти становятся полными господами своей участи и своихъ поступковъ. И потому въ Европѣ можно видѣть примѣры, какъ дѣти судятся съ своими родителями, или родители съ дѣтьми; но только въ Азіи можно видѣть примѣры дѣтоубійства и отцеубійства; въ Европѣ тѣ и другія—чудовищныя и рѣдкія исключенія.

Сознаніе Азіатца спитъ, ибо заключено въ магическомъ кругу младенческой естественности, непосредственности. Мысль его преимущественно проявляется въ религіозной сферѣ; но и тутъ далѣе естественнаго пантеизма она не восходила. Исключеніе остается за одними Евреями, которымъ высшая воля поручила храненіе сокровища, цѣны котораго они сами не умѣли цѣнить. Поэтому, и христіанство могло развиться только въ Европѣ. Но въ исламизмѣ Азія увидѣла

полное выраженіе своего духа. «Ни о чемъ не думай, ибо за тебя думаетъ святая книга; наслаждайся чувственными удовольствіями и властью, если предопредѣленіе дастъ тебѣ ихъ; погибай безъ ропота, ибо такъ написано на дскахъ предопредѣленія; губи безъ смущенія, ибо такъ написано на дскахъ предопредѣленія твоей жертвы»—вотъ основаніе исламизма. Коранъ предписываетъ любовь къ ближнему, гостепріимство; высшимъ блаженствомъ называетъ онъ созерцаніе безконечныхъ совершенствъ Аллаха; но эта любовь къ ближнему уничтожается понятіемъ о предопредѣленіи и простирается только на правовѣрныхъ, а не на поганыхъ джяуровъ, которыхъ истинный мусульманинъ долженъ фанатически ненавидѣть; но это созерцаніе божескихъ совершенствъ переходитъ въ дремоту души, утомленной чувственностію, и въ безсмысленную формалистику, которая предписываетъ извѣстное число повтореній «нѣтъ Бога, кромѣ Бога» и пр., намазы, и т. п.

Основаніе всѣхъ религій, возникшихъ въ Азіи (кромѣ одной—единой, безусловной и божественной) есть физическій пантеизмъ (всебожіе), или обожествленіе субстанціальныхъ силъ природы. Какъ скоро этотъ пантеизмъ истощаетъ все свое содержаніе и отъ природы долженъ возвыситься до духа,—онъ тотчасъ же и уничтожается, впадая въ отвлеченныя случайности и мертвый формализмъ. Онъ движется, но въ ограниченной сферѣ самого себя, или лучше сказать, кружится на одномъ мѣстѣ, а не движется отъ исходнаго пункта своего вдаль по прямой линіи. По крайней мѣрѣ, въ индійскомъ пантеизмѣ были видоизмѣненія, была борьба сектъ, были свои секты, тогда какъ исламизмъ явился чѣмъ-то опредѣленнымъ, безъ всякой возможности даже круженія, не только развитія,—въ стоячей и мертвенной неподвижности. Отвергши, по-видимому, всякій формализмъ служенія, всякое чувственное представленіе божества, и чрезъ то, по-видимому, ставъ исповѣданіемъ въ духѣ,—онъ въ существѣ своемъ тотъ же индійскій пантеизмъ, то же робкое обожествленіе природы, а не духа, только болѣе ограниченное, и уже совершенно-непосредственное и безсознательное. Это самыя крѣпкія оковы для ума человѣческаго; это самый мягкій и роскошный диванъ для его лѣни и усыпленія. Исламизмъ нисколько не допускаетъ въ себя элемента свободнаго и разумнаго мышленія; отъ этого дикій фанатизмъ и ожесточенное невѣжество есть его опора, сила и характеръ. По этому же самому, неподвижность есть условіе исламизма; онъ сгніетъ и разрушится дѣйствіемъ собственнаго гніенія, но не измѣнится, не обновится, не пріиметъ въ себя новыхъ элементовъ. Онъ предлагаетъ свои догматы и законы какъ повелѣнія, а не какъ истины на основаніи какихъ бы то ни было доказательствъ. Послѣ сего, удивительно ли, что христіанство не могло укорениться на Востокѣ: оно убѣждаетъ, а не порабощаетъ, оно отвергло матерію и поставило надъ нею Духа Святаго, который есть любовь и разумъ...

Та же неподвижность и въ общественномъ бытѣ Азіатцевъ. Условія его немногосложны и просты, какъ условія стадъ и табуновъ: соединенныя родственнымъ инстинктомъ, животныя спокойно пасутся, не мѣшая другъ другу; а когда

въ нихъ разъигрываются страсти, то рѣшаютъ дѣйствительность правъ своихъ превосходствомъ силы, крѣпостію рогъ и копытъ. Право возмездія—древнѣйшее изъ всѣхъ правъ, потому что оно самое «естественное право». Христіанство отвергло его съ особенною энергіею; но это потому, что христіанство было освобожденіемъ человѣчества отъ оковъ грубой естественности. Для Азіатца право личности—не въ законѣ, а въ кинжалѣ; его обидѣли, кровь закипѣла—и кинжалъ въ груди оскорбителя; убійца не всегда даже и хлопочетъ о спасеніи если на дскахъ предопредѣленія не написано умереть ему отъ казни, его не казнятъ, а написано — ни чѣмъ не спастись. Судилищъ и судейской процедуры Азіатецъ не терпитъ: судъ совершается въ домѣ судьи, рѣшеніе зависитъ не отъ силы и разума закона, а отъ мудрости судьи. Тутъ же и благодѣтельная фалака [50]), а если нужно, и висѣлица—дѣло только въ петлѣ, висѣлицею же можетъ служить первое попавшееся на глаза окно мирнаго гражданина. Азіатецъ лучше хочетъ быть невинно битъ по пятамъ палками, повѣшенъ, посаженъ на колъ только чтобъ сію же минуту, безъ проволочки, — чѣмъ подвергаться судебному слѣдствію, которое лишило бы его возможности сидѣть поджавъ ноги, дѣлать кейфъ, или творить намазъ. Турокъ отъ искренняго сердца дивится глупости невѣрныхъ франковъ, проклятыхъ джяуровъ, которые, попавшись подъ судъ, хотятъ, чтобъ ихъ судили и не требуютъ того, чтобъ ихъ поскорѣе околотили по пятамъ, или посадили на колъ...

Однообразна частная жизнь Азіатцевъ. Это — или дикія оргіи грубой чувственности, или молчаливая бесѣда гостей, прерываемая изрѣдка вѣжливымъ вопросомъ: «каково состояніе вашего мозга» и не менѣе деликатнымъ отвѣтомъ: «оно сладко, какъ сахаръ». Наскучивъ наконецъ сидѣть поджавъ подъ себя ноги и курить завѣтный кальянъ, или прокурившись до послѣдней крайности,— мусульманинъ, бывало, снималъ съ стѣны свою дамасскую саблю и съ дикимъ бѣшенствомъ вторгался въ предѣлы франковъ, грабилъ Сербію, Венгрію, Польшу, полуденную Россію; а насытившись боевою тревогою и разжившись военнымъ грабежомъ, снова садился подъ тѣнь спокойствія, на коверъ наслажденія и погружался въ созерцаніе божества, повторяя «нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Мухаммедъ пророкъ его»,—и развѣ только для невиннаго разсѣянія рубилъ головы рабамъ своимъ и бросалъ въ море мѣшки съ своими женами. Прекрасная жизнь! Она вся въ чувствѣ—мятежный разумъ не смѣетъ и издалека подойти къ ней, чтобъ смутить ея животное блаженство!..

Неподвижность и окаменѣлость слиты съ Азіею, какъ душа съ тѣломъ. Какова она была за нѣсколько тысячелѣтій до рождества Христова, такова и теперь, и такъ пребудетъ всегда, если Европа не подломитъ основаній ея непосредственнаго состоянія, и не преобразуетъ ее христіанствомъ. Въ Азіи нѣтъ ни науки, ни искусства, а есть, вмѣсто нихъ, преданіе и обычай. Нигдѣ не льется столько крови, какъ въ Азіи, нигдѣ люди не рѣжутся такъ много, какъ въ Азіи, — и все-таки тамъ нѣтъ военнаго искусства! Побѣду даетъ случай, слѣпой случай, а не умъ, не искусство, и не всегда даже превосходство въ силѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если не

случайность, то тутъ часто участвуетъ вдохновеніе, власть минуты. Въ Европѣ храбрость храбростію, одушевленіе одушевленіемъ—а математическій, прозаическій разсчетъ своимъ чередомъ. Европеецъ умѣетъ помирить вдохновеніе съ разсудкомъ, Азіатецъ весь въ распоряженіи минутнаго расположенія духа, которое и въ массахъ, какъ и въ человѣкѣ, часто зависитъ отъ одной случайности. Правда, Китай служитъ какъ бы исключеніемъ изъ этого правила; но это только кажется такъ: иначе отъ чего же бы всѣ его изобрѣтенія стали на полдорогѣ, всѣ учрежденія окаменѣли при возникновеніи своемъ и онъ самъ—трехмѣсячный ребенокъ съ сѣдыми волосами, съ желтою, морщиноватою, какъ печеное яблоко, кожею, съ сгорбленнымъ станомъ?.. Скажутъ, что сами Китайцы всѣми мѣрами поддерживаютъ самое безусловное statu quo въ своемъ государствѣ, понявъ, что оно только этимъ и можетъ существовать? Глубокъ же источникъ жизни въ томъ государствѣ, которое при отступленіи отъ условій стариннаго своего быта, пріемля новые открытія и обычаи, должно разрушиться, какъ набальзамированный и хорошо-сбереженный трупъ въ свинцовомъ гробѣ разрушается отъ прикосновенія къ нему воздуха!..

И вотъ Азія! Знаемъ, что мы тутъ ничего новаго о ней не сказали; но не та была и цѣль наша: намъ нужно было только напомнить читателю уже извѣстное всѣмъ объ Азіи, чтобы онъ, при чтеніи этой статьи, не выпустилъ изъ вида, что̀ такое для человѣка, народа и человѣчества пребываніе въ такъ-называемой естественной непосредственности сознанія.

Еще менѣе можемъ сказать мы новаго о Европѣ касательно ея противоположности съ Азіею; но и это не цѣль наша: намъ опять нужно только привести для соображенія читателю двѣ-три самыя рѣзкія черты; собственная его проницательность дополнитъ остальное.

Еще во времена язычества, въ древнемъ мірѣ, характеръ Европы былъ противоположенъ характеру Азіи. Противоположность эта состояла въ нравственной движимости и измѣняемости Европы, которыхъ причина заключалась въ вѣчномъ усиліи европейскихъ народовъ силою сознанія посредствовать съ собою всѣ отношенія свои къ міру и жизни. Воспользовавшись чувствомъ и вдохновеніемъ, какъ моментомъ развитія, какъ необходимымъ элементомъ жизни, Европеецъ издревле далъ полную волю своей мыслящей способности, судительной и анализирующій силѣ своего ума, привелъ въ движеніе свой разсудокъ, разрывающій полноту всякой непосредственности. Созерцаніе помирилъ онъ дѣйствіемъ, и въ созерцаніи своей дѣятельности нашелъ свое высочайшее блаженство,—и дѣятельность его состояла въ томъ, чтобъ безпрестанно вносить въ жизнь свои идеалы и осуществлять ихъ въ этой жизни. Для Грека жить значило мыслить: другой жизни не понималъ онъ. Его вѣрованіе было тотъ же пантеизмъ, но не отвлеченный и неподвижный, а распавшійся на множество живыхъ и прекрасныхъ божественныхъ личностей. Грекъ всегда предчувствовалъ больше, чѣмъ понималъ: доказательство—воздвигнутый имъ въ аѳинскомъ храмѣ алтарь *Богу невѣдомому*. Грекъ діалектически пережилъ свое *вѣрованіе*,

дошелъ до точки, гдѣ оно стало *знаніемъ*. Онъ перепробовалъ всѣ формы жизни общественной и гражданской; онъ принадлежалъ и семейству, но жилъ на площади, въ храмахъ, въ мастерскихъ художниковъ, въ садахъ академій и лицеевъ, слушая ораторовъ и философовъ; конецъ его внутренней жизни былъ концомъ и его политическаго существованія. Суровый Римлянинъ развилъ своимъ политическимъ существованіемъ идею права, основаннаго на авторитетѣ чистаго мышленія, отвлеченнаго разсудка. Для Римлянина легче было увидѣть себя ложно-обвиненнымъ и несправедливо-осужденнымъ, нежели оправданнымъ не по формѣ суда, не на основаніи закона, а по произволу судящихъ. Законъ для него былъ не преданіемъ и не обычаемъ, но сознаніемъ,—и вмѣстѣ съ развитіемъ его сознанія развивалось и его право, такъ-что, не зная исторіи Рима при какихъ-нибудь Гораціяхъ и Куріаціяхъ, нельзя знать, откуда и какъ явилось то или другое узаконеніе при томъ или другомъ императорѣ до Юстиніана. Развивъ вполнѣ отвлеченное понятіе положительнаго права, Римъ совершилъ свое назначеніе, изжилъ всю свою жизнь,—и его исторія отъ эпохи собранія законовъ въ кодексы до паденія отъ мечей варваровъ, есть журналъ смертельной болѣзни, который врачъ ведетъ, наблюдая своего паціента до послѣдней его минуты. Христіанство возродило Европу и дало ей неизживаемый запасъ жизни. Не будемъ говорить о рыцарствѣ, объ обожаніи женщины, о возникновеніи городовъ и средняго сословія, словомъ, о всѣхъ этихъ измѣненіяхъ, вслѣдствіе которыхъ варварскій Сѣверъ сталъ въ главѣ человѣчества и постыдилъ своимъ духовнымъ развитіемъ образованный Югъ. Что общаго между полудикимъ норманскимъ рыцаремъ, съ ногъ до головы закованнымъ въ желѣзо, ломающимъ копье въ честь своей дамы, и Наполеономъ въ сѣромъ сюртукѣ, съ маленькою шпагой? Что общаго между презираемымъ мѣщаниномъ среднихъ вѣковъ, который еще не забылъ боли отъ ошейника, и между могучимъ банкиромъ Ротшильдомъ? Что общаго между монахомъ среднихъ вѣковъ, въ тишинѣ кельи, при свѣтѣ лампы, писавшимъ свои простодушныя хроники, и профессоромъ нашего времени, съ каѳедры критически-разсматривающимъ наивную лѣтопись монаха? Что общаго между алхимикомъ среднихъ вѣковъ, таинственно, съ опасностію подвергнуться пыткѣ и сожженію за колдовство отыскивавшаго философскій камень, и Кювье́, Жоффруа де-Сент-Илеромъ, Гумбольдтомъ, открыто, передъ всѣмъ человѣчествомъ совлекающими съ природы таинственные ея покровы? Что общаго между бродячимъ трубадуромъ среднихъ вѣковъ, украшавшимъ своими пѣснями пиры царей, и между поэтомъ новѣйшей Европы, или гонимымъ отъ общества, или носившимъ ливрею знатныхъ баръ, и наконецъ—между Байронами, Гёте, Шиллерами, Вальтеръ-Скоттами—этими гордыми властелинами нашего времени?—Что общаго?—Ничего! Однакожь всѣ эти противоположности—не иное что, какъ крайнія звенья одной и той же великой цѣпи духовнаго развитія и цивилизаціи. Самое непостоянство модъ въ платьѣ и мебели выходитъ въ Европѣ изъ глубокаго начала движущейся и развивающейся жизни и имѣетъ великое значеніе. Годъ для Европы—вѣкъ для Азіи; вѣкъ для

Европы—вѣчность для Азіи. Все великое, благородное, человѣческое, духовное, взошло, выросло, расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ и принесло роскошные плоды на европейской почвѣ. Разнообразіе жизни, благородныя отношенія половъ, утонченность нравовъ, искусство, наука, порабощеніе безсознательныхъ силъ природы, побѣда надъ матеріею, торжество духа, уваженіе къ человѣческой личности, святость человѣческаго права, словомъ все, во имя чего гордится человѣкъ своимъ человѣческимъ достоинствомъ, черезъ что считаетъ онъ себя владыкою всего міра, возлюбленнымъ сыномъ и причастникомъ благости Божіей,—все это есть результатъ развитія европейской жизни. Все человѣческое есть европейское, и все европейское—человѣческое...

Россія не принадлежала, и не могла, по основнымъ элементамъ своей жизни, принадлежать къ Азіи: она составляла какое-то уединенное, отдѣльное явленіе; Татары, повидимому, должны были сроднить ее съ Азіею; они и успѣли механическими внѣшними узами связать ее съ нею на нѣкоторое время, но духовно не могли, потому-что Россія держава христіанская [51]). И такъ, Петръ дѣйствовалъ совершенно въ духѣ народномъ, сближая свое отечество съ Европою и искореняя то, что внесли въ него Татары временно азіатскаго.

Обратимся теперь къ твореніямъ, подавшимъ намъ поводъ къ этимъ мыслямъ. Вотъ книга Котошихина «О Россіи въ Царствованіе Алексія Михаиловича». Но сперва намъ слѣдуетъ дать читателямъ свѣдѣніе объ авторѣ этой книги.

Г. Соловьевъ, профессоръ Александровскаго Университета [52]), во время своего путешествія по Швеціи въ 1837 году, узналъ, что въ Стокгольмскомъ Государственномъ Архивѣ хранится рукопись, которая содержитъ въ себѣ описаніе Россіи при царѣ Алексіѣ Михаловичѣ, и которая есть переводъ съ оригинальнаго русскаго сочиненія, принадлежащаго подъячему Посольскаго Приказа Котошихину. Въ скоромъ времени, г. Соловьеву удалось отыскать и самый подлинникъ, хранившійся въ библіотекѣ Упсальскаго Университета. Къ заглавію этой рукописи есть приписка: *Григорья Карпова Котошихина, посольскаго приказа подъячаго, а потомъ Иваномъ Александровичемъ Селицкимъ зовимаго, работы въ Стокхолмѣ 1666 и 1667.* Въ предисловіи къ шведскому переводу рукописи Котошихина, находятся нѣкоторыя извѣстія о жизни ея автора. Котошихинъ служилъ въ Посольскомъ Приказѣ, былъ неоднократно употребляемъ для письмоводства при дипломатическихъ сношеніяхъ съ иностранными дворами, и ѣздилъ гонцомъ въ Стокгольмъ. Князь Ю. А. Долгорукій, смѣнившій прежнихъ начальниковъ Котошихина, князей Черкасскаго и Прозоровскаго, потребовалъ отъ Котошихина, чтобъ онъ сдѣлалъ ложный доносъ на своихъ бывшихъ начальниковъ. Благородный подъячій, не чувствуя себя въ состояніи выполнить такое дѣло, и вмѣстѣ съ тѣмъ ожидая всего отъ мести, бѣжалъ въ Польшу (около 1664 года), гдѣ скрывался подъ именемъ Селицкаго, потомъ странствовалъ въ Пруссіи и былъ въ Любекѣ, послѣ чего, пробравшись въ Лифляндію, предался покровительству рижскаго генералъ-губернатора Гельмфельдта, который исходатайствовалъ ему дозволеніе на свободное пребываніе въ Швеціи.

*

Прибывъ въ Швецію въ 1666 году, Котошихинъ, по требованію государственнаго канцлера графа Магнуса Делагарди, окончилъ свое сочиненіе «О Россіи», начатое имъ вскорѣ по побѣгѣ изъ-подъ Смоленска. Котошихинъ былъ казненъ въ Стокгольмѣ за убіеніе своего хозяина Анастасіуса, совершенное въ нетрезвомъ видѣ, въ ссорѣ по подозрѣнію въ любовной связи съ его (?) женою.

Рукопись Котошихина издана Археографическою Коммиссіею, подъ редакціею почтеннаго члена ея г. Бередникова.

Слѣдующія выписки изъ книги Котошихина, дадутъ читателямъ лучшее понятіе о самой книгѣ.

Вотъ какъ вступали въ бракъ русскіе цари:

... А вшедъ въ церковь, царь и царевна станутъ середи церкви, близко олтаря, и постелютъ подъ нихъ, на чомъ стояти обьяри золотой сколько доведется, и съ одну сторону царя держитъ подъ-руку дружка, а царевну *сваха;* и протопопъ устроясь во одѣяніе церковное, начнетъ ихъ вѣнчати по чину, и въ то время царевну открываютъ; и возлагаетъ на нихъ протопопъ вѣнцы церковные, а по вѣнчаніи подноситъ имъ изъ единаго сосуда пити вина французскаго красного, и сниметъ съ нихъ церковные вѣнцы, и взложитъ на царя корону. И потомъ протопопъ поучаетъ ихъ, какъ имъ жити: женѣ у мужа быти въ послушествѣ и другъ на друга не гнѣватися, развѣ пѣкія ради вины мужу поучити ея слегка жезломъ, занеже мужъ женѣ яко глава на церквѣ, и жили бы въ чистотѣ и въ богобоязни, недѣлю и среду и пятокъ и всѣ посты постили, и Господьскія праздники и въ которые дни прилучится празновати апостоломъ и евангелистомъ и инымъ нарочитымъ святымъ грѣха не сотворили, и въ церквѣ Божіей приходили и подаяніе давали, и со отцемъ духовнымъ спрашивались по часту, той бо на вся блага научитъ. А соверша протопопъ поученіе, царицу возметъ за руку и вдастъ ю мужеви, и велитъ имъ межь себя учинити цѣлованіе, и по цѣлованіи царицу покроютъ и потомъ протопопъ и свадебный чинъ царя и царицу поздравляютъ вѣнчався.

. . . . . .

А какъ начнетъ царь съ царицею опочивать, въ то время конюшей ѣздитъ около той полаты на конѣ, вымя мечъ на-голо, и близко къ тому мѣсту никто не приходитъ; и ѣздитъ конюшей во всю ночь до свѣта. И испустя часъ боевой, отецъ и мать, и тысяцкой, посылаютъ къ царю и къ царицѣ спрашивати о здоровьѣ. И какъ дружка приходя спрашиваетъ о здоровьѣ, и въ то время царь отвѣщаетъ, что въ добромъ здоровьѣ, будетъ доброе между ними совершилось; а ежели не совершилось, и царь приказываетъ приходить въ другой рядъ, или въ третей, а дружка потомужь приходитъ и спрашиваетъ. И будетъ доброе межь ними учинилось, скажетъ царь, что въ добромъ здоровьѣ, и велитъ къ себѣ быти всему свадебному чину и отцамъ и матерямъ, а протопопъ не бываетъ; а когда доброго ничего не учинится, тогда всѣ бояре и свадебной чинъ разъѣдутся въ печали, не бывъ у царя. А какъ свадебной чинъ приходитъ къ царю, и отцы и матери и весь чинъ, царя и царицу поздравляютъ сочетався законнымъ бракомъ, и царь жалуетъ подаетъ имъ кубками и ковшами питья, и потомъ и царица подаетъ же; и потомъ царь велитъ принесть себѣ и царицѣ ѣсть легкое, потому что тотъ день весь постили, и ѣдятъ съ царицею вмѣстѣ. А какъ откушаютъ, и въ то время сказываетъ царь свадебному чину, чтобъ они ѣхали къ себѣ, и наутрѣе были къ обѣду, и съѣзжались бы всѣ прежъ обѣда; а самъ съ царицею начнетъ попрежнему

опочивать. И наутрѣе того дня царю и царицѣ готовятъ мылни, разные, и ходитъ царь въ мылню, а съ нимъ дружка и постелничей; а какъ царь выходитъ изъ мылни, и въ то время возлагаютъ на него срачицу и порты и платье иное, а прежнюю срачицу велитъ сохранити постелничему; и послѣ того слушаетъ царь заутреню, доколѣ царица въ мылни; и какъ ее во одѣяніе нарядятъ, и въ тожь время и бояре съѣзжаются къ царю. А какъ царица пойдетъ въ мылню, и съ нею мать и иныя ближнія жены и сваха, и осматриваютъ сѣ сорочки, а осмотря сорочки покажутъ царской матери и инымъ сродственнымъ женамъ немногимъ, для того, что ея дѣвство въ цѣлости совершилось, и тѣ сорочки, царскую и царицыну, и простыни, собравъ вмѣсто сохранятъ въ тайное мѣсто, доколѣ веселіе минется; и потомъ изъ мылни выходитъ въ свои палаты. А какъ царю о томъ вѣдомо учинится, что ужь изъ мылни вышла и по чину изготовились, и въ то время царь со всѣмъ своимъ поѣздомъ ходитъ къ царицѣ; а царица въ то время бываетъ во всемъ своемъ одѣяніи и въ вѣнцѣ царскомъ; и чиновные люди царя и царицу поздравляютъ; а потомъ царица подноситъ мылные дары царю, и бояромъ, и всему свадебному чину, сорочки и порты, а бываютъ тѣ сорочки и порты тафтяные и полотняные, шиты золотомъ и серебромъ. И потомъ царь съ поѣзжаны ходитъ къ патріарху, и патріархъ его благословляетъ; и отъ патріарха ходитъ царь по церквамъ своимъ и молебствуетъ, а по молебствованіи прикладывается къ образамъ. (Стр. 8—10).

За симъ начинается рядъ пировъ, обѣдовъ, раздача подарковъ, милостей, вкладовъ въ церкви, въ монастыри, въ богадѣльни, подачи хлѣбнымъ и деньгами низшему церковному клиру.

А по всей его царской радости, жалуетъ царь по царицѣ своей отца еѣ, а своего тестя, и родъ ихъ, съ низкіе степени возведетъ на высокую, и кто чѣмъ не достанетъ, сподобляетъ своею царскою казною, а иныхъ разсылаетъ для прокормленія по воеводствамъ въ городы, а на Москвѣ въ приказы, и даетъ помѣстья и вотчины; и они тѣми помѣстьями и вотчинами, и воеводствами и приказнымъ сидѣньемъ побогатѣютъ. (Стр. 12).

Вотъ подробная картина семейнаго быта царскаго:

У царя и у царицы покои свои особые; и видаютъ царицу бояре и ближніе люди времянемъ, а простые люди мало когда видаютъ. И на праздники государскіе, и въ воскресные дни, и въ посты, царь и царица опочиваютъ въ своихъ покояхъ порознь; а когда случится быти опочивати имъ вмѣстѣ, и въ то время царь по царицу посылаетъ, велитъ быть къ себѣ спать или самъ къ ней похочетъ быть. А которую нощь опочиваетъ вмѣстѣ, и на утрѣе ходятъ въ мылню порознь, или водою измыются; а не бывъ въ мылнѣ, или не измывая водою, въ церковь и ко кресту не приходятъ, понеже поставлено то въ нечистоту и въ грѣхъ, и не токмо царю и царицѣ, но и простымъ людямъ запрещено.

Сестры же царскіе, или и дщери, царевны, имѣяй свои особые жъ покои разные, и живуще яко пустынницы, мало зряху людей, и ихъ люди; но всегда въ молитвѣ и въ постѣ пребываху и лица свои слезами омываху, понеже удовольство имѣяй царственное, не имѣяй бо себѣ удовольства такого, какъ отъ всемогущаго Бога вдано человѣкомъ совокупитися и плодъ творити. А государства своего за князей и за бояръ замужъ выдавати ихъ не повелось, потому что князи и бояри ихъ есть холопи и въ челобитьѣ своемъ пишутся холопьями, и то поставлено въ вѣчный позоръ, ежели за раба выдать госпожу;

а иныхъ государствъ за королевичей и за князей давати не повелось, для того, что не одной вѣры, и вѣры своей отмѣнити не учинятъ, ставятъ своей вѣрѣ въ поруганіе, да и для того, что иныхъ государствъ языка и политики не знаютъ, и отъ того бъ имъ было въ стыдъ. (Стр. 12).

При рожденіи царевича, бываютъ великіе пиры и богатые раздаются вклады, подарки и милостыни. При рожденіи царевны, эти расходы бываютъ въ половину меньше. Если кормилица царевича или царевны дворянскаго рода, мужу ея дается воеводство, или вотчина, а если низшаго званія, то повышаютъ чинами и награждаютъ большимъ жалованьемъ. «А какъ приспѣетъ время учити царевича грамотѣ, и въ учители выбираютъ учительныхъ людей, *тихихъ и небражниковъ;* а писать и учить выбираютъ изъ посольскихъ подъячихъ; а инымъ языкомъ, латинскому, греческого, нѣмецкого, и нѣкоторыхъ, кромѣ русскаго поученія, въ Россійскомъ государствѣ не бываетъ». До 15-лѣтняго возраста, кромѣ близкихъ людей, царевича никто не видитъ; послѣ же этого срока, онъ ходитъ съ отцомъ своимъ въ церковь и на потѣхи; «а какъ увѣдаютъ люди, что ужь его объявили, и изъ многихъ городовъ люди на дивовище ѣздятъ смотрити его нарочно». Когда же царевны и молодые царевичи ходятъ въ церковь, то, чтобы никто не могъ ихъ видѣть, около нихъ несутъ суконныя полы, и въ церкви завѣшиваютъ тафтою. Экипажи завѣшивались тафтою во время поѣздокъ по монастырямъ. Когда царь умираетъ,—подобно тому, какъ и при женитьбѣ его, преступники освобождаются изъ тюремъ.

Горе тогда людямъ, будучимъ при погребеніи, потому что погребеніе бываетъ въ ночи, а народу бываетъ многое множество, московскихъ и пріѣзжихъ изъ городовъ и изъ уѣздовъ; а московскихъ людей натура не богобоязливая, съ мужеска пола и женска по улицамъ грабятъ платье и убиваютъ до смерти; и сыщется того дни, какъ бываетъ царю погребеніе, мертвыхъ людей убитыхъ и зарѣзанныхъ *болши ста человѣкъ*... И изойдется на царское погребеніе денегъ на Москвѣ и въ городѣхъ, близко того, что на годъ придетъ съ государства казны. (Стр. 17).

Свадьбы бояръ совершались почти такъ же, какъ и царскія: разница—въ отношеніяхъ царя къ подданнымъ, и наоборотъ. Сватовство производилось всегда не самимъ женихомъ, а кѣмъ-нибудь изъ его родственниковъ, или изъ друзей; и только въ церкви, подъ вѣнцомъ, могъ женихъ увидѣть подругу всей своей жизни. Вѣнчанью предшествовалъ формальный контрактъ, или записи, въ которыхъ отецъ невѣсты выставлялъ ея приданое, а женихъ обязывался жениться въ такой-то срокъ времени. Когда новобрачныхъ отведутъ спать, гости, по наивному выраженію Кошихина, «учнутъ ѣсть и пить по-прежнему». *Спустя часъ боевой*, посылаютъ къ новобрачнымъ справляться о здоровьѣ; въ случаѣ удовлетворительнаго отвѣта, боярыни идутъ въ спальню, поздравляютъ и пьютъ заздравныя чаши; потомъ оставляютъ новобрачныхъ и разъѣзжаются, вмѣстѣ съ гостями мужеска пола, домой, «а женихъ съ невѣстою учнетъ по-прежнему опочивать». На другой день, послѣ бани, женихъ бьетъ челомъ родителямъ молодой, что соблюли ее въ цѣлости; въ противномъ случаѣ пѣняетъ имъ по-тиху,

однако такъ, что объ этомъ всѣ узнаютъ, и царь не принимаетъ его къ себѣ съ челобитьемъ. Если узнаютъ, что новобрачные въ родствѣ или кумовствѣ, ихъ разводятъ, съ правомъ искать—ему другой жены, а ей—другаго мужа; а попа отставляютъ, взыскавъ съ него большую пеню.

Такимъ образомъ бываютъ свадьбы и у прочихъ дворянъ, «какъ кто можетъ по силѣ своей славну и честну свадбу учинити кромѣ того, что ѣздятъ къ царю челомъ ударить только думные люди и спальники». «Также и межь торговыхъ людей и крестьянъ свадебные сговоры и чинъ бываетъ противъ того жь обычая, во всемъ; но толко въ поступкахъ ихъ и въ платьѣ съ дворянскимъ чиномъ рознится, сколко кого станетъ».

А будетъ у котораго отца, или матери, есть двѣ или три дочери-дѣвицы, и первая дочь увѣчна очми, или рукою, или ногою, или глуха и нѣма, а другіе сестры ростомъ и красотою и рѣчью исполнены и во всемъ здоровы; и будетъ кто учнетъ свататься у того человѣка на дочери его, и посылаетъ смотрити мать свою или сестру и кому вѣритъ, и тѣ люди вмѣсто той своея увѣчныя дочери, назвавъ именемъ тоѣ дочери, за которую не вѣдаючи учнутъ свататься, показываетъ другую или третью дочерь, и та присланная смотря дѣвицы тоѣ излюбитъ и скажетъ жениху, что она добра и женитися ему на ней мочно; и какъ женихъ по тѣмъ словамъ полюбитъ и о свадбѣ у нихъ съ отцемъ и съ матерью учинится сговоръ, что ему на той именемъ дѣвицѣ жениться на срокъ, а тому человѣку тое свою дѣвицу за него выдать на тотъ же уставленной срокъ, и напишутъ въ письмѣ своемъ заряды великіе, что платить виноватому не мочно; а какъ будетъ свадба, и въ то время за того жениха по сговору выдаютъ они замужъ увѣчную или худую свою дочерь, которыя имя въ записяхъ напишутъ, а не тое, которую сперва смотрящицѣ показывали, и тотъ человѣкъ, женяся на ней, того дни въ лицо ее не усмотритъ, что она слѣна или крива, или что иное худое или въ словахъ не услышитъ, что она нѣма или глуха, потому-что въ тое свадбу бываетъ закрыта и не говоритъ ничего, также ежели хрома и руками увѣчна и того потому жъ не узнаетъ, потому-что въ то время ее водятъ свахи подъ руки, а какъ отъ вѣнчанія и отъ обѣда пойдетъ съ нею спать, и тогда при свѣчѣ ее увидитъ, что добрѣ добра, вѣкъ съ нею жить, а всегда плакать и мучиться— и потому умыслитъ надъ нею учинить, чтобъ она постриглась; а будетъ по доброй его волѣ не учинитъ, не пострижется, *и онъ ее бьетъ и мучитъ всячески, и вмѣстѣ съ нею не спитъ*, до тѣхъ мѣстъ что она похочетъ постричися сама... А который человѣкъ, видя свою жену увѣчную, или несовѣстливую, отступя отъ нее самъ пострижется; *а иные мужья, или жены, много того чинятъ, велятъ отравами отравляти*... Также у котораго отца одна дочь дѣвица, а увѣчна будетъ чѣмъ-нибудь худымъ, и вмѣсто ея на обманство показываютъ нарочно служащую дѣвку или вдову, назвавъ имянемъ инымъ и нарядя въ платье въ иное. А будетъ которая дѣвица ростомъ невелика, и подъ нее подставливаютъ стулы, потому-что видится доброродна, и на чемъ стоитъ того не видѣть.

Благоразумный читателю! не удивляйся сему; истинная есть тому правда что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ Государствѣ; а такого у нихъ обычая не повелось, какъ въ иныхъ государствахъ, смотрити и уговариватися временемъ съ нѣвѣстою самому. (*Стр.* 126—127 .

Прочія описанія частной жизни бояръ, у Кошихина также любопытны. Кушанья готовились безъ приправъ, и всякій клалъ въ нихъ уксуса, соли и перца уже на столѣ. Число ѣствъ за обѣдомъ простиралось до 50 и до 100.

Обычай же таковый есть: предъ обѣдомъ велятъ выходити къ гостемъ челомъ ударить женамъ своимъ. И какъ тѣ ихъ жены къ гостемъ придутъ, и станутъ въ полатѣ, или въ избѣ, гдѣ гостемъ обѣдать, въ большомъ мѣстѣ, а гости станутъ у дверей, и кланяются жены ихъ гостемъ малымъ обычаемъ, а гости женамъ ихъ кланяются всѣ въ землю; и потомъ господинъ дому бьетъ челомъ гостямъ и кланяется въ землю жъ, чтобъ гости жену его изволили цѣловать, и напередъ, по прошенію гостей, цѣлуетъ свою жену господинъ, потомъ гости единъ по единому кланяются женамъ ихъ въ землю жъ, и пришедъ цѣлуютъ, и поцѣловавъ отшедъ потому жъ кланяются въ землю, а та кого цѣлуютъ, кланяется гостемъ малымъ обычаемъ; и потомъ того господина жена учнетъ подносити гостемъ по чаркѣ вина двойного, или тройного съ зельи, величиною та чарка бываетъ въ четвертую долю квартаря, или малымъ болши; и тотъ господинъ учнетъ бити челомъ гостемъ и кланяется въ землю жъ, сколько тѣхъ гостей ни будетъ всякому по поклону, чтобы они изволили у жены его пити вино; и по прошенію тѣхъ гостей, господинъ прикажетъ пити на передъ вино женѣ своей, потомъ пьетъ самъ, и подносятъ гостемъ, и гости предъ питьемъ вина и выпивъ отдавъ чарку назадъ кланяются въ землю-жъ; а кто вина не пьетъ, и ему вмѣсто вина романѣи, или ренскаго, или иного питья по кубку; и по томъ питіи, того господина жена поклонясь гостемъ пойдетъ въ свои покои, къ гостемъ же, къ боярынямъ тѣхъ гостей къ женамъ. А жена того господина, и тѣхъ гостей жены, съ мужскимъ поломъ, кромѣ свадебъ, не обѣдаютъ никогда, развѣ которые гости бываютъ кому самые сродственные, а чюжихъ людей не бываетъ, и тогда обѣдаютъ вмѣстѣ. Такимъ же обычаемъ, и въ обѣдъ, за всякою ѣствою господинъ и гости пьютъ вина по чаркѣ, и романѣю, и рейское, и пива поддѣльные и простые, и меды розные. И въ обѣдъ же какъ приносятъ на столъ ѣствы круглые пироги, и передъ тѣми пирогами выходятъ того господина сыновни жены, или дочери замужніе, или кого сродственныхъ людей жены, и тѣ гости вставъ и вышедъ изъ-за стола къ дверямъ тѣмъ женамъ кланяются, и мужья тѣхъ женъ потому-жъ кланяются и бьютъ челомъ, чтобъ гости женъ ихъ цѣловали и вино у нихъ пили; и гости цѣловавъ тѣхъ женъ и пивъ вино садятся за столъ, а тѣ жены пойдутъ по прежнему, гдѣ сперва были. А дочерей они своихъ дѣвицъ къ гостямъ не выводятъ и не указываютъ ни кому, а живутъ тѣ дочери въ особыхъ дальнихъ покояхъ. А какъ столъ отойдетъ, и по обѣдѣ господинъ и гости потому жъ веселятся и пьютъ другъ про друга за здоровья, розъѣдутся по домамъ. Такимъ же обычаемъ и боярыни обѣдаютъ и *пьютъ* межь себя, *по достоинству*, въ своихъ особыхъ покояхъ; а мужскаго полу, кромѣ женъ и дѣвицъ, у нихъ не бываетъ никого. (*Стр.* 118—119).

Вотъ какъ Кошихинъ представляетъ наше боярство.

Когда въ посольство назначались люди, равные породою и родомъ, но неравные заслугами отцовъ, изъ которыхъ одни никогда не бывали въ должностяхъ такого рода,—то потомки дѣдовъ, бывавшихъ въ посольствахъ, отказываются ѣхать съ другими, а эти бьютъ челомъ царю на нихъ въ безчестіи. Царь приказываетъ справиться въ разрядныхъ книгахъ, и если оказывается, что

тѣмъ и другимъ «ѣхати мочно», велитъ ѣхать; а если «немочно», назначаетъ другихъ. Въ случаѣ непослушанія послѣ справки, царь выдаетъ виноватаго головою оскорбленному. Фраза «выдать головою» не разъ подавала у насъ поводъ къ ложнымъ толкамъ; вотъ въ чемъ состоялъ и вотъ какъ производился дѣйствительно процессъ «выдачи головою».

И котораго дни прикажетъ царь кого боярина, или околничего, или столника, за безчестье отослать головою къ боярину, или думнаго человѣка и столника къ околничему, и того дни тотъ боринъ, или околничей, у царя не бываетъ, а посылаютъ къ нему съ вѣстью, которые люди съ нимъ быть не хотѣли пришлютъ къ нему головою; и онъ того ожидаетъ. А посылаютъ къ нимъ такихъ людей съ дьякомъ, или съ подьячимъ, и взявъ тѣхъ людей за руки, ведутъ до боярскаго двора приставы, а на лошади садится не даютъ; а какъ приведутъ его на дворъ къ тому, съ кѣмъ онъ быти не хотѣлъ, поставятъ его на нижнемъ крыльцѣ, а дьякъ, или подьячей, велитъ тому боярину о своемъ приходѣ сказать, что привелъ къ нему того человѣка, который съ нимъ быти не хотѣлъ, и его безчеститъ, и боринъ къ дьяку, или подьячему выдетъ на крыльцо; и дьякъ и подьячій учнетъ говорить рѣчь, что великій государь указалъ и бояре приговорили того человѣка, который съ нимъ быти не хотѣлъ, за его боярское безчестье, отвесть къ нему боярину головою; и тотъ боринъ на царскомъ жалованьѣ бьетъ челомъ, а того кого приведутъ велитъ отпустить его къ себѣ домовь, и отпустя его домовь на дворѣ у себя на лошади ему садится и лошади водити на дворъ не велитъ. И тотъ, кого посылаютъ къ кому головою, отъ царскаго двора идучи до боярского двора и у него на дворѣ, *лаетъ его и безчеститъ всякою бранью*; а тотъ ему за его злорѣчивые слова ничего не чинитъ, и не смѣетъ, потому что того человѣка отсылаетъ царь къ тому человѣку за его безчестье, любячи его, а не для чего иного, чтобъ тотъ человѣкъ учинилъ надъ нимъ убойство, или увѣчье; а кто бъ что надъ такимъ отсыланнымъ человѣкомъ что учинилъ, какого злого безчестья и увѣчья, и тому бъ человѣку самому указъ былъ противъ того вдвое, потому—что онъ обезчеститъ не того, кого къ нему отошлютъ, истинно будто самого царя. А кто такихъ людей отводитъ дьякъ, или подьячей, и тотъ боринъ, къ которому отводятъ, даритъ ихъ подарками не малыми. И назавтрѣе того дни ѣздитъ тотъ боринъ къ царю, а пріѣхавъ бьетъ челомъ царю на его жалованьѣ, что онъ къ нему велѣлъ за безчестье противника его отослать головою. И послѣ того царь велитъ съ тѣмъ боярином, или околничимъ, быти иному человѣку, кому мочно, а прежняго оставя; и бываетъ царь на того человѣка гнѣвенъ, и очей его царскихъ не видитъ многое время.

А которые не думного чину люди не похотятъ быть, по указу царскому и по сыску, съ тѣми людьми, съ кѣмъ имъ быть велѣно, и тѣмъ бываетъ за ослушаніе и за безчестье наказаніе въ тюрму, по царскому разсмотрѣнію; а инымъ за такое ихъ ослушаніе и за безчестье того, съ кѣмъ быти не хотятъ, учинятъ наказаніе, бьютъ батоги въ приказѣхъ и въ верху передъ царскими полатами; а на иныхъ за безчестья правятъ деньги, противъ жалованья, и отдаютъ тому, кого они безчестятъ; а у иныхъ за такіе ослушанія бываетъ наказаніе, отоймутъ честь и помѣстья и вотчины, и бивъ кнутомъ или батоги, ссылаютъ въ ссылку на вѣчное житье въ Сибирь въ казаки.

Также какъ у царя бываетъ столъ на властей и на бояръ, и власти у царя садятся за столомъ, по правой сторонѣ, въ другомъ столѣ. И какъ тѣ бояре учнутъ садиться за столъ, по чину своему, боринъ подъ бояриномъ,

околничей подъ околничимъ и подъ боярами, думный человѣкъ подъ думнымъ человѣкомъ и подъ околничими и подъ боярами, а иные изъ нихъ вѣдая съ кѣмъ въ породѣ своей ровность подъ тѣми людми садится за столомъ не учнутъ, поѣдутъ по домамъ, или у царя того дни отпрашиваются куды къ кому въ гости, и такихъ царь отпущаетъ. А будетъ царь увѣдаетъ, что они у него учнутъ проситися въ гости на обманство, не хотя подъ которымъ человѣкомъ сидѣть, или не прошався у царя поѣдетъ къ себѣ домовь: и такимъ велитъ быть и за столомъ сидѣть, подъ кѣмъ доведется. И они садитись не учнутъ, а учнутъ бити челомъ, что ему ниже того боярина, или околничего, или думного человѣка, сидѣти не мочно, потому что онъ родомъ съ нимъ ровенъ, или и честняя, и на службѣ и за столомъ прежъ того родъ ихъ съ тѣмъ родомъ, подъ которымъ велятъ сидѣть, не бывалъ: и такого царь велитъ посадити силно; и онъ посадити себя не даетъ, *и того боярина безчеститъ и лаетъ*. А какъ его посадятъ силно, и онъ подъ нимъ не сидитъ и выбивается изъ-за стола вонъ, и его не пущаютъ и розговариваютъ, чтобъ онъ царя не приводилъ на гнѣвъ и былъ послушенъ; и онъ кричитъ: „хотя де царь ему велитъ голову отсѣчь, а ему подъ тѣмъ не сидѣть“ и спустится подъ столъ; и царь укажетъ его вывесть вонъ и послать въ тюрму, или до указу къ себѣ на очи пущати не велитъ. А послѣ того, за то ослушаніе отнимается у нихъ честь, боярство, или околничество и думное дворянство—и потомъ тѣ люди старые своей службы дослуживаются вновь.

А кому за такіе вины бываютъ наказанія, сажаютъ въ тюрму, и отсылаютъ головою, и бьютъ батоги и кнутомъ: и то записываютъ въ книги, имянно, впредь для вѣдомости и спору (*Стр.* 34—36).

Выписываемъ слова Кошихина объ администраціи.

И кто что въ посолствѣ своемъ говорилъ какіе рѣчи, сверхъ наказу, или которые рѣчи не исполнятъ противъ наказу: и тѣ всѣ рѣчи, которые говорены, и которые не говорены, пишутъ они въ статейныхъ своихъ спискахъ не противъ того, какъ говорено, прекрасно и разумно, выславляючи свой разумъ на обманство, чрезъ чтобъ достать у царя себѣ честь и жалованье болшое; и не срамляются того творити, понеже царю о томъ кто на нихъ можетъ о такомъ дѣлѣ объявить?

Вопросъ. Для чего такъ творятъ?

Отвѣтъ. Для того: Россійского государства люди породою своею спесивы и необычайные ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ поученія никакого добраго не имѣютъ и непріемлютъ, кромѣ спесивства и безстыдства и ненависти и неправды: и нѣ наученіемъ своимъ говорятъ многіе рѣчи къ противности, или скоростію своею къ подвижности, а потомъ въ тѣхъ своихъ словахъ времянемъ запрутся и превращаютъ на иные мысли; а что они говоря какихъ словъ запираются, и тое вину возлагаютъ на переводчиковъ, будто измѣною толмачатъ. . . . . Благоразумный читателю! чтучи сего писанія не удивляйся. Правда есть тому всему; понеже для науки и обычая въ иные государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, начали бъ свою вѣру отмѣнить и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили И о поѣздѣ московскихъ людей кромѣ тѣхъ, которые посылаются по указу царскому и для торговли съ проѣзжими, ни для какихъ дѣлъ ѣхати никому не поволено. А хотя торговые люди ѣздятъ для торговли въ иные государства, и по нихъ по знатныхъ нарочитыхъ людяхъ собираютъ поручныя записи, за крѣпкими пору-

ками, что имъ съ товарами своими и съ животами въ иныхъ государствахъ не остатися, а возвратитися на задъ совсѣмъ. А который бы человѣкъ, князь или боярипъ, или кто нибудь, самъ, или сына, или брата своего, послалъ для какого-нибудь дѣла въ иное государство безъ вѣдомости, не бивъ челомъ государю, и такому бъ человѣку за такое дѣло поставлено было въ измѣну, и вотчины и помѣстья и животы взяты бъ были на царя: и ежели бъ кто самъ поѣхалъ, а послѣ его остались сродственники, и ихъ пытали, не вѣдали ли они мысли сродственника своего; плибъ кто послалъ сына, или брата, или племянника, и его потомужъ пытали бъ, для чего онъ послалъ въ иное государство, не напроважпваючи ль какихъ вопнскихъ людей на московское государство, хотя государствомъ завладѣти, или для какого иного воровского умышленія по чьему паученію и пытавъ того такимъ же обычаемъ. (*Стр.* 41).

Это сужденіе Кошихина очень замѣчательно: оно доказываетъ, что еще до Петра Великаго умные люди сѣтовали на невѣжество высшаго класса.

Замѣчательно у Кошихина описаніе извѣстнаго бунта черни, по поводу введенія мѣдныхъ денегъ, въ царствованіе Алексія Михаиловича. Царь въ то время былъ въ селѣ Коломенскомъ и стоялъ въ церкви, изъ которой увидѣвъ толпы народа, вышелъ къ нимъ. Чернь начала требовать выдачи бояръ, «и Царь ихъ уговаривалъ тихимъ обычаемъ, чтобъ они возвратилися и шли назадъ, къ Москвѣ, а онъ царь кончасъ отслушаетъ обѣдни будетъ въ Москвѣ, и въ томъ дѣлѣ учинитъ сыскъ и указъ; и тѣ люди говорили царю и *держали его за платье за пуговицы*: «чему де вѣрить?» и царь обѣщался имъ Богомъ и далъ имъ на своемъ словѣ руку, и *одинъ человѣкъ изъ тѣхъ людей съ царемъ билъ по рукамъ*, и пошли къ Москвѣ всѣ».

. . . . . почали у царя просить для убійства бояръ, и царь отговаривался что онъ для сыску того дѣла ѣдетъ къ Москвѣ самъ; *и они учали царю говорить сердито и невѣжливо, съ грозами*: „будетъ онъ добромъ имъ тѣхъ бояръ не отдастъ, и они у него учнутъ имать сами, по своему обычаю". Царь, видя ихъ злой умыслъ, *что пришли не добро и говорятъ невѣжливо*, съ грозами, и провѣдавъ, что стрѣльцы къ нему на помочь въ село пришли, закричалъ и велѣлъ стольникомъ, и стряпчимъ, и дворяномъ, и жильцомъ, и стрѣльцомъ, и людемъ боярскимъ, которые при немъ были, тѣхъ людей бити и рубити до смерти и живыхъ ловити. И какъ ихъ почали бить и сѣчь и ловить, и имъ было противитися не умѣть, потому-что въ рукахъ у нихъ не было ни чего, ни у кого, почали бѣгать и топитися въ Москву-рѣку—и потопилося ихъ въ рѣкѣ болши 100 человѣкъ, а пересѣчено и переловлено болши 7000 человѣкъ, а иные розбѣжались. И тогожъ дни около того села повѣсили со 150 человѣкъ, а досталнымъ всѣмъ былъ указъ, пытали и жгли, и по сыску за вину отсѣкали руки и ноги и у рукъ и у ногъ пальцы, а иныхъ бивъ кнутьемъ, и клали на цѣли на правой сторонѣ признаки, разжегши желѣзо на красно, а поставлено на томъ желѣзѣ „буки" т. е. бунтовщикъ, чтобъ былъ до вѣку признатенъ; и чиня имъ наказанія, розослали всѣхъ въ дальнія городы, въ Казань и въ Астрахань, и на Терки и въ Сибирь, на вѣчное житье, и послѣ ихъ, по сказкамъ ихъ, гдѣ кто жилъ и чей кто ни былъ, и женъ ихъ и дѣтей потому жъ за ними разослали; а инымъ пущимъ воромъ того жъ дни, въ ночи, учиненъ указъ, завязавъ руки назадъ посадя въ болшіе суды, потопили въ Москвѣ-рѣкѣ. А которые люди пришли въ то село для челобитья дѣлъ

своихъ, до того смутного времяни, и люди ихъ знали, и челобитные ихъ сыскались: и такихъ уволнили. А всѣ тѣ которые казнены и потоплены и розосланы, не всѣ были воры, а прямыхъ воровъ болши не было, что съ 200 человѣкъ; и тѣ невинные люди пошли за тѣми ворами смотрѣть, что они будучи у царя въ своемъ дѣлѣ учинятъ, а воромъ на такое множество людей надежно было говорить и чинить что хотѣли, и отъ того всѣ погинули, виноватой и правой. А были въ томъ смятеніи люди торговые, и ихъ дѣти, и рейтары, и хлѣбники, и мясники, и пирожники, и деревенскіе и гуляющіе и боярскіе люди; а Поляковъ и иныхъ иноземцовъ хотя на Москвѣ множество живетъ, не сыскано въ томъ дѣлѣ ни единаго человѣка, кромѣ Русскихъ. И на другой день пріѣхалъ царь къ Москвѣ, и тѣхъ воровъ, которые грабили домы, велѣлъ повѣсить по всей Москвѣ у воротъ человѣкъ по 5 и по 4; а досталнымъ былъ указъ таковъ же, что и инымъ" (*Стр.* 81—82).

Многія уголовныя дѣла предавались суду патріарха, а не свѣтской власти. «А будетъ учинятъ (бояре и дворяне) надъ подданными своими, крестьянскими женами и дочерьми, какіе блудные дѣла, или *у жонки выбьютъ робенка*, или *мученая и битая съ робенкомъ умретъ*, и будетъ на такихъ злочинчевъ челобитье: и по ихъ челобитью отсылаютъ такія дѣла, и истцовъ и отвѣтчиковъ, на Москвѣ къ Патріарху, а въ городѣхъ къ митрополитамъ и къ архіепископамъ и къ епископу, и судятъ такіе дѣла и указъ по нимъ чинятъ, до чего доведется, у нихъ на дворѣхъ, а въ царскомъ судѣ до того дѣла нѣтъ». (Стр. 114).

Перейдемъ теперь къ судопроизводству, преимущественно уголовному. Кошихинъ говоритъ, что судьи въ старину были страшные взяточники. «Однакожь хотя на такое дѣло положено наказаніе и чинятъ о тѣхъ посулахъ крестное цѣлованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, что посуловъ не имати и дѣлати въ правду, по царскому указу и по уложенію: ни во что ихъ вѣра и заклинательство, и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содержати не могутъ и руки свои ко взятію скоро допущаютъ, хотя не сами собою, однако по задней лѣстницѣ чрезъ жену, или дочерь, или чрезъ сына и брата, и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про то и не вѣдаютъ». (Стр. 93).

Главнѣйшее орудіе уголовныхъ процессовъ была пытка.

А на которыхъ они *(разбойники)* людей скажутъ и станы свои укажутъ, и тѣхъ людей сыскавъ всѣхъ поставятъ съ очей на очи и тѣхъ воровъ пытаютъ на крѣпко вправмъ ли тѣ люди, на которыхъ они говорятъ, съ ними въ томъ воровствѣ товарищами или становщиками и оберегальщиками были, и ненапрасно ль на нихъ говорятъ, по насердкѣ: и будетъ съ пытокъ скажутъ, что вправмъ ли тѣ люди ихъ товарищи и становщики или оберегальщики и тѣхъ всѣхъ потому жъ начнутъ пытать. (А устроены для всякихъ воровъ пытки: сымутъ съ вора рубашку и руки его позади завяжутъ, подлѣ кисти, веревкою, обшита та веревка войлокомъ, и подымутъ его къ верху, учинено мѣсто что и висѣлица, а ноги его свяжутъ ремнемъ: и одинъ человѣкъ палачь вступитъ ему въ ноги на ремень своею ногою, и тѣмъ его отягиваетъ, и у того вора руки станутъ прямо противъ головы его, а изъ суставовъ выдутъ вонъ; и потомъ сзади палачь начнетъ бити по спинѣ кнутомъ

изрѣдка, въ часъ боевой ударовъ бываетъ тридцать или сорокъ; и какъ ударитъ по которому мѣсту по спинѣ, и на спинѣ станетъ такъ слово въ слово будто большой ремень вырѣзанъ ножемъ, мало не до костей. А учинѣнъ тотъ кнутъ ременной, плетеной, толстой, на концѣ ввязанъ ремень толстой шириною на палецъ а длиною будетъ въ 5 локтей). И пытавъ его начнутъ пытать другихъ потому жь, и будетъ съ первыхъ пытокъ не винятся, и ихъ спустя недѣлю время и пытаютъ въ другорядь и въ третіе, и жгутъ огнемъ, свяжутъ руки и ноги, и вложатъ межь рукъ и межь ногъ бревно, и подымутъ на огнь, а инымъ розжегши желѣзныя клещи накрасно ломаютъ ребра: и будетъ и съ тѣхъ пытокъ не повинятся, и такихъ сажаютъ въ тюрьму, доколѣ по нихъ поруки будутъ, что имъ впредь за худымъ дѣломъ не ходити и впередъ худого ничего не мыслити никому . . А бываютъ мужеску полу смертные и всякіе казни: головы отсѣкаютъ топоромъ за убійства смертные и за иные злые дѣла, вѣшаютъ за убійства жъ и за иные злые дѣла; *живого четвертаютъ, а потомъ голову отсѣкутъ* за измѣну, кто городъ сдастъ непріятелю, или съ непріятелями держитъ дружбу листами, или иные злые измѣнные и противные статьи объявятся; *жгутъ живого* за богохульство, за церковную татьбу, за содомское дѣло, *за волховство, за чернокнижество, за книжное преложеніе, кто учинитъ вновь толковать* воровски *противъ апостоловъ и пророковъ и святыхъ отцовъ съ похуленіемъ, оловомъ и свинцомъ залисаютъ горло* за денежное дѣло, кто воровски дѣлаетъ, серебренникомъ и золотаремъ, которые воровски прибавляютъ въ золото и въ серебро мѣдь и олово и свинецъ: а инымъ *за малые такіе вины отсѣкаютъ руки и ноги, или у рукъ и ногъ пальцы; ноги жъ и руки и пальцы отсѣкаютъ* за конфедератство, или и за смуту, которые въ томъ дѣлѣ бываютъ маловинны, а иныхъ казнятъ смертію; также кто на царскомъ дворѣ или гдѣ нибудь, выметъ на кого саблю, или ножъ, и рапитъ или и не рапитъ, также и за церковную за малую вину, и кто чѣмъ замахивается на отца бить и матерь, а не билъ, таковы жъ казни; за царское безчестье, кто говоритъ противъ него за очи безчестные или иные какіе поносные слова, бивъ кнутомъ вырѣзываютъ языкъ. Женскому полу бываютъ пытки противъ того же, что и мужскому полу, окромѣ того, что на огнѣ жгутъ и ребра ломаютъ. А смертные казни женскому полу бываютъ: за богохульство и за церковную татьбу, за содомское дѣло *жгутъ живыхъ;* за *чаровство* и за убойство отсѣкаютъ головы; за погубленіе дѣтей и за иные такіе жъ злые дѣла *живыхъ закопываютъ въ землю по титки, съ руками вмѣстѣ потаптываютъ ногами,* и отъ того умираютъ тогожъ дни или на другой и на третій день; а за царское безчестье указъ бываетъ таковъ же, что мужскому полу. А которые люди воруютъ съ чужими женами и съ дѣвками, и какъ ихъ изымаютъ, и того жъ дни или и на иной день обѣихъ мужика и жонку, кто бъ таковъ ни былъ, водя по торгамъ и по улицамъ вмѣстѣ нагихъ, бьютъ кнутомъ (Стр. 91—92).

Теперь оставимъ Кошихина и обратимся къ другому очевидцу и свидѣтелю времени, непосредственно послѣдовавшаго за тѣмъ, которое описано Кошихинымъ. Мы разумѣемъ здѣсь Желябужскаго, о любопытныхъ запискахъ котораго, объемлющихъ собою періодъ времени отъ смерти царя Ѳеодора Алексіевича до 1709 года, было говорено въ VI-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1840 г. (Томъ X). Здѣсь намъ кстати и даже необходимо опять напомнить читателямъ объ этой книгѣ, чтобъ дополнить картину внутренняго быта прежнихъ временъ Россіи, изъ которыхъ исторгла ее могучая воля Петра-Великаго.

... Въ томъ же году учинено наказаніе Петру Васильеву сыну Кикину: бить кнутомъ передъ стрѣлецкимъ приказомъ за то, что онъ дѣвку растлилъ. Да и прежъ сего онъ Петръ пытанъ былъ на Вяткѣ, за то, что подписался было подъ руку думнаго дьяка Емельяна Украинцова.—Въ 193 году Ѳедосей Филиповъ сынъ Хвощинскій пытанъ изъ стрѣлецкаго приказу въ воровствѣ, и за то его воровство, на площадѣ чинено ему наказанье: битъ кнутомъ за то, что онъ своровалъ: на порожнемъ столбцѣ составилъ было запись.—Князю Петру Кропоткину чинено наказанье передъ московскимъ судным приказомъ: бить кнутомъ за то, что онъ въ дѣлѣ своровалъ, выскребъ и приписалъ своею рукою.—Степану Коробьину учинено наказанье: бить кнутомъ за то, что дѣвку растлилъ. (*Стр.* 15.) Биты батоги передъ холопьимъ приказомъ, Микита Михайловъ сынъ Кутузовъ, да Марышкинъ за то, что они ручались по Касимовскомъ царевичѣ въ человѣкѣ.—Въ томъ же году *князь* Яковъ Ивановъ сынъ Лобановъ-Ростовскій да Иванъ Андрѣевъ сынъ Микулинъ ѣздили на разбой по Троицкой дорогѣ, къ красной соснѣ, разбивать государевыхъ мужиковъ съ ихъ великихъ государей казною, и тѣхъ мужиковъ они разбили, и казну взяли себѣ, и двухъ человѣкъ мужиковъ убили до смерти. И про то ихъ воровство разыскивано, и по розыску онъ князь Яковъ Лобановъ взятъ съ двора и привезенъ былъ къ красному крыльцу, въ простыхъ саняшкахъ, и за то воровство учинено ему князь Якову наказанье! битъ кнутомъ въ желѣзномъ подклѣтѣ по упросу верховой боярыни и мамы княгини Анны Никифоровны Лобановой-Ростовской. Да у него жъ князь Ивана отнято за то его воровство безповоротно четыреста дворовъ крестьянскихъ. А человѣка его колмыка, да казначея, за то воровство повѣсили. А Ивану Микулину за то учинено наказанье: битъ кнутомъ на площади нещадно, и отняты у него помѣстья и вотчины безповоротно, и розданы въ роздачу, и сосланъ былъ въ ссылку въ Сибирь, въ городъ Томегъ.—Въ томъ же году чинено наказанье Дмитрію Артемьеву сыну Камынину, битъ кнутомъ передъ помѣстнымъ приказомъ за то, что выскребъ въ помѣстномъ приказѣ, въ тяжбѣ съ патріархомъ.—Въ томъ же году Богданъ Засѣцкой, и съ сыномъ, кладены на плаху, и снемъ съ плахи, биты кнутомъ нещадно, а помѣстья и вотчины розданы были въ роздачу безповоротно. Дѣло у него было съ Петромъ Безтужевымъ.—Въ томъ же году, въ земскомъ приказѣ пытанъ Иванъ Петровъ сынъ Булаковъ, по челобитью боярина князь Василья Васильевича Голицына, для того, что вымалъ у него слѣдъ. Съ пытки онъ Иванъ не винился, сказалъ: „землю для того де въ платокъ взялъ и завязалъ, что ухватилъ его утинъ, и прежде сего то бывало, гдѣ его ухватитъ, тутъ де землю онъ и беретъ. (*Стр.* 18—22).—Въ 201 году князь Александру Борисову сыну Крупскому чинено наказанье: битъ кнутомъ за то, что онъ жену убилъ.—Въ томъ же году пытанъ черкасскій полковникъ Михайло Гадицкой въ государственномъ дѣлѣ. Съ пытки онъ ни въ чемъ не винился, *очистился* кровью и сосланъ въ ссылку. А который чернецъ на него доводилъ, казненъ въ Черкасскомъ городѣ Батуринѣ.—Въ 202 пытанъ въ стрѣлецкомъ приказѣ Леонтій Кривцовъ за то, что онъ выскребъ въ дѣлѣ, да и въ иныхъ разбойныхъ дѣлѣхъ, и сосланъ въ ссылку.—Въ томъ же году пытанъ и сосланъ въ ссылку Ѳедоръ Борисовъ сынъ Перхуровъ за то, что онъ подъячаго убилъ.—Въ томъ же году въ приказѣ сыскныхъ дѣлъ пытанъ дьякъ Иванъ Шапкинъ: съ подъячимъ своровали въ дѣлѣ въ приказѣ холонья суда.—Въ томъ же году битъ батогою въ стрѣлецкомъ приказѣ Григорей Павловъ сынъ Языковъ за то, что своровалъ съ площаднымъ подъячимъ съ Яковомъ Алексѣевымъ: въ записи

написали заднимн числами за пятнадцать лѣтъ. А подъячему вмѣсто кнута учинено наказаніе, битъ батоги на Ивановской площади, и отъ площади отставленъ.—Въ томъ же году, въ Семеновскомъ, битъ кнутомъ дьякъ Иванъ Харламиновъ.—Въ томъ же году, въ стрѣлецкомъ приказѣ пытанъ Володимеръ Ѳедоровъ сынъ Замыцкой, въ подговорѣ дѣвокъ, по язычной молвкѣ Филиппа Давыдова.—Земского приказу дьякъ Петръ Вязьмитинъ, передъ Московскимъ судным приказомъ подыманъ съ козелъ и, вмѣсто кнута, битъ батоги нещадно: своровалъ въ дѣлѣ, на правежъ ставилъ своего человѣка вмѣсто отвѣтчика (*Стр.* 26—27). — Дворянинъ Семенъ Кулешевъ битъ кнутомъ за разныя лживыя сказки.—Генваря въ ... день въ стрѣлецкомъ приказѣ пытаны коширяне дѣти боярскіе: Михайло Баженовъ, Петръ да Ѳедоръ Ерлоковы, за воровство.—Генваря въ 24 день, на Потѣшномъ дворцѣ пытанъ боярин Петръ Аврамовичъ Лопухинъ прозвище Лапки, въ государственномъ въ великомъ дѣлѣ, и генваря въ 25 день въ ночи умеръ.

Въ тѣхъ же числахъ явились въ воровствѣ, по язычной молвкѣ, стольники Володимеръ, да братъ его Василей Шереметевъ. Князь Иванъ Ухтомскій пытанъ. Левъ да Григорей Игнатьевы дѣти Ползиковы, и они въ томъ дѣлѣ пытаны. Также явились и иные многіе. А языки на нихъ съ пытки говорили: Ивашко Звѣревъ съ товарищи, что на Москвѣ, они пріѣзжали середи бѣла дни къ посадскимъ мужикамъ, и домы ихъ грабили, и смертное убивство чинили и назывались большими. И Шереметевы свобождены на поруки съ записьми и даны для бережи боярину Петру Васильевичу Шереметеву. И послѣ того языки ихъ казнены Ивашко Звѣревъ съ товарищи (*Стр.* 42). — И тогожъ 203 года измѣнилъ изъ Московскаго государства Ѳеодоръ Яковлевъ сынъ Дашковъ, и поѣхалъ было служить къ польскому королю, и пойманъ на рубежѣ, и приведенъ въ Смоленскъ и роспрашиванъ. А въ распросѣ онъ передъ стольникомъ и воеводою передъ княземъ Борисомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ, въ томъ своемъ отъѣздѣ повинился. А изъ Смоленска присланъ окованъ къ Москвѣ въ посольской приказъ, а изъ посольскаго приказу освобожденъ *для того, что онъ далъ Емельяну Украинцову двѣсть золотыхъ.*—Дьячей сынъ Константинъ Литвиновъ въ стрѣлецкомъ приказѣ битъ батоги за то, что онъ обманулъ было на польскомъ дворѣ Грека: принесъ сто рублевъ мѣдныхъ денегъ въ мѣсто серебренныхъ, и съ тѣмъ былъ приведенъ въ стрѣлецкой приказъ.—Изъ того же приказу вожены въ застѣнокъ люди Тимоѳея Кирилова сына Кутузова два человѣка въ томъ, что они были великихъ государей слесаря и пару пистолей у него отняли. И въ застѣнкѣ тѣ люди повѣшены на виску, да третій человѣкъ подымалъ же Петра Безтужева, и на пыткѣ онъ винился, что того слесаря они били по приказу Тимоѳея Кутузова, и самъ онъ Тимоѳей билъ и пару пистолей отнялъ. (*Стр.* 50—52).

Представивъ бытъ Россіи въ томъ видѣ, въ какомъ изображаютъ его намъ очевидцы, перейдемъ теперь къ тому свѣтлому, благодатному моменту въ исторіи нашего отечества, когда Петръ своимъ мощнымъ «да будетъ» разогналъ тьмы хаоса, отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы и воззвалъ страну великую къ бытію великому, назначенію всемірному.

Все сказанное до-сихъ-поръ просимъ принять только за предисловіе къ второй статьѣ, которая будетъ уже въ слѣдующей книжкѣ [53]).

520. Собраніе стихотвореній Ивана Козлова. Третье изданіе. Санктпетербургъ. Въ типографіи III Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи 1840. Въ двухъ частяхъ. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части 315, во II-й—367 стр. [54]).

Странное зрѣлище представляетъ собою наша литература! Не годами, а цѣлыми вѣками, и не чертою, а цѣлымъ океаномъ пространства отдѣлены мы, люди новѣйшаго поколѣнія, отъ интересовъ, понятій, чувствъ, самыхъ формъ, которыя, напримѣръ, видимъ—не говоримъ, въ сочиненіяхъ Державина, нѣтъ—въ сочиненіяхъ самого Карамзина; а между тѣмъ, Карамзинъ умеръ въ 1826 году, слѣдовательно, назадъ тому какихъ-нибудь 14 лѣтъ, и едва-ли прошло 50 лѣтъ, какъ Карамзинъ началъ сближать съ Европою и преобразовывать нашу литературу, нашъ языкъ, словомъ, создавать литературу и публику!.. Двадцатые года текущаго вѣка ознаменовались сильнымъ движеніемъ въ нашей литературѣ: явился Пушкинъ съ дружиною молодыхъ, замѣчательныхъ талантовъ,—и вотъ мы, вскормленные и взлелѣянные ихъ звуками, не прошли, можетъ быть, еще и половины дороги своей жизни, а уже нѣтъ и Пушкина, нѣтъ и многихъ изъ его сподвижниковъ! Итакъ, мы дѣтьми встрѣтили новый и самый цвѣтущій періодъ нашей литературы, и юношами проводили его до могилы... А сколько утратъ понесла наша литература въ лицѣ ея представителей, похищенныхъ смертію, большею частію безвременною! Четвертое десятилѣтіе текущаго вѣка было особенно траурною годиною для нашей литературы: Мерзляковъ, Гнѣдичъ, Дельвигъ, Пушкинъ, Полежаевъ, Марлинскій, Дмитріевъ, Давыдовъ умерли въ продолженіи какихъ-нибудь десяти лѣтъ. За исключеніемъ Дмитріева, умершаго въ полнотѣ лѣтъ, вполнѣ совершившаго свое призваніе, другіе умерли, еще не сдѣлавъ всего, чего можно было ожидать отъ ихъ дарованій, какъ напр., Мерзляковъ и Гнѣдичъ; Марлинскій умеръ рано для своихъ многочисленныхъ почитателей, но въ самую пору, чтобъ не видѣть паденія своей славы; остальные слишкомъ рано умерли и для себя и для публики... И между ними, *онъ*, который одинъ могъ составить эпоху во всякой литературѣ; *онъ* [55]), еще только вполнѣ созрѣвшій для великихъ созданій, хотя уже и много создавшій великаго и безсмертнаго... Увы!

Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколько низкихъ рокъ щадитъ!..
Нѣтъ великаго Патрокла;
Живъ презрительный Терситъ.
. . . . . .

Миръ тебѣ во тьмѣ Эреба!
Жизнь твою не врагъ пожалъ:
Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва!
. . . . . .

Слава дней твоихъ петлѣина;
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!

Козловъ былъ послѣднею жертвою смертоноснаго для нашей литературы десятилѣтія. Но его смерть не могла быть для насъ поразительна: онъ уже сдѣлалъ все, что̀ могъ сдѣлать, и выпилъ до дна всю чашу страданія: смерть была для него успокоеніемъ. Нашъ долгъ теперь—оцѣнить его подвигъ, указать мѣсто, которое должно занимать его имя на страницахъ исторіи русской литературы.

Слава Козлова была создана его «Чернецомъ». Нѣсколько лѣтъ эта поэма ходила въ рукописи по всей Россіи прежде, чѣмъ была напечатана. Она взяла обильную и полную дань слезъ съ прекрасныхъ глазъ; ее знали наизустъ и мужчины. «Чернецъ» возбуждалъ въ публикѣ не меньшій интересъ, какъ и первыя поэмы Пушкина, съ тою только разницею, что его совершенно понимали: онъ былъ въ уровень со всѣми натурами, всѣми чувствами и понятіями, былъ по плечу всякому образованію. Это второй примѣръ въ нашей литературѣ, послѣ «Бѣдной Лизы» Карамзина. «Чернецъ» былъ для двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія тѣмъ же самымъ, чѣмъ была «Бѣдная Лиза» для девятидесятыхъ годовъ прошедшаго и первыхъ нынѣшняго вѣка. Каждое изъ этихъ произведеній прибавило много единицъ къ суммѣ читающей публики и пробудило не одну душу, дремавшую въ прозѣ положительной жизни. Блестящій успѣхъ при самомъ появленіи ихъ и скорый конецъ—совершенно одинаковы: ибо, повторяемъ, оба эти произведенія совершенно одного рода и одинаковаго достоинства: вся разница во времени ихъ явленія и, въ этомъ отношеніи, «Чернецъ», разумѣется, гораздо выше.

Содержаніе «Чернеца» напоминаетъ собою содержаніе байронова «Джяура»; есть общее между ними и въ самомъ изложеніи. Но это сходство чисто внѣшнее: «Джяуръ» не отражается въ «Чернецѣ» даже и какъ солнце въ малой каплѣ водъ, хотя «Чернецъ» и есть явное подражаніе «Джяуру». Причина этого заключается сколько въ степени талантовъ обоихъ пѣвцовъ, столько и въ разности ихъ духовныхъ натуръ. «Чернецъ» полонъ чувства, насквозь проникнутъ чувствомъ—и вотъ причина его огромнаго, хотя и мгновеннаго успѣха. Но это чувство только тепло, не глубоко, не сильно, не всеобъемлюще. Страданія чернеца возбуждаютъ въ насъ сострадание къ нему; а его терпѣніе привлекаетъ къ нему наше расположеніе, но не больше. Покорность волѣ Провидѣнія (Resignation)—великое явленіе въ сферѣ духа; но есть безконечная разница между самоотреченіемъ голубя, по натурѣ своей неспособнаго къ отчаянію, и между самоотреченіемъ льва, по натурѣ своей способнаго пасть жертвою собственныхъ силъ: самоотреченіе перваго только неизбѣжное слѣдствіе несчастія, но самоотреченіе второго—великая побѣда, свѣтлое торжество духа надъ страстями разумности надъ чувственностію. Вотъ почему даже лютое отчаяніе, если оно

является въ формѣ несокрушимой силы духа, горделиво и презрительно несущей свое несчастіе,—въ тысячу разъ сильнѣе и обаятельнѣе дѣйствуетъ на нашу душу, чѣмъ безсильное смиреніе, тихо льющее сладкія слезы примиренія. Примиреніе—самый торжественный актъ духа, но только тогда, когда онъ совершенно свободенъ и совершается собственною силою человѣка. Глубокъ и великъ тотъ, въ комъ лежитъ возможность не одного примиренія, но и вѣчнаго разрыва съ общимъ, возможность несокрушимой гордыни и самого паденія духа, оскорбленнаго противорѣчіемъ жизни.

Тѣмъ не менѣе, страданія чернеца, высказанныя прекрасными стихами, дышащими теплотою чувства, плѣнили публику и возложили миртовый вѣнокъ на голову слѣпца-поэта. Собственное положеніе автора еще болѣе возвысило цѣну этого произведенія. Онъ самъ особенно любилъ его передъ всѣми своими созданіями, какъ это видно изъ его поэтической исповѣди, предшествующей поэмѣ:

О, сколько разъ я плакалъ надъ струнами,
Когда я пѣлъ страданья Чернеца
И скорбь души, обманутой мечтами,
И пылъ страстей, волнующихъ сердца!
Моя душа сжилась съ его душою:
Я съ нимъ бродилъ во тьмѣ чужихъ лѣсовъ
Съ его родныхъ днѣпровскихъ береговъ
Мнѣ вѣяло знакомою тоскою.
Быть можетъ, мнѣ такъ сладко не мечтать!
Быть можетъ, мнѣ такъ стройно не пѣвать!

И въ самомъ дѣлѣ, двѣ другія поэмы Козлова: «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» и «Безумная» уже далеко не то, что «Чернецъ». Въ нихъ, особенно въ первой, есть прекрасныя поэтическія мѣста, но въ нихъ нѣтъ никакого содержанія, почему онѣ растянуты и скучны въ цѣломъ. Въ «Безумной» даже нѣтъ никакой истины: героиня—Нѣмка въ овчинномъ тулупѣ, а не русская деревенская дѣвка. Кромѣ того, обѣ эти поэмы, не смотря на разность содержанія ихъ, суть не что иное, какъ повтореніе «Чернеца»: слова другія, но мотивъ тотъ же,—а одно и то же утомляетъ вниманіе, перестаетъ возбуждать участіе. Вотъ почему двѣ послѣднія поэмы не имѣли никакого успѣха, тогда какъ успѣхъ «Чернеца» былъ чрезвычайный. Какъ цѣлое, эта поэма уже нѣмa для нашего времени; но многія частности и теперь еще прочтутся съ наслажденіемъ, особенно, если всѣ стихи въ нихъ такъ равно прекрасны, какъ эти:

. . . . Дней моихъ весною
Ужь я все горе жизни зналъ;
Я взросъ бездомнымъ сиротою,
Родимой ласки не видалъ;
Веселья дѣтства пролетали,
Едва касаясь до меня;
Когда ровесники играли,
Уже задумывался я;
Огонь и чистый и прекрасный

Въ младой груди пылалъ напрасно:
Мнѣ было некого любить!
Увы! я долженъ былъ таить,
Страшась холоднаго презрѣнья,
Отъ непривѣтливыхъ людей
И сердца пылкаго волненья,
И первый жаръ души моей.
Упыло расцвѣтала младость,
Смотрѣлъ я съ дикостью на свѣтъ,
Не зналъ я, что такое радость
Отъ самыхъ отроческихъ лѣтъ;
Ни съ кѣмъ любви не раздѣлял,
Жилъ нелюдимо въ тишинѣ,—
И жизнь суровая, простая
Отрадною казалась мнѣ.
Любилъ я по лѣсамъ скитаться,
День цѣлый за звѣрьми гоняться,
Широкій Днѣпръ переплывать,
Любилъ опасностью играть,
Надъ жизнью дерзостно смѣяться:
Мнѣ было нечего терять,
Мнѣ было не съ кѣмъ разставаться!

Первая часть этого третьяго изданія сочиненій Козлова заключаетъ въ себѣ три его поэмы, о которыхъ мы сейчасъ говорили; извѣстное его посланіе «Къ другу В. А. Ж.», интересное, какъ поэтическая исповѣдь слѣпца-поэта: балладу «Венгерскій Лѣсъ»; байронову «Абидосскую Невѣсту», «Крымскіе Сонеты Адама Мицкевича» и «Сельскій Субботній Вечеръ въ Шотландіи». Что до баллады—кромѣ хорошихъ стиховъ, она не имѣетъ никакого значенія, ибо принадлежитъ къ тому ложному роду поэзіи, который изобрѣтаетъ небывалую дѣйствительность, выдумываетъ Веледъ, Извѣдовъ, Остановъ, Свѣжановъ, никогда несуществовавшихъ, и изъ славянскаго міра создаетъ нѣмецкую фантастическую балладу. Переводъ «Абидосской Невѣсты»—весьма замѣчательная попытка: но сжатости, энергіи, молніеносныхъ очерковъ оригинала въ немъ нѣтъ и тѣни.—Также замѣчателенъ переводъ и «Крымскихъ Сонетовъ» Мицкевича: но отношеніе его къ оригиналу точно такое же, какъ и переводъ «Абидосской Невѣсты» къ ея подлиннику. Одно уже то, что иногда 16-ю, 18-ю и 20-ю стихами переводитъ Козловъ 14 стиховъ Мицкевича, показываетъ, что борьба была неравная.—«Сельскій Субботній Вечеръ въ Шотландіи» есть не переводъ изъ Бориса, а вольное подражаніе этому поэту. Жаль! потому-что эту превосходную пьесу Козловъ могъ бы перевести превосходно; а какъ подражаніе—она представляетъ собою что-то странное. Не понимаемъ, къ-чему послѣ прекраснаго обращенія шотландскаго поэта къ своей родинѣ, переводчикъ (въ XIX строфѣ) вдругъ обратился къ Россіи. Положимъ, что его обращеніе полно патріотическаго жара; но умѣстно ли оно—вотъ вопросъ! Не смѣшно ли было бы, еслибъ въ переводѣ «Иліады» Гнѣдичъ, послѣ гомеровскаго обращенія къ музѣ, вдругъ

обратился отъ себя съ воззваніемъ, напримѣръ, къ Хераскову? А жизнь шотландская, представляемая Борисомъ въ его прекрасной идиллiи, столько же похожа на жизнь нашихъ мужиковъ, бабъ, ребятъ, парней и дѣвокъ, сколько муза Калліопа на Хераскова.

Съ бо́льшимъ удовольствіемъ обращаемся ко второй части стихотвореній Козлова. Она вся состоитъ изъ мелкихъ лирическихъ пьесъ и изъ отрывочныхъ переводовъ; но въ нихъ-то поэтическій талантъ Козлова и является съ своей истинной стороны и въ болѣе блестящемъ видѣ. Конечно, не всѣ лирическія стихотворенія Козлова равно хороши: на половину наберется посредственныхъ, есть и совершенно неудачныя; даже бо́льшая часть лучшихъ—переводы, а не оригинальныя произведенія; наконецъ, и изъ самыхъ лучшихъ многія невыдержаны въ цѣломъ и отличаются только поэтическими частностями; но тѣмъ не менѣе, самобытность замѣчательнаго таланта Козлова не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Его нельзя отнести къ числу художниковъ: онъ поэтъ въ душѣ, и его талантъ былъ выраженіемъ его души. Посему, талантъ его тѣсно былъ связанъ съ его жизнію. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ, то, что безъ потери зрѣнія Козловъ прожилъ бы весь вѣкъ, не подозрѣвая въ себѣ поэта Ужасное несчастіе заставило его познакомиться съ самимъ собою, заглянуть въ таинственное святилище души своей и открыть тамъ самородный ключъ поэтическаго вдохновенія. Несчастіе дало ему и содержаніе, и форму, и колоритъ для пѣсенъ; почему всѣ его произведенія однообразны, всѣ на одинъ тонъ. Таинство страданія, покорность волѣ Провидѣнія, надежда на лучшую жизнь за гробомъ, вѣра въ любовь, тихое уныніе, кроткая грусть,—вотъ обычное содержаніе и колоритъ его вдохновеній. Присовокупите къ этому прекрасный, мелодическій стихъ—и муза Козлова охарактеризована вполнѣ, такъ что больше о немъ нечего сказать. Впрочемъ, его музѣ не чужды и звуки радости и роскошныя картины жизни, наслаждающейся самой собою.

Ночь весенняя дышала
Свѣтло-южною красой;
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной:
Отраженъ волной огнистой
Блескъ прозрачныхъ облаковъ,
И восходитъ паръ душистый
Отъ зеленыхъ береговъ.
Сводъ лазурный, томный ропотъ
Чуть дробимыя волны,
Померанцевъ, миртовъ шопотъ
И любовный свѣтъ луны,
Упоенья аромата
И цвѣтовъ и свѣжихъ травъ,
И вдали напѣвъ Торквата
Гармоническихъ октавъ.
Все вливаетъ тайно радость,

Чувствамъ снится дивный міръ;
Сердце бьется; мчится младость
На любви весенній пиръ.
По водамъ скользятъ гондолы;
Искры брыжжутъ подъ весломъ;
Звуки нѣжной баркаролы
Вѣютъ легкимъ вѣтеркомъ.
. . . . . .
Но гуще тѣнь ночная;
И красотъ цвѣтущій рой,
Въ негѣ страстной утопая,
Покидаетъ пиръ ночной.
Стихли пышныя забавы;
Все спокойно на рѣкѣ;
Лишь торкватовы октавы
Раздаются вдалекѣ.

Какая роскошная фантазія! какіе гармоническіе стихи! что за чудный колоритъ—полупрозрачный, фантастическій! И какъ прекрасно сливается эта выписанная нами часть стихотворенія съ другой—унылою и грустною, и какое поэтическое цѣлое составляютъ онѣ обѣ!..

Многіе удивлялись въ Козловѣ вѣрности его картинъ природы, яркости ихъ красокъ,—ничего нѣтъ удивительнаго: воспоминаніе прошедшаго сильнѣе въ насъ при лишеніи настоящаго; чего страстно желаемъ мы, то живо и представляемъ себѣ, а чего сильнѣе желаетъ слѣпецъ, какъ не созерцанія картинъ и формъ жизни?

. . . . . .
Италія, торкватова земля,
Ты не была, не будешь мною зрима,
Но какъ ты мной, прекрасная, любима!
Мнѣ видятся полуденныя розы,
Душистые, лимонные лѣса,
Зеленый миртъ, и виноградны лозы,
И сипія, какъ яхонтъ, небеса.
Я вижу ихъ, и тихо льются слезы...
Италія, мила твоя краса,
Какъ первое любви младой мечтанье,
Какъ чистое младенчества дыханье.
Съ высотъ летятъ сіяющія воды,
Жемчужныя—надъ безднами горятъ;
Таинственныхъ видѣній хороводы,
Прозрачные—вкругъ горъ твоихъ кипятъ;
Твои моря, не зная непогоды,
Зеленыя—струятся и шумятъ;
Воздушный пиръ—твой вечеръ благодатный
Съ прохладою и негой ароматной.
Луна взошла, а небосклонъ пылаетъ
Послѣднею багряною зарей;
Высокій сводъ безоблачно сіяетъ,

Весь радужной подернутъ пеленой,
И яркій лучъ, сверкая, разсыпаетъ
Блескъ розовый надъ сонною волной;
Но гаснетъ онъ подъ ризою ночною;
Заливъ горитъ, осеребренъ луною.

Прекрасно высказана Козловымъ тайна этихъ видѣній незрящими очами:

Такъ узникъ въ мрачной тишинѣ
Мечтаетъ о красахъ природы,
О солнцѣ яркомъ, о лунѣ,
О томъ, что видѣлъ въ дни свободы.
Уснетъ ли онъ? въ его очахъ
Лѣса, поля, рѣка въ цвѣтахъ,
И, пробудясь, вздыхаетъ онъ,
Благословляя свѣтлый сонъ.

Козловъ—поэтъ *чувства*, точно такъ же, какъ Баратынскій поэтъ мысли (т. е. поэтическаго раздумья, а не разсудочнаго резонерства). Поэтому, не ищите у Козлова художественныхъ созданій, глубокихъ и мірообъемлющихъ созерцаній; ищите въ немъ одного чувства,—и вы найдете въ его двухъ книжкахъ много прекраснаго, едва-ли не на половину съ посредственнымъ. Отъ этого всѣ переводы его отличаются однимъ колоритомъ—тѣмъ же самымъ, какъ и его оригинальныя произведенія. Укажемъ здѣсь на лучшія изъ тѣхъ и изъ другихъ: «На погребеніе англійскаго генерала сира Джона Мура», «Венеціанская Ночь», «Плачъ Ярославны», «Къ Италіи», «Португальская Пѣсня», «Къ Радости», «Добрая Ночь», «На отъѣздъ», «Обвороженіе», «Къ Тирзѣ», «Романсъ» (Есть тихая роща у быстрыхъ ключей), «Еврейская Мелодія», «Вечерній Звонъ», «Къ Полевой Маргариткѣ», «Къ тѣни Дездемоны», «Изъ Байронова Донъ Жуана» (О любо намъ), «Новые Стансы», «Романсъ Дездемоны», «Насъ Семеро», «Подражаніе сонету Мицкевича» (Увы несчастливъ тотъ), «Стансы» (Настала тѣнь) «Стансы» (*Подражаніе Петраркѣ*), «Къ Ней», «Ночь» (элегія), «Молитва» (*послѣдняя предсмертная пьеса Козлова*) и нѣсколько пьесъ, переведенныхъ изъ Андрея Шенье. Кстати о переводахъ: «Добрая Ночь», «Обвороженіе» и нѣкоторыя другія напоминаютъ своимъ достоинствомъ образцовые переводы Жуковскаго. Выписываемъ здѣсь три пьесы, переведенныя Козловымъ изъ Байрона, Мицкевича и Шенье, какъ доказательство, что онъ могъ усвоивать русской литературѣ драгоцѣннѣйшіе перлы иностранныхъ литературъ.

Новые стансы.

Прости! ужъ полночь—надъ луною,
Ты видишь, облако летитъ;
Оно туманной пеленою
Сіянье нѣжное мрачитъ.
Я мчуся вдаль, мой парусъ вѣетъ,
Шумитъ разлучница волна.
Едва ли прежде проснѣется
На сводѣ пасмурномъ луна

И я, какъ облако густое,
Тебя, луна моя, затмилъ;
Я горемъ сердце молодое
И взоръ веселый омрачилъ.
Твой цвѣтъ, и радостный, и нѣжный,
Моей любовью опаленъ.
Свободна ты,—мой жаръ мятежный,
Забудь скорѣй, какъ страшный сонъ!
Не увлекись молвою шумной!
Убило свѣтлыя мечты
Не то, что я любилъ безумно,
Но что не такъ любила ты.
Прости—не плачь! уже рѣдѣетъ
Тумапъ предъ ясною луной,
Взыграло море, парусъ вѣетъ, —
И я въ челнокъ бросаюсь мой. (*изъ Байрона*).

Вольное Подражаніе сонету Мицкевича.

Увы! несчастливъ тотъ, кто любитъ безнадежно;
Несчастнѣе его - кто созданъ не любить.
Но жизнь тому страшнѣй, въ чьемъ сердцѣ пламень нѣжны
Погасъ—и кто любви не можетъ позабыть!
На взоры наглые торгующихъ собой
Съ презрѣньемъ смотритъ онъ, живетъ еще съ мечтою,
Но въ чистомъ ангелѣ невинность съ красотой,—
Какъ смѣть ему любить увядшею душою!
Святое дней младыхъ волнуетъ духъ понынѣ,
Но память и о нихъ страстьми отравлена,
Съ надеждою навѣкъ душа разлучена,
Отъ смертной прочь спѣшитъ и самъ нейдетъ къ богинѣ
Въ немъ сердце, какъ въ стени давно забытый храмъ,
На жертву преданный и тлѣнью и грозамъ,
Въ которомъ мрачно все, лишь вѣтръ пустынный вѣетъ
Жить боги не хотятъ, а человѣкъ не смѣетъ.

Стремятся не ко мнѣ съ любовью и хвалами;
И много отъ сестры отстала я годами.
Душистый ли цвѣтокъ мнѣ юноша даритъ—
Онъ мнѣ его даетъ, а на сестру глядитъ;
Любуется ль моей младенческой красою,
Всегда примолвитъ онъ, какъ я сходна съ сестрою.
Увы, двѣнадцать разъ лишь мнѣ весна цвѣла!
Мнѣ въ пѣсняхъ не поютъ, что я сердцамъ мила,
Что я плѣненныхъ мной измѣной убиваю!
Но что-же—подождемъ, мою красу я знаю—
Я знаю: у меня во блескѣ молодомъ,
Есть алыя уста съ ихъ ровнымъ жемчугомъ,
И розы на щекахъ, и кудри золотыя,
Рѣсницы черныя и очи голубыя. .

(*изъ Андрея Шенье*).

Послѣдняя пьеса, отличающаяся въ подлинникѣ пластическою художественностію въ выраженіи, и переведена пластически-художественно [56]). Такъ переводить могутъ только истинные таланты, которыхъ немного бываетъ во всякой литературѣ.

Не понимаемъ, почему Козловъ никогда не включалъ въ собранія своихъ сочиненій своей поэмы «Байронъ», посвященной Пушкину и напечатанной въ «Новостяхъ Литературы», издававшихся покойнымъ Воейковымъ, 1824 (книжка десятая, стр. 85). Эта поэма есть апоѳеоза всей жизни Байрона; въ цѣломъ она невыдержана, но отличается поэтическими частностями. Вотъ начало этого стихотворенія:

Среди Альбіона туманныхъ холмовъ,
Въ долинѣ, тиши обреченной,
Въ наслѣдственномъ замкѣ, подъ тѣнью дубовъ,
Пѣвецъ возсталъ вдохновенной.
И царская кровь въ вдохновенномъ текла,
И золота много судьбина дала;
Но юноша гордый, прелестный
Высокаго сана свѣтлѣе душой;
Казну его знаютъ вдова съ сиротой
И звонъ его арфы чудесный.
И въ бурныхъ порывахъ всѣхъ чувствъ молодыхъ
Всегда вольнолюбье дышало,
И острое пламя страстей роковыхъ
Въ душѣ горделивой пылало.
Встревоженъ духъ юный, безъ горя печаль
За призракомъ тайнымъ влечетъ его вдаль—
И волны подъ нимъ зашумѣли!
Онъ арфу хватаетъ дрожащей рукой,
Онъ жметъ ее къ сердцу съ угрюмой тоской,—
Таинственно струны звенѣли.

Скитался онъ долго въ восточныхъ краяхъ
И чудную славилъ природу;
Подъ радостнымъ небомъ, въ душистыхъ лѣсахъ
Онъ пѣлъ угнетеннымъ свободу.
Страданій любви изступленный пѣвецъ
Онъ высказалъ сердцу всѣ тайны сердецъ
Всѣ буйныхъ страстей упоенья.
То радугой блещетъ, то въ мракѣ ночномъ
Сзываетъ онъ тѣни волшебнымъ жезломъ
И грозно-прелестны видѣнья.

И время задумчиво въ пѣсняхъ текло,
И дивныя пѣсни вѣнчали
Лучами безсмертья младое чело;
Но мрака съ лица не согнали.
Уныло онъ смотритъ на свѣтъ и людей,
Онъ бурно жизнь отжилъ весною своей;
Надеждамъ онъ вѣрить страшится.

Думъ тяжкихъ, глубокихъ въ немъ видны черты;
Кипучая бездна огня и мечты,
Душа его съ горемъ дружится.

Это стихотвореніе не помѣщено и въ новомъ, посмертномъ, изданіи сочиненій Козлова. Не понимаемъ также, почему ни въ общемъ оглавленіи пьесъ, ни при заглавіи каждой пьесы отдѣльно, не выставлено, откуда она переведена или заимствована. Кажется, стихотвореніе «Къ Морю», которымъ начинается вторая часть, переведено Козловымъ изъ Байрона; но вотъ странность: первый куплетъ этой пьесы есть не что иное, какъ извѣстная элегія Батюшкова. Сличите сами:

Элегія Батюшкова.

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
Есть радость на приморскомъ брегѣ
И есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
Я ближняго люблю—но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
И то, чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ годовъ;
Тобою въ чувствахъ оживаю:
Ихъ выразить душа не знаетъ стройныхъ словъ;
И какъ молчать объ нихъ, не знаю.

А вотъ первая строфа стихотворенія «Къ Морю», кажется, переведеннаго Козловымъ изъ Байрона:

Отрада есть во тьмѣ лѣсовъ дремучихъ,
Восторгъ живетъ на дикихъ берегахъ,
Гармонія слышна въ волнахъ кипучихъ,
И съ моремъ есть бесѣда на скалахъ.
Мнѣ ближній милъ, но тамъ въ моихъ мечтахъ,
Что я теперь, что былъ—позабываю;
Природу я душою обнимаю,
Она милѣй; постичь стремлюся я
Все то, чему пѣтъ словъ, но что таить нельзя.

Не одно ли это и тоже? [57]).

Новое изданіе стихотвореній Козлова не только опрятно и красиво, но даже изящно.

520. Аббаддонна. Сочиненіе *Николая Полеваго*. Изданіе второе. Санктпетербургъ. 1840. Печатано въ типографіи Конрада Вингебера. Четыре части. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 207, во II-й—206, въ III-й—179, въ IV-й—200 стр. [58]).

Ба! старые знакомые! Добро пожаловать! Давно ли, подумаешь, а ужь сколько воды утекло, сколько событій смѣнилось! Знакомые—а смотрятъ другъ

на друга дико; друзья—а не знаютъ, какъ и о чемъ говорить другъ съ другомъ... Знаете ли, на кого похожъ, въ отношеніи къ публикѣ, романъ г. Полеваго, явившійся вторымъ изданіемъ, черезъ пять лѣтъ послѣ перваго появленія на свѣтъ?—На добраго, простодушнаго помѣщика, который, проживъ въ деревнѣ лѣтъ тридцать, народивъ кучу дѣтей и посѣдѣвъ въ капитанскомъ чинѣ, вдругъ пріѣзжаетъ по дѣламъ въ столицу и идетъ навѣстить своихъ прежнихъ товарищей по воспитанію и службѣ; но увы! куда ни придетъ онъ съ распростертыми дланями, съ радушною улыбкою,—вездѣ принимаютъ его холодно, съ удивленіемъ, и, провожая, громко наказываютъ человѣку говорить «дома нѣтъ». Добрякъ въ отчаяніи, не понимая того, что бывшіе его друзья уже успѣли нажить себѣ новыхъ друзей, и изъ повѣсъ и шалуновъ успѣли сдѣлаться людьми разсудительными, солидными, людьми comme il faut. Пять лѣтъ въ русской литературѣ—да это все равно, что̀ пятьдесятъ въ жизни иного человѣка! Самымъ разительнымъ доказательствомъ этой грустной истины можетъ служить почтенный авторъ «Аббаддонны». Въ 1835 году издалъ онъ этотъ романъ, т. е. черезъ два или три года послѣ «Клятвы при Гробѣ Господнемъ», и такимъ-образомъ, двумя романами, изъ записнаго историка явился записнымъ романистомъ, хотя и тутъ не измѣнилъ своей натурѣ—оставлять дѣло безъ конца, ибо «Аббаддонна» до-сихъ-поръ еще не кончена, такъ же, какъ и знаменитая «Исторія Русскаго Народа», и «Русская Исторія для Дѣтей». И такъ, въ 1835 году, г. Полевой былъ уже не историкъ, а романистъ. Но вотъ проходитъ еще пять лѣтъ,—онъ уже и не романистъ, а передѣлыватель Шекспира, трагикъ, комикъ, водевилистъ... Мимоходомъ, въ это время, онъ успѣлъ *покончить* журналъ и *приняться* за другой. И потому, повторяемъ: должно ли удивляться, что та же самая публика, которая очень-радушно приняла «Аббаддону» въ 1835 году, теперь велитъ ей говорить «дома нѣтъ»?...

Г. Полевой хотѣлъ выразить въ своемъ романѣ идею противорѣчія поэзіи съ прозою жизни. Для этого онъ представилъ молодого поэта въ борьбѣ съ сухимъ, эгоистическимъ и прозаическимъ обществомъ:—мысль, которая никогда не состарѣется, если только будетъ являться въ новыхъ формахъ. Но формы г. Полеваго восходятъ гораздо за 1835 годъ. Во-первыхъ, его поэтъ, этотъ Рейхенбахъ, есть то, что̀ Нѣмцы называютъ *прекрасною душою* (schöne-Seele). У насъ пытались нѣкогда ввести это понятіе подъ страннымъ словомъ «прекраснодушіе», которое только насмѣшило всѣхъ. Здѣсь мы пользуемся случаемъ объяснить значеніе нѣмецкаго Schönseeligkeit,—тѣмъ болѣе, что романъ г. Полевого дастъ намъ для этого всѣ средства. Слова «прекрасная душа» имѣли у Нѣмцевъ, какъ и у всѣхъ добрыхъ людей, то благородное и похвальное значеніе, которое имѣютъ они до-сихъ-поръ у насъ; но теперь они у Нѣмцевъ употребляются какъ выраженіе чего-то комическаго, смѣшнаго. Такъ точно, у насъ еще недавно слова «чувствительность» и «чувствительный» употреблялись для отличія людей съ чувствомъ и душою отъ грубыхъ, животныхъ, лишен-

ныхъ души и чувства; слѣдовательно, они употреблялись въ благородномъ и похвальномъ значеніи; а теперь эти слова употребляются у насъ для выраженія слабаго, расплывающагося, растлѣннаго и приторнаго чувства. Выраженіе «прекрасная душа», чрезъ діалектическое развитіе во времени, получило теперь у Нѣмцевъ значеніе чего-то добраго, теплаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтскаго, безсильнаго, фразёрскаго и смѣшнаго [59]). Рейхенбахъ г. Полевого есть полный представитель такой «прекрасной души»,—и онъ тѣмъ смѣшнѣе, что почтенный сочинитель нисколько не думалъ издѣваться надъ нимъ, но отъ чистаго сердца убѣжденъ, что представилъ намъ въ своемъ Рейхенбахѣ истиннаго поэта, душу глубокую, пламенную, могучую. И потому, его Рейхенбахъ есть что-то уродливое, смѣшное, не образъ и не фигура, а какая-то каракулька, начерченная на сѣрой и толстой бумагѣ дурно-очиненнымъ перомъ. Въ немъ нѣтъ ничего поэтическаго; онъ просто добрый и весьма-недалекій малый,—а между-тѣмъ, авторъ поставилъ его на высокія ходули. Люди оскорбляютъ его не истинными своими недостатками, а тѣмъ, что не мечтаютъ, когда надо работать, и не восхищаются вечернею зарею, когда надо ужинать. Авторъ даже и не намекнулъ на истинныя противорѣчія поэзіи съ прозою жизни, поэта съ толпою.

Рейхенбахъ любитъ Генріетту, простую дѣвушку, безъ образованія, безъ эстетическаго чувства, но хорошенькую, добренькую и молоденькую. Кто не былъ мальчикомъ и не влюблялся такимъ образомъ и въ кузину, и въ сосѣдку, и въ подругу по дѣтскимъ играмъ? Но у кого же такая любовь и продолжалась за ту эпоху, когда воротнички à l'enfant мѣняются на галстухъ? Рейхенбахъ думаетъ объ этомъ иначе и, во что̀ бы ни стало, хочетъ обожать Генріетту до гробовой доски. Она тоже не прочь отъ этого. Но въ ихъ отношеніяхъ нѣтъ ничего поэтическаго, невыговариваемаго авторомъ, но понятнаго для читателя. Вся любовь ихъ испаряется въ словахъ, въ дерзкихъ поцалуяхъ со стороны поэта, и въ «ахъ, что вы это!» со стороны хорошенькой мѣщаночки. Вдругъ, Рейхенбаху предстаетъ Леонора. Это актрисса—femme émancipée нашего времени, жрица искусства и любви. Любовница министра, дряхлаго, развратнаго старичишки, она томится жаждою любви глубокой и возвышенной. Въ Рейхенбахѣ находитъ она свой идеалъ. И вотъ, вы думаете, что она перерождается, какъ баядера Гёте,—ничего не бывало! Она только говоритъ фразы о перерожденіи, о возстаніи, о пламени любви своей. Вы думаете, что Рейхенбахъ оставляетъ для этой сильной, пламенной и страстной души, столь обаятельной для юношей, оставляетъ для нея свою ребяческую любовишку къ добренькой кухарочкѣ,—ничего не бывало! Онъ только колеблется между тою и другою, и въ этомъ колебаніи выказывается вся слабость его слабенькой натуры. Наконецъ Генріетта рѣшительно побѣждаетъ, особенно потому что Леонора впадаетъ въ бѣшенство и неистовствуетъ, какъ пьяная гетера, вмѣсто того, чтобъ представлять изъ себя плачущую слезами любви и раскаянія падшую пери. И чѣмъ же оканчивается любовь нашего *великаго* поэта?—А вотъ чѣмъ, послушайте: «Ген-

ріетта ни за что не хотѣла соглашаться съ Вильгельмомъ, который увѣрялъ, что съ этихъ поръ онъ перестанетъ писать стихи. На усиленныя требованія Генріетты не оставлять стиховъ, онъ отвѣчалъ, смѣясь, что готовъ писать, но—только колыбельныя пѣсни для своихъ дѣтей. Тутъ нескромному Вильгельму зажали ротъ маленькою ручкою, краснѣли, и не знали, куда дѣваться, пока другіе собесѣдники смѣялись громко»... О, честное компанство добрыхъ мѣщанъ! О великій поэтъ, вышедшій изъ маленькой фантазіи! Видите ли, какъ ложная, натянутая идеальность сходится наконецъ съ пошлою прозою жизни, мирится съ нею на конфектныхъ страстишкахъ, картофельныхъ нѣжностяхъ и плоскихъ шуткахъ?.. Это не то, что на человѣческомъ языкѣ называется «любить», а—то, что на мѣщанскомъ языкѣ называется «амуриться»...

Но въ «Аббаддоннѣ» есть другая сторона, и сторона очень хорошая. Если идеальныя лица, герои этого романа, смѣшны и приторны до пошлости, натянуты до неестественности, то прозаическія лица очеркнуты очень удачно. Баронъ Калькопфъ, директоръ театра, баронъ Хилей, мать Генріетты, пріятельница ея совѣтница, и другія лица не даютъ вамъ бросить романа, и заставляютъ дочитать до конца: такъ много въ нихъ истины и дѣйствительности. Равнымъ образомъ, если сцены любви и вообще высокихъ страстей и трагическихъ положеній въ «Аббаддоннѣ» смѣшны до послѣдней крайности, за то сцены прозаической жизни чрезвычайно живы и увлекательны, и впечатлѣніе, производимое ими, нерѣдко бываетъ тяжело и грустно—именно отъ того, что въ нихъ есть истина... Къ такимъ сценамъ можно причислить: плачевное шествіе Рейхенбаха въ каретѣ съ восемнадцатью душами добрыхъ мѣщанъ, расположившихся помѣститься въ одной ложѣ; сцены въ пріемной залѣ Калькопфа, представленіе Вильгельма этому покровителю талантовъ; далѣе, литературно-музыкальный вечеръ владѣтельнаго князя, и пр. Въ «Аббаддоннѣ» даже и несовсѣмъ безъ поэтическихъ мѣстъ; таково напр., описаніе вечера въ загородномъ домѣ Элеоноры, гдѣ довольно удачно очерчена пирушка людей разныхъ состояній, уравненныхъ любовію къ искусству и умѣющихъ весело проводить время внѣ стѣснительныхъ условій приличія.

Въ романѣ г. Полевого не безъ резонёрства, не безъ устарѣлыхъ мнѣній, которыя были стары уже и въ 1835 году; но за то, много есть мыслей умныхъ, вѣрныхъ и высказанныхъ живо, увлекательно. Но самое поэтическое мѣсто въ романѣ—это разговоръ Лалаги съ Элеонорою, или, лучше сказать, характеристика поэта съ африканской точки зрѣнія, которая господствуетъ впрочемъ во всемъ мірѣ, только подъ разными формами (Ч. I, стр. 115—119).

Вообще, многое въ романѣ г. Полевого можетъ быть прочтено не безъ удовольствія, а иное и съ удовольствіемъ, но цѣлое его странно: теперь оно развѣ усыпитъ сладко, и ужъ никого не увлечетъ. Когда, рисуя смѣшное, авторъ знаетъ, что онъ рисуетъ смѣшное,—картина можетъ быть великимъ созданіемъ; но когда авторъ изображаетъ намъ Донъ-Кихота, думая изображать Александра

Македонскаго, или Юлія Цезаря,—картина выйдетъ суздальская, лубочная литографія съ изображеніемъ райской птицы и наивною надписью:

Райская птица Сиренъ,
Гласъ ея въ пѣніи зело силенъ:
Когда Господа воспѣваетъ,
Сама-себя позабываетъ.

Главный недостатокъ «Аббаддонны», какъ хорошаго беллетрическаго произведенія (о художественности тутъ и слова быть не можетъ), состоитъ въ отсутствіи созерцанія, которое служило бы, такъ сказать, фономъ для его картинъ. Поэзія, поэтъ, любовь, женщина, жизнь, ихъ взаимныя отношенія, — все это въ «Аббаддоннѣ» похоже на цвѣты, сдѣланные изъ старыхъ тряпокъ. Можетъ быть, всѣ эти предметы и позволительно было понимать такъ до 1835 года; но теперь такое разумѣніе ихъ смѣшно для всякаго.

Не понимаемъ, почему авторъ «Аббаддонны» выдалъ свой романъ безъ конца. Статьи, которыя онъ называетъ эпилогомъ къ нему и обѣщаетъ *) издать особо, суть не что иное, какъ пятая часть романа, въ которой Элеонора умираетъ отъ яда, не возбуждая къ себѣ нашего состраданія, а Вильгельмъ женится на Генріеттѣ и мирится истинно по-нѣмецки съ пошлою прозою кухонной жизни. Вотъ вамъ и великій поэтъ! Вотъ вамъ и идеальность, которая не хочетъ и слышать о землѣ и ни о чемъ земномъ!.. [60]).

***521. Стихотворенія Ивана Языкова.** Санктпетербургъ. Въ типографіи А. Бородина и К°. 1840. Въ 4-ю д. л. 38 стр. [61]).

Стихотворенія, собранныя въ эту красиво и изящно изданную тоненькую тетрадку уродливаго формата in quarto, принадлежатъ не тому Языкову, котораго стихи были такъ бойки и звонки, а студенческія вдохновенія такъ буйны и разгульны; но совсѣмъ другому г. Языкову. Того зовутъ, какъ извѣстно всей русской публикѣ, *Николаемъ*, а этого, какъ выставлено въ заглавіи тетради, *Иваномъ*. Николай Языковъ живетъ теперь за границею, откуда и присылаетъ въ русскіе журналы и альманахи новыя произведенія своей музы, которыя заставляютъ всѣхъ съ такою отрадою вспоминать о его прежнихъ стихотвореніяхъ.

Что касается собственно до стихотвореній г. Ивана Языкова,—намъ не совсѣмъ строгимъ кажется ихъ выборъ со стороны издателя: нѣкоторыя совсѣмъ не слѣдовало бы печатать, а нѣкоторыя стоили быть извѣстными россійской публикѣ, ибо малымъ чѣмъ уступаютъ въ достоинствѣ произведеніямъ такихъ стихотворцевъ, которые иногда читаются же публикою.

---

*) Въ „Сынѣ Отечества“ 1838, т. IV и V, помѣщено два отрывка изъ этого эпилога, и обѣщается его отдѣльное изданіе, въ особой книжкѣ. Когда жъ это будетъ выполнено? Что за страсть дѣлать обѣщанія безъ всякой нужды!..

*522. **Любовь и Честь**, драма въ пяти дѣйствіяхъ, *Ивельева*. Санктпетербургъ. Въ типографіи Н. Греча. 1841. Въ 8-ю д. л. 199 стр. [62]).

Г. Ивельевъ (имя, не безъизвѣстное въ русской литературѣ) даритъ русскую публику новою драмою, и притомъ хорошею драмою, въ такое время, когда кромѣ глупыхъ и плоскихъ водевилей въ драматической литературѣ нашей ничего не является. «Любовь и Честь» написана прозою. Это сборъ отдѣльныхъ сценъ, мѣстами очень живыхъ и занимательныхъ, но которыя не находятся во внутренней связи между собою и не образуютъ собою цѣлаго. Герой драмы постоянно боленъ и унылъ отъ мысли о дѣвушкѣ, которую онъ когда-то, еще будучи мальчикомъ, соблазнилъ. Потомъ тутъ часто является дѣвушка Майева. Отецъ отдаетъ ее за дурака Телепаева—разумѣется, противъ воли. Вотъ рядятъ ее къ вѣнцу, и тутъ совершилось странное событіе, довольно обстоятельно изложенное авторомъ въ прописи. Пересказываемъ словами автора:—«Зеркало начало покрываться мракомъ. Майева вся устремилась въ него, не слыша и не видя, что̀ около нея происходитъ. Графиня, надѣвъ серьгу, берется за другую. Вдругъ представляется въ зеркалѣ изба. Умирающій Брецкій, въ сюртукѣ, безъ эполетъ, сидитъ на постели, постланной на лавкѣ. Онъ простираетъ къ ней руки, что-то хочетъ сказать, и испускаетъ духъ. Она вскрикиваетъ, встаетъ и упадаетъ безъ чувствъ на зеркало. Все исчезло. Дѣвушки ее поддерживаютъ».

Признаемся, мы въ этомъ очень мало поняли; но даровитый авторъ какъ будто предвидѣлъ это, и особеннымъ примѣчаніемъ въ концѣ книги поспѣшилъ очень удовлетворительно разрѣшить наше недоумѣніе. Выписываемъ его объясненіе слово въ слово:

Нѣкоторымъ изъ тѣхъ, кому я читалъ мою драму, и судомъ которыхъ я не могу не дорожить, показалось съ перваго взгляда окончаніе неестественнымъ и приведеннымъ будто бы только для эффекта. Изъ опасенія, чтобъ и мои читатели не раздѣлили этого мнѣнія, я прошу ихъ вникнуть въ то, что хотя Майева и Брецкій ни разу не встрѣчаются въ драмѣ, но страстно другъ друга любятъ и находятся въ непрестанномъ душевномъ, магнетическомъ другъ къ другу влеченіи. Въ торжественныя же минуты смерти одного и насильственной свадьбы другой, когда изъ всей земной жизни осталась для нихъ только память взаимной любви, нравственныя ихъ силы должны были возвыситься до величайшаго напряженія, а взаимное соотношеніе могло развиться до проявленія.—Сколько ходитъ между нами разсказовъ о подобныхъ случаяхъ, подтверждаемыхъ даже исторіею. Можно сомнѣваться, но нельзя отрицать.

Въ этой драмѣ *сто-семь* дѣйствующихъ лицъ, не считая присутствующихъ только на сценѣ. Содержанія ея мы не будемъ разсказывать читателямъ, пусть они сами прочтутъ драму: увѣряемъ ихъ, что скажутъ намъ спасибо за совѣтъ, и въ накладѣ отъ труда не останутся. Впрочемъ, предувѣдомляемъ читателей, они найдутъ много страннаго въ драмѣ г. Ивельева; но это слѣдствіе его особеннаго и оригинальнаго взгляда на сущность драмы, который мы, признаемся, не хорошо понимаемъ, а потому и желали бы, чтобъ талантливый авторъ изложилъ въ особенномъ теоретическомъ сочиненіи свои понятія о драматической поэзіи.

Тогда мы поговорили бы съ нимъ объ этомъ интересномъ предметѣ и, можетъ быть, поспорили бы. Кстати о странностяхъ: мы очень желали бы знать, какое впечатлѣніе произведетъ на читателей вотъ эта пѣсня изъ «Любви и Чести», которую поютъ пѣсенники въ Москвѣ, въ Марьиной Рощѣ:

Великая нація при морѣ живетъ,
Ѣстъ хлѣбенный супъ, виноградное пьетъ.
А есть на Востокѣ другая страна,
Море то при ней, не при морѣ она;
Хлѣбъ рѣжетъ ломтями, и кашу да щи
Простымъ запиваетъ, что въ горлѣ трещи.

Хоръ.

Гой, гой, гой!
Буки азъ
Таки разъ,
Буки люди
Буки жлуди,
Буки еръ
Кавалеръ...
Вивъ Генри катеръ,
Виве Наполео!

Окончанія этой прекрасной пѣсни не выписываемъ, не почитая себя въ правѣ брать цѣликомъ лучшія мѣста (какъ это, вѣроятно, сдѣлаютъ другіе журналы) и помня пословицу: «Хорошаго по немногу»...

Драма г. Ивельева издана со всею типографическою роскошью и изяществомъ. [63]).

*523. **Леонора или Мщеніе Италіанки,** драматическое представленіе въ трехъ актахъ (,) раздѣленное на шесть картинъ, сочиненіе *Павла Ильина*. Харьковъ. Печатано въ университетской типографіи. 1841. Въ 8-ю д. л. 79 стр. [64]).

Удивительное созданіе! Истинная буря въ стаканѣ воды! Неистовое клокотаніе пансіонскихъ страстей! Видите ли въ чемъ дѣло: Леонидъ любилъ Марію и хотѣлъ на ней жениться, но раздумалъ, влюбившись въ Леонору Дорзетти, Итальянку, которая, съ своей стороны, влюбилась на-пропалую въ Леонида. Но, внявъ гласу разсудка и убѣжденіямъ друзей, Леонидъ оставляетъ Леонору и опять влюбляется въ Марію. Тогда Леонора посылаетъ къ Маріи письмо, отъ котораго та скоропостижно умираетъ. Леонидъ съ горя отравляется кускомъ сахара-рафинада, а Леонора закалывается картоннымъ кинжаломъ,—и оба упадаютъ съ дикимъ хохотомъ. Это и немудрено: имъ смѣшно отъ тѣхъ пустяковъ, которые заставилъ ихъ говорить и представлять новый харьковскій трагикъ. Не знаемъ, право, гдѣ происходитъ дѣйствіе этой комедіи, но, кажется въ Италіи, которая представлена такъ вѣрно, какъ только можно представлять ее, будучи отъ нея тысячъ за пять верстъ и никогда не видавъ ея.

524. (Замѣтка о Навроцкомъ) [65]). Въ журналистикѣ—тихо, и, кажется, все обстоитъ благополучно. Только одна «Сѣверная Пчела», по обыкновенію своему, не переставала почти ежедневно дѣлать вылазки противъ «Отечеств. Записокъ», увѣряя своихъ читателей, что они подъ смертною казнію не должны подписываться на этотъ журналъ, такъ откровенно выражающій мнѣнія свои о ученыхъ и литературныхъ достоинствахъ гг. Греча и Булгарина. Но вѣроятно замѣтивъ, что это давно уже всѣмъ надоѣло, что никто ея не слушаетъ, и что мелкій горохъ, которой пускала она въ «Отечеств. Записки», недѣйствителенъ, она рѣшилась пустить въ нихъ *картофелемъ*, да сверхъ того, выслала противъ нихъ новаго, могучаго атлета, *г-на Навроцкаго*... Вышла преудивительная исторія... Но сначала мы разскажемъ вамъ о г-нѣ Навроцкомъ; а о картофелѣ потрудитесь прочесть письмо почтеннаго *Тверскаго Помѣщика*, напечатанное ниже сего. [66]).

Знаете ли вы, кто такой г. Навроцкій? О! вотъ, мм. гг., писатель-то, голова!.. Остроуміемъ и талантомъ онъ превосходитъ всю эту литературную школу, къ которой самъ принадлежитъ, и которая, какъ извѣстно всему міру, состоитъ изъ гг. Орлова (Александра Анонимовича, да покоится въ мирѣ прахъ его!), Ѳедота Кузмичева, Сигова, Глухарева, Славина и другихъ знаменитыхъ нашихъ писателей. [67]). Сознаніе въ своемъ нравственномъ превосходствѣ такъ сильно у г-на Навроцкаго, что онъ провозгласилъ себя, въ 245 нумерѣ «Сѣв. Пчелы» прошлаго года, *кандидатомъ въ геніи*, чего не дѣлалъ ни одинъ изъ упомянутыхъ великихъ писателей. Бюффонъ говаривалъ: «Геніевъ трое: Ньютонъ, Лейбницъ и я». А почему Бюффонъ такъ говорилъ о самомъ себѣ? Потому что онъ дѣйствительно былъ геній. Почему г. Навроцкій называетъ самъ себя *кандидатомъ въ геніи?* Потому что онъ въ самомъ дѣлѣ *кандидатъ въ геніи*, и только выбудетъ изъ списка геніевъ г. Кузмичевъ, или г. Славинъ, какъ онъ тотчасъ же и займетъ вакантное мѣсто. Г. Навроцкій не взлюбилъ «Отеч. Записокъ»,—ну, что жь! у всякаго свой вкусъ; у г. Навроцкаго тоже свой вкусъ! Г. Навроцкій написалъ комедію «Новый Недоросль», которая была не то, чтобъ ошикана на сценѣ, а сопровождалась весьма недвусмысленнымъ шипѣніемъ и смѣхомъ; «Отеч. Записки» назвали эту комедію *верхомъ нелѣпости, геркулесовскими столбами, далѣе которыхъ бездарность не дерзаетъ* (Отеч. Зап. 1840, книжка 10-я). Тогда г. Навроцкій сказалъ издателю «Отеч. Записокъ», что онъ, г. Навроцкій, кандидатъ въ геніи, а онъ, издатель «Отеч. Записокъ» просто, *индивидуй!?!*.. Позвольте; вы, можетъ быть, хотите знать, что такое «индивидуй»: это искаженіе слова «индивидуумъ», значеніе котораго извѣстно всякому знающему французскій языкъ, потому что слово «индивидуумъ» есть то же самое, что слово individu. А искажено оно въ *индивидуя*, потому что такова участь всѣхъ словъ, употребляемыхъ «Отечественными Записками»: многіе, повторяя ихъ, искажаютъ, какъ русскіе солдаты генерала Блюхера въ Брюхова, о чемъ уже и было замѣчено въ «Отеч. Запискахъ» [68]). Но почему же, спросите вы, г. Навроцкій употребилъ слово *индивидуй*, какъ брань? На это

мы вамъ не умѣемъ отвѣчать; спросите у самого г. Навроцкаго. Вѣдь геніи и кандидаты въ геніи не слѣдуютъ общимъ уставамъ человѣчества: для нихъ законъ не писанъ, у нихъ все свое...

Въ 31 № «Сѣв. Пчелы» нынѣшняго года, г. Навроцкій помѣстилъ цѣлую комедію на критическую статью 1-го № «Отечеств. Записокъ» за нынѣшній годъ. Гдѣ-то, въ провинціи, кухарка, или кучеръ, извѣщаетъ своихъ господъ, что ихъ барченокъ съ ума сошелъ и поретъ дичь. Дражайшіе родители, а вмѣстѣ съ ними и кандидатъ въ геніи, г. Навроцкій, приходятъ въ комнату сумасшедшаго, который говоритъ вслухъ отрывочныя фразы, тамъ и сямъ вырванныя изъ статьи «Отеч. Записокъ»; но говоритъ ихъ съ разстановкою, такъ что родители и г. Навроцкій успѣваютъ въ промежуткахъ надѣлать множество остроумныхъ замѣчаній насчетъ кажущейся имъ нелѣпости статьи. Честное компанство думаетъ, что молодой человѣкъ бредитъ во снѣ; но онъ вдругъ отдергиваетъ занавѣсъ кровати и говоритъ имъ, что онъ не спалъ, а читалъ вслухъ «Отеч. Записки»... Для г. Навроцкаго, это довольно затѣйливо и даже забавно. Не дурно, г. кандидатъ въ геніи, право, не дурно!

Но плоская насмѣшка еще не доказательство. Можно все ругать, надъ всѣмъ смѣяться: вѣдь пошлины не возьмутъ съ того, кто назвалъ бы, напримѣръ, бредомъ, нелѣпицею, вздоромъ—драмы Шекспира, или творенія Гегеля. Извѣстно, что *геніямъ* законъ не писанъ, и потому, тщетно бы хотѣли мы переувѣрять г. Навроцкаго: его не переувѣришь, потому что онъ не простой человѣкъ, а кандидатъ въ геніи. Въ отношеніи къ себѣ самому, т. е. къ разумѣнію своей геніальности, онъ совершенно правъ и совершенно добросовѣстенъ, называя *бредомъ* и *нелѣпостью* все, что пишется въ «Отеч. Запискахъ». Если бъ какой-нибудь французскій ученый, хоть самъ знаменитый Кювье, пріѣхавъ въ наемномъ фіакрѣ въ засѣданіе академіи, вздумалъ взять съ собою какого-нибудь молодца не изъ ученыхъ, а такъ, хоть своего автомедона, и заставилъ бы его выслушать свой споръ съ Жоффруа-де-Сент-Илеромъ объ аналогіи животныхъ: разумѣется, добрый и честный возница принялъ бы обоихъ естествоиспытателей за глупцовъ, которые несутъ дичь, и подивился бы отъ души, что бары занимаются такими вздорами, какъ рога коровъ и крылья бабочекъ... Но академіи защищены отъ вторженія автомедоновъ, а журналы могутъ читаться всѣми знающими грамоту, и думающими, что если кто выучился грамотѣ, тотъ все знаетъ и понимаетъ,—а что для него непонятно, то бредни, вздоръ и нелѣпость... Мы увольняемъ себя отъ труда говорить съ г. Навроцкимъ; а тѣмъ, которые находятъ его статью заслуживающею вниманія, совѣтуемъ сличить ее съ статьею «Отеч. Записокъ», на которую нападаетъ нашъ знаменитый кандидатъ въ геніи. Фразы, вырванныя и сведенныя между собою изъ разныхъ мѣстъ статьи, которой всѣ части связаны внутреннимъ единствомъ, и въ которой разсуждается о предметахъ, невыговариваемыхъ въ одномъ отдѣльномъ періодѣ, или даже и отрывочномъ выраженіи,—такія фразы, естественно, могутъ казаться странными. Вотъ, напримѣръ, двѣ строки, выписанныя г. Навроцкимъ

изъ статьи «Отеч. Записокъ»: «Есть ли у насъ публика?.. рѣшимъ этотъ вопросъ... не будемъ говорить, есть ли у насъ публика». Въ самомъ дѣлѣ, странно; но взгляните на выноски въ статьѣ г. Навроцкаго,—и вы увидите, что эти фразы выписаны изъ двухъ страницъ статьи «Отеч. Записокъ»—16 и 17-й. Какъ тутъ спорить? И о чемъ? и для чего? и для кого?.. Если для людей, которые повѣрятъ статьѣ г. Навроцкаго потому только, что она короче статьи «Отеч. Записокъ», то игра не стоитъ свѣчъ:—*такіе* люди могутъ думать объ «Отеч. Запискахъ» что имъ угодно, и «Отеч. Записки» ничѣмъ не оскорбятся отъ нихъ. Что же касается до людей мыслящихъ, а слѣдственно, и смыслящихъ,—то они и безъ насъ поймутъ цѣну и назначеніе статьи г. Навроцкаго, и отличатъ голосъ оскорбленнаго авторскаго самолюбія, брань раздраженной литературной бездарности—отъ голоса истины. Г. Навроцкій въ началѣ своей статьи смѣется надъ «Ревизоромъ» Гоголя, думая въ простотѣ ума и сердца, что его «Новый Недоросль» гораздо лучше «Ревизора». Неужели и противъ этого писать возраженіе? Г. Навроцкому кажется нелѣпою мысль статьи «Отеч. Записокъ», что «Онѣгинъ есть человѣкъ, чувствующій свое превосходство надъ толпою, рожденный съ большими силами души» и онъ возражаетъ на это такъ: «Онѣгинъ, герой пушкинскаго романа, русскій дворянинъ, который съ нетерпѣніемъ дожидался смерти своего дяди, ни за что убилъ своего друга, Ленскаго, отвергнулъ и *чуть не разругалъ* невинную дѣвушку Татьяну, признавшуюся въ любви къ нему, а потомъ сталъ волочиться за тою же Татьяною, когда она стала *замужнею* женщиною». Неужели и противъ этого писать возраженіе?—Пожалуй, такъ, слегка: Онѣгинъ жаловался на скучную роль, которую ему предстояло играть у постели совершенно чуждаго ему человѣка, который оставлялъ ему послѣ себя наслѣдство по праву родства, а не по праву любви, слѣд., нѣтъ ничего худаго, что Онѣгинъ скучалъ отъ скучной роли и былъ холоденъ къ тому, съ кѣмъ не былъ связанъ любовью. Ленскаго онъ убилъ совсѣмъ не ни за что, какъ *сочиняетъ* нашъ кандидатъ въ геніи, а за то, что тотъ самъ хотѣлъ убить его совершенно ни за что, и первый вызвалъ его на дуэль. Татьяну Онѣгинъ и не думалъ ругать: его отвѣтъ на ея объясненіе—верхъ деликатности, утонченной свѣткости, благороднаго тона. Если г. Навроцкій принялъ отвѣтъ Онѣгина за ругательство, то намъ дѣлать съ этимъ нечего: таковъ ужь видно взглядъ на вещи у кандидатовъ въ геніи! Что Онѣгинъ на признаніе дѣвушки, къ которой ничего не чувствовалъ, отвѣчалъ искренно и прямо: это дѣлаетъ честь благородству его характера, и больше всего доказываетъ, что онъ былъ выше толпы и родился съ большими силами души. Только человѣкъ безъ чести сталъ бы увѣрять Татьяну, что и онъ ее любитъ... Что Онѣгинъ влюбился въ Татьяну, когда она сдѣлалась замужнею женщиною, это было для него несчастіемъ, но не его виною: только одни кандидаты въ геніи сами могутъ располагать движеніями своего сердца, и влюбляться и разлюбляться по волѣ своей; а простые люди, въ этомъ случаѣ, невольники какой-то враждебной и неотразимой силы, внѣ ихъ находящейся...

Но мы заговорились и совсѣмъ забыли, что говоримъ съ г. кандидатомъ въ геніи,—извините.

О фразѣ же г. Навроцкаго касательно Res publica, мы не скажемъ ни слова...

Да; вотъ еще что: въ статьѣ «Отечественныхъ Записокъ» есть слѣдующая фраза: «Нѣкоторые изъ господъ, ратующихъ противъ «Отеч. Записокъ», невольно подчиняются ихъ духу, и смѣшно видѣть, какъ они мало-по-малу начинаютъ употреблять тѣ самыя непонятныя слова, которыя имъ столь ненавистны въ «Отеч. Запискахъ».—А правда это?—спрашиваетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ кукольной комедіи г. Навроцкаго. «Ничего не бывало, просто *клеплетъ* на всѣхъ». Какъ, г. Навроцкій? А *индивидуй*, котораго вы скроили изъ *индивидуума?* А ваша фраза о статьѣ «Отеч. Записокъ»: «*Да это верхъ нелѣпости, геркулесовы столпы, далѣе которыхъ нелѣпость не дерзаетъ*»? Вѣдь она взята вами изъ отзыва «Отеч. Записокъ» о *вашей* несравненной комедіи! Видите ли: если ужь вы, кандидатъ въ геніи, берете у «Отеч. Записокъ» не только слова, но и цѣлыя фразы, что же другіе-то, которые не имѣютъ никакихъ претензій на геніальность?..[69]).

***525. На Сонъ Грядущій.** Отрывки изъ вседневной жизни. Сочиненіе графа *В. А. Соллогуба.* Санктпетербургъ. 1841. Въ Гутенберговой типографіи. Въ 8-ю д. л. 428 стр. [70]).

Какъ отрадно посреди различнаго хлама, описаніемъ и взвѣшиваніемъ котораго поневолѣ должна заниматься наша Библіографическая Хроника, встрѣтить книгу, непринадлежащую ни къ журнальнымъ, ни къ книгопродавческимъ спекуляціямъ,—книгу, которой авторъ не собиралъ денегъ на подписку за 18 неизданныхъ томовъ, не объявлялъ своихъ претензій на званіе дворецкаго въ русской литературѣ, не писалъ похвалъ самому себѣ на татарско-бѣлорусскомъ нарѣчіи,—но въ которой находите просто умъ, талантъ и изящество! [71]).

Душа отдыхаетъ при взглядѣ на одну наружную форму этой книги: здѣсь вы встрѣтите имена людей, всѣми уважаемыхъ; вы видите себя въ кругу хорошаго общества; вы увѣрены, что ни что не оскорбитъ чувства приличія, что не встрѣтите дальновидныхъ разсчетовъ на легковѣріе публики, ни горячаго заступничества за товарищей; вы спокойны,—эту книгу можно читать безъ перчатокъ.

Начавъ читать ее, вы увлекаетесь занимательностью содержанія, живостію красокъ, изяществомъ разсказа. Вы замѣчаете въ этомъ ряду повѣстей не вялое, безжизненное повтореніе одного и того же, которымъ промышляютъ писаки, *по обстоятельствамъ* сдѣлавшіеся сочинителями романовъ, трагедій, исторій чего угодно, только было бы не въ убытокъ,—нѣтъ, вы видите въ этой книгѣ то, что всегда почитается признакомъ истиннаго дарованія,—видите, что каждая

повѣсть молодого писателя новый шагъ впередъ, и что съ каждымъ шагомъ его дарованіе мужаетъ и укрѣпляется.

Первая повѣсть «*Три Жениха*» отличается въ особенности живымъ изображеніемъ провинціальнаго быта. Содержаніе ея не запутано; нѣсколько смѣшныхъ портретовъ счастливо очерчено; вы дочитываете до конца и жалѣете, зачѣмъ въ такой тѣсной рамѣ сжата эта картина.—Вторая повѣсть представляетъ картину нѣмецкаго городка и разгульный студенческій бытъ. Та же наблюдательность, тѣ же небрежные, но счастливые очерки; однако здѣсь уже не одна смѣшная сторона жизни, здѣсь мимоходомъ прорывается и глубокое чувство.—«Сережа» переноситъ васъ въ кругъ свѣтскаго общества. Здѣсь почти одно дѣйствующее лицо, петербургскій молодой человѣкъ, который не знаетъ куда дѣвать свое время и сердце; но въ изобрѣтеніи этого характера болѣе глубины, нежели съ перваго взгляда кажется по шутливому, небрежному тону, которымъ написана повѣсть; характеръ этотъ былъ бы достоинъ болѣе-подробнаго развитія; въ немъ схвачены на-лету основныя черты физіономіи молодыхъ людей новаго поколѣнія, которые—уже ни Онѣгинъ, ни Графъ Нулинъ... Графъ Соллогубъ первый перенесъ въ литературный міръ эту новую породу романическихъ характеровъ и, какъ ботанистъ, открывшій новое растеніе, можетъ смѣло поставить при имени «Сережи»: mihi [72]). Неожиданность развязки этой повѣсти показываетъ въ авторѣ уже большую опытность въ расположеніи частей разсказа.

Приступаемъ къ другимъ повѣстямъ, которыя относятся, какъ кажется, ко второму періоду литературной жизни автора. Всѣмъ памятно впечатлѣніе, произведенное на читателей *Исторіею двухъ Калошъ*, когда эта повѣсть въ первый разъ была напечатана въ 1-й книжкѣ Отеч. Зап. 1839 года. По нашему мнѣнію, она принадлежитъ къ лучшимъ повѣстямъ, когда-либо написаннымъ на русскомъ языкѣ. Естественность и вмѣстѣ оригинальность завязки, искусно протянутая нить разсказа, все болѣе и болѣе раздражающая любопытство читателя, вѣрность въ изобрѣтеніи и изображеніи характеровъ, наконецъ изящество слога, все это вмѣстѣ оправдываетъ наше мнѣніе. Въ «Исторіи двухъ Калошъ» ужь не замѣтно прежней небрежности; но болѣе тщательная обработка подробностей нисколько не повредила живости и естественности слога. Здѣсь нѣтъ ни одного лишняго характера, ни одного не нужнаго для повѣсти описанія. Сапожныхъ дѣлъ мастеръ Іоганнъ-Петеръ-Аугустъ-Марія Мюллеръ, надворный совѣтникъ Оедоренко, органистъ Шульцъ, княгиня, покровительница музыканта, даже настройщикъ,—всѣ эти лица изображены мастерски, каждое имѣетъ только тѣ чувства, только тѣ мысли, которыя оно можетъ имѣть, каждое говоритъ тѣмъ языкомъ, которымъ должно говорить. Эта тайна извѣстна не многимъ изъ нашихъ романистовъ и драматистовъ. Въ большей части произведеній сихъ господъ, которые вытягиваются *не-литературными* журналами въ длину и ширину, можно перемѣшать рѣчи всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, вынимать любую на угадъ—и выйдетъ одно и то же.

Въ «Исторіи двухъ Калошъ» замѣчательно искусство, съ которымъ авторъ умѣлъ говорить о предметѣ не совсѣмъ, такъ сказать, литературномъ, какова калоша,—говорить съ непринужденностію, съ приличной шуткой. Можно поручиться, что такой предметъ былъ бы камнемъ преткновенія для «калоши», какъ говоритъ графъ Соллогубъ, «сардонической, наблюдающей всѣ нравы безъ исключенія, даже нравы тѣхъ гостиныхъ, куда ея не пускаютъ». Кстати замѣтимъ, что критикъ «Сѣверной Пчелы» очень серьезно доказывалъ, что непремѣнно надобно писать галоши, а не калоши. Поздравляемъ съ находкою! Еслибъ эти господа ограничивались только такого рода замѣчаніями и наблюденіями, мы не такъ горевали бы объ участи нашей журналистики; но не будемъ мѣшать похожденіямъ этихъ господъ по русской азбукѣ: можетъ быть, они когда-нибудь въ ней чему и научатся; подождемъ, потерпимъ...

«*Большой Свѣтъ*, повѣсть въ двухъ танцахъ», хотя менѣе предъидущей оригинальна по своей завязкѣ, но весьма занимательна по тщательной, окончательной обдѣлкѣ характера. Впрочемъ, характеръ Сафьева, весьма замѣчательный и новый по изобрѣтенію, намъ кажется, слишкомъ—преувеличенъ. Его постоянное мщеніе графинѣ, мы думаемъ, продолжается слишкомъ долго. Сверхъ того, напрасно скрыта отъ читателя другая половина этого характера: любопытно было бы изобразить, что̀ мыслитъ и чувствуетъ этотъ загадочный человѣкъ, когда онъ не играетъ комедіи. Его поступки измѣняютъ той промышленной и эгоистической маскѣ, которую онъ на себя надѣваетъ: любопытно было бы знать, какимъ образомъ эта маска, носимая съ такимъ постоянствомъ, дѣйствуетъ на внутреннее состояніе его души: любопытно было бы знать печали и страданія, которыя испытываетъ человѣкъ, обрекшій себя на такое душевное одиночество, который старается себя убѣдить, что онъ не вѣритъ сочувствію съ другими людьми, не вѣритъ собственной возвышенности духа. Характеру Сафьева тѣсно въ повѣсти: онъ можетъ быть предметомъ весьма занимательнаго и большаго романа. Мы весьма желали бы, чтобъ авторъ «Большаго Свѣта» подарилъ насъ такимъ произведеніемъ: въ немъ удобно и кстати могутъ быть изслѣдованы всѣ стихіи нашего вѣка, этого чуднаго боренія вольтеровской насмѣшки и англійскаго матеріализма, съ идеальными, возвышенными порывами поэтовъ и мыслителей.

Но да не пріймутъ читатели нашей искренней похвалы за пристрастіе къ сотруднику; напротивъ, мы будемъ строги къ молодому автору... Оставляемъ въ сторонѣ опечатки на поживу людей, которые безъ того не имѣли бы насущнаго хлѣба—(имъ будетъ чѣмъ поживиться, ибо на эти опечатки не поскупился корректоръ до такой степени, что на 408 страницѣ, вмѣсто слова, которое, вѣроятно, должно быть: *два противника*, напечатано: *два избранные*, отъ чего фраза потеряла смыслъ);—но замѣтимъ опечатки другаго рода, въ которыхъ виноватъ уже не корректоръ. Напримѣръ, стр. 64: «часто сходился я *съ* людьми *съ* душой благородной, *съ* свѣтлымъ умомъ»; въ этой фразѣ, странная двусмысленность, которой можно было избѣжать, употребивъ пре-

красный, лишь русскому языку свойственный оборотъ: «души благородной, ума свѣтлаго», какъ напримѣръ *мужъ совѣта* у Пушкина.

На стр. 89, слово *поминала* употреблено вмѣсто: «помнила», или «вспомнила». На стр. 103 употреблены два глагола въ разныхъ временахъ: «подпирала—устремились». На стр. 354, вмѣсто: «по мнѣнію свѣта», точнѣе, по смыслу фразы, было бы сказать: «въ мнѣніи свѣта». На стр. 368: «такъ, какъ говорилъ я, прошло два года», не хорошо! На стр. 375: «опять заблужденіе одно отъ него отлетѣло», неправильная разстановка словъ; впрочемъ, можетъ быть здѣсь и опечатка...

Мы могли бы набрать съ десятокъ такихъ обмолвокъ; правда, онѣ бездѣлица, но зачѣмъ при такомъ умѣньи владѣть языкомъ, при такой естественной гибкости слога, зачѣмъ, повторяемъ, даря публику прекраснымъ подаркомъ, не уничтожить этихъ небрежностей и давать поводъ незваннымъ гостямъ въ нашей литературѣ цѣпляться за эти небрежности и питать ими свое корректурное тщеславіе, которое симъ господамъ замѣняетъ всѣ возможные таланты и свѣдѣнія?.. Мы увѣрены, что авторъ отдѣлается отъ этихъ небрежностей при второмъ изданіи своей книги, въ необходимости котораго невозможно сомнѣваться.

Объемъ библіографической статьи не позволяетъ намъ ни разсказать содержанія повѣстей, ни обратить вниманіе на многія и многія страницы, блестящія неподдѣльнымъ, непринужденнымъ остроуміемъ, къ которому не пріучили насъ наши романисты,—на другія страницы, отличающіяся истиннымъ, высокимъ краснорѣчіемъ,—на цѣлыя сцены, одушевленныя глубокимъ чувствомъ и вѣрною наблюдательностію. Прочтите, напримѣръ, сцену бала (193 по 200 стр.); сцену концерта (213 по 217); сцену похоронъ княгини (242 по 248); сцену въ церкви (157 по 161), или послѣднія главы *Большаго Свѣта* (стр. 410 по 428). Прочтите небольшое письмо любовника, этотъ камень преткновенія для обыкновенныхъ романистовъ (стр. 224):

Генріетта! Я былъ на краю гроба: зачѣмъ удержали вы меня? Къ чему воспоминанія? Онѣ насмѣшка надъ настоящимъ. Забудьте меня! Я не тотъ, что былъ: вы не узнаете меня. Теперь я нищій, совершенно нищій,—нищій достояніемъ, нищій твердостью, нищій мыслію и чувствомъ. Одно сокровище храню я еще въ душѣ моей: это любовь къ вамъ, моя Генріетта,—это любовь къ тебѣ, моя невѣста. Я унесу ее съ собой... Настанетъ жизнь, гдѣ наши жизни сольются въ одномъ солнечномъ лучѣ. Тогда мы будемъ счастливы... Прощайте!

Это письмо въ нѣсколько строкъ, но оно требовало больше таланта и знанія человѣческаго сердца, нежели составленіе цѣлой повѣсти. Хотите ли сцену въ другомъ родѣ (стр. 372 и 373):

Всѣхъ болѣе надоѣлъ ему маленькій франтикъ съ мужицкой прической, съ цѣпочкой, съ лорнетомъ, который не давалъ ему покоя.

— A! bonjour, очень радъ васъ здѣсь встрѣтить. Мы въ театрѣ очень часто видимся. Кто вамъ больше нравится: Allan или Taglioni? Вообразите, я видѣлъ пятнадцать разъ сряду „Гитану“. Я всегда во французскомъ теат-

рѣ. Что дѣлать?.. Люблю Allan; насъ въ театрѣ нѣсколько человѣкъ всегда вмѣстѣ—Петруша, Ваня... Вы знаете Петрушу, графа Петра В., и Ваню, князя Ивана? Славные ребята! Я съ ними неразлученъ. Обѣдаемъ каждый день почти вмѣстѣ у Кулона или у Legrand. Какъ по вашему, кто лучше, Legrand или Coulon? Хорошъ Legrand! Дорогъ, нечего сказать, а мастеръ своего дѣла!—Вы много ѣздите въ свѣтъ, слышалъ я.—Скажите пожалуйста, етъ ву каню авекъ ле Чуфыринъ э ле Курмицынъ?—„Нѣтъ.“—Жалко! Очень у нихъ весело! Ужь не такіе вечера, продолжалъ онъ, наклонясь на ухо Леонина и улыбаясь лукаво, ужь не такіе вечера, какъ здѣсь; почище, гораздо почище. Въ комнатахъ освѣщено прекрасно, а за ужиномъ не подаютъ чортъ знаетъ что. Курмицыны долго были за границей и живутъ совершенно на иностранный genre. Славные вечера! Я очень хорошъ въ домѣ. Хотите, я васъ представлю? Я съ ними очень друженъ..

Не правда ли, что вы встрѣчали этого франтика? непремѣнно встрѣчали! Онъ живой передъ вами. Увѣряемъ автора, что его господинъ *йетъ ву каню* войдетъ въ пословицу и останется вѣчнымъ... какъ-бишь это называется, *типомъ* что ли?—въ исторіи нашихъ нравовъ.

Не желая предупреждать любопытства читателей, мы выписали здѣсь небольшія отдѣльныя строки; но повѣсти графа Соллогуба производятъ наибольшее впечатлѣніе въ своей цѣлости, а остроумная его наблюдательность усыпала ихъ такими неожиданными и тонкими подробностями, которыя непереносимы въ критику. Нельзя не подивиться, какъ хорошо извѣстны молодому писателю всѣ классы нашего общества: и большой свѣтъ, и бытъ поселянъ, и средній классъ, и жизнь Нѣмцевъ, и студенческій бытъ, и провинціальные обычаи,—и, что всего важнѣе, всѣ разсказы его согрѣты теплымъ чувствомъ любви и проникнуты благородствомъ мыслей; здѣсь тайна того сочувствія съ читателями, котораго никогда не постигнутъ люди, думающіе, что можно писать безъ вдохновенія, даже безъ убѣжденія и что въ искусствѣ, какъ въ ремеслѣ: стоитъ только набить руку, чтобъ попасть въ литераторы.

Оканчивая статью, мы не можемъ не принести жертвы промышленному духу нашего времени. Вспоминая хорошія повѣсти, у насъ существующія, мы нашли, что русская литература нашего времени не совсѣмъ бѣдна ими,—и потому думаемъ, что тотъ затѣялъ бы хорошее дѣло, кто собралъ бы въ одну книгу всѣ повѣсти, донынѣ изданныя особо, или разсѣянныя по журналамъ: Пушкина, Гоголя, Лермонтова, князя Одоевскаго, графа Соллогуба, Даля, Павлова, псевдонима А. Н. [73]), Панаева, Гребенки и другихъ. Такое собраніе необходимо имѣло бы успѣхъ въ Россіи и послужило бы пособіемъ для иностранцевъ, которые съ недавняго времени такъ прилежно занимаются русскою литературою, и которые, будучи обмануты пышными объявленіями литературныхъ спекулянтовъ, принимаются за переводы издѣлій, нисколько не достойныхъ этой чести и только поселяющихъ весьма странное мнѣніе о нашей литературѣ на чужой сторонѣ, гдѣ не могутъ быть извѣстны всѣ домашнія сдѣлки нашихъ чернильныхъ витязей [74]).

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

526. Братья-Враги или Мессинская Невѣста. Трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. *Шиллера* [75]).

Не «Братья-Враги», а просто «Мессинская Невѣста» Шиллера, и притомъ въ переводѣ г. Ротчева, нарочно для представленія сокращенномъ. Эта лирическая трагедія есть попытка Шиллера воскресить древнюю, греческую трагедію: вотъ для чего онъ основалъ свою «Мессинскую Невѣсту» на идеѣ предопредѣленія и неизбѣжнаго рока, и ввелъ въ нее хоръ. Хотя идея предопредѣленія и производитъ на душу непріятное, анти-поэтическое впечатлѣніе, какъ ржавая и скрыпучая пружина,—однако трагедія Шиллера есть высокое произведеніе въ своемъ родѣ: пламенное, бурное, порывистое одушевленіе, шиллеровскій паѳосъ, раздирающія душу трагическія положенія, превосходные стихи, волны лиризма, разливающагося широкимъ потокомъ,—вотъ отличительныя качества «Мессинской Невѣсты». Мы никакъ не думали, чтобъ лирическая трагедія могла быть поставлена на сцену и производить съ нея какой-либо эффектъ; но теперь вполнѣ убѣдились, что если бъ, даже только при умной, отчетливой, но не одушевленной, не проникнутой страстью игрѣ главныхъ лицъ, вся пьеса въ цѣломъ хорошо выполнялась,—то производила бы на зрителей еще болѣе сильное и потрясающее дѣйствіе, чѣмъ другія трагедіи Шиллера.

***527. Душенька,** древняя повѣсть, *И. Богдановича.* Изданіе конторы привиллегированной типографіи Е. Фишера, въ Санктпетербургѣ. Санктпетербургъ. 1841. Въ 12-ю д. л. 78 стр. [76]).

«Душенька» имѣла въ свое время успѣхъ чрезвычайный, едва ли еще не высшій, чѣмъ трагедіи Сумарокова, комедіи Фон-Визина, оды Державина, «Россіада» Хераскова. Пастушеская свирѣль Богдановича очаровала слухъ современниковъ сильнѣе трубъ и литавръ эпическихъ поэмъ и торжественныхъ одъ; миртовый вѣнокъ его былъ обольстительнѣе лавровыхъ вѣнковъ нашихъ Гомеровъ и Пиндаровъ того времени. До появленія въ свѣтъ «Руслана и Людмилы» наша латература не представляетъ ничего похожаго на такой блестящій тріумфъ, если исключить успѣхъ «Бѣдной Лизы» Карамзина. Всѣ поэтическія знаменитости пустились писать надписи къ портрету счастливаго пѣвца «Душеньки», а когда онъ умеръ,—эпитафіи на его гробѣ. Одинъ Дмитріевъ, въ свое время поэтическая знаменитость первой величины, написалъ три такія эпитафіи; вотъ онѣ:

I.

Привѣсьте къ урнѣ сей, о Граціи! вѣнецъ:
Здѣсь Богдановичъ спитъ, любимый вашъ пѣвецъ.

II.

Въ спокойствіи, въ мечтахъ текли его всѣ лѣта,
Но онъ внимаемъ былъ владычицей полсвѣта,
И въ памяти его Россія сохранитъ.
Сынъ Феба! возгордись: здѣсь Музъ любимецъ спитъ.

III.

На урну преклонясь вечернею порою,
Амуръ невидимо здѣсь часто слезы льетъ,
И мыслитъ, отягченъ тоскою,
Кто Душеньку теперь такъ мило воспоетъ?

Кажется, родной братъ Богдановича [77]) написалъ слѣдующее, славное въ свое время двоестишіе къ творцу «Душеньки»:

Зефиръ ему перо изъ крылъ своихъ давалъ,
Амуръ водилъ перомъ, онъ „Душеньку“ писалъ.

Батюшковъ воспѣлъ Богдановича въ своемъ прекрасномъ посланіи къ Жуковскому «Мои Пенаты», вмѣстѣ съ другими знаменитостями русской литературы:

За ними Сильфъ прекрасный,
Воспитанникъ Харитъ,
На цитрѣ сладкогласной
О Душенькѣ бренчитъ;
Мелецкаго съ собою
Улыбкою зоветъ,
И съ нимъ, рука съ рукою,
Гимнъ радости поетъ.

Карамзинъ написалъ разборъ «Душеньки», въ которомъ силился доказать, что Богдановичъ побѣдилъ Лафонтена, забывъ, что сказка Лафонтена если писана и прозою, то прозою изящною, на языкѣ уже установившемся, безъ усѣченій, безъ насильственныхъ удареній, что у Лафонтена есть и наивность, и остроуміе, и грація, столь сродственныя французскому генію.

Что же такое въ самомъ то дѣлѣ эта препрославленная, эта пресловутая «Душенька»?—Да ничего, равно ничего: сказка, написанная тяжелыми стихами, съ усѣченными прилагательными, натянутыми удареніями, часто съ полубогатыми и бѣдными рифмами, сказка, лишенная всякой поэзіи, совершенно чуждая игривости, граціи, остроумія. Правда, авторъ ея претендовалъ и на поэзію, и на грацію, и на остроумную наивность, или наивное остроуміе; но все это у него поддѣльно, тяжело, грубо, часто безвкусно и плоско. Выпишемъ для примѣра хоть то мѣсто, гдѣ Душенька подходитъ къ спящему Амуру, съ свѣтильникомъ въ рукѣ, и съ мечомъ подъ полою:

Тогда царевна осторожно,
Встаетъ *толь* тихо какъ возможно,
И низу, по тропѣ златой,
Едва касаяся пятой,
Выходитъ въ *нѣкакій* покой,

Гдѣ многія отъ глазъ преграды
Скрывали мечъ и свѣтъ лампады.
Потомъ съ лампадою въ рукахъ,
Идетъ пазадъ, на всякій страхъ,
И съ воображеніемъ печальнымъ,
Скрываетъ мечъ подъ платьемъ спальнымъ;
Идетъ, и медлитъ на пути,
И ускоряетъ вдругъ ступени,
И собственной боится тѣни,
Боится змѣя тамъ найти.
Межъ тѣмъ въ чертогъ супружній входитъ.
Но кто представился ей тамъ?
Кого она въ одрѣ находитъ?
То былъ... но кто?.. Амуръ былъ самъ.
Сей богъ, властитель всей Натуры,
Кому покорны всѣ Амуры.
Онъ въ крѣпкомъ снѣ, почти нагой,
Лежалъ, раскинувшись въ постелѣ,
Покрытъ тончайшей пеленой,
Котора сдвинулась долой,
И частью лишь была на тѣлѣ.
Склонивъ лицо *ко* сторонѣ,
Простерши руки *обоюду*,
Казалось будто бы во снѣ
Онъ Душеньку искалъ повсюду.
Румянецъ розы на щекахъ,
Разсыпанный поверхъ лилеи,
И *бѣлы* кудри *въ трехъ рядахъ*,
Вьючись вокругъ бѣлѣйшей шеи,
И складъ, и нѣжность всѣхъ частей,
Въ виду, во всей красѣ своей,
Иль *кой* крылися отъ вида,
Могли унизить Аонида,
За коимъ нѣкогда, влюбясь,
Сама Венера, въ дождь и въ грязь,
Бѣжала въ дикія пустыни,
Сложивъ величество богини.
Таковъ открылся богъ Амуръ,
Таковъ, иль былъ тому подобенъ,
Прекрасенъ, бѣлъ и бѣлокуръ,
Хорошъ, пригожъ, *къ любви способенъ*.
Но въ мысляхъ вольныхъ, безъ *препятствъ*.
За сими краткими чертами,
Читатели представятъ сами,
Каковъ явился богъ *пріятствъ*
И Царь надъ всѣми красотами.

Увидя Душенька *прекрасно* божество,
На мѣсто аспида, котораго боялась,
Видѣніе сіе почла за колдовство.
Иль сонъ, или *призракъ*, и долго изумлялась,

И видя наконецъ, какъ каждый видѣть могъ,
Что былъ супругъ ея прекрасный самый богъ,
Едва не кинула лампады и кинжала,
И, позабывъ тогда свою *приличну стать*,
Едва не бросилась супруга обнимать,
Какъ будтобъ никогда его не обнимала.
Но удовольствіемъ *жадающихъ* очей
Остановлялась тутъ стремительность *любовна;*
И Душенька тогда недвижна и *безсловна*,
Считала ночь сію пріятнѣй всѣхъ ночей.
Она не разъ себя въ семъ дивѣ обвиняла,
Смотря со всѣхъ сторонъ, что только зрѣть могла,
Почто къ нему давно съ лампадой не пришла,
Почто его красотъ *заранѣ* не видала;
Почто о богѣ семъ въ незнаніи была,
И дерзостно его за змѣя почитала.
Впослѣдокъ царска дочь,
Въ *сію пріятну* ночь
Да, свободу взгляду,
Приближилась, потомъ приближила лампаду,
Потомъ нечаянной бѣдой,
При семъ движеніи, и робкомъ и несмѣломъ,
Держа огонь надъ самымъ тѣломъ,
Трепещущей рукой
Небрежно надъ бедромъ лампаду наклонила,
И, *масла часть* проливъ *оттоль*,
Ожогою бедра Амура разбудила.
Почувствовавъ *жестоку* боль,
Онъ вдругъ вздрогнулъ, вскричалъ, проснулся,
И, боль свою забывъ, *отъ свѣта ужаснулся;*
Увидѣлъ Душеньку, увидѣлъ также мечъ,
Который *изъ-подъ плечъ*
Къ ногамъ тогда *скользнулся;*
Увидѣлъ онъ вины,
Или *признаки* винъ *зломышленной жены;*
И тщетно тутъ желала
Сказать несчастья всѣ сначала,
Какія *въ выправку* сказать ему могла.
Слова въ устахъ остановлялись:
И свѣтъ и мечъ *въ винахъ* уликою являлись,
И Душенька тогда, *упадши*, обмерла.

Сирѣчь «сомлѣла»;—и по дѣломъ ей! Мы нарочно не поскупились на выписку: пусть читатели сами судятъ по этому отрывку, какого труда и поту стоитъ прочесть поэму, писанную такими милыми стишками и преисполненную такой легкой, очаровательной и граціозной поэзіи...

«Душенька» Богдановича ведетъ свое начало отъ высокаго эллинскаго миѳа о сочетаніи *души* съ *любовью*, т. е. о проникновеніи духовнымъ началомъ естественнаго влеченія половъ: на этотъ разъ изъ чистаго и глубокаго источ-

ника вытекла мутная лужица воробью по колѣно. Конечно, нельзя винить Богдановича за то, что ему не могла и въ голову войдти подобная мысль: объ этихъ премудростяхъ и въ самой Германіи очень не задолго до его времени начали догадываться; не винимъ его также за отсутствіе художественнаго такта, пластичности и наивной граціозности древнихъ: онъ не былъ ни художникомъ, ни поэтомъ, ни даже особенно талантливымъ стихотворцемъ, да въ его время о художественности и пластицизмѣ древнихъ и сами Нѣмцы только что начинали догадываться, а вся остальная Европа жила въ идеѣ остроумія; но вѣдь остроуміе должно же быть остроумно, а не плоско; шалость должна же быть игрива, граціозна, чтобъ не оскорблять эстетическаго вкуса...

Почему же «Душенька» Богдановича имѣла такой блестящій успѣхъ?—Мы первые согласны въ томъ, что всякій блестящій успѣхъ всегда основывается если не на достоинствѣ, то на какой-нибудь основательной причинѣ; и мы убѣждены, что успѣхъ «Душеньки» былъ вполнѣ заслуженный, также какъ и успѣхъ «Бѣдной Лизы». Это очень легко объяснить. Громкія оды и тяжелыя поэмы всѣхъ оглушали и удивляли, но никого не услаждали,—и потому всѣ мечтали о какой-то «легкой поэзіи», вѣроятно, разумѣя подъ нею салонную французскую беллетристику. И вотъ является человѣкъ, который для своего времени пишетъ просто и легко, даже забавно и игриво, силится ввести въ поэзію комическій элементъ, высокое смѣшать съ смѣшнымъ, какъ это есть въ самой дѣйствительности, реторику поддѣльнаго эмфаза замѣнить реторикою поддѣльной наивности и остроумія, какимъ наградила его скупая природа. Естественно, что все приходитъ въ восторгъ отъ такой *невидали* и *небывальщины:* должно было приглядѣться къ ней (а для этого нужно было время и время), чтобы увидѣть ея незначительность и пустоту. И приглядѣлись: но тогда еще наши литературные авторитеты сокрушались медленно: ихъ и не читали, а все-таки хвалили по преданію и лѣнивой привычкѣ. И вотъ Батюшковъ, поэтъ съ большимъ дарованіемъ и съ художественнымъ тактомъ, безсознательно преклоняясь передъ всемогущею тогда силой преданія, воспѣлъ Богдановича, какъ любимца музъ и грацій, съ которыми у пѣвца «Душеньки» не было ничего общаго. Вѣдь Дмитріевъ говорилъ же о Херасковѣ:

Пускай отъ зависти сердца зоиловъ поютъ;
Хераскову они вреда не нанесутъ:
Владиміръ, Іоаннъ щитомъ его покроютъ
И въ храмъ безсмертья проведутъ.

Воейковъ (во время оно, тоже литературная и поэтическая знаменитость) провозглашалъ:

Херасковъ, *нашъ Гомеръ,* воспѣвшій древни брани,
Россіи торжество, паденіе Казани...

А теперь?—Увы!—Sic transit gloria mundi!.. Успѣху «Душеньки» много способствовалъ и ея вольный, шаловливый тонъ, столь противоположный чопорности литературныхъ приличій того времени. Этому же обстоятельству много обязаны были своимъ успѣхомъ и сказки Дмитріева «Причудница» и «Модная Жена»,

которыя впрочемъ по литературному достоинству гораздо выше «Душеньки». Однакожъ, поэма Богдановича все-таки замѣчательное произведеніе, какъ фактъ исторіи русской литературы: она была шагомъ впередъ и для языка, и для литературы, и для литературнаго образованія нашего общества. Кто занимается русскою литературою какъ предметомъ изученія, а не одного удовольствія, тому— еще болѣе записному литератору — стыдно не прочесть «Душеньки» Богдановича.—Но безотносительныхъ достоинствъ она не имѣетъ никакихъ, и въ наше время нѣтъ ни малѣйшей возможности читать ее для удовольствія.

А между тѣмъ, «Душенька» до сихъ поръ все печатается новыми изданіями; мелкіе книжные торговцы сдѣлали ее постояннымъ средствомъ для своихъ спекуляцій. И это очень понятно. У насъ есть особый классъ читателей: это люди, только что начинающіе читать вмѣстѣ съ перемѣною національнаго сермяжнаго кафтана на что то среднее между купеческимъ длиннополымъ сюртукомъ и фризовою шинелью. Обыкновенно они начинаютъ съ «Милорда Англинскаго», и «Потеряннаго Рая» (неистовымъ образомъ переведеннаго прозою съ какого то реторическаго французскаго перевода), «Письмовника» Курганова, «Душеньки» и басень Хемницера,—этими же книгами и оканчиваютъ, всю жизнь перечитывая усладительныя для ихъ грубаго и необразованнаго вкуса творенія. Потому то эти книги и издаются почти ежегодно нашими сметливыми книжными торговцами.

Новое изданіе «Душеньки» очень скромно и ужасно безвкусно. Корректура неисправна. Приложеній нѣтъ никакихъ [78]).

***528. Сенсанціи и Замѣчанія госпожи Курдюковой за Границею данл'Этранже.** Тамбовъ (?). 1840. Печатано въ типографіи Journal de Saint-Pétersbourg (!). Въ 8-ю д. л. 180 стр. Съ эпиграфомъ:

Де бонъ тамбуръ де баскъ деріеръ ле монтанье.
(Рус. народ. пословица) [79]).

Эта книга принадлежитъ къ числу самыхъ примѣчательныхъ явленій типографскаго міра, она заслуживаетъ величайшаго вниманія и самыхъ лестныхъ похвалъ по своимъ политипажнымъ картинкамъ и виньеткамъ, — заслуживаетъ даже мимо содержанія, которое приложено къ ея картинкамъ и виньеткамъ, изобрѣтеннымъ и выполненнымъ превосходно. Вообще, вся книга издана съ типографскою роскошью и изяществомъ, какія у насъ рѣдко можно встрѣтить. Печатана она въ типографіи Journal de St.-Pétersbourg—единственной типографіи, гдѣ возможно дѣлать роскошныя изданія *).

*) Заглавный листокъ „Сенсацій" можетъ нѣсколько смутить библіомановъ: на немъ выставлено *Тамбовъ*, а на оборотѣ „*Печатано въ типографіи Journal de Saint-Pétersbourg*". Это—или ошибка, или шутка: всѣмъ извѣстно, что типографія Journal de St. Pétersbourg находится въ Петербургѣ, слѣдственно и книга издана въ Петербургѣ же.

Содержаніе книги—шуточное. Авторъ заставляетъ русскую провинціальную барыню путешествовать по Европѣ и разсказывать свои впечатлѣнія пестрымъ языкомъ, составленнымъ изъ смѣси русскихъ словъ съ французскими, которыя написаны русскими же буквами и отъ этого при произношеніи производятъ звуки имъ несвойственные. Все это многимъ кажется очень забавнымъ.—Для образца, беремъ на-удачу отрывокъ изъ одной «сенсаціи», чтобъ дать читателямъ понятіе, какимъ языкомъ и какимъ тономъ писана эта книжка. Барыня описываетъ Франкфуртъ:

И тутъ *ле пале антикъ*,
Герцоги куда съѣзжались
Въ *амперёры* выбирались.
Теперь пѣтъ ихъ; безъ вѣнца,
Коммандиры три купца,
Просто въ шляпѣ треугольной,
И съ фигурой предовольной.
Ихъ доспѣхи: *энъ* фракъ *нуаръ*,
Энъ жабо и энъ жушуаръ,
И манжеты и манишки,
И атласныя штанишки,
Э де бухль, э де сулье,
И шпажечка *ан-асье*,
Коей, сколько можно видѣть,
Даже мухи не обидѣть (Стр. 120).

Намъ кажется, что подобныя произведенія теряютъ въ печати свое достоинство: ихъ можно съ удовольствіемъ слушать, когда кто-нибудь ловко декламируетъ ихъ или просто читаетъ живымъ голосомъ, какъ дѣлаетъ это иногда самъ почтенный авторъ «Сенсацій» [80]).

***529. Мозаисты**, соч. *Ж. Занда*. Перевелъ *М. Р**.—Санктпетербургъ. Въ тип. Карла Крайя. 1841. Въ 12-ю д. л. 224 стр. [81]).

Эта прекрасная повѣсть уже была переведена въ какомъ-то изданіи; но мы вновь перечли ее еще съ бо́льшимъ удовольствіемъ. Всѣмъ извѣстенъ талантъ разсказа знаменитой повѣствовательницы, равно какъ и ея недостатки: въ «Мозаистахъ» остается только удивляться таланту. Посвященіе этой повѣсти особенно дышитъ какою-то неотразимою прелестію теплаго и грустнаго чувства. Не можемъ удержаться, чтобъ не выписать вполнѣ этого поэтическаго посвященія:

Ты упрекаешь меня, мой милый, что я все разсказываю такія повѣсти, которыя печально оканчиваются и наводятъ на тебя какую-то грусть, или такія длинныя исторіи, что ты засыпаешь, не прочитавши половины ихъ. Такъ ты думаешь, малютка, что отецъ твой можетъ имѣть веселыя мысли послѣ такой жестокой зимы, послѣ такой холодной, нездоровой весны. Когда печальный сѣверный вѣтеръ воетъ около старыхъ елей нашихъ, когда журавль — во время утренней молитвы нашей, съ которою встрѣчаемъ мы

тусклый и печальный разсвѣтъ, испускаетъ свои отвратительные, тоску наводящіе крики, могу ли я думать о чемъ другомъ, кромѣ убійства и крови? Большія зеленыя привидѣнія пляшутъ около лампы моей, изливающей свой слабый блескъ, и я въ безпокойствѣ встаю, чтобъ отогнать ихъ отъ твоей постели. Но теперь ужъ прошло то время, когда дѣти вѣрили привидѣніямъ. Вы смѣетесь, когда мы разсказываемъ вамъ суевѣрные ужасы и страхи, сопровождавшіе дѣтство наше; разсказы о мертвецахъ, лишавшіе насъ сна и заставлявшіе насъ дрожать въ постелѣ до перваго благовѣста къ заутренѣ, возбуждаютъ въ васъ улыбку и усыпляютъ васъ въ вашихъ койкахъ. Такъ ты требуешь, чтобъ я что-нибудь разсказалъ тебѣ просто, безъ всякихъ вымысловъ? Постараюсь вспомнить одинъ изъ разсказовъ аббата Паноріо Бенпѣ, въ то время, какъ я былъ въ Венеціи. Аббатъ Паноріо былъ одинаковаго мнѣнія съ тобой о разсказахъ. Воображеніе его рисовало безпрестанно предъ нимъ фантастическіе призраки; болтовня старухи заставила его бояться колдуновъ и привидѣній. Онъ никогда не говорилъ объ нихъ. Съ другой стороны, онъ мало говорилъ и въ чувствительномъ родѣ. Романическая любовь казалась ему ужасною глупостью; но его занимали, какъ и тебя, мечты любителей природы, труды и несчастія артистовъ. Разсказы его имѣли всегда основаніемъ что-нибудь историческое, и если иногда они были печальны, за то оканчивались всегда какой-нибудь утѣшительной истиной, или полезнымъ наставленіемъ. Во время прекрасныхъ лѣтнихъ ночей, при ясномъ свѣтѣ луны, сидя въ бесѣдкѣ, украшенной цвѣтами, среди благоуханій виноградника, или жасмина, мы весело ужинали отъ 12-ти до 2-хъ часовъ, въ садахъ Санта-Маргарита. Нашими собесѣдниками бывали Ассамъ Зузуфъ, честный корцирскій купецъ, синьйоръ Леліо, первый пѣвецъ театра Фениссы, докторъ Акроцероніусъ, очаровательная Бенна и любезный аббатъ Паноріо. Въ зеленой клѣткѣ надъ столомъ пѣлъ соловей. Когда подавали шербетъ, Бенна настраивала свою лютню и также пѣла; но голосомъ еще болѣе мелодическимъ, чѣмъ голосъ соловья. Завистливая птица часто прерывала ее стремительными руладами и бѣшеными порывами мелодіи. Потомъ мы гасили свѣчи, соловей умолкалъ, луна разбрасывала блѣдные сапфиры и голубоватые бриллианты по хрустальной и серебряной посудѣ, разставленной предъ нами. Море вдали съ гармоническимъ шумомъ разбивало волны свои озеленѣвшіе берега, и вѣтеръ доносилъ къ намъ иногда медленный и монотонный речитативъ гондольера:

Intanto la bella Erminia fugge etc.

Тогда аббатъ разсказывалъ о прекрасныхъ дняхъ республики и о правахъ соотечественниковъ его во времена силы и славы ихъ отчизны. Иногда онъ вспоминалъ о пышности и блескѣ Венеціи. Хотя онъ былъ молодъ въ тѣ счастливыя времена, но зналъ исторію лучше всякаго, самаго стараго изъ гражданъ. Онъ съ любовью изучалъ ее въ памятникахъ и хартіяхъ. Онъ любилъ также собирать въ народныхъ преданіяхъ свѣдѣнія о подробностяхъ жизни великихъ артистовъ. Однажды, когда мы говорили о Тенторе и о Тиціанѣ, онъ разсказалъ намъ кстати маленькую повѣсть, которую я постараюсь припомнить, если теплый вѣтерокъ, колеблющій наши липки, и восхитительное пѣніе жаворонка, поднимающагося подъ облака, не будутъ прерваны ревомъ бури, и если теплое дыханіе весны, разверзающее чашечку лѣнивыхъ розъ нашихъ и придающее какую-то новую жизнь моему сердцу, продолжится до завтрашняго утра.

Переводъ, какъ и сами читатели могутъ судить по этому отрывку, очень хорошъ. Изданіе книжки изящно. Она напечатана необыкновенно-мелкимъ и необыкновенно-четкимъ шрифтомъ; жаль только, что мелкость этого шрифта не соотвѣтствуетъ формату двѣнадцатидольнаго листа: будь эта книжка напечатана въ 16-ю д. л.,—это была бы изящная игрушка въ типографскомъ отношеніи. Жаль также, что корректура крайне небрежна.

*530. **Интересныя Продѣлки**, или невѣста двухъ жениховъ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе *І. Г.* Москва. Въ тип. Н. Эрнста. 1841. Въ 8-ю д. л. 141 стр. [82]).

Достоинство этой комедіи весьма ясно оцѣнено самимъ сочинителемъ, или, лучше сказать, народной пословицей, которую авторъ, господинъ Г. Г. (какъ можно скрывать имена такихъ примѣчательныхъ сочинителей!) выбралъ въ эпиграфъ: *На безрыбьи и ракъ рыба, на безлюдьи и Ѳома дворянинъ.* Эти «Интересныя Продѣлки» не комедія, а нѣчто въ родѣ рака, и господинъ Г. Г., сочинитель этого рака, самъ напрашивается въ Ѳомы.

Рекомендуемъ любителямъ *моральныхъ сочиненій* эту книжицу. Она усладитъ ихъ душу и сердце многими стихами, особенно тѣми, которые, послѣ вожделѣнной развязки, произноситъ невѣста двухъ жениховъ, княжна Маланья Елисѣевна Мурзинкина:

Обидно мнѣ на нихъ сердиться;
Изъ дома этого желаю удалиться,
Чтобъ мнѣ ихъ больше не видать.
Я не намѣрена отмщать:
Имъ всѣмъ природа отомстила,
Ихъ блага лучшаго лишила—
Что добродѣтель есть не знать,
Они не могутъ разсуждать
О долгѣ истинномъ людей,
И въ закоснѣлости своей—
Творятъ все то, чего не знаютъ,
И въ жизни только лишь страдаютъ.
Утѣхи нѣтъ имъ никакой,
Отъ ихъ сердецъ бѣжитъ покой.

Прекрасно, гораздо лучше извѣстныхъ стиховъ на конфектныхъ билетцахъ:

„Ты рушишь мой покой;
Но, ахъ! не будешь мой“.

Мы увѣрены, что г. Навроцкій, знаменитый авторъ «Новаго Недоросля», прочитавъ комедію Г. Г., воскликнетъ:

Montrez-moi mon rival, et je cours l'embrasser!

Слогъ комедіи, какъ видите сами, изящный. Вотъ еще образчики: Олинька, сирота, говоритъ о тѣхъ, у кого живетъ:—

Мнѣ суждено *за мой кусокъ*
Терпѣть отъ варваровъ завистливый упрекъ,
Обиды ихъ съ насмѣшкой злою
Сносить безропотной душою,
И видѣть въ *крокодилахъ сихъ*
Мнѣ благодѣтелей *моихъ*.

Сравненіе немножко въ египетскомъ духѣ; «кусокъ» же, за который терпитъ сирота,—чисто въ русскомъ. А вотъ какъ княжна вѣщаетъ Олинькѣ:

Дай мнѣ обнять *тебя съ слезами*,
И *благородными* устами
Позволь себя поцаловать!

Обнимать слезы и цаловать *благородными* устами! Не переводъ ли это съ китайскаго? Тѣмъ болѣе, что комедія напечатана на сѣрѣйшей бумагѣ... въ типографіи Эрнста... однимъ словомъ, со всѣми приличнѣйшими атрибутами моральнаго китайскаго сочиненія...

***531. Портретная и Біографическая Галлерея словесности, наукъ, художествъ, и искусствъ въ Россіи.** Тетради II и III. Крыловъ,—Бортнянскій; Платонъ,—Жуковскій. (Портреты—Соколова). Санктпетербургъ. Въ типографіи Карла Крайя. 1841. Въ 4-ю д. л., 8, 7, 10 и 10 стр. [83]).

«Портретная и Біографическая Галлерея» по-прежнему продолжаетъ *рисовать* намъ «словесность, науки, художества и искусства», и по-прежнему никакъ не можетъ понять, что *художества* и *искусства*—совершенно одно и то же. Подобная недоразумѣваемость очень къ лицу компиляціи, которая рисуетъ словесность, науки, художества и искусства. Жаль только, что ея портреты, и живописные и біографическіе, отличаются удивительною невѣрностію, и напоминаютъ собою извѣстную подпись Дмитріева къ портрету живописца:

Глядите: вотъ Ефремъ, домовый нашъ маляръ!
Онъ въ списываньи лицъ имѣлъ чудесный даръ,
И кисть его всегда надъ смертными играла:
Архипа Сидоромъ, Кузьму Лукой писала.

Біографіи въ «Галлереѣ» суть не иное что, какъ нѣсколько-распространенные послужные списки писателей изъ такъ-называемой исторіи русской литературы, г. Греча, съ присовокупленіемъ къ нимъ обветшавшихъ критическихъ воззрѣній, взятыхъ изъ «Библіотеки для Чтенія». Портреты же—живописныя фантазіи на тэму лица, а иногда только и имени извѣстнаго писателя.

***532. Памятникъ Искусствъ.** С. П. бургъ. Тетради VI и VII [84]).

«Памятникъ Искусствъ» то же по-прежнему продолжаетъ быть, на зло здравому смыслу, сфинксовой загадкою, для разгадки которой нуженъ новый Эдипъ.

Изданіе также красиво и даже изящно. При шестой тетради приложенъ рельефный снимокъ съ древняго камея, представляющаго головы *Птоломея Филадельфа и его супруги*. Камей этотъ подаренъ былъ Императору Александру императрицею Жозефиною, и теперь хранится въ Петербургѣ, въ Императорскомъ Эрмитажѣ: знатоки цѣнили его въ 500.000 червонцевъ. Снимокъ сдѣланъ прекрасно художникомъ г. Менцовымъ. За тѣмъ слѣдуютъ три, хорошо сдѣланные г. Андрузскимъ, очерка изъ «Divina Comedia» Данте; за ними біографія этого поэта. За *Дантомъ* идутъ—*конюшни*, а за конюшнями—эпическое скандинавское преданіе; за нимъ—хирургическое искусство, германскіе замки, игра случая; а въ заключеніе картинка и стишки.—Седьмая тетрадь начинается обозрѣніемъ новѣйшей живописи, за которымъ слѣдуетъ изображеніе щегольскаго и изящнаго гридона съ приложеніемъ объясненія его; далѣе: оранжерея, нагрѣваемая горячею водою, съ рисункомъ; за тѣмъ—свеклосахарное производство, наконецъ—Мексика съ картинкою, и три рисунка для кружевъ, блондъ и шитья, для врѣзной наборной работы и для гончарной лѣпки!!!

***533. Опытъ руководства къ Преподаванію и Изученію Русской Грамматики для Русскихъ,** *В. Половцова*. Санктпетербургъ. Въ типографіи Правительствующаго Сената. 1841. Въ 12-ю д. л. 223 стр. [85]).

Главная мысль г. Половцова, кажется, состоитъ въ томъ, что дѣтей надобно учить грамматикѣ изъ практики. Отвергая методу, онъ между тѣмъ старается создать свою собственную методу, которую, впрочемъ, мы не совсѣмъ хорошо понимаемъ. Утверждая, на-примѣръ, что раздѣленіе именъ и глаголовъ на склоненія и спряженія не нужно для первоначальнаго обученія, авторъ въ то же время прилагаетъ таблицы и чужихъ и своихъ раздѣленій склоненій и спряженій. Но, принявъ методу г. Половцова—учить изъ практики, попробуйте примѣнить ее въ обученіи мальчиковъ, неимѣющихъ никакого предварительнаго теоретическаго понятія о частяхъ рѣчи, о склоненіяхъ и спряженіяхъ!.. Отвергнуть дурную и недостаточную систему для хорошей—доброе дѣло; но отвергнуть всякую систему—значитъ возвратиться къ первобытному варварству. Вотъ что говоритъ г. Половцовъ о системѣ: «Учебная грамматика, не вдаваясь въ неизмѣримую глубину изслѣдованій и даже *не путаясь въ систематикѣ*, чтобъ нельзя было объ ней сказать: тутъ система все дѣло съѣла! развиваетъ идеи языкознанія какъ можно проще, основываясь не столько на *ученой* грамматикѣ, ея предшественницѣ, сколько на всеобщемъ употребленіи языка и на здравомъ смыслѣ». (Стр. 20). Положимъ такъ. Самое правильное, самое русское нарѣчіе есть московское: въ Московской губерніи простой народъ говоритъ чисто и правильно; тамъ не услышите отъ мужика: *спѣлый яблокъ; мы были пообѣдамши; онъ былъ ушедши; она такъ хорошо одѣлши; я сидѣлъ съ гостямъ; ты сдѣлалъ рукамъ*. Въ чистотѣ и правильности языка простой народъ въ Московской губерніи основывается на общемъ упо-

требленіи и здравомъ смыслѣ, а отнюдь не на грамматикѣ: неужели же изъ этого слѣдуетъ, что московскіе извозчики и кухарки—народъ грамотный и знаютъ языкъ лучше всякаго русскаго литератора, потому-что они учились ему не по грамматикѣ, а изъ общаго употребленія и здраваго смысла? Намъ кажутся также неудачными примѣры, выбранные г. Половцовымъ для разборовъ, ни самые разборы. Вотъ, напримѣръ, басенка «Дуракъ»:

За что-то били дурака
Довольно
Больно.
Прошло два-три денька,
И онъ опять за то же.
Тутъ сильная рука
Больнѣй прибила дурака.
И что же?
Дуракъ опять за то же.

А вотъ и разборъ ея:

„Разберемъ сперва мысли: глупецъ виноватъ; его прибили. Онъ еще провинился; его опять прибили. Онъ снова провинился... За что били дурака?—За что-то, за вину, которая не объявлена. Какъ били?—Довольно больно. Для чего жъ это?—Для поправленья (не для *исправленія* ли?). Что жь (,) поправился ль глупецъ?—Нѣтъ. А скоро ли принялся онъ за то же?—Чрезъ два дни (,) три дни.—Что жь должно было сдѣлать? Постараться еще разъ объ исправленіи наказаніемъ.—Исполнено ли это? Какъ же! сильная рука начальника наказала дурака можетъ быть вдвое строже.—Какими словами оно выражено? словами: больнѣй прибила. Что жь было слѣдствіемъ этой мѣры?—Новый проступокъ!—Такъ часто бываетъ въ свѣтѣ: но начальнику не должно уставать въ исправленіи подвластныхъ ему, то ласкою, то строгостію.

Мы не можемъ теперь посвятить особеннаго и обширнаго разбора книгѣ г. Половцова, ибо надѣемся со-временемъ представить читателямъ большую критическую статью о русскихъ грамматикахъ вообще. Эта статья займется между прочимъ и «Опытомъ» г. Половцова.

534. Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразователя Россіи, собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ. Сочиненіе *И. И. Голикова*. Изданіе второе. Москва. 1837—1840. Томы I—XIII.

Исторія Петра Великаго. Сочиненіе *Веніамина Бергмана*. Перевелъ съ нѣмецкаго *Егоръ Аладьинъ*. Второе, сжатое (компактное) изданіе, исправленное и умноженное. Санктпетербургъ. 1840. Три тома [86]).

Россія тьмой была покрыта много лѣтъ:
Богъ рекъ: да будетъ Петръ—и бысть въ Россіи свѣтъ!

Старинное двустишіе.

Борода принадлежитъ къ состоянію дикаго человѣка; не брить ее то же, что не стричь ногтей. Она закрываетъ отъ холоду только малую часть лица:

сколько же неудобности лѣтомъ, въ сильный жаръ! сколько неудобности и зимою, носить на лицѣ иней, снѣгъ и сосульки! Не лучше ли имѣть муфту, которая грѣетъ не одну бороду, но все лицо? Избирать во всемъ лучшее, есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго; Петръ-Великій хотѣлъ просвѣтить умъ во всѣхъ отношеніяхъ. Монархъ объявилъ войну нашимъ стариннымъ обыкновеніямъ во-первыхъ для того, что они были грубы, недостойны своего вѣка; во-вторыхъ и для того, что они препятствовали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать. . . . . .

. . . . . .

Всѣ жалкія *іереміады* объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской нравственной физіономіи, или ничто иное, какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука были ихъ долею и въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ.

Карамзинъ. Письма Русскаго Путешественника, т. III, стр. 165—167.

Статья 2.

Для Россіи наступаетъ время сознанія. Несмотря на холодность и равнодушіе, въ которыхъ мы Русскіе не безъ причины упрекаемъ себя, у насъ уже не довольствуются общими мѣстами и истертыми понятіями, но хотятъ лучше ложно и ошибочно судить, нежели повторять готовыя и на вѣру, или по лѣности и апатіи принятыя сужденія. Такъ, на-примѣръ, многіе, не слыша новыхъ сужденій о Пушкинѣ и сомнѣваясь въ справедливости давно высказанныхъ и устарѣвшихъ, сомнѣваются и въ поэтическомъ величіи Пушкина. И это явленіе отрадно: оно выражаетъ потребность самостоятельной мыслительности, потребность истины, которая прежде и выше всего, даже самого Пушкина. Amicus Plato, sed magis amica veritas—премудрое изреченіе! Что̀ истинно-велико, то всегда устоитъ противъ сомнѣнія, и не падетъ, не умалится и не затмится, но еще болѣе укрѣпится, возвеличится и просвѣтится отъ сомнѣнія и отрицанія, которыя суть первый шагъ ко всякой истинѣ, исходный пунктъ всякой мудрости. Сомнѣнія и отрицанія боится одна ложь, какъ боятся воды поддѣльные цвѣты и неблагородные металлы. Мы не разъ уже повторяли эту истину, говоря о людяхъ, отрицающихъ великость Пушкина, какъ поэта. Мы думаемъ діаметрально-противоположно съ такими людьми; но если ихъ мнѣніе выходитъ не изъ какихъ-нибудь внѣшнихъ и предосудительныхъ причинъ, мы готовы съ ними спорить ради истины, и увѣрены, что только черезъ такіе споры явится истина и войдетъ въ общее сознаніе,—сдѣлается общимъ убѣжденіемъ. Тѣмъ болѣе мы далеки отъ того, чтобъ смотрѣть на такихъ людей, какъ на раскольниковъ, на исказителей истины, оскорбляющихъ память великаго поэта и чувство націо-

нальной гордости. Скажемъ болѣе: мы понимаетъ, что могутъ быть и такіе отрицатели генія Пушкина, которые въ тысячу разъ достойнѣе уваженія многихъ безусловныхъ почитателей славы великаго поэта, повторяющихъ чужія слова. Явленіе такихъ отрицателей обнаруживаетъ не холодность общества къ истинѣ, но скорѣе раждающуюся любовь къ ней: ибо безусловное признаніе чего-нибудь безъ разсужденія, безъ повѣрки разумомъ, скорѣе, чѣмъ сомнѣніе и отрицаніе, есть признакъ апатическаго равнодушія общества къ дѣлу истины. Нѣтъ, явленіе такихъ отрицателей въ молодомъ обществѣ есть признакъ раждающейся мыслительной жизни. Въ безусловномъ уваженіи къ авторитетамъ и именамъ иногда дѣйствительно выражается и любовь и жизнь, но любовь и жизнь безсознательная, простодушная, дѣтская. Смѣшно же требовать, или желать, чтобъ общество неподвижно оставалось въ состояніи дѣтства, когда этого не требуютъ и не желаютъ отъ человѣка; а если онъ, вопреки законамъ развитія, останется на вѣкъ ребенкомъ, то презираютъ его, какъ идіота. Говорятъ, что сомнѣніе подрываетъ истину: ложная, нелѣпая мысль! Если истина такъ слаба и безсильна, что можетъ держаться не сама-собою, но охранительными кордонами и карантинами противъ сомнѣнія, то почему же она истина, и чѣмъ же она лучше и выше лжи, и кто же станетъ ей вѣрить? Говорятъ: отрицаніе убиваетъ вѣрованіе. Нѣтъ, не убиваетъ, а очищаетъ его. Правда, сомнѣніе и отрицаніе бываютъ вѣрными признаками нравственной смерти цѣлыхъ народовъ; но какихъ народовъ?—устарѣвшихъ, изжившихъ всю жизнь свою, существующихъ только механически, какъ живые трупы, подобно Византійцамъ, или Китайцамъ. И можетъ ли это относиться къ русскому народу, столь юному, свѣжему и дѣвственному, столь могучему родовыми, первосущными стихіями своей жизни,—народу, который съ небольшимъ во сто лѣтъ своей новой жизни, воззванный къ ней творящимъ глаголомъ царя-исполина, проявилъ себя и въ великихъ властителяхъ, и въ великихъ полководцахъ, и въ великихъ государственныхъ людяхъ, и въ великихъ ученыхъ, и въ великихъ поэтахъ; народъ, который, во сто лѣтъ своей новой жизни, уже составилъ себѣ великое прошедшее, «полный гордаго довѣрія покой» въ настоящемъ, по выраженію поэта, и котораго ожидаетъ еще болѣе великое, болѣе славное будущее? Нѣтъ, мы унизили бы свое національное достоинство, еслибъ стали бояться духовной гимнастики, которая во вредъ только хилымъ членамъ одряхлѣвшаго общества, но которая въ крѣпость и силу молодому обществу, полному здоровья и рвенія! Жизнь проявляется въ сознаніи, а безъ сомнѣнія нѣтъ сознанія, такъ же, какъ для тѣла безъ движенія невозможно отправленіе органическихъ процессовъ и жизненнаго развитія. У души, какъ и у тѣла, есть своя гимнастика, безъ которой душа чахнетъ, впадая въ апатію бездѣйствія.

Въ предъидущей статьѣ мы говорили о томъ, какъ мало *сдѣлано* у насъ для исторіи Петра-Великаго, и какъ много *наговорено* о немъ. Въ самомъ дѣлѣ, ему писали похвальныя слова, его прославляли и въ стихахъ и въ прозѣ Ломоносовъ сдѣлалъ его даже героемъ эпической поэмы, на-манеръ «Энеиды»

Въ-подражаніе достохвальному и почтенному по цѣли своей труду Ломоносова, другіе поэты—съ меньшимъ успѣхомъ—воспѣли Петра въ лиро-эпическихъ поэмахъ. Но все это, и хорошее и посредственное, какъ-то не шевелило души. Съ почтенными авторами всѣ соглашались безусловно въ похвалахъ Великому, но читали ихъ мало, или совсѣмъ не читали. Причиною тому было—что всѣ они и писали и пѣли какъ-то на одинъ манеръ и на одинъ голосъ, и въ формѣ ихъ фразъ замѣтно было какое-то утомительное однообразіе, свидѣтельствовавшее объ отсутствіи содержанія, т. е. мысли. Самыя жаркія похвалы, самыя восторженныя изліянія удивленія къ Великому отличались какимъ-то оффиціальнымъ характеромъ. Такъ продолжалось до временъ Пушкина, который одинъ, какъ великій поэтъ и выразитель народнаго сознанія, умѣлъ говорить о Петрѣ языкомъ, достойнымъ Петра. Но въ сочиненіяхъ ученаго содержанія говорилось все по-старому, съ тою только разницею противъ прежняго времени, что возбуждало уже не холодное согласіе, а скорѣе досаду. Наконецъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, начали появляться какія-то темныя сомнѣнія въ безусловной непогрѣшительности главнаго дѣла Петра—преобразованія Россіи. Говорили, что зданіе этого преобразованія было построено безъ фундамента, ибо начато было сверху, а не снизу, что оно состояло въ однѣхъ внѣшнихъ формахъ и, не прививъ къ намъ истиннаго европеизма, только исказило нашу народность и обрѣзало крылья національному генію. Далѣе, въ нашей статьѣ, мы коснемся этихъ возраженій, какъ ни поверхностны и ни пусты они въ своей сущности; но теперь скажемъ только, что въ минуту ихъ появленія въ печати, они многимъ полюбились и обратили на себя общее вниманіе [57]). Одни какъ будто увидѣли въ нихъ собственное мнѣніе, дотолѣ бывшее для нихъ самихъ неяснымъ; другіе, не соглашаясь съ ними, все-таки принимали ихъ не за общія фразы и надутые возгласы, а за самостоятельное и притомъ *новое* мнѣніе, а нѣкоторые даже удостоили ихъ энергическихъ, хотя и косвенно-сдѣланныхъ возраженій. Итакъ, сомнѣніе, вмѣсто того, чтобъ охладить привязанность къ Петру, только усилило общій интересъ къ нему, какъ великому историческому явленію, заставило всѣхъ больше и думать, и говорить, и писать о немъ. Но время скоро рѣшило вопросъ и неосновательность сомнѣній: теперь только люди, живущіе заднимъ числомъ, могутъ не шутя говорить, зачѣмъ начато преобразованіе сверху, а не снизу, съ вельможъ, а не съ мужиковъ, зачѣмъ придавали большую важность формамъ—одеждѣ, брадобритію и пр., зачѣмъ построили Петербургъ, и т. п. Итакъ сомнѣніе не принесло никакого вреда, а только принесло пользу, ибо, проявившись, уничтожило себя самимъ же собою и повело къ другому сомнѣнію, которое, въ свою очередь, минетъ и уступитъ мѣсто если еще не истинѣ, то третьему сомнѣнію, которое приведетъ уже къ истинѣ. Теперь вопросъ о Петрѣ перешелъ въ явное противорѣчіе: многіе, почитая преобразованія, свершенныя Петромъ, столько же необходимыми, сколько и великими, благоговѣя передъ памятью преобразователя, въ то же время отрицаютъ европеизмъ и усиливаясь не только отстоять и оправдать такъ-называемое нѣкоторыми историческое раз-

витіе и народность, уничтоженныя Петромъ, но и противопоставить, даже возвеличить ихъ предъ европеизмомъ. Какъ ни странно это противорѣчіе, но оно есть уже шагъ впередъ и выше прежняго утвердительнаго сомнѣнія, хотя и вышло прямо изъ него: лучше явно противорѣчить себѣ и тѣмъ какъ-бы невольно признавать власть истины, нежели, ради любимаго и односторонняго убѣжденія, отвергать и прямо закрывать глаза на фактическую достовѣрность противорѣчащихъ доказательствъ.

Противорѣчіе, о которомъ мы говоримъ, чрезвычайно важно: въ его примиреніи заключается истинное понятіе о Петрѣ-Великомъ. Одно уже это указываетъ на разумность этого противорѣчія. Рѣшеніе задачи состоитъ въ томъ, чтобъ показать и доказать: 1) что хотя народность и тѣсно соединена съ историческимъ развитіемъ и общественными формами народа, но что то и другое совсѣмъ не одно и то же; 2) что и преобразованіе Петра-Великаго, и введенный имъ европеизмъ нисколько не измѣнили и не могли измѣнить нашей народности, но только оживили ее духомъ новой и богатѣйшей жизни, и дали ей необъятную сферу для проявленія и дѣятельности.

Изъ ничего не бываетъ ничего, и великій человѣкъ не творитъ своего, но только даетъ дѣйствительное существованіе тому, что̀ прежде его существовало въ возможности. Что всѣ усилія Петра были направлены противъ русской старины—это ясно какъ день Божій; но чтобъ онъ стремился уничтожить нашъ субстанціальный духъ, нашу національность—подобная мысль болѣе, чѣмъ неосновательна: она просто нелѣпа! Правда, если бываютъ народы съ великими субстанціями, то бываютъ народы и съ ничтожными субстанціями, и если первыя неизмѣнимы, то вторыя могутъ уничтожаться даже отъ случайностей, даже сами-собою, не только волею генія. Но за то, изъ этихъ вторыхъ никакой геній ничего и сдѣлать не можетъ: лучшее, что можно сдѣлать изъ свекловицы,—голову сахару; но только изъ гранита, мрамора и бронзы можно создать вѣковѣчный памятникъ. Если бы русскій народъ не заключалъ въ духѣ своемъ зерна богатой жизни,—реформа Петра только убила бы его на смерть и обезсилила, а не оживила и не укрѣпила бы новою жизнію и новыми силами. Мы уже не говоримъ о томъ, что изъ ничтожнаго духомъ народа и не могъ бы выйдти такой исполинъ, какъ Петръ: только въ такомъ народѣ могъ явиться такой царь, и только такой царь могъ преобразовать такой народъ. Если бы у насъ и не было ни одного великаго человѣка, кромѣ Петра, и тогда бы мы имѣли право смотрѣть на себя съ уваженіемъ и гордостію, не стыдиться нашего прошедшаго и смѣло, съ надеждою смотрѣть на наше будущее...

Отъ чего у одного народа такая субстанція, у другаго шная,—это почти такъ же невозможно рѣшить, какъ если бъ дѣло шло и объ отдѣльномъ человѣкѣ. Если принять гипотезу, что народы образовались изъ семействъ, — то первою причиною ихъ субстанціи должно положить кровь и породу (расе). Внѣшнія обстоятельства, историческое развитіе, также имѣютъ вліяніе на субстанцію народа, хотя въ свою очередь и сами зависятъ отъ нея. Но нѣтъ ни одной при-

чины, на которую бы такъ смѣло можно было указать, какъ на климатъ и географическое положеніе страны, занимаемой народомъ. Всѣ южные народы рѣзко отличаются отъ сѣверныхъ; умъ первыхъ живѣе, легче, яснѣе, чувство воспріимчивѣе, страсти воспламеняемѣе; умъ вторыхъ медленнѣе, но основательнѣе, чувство спокойнѣе, но глубже, страсти воспламеняются труднѣе, но дѣйствуютъ тяжеле. Въ южныхъ народахъ преобладаетъ непосредственное чувство, въ сѣверныхъ — дума и размышленіе: въ первыхъ больше движимости, во вторыхъ больше дѣятельности. Въ послѣднее время, сѣверъ далеко оставилъ за собою югъ въ успѣхахъ искусства, науки и цивилизаціи. — Есть большое различіе между народами горными и народами долинными, между народами приморскими, или островитянами, и между народами, отдаленными отъ моря. И это различіе не внѣшнее, но внутреннее; оно замѣчается въ самомъ духѣ, а не въ однѣхъ формахъ. Взглянемъ въ этомъ отношеніи на Россію. Колыбель ея была не въ Кіевѣ, но въ Новѣгородѣ, изъ котораго, черезъ Владиміръ, перешла она въ Москву. Суровое небо увидѣли ея младенческія очи, разгульныя вьюги пѣли ей колыбельныя пѣсни, и жестокіе морозы закалили ея тѣло здоровьемъ и крѣпостію. Когда вы ѣдете зимою на лихой тройкѣ, и снѣгъ трещитъ подъ полозьями вашихъ саней, морозное небо усѣяно міріадами звѣздъ, и взоръ вашъ съ тоскою теряется на необъятной снѣжной равнинѣ, осеребренной уединеннымъ скитальцемъ-мѣсяцемъ и мѣстами прерываемой покрытыми инеемъ деревьями,—какъ понятна покажется вамъ протяжная, заунывная пѣсня вашего ямщика, и какъ будетъ гармонировать съ нею однообразный звонъ колокольчика, *надрывающій сердце*, по выраженію Пушкина! Грусть есть общій мотивъ нашей поэзіи—и народной и художественной. Русскій человѣкъ встарину не умѣлъ шутить забавно и весело: онъ шутилъ или плоско, или саркастически, и лучшія народныя пѣсни наши—грустнаго содержанія, протяжнаго и заунывнаго напѣва. Нигдѣ Пушкинъ не дѣйствуетъ на русскую душу съ такою неотразимою силою, какъ тамъ, гдѣ поэзія его проникается грустію, и нигдѣ онъ столько не національненъ, какъ въ грустныхъ звукахъ своей поэзіи. Вотъ что говоритъ онъ самъ о грусти, какъ основномъ элементѣ русской поэзіи:

Фигурно, иль буквально: всей семьей
Отъ ямщика до перваго поэта,
Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой,
Пѣснь русская. Извѣстная примѣта:
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ музъ и дѣвъ.
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ.

Но эта грусть—не болѣзнь слабой души, не дряблость немощнаго духа, нѣтъ, эта грусть могучая, безконечная, грусть натуры великой, благородной. Русскій человѣкъ упивается грустью, онъ не падаетъ подъ ея бременемъ, и никому не свойственны до такой степени быстрые переходы отъ самой томительной, надрывающей душу грусти къ самой бѣшеной, изступленной веселости. Въ этомъ случаѣ,

поэзія Пушкина также великій фактъ: нельзя довольно надивиться ея быстрымъ переходамъ въ «Онѣгинѣ» отъ этой глубокой грусти, которой источникъ—безконечное духа, къ этой бодрой и могучей веселости, источникъ которой—крѣпость и здоровость духа.

И такъ, вотъ ужь мы и нашли общее, которое связываетъ нашу простонародную поэзію съ нашею художественною, національною поэзіею. Слѣдовательно, родовое, субстанціальное начало въ насъ не подавлено реформою Петра, но только получило чрезъ нее высшее развитіе и высшую форму. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ со временъ Петра пространство Россіи съузилось, а не расширилось, развѣ степи наши не также просторны и раздольны, снѣга ихъ покрывающіе не также бѣлы, и не также серебритъ ихъ унылый свѣтъ мѣсяца?.. Какія хорошія свойства русскаго человѣка, отличающія его не только отъ иноплеменниковъ, но и отъ другихъ славянскихъ племенъ, даже находящихся съ нимъ подъ однимъ скипетромъ? Бодрость, смѣлость, находчивость, сметливость, перемчивость,—на обухѣ рожь молотить, зерна не обронить, нуждою учиться калачи ѣсть,—молодечество, разгулъ, удальство,—и въ горѣ и въ радости море по колѣно! Но развѣ европеизмъ можетъ изгладить эти коренныя, *субстанціальныя* свойства русскаго народа? Развѣ образованный русскій человѣкъ теперь не такъ же, какъ, какъ и прежде, *размашистъ* и въ горѣ и въ радости, и не родной братъ тому, который нѣкогда, приложивъ руку къ уху, пѣвалъ богатырскимъ голосомъ на весь Божій міръ:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота ли, глубота океанъ-море,
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты днѣпровскіе.

Смѣшно думать, что европеизмъ есть какой-то уровень, все сравнивающій, сглаживающій, подводящій подъ одинъ цвѣтъ! Англичанинъ, Французъ, Нѣмецъ Голландецъ, Швейцарецъ,—всѣ они равно Европейцы, во всѣхъ ихъ есть много общаго, но національныя различія ихъ непримиримо рѣзки, и никогда не изгладятся: для этого нужно было бы сперва уничтожить ихъ исторію, измѣнить природу ихъ странъ, переродить самую кровь ихъ.

Національность нельзя характеризовать и въ цѣлой книгѣ, не только въ журнальной статьѣ, особенно національность народа, который недавно началъ жить и еще весь погруженъ въ своемъ настоящемъ. Нѣкоторые имѣютъ привычку указывать на Англичанъ, которые любятъ отпускать національные фарсы, варварскіе и нелѣпые, и до сихъ поръ оставляютъ существовать нѣкоторые обычаи дикой и невѣжественной старины, отъ набитаго шерстью мѣшка, на которомъ сидятъ члены парламента, до права продавать на рынкѣ жену свою. Эти господа любятъ подобными ссылками дѣлать упреки равнодушію, съ которымъ мы, Русскіе, разстаемся съ преданіями нашей старины, и готовности, съ которою мы принимаемъ и усвоиваемъ себѣ все новое. Что до насъ, — каемся въ грѣхѣ: мы видимъ въ этомъ хорошую черту нашей національности, залогъ

нашего будущаго величія и ужь, разумѣется, не униженія, а превосходства надъ Англичанами, которые, впрочемъ, во всемъ другомъ великая нація, но только въ этомъ не могутъ и не должны быть для насъ примѣромъ, а сдѣлали бъ лучше, если бъ намъ подражали. Да, это великая черта русскаго народа: она показываетъ, что мы имѣемъ способность и желаніе безусловно отрѣшаться отъ всего дурного; что же до хорошаго, которое составляетъ основу и сущность нашего національнаго духа, — оно вѣчно, непреходяще, и мы не могли бы отъ него отрѣшиться, еслибъ и захотѣли. Но мы болѣе, нежели кто-либо другой имѣемъ возможность и право не стыдиться нашихъ національныхъ недостатковъ и пороковъ и громко говорить о нихъ. Національные пороки бываютъ двухъ родовъ: одни выходятъ изъ субстанціальнаго духа,—какъ, напр., политическое своекорыстіе и эгоизмъ Англичанъ; религіозный фанатизмъ и изувѣрство Испанцевъ; мстительность и склонный къ хитрости и коварству характеръ Итальянцевъ;—другіе бываютъ слѣдствіемъ несчастнаго историческаго развитія и разныхъ внѣшнихъ и случайныхъ обстоятельствъ, какъ, напр., политическое ничтожество итальянскихъ народовъ. И потому, одни національные пороки можно назвать *субстанціальными*, другіе *прививными*. Мы никакъ не думаемъ, чтобъ наша національность была верхъ совершенства: подъ солнцемъ нѣтъ ничего совершеннаго; всякое достоинство условливаетъ собою и какой-нибудь недостатокъ. Всякая индивидуальность уже по тому самому есть ограниченіе, что она индивидуальность; всякій же народъ—индивидуальность, подобная отдѣльному человѣку. Съ насъ довольно и того, что наши національные недостатки не могутъ насъ унизить предъ благороднѣйшими націями въ человѣчествѣ. Что же до прививныхъ,—чѣмъ громче будемъ мы о нихъ говорить, тѣмъ больше покажемъ уваженія къ своему достоинству; чѣмъ съ большею энергіею будемъ ихъ преслѣдовать, тѣмъ больше будемъ способствовать всякому преуспѣянію въ благѣ и истинѣ. Внутренній порокъ—болѣзнь, съ которою родится нація,—болѣзнь, отверженіе которой иногда можетъ стоить жизни; прививной порокъ—наростъ, который, будучи срѣзанъ, хотя бы и не безъ боли, искусною рукою оператора, ничего не отнимаетъ у тѣла, а только освобождаетъ его отъ безобразія и страданія. Недостатки нашей народности вышли не изъ духа и крови націи, но изъ неблагопріятнаго историческаго развитія. Варварскія тевтонскія племена, нахлынувъ на Европу бурнымъ потокомъ, имѣли счастіе столкнуться лицомъ къ лицу съ классическимъ геніемъ Греціи и Рима—съ этими благородными почвами, на которыхъ выросло широколиственное, величественное древо европеизма. Дряхлый, изнеможенный Римъ, передавъ имъ истинную вѣру, въ-послѣдствіи времени передалъ имъ и свое гражданское право; познакомивъ ихъ съ Виргиліемъ, Горапіемъ и Тацитомъ, онъ познакомилъ ихъ и съ Гомеромъ, и съ трагиками, и съ Плутархомъ, и съ Аристотелемъ. Раздѣляясь на множество племенъ, они какъ будто столпились на пространствѣ, недостаточномъ для ихъ многолюдства, и безпрестанно, такъ сказать, ударялись другъ о друга, какъ сталь о кремень, чтобъ извлекать изъ себя искры высшей жизни. Жизнь Россіи, на-

противъ, началась изолированно, въ пустынѣ, чуждой общаго человѣческаго развитія. Первоначальныя племена, изъ которыхъ въ послѣдствіи сложилась масса ея народонаселенія, занимая одинаково долинныя страны, похожія на однообразныя степени, не заключали въ себѣ никакихъ рѣзкихъ различій и не могли дѣйствовать другъ на друга въ пользу развитія гражданственности. Богемія и Польша могли бы ввести Россію въ соотношенія съ Европою и сами по себѣ быть полезны ей, какъ племена характерныя; но ихъ навсегда раздѣлила съ Россіею враждебная разность вѣроисповѣданій. Слѣдовательно, отъ Запада Россія была отрѣзана въ самомъ началѣ бытія своего. Княжества враждовали между собою, но въ этой враждѣ не было разумнаго начала, и потому изъ нея не вышло никакихъ важныхъ результатовъ. Удивительно ли послѣ того, что исторія удѣльныхъ междоусобій такъ безсмысленна и скучна, что ей не могло придать никакого интереса даже и краснорѣчивое повѣствованіе Карамзина?.. Нахлынули Татары, и спаяли разрозненные члены Россіи ея же кровью. Въ этомъ состояла великая польза татарскаго двух-вѣковаго ига; но сколько же сдѣлало оно и зла Россіи, сколько *привило* ей пороковъ! Затворничество женщинъ, привычка зарывать въ землю деньги и ходить въ лохмотьяхъ отъ боязни обнаружить свое богатство, лихоимство, азіатизмъ въ образѣ жизни, лѣнь ума, невѣжество, презрѣніе къ себѣ,—словомъ, все то, что искоренялъ Петръ-Великій, что было въ Россіи прямо противоположно европеизму, — все это было не наше родное, но *привитое* къ намъ Татарами. Самая нетерпимость Русскихъ къ иностранцамъ вообще была слѣдствіемъ татарскаго ига: Татаринъ сдѣлалъ отвратительнымъ въ понятіи Русскихъ всякаго, кто не былъ Русскимъ, — и слово *басурманъ* отъ Татаръ перешло и на другихъ. Что самые важнѣйшіе недостатки нашей народности не наши существенные, кровные, но прививные,—лучшее доказательство въ томъ, что мы имѣемъ полную возможность освободиться отъ нихъ, и уже отъ многихъ освободились и освобождаемся. Обратите вниманіе, напримѣръ, на лихоимство. Благодаря преобразованіямъ Петра, у насъ не замедлило явиться противоборство этому общему злу. Къ чести нашей литературы, — въ ней въ первой возникла эта благородная, благодѣтельная оппозиція. Муза Сумарокова объявила непримиримую войну подъячимъ и клеймила лихоимство и казнокрадство печатію позора и отверженія. Замѣтимъ мимоходомъ, что, въ этомъ отношеніи, литературное направленіе Сумарокова, было, такъ сказать, *жизненнѣе* чисто-реторическаго направленія Ломоносова,—и вотъ причина, почему бездарный Сумароковъ былъ любимѣе, а даровитый Ломоносовъ — только уважаемѣе публикою своего времени. «Ябеда» Капниста была сильнымъ ударомъ *ябедѣ*. Нахимовъ составилъ себѣ громкое имя въ литературѣ своего времени постояннымъ вдохновеніемъ противъ кривосудія. Хотя остроуміе Фон-Визина было устремлено преимущественно противъ невѣжества, но мимоходомъ доставалось отъ него порядкомъ и сутяжничеству. Въ наше время, «Ревизоръ» Гоголя явился истиннымъ бичомъ этого порока, который, благодаря успѣхамъ просвѣщенія и благотворнымъ усиліямъ правительства, уже прячется въ норы [58])... Говоря о заслу-

гахъ литературы святому дѣлу преслѣдованія лихоимства бичомъ сатиры, нельзя не упомянуть и о Грибоѣдовѣ: хотя его безсмертная комедія устремлена и не прямо противъ этой гидры стоглавой, но горящія клейма наложилъ онъ на ея безстыдные лбы стихами, подобными слѣдующимъ:

Какъ будешь представлять къ крестишку, иль мѣстечку —
Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку?

И благородныя усилія литературы не остались тщетными: общество отозвалось на нихъ. Замѣчательно, что даже посредственныя сочиненія въ этомъ духѣ и направленіи всегда принимались нашею публикою съ особеннымъ восторгомъ, вмѣсто того, чтобъ оскорблять ее. Наконецъ, стали появляться люди, которые, уже не боясь прослыть за людей *безпокойныхъ* и не стыдясь названія глупцовъ, гордецовъ, выскочекъ и мечтателей, говорятъ въ слухъ, что скорѣе готовы умереть съ голоду, нежели богатѣть воровствомъ,—и съ голоду не умираютъ, а если и богатѣютъ, то честными средствами. Хотя такіе являются не тысячами, но все-таки число ихъ умножается со-дня-на-день. До временъ же Петра-Великаго, ихъ не было. Слѣдовательно, общество наше идетъ впередъ, и, не теряя своей національности, только разстается съ дурными привычками. И уже близко то время, когда не останется и слѣдовъ ихъ. А это дѣйствительно привычки—неболѣе, ибо съ чѣмъ можно разстаться, отъ чего можно отрѣшиться,—то не въ крови, не въ духѣ: то просто дурныя привычки, пріобрѣтенныя въ дурномъ обществѣ, при дурномъ воспитаніи. Только тѣ пороки дѣлаютъ безчестіе націи, которые неистребимы, неисправимы.

Вообще, всѣ недостатки и пороки нашей общественности выходили изъ невѣжества и непросвѣщенія: и потому свѣтъ знанія и образованности разгоняетъ ихъ, какъ восходъ солнца ночные туманы. Пороки Китайца и Персіанина слиты съ ихъ духомъ: просвѣщеніе сдѣлало бы ихъ только утонченнѣе, коварнѣе и развратнѣе, но не благороднѣе. Просвѣщеніе дѣйствуетъ благодѣтельно только въ такомъ народѣ, въ которомъ есть зерно жизни. Мы уже представили самый разительный фактъ, какъ неопровержимое доказательство, что въ русскомъ обществѣ есть здоровое и плодотворное зерно жизни. Прибавимъ къ этому, что многаго можно надѣяться отъ народа, который, послѣ нарвскаго сраженія, далъ полтавскую и бородинскую битвы, потрясъ Турецкую Имперію и, какъ сказалъ его великій поэтъ, «повалилъ въ бездну кумиръ, тяготѣющій надъ царствами, и кровію своею искупилъ свободу, честь, спокойствіе Европы». Едва пробудившись къ жизни, онъ громомъ побѣдъ возвѣстилъ Европѣ о своемъ пробужденіи; едва примкнувшись къ Европѣ, онъ уже рѣшилъ ея великое дѣло, далъ отвѣтъ на мудрый вопросъ...

Духъ народный всегда былъ великъ и могущъ: это доказываетъ и быстрая централизація московскаго царства, и мамаевское побоище, и сверженіе татарскаго ига, и завоеваніе темнаго Казанскаго Царства, и возрожденіе Россіи, подобно фениксу, изъ собственнаго пепла въ годину междуцарствія, когда, подобно

восходящему солнцу, прогоняющему призраки ночи и предразсвѣтную мглу, на престолъ, по единодушному избранію народа, взошелъ благословенный домъ Романовыхъ, даровавшій Россіи Петра-Великаго и цѣлый рядъ знаменитыхъ и славныхъ властителей, возвеличившихъ и облагодѣтельствовавшихъ ввѣренный Богомъ попеченію ихъ народъ. Это же доказываетъ и обиліе въ такихъ характерахъ и умахъ государственныхъ и ратныхъ, каковы были—Александръ-Невскій, Іоаннъ-Калита, Симеонъ-Гордый, Дмитрій-Донской, Іоаннъ III, Іоаннъ-Грозный, Андрей Курбскій, Воротынскій, Шеинъ, Годуновъ, Басмановъ, Скопинъ-Шуйскій, князь Димитрій Пожарскій, мѣщанинъ Мининъ, святители Алексій, Филиппъ, Гермогенъ, келарь Авраамій Палицынъ [89])... Это же доказываютъ и произведенія народной поэзіи, запечатлѣнной богатствомъ фантазіи, силою выраженія, безконечностію чувства, то бѣшено-веселаго, размашистаго, то грустнаго, заунывнаго, но всегда крѣпкаго, могучаго, которому тѣсно и на улицѣ, и на площади, которое проситъ для разгула дремучаго лѣса, раздолья Волги-матушки, широкаго поля... Но такова участь даже и великаго народа, если враждебная судьба, или неблагопріятное историческое развитіе лишаютъ его потребной ему сферы, и для необъятной силы его духа не даютъ приличнаго ей содержанія: въ минуты испытанія, когда малые духомъ народы падаютъ, онъ просыпается, какъ левъ, окруженный ловцами, грозно сотрясаетъ свою гриву и ужаснымъ рыканіемъ оледеняетъ сердца своихъ враговъ. Прошла буря—и онъ опять погружается въ свою дремоту, не извлекая изъ потрясенія благопріятныхъ результатовъ для своей цивилизаціи. Въ-самомъ-дѣлѣ, всѣ великіе перевороты и испытанія судьбы только обнаружили великій характеръ русскаго народа, роковой 1812 годъ, пронесшійся надъ Россіею грозною тучею, напрягшій всѣ ея силы, не только не ослабилъ ея, но еще и укрѣпилъ, и былъ прямою причиною ея новаго, высшаго благоденствія, ибо открылъ новые источники народнаго богатства, усилилъ промышленность, торговлю, просвѣщеніе. Вотъ какая разница между однимъ и тѣмъ же народомъ, въ его непосредственномъ, естественномъ и патріархальномъ состояніи, и въ разумномъ движеніи его историческаго развитія! Въ первомъ состояніи, и великое событіе у народа рождается какъ-бы безъ причины, и оканчивается безъ результатовъ,—и потому его исторія лишена всякаго общаго интереса; во второмъ состояніи, даже всякое событіе имѣетъ разумную причину и разумное слѣдствіе, и составляетъ шагъ впередъ,—и его исторія полна драматическаго интереса, движенія, разнообразія, поэтически-интересна, философски-поучительна, политически-важна. Но народъ одинъ и тотъ же, и Петръ не пересоздалъ его (такого дѣла, кромѣ Бога, никто бы не могъ совершить), а только вывелъ его изъ кривыхъ, избитыхъ тропинокъ на столбовую дорогу всемірно-исторической жизни. Шереметевъ, Меншиковъ, Репнинъ, Долгорукій, Апраксинъ, Шафировъ, Голицынъ (Михаилъ), Головинъ, Головкинъ,—всѣ эти люди, одаренные такими блестящими талантами, «сіи птенцы гнѣзда Петрова», по выраженію Пушкина, были природные Русскіе и родились въ царствованіе Алексія Михаиловича—въ кошихинскія времена Россіи. И такъ,

Петръ отрицалъ и уничтожалъ въ народѣ не существенное и кровное, но наросшее и привившееся, и тѣмъ отверзъ новые пути въ духѣ народа, до того времени остававшіеся затворенными, для принятія новыхъ идей и новыхъ дѣлъ. Обвиняющимъ его въ попраніи и уничтоженіи народнаго духа Петръ имѣлъ бы полное право отвѣтить: «не думайте, что пришелъ нарушить законъ, или пророковъ: я не нарушить пришелъ, но исполнить...»

Читатели наши могли видѣть вѣрную картину общественнаго и семейнаго быта Россіи—въ выпискахъ, сдѣланныхъ нами въ предъидущей статьѣ изъ книги Кошихина, изданной нашимъ просвѣщеннымъ правительствомъ. Они могли видѣть, что въ Россіи до Петра-Великаго не было ни торговли, ни промышленности, ни полиціи, ни гражданской безопасности, ни разнообразія нуждъ и потребностей, ни военнаго устройства, ибо все это было слабо и ничтожно, потому что было не закономъ, а обычаемъ. А нравы? Сколько тутъ азіатскаго, татарскаго! Сколько простонароднаго и грубаго въ пирахъ! Сравните эти тяжелыя ядѣнья, это невѣроятное питье, эти грубыя цалованія, эти частыя стуканья лбомъ о полъ, эти китайскія церемоніи,—сравните съ турнирами среднихъ вѣковъ, съ европейскими пиршествами XVII столѣтія... Вспомните, каковы были наши брадатые рыцари и кавалеры! каковы были наши бойкія дамы, потягивавшія «горькое»!.. Все это нисколько не *нравственно*, и не эстетично... Но все это опять-таки нисколько не относится къ униженію народа ни въ нравственномъ, ни въ философскомъ отношеніи: ибо все это было слѣдствіемъ изолированнаго отъ Европы историческаго развитія и слѣдствія вліянія татарщины. Лишь-только отворилъ Петръ двери своему народу на свѣтъ Божій, мало-по-малу тьма невѣжества разсѣялась: народъ не выродился, не уступилъ своей родной почвы другому племени, но уже сталъ не тотъ и не такой, какъ былъ прежде... Да, господа защитники старины, воля ваша, а Петру-Великому мало конной статуи на Исакіевской Площади: алтари должно воздвигнуть ему на всѣхъ площадяхъ и улицахъ великаго царства русскаго!...

Защитники нашей патріархальной старины обыкновенно говорятъ, что и въ Европѣ, во времена варварства, было не лучше, чѣмъ у насъ. Но у насъ въ XVIII вѣкѣ (до царствованія Екатерины Великой) было то, что въ Европѣ было въ VI и V вѣкахъ—были пытки, изувѣрство, суевѣріе и пр. [90]). Но, что всего важнѣе, въ Европѣ было развитіе жизни, движеніе идеи; подлѣ яда тамъ росло и противоядіе—за ложнымъ или недостаточнымъ опредѣленіемъ общества тотчасъ же слѣдовало и отрицаніе этого опредѣленія другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ требованію времени опредѣленіемъ.

Нѣкоторые думаютъ, что Россія могла бы сблизиться съ Европою безъ насильственной реформы, безъ отторженія, хотя бы и временнаго, отъ старины, но собственнымъ развитіемъ, собственнымъ геніемъ. Это мнѣніе имѣетъ всю внѣшность истины, и потому блестяще и обольстительно; но внутри пусто: его опровергаетъ самый опытъ,—факты исторіи. Никогда Россія не сталкивалась съ Европою такъ близко, такъ лицомъ къ лицу, какъ въ эпоху междуцарствія.

Есть фактъ еще больше поразительный: это—Новгородъ. Прекрасно русское выраженіе: «новогородская вольница», и странно мнѣніе многихъ ученыхъ, которые отъ чистаго сердца, т. е. не шутя, видѣли въ Новгородѣ—живой членъ ганзеатическаго союза. Правда, Новгородцы были друзья «Нѣмцамъ», безпрестанно обращались съ ними; но нѣмецкія идеи и не коснулись ихъ. Это была «вольница»; порабощеніе Новгорода Іоанномъ III и Іоанномъ-Грознымъ было дѣломъ, оправдывающимся не только политикою, но и нравственностію. Отъ созданія міра не было болѣе безтолковой и каррикатурной республики! Она возникла, какъ возникаетъ дерзость раба, который видитъ, что его господинъ боленъ изнурительной лихорадкой и уже не въ силахъ справиться съ нимъ какъ должно; она исчезла, какъ исчезаетъ дерзость этого раба, когда его господинъ выздоравливаетъ [91]). Оба Іоанны понимали это: они не завоевывали, но усмиряли Новгородъ, какъ свою взбунтовавшуюся отчину. Усмиреніе это не стоило имъ никакихъ особенныхъ усилій: завоеваніе Казани было въ тысячу разъ труднѣе для Грознаго... Нѣтъ! была стѣна, отдѣлявшая Россію отъ Европы: стѣну эту могъ разрушить только какой-нибудь Самсонъ, который и явился Руси въ лицѣ ея Петра. Наша исторія шла иначе, чѣмъ исторія Европы, и наше очеловѣченіе должно было совершиться также иначе. Нецивилизованные народы образуются безусловнымъ подражаніемъ цивилизованнымъ. Сама Европа доказываетъ это: Италія называла остальную Европу варварами, и эти варвары безусловно подражали ей во всемъ—даже въ порокахъ. Могла ли Россія начать съ начала, когда передъ ея глазами былъ уже конецъ? Не-уже-ли ей нужно было начать, напримѣръ, военное искусство съ той точки, съ которой оно началось въ Европѣ во времена феодализма, когда въ нее стрѣляли изъ пушекъ и мортиръ, а нестройную толпу ея могли поражать стройные ряды, вооруженные штыками, повертывавшіеся по командѣ одного человѣка? Смѣшная мысль! Если же Россія должна была изучать военное искусство въ томъ состояніи, въ какомъ было оно въ Европѣ XVII вѣка, то должна была учиться и математикѣ, и фортификаціи, и артиллерійскому и инженерному искусству, и навигаціи, слѣдственно, могла ли она приниматься за геометрію не прежде, какъ ариѳметика и алгебра уже укоренятся въ ней и ихъ изученіе окажетъ полные и равные успѣхи во всѣхъ сословіяхъ народа? Однообразіе въ одеждѣ для солдатъ не прихоть, а необходимость. Русская одежда не годилась для солдатской униформы, слѣдовательно необходимо должно было принять европейскую; а какъ же можно было сдѣлать это съ одними солдатами, не побѣдивъ отвращенія къ иностранной одеждѣ въ цѣломъ народѣ? И что бы за отдѣльную націю въ народѣ представляли собою солдаты, еслибъ всѣ прочіе ходили съ бородами, въ балахонахъ и безобразныхъ сапожищахъ? Чтобъ одѣть солдатъ, нужны были фабрики (а ихъ не было); не-уже-ли же для этого надобно было ожидать свободнаго и естественнаго развитія промышленности? При солдатахъ нужны офицеры, а офицеры должны быть изъ сословія высшаго нежели то, изъ котораго набирались солдаты, и на ихъ мундиры нужно было сукно потоньше солдат-

скаго: такъ не-уже-ли же это сукно слѣдовало покупать у иностранцевъ, платя за него русскими деньгами, или дожидаться, пока (лѣтъ въ 50) фабрики солдатскаго сукна прійдутъ въ совершенство и изъ нихъ разовьются тонко-суконныя фабрики? Что за нелѣпости! Нѣтъ, въ Россіи надо было начинать все вдругъ, и высшее предпочитать низшему: фабрики солдатскаго сукна фабрикамъ мужицко-сермяжнаго сукна, академію—уѣзднымъ училищамъ, корабли—баркамъ. Мало основать уѣздныя училища: надо было дать имъ учителей, которыхъ всего лучше могла образовать академія; надо было составить учебныя руководства, что опять могла сдѣлать только академія. Что ни говорите о бѣдности нашей литературы и ничтожности нашей книжной торговли, однако иные книги у насъ раскупаются же, и иные книгопродавцы одними періодическими изданіями имѣли же въ ежегодномъ оборотѣ по 250,000 рублей! А отъ-чего это произошло?—Отъ того, что наша великая Императрица, Екатерина II, заботилась о созданіи литературы и публики, заставила читать дворъ, отъ котораго, мало-по-малу, охота къ чтенію перешла, черезъ высшее дворянство, къ среднему, отъ него къ чиновническому люду, а теперь уже начинаетъ переходить и къ купечеству.

Да, у насъ все должно было начинать сверху внизъ, а не снизу вверхъ, ибо въ то время, какъ мы почувствовали необходимость сдвинуться съ мѣста, на которомъ дремали столько вѣковъ, мы уже увидѣли себя на высотѣ, которую другіе взяли приступомъ. Разумѣется, на этой высотѣ увидѣлъ себя не народъ (въ такомъ случаѣ ему нѣ для чего было бы и подыматься), а правительство, и то въ лицѣ только одного человѣка—царя своего. Петру нѣкогда было медлить: ибо дѣло шло уже не о будущемъ величіи Россіи, а о спасеніи ея въ настоящемъ. Петръ явился во-время: опоздай онъ четвертью вѣка, и тогда—*спасай* или *спасайся кто можетъ*!.. Провидѣніе знаетъ, когда послать на землю человѣка. Вспомните, въ какомъ тогда состояніи были европейскія государства, въ отношеніи къ общественной, промышленой, административной и военной силѣ, и въ какомъ состояніи была тогда Россія во всѣхъ этихъ отношеніяхъ! Мы избалованы нашимъ могуществомъ, оглушены громомъ нашихъ побѣдъ, привыкли видѣть стройныя громады нашихъ войскъ, и забываемъ, что всему этому только 132 года (считая отъ побѣды подъ Лѣснымъ—первой великой побѣды, одержанной русскими регулярными войсками надъ Шведами). Мы какъ-будто все думаемъ, что это было у насъ искони вѣковъ, а не съ Петра-Великаго. Мы уже забыли и то, что при Петрѣ-Великомъ, у Россіи явился опасный сосѣдъ—Карлъ XII, которому нужны были и люди и деньги, и который умѣлъ бы распорядиться и тѣмъ и другимъ, слѣдуя русской пословицѣ: «даровому коню въ зубы не смотрятъ». Любовь къ отечеству, могущество народнаго духа и богатство въ матеріальныхъ средствахъ—дѣйствительно сильныя орудія. Но воскресите героевъ Термопилъ, Марафона, Платеи, воиновъ Лакедемона, фаланги Македонянъ, когорты Рима, составьте изъ всѣхъ ихъ одно войско, сдѣлайте Мильтіада, Ѳемистокла, Кимона, Аристида, Перикла, Фабія,

Камилла, Сципіона, Марія начальниками отрядовъ, а въ главнокомандующіе дайте имъ Александра Македонскаго и Юлія Цезаря: это ужасное войско исполиновъ не устоитъ противъ пяти полковъ нашего времени подъ командою не Наполеона, а хоть кого-нибудь изъ его генераловъ. Сила солому ломитъ, говоритъ пословица, а умъ, вооруженный наукою, искусствомъ и вѣковымъ развитіемъ жизни, ломитъ и силу, прибавили бы мы. Нѣтъ, безъ Петра-Великаго, для Россіи не было никакой возможности естественнаго сближенія съ Европою. Повторяемъ: Петру нѣкогда было медлить и выжидать. Какъ прозорливый кормчій, онъ во время тишины предузналъ ужасную бурю и велѣлъ своему экипажу не щадить ни трудовъ, ни здоровья, ни жизни, чтобъ приготовиться къ напору волнъ, порывамъ вѣтра,—и всѣ изготовились хоть и нехотя,—и настала буря, но хорошо приготовленный корабль легко выдержалъ ея неистовую силу,—и нашлись педальновидные, которые стали роптать на кормчаго, что онъ напрасно такъ безпоконлъ ихъ! Нельзя ему было сѣять и спокойно ожидать, когда прозябнетъ, взойдетъ и созрѣетъ брошенное сѣмя: одной рукою бросая сѣмена, другою хотѣлъ онъ тутъ же и пожинать плоды ихъ, нарушая обычные законы природы и возможности,—и природа отступила для него отъ своихъ вѣчныхъ законовъ, и возможность стала для него волшебствомъ. Новый Навинъ, онъ останавливалъ солнце въ пути его, онъ у моря отторгалъ его довременныя владѣнія, онъ изъ болота вывелъ чудный городъ. Онъ понялъ, что полумѣры никуда не годятся и только портятъ дѣло; онъ понялъ, что коренные перевороты въ томъ, что сдѣлано вѣками, не могутъ производиться вполовину, что надо дѣлать или больше, чѣмъ можно сдѣлать, или ничего не дѣлать, и понялъ, что на первое станетъ его силъ. Передъ битвою подъ Лѣснымъ, онъ позади своихъ войскъ поставилъ казаковъ съ строгимъ приказаніемъ убивать безъ милосердія всякаго, кто побѣжитъ вспять, даже и его самого, если онъ это сдѣлаетъ *). Такъ точно поступилъ онъ и въ войнѣ съ невѣжествомъ: выстроивъ противъ него весь народъ свой, онъ отрѣзалъ ему всякій путь къ отступленію и бѣгству. Будь полезенъ государству, учись,—или умирай: вотъ что было написано кровью на знамени его борьбы съ варварствомъ. И потому, все старое безусловно должно было уступить мѣсто новому, и обычаи, и нравы, и дома, и улицы, и служба. Говорятъ, дѣло въ дѣлѣ, а не въ бородѣ; но что жь дѣлать, если борода мѣшала дѣлу? Такъ вонъ же ее, если сама не хочетъ валиться.

. . . . . .

Построеніе Петербурга тоже ставится многими въ упрекъ его великому основателю. Говорятъ: на краю огромнаго государства, на болотахъ, въ ужасномъ климатѣ, много стоило жертвъ, и пр.; но вопросъ въ томъ: было ли это необходимо, и можно ли было поступить иначе? Петръ долженъ былъ оставить Москву—тамъ шипѣли противъ него бороды; ему нужно было отвести безопас-

*) Голиковъ. Т. III, стр. 20 стараго изданія.

ный пріютъ европеизму, сдѣлать этого гостя семейнымъ, своимъ человѣкомъ, чтобъ незамѣтно и тихо могъ онъ дѣйствовать на Россію и быть громовымъ отводомъ для невѣжества и изувѣрства. Для такого пріюта ему нужна была почва совершенно новая, безъ преданій, гдѣ бы его Русскіе очутились совершенно въ новой сферѣ и не могли бы сами собою не измѣниться въ обычаяхъ и привычкахъ жизни. Ему нужно было свести ихъ съ иностранцами и связать съ ними и службою, и торговлею, и согражданствомъ, поставить ихъ съ ними въ безпрестанное соприкосновеніе. Для этого была необходима завоеванная земля, необходимо, чтобъ она могла быть отечествомъ и для иностранцевъ, которыхъ невозможно было въ большомъ числѣ переманить въ Москву, и для Русскихъ, которые только вначалѣ неохотно селились тамъ, но потомъ, увидѣвъ тамъ центръ правительства, тянулись туда какъ желѣзо къ магниту. А гдѣ же могло быть лучшее для этого мѣсто, какъ не въ «отбитомъ у Шведа краѣ»? А великая идея создать флотъ и положить начало заграничной торговлѣ не чрезъ посредство иностранцевъ, какъ въ Архангельскѣ, а прямо, собственною дѣятельностію, и не съ одними Англичанами, но со всѣмъ земнымъ шаромъ?—Гдѣ же лучшее для этого мѣста, какъ не при четверномъ устьѣ Невы? Стоитъ только обратить вниманіе на важность Кронштадта для Петербурга, чтобъ увидѣть, какъ геніальны и непогрѣшительны были соображенія Петра-Великаго. Почему бы ему было не перенести столицу на берега Чернаго или Азовскаго Моря? Потому-что ему, кромѣ флота и заграничной торговли, море нужно было и для успѣховъ европеизма отъ сосѣдства съ европейскимъ народомъ. Азовское или Черное Море сблизило бы насъ съ Татарами, Калмыками, Черкесами и Турками, а не съ Европейцами. Для Одессы важно сосѣдство Турціи, въ которую она отпускаетъ огромное количество пшеницы; но оно не было бы важно для Петербурга, ибо Одесса только портовой и торговый городъ, а Петербургъ, сверхъ того, и столица. И мысль Петра оправдалась дѣломъ: Москва безспорно имѣетъ свое значеніе для Россіи, но Петербургъ истинно-европейская столица Россіи: Петербургъ для Россіи—биржа европеизма, изъ которой европеизмъ разносится по Россіи. Всякое удобство, всякій шагъ въ цивилизаціи дѣлается у насъ черезъ Петербургъ. Онъ окно и дверь въ Европу.

Что̀ касается до жертвъ, съ какими построенъ Петербургъ—онѣ искупаются необходимостію и результатомъ. Петръ своими дѣлами писалъ исторію, а не романъ, онъ дѣйствовалъ какъ царь, а не какъ семьянинъ. Реформа была тяжкимъ испытаніемъ для народа, годиною трудною и грозною. Но когда же и гдѣ же великіе перевороты совершались тихо и безъ отягощенія современниковъ?.. Развѣ легокъ былъ для Россіи славный *двѣнадцатый* годъ? но неужели поэтому мы должны порицать его, а не гордиться имъ?.. Спокойныхъ государствъ только два въ мірѣ—Китай и Японія; но лучшее, что производитъ первый, это чай, а вторая, кажется—лакъ: больше о нихъ нѣчего сказать. Осина ломится и сокрушается вѣтромъ; дубъ мужаетъ и крѣпнетъ въ бурякъ.

. . . Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ нежданный и кровавый
Задалъ сй шведскій паладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, кустъ булатъ.

Да, тяжело было народу съ печей и палатей своихъ выйти на такую работу и борьбу. Онъ не виноватъ былъ, что выросъ не учась, и, взрослому, ему не подъ-силу показалось садиться за указку. Но самое худшее въ его положеніи было то, что онъ не могъ понять ни смысла, ни цѣли, ни пользы перемѣнъ, которымъ подвергала его желѣзная, несокрушимая воля царя-исполина. Здѣсь мы почитаемъ приличнымъ выписать, или, лучше сказать, украсить нашу статью выпискою краснорѣчивыхъ строкъ о Петрѣ Великомъ одного изъ русскихъ ученыхъ *).

«Чего жь недоставало русскому народу? *преобразованія!* Его недоставало для XVII вѣка! Явился царь съ горячей мыслію въ очахъ, съ отважной думой на челѣ и съ громоноснымъ словомъ власти! Онъ страшный кинулъ взоръ на царствующій градъ, сурово посмотрѣлъ на даль прошедшаго, и двинулъ царство отъ него. Что жь не понравилось ему въ наслѣдіи предковъ? Что возмутило Петра въ твореніи его отцовъ? Но это тайна души великой, глубокой, тайна генія! Мы видѣли только внѣшнее этого духа, который, какъ грозовое облако, прошелъ надъ русскою землею. Мы видѣли, какъ онъ сочувствовалъ Іоанну Грозному, какъ благоговѣлъ предъ кардиналомъ Ришельё, какъ не терпѣлъ византійскаго двора, его роскошества и лѣни, его ханжей и лицемѣровъ. Такое грозное соединеніе стихій въ душѣ смертнаго, рожденнаго повелѣвать и царствовать! И къ этому огненному началу нравственной его жизни присоединилось глубочайшее сознаніе собственныхъ силъ. Посланникъ неба, самодержавный смертный, рѣшительно рожденный для преобразованій! Въ какомъ бы онъ вѣкѣ ни родился, въ какомъ бы народѣ ни воспитался, онъ всегда и вездѣ былъ бы преобразователемъ. Это его природа! Еслибъ онъ былъ современнымъ древнему Язону, его постигла бъ участь божественнаго Иракла. Онъ былъ бы слишкомъ тяжелъ для легкой греческой армады. Но Провидѣніе знало, гдѣ произвести на свѣтъ необычайнаго смертнаго. Только русскій корабль могъ сдержать такого страшнаго пассажира! Только русское море могло носить на хребтѣ своемъ столь отважнаго мореходца! Только Россія могла не треснуть отъ

*) Ѳ. Л. Морошкина, профессора въ Московскомъ Университетѣ, изъ рѣчи его „Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи“, произнесенной на университетскомъ актѣ, 1839 г. іюня 10 дня.

этого духа, который напрягалъ ее, чтобъ уравнять ея силы съ своею исполинскою мощію! Дивное явленіе! Отъ сложенія міра не бывало такого государя! Говорятъ, что крутость его ума и воли происходила отъ-того, что онъ не получилъ надлежащаго воспитанія; но, Боже мой, какая наука могла огранить эту адамантовую душу, какое воспитаніе могло смягчить эти несокрушимые нервы ума, эти желѣзныя мышцы воли? Если природа должна была уступить ему, то что̀ жь могла сдѣлать изъ него наука? Какой Нѣмецъ могъ быть его дѣтоводцемъ, какой Французъ учителемъ? И природа и наука отступились, когда этотъ великій духъ помчалъ русскую жизнь по открытому морю всемірной исторіи! Петръ-Великій не вѣрилъ слабостямъ человѣческой природы; только на смертномъ одрѣ почувствовалъ, что и онъ смертный: *„изъ меня можно познать, сколь бѣдное твореніе есть человѣкъ“* произнесъ онъ въ смертныхъ страданіяхъ! Таковъ былъ Петръ Великій! Ему нужно было совершить преобразованіе. И какое преобразованіе! Отъ конечностей тѣла до послѣдняго убѣжища человѣческой мысли! Онъ бритвой брѣетъ бороды и топоромъ рубитъ невѣжество. Тысячи стрѣлецкихъ головъ падаютъ на Преображенскомъ полѣ! Ни даже крестный ходъ царствующаго града не могъ смягчить его правосудія! (стр. 60—61). . . . . Преобразователь въ-теченіи всей своей жизни хранилъ въ себѣ тайное сознаніе, что не одно рожденіе возвело его на престолъ, но сила высшая призвала его царствовать надъ народами! Онъ чувствовалъ, что не кровь, а духъ долженъ ему предшествовать. Онъ отвергъ сына и возжелалъ оставить по себѣ *достойнѣйшаго*. Но великій человѣкъ не пріобщился нашимъ слабостямъ! Онъ не зналъ, что мы и кровь и плоть. Онъ былъ великъ и силенъ, а мы родились и *малы* и *худы*, намъ нужны были общіе уставы человѣчества! Петру-Великому не нравилось наше древнее государственное устройство. Государева боярская дума должна была уступить мѣсто Сенату; областные приказы ландратамъ и ландгерихтамъ. Ему не нравились и наши цаловальники, наши дьяки и подъячіе. Онъ желалъ бы посадить на ихъ мѣсто плѣнныхъ шведовъ, секретарей и шрейберовъ цесарской службы. Ему не нравилось прошедшее Россіи. Но всѣ эти перемѣны ничто въ сравненіи съ преобразованіемъ государственной службы. Самъ, начавъ съ солдата гвардіи, онъ прошелъ медленно по лѣстницѣ подчиненія, и завѣщалъ ее своимъ подданнымъ. А что̀ кормленіе прежнее, что̀ царскій хлѣбъ и соль? Въ потѣ лица ѣли ихъ слуги Петра Великаго. Нигдѣ онъ не былъ такъ грозенъ своимъ правосудіемъ, какъ противъ дармоѣдовъ, мірскихъ ѣдухъ и казнокрадовъ. Не уважая частной собственности, когда думалъ объ отечествѣ, за каждую копейку, излишне взятую сборщикомъ податей, или переданную коммиссіонеромъ торгашу, онъ былъ неумолимъ для виновнаго» (стр. 61—62).

Да, тутъ народу было отъ чего призадуматься, было отъ чего вспоминать съ умиленіемъ о простодушной старинѣ и поэтизировать ее въ элегическихъ обращеніяхъ къ новому и старому времени, въ родѣ слѣдующаго, которымъ начинается одна сказка, вѣроятно, сложенная въ ту эпоху: «Соизвольте выслу-

шать, люди добрые, слово вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою словеса немудрыя, какъ въ старые годы, прежніе, жили люди старые. А и то-то, родимые, были вѣки мудрые, вѣки мудрые, народъ все православный, живали старики не по-нашему, не по-нашему, по-заморскому, а по-свѣму православному. А житье-то, а житье-то было все привольное, да раздольное. Вставали ранымъ-ранехонько, съ утренней зарей, умывшись ключевой водой, со бѣлой росой, кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада, выходили на красенъ крылецъ со рѣшеточкой, созывали слугъ вѣрныхъ на добры дѣла. Старики судъ рядили, молодые слушали; старики придумывали крѣпкія думушки, молодые бывали во посылушкахъ. Молодыя молодицы правили домкомъ, красныя дѣвицы завивали вѣнки на Семикъ-день, старые старушки судили, рядили и сказки сказывали. Бывали радости великія на великъ день, бывали ѣды со кручинами на велико сиротство. *А что было, то былью поросло, а что будетъ, то будетъ не по-старому, а по-новому!*»

И хорошо, что поросло! Какъ красно ни разсказывайте, какъ сладко ни пойте, а, право, не соблазните насъ этимъ привольнымъ и раздольнымъ житьемъ. Гулянья, театры, балы и маскарады мы будемъ предпочитать завиванію вѣнковъ на Семикъ-день. Что до ранняго вставанья—дѣло не въ томъ, чтобъ раньше встать, а чтобы не даромъ встать: кому нѣчего дѣлать, тотъ хорошо сдѣлаетъ, если подольше поспитъ. Мы не только не кланяемся роднымъ заочно на всѣ четыре стороны, но и встрѣтившись съ ними, если наше родство съ ними заключается только въ крови, а не въ любви и духѣ. Молодые люди бываютъ и у насъ «во посылочкахъ» у старыхъ, но за то и старые бываютъ «во посылочкахъ» у молодыхъ: ибо право начальства принадлежитъ у насъ не старѣйшему, но достойнѣйшему, а достоинство мы измѣряемъ не сѣдиною, а умомъ, талантомъ и заслугою. На посылкахъ у Суворова бывали не одни молодые офицеры, но и генералы, гораздо старше его лѣтами и природою. Да, мы не можемъ безъ улыбки сожалѣнія слушать эти жалобныя похвалы доброму старому времени: но мы понимаемъ, что простодушный народъ тогдашній *по-своему* былъ правъ. Скажемъ же ему отъ всего сердца: «вѣчная память и царство небесное!» Своими страданіями и тяжкимъ терпѣніемъ искупилъ онъ наше счастіе и наше величіе. Надъ гробами историческаго кладбища не должно быть ни проклятій, ни нестройнаго смѣха, ни ненависти, ни кощунства, но любовь и грустная, благоговѣйная дума...

Но такова сила истины, таково непосредственное вліяніе генія: еще въ разгаръ и самое тяжелое время реформы, Петръ имѣлъ почитателей не только въ приверженныхъ къ себѣ людяхъ, но и въ тѣхъ, которые косо смотрѣли на его преобразованіе. Казалось, всѣ, вопреки своему сознанію, признавали необходимость коренной реформы. И не могло быть иначе: Петръ явился во-время. Потребность преобразованія сильно обнаружилась еще въ царствованіе Алексія Михаиловича, и уничтоженіе мѣстничества при царѣ Ѳеодорѣ Алексіевичѣ было тоже слѣдствіемъ этой потребности. Но все дѣло ограничивалось полу-мѣрами,

не имѣвшими важныхъ послѣдствій. Нужна была полная, коренная реформа—«отъ оконечностей тѣла до послѣдняго убѣжища человѣческой мысли»; а для произведенія такой реформы нуженъ былъ исполинскій геній, какимъ явился Петръ. Полтавская битва не могла не имѣть сильнаго нравственнаго вліянія на народъ: многіе изъ самыхъ ожесточенныхъ приверженцевъ старины должны были увидѣть въ этой битвѣ оправданіе реформы. Правосудіе и справедливость царя, свободный доступъ къ нему всѣхъ и каждаго, эта готовность прощать личныхъ враговъ и злодѣевъ при видѣ ихъ раскаянія, эта готовность даже возвышать ихъ, если, при раскаяніи, видны были въ нихъ и способности, это божественное самоотреченіе отъ своей личности въ пользу вѣчной правды, это высокое самоуничтоженіе въ идеѣ своего народа и своего отечества,—все это покорило Петру сердца и души подданныхъ еще задолго до его кончины. Но когда онъ умеръ, не оставивъ послѣ себя никого подобнаго себѣ,—Русь оцѣпенѣла, словно ударъ грома оглушилъ ее. Лучшая часть народа, принесшая великія и невольныя жертвы преобразованію, трепетала уже за участь преобразованія и боялась возвращенія прежняго варварства. Русь какъ-будто предугадывала эту темную годину, когда ей надо будетъ влачиться по колеѣ, проложенной Петромъ, не двигаясь впередъ; она какъ-будто чувствовала, что надолго закатилось ея лучезарное солнце, вновь взошедшее на ея небосклонъ съ Екатериною-Великою, чтобы ужь болѣе не оставлять его *).

***535. Бернардъ Мопратъ** (,) или **Перевоспитанный Дикарь** (,) сочиненіе *Жоржъ Зандъ. (Г-жи Дюдеванъ)*. Переводъ съ французскаго. Часть первая. Санктпетербургъ. Въ тип. И. Воробьева. 1841. Въ 8-ю д. л. 123 стр. [93]).

«Мопра» есть одно изъ лучшихъ созданій Жоржа Занда. Въ основѣ этой повѣсти лежитъ мысль глубокая и поэтическая: молодой человѣкъ, воспитанный въ шайкѣ феодальныхъ воровъ и разбойниковъ, влюбляется, со всею силою дикой и дѣвственной натуры, въ дѣвушку съ душою возвышенною, характеромъ сильнымъ, и тѣмъ не менѣе прекрасную и граціозную. Дѣйствіемъ непосредственнаго вліянія своей красоты и женственности она обуздываетъ животные и звѣрскіе порывы его страсти, постепенно изъ дикаго звѣря дѣлаетъ ручнаго звѣря, а потомъ и человѣка, научивъ его любить кротко, почтительно, благоговѣйно и беззавѣтно, всего ожидать отъ любви, а не отъ правъ своихъ, и свято уважать личную свободу любимой женщины. Прекрасная мысль эта развита въ высшей степени поэтическимъ образомъ. Разсказъ Жоржа Занда—это сама простота, сама красота, сама жизнь, самъ умъ, сама поэзія. Сколько глубокихъ, практическихъ идей о личномъ человѣкѣ, сколько свѣтлыхъ откровеній благородной, нѣжной, женственной души! И какая человѣчность дышитъ въ каждой строкѣ,

*) Предположеннаго продолженія статей о „Дѣяніяхъ Петра Великаго“, по независящимъ отъ редакціи причинамъ, не будетъ [92]).

въ каждомъ словѣ этой геніальной женщины! Это не то, что̀ г. *де*-Бальзакъ, передъ которымъ такъ благоговѣйно преклоняются наши добрые гонители всего европейскаго во славу всего китайскаго! Это не г. *де*-Бальзакъ, съ своими герцогами, герцогинями, графами, графинями и маркизами, которые столько же похожи на истинныхъ, сколько самъ г. де-Бальзакъ похожъ на великаго писателя, или геніальнаго человѣка. У Жоржа Занда нѣтъ ни любви, ни ненависти къ привилегированнымъ сословіямъ, нѣтъ ни благоговѣнія. ни презрѣнія къ низшимъ слоямъ общества; для нея не существуютъ ни аристократы, ни плебеи,—для нея существуетъ только *человѣкъ*,—и она находитъ человѣка во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ слояхъ общества, любитъ его, сострадаетъ ему, гордится имъ и плачетъ о немъ. Но женщина и ея отношенія къ обществу, столь-мало оправдываемыя разумомъ, столь много основывающіяся на преданіи, предразсудкахъ, эгоизмѣ мужчинъ,—эта женщина наиболѣе вдохновляетъ поэтическую фантазію Жоржа Занда, и возвышаетъ до пафоса благородную энергію ея негодованія къ легитимированной насиліемъ невѣжества лжи, ея живую симпатію къ угнетенной предразсудками истинѣ. Жоржъ Зандъ есть адвокатъ женщины, какъ Шиллеръ былъ адвокатъ человѣчества. Мудрено ли послѣ этого, что г-жа д'Юдеванъ ославлена слѣпою чернью, дикою и невѣжественною толпою, какъ писательница безнравственная?.. Кто открываетъ людямъ новыя истины, тому люди не дадутъ спокойно кончить вѣка; за то, когда сведутъ въ раннюю могилу,—то непремѣнно воздвигнутъ великолѣпный памятникъ, и какъ на святотатца будутъ смотрѣть на того, кто бы дерзнулъ сказать хоть одно слово противъ предмета ихъ прежней остервенѣлой ненависти... Вѣдь и Шиллеръ, при жизни своей, слылъ писателемъ безнравственнымъ и развратнымъ...

«Мопра̀» былъ переведенъ въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, и переведенъ хорошо; кажется, этотъ же самый переводъ былъ напечатанъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» Улитина. Теперь «Мопра̀» переведенъ во второй разъ и напечатанъ въ третій разъ. Что̀ сказать о достоинствѣ этого второго перевода? Онъ тяжелъ, мѣстами теменъ, и вообще очень некрасивъ. Одно уже заглавіе романа во вкусѣ Щукина Двора, выдуманное досужею фантазіею г. переводчика, уже достаточно указываетъ на достоинство перевода: въ заглавіи подлинника стоитъ просто «Мопра̀», въ прежнемъ переводѣ такъ же, а отнюдь не «Бернардъ Мопра*тъ*, или перевоспитанный дикарь»... Изданіе самое сѣробумажное.

536. Ласто̀вка. Сочиненія на малороссійскомъ языкѣ. Гг. Л. Боровиковскаго, Е. Гребенки, Грицька Основьяненка, В. Забѣлы, И. Котляревскаго, Кореницкаго, П. Кулеша, Мартовицкаго, П. Писаревскаго, А. Чужбинскаго, Т. Шевченка, С. Шеперви и другихъ. Повѣсти и разсказы, нѣкоторыя народныя малороссійскія пѣсни, поговорки, пословицы, стихотворенія и сказки. Собралъ *Е. Гребенка*. Санктпетербургъ. Изданіе книгопродавца Василья Полякова. 1841. Въ 16-ю д. л. 382 стр.

Сватанье. Малороссійская опера въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе *Основьяненка*. Изданіе второе. Харьковъ. Печатано въ университетской типографіи. 1840. Въ 8-ю д. л. 156 стр. [94]).

Не смотря на разность этихъ двухъ книжекъ, изъ которыхъ одна—альманахъ, а другая—водевиль, несправедливо названный оперою,—мы соединяемъ ихъ въ одну статью, находя между ими то общее, о которомъ особенно хочется намъ поговорить: обѣ онѣ писаны на малороссійскомъ нарѣчіи. Предстоитъ важный вопросъ: есть-ли на свѣтѣ малороссійскій языкъ, или это только областное нарѣчіе? Изъ рѣшенія этого вопроса вытекаетъ другой: можетъ ли существовать малороссійская литература и должны ли наши литераторы изъ Малороссіянъ писать по-малороссійски?

Что до перваго вопроса, на него можно отвѣчать и *да* и *нѣтъ*. Малороссійскій языкъ дѣйствительно существовалъ во времена самобытности Малороссіи, и существуетъ теперь — въ памятникахъ народной поэзіи тѣхъ славныхъ временъ. Но это еще не значитъ, чтобъ у Малороссіянъ была литература: народная поэзія еще не составляетъ литературы. Тѣмъ не менѣе памятники народной поэзіи драгоцѣнны, и сохраненіе ихъ похвально. Малороссія — страна поэтическая и оригинальная въ высшей степени. Малороссіяне одарены неподражаемымъ юморомъ; въ жизни ихъ простого народа такъ много человѣческаго, благороднаго. Тутъ имѣютъ мѣсто всѣ чувства, которыми высока натура человѣческая. Любовь составляетъ основную стихію жизни. Прибавьте къ этому азіатское рыцарство, извѣстное подъ именемъ удалаго казачества; вспомните тревожную жизнь Малороссіи, ея борьбу съ католическою Польшею и басурманскимъ Крымомъ и Турціею,—и вы согласитесь, что трудно найдти болѣе обильнаго источника поэзіи, какъ малороссійская жизнь. Но недолжно забывать, что Малороссія начала выходить изъ своего непосредственнаго состоянія вмѣстѣ съ Великороссіею, со временъ Петра-Великаго; что до тѣхъ-поръ какой-нибудь вельможный гетьманъ отличался отъ простаго казака не идеями, не образованіемъ, но только старостію, опытностію, а иногда только богатымъ платьемъ, большими хоромами и обильною трапезою. Языкъ былъ общій, потому что идеи послѣдняго казака были въ-уровень съ идеями пышнаго гетьмана. Но съ Петра-Великаго началось раздѣленіе сословій. Дворянство, по ходу исторической необходимости, приняло русскій языкъ и русско-европейскіе обычаи въ образѣ жизни. Языкъ самого народа началъ портиться,—и теперь чистый малороссійскій языкъ находится преимущественно въ однѣхъ книгахъ. Слѣдовательно, мы имѣемъ полное право сказать, что теперь уже нѣтъ малороссійскаго языка, а есть областное малороссійское нарѣчіе, какъ есть бѣлорусское, сибирское и другія, подобныя имъ областныя нарѣчія.

Теперь очень-легко рѣшается и второй вопросъ: должно ли и можно ли писать по-малороссійски? Обыкновенно пишутъ для публики, а подъ «публикою» разумѣется классъ общества, для котораго чтеніе есть родъ постояннаго заня-

тія, есть нѣкотораго рода необходимость. По-этому, въ составъ публики можетъ войдти и гостинодворскій сидѣлецъ, даже съ бородкою, и—если хотите—деревенскій мужичокъ; но все-таки это будетъ исключеніемъ: собственно-публика состоитъ изъ высшихъ, образованнѣйшихъ слоевъ общества. Поэзія есть идеализированіе дѣйствительной жизни: чью же жизнь будутъ идеализировать наши малороссійскіе поэты?—Высшаго общества Малороссіи? Но жизнь этого общества переросла малороссійскій языкъ, оставшійся въ устахъ одного простаго народа,—и это общество выражаетъ свои чувства и понятія не на малороссійскомъ, а на русскомъ и даже французскомъ языкахъ. И какая разница, въ этомъ случаѣ, между малороссійскимъ нарѣчіемъ и русскимъ языкомъ! Русскій романистъ можетъ вывести въ своемъ романѣ людей всѣхъ сословій и каждаго заставить говорить своимъ языкомъ: образованнаго человѣка языкомъ образованныхъ людей, купца по-купечески, солдата по-солдатски, мужика по-мужицки. А малороссійское нарѣчіе одно и то же для всѣхъ сословій — крестьянское. Поэтому, наши малороссійскіе литераторы и поэты пишутъ повѣсти всегда изъ простаго быта и знакомятъ насъ только съ *Марусями*, *Одарками*, *Прокипами*, *Кандзюбами*, *Стецьками* и тому подобными особами. Гдѣ жизнь, тамъ и поэзія: слѣдовательно, и въ простомъ быту есть поэзія? Правда; но для этой поэзіи нужны слишкомъ огромные таланты. Мужицкая жизнь сама-по-себѣ мало интересна для образованнаго человѣка; слѣдственно, нужно много таланта, чтобъ идеализировать ее до поэзіи. Это дѣло какого-нибудь Гоголя, который въ малороссійскомъ бытѣ умѣлъ найдти общее и человѣческое, въ простомъ быту умѣлъ подстеречь и уловить играніе солнечнаго луча поэзіи; въ ограниченномъ кругу умѣлъ подсмотрѣть разнообразіе страстей, положеній, характеровъ. Но это потому-что для творческаго таланта Гоголя существуютъ не одни парубки и дывчата, не одни Аоанасіи Ивановичи съ Пульхеріями Ивановнами, но и Тарасъ Бульба съ своими могучими сынами; не одни Малороссы, но и Русскіе, и не одни Русскіе, но человѣкъ и человѣчество. Геній есть полный властелинъ жизни и беретъ съ нея полную дань когда бы и гдѣ бы ни захотѣлъ. Какая глубокая мысль въ этомъ фактѣ, что Гоголь. страстно любя Малороссію, все-таки сталъ писать по-русски, а не по-малороссійски!

Но Гоголь не всѣмъ можетъ быть примѣромъ. Тѣмъ не менѣе, жалко видѣть, когда и маленькое дарованіе попусту тратитъ свои силы, пиша по-малороссійски — для малороссійскихъ крестьянъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, содержаніе такихъ повѣстей всегда однообразно, всегда одно и то же, а главный интересъ ихъ— мужицкая наивность и наивная прелесть мужицкаго разговора. Все это нѣсколько прискучило. У кого, на-примѣръ, станетъ терпѣнія прочесть цѣлую книжку, составленную изъ прозаическихъ статей, писанныхъ *такимъ* языкомъ, съ *такою* манерою и *такимъ* тономъ:

„Нема на свити нычого луччого и Богу мылшого, якъ сердце матери до своихъ диточокъ!—Скилки бъ ихъ у неи ни було, чы дисяткомъ Богъ благословывъ, чы тилки однимъ-одно; для неи ривни; жодного любыть, усихъ

ривно пестуе, за усякимъ равно вбывается. Девять здоровенькихъ край неи, потишаютъ іи, а одно морщытця, кысне, не дуже; вже вона за нимъ вбываетця, тужыть, вже и бонтця, що бъ ще дужче не запедужало, або щобъ—нехай Богъ бороныть!—що бъ ще и не вмерло!—Вона ихъ обмыва, обпатрюе, обпыва, зодяга—и николы жъ то не втомытця, николы ни поскуча зъ нымы и усяка робота на диточекъ ій не важна!" и пр.

Или вотъ еще:

„Уже я такъ думаю що нема й на свити кращого мисця якъ Полтавська губернія. Господы Боже міи мылостывый що за губернія! И стены и лисы и сады и байраки и щукы и караси и вышни и черешни и усяки напыткы, и волы, и добри кони и добри люде, усе е, усего—багацько!" и пр.

Хороша литература, которая только и дышетъ, что простоватостію крестьянскаго языка, и дубоватостію крестьянскаго ума.

Но вотъ, что интересно: въ «Ластовкѣ» есть повѣсть, или что-то въ родѣ повѣсти, подъ которою стоитъ имя г. Основьяненка, и надъ которою есть посвященіе такого содержанія: «*Любій моій жинци Анни Григоріевни Квитка*». Изъ этого видно, что г. Основьяненко и г. Квитка—одно и то же лицо, ибо *жинка*, или *жинца* по-малороссійски значитъ *жена*. Итакъ, всѣ эти повѣсти и романы, которые печатались подъ именемъ Основьяненка, принадлежатъ *г-ну Квиткѣ*, принявшему только въ видѣ псевдонима имя Основьяненка?..

Что касается до «Сватанья» г. Основьяненка или г. Квитки,—это водевиль изъ крестьянскаго быта, водевиль, впрочемъ, довольно растянутый, но мѣстами не безъ занимательности [95]).

537. Сказанія Русскаго Народа, собранныя *И. Сахаровымъ*. Томъ первый. Книга первая, вторая, третья и четвертая. Изданіе третіе. Санктпетербургъ. 1841. Въ тип. Сахарова. Въ большую 8-ю д. л. 82, 128, 276 и 82, всего 568 стр.[96]).

Читателямъ уже извѣстна сообщенная нами во 2-й книжкѣ «Отеч. Записокъ» нынѣшняго года подробная программа изданія, предпринятаго И. П. Сахаровымъ. Вѣроятно они, вмѣстѣ со многими изъ прочитавшихъ программу, были изумлены огромностію труда, который задалъ себѣ нашъ почтенный собиратель памятниковъ старины и народности русской. Въ-самомъ-дѣлѣ, издать одному человѣку *семь* огромныхъ томовъ, вмѣщающихъ въ себѣ *тридцать книгъ*, и объемлющихъ собою всѣ стороны древней русской жизни—отъ фактовъ, сообщаемыхъ лѣтописями, до древнихъ костюмовъ, гербовъ, печатей, пословицъ, поговорокъ, и проч., и проч.—трудъ неслыханный на святой Руси! Многіе, въ недовѣрчивости покачивая головою, говорили объ этой программѣ, какъ обыкновенно говорится о великолѣпныхъ «программахъ», къ которымъ пріучили уже наши книжные спекулянты довѣрчивую публику. Но каково же должно быть удивленіе этихъ невѣровавшихъ—теперь, когда г. Сахаровъ, вслѣдъ за программою, дѣйствительно издалъ *первый* томъ своихъ «Сказаній»—томъ огромный,

состоящій изъ 568 страницъ большаго формата, напечатанныхъ въ два столбца такимъ мелкимъ, убористымъ шрифтомъ, что онѣ смѣло могутъ быть приняты за 1136 страницъ обыкновенной печати, и вмѣщающій въ себѣ свѣдѣнія въ высшей степени интересныя! По этому первому тому мы можемъ несомнѣнно надѣяться, что г. Сахаровъ выполнитъ въ точности всю свою программу и подаритъ русскую публику такимъ изданіемъ, какого еще не имѣла она и какого тщетно стала бы ожидать отъ дѣятельности другихъ любителей старины. Душевно желаемъ скорѣйшаго окончанія этому прекрасному предпріятію.

Для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые незнакомы еще съ трудами г-на Сахарова, скажемъ, что книга его есть сокровищница положительныхъ свѣдѣній о разныхъ фазахъ прежней русской жизни. Свѣдѣнія эти или собраны имъ самимъ во время путешествій по губерніямъ Тульской, Калужской, Орловской, Рязанской и Московской, или доставлены ему просвѣщенными соотечественниками, или, наконецъ, заимствованы изъ книгъ, изданныхъ другими. И. П. Сахаровъ—не теоретикъ: онъ даже иногда посмѣивается надъ теоріею, а иногда и побраниваетъ ее, и потому не думайте встрѣтить въ его книгѣ ни теоретическихъ взглядовъ на ту или другую сторону русскаго быта, ни такъ-сказать исторической архитектоники, ни попытки представить стройное изображеніе древней русской жизни; нѣтъ, г. Сахаровъ такъ добросовѣстенъ, что и не брался за подобное изображеніе; онъ лучше чѣмъ кто-нибудь знаетъ, что это дѣло невозможное, и что одинъ только безстыдный, достойный всякаго презрѣнія шарлатанизмъ можетъ въ великолѣпной программѣ обѣщать представить Россію во всевозможныхъ видахъ и отношеніяхъ,—тогда какъ для этого нѣтъ ни у кого въ мірѣ ни силъ, ни матеріаловъ...[97]). Онъ избралъ себѣ часть истинно-благую и истинно-полезную: онъ собираетъ матеріалы—пѣсни, сказки, повѣрья, преданія, пословицы, обычаи, письменные памятники древности, и, не мудрствуя лукаво, передаетъ все это со всевозможною точностію и вѣрностію своимъ соотечественникамъ. Мало этого: онъ тщательно собираетъ разные толки и мнѣнія касательно спорныхъ вопросовъ о достовѣрности того или другаго ученаго повѣрья, и дѣлаетъ изъ этихъ мнѣній сводъ, ограничиваясь, по-мѣстамъ, легкими замѣчаніями съ своей стороны и не входя въ дальнѣйшее критическое разбирательство дѣла. Такъ и должно быть; въ противномъ случаѣ, книга его, имѣя двѣ разносторонніе цѣли, необходимо распалась бы на двѣ части, изъ которыхъ одна непремѣнно вредила бы другой. Давайте намъ матеріаловъ, фактовъ, больше фактовъ; критика не замедлитъ явиться, и тогда само собою обнаружится, кто правъ, кто виноватъ—новая ли, все критизирующая историческая школа (которой явно противорѣчатъ убѣжденія почтеннаго И. П. Сахарова), или старая, готовая вѣрить на слово и лѣтописи, и «Слову о Пълку Игоревѣ», и «Сказанію о Мамаевомъ Побоищѣ», и «Слову Даніила Заточника», и пр. и пр. Безъ фактовъ все дѣло будетъ вертѣться только на словахъ, ограничиваться голословіемъ. И такъ, въ сторону критику, почтенный и трудолюбивый нашъ собиратель «Сказаній Русскаго Народа»! Давайте намъ фактовъ,

больше фактовъ,—и вы услышите громкое спасибо со всѣхъ сторонъ безконечнаго Царства Русскаго.

Но и теперь, прочитавъ только первый томъ вашихъ «Сказаній», мы шлемъ вамъ свое искреннее, душевное спасибо. Сколько любопытнаго собрано въ этомъ обширномъ томѣ! Первая книга его носитъ на себѣ названіе *Русской Народной Литературы*. Здѣсь издатель прежде всего говоритъ о славяно-русской миѳологіи; собираетъ все, что̀ находится объ этомъ предметѣ у Нестора (котораго лѣтопись онъ признаетъ и древнею и достовѣрною), и что̀ написано было о томъ же Иннокентіемъ Гизелемъ, Поповымъ, Чулковымъ, Глинкою, Кайсаровымъ, Строевымъ, Руссовымъ, Пріѣзжевымъ, равно какъ и иностранцами: Саксомъ-Грамматикомъ, Гельмольдомъ, Дитмаромъ, Стурлезономъ Снорри, Шедіемъ, Френцелемъ, Вагнеромъ, Арнольдомъ, Гроссеромъ, Монфокономъ, Банье, Шереромъ, Машемъ, Гейнекціемъ, Толліемъ, докторомъ Антономъ, Леклеркомъ, графомъ Потоцкимъ, Кромеромъ, Шнейдеромъ, Гваньини, Гютри, Длугошемъ, Стрыйковскимъ, Туманомъ, Гебгарди, Шварцемъ, Герберштейномъ, Раичемъ, Мавро-Урбиномъ, княземъ Бакхау, Нарушевичемъ, Іовіемъ, Нарбутомъ... Не драгоцѣнныя ли это указанія?.. Далѣе слѣдуютъ *Пѣсни Русскаго Народа*, или, лучше сказать, пересмотръ почти всѣхъ доселѣ изданныхъ пѣсенниковъ подъ различными, длинными и короткими, шарлатанскими и скромными названіями—отъ «Пѣсенника», изданнаго Чулковымъ въ 1770-мъ году, до новѣйшихъ. Тутъ чрезвычайно любопытны свѣдѣнія, собранныя г-номъ Сахаровымъ о томъ, какъ смотрѣли прежніе издатели на собираемыя имъ пѣсни, какъ *поправляли* ихъ, т. е. какъ коверкали и уничтожали весь колоритъ древности и народности, для того, изволите видѣть, чтобъ представить ихъ «въ лучшемъ, привлекательнѣйшемъ видѣ». Ужасъ объемлетъ душу, когда посмотришь на работу этихъ поправщиковъ, какъ иной, наприм., изъ 11 стиховъ чуднаго древняго стихотворенія (изъ сборника Кирши Данилова) дѣлалъ ровно 50, по правиламъ реторической «амплификаціи», или вмѣсто

Во чужой землѣ мнѣ могилушка,

поправилъ такъ:

Во чужой странѣ могила мнѣ!

или, вмѣсто простыхъ, но оригинальныхъ и выразительныхъ стиховъ:

Молодому, холостому
Назолу даваетъ,
Молодой и холостой
Въ лужкѣ травушку примялъ,

поставилъ свои, водяные и пошлые:

Молодецъ одинъ прекрасной
Дѣвицѣ знакомой
Часто по лугу гуляетъ,
Травку преминаетъ...

Говоря о сборникѣ древнихъ пѣсенъ, извѣстномъ подъ названіемъ: «Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ», г. Сахаровъ рѣши-

тельно не признаетъ, чтобъ онѣ были собраны этимъ казакомъ, а приписываетъ собраніе ихъ П. А. Демидову, «жившему въ Тулѣ въ половинѣ XVIII столѣтія и любившему собирать всѣ рѣдкости». Дѣйствительно, извѣстно, что эти стихотворенія открыты были П. А. Демидовымъ, что по смерти его достались ени г. Хозикову, который подарилъ ихъ Ѳ. П. Ключареву; что потомъ г. Ключаревъ поручилъ издать ихъ А. Ѳ. Якубовичу, и что они были изданы г-мъ Якубовичемъ въ 1804 году, подъ названіемъ: «Древнія Русскія Стихотворенія». Потомъ К. Ѳ. Калайдовичъ напечаталъ второе изданіе ихъ въ 1818 году, съ той же рукописи, полученной имъ уже отъ графа Н. П. Румянцова, прибавивъ къ нимъ 35 пѣсенъ и сказокъ, откинутыхъ г. Якубовичемъ. Но трудно доказать, чтобъ именно П. А. Демидовъ собралъ эти пѣсни, а не кто-либо другой: пока для этого нѣтъ никакихъ данныхъ, и представляемыя г-мъ Сахаровымъ доказательства—догадки, не болѣе [98]).—Наконецъ, въ этомъ же отдѣлѣ большое мѣсто занимаютъ толки о достовѣрности «Слова о Пълку Игоревѣ» и о значеніи нѣкоторыхъ словъ его. Г. Сахаровъ, собравъ здѣсь все, что было писано объ этомъ «Словѣ» pro и contra, отдаетъ преимущество вѣрующимъ въ древность и русское происхожденіе «Слова», возстаетъ на сомнѣвающихся и даже, перепечатывая это «Слово» въ свое изданіе, ставитъ на заглавномъ листкѣ грозное: *да постыдятся и постpамятся вси глаголющіе нань!* Оставляемъ его въ этомъ убѣжденіи, не будемъ пока спорить, и поблагодаримъ за сообщеніе полныхъ свѣдѣній о всемъ, относящемся къ «Слову»: это весьма важная услуга тѣмъ, кому прійдется забирать о «Словѣ» справки. Въ этой же книгѣ указаны сочиненія и мнѣнія о *Русскихъ Народныхъ Праздникахъ*.

Этими тремя статьями: о миѳологіи, пѣсняхъ и праздникахъ, ограничивается первая книга перваго тома, называющаяся, какъ сказано «Русскою Народною Литературою». Самыя пѣсни составляютъ уже *третью*, наибольшую по числу страницъ книгу того же тома. Въ ней находится драгоцѣнное собраніе пѣсенъ святочныхъ, хороводныхъ, плясовыхъ, свадебныхъ, семейныхъ, разгульныхъ, удалыхъ, солдатскихъ, казацкихъ, историческихъ, обрядныхъ и колыбельныхъ—со многими варіантами, «сравнительными пѣснями», примѣчаніями и описаніями обрядовъ, при которыхъ онѣ поются. Нельзя не имѣть довѣрія къ каждому стиху пѣсенъ, сообщаемыхъ г-мъ Сахаровымъ: вездѣ слышится чисто-народный складъ, народное слово, народное выраженіе, и нигдѣ незамѣтно нималѣйшей подправки. Рѣшительно, собраніе пѣсенъ г-на Сахарова можетъ быть названо у насъ единственнымъ и образцовымъ. Совѣтуемъ всѣмъ собирателямъ поучиться у него этому дѣлу.

Къ отдѣлу же «Народной Литературы», судя по плану г. Сахарова, напечатанному въ предисловіи къ первой книгѣ, должны быть отнесены помѣщенныя во *второй* книгѣ «Русскія Народныя Загадки и Притчи» и «Русскія Народныя Игры». То же предисловіе обѣщаетъ дополнить отдѣлъ «Народной

Литературы»—пословицами, сказками и обозрѣніемъ русскихъ областныхъ нарѣчій; все это войдетъ въ составъ слѣдующихъ томовъ.

Во второй книгѣ, кромѣ сказаннаго, помѣщена большая статья: *Русское Народное Чернокнижіе*, гдѣ собраны преданія о разныхъ русскихъ «заговорахъ», о «народныхъ чарованіяхъ», «преданія знахарей и колдуновъ» и «народныя гаданія».

Четвертая книга содержитъ въ себѣ перепечатанныя съ вѣрныхъ текстовъ «Былины русскихъ людей», именно: древнія русскія стихотворенія, находящіяся въ сборникѣ Кирши Данилова: «Добрыня Никитичъ», «Илья Муромецъ», «Василій Буслаевъ», «Алеша Поповичъ», «Соловей Будимировичъ», «Иванъ Гостиной Сынъ» и «Чурила Пленковичъ»;—далѣе: «Слово о Полку Игоревомъ», раздѣленное на XII пѣсенъ, «Сказаніе о нашествіи Батыя на Русскую Землю», «Слово Данінла Заточника», и наконецъ «Сказаніе о Мамаевомъ Побоищѣ». Все это весьма кстати помѣщено здѣсь, какъ драгоцѣнные матеріалы древней русской словесности.

Честь и слава дѣятельности г-на Сахарова и любви его къ избранному имъ предмету! Добросовѣстные, полезные и безкорыстные труды его не останутся безъ вознагражденія. Признательные соотечественники поощрятъ его своимъ вниманіемъ, а ученые русскіе никогда не забудутъ трудовъ его, доставляющихъ имъ такіе драгоцѣнные, достовѣрные матеріалы, которыхъ они нигдѣ не нашли бы, еслибъ г. Сахаровъ, собиравшій большую часть своихъ «Сказаній» на мѣстѣ, въ разныхъ частяхъ Россіи, не дѣлился съ ними своими пріобрѣтеніями. Пожелаемъ только, чтобъ онъ не оскудѣлъ въ средствахъ для такого огромнаго и дорого-стоящаго изданія; а эти средства—въ рукахъ публики [99]).

538. Русскія Народныя Сказки. Часть первая. Санктпетербургъ. 1841. Въ тип. Сахарова. Въ 32-ю д. л. CXIX и 273 стр. [100]).

Вотъ еще плодъ неутомимой дѣятельности почтеннаго И. П. Сахарова. Не знаемъ, будутъ ли «Сказки» его составлять, какъ составляютъ теперь, отдѣльное изданіе, или со-временемъ войдутъ въ составъ его «Сказаній Русскаго Народа»;—во всякомъ случаѣ, онъ взялся за прекрасное дѣло, о которомъ давнодавно пора было подумать. Въ-самомъ-дѣлѣ, эта «народная поэзія», выразившаяся въ сказкахъ, можно сказать, вовсе была намъ неизвѣстна. Лубочныя изданія, коверкающія и смыслъ и выраженіе; собранія, изданныя Друковцовымъ, Чулковымъ, Поповымъ, Тимофеевымъ, и пр. и пр., не только не могутъ дать вѣрнаго понятія о подлинныхъ народныхъ сказкахъ, но поведутъ еще къ ложнымъ заключеніямъ и толкованіяммъ о старинномъ языкѣ, о древнемъ семейномъ бытѣ Русскихъ и о всемъ, что только можно почерпнуть изъ сказокъ. Московскія и петербургскія типографіи ежегодно въ большомъ числѣ экземпляровъ оттискиваютъ такъ-называемыя народныя сказки. Эти жалкія книжонки, вмѣстѣ съ пѣсенниками, помадой, икрой, сапогами, каленкоромъ и солеными

огурцами развозятся Богъ-знаетъ въ какіе концы Царства Русскаго, куда не залетаетъ, можетъ-быть, ни одна порядочная печатная книга,—и вѣроятно находятъ себѣ усердныхъ читателей. Но эти книжонки не только не полезны для просвѣщеннаго любителя старины, даже рѣшительно вредны, представляя дѣло совершенно въ превратномъ видѣ. И. П. Сахаровъ рѣшился подвергнуть строгому изслѣдованію такое важное дѣло, перечелъ всѣ напечатанныя сказки, разобралъ ихъ критически, многое отвергъ, какъ чужое, наносное или приданное «благодѣтельными» поправщиками, иное оставилъ, и при изданіи своихъ «Сказокъ» съ величайшею, строгою разборчивостію принялъ два источника: 1) сказки, разсказываемыя нашими сказочниками, и 2) сказки, сохраненныя въ рукописяхъ. Въ изданной имъ нынѣ первой части «Сказокъ» находятся: «Добрыня Никитичъ», «Василій Буслаевичъ», «Илья Муромецъ», «Акундинъ», «О Ершѣ Ершовичѣ сынѣ Щетинниковѣ», и «О Семи Семіонахъ, семи родныхъ братьяхъ». Къ книгѣ приложено большое и чрезвычайно-любопытное предисловіе, въ которомъ г. Сахаровъ представляетъ: 1) списокъ русскихъ сказокъ, 2) библіографическую роспись, или списокъ всѣхъ изданій русскихъ сказокъ, 3) изданія русскихъ сказокъ, 4) мнѣнія нашихъ писателей о сказкахъ, 5) содержаніе нашихъ сказокъ, и 6) источники русскихъ сказокъ. Одно это предисловіе ужѣ чрезвычайно-важно для всякаго изслѣдывателя русской народной поэзіи; изобилующее всѣми свѣдѣніями, нужными для вѣрнаго взгляда на русскія сказки, оно представляетъ много поучительнаго и можетъ открыть читателю много неизвѣстнаго объ этихъ памятникахъ нашей старинной народной словесности.

Что же касается до сущности напечатанныхъ г-мъ Сахаровымъ сказокъ, то мы здѣсь ничего о ней не скажемъ, потому-что, считая народную русскую поэзію такимъ важнымъ предметомъ, о которомъ должно или все сказать, или ничего не говорить, предоставляемъ себѣ изложить о ней свое мнѣніе въ отдѣлѣ Критики, и именно въ обѣщанной ужѣ нами статьѣ о «Древнихъ Русскихъ Стихотвореніяхъ». Тамъ мы обратимся опять и къ вышедшему нынѣ первому тому «Сказаній Русскаго Народа» и къ первой части изданныхъ г-мъ Сахаровымъ «Сказокъ», тѣмъ болѣе, что содержаніе большей части ихъ сходно съ стихотвореніями сборника Кирши Данилова, находящимися тамъ подъ тѣми же заглавіями [101]).

***539. Сто русскихъ литераторовъ.** Изданіе книгопродавца *А. Смирдина. Томъ второй.* Булгаринъ. Вельтманъ. Веревкинъ. Загоскинъ. Каменскій. Крыловъ. Масальскій. Надеждинъ. Панаевъ. Шишковъ. Санктпетербургъ. 1841. [102]).

Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, изъ темной и таинственной области великихъ замысловъ и предпріятій, появился на свѣтъ Божій второй томъ «Ста Русскихъ Литераторовъ»!... Важное и торжественное событіе для русской лите-

ратуры!... Среди микроскопическихъ явленій книжнаго міра, въ настоящее время, когда романы, вмѣсто прежнихъ завѣтныхъ четырехъ частей, обыкновенно являются въ двухъ тоненькихъ книжечкахъ, разгонисто напечатанныхъ, или, отчаявшись найти себѣ читателей, растягиваются на страницахъ пяти-шести книжекъ инаго объемистаго журнала,—теперь книга «Сто Русскихъ Литераторовъ»—это настоящій слонъ, тяжело и величаво шагающій между кротами и кузнечиками въ пустынѣ русской литературы, поросшей глухою травою. Второй томъ «Ста русскихъ Литераторовъ» явленіе, великое по толщинѣ, и не менѣе великое по своему значенію: оно отмѣчено перстомъ судьбы и предназначено къ рѣшенію великой задачи. Это особенно доказывается его несвоевременнымъ, столь позднимъ появленіемъ въ свѣтъ. Явись онъ въ свое время, когда былъ обѣщанъ публикѣ издателемъ, т. е. съ небольшимъ годъ назадъ,—и его значеніе, его смыслъ навсегда были бы утрачены для публики: публика, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ дочесть—не говоримъ, эту толстую книгу, но хоть что-нибудь въ ней,—выронила бы ее изъ рукъ. Но теперь другое дѣло: теперь эта книга явилась въ самую пору, чтобъ окончательно рѣшить самый современный, самый свѣжій вопросъ—вопросъ о существованіи русской литературы... Для тѣхъ, кому слова наши показались бы загадочными, мы должны замѣтить мимоходомъ, что въ послѣднее время снова возникли сомнѣнія въ существованіи русской литературы. Скептицизмъ такъ далеко зашелъ, что нѣкоторые дерзкіе умы признаютъ истинными и великими талантами только Пушкина да еще трехъ-четырехъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ явился задолго до Пушкина, другой при началѣ, третій при концѣ, а четвертый послѣ его жизни; все же прочее считаютъ болѣе или менѣе удачными стремленіями и порываніями къ поэзіи,—но по большей-части пустоцвѣтами словеснаго міра. Но и подобное мнѣніе, какъ ни отважно оно, куда бы еще ни шло: хуже всего то, что и на таланты, которые они сами признаютъ за истинные и великіе, эти раскольники смотрятъ какъ на явленія обще-человѣческія...[103]). Хоть мы съ ними и нисколько не согласны, но, признаемся, ихъ возраженія не разъ приводили насъ въ смущеніе и заставляли задумываться. «Посмотрите—говорили они намъ—посмотрите на эти петербургскіе сады и острова—вѣдь это деревья, и еще съ листьями, а это розы, и еще въ полномъ цвѣту, но все-таки они отнюдь не доказываютъ, чтобъ теперь въ Петербургѣ была весна или лѣто». Такъ-какъ, читатели, мы рѣшительно не вѣримъ существованію не только весны или лѣта, но даже и зимы въ Петербургѣ, но круглый годъ видимъ въ немъ продолжительную [104]), мрачную, холодную, сырую, грязную и нездоровую осень,—то это доказательство скептиковъ, противъ воли нашей, имѣло для насъ свою сторону очевидности. Въ-самомъ-дѣлѣ, если деревья, безъ весны и лѣта, почти въ осеннюю слякоть могутъ одѣваться зеленью, и розы распускаться пышнымъ цвѣтомъ,—то почему же иному языку не гордиться нѣсколькими великими созданіями поэзіи и, въ то же время совсѣмъ не имѣя литературы?.. Конечно, сравненіе не всегда доказательство, и все это, можетъ-быть,

только парадоксъ,—но парадоксъ, надо сознаться, очень ловкій, такъ что его легко принять и за истину. Теперь [105]) вопросъ этотъ рѣшается просто и удовлетворительно: второй томъ «Ста Русскихъ Литераторовъ» неоспоримо убѣдитъ всякаго въ существованіи... русскихъ типографій [106])... русской литературы, хотѣли мы сказать...

Въ самомъ дѣлѣ, подумайте о дѣлѣ [107]) посерьезнѣе, поосновательнѣе, и вашъ скептицизмъ исчезнетъ передъ толстою книжищею «Ста», какъ исчезаетъ туманъ передъ восходомъ солнечнымъ. *Сто литераторовъ*, сто современныхъ, живыхъ еще (т. е. здравствующихъ) литераторовъ, — шутка ли это!.. Двадцать изъ нихъ уже предстали предъ россійскую публику, каждый съ повѣстью или какимъ-нибудь разсказомъ, а при нихъ съ картинкою [108]), портретомъ и еще съ факсимилемъ,—такъ-что, по остроумному выраженію одного изъ двадцати, публика можетъ видѣть и голову «сочинителя» и то, что есть лучшаго въ ней, т. е. «мозги», какъ остроумно выражается тотъ же «одинъ изъ двадцати». Говорятъ, по почерку можно заключить о характерѣ человѣка: слѣдовательно, въ отношеніи къ писателямъ, публика и съ этой стороны удовлетворена толстымъ альманахомъ г. Смирдина; по собственноручной подписи своихъ знаменитыхъ именъ гг. Зотовымъ, Масальскимъ и Веревкинымъ она можетъ судить и о личныхъ характерахъ сихъ знатныхъ «сочинителей». Итакъ, посмотрите, какая богатая литература: вотъ уже ничего не видя—двадцать литераторовъ услаждаютъ нашъ вкусъ и зрѣніе своими произведеніями, своими портретами, и мы готовимся увидѣться еще съ цѣлыми восемьюдесятью лицами въ этомъ родѣ.

Правда, изъ двадцати, представленныхъ публикѣ добродушнымъ усердіемъ г. Смирдина, шестерыхъ уже нѣтъ на свѣтѣ, а нѣкоторые изъ умершихъ и изъ живыхъ совершенно неизвѣстны публикѣ своими литературными заслугами; но что до первыхъ, они умерли недавно, и изъ нихъ только Пушкинъ не дождался радости увидѣть себя рядомъ съ Рафаиломъ Михайловичемъ Зотовымъ; а что до вторыхъ,—если они не написали до сихъ поръ ничего порядочнаго и заслуживающаго хоть какого-нибудь вниманія со стороны публики къ ихъ портретамъ и факсимилямъ, то они еще напишутъ; слѣдовательно, это не важное обстоятельство. Разумѣется, тѣ изъ нихъ, которые умерли, не успѣвъ написать ничего такого, что могло бы дать имъ право на званіе литераторовъ и сдѣлать интересными ихъ портреты, какъ напр. г. Веревкинъ,—ужъ ничего и не напишутъ; но въ этомъ виноваты не они, а ранняя смерть ихъ, не давшая времени развернуться ихъ талантамъ, которыхъ существованіе вѣроятно не безъ основанія предполагалось г. Смирднимъ—симъ тонкимъ [109]) знатокомъ и цѣнителемъ талантовъ. Итакъ, двадцать уже представлены, а восемьдесятъ литераторовъ въ непродолжительномъ времени имѣютъ быть представлены россійской публикѣ—самой доброй, самой расположенной ко всему печатному (особенно съ картинками) изъ всѣхъ бывшихъ, сущихъ и будущихъ публикъ. И это все живыхъ, съ немногимъ только числомъ, и то недавно, такъ сказать,

на дняхъ умершихъ литераторовъ; но тутъ нѣтъ и не будетъ ни Ломоносова, ни Сумарокова, ни Державина, ни Хераскова, ни Петрова, ни даже Батюшкова, Грибоѣдова, Веневитинова и другихъ, умершихъ ранѣе 1837 года. И потому, не считая ихъ, — цѣлыхъ сто литераторовъ, нашихъ современниковъ, литераторовъ настоящаго времени, настоящаго мгновенія: какое богатство, какое обиліе! Это хоть бы Англіи, хоть бы Франціи, хоть бы Германіи!.. «Да откуда же ихъ набралось столько? откуда возьмутъ другихъ?» восклицаетъ пораженная недоумѣніемъ и радостью публика. Какъ откуда?—Вольно жъ вамъ [110]) не знать русской литературы, не слѣдить за ея ходомъ, развитіемъ, успѣхами, не затвердить именъ ея неутомимыхъ дѣятелей, ея благородныхъ представителей... «Но, говорите вы, Пушкинъ уже былъ, Крыловъ тоже явился; слѣдовательно, остаются только Жуковскій [111]), Одоевскій, Лажечниковъ, Гоголь, Лермонтовъ, да развѣ еще двое - трое, и всѣ тутъ». — Во-первыхъ, изъ всѣхъ этихъ, можетъ быть, вы ни одного и не увидите; мы не утверждаемъ этого навѣрное, но предполагаемъ не безъ основанія; а во-вторыхъ, эти *всѣ* отнюдь не *всѣ*, и, кромѣ ихъ, можно легко набрать не только сто, но, съ маленькою натяжкою, и двѣсти. Вотъ нѣсколько знаменитыхъ именъ на выдержку, для примѣра: г. Воскресенскій, авторъ многихъ превосходныхъ романовъ, московскій Зотовъ;—г. Славинъ, что̀ прежде былъ г. Протопоповъ и г. Иртрипипрррвъ—московскій Тальма, Кинъ, актёръ и сочинитель; г. Межевичъ, нашъ русскій Жюль-Жанень, онъ же и г. Л. Л.; — гг. Ленскій и Коровкинъ — достойные соперники Скриба; — г. Марковъ, удачный подражатель самой занимательной части романовъ Поль-де-Кока [112]); сочинитель, талантъ котораго до того преисполненъ комическаго элемента, что съумѣлъ до слезъ насмѣшить публику даже Александромъ Македонскимъ—предметомъ, нисколько не смѣшнымъ [113]); баронъ Розенъ, создавшій русскую національную драму; г. Тимоѳеевъ, наслѣдникъ таланта и славы Пушкина, какъ очень остроумно было объявлено въ журналѣ, обильно наполнявшемся «мистеріями» г. Тимоѳеева; князь Мышицкій, авторъ волканическаго и вмѣстѣ водяного, т. е. морского романа «Сицкій»; г. Олинъ—отставной романтикъ, нѣкогда извѣстный журналистъ, газетчикъ, элегистъ, романистъ, драматургъ и пр. и пр.; г. Ободовскій, извѣстный переводчикъ и сочинитель разныхъ лирическихъ и драматическихъ, большихъ и малыхъ пьесъ-талантъ первостепенный и оригинальный; г. Сиговъ, нѣкогда славный изданіемъ альманаховъ, наполненныхъ собственными его сочиненіями, но теперь, къ немалому огорченію россійскихъ музъ, что-то замолчавшій [114]); гг. Степановъ, Троумъ, Пожарскій, Алексѣевъ, Щеткинъ, Сушковъ, Кропоткинъ—поэты лирическіе, элегическіе, и всѣ до одного—романтики; г. Ѳедотъ Кузмичевъ, извѣстный и знаменитый «авторъ природы», какъ онъ самъ называетъ себя; г. Навроцкій, извѣстный соперникъ Фонъ-Визина и кандидатъ въ геніи, какъ онъ самъ провозгласилъ себя; г. Бахтуринъ, извѣстный лирикъ и драматургъ, второй въ Россіи послѣ г. Полеваго; г. Струйскій, онъ же и Трилунный, прославившій себя пьесами въ восточномъ духѣ, каковы: Смертаилъ, Одинилъ,

Стихоплетоилъ и другіе «илы»; г. В. Ф(θ)едоровъ, авторъ разныхъ азбукъ и нравоучительныхъ книжекъ для дѣтей, поэтъ съ сильнымъ воображеніемъ, хотя и съ полубогатыми виршами, прозаикъ образцовый, хотя и несовсѣмъ твердый въ синтаксисѣ и орѳографіи; и прочіе, и прочіе, и прочіе—всѣхъ не перечтешь и на десяти страницахъ [115]). А сколько издателей такихъ изданій, которыя хотя только и наполняются, что моральными статьями и бранью противъ *толстыхъ* журналовъ, въ чаяніи вызвать ихъ на неприличный бой съ собою и тѣмъ обратить на себя вниманіе публики, но которыхъ тѣмъ не менѣе все-таки никто не знаетъ и не читаетъ [116])! Сколько сотрудниковъ въ этихъ неизвѣстныхъ изданіяхъ и полуизданіяхъ, которые съ большимъ талантомъ и краснорѣчіемъ пишутъ объ упадкѣ общественной нравственности и вкуса публики, основывая свое мнѣніе на томъ, что общество и публика не хочетъ читать ихъ нравственныхъ сочиненій, восхищаясь Пушкинымъ и безнравственнымъ Лермонтовымъ! Нѣтъ, лишь стало бы охоты у г. Смирдина продолжать полезное предпріятіе и у публики читать его изданіе,—а то наберется и тысяча русскихъ литераторовъ, явятся имена, никогда не слыханныя, и, кромѣ своихъ владѣльцевъ, никому неизвѣстныя... Итакъ, не бойтесь, чтобъ дѣло кончилось только гг. Зотовымъ, Масальскимъ, Веревкинымъ: много найдется на святой Руси подобныхъ имъ талантовъ. И потому, будемъ надѣяться на Аполона—да исполнитъ онъ ожиданія наши! А чтобы онъ не томилъ насъ долгимъ ожиданіемъ, воспоемъ ему громкій пеанъ, да ужъ за-одно — попросимъ его, чтобы въ третьемъ томѣ «Ста Русскихъ Литераторовъ» не увидѣть Жуковскаго среди исчисленныхъ нами знаменитостей, какъ увидѣли мы Пушкина между гг. Зотовымъ и другими, и Крылова между гг. Масальскимъ, Каменскимъ, Веревкинымъ и пр.

Въ ожиданіи же слѣдующихъ томовъ «Ста Русскихъ Литераторовъ», разсмотримъ второй. Одиннадцать произведеній десяти авторовъ, съ десятью портретами и десятью картинками; книга въ большую осьмушку, почти въ семьсотъ страницъ,—и послѣ этого будто еще могутъ оставаться сомнѣнія не только въ существованіи русской литературы, но и въ ея неисчерпаемомъ обиліи, богатствѣ и роскоши? Не можетъ быть!... Для большаго удостовѣренія, совѣтуемъ нашимъ читателямъ не забывать, что альманахи—роскошь литературы, плодъ ея избытковъ, которыхъ такъ много, что ихъ некуда и дѣвать, кромѣ альманаховъ; что, слѣдовательно, альманахи собираются легко, свободно, безъ натяжекъ и усилій, и что, наконецъ, они свидѣтельствуютъ о необычайномъ количествѣ и качествѣ капитальныхъ и большихъ произведеній искусства и беллетристики, о необычайномъ числѣ и достоинствѣ журналовъ всѣхъ родовъ... Итакъ, честь и слава русской литературѣ, достойнымъ представителемъ которой такъ кстати явился альманахъ г. Смирдина!.. Взглянемъ же попристальнѣе на эту драгоцѣнную книгу...

Она начинается статьею покойнаго А. С. Шишкова: «Воспоминанія о моемъ пріятелѣ», которая есть нѣчто въ родѣ анекдотовъ, такъ бѣдныхъ содержа-

ніемъ и такъ неловко разсказанныхъ, что рѣшительно нѣтъ никакой возможности понять—въ чемъ тутъ дѣло и о чемъ рѣчь. По всему замѣтно, что статья писана сочинителемъ въ глубокой старости, и притомъ по внѣшнему, а не по внутреннему побужденію. Причина послѣдняго обстоятельства очевидна: издатель допускаетъ въ свой альманахъ только повѣсти и разсказы, и потому, еслибы туда хотѣлъ попасть литераторъ, вѣкъ свой писавшій объ исторіи, математикѣ или корнесловіи, то непремѣнно долженъ былъ бы что-нибудь разсказать, хоть свой сонъ, хотя бы въ этомъ снѣ не было и никакого значенія. Къ статьѣ г. Шишкова приложена картинка, сдѣланная Брюловымъ—единственно превосходная [116]) картинка во всемъ альманахѣ [117]). Что до самой статьи, о ней можно сказать только, что въ ней авторъ остался вѣренъ себѣ [118]) и употребилъ только одно иностранное слово, и то въ скобкахъ, именно «попугай», котораго онъ по-русски нарекъ «переклиткою» [119]). Удивительное постоянство! Весь міръ перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ А. С. Шишковъ издалъ свое знаменитое «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка»; самъ «россійскій» языкъ, прошедъ сквозь горнило талантовъ Карамзина, Крылова, Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Грибоѣдова и другихъ, сталъ совсѣмъ иной [120]), а г. Шишковъ остался одинъ и тотъ же, какъ египетская пирамида, безмолвный и бездушный свидѣтель тысячелѣтій, пролетѣвшихъ мимо него [121])... Имя Шишкова имѣетъ полное право на свое, хотя небольшое, мѣстечко въ исторіи русской литературы, если только дѣйствительно существуетъ на свѣтѣ вещь, называемая русскою литературою. Было время, когда весь пишущій и читающій людъ на Руси раздѣлялся на двѣ партіи:—Шишковистовъ и Карамзинистовъ такъ, какъ впослѣдствіи онъ раздѣлился на классиковъ и романтиковъ. Борьба была отчаянная: дрались не на животъ, а на смерть. Разумѣется, та и другая сторона была права и виновата вмѣстѣ; но охранительная котерія довела свою односторонность до nec plus ultra, а свое воодушевленіе до неистоваго фанатизма — и проиграла дѣло. И не мудрено [122]): она опиралась на мертвую ученость, не оживленную идеею, на преданія старины и на авторитеты писателей безъ вкуса и таланта, но зато старинныхъ и заплѣсневѣлыхъ; тогда какъ на сторонѣ партіи движенія былъ духъ времени, жизненное развитіе и таланты. Шишковъ боролся съ Карамзинымъ: борьба неровная! Карамзина съ жадностью читало въ Россіи все, что только занималось чтеніемъ; Шишкова читали одни старики. Карамзинъ ссылался на авторитеты французской литературы; Шишковъ ссылался на авторитеты даже не Державина, не Фонъ-Визина, не Крылова, не Озерова, а Симеона Полоцкаго, Кантемира, Поповскаго, Сумарокова, Ломоносова, Крашенинникова, Козицкаго, Хераскова и т. д. На сторонѣ Шишкова, изъ пишущихъ, не было почти никого; на сторонѣ Карамзина было все молодое и пишущее, и между многими Макаровъ, человѣкъ умный, образованный, хорошій переводчикъ, хорошій прозаикъ, ловкій журналистъ. Правда, котерія движенія доходила до крайности, вводя въ русскій языкъ новыя, большею частью иностранныя слова и иностранные обороты; но какой же переворотъ совер-

шался безъ крайностей, и не смѣшно ли не начинать благого дѣла, боясь испортить его [123])? На что же были бы и врачи, еслибъ они не лечили больныхъ, боясь сдѣлать имъ лекарствами еще хуже? Подмѣтить ошибку въ дѣлѣ еще не значитъ—доказать неправость самаго дѣла. Работаютъ люди, но совершаетъ время. Конечно, теперь смѣшны слова: *викторія, сенсаціи, ондировать*ся (волноваться), и тому подобныя; смѣшно писать *аддиція* вмѣсто *сложеніе, субстракція* вмѣсто *вычитаніе, мултипликація* вмѣсто *умноженіе, дивизія* вмѣсто *дѣленіе*, но вѣдь эти слова начали употребляться вмѣстѣ съ словами—*геній, энтузіазмъ, фанатизмъ, фантазія, поэзія, ода, лирика, эпопея, фигура, фраза, капитель, фронтонъ, линія, пунктъ, монотонія, меланхолія*, и съ безчисленнымъ множествомъ другихъ иностранныхъ словъ, теперь получившихъ въ русскомъ языкѣ полное право гражданства, и потому ни мало не смѣшныхъ, не странныхъ, не непонятныхъ. Люди безъ разбора вводили новыя слова, а время рѣшило—которымъ словамъ остаться въ употребленіи и укорениться въ языкѣ, и которымъ исчезнуть; нововводители же не знали и не могли знать этого. Шишковъ не понималъ, что кромѣ духа, постоянныхъ правилъ, у языка есть еще и прихоти, которымъ смѣшно противиться; онъ не понималъ, что употребленіе имѣетъ права совершенно равныя съ грамматикою и нерѣдко побѣждаетъ ее, вопреки всякой разумной очевидности. У насъ есть слово *торговля*, вполнѣ выражающее свою идею; но найдите хоть одного торговца, который бы не зналъ и не употреблялъ слова *коммерція*, хотя это слово во всей очевидности совершенно лишнее? Такимъ же точно образомъ можно найти много коренныхъ русскихъ словъ, прекрасно выражающихъ свою идею, но совершенно забытыхъ и дикихъ для употребленія. Напримѣръ, что̀ можетъ быть лучше слова *иже*—оно и коротко и выразительно; а между тѣмъ мы замѣнили его длиннымъ и неуклюжимъ словомъ *который*. Почему такъ?—Нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ! Почему можно сказать: *говоря рѣчь, дѣлая вещь*, а неловко сказать *вія шнурокъ, пія* или *пья воду, тяня веревку?* Первоначальная причина введенія новыхъ, взятыхъ изъ своего или чужихъ языковъ, словъ есть всегда знакомство съ новыми понятіями; а разумѣется, что нѣтъ понятія—нѣтъ и слова для его выраженія; явилось понятіе—нужно и слово, въ которомъ бы оно выразилось. Намъ скажутъ, что явленія идеи и слова единовременны, ибо ни слово безъ идеи, ни идея безъ слова родиться не могутъ. Оно такъ и бываетъ: но что же дѣлать, если писатель познакомился съ идеею чрезъ иностранное слово?—Ирінскать въ своемъ языкѣ, или составить соотвѣтствующее слово?—Такъ многіе и пытались дѣлать, но немногіе успѣвали въ этомъ. Слово *кругъ* вошло и въ геометрію, какъ терминъ, но для *квадрата* не нашлось русскаго слова, ибо хотя каждый квадратъ есть четвероугольникъ, но не всякій четвероугольникъ есть квадратъ; а замѣнить *хорду веревкою* никому, кажется, и въ голову не входило. Слово *мокроступы* очень хорошо могло бы выразить понятіе, выражаемое совершенно безсмысленнымъ для насъ словомъ *галоши*; но вѣдь не насильно же заставить цѣлый народъ вмѣсто *галоши*

говорить *мокроступы*, если онъ этого не хочетъ! Для русскаго мужика слово *кучеръ*—прерусское слово; а *возница* такое же иностранное, какъ и *автомедонъ*. Для идеи *солдата*, *квартиры* и *квитанціи*, даже и у мужиковъ нѣтъ болѣе понятныхъ и болѣе русскихъ словъ, какъ *солдатъ*, *квартира* и *квитанція*. Что съ этимъ дѣлать? Да и слѣдуетъ ли жалѣть объ этомъ? Какое бы ни было слово, свое или чужое, лишь бы выражало заключенную въ немъ мысль,—и если чужое лучше выражаетъ ее, чѣмъ свое, давайте чужое, а свое несите въ кладовую стараго хлама. У насъ не было поэзіи, какъ не только непосредственно, но и въ сознаніи народа существующаго понятія,—и потому, когда это понятіе должно было ввести въ сознаніе народа, то должно было ввести въ русскій языкъ и греческое слово *поэзія*; но какъ живопись существовала у насъ, если не непосредственно, то въ сознаніи народа, имѣвшаго въ ней нужду для изображенія религіозныхъ предметовъ, то въ нашъ языкъ и не вошло иностраннаго слова для этого искусства, но осталось свое, даже съ нѣкоторыми терминами, какъ то: *черта*, *чертить*, *образъ*, *изображеніе*, *кисть*, *краски*, *подмалевка*, *тѣни* и пр. Хотя по-гречески *ода* значитъ и *пѣснь*, но тѣмъ не менѣе между *одою* и *пѣснію* есть разница, и потому слово *ода* необходимо должно было войти въ нашъ языкъ.

Каждый народъ, занимая страну, болѣе или менѣе отличную отъ другихъ и, слѣдовательно, непохожую на другія, выражаетъ своимъ существованіемъ свою идею, которой не выражаетъ уже никакой другой народъ. Вслѣдствіе этого, каждый народъ дѣлаетъ свои, только ему принадлежащія завоеванія и пріобрѣтенія въ области духа и знанія, и создаетъ языкъ и терминологію для своихъ духовныхъ стяжаній. Вотъ почему каждый народъ, въ смыслѣ «націи» (ибо не всякій народъ есть нація, но только тотъ, котораго исторія есть развивающаяся идея), владѣетъ извѣстнымъ количествомъ словъ, терминовъ, даже оборотовъ, которыхъ нѣтъ и не можетъ быть ни у какого другого народа. Но какъ всѣ народы суть члены одного великаго семейства—человѣчества, и какъ, слѣдовательно, все частное каждаго народа есть общее человѣчества[123-а]),то и необходимъ между народами размѣнъ понятій, а слѣдовательно, и словъ. Вотъ почему греческія слова: *поэзія*, *поэтъ*, *фантазія*, *эпосъ*, *лира*, *драма*, *трагедія*, *комедія*, *сатира*, *ода*, *элегія*, *метафора*, *тропъ*, *логика*, *риторика*, *идея*, *философія*, *исторія*, *геометрія*, *физика*, *математика*, *герой*, *аристократія*, *демократія*, *олигархія*, *анархія*, и безчисленное множество другихъ словъ вошли во всѣ европейскіе языки, точно такъ же, какъ арабскія—*алгебра*, *альманахъ*, и вообще восточныя, означающія названія драгоцѣнныхъ камней; латинскія: *республика*, *юриспруденція*, *штатъ* (status), *цивилизація*, *армія*, *корпусъ*, *легіонъ*, *рота*, *императоръ*, *диктаторъ*, *цензоръ*, *цензура*, *консулъ*, *префектъ*, *префектура*, и вообще всѣ термины науки права и судопроизводства. По этому же самому и русское слово *степь*, означающее ровное, безводное и пустое пространство земли, вошло въ европейскіе языки. Мысль Шишкова была та, что, если ужъ нельзя обойтись

безъ новаго слова (а онъ питалъ сильную антипатію къ новымъ словамъ), то должно не брать его изъ чужого языка, но составить свое, сообразно съ духомъ языка, или отыскать старинное, обветшалое, близкое по значенію къ тому иностранному, въ которомъ предстоитъ нужда. Мысль прекрасная, но рѣшительно невыполнимая и потому никуда негодная! Правда, иныя слова удобно переводятся или замѣняются своими, какъ то было и у насъ; но большею частію, переведенныя или составленныя слова уступаютъ мѣсто оригинальнымъ, какъ *землемѣріе* уступило мѣсто *геометріи*, *любомудріе—философіи;* или остаются вмѣстѣ съ оригинальными, какъ слова: *стихосложеніе* и *версификація*, *мореплаваніе* и *навигація*, *лѣтосчисленіе* и *хронологія;* или, удерживаясь вмѣстѣ съ оригинальными, заключаютъ нѣкоторый оттѣнокъ въ выраженіи при одинаковомъ значеніи, какъ слова: *народность* и *національность*, *личность* и *индивидуальность*, *природа* и *натура* *), *нравъ* и *характеръ* и пр. Вообще идеѣ какъ-то просторнѣе въ томъ словѣ, въ которомъ она родилась, въ которомъ она сказалась въ первый разъ; она какъ-то сливается и срастается съ нимъ, и потому выразившее ее слово дѣлается *слитнымъ*, *сросшимся* («конкретнымъ», говоря философскимъ терминомъ) и становится непереводимымъ. Переведите слово *катихизисъ—оглашеніемъ*, *монополію—единоторжіемъ*, *фигуру—извитіемъ*, *періодъ—кругомъ*, *акцію — дѣйствіемъ* — и выйдетъ нелѣпость. Кромѣ того, какъ мы уже и говорили, тутъ большую роль играетъ упрямство, капризъ употребленія. Выраженіе: *имѣть на что или на кого-нибудь вліяніе*, составлено явно противъ духа и всѣхъ правилъ языка; а между тѣмъ оно вполнѣ выражаетъ свою идею, и замѣнить его *наитіемъ*—значило бы понятное для каждаго русскаго выраженіе замѣнить непонятнымъ и безсмысленнымъ.

Нельзя безъ улыбки состраданія, а иногда и просто безъ смѣху читать нападки почтеннаго защитника старины на Карамзина. Долго было бы выписывать разборъ Шишкова статьи Карамзина «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?» [1 23-6]. Мысль Карамзина, что намъ нуженъ языкъ, которымъ могло бы объясняться образованное общество и дамы,—эта мысль казалась для Шишкова чуть не богохульствомъ. Чтобы понять фанатизмъ старовѣрства, всю его нелѣпость и безплодность, надобно видѣть, какъ глумится нашъ рыцарь старопечатныхъ книгъ надъ фразою Карамзина: «Когда путешествіе сдѣлалось потребностію души моей!» Онъ находитъ ее противною духу языка, грамматикѣ и логикѣ, и отъ чистаго сердца утверждаетъ, что ее можно замѣнить фразою: «Когда я любилъ путешествовать», думая, что она выражаетъ точь въ точь то же самое, только лучше и болѣе по-русски. Удивительно ли послѣ этого,

*) Хотя *природа* и *натура* значатъ и одно и то же, но въ употребленіи иногда не могутъ замѣнять другъ друга; можно сказать: *это очень натурально*, но нельзя сказать: *это очень природно;* нельзя сказать: *такова природа этого человѣка*, но говорится: *такова натура этого человѣка.*

что Шишковъ, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могъ произвести никакой реакціи реформѣ Карамзина, и что всѣ его усилія погибли втунѣ, не принесши плода? А между тѣмъ, онъ могъ бы оказать большую пользу русской стилистикѣ и лексикографіи, ибо нельзя не удивляться его начитанности церковныхъ книгъ и знанію силы и значенія коренныхъ русскихъ словъ. Но для этого ему слѣдовало бы, во-первыхъ, ограничиться только стилистикою и словопроизводствомъ, не пускаясь въ толки о краснорѣчіи и поэзіи, которыхъ онъ рѣшительно не понималъ; а во-вторыхъ, ему не слѣдовало бы доводить свою любовь къ старинѣ и ненависть къ новизнѣ до фанатизма, который былъ причиною, что его никто не слушалъ и не слушался, но всѣ только смѣялись даже и надъ тѣми замѣчаніями, которыя были дѣльны. Поставь онъ себѣ цѣлію не остановить реформы, но дать ей прочныя основанія чрезъ знаніе духа и историческаго развитія славяно-церковнаго языка, ввести ее въ должные предѣлы,—повторяемъ, его труды не пропали бы вотще, но принесли бы большую пользу языку и молодымъ писателямъ его времени. Но онъ вышелъ изъ своей роли, и часто бросалъ то оружіе, которое въ его рукахъ могло быть и остро, и крѣпко, и брался за то, которымъ не дано ему было владѣть. Главная его ошибка состояла въ томъ, что онъ заботился о литературѣ вообще, тогда какъ ему должно было заботиться только о языкѣ, какъ матеріалѣ литературы. Онъ не понималъ, что славянскія и вообще старинныя книги могутъ быть предметомъ изученія, но отнюдь не наслажденія, что ими могутъ заниматься только ученые люди, а не общество. Онъ думалъ, что дамы—не люди, и что для нихъ не нужно особой литературы. Ломоносовъ былъ для него высшій идеалъ поэта и оратора, стихотворца и прозаика; Кантемиръ и Сумароковъ—истинные поэты. О послѣднемъ онъ такъ отзывался: «Хотя изъ многихъ мѣстъ можно бы было показать, что Сумароковъ не довольно упражнялся въ чтеніи славянскихъ книгъ, и потому не могъ быть силенъ въ языкѣ, однакожъ онъ при всѣхъ своихъ недостаткахъ есть *одинъ изъ превосходнѣйшихъ стихотворцевъ и трагиковъ, каковыхъ и во Франціи не много было*» (т. II, стр. 124). Въ одномъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что «дабы имѣть право поправлять въ языкѣ Ломоносова, надлежитъ напередъ сочиненіями своими показать, что я столько же силенъ въ немъ, сколько и онъ былъ, иначе сбудется пословица: *яицы курицу учатъ*» (т. II, стр. 377); а въ другомъ мѣстѣ находитъ трагедіи Ломоносова высокопарными и отдаетъ передъ ними преимущество трагедіямъ Сумарокова. Это такъ забавно, что нельзя не выписать. Вотъ монологъ какой-то татарской царевны изъ трагедіи Ломоносова:

Насталъ ужасный день, и солнце, на восходѣ,
Кровавы пропустивъ сквозь паръ густой лучи,
Даетъ печальный знакъ къ военной непогодѣ;
Любезна тишина минула въ сей ночи.
Отецъ мой воинства готовится къ отпору,
И на стѣнахъ стоять уже вчера велѣлъ.
Селимъ полки свои возвелъ на ближню гору,

Чтобъ прямо устремить на городъ тучу стрѣлъ.
На гору какъ орелъ всходя онъ возносился,
Который съ высоты на агнца хочетъ пасть;
И быстрый конь подъ нимъ какъ бурной вихрь крутился:
Селимово казалъ проворство тѣмъ и власть. И пр.

Шишковъ восклицаетъ, выписавъ этотъ удивительный монологъ:

„Стихи сіи гладки, чисты, громки; но свойственны ли они устамъ любовницы? Слыша ее звучащу такимъ величавымъ (именно!) слогомъ, не паче ли она воображается намъ Гомеромъ или Димосѳеномъ, нежели молодою, страстною царевною?

Затѣмъ, нашъ критикъ выписываетъ, для сравненія, монологи изъ Сумарокова. Мы ограничимся послѣднимъ; Хоревъ глаголетъ своей полюбовницѣ Оснельдѣ:

Когда я въ бѣдственныхъ лютѣйшихъ дня часахъ
Кажуся тигромъ быть въ возлюбленныхъ очахъ,
Такъ вѣдай, что во градъ меня съ кровава бою
Внесутъ и мертваго положатъ предъ тобою:
Не извлеку меча, хотя иду на брань,
И раздѣлю животъ тебѣ (!) и долгу въ дань.

„Читая сіи стихи (восклицаетъ критикъ), сердце мое наполняется состраданіемъ и жалостію къ состоянію сего любовника. Я не научусь у него ни громкости слога, ни высокости мыслей; но научусь любить и чувствовать“. (Т. II, стр. 124—127).

Вотъ истинно-тонкая критика!

Да, съ такимъ взглядомъ на искусство и литературу трудно, или, лучше сказать, безплодно было противоборствовать реформѣ Карамзина: бой былъ слишкомъ неравный! Очень забавно видѣть, какъ нашъ критикъ восхищается плоскими и грубыми *эклогами* и *притчами* Сумарокова; какъ онъ приводитъ, въ образецъ красоты, вирши Симеона Полоцкаго. Чтобы показать, какова, по мнѣнію Шишкова, должна быть изящная проза, выпишемъ нѣсколько строкъ изъ его перевода «Освобожденнаго Іерусалима» Тасса:

„Тамъ въ несмѣтномъ числѣ представляются взорамъ смердящія гарпіи и центавры, и сфинксы, и блѣдныя горгоны; тамъ тьмами устъ лаютъ прожорливыя скилы, и свистятъ гидры, и шипятъ ниѳоны; тамъ химеры, черный пламень рыгающія, и Полифемы и Геріоны ужасные, и новыя, нигдѣ невиданныя и неслыханныя чудовища, изъ разныхъ видовъ въ единъ смѣшанныя и сліянныя...“

И Шишковъ умеръ съ мыслію, что славянскій языкъ краше паче всѣхъ языковъ въ мірѣ; что иностранныя слова сгубили красоту россійскаго слога; что Сумароковъ былъ великій піита и что онъ, Шишковъ [124]), былъ хранителемъ и стражемъ россійскаго языка и словесности, хотя тотъ и другая шли своимъ путемъ, мимо своего хранителя и стража, даже и не зная о его существованіи... Пріятно умереть [125]) въ такой сладостной увѣренности!...

И между тѣмъ изъ 17 огромныхъ томовъ сочиненій Шишкова можно извлечь больше 17 страницъ дѣльныхъ и полезныхъ мыслей о словопроизводствѣ, корнесловіи, силѣ и значеніи многихъ словъ въ русскомъ языкѣ. Это былъ бы огромный, тяжелый, но небезполезный трудъ...

За статьею покойнаго Шишкова слѣдуетъ басня *Крылова* «Кукушка и Пѣтухъ». Говорить о заслугахъ и значеніи Крылова въ русской поэзіи и литературѣ почитаемъ излишнимъ, тѣмъ болѣе, что читателямъ «Отеч. Записокъ» извѣстно наше мнѣніе о великомъ русскомъ баснописцѣ. Что до новой басни—вотъ она—пусть судятъ о ней сами читатели:

Какъ, милый Пѣтушокъ, поешь ты громко, важно!
— А ты, Кукушечка, мой свѣтъ,
Какъ тянешь плавно и протяжно:
Во всемъ лѣсу у насъ такой пѣвицы нѣтъ!
Тебя, мой куманекъ, вѣкъ слушать я готова.
— А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,
Чтобъ начала ты снова...
Отколь такой берется голосокъ?
И чистъ, и нѣженъ, и высокъ!..
Да вы ужъ родомъ такъ—собою не велички,
А пѣсни, что твой соловей!
Спасибо, кумъ; за то, по совѣсти моей,
Поешь ты лучше райской птички,
„На всѣхъ ссылаюсь въ этомъ я".
Тутъ воробей, случась, промолвилъ имъ: „друзья!
Хоть вы охрипните, хваля другъ дружку,
Все ваша музыка плоха!"

За что же, не боясь грѣха,
Кукушка хвалитъ пѣтуха?
За то, что хвалитъ онъ кукушку [126]).

Къ баснѣ Крылова приложена хорошенькая картинка г. Дезарно: на изображены три человѣческія фигуры въ библіотекѣ:—одна—съ головою пѣтуха, другая—кукушки, третья—воробья; двѣ изъ нихъ тоненькія и съ очками на носу; а третья толстая и безъ очковъ, ротъ ея разинутъ по-пѣтушьи и, кажется, слышно, какъ деретъ она свое пѣтушье горло.

За баснею Крылова слѣдуютъ повѣсти гг. Загоскина и Булгарина. Намъ кажется, что не случай, а сама судьба помѣстила рядомъ повѣсти этихъ знаменитыхъ романистовъ,—и въ этомъ распоряженіи мы видимъ глубокое и таинственное значеніе. Постараемся раскрыть его.

Мы не безъ намѣренія распространились о литературномъ поприщѣ покойнаго Шишкова: мы смотримъ на книгу «Сто литераторовъ» какъ на вывѣску русской литературы, заключающую въ себѣ статьи и портреты *только* представителей русской литературы. Слѣдовательно, цѣль и обязанность нашей статьи и есть [127])—показать, почему г. Смирдинъ почитаетъ того или другого писа-

теля представителемъ русской литературы. Литературная сметливость и критическій тактъ г. Смирдина [128]) такъ тонки и вѣрны, что мы разборомъ его книги смѣло надѣемся сдѣлать нашу статью занимательною. Поэтому, бросимъ взглядъ на литературное поприще гг. Загоскина и Булгарина.

Мы не безъ основанія сказали, что гг. Загоскинъ и Булгаринъ [129]) явились рядышкомъ, не по произволу Смирдина, но по многознаменательному преднамѣренію судьбы; г. Смирдинъ явился [130]) здѣсь, впрочемъ совершенно безсознательно, истолкователемъ таинственной и непреложной воли судьбы. Объяснимся.

Въ литературной судьбѣ гг. Загоскина и Булгарина очень много общаго. Просимъ не забывать, что мы это сходство видимъ только въ литературномъ поприщѣ обоихъ этихъ писателей, а не въ чемъ-нибудь другомъ, и подъ «литературою» разумѣемъ только книгу, а не то, *для чего* и *какъ* сочинена, или пущена она въ свѣтъ. Во всемъ нелитературномъ мы не видимъ ни малѣйшаго сходства между г. Загоскинымъ и г. Булгаринымъ, какъ между бѣлымъ и чернымъ, майскимъ днемъ и октябрскою ночью [130-a]). Но зато, въ направленіи и дѣятельности ихъ талантовъ какое сходство! Во-первыхъ, литературное направленіе г. Загоскина чисто моральное и нравственно-сатирическое; г. Загоскинъ никогда не забывалъ благородной обязанности писателя—забавлять поучая, поучать забавляя, наставлять осмѣивая пороки и осмѣивать пороки наставляя. Литературное поприще г. Булгарина тоже чисто-исправительное и эпитетъ «нравственно-сатирическій» столько же сросся съ именемъ г. Булгарина, сколько «божественный» съ именемъ Гомера, и титулъ «царь поэтовъ» съ именемъ Шекспира.—Правда, первые труды г. Загоскина были комедіи, а не нравственно-сатирическія статейки, какъ у г. Булгарина; но во-первыхъ, здѣсь разница только въ формѣ, а не въ дѣлѣ, не въ цѣли, не въ талантѣ и не въ достоинствѣ; а во-вторыхъ, нѣсколько нравоучительныхъ статеекъ было напечатано и г. Загоскинымъ.—Г. Булгаринъ прославилъ *Архипа Ѳадеевича* и *Выжигина;* г. Загоскинъ прославилъ *Богатонова* и *Добраго Малаго.*—Не оставляя нравоописательныхъ и нравственно-сатирическихъ статеекъ, г. Булгаринъ принялся за романъ, и, послѣ Нарѣжнаго, дѣйствительно первый написалъ русскій, хоть по названію и по именамъ дѣйствующихъ лицъ, романъ. Не оставляя комедіи, г. Загоскинъ написалъ первый русскій историческій романъ. «Иванъ Выжигинъ» и «Юрій Милославскій» возбудили въ публикѣ, какъ говорится, фуроръ и подняли своихъ авторовъ на вершину извѣстности, славы, и даже доставили имъ большія вещественныя выгоды. Обстоятельство очень сходное! Пріятели г. Булгарина превознесли его романъ до седьмаго неба; непріятели ставили его ниже извѣстнаго романа «Похожденія Совѣстдрала Большаго Носа»; пріятели г. Загоскина объявили его романъ геніальнымъ созданіемъ; за то г. Булгаринъ въ «Сѣверной Пчелѣ» поставилъ его ниже даже своихъ собственныхъ романовъ. Опять сходство! Разница состояла только въ томъ, что при равномъ художественномъ достоинствѣ, романъ г. Булгарина отличался отсутствіемъ вѣроятности, естественности, теплоты, былъ холодно-исправителенъ, ледяно-безпощаденъ къ своимъ героямъ, которые всѣ окончили свои

похожденія — кто въ собачей канурѣ, кто на висѣлицѣ, кто въ ссылкѣ, романъ же г. Загоскина, при отсутствіи идеи, при поверхностности взгляда на жизнь, отличался какою-то задушевною теплотою, какимъ-то добродушіемъ, которыя сначала приняты были публикою за силу, глубокость и обширность таланта. Разница, очевидно происходившая не отъ литературныхъ причинъ, почему мы ихъ и оставляемъ безъ объясненія [130-б]). Впрочемъ и въ «Юріи Милославскомъ», лучшемъ своемъ произведеніи, г. Загоскинъ остался вѣренъ своему моральному направленію, почему теперь его съ большою пользою могутъ читать дѣти. Кстати, опять разница: «Юрій Милославскій» пережилъ «Ивана Выжигина»; онъ до сихъ-поръ еще годится хоть для дѣтей и простаго народа, тогда какъ «Выжигинъ» уже ни для кого не годится, и не читается даже простымъ народомъ, хотя и дешево продается на Апраксиномъ дворѣ вмѣстѣ съ «Россіею» того же автора. «Дмитрій Самозванецъ» г. Булгарина былъ неудачною попыткою выйти изъ нравственно-сатирической и нравоописательной сферы: сначала романъ возбудилъ, своимъ заглавіемъ, вниманіе публики, но по прочтеніи былъ тотчасъ же забытъ ею. Родился онъ довольно шумливо, благодаря журнальнымъ пріятелямъ и непріятелямъ г. Булгарина, но скончался вмалѣ, и житія его было безъ малаго годъ. Въ сочиненіяхъ г. Загоскина не находимъ параллели съ «Дмитріемъ Самозванцемъ» г. Булгарина; но прерванное этимъ романомъ сходство тотчасъ же возстановляется «Рославлевымъ», который дѣлаетъ собою параллель «Петру Выжигину», ибо «Рославлевъ» точно такъ же относится къ «Юрію Милославскому», какъ «Петръ Выжигинъ» относится къ «Ивану Выжигину»: «Петръ Выжигинъ» есть повтореніе «Ивана Выжигина»; «Рославлевъ» есть повтореніе «Юрія Милославскаго». О томъ и другомъ второмъ романѣ обоихъ романистовъ можно сказать: *старыя погудки на новый ладъ!* Сходство между ними увеличивается и содержаніемъ: великая война 1812-го года съ равнымъ успѣхомъ представлена въ каррикатурѣ обоими сочинителями; въ томъ и другомъ романѣ трудно рѣшить, кто забавнѣе, смѣшнѣе и ничтожнѣе: герой или Наполеонъ. Но въ судьбѣ романовъ есть разница: «Петръ Выжигинъ» былъ уже третьимъ романомъ г. Булгарина, котораго романическая слава была уже подорвана вторымъ его романомъ «Дмитріемъ Самозванцемъ», жестоко обманувшимъ блестящія надежды публики; а «Рославлевъ» былъ вторымъ романомъ, слѣдовательно «Дмитріемъ Самозванцемъ» г. Загоскина; подавъ великія надежды до своего появленія, онъ уничтожилъ ихъ своимъ появленіемъ. Отсюда сходство литературной участи обоихъ романистовъ нѣсколько нарушается: г. Булгаринъ написалъ четвертый романъ, «Мазепу», который былъ слабѣе и ничтожнѣе первыхъ трехъ; но въ это время г. Булгарина поддержала «Библіотека для Чтенія», въ свою очередь обязанная своимъ успѣхомъ краснорѣчивымъ объявленіямъ г. Булгарина въ «Сѣверной Пчелѣ». Статья «Библіотеки для Чтенія» была ловка: съ ожесточеніемъ нападая на неистовство юной французской литературы, рецензентъ дѣлаетъ намеки, что и «Мазепа» г. Булгарина очень нечуждъ этого недостатка, для чего и выписываетъ изъ него описаніе пытки. Цѣль пріятельской статейки была вполнѣ достигнута: если ро-

манъ никѣмъ не былъ похваленъ, зато многими былъ купленъ,—а это главное. Г. Загоскинъ издалъ третій свой романъ «Аскольдову Могилу», котораго даже и пріятели автора не хвалили, и враги не бранили, и публика не читала. Въ это время, обоимъ романистамъ явился опасный соперникъ—г. Гречъ, котораго «Черная Женщина», благодаря еще болѣе ловкой статьѣ «Библіотеки для Чтенія», *пошла шибко*, какъ выражаются наши книгопродавцы. Сверхъ того, романическая слава г. Булгарина еще прежде была сильна поколеблена болѣе опаснымъ, чѣмъ г. Гречъ, соперникомъ: мы разумѣемъ покойнаго А. А. Орлова, до безконечности размножившаго поколѣніе Выжигиныхъ [130-в]). Г. Булгаринъ уже сознавалъ свое паденіе, и «Записки Чухина» были его послѣднею попыткою на романъ; онѣ тихо и незамѣтно прошли па Апраксинъ дворъ и въ мѣшки букинистовъ—иначе ходебщиковъ или *воряговъ* [130-г]). Тогда г. Булгаринъ, подобно Вальтеръ-Скотту, принялся за исторію. Всѣмъ извѣстенъ блестящій успѣхъ его «Россіи»: если же кто бы не зналъ [131]) о немъ, тому совѣтуемъ справиться на Щукиномъ дворѣ. Но истинный геній всегда найдется: обманываясь большую половину жизни въ своемъ призваніи, онъ сознаетъ его хоть въ старости: г. Булгаринъ теперь понялъ, что нашъ вѣкъ не поэтическій и не романическій, а гастрономическій, и что онъ, г. Булгаринъ, не поэтъ, не романистъ, не историкъ даже, а экономъ,—понялъ, и принялся за изданіе *повареннаго журнала* [132]), который, «пошелъ шибко», по крайней мѣрѣ шибче всѣхъ нашихъ моральныхъ журналовъ, начиная отъ того, который утверждаетъ, что желѣзныя дороги ведутъ прямо въ адъ, до того, который провозгласилъ Пушкина и Лермонтова искусителями и врагами человѣческаго рода [133]).—Г. Загоскинъ остался вѣренъ своему романическому призванію, и только разъ измѣнилъ ему, написавъ комедію «Недовольные», въ которой съ большимъ успѣхомъ изобразилъ нравы русскаго общества временъ *Богатоновыхъ* и *Добрыхъ-малыхъ*, и въ которой очень зло осмѣялъ глупое обыкновеніе пользоваться водами, заставивъ героиню комедіи сказать о водопійцахъ: «*Ну, батюшки, пошли на водопой!*» Комедія имѣла блестящій успѣхъ, хотя дана всего два раза: сперва въ бенефисъ артиста, а послѣ для повторенія [134]). Потомъ (или, можетъ быть, немного и прежде) г. Загоскинъ передѣлалъ свой неудавшійся романъ «Аскольдову Могилу» въ либретто, на которое г. Верстовскій написалъ оперу [135]), особенно любимую московскимъ простонародьемъ. Затѣмъ послѣдовали два романа, «Искуситель» и «Тоска по Родинѣ», изъ нихъ послѣдній г. Загоскинъ опять передѣлалъ въ либретто, на которое г. Верстовскій написалъ оперу, непонравившуюся ни порядочному обществу въ Москвѣ, ни простонародью, хотя герой оперы ему и свой братъ и «откалываетъ такія штуки, что уморушка да и только». О самыхъ романахъ мы не говоримъ: de mortuis aut bene, aut nihil.. Что же касается до вѣрности параллели, которую проводимъ мы между обоими романистами со стороны литературной ихъ участи,—она очевидна: «Искуситель» и «Тоска по Родинѣ» были для г. Загоскина «Записками Чухина», то-есть девятымъ валомъ для его славы, какъ романиста. Но сходство и этимъ не оканчи-

вается: г. Булгаринъ прежде сочинялъ свои романы все въ четырехъ частяхъ, а послѣ «Петра Выжигина» сталъ сочинять уже только въ двухъ частяхъ—и его двухчастные романы стали походить на повѣсти, впрочемъ довольно плотно сбитыя. Г. Загоскинъ первый романъ свой издалъ въ трехъ частяхъ, хотя и маленькихъ; второй составилъ въ четырехъ побольше; третій—опять въ трехъ, но уже большихъ частяхъ, которыя въ чтеніи могутъ показаться за двѣнадцать; послѣ же «Аскольдовой Могилы» онъ сталъ сочинять романы уже только въ двухъ частяхъ,—и его двухтомные романы стали походить на повѣсти, разгонисто, съ большими пробѣлами напечатанныя. И это было не даромъ: оба романиста, поддаваясь духу времени, очевидно начали сбиваться на повѣсть. И въ самомъ дѣлѣ, въ журналахъ и альманахахъ начали появляться ихъ повѣсти, какъ-то: «Похожденія Квартальнаго Надзирателя», «Кузьма Рощинъ», «Три жениха», и пр. Наконецъ оба они явились съ повѣстями въ толстомъ альманахѣ г. Смирдина, словно Ока и Кама, слившіяся въ Волгѣ.

Но прежде, нежели будемъ говорить объ этихъ двухъ повѣстяхъ, мы должны докончить нашу параллель и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ требуетъ добросовѣстность, показать и несходства, чтобы параллель не вышла натянутою. Говоря объ «Иванѣ Выжигинѣ» и «Юріи Милославскомъ», мы только слегка упомянули о похвалахъ и порицаніяхъ, которыми былъ встрѣченъ тотъ и другой романъ,—а то преинтересная исторія, особенно въ отношеніи къ «Ивану Выжигину». Что̀ касается до «Юрія Милославскаго», онъ былъ принятъ съ общими и безусловными похвалами, которыя были преувеличены, но которыхъ частью романъ былъ и достоинъ, ибо въ немъ есть и оригинальность, и свѣжесть, и теплота, и даже нѣкоторая степень таланта. Брань встрѣтилъ «Юрій Милославскій» только въ «Сѣверной Пчелѣ»; но это потому, что въ «Сѣверной Пчелѣ» постоянно преслѣдовались всѣ романы, не г. Булгаринымъ и г. Гречемъ сочиненные; исключеніе оставалось только за плохонькими и неопасными для романической монополіи, и еще за «Фантастическими Путешествіями» барона Брамбеуса, который самъ былъ акціонеромъ въ монополіи. Что̀ же касается до «Выжигина», то едва-ли какая-нибудь книга удостоивалась такихъ похвалъ отъ «Сѣверной Пчелы» и такихъ нападокъ со стороны всѣхъ другихъ изданій. Особенно примѣчательно, что «Выжигина» съ ожесточеніемъ преслѣдовали даже тѣ изданія и люди, которые потомъ съ восторгомъ превозносили его, какъ-то: «Московскій Телеграфъ»[136]), по заключеніи мира съ «Пчелою», передъ выходомъ перваго тома доселѣ еще неоконченной «Исторіи Русскаго Народа»; г. Сомовъ, имѣвшій странное обыкновеніе передаваться отъ одной партіи къ другой,—и наконецъ въ наши дни, одинъ фельетонистъ, нѣкто Л. Л.[137]), писавшій противъ г. Булгарина въ четырехъ изданіяхъ—въ «Телескопѣ», «Молвѣ», «Галатеѣ», и еще недавно въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», а теперь прославляющій г. Булгарина, сдѣлавшись фельетонистомъ «Пчелы». Но г. Булгаринъ, какъ истинный талантъ, имѣлъ и имѣетъ такихъ враговъ, которые неизмѣнны отъ колыбели до

гроба въ своей къ нему зависти. Вотъ какъ одинъ изъ нихъ характеризовалъ нѣкогда его «Ивана Выжигина» [138]):

„Менѣе таланта, но болѣе литературной опытности, языкъ болѣе гладкій, хотя безцвѣтный и вялый, находимъ мы въ *Выжигинѣ*, нравственно-сатирическомъ романѣ г-на Булгарина. Пустота, безвкусіе, бездушность; нравственныя сентенціи, выбранныя изъ дѣтскихъ прописей, невѣрность описаній, приторность шутокъ, вотъ качества сего сочиненія, качества, которыя составляютъ его достоинство, ибо они дѣлаютъ его по плечу простому народу и той части нашей публики, которая отъ азбуки и катехизиса приступаетъ къ повѣстямъ и путешествіямъ. Что есть люди, которые читаютъ Выжигина съ удовольствіемъ и слѣдовательно съ пользою, это доказывается тѣмъ, что Выжигинъ расходится. Но гдѣ же эти люди? спросятъ меня. Мы не видимъ ихъ, точно такъ же, какъ и тѣхъ, которые наслаждаются *сонникомъ* и книгою *о клопахъ*; но они есть, ибо и *сонникъ*, и *Выжигинъ*, и *о клопахъ* раскупаются во всѣхъ лавкахъ".

(„Деннца", изд. М. Максимовичемъ, 1830 года, „Обозрѣніе Русской Словесности" 1829 года, стр. LXXIII, LXXIV) [139]).

Мы, съ своей стороны, не скажемъ, чтобъ были совершенно согласны съ такимъ жестокимъ приговоромъ, явно внушеннымъ завистью къ великому таланту сочинителя «Выжигина». Правда, дѣйствующія лица въ этомъ романѣ, если читатели не забыли его, не суть живые образы или дѣйствительные характеры, но аллегорическія олицетворенія пороковъ, слабостей и мнимыхъ добродѣтелей; моральныя мысли довольно обыкновенны и похожи на потертую ходячую монету, которой не принимаютъ за настоящую цѣну, или и вовсе не берутъ по сомнительности ея цѣнности; но слогъ, хотя лишенъ движенія, жизни и цвѣта, но гладокъ, грамматически правиленъ. Это—важное обстоятельство, потому что въ тѣ времена (увы, уже давно прошедшія), какъ и теперь, русскіе писатели, даже пользовавшіеся извѣстностію, не отличались въ родномъ языкѣ такою чистотою и правильностію, какъ г. Булгаринъ въ чуждомъ ему языкѣ. Сверхъ того, кому бы ни нравился тогда романъ г. Булгарина, но онъ пріучалъ къ грамотѣ и возбуждалъ охоту къ чтенію въ такой части общества, которая безъ него еще можетъ быть долго бы пробавлялась «Милордомъ Англинскимъ», «Похожденіями Совѣстдрала Большаго Носа», «Гуакомъ, или непоколебимою вѣрностію» и тому подобными произведеніями фризовой [140]) фантазіи. Слѣдовательно, заслуга «Ивана Выжигина» г. Булгарина несомнѣнна, и намъ тѣмъ пріятнѣе признать ее публично и печатно, что почтенный сей сочинитель не разъ обвинялъ нашъ журналъ въ зависти къ его таланту. Достоинство произведенія г. Булгарина доказывается еще и его необыкновеннымъ успѣхомъ, а всякій успѣхъ есть доказательство какого-нибудь, хотя бы и отрицательнаго, достоинства. Толпа увлекается или чѣмъ-нибудь истинно-великимъ, что никогда не теряетъ своей цѣны, что неизмѣримо выше ея, или чѣмъ-нибудь такимъ, что совершенно по плечу ей, что вполнѣ удовлетворяетъ ея незатѣйливыя потребности. Въ первомъ случаѣ, она увлекается мнѣніемъ людей, которые выше ея цѣлою головою, которые, безъ ея, и даже безъ собственнаго, вѣдома и сознанія, непосредственно управ-

ляютъ ею силою своего превосходства; такъ увлеклась она Пушкинымъ и съ жадностію раскупала его созданія. Во второмъ случаѣ, она руководствуется сама собою, ибо и она тоже претендуетъ на самостоятельность и крѣпко отстаиваетъ свои права отъ умныхъ людей, невольно увлекаясь превосходствомъ надъ нею удовлетворяющихъ ея вкусу и потребностямъ сочинителей. Тогда-то видимъ, какъ расходится тысячами [141]) иное довольно дюжинное произведеніе. Но есть разница въ обоихъ этихъ случаяхъ: успѣхъ перваго рода бываетъ проченъ и всегда продолжителенъ, если не всегда вѣченъ; успѣхъ втораго рода всегда бываетъ минутный, эфемерный и, начинаясь магазиномъ Смирдина, оканчивается [142]) Апраксинымъ дворомъ.

Итакъ, «Иванъ Выжигинъ», получивъ успѣхъ равный съ «Юріемъ Милославскимъ», испыталъ нѣсколько различную отъ послѣдняго судьбу въ отзывахъ журналистовъ; но конецъ ихъ одинъ и тотъ же: они мирно встрѣтились и дружелюбно сошлись тамъ, гдѣ книги оставляютъ свою аристократическую гордость, и продаются, промѣниваются вмѣстѣ съ плебеями литературнаго міра. Sic transit gloria mundi! Примѣръ грустно-поучительный!..

Но есть еще сходство между г. Булгаринымъ и г. Загоскинымъ, какъ писателями. Оба они отличаются однимъ достохвальнымъ направленіемъ, оба имѣютъ одну почтенную цѣль—исправлять пороки и недостатки общества сатирою и моралью. Каждое произведеніе этихъ авторовъ есть не что иное, какъ развитіе какой-нибудь моральной сентенціи—у г. Булгарина въ формѣ юмористической статейки, повѣсти и романа, у г. Загоскина—въ формѣ комедіи, діалога, повѣсти и романа. Сверхъ того, оба они—равно пламенные патріоты, оба любятъ до безумія все русское. Но любовь ихъ различна. У г. Булгарина она выражается преимущественно въ увѣреніяхъ въ любви, въ анаѳемахъ противъ равнодушныхъ ко всему русскому, въ громкихъ, хотя не совсѣмъ увлекательныхъ провозглашеніяхъ о *его* драгомъ отечествѣ (т. е. Россіи). При томъ г. Булгаринъ часто противорѣчитъ себѣ въ своей любви ко всему русскому, ибо зло критикуетъ «въ своей литературѣ» почти все русское: злодѣевъ и чудаковъ представляетъ—черезъ-чуръ увлекаясь чувствомъ благороднаго негодованія—такими гнусными и такъ непохожими на дѣйствительно-возможныхъ, что читать нельзя; а добродѣтельныхъ—такими холодными и безцвѣтными, такъ неправдоподобно, что ихъ нисколько не любишь и существованію ихъ нисколько не вѣришь [143]). Г. Загоскинъ, напротивъ, искреннѣе въ своей любви ко всему русскому, которое онъ часто смѣшиваетъ съ простонароднымъ. Злодѣи г. Загоскина всегда неестественны и гадки, но причинѣ излишней густоты красокъ, происходящей отъ энергическаго негодованія противъ всего злодѣйскаго; добродѣтельные и здравомыслящіе его тоже довольно ничтожны, безцвѣтны и скучны; но чудаки у него почти всегда милы, оригинальны, потому что онъ рисуетъ ихъ съ особенною любовью, и нельзя не подивиться энергическому одушевленію, съ какимъ онъ отстаиваетъ ихъ превосходство надъ чужеземными героями и умниками. Вотъ истинная любовь къ отечеству [143-a])! Хотя Кирша—дикарь, получеловѣкъ и полу-

звѣрь, но его невольно любишь и предпочитаешь всякому паладину Западной Европы; хотя Зарядьевъ—человѣкъ ограниченный, педантъ и пѣшка въ военной службѣ, но въ романѣ г. Загоскина онъ заслоняетъ собою самого Наполеона. Русскіе купцы, мѣщане и извозчики въ «Рославлевѣ» нисколько не заставляютъ жалѣть, что они носятъ бороды, не знаютъ грамотѣ и не имѣютъ ничего общаго съ Европою. Что̀ касается до русскаго простонародья—г. Загоскинъ истинный Гомеръ его. Правда, его [144]) изображенія иного лакея, явившагося къ барину съ разбитою харею [145]), или мечтающаго въ Испаніи о кислой капустѣ, соленыхъ огурцахъ и сивухѣ,—въ иномъ, слишкомъ опрятномъ читателѣ могутъ возбудить не совсѣмъ пріятное чувство, но и этого причина—достоинство, а не порокъ—излишняя вѣрность природѣ [146]).

Въ повѣстяхъ гг. Булгарина и Загоскина то же сходство, какъ и въ романахъ; главная разница въ томъ, что мѣсто дѣйствія у г. Булгарина почти всегда—Петербургъ, а у г. Загоскина почти всегда провинція. Это происходитъ оттого, что г. Булгаринъ совершенно не знаетъ ни Москвы, ни провинціи русской (исключая [147]) остъ-зейскихъ губерній), а г. Загоскинъ, по любви своей къ Москвѣ, можетъ назваться ея рыцаремъ и отъ всего сердца, отъ всей души знаетъ и любитъ провинцію, особенно низовый край, заключающій въ себѣ самыя хлѣбородныя губерніи. Все это хорошо: пусть всякій сочинитель описываетъ извѣстную ему сферу жизни и не берется за незнакомыя, то-есть пусть г. Булгаринъ не берется за Москву и коренныя русскія губерніи, а г. Загоскинъ—за Петербургъ, Бѣлоруссію и Лифляндію [147-а]).

Разсматривая повѣсти гг. Булгарина и Загоскина, помѣщенныя во второмъ томѣ «Ста русскихъ литераторовъ», мы, по долгу критической добросовѣстности, обязаны отдать преимущество повѣсти г. Булгарина. Повѣсть г. Загоскина называется «Оффиціальный Обѣдъ», а г. Булгарина—«Побѣда отъ обѣда»: видите ли, и въ названіи повѣстей есть сходство: обѣ основаны на *обѣдѣ!*

Въ городѣ Бобковѣ ждутъ ревизора, Максима Петровича Зорина. Городничій не слишкомъ хлопочетъ о его пріемѣ: городничій человѣкъ честный—ему нѣчего бояться. Онъ, изволите видѣть, былъ *безсребренникъ*, и, занимая мѣсто градоначальника въ богатомъ и торговомъ городѣ, «покупалъ на чистыя деньги все,—все безъ исключенія, даже чай и сахаръ, даже пѣнное вино, которое пилъ передъ обѣдомъ, вмѣсто сладкой водки». Главнымъ доказательствомъ «безсребренности» *Костоломова* (фамилія городничаго) авторъ [147-б]) полагаетъ его храбрость въ сраженіи: онъ съ боя взялъ георгіевскій крестъ, вскочивъ первый на непріятельскую баттарею. «Воля ваша (восклицаетъ почтенный сочинитель), взяточникъ на пушку не полѣзетъ!» Мысль моральная, но согласиться съ нею никакъ невозможно. Дѣйствительность любитъ противорѣчить самой себѣ: въ ней иногда безсребренникъ бываетъ плохимъ воиномъ, а иногда и просто трусомъ, а отъявленный взяточникъ и грабитель—образцомъ храбрости [147-в]). *Безсребренность* городничаго очень оподозривается однимъ обстоятельствомъ: авторъ не говоритъ, чтобы у него была деревня или капиталъ въ банкѣ, а между-тѣмъ за-

ставляетъ его жить, какъ-будто бы онъ получалъ губернаторское жалованье. Но это не важное обстоятельство: автору нуженъ былъ городничій безсребренникъ,—и, по праву автора, онъ приказалъ ему быть такимъ;—вотъ и все. Главное же заключается въ томъ, что жена городничаго вертѣла имъ какъ хотѣла, пользуясь слабостію своихъ нервъ и частыми обмороками. Дочь ихъ любитъ прелестнаго, но бѣднаго молодого человѣка Холмина, а ей хочется выдать ее за Кочку—богатаго скрягу и негодяя. Между-тѣмъ, пріѣзжаетъ ревизоръ и останавливается не у князя Чухолова, своего родственника, а у Холмина; чиновничество хочетъ дать обѣдъ ревизору—городничихѣ хочется, чтобы это было въ ея домѣ, но Кочка перебиваетъ у нея эту честь. Однако Кочкѣ дорого обошлась его «интрига»: онъ лишился невѣсты, а обѣдъ все-таки былъ у городничихи. Ревизоръ берется быть сватомъ у Холмина; влюбленная чета соединяется, и повѣсти конецъ. Вотъ содержаніе новаго произведенія г. Загоскина. Оно немножко избито и рѣшительно не въ нравахъ нашего общества: мы хотимъ сказать, что все это можетъ быть въ повѣсти, но ничего этого, и притомъ *такимъ образомъ*, не бываетъ въ дѣйствительности. Правда, мы опустили множество подробностей,—но нельзя же было всего пересказывать! Если читатели прочтутъ до конца повѣсть г. Загоскина—мы увѣрены, они сами увидятъ, что она есть не что иное, какъ сто-первое повтореніе всѣхъ комедій, повѣстей и романовъ г. Загоскина, что въ ней все старо, все уже извѣстно публикѣ—и лица, и характеры, и провинціальныя оригинальности, и злодѣи, и резонёры, и чудаки. Съ первой страницы тотчасъ же видите, въ чемъ дѣло, что будетъ дальше, и чѣмъ все кончится. А согласитесь, что главный интересъ повѣсти въ томъ и состоитъ, что, читая ее, вы видите, что все въ ней естественно, правдоподобно, а между-тѣмъ, вы никакъ не можете угадать, что будетъ впередъ и чѣмъ все кончится. Впрочемъ, къ повѣсти г. Загоскина приложена хорошенькая картинка г. Тима. Оно—видите ли, не то, чтобъ въ ней все было хорошо: напротивъ, въ ней нехорошъ городничій, потому-что похожъ не на пожилаго служаку, а на молодаго водевильнаго любовника; супруга же его похожа не на разбитную и пожилую бабу-бой, а на хорошенькую и молоденькую дѣвочку; за то, предводитель дворянства, толстый, глупый обжора, сладострастно пожирающій глазами и ртомъ поданнаго ему на завтракъ фаршированнаго поросенка—очень недуренъ; а стоящій подлѣ его стола частный приставъ—въ мундирѣ, руки по швамъ, съ оффиціальною физіономіею, съ благоговѣніемъ, какъ на таинство, взирающій на обжорство высокой персоны,—просто превосходенъ. Нельзя выдумать болѣе оффиціальной рожи, какъ физіономія этой полицейской фигуры [148]).

Повѣсть г. Булгарина—повѣсть историческая, изъ «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма». Она изображаетъ бюрократію того времени, которая, впрочемъ, очень мало измѣнилась въ своемъ духѣ съ того времени [148-a]). Бѣдные, но честные и талантливые чиновники живутъ дружно между собою. Не имѣя никакой надежды выйти въ люди не протекціею и не подлостію, а заслугою, одинъ изъ нихъ дѣлается съ горя пьяницею—всегдашняя исторія многихъ чи-

новниковъ; другой остается твердъ въ добродѣтели: и неудивительно: онъ изъ нѣмцевъ, по крайней мѣрѣ мать его была швейцарка, и ей обязанъ онъ былъ человѣческимъ воспитаніемъ и человѣческимъ образомъ мыслей. Искринъ (фамилія этого чиновника) любитъ дочь Карла Ѳедоровича Циттербейна, экзекутора канцеляріи князя Камышенскаго. Сей Циттербейнъ—злодѣй: скряга, низкопоклонникъ, канцелярская гадина. Чины и деньги—его идолъ, а честь обѣдать за столомъ «свѣтлѣйшаго», идеалъ высочайшаго блаженства. Онъ достаетъ за огромные проценты деньги своему начальнику (т. е. даетъ свои), и потому дѣлается для него необходимымъ человѣкомъ и пользуется его милостію и покровительствомъ. Разумѣется, экзекутору и въ голову не входитъ мысль, чтобы бѣдный чиновникъ осмѣлился имѣть виды на его дочь, и потому онъ позволяетъ ему видѣться съ нею; но когда узнаетъ о тайнѣ любовниковъ, то приходитъ въ ярость, и прогоняетъ Искрина. Искринъ рѣшается, во что̀ бы то ни стало, добиться чести—обѣдать у «свѣтлѣйшаго». Онъ кропаетъ плохіе стишонки—торжественную оду «свѣтлѣйшему», которая начиналась такъ:

Возстани, муза! пѣть достоитъ
Вождя возлюбленна тебѣ,
Кой тысячамъ блаженства строитъ,
Живъ поздну роду, не себѣ.

Искринъ отправляется къ Попову, который опредѣлилъ его на службу, и проситъ его превосходительство «быть ему отцомъ, благодѣтелемъ, заступникомъ»—представить оду «свѣтлѣйшему». Ода представлена—и поэтъ награжденъ стами рублями... Но Искринъ отказывается, прося въ награду чести быть приглашеннымъ къ обѣду его свѣтлости. Къ счастію, во время разговора Искрина съ Поповымъ, подошла къ нимъ графиня Уральская, пріятельница Потемкина; ей понравилась наружность молодого человѣка—и на другой день онъ получилъ вожделѣнное приглашеніе. Доставъ, при помощи пріятеля, денегъ отъ одного ростовщика, который не могъ отказать человѣку, приглашенному къ обѣду «свѣтлѣйшаго»,—Искринъ покупаетъ себѣ приличное платье. За обѣдомъ «свѣтлѣйшій» ничего не ѣлъ, и изъявилъ желаніе отвѣдать севрюжины. Искринъ вызвался сейчасъ же достать ее, побѣжалъ въ трактиръ и принесъ *). «Свѣтлѣйшему» понравились его смѣлость и проворство—онъ спросилъ о немъ—ему сказали, что это тотъ поэтъ, который поднесъ оду. Послѣ обѣда явился къ Потемкину съ пакетомъ отъ князя Камышенскаго Циттербейнъ; Потемкинъ велѣлъ ему распечатать пакетъ и прочесть; но тотъ, увидѣвъ Искрина въ числѣ гостей, до того сробѣлъ, что уронилъ и разбилъ свои очки; «свѣтлѣйшій» велѣлъ читать

*) Забавная пародія на дѣйствительный анекдотъ о Потемкинѣ, котораго разъ угощалъ какой-то вельможа, и который на просьбы хозяина покушать, отвѣчалъ, что ему хотѣлось бы соленой севрюжины; когда же севрюжина была привезена изъ-за сорока верстъ и изготовлена, пока еще столъ продолжался, то Потемкинъ не сталъ ее ѣсть, говоря: „я потому только спросилъ ее, что не думалъ, что ее можно было достать“.

Искрину. Окончаніе повѣсти не трудно понять: Искринъ женился на своей возлюбленной, сдѣлался знатнымъ барономъ, владѣльцемъ капитала больше, чѣмъ въ милліонъ, вывелъ въ люди всѣхъ своихъ пріятелей, изъ которыхъ Глазовъ, какъ водится въ моральныхъ повѣстяхъ, исправился, и изъ пьяницы сдѣлался трезвымъ человѣкомъ.

Повѣстца, какъ можете видѣть сами изъ этого изложенія, очень незавидная, впрочемъ не въ ущербъ книгѣ «Ста русскихъ литераторовъ», въ отношеніи къ которой она — по Сенькѣ шапка, какъ говоритъ пословица. Содержаніе этой повѣсти избито и старо, какъ мудрая истина, что добродѣтель награждается, а порокъ наказывается; пружины ея не стальныя, а мочальныя, и тѣ истертыя и истрепанныя. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ это такое: любовникъ, молодой идеальный человѣкъ, безъ роду и племени, безъ денегъ въ карманѣ, но съ возможными добродѣтелями въ душѣ; любовница, идеальная дѣвица, прекрасная и добродѣтельная, но дочь отца столь скареднаго, что ему предоставлена скучная роль разлучника; счастливый случай, всегда готовый къ услугамъ плохой повѣсти, дѣлаетъ вожделѣнную развязку, и къ концу—герои совокупляются законнымъ бракомъ, злодѣи исправляются, пьяницы просыпаются и—всѣ счастливы?... Повторяемъ: что это такое, какъ не повѣсть, въ родѣ г. Загоскина?.. Но тѣмъ не менѣе повѣсть г. Булгарина все-таки неизмѣримо выше повѣсти г. Загоскина. Всякое сочиненіе должно быть результатомъ какой-нибудь причины, такъ же точно, какъ всякое намѣреніе должно имѣть какую-нибудь цѣль. Разумѣется, причина или цѣль сочиненія можетъ быть и внѣшняя и внутренняя; первой критика не должна брать въ разсчетъ и ей рѣшительно нѣтъ никакого дѣла, что автору нужны были деньги, или хотѣлось попасть въ знаменитое число «Ста литераторовъ» и полюбоваться своимъ портретомъ [148-б]); она беретъ въ уваженіе только внутреннія причины или цѣли, которыя могутъ состоять только въ мысли. Пусть мысль будетъ выполнена неудачно, но все-таки пріятнѣе прочесть даже и посредственное произведеніе, написанное съ мыслію, чѣмъ такое же посредственное произведеніе, написанное безъ всякой мысли, но такъ—чтобъ только подъ чѣмъ-нибудь подписать свое сочинительское имя. У г. Булгарина явно была предметомъ мысль — изобразить бытъ временъ Екатерины Великой,—и это, несмотря на топорную отдѣлку его повѣсти, придало ей интересъ. Побасенками забавляютъ только дѣтей; людей мыслящихъ можно занимать только мыслію,—иначе они могутъ оскорбиться претензіею сочинителя на ихъ вниманіе. Г. Булгаринъ не можетъ опасаться подобныхъ оскорбленій со стороны своихъ читателей [149]): его повѣсть можетъ ихъ не удовлетворить, но цѣль ея всегда будетъ достойною ихъ вниманія. Правда, тутъ много мыслей или разсужденій, какъ напр., о дворянствѣ, будто бы облагораживающемъ человѣка, о Вольтерѣ и энциклопедистахъ, какъ врагахъ человѣческаго рода, и тому подобныя, которыя ужъ слишкомъ «сочинительскія» и напоминаютъ лучшія, самыя блестящія страницы въ этомъ родѣ въ сочиненіяхъ Р. М. Зотова. Но тутъ есть

мысли и взгляды поистинѣ дѣльные [150]), въ доказательство чего довольно выписать слѣдующее мѣсто:

„Звѣзды носили тогда не только на кафтанахъ и на сюртукахъ, но и на плащахъ, на шубахъ, а весьма многіе носили даже на халатахъ. Это вовсе не почиталось странностью; напротивъ, считали неприличіемъ и дерзостью не носить орденовъ. Въ наше время высшіе государственные сановники принимаютъ подчиненныхъ и просителей не иначе, какъ уже по окончаніи своего туалета, рѣдко заставляютъ себя дожидаться и даже отказываютъ въ просьбѣ и дѣлаютъ выговоры вѣжливѣе, чѣмъ встарину миловали и хвалили. Въ блаженное екатерининское время, вельможа, или вообще начальникъ, принималъ просителей или подчиненныхъ въ халатѣ, въ туфляхъ, иногда сидя передъ зеркаломъ, бреясь или пудрясь, или лежа на софѣ, говорилъ *ты* каждому, кто ниже чиномъ и не принадлежитъ къ знатной роднѣ, и позволялъ себѣ всевозможныя вольности въ рѣчахъ. Не весьма *женировались* даже передъ дамами-просительницами, хотя бы онѣ принадлежали къ дворянскому сословію, основываясь на томъ, что порядочная женщина должна непремѣнно найти покровителя, который хлопоталъ бы за нее. Вѣжливость, утонченность нравовъ, любезность, остроуміе имѣли убѣжище только при дворѣ и въ гостиныхъ древнихъ родовыхъ русскихъ бояръ, такъ-называемыхъ столповыхъ дворянъ, превращенныхъ европейскою образованностію въ вельможъ, по образу и по подобію придворныхъ Людовика XV. Но въ пріемныхъ, въ канцеляріяхъ и въ домашнемъ быту еще крѣпко припахивало дичью и татарщиною. Даже Державинъ гордился еще предкомъ своимъ, татарскимъ мурзою, и искалъ безсмертныхъ красокъ для портрета Фелицы въ степяхъ киргизскихъ! Въ то время между Русскими еще можно было найти подлинники мурзъ и баскаковъ!... Теперь это перешло въ преданіе!...

Все это очень умно и очень вѣрно; но намъ кажется, что авторъ простираетъ свое нерасположеніе къ екатерининскому времени далѣе, нежели сколько позволяетъ истина и безпристрастіе. Несмотря на все худое, которое можно, не кривя истиною, сказать объ этомъ вѣкѣ, онъ все-таки былъ великій вѣкъ [150-a]). Достоинство исторической эпохи состоитъ не въ томъ, чтобы быть безусловно разумною, но въ томъ, чтобы быть разумною въ отношеніи къ самой себѣ, сообразно съ законами исторической возможности. Всякая эпоха велика, лишь бы она была эпохою движенія и развитія. Если бояре того времени принимали просителей въ халатѣ, а Потемкинъ и бояръ принималъ иногда даже безъ халата, то ни просители, ни бояре не думали этимъ оскорбляться: первые цѣловали ручки своихъ «милостивцевъ», а вторые низко кланялись передъ «свѣтлѣйшимъ» и гордились его улыбкою или брошеннымъ словомъ, какъ звѣздою на своемъ халатѣ. Тогда не было не только народа, не только средняго сословія, но даже и средняго дворянства; но было только вельможество и толпа безотвѣтная и безсловесная; сама бюрократія,—солнце толпы, была сальною свѣчею передъ вельможествомъ. Вѣку Александра Благословеннаго суждено было создать въ Россіи нѣчто среднее между высшими ступенями государственной лѣстницы и ея основаніемъ. Но безъ вѣка Екатерины Великой былъ бы невозможенъ вѣкъ Александра Благословеннаго. Петръ разбудилъ Россію отъ

апатическаго сна, но вдохнула въ нее жизнь Екатерина. Пламенникомъ генія была озарена царственная глава этой великой жены—и этою главою жила Русь. Жизнь государства заключается въ живой, движущейся идеѣ, которая непосредственно окрыляетъ дѣятельность всѣхъ его членовъ: блескъ царствованія Екатерины, громъ побѣдъ, пиры и роскошь, начало просвѣщенія, искусствъ, цивилизаціи, великія пріобрѣтенія, множество мужей, могучихъ волею, великихъ умомъ и талантомъ,—все это было созданіемъ живой, зиждительной мысли, озарявшей царственную главу великой жены... [150-б])

Картинка къ повѣсти г. Булгарина, соч. г. Тима, довольна недурна; она представляетъ кабинетъ вельможи, въ которомъ украшенія и игрушки на каминъ взяты съ одной Гогартовской картины, которую можно найти и въ «Живописномъ Обозрѣніи» [151]).

За повѣстью г. Булгарина слѣдуетъ повѣсть г. *Масальскаго* «Осада Углича». Мы не будемъ ничего говорить о литературномъ поприщѣ г. Масальскаго, потому что ровно ничего о немъ не знаемъ [152]), а наводить справокъ не имѣемъ ни времени, ни охоты [153]). Что касается до «Осады Углича»—это, во-первыхъ, повѣсть безъ всякаго содержанія, всякой правдоподобности, всякаго интереса; во-вторыхъ, крайне безталанно разсказанная и потому вялая, длинная и скучная. Сочинитель увѣряетъ, что будто-бы онъ заимствовалъ содержаніе своей повѣсти изъ какой-то старинной рукописи «О разореніи града Углича, нарицающагося древле городъ Угло», будто бы доставленной ему однимъ старожиломъ угличскимъ; но мы крѣпко сомнѣваемся въ существованіи этой рукописи, если только фантазія г. Масальскаго въ самомъ дѣлѣ изъ нея заимствовалась [154]). Въ повѣсти русскаго духа слыхомъ не слыхать, видомъ не видать; изображаемые въ ней нравы—похожи на пародію [155]) на нынѣшніе нравы, изображенные плохими романистами. Послушайте, напримѣръ, какимъ *романическимъ* языкомъ плохихъ романовъ изволитъ объясняться стрѣлецкій голова 1610 года:

„... Я жилъ въ Москвѣ. Тамъ сердце указало мнѣ спутницу жизни. Питая другъ къ другу любовь чистую, пламенную, мы наконецъ превозмогли всѣ препятствія, которыя долго мѣшали нашему счастію, и я назвалъ ее моею. Всѣ говорятъ, что на землѣ невозможно найти полнаго счастія. Нѣтъ, это несправедливо, отецъ Авраамій! Я, я наслаждался этимъ счастіемъ!... Правда, оно скоро улетѣло и—навсегда! Она покинула меня, милая, незабвенная Ольга! Скоро ушла она на небо съ этой бѣдной земли! О, какъ дорого заплатилъ я за свое счастіе!... Легче было бы мнѣ, еслибъ оторвали половину моего сердца; но я не рыдалъ, я даже не плакалъ—я не могъ плакать. Меня утѣшала мысль, что я страдаю одинъ, что моя Ольга на небѣ, гдѣ счастіе вѣчно, неизмѣнно, гдѣ ее уже не можетъ постигнуть утрата, подобная моей. На языкѣ человѣческомъ нѣтъ выраженій, чтобъ изобразить то, что я чувствовалъ, когда вокругъ гроба ея раздавалось похоронное пѣніе, когда мои запекшіяся уста прильнули къ ея холодной щекѣ, гдѣ недавно игралъ такъ плѣнительно румянецъ жизни; къ ея рукѣ неподвижной, которою она, угасая и вперя въ меня исполненный любви прощальный взоръ, въ послѣдній разъ пожала мою руку“...

Очень хорошо! Кто бы могъ подумать, чтобъ грубые, брадатые, полудикіе стрѣльцы XVII вѣка были такъ чувствительны на манеръ Эраста Чертополохова и были такими приторными риторами!...

Картинка къ этой повѣсти очень плоха [156]).

За повѣстью г. Масальскаго слѣдуютъ стихи г. Масальскаго «Дерево Смерти». О нихъ можемъ сказать только, что въ нихъ геній новаго доселѣ неизвѣстнаго намъ литератора и поэта г. Масальскаго вѣренъ самому себѣ, въ нихъ та же реторика, только съ рифмами.

Утомленный и усыпленный повѣстью и стихами г. Масальскаго, читатель съ жадностію развертываетъ въ «Ста русскихъ литераторахъ» повѣсть г. *Вельтмана* «Урсулъ». Но... кто бы могъ этого ожидать?... утомленіе все возрастаетъ, возрастаетъ, силы слабѣютъ, терпѣніе истощается... Вотъ ужъ и послѣдняя страница... вотъ и конецъ... Да что же это такое?... въ чемъ дѣло?... Гульпешти, Мынчешти, Градешти, Малаешти, Албинешти, Горешти, Гальбинешти, домну Ферешти, домну Іоанне... ничего не понимаемъ... Люди разговариваютъ, ходятъ, спятъ, ѣдятъ, бѣгаютъ, скачутъ, дерутся, но кто съ кѣмъ, изъ чего, какъ, когда, почему?—самъ Эдипъ не разрѣшилъ бы этой сфинксовой загадки, которую г. Вельтману угодно было назвать повѣстью [157]). Рѣшительно, мы ничего не поняли въ «Урсулѣ». Что это такое? неужели паденіе таланта—послѣдній, предсмертный и потому невнятный лепетъ его?... Правда, въ «Урсулѣ» г. Вельтмана есть страницы понятныя, есть мѣста живыя, увлекательныя, но безъ всякаго отношенія къ цѣлому. И притомъ, къ чему это испещреніе разсказа молдаванскими словами: *кафн, ши люле, чи гында, ватава, одубешти, домнешти, логофетъ ди вистіарія, гота?* Къ чему этотъ натянутый à la Marlinsky, напыщенно-реторическій языкъ?

„Ухъ, какая гроза во мнѣ бушевала! *Громы перекатывались въ черепѣ* (?), кровь ходила волнами по жиламъ, била въ сердце, а сердце какъ скала!... Хлынули бы слезы, легче бъ было, но только молнія жгла внутренность; въ очахъ переливалось кровавое зарево; подъ ногами все рушилось; вихрь крутилъ меня, я хватался за воздухъ“...

Изысканность, вычурность, напыщенность, туманность, безсвязность, пестрота, и, къ довершенію всего, хоть разбей себѣ голову, а ничего не поймешь въ этой повѣсти... Прочтите «Кирджали» Пушкина: содержаніе сходно съ повѣстью г. Вельтмана; но какая простота, безыскусственность, какая непринужденная сжатость и энергія, какая поэзія, какъ все понятно уму и сердцу!...

Да не подумаютъ читатели, чтобъ нашимъ сужденіемъ о повѣсти г. Вельтмана управляло пристрастіе къ ея автору: нѣтъ, мы признаемъ въ г. Вельтманѣ не только поэтическій талантъ, но даже большой поэтическій талантъ. Въ его «Кощеѣ Безсмертномъ», «Святославичѣ» и другихъ романахъ и повѣстяхъ часто проблескиваютъ искры высокой поэзіи, встрѣчаются картины и очерки, набросанные художническою рукою, но нигдѣ нѣтъ цѣлаго, полнаго, оконченнаго,—тамъ рука, тутъ нога, иногда цѣлая голова удивительной работы, волшебнаго рѣзца,

но никогда полной статуи, запечатлѣнной единствомъ мысли, гармоніею цѣлаго. И вотъ причина, почему г. Вельтманъ, поэтъ съ большимъ дарованіемъ, не пользуется на Руси тѣмъ авторитетомъ, котораго заслуживалъ бы его талантъ, и заслоняется въ глазахъ публики разными народными и нравоописательными писаками. Къ этому надо присовокупить еще какую-то странность въ направленіи, какіе-то капризы фантазіи, непонятную наклонность къ филологіи въ области поэзіи. И удивительно ли, что литературное поприще, такъ блистательно начатое «Кощеемъ», заключается теперь «Каломеросомъ» и «Урсуломъ»? Г. Вельтману ужъ не разъ, и притомъ не безъ основанія, замѣчали, что мало для поэта быть богатымъ сокровищами поэзіи, но надо еще и умѣть ими распоряжаться: иначе богатство съѣдетъ на нищету... Оно такъ и дѣлается...

Картинка къ повѣсти г. Вельтмана очень плоха [158]).

Переворачиваемъ страницу и видимъ... о удивленіе!.. повѣсть г. *Надеждина*—«Сила Воли»... Итакъ, и г. Надеждинъ сталъ повѣствователемъ?.. Странно!.. А все виноватъ г. Смирдинъ: онъ своими «Стами литераторами» всѣхъ литераторовъ нашихъ превратилъ въ разскащиковъ [159]). Можетъ быть, это выгодно для его книги, но не для литераторовъ. Вотъ хоть бы г. Надеждинъ: онъ литераторъ умный, ученый; онъ журналистъ, профессоръ эстетики, критикъ, фѣльетонистъ; онъ хорошій сотрудникъ «Энциклопедическаго Лексикона»; но какой же онъ поэтъ, какой же повѣствователь, г. Смирдинъ?...

Г. Надеждинъ началъ свое литературное поприще въ «Вѣстникѣ Европы», и началъ его борьбою противъ романтизма. Въ первыхъ статьяхъ своихъ онъ явился псевдонимомъ *Надоумкою*; но когда были напечатаны отрывки изъ его диссертаціи, на доктора [160]), всѣ узнали, что Надоумко и г. Надеждинъ—одно лицо. Статьи Надоумки отличались особенною журнальною формою, оригинальностію, но еще чаще странностію языка, бойкостію и рѣзкостью сужденій. Какъ въ нихъ, такъ и въ диссертаціи, можно было замѣтить, что противникъ романтизма понималъ романтизмъ лучше его защитниковъ и былъ не совсѣмъ искреннимъ поборникомъ классицизма такъ же, какъ и не совсѣмъ искреннимъ врагомъ романтизма. Г. Надеждинъ первый сказалъ и развилъ истину, что поэзія нашего времени не должна быть ни *классическою* (ибо мы не греки и не римляне), ни *романтическою* (ибо мы не наладины среднихъ вѣковъ); но что въ поэзіи нашего времени должны примириться обѣ эти стороны и произвести новую поэзію. Мысль справедливая и глубокая;—г. Надеждинъ даже хорошо и развилъ ее. Но тѣмъ не менѣе она немногихъ убѣдила и не вошла въ общее сознаніе. Много причинъ было этому, но главныя изъ нихъ: какая-то неискренность и непрямота въ доказательствахъ, свойственныя *докторанту*, а не *доктору*, и явное противорѣчіе между воззрѣніями г. Надеждина и ихъ приложеніемъ. Г. Надеждинъ, понимая, что классическое искусство было только у грековъ и римлянъ, называя французскую поэзію псевдоклассическою [161]), неестественною и надутою, въ то же время съ благоговѣніемъ произносилъ имена Корнеля, Расина и Мольера и смѣло цитовалъ реторическіе стихи Ломоносова, Петрова, Державина и Мерзлякова, увѣряя,

что въ нихъ-то и заключается всяческая поэзія. Далѣе, очень хорошо понимая, что Шекспиръ, Байронъ, Гёте, Шиллеръ, Пушкинъ—совсѣмъ не романтики, но представители новѣйшей поэзіи, онъ съ ожесточеніемъ глумился надъ ними, какъ надъ неистовыми романтиками, и смѣшивалъ ихъ съ героями юной французской литературы. Это противорѣчіе едва ли не было умышленно, во уваженіе невѣрныхъ отношеній *докторанта*, желающаго быть *докторомъ*, и поэтому, по мѣрѣ возможности, не желающаго противорѣчить закоренѣлымъ предубѣжденіямъ *докторовъ*. По этой *уважительной* причинѣ, г. Надеждинъ вооружился противъ Пушкина всѣми аргументами своей учености, всѣмъ остроуміемъ своихъ *надоумочныхъ*, или — правильнѣе [162]) — *недоумочныхъ* статей. Время и мѣсто не позволяютъ намъ распространиться о его подвигахъ въ ратованіи противъ Пушкина, ибо это длинная и притомъ забавная и занимательная исторія, которую мы предоставляемъ себѣ разсказать въ другое время, какъ скоро представится удобный случай. Теперь же скажемъ только то, что, сдѣлавшись докторомъ и получивъ каѳедру, г. Надеждинъ сдѣлался журналистомъ—и совершенно измѣнилъ свои литературные взгляды и даже орографію: вмѣсто *эсѳетическій* и *энѳузіазмъ* сталъ писать *эстетическій* и *энтузіазмъ*; разбирая «Бориса Годунова», заговорилъ о Пушкинѣ уже другимъ тономъ, хотя и осторожно, чтобъ ужъ не слишкомъ рѣзко противорѣчить своимъ *недоумочнымъ* и *эсѳетическимъ* статьямъ. Во всякомъ случаѣ, г. Надеждинъ—примѣчательное лицо въ нашей литературѣ и заслуживаетъ подробной и основательной оцѣнки, которую мы и предоставляемъ себѣ сдѣлать при удобномъ случаѣ.

Но тѣмъ не менѣе повѣсть совсѣмъ не дѣло г. Надеждина, точно такъ же, какъ, напримѣръ, драма совсѣмъ не дѣло г. Погодина [163]). «Сила Воли» разсказана умно, но холодно и безцвѣтно, тогда какъ по ея содержанію, почерпнутому изъ кипучей жизни католической Италіи,—фантазіи и чувству было бы гдѣ разгуляться [164]).

Картинка, приложенная къ повѣсти г. Надеждина, плоха, а портретъ его не отличается большимъ сходствомъ [165]).

Теперь слѣдуетъ повѣсть *г. Каменскаго* «Іаковъ Моле». Она особенно замѣчательна цвѣтистымъ и театральнымъ разсказомъ и картинкою, которая къ ней приложена: не знаешь, чему дивиться—тому ли, что повѣсть удивительно выражаетъ картинку, или тому, что картинка удивительно выражаетъ повѣсть; не знаешь, чему отдать преимущество—повѣсти или картинкѣ. Мы думаемъ, что то и другое превосходно. О литературномъ поприщѣ г. Каменскаго довольно сказать, что онъ, г. Каменскій—авторъ несравненнаго сатирическаго романа «Искатель сильныхъ ощущеній», нѣсколькихъ повѣстей и несравненной драмы «Розы и Маска» [166]).

Г. Панаевъ (В. И.), извѣстный нашъ идилликъ, написалъ для альманаха г. Смирдина не повѣсть, а разсказъ объ истинномъ происшествіи, который и названъ имъ просто «Происшествіе 1812 года». Разсказъ отличается

занимательностію содержанія, правильнымъ, гладкимъ и пріятнымъ слогомъ. Картинка къ разсказу очень плоха [167]).

«Любовь петербургской барышни», предсмертный разсказъ г. *Веревкина* или *Рахманнаго*, заключаетъ собою второй томъ «Ста русскихъ литераторовъ». Въ этомъ предсмертномъ разсказѣ нѣтъ никакого разсказа, потому что нѣтъ никакого содержанія. Это просто—дурно набросанная на бумагу болтовня о томъ, какъ одна петербургская барышня сперва «влюбилась» въ одного *господина офицера*, а потомъ, когда ей представилась выгодная партія, разлюбила его. Интереснѣе всего въ этомъ разсказѣ литературныя признанія г. неизвѣстнаго въ русской литературѣ сочинителя,—признанія въ родѣ „Confessions“ Руссо, или Жаненовскихъ признаній. Послушайте:

„Около того же времени въ первый разъ выступилъ я на литературное поле. Есть на Руси таинственный человѣкъ, которому всѣ невольно удивляются, хотя многіе и злословятъ его. Не зная этого человѣка лично, я былъ влюбленъ въ него, быть-можетъ, столько же, какъ въ Ольгу: не я одинъ изъ нашего молодого поколѣнія, питалъ и питаю къ нему эту романическую привязанность. По моимъ понятіямъ, такая сила дарованія должна была опираться въ немъ на душу теплую и благородную, и я не ошибся. Точно такъ же, какъ *невинная* Ольга довѣрчиво вручила свою судьбу мнѣ, почти незнакомому себѣ (*ей?*) человѣку, я вручилъ ему свою, безпредѣльно, неограниченно (*вручить судьбу безпредѣльно, неограниченно*—какъ это хорошо сказано!). *Любовное письмо*, которое я написалъ къ нему, исторглось у меня также изъ глубины души: онъ такъ и понялъ его, и съ тѣхъ поръ его участіе, совѣтъ, руководство, содѣйствіе, помощь, дружба не оставляли меня. Радость и весьма основательная гордость моя, по поводу пріобрѣтенія такого друга, служила нѣкоторымъ *противувѣсіемъ* горести, которую начинала причинять любовь. Дѣло въ томъ, что въ то самое время, какъ пріобрѣталъ друга, я очевидно терялъ любовницу: отвѣтъ, объясненіе не являлись...

„Благодаря содѣйствію этого достойнаго друга, маленькіе *довольно блестящіе* успѣхи начали *загромождать* путь мой къ будущей *литературной славѣ* (*вотъ какъ!..*), которая съ тѣхъ поръ и самому мнѣ показалась возможною къ достиженію при дальнѣйшихъ усиліяхъ и болѣе важныхъ начинаніяхъ (?). *Мое имя было произнесено въ гостиныхъ.* Литературные интриганты стали штурмовать меня письмами, стараясь привлечь новое перо мое въ журналы своихъ безсильныхъ партій. Эти бездарные шакалы мигомъ чуютъ поживу за семьсотъ-семьдесятъ семь верстъ, и ихъ мелочные происки, внушая мнѣ отвращеніе, очень польстили моему самолюбію: они заставляли меня вѣрить въ мой собственный талантъ, и я уже нѣкоторымъ образомъ начиналъ разыгрывать роль „сочинителя“. Предчувствія, предсказанія Ольги сбывались. Эти первые *лучи славы* были, безспорно, твореніе рукъ ея. Съ какимъ восторгомъ украсилъ бы я ими прелестную ея головку“...

Вотъ геній-то, такъ ужъ геній! Онъ не дожидается суда современниковъ и потомковъ, но, написавъ двѣ-три посредственныя повѣстцы для пріятельскаго журнала, самъ провозглашаетъ себя геніемъ, и, сбираясь въ дальній путь, смѣло сочиняетъ апотеозъ своей небывалой славѣ, выдумываетъ себѣ почитателей и враговъ, увѣряетъ, что его на перебой звали къ себѣ въ журналисты, крича:

«къ намъ, Иванъ Александровичъ, пожалуйте къ намъ управлять департаментомъ!.. [168])» Впрочемъ, все это такъ... и безсмысленно [169]), что надо помочь недоразумѣнію читателей и сказать имъ, кто такой этотъ г. Веревкинъ или Рахманный, т. е., что такое сдѣлалъ и чѣмъ прославилъ онъ себя въ русской литературѣ. Онъ написалъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» одну или двѣ изъ тѣхъ повѣстей, которыя кажутся столь остроумными извѣстному кругу провинціальной публики: потомъ онъ былъ не то корректоромъ, не то выписчикомъ забавныхъ мѣстъ изъ московскихъ романовъ для литературной лѣтописи «Библіотеки для Чтенія»—какъ было это какъ-то объявлено во всеуслышаніе въ этомъ журналѣ. Вотъ и всѣ и его права на литературную славу, которой онъ почиталъ [169-a]) себя достигшимъ. Что же до таинственнаго человѣка, которому будто бы удивляется вся Россія, его нетрудно угадать по слогу повѣсти г. Веревкина, которая начинается фразою: «Есть разнаго роду *любви*»; далѣе можно въ ней найти слова «враждъ», «мечтъ» и т. п.

Нельзя не поговорить о *тонѣ* этой повѣсти—такъ *изященъ* онъ. Вотъ нѣсколько образчиковъ:

„Ей-ей, не стоило родиться! Лучше ужъ было родиться лягушкою, потому что, нѣтъ сомнѣнія, у хладнокровныхъ лягушекъ, живущихъ въ одномъ и томъ же болотѣ съ петербургскими *барышнями*, любовь, по свидѣтельству всѣхъ физіологовъ, въ тысячу разъ и горячѣе, и страстнѣе и постояннѣе. Какъ бы я теперь былъ счастливъ съ моею доброю, чувствительною, любящею лягушкой! Она посвятила бы мнѣ все свое существованіе, жила бы только для меня, заботливо смотрѣла бы въ мои потухающіе глаза, и, когда послѣдній лучъ свѣта въ нихъ погаснетъ, сама своею нѣжной лапкой, закрыла бы ихъ навсегда".

„...Меня непріятнымъ образомъ поразило и самое искусство ея въ верховой ѣздѣ: эта смѣлость, эта рѣшительность на конѣ, показалась мнѣ, въ дѣвушкѣ, противозаконнымъ посягательствомъ на славу киргизъ-кайсаковъ. Я знаю, что настоящая петербургская *барышня* должна ѣздить верхомъ какъ берейторъ, и не уступать въ наѣздничествѣ маленькому Турніеру.

„Безпадежность эта была, конечно, благодѣяніемъ въ моемъ положеніи: я разсчитывалъ, что она скоро сотретъ въ моемъ сердцѣ послѣдніе слѣды неумѣстной и безполезной страсти, которая, какъ я ни прогонялъ ее, какъ ни запиралъ передъ нею всѣ входы въ грудь, растерзанную, требующую изцѣленія забвеніемъ прошедшаго, часто возвращалась ко мнѣ, *мерзавка*, вмѣстѣ со слезами и грустными предчувствіями.

Послѣ этого, какъ не повѣрить, что имя сочинителя этой прелестной повѣсти огласило собою гостиныя, а не гостинницы... [170]).

Картинка къ повѣсти г. Веревкина, какъ нарочно, самая плохая во всей книгѣ, такъ же, какъ картинка къ статьѣ Шишкова самая лучшая и была бы лучшею и не въ такомъ изданіи.

И вотъ вамъ весь второй томъ «Ста русскихъ литераторовъ»! Плохъ былъ и первый, но онъ передъ вторымъ какъ солнце передъ гнилушкою. Лучшая статья въ этомъ второмъ томѣ [171]) безъ всякаго сомнѣнія повѣсть Булгарина: этого довольно къ оцѣнкѣ цѣлой книги. Вотъ что̀ значитъ терпѣніе и долголѣтняя служба—

„То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты...
Ваканціи какъ разъ открыты“,

какъ говоритъ одно изъ почтеннѣйшихъ лицъ комедіи Грибоѣдова. А вѣдь правда: еще лѣтъ пять-десять, и если наша литература пойдетъ такъ же, какъ теперь [172]), то г. Булгаринъ будетъ играть въ ней первую роль и сдѣлается ея истиннымъ и достойнымъ представителемъ. Дай-то Богъ!..

540. (Шестая книжка Москвитянина и Ѳ. Н. Глинка) [173]). Въ полученной здѣсь 6-й книжкѣ московскаго журнала «Москвитянинъ», мы встрѣтили прелюбопытную, хоть и не-большую, только въ полторы страницы (509—510), статейку, которая называется *Къ Отечественнымъ Запискамъ*, и которую мы непремѣнно должны сообщить нашимъ читателямъ, какъ новость чрезвычайно-интересную и заслуживающую полнаго ихъ вниманія по разнымъ отношеніямъ, открывающимъ многое и многое. Она подписана господиномъ N. N. и начинается такъ:

„Въ 4-мъ нумерѣ Отечественныхъ Записокъ, въ библіографической хроникѣ, мы прочли двѣ страницы (39-ую и 40-ую) съ чувствомъ того глубокаго негодованія, какого, признаемся, давно *не ощущали въ современномъ чтеніи.*

„Кто-то, не подписавшій своего имени, по случаю какой-то книжки, приводя изъ нея чувства любви сыновней весьма похвальныя, разговорился вдругъ тономъ *самымъ неприличнымъ* о Поэзіи и нравственности, и *осмѣлился* самымъ *пошлымъ* намѣ(е)комъ бросить к л е в е т у на извѣстнаго писателя (Ѳ. Н. Глинку), обвинить его въ томъ, что онъ печатаетъ похвалу журналу, въ которомъ принимаетъ у ч а с т і е к о р ы с т н о е...

«Что? какъ? гдѣ это было напечатано?..» Позвольте, мм-гг.; читайте дальше:

„Не мѣсто говорить здѣсь о связи, которая должна необходимо существовать между Поэзіею и нравственностію, и рѣшать одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ эстетики, по тому случаю только, что какой-то *журнальный борзописецъ, непонимающій ни философіи, ни эстетики,* извергъ *безсмысленную хулу* на двухъ родныхъ сестеръ, связанныхъ узами неразрывной любви въ сердцѣ человѣческомъ.—Высочайшая Поэзія сама въ себѣ нравственна—и все безнравственное по цѣли тѣмъ уже само себя исключаетъ изъ міра поэтическаго Этими не многими словами обозначаются отношенія Поэзіи и нравственности...“

И вотъ какъ заключаетъ г. N. N. свою «нравственную» и благоприличную выходку:

„Мы уважали Отечественныя Записки за ихъ *благонамѣренность*, хотя не одобряли ихъ мнѣній, философскихъ и критическихъ, и часто негодовали на образъ сужденій о нашей старой литературѣ; мы уважали дѣятельность издателя; уважали многихъ сотрудниковъ, которые своими статьями *украшали* это *полезное изданіе;* - потому-то намъ было *крайне жаль видѣть* (?), что какой-ни-

будь *журнальный писака, на весель отъ Нѣмецкой эстетики*, которой самъ за *незнаніемъ* Нѣмецкаго языка не читалъ, а объ которой *слышалъ*, и то въ искаженномъ *видѣ изъ третьихъ устъ* (??!),—что такой непризванно(ы)й судья, *развалившись отчаянно* въ креслахъ критика, и размахавшись борзымъ перомъ своимъ, всенародно *осмѣливается* въ этомъ журналѣ *празднословить* ш а б а ш ъ *Поэзіи и нравственности*, и забывъ всѣ *приличія, извергаетъ насмѣшки и* к л е в е т у на писателя, огражденнаго отъ подобныхъ *оскорбленій* мнѣніемъ литературнымъ и общественнымъ.

Вотъ и вся статейка. Оставляя въ сторонѣ грамотность ея сочинителя, мы имѣли бы полное право спросить съ своей стороны: какъ осмѣлился какой-то журнальный писака, спрятавшій свою физіономію подъ кривыми и угловатыми литерами N. N., какъ осмѣлился, говоримъ, этотъ журнальный борзописецъ, забывъ всѣ приличія, извергнуть безсмысленную хулу, клевету и оскорбленія (извините: это слогъ г. N. N.) на журналъ, который самъ не могъ не назвать благонамѣреннымъ и полезнымъ? Мы имѣли бы право спросить: какъ могъ человѣкъ до такой степени забыться, до такой степени раздружиться со всевозможными общественными и литературными приличіями, чтобъ, размахавшись *борзымъ* перомъ своимъ написать, и — что всего непостижимѣе — напечатать самую нелѣпую клевету, приписавъ «Отечественнымъ Запискамъ» обвиненіе г-на Глинки въ томъ, въ чемъ онѣ никогда не думали обвинять его, и сказавъ, съ неслыханною дерзостію, безъ всякихъ доказательствъ,

По замысламъ какимъ-то непонятнымъ,

что будто-бы въ «Отечественныхъ Запискахъ» празднуется *шабашъ поэзіи и нравственности?* Мы спросили бы г-на N. N.: какъ называются подобныя «литературныя» обвиненія, и чему подвергается тотъ, кто не только не можетъ доказать своего обвиненія, но самъ виноватъ въ томъ же, въ чемъ хочетъ обвинить другаго?.. Однако мы ничего не спросимъ у г-на N. N. Съ такими благонамѣренными, борзыми бойцами, нищущими такія благонамѣренныя, такія «литературныя» клеветы, мы не выйдемъ на битву, не низойдемъ до этого... Если угодно г-ну N. N., мы поищемъ, можетъ быть найдемъ и выставимъ противъ него достойныхъ его витязей: пусть онъ препирается съ ними на приличномъ ему поприщѣ и объясняется съ ними *своимъ* языкомъ—*письменно* или изустно, какъ ему будетъ угодно; только напередъ увѣдомляемъ его, что «Отечественныя Записки» будутъ чужды этой достославной битвы, не пріймутъ въ ней никакого участія...

Между тѣмъ, «Москвитянинъ» можетъ попасться въ руки кому-нибудь изъ читателей «Отечественныхъ Записокъ», и какъ въ немъ самый предметъ выходки не объясненъ достаточно, то, чтобъ не оставлять нашихъ читателей въ недоумѣніи, рѣшаемся сказать нѣсколько словъ о статьяхъ, подавшихъ поводъ къ вышеозначенной статейкѣ. Дѣло вотъ въ чемъ:

Въ 16-мъ нумерѣ «Московскихъ Вѣдомостей» нынѣшняго года, О. Н. Глинка напечаталъ статью (стр. 121—134) подъ названіемъ «Москвитянинъ»; въ этой

статьѣ онъ очень-наивно восхищается мыслію, что будто-бы Западъ (Европа) похожъ на человѣка, который «носитъ въ себѣ *заразительный недугъ*, окруженъ атмосферою *опаснаго дыханія*», и что «мы цѣлуемся съ нимъ, дѣлимъ трапезу мысли, пьемъ чашу чувства, и не замѣчаемъ *скрытаго яда* въ безпечномъ общеніи нашемъ, не чуемъ, въ потѣхѣ пира, *будущаго трупа*, которымъ онъ уже *пахнетъ*»; далѣе онъ же, г. Глинка, подтверждаетъ, что во Франціи «все, что выдумаетъ *развращенное воображеніе* какого-нибудь писателя, переливается изъ міра фантазіи *въ соки жизни*», и наконецъ заключаетъ статью свою двумя весьма-замѣчательными фразами, изъ которыхъ первая гласитъ такъ: «Можетъ ли, на твердомъ основаніи, существовать поэзія, когда у нея отнимаютъ лучшее изъ правъ ея—*поучать?*»—и вторая: «Едва ли не дожили мы уже до того, что *мнѣніе*, которое передавалось *шопотомъ*, произносится вслухъ. Смѣлѣе приподымая маску, уже начинаютъ *проповѣдывать*, что поэзія должна быть безъ *нравоученія*, философія—безъ *вѣры!* Посмотримъ, *куда* прійдемъ *мы* съ поэзіею безнравственною, съ философіею безвѣрною!»

Скажите, сдѣлайте милость, можно ли было безъ улыбки прочесть эти громкія фразы и вообще всю статью г-на Глинки, составленную въ духѣ этихъ фразъ? Какъ, въ-самомъ-дѣлѣ, можно писать и печатать подобныя вещи въ 1841-мъ году отъ Р. Х.? Европа — изволите видѣть — окружена атмосферою опаснаго дыханія, полна скрытаго яда; она будущій трупъ, которымъ ужѐ и пахнетъ; въ ней развращено воображеніе, развращена мысль, испорчены соки?!!... Помилуйте! Да вѣдь это хула на науку, на искусство, на все живое, человѣческое, на самый прогрессъ человѣчества!.. И какъ судить по нѣсколькимъ Французамъ о всей Франціи, по нѣсколькимъ Нѣмцамъ о всей Германіи, а по нимъ и о цѣлой Европѣ? Не-уже-ли Европа была просвѣщеннѣе, нравственнѣе, религіознѣе во времена Аттилъ, гвельфовъ и джибеллиновъ, Борджіевъ, Равальяковъ, Кромвелей, г-жъ Ментенонъ, дю-Барри, и т. п.? Пора бы, право, перестать «извергать такія клеветы» (говоря слогомъ г. N. N.) на Европу и на нашъ великій XIX вѣкъ... Господи Боже мой! Да не-уже-ли мы ѣздимъ въ Европу для того только, чтобъ заражаться ядовитымъ дыханіемъ этого «будущаго трупа»? Не-уже-ли юноши наши, безпрерывно отправляемые, на счетъ нашего мудраго и просвѣщеннаго правительства [174]), за границу, возвращаются оттуда никуда-негодными, и изъ нихъ не выходятъ Брюловы, Бруни, Басины,—или не превращаются они въ отличныхъ университетскихъ преподавателей, которые живымъ знаніемъ своимъ, въ этой же Европѣ пріобрѣтеннымъ, затмѣваютъ другихъ, незнающихъ Европы, или если и глядѣвшихъ на нее, то видѣвшихъ все кверху ногами?.. Но что́ и говорить объ этомъ! Сужденіе г-на Глинки есть только повтореніе того, что́ еще въ десятыхъ [175]) годахъ говорилось, и что́ во всѣ вѣка проповѣдывали люди стараго поколѣнія новому: такова ужь, видно, судьба всего стараго и всего новаго!

Этимъ же можно объяснить и другое требованіе г-на Глинки, именно, чтобъ въ поэзіи было непремѣнно *нравоученіе*, чтобъ поэзія *поучала*. «Отечествен-

ныя Записки»—читатели знаютъ это—при всякомъ удобномъ случаѣ, слѣдственно, очень часто, говорили и говорятъ, что поэзія въ истинномъ, высшемъ значеніи своемъ не можетъ быть безнравственна, что она необходимо *сама въ себѣ* нравственна. Разверните любой томъ «Отечественныхъ Записокъ» — въ Критикѣ или Библіографической Хроникѣ ихъ, вы непремѣнно встрѣтите эту мысль. Но мы всегда возставали противъ мнѣнія, что мораль есть поэзія, что нравственное тождественно съ поэтическимъ, — мы говорили, что поэтическое необходимо нравственно, но отвергали мысль, что все нравственное необходимо должно быть поэтическимъ, и всегда вооружались противъ этихъ пошлыхъ «нравоученій», противъ этой резонёрской, холодной морали, которую нѣкоторые хотятъ навязать на поэзію, ища во всякомъ созданіи поэта чего-нибудь нравоучительнаго, какъ «moralité» въ басни, или требуя отъ него поученій въ родѣ «помогай бѣдному, *ибо* добро во вѣкъ не пропадетъ», «будь со всѣми вѣжливъ и учтивъ, *ибо* это пригодится», и пр. и пр. Мы всегда говорили, и теперь скажемъ, что истинный поэтъ всегда нравственъ въ высшемъ значеніи этого слова, а что пошлые нравоучители совсѣмъ не поэты... Объ этомъ предметѣ также нѣчего распространяться: о немъ много было сказано въ шестнадцати томахъ «Отечественныхъ Записокъ»; скажется, можетъ-быть, еще больше. Замѣчательнѣе же всего, что г. N. N., говоря: «высочайшая поэзія *сама въ себѣ нравственна*—и все безнравственное по цѣли тѣмъ уже само себя исключаетъ изъ міра поэтическаго», ясно, взялъ эту мысль изъ «Отечественныхъ Записокъ» — а теперь намъ же предлагаетъ ее въ поученіе, какъ новость, имъ самимъ выдуманную, да еще разсказываетъ, что въ «Отечественныхъ Запискахъ» празднуется шабашъ поэзіи и нравственности... Помилуйте, господа! Гдѣ же литературная совѣсть? гдѣ уваженіе къ истинѣ?..

Но возвращаемся къ г-ну Глинкѣ. И такъ, когда мы прочли приведенную выше статью его въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», мы улыбнулись этому ропоту почтеннаго поэта, и вотъ какъ печатнымъ образомъ выразилась наша улыбка.

Въ Москвѣ вышла книжечка «Малолѣтокъ», сочиненіе извѣстнаго А. А. Орлова. Упоминая объ этомъ сочиненіи въ 4-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», мы сказали въ шутку:

„Оригинально-чудное мнѣніе о томъ, что въ русскомъ языкѣ существуютъ два слова: *нравственность* и *поэзія*, выражающія совершенно одно и то же понятіе (чего нѣтъ ни въ одномъ изъ существующихъ языковъ и не было ни въ одномъ изъ существовавшихъ), приноситъ неисчислимыя выгоды. Укажемъ на одну изъ нихъ. Для истинной оцѣнки литературныхъ произведеній не нужно читать ихъ,—что прежде считалось необходимостію,— а надобно только отобрать вѣрныя справки о жизни сочинителя, и оцѣнка готова. Если реченный сочинитель не пилъ вина даже за обѣдомъ, не бралъ въ руки картъ, платилъ исправно въ овощныя лавки за взятый въ долгъ товаръ, кухарку свою держалъ въ почтительномъ отъ себя отдаленіи, тогда вы заключаете — *означенный сочинитель есть поэтъ;* если же нѣтъ—то *нѣтъ*. И вѣрно, и легко!.. Да, нравственность есть поэзія, поэзія есть нравственность!“

Когда мы написали эти строки, намъ пришла на память статья г-на Глинки, заставившая насъ улыбнуться,—и мы прибавили:

„*Нравственный* поэтъ нашъ, Ѳ. Н. Глинка, того же мнѣнія. Въ одномъ изъ нумеровъ весьма-нравственной газеты „Московскія Вѣдомости“, онъ помѣстилъ очень-нравственную статью о тожествѣ нравственности и поэзіи, привязавъ это нравственное сужденіе къ самой нравственной цѣли: похвалѣ журнала, въ которомъ онъ участвуетъ“. (О. З. т. XV; кн. 4. Библ. Хрон. стр. 40) [476]).

Только. Больше ничего не сказано о г-нѣ Глинкѣ. Разсудите же на милость, гдѣ тутъ *оскорбленія, клеветы, хулы*, и Богъ-знаетъ что, придуманное «нравственнымъ господиномъ» N. N.? Чѣмъ мы тутъ оскорбили г-на Глинку? Мы назвали его поэтомъ нравственнымъ? но развѣ онъ поэтъ *безнравственный?* никогда мы не осмѣлились бы произнести такую ложь.—Далѣе, мы сказали, что онъ написалъ нравственное разсужденіе: развѣ это не правда? развѣ оно *безнравственно?*—Сказали, что онъ помѣстилъ свое разсужденіе въ нравственной газетѣ «Московскія Вѣдомости»;—и это правда: «Московскія Вѣдомости» дѣйствительно весьма-нравственная газета. Что въ ней безнравственнаго? Ничего!.. Странное дѣло! Г. N. N. горою возсталъ за нравственность, якобы охуленную и оскорбленную, и обижается, когда сотрудника того журнала, въ которомъ онъ самъ пишетъ, называютъ *нравственнымъ?*.. Но вотъ что всего важнѣе, какъ обнаруженіе того чувства и намѣренія, съ которыми писана статья г-на N. N. Въ 4-й книжкѣ «Отеч. Записокъ», какъ видно изъ приведенной выписки, сказано, что г. Глинка написалъ похвалу журналу, *въ которомъ участвуетъ*, — а г. N. N. говоритъ, что «Отеч. Записки» обвиняютъ г-на Глинку за похвалу журналу, въ которомъ онъ принимаетъ *участіе корыстное*... Ну ужъ это, — просимъ извиненія— похоже на чистую «литературную» клевету: пусть же она и обратится на того, кто написалъ ее! «Отечественныя Записки» никогда не сказали бы подобной фразы, къ кому бы ни относилась она,—и обвинять ихъ въ этомъ голословно можетъ только какая-нибудь благонамѣренная страсть къ сплетнямъ, забывающая даже, что обвиненіе ея легко опровергается очевидностью.

Теперь, кажется, все дѣло ясно. Заключимъ же статью нашу словами статьи «Москвитянина», обращенными къ «Отечественнымъ Запискамъ», сдѣлавъ, впрочемъ, нѣкоторыя необходимыя измѣненія:

Мы надѣялись, что будемъ уважать «Москвитянина» за его благонамѣренность, хотя и не одобряли его мнѣній, философскихъ и критическихъ; мы уважали дѣятельность его издателей; уважали нѣкоторыхъ изъ его сотрудниковъ;—потому-то намъ было крайне жаль видѣть, что какой-нибудь журнальный писака, *на веселѣ* (въ восторгѣ)—только ужъ не отъ нѣмецкой эстетики, о которой онъ, видно, и не слыхивалъ (въ противномъ случаѣ былъ бы поблагонристойнѣе),—что такой непризванный судья, развалившись отчаянно въ креслахъ критика и размахавшись борзымъ перомъ своимъ, всенародно осмѣливается

въ этомъ журналѣ праздновать шабашъ истины и нравственности, и забывъ всѣ приличія, извергаетъ клевету на журналъ, огражденный отъ подобныхъ оскорбленій мнѣніемъ литературнымъ и общественнымъ...

***541. Римскія Элегіи.** Сочиненіе *Гёте*. Переводъ *Струговщикова*. Санктпетербургъ. 1840 [177]).

Возможность античной поэзіи въ наше время, не какъ подражанія, а какъ свободнаго творчества. — Нравственность древней поэзіи. — Нравственность „Римскихъ Элегій“ Гёте.—Сущность антологической поэзіи.—Антологическая поэзія въ русской литературѣ—Ломоносовъ, Дмитріевъ, Державинъ, Гнѣдичъ, Батюшковъ, Пушкинъ.—Размѣръ, приличный антологическимъ стихотвореніямъ.—О переводѣ „Римскихъ Элегій“ Гёте на русскій языкъ.

При выходѣ въ свѣтъ «Римскихъ Элегій» Гёте, переведенныхъ г. Струговщиковымъ, «Отеч. Записки» ничего не сказали ни о самомъ этомъ произведеніи германскаго поэта, ни о его переводѣ, и ограничились обѣщаніемъ полнаго разбора *). Хотя этому прошло уже болѣе года, мы тѣмъ не менѣе увѣрены, что никто изъ читателей не назоветъ предлагаемой статьи запоздалою и неумѣстною Отчетъ о произведеніи легкомъ, ничтожномъ, эфемерномъ, имѣющемъ достоинства и интересъ относительные, временные, долженъ немедленно слѣдовать за появленіемъ этого произведенія: запоздай онъ нѣсколькими днями,—интересъ и самое значеніе статьи уже потеряны. Вотъ почему мы поспѣшили разборомъ втораго тома «Ста Русскихъ Литераторовъ». Но литература состоитъ не изъ однихъ случайныхъ и обыкновенныхъ явленій: въ ней бываютъ произведенія основныя, безотносительно-важныя, безусловно-прекрасныя,—*капитальныя*. Такія произведенія не проигрываютъ, но выигрываютъ отъ времени, и часто непонимаемыя и незамѣчаемыя толпою и современностію, въ новой красотѣ воскресаютъ для потомства. Иногда бываетъ о нихъ *рано* говорить, но никогда не *поздно* о нихъ говорить: они всегда новы, всегда свѣжи, всегда юны, всегда современны. Иногда случается, что критика даже обязана говорить о нихъ какъ-можно-позже—чтобъ дать имъ время предварительно завладѣть вниманіемъ общества, возбудить въ немъ интересъ собою. Если бы «Римскія Элегіи» и не были вѣчно-юнымъ, никогда нестарѣющимся произведеніемъ искусства, если бы даже ихъ художественное достоинство было подозрѣваемо, и онѣ проигрывали отъ времени въ общемъ мнѣніи,—и тогда онѣ все-таки останутся навсегда интереснымъ и поучительнымъ фактомъ литературы. Люди, подобные Гёте, не производятъ ничего, что не было бы достойно величайшаго вниманія, въ какомъ бы то ни было отношеніи; самыя ошибки ихъ глубоко-знаменательны и поучительны.

*) См. „Отеч. Записки“ 1840. т. IX. „Библіографическая Хроника“, стр. 42 [178]).

«Римскія Элегіи», сверхъ высокаго поэтическаго своего достоинства, важны для насъ еще и какъ особенный родъ поэзіи, опредѣленіе котораго можетъ составить любопытную главу эстетики. Главная цѣль предлагаемой статьи состоитъ въ томъ, чтобъ взглянуть не только на «Римскія Элегіи» Гёте, какъ на типическія произведенія особеннаго рода поэзіи, но и на тѣ собственно-русскія произведенія, которыя относятся къ этому роду поэзіи. Другими словами: главный предметъ нашей статьи не столько «Римскія Элегіи», сколько родъ поэзіи, къ которому принадлежатъ онѣ.

Было время, когда наши критики и сами поэты хлопотали о какой-то такъ-называемой *легкой поэзіи*. Одинъ изъ даровитѣйшихъ и знаменитѣйшихъ представителей литературы того времени—Батюшковъ, написалъ даже особую статью «О вліяніи легкой поэзіи на языкъ». Вся эта статья не что иное, какъ апологія легкой поэзіи. Что же такое эта «легкая поэзія»? Въ то время понятія объ искусствѣ были довольно-темны и сбивчивы: съ поэзіею смѣшивали все, что писалось размѣренными строчками съ рифмами; чувствительная пѣсенка и свѣтскій комплиментъ дамѣ, втиснутый въ четверостишіе, съ названіемъ: *къ Клименѣ*, или *къ Темирѣ*,—все это считалось поэзіею, и по-преимуществу «легкою», хотя этому явно противорѣчила тяжесть дубоватой версификаціи. Такъ и Батюшковъ не совсѣмъ отчетливо понималъ то, что называлъ «легкою поэзіею». Онъ говорилъ, что на Руси Ломоносовъ изобрѣлъ ее, и высоко ставилъ заслуги въ «легкой поэзіи» Сумарокова, Богдановича, Державина, Дмитріева, Хемницера, Карамзина, Капниста, Нелединскаго, Мерзлякова, Муравьева, Долгорукова, Воейкова, В. Пушкина и другихъ. Вообще можно замѣтить, что подъ словомъ «легкая поэзія» онъ разумѣлъ мелкіе роды лирической поэзіи—пѣсню, сонетъ, элегію, эпиграмму, мадригалъ, тріолетъ и т. п. Но ближайшее къ истинному воззрѣніе на предметъ видимъ мы въ его указаніи на Симонида, Ѳеокрита, Сафо, Катулла, Тибулла и Овидія, какъ представителей у древнихъ того, что онъ называлъ «легкою поэзіею». Очевидно, у Батюшкова была мысль, но до того неопредѣленная, что онъ еще не отыскалъ слова для ея выраженія. Ниже увидимъ, по его превосходнымъ переводамъ изъ Антологіи, что онъ на дѣлѣ гораздо лучше понималъ и рѣшалъ вопросъ, нежели въ теоріи.

Слово: «легкая поэзія» далеко не вполнѣ выражаетъ предполагаемое имъ значеніе, хотя легкость и есть одно изъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ качествъ той поэзіи, которую разумѣли подъ именемъ «легкой». Мы думаемъ, что ей приличнѣе названіе «античной», потому-что она родилась и развилась у Грековъ; у новѣйшихъ же поэтовъ она—только плодъ проникновенія классическимъ духомъ: у эллинской поэзіи заимствуетъ она и краски, и тѣни, и звуки, и образы, и формы, даже иногда самое содержаніе. Впрочемъ, ее отнюдь не должно почитать подражаніемъ: всякое преднамѣренное и сознательное подражаніе—мертво и скучно. Когда поэтъ проникается духомъ какого-нибудь чуждаго ему народа, чуждой страны, чуждаго вѣка,—онъ безъ всякаго усилія, легко и свободно творитъ въ духѣ того народа, той страны, или того вѣка.

Эта возможность проникновенія чуждымъ духомъ основывается на живомъ, органическомъ единствѣ идеи человѣчества. Не смотря на множество и различіе существовавшихъ и существующихъ народовъ, всѣ они образуютъ собою единое семейство, имѣющее однихъ и тѣхъ же предковъ, одну и ту же исторію; это семейство называется *человѣчествомъ*. Человѣчество выше всякаго народа, отдѣльно взятаго, такъ же, какъ всякій народъ выше всякаго человѣка, взятаго отдѣльно. И потому, какъ всякая личность живетъ въ народѣ и народомъ, но не во всякой личности живетъ народъ, а только въ избранныхъ своихъ представителяхъ,—такъ точно и всѣ народы живутъ въ человѣчествѣ, но не во всякомъ народѣ является человѣчество, а только въ избранныхъ, и въ одномъ больше, въ другомъ меньше. Сущность идеи человѣчества состоитъ въ ея *общности*, въ ея отчужденіи отъ всего случайнаго, временнаго, преходящаго, частнаго: ея содержаніе—*истина*, а истина есть общее, необходимое, вѣчное. Очевидно, что чѣмъ одностороннѣе, исключительнѣе, ограниченнѣе идея, выражаемая жизнію народа, чѣмъ больше въ ней условнаго, частнаго, такъ-сказать своего *домашняго*, чисто-народнаго,—тѣмъ менѣе можетъ такой народъ назваться представителемъ человѣчества. Исторія такихъ народовъ мало интересна и мало понятна для науки; а народность ихъ почти недоступна для людей, принадлежащихъ другому племени. Напротивъ, чѣмъ многостороннѣе, всеобъемлющѣе, глубже, общее содержаніе народной жизни, чѣмъ больше въ ней истиннаго, разумнаго, дѣйствительнаго,—тѣмъ *человѣчественнѣе* такой народъ, тѣмъ онъ болѣе бываетъ представителемъ человѣчества. Исторія такихъ народовъ полна интереса даже въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ; національность ихъ совершенно-доступна всякому образованному человѣку, хотя бы онъ былъ отдѣленъ отъ нея и своею собственною народностію и цѣлыми вѣками. Почти всѣ народы древности разработывали своею жизнію ниву развитія человѣческаго духа,—разумѣется, одинъ больше, другой меньше, и потому исторія, поэзія и цивилизація каждаго изъ нихъ имѣетъ свою относительную важность; но всѣ они какъ-бы уничтожаются передъ Греціею и Римомъ. Особенно первой назначена была высокая роль въ человѣчествѣ судьбами міродержавными. Въ племенахъ семитическихъ, въ Ассиріянахъ, Вавилонянахъ, Персахъ, Финикіянахъ, Египтянахъ, человѣчество только какъ-будто силилось проявиться; но въ Грекахъ его усилія уже увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ; Греки явились полными и единственными представителями человѣчества, и по праву называли варварами всѣ народы, которые не были греческаго происхожденія. Если бъ можно было представить океанъ, образовавшійся отъ стеченія ручьевъ и рѣкъ: это было бы лучшимъ реторическимъ подобіемъ для уясненія отношеній всѣхъ народовъ древности къ Греціи—и Греціи ко всѣмъ народамъ древности, исключая Римлянъ. Превосходство Грековъ надъ всѣми другими народами древности состоитъ въ томъ, что у нихъ все *свое*, все народное, частное, семейное, домашнее, было ознаменовано печатію необходимости и разумности, отличалось характеромъ обще-человѣческимъ. Удивительно ли, послѣ этого, что мы имена Те-

зеевъ, Солоновъ, Кодровъ, Леонидовъ, Мильтіадовъ, Ѳемистокловъ, Аристидовъ, Кимоновъ, Перикловъ, Алкивіадовъ, Тимолеоновъ, Сократовъ, Платоновъ узнаёмъ, въ нашемъ дѣтствѣ, прежде, нежели имена героевъ отечественной исторіи; что всѣ образованные народы считаютъ Грецію какъ-бы своимъ общимъ отечествомъ? Какъ ни отдѣлены мы отъ Грековъ и нравами, и условіями жизни, и образомъ воззрѣнія на міръ, и вѣками, словомъ, какъ ни противоположна наша жизнь греческой, мы все понимаемъ въ исторіи Греціи такъ же ясно, какъ и въ исторіи своего отечества,—и каждый образованный человѣкъ нашего времени легко можетъ представить себя, въ своей фантазіи, подъ небомъ Эллады, слушающаго на площади ораторовъ, или внимающаго, въ садахъ академіи, мудрымъ урокамъ божественнаго Платона. Да, для насъ, при небольшомъ изученіи, Грекъ понятенъ, будто нашъ современникъ, и на площади, и на полѣ брани, и въ совѣтѣ, и въ портикѣ, и на пиру, съ вѣнкомъ на головѣ возлежащій за столомъ, среди благовонныхъ куреній, и въ домашней жизни, жалующійся на прозу брачныхъ узъ и житейскихъ заботъ. Но прошу васъ вообразить себя живо древнимъ Персомъ, который сегодня пресмыкается рабомъ послѣдняго раба своего владыки, а завтра дерзко садится на тронъ властелина и хладнокровно душитъ родныхъ и казнитъ чужихъ; для котораго вся поэзія жизни—власть и богатства, а назначеніе жизни—быть палачомъ или жертвою!.. Еще труднѣе вообразить себя австралійскимъ дикаремъ, для котораго верхъ блаженства—дикая, животная воля, кусокъ человѣческаго мяса, осколокъ зеркала, цвѣтной лоскутъ матеріи, какая-нибудь побрякушка; котораго вся жизнь—или остервенѣлая рѣзня съ врагами, или побѣдная пляска вокругъ костра, гдѣ жарятся тѣла плѣнниковъ. Чѣмъ жизнь ниже, тѣмъ менѣе понятна она; чѣмъ выше, тѣмъ понятнѣе. Со всѣмъ тѣмъ, какъ бы ни была тѣсна и ограниченна сфера жизни, но если въ ней есть хоть что нибудь человѣческаго,—это малое человѣческаго намъ понятно. И у дикарей есть чувства любви, хотя въ грубыхъ, животныхъ формахъ; и для дикаря существуетъ и радость и горе; сердце его весело бьется въ-присутствіи милаго ему человѣка, слезами и рыданіями изъявляетъ онъ печаль при невозвратной утратѣ. И когда радость его, или страданіе, отрѣшаясь отъ минуты и случая, которыми порождены онѣ, переливаются въ звуки и выражаются общечеловѣческимъ языкомъ поэзіи,—мы понимаемъ простые и наивные звуки этой поэзіи, сочувствуемъ ей, потому-что находимъ въ ней *свое*, намъ самимъ принадлежащее, родное, словомъ—человѣческое. *Я человѣкъ—и ничто человѣческое не чуждо мнѣ:* вотъ законъ, на основаніи котораго мы выучиваемся чужимъ языкамъ, понимаемъ чужіе нравы, интересуемся чужою исторіею, наслаждаемся чужою поэзіею, становимся гражданами уже несуществующихъ народовъ и протекшихъ вѣковъ, дѣлаемся властелинами прошедшаго, настоящаго и будущаго, царствуемъ надъ міромъ и вѣчностію... Вѣденъ и нищъ, кто, нося на себѣ образъ человѣческій, чуждъ всему человѣческому,—бѣденъ и нищъ, хотя бы онъ былъ богаче Креза, могущественнѣе Чингис-Хана! Богатъ и мо-

гущъ, кто все понимаетъ, всему сочувствуетъ.—богатъ и могущъ, хотя бы онъ былъ бѣднѣе Ира и назывался владѣльцемъ только собственной души своей!..

Но эта царственная область мірообладанія, это живое чувство родственности со всѣми формами, въ какихъ когда-либо проявлялась жизнь человѣчества,—по-преимуществу достояніе поэта. Никому такъ не легко перенестись въ прошедшіе вѣка, воскресить почившіе народы, населить опустошенные города, подсмотрѣть ихъ обычаи и нравы, подслушать ихъ рѣчь, подстеречь и уловить сокровенную думу цѣлаго ихъ существованія! Подобно Кювьѐ, который по одной, вырытой изъ земли кости, безошибочно опредѣлялъ родъ, видъ, величину и наружную форму животнаго,—поэтъ по немногимъ фактамъ, часто нѣмымъ для ученаго и всегда мертвымъ для толпы, возстановляетъ цѣлое племя существъ, нѣкогда юныхъ, сильныхъ, полныхъ жизни и красоты; изъ мрака забвенія поднимаетъ чудную исторію, полную страстей, движенія, интереса; волшебнымъ заклинаніемъ поэзіи вызываетъ тѣни изъ гробовъ и заставляетъ ихъ снова и любить и ненавидѣть, и желать и стремиться, и страдать и блаженствовать, словомъ—снова переживать передъ нашими глазами всю жизнь свою. Въ глупо-разсказанной сказкѣ «О томъ, какъ хитро датскій король Амлетъ отмстилъ за смерть отца своего Горденвилла, убитаго своимъ братомъ Фенгономъ, и о прочихъ похожденіяхъ его жизни»—въ этой нелѣпой сказкѣ, онъ провидитъ великую драму и изъ ея скудныхъ матеріаловъ создаетъ «Гамлета». Въ лѣтописи Плутарха, представляющей только внѣшнюю сторону происшествій, онъ видитъ всѣ тайныя пружины, которыя давали ходъ событіямъ и которыя были невидимы для самого великаго жизнеописателя,—и творческою силою фантазіи вызываетъ изъ гробовъ гигантскія тѣни Коріолана, Брутовъ, Цезаря, Антонія, Августа, милые, граціозные образы цѣломудренной Лукреціи и обольстительной Клеопатры, одѣваетъ ихъ тѣломъ, вливаетъ въ ихъ жилы теплую кровь, зажигаетъ ихъ глаза блескомъ жизни и страстей, и мы слышимъ ихъ рѣчь, видимъ ихъ дѣла, знаемъ ихъ сокровенные помыслы—соприсутствуемъ жизни давно-кончившейся, созерцаемъ краски давно-поблекшія, формы давно-исчезнувшія, дѣлаемся современными свидѣтелями событій, отъ которыхъ отдѣляютъ насъ тысячелѣтія и вѣки!.. Задача историка—*сказать*, *что* было; задача поэта—*показать*, *какъ* было: историкъ, зная *что* было, не знаетъ *какъ* было; поэту нужно только узнать *что* было, и онъ уже видитъ самъ и можетъ показать другимъ, *какъ* оно было. И потому, если наука оказываетъ поэзіи услуги, сказывая ей о томъ, *что* было, то и поэзія, въ свою очередь, расширяетъ предѣлы науки, показывая, *какъ* было. Мы недавно видѣли доказательство этого въ Вальтерѣ Скоттѣ, который своимъ романомъ «Ивангѐ» обнаружилъ тайныя пружины англійской исторіи, нашедъ ихъ въ борьбѣ саксонскаго племени съ норманскимъ, и тѣмъ далъ толчокъ и направленіе историческимъ изысканіямъ новѣйшаго времени. Всѣмъ извѣстенъ былъ темный слухъ о смерти Моцарта, будто-бы отравленнаго Сальери изъ зависти; но только Пушкинъ могъ провидѣть въ этомъ преданіи психологическое явленіе и общую идею таланта, мучимаго завистію къ генію,—

и онъ показалъ не то, какъ дѣйствительно случилась эта исторія, но какъ бы могла она случиться и прежде, и нынѣче, и всегда. А между-тѣмъ, ужасающая вѣрность, съ какою поэтъ представилъ положеніе Сальери къ Моцарту, доказываетъ отнюдь не то, чтобъ подобное положеніе было извѣстно ему-самому по горестному опыту, а только то, что чѣмъ глубже духъ художника, тѣмъ доступнѣе его непосредственному сознанію всѣ, и свѣтлыя и мрачныя, стороны человѣческой природы. Отъ этой-то доступности всему, что̀ свойственно природѣ человѣческой, проистекаетъ способность поэта переноситься во всякое положеніе, во всякую страну, во всякій возрастъ, во всякое чувство, внѣ опыта собственной жизни. Тотъ не поэтъ, кто не могъ бы вѣрно выразить чувство отеческое, потому-что самъ не былъ отцомъ. Если допустить, что неиспытаннаго собственнымъ опытомъ поэтъ не можетъ изображать, то ужь нѣчего и говорить, что поэтъ, если онъ мужчина, не можетъ изобразить ни дѣвушки, ни матери. Такимъ точно образомъ, поэту отнюдь не должно быть Персіаниномъ, чтобъ, начитавшись Гафиза, писать въ духѣ персидской поэзіи. Въ поэзіи всякаго народа отражается природа (мѣстность) и духъ (національность) страны. Обаяніе персидской поэзіи не только можетъ быть доступно для жителя сѣверныхъ странъ, но еще, по закону противоположности, сильнѣе дѣйствовать на него, чѣмъ на природнаго Персіанина. Нѣга и роскошь непосредственнаго бытія на лонѣ матери-природы также не могутъ не быть доступны Европейцу, хотя и прямо противорѣчатъ условіямъ его жизни. Чувственная жизнь есть первый моментъ жизни каждаго человѣка въ періодѣ его безсознательнаго младенчества; эта же чувственная жизнь была первымъ моментомъ и жизни человѣчества на его родномъ и роскошномъ Востокѣ: слѣдовательно, то, что̀ теперь составляетъ поэзію персидской жизни, — не что-нибудь случайное, но необходимый (а потому и разумный) моментъ историческаго развитія. Если намъ кажется унизительною для человѣческаго достоинства такая нравственная дремота чувственнаго бытія,—это потому-что она несовременна, и что народъ, погруженный въ нее, представляетъ изъ себя посѣдѣлаго и дряхлаго младенца; сверхъ того, въ персидской, какъ и во всякой восточной, поэзіи, основный элементъ—пантеистическое міросозерцаніе, которое для современнаго человѣчества—анахронизмъ, но въ свое время было великимъ моментомъ всемірно-историческаго развитія. Пылкость южной фантазіи, любящая выражаться преувеличенными образами, яркими и пестрыми формами, странными и, часто, изысканными оборотами, также имѣетъ для насъ свой интересъ, хотя и внѣшній, предметный, и понятна намъ, такъ-сказать, вчужѣ. Слѣдовательно, все, что̀ составляетъ элементы жизни и поэзіи Персіи, не есть что-нибудь чуждое духу человѣческому, но все родственное и присущное ему, хотя и подъ условіемъ прошедшаго историческаго момента. Тѣмъ болѣе возможности для поэта погружаться въ прекрасный міръ Греціи и выносить изъ него чудныя видѣнія, созданныя въ ея духѣ и формѣ. Говорятъ, Нѣмцу нельзя быть Грекомъ? Справедливо: Нѣмецъ не можетъ быть Грекомъ до того, чтобъ не быть Нѣмцемъ; но Нѣмецъ, созерцая

міръ греческой жизни и до упоенія проникаясь ея духомъ, можетъ смотрѣть на нее глазами Грека и, на то время, становится Грекомъ, не переставая быть Нѣмцемъ. *Я человѣкъ—и ничто человѣческое не чуждо мнѣ*, а Греція была по-преимуществу страною человѣчественности (Humanität).

Духъ человѣческій всегда одинъ и тотъ же, въ какихъ бы формахъ ни являлся онъ; форма есть явленіе идеи, а идея всегда едина и вѣчна; слѣдовательно, только случайныя формы, лишенныя жизни, чуждыя идеѣ, могутъ быть непонятны. Развитіе человѣчества есть безпрерывное движеніе впередъ, безъ возврата назадъ. Если мы видимъ теперь просвѣщеннѣйшія страны древняго міра погруженными во мракъ невѣжества и варварства, а мѣста невѣжества и варварства въ древности—просвѣщеннѣйшими странами въ мірѣ,—изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобъ движеніе человѣчества состояло въ какомъ-то кругѣ, гдѣ крайняя точка впадаетъ въ точку исхода. Человѣчество дѣйствительно движется кругомъ (т. е. идя впередъ, безпрестанно возвращается назадъ), но кругомъ не простымъ, а спиральнымъ, и въ своемъ ходѣ образуетъ множество круговъ, изъ которыхъ послѣдующій всегда обширнѣе предшествующаго. Человѣчество въ своемъ ходѣ подобно путнику, который, за отсутствіемъ прямой дороги, дѣлаетъ обходы мимо лѣсовъ и болотъ,—который въ иной день далеко уйдетъ впередъ, а въ иной возвратится назадъ, но у котораго, въ суммѣ пройденнаго пространства, каждый день является нѣсколько процентовъ, приближающихъ, а не отдаляющихъ его отъ цѣли. Если свѣтъ просвѣщенія погасъ въ Вавилонѣ, Египтѣ, Греціи и Италіи,—это было проигрышемъ для тѣхъ странъ, а не для человѣчества. Греція и Римъ погибли для себя, но сохранились для человѣчества: ихъ приняла въ себя варварская, тевтонская Европа съ тѣмъ, чтобъ, обогативъ ими собственную жизнь, возвратить ихъ потомъ имъ же самимъ. Законъ развитія человѣчества таковъ, что все пережитое человѣчествомъ, не возвращаясь назадъ, тѣмъ не менѣе и не исчезаетъ безъ слѣдовъ въ пучинѣ времени. Исчезнувшее въ дѣйствительности,—живетъ въ сознаніи. Такъ старецъ съ умиленіемъ и восторгомъ вспоминаетъ не только о лѣтахъ своего зрѣлаго мужества, но и о пылкой юности, и о свѣтломъ, безмятежномъ младенчествѣ, и потому самому не перестаетъ сочувствовать ни мужу, ни юношѣ, ни младенцу. Человѣку нельзя на всю жизнь оставаться младенцемъ, но онъ долженъ перейдти черезъ всѣ возрасты—отъ колыбели до могилы. Послѣдующій возрастъ выше предшествующаго; однако изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ предшествующій, будучи ступенью и средствомъ, не былъ, въ то же время, и самъ себѣ цѣлью, а слѣдовательно, не заключалъ въ себѣ разумности и поэзіи. Дѣтскій возрастъ безуменъ, но не глупъ. Мы смѣемся, глядя на ребенка въ гусарскомъ мундирѣ и верхомъ на палочкѣ; но смѣемся, въ этомъ случаѣ, только легкости, а не глупости его взгляда на жизнь, и смѣясь, завидуемъ этой легкости, со вздохомъ вспоминая о лѣтахъ своего дѣтства. Дитя, сидя верхомъ на палочкѣ, воображаетъ себя всадникомъ, скачущимъ на борзомъ конѣ:—это глупость, но глупость такъ-сказать разумная, ибо выраженіе лица этого ребенка, полные огня

глаза его обнаруживаютъ не только умъ, но часто и остроуміе и своего рода хитрость, при невинности и простодушіи,—тогда-какъ лицо взрослаго человѣка, который тѣшится ѣздою на палкѣ, непремѣнно должно выражать глупость и идіотство. То же бываетъ и съ человѣчествомъ. Герои нашего времени не насутъ своихъ стадъ, не рѣжутъ своими руками барановъ и не пекутъ ихъ на огнѣ, подобно Агамемнону и Ахиллу, а героини не ходятъ къ свѣтлымъ ключамъ мыть платья своихъ мужей, отцовъ и братій, подобно дщерямъ царственнаго старца Пріама; но это не мѣшаетъ намъ, людямъ новѣйшаго времени, понимать и любить поэзію пасторально-героической Греціи, восхищаться неправильными боями, грубыми пиршествами, цѣломудренно-чувственною и наивнонагою любовію, и патріархально-семейственными отношеніями этихъ людей-полубоговъ, этихъ героевъ-дѣтей, такъ божественно воспѣтыхъ безсмертнымъ, вѣчно-юнымъ старцемъ Гомеромъ. Да, ни одинъ изъ прожитыхъ человѣчествомъ моментовъ не теряется ни для жизни, ни для сознанія человѣчества. Только дикіе невѣжды, грубыя натуры, чуждыя божественной поэзіи, могутъ думать, что «Иліада», «Одиссея» и греческіе лирики и трагики уже не существуютъ для насъ, не могутъ услаждать нашего эстетическаго чувства. Эти жалкіе крикуны, которые во всемъ видятъ одну внѣшность и со-внѣ срываютъ однѣ верхушки, не проникая внутрь, въ таинственное святилище животворной идеи,— эти сухіе резонёры опираются на измѣнчивость формъ и условій жизни. Но они забываютъ, что въ формахъ и временныхъ условіяхъ выражается вѣчная, неумирающая идея, и что поэзія потому самому и есть высокое, вдохновенное искусство, а не ремесло, что она въ создаваемыя ею формы и образы уловляетъ идею, и чрезъ формы и образы овеществляетъ идею, а черезъ идею дѣлаетъ вѣчно-юными и живыми формы и образы. Въ наше время уже невозможны крестовые походы; но кто же, кромѣ невѣждъ, не будетъ видѣть въ крестовыхъ походахъ среднихъ вѣковъ—этой эпохѣ юности человѣчества—великаго событія, или станетъ надъ ними смѣяться, какъ надъ пустымъ и нелѣпымъ предпріятіемъ?.. Манчскій витязь, благородный донъ-Кихотъ, дѣйствительно смѣшонъ—именно потому, что онъ анахронизмъ; явись же онъ въ свое время — онъ былъ бы великъ, возбуждалъ бы удивленіе, а не смѣхъ. Въ этомъ смыслѣ смѣшна и «Энеида», которая, во время упадка римской доблести, во время разврата, вздумала прикинуться простодушнымъ эпосомъ пасторально-героическихъ временъ и объявить незаконныя притязанія на родство съ божественною «Иліадою».

Подражать поэзіи извѣстнаго народа, или какого-нибудь поэта — совсѣмъ не то, что̀ писать въ духѣ той или другой поэзіи, того или другаго поэта. Всякимъ подражаніемъ необходимо предполагается сознательное преднамѣреніе и усиліе воли; проникновеніе же въ духѣ какой-либо поэзіи есть дѣйствіе свободное, непосредственное. Отъ подражанія происходитъ только мертвый списокъ, рабская копія, которые лишь по-наружности сходны съ своимъ образцомъ, но въ сущности не имѣютъ ничего съ нимъ общаго. Трагедіи Корнеля, Расина и

Вольтера могутъ еще имѣть какое-нибудь значеніе и какую-нибудь цѣну, какъ отголосокъ современныхъ идей, какъ отраженіе современнаго общества, хотя и въ неестественной формѣ; но какъ подражанія трагедіямъ Софокла и Эврипида, какъ изображенія греческихъ характеровъ и греческой жизни, — онѣ смѣшны, нелѣпы, каррикатурны, лишены даже всякаго призрака здраваго смысла, не только поэзіи. Творчество въ духѣ извѣстной поэзіи, жизнію которой проникнулся поэтъ, есть уже не списокъ, не копія, но свободное воспроизведеніе (reproduction), соперничество съ образцомъ. Для доказательства достаточно указать на «Торжество Побѣдителей» и «Жалобы Цереры»—пьесы Шиллера, такъ превосходно переданныя по-русски Жуковскимъ. Эллинская рѣчь исполнена въ нихъ эллинскаго духа; пластическіе образы классической поэзіи дышатъ глубокостію и простодушіемъ древней мысли; въ окончательныхъ стихахъ первой пьесы заключается весь кодексъ вѣрованій, вся мудрость и философія жизни Грековъ:

Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи!
Мертвый, мирно въ гробѣ спи,
Жизнью пользуйся живущій!

Искусство Грековъ—высочайшее искусство, норма и первообразъ всякаго искусства. Чуждое всѣхъ другихъ элементовъ, покорное только самому-себѣ, оно является въ первобытной, типической самостоятельности, чистое, безпримѣсное, исключительно-дѣйствующее собственнымъ орудіемъ—формами и образами. Въ прекрасной наготѣ своей оно дышетъ цѣломудріемъ и какою-то святостію и чистотою мысли. Давно уже всѣ согласились, что нагія статуи древнихъ успокоиваютъ и умиряютъ волненія страсти, а не возбуждаютъ ихъ,—что и осквернепный отходитъ отъ нихъ очищеннымъ. Исключеніе остается за людьми, чуждыми эстетическаго чувства, непонимающими красоты. Красота—не истина, не нравственность; но красота родная сестра истинѣ и нравственности. Красота не служитъ чувственности, но освобождаетъ насъ отъ чувственности, возвращая духу нашему права его надъ плотію. Животное не требуетъ отъ своей самки красоты, но требуетъ только, чтобъ она была самкою. Грустно думать, что требованія многихъ людей, въ этомъ отношеніи, нисколько не разнятся отъ такихъ требованій; но еще грустнѣе думать, что на многихъ людей-самцовъ и людей-самокъ красота производитъ дѣйствіе возбудительнаго настоя. Кто же виноватъ въ этомъ—красота или люди? Конечно, послѣдніе, потому-что человѣкъ долженъ быть *мужчиною*, а не самцомъ, *женщиною*, а не самкою. Варваръ-Турокъ покупаетъ на базарѣ женщину, и чѣмъ прекраснѣе она, тѣмъ болѣе готовъ онъ купить ее; въ средніе же вѣка, не рѣдкость были рыцари, подобные Тогенбургу, воспѣтому Шиллеромъ, рыцари, которые, не встрѣтивъ отвѣта на свое чувство, сражались на отдаленномъ Востокѣ за Святой Гробъ, и остатокъ жизни проводили въ шалашѣ, не спуская взора съ окна жестокой красавицы... Торжество духа (ибо красота есть явленіе духа) особенно поразительно въ благо-

родныхъ натурахъ при взаимной любви. Гордая сила мужчины робко смиряется при кроткомъ и ясномъ взорѣ слабой красоты. Забывая обаянія наслажденія, онъ ищетъ блаженства въ одномъ присутствіи красоты, которое вѣетъ миромъ и прохладою на бурю чувствъ его. Чувство его полно религіознаго благоговѣнія, любовь его похожа на обожаніе; самое наслажденіе кротко, цѣломудренно и чисто. Не правда ли, что здѣсь красота производитъ, по-видимому, обратное и неестественное дѣйствіе?—Нѣтъ; только такое дѣйствіе красоты истинно и естественно... Здѣсь мы не можемъ не вспомнить этихъ словъ божественнаго Платона, полныхъ такой глубокой мудрости въ смыслѣ и такой силы и поэзіи въ выраженіи: «Красота одна получила здѣсь жребій—быть пресвѣтлою, и достойною любви. Не вполнѣ посвященный, *развратный*, стремится къ самой красотѣ, не смотря на то, что̀ носитъ ея имя; онъ не благоговѣетъ передъ нею, а подобно четвероногому ищетъ одного чувственнаго наслажденія, хочетъ слить прекрасное съ своимъ тѣломъ... Напротивъ, вновь посвященный, увидѣвъ богамъ подобное лицо, изображающее красоту, сначала трепещетъ; его объемлетъ страхъ; потомъ, созерцая прекрасное, какъ бога онъ обожаетъ, и если бы не боялся, что назовутъ его безумнымъ, онъ принесъ бы жертву предмету любимому»... **).

Конечно, понятія Грековъ и понятія рыцарскія о красотѣ—не одно и то же, хотя тѣ и другія выходятъ изъ одного источника. Разница заключается въ возрастѣ человѣчества, выраженномъ Греціею и Западною-Европою среднихъ вѣковъ: первая выразила, такъ-сказать, младенчество одухотвореннаго человѣчества **),а вторая—юношескій періодъ его жизни. Грекъ боготворилъ природу, прозрѣвая вѣяніе духа въ ея прекрасныхъ формахъ; средніе вѣка были царствомъ духа, объявившаго войну природѣ. Кромѣ климатическихъ причинъ, строгость въ одеждѣ была въ средніе вѣка первымъ условіемъ цѣломудрія: нагота оскорбляла его. Грекъ въ наготѣ видѣлъ только изящную природу, а идея красоты уже сама собою отстраняла въ его глазахъ идею о низкомъ и постыдномъ. Въ этомъ виденъ взглядъ младенца: дѣти не стыдятся наготы, и потому самому уже невинны въ ней. Но въ извѣстный возрастъ и въ нихъ пробуждается чувство безсознательной стыдливости. Грекъ боготворилъ эту стыдливость, какъ грацію; она была, въ его глазахъ, необходимою спутницею красоты,—и его прекрасныя статуи какъ-бы стыдятся своей собственной наготы. Понятія Грека объ отношеніяхъ обоихъ половъ выходили изъ понятія о красотѣ, созданной для наслажденія, но наслажденія цѣломудреннаго. Стыдливость подруги возвышала для него прелесть и цѣну наслажденія. Тайна жизни Грека заключалась въ естественности, просвѣтлѣнной эстетическимъ чувствомъ, живымъ со-

*) Эти слова Платона выписаны нами изъ одной русской книги, весьма-примѣчательной своими выписками изъ Геродота, Платона, Аристотеля, Лессинга, Шиллера, Гёте, Шлегелей и другихъ [179]).

**) Младенчество человѣчества въ естественномъ состояніи выражено азіатскими народами и Египтянами; въ Греціи, человѣчество является уже вышедшимъ изъ пеленъ природы и оковъ естественнаго закона.

зерцаніемъ красоты. И потому, онъ съ дѣтскимъ простодушіемъ называлъ всѣ вещи, всѣ предметы ихъ настоящимъ именемъ. Батюшковъ называетъ это грубостію, но справедливо замѣчаетъ, что «эта грубость можетъ даже соединиться съ нѣкоторымъ простодушіемъ, совершенно противнымъ нашему искусству выражать все полусловами и развращать сердце, не оскорбляя слуха и вкуса» *). Вотъ отъ-чего Гомеръ могъ рисовать такія картины, на которыя художникъ нашего времени никогда не осмѣлится; вотъ почему эти картины не только не безправственны, но даже въ высшей степени нравственны, — и тѣ ошибаются, которые думаютъ, что онѣ могутъ имѣть вредное вліяніе на фантазію и чувство юноши, недавно вышедшаго изъ отрочества, или молодой дѣвушки. Грѣхъ состоитъ въ сознаніи грѣха: дитя можетъ очень-невинно говорить о самыхъ виновныхъ предметахъ; а взрослый человѣкъ съ испорченною нравственностью и о самыхъ невинныхъ предметахъ можетъ говорить очень-виновно. Грѣхъ состоитъ не въ томъ, чтобъ знать, но въ томъ, чтобъ ложно, криво, дурно знать. Для людей молодыхъ нѣтъ ничего вреднѣе знанія, тайкомъ пріобрѣтеннаго. Это своего рода контрбанда. Въ извѣстныя лѣта сама природа непосредственно открываетъ людямъ тайны, которыхъ они и не подозрѣвали въ своемъ дѣтствѣ. Въ это время не только не должно скрывать отъ молодыхъ людей извѣстныя тайны природы, но напротивъ открывать ихъ: это единственное средство спасти ихъ отъ сѣтей пагубной чувственности. Только это должно дѣлать умѣючи, и тайны природы просвѣтлять чувствомъ красоты и цѣломудрія, передавать ихъ не какъ смѣшные предметы, годные только для кощунства, но какъ великое таинство творящаго духа. У насъ обыкновенно думаютъ, что дѣвственная чистота состоитъ въ младенческомъ невѣдѣніи: ложная мысль! Если добродѣтель есть невѣдѣніе, то всѣ животныя—предобродѣтельныя особы. Добродѣтель дѣвушки не въ томъ, чтобъ она младенчески не знала, но въ томъ, чтобъ она младенчески знала и, въ знаніи, оставалась чистою и дѣвственною. Поэтому, чтеніе Гомера не только не вредно, но положительно полезно молодымъ людямъ обоего пола. Только надобно, чтобъ этому чтенію не придавалось никакой тайны, чтобъ оно было законно, явно, и не прерывалось при входѣ посторонняго человѣка. Что же касается въ особенности до юношей — Гомеръ преимущественно долженъ быть предметомъ ихъ школьныхъ изученій, классныхъ занятій.

Что можетъ быть прекраснѣе, граціознѣе и *невиннѣе* слѣдующей картины изъ «Иліады»,—хотя ея предметъ, самъ-по-себѣ, или изображенный не эстетически, могъ быть и не совсѣмъ невиненъ?—Желая отвратить вниманіе Зевеса отъ боя Троянъ и Грековъ, чтобъ онъ не вздумалъ подать помощь ненавистнымъ Ахеянамъ, волоокая Гера рѣшилась обаять его чарами любви и наслажденія:

Гера вошла въ почивальню, которую сынъ ей любезный
Создалъ Гефестъ: къ вереямъ примыкались въ ней плотныя двери
Тайнымъ запоромъ, никѣмъ отъ безсмертныхъ еще не отверстымъ:
Въ оную Гера вступивъ, затворила блестящіе створы,

*) Въ статьѣ «О греческой Антологіи». См. «Соч. Батюшкова» 1834. Ч. II, стр. 224.

Тамъ амврозической влагой она до малѣйшаго праха
Съ тѣла прелестнаго смывъ, умастилася масломъ чистѣйшимъ,
Сладкимъ, небеснымъ, изящнѣйшимъ всѣхъ у нея благовоній:
Чуть сотрясала его въ мѣдностѣнномъ Кроніона домѣ,
Вдругъ съ земли и до неба божественный духъ разливался.
Имъ умастивши прекрасное тѣло, власы расчесала,
Хитро сплела и сложила, и волны блистательныхъ кудрей,
Пышныхъ, небесподушистыхъ съ безсмертной главы инспустила.
Тою душистой одѣлася ризой, какую Аѳина
Ей соткавъ, изукрасила множествомъ дивныхъ уборовъ;
Ризу златыми застежками выше грудей застегнула.
Станъ опоясала поясомъ, тьмою бахромъ окруженнымъ.
Въ уши прекрасныя серги, съ тройными подвѣсями, вдѣла,
Ярко игравшія: прелесть кругомъ отъ богини блистала.
Легкимъ покровомъ главу осѣнила державная Гера,
Пышнымъ, новымъ, который какъ солнце сіялъ бѣлизною.
Къ свѣтлымъ ногамъ привязала красы велелѣпной плѣсницы.
Такъ, для очей восхитительнымъ, тѣло украсивъ убранствомъ,
Вышла изъ ложницы Гера, и зевсову дочь Афродиту
Вдаль отъ безсмертныхъ другихъ отозвала и ей говорила:
„Что я скажу! пожелаешь ли, милая дочь, мнѣ исполнить?
Или отвергнешь, Киприда, въ душѣ на меня сокрывая
Гнѣвъ, что я за Данаевъ, а ты благосклонна къ Троянамъ?“
Ей отвѣчала немедленно зевсова дочь Афродита:
„Гера, богиня старѣйшая, отрасль великаго Крона!
Молви, чего ты желаешь; исполнить сердце велитъ мнѣ,
Если исполнить могу я, и если оно исполнимо“.
Ей, коварствуя сердцемъ, вѣщала державная Гера:
„Дай мнѣ любви, Афродита, дай тѣхъ сладкихъ желаній,
Коими ты покоряешь сердца и безсмертныхъ и смертныхъ.
Я отхожу далеко, къ предѣламъ земли многодарной,
Видѣть безсмертныхъ отца Океана и матерь Теѳису,
Кои питали меня и лелѣяли въ собственномъ домѣ,
Юную взявши отъ Рен, какъ Зевсъ безпредѣльно гремящій
Крона подъ землю низвергъ и подъ волны безплоднаго моря.
Ихъ я иду посѣтить, чтобъ раздоры жестокіе кончить.
Долго, любезные сердцу, объятій и брачнаго ложа
Долго чуждаются боги: вражда ихъ вселилася въ души.
Если родителей я примирю моими словами,
Если на одръ возведу, чтобы вновь сочетались любовью;
Вѣчно остануся я и любезной для нихъ и почтенной“.
Ей, улыбаясь плѣнительно, вновь отвѣчала Киприда:
„Мнѣ невозможно, не должно твоихъ отвергать убѣжденій;
Ты почиваешь въ объятіяхъ бога всемощнаго Зевса“.
Такъ говоря, разрѣшила на персяхъ, иглой испещренный
Поясъ узорчатый: всѣ обаянія въ немъ заключались;
Въ немъ и любовь и желанія, въ немъ и знакомства и просьбы,
Льстивыя рѣчи, не разъ уловлявшія умъ и разумныхъ.
Герѣ его подала и такія слова говорила:
„Вотъ мой поясъ узорный: на лонѣ сокрой его, Гера!

„Въ немъ заключается все; и въ чертоги Олимпа, надѣюсь,
„Ты не прійдешь, не исполнивши пламенныхъ сердца желаній".
Такъ изрекла, улыбнулась лилейнораменная Гера,
И съ улыбкой сокрыла блистательный поясъ на лонѣ.
Къ сонму боговъ возвратилась зевсова дочь Афродита.

За симъ слѣдуетъ встрѣча Геры со Сномъ, котораго она преклоняетъ «усыпить громовержцевы ясныя очи въ тотъ мигъ, какъ она прійметъ на ложѣ въ свои объятія бога», и обѣщаетъ за это Сну лучшую свою харпту — Пазіѳе́ю, по которой тотъ вздыхалъ всѣ дни... Опасеніе слишкомъ увеличить выписками статью, заставляетъ насъ пропустить этотъ прелестный эпизодъ. Сонъ преклонился на желаніе Геры, и—

Оба они взвились и оставили Имбра и Лемна предѣлы;
Оба, одѣтые облакомъ, быстро по воздуху мчались.
Скоро увидѣли Иду, звѣрей многовидную матерь;
Около Лекта оставивши Понтъ, божества надъ землею
Быстро текли, и отъ стопъ ихъ дубравъ потрясались вершины.
Тамъ разлучились: Сонъ, отъ кронидовыхъ взоровъ таясь,
Сѣлъ на огромнѣйшей ели, какая въ то время на Идѣ
Высшая, гордой главой сквозь воздухъ въ эфиръ уходила:
Такъ онъ сидѣлъ, укрываясь подъ мрачными вѣтвями ели,
Птицѣ подобяся звонкоголосой, виталицѣ горной,
Въ сонмѣ безсмертныхъ слывущей Халкидой, у смертныхъ Каминдой.
Гера-владычица быстро всходила на Гаргаръ высокій,
Иды горы на вершину: увидѣлъ ее громовержецъ,
Только увидѣлъ, и страсть обхватила могучую душу
Тѣмъ же огнемъ, съ какимъ наслаждался онъ первой любовью,
Первымъ супружескимъ ложемъ, отъ милыхъ родителей тайнымъ.
Въ встрѣчу супругѣ возсталъ громовержецъ и быстро воскликнулъ:
„Гера супруга! почто же ты шествуешь такъ отъ Олимпа?
„Я ни коней при тебѣ, ни златой колесницы не вижу".
Зевсу, коварствуя сердцемъ, вѣщала верховная Гера:
„Я отхожу, о супругъ мой, къ предѣламъ земли даровитой,
„Видѣть безсмертныхъ отца Океана и матерь Теѳсу.
„Боги питали меня и лелѣяли въ собственномъ домѣ.
„Ихъ я иду посѣтить, чтобъ раздоры жестокіе кончить.
„Долго, любезные сердцу, объятій и брачнаго ложа
„Долго чуждаются боги; вражда ихъ вселилася въ души:
"Кони при мнѣ, у подошвы обильной потоками Иды
„Ждутъ, и оттолѣ меня по сушѣ помчатъ и по влагѣ.
„Но сюда я, Кронидъ, прихожу для тебя отъ Олимпа,
„Ты на меня, о супругъ, не разгнѣвался бъ, если безмолвно
„Въ домъ отойду Океана, глубокія льющаго воды".
Быстро отвѣтствовалъ ей воздымающій тучи Кроніонъ:
„Гера супруга, идти къ Океану и послѣ ты можешь!
„Нынѣ почіемъ съ тобой и взаимной любви насладимся,
„Гера, такая любовь никогда, ни къ богинѣ, ни къ смертной
„Въ грудь не вливалася мнѣ и душою моей не владѣла!
„Такъ не любилъ я, плѣнился младой Иксіона супругой,

„Родшею мнѣ Парѳе́я, совѣтами равнаго богу;
„Ни Данаей прельстясь, бѣлоногой Акрізія дщерью,
„Родшею сына Персея, славнѣйшаго въ сонмѣ героевъ;
„Ни владѣя младой, знаменитаго Феникса дщерью,
„Родшею Криту Мілѳса и славу мужей Радама́нѳа;
„Ни прекраснѣйшей смертной плѣняся, Алкменою въ Ѳівахъ,
„Сына родившей героя, великаго духомъ Геракла,
„Даже Семѣлой, родившею радость людей, Діониса;
„Такъ не любилъ я, плѣнясь, лѣпокудрой царицей Деметрой,
„Самою Летою славной, ни даже тобою, о Гера!
„Нынѣ пылаю тобою, желанія сладкаго полный!“
Зевсу, коварствуя сердцемъ, вѣщала державная Гера:
„Страшный Кроніонъ! какія ты рѣчи, могучій, вѣщаешь?
„Здѣсь ты желаешь почить и объятій любви насладиться,
„Здѣсь, на Идейской вершинѣ, гдѣ все открывается взорамъ?
„Что жь? и случиться то можетъ, если какой изъ безсмертныхъ
„Насъ почившихъ увидитъ, и всѣмъ населяющимъ небо
„Злобный разскажетъ? Тогда не посмѣю, возставшая съ ложа,
„Я въ олимпійскій твой домъ возвратиться: позорно мнѣ будетъ!
„Если желаешь, и если твоей душѣ то пріятно,
„Есть у тебя почивальня, которую сынъ твой любезный
„Создалъ Гефестъ, и плотныя двери, съ запоромъ устроилъ.
„Въ оной почить удалимся, когда ты желаешь покоя“.
Герѣ быстро отвѣтствовалъ тучъ воздыматель Кроніонъ:
„Гера супруга, ни богъ, на меня положися, ни смертный
„Насъ не увидитъ: такой надъ тобою кругомъ распростру я
„Облакъ златой; сквозь него не проглянетъ и самое солнце,
„Коего острое око все проницаетъ и видитъ“.
Рекъ и въ объятія сильныя Зевсъ заключаетъ супругу.
Быстро подъ ними земля возрастила цвѣтущія травы,
Лотосъ росистый, сафранъ и цвѣты гіакинѳы густые,
Гибкіе, кои боговъ отъ земли высоко поднимали.
Тамъ опочили они; и одѣлъ почивающихъ облакъ
Пышный, златой, изъ котораго свѣтлая канала влага.

Еслибъ эта картина, вмѣсто глубокаго, но спокойнаго восторга, тихаго и свѣтлаго созерцанія, произвела въ комъ-нибудь нечистое и буйное упоеніе,— повторяемъ: въ этомъ былъ бы виноватъ не Гомеръ. Пьяный мужикъ будетъ плясать и подъ «Requiem» Моцарта, и подъ симфонію Бетховена, которымъ посвященные внимаютъ съ благоговѣйнымъ восторгомъ. Посему мы думаемъ, что строгіе моралисты, указывающіе на подобныя мѣста въ поэзіи съ воплями на безнравственность, этимъ самымъ обнаруживаютъ только грубую, животно-чувственную натуру, на которую всякая нагота дѣйствуетъ раздражительно. И потому, понимая, какъ слѣдуетъ понимать этихъ почтенныхъ господъ, оставимъ ихъ въ покоѣ ворчать на опаснаго для нихъ демона соблазна,—а сами, подъ эгидою мудрой русской поговорки: «къ чистому нечистое не пристанетъ», воскликнемъ вмѣстѣ съ великимъ Гёте, къ которому намъ уже давно бы пора обратиться:

Любящимъ намъ подобаетъ смиреніе; каждому богу
Мы въ тишинѣ покланяемся, свято всегда исполняя
Заповѣдь римскихъ владыкъ. Намъ доступны кумиры
Всѣхъ народовъ, хотя бъ изъ базальта грубо и рѣзко
Ихъ изваялъ Египтянинъ, иль Грекъ утонченный изящно,
Мягко и нѣжно изъ бѣлаго мрамора создалъ; обители
Наши отверсты всегда и для всѣхъ. Одну лишь особенно
Чествуемъ, любимъ, одной предпочтительно служимъ богинѣ:
Ей наши завѣтныя жертвы, нашъ ладанъ и мирро!
Съ нею что встрѣча—то праздникъ, гдѣ гости—веселье и шалость!

Послѣ всего сказаннаго, надѣемся, никто не удивится, что мы не видимъ ничего страннаго въ мысли молодого нѣмецкаго поэта записывать свои мимолетныя ощущенія гекзаметрами, на манеръ древнихъ, прикидываться въ своихъ элегіяхъ какимъ-то Грекомъ. Всякому возрасту свои радости и свои горести, свои наслажденія и свои лишенія: это законъ хранительнаго и любящаго Промысла. Отвратителенъ молодящійся старичокъ, но не лучше его и юноша, который корчитъ изъ себя старца: всему свое время и свое мѣсто; все благо, и велико, и разумно—въ свое время и на своемъ мѣстѣ:

Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ;
Смѣшонъ и вѣтренный старикъ,
Смѣшонъ и юноша степенный.
Пока живется намъ, живи;
Гуляй въ мое воспоминанье;
Усердствуй Вакху и любви,
И черни презирай роптанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ киферой, съ портикомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ;
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

Рыцарская платоническая любовь можетъ вспыхнуть и въ душѣ двѣнадцатилѣтняго отрока; и это чувство будетъ въ немъ прекрасно, хотя и не дѣйствительно. Пусть онъ пламенѣетъ священнымъ огнемъ и вздыхаетъ тайкомъ про-себя: со-временемъ онъ самъ будетъ смѣяться надъ своимъ чувствомъ, но оно все-таки спасетъ его отъ многаго дурнаго и разовьетъ въ его душѣ много благихъ сѣмянъ. Но какъ ни прекрасно такое чувство, оно въ богатой натурѣ не погаситъ потребности другаго, болѣе соотвѣтствующаго возрасту чувства. Въ лѣта юности, крайности легко сходятся, и молодое сердце нерѣдко въ одно и то же мгновеніе питаетъ противоположныя стремленія: пламенная вѣра идетъ объ руку съ холоднымъ сомнѣніемъ, идеальные порывы смѣняются увлеченіемъ земныхъ страстей. Въ первой молодости человѣку всего сроднѣе та любовь, которая, не пуская въ сердце глубокихъ корней, любитъ перелетать отъ предмета къ предмету, которая вспыхиваетъ отъ каприза, разгорается отъ препятствія и погасаетъ отъ удовлетворенія. Много жизни, много радостей въ зо-

лотомъ бокалѣ юности,—и благо тому, кто не осушалъ его до самаго дна, кто не вѣдалъ тоски пресыщенія! Много счастія, много восторговъ въ любви безумной юности,—и лишь бы ея бурныя упоенія, ея младыя шалости не были животны и грубы, но умѣрялись, облагораживались и просвѣтлялись эстетическимъ чувствомъ, напутствовались харитами,—онѣ будутъ и безгрѣшны и нравственны. Такая любовь, въ натурѣ глубокой, въ душѣ благодатной, не можетъ быть утѣхою цѣлой жизни, но всегда бываетъ необходимою данью возраста, и—у одного раньше, у другого позже—уступаетъ мѣсто чувству болѣе духовному, болѣе высокому. Но этотъ возрастъ соотвѣтствуетъ греческому періоду жизни человѣчества и есть необходимый, великій моментъ развитія, хотя онъ и долженъ уступить мѣсто еще высшему моменту. Юность выше младенчества, возмужалость выше юности; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ человѣкъ не жилъ, а только прозябалъ до возмужалости. И младенчество и юность суть великіе моменты развитія; каждый изъ нихъ—самъ себѣ цѣль и полонъ разумности и поэзіи. Какъ въ эллинской жизни отношенія половъ облагораживались и освящались идеею красоты и граціи, такъ и въ юности человѣка самое мимолетное чувство и всѣ наслажденія любви должны быть эстетичны, чтобъ не быть безнравственными. Развратъ состоитъ въ животной чувственности, въ которой уже не можетъ быть никакой поэзіи, потому-что въ поэзію могутъ входить только разумные элементы жизни, а въ томъ нѣтъ разумности, что̀ унижаетъ человѣка до животнаго.

Любовь первой юности, любовь эллинская, артистическая—основный элементъ «Римскихъ Элегій» Гёте. Молодой поэтъ посѣтилъ классическую почву Рима; душа его вольно раскинулась подъ яхонтовымъ небомъ юга, въ тѣни оливъ и лавровъ, среди памятниковъ древняго искусства. Тамъ люди похожи на изящныя статуи, тамъ женщины напоминаютъ черты Венеры-Медичейской. Лѣнивая, сладострастная, созерцательная жизнь, проникнутая чувствомъ изящнаго, тамъ вполнѣ соотвѣтствуетъ идеалу художника. Гёте бросился въ эту жизнь со всѣмъ забвеніемъ, со всѣмъ упоеніемъ поэта; дни свои посвящалъ онъ ученію, ночи—любви, какъ онъ самъ говоритъ въ этой прекрасной элегіи:

Весело, славно живу я здѣсь на классической почвѣ;
Утро проходитъ въ занятьяхъ: читая творенія древнихъ,
Умъ постигаетъ яснѣй вѣкъ и людей современныхъ;
Ночь посвящаю богу любви: пусть вполовину
Буду я только ученъ,—да за это блаженъ я трикраты!
Впрочемъ, учиться могу я и тутъ, какъ вездѣ, созерцая
Формы живыя лучшаго въ мірѣ созданья въ ту пору
Глазомъ смотрю осязающимъ, зрящей рукой осязаю,
Тайну искусства, мраморъ и краски вполнѣ изучая.

Кто не раздѣлитъ этого пламеннаго одушевленія, этого артистическаго восторга художника, съ какимъ онъ видитъ себя на родной ему почвѣ классической страны!

О, какъ мнѣ весело въ Римѣ, если я вспомню, когда
Бремя туманнаго, сѣраго неба на мнѣ тяготѣло,
Вспомню то время, когда пасмурный сѣверный день
Душу томилъ, предо мною блѣдный покровъ разстилая;
Бѣденъ, голъ и безцвѣтенъ міръ мнѣ казался,—и я,
Вѣчно пичѣмъ недовольный, самъ о себѣ размышляя,
Грустно въ путь безотрадный взоры мои устремлялъ.
Нынѣ счастливца главу окружаетъ эфиръ животворный!
Феба велѣньемъ послушны мнѣ формы и краски; съ небесъ
Нѣгою вѣетъ, и тихо въ ночи свѣтозарной льются
Мягкія, сладкія пѣсни. Лучъ италійской луны
Свѣтитъ мнѣ ярче полярнаго солнца—и бѣдному смертному,
Мнѣ, жребій достался чудесный!....

Да, обвѣянный геніемъ классической древности, гдѣ и природа, и люди, и памятники искусствъ,—все говорило ему о богахъ Греціи, о ея роскошно-поэтической жизни,—Гёте долженъ былъ сдѣлаться на то время если не Грекомъ, то умнымъ Скиѳомъ Анахарсисомъ, въ чужой землѣ обрѣтшимъ свою родину. Періодъ жизни, который онъ переживалъ, артистическая настроенность духа,—все соотвѣтствовало въ немъ духу эллинской жизни. И какъ идетъ гекзаметръ къ его элегіямъ, дышащимъ юностію, спокойствіемъ, наивностію и граціею! Сколько пластицизма въ его стихѣ, какая рельефность и выпуклость въ его образахъ! Забываете, что онъ Нѣмецъ и почти современникъ вашъ, забываете, какъ и онъ забылъ это, принявши капитолійскую гору за Олимпъ и думая видѣть себя приведеннымъ Гебою въ чертоги Зевеса.

Подобно антологическимъ стихотвореніямъ древнихъ, каждая элегія Гёте схватываетъ какое-нибудь мимолетное ощущеніе, идею, случай, и замыкаетъ ихъ въ образъ, полный граціи, плѣняющій неожиданнымъ, остроумнымъ и въ то же время простодушнымъ оборотомъ мысли. Вотъ два примѣра:

Другъ, когда говоришь, что въ дѣтствѣ ты людямъ не нравилась,
Или, что мать не любила тебя, что тихо, одна
Ты выростала, и поздно сама развилася,—охотно
Вѣрю тебѣ; пріятно, сладко подумать, что ты
Малымъ ребенкомъ еще отъ другихъ отличалась. Подруга!
Участь твоя, что цвѣтокъ виноградный: чужды ему
Нѣжныя формы и яркія краски; но грозды созрѣли—
Боги и люди мгновенно ими вѣнчаютъ себя.

Въ III-ей элегіи, вотъ какъ оправдываетъ онъ поспѣшность, съ которою предалась ему его милая:

Другъ, не кайся ты въ томъ, что мнѣ предалася такъ скоро;
Вѣрь мнѣ, не дерзко, не низко думаю я о тебѣ:
Стрѣлы Эрота бываютъ различнаго свойства: иныя
Дѣйствуютъ медленнымъ ядомъ; тяжко и долго отъ нихъ
Ноютъ сердечныя язвы; другія—въ мгновеніе ока,
Быстро-парящею силой кровь обращаютъ въ огонь:
Нѣкогда, въ вѣкъ геронзма, когда еще боги любили,

Взгляду слѣдило желанье, желанью восторги—и, другъ!
Думаешь, долго богиня любви размышляла, случайно
Въ рощѣ увидѣвъ Анхиза! И только замедли луна
Въ почь разбудить поцалуемъ Юпитера дивнаго сына,
Вѣрь мнѣ, мгновенно бъ Аврора въ объятья его приняла.
Геро, взглянувъ на Леандра, смутилась, и страстный любовникъ
Въ почь, по волнамъ Геллеспонта уже на свиданіе плылъ.
Сильвія Рея, едва показалась на берегѣ Тибра,
Тотчасъ воинственный богъ страстью ее оковалъ:
Грудью одною вспоила волчица великаго Рима
Родоначальниковъ славныхъ, марсовыхъ двухъ сыновей!

«Римскія Элегіи» Гёте явно есть то, что̀ у насъ въ прошломъ вѣкѣ называлось *легкою поэзіею*, а теперь получило названіе *антологической поэзіи*. Названіе это произошло отъ сборника мелкихъ произведеній греческой поэзіи, или *эпиграммъ*. Вотъ какъ характеризуетъ Батюшковъ древнюю эпиграмму:

„Мы называемъ *эпиграммою* краткіе стихи сатирическаго содержанія, кончающіеся острымъ словомъ, укоризною, или шуткою. Древніе давали сему слову другое значеніе. У нихъ каждая небольшая піеса, размѣромъ элегическимъ писанная (т. е. гекзаметромъ и пентаметромъ), называлась эпиграммою. Ей все служитъ предметомъ: она то поучаетъ, то шутитъ, и почти всегда дышетъ любовію. Часто она не что иное, какъ мгновенная мысль, или быстрое чувство, рожденное красотами природы или памятниками художества. Иногда греческая эпиграмма полна и совершенна; иногда небрежна и неокончена—какъ звукъ, вдали исчезающій. Она почти никогда не заключается разительною, острою мыслію, и, чѣмъ древнѣе, тѣмъ проще. Этотъ родъ поэзіи украшалъ и пиры и гробницы.—Напоминая о ничтожности мимоидущей жизни, эпиграмма твердила: „Смертный, лови мигъ улетающій!“, рѣзвилась съ Лаисою, и, улыбаясь кротко и незлобно, слегка уязвляла невѣжество и глупость. Истинный Протей, она принимаетъ всѣ виды; и когда мы къ ея плѣнительной живости прибавимъ неизъяснимую прелесть совершеннѣйшаго языка въ мірѣ, языка, обработаннаго превосходнѣйшими писателями: тогда только можемъ имѣть понятіе ясное и точное, съ какимъ восхищеніемъ, съ какою радостію любитель древности перечитываетъ греческую антологію“ *).

Очевидно, что подъ антологическими стихотвореніями древнихъ должно разумѣть то̀, что̀ мы называемъ *мелкими лирическими* пьесами. Поэзія древнихъ во всѣхъ родахъ—и въ лирикѣ и въ драмѣ, отличается эпическимъ характеромъ; гимны Гезіода, оды Пиндара похожи на эпическія поэмы даже по своему объему: почти всѣ они очень велики для лирическихъ пьесъ. Слѣдовательно, эпиграммы древнихъ соотвѣтствуютъ тому, что̀ мы называемъ *пѣснію, элегіею, сонетомъ, канцоною, стансами, надписями, эпитафіями* и т. п. Оды Анакреона и Сафо тоже—эпиграммы. Отличительный характеръ эпиграммы—краткость, единство ощущенія или мысли, спокойствіе,

*) Соч. Батюшкова. Ч. II. стр. 239—240.

наивность выраженія, пластицизмъ и мраморная рельефность формы. Вотъ три образца такихъ эпиграммъ, художественно переведенныхъ пластическимъ Батюшковымъ:

I.

Яворъ къ прохожему.

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вьется!
Какъ любитъ мой полуистлѣвшій пень!
Я нѣкогда ему давалъ отрадну тѣнь!
Завялъ: но виноградъ со мной не разстается.
Зевеса умоли,
Прохожій, если ты для дружества способенъ,
Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ,
И пепелъ твой любилъ, оставшись на земли.

II.

Свершилось: Никагоръ и пламенный Эротъ
За чашей вакховой Аглаю побѣдили...
О радость! здѣсь они сей поясъ разрѣшили,
Стыдливости дѣвической оплотъ.
Вы видите: кругомъ разсѣяны небрежно
Одежды пышныя надменной красоты;
Покровы легкіе изъ дымки бѣлоснѣжной,
И обувь стройная, и свѣжіе цвѣты:
Здѣсь всѣ развалины роскошнаго убора,
Свидѣтели любви и счастья Никагора!

III.

Сокроемъ навсегда отъ зависти людей
Восторги пылкіе и страсти упоенья;
Какъ сладокъ поцалуй въ безмолвіи ночей,
Какъ сладко тайное любови наслажденье!

Новѣйшіе поэты европейскихъ литературъ давно уже обратили свое вниманіе на греческую антологію, и то переводили изъ нея, то писали сами въ ея духѣ,—въ обоихъ случаяхъ соперничествуя съ классическимъ геніемъ древности. Этимъ они внесли новый элементъ въ поэзію своего языка—элементъ пластическій, и имъ возвысили ее: ибо идеалъ новѣйшей поэзіи—классическій пластицизмъ формы при романтической эфирности, летучести и богатствѣ философскаго содержанія. Гёте, поэтъ пластическій по натурѣ своей, еще болѣе усвоилъ себѣ эту пластическую форму черезъ знакомство съ древними. Пламенный, энергическій Шиллеръ, поэтъ по преимуществу романтическій, любилъ отдыхать и забываться душою въ свѣтломъ мірѣ греческой жизни. Онъ такъ поэтически оплакалъ паденіе прекрасныхъ боговъ Греціи; онъ такъ поэтически воспѣлъ въ «Четырехъ Вѣкахъ» золотой вѣкъ Сатурна! Много вынесъ онъ изъ древняго міра свѣтлыхъ и дивныхъ явленій. Правда, онъ въ греческое содержаніе внесъ какой-то оттѣнокъ новѣйшаго міросозерцанія; но это еще болѣе возвышаетъ цѣну его произведеній въ древнемъ родѣ. Мы уже упоминали о «Торжествѣ Побѣдителей» и «Жалобахъ Цереры», такъ прекрасно передан-

ныхъ по-русски нашимъ Жуковскимъ; но есть у него много пьесъ и въ чисто-антологическомъ родѣ.

По сродству съ классическимъ геніемъ древности, итальянскіе поэты должны часто напоминать древнихъ вообще, а слѣдовательно и ихъ антологическую поэзію. Вотъ въ этомъ родѣ пьеса Тасса, вольно переведенная Батюшковымъ:

Дѣвица юная подобна розѣ нѣжной,
Взлелѣянной весной подъ сѣнію надежной:
Ни стадо алчное, ни взоры пастуховъ
Не знаютъ тайнаго сокровища луговъ;
Но вѣтеръ сладостный, но рощи благовонны,
Земля и небеса прекрасной благосклонны.

Хотя геній французскаго языка и французской литературы, отличающихся характеромъ какого-то прозаизма, и діаметрально противоположенъ генію языка и поэзіи греческой,—однакожь и у Французовъ есть поэтъ, котораго муза родственна музѣ древнихъ, и котораго многія пьесы напоминаютъ древнія антологическія стихотворенія. Мы говоримъ объ Андреѣ Шенье́, котораго нашъ Пушкинъ такъ много любилъ, что и переводилъ изъ него, и подражалъ ему, и даже создалъ поэтическую апоѳеозу всей его славной жизни и славной смерти. Вотъ двѣ пьесы Андрея Шенье́, изъ которыхъ первая переведена Пушкинымъ, а вторая Козловымъ:

Близь мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая,
Одинъ ночной гребецъ, гондолой управляя,
При свѣтѣ Веспера по взморію плыветъ,
Ринальда, Годфреда, Эрминію поетъ.
Онъ любитъ пѣснь свою, поетъ онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ; не вѣдаетъ ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и тихой музы полнъ.
Умѣетъ услаждать свой путь надъ бездной волнъ,
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокой,
Какъ онъ, безъ отзыва утѣшно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

Стремятся не ко мнѣ съ любовью и хвалами,
И много отъ сестры отстала я годами.
Душистый ли цвѣтокъ мнѣ юноша даритъ—
Онъ мнѣ его даетъ, а на сестру глядитъ;
Любуется ль моей младенческой красою,
Всегда примолвитъ онъ: какъ я сходна съ сестрою.
Увы, двѣнадцать разъ линь мнѣ весна цвѣла;
Мнѣ въ пѣсняхъ не поютъ, что я сердцамъ мила,
Что я плѣпенныхъ мной измѣной убиваю!
Но что же—подождемъ: мою красу я знаю!
Я знаю: у меня во блескѣ молодомъ,
Есть алыя уста съ ихъ ровнымъ жемчугомъ,
И розы на щекахъ, и кудри золотыя,
Рѣсницы черныя и очи голубыя!

Батюшковъ говоритъ, что у насъ первые начали писать въ антологическомъ родѣ Ломоносовъ и Сумароковъ. Что̀ касается до послѣдняго—мы, не желая говорить о пустякахъ, умолчимъ о его антологическихъ стихотвореніяхъ. Ломоносовъ написалъ въ антологическомъ родѣ пьесу «Мокрый Амуръ», которая несказанно восхищала его современниковъ; но мы не видимъ въ ней ни вкуса, ни таланта, ни поэзіи; антологическаго же въ ней еще меньше [180]). Антологическая поэзія требуетъ большаго таланта, ибо требуетъ въ высшей степени художественной формы, недостатка которой не можетъ искупить ни пламенное чувство, ни богатство содержанія. Батюшковъ упоминаетъ еще объ удачныхъ подражаніяхъ антологической поэзіи Вольтера, будто-бы мастерски переведенныхъ по-русски Дмитріевымъ. Чтобъ не завлечься далеко сличеніями, не скажемъ, до какой степени удачны его подражанія антологіи Вольтера; но можемъ сказать утвердительно, что въ мастерскихъ переводахъ Дмитріева рѣшительно нѣтъ ничего мастерскаго—нѣтъ ни призрака пластичности, ни искры поэзіи или таланта. Это проза въ стихахъ, которые въ свое время дѣйствительно были хороши, а теперь стали очень плохи. Дмитріевъ былъ человѣкъ необыкновенно умный, острый; онъ оказалъ большія услуги русскому языку и литературѣ; но его поэзія—поэзія головы и разсудка, а не сердца и фантазіи; въ его духѣ не было ничего родственнаго съ духомъ эллинизма; стихъ его прозаиченъ, образы вялы и отвлеченны. Первый началъ у насъ писать въ антологическомъ родѣ Державинъ. Въ своихъ, такъ-называемыхъ, *анакреонтическихъ* стихотвореніяхъ, онъ является тѣмъ же, чѣмъ и въ одѣ,—человѣкомъ, одареннымъ большими поэтическими силами, но неумѣвшимъ управляться съ ними, по недостатку вкуса и художественнаго такта. Въ цѣломъ, всѣ произведенія Державина—какія-то без-образныя массы грубаго вещества, блещущія драгоцѣнными камнями въ подробностяхъ. Но цѣлаго у него никогда не ищите; превосходнѣйшіе стихи перемѣшаны у него съ самыми прозаическими, плѣнительнѣйшіе образы съ самыми грубыми и уродливыми. Потому-то Державина теперь никто не читаетъ, хотя и всѣ справедливо признаютъ въ немъ огромный талантъ. Напрасно думаютъ многіе, что дурной языкъ и некрасивые стихи ничего не значатъ и могутъ искупаться полнотою чувства, богатствомъ фантазіи и глубокими идеями: сущность поэзіи—красота, и безобразіе въ ней не какой-нибудь частный и простительный недостатокъ, но смертоносный элементъ, убивающій въ созданіи поэта даже истинно-прекрасныя мѣста. Одинъ дурной стихъ, одно прозаическое выраженіе, одно неточное слово иногда уничтожаетъ достоинство цѣлой и притомъ прекрасной пьесы. Пушкинъ потому и великій художникъ, что каждая его пьеса выдержана отъ начала до конца, ровна въ тонѣ, и въ малѣйшихъ подробностяхъ соотвѣтствуетъ своему цѣлому. Для доказательства справедливости нашихъ словъ, нарочно выписываемъ здѣсь большую, поэтическую по мысли и отличающуюся необыкновенными красотами анакреонтическую оду Державина—«Рожденіе Красоты». Чтобъ быть понятными для всѣхъ безъ лиш-

нихъ словъ, слабыя мѣста, безвкусныя выраженія, дурные стихи, неточныя слова—мы означимъ курсивомъ:

Сотворя Зевесъ вселенну,
Звалъ боговъ всѣхъ на обѣдъ.
Вкругъ пектара чашу пѣнну
Разносплъ имъ Ганимедъ.
Медъ, амброзія блистала
Въ ихъ устахъ, по лицамъ огнь,
Благовоній мгла летала,
И Олимпъ былъ свѣта полнъ.
Раздавались пѣсенъ хоры,
И звучалъ весельемъ пиръ;
Но незапно какъ-то взоры
Опустилъ Зевесъ на міръ,—
И увидя царства, грады,
Что погибли отъ боевъ;
Что богини мещутъ взгляды
На бѣднѣйшихъ пастуховъ;
Распалился столько гнѣвомъ,
Что курчавой головой
Покачавъ, шатнулъ всѣмъ небомъ,
Адомъ, моремъ и землей *).
Вмигъ сокрылся *блескъ лазуря;*
Тьма съ бровей, огонь съ очесъ,
Вихорь съ ризъ его, и буря
Возшумѣла отъ небесъ;
Разразились всюду громы,
Мракъ во пламени горѣлъ,
Яры волны будто холмы,
Понтъ стремился и ревѣлъ;
Въ разтворенны бездны утробы
Тартаръ искры извергалъ,
Въ тучи Фебъ, какъ въ чорны гробы,
Погруженный трепеталъ;
И средь страшной сей тревоги
Коль ещe бы грянулъ громъ,
Міръ, Олимпъ, чертогъ и боги
Позернулись бы вверхъ дномъ **).
Но Зевесъ вдругъ умилился:
Стало, знать, красавицъ жаль;
А какъ съ ними не смирился,
Новую тотчасъ создалъ:
Ввилъ въ власы пески златые,

*) По нашему мнѣнію, эти четыре стиха—торжество державинской поэзіи,—и не смотря на ихъ какъ-бы шуточный тонъ, они исполнены антологической граціи и вмѣстѣ классическаго величія.

**) Какая трескотня надутыхъ реторическихъ фразъ! какое безвкусіе въ образѣ выраженія.

Пламя—въ очи и уста,
Небо въ очи голубыя,
Пѣну въ грудь—и красота
Вмигъ изъ волнъ морскихъ родилась;
А взглянула лишь она,
Тотчасъ буря укротилась,
И настала тишина.
Сизы, юные дельфины,
Облелѣя табуномъ;
На свои ее взявъ спины,
Мчали по пучинѣ волнъ.
Бѣлы голуби станицей,
Гдѣ откуда ни взялись,
Подъ жемчужной колесницей
Съ ней на воздухъ поднялись;
И летя подъ облаками,
Вознесли на звѣздный холмъ;
Зевсъ обнялъ ее лучами
Съ улыбнувшимся лицомъ *).
Боги, молча, удивлялись,
На красу, *разиня ротъ*,
И согласно въ томъ признались:
Миръ и брани—отъ *красотъ*.

Вотъ ужь подлинно глыба грубой руды съ яркими блестками чистаго, самороднаго золота! И таковы-то всѣ анакреонтическія стихотворенія Державина: они больше, нежели все прочее, служатъ ручательствомъ его громаднаго таланта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того, что онъ былъ только поэтъ, а отнюдь не художникъ, т. е., обладая великими силами поэзіи, не умѣлъ владѣть ими. Ни одна пьеса его не чужда реторики, слабыхъ, растянутыхъ и вялыхъ стиховъ, вставочныхъ мѣстъ, а потому, всѣ онѣ лишены индивидуальной цѣлостности, общности впечатлѣнія, лишены этой *виртуозности*, которую придаетъ произведенію окончательная отдѣлка художническаго рѣзца поэта. Тѣмъ не менѣе Державину первому принадлежитъ честь ознакомить Русскихъ съ антологическою поэзіею,—и его анакреонтическія пьесы, недостаточныя въ цѣломъ, блещутъ неподражаемыми красотами въ частностяхъ, хотя и нужно имѣть слишкомъ много самоотверженія, свойственнаго пламеннымъ диллетантамъ, чтобъ усмотрѣть въ нихъ красоты, не смотря на восторгъ, безпрестанно-охлаждаемый дурными стихами.

Державинъ только началъ; но дѣйствительно познакомили насъ съ духомъ древней классической литературы, и переводами и оригинальными произведеніями, два поэта—Гнѣдичъ и Батюшковъ**): первый, своимъ переводомъ «Иліады»—

*) Какіе превосходные два стиха, полные гомерическаго величія и граціи!

**) Имя Мерзлякова также заслуживаетъ упоминанія въ дѣлѣ знакомства нашей литературы съ древнею поэзіею: нѣкоторые его переводы изъ древнихъ весьма примѣчательны; переведенная имъ элегія „Сафо къ Венерѣ“ особенно интересна и сама по себѣ и въ сравненіи съ этою самою пьесою Державина.

этимъ гигантскимъ подвигомъ великаго таланта и великаго труда, переводомъ идилліи Теокрита «Сиракузянки», собственною идилліею «Рыбаки» и другими произведеніями. Муза Батюшкова была сродни древней музѣ. Жаль только, что духъ времени и французская эстетика лишили этого поэта свободнаго и самобытнаго развитія. До Пушкина, не было у насъ ни одного поэта съ такимъ классическимъ тактомъ, съ такою пластичною образностію въ выраженіи, съ такою скульптурною музыкальностію, если можно такъ выразиться, какъ Батюшковъ. Мы уже приводили въ примѣръ его истинно-образцовые, истинно-артистическіе переводы изъ Антологіи: самъ Пушкинъ не отрекся бы назвать ихъ своими—такъ хороши нѣкоторыя изъ нихъ. И между-тѣмъ, всѣ, зная «Умирающаго Тасса» и другія большія произведенія Батюшкова, какъ-будто и не хотятъ знать о его переводахъ изъ Антологіи—лучшемъ произведеніи его музы. И это понятно: произведенія въ древнемъ родѣ, подобно камéямъ и обломкамъ барельефовъ, находимымъ въ Помпеѣ, могутъ услаждать вкусъ только глубокихъ цѣнителей искусства, приводить въ восторгъ только тонкихъ знатоковъ изящнаго; для толпы они недоступны. Толпа обыкновенно зѣваетъ на кумиръ, котораго глубокое значеніе извѣстно одному жрецу. Сколько грусти, задушевности, сладострастнаго упоенія, нѣжнаго чувства и роскоши образовъ въ этомъ антологическомъ стихотвореніи:

Въ Лансѣ нравится улыбка на устахъ.
Ея плѣнительны для сердца разговоры;
Но мнѣ милѣй ея потупленные взоры
И слезы горести внезапной на очахъ.
Я въ сумерки, вчера, одушевленный страстью,
У ногъ ея любви всѣ клятвы повторялъ,
И съ поцалуемъ къ сладострастью
На ложе роскоши тихонько увлекалъ...
Я таялъ, и Лаиса млѣла ..
Но вдругъ упыла, поблѣднѣла,—
И слезы градомъ изъ очей!
Смущенный, я прижалъ ее къ груди моей;
Что сдѣлалось, скажи, что сдѣлалось съ тобою?—
Спокойся, ничего, безсмертными клянусь;
Я мыслію была встревожена одною:
Вы всѣ обманчивы, и я—тебя страшусь...

Сколько роскоши и вакханальнаго упоенія въ этомъ апотеозѣ сладострастія:

Тебѣ ль оплакивать утрату юныхъ дней?
Ты въ красотѣ не измѣнилась,
И для любви моей
Отъ времени еще прелестнѣе явилась.
Твой другъ не дорожитъ неопытной красой,
Незрѣлой въ таинствахъ любовнаго искусства.
Безъ жизни взоръ ея стыдливый и нѣмой,
И робкій поцалуй безъ чувства.
Но ты, владычица любви,

Ты страсть вдохнешь и въ мертвый камень;
И въ осень дней твоихъ не погасаетъ пламень,
Текущій съ жизнію въ крови.

Какая пластическая образность, умѣряющая внутреннее клокотаніе страсти и просвѣтляющая его до идеальнаго чувства, въ этой послѣдней антологической элегіи Батюшкова перевода:

Изнемогаетъ жизнь въ груди моей остылой;
Конецъ боренію; увы, всему конецъ!
Киприда и Эротъ, мучители сердецъ!
Услышьте голосъ мой послѣдній и унылой.
Я вяну, и еще мученія терплю;
Полмертвый, но стараю.
Я вяну: но еще такъ пламенно люблю,
И безъ надежды умираю!
Такъ, жертву обхвативъ кругомъ,
На алтарѣ огонь блѣднѣетъ, умираетъ,
И, вспыхнувъ ярче предъ концомъ,
На пеплѣ погасаетъ!

Пушкинъ, котораго поэтическій геній носилъ въ себѣ всѣ элементы жизни, которому доступны и родственны были всѣ сферы духа, всѣ моменты всемірно-историческаго развитія человѣчества, который былъ столько же поэтъ классическій, сколько поэтъ романтическій и поэтъ новѣйшаго времени,—Пушкинъ съ особенною любовію обращалъ свое вниманіе на обаятельный міръ древняго искусства. Его неистощимая и многосторонняя художническая дѣятельность обогатила нашу литературу множествомъ превосходнѣйшихъ произведеній въ антологическомъ родѣ, въ которыхъ дивная гармонія его стиха сочеталась съ самымъ роскошнымъ пластицизмомъ образовъ: это мраморныя изваянія, которыя дышутъ музыкой... Мы не имѣемъ нужды въ большихъ выпискахъ для доказательства нашей мысли: всѣ стихотворенія Пушкина извѣстны наизустъ каждому, сколько-нибудь образованному человѣку на всемъ пространствѣ великой Руси. Потому приведемъ въ примѣръ только три небольшія пьесы—и то не въ оправданіе нашего взгляда на ихъ художественное достоинство, а для того, чтобъ яснѣе и очевиднѣе показать, что̀ такое антологическая поэзія, и какъ высказывается эллинскій духъ въ «божественной эллинской рѣчи»—какъ назвалъ ее самъ Пушкинъ.

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду,
Сокрытый межъ деревъ, едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую, какъ лебедь воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала.

Чистый лоснится полъ; стеклянныя чаши блистаютъ;
Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
Ладана сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,

Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
Свѣтлой, студеной воды, золотистые хлѣбы, янтарный
Медъ и сыръ молодой: все готово; весь убранъ цвѣтами
Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но въ началѣ трапезы, о други,
Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи,
Должно безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой душою
Правду блюсти: вѣдь оно же и легче. Теперь мы приступимъ:
Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика
Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо!

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклонясь, юноша вдругъ задремалъ.
Дѣва тотчасъ умолкла, сонъ его легкій лелѣя,
И улыбалась ему, тихія слезы лія.

Эти три пьесы могутъ служить высочайшимъ идеаломъ антологической поэзіи. Вотъ перечень другихъ: «Доридѣ», *Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда*», «Дорида», «Муза», «Діонея», «Дѣва», «Примѣты», «Земля и Море», «Красавица передъ Зеркаломъ», «Ночь», «*Ты вянешь и молчишь*», «Сафо», «Буря», «Отвѣтъ Ѳ. Т.», «Соловей», «*Кобылица молодая*», «*Городъ пышный, городъ бѣдный*», «Птичка», «Къ портрету Жуковскаго», «Лилѣ», «Имянины», «Веселый Пиръ», «*Не плѣняйся бранной славой*», «*Пойдемъ, я готовъ*», «Рифма», «Трудъ», «*Каковъ я прежде былъ*», «Сѣтованіе», «Художнику», «Три Ключа», «LVII ода Анакреона», «*Богъ веселый винограда*», «Мальчику», «Изъ Анакреона», «Добрый совѣтъ», «*Счастливъ кто избралъ своенравно*», «Подражаніе арабскому», «Лепла», «Послѣдніе Цвѣты», «*Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ*» и пр. Многимъ, можетъ-быть, покажется странно, что мы относимъ къ числу антологическихъ не только такія стихотворенія, которыхъ содержаніе принадлежитъ скорѣе новѣйшему міру, нежели древнему, но даже и подражаніе арабской пьесѣ, тогда какъ аравійская поэзія не имѣетъ ничего общаго съ греческою. На это мы отвѣтимъ, что сущность антологическихъ стихотвореній состоитъ не столько въ содержаніи, сколько въ формѣ и манерѣ. Простота и единство мысли, способной выразиться въ небольшомъ объемѣ, простодушіе и возвышенность въ тонѣ, пластичность и грація формы—вотъ отличительные признаки антологическаго стихотворенія. Тутъ обыкновенно, въ краткой рѣчи, молніеносномъ и неожиданномъ оборотѣ, въ простыхъ и немногосложныхъ образахъ, схватывается одно изъ тѣхъ ощущеній сердца, одна изъ тѣхъ картинъ жизни, для которыхъ нѣтъ слова на вседневномъ языкѣ человѣческомъ, и которыя находятъ свое выраженіе только на языкѣ боговъ въ поэзіи, въ опроверженіе ложнаго мнѣнія людей добрыхъ, почтенныхъ, но ничего неразумѣющихъ въ дѣлѣ искусства, которые утверждаютъ, въ простотѣ ума и сердца, что слово недостаточно для мысли, какъ-будто слово не есть явленіе мысли... Вотъ, напримѣръ, антологическое стихотвореніе одного неизвѣстнаго, но даровитаго поэта, въ которомъ выражено обаяніе сна, или,

лучше сказать, усыпленія, послѣ прогулки фантастическимъ вечеромъ мая: прочтите его,—и вы сами поймете лучше всякихъ объясненій, что поэзія есть выраженіе невыражаемаго, разоблаченіе таинственнаго—ясный и опредѣлительный языкъ чувства нѣмотствующаго и теряющагося въ своей неопредѣленности!

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы спѣлыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ,
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ,
И въ рѣдкомъ тростникѣ медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ на влагѣ отражаясь,
Иду я подъ родной, соломенный мой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ,
И тамъ, съ улыбкой на устахъ своихъ привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ изъ яркихъ звѣздъ и маковъ темноцвѣтныхъ,
И съ грудью бѣлою подъ черной кисеей,
Богиня мирная являясь предо мной,
Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ обливаетъ
И очи тихою рукою закрываетъ,
И, кудри подобравъ, главой склонясь ко мнѣ,
Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ [184]).

Что̀ это такое?—Вздохъ музыки, палевый лучъ луны, играющій на поверхности спящаго пруда, поэтическая апотеоза простого дѣйствія природы въ фантастическомъ образѣ легкой феи, успокоительной царицы сна?—Что̀ бы ни было—вы его понимаете, оно вамъ знакомо, вы не разъ испытали его, это *что-то*, которому поэтъ далъ и образъ и имя... Это—ощущеніе, всѣмъ знакомое и всѣмъ общее въ жизни. А вотъ и картина: вспомните Пушкина «Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила». Глубокъ смыслъ этой прелестной картины: она—одно изъ обычныхъ явленій молодой любви, она выражаетъ общій характеръ любящаго женскаго сердца, которое изливается въ упрекахъ и ненависти отъ полноты оскорбленной любви, и—все отъ той же любви—сторожа̀ покой милаго ему оскорбителя, изливается тихими слезами, готовыми уступить мѣсто и тихой радости и бурнымъ восторгамъ...

Содержаніе антологическихъ стихотвореній можетъ браться изъ всѣхъ сферъ жизни, а не изъ одной греческой: только тонъ и форма ихъ должны быть запечатлѣны эллинскимъ духомъ. Изъ приведенныхъ нами примѣровъ ясно можно видѣть, въ чемъ состоитъ эллинизмъ формы. Посему, къ антологичекимъ же стихотвореніямъ Пушкина должно причислить и слѣдующую пьесу, хотя она взята и совершенно изъ другого міра поэзіи:

Въ крови горитъ огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мнѣ слаще мирра и вина.
Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
И да почію безмятежный,
Пока дохнетъ веселый день
И двинется ночная тѣнь!

Мало этого: поэтъ можетъ вносить въ антологическую поэзію содержаніе совершенно-новаго и, слѣдовательно, чуждаго классицизму міра, лишь-бы только могъ выразить его въ рельефномъ и замкнутомъ образѣ, этими волнистыми, какъ струи мрамора, стихами, съ этою печатью виртуозности, которая была принадлежностію только древняго рѣзца. Къ такимъ пьесамъ причисляемъ мы Пушкина: «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты», «Непастный день потухъ», «Я васъ любилъ» и «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье». Но «Воспоминаніе» и «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной» уже не могутъ быть отнесены къ разряду антологическихъ стихотвореній, сколько по содержанію, слишкомъ полному думы и виканія и притомъ такъ грустныхъ и печальныхъ,—столько и по формѣ поэтической, но не пластической. Антологическая поэзія допускаетъ въ себя и элементъ грусти, но грусти легкой и свѣтлой, какъ таинственный сумракъ жилища тѣней, какъ тихое безмолвіе сада, уставленнаго урнами съ пепломъ почившихъ... Грусть въ антологической поэзіи—это улыбка красавицы сквозь слезы...

Что же касается до пластицизма антологической поэзіи, — этотъ пластицизмъ отнюдь не долженъ быть какимъ-нибудь внѣшнимъ нарядомъ, искусственною отдѣлкою, или извѣстною манерою, но выраженіемъ внутренняго и сокровеннаго духа жизни, которымъ дышетъ всякое художественное произведеніе—творческой, живоначальной идеи. Переводчикъ «Римскихъ Элегій» Гёте говоритъ о нихъ въ своемъ краткомъ предисловіи такъ: «Способность великаго создателя «Фауста» подчинять самые пылкіе порывы одушевленія законамъ изящнаго, дала этимъ отрывкамъ всю прелесть художественной отдѣлки, накинула на обольстительные образы завѣсу граціи и вкуса: причуды геніальнаго воображенія, игривыя движенія души поэта не оскорбляютъ ни чувства, ни теоріи».—Мысль не совсѣмъ-вѣрная, или, по-крайней-мѣрѣ, не совсѣмъ-вѣрно выраженная! Ея значеніе таково, какъ-будто Гёте подкрасилъ само-по-себѣ не совсѣмъ-красивое, соблазнительное сдѣлалъ только обольстительнымъ, тогда-какъ онъ въ-самомъ-дѣлѣ прекрасное по идеѣ и сущности выразилъ въ прекрасной формѣ. Художественна только та форма, которая рождается изъ идеи, есть откровеніе духа жизни, свѣжо и здорово вѣющаго. Въ противномъ случаѣ,—она поддѣльна, въ родѣ вставныхъ зубовъ, румянъ и бѣлилъ, и принадлежитъ не къ сферѣ искусства, а къ сферѣ магазиновъ съ галантерейными вещами. Есть большая разница между пластическою художественностію Гомера и пластическою художественностію Виргилія: первая—выраженіе внутренней жизненности, и потому—изящество; вторая—внѣшнее украшеніе, и потому—щегольство. Гомеръ изящный художникъ; Виргилій—ловкій, парядный щеголь. Мало того, чтобъ хорошо владѣть гекзаметромъ и часто употреблять выраженія въ древнемъ духѣ: надо, чтобъ этотъ гекзаметръ и эти выраженія въ древнемъ духѣ были плодомъ вдохновенія, проявленіемъ внутренней жизненности идеи стихотворенія.

Въ дополненіе къ сказанному, присовокупимъ нѣсколько словъ о размѣрѣ,

свойственномъ антологическимъ стихотвореніямъ. Въ наше время смѣшно и нелѣпо указывать поэту, какой именно и непремѣнно размѣръ долженъ онъ употреблять въ томъ или другомъ родѣ поэзіи; но тѣмъ не менѣе, общее согласіе мастеровъ поэзіи, руководимыхъ своимъ художническимъ инстинктомъ, установило на это что-то въ родѣ постоянныхъ правилъ, хотя и допускающихъ исключенія. Такъ, напримѣръ, для новѣйшей драмы преимущественно употребляется пятистопный ямбъ безъ рифмъ; въ мелкихъ поэмахъ и лирическихъ произведеніяхъ—четырехстопный ямбъ, и т. д. Для антологическихъ стихотвореній преимущественно употребляется гекзаметръ и шестистопный ямбъ. О гекзаметрѣ нечего и говорить: онъ сынъ эллинскаго генія. Но удивительно-хорошо идетъ къ антологическимъ стихотвореніямъ шестистопный ямбъ: онъ былъ такъ опрозаенъ прежними стихотворцами и пінтами, что его считали уже ни на что не годнымъ, кромѣ эпическихъ пінмъ въ родѣ «Россіады» и надутыхъ трагедій въ родѣ «Димитрія Донскаго». Пушкинъ освятилъ его своею музою, возродилъ, пересоздалъ, придалъ ему какую-то особенную гармонію, непостижимую прелесть и грацію. Для значительно-большаго произведенія, шестистопный ямбъ былъ бы монотоненъ, но къ антологическимъ стихотвореніямъ онъ идетъ немеиьше гекзаметра: его плавно-перекатывающіяся, мягко-переливающіяся полустпшія такъ отзываются какою-то живою, упругою выпуклостію, и дѣлаютъ его такъ способнымъ задвинуть и замкнуть пьесу, сообщивъ ей характеръ полноты и цѣлости: обратите особенное вниманіе на послѣдніе три, и особенно на шестой стихъ этой пьески:

Я вѣрю: я любимъ; для сердца нужно вѣрить.
Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить;
Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ,
Стыдливость робкая, харитъ безцѣнный даръ,
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.

Для истиннаго поэта всѣ размѣры одинаково-хороши, и онъ каждый изъ нихъ умѣетъ сдѣлать приличнымъ для избраннаго имъ рода стихотвореній. Говоря о гекзаметрѣ и шестистопномъ ямбѣ, какъ о приличнѣйшихъ размѣрахъ для антологической поэзіи, мы только замѣтили фактъ, существующій въ нашей литературѣ. Послѣ гекзаметра и шестистопнаго ямба, съ особеннымъ эффектомъ употребляется и четырехстопный хорей.

Изъ новѣйшихъ языковъ, только нѣмецкій и русскій могутъ имѣть гекзаметръ, и уже по одному этому болѣе другихъ способны къ передачѣ древнихъ произведеній и къ оригинальному созданію въ ихъ духѣ. Гёте избралъ гекзаметръ для своихъ «Римскихъ Элегій»,—нашъ переводчикъ передалъ ихъ также гекзаметромъ. Не смотря на неотъемлемое достоинство стиховъ г. Струговщикова, все же нельзя не замѣтить, что бороться съ гекзаметромъ Гёте могъ бы только развѣ Пушкинъ. Желаніе вѣрнѣе передавать подлинникъ нерѣдко отвлекало переводчика отъ заботливой отдѣлки гекзаметра,—размѣра, по-преимуще-

ству гармоническаго и пластическаго,—и потому у него иногда попадаются стихи, подобные слѣдующему:

Гаснетъ лампада. О други! *и тутъ, несказанно добрая,* и пр.

Но это только недостатокъ отдѣлки, который переводчику всегда легко исправить. Гораздо-бо́льшаго упрека заслуживаетъ онъ за выпуски и измѣненія противъ подлинника. Замѣтимъ ихъ. Вторая элегія оканчивается у переводчика:

. . . .Исполнять безусловно желанія друга,
Вотъ ея первая радость, вмѣстѣ и первый законъ.
Щедро ей платитъ за это пришлецъ, разсказомъ про снѣжныя
Горы, лѣса дремучіе, льдины, моря и гранитъ;
Нѣтъ ей отказа ни въ чемъ. Рада Римлянка полярному
Гостю, а онъ, варваръ, полный ея властелинъ!

У Гёте это полнѣе, и переводчикъ выпустилъ самыя характеристическія подробности объ отношеніяхъ героя элегій къ его прекраєной:

Sie ergötzt sich an ihm, dem freien, rüstigen Fremden;
Der von Bergen und Schnee, hölzernen Haüsern erzählt;
Theilt die Flammen, die sie in seinem Busen entzündet,
Freut sich, dass er das Gold nicht wie die Römer bedenkt.
Besser ist ihr Tisch nun bestellet; es fehlet an Kleidern,
Fehlet am Wagen ihr nicht, der nach der Oper sie bringt.
Mutter und Tochter erfreun sich ihres nordischen Gastes,
Und der Barbar beherrscht römischen Busen und Leib.

Но особенно-непріятное впечатлѣніе производятъ пропуски въ V-й элегіи, которая и у самого Гёте болѣе другихъ дышетъ всею роскошью пластической красоты. Вотъ переводъ:

. . . . . Пусть въ половину
Буду я только ученъ,—да за это блаженъ я трикраты!
Впрочемъ, учиться могу я и тутъ, какъ вездѣ, созерцая
Формы живыя лучшаго въ мірѣ созданья, въ ту пору
Глазомъ смотрю осязающимъ, зрящей рукой осязаю:
Тайну искусства, мраморъ и краски вполнѣ изучая.
Если жь подруга уснетъ, я упошуся далеко
Глядя на образъ прекрасной, гдѣ жизнь и покой сочетались:
Мысли одна за другою текутъ вереницей, и тщетно
Гаснетъ лампада. *О други! и тутъ несказанно добрая,*
Нѣжнымъ дыханіемъ сердце она согрѣваетъ, надолго
Римскаго лика черты въ памяти мнѣ оставляя.

У Гёте:

Und belehr' ich mich nicht, indem ich des lieblichen Busens
Formen spähe, die Hand leite die Hüften hinab?
Dann versteh' ich den Marmor erst recht; ich denk' und vergleiche,
Sehe mit fühlendem Aug', fühle mit sehender Hand.
Raubt die Liebste denn gleich einige Stunden des Tages,
Giebt sie Stunden der Nacht mir zur Entschädigung hin.

Wird doch nicht immer geküsst, es wird vernünftig gesprochen;
Ueberfällt sie der Schlaf, lieg' ich und denke mir viel.
Oftmals hab' ich auch schon in ihren Armen gedichtet,
Und des Hexameters Maas leise mit fingernder Hand
Ihr auf dem Rücken gezählt. Sie athmet in lieblichem Schlummer,
Und es durchglühet ihr Hauch mir bis ins Tiefste die Brust.
Amor schüret die Lamp' indess und denket der Zeiten
Da er den nämlichen Dienst seinen Triumvirn gethan.

Это уже и не подражаніе—не только не переводъ. Какъ ни досадно намъ искажать дивную поэзію Гёте нашею пошлою прозою, но мы не можемъ не передать смысла его стиховъ въ слѣдующемъ, почти-буквальномъ, переводѣ, чтобы всѣ читатели могли быть судьею въ этомъ обстоятельствѣ:

„И развѣ я не учуся, изслѣдуя формы любимой груди, водя моею рукою по прекрасному тѣлу? Тогда только вполнѣ понимаю я мраморъ; я думаю и сравниваю, вижу осязающимъ окомъ, осязаю зрящею рукою. И ежели любезная похищаетъ у меня нѣсколько часовъ дня, то она даетъ мнѣ въ вознагражденіе часы ночи. Не все же цаловаться—иногда мы и разумно бесѣдуемъ; и если она предается сну, я лежу и много думаю. Часто мой геній творилъ въ ея объятіяхъ, и мѣру гекзаметра тихо считалъ я на ея плечѣ пальцами руки моей. Она дышетъ въ сладостномъ снѣ, и ея дыханіе прожигаетъ меня до глубины груди. Амуръ снова поправляетъ лампу и думаетъ о временахъ, когда онъ оказывалъ такую же услугу своимъ тріумвирамъ“ [182]).

Впрочемъ, это единственная элегія, совершенно-передѣланная переводчикомъ; во всѣхъ прочихъ встрѣчаются только частныя измѣненія и отступленія. Такъ въ III-й элегіи *Эндиміонъ* названъ *сыномъ Юпитера*, и вообще мысль оригинала передана темно.

Впрочемъ, что̀ касается до мелкихъ недостатковъ перевода г. Струговщикова, они много выкупаются вѣрностію вѣющаго въ немъ гётева духа. Конечно, переводъ г. Струговщикова далеко не замѣняетъ подлинника, но даетъ о немъ понятіе не словами, а колоритомъ и благоуханіемъ, словомъ—болѣе или менѣе удачно схваченною въ немъ жизнію... Незнающіе нѣмецкаго языка, обязаны г. Струговщикову знакомствомъ съ «Римскими Элегіями» Гёте; выучившись языку подлинника, они найдутъ въ нихъ не что-нибудь незнакомое, но сердце ихъ радостно и весело забьется отъ того чистаго, первоначальнаго звука, котораго самое эхо такъ очаровывало ихъ и заставляло съ такимъ упоеніемъ прислушиваться. Это можетъ дѣлать только истинный талантъ: ибо духъ открывается и дается только духу, не повинуясь мертвому знанію буквы и умѣнью или навыку передавать ее хотя бы и въ гладкихъ, звучныхъ стихахъ. Недостатки перевода г. Струговщикова, послѣ трудности бороться съ такимъ исполиномъ поэзіи, какъ Гёте, происходятъ даже едва-ли и отъ поспѣшности и недостатка труда, а скорѣе отъ ложнаго взгляда на искусство переводить [183]). Впрочемъ, многія элегіи, особенно VII и VIII, переданы столько же близко и вѣрно, сколько и поэтически. Пятую элегію г. Струговщикову надо перевести

вновь; недостатки въ прочихъ исправить: его таланта на это станетъ! Во всякомъ случаѣ, его переводъ «Римскихъ Элегій» Гёте былъ бы подвигомъ, достойнымъ хвалы и удивленія даже и не при настоящемъ положеніи нашей литературы, представляющей изъ себя зрѣлище мелкихъ, ничтожныхъ явленій и торговыхъ спекуляцій. Честь же и слава человѣку, который гордо сохраняетъ чистую и возвышенную любовь къ истинному искусству, и, не гоняясь за эфемерными успѣхами и не обращая вниманія на толпу, жадную только до литературныхъ мелочей, съ замѣчательнымъ успѣхомъ посвящаетъ данный ему Богомъ талантъ на усвоеніе родному языку великихъ созданій великаго поэта Германіи!..

***542. Сочиненія Александра Пушкина.** Томы IX, X и XI. Иждивеніемъ Ильи Глазунова, Матвѣя Заикина и К°. Санктпетербургъ. Въ типографіи И. Глазунова и К°. MDCCCXLI. Въ 8-ю д. л. Въ IX-мъ томѣ 480, въ X-мъ—308, въ XI-мъ—333 [184]).

Наконецъ изданіе полнаго собранія сочиненій Пушкина кончено или, по-крайней-мѣрѣ, *почти* кончено: остаются только матеріалы для исторіи Петра Великаго, нѣсколько литературныхъ статей и нѣсколько малоизвѣстныхъ стихотвореній, разсѣянныхъ по альманахамъ и журналамъ. Матеріалы для исторіи Петра Великаго, долженствующіе составить собою цѣлый томъ (XII-й) и интересные сколько въ историческомъ смыслѣ, столько и по замѣткамъ руки Пушкина, хоть, можетъ-быть, еще и не скоро, но когда-нибудь будутъ же, Богъ-дастъ, изданы попечительною опекою [185]); что же до литературныхъ статей и до малоизвѣстныхъ стихотвореній, невошедшихъ въ *одиннадцатитомное* изданіе полнаго собранія сочиненій Пушкина,—ихъ берутся вторично представить вниманію публики «Отечественныя Записки», — чтобъ будущіе издатели, или (что было бы лучше для сочиненій Пушкина, во избѣжаніе пословицы: *у семи нянекъ дитя безъ глазу)* будущій издатель зналъ, гдѣ взять все остальное, принадлежащее Пушкину и вмѣстѣ собранное. «Отеч. Записки» не замедлятъ сдѣлать это въ одной изъ слѣдующихъ своихъ книжекъ [186]), а для начала теперь же возобновляютъ вниманію публики два слѣдующія, уже бывшія напечатанными, стихотворенія Пушкина, и непаходящіяся въ полномъ собраніи его сочиненій:

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумно предаваться!
Спокойствіе мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.
Нѣтъ, полно мнѣ любить! Но почему жь порой
Не погружуся я въ минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдетъ передо мной
Младое, чистое, небесное созданье,
Пройдетъ, и скроется? Ужель не можно мнѣ

Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей,—
Веселый миръ души, безпечные досуги,
Все—даже счастіе того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги?...

Признаніе.

(Къ Александрѣ Осиповнѣ О—й).

Я васъ люблю,—хоть я бѣшусь,
Хоть это трудъ и стыдъ напрасный:
И въ этой глупости ужасной
У вашихъ ногъ я признаюсь!
Мнѣ не къ лицу и не по лѣтамъ...
Пора, пора мнѣ быть умнѣй!
Но узнаю по всѣмъ примѣтамъ
Болѣзнь любви въ душѣ моей:
Безъ васъ мнѣ скучно,—я зѣваю;
При васъ мнѣ грустно,—я терплю;
И, мочи нѣтъ, сказать желаю,
Мой ангелъ, какъ я васъ люблю!
Когда я слышу изъ гостиной
Вашъ легкій шагъ иль платья шумъ,
Иль голосъ дѣвственный, невинный,
Я вдругъ теряю весь свой умъ.
Вы улыбнетесь,—мнѣ отрада;
Вы отвернетесь,—мнѣ тоска:
За день мученія—награда
Мнѣ ваша блѣдная рука.
Когда за пяльцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя,—
Я въ умиленьи, молча, нѣжно,
Любуюсь вами, какъ дитя...
Сказать ли вамъ мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, въ ненастье,
Вы собираетесь въ даль?
И ваши слезы въ одиночку,
И рѣчи въ уголку вдвоемъ,
И путешествіе въ Опочку,
И фортепьяно вечеркомъ?...
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смѣю требовать любви:
Быть можетъ, за грѣхи мои,
Мой ангелъ, я любви не стою!
Но притворитесь: этотъ взглядъ
Все можетъ выразить такъ чудно!
Ахъ, обмануть меня не трудно!...
Я самъ обманываться радъ!...

Что же касается до прозаическихъ статей, по чему бы то ни было невошедшихъ въ *полное* собраніе сочиненій Пушкина,—мы не можемъ исчислить ихъ всѣ до одной безошибочно, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны безъ имени автора и составляютъ тайну издателей журналовъ, въ которыхъ были помѣщены. Но вотъ перечень главнѣйшихъ изъ нихъ: 1) «Объ Исторіи Пугачевскаго Бунта» *(разборъ статьи, напечатанной въ* «Сынѣ Отечества», *въ январѣ 1835 года)* *); «Мнѣніе М. А. Лобанова о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной *(читанное имъ 18 января 1836 г. въ Императорской Россійской Академіи)* **); «Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей» ***); «Торжество Дружбы, или Оправданный Александръ Анонимовичъ Орловъ» ****); «Одна глава изъ «Неоконченнаго Романа» *****). Всѣ эти статьи въ высшей степени интересны, особенно о такъ-называемомъ «Мнѣніи г. Лобанова о Словесности какъ иностранной, такъ и отечественной», «Торжество Дружбы», и пр. [187]).

Вмѣстѣ со стихами, невошедшими въ *одиннадцать*, уже изданныхъ, томовъ сочиненій Пушкина, эти шесть статей могли бы составить цѣлый небольшой томъ. А сколько еще въ журналахъ статей, которыя публика читала, не зная, что авторъ ихъ—Пушкинъ! Есть статья въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1825 [188])г., и множество мелкихъ статей въ «Литературной Газетѣ» 1830 и 1831 годовъ, издававшейся покойнымъ Дельвигомъ. Въ «Литературной Газетѣ» 1830 года (т. 1. стр. 98) найдете даже подписанную полнымъ именемъ Пушкина статейку, которая есть не что иное, какъ журнальная замѣтка; изъ этой замѣтки видно, что объявленіе объ «Иліадѣ» Гнѣдича (стр. 14) писано Пушкинымъ. Конечно, и замѣтка, и объявленіе не больше, какъ журнальныя мелочи; но когда дѣло идетъ о такомъ человѣкѣ, какъ Пушкинъ, тогда мелочей нѣтъ, а все, въ чемъ видно даже простое его мнѣніе о чемъ бы то ни было, важно и любопытно: даже самыя ошибочныя понятія Пушкина интереснѣе и поучительнѣе самыхъ несомнѣнныхъ истинъ многихъ тысячъ людей. Вотъ почему мы желали бы, чтобъ не пропала ни одна строка Пушкина, и чтобъ люди, которыхъ онъ называлъ своими друзьями, или съ которыми онъ дѣйствовалъ въ однихъ журналахъ, или у которыхъ въ изданіяхъ когда-либо и что-либо помѣщалъ,—объявили о каждой строкѣ, каждомъ словѣ, ему принадлежащемъ. Въ такомъ случаѣ—повторяемъ—кромѣ *двѣнадцатаго* тома съ матеріалами для исторіи Петра Великаго (если только соблаговолятъ когда-нибудь его выдать), набрался бы еще порядочный томъ, и всѣхъ томовъ вышло бы *тринадцать*, вмѣсто *одиннадцати*, теперь существующихъ. Мы не думаемъ, чтобъ, кромѣ пропущенныхъ двухъ ста-

---

*) См. „Современникъ“ 1836 г. Т. III. стр. 142.
**) „Современникъ“ 1836. Т. III. стр. 92.
***) „Сѣверные Цвѣты на 1830 годъ“, стр. 228.
****) „Телескопъ“ 1831. Т. IV, стр. 136.
*****) „Сто Русскихъ Литераторовъ“. Т. I.

тей изъ «Современника», подписанныхъ именемъ Пушкина, не было въ этомъ изданіи и другихъ статей, принадлежащихъ Пушкину. Такъ, наприм., въ «Современникѣ» статьи: «Разборъ сочиненій Георгія Конискаго», «Вольтеръ», «Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы» не подписаны именемъ Пушкина, а послѣдняя даже означена *переводъ съ французскаго*,—между-тѣмъ всѣ онѣ вошли въ полное собраніе сочиненій Пушкина; почему же не Пушкину принадлежатъ статьи—въ 1-мъ томѣ «Современника»: «Россійская Академія», «Французская Академія»? Не нашлось рукописей?—Но не-уже-ли же нѣтъ другихъ свидѣтельствъ, и всѣ статьи Пушкина, которыя были напечатаны безъ его имени и которыхъ рукописи затеряны, должны пропасть?... [189]).

Сказавъ о томъ, что̀ не напечатано изъ сочиненій Пушкина въ «полномъ» собраніи его сочиненій, будемъ теперь говорить о томъ, что̀ вошло въ послѣдніе три тома. Девятый томъ самый большой; онъ наполненъ однѣми стихотворными пьесами, и начинается поэмами, напечатанными въ «Современникѣ» 1837 года и въ 1 т. «Ста Русскихъ Литераторовъ»: «Мѣдный Всадникъ», «Каменный Гость», «Русалка» и «Галубъ». Странно, что, по распоряженію, въ которомъ издатели нисколько не виноваты, вторая поэма—изъ «Донъ-Хуана», какъ она названа самимъ Пушкинымъ, переименована въ «Каменнаго Гостя»; но еще страннѣе, что изъ нея выпущены обѣ пѣсни, которыя поетъ Лаура. Вторая изъ этихъ пѣсенъ давно уже извѣстна публикѣ; это—«Ночной зефиръ струитъ эфиръ». Первая тоже извѣстна публикѣ, хотя и никогда не была напечатана: нашъ извѣстный композиторъ М. И. Глинка положилъ ее на музыку, и слова̀, съ которыми поется эта музыка, сдѣлались еще извѣстнѣе самой музыки. Вотъ они:

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ.
Объята Сивилья
И мракомъ и сномъ.

Исполненъ отвагой,
Окутанъ плащомъ,
Съ гитарой и шпагой,
Я здѣсь подъ окномъ.

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу,
Проснется ли старый?—
Мечомъ уложу.

Шелковыя петли
Къ окошку привѣсь...
Что медлишь?.. Ужь нѣтъ ли
Соперника здѣсь?...

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ...
Объята Сивилья
И мракомъ и сномъ...

*

За поэмами слѣдуютъ мелкія стихотворенія, въ трехъ отдѣленіяхъ: въ первомъ заключаются посмертныя стихотворенія, какъ бывшія напечатанными, такъ и нигдѣ-ненапечатанныя; во второмъ—лицейскія стихотворенія; въ третьемъ—стихотворенія, пропущенныя въ первыхъ восьми томахъ. Изъ посмертныхъ стихотвореній, много совершенно-новыхъ, нигдѣ небывшихъ напечатанными; всѣ они прекрасны и интересны, а нѣкоторыя изъ нихъ запечатлѣны всею силою генія Пушкина. Вотъ общій ихъ перечень: «Памятникъ», «Желаніе», «Сѣтованіе», «*Не дай мнѣ Богъ сойдти съ ума*», «Художнику», «Пажъ, или Пятнадцатилѣтній Король», «Не розу паѳосскую», «LVII ода Анакреона», «*Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила*», «*Богъ веселый винограда*», «*Юноша, скромно пируй*», «Мальчику», «Изъ Анакреона», «Подражаніе Итальянскому», «Жалоба», «Добрый Совѣтъ», «Къ ***», «Подражаніе Арабскому», «Ленла», «М. А. Г.», «Лицейская Годовщина», «К. Г ***», «Романсъ», «Ночью, во время безсонницы», «Заклинаніе», «Капризъ», «М*», «Подражаніе Данту», «Родригъ», «Отрывокъ», «Альфонсъ», «Осень», и пр. Подобно Державину, Пушкинъ передѣлалъ «Памятникъ» Горація въ примѣненіи къ себѣ:—его «Памятникъ» есть поэтическая апоѳеоза гордаго, благороднаго самосознанія генія:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный:
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.
Нѣтъ, весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ,
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ—
И гордый внукъ Славянъ, и Финъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.
И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ [190]).
Велѣнью Божію, о муза, будь послушна!
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца...

Въ превосходнѣйшей пьесѣ «Капризъ» Пушкинъ художнически рѣшаетъ важный эстетическій вопросъ о причинѣ унылости, какъ основномъ элементѣ русской поэзіи. Онъ находитъ ее въ нашей русской природѣ, и изображаетъ ее красками, которыхъ сила, вѣрность и безъискусственная простота дышутъ всею геніальностію великаго національнаго поэта:

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузой,
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной музой,

Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной;
Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой.
Что жь ты нахмурился? Нельзя ли блажь оставить
И пѣсенкою насъ веселой позабавить?
Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогой,
За ними черноземъ, равнины скатъ отлогой,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ жъ нивы свѣтлыя? гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ у низкаго забора
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго борея.
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичокъ; за нимъ двѣ бабы въ слѣдъ.
Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ.
Скорѣй! ждать некогда! давно бъ ужъ схоронилъ.

Пьеса «Ночью во время бессонницы» показываетъ, какъ глубоко вглядывался Пушкинъ во всѣ явленія жизни, какъ глубоко прислушивался онъ къ нимъ:

Мнѣ не спится, нѣтъ огня:
Всюду мракъ и сонъ докучный:
Ходъ часовъ лишь однозвучный
Раздается близь меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня—
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопотъ?
Укоризна, или ропотъ
Мной утраченнаго дня?
Отъ меня чего ты хочешь?
Ты зовешь, или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Темный твой языкъ учу.

«Подражаніе Данту», для незнающихъ итальянскаго языка, вѣрно показываетъ, что̀ такое Дантъ, какъ поэтъ. Вообще, у насъ Дантъ какая-то загадка: мы знаемъ, что Шлегель его провозгласилъ чуть-чуть не наравнѣ съ Шекспиромъ; наши доморощенные критики также много накричали о немъ; были о немъ даже цѣлыя диссертаціи, хотя немножко и безтолковыя; переводы изъ Данта, еще болѣе диссертацій, добили его на Руси. Но теперь, послѣ двухъ небольшихъ отрывковъ Пушкина изъ Данта, ясно видно, что стоитъ только стать на католическую точку зрѣнія, чтобъ увидѣть въ Дантѣ великаго поэта. Прислушайтесь внимательнымъ слухомъ къ этимъ откровеніямъ задумчиваго, тяжело-

страстнаго Итальянца, котораго душа такъ и рвется къ обаяніямъ искусства и жизни, не смотря на весь свой католическій страхъ грѣха и соблазна:

И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужого сада,
Подъ сводъ искусственный порфирныхъ скалъ.
Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ мой слабый умъ,
И праздно мыслить было мнѣ отрада
Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры,
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.
Все мраморные циркули и лиры
И свитки въ мраморныхъ рукахъ
И длинныя на ихъ плечахъ порфиры,—
Все наводило сладкій пѣкій страхъ
Мнѣ на сердце; и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ рождались на глазахъ.
Другія два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двухъ бѣсовъ изображенья.
Одинъ (дельфійскій идолъ) ликъ младой—
Былъ сиренъ, полонъ гордости ужасной
И весь дышалъ онъ силой неземной.
Другой, женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ лживый, но прекрасный.
. . . . . .

Пьеса, названная «Отрывокъ» (стр. 183), есть цѣлая поэма глубоко-религіознаго содержанія, написанная библейскимъ языкомъ. «Осень»—тоже цѣлая лирическая поэма, отличающаяся вѣрностію красокъ и богатствомъ національныхъ элементовъ. Она особенно знакомитъ съ личностію самого поэта,—и мы не можемъ не выписать изъ нея двухъ отрывковъ:

Дни поздней осени брапятъ обыкновенно;
Но мнѣ она мила, читатель дорогой:
Красою тихою, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно:
Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной;
Въ ней много добраго, любовникъ нетщеславный,
Умѣлъ я отыскать мечтою своенравной.
Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она,
Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва;
Улыбка на устахъ увянувшихъ видна;
Могильной пропасти она не слышитъ зѣва,
Играетъ на лицѣ еще багровый цвѣтъ,

Она жива еще сегодня—завтра нѣтъ.
. . . . . .
. . . . . .
И забываю міръ—и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучитъ и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ—
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.
И мысли въ головѣ . . . . .
И рифмы легкія на встрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ;
Минута—и стихи свободно потекутъ
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ,
Но чу! матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ—и паруса надулись вѣтра полны,
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны... [190-а])

Кромѣ пьесъ, о которыхъ мы сейчасъ упомянали, выписывая ихъ вполнѣ или отрывками, особенно замѣчательны: «*Не дай мнѣ Богъ сойдти съ ума*», «Пажъ или Пятнадцатилѣтній Король», «*Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила*», «Подражаніе Итальянскому», «Къ ***» (стр. 153), «Подражаніе Арабскому», «Романсъ» и «Альфонсъ». Всего менѣе можно быть довольну пьесою «Родригъ»: это что-то недоконченное, въ родѣ тѣхъ испанскихъ балладъ, которыя давно уже прискучили;—«Отрывокъ» (стр. 168) есть не что иное, какъ извѣстная пьеса «Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный» въ ея первобытномъ видѣ, неизвѣстномъ публикѣ, и ее должно бъ отнести, вмѣстѣ со многими другими, къ особому разряду передѣланныхъ пьесъ. Посмертныя пьесы, напечатанныя въ «Отеч. Запискахъ» и альманахахъ, помѣщены всѣ до одной, кромѣ двухъ, выписанныхъ нами въ началѣ этой статьи. Также напечатаны всѣ пропущенныя въ первыхъ восьми томахъ (до *пятнадцати* числомъ).

Десятый томъ содержитъ въ себѣ прозаическія статьи: «Арапъ Петра Великаго», «Лѣтопись Села Горохина», «Дубровскій», «Египетскія Ночи», и «Сцены изъ Рыцарскихъ Временъ». Изъ нихъ повѣсть «Дубровскій» совершенно-новая и доселѣ неизвѣстная публикѣ. Это одно изъ величайшихъ созданій генія Пушкина. Вѣрностію красокъ и художественною отдѣлкою она не уступаетъ «Капитанской Дочкѣ», а богатствомъ содержанія, разнообразіемъ и быстротою дѣйствія далеко превосходитъ ее [191]). Она значительна и объемомъ своимъ, ибо заключаетъ въ себѣ 138 страницъ.

Одиннадцатый томъ содержитъ въ себѣ, кромѣ извѣстныхъ уже статей: «О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ Потеряннаго Рая», «Послѣдній изъ родственниковъ Іоанны д'Аркъ», «Рославлевъ», «Недоконченныя повѣсти», «Анекдоты», «Записки бригадира Моро-де-Бразе»;—совершенно-новыя статьи:

«Шоссе», «Москва», «Ломоносовъ», «О Цензурѣ», «Русская Изба», «Лордъ Байронъ» и вполнѣ *Записки Пушкина*. Изъ всего этого особенно интересна превосходная статья «Ломоносовъ»; примѣчательны статьи: «Шоссе», «Москва» и «Лордъ Байронъ»; но остальныя (т. е. «О Цензурѣ» и «Русская Изба») блѣдны, вялы и похожи на какіе-то недоконченные очерки.

Во всякомъ случаѣ, издатели выполнили свое дѣло совѣстливо и исправно. Если бы кому-нибудь показалось въ этомъ изданіи что-нибудь сомнительнымъ, тотъ можетъ ожидать поясненія только отъ опеки, которая завѣдываетъ всѣмъ, оставшимся послѣ Пушкина, и которая, вѣроятно, при послѣднемъ томѣ, если только она напечатаетъ его, отдастъ отчетъ публикѣ во всемъ изданіи. Три послѣдніе тома изданы очень-опрятно, даже красиво, а въ сравненіи съ первыми восемью томами, великолѣпно и роскошно. Мы думаемъ, что за все это издатели заслуживаютъ искреннюю благодарность со стороны публики.

Но не всѣ такъ думаютъ. Только-что успѣло появиться объявленіе о прекрасномъ предпріятіи гг. Глазунова и Заикина, какъ уже и было встрѣчено бранью одной газеты, которой мы не назовемъ теперь; когда же понадобится, укажемъ на № и страницу. Благородное предпріятіе гг. Глазунова и Заикина, обрадовавшее всѣхъ, не понравилось этой газетѣ, и она поспѣшила противостать даже объявленію о семъ предпріятіи съ такою запальчивостію, какъ-будто бы дѣло шло о ея собственной жизни и смерти. Протестъ этотъ благонамѣренная газета публиковала статьею, которая возмущаетъ душу своимъ неуваженіемъ къ имени величайшаго поэта Россіи и совершеннымъ забвеніемъ всякаго приличія. Послушайте, что̀ сказала она:

„За нѣсколько лѣтъ предъ симъ принимаема была подписка во всѣхъ концахъ Россіи, посредствомъ мѣстныхъ начальствъ, на *Послѣднія Сочиненія А. С. Пушкина*. Мы думали, что получили *все*, написанное Пушкинымъ; но когда сочиненія вышли въ свѣтъ, оказалось, что въ нихъ пропущены были многія отличныя стихотворенія, бывшія уже напечатанными въ собраніи, посящемъ заглавіе (:) *Мелкія Стихотворенія*. Мало этого: послѣ выхода въ свѣтъ *восьми частей сочиненій* А. С. Пушкина, въ журналахъ начали появляться сочиненія въ стихахъ и прозѣ, приписываемыя А. С. Пушкину, не напечатанныя въ вышедшихъ въ свѣтъ *восьми томахъ*, а теперь издаются три новые тома (9, 10 и 11), подъ заглавіемъ *Послѣднія Сочиненія А. Пушкина*. Кажется, лучше бы издать *все вмѣстѣ*, при первой подпискѣ, а если не все было тогда собрано, то не лучше ли было бы подождать, но во всякомъ случаѣ не размѣщать вновь найденныхъ сочиненій по журналамъ, когда намѣревались издать ихъ особо. Носятся слухи, что еще находятся въ рукописи сочиненія Пушкина, и между прочимъ матеріалы къ жизни Петра Великаго. Уже ли и это должно сперва упитать журналы, а потомъ быть пущено въ свѣтъ особо?“

Не знаемъ, до какой степени все это справедливо; но все это нисколько не должно и не можетъ относиться къ гг. Глазунову и Заикину, потому-что таково было распоряженіе опеки, установленной надъ дѣтьми и имѣніемъ Пушкина... Мы полагаемъ, вина гг. Глазунова и Заикина не та, а гораздо-тяжеле. Видите ли,

въ объявленіи объ издаваемыхъ ими трехъ частяхъ сочиненій Пушкина они осмѣлились сказать, что «имя Пушкина принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ именъ, которыя всякій Русскій произноситъ *съ гордостію* и чувствомъ *глубочайшей благодарности*». Какая дерзость, въ-самомъ-дѣлѣ! И вотъ означенная газета пересчитываетъ всѣ великія историческія имена, которыя Россія произноситъ съ гордостію и благодарностью, какъ-будто бы это мѣшаетъ ей воздавать равное и великому имени Пушкина. Мало того: газета кричитъ изо всей мочи, что Ломоносовъ создалъ правила языка, что Карамзинъ научилъ всѣхъ писать прозою и цѣлое поколѣніе заставилъ полюбить отечественную исторію; но что Пушкина будто-бы *мы* (?) любимъ *только за гладкій, бойкій стихъ и за сладость, сообщенную имъ русскому піитическому языку;* что *онъ первый между легкими нашими поэтами*, и что, въ-слѣдствіе всего вышеречennаго, *мы не обязаны ему глубочайшею благодарностію!!!*... «Можно ли (преостроумно замѣчаетъ газета) оказывать одинаковую благодарность и доктору, спасшему жизнь, и *милому человѣку, накормившему сладко?*»... Но чувствительнѣе всего задѣли газету эти слова объявленія: «Какъ вѣрный, истинный представитель русскаго духа, Пушкинъ у насъ не имѣетъ соперниковъ: какъ поэтъ вдохновенный, онъ превосходитъ всѣхъ другихъ русскихъ стихотворцевъ оригинальностію мысли, силою выраженія и особенною прелестію стиха, до него неизвѣстною» и: «проза его есть верхъ совершенства». Вотъ какъ газета опровергаетъ эти неопровержимыя по своей очевидности, цѣлымъ народомъ утвержденныя и признанныя истины:

„Державинъ, Карамзинъ и Крыловъ, какъ представители русскаго духа—выше Пушкина, а прелесть стиха была извѣстна и до Пушкина, въ стихахъ В. А. Жуковскаго, *хотя въ этомъ отношеніи Пушкинъ точно выше всѣхъ*. А куда помѣстить прозу Карамзина, Жуковскаго? Ужели *ниже?* Нѣтъ, и сто разъ нѣтъ! Проза Карамзина и Жуковскаго гораздо выше прозы Пушкина.—Болѣе не станемъ говорить о объявленіи!“

Очень доказательно! коротко и ясно—по шемякински!.. Однако мы все-таки постараемся еще болѣе уяснить этотъ вопросъ, не для сочинителя статьи—о, нѣтъ! игра не стоила бы свѣчъ,—и даже не для образованной части публики: она давно ужь не вѣритъ газетамъ, подобнымъ вышеозначенной,—а для тѣхъ читателей, которыхъ газета, какъ кажется, имѣла въ виду.—Честь и слава Ломоносову и Державину, Карамзину и Крылову—честь и слава: ихъ заслуги велики, ихъ имена безсмертны; но они именно тѣмъ и разнятся отъ Пушкина, что каждый изъ нихъ выразилъ извѣстную сторону духа русскаго, а въ духѣ Пушкина слились всѣ стихіи, отразились всѣ стороны русскаго духа; Пушкина нѣтъ въ Ломоносовѣ, Державинѣ, Карамзинѣ, Крыловѣ, Жуковскомъ, Батюшковѣ, Грибоѣдовѣ, но они всѣ въ Пушкинѣ. Что же до прозы Пушкина,—правда, Карамзинъ пріучилъ русскую публику къ чтенію русскихъ книгъ, и его проза до изданія «Исторіи Государства Россійскаго» уступаетъ сладостной, гармонической прозѣ Жуковскаго и Батюшкова,—за то въ русской литературѣ нѣтъ ничего выше

его исторической прозы, кромѣ «Исторіи Пугачевскаго Бунта», перомъ Тацита писанной на мѣди и мраморѣ!.. Въ «Капитанской Дочкѣ», «Пиковой Дамѣ», «Кирджали» и разныхъ журнальныхъ статьяхъ, Пушкинъ не имѣетъ себѣ соперниковъ въ подобныхъ родахъ сочиненій. Легкость стиховъ Пушкина—легка только для верхоглядовъ, а не для людей, которые умѣютъ вглядываться въ глубину предметовъ. Тяжеловатость отнюдь не есть признакъ и условіе достоинства въ поэзіи: иначе «Петріада» Ломоносова, «Россіада» и «Владиміръ» Хераскова, «Александроида» г. Свѣчина, «Дмитрій Самозванецъ» г. Булгарина и «Черная Женщина» г. Греча были бы величайшими созданіями искусства. Французскій *пѣсенникъ* (chansonnier de France), Беранжѐ, еще легче Пушкина; но его легкія пѣсни, какъ электрическія искры, потрясаютъ Францію отъ одного конца до другого,—и его (по прекрасному выраженію Жюль-Жанена) Наполеонъ изъ глубины своего гроба привѣтствовалъ царемъ поэтовъ. У Пушкина всего легче эпиграммы; но многіе знавали прежде, помнятъ еще и теперь, какъ тяжелы эти эпиграммы: это-то обстоятельство, можетъ-быть, и заслоняетъ отъ иныхъ величіе поэтическаго генія Пушкина...[192]).

Сочинитель вышеозначенной газетной статьи увѣряетъ, что «долгъ правды и безпристрастой критики заставилъ его сдѣлать замѣчаніе на объявленіе гг. Глазунова и Заикина», и что «его замѣчанія основаны на мнѣніи многихъ литераторовъ и любителей русской словесности». Прекрасно! Всѣмъ извѣстно, какъ силенъ надъ сочинителемъ статьи *долгъ правды*, а безпристрастіе его такъ-называемыхъ критикъ, давно уже вошло въ пословицу; но—скажите Бога ради—кто эти *литераторы-невидимки* и *таинственные любители русской словесности*, на мнѣніи которыхъ сочинитель основалъ свои *безпристрастныя* замѣчанія?.. Какъ кто?—Сами издатели газеты, въ которой помѣщена статья... А! вотъ что!...

Если уже одно объявленіе объ изданіи трехъ послѣднихъ томовъ «Сочиненій Пушкина» могло возбудить такую выходку,—какъ же нѣкоторыя газеты и нѣкоторые литераторы и любители русской словесности встрѣтятъ теперь эти самые три тома?.. Для того-то и поспѣшили мы расчесться съ этими господами ранѣе, чтобъ потомъ уже хладнокровно смѣяться надъ ихъ похвальными усиліями поколебать треножникъ, на которомъ горитъ пламя поэзіи великаго національнаго поэта...

И такъ, теперь Пушкинъ изданъ почти весь; публика его читаетъ и перечитываетъ, ожидая сужденій критиковъ. Богъ-вѣсть, дождется ли она ихъ когда-нибудь; но мы увѣрены, что ей долго ждать, потому-что знаемъ нашихъ такъ-называемыхъ, критиковъ и критикановъ:—народъ глубокомысленный, съ свѣтлыми взглядами, съ живымъ словомъ... Иной заговоритъ, что Пушкинъ уже отжилъ свой вѣкъ; иной провозгласитъ, что онъ великъ только на мелочи; одинъ будетъ утверждать, что все достоинство поэзіи Пушкина заключается въ легкой версификаціи; другой объявитъ во всеуслышаніе, что у Пушкина нѣтъ ни одной европейской мысли, какъ у его пріятеля г. А., г. Б., г. В. и т. д.;

третій откроетъ за тайну, что Пушкинъ безнравственъ; четвертый, что Пушкинъ не народенъ, увлекался обольщеніями лукаваго Запада, а не черпалъ своихъ вдохновеній изъ суздальскихъ лубочныхъ литографій и, подобно какому-нибудь риѳмотворцу, въ надутыхъ и холодныхъ стишонкахъ не кричалъ о смерти и гніеніи Европы [193]). Однимъ словомъ, будутъ прекурьёзныя критики... Но мы—что же будемъ дѣлать мы?.. Ужь конечно не слушать этихъ господъ, сложа руки... Пусть стрѣляютъ въ насъ и косвенными намеками, и статьями въ родѣ юридическихъ бумагъ извѣстнаго рода... Пусть толкуютъ о какихъ-то критикахъ, которые, не зная по-нѣмецки, изъ третьихъ рукъ перевираютъ Гегеля. Пусть!.. Мы будемъ идти своею дорогою, не замѣчая криковъ и брани. Публика уже разсудила и ихъ и насъ. Публика знаетъ, что въ журналистикѣ нѣтъ публичныхъ экзаменовъ, не нужны ученые дипломы, а нуженъ умъ, талантъ и знаніе, независящіе отъ экзаменовъ и дипломовъ, и что только зависть, невѣжество, незнаніе приличій могутъ отважить кого-нибудь на произвольное и ничѣмъ-недоказанное обвиненіе въ незнаніи языка или какой-нибудь науки... Да еслибъ и такъ когда-нибудь и гдѣ-нибудь было, что жь тутъ худаго?—Конечно, знаніе языковъ и ученость—великое дѣло въ критикѣ; но публика предпочитаетъ умную статью хотя бы и не Богъ-знаетъ какого ученаго критика—нелѣпой статьѣ ученаго невѣжды; голосъ истины и свободнаго убѣжденія, живо и съ энергіей высказываемаго, предпочитаетъ апатическимъ бреднямъ отсталаго труженика науки, надутаго педанта, бездарнаго витязя фоліантовъ и буквъ. Что дѣлать! публика женщина, а прихоть составляетъ характеръ женщины; это ея вдохновеніе... И такъ, не смотря ни на кого, о полномъ собраніи сочиненій Пушкина «Отечественныя Записки» скоро представятъ статью, а можетъ-быть и цѣлый рядъ статей... [194]).

***543. Фритіофъ, Скандинавскій Богатырь.** Поэма *Тегнёра* въ русскомъ (?) переводѣ *Я. Грота.* Гельсингфорсъ. Въ типографіи вдовы Симеліусъ. 1841. Въ 12-ю д. л. 60 и 207 стр. [195]).

Мы виноваты передъ скандинавскимъ рыцаремъ, которому съ чего-то вздумалось назваться «богатыремъ»: еще въ прошлой книжкѣ слѣдовало бы намъ отдать о немъ отчетъ публикѣ; но срочность журнальной работы часто отвлекаетъ отъ хорошей книги, именно потому-что она хороша и требуетъ отзыва болѣе обдуманнаго, и обращаетъ перо рецензента къ кучѣ вздоровъ, отъ которыхъ можно скоро отдѣлаться, только слегка заглянувъ въ нихъ. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ обращаемся теперь къ «Фритіофу».

«Фритіофъ» — поэма шведскаго поэта Тегнёра, созданная имъ изъ народныхъ сказокъ и преданій, слѣдовательно, по-преимуществу, произведеніе народное, которое должно быть мало доступно и мало интересно для всякой другой публики, кромѣ шведской. Но «Фритіофъ», не смотря на свою народность, обще-

доступенъ, понятенъ и въ высшей степени интересенъ для всякой публики и на всякомъ языкѣ, если переданъ хоть такъ хорошо, какъ передалъ его на русскій языкъ г. Гротъ. Причина этому — обще-человѣческое содержаніе и самый характеръ скандинавской народности. Чтобъ эта мысль была для всѣхъ ясна, мы должны въ краткомъ очеркѣ изложить содержаніе «Фритіофа».

Фритіофъ, сынъ Торстена Викингсона, бонда (владѣльца земли, вассала) и брата по оружію конунга (вождя, государя) Бела, воспитывается у Гильдинга, стараго бонда, вмѣстѣ съ Ингеборгою, дочерью конунга Бела. Оба они любятъ другъ друга съ самой нѣжной юности.

Какъ счастливъ Фритьофъ! онъ въ восторгѣ,
Что руны первыя узналъ;
Онъ ихъ толкуетъ Ингеборгѣ,
Богаче конунга онъ сталъ.
Какъ любитъ онъ, поднявъ вѣтрило,
Носиться съ ней надъ бездной волнъ!
Какъ бьетъ она въ ладони мило,
Когда онъ правитъ легкій челнъ!
Какъ высоко гнѣздо ни свито,
Онъ ей достать его готовъ,
И у орлицы, въ тучахъ скрытой,
Легко отнять ему птенцовъ.
И какъ ни быстръ потокъ сердитый,
Онъ радъ нести подругу въ бродъ!
Прелестной ручкою обвитый,
Смѣется Фритьофъ шуму водъ.
Ей съ поля первый цвѣтъ душистый,
Ей земляники первый пукъ,
Ей первый колосъ золотистый,
Приноситъ рѣзвый, вѣрный другъ.
Но дѣтство мчится мимо: вскорѣ
Ужъ пылкій юноша цвѣтетъ
Съ мольбой, съ надеждою во взорѣ,
И дѣва, полная красотъ.
Ужъ Фритьофъ ходитъ на ловитву;
Иному бъ страшенъ былъ тотъ ловъ;
Онъ безъ меча, безъ дрота въ битву
Зоветъ медвѣдя въ тьмѣ лѣсовъ.
Грудь съ грудью бьются; но со славой
Смѣльчакъ, хоть раненъ, прочь идетъ;
У ногъ подруги даръ кровавый;
Она ли имъ пренебрежетъ?
Нѣтъ, *женамъ мужество любезно,*
И сила стоитъ красоты:
Чело бойца и шлемъ желѣзный
Краса и сила—вотъ четы *!

*) Жаль, что эти два послѣдніе стиха въ куплетѣ темно и слабо переданы.

Когда же въ поздній часъ зимою
Предъ очагомъ читалъ онъ стихъ
Иль о Валгаллѣ—мздѣ герою—
Иль о богахъ и женахъ ихъ;
Онъ мыслилъ: „Свѣтлы кудри Фреи,
Какъ жатва зыбкая полей;
Что жь? сѣть златая вкругъ лилеи—
Вотъ кудри дѣвицы моей.
Идуны перси ярко блещутъ,
Дрожа подъ тканью шелковой;
Я знаю ткань; подъ ней трепещутъ
Два альфа съ пышной полнотой.
У Фригги очи такъ же ясны,
Какъ небо спнее весной;
Я знаю очи: день прекрасный
Предъ ними будто мракъ ночной.
Ланиты Герды—снѣгъ, горящій
Сіяньемъ сѣверныхъ огней;
Ланиты есть: то день, всходящій
Съ двойною утренней зарей.
Есть сердце: какъ у Нанны, страстно—
Хоть и не славится—оно:
Тебѣ, о Бальдеръ, не напрасно
Похвалъ такъ много воздано!
О если бъ я, какъ ты сраженный,
Подругой могъ оплаканъ быть,
Какъ Нанна нѣжной, неизмѣнной,—
Я былъ бы радъ у Гелы жить".
А дѣва, съ пѣснью про героя,
Безпечно ткала,—въ свой узоръ
Перенося картину боя
И волны синія и боръ.
Средь бѣлой шерсти вырастаютъ
Щиты златые, день за днемъ,
И копья красныя летаютъ,
И латы блещутъ серебромъ.
Герой же битвы непримѣтно
Все съ нимъ становится сходнѣй;
Вотъ онъ съ ковра глядитъ привѣтно:
Ей любо, но и стыдно ей.
Межь тѣмъ, въ лѣсу мечтатель юный
Врѣзаетъ всюду *И* да *Ф;*
Слились ихъ души: вотъ и руны
Ростутъ, сплетясь, въ корѣ деревъ.
Стоитъ ли День на небосводѣ—
Сей златовласый царь земли—
И жизнь кипитъ въ обычномъ ходѣ,
Другъ другомъ заняты они.
Стоитъ ли Ночь на небосводѣ—
Мать темновласая земли—

И все молчитъ при звѣздномъ ходѣ,
Другъ другомъ заняты они.
„Земля! цвѣтами молодыми
Свое чело ты убрала;
Отдай мнѣ лучшіе, чтобъ ими
Я увѣнчать его могла“.
—„Ты, Море, перлами обило
Свой влажный, сумрачный чертогъ:
Отдай мнѣ лучшіе, чтобъ милой
Я ожерелье сдѣлать могъ“.
„Златое Солнце, міра око,
Звѣзда съ Одинова чела!
Будь ты моимъ,—твой кругъ широкой
Ему бъ на щитъ я отдала!“
—„О Мѣсяцъ, Мѣсяцъ серебристый,
Свѣча Одиновыхъ палатъ!
Будь ты моимъ,—твой обликъ чистый
Я бъ милой отдалъ на нарядъ“.

Мы нарочно выписали такой большой отрывокъ, чтобъ не разсужденіями, а фактомъ показать, что̀ такое скандинавская любовь и каковы были взаимныя чувства и отношенія Фритіофа и Ингеборги. Какая чистота, глубокость, возвышенность, благородство! Какой обще-человѣческій характеръ! Здѣсь видны всѣ элементы рыцарства, въ-послѣдствіи, при вліяніи христіанства, такъ роскошно развившагося.

Гильдингъ говоритъ сыну, что Ингеборга ему неровня, и что потому онъ долженъ забыть свою любовь; Фритіофъ отвѣчаетъ:

Нѣтъ, вольный мужъ не уступаетъ;
Ему весь міръ въ наслѣдье данъ;
Судьба неровное равняетъ;
Вѣнцомъ надежды я вѣнчанъ.
Знатна могущества порода:
Живъ Торъ среди своихъ палатъ;
Онъ хочетъ доблести—не рода:
Товарищъ-мечъ—вѣрнѣйшій сватъ.
Я бъ за невѣсту, не блѣднѣя,
И противъ бога грома сталъ.
Цвѣти, цвѣти, моя лилея,
А кто разрознитъ насъ—пропалъ!

Конунгъ Белъ созываетъ дѣтей.

„Къ закату—началъ конунгъ—мой день пришелъ;
Мнѣ медъ уже не вкусенъ, мнѣ шлемъ тяжелъ.
Во взорахъ мракъ скрываетъ юдоль земную,
Валгалла ярче блещетъ; то смерть я чую.

Белъ, по обычаю скандинавскому, запрещающему героямъ умирать естественною смертію на постели, вмѣстѣ съ другомъ и сподвижникомъ своимъ, Тор-

стеномъ Викингсономъ, рѣшается умереть отъ меча. Его завѣщаніе дѣтямъ дышетъ исполинскимъ величіемъ скандинавской поэзіи и миѳологіи.

По смерти конунга Бела, владѣніе его наслѣдуютъ сыновья его, Гелгъ и Гальфданъ; Фритіофъ одинъ наслѣдуетъ владѣнія своего отца—

На три мили въ три стороны земли его простирались,
Долы, холмы и горы; четвертой касалося море.
Холмы увѣнчаны были березовымъ лѣсомъ; на скатахъ
Стлались ячмень золотой и рожь въ вышину человѣка.
Тамъ зеркалами лежали озера межь горъ и межь рощей,
Гдѣ круторогіе лоси гуляли царственнымъ шагомъ
И изъ несчетныхъ токовъ студеную черпали воду.
Въ долахъ обширныхъ паслись на злакѣ стада, и лоснилась
Шерсть у нихъ и ждали сосцы вожделенныхъ сосудовъ.

Фритіофъ сватается за Ингеборгу. Его объясненіе съ Ингеборгою — верхъ поэзіи. Гелгъ, братъ Ингеборги, съ презрѣніемъ отказываетъ Фритіофу въ рукѣ сестры своей. Рингъ, престарѣлый владѣтель Нордландіи (Норвегіи), хочетъ жениться на Ингеборгѣ:

Она молода еще; знаю, что ей
Угоднѣе были бы розы;
А я ужъ отцвѣлъ: надъ главою моей
Межь рѣдкихъ кудрей
Ужъ снѣгъ разсыпаютъ морозы.
Но ежели можетъ она полюбить
Меня, старика съ сѣдиною,
И матерью сирымъ готова служить:
То тропъ раздѣлить
Угрюмая Осень желаетъ съ Весною.

Гелгъ отказываетъ Рингу—и Рингъ идетъ на него войною. Братья просятъ помощи Фритіофа—онъ отказываетъ. Ингеборга заключена въ храмѣ Бальдера; Фритіофъ тайно видится съ нею тамъ. Невозможно дать понятія о полнотѣ лиризма, о возвышенной прелести поэзіи, съ которыми изображены эти свиданія. Пѣснь XIII поэмы, содержащая въ себѣ прощаніе Фритіофа съ Ингеборгою — торжество поэзіи. Гелгъ, узнавъ о тайныхъ свиданіяхъ, народнымъ судомъ изгоняетъ Фритіофа изъ отечества. Фритіофъ, объявляя это Ингеборгѣ, преклоняетъ ее бѣжать съ нимъ. Она отвергаетъ его предложеніе, и говоритъ ему:

Мой другъ, будь мудръ! уступимъ грознымъ Норнамъ:
Все отдадимъ, но честь свою спасемъ;
Мы счастія уже спасти не можемъ,
Должны разстаться.

Фритіофъ.

Почему жъ должны?
Не потому ль, что ты безсонной ночью
Разстроена?

Ингеборга.

Нѣтъ, потому что должно
Намъ сохранить достоинство свое.

Фритіофъ,

Вамъ, женщинамъ, достоинство дается
Лишь нашею любовью.

Ингеборга.

Не прочна
И самая любовь безъ уваженья.

Фритіофъ.

Упрямствомъ трудно заслужить его.

Ингеборга.

Любить свой долгъ—похвальное упрямство.

Фритіофъ.

Вчера былъ долгъ въ ладу съ любовью нашей.

Ингеборга,

И нынѣче, но бѣжать онъ запрещаетъ.

Фритіофъ.

Необходимость намъ велитъ бѣжать.

Ингеборга.

Лишь благородное необходимо.

Фритіофъ.

Ужь солнце высоко, проходитъ время.

Ингеборга.

Увы! оно прошло ужь невозвратно.

Фритіофъ.

И такъ, рѣшенья ты не перемѣнишь?
Подумай...

Ингеборга.

Все обдумано давно.

Фритіофъ.

Прости же, Гелгова сестра, прости!

Наконецъ, эта твердость героическаго рѣшенія Ингеборги уступаетъ мѣсто нѣжному изліянію любящаго женственнаго сердца,—накипѣвшее чувство изливается тихимъ, но быстрымъ потокомъ страдающей любви. Фритіофъ говоритъ ей: «ты побѣдила!», оставляетъ ей на память золотое запястье, и уходитъ. За тѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ IX—«Плачъ Ингеборги», полный невыразимой поэзіи.

Фритіофъ не совсѣмъ изгнанъ изъ отчизны, но на него только возложенъ подвигъ—взять дань съ ярла Ангантира, владѣтеля Оркадскихъ Острововъ, который всегда платилъ дань Белу, но по смерти его пересталъ. Коварный Гелгъ вызываетъ изъ моря злыхъ духовъ—море волнуется, но Фритіофъ восклицаетъ:

Весело мнѣ, братья,
Съ бурею бороться:
Бурѣ и Норману

На морѣ житье.
Ингеборгѣ стыдно бъ
Стало, еслибъ въ пристань
Полетѣлъ отъ вѣтра
Вѣрный ей орелъ.

Онъ побѣждаетъ чудищъ и бурю, пристаетъ къ берегу и переноситъ на него своихъ товарищей, выбившихся изъ силъ. У Ангантира пиръ. Одинъ изъ его воиновъ, берсеркъ, бьется съ Фритіофомъ; выбивъ у берсерка мечъ, Фритіофъ бросаетъ свой, желая сражаться равнымъ оружіемъ. Они сплетаются руками—и Фритіофъ наступилъ колѣномъ на грудь врага, говоря, что еслибъ съ нимъ былъ мечъ, онъ закололъ бы его. «Возьми свой мечъ» отвѣчаетъ ему берсеркъ «а я буду лежать и ждать». Пораженный такою доблестью врага, Фритіофъ мирится съ нимъ. Слѣдуетъ описаніе пира у Ангантира. Ангантиръ, изъ уваженія къ Фритіофу, обѣщаетъ платить дань, велитъ своей прекрасной дочери подчивать гостя виномъ, и приглашаетъ его прогостить у нихъ до лѣта. Наконецъ, Фритіофъ возвращается на родину и узнаетъ, что Ингеборга—жена Рынга, который добылъ ее огнемъ и мечомъ... Между-прочимъ, старый Гильдингъ разсказываетъ Фритіофу, что Гелгъ, увидѣвъ на рукѣ сестры своей его запястье, снялъ и надѣлъ на кумиръ бога Бальдера. Фритіофъ преисполняется дикимъ негодованіемъ и сжигаетъ храмъ бога Бальдера. Фритіофъ снова изгнанникъ и мчится на югъ по волнамъ моря... Пѣснь XV заключаетъ въ себѣ морской уставъ *викинга* (такъ назывались младшіе сыновья конунговъ, долженствовавшіе оружіемъ снискивать себѣ счастіе); въ этомъ уставѣ—символъ вѣры и политическій кодексъ Нормана:

Ни шатровъ на судахъ, ни почлега въ домахъ: супостатъ за дверьми стережетъ;
Спитъ на ратномъ щитѣ, мечъ булатный въ рукѣ, а шатромъ — голубой небосводъ.
Какъ у Фрея, лишь въ локоть будь мечъ у тебя; малъ у Тора громящаго млатъ.
Есть отвага въ груди,—ко врагу подойди—и не будетъ коротокъ булатъ.
Какъ взыграетъ гроза, подыми паруса: подъ грозою душѣ веселѣй.
Пусть гремитъ, пусть реветъ: трусъ—кто парусъ совьетъ; чѣмъ быть трусомъ, погибни скорѣй.
Чти на сушѣ миръ дѣвъ, на судахъ нѣтъ имъ мѣстъ: будь то Фрея, бѣги отъ красы.
Ямки розовыхъ щекъ всѣхъ обманчивѣй рвовъ, и какъ сѣти—шелковы власы.
Самъ Одинъ пьетъ вино, и похмѣлье не зло: лишь храни надъ собою ты власть:
Надъ землею упавъ, ты подымешься здравъ; здѣсь же къ Рапѣ страшися упасть.
Ты купца, на пути повстрѣчавъ, защити; но возьми съ него должную дань.
Ты владыка морей; онъ же прибыли рабъ: благороднѣйшій промыселъ—брань.
Ты по жребью добро на помостѣ дѣли, и на жребій не жалуйся свой;
Самъ же конунгъ морской не вступаетъ въ дѣлежъ: онъ доволенъ и честью одной.

Но вотъ викингъ плыветъ: нападай и рубись; подъ щитами потѣха бойцамъ
Кто отстанетъ на шагъ, тотъ не нашъ: вотъ законъ, поступай, какъ ты вѣ
даешь самъ.
Побѣдивъ, укротись: кто о мирѣ просилъ, тотъ не врагъ уже болѣ тебѣ.
Дочь Валгаллы мольба; ты дрожащей внимай; тотъ презрѣнъ, кто откажетъ
мольбѣ.
Рапа—прибыль твоя: на груди, на челѣ то прямая украса мужамъ:
Ты чрезъ сутки, не прежде, ее повяжи, если хочешь собратомъ быть намъ.

Наконецъ, Фритіофъ рѣшается ѣхать къ Рингу—но не врагомъ, а мирнымъ гостемъ, чтобъ проститься съ Ингеборгою. У Ринга былъ пиръ, когда вошелъ въ чертогъ человѣкъ, покрытый съ темени до ногъ медвѣжьею шкурою, и который, какъ ни нагибался надъ нищенской клюкою, но все былъ выше всѣхъ другихъ. Онъ сѣлъ у дверей; одинъ изъ придворныхъ вздумалъ надъ нимъ посмѣяться, и пришлецъ могучею рукою поставилъ его вверхъ ногами. Конунгъ, довольный его смѣлымъ отвѣтомъ, проситъ сбросить личину—врага веселія: тогда явился глазамъ всѣхъ богато-одѣтый юноша.

Прекрасенъ, будто Бальдеръ, могущественъ какъ Торъ.
У Ингеборги вспыхнулъ румянецъ на щекахъ;
Такъ сѣвернымъ сіяньемъ пылаетъ снѣгъ въ поляхъ;
Вздыматься стали перси, какъ бурною порой
Двѣ лиліи рѣчныя качаются волной.

Рингъ восклицаетъ: «хоть и страшенъ Фритіофъ, но одержу надъ нимъ верхъ, при помощи Фреи, Тора и Одина». Отвѣтъ Фритіофа—громъ и молнія. Онъ называетъ себя другомъ дѣтства Фритіофа и клянется быть его защитникомъ.

Тогда съ улыбкой конунгъ сказалъ: „Твой смѣлъ языкъ;
Но рѣчь вольна въ чертогахъ у сѣверныхъ владыкъ;
Жена, поподчуй гостя вкуснѣйшимъ ты виномъ;
Надѣюсь, съ незнакомцемъ мы зиму проведемъ“.
. . . . . .
Потупя взоры, гостю даетъ она вино.
Трепещетъ, и плеснуло ей на руку оно.
Какъ блескъ вечерній пышетъ на лиліяхъ порой,
Горѣли темны капли надъ бѣлою рукой.
И гость, взявъ рогъ, съ улыбкой поднесъ его къ устамъ.
Въ нашъ вѣкъ не осушить бы его и двумъ мужамъ;
Но мощный не запнулся, и весь въ одинъ глотокъ,
Прекрасной въ угожденье, онъ осушилъ тотъ рогъ.

За тѣмъ пѣсни скальда—

Сталъ пѣть онъ о Валгаллѣ, о мздѣ за смерть въ бояхъ,
О подвигахъ Норманновъ на сушѣ и въ моряхъ.
За мечъ бойцы хватались, и взоръ у нихъ пылалъ,
И прежняго быстрѣе кругомъ ходилъ бокалъ.

Весна. Рингъ собрался на охоту.

Вотъ сама царица лова! Бѣдный Фритьофъ, не гляди!
Какъ звѣзда, она сіяетъ на богатой лошади—

Это Фрея, это Рота, но еще прекраснѣй ихъ;
На главѣ уборъ пурпурный съ связкой перьевъ голубыхъ.
Не гляди на свѣтлы очи, не смотри на блескъ кудрей!
Дальше! станъ ея такъ строенъ, перси такъ полны у ней!
Не любуйся на лилеи и на розы этихъ щёкъ,
Не лови ты звуковъ, сладкихъ будто вешній вѣтерокъ!

Фритіофа мучитъ грустное раздумье; онъ уже раскаявается, что увидѣлъ Ингеборгу. Между тѣмъ, вмѣстѣ съ Рингомъ, онъ отстаетъ отъ охотниковъ, и усталый Рингъ хочетъ отдохнуть; Фритіофъ стелетъ на травѣ плащъ, и Рингъ преклоняется головою къ его колѣнямъ. Демонъ искушенія, въ видѣ черной птицы, преклоняетъ Фритіофа убить спящаго Ринга; пѣсня бѣлой птицы прогоняетъ искушеніе—Фритіофъ далеко отъ себя бросаетъ мечъ свой. Тогда Рингъ признается ему, что его сонъ былъ притворный; онъ зналъ, что его гость не кто иной, какъ «ужасъ народовъ и боговъ»—Фритіофъ.

Сѣдъ я, видишь; скоро, скоро подъ курганомъ буду я;
Ты тогда возьми и край мой и жену: она твоя.
Будь дотолѣ нашимъ гостемъ: я—второй тебѣ отецъ;
Безъ меча, ты—мой защитникъ; нашей давней прѣ конецъ.

Жалѣемъ, что мѣсто не позволяетъ намъ выписать отвѣта Фритіофа, гдѣ онъ отъ всего отказывается и хочетъ ѣхать въ море, на борьбу съ бурями, на битвы, которыя однѣ могутъ заглушить мученія его совѣсти за сожженіе храма Бальдера и утишить волненіе его страсти. Это сама поэзія,—мрачная, гордая, могучая поэзія сѣвера!

Рингъ умираетъ, и народъ, избирая Фритіофа опекуномъ его сына и правителемъ страны, требуетъ, чтобъ онъ женился на Ингеборгѣ; но Фритіофъ возвращается на родину, воздвигаетъ новый, великолѣпный храмъ Бальдеру, узнаетъ о смерти Гелга и, подходя къ Гальфдану для примиренія—

„Въ сей распрѣ—съ кротостью сказалъ онъ—будетъ тотъ
Великодушный, кто сперва предложитъ миръ“.
Тутъ Гальфданъ, покраснѣвъ, совлекъ съ руки своей
Желѣзную перчатку, и опять сплелись
Давно разрозненныя длани; какъ скала,
Надежно, крѣпко было рукожатье то!
Старикъ тогда сложилъ проклятіе съ главы
Изгнанника,—того, кто „Волкомъ Храма“ слылъ.
И въ тотъ же мигъ явилась Ингеборга къ нимъ,
Въ нарядѣ брачномъ, въ горностаевомъ плащѣ,
И дѣвы шли за ней, какъ звѣзды за луной.
Въ слезахъ она въ объятья Гальфдана спѣшитъ
А онъ, растроганный, прекрасную сестру
Склоняетъ къ Фритьофу на грудь. И вотъ она
Предъ жертвенникомъ руку предаетъ тому,
Кого отъ сердца любитъ, кто ей съ дѣтства милъ.

Вотъ содержаніе поэмы лауреата Швеціи. Какіе элементы жизни, и какъ было такому даровитому поэту не создать изъ нихъ такой превосходной поэмы!

*

Великодушное геройство, неукротимая, рьяная любовь, стремленіе къ славѣ и великимъ дѣламъ, ненасытимая жажда мести за оскорбленную честь и достоинство—и готовность прощать; бурное, гордое вольнолюбіе—и благоговѣйное уваженіе къ законамъ нравственности и истины; любовь къ женщинѣ могучая, безпредѣльная, страстная и, вмѣстѣ, кроткая, нѣжная, покорная, дѣвственная, чистая—вотъ они, эти романтическіе элементы, это зерно будущаго рыцарства! А между тѣмъ, нравы дики, воинственность отзывается звѣрствомъ, право сильнаго торжествуетъ, кровь льется безпрестанно! Да, народная поэзія *такого* племени доступна всѣмъ народамъ и всѣмъ вѣкамъ: изъ нея смѣло могутъ черпать поэты новѣйшаго времени и изъ ея элементовъ созидать произведенія міровыя и вѣчныя! Все дѣло въ идеѣ: чѣмъ общѣе идея, тѣмъ родственнѣе духу человѣческому форма, выразившая ее. А какая же идея общѣе, человѣчнѣе, родственнѣе всѣмъ вѣкамъ и народамъ, какъ не идея мужества, доблести, правды, любви, и всего, чѣмъ гордится человѣчество, въ чемъ люди сознаютъ свое братство, свое единокровное родство въ Богѣ?..

Не зная подлинника, не можемъ утвердительно судить о достоинствѣ поэмы Тегнѣра; можемъ сказать только, что чѣмъ болѣе нравился намъ переводъ г. Грота, тѣмъ несравненно выше представлялся нашей фантазіи подлинникъ... Какіе грандіозные образы, какая сила, энергія въ чувствѣ, какая свѣжесть красокъ, какой дивно-поэтическій колоритъ! Это совершенно-новый, оригинальный міръ, полный безконечности, величавый и сумрачный, какъ даль океана, какъ вѣчно-суровое небо сѣвера, опирающееся на исполинскія сосны... Отъ всей души благодаримъ г. Грота за его прекрасный подарокъ русской публикѣ...

Что̀ касается до достоинства перевода,—нельзя не отдать полной справедливости таланту г. Грота, какъ переводчика. Онъ умѣлъ сохранить колоритъ скандинавской поэзіи подлинника, и потому въ его переводѣ есть жизнь: а это уже великая заслуга въ дѣлѣ такого рода! Жаль только, что между прекрасными стихами, у него нерѣдко попадаются стихи прозаическіе, неточность въ выраженіи, а отъ-того и темнота. Можетъ-быть, это происходило и отъ желанія быть какъ-можно-вѣрнѣе смыслу подлинника: въ такомъ случаѣ, мы самые недостатки готовы принять за достоинство, тѣмъ болѣе, что со-временемъ г-ну Гроту легко будетъ исправить ихъ. Впрочемъ, нѣкоторыя пѣсни переведены прекрасно, особенно XIX-я. Намъ очень нравится, что г. Гротъ каждую пѣсню переводилъ размѣромъ подлинника. Такъ-какъ форма всегда соотвѣтствуетъ идеѣ, то размѣръ отнюдь не есть случайное дѣло,—и измѣнить его въ переводѣ, значитъ поступить произвольно. Можетъ быть, такой переводъ будетъ и выше самого подлинника, но тогда онъ—уже передѣлка, а не переводъ.

Переводъ г. Грота снабженъ всѣми вспомогательными средствами, облегчающими для читателя уразумѣніе поэтическаго произведенія: объясненіемъ непонятныхъ словъ, разсказомъ о нравахъ, обычаяхъ и миѳологіи древней Скандинавіи, извѣстіемъ о переводѣ «Фритіофа» на всѣ языки, письмомъ Тегнѣра,

касающимся до его поэмы. Словомъ, изданіе перевода г. Грота, не въ примѣръ русскимъ книгамъ, *европейское* въ полномъ смыслѣ этого слова. Видно, что г. Гротъ занялся переводомъ «Фритіофа» съ любовію и усердіемъ, долго изучалъ его. Въ типографскомъ отношеніи, книжка г. Грота могла бы назваться изящною, еслибъ не была непріятно для глазъ и безъ всякой нужды испещрена заглавными буквами [196]).

*544. **Древнія россійскія стихотворенія,** собранныя *Киршею Даниловымъ*, и вторично изданныя. Москва. 1818.

Древнія русскія стихотворенія (,) служащія въ дополненіе (дополненіемъ?) *къ Киршъ Данилова (у?)*. Собранныя *М. Сухановымъ*. Санктпетербургъ. 1840.

Сказанія русскаго народа, собранныя *И. Сахаровымъ*. Т. I. Кн. 1, 2, 3, 4. Изданіе третіе. Санктпетербургъ. 1841.

Русскія народныя сказки. Часть I. Санктпетербургъ. 1841 [197]).

Статья I.

Общая идея народной поэзіи.

«Народность» есть альфа и омега эстетики нашего времени, какъ «украшенное подражаніе природѣ» было альфою и омегою эстетики прошлаго вѣка. Высочайшая похвала, какой только можетъ, въ наши дни, удостоиться поэтъ, самый громкій титулъ, какимъ только могутъ теперь почтить его современники или потомки, состоитъ въ словѣ «народный поэтъ». Выраженія: «народная поэма», «народное произведеніе», часто употребляются теперь вмѣсто словъ: «превосходное, великое, вѣковое произведеніе». Волшебное слово, таинственный символъ, священный гіероглифъ какой-то глубокознаменательной, неизмѣримо-обширной идеи,—«народность» замѣнила собою и творчество, и вдохновеніе, и художественность, и классицизмъ, и романтизмъ, заключила въ одной себѣ и эстетику, и критику. Короче: «народность» сдѣлалась высшимъ критеріумомъ, пробнымъ камнемъ достоинства всякаго поэтическаго произведенія и прочности всякой поэтической славы. Но всѣ ли, говоря о народности, говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ? не злоупотребляютъ ли это слово? [198]) понимаютъ ли его истинное значеніе? Увы! съ «народностью» сдѣлалось то же, что нѣкогда произошло съ «романтизмомъ» и со многими другими словами, которыя потому именно и утратили всякое значеніе, что слишкомъ расширились въ значеніи,—которыя сдѣлались непонятны ни для кого потому именно, что казались всѣмъ слишкомъ понятными! Чтобъ уяснить значеніе слова «народность», мы должны изъяснить процессъ историческаго развитія идеи, заключающейся въ этомъ словѣ, должны показать, когда начали думать о «народности», что разумѣли подъ нею прежде, и что должно разумѣть подъ нею въ наше время.

Было время, когда всѣ литературы только изъ того и бились, чтобъ не быть народными, но быть подражательными. Подражательность въ литературѣ рождена Римлянами. Народъ практическій, народъ меча и закона, Римляне были обдѣлены отъ природы эстетическимъ чувствомъ. Республика по справедливости могла гордиться своимъ энергическимъ и благороднымъ краснорѣчіемъ, которое родилось, выросло и расцвѣло на республиканской почвѣ, вмѣстѣ съ гражданственностію, и которое съ монархіею переродилось въ реторику; но республика не имѣла поэзіи, какъ искусства: вся ея поэзія заключалась въ гражданской доблести, въ великихъ дѣлахъ и подвигахъ свободнаго и могучаго народа. О поэзіи, какъ искусствѣ, Римляне узнали отъ Грековъ, которые, умершіи въ настоящемъ, жили своимъ великимъ прошедшимъ, въ настоящемъ безславіи утѣшались прошедшею славою, и, за неимѣніемъ всякаго другаго дѣла, изучали въ школахъ памятники поэзіи цвѣтущаго времени своей исторіи, которое навсегда прошло для нихъ. Завоевавъ трупъ нѣкогда столь прекрасной Эллады, варваръ-Римлянинъ впервые, такъ сказать, столкнулся съ геніемъ ея давняго искусства и обошелся съ нимъ истинно по-варварски: извѣстно, что консулъ Муммій, сжегши и разграбивъ великолѣпный Коринѳъ, отправляя въ Римъ статуи и картины, сдѣлалъ съ перевозчикомъ условіе, по которому тотъ, въ случаѣ утраты статуи, или картины, обязывался представить въ замѣнъ такую-же, а попорченную исправить на свой счетъ. Однакожь, не смотря на ненависть Марка Катона къ греческой философіи и учености, вкусъ къ ней началъ быстро распространяться въ Римѣ. Знаменитые люди Рима той эпохи воспитываются греческими выходцами; изученіе греческой литературы дѣлается необходимостію для образованнаго Римлянина. Но римская поэзія началась не прежде, какъ когда Августъ затворилъ храмъ Януса, и мертвымъ обманчивымъ покоемъ замѣнилъ кровавыя волненія республики. Отпущенный рабъ Горацій называлъ себя подражателемъ Пиндара, и, посвятивъ свою сговорчивую музу хваленію своего добраго барина, благодѣтеля, отца и заступника,—Мецената, ввелъ въ моду поэзію прихожихъ, которая такъ восхищала Французовъ до временъ Возстановленія [199]). Виргилій потщился явить въ своемъ лицѣ римскаго Гомера—и, *чахоточный отецъ немного тощей «Энеиды»*, съ большимъ успѣхомъ перепародировалъ божественную «Иліаду», или—какъ говорили эстетики прошлаго вѣка—весьма удачно *подражалъ* Гезіоду и Теокриту. Болѣе его поэтическій Овидій передалъ въ своихъ стихахъ поэтическія преданія эллинской миѳологіи. Впрочемъ, рабство Римлянъ въ поэзіи не было результатомъ только политическаго униженія: національный духъ Римлянъ всегда былъ чуждъ поэзіи, и истинная латинская литература заключается въ памятникахъ краснорѣчія и историческихъ сочиненіяхъ, между которыми достаточно указать только на записки Юлія Цезаря и лѣтопись Тацита, чтобъ увидѣть великое значеніе латинской литературы. Но тѣмъ не менѣе, подражательная латинская поэзія стала на ряду съ греческою въ глазахъ новѣйшей Европы. Послѣдній представитель французской критики, Лагарпъ, отдавая «Иліадѣ» преимущество предъ «Энеи-

дою»,—преимущество въ силѣ,—«Энеиду» ставитъ несравненно выше «Иліады» со стороны изящества. Вѣроятно, первою причиною этого было, что новѣйшая Европа съ латинскою поэзіею познакомилась прежде, чѣмъ съ греческою. Изъ латинскаго языка образовались почти всѣ ново-европейскіе языки, кромѣ нѣмецкаго, и латинскій языкъ былъ богослужебнымъ языкомъ новѣйшей Европы, которая на немъ приняла книги священнаго писанія. Схоластическое направленіе европейской учености среднихъ вѣковъ также много способствовало преобладанію духа латинской поэзіи. Французы, гордые новымъ просвѣщеніемъ, основаннымъ на изученіи древности, отверглись отъ преданій среднихъ вѣковъ и всѣхъ романтическихъ элементовъ, столь родственныхъ ихъ національному духу, какъ и вообще духу всей новѣйшей Европы, возмечтали создать себѣ литературу, основанную на подражаніи греческой, которой они нисколько не понимали (потому-что не понимали никакой истинной поэзіи), и латинской, которая болѣе соотвѣтствовала ихъ практическому, соціальному духу. Ars poetica Горація родила l'Art poétique Буало, которое и сдѣлалось съ того времени кодексомъ, алкораномъ ихъ эстетики. Но, думая подражать Грекамъ въ трагедіи, Французы и тутъ, на зло себѣ, оставались Французами: ихъ трагедія столько же походила на драматическія поэмы Софокла и Эврипида, сколько придворные Людовика XIV походили на Агамемноновъ и Клитемнестръ героической Греціи. Чтобъ сдѣлать подражаніе какъ можно ближе къ подлиннику, они не только навязали греческимъ и римскимъ героямъ и героинямъ любезность и любезничанье, сантиментальность и надутость своихъ маркизовъ и маркизъ, но даже и одѣли ихъ въ огромные парики, шитые кафтаны и робы съ фижмами, и на лица налѣпили множество мушекъ. Въ подражаніи латинской поэзіи, Французамъ удалось лучше: если сантиментальныя эклоги ихъ идилликовъ—г-жи Дезульеръ, Флоріана и другихъ ужь черезчуръ были пошлы даже въ сравненіи съ эклогами Виргилія,—за то l'Art poétique и сатиры Буало едва-ли были ниже Ars poetica и сатиръ Горація, а вольтерова «Генріада» рѣшительно ничѣмъ не уступаетъ виргиліевой «Энеидѣ». Кромѣ многихъ другихъ причинъ, переходъ Французовъ къ подражанію древнимъ былъ очень понятенъ еще и какъ противодѣйствіе сантиментально-аллегорическому направленію ихъ литературы, которымъ ознаменовалась эпоха, раздѣлявшая средніе вѣка отъ новѣйшей исторіи. Не удивительно, что вліянію французскаго вкуса покорились Нѣмцы, которые совсѣмъ не имѣли литературы, когда у Французовъ уже была литература; но удивительно, что вліянію французскаго вкуса покорились Англичане, которые имѣли Шекспира, когда еще у Французовъ не было даже и Корнеля, а были только Ронсары, Скюдери и подобные имъ. Конечно, причиною этого должно полагать общественное вліяніе Франціи на Европу, которое и теперь продолжается: въ дѣлѣ живой, общественной литературы, Французы всегда были и всегда будутъ впереди всѣхъ. Даже въ рабской подражательности непонятымъ образцамъ древнихъ литературъ Французы оставались вѣрны себѣ, были національны въ духѣ, будучи подражателями въ словахъ и внѣшнихъ фор-

махъ; но Англичане, въ лицѣ Драйдена и Попе, отказались сами отъ себя, и ихъ подозрительная литература была пустоцвѣтомъ въ полномъ смыслѣ этого слова... Вдругъ все измѣнилось. Возсталъ отъ апатическаго усыпленія національный геній Нѣмцевъ. Энергическій Лессингъ—этотъ литературный Лютеръ—мощно возсталъ противъ французскаго направленія и побѣдоносно низвергъ его. Самобытные геніи Гёте и Шиллера взошли на небосклонѣ юной германской литературы блестящими солнцами, которыхъ живительные лучи оплодотворили почву національнаго генія. Романтическая школа Шлегелей явилась крестовымъ походомъ на классическій исламизмъ,—и одинъ изъ этихъ примѣчательныхъ поборниковъ романтизма сражался съ классицизмомъ въ самой столицѣ его—Парижѣ [200]). Національный геній Англіи также воспрянулъ снова, и, въ лицѣ Байрона, явился у ней новый титанъ поэзіи; Вальтеръ Скоттъ создалъ совершенно новую поэзію,—поэзію прозы жизни, поэзію дѣйствительной жизни. Сама Франція отказалась отъ своихъ вѣковыхъ предубѣжденій, измѣнила своей національной гордости и отреклась отъ боговъ своего Парнасса, которые доставили ей владычество надъ всею Европою. И все это было сдѣлано ею во имя «романтизма»! Представители ея новаго направленія назвались «романтиками» и для дикаго мрака среднихъ вѣковъ навсегда разстались съ свѣтлымъ небомъ Эллады и Авзоніи. Что же такое былъ этотъ романтизмъ? Въ какомъ отношеніи находился онъ къ классицизму? Какимъ образомъ одна крайность такъ быстро, безъ всякой постепенности, безъ всякаго посредствующаго перехода, могла замѣниться другою, враждебною и противоположною ей крайностію?... Но точно ли эти крайности такъ враждебны другъ другу, что между ними нѣтъ ничего общаго, нѣтъ никакой возможности примиренія?... Или, не кстати ли здѣсь вспомнить очень умную французскую поговорку: les extrémes se touchent?.. Въ самомъ дѣлѣ, не охладѣли ли мы теперь и къ самому романтизму, какъ еще недавно и такъ внезапно охладѣли къ классицизму?—Что ни говорите, но слово «романтизмъ» ужь рѣдко встрѣчается теперь въ нашихъ критикахъ и эстетикахъ; оно уже потеряло для насъ свое прежнее значеніе, ужь не служитъ отвѣтомъ на всѣ вопросы... Скажемъ болѣе: «романтизмъ» давно ужь уволенъ въ чистую, давно на покоѣ, хоть и избитый, измученный, израненный—не столько своими врагами, сколько поборниками... Это преинтересная исторія, которую надо изслѣдовать критически... Помнимъ мы, что «романтизмъ» въ своемъ началѣ шелъ объ-руку съ «народностію», часто былъ принимаемъ за одно съ нею; но—увы!—его ужь нѣтъ, этого прекраснаго молодаго человѣка, столь энергическаго и пламеннаго, хотя немного и съ растрепанными чувствами; его ужь нѣтъ,—а «народность» все еще скитается какимъ-то блѣднымъ призракомъ, словно заколдованная тѣнь, и, кажется, еще долго ей страдать и мучиться, долго играть роль невидимки, какого-то таинственнаго незнакомца, о которомъ всѣ говорятъ, на котораго всѣ ссылаются, но котораго едва-ли кто видѣлъ, едва-ли кто знаетъ... Взглянемъ же прямо въ лицо этому существу, чтобъ познакомиться съ нимъ настоящимъ образомъ, узнать всѣ его примѣты,

уловить настоящую его физіономію, и тѣмъ положить конецъ его «инкогнито».

Во всякомъ понятіи заключаются двѣ стороны, по-видимому, враждебныя между собою, но на-самомъ-дѣлѣ единосущныя; стороны эти, повидимому, никогда не могутъ сойдтись между-собою, но тѣмъ не менѣе непремѣнно должны примириться, слиться другъ съ другомъ и образовать новое, уже полное, органическое понятіе. Это примиреніе совершается не вдругъ, но чрезъ постепенное развитіе; оно бываетъ плодомъ раздѣленія, раздвоенія, борьбы; оно совершается по законамъ необходимости, въ жизненномъ, органическомъ процессѣ. Этимъ понятіе, или философская мысль, идея, отличается отъ простаго представленія. Представленіе есть нѣчто внѣшнее, готовое, неподвижное, безъ начала, безъ конца, безъ развитія. Понятіе (мысль, или идея) есть нѣчто живое, заключающее въ себѣ силу органическаго развитія изъ самого-себя, способное совершить полный кругъ развитія въ самомъ-себѣ, слѣдовательно выходящее изъ самого-себя и заключающееся самимъ же собою. Представленіе можетъ быть сравнено со всякимъ неорганическимъ предметомъ въ природѣ: понятіе можетъ быть сравнено съ зерномъ, которое заключаетъ въ себѣ живительную силу, развивающуюся въ стволъ, вѣтви, листья и цвѣты растенія, и которое, совершивъ полный кругъ своего развитія, снова дѣлается зерномъ. Живое, истинное понятіе есть только то, которое носитъ въ самомъ-себѣ зародышъ борьбы и распаденія, въ которомъ заключается возможность раздѣленія на самого-себя, и потомъ примиренія съ самимъ-собою; всякое другое есть или понятіе мертвое и ложное, или простое, эмпирическое представленіе. Процессъ развитія живаго понятія—слѣдующій: умъ нашъ сперва принимаетъ только свою сторону понятія; другую, противоположную ей, отвергаетъ, какъ ложь. Принявъ за истину одну сторону понятія, умъ доводитъ ее до крайности, которая впадаетъ въ нелѣпость и тѣмъ-самымъ отрицаетъ себя; это первый актъ процесса развитія идеи. Увидѣвъ ложь въ доведенной до крайности сторонѣ понятія, умъ отрицаетъ эту сторону, и бросается непремѣнно въ противоположную ей сторону, которую также доводитъ до крайности, а слѣдовательно, и до необходимости отрицанія: это второй актъ процесса развитія идеи. И вотъ понятіе распалось на двѣ противоположныя и враждебныя стороны, которыя нельзя помирить никакимъ посредствующимъ, третьимъ понятіемъ—иначе примиреніе будетъ натянутое и внѣшнее. Между-тѣмъ, не смотря на свою враждебную противоположность, обѣ стороны раздѣлившагося понятія не могутъ равнодушно разстаться, или положиться на посредничество чуждаго имъ понятія; онѣ борются между собою; умъ уже не признаетъ рѣшительно-ложною или рѣшительно-истинною ни одной изъ нихъ, и онъ переходитъ то къ той, то къ этой, какъ вдругъ начинаетъ замѣчать, что въ каждой изъ нихъ есть своя доля истины и своя доля лжи, и что, для искомой имъ истины, обѣ стороны, такъ-сказать, нуждаются другъ въ другѣ, обѣ проникаютъ и ограничиваютъ себя взаимно: это третій актъ процесса развитія понятія. Наконецъ, умъ ясно видитъ, что обѣ противоположныя крайности не

только не чужды одна другой, но даже родственны, что онѣ—только двѣ стороны одного и того же цѣльнаго понятія, что онѣ ложны только въ своей отвлеченной односторонности, но что искомая имъ истина заключается въ ихъ примиреніи, въ которомъ онѣ сливаются другъ съ другомъ и образуютъ новое цѣлое понятіе: это послѣдній актъ процесса развитія понятія. Послѣ этого акта, понятіе, такъ-сказать, находитъ самого-себя, но уже развившимся, совершившимъ свой жизненный процессъ, сознавшимъ себя: это зерно, которое прошедши всѣ фазы растенія, снова стало зерномъ. Скажутъ: въ этомъ нѣтъ еще большой важности, что зерно снова стало зерномъ. Такъ; но, для вѣрности сравненія, намъ должно условиться, что здѣсь дѣло идетъ о зернѣ незнакомомъ: то ли же оно будетъ въ нашихъ глазахъ, когда мы снова увидимъ его, уже зная, какое растеніе изъ него выходитъ и какой цвѣтъ даетъ оно?..[201])

Смотря съ этой точки, вы увидите, что французскій псевдо-классицизмъ и отчаянный романтизмъ юной словесности Франціи—суть двѣ стороны одного и того же понятія, и что въ примиреніи этихъ обѣихъ сторонъ заключается истинная идея искусства нашего времени,—увидите, что какъ классицизмъ, такъ и юный романтизмъ французской литературы, само-по-себѣ, въ своей односторонности, суть ложь, хотя и въ каждомъ изъ нихъ есть своя сторона истины. Равнымъ образомъ, ясно будетъ, что и понятіе о «народности» само-по-себѣ есть также ложь, что оно есть только одна сторона другаго, высшаго понятія, противоположная сторона котораго есть «общность въ смыслѣ человѣчества». Да, мы увидимъ, что націоналисты въ литературѣ имѣютъ значеніе только какъ противники поборниковъ безразличной всеобщности, которая, думая быть доступною всему человѣчеству, нѣма и мертва для человѣчества. Все сказанное нами очень-легко пояснить въ приложеніи къ исторіи классицизма и романтизма.

Основаніе псевдо-классической французской теоріи заключалось въ понятіи, что искусство есть подражаніе природѣ, но что природа должна являться въ искусствѣ украшенною и облагороженною. Въ-слѣдствіе такого взгляда, изъ искусства были изгнаны естественность и свобода, а слѣдовательно истина и жизнь, которыя уступили мѣсто чудовищной искусственности, принужденности лжи и мертвенности. Форма перестала быть явленіемъ духа, но сдѣлалась, такъ-сказать, футляромъ отвлеченныхъ представленій, ошибочно принимавшихся за идеи. Солдаты заговорили однимъ языкомъ съ полководцами, слуги—съ господами; пастушки одѣлись въ фижмы и испестрили свои лица мушками; книксены, минуэтная выступка, театральныя позы и надутая декламація сдѣлались вывѣскою и необходимымъ условіемъ «украшенной и облагороженной природы». Чтобъ не слишкомъ-рѣзко противорѣчить себѣ, поэты и теоретики новаго классицизма исключили изъ поэзіи простолюдиновъ и мѣщанъ, и дали въ ней мѣсто только вельможамъ, придворнымъ и героямъ благороднаго происхожденія. Такъ-какъ современная жизнь не давала матеріаловъ для поэзіи, то всѣ бросились на Грековъ и Римлянъ, одѣтыхъ въ кафтаны и робы съ фиж-

мами. Не было оригинальности, не было «народности»; дѣйствительныя лица были замѣнены отвлеченными призраками, непринадлежавшими ни къ какой странѣ, ни къ какому вѣку. Даже комедія, на долю которой оставили современность, даже и комедія не представляла дѣйствительныхъ лицъ, а выдумывала призраки, олицетворяя ими сентенціи мелкой ходячей морали о добродѣтеляхъ и порокахъ. Но вдругъ все измѣнилось, когда самостоятельный геній германской націи разбилъ оковы псевдо-классицизма, и низложилъ во прахъ, съ алтарей храма искусства, миньятюрныя восковыя статуйки Корнелей, Расиновъ, Мольеровъ, Буало, Вольтеровъ, Дюсисовъ и Кребильйоновъ съ братіею. Благодаря Нѣмцамъ, вся Европа узнала Шекспира, котораго Вольтеръ заклеймилъ прозвищемъ «пьянаго дикаря». Мало того, Нѣмцы доказали, что древніе были оклеветаны, что Аристотель и во снѣ не думалъ утверждать нелѣпости, во имя его распространенныя Французами; что поэзія Грековъ запечатлѣна духомъ Греціи, что она—полное выраженіе ея народности, зеркало ея дѣйствительности. Въ-слѣдствіе этого, народность была провозглашена необходимымъ условіемъ всякой поэзіи. Вмѣсто Грековъ, образцомъ сдѣлался Шекспиръ, какъ поэтъ новаго, нашего, христіанскаго міра. На искусство стали смотрѣть не какъ на подражаніе природѣ, но какъ на воспроизведеніе дѣйствительности, какъ на творчество новой, высшей дѣйствительности. Въ самой Франціи не замедлила возгорѣться отчаянная война между классиками и романтиками. Дружина молодыхъ и рьяныхъ талантовъ основала тамъ свою романтическую школу, которая, какъ реакція псевдо-классицизму, такъ же ложно поняла романтизмъ, какъ прежняя школа ложно понимала древнюю классическую поэзію. Въ новомъ французскомъ романтизмѣ, дѣйствительность не только сбросила съ себя парики, кафтаны, фижмы и мушки, но и всякое одѣяніе, явилась нагою и цинически-естественною.

Если классицизмъ Французовъ походилъ на младенца въ англійской болѣзни, или на восковую статую съ стекляннымъ глазами, то романтизмъ ихъ сталъ походить на буйную вакханку съ безстыднымъ упоеніемъ въ горящемъ взорѣ, съ растрепанными волосами, изступленными и дикими движеніями, или на австралійскаго дикаря, пирующаго на костяхъ съѣденныхъ имъ враговъ. Конечно, преимущество на той сторонѣ, гдѣ есть жизнь, и въ буйной вакханкѣ, или въ дикарѣ, болѣе поэзіи, нежели въ восковой статуѣ; но тѣмъ не менѣе, французскій романтизмъ можетъ имѣть значеніе больше какъ реакція ложному классицизму, нежели какъ истинная поэзія. Мало того: даже идеальный и возвышенный романтизмъ Шлегелей важенъ больше, какъ реакція псевдо-классицизму, нежели какъ истинная поэзія, и вотъ причина, почему братья Шлегели пережили—сперва съ такимъ успѣхомъ и такъ-энергически проповѣдываемый ими романтизмъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, кому теперь прійдетъ охота, забывъ цѣлую исторію человѣчества и всю современность, искать поэзіи только въ католическихъ и рыцарскихъ преданіяхъ среднихъ вѣковъ?.. И потому, какъ быстро бросились на эти средніе вѣка, такъ скоро и догадались, что Востокъ,

Грецію, Римъ, протестантизмъ и вообще новѣйшая исторія и современность имѣютъ столько же правъ на вниманіе поэзіи, сколько и средніе вѣка, и что Шекспиръ, на котораго Шлегели, по странному противорѣчію съ самими-собою, думали опираться, былъ не столько романтикомъ, сколько поэтомъ новѣйшаго времени, поэтомъ полной дѣйствительности, а не одного какого-нибудь изъ ея моментовъ. А между-тѣмъ, заслуга Шлегелей все-таки велика: еслибъ они не впали въ свою односторонность,—болѣе жалкая и болѣе ложная односторонность французскаго классицизма не была бы ниспровергнута.

Борьба классицизма и романтизма, ознаменовавшая движеніе европейскихъ литературъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, отразилась и въ русской литературѣ. Такъ-какъ мы думаемъ, что изложенныя нами идеи будутъ для читателей понятнѣе и яснѣе въ примѣненіи къ отечественной литературѣ, то и обратимся къ ней, оставивъ Европу, о которой мы уже сказали сколько нужно для связи и послѣдовательности нашей статьи.

Всѣмъ извѣстно, что, исключая Крылова, до Жуковскаго и Батюшкова наша поэзія была неудачнымъ подражаніемъ французской. Говоримъ — *неудачнымъ*, ибо, заимствовавъ всѣ недостатки своего образца, она не заимствовала у него ни гладкаго и звучнаго стиха, ни образованнаго языка, ни внѣшняго изящества. Жуковскій познакомилъ насъ съ нѣмецкою литературою; но какъ въ его время не было еще на Руси журналовъ въ смыслѣ проводниковъ новыхъ идей въ обществѣ,—то его нововведеніе осталось безъ результатовъ, исключая развѣ одно обстоятельство, именно, что наши піиты, по прежнему не переставая гремѣть торжественными одами и варварскими виршами, закалывать Атридовъ и Брутовъ, затянули еще нескладными голосами кладбищенскія баллады. Что до Батюшкова,—господствовавшій тогда духъ подражательности обезсилилъ его самобытное и прекрасное дарованіе, развившееся не на національной почвѣ. Съ двадцатыхъ годовъ, т. е., съ появленія Пушкина, и у насъ была объявлена война классицизму. Хотя Пушкинъ и былъ провозглашенъ главою и хорегомъ нашихъ романтиковъ, но, какъ истинный геній, подобно Байрону, Вальтеру Скотту, Гёте и Шиллеру, онъ пошелъ своей дорогою, по которой не угоняться было за нимъ нашимъ романтикамъ: они брали у него, для своихъ произведеній, русскія имена, ножи, кинжалы, ядъ, внѣшнюю гладкость и легкость стиха, но даже и не дотрогивались до его поэзіи и идей. И потому-то, кромѣ Грибоѣдова, дарованія самобытнаго и оригинальнаго, все остальное не можетъ быть упомянуто при его имени, какъ предметъ, неимѣющій съ нимъ ничего общаго. Критики того времени безусловно восторгались произведеніями Пушкина, до той самой поры, какъ геній его возмужалъ: не подозрѣвая того, что онъ имъ сталъ ужь слишкомъ не по-плечу, они, по свойственному человѣческой слабости самолюбію, заключили, что онъ палъ. Вотъ ясное доказательство, что или Пушкинъ не былъ главою нашихъ романтиковъ, или что наши романтики не имѣли съ нимъ ничего общаго. Кажется, то и другое одинаково справедливо. Тѣмъ не менѣе ясно, что Пушкинъ произвелъ

литературную реформу и увлекъ за собою толпу, хотя она и нисколько не понимала его. Въ тридцатыхъ годахъ, число прозаиковъ стало превышать число стихотворцевъ. Всѣ ударились въ прозу и сдѣлались романистами и нувеллистами. Впрочемъ, начало этого прозаическаго движенія восходитъ гораздо-ранѣе тридцатыхъ годовъ. Новая повѣсть явилась вмѣстѣ съ блестящимъ Марлинскимъ, и тотчасъ объявила претензіи на «романтизмъ» и «народность». Но пока весь ея романтизмъ состоялъ въ замѣненіи пошлой сантиментальности реторическихъ повѣстей классическаго періода нашей литературы какою-то размашистою повѣстью въ языкѣ и чувствахъ, а вся ея народность состояла въ томъ, что она начала брать содержаніе изъ русской исторической и современной жизни. Но романтическая кипучесть чувствъ была не болѣе истинна, какъ и водяная чувствительность «Бѣдной Лизы» и «Марьиной Рощи»: та и другая были равно натянуты и неестественны, а народность состояла въ однихъ именахъ. Въ послѣднемъ отношеніи, новая русская повѣсть столько же выражала содержаніе русской жизни, сколько французская трагедія выражала содержаніе греческой и римской жизни. Это точь-въ-точь забытая теперь драма г. Хомякова «Ермакъ»: имена въ ней не только русскія, но даже историческія-русскія, а духъ и складъ рѣчи принадлежатъ идеальнымъ буршамъ нѣмецкихъ университетовъ; русскаго же духа въ ней слыхомъ не слыхать, видомъ не видать. Правда, новая русская повѣсть иногда удачно передразнивала русскую рѣчь, не скупясь на пословицы и поговорки, а иногда и на лѣтописныя выраженія, взятыя изъ исторіи Карамзина; но эта рѣчь нисколько не выражала русскаго духа, а только, подобно мѣди звенящей и кимвалу брящающему, поражала одинъ слухъ,—точь-въ-точь, какъ въ другой драмѣ г. Хомякова «Димитрій Самозванецъ» [202]). Тѣмъ не менѣе, новая повѣсть заслуживала уваженіе по похвальному, хотя и недостаточному стремленію къ народности. Она не довела поэзіи нашей до настоящей русской повѣсти, но приготовила толпу къ разумѣнію ея. Еще Марлинскій далеко не кончилъ своего поприща, какъ явился на сцену литературы романъ съ претензіями на народность, нравоописательность, нравственность и на многое, чего и тѣни въ немъ не было; но нижніе слои толпы, увидѣвъ, что дѣйствующія лица романа называются Иванами и Петрами и титулуются по отчеству, охотно повѣрили русскому происхожденію романа и раскупили его. Вслѣдъ за тѣмъ не замедлилъ явиться и историческій русскій романъ той же фабрики и той же пробы,—и участь его была та же: сначала приняли его по имени, а послѣ поступили какъ съ пройдохою и самозванцемъ.

Здѣсь мы должны воротиться нѣсколько назадъ. Повѣсть и романъ, о которыхъ мы доселѣ говорили, силились быть народными, не унижаясь до простонародности. Вмѣстѣ съ Марлинскимъ, являлись и повѣсти г. Полеваго. Онѣ въ свое время были замѣчены публикою, но не имѣли такого блестящаго успѣха, какъ повѣсти Марлинскаго, хотя были и не хуже ихъ [203]): не отличаясь фантазіей, онѣ отличались умомъ и не были чужды чувства; языкъ ихъ былъ простой, не

натянутый, обработка литературная. Но въ то же время писалъ повѣсти и г. Погодинъ. Онъ хотѣлъ проложить себѣ свою дорогу и, во что бы то ни стало, сдѣлать повѣсть русскою до-нельзя, и — надо отдать ему полную справедливость—онъ успѣлъ сдѣлать для повѣсти гораздо больше, чѣмъ А. Е. Измайловъ для басни: народность его повѣстей еще ужаснѣе, чѣмъ народность басенъ г. Измайлова [204]). Отселѣ начинается въ нашей литературѣ новое стремленіе къ той народности, отцомъ которой былъ почтенный «отставной квартальный, совѣтникъ титулярный» Измайлова. «Юрій Милославскій» противъ своей воли утвердилъ это жалкое направленіе: разманенные чрезвычайнымъ успѣхомъ этого романа, бездарные писаки подумали, что все дѣло тутъ въ лычной обуви, сермяжной одеждѣ, бородахъ и плоскихъ поговоркахъ дѣйствующихъ лицъ; они не замѣтили ни занимательности, ни теплоты разсказа г. Загоскина, ни самой умѣренности его въ изображеніи простодушной народности. Какъ бы то ни было, но съ «Юрія Милославскаго» начинается какъ бы новая эпоха нашей литературы: съ одной стороны являются истинно-народныя и поэтическія повѣсти Гоголя; самъ Пушкинъ, незадолго передъ тѣмъ напечатавшій превосходную главу изъ предполагавшагося имъ романа («Арапъ Петра Великаго»), начинаетъ обращаться къ прозѣ, и пишетъ въ-послѣдствіи «Пиковую Даму», «Капитанскую Дочку» и «Дубровскаго». Вскорѣ же послѣ «Юрія Милославскаго», является поэтическій романъ Лажечникова «Новикъ», за нимъ—другіе романы Лажечникова.—«Кощей Безсмертный» и «Святославичъ» г. Вельтмана—созданія, странныя въ цѣломъ, но блещущія яркими проблесками національной поэзіи въ подробностяхъ, относятся къ этому же періоду русской литературы. Съ другой стороны, ложно-понимаемая народность разлилась огромнымъ болотомъ, тщаніемъ и усердіемъ пишущей братіи низшаго разряда. Мужики съ бабами, кучера, купцы брадатые, не только получили право гражданства въ повѣстяхъ и романахъ этихъ господъ, но и сдѣлались ихъ единственными, привилегированными героями. Удачное подражаніе языку черни, слогу площадей и харчевень сдѣлалось признакомъ народности, а народность стала тожественнымъ понятіемъ съ великимъ талантомъ, поэзіею и «романтизмомъ». Это направленіе явилось господствующимъ особенно въ Москвѣ. «Разгулье Купеческихъ Сынковъ въ Марьиной Рощѣ» получило тамъ идеальное достоинство народной эпопеи. *Ваньки и Степки* съ разбитыми рылами и синяками подъ соколиными очами стали вывозиться на-показъ даже въ Лондонъ и Мадридъ, чтобъ тамъ «тосковать по родинѣ», т. е. по соленымъ огурцамъ и сивухѣ [205]).

Но теперь уже начинаютъ чувствовать цѣну *такой* народности; теперь уже называютъ ее простонародностію и площадностію. Между-тѣмъ, даже и такое народное направленіе было необходимо и принесло великую пользу. Выше всего [206]) сказали мы, что всякое живое понятіе открывается людямъ сперва въ своихъ крайностяхъ, которыя истинны, какъ содержаніе понятія, но ложны, какъ его односторонности. Французскій псевдо-классицизмъ былъ ложенъ какъ абсолютная идея искусства, но и въ немъ была своя сторона истины. Искусство, дѣй-

ствительно, не есть и не должно быть природою, какъ она есть, но природою облагороженною. идеализированною. Только дѣло въ томъ, что элементы идеализированія природы должны заключаться не въ условныхъ и относительныхъ понятіяхъ о приличіи въ какую-нибудь эпоху общественныхъ отношеній, но въ вѣчной и неизмѣнной субстанціи идеи. Французскій классицизмъ принялъ за идеалъ поэтической дѣйствительности не духъ человѣчества, развивающійся въ исторіи, а этикетъ двора французскаго и нравы свѣтскаго французскаго общества отъ временъ Лудовика XIV; украшеніе природы онъ понялъ не какъ представленіе дѣйствительности, сообразно не съ самою дѣйствительностію, а съ требованіями идеи цѣлаго произведенія, но въ китайскомъ значеніи этого слова: извѣстно, какъ Китайцы уродуютъ ноги своихъ женщинъ, желая ихъ сдѣлать прекрасными, т. е. маленькими. Въ этомъ и состояла ошибка французскаго классицизма. Съ другой стороны, псевдо-романтизмъ также точно грѣшилъ противъ истины, требуя въ искусствѣ—природы, какъ она есть, и забывая, что иная естественность отвратительнѣе всякой искусственности. Искусство не имѣетъ права искажать природу; оно можетъ и должно быть естественно въ своихъ изображеніяхъ; но во-первыхъ, эта естественность не должна возмущать въ насъ эстетическаго чувства; во-вторыхъ, она не должна быть въ искусствѣ главнымъ, не должна быть въ немъ сама себѣ цѣлью. Въ искусствѣ только идея сама себѣ цѣль, а идея просвѣтляетъ и облагораживаетъ самыя возмущающія душу явленія дѣйствительности; проникая ихъ собою, она *идеализируетъ* ихъ. Шекспиръ, въ драмахъ своихъ «Генрихъ IV» и «Генрихъ V», вывелъ на сцену распутство, вывелъ пьянаго Фальстафа съ ватагою негодяевъ, вывелъ Квикли и Доль Тершитъ—эти отребія женскаго пола, для которыхъ настоящаго названія нельзя прінскать въ литературномъ языкѣ, но вывелъ ихъ совсѣмъ не для того, чтобъ усладить ими вкусъ черни, или похвастаться предъ публикою своимъ умѣньемъ естественно изображать низкія явленія дѣйствительности, а для того, что ему нужно было представить, какъ, въ великой натурѣ человѣка, величіе проглядываетъ сквозь самый развратъ, какъ умѣетъ онъ отрѣшаться отъ грязи порока и выходить изъ нея чистымъ, когда прійдетъ часъ его, — между-тѣмъ, какъ натуры слабыя и мелкія навсегда остаются въ этой грязи, если разъ попали въ нее. Тутъ есть идея, и идея великая; тутъ заключается важный урокъ для сухихъ моралистовъ, которые судятъ по внѣшности о нравственности человѣка, и часто негодяя, ведущаго себя благопристойно, принимаютъ за нравственнаго человѣка, а человѣка съ искрою Божіею въ душѣ, но который, будучи увлекаемъ кипящею юностію и страстями, на время поскользнется въ грязи жизни, клеймятъ названіемъ «безнравственнаго». Съ этой точки зрѣнія, Фальстафъ съ ватагою, мистриссъ Квикли и миссъ Доль получаютъ уже другое, высшее, идеальное значеніе: они занимаютъ мѣсто въ драмѣ Шекспира такъ же, какъ и въ самой дѣйствительности,—не сами для себя; поэтъ вызвалъ ихъ ради безпощадной истины, дѣлая такъ-сказать невольную уступку дѣйствительности, но не для того, чтобъ онъ, не понимая ихъ гадости, самъ любовался

ими, или хотѣлъ плѣнить ими другихъ. Онъ изобразилъ ихъ вѣрно, чертами типическими; ихъ языкъ грубъ, даже неприличенъ; но эта грубость и неприличіе имѣютъ свои границы, и поэтъ, много показавши, даетъ намъ догадываться еще о бо́льшемъ. Онъ не украсилъ, не смягчилъ, не облагородилъ ихъ языка, чтобъ не сдѣлать его неестественнымъ; но онъ *сдержалъ* его, не позволилъ ему говорить всего, чтобъ не сдѣлать его слишкомъ-естественнымъ, и потому отвратительнымъ. Сверхъ-того, онъ смягчаетъ эти сцены комизмомъ, который, такъ-сказать, прикрываетъ грубую наготу естественности. Шекспиръ выводитъ въ своихъ трагедіяхъ и придворныхъ, и героевъ, и мужиковъ вмѣстѣ, потому-что смѣшеніе существуетъ въ самой дѣйствительности, но онъ всякому указываетъ приличное мѣсто, и ужь, конечно, муза его беретъ болѣе обильную дань поэзіи съ людей высшихъ слоевъ общества. Намъ скажутъ: въ геніальномъ мужикѣ больше поэзіи, чѣмъ въ слабоумномъ вельможѣ? Правда: но правда и то, что еслибъ этотъ геніальный мужикъ получилъ образованіе вельможи, онъ былъ бы еще геніальнѣе. Тѣмъ-то человѣкъ и отличается отъ животнаго, что полученные отъ природы дары возвышаетъ образованіемъ и знаніемъ, и что, безъ этой обработки, они похожи у него на другіе матеріалы въ сыромъ состояніи,—на золото въ видѣ руды.

И такъ, очевидно, что органическая, живая полнота искусства состоитъ въ примиреніи двухъ крайностей—искусственности и естественности. Каждая изъ этихъ крайностей сама-по-себѣ есть ложь; но, взаимно проникаясь одна другою, онѣ образуютъ собою истину. Искусственность, какъ односторонность и крайность, произвела мертвый псевдо-классицизмъ; естественность, какъ односторонность и крайность, произвела литературу площадей, кабаковъ, тюремъ, боень домовъ разврата. Но та и другая были необходимы въ процессѣ историческаг, развитія понятія объ искусствѣ: сперва была выразумлена одна сторона понятія потомъ другая; но эта другая, при всей своей видимой противоположности съ первою, вышла явно изъ нея же: ибо когда представленіе, дошедъ до крайности, впадаетъ въ нелѣпость, то утомленный и оскорбленный умъ быстро переходитъ къ совершенно-противоположному представленію. Результатомъ этого перехода опять бываетъ утомленіе и оскорбленіе, потому-что и вторая односторонность должна дойдти до крайности и, впавши въ нелѣпость, тѣмъ самымъ отрицать себя. Тогда умъ обращается къ первой односторонности, безпрестанно отыскиваетъ ея истинную сторону, которую и примиряетъ съ истинною стороною второй односторонности, и чрезъ этотъ процессъ достигаетъ до сознанія полной и дѣйствительной истины, понятія. Въ этомъ примиреніи ясно видно сродство крайностей. Такъ было и съ искусствомъ: отвергши псевдо-классицизмъ, мы отвергли и псевдо-романтизмъ, и въ созданіяхъ геніальныхъ поэтовъ, на авторитетъ которыхъ думаютъ опираться мелкіе таланты, видимъ истинное искусство, заключающее и примиряющее въ своей органической полнотѣ всѣ свои противоположности.

Обыкновенно, народность смѣшиваютъ съ естественностію, тогда какъ это

два совершенно-особенныя представленія: хотя истинно-народное не можетъ не быть естественнымъ, но истинно-естественное можетъ быть нисколько не народнымъ. Сверхъ-того, нѣкоторые изъ нашихъ писателей, замѣтивъ, что европейское образованіе сглаживаетъ угловатости народности, и смѣшивая форму съ идеею, обратились преимущественно къ низшимъ классамъ народа. Истинный художникъ народенъ и національненъ безъ усилія; онъ чувствуетъ національность прежде всего въ самомъ-себѣ, и потому невольно налагаетъ ея печать на свои произведенія. Хотя Татьяна Пушкина и читаетъ французскія книжки и одѣвается по картинкамъ европейскихъ модъ, но она—лицо въ высшей степени русское—и тогда, какъ мы ее видимъ «уѣздною барышнею», и въ то время, какъ она является княгинею и свѣтскою дамою. Для изображенія такихъ благородныхъ личностей нужна геніальность, или великій талантъ; маленькимъ дарованіямъ, а особенно посредственности, сподручнѣе мужики, бабы, лакеи: стоитъ только заставить ихъ говорить ихъ языкомъ—и народность готова. За то, мужики и бабы геніальныхъ поэтовъ бываютъ благороднѣе господъ и вельможъ маленькихъ дарованій и посредственности: няня Татьяны Пушкина, при своей простотѣ и ограниченности, какъ изображеніе, дышетъ художественною граціею и достолюбезностію: мы смѣемся надъ нею, но любимъ и уважаемъ ее; ея простодушная, безсознательная любовь къ Татьянѣ приводитъ насъ въ умиленіе,—и вмѣстѣ съ Татьяною, мы вздыхаемъ надъ могилою ея бѣдной няни.

Гдѣ жизнь, тамъ и поэзія; но жизнь только тамъ, гдѣ идея,—и уловить играніе жизни, значитъ уловить невидимый и благоуханный эоиръ идеи. Для искусства нѣтъ болѣе благороднаго и высокаго предмета, какъ человѣкъ,—а чтобъ имѣть право быть изображену искусствомъ, человѣку нужно быть человѣкомъ, а не чиновникомъ 14-го класса, или дворяниномъ. И у мужика есть душа, сердце, есть желанія и страсти, есть любовь и ненависть, словомъ—есть жизнь. Но чтобъ изобразить жизнь мужиковъ, надо уловить, какъ мы уже сказали, идею этой жизни,—и тогда въ ней не будетъ ничего грубаго, пошлаго, плоскаго, глупаго. Вотъ отъ-чего «Вечера на Хуторѣ» Гоголя, посвященные изображенію простого быта Малороссіи, дышатъ такою полнотою художественности, очаровываютъ такою неотразимою прелестію, такою дивною поэзіею. Но, повторяемъ, для этого нуженъ геній и геній, талантъ и талантъ. Скажутъ: геній и талантъ еще нужнѣе въ изображеніи высшихъ слоевъ общества. Нѣтъ: если для изображенія художественнаго, то нуженъ такой же талантъ, какъ и вездѣ; но не всякій талантъ есть художникъ, а литература состоитъ не изъ однихъ художественныхъ созданій,—и бельлетристика—это насущный хлѣбъ большинства общества, это практическое, житейское искусство толпы—также требуетъ талантовъ и даже большихъ талантовъ. Вотъ этимъ-то талантамъ всего опаснѣе спускаться въ низшіе слои общества, откуда, вмѣсто народности, они могутъ вынести только грубую простонародность; и имъ-то всего лучше браться за изображеніе среднихъ и даже высшихъ слоевъ общества, гдѣ жизнь разнообразнѣе, обширнѣе, отношенія человѣчнѣе, утонченнѣе, многосложнѣе, игривѣе, глубже. Въ бельлетри-

стикѣ внѣшняя цѣль можетъ имѣть и большую пользу и важное значеніе, такъ какъ въ искусствѣ одна цѣль—само искусство [207]). Теперь, если бельлетристическій писатель, выводя на сцену чудаковъ, невѣждъ, подлецовъ, даже самую чернь, имѣетъ въ виду дѣйствовать на образованіе общества, пускать въ оборотъ человѣческія понятія, новыя мысли,—я низко кланяюсь ему, если онъ дѣлаетъ это съ талантомъ: его мѣсто высоко, его призваніе священно, его имя честно и славно. Но когда онъ рисуетъ грязь общества, подонки народа, не для чего иного, какъ для того, чтобъ самому насладиться и плѣнить меня этимъ зрѣлищемъ,—то чѣмъ естественнѣе, чѣмъ правдоподобнѣе будутъ его изображенія, тѣмъ они для меня отвратительнѣе и безсмысленнѣе. Не должно забывать ни на минуту, что герой искусства и литературы есть *человѣкъ*, а не баринъ, еще менѣе *мужикъ*. Если Шекспиръ далъ мѣсто въ своихъ драмахъ всѣмъ людямъ безъ разбора,—онъ дѣлалъ это потому-что видѣлъ въ нихъ людей, а отнюдь не по пристрастію къ черни. Предпочитать мужиковъ потому только, что они мужики, что они грубы, неопрятны, невѣжественны, предпочитать ихъ образованнымъ классамъ общества—странное и смѣшное заблужденіе! И самъ геній въ изображеніи жизни чернаго народа всегда найдетъ меньше элементовъ поэзіи, чѣмъ въ образованныхъ классахъ общества: бельлетристическій талантъ не найдетъ въ жизни черни никакой поэзіи. Впрочемъ, мы далеки отъ того, чтобъ отнимать право у талантливаго литератора касаться жизни простого народа; но мы требуемъ только, чтобъ онъ это дѣлалъ не по любви къ мужицкому жаргону, не по склонности къ лохмотьямъ и грязи, но для какой-нибудь цѣли, въ которой была бы видна человѣческая мысль. Объяснимъ это примѣромъ. Г. Погодинъ написалъ нѣкогда повѣсть «Черная Немочь», которая въ свое время обращала на себя вниманіе публики, подобно многимъ, теперь забытымъ произведеніямъ. Въ этой повѣсти дѣйствуютъ купцы, попадьи, батраки и подобный тому людъ; языкъ ея блещетъ всѣми красотами, свойственными языку подобнаго общества; но повѣсть все-таки заслуживаетъ похвалу по своему намѣренію. Главный герой ея молодой человѣкъ, сынъ купца, томимый святою жаждою знанія. Окруженный дѣйствительностію, отъ которой страждетъ обоняніе, зрѣніе и человѣческое достоинство, и которая авторомъ скопирована во всей ея наготѣ и естественности,—онъ погибаетъ жертвою этой грязной дѣйствительности. Правда, герой изображенъ не совсѣмъ естественно, довольно-слабо, безъ теплоты и увлекательности; но мы говоримъ не о талантѣ (а такимъ предметомъ не погнушался бы и геній), но о добромъ намѣреніи сочинителя. По этому доброму намѣренію, повѣсть можетъ быть сочтена за заслугу со стороны г. Погодина русской литературѣ. То же можно сказать и о его маленькой повѣсти «Нищій». Но когда г. Погодинъ сталъ разсказывать, какъ купеческая дочь задушила подъ периною парня, какъ баба, подчуя дьячка сивухой, сказала ему: «кушай на здоровье», а тотъ отвѣчалъ ей любезностью «маслецо коровье»; или пересказывать похожденіе на ярмаркѣ разудалой бабы-чиновницы и пересказывать ея языкомъ; а потомъ героиню повѣсти, порядочную женщину, изъ любви

къ мужу заставлять жить въ подвалѣ, въ сонмищѣ пьяницъ, воровъ и мошенниковъ; или изображать психологическія явленія мужиковъ, которые рѣжутъ другихъ и давятся сами:—признаемся, это верхъ романтизма, верхъ народности, которые хуже всякаго классицизма. Мы уважаемъ «Юрія Милославскаго» г. Загоскина; но, признаемся, рѣшительно не понимаемъ въ его другихъ романахъ прелести ярмарочныхъ сценъ и языка героевъ этихъ сценъ. Мы отдаемъ полную справедливость юмористическому таланту, съ какимъ написанъ «Панъ Халявскій» г. Основьяненко; еще выше цѣнимъ прекрасную цѣль, съ какою написана эта забавная сатира на доброе старое время, но не можетъ восхищаться многими изъ произведеній г. Основьяненка за то только, что въ нихъ мужики говорятъ чистымъ мужицкимъ языкомъ, и никакъ не выходятъ изъ ограниченной сферы своихъ понятій. Напротивъ, намъ пріятнѣе было бы въ подобныхъ произведеніяхъ встрѣчать такихъ мужиковъ, которые, благодаря своей натурѣ, или случайнымъ обстоятельствамъ, нѣсколько возвышаются надъ ограниченною сферою мужицкой жизни... [208])

Но, слава Богу, теперь начинаютъ понимать цѣну такой народности, и начинаютъ понимать ее потому именно, что теперь эта народность находится въ своей апогеѣ, дошла до послѣдней степени нелѣпости. Есть люди, которые приглашаютъ васъ учиться у черни не только литературѣ, но и нравамъ, и обычаямъ, и даже тому, что̀ составляетъ внутреннюю жизнь и свободное убѣжденіе каждаго порядочнаго человѣка. Деревенскіе старосты и богомольныя старухи представляются у нихъ образцами нравственности, созерцательныхъ откровеній и даже образованности и просвѣщенія. Такъ же справедливо, что ложь гораздо опаснѣе и страшнѣе, когда существуетъ невидимкою и призракомъ: чтобъ уничтожить ее, должно не мѣшать ей дойти до своей послѣдней крайности, впасть въ нелѣпость, сдѣлаться смѣшною, вполнѣ проявиться, принять образъ и лицо, словомъ—созрѣть; тогда она прорвется и сама уничтожится. Когда преслѣдуешь зло, надо видѣть его передъ собою, чтобъ можно было показать его другимъ. Вотъ почему тѣ, которые хлопочутъ въ его пользу, сражаютъ его скорѣе другихъ, ему противорѣчащихъ. Это единственная и притомъ очень важная заслуга со стороны людей, которые всю жизнь бьются изъ разныхъ, полезныхъ ихъ благосостоянію, лжей. Истина только въ началѣ встрѣчаетъ сильное сопротивленіе, но чѣмъ больше выясняется, чѣмъ больше становится фактомъ, тѣмъ большее число пріобрѣтаетъ себѣ друзей и поборниковъ. Ложь идетъ обратнымъ ходомъ: сильная, пока не вполнѣ проявится, она уничтожается сама-собою, подобно призраку, исчезающему отъ лучей свѣта.

«Народность»—великое дѣло и въ политической жизни и въ литературѣ; только, подобно всякому истинному понятію, она сама-по-себѣ—односторонность, и является истинною только въ примиреніи съ противоположной ей стороною. Противоположная сторона «народности» есть «общее» въ смыслѣ «общечеловѣческаго». Какъ ни одинъ человѣкъ не долженъ существовать отдѣльно отъ общества, такъ ни одинъ народъ не долженъ существовать внѣ человѣче-

ства. Человѣкъ, существующій внѣ народной стихіи,—призракъ; народъ, несознающій себя живымъ членомъ въ семействѣ человѣчества,—не нація, но племя, подобное Калмыкамъ и Черкесамъ, или живой трупъ, подобно Китайцамъ, Японцамъ, Персіянамъ и Туркамъ. Безъ народнаго характера, безъ національной физіономіи, государство—не живое органическое тѣло, а механическій препаратъ. Но съ другой стороны, и національнаго духа недостаточно, чтобъ народъ могъ считать себя существеннымъ и дѣйствительнымъ въ общности міросданія. Въ томъ и другомъ случаѣ, народъ есть односторонность и крайность, а слѣдовательно и призракъ. Чтобы народъ былъ дѣйствительно-историческимъ явленіемъ, его народность необходимо должна быть только формою, проявленіемъ идеи человѣчества, а не самою идеею. Все особное и единичное, всякая индивидуальность дѣйствительно существуетъ только *общимъ*, которое есть его содержаніе, и котораго она только выраженіе и форма. Индивидуальность—призракъ безъ общаго; общее, въ свою очередь, призракъ безъ особнаго, индивидуальнаго проявленія. И потому, люди, которые требуютъ въ литературѣ одной «народности», требуютъ какого-то при́зрачнаго и пустаго «ничего»; съ другой стороны, люди, которые требуютъ въ литературѣ совершеннаго отсутствія народности, думая тѣмъ сдѣлать литературу всѣмъ равно-доступною и общею, т. е. человѣческою, также требуютъ какого-то при́зрачнаго и пустаго «ничего». Первые хлопочутъ о формѣ безъ содержанія; вторые—о содержаніи безъ формы. Тѣ и другіе не понимаютъ, что ни форма безъ содержанія, ни содержаніе безъ формы существовать не могутъ, а если существуютъ, то въ первомъ случаѣ, какъ пустой сосудъ страннаго и нелѣпаго вида, а во второмъ, какъ миражи, которые всѣмъ видимы, но которые въ то же время почитаются несуществующими предметами. Очевидно, что только та литература истинно-народная, которая, въ то же время, есть литература обще-человѣческая, которая въ то же время и народна. Одно безъ другого существовать не должно и не можетъ. Намъ скажутъ въ опроверженіе, что нѣтъ племени на землѣ, которое бы, при всей своей ничтожности, не имѣло у себя поэзіи; а какъ всякая поэзія есть дѣйствительно существующій фактъ, то, слѣдовательно, можно имѣть народную поэзію и не принадлежа къ семейству человѣческаго рода. Возраженіе, только кажущееся основательнымъ. Нѣтъ на землѣ племени, которое не принадлежало бы къ семейству человѣческаго рода; но дѣло въ томъ, что одно племя меньше, а другое больше принадлежитъ человѣчеству, и что, въ этомъ отношеніи, всѣ племена и народы представляютъ собою цѣпь, которой звенья съ обоихъ концовъ постепенно увеличиваются къ центру. Египтяне такъ же историческій народъ, какъ и Евреи; но важность ихъ для человѣчества далеко неодинакова: первые внесли особый элементъ въ многосложную жизнь Греціи, и только этимъ упрочили свое существованіе въ исторіи; результатомъ же существованія Евреевъ была божественная книга, покорившая теперь подъ свою спасительную власть лучшую часть человѣчества и готовая скоро покорить весь міръ, Поэтому, нѣтъ нужды говорить, который изъ этихъ двухъ народовъ болѣе принадлежитъ человѣчеству. Гдѣ

только человѣкъ владѣетъ словомъ, любитъ и ненавидитъ, блаженствуетъ и страдаетъ, тамъ уже и является человѣчество, тамъ уже есть и жизнь и поэзія; но большая разница въ объемѣ слова любви, ненависти, блаженства и страданія, между дикимъ Отаитянином и образованнымъ Европейцемъ, между Финномъ, Калмыкомъ, Тунгузомъ—и Французомъ, Нѣмцемъ, Англичанином. Такая же разница и между литературами. Есть люди, которые посвящаютъ цѣлую жизнь изученію греческой литературы: но едва ли человѣкъ съ умомъ и душою посвятитъ всю жизнь свою на изученіе чухонской литературы!.. [209])

Важность и достоинство народовъ опредѣляется ихъ историческимъ значеніемъ. Народъ, неимѣющій исторіи,—ничто, хотя бы занималъ собою половину земного шара и считалъ свое народонаселеніе сотнями милоіоновъ. Такъ нынѣшніе Персіяне хотя и составляютъ значительное государство въ Азіи, не имѣютъ исторіи, потому-что перемѣны династій и властей еще не составляютъ исторіи [210]). Есть народы, которые имѣютъ внутреннее историческое значеніе, какъ выражающіе своею жизнію идею: таковы въ Европѣ народы гальско-римско-тевтонскаго образованія. Есть народы, которые имѣютъ только внѣшнее историческое значеніе, какъ дѣйствовавшіе на другихъ силою тяготѣнія и существованія не для себя: таковы Монголы, Турки... Не нужно говорить, что важность первыхъ субстанціальная, а вторыхъ—относительная. Есть народы, которые имѣли мгновенное историческое значеніе, и съ окончаніемъ его погибли: таковы древніе Ассиріяне, Мидійцы, Персы, Финикіяне, Карѳагеняне и проч. Есть народы, которые, имѣвъ мгновенное или продолжительное историческое значеніе, пережили его какъ-бы навсегда: таковы теперешніе Евреи, Китайцы, Японцы, Индусы, Аравитяне. Есть, наконецъ, народы, которые имѣли или имѣютъ историческое значеніе не сами-собою, а только тѣмъ, что приняли отъ чуждаго имъ племени субстанціональное начало жизни, особенно религію: таковъ теперь весь мухамеданскій Востокъ, покоренный аравійскимъ исламизмомъ. Всѣ эти различія очень важны, потому что ими опредѣляется степень достоинства каждаго народа, а слѣдственно и его поэзія и литература. И у Персовъ есть поэзія; но ея основа—мухаммеданско-пантеистическое міросозерцаніе, занятое отъ Арабовъ; слѣдовательно, ея отнюдь не должно равнять съ арабскою поэзіею [211]).

Поэзія каждаго народа есть непосредственное выраженіе его сознанія; отъ-этого поэзія тѣсно слита съ жизнію народа. Вотъ причина, почему поэзія должна быть народною, и почему поэзія одного народа не похожа на поэзію всѣхъ другихъ народовъ. Для всякаго народа есть двѣ великія эпохи жизни: эпоха естественной непосредственности, или младенчества, и эпоха сознательнаго существованія. Въ первую эпоху жизни, національная особность каждаго народа выражается рѣзче, и тогда его поэзія бываетъ по-преимуществу народною. Въ этомъ смыслѣ народная поэзія отличается рѣзкою особностію, и потому болѣе доступна уразумѣнію всей массы этого народа, и болѣе недоступна для другихъ народовъ. Русская пѣсня сильно дѣйствуетъ на русскую душу, но нѣма для иностранца, и непереводима ни на ка-

кой языкъ.—Во вторую эпоху существованія народа, поэзія его дѣлается менѣе доступною для массы народа и болѣе доступною для всѣхъ другихъ народовъ. Русскій мужикъ не пойметъ Пушкина, но за то пушкинская поэзія доступна всякому образованному иностранцу и удобопереводима на всѣ языки. Если народъ ничтоженъ въ историческомъ значеніи, его естественная (народная) поэзія всегда выше его художественной поэзіи, потому-что послѣдняя болѣе требуетъ общечеловѣческихъ элементовъ, и если не находитъ ихъ въ жизни народа, то дѣлается подражательною. Такъ, народная чешская поэзія и богата и сильна [212]); а художественная не представляетъ ничего великаго. Естественная (или собственно-народная) поэзія болѣе зависитъ отъ субстанціи народа, чѣмъ отъ его историческаго значенія. Вотъ почему Римляне—всемірно-историческая и великая нація—не имѣли народной поэзіи. Что̀ касается до греческой поэзіи—она составляетъ собою какъ-бы исключеніе изъ общаго правила: она никогда не была собственно-народною, но всегда, будучи народною, въ то же время была и общечеловѣческою, всемірно-историческою. Причина этого безконечное міросозерцаніе, лежавшее въ субстанціи эллинскаго племени: въ самыхъ древнѣйшихъ миоахъ Эллиновъ заключаются абсолютныя идеи, художественно-выраженныя, и въ этомъ отношеніи ихъ древнѣйшіе поэты, до Гезіода и Гомера существовавшіе, равно какъ и сами Гезіодъ и Гомеръ отличаются отъ позднѣйшихъ—Софокла и Еврипида больше степенью историческаго развитія искусства, чѣмъ художественнаго достоинства. Художественная поэзія всегда выше естественной, или собственно-народной. Послѣдняя—только младенческій лепетъ народа, міръ темныхъ предощущеній, смутныхъ предчувствій, часто она не находитъ слова для выраженія мысли и прибѣгаетъ къ условнымъ формамъ—къ аллегоріямъ и символамъ; художественная поэзія есть, напротивъ, опредѣленное слово мужественнаго сознанія, форма, равновѣсная заключающейся въ ней мысли, міръ положительной дѣйствительности; она всегда выражается образами опредѣленными и точными, прозрачными и ясными, равносильными идеѣ. Мы помнимъ, какъ, въ разгарѣ романтическаго броженія, многіе утверждали у насъ, что народная пѣсня выше всякаго художественнаго произведенія, и что будто-бы какой-нибудь Пушкинъ за честь себѣ ставилъ поддѣлаться подъ простой и наивный складъ народной пѣсни: смѣшное заблужденіе, впрочемъ, понятное въ эпоху односторонняго увлеченія! Нѣтъ, одно небольшое стихотвореніе истиннаго художника-поэта неизмѣримо выше всѣхъ произведеній народной поэзіи, вмѣстѣ взятыхъ! [213]) И если художникъ-поэтъ настроиваетъ свою разнообразную *гармоническую* лиру на монотонный ладъ народной *мелодіи*—онъ дѣлаетъ этимъ честь народной поэзіи и обнаруживаетъ могущество Протея, способнаго являться во всѣхъ формахъ. Его *народная* пѣснь выше всѣхъ собственно-народныхъ пѣсней, вмѣстѣ взятыхъ: произведеніе, которое выходитъ изъ творческаго духа, обладающаго своимъ предметомъ, всегда выше того, которое выходитъ изъ духа, покореннаго своимъ предметомъ. И со всѣмъ тѣмъ, въ народной или естественной поэзіи есть нѣчто такое, чего не можетъ замѣнить намъ художественная поэзія. Никто

не будетъ спорить, что опера Моцарта, или соната Бетховена неизмѣримо-выше всякой народной музыки,—это доказывается даже и тѣмъ, что первыя никогда не наскучатъ, но всегда являются болѣе-новыми, а вторая хороша вò-время и изрѣдка; но тѣмъ не менѣе неоспоримо, что власть народной музыки безконечна надъ чувствомъ. Не диво, что русскій мужичокъ и плачетъ и пляшетъ отъ своей музыки; но то диво, что и образованный Русскій, музыкантъ въ душѣ, поклонникъ Моцарта и Бетховена, не можетъ защититься отъ неотразимаго обаянія однообразнаго, заунывнаго и удалаго напѣва народной пѣсни. Возрастъ мужества выше младенчества—нѣтъ спора; но отъ-чего же звуки нашего дѣтства, его воспоминанія, даже и въ старости потрясаютъ всѣ струны нашего сердца радостію и грустію, и вокругъ поникшей головы нашей вызываютъ свѣтлыхъ духовъ любви и блаженства?... Отъ-того, что младенчество есть необходимый и разумный періодъ нашего существованія, который бываетъ только разъ въ жизни и больше не возвращается... Это время нашего единства съ природою, въ которомъ такъ много простодушной и невинной любви; время нашего непосредственнаго сознанія, въ которомъ все было ясно, безъ тяжкихъ думъ и тревожныхъ вопросовъ, какъ-будто бы сильфы и феи дружелюбно нашептывали сердцу священныя откровенія, и небесная манна сама падала на землю, неорошенную вòтомъ труда и заботъ... Славное то время было, читатель мой, когда солнышко улыбалось вамъ съ чистаго неба, когда цвѣточикъ наклоненіемъ стебелька ласково привѣтствовалъ васъ, мотылекъ манилъ васъ бѣгать по лугу, кузнечикъ пѣлъ вамъ свою однообразную пѣсенку, и быстрый ручей, по выраженію геніальнаго сумасброда Гофмана, разсказывалъ вамъ чудныя сказочки!... Вы и природа были тогда—одно, и все въ природѣ было для васъ дружескимъ откровеніемъ священной тайны любви и блаженства!... Выше же, бокалъ мой, за васъ, счастливыя лѣта моего младенчества! говорите вы. Я теперь умнѣе, чѣмъ былъ тогда; я не промѣняю разума на самое блаженство, но мнѣ все-таки жаль васъ, радужные дни моего счастливаго дѣтства!...

Да, мысль выше непосредственнаго чувства, пора мужества выше поры младенчества; но все же и въ непосредственномъ чувствѣ, и въ порѣ дѣтства, есть нѣчто такое, чего нѣтъ ни въ разумномъ сознаніи, ни въ гордой возмужалости, чтò бываетъ только разъ въ жизни, и больше не возвращается... Такъ и для народа: онъ все тотъ же и въ эпоху разумнаго сознанія, какъ и въ эпоху непосредственнаго чувства; но его непосредственное чувство было почвою, изъ которой возникъ и развился цвѣтъ и плодъ его разумнаго сознанія. Все послѣдующее есть результатъ предъидущаго: разумная мысль часто есть только сознанное преданіе темной старины, а знаніе часто есть только уясненное предчувствіе; а страна миѳовъ и таинственныхъ предреченій есть страна, полная очарованія и чудесъ... Жизнь распадается на множество сторонъ и вновь совокупляется въ единое и цѣлое; единое выше множества, цѣлое выше частей, но и во всякой отдѣльности есть нѣчто свое, незамѣнимое цѣлымъ. Въ художественной поэзіи заключаются всѣ элементы народной, и сверхъ-того есть еще

нѣчто такое, чего нѣтъ въ народной поэзіи: однакожъ, тѣмъ не менѣе народная поэзія имѣетъ для насъ свою цѣну такъ, какъ она есть,—въ ея чистомъ, безпримѣсномъ элементѣ, въ ея простой, безъискусственной и часто грубой формѣ.

Многое еще можно сказать объ общихъ чертахъ народной поэзіи: но это удобнѣе сдѣлать въ примѣненіи къ русскимъ пѣснямъ и сказкамъ,—что̀ мы и исполнимъ въ слѣдующей статьѣ, а эту просимъ считать только общимъ взглядомъ на значеніе всякой народной поэзіи [214]).

*545. **Герой Нашего Времени.** Сочиненіе *М. Лермонтова.* Изданіе второе. С.-Петербургъ. Въ типографіи Ильи Глазунова и К°. 1841 г. Двѣ части. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части VI и 250, во II-й—173 стр. [215]).

Давно ли привѣтствовали мы первое изданіе «Героя Нашего Времени» большою критическою статьею, и, полные гордыхъ, величавыхъ и сладостныхъ надеждъ, со всѣмъ жаромъ убѣжденія, основаннаго на сознаніи, указывали русской публикѣ на Лермонтова, какъ на великаго поэта въ будущемъ, смотрѣли на него, какъ на преемника Пушкина въ настоящемъ!.. И вотъ проходитъ не болѣе года,—мы встрѣчаемъ новое изданіе «Героя Нашего Времени» горькими слезами о невозвратимой утратѣ, которую понесла осиротѣлая русская литература въ лицѣ Лермонтова!.. Не смотря на общее, единодушное вниманіе, съ какимъ приняты были его первые опыты, не смотря на какое-то безусловное ожиданіе отъ него чего-то великаго,—наши восторженныя похвалы и радостные привѣты новому свѣтилу поэзіи для многихъ благоразумныхъ людей казались преувеличенными... Слава ихъ благоразумію, такъ много теперь выигравшему, и горе намъ, такъ много утратившимъ!.. Въ сознаніи великой, невознаградимой утраты, въ полнотѣ ѣдкаго, грустнаго чувства, отравляющаго сердце, мы готовы великодушно увеличить торжество осторожнаго въ своихъ приговорахъ сомнѣнія, и охотно сознаться, что, говоря такъ много о Лермонтовѣ, мы видѣли болѣе будущаго, нежели настоящаго Лермонтова,—видѣли Алкида, въ колыбели удушающаго змѣй зависти, но еще не Алкида, сражающаго ужасною палицею лернейскую гидру... Да, все написанное Лермонтовымъ еще недостаточно для упроченія колоссальной славы, и болѣе значительно какъ предвѣстіе будущаго, а не какъ что-нибудь положительно и безотносительно-великое, хотя и само-по-себѣ все это составляетъ важный и примѣчательный фактъ, рѣшительно-выходящій изъ круга обыкновеннаго. Первыя лирическія пьесы: «Русланъ и Людмила» и «Кавказскій Плѣнникъ», еще не могли составить славы Пушкина, какъ великаго міроваго поэта; но въ нихъ уже видѣлся будущій создатель «Цыганъ», «Онѣгина», «Бориса Годунова», «Моцарта и Сальери», «Скупаго Рыцаря», «Русалки», «Каменнаго Гостя» и другихъ великихъ поэмъ... Толпа судитъ и дѣлаетъ свои приговоры заднимъ числомъ; она говоритъ, когда уже не боится проговориться. Толпа идетъ ощупью и о твердости встрѣченнаго

ею предмета судитъ по силѣ толчка, съ которымъ наткнулась на него. Оставляя за толпою право видѣть вещи не иначе, какъ оборачиваясь назадъ, не будемъ отнимать права у людей заглядывать впередъ и—по настоящему, предсказывать о будущемъ... Всякому свое: толпѣ кричать, людямъ мыслить... Пусть же кричитъ она, а мы снова повторимъ: новая, великая утрата осиротила бѣдную русскую литературу!..

Самыя первыя произведенія Лермонтова были ознаменованы печатію какой-то особенности: они не походили ни на что являвшееся до Пушкина и послѣ Пушкина. Трудно было выразить словомъ, что̀ въ нихъ было особеннаго, отличавшаго ихъ даже отъ явленій, которыя носили на себѣ отблескъ истиннаго и замѣчательнаго таланта. Тутъ было все—и самобытная, живая мысль, одушевлявшая обаятельно-прекрасную форму, какъ теплая кровь одушевляетъ молодой организмъ и яркимъ, свѣжимъ румянцемъ проступаетъ на ланитахъ юной красоты; тутъ была и какая-то мощь, горделиво-владѣвшая собою и свободно-подчинявшая идеѣ своеправные порывы свои; тутъ была и эта оригинальность, которая, въ простотѣ и естественности, открываетъ собою новые, дотолѣ-невиданные міры, и которая есть достояніе однихъ геніевъ; тутъ было много чего-то столь индивидуальнаго, столь тѣсно соединеннаго съ личностію творца,—много такого, что̀ мы не можемъ иначе охарактеризовать, какъ назвавши «лермонтовскимъ элементомъ»... Какой избытокъ силы, какое разнообразіе идей и образовъ, чувствъ и картинъ! Какое сильное сліяніе энергіи и граціи, глубины и легкости, возвышенности и простоты! Читая всякую строку, вышедшую изъ-подъ пера Лермонтова, будто слушаешь музыкальные аккорды, и въ то же время слѣдишь взоромъ за потрясенными струнами, съ которыхъ сорваны они рукою невидимою... Тутъ, кажется, соприсутствуешь духомъ таинству мысли, раждающейся изъ ощущенія, какъ раждается бабочка изъ некрасивой личинки... Тутъ нѣтъ лишняго слова, не только лишней страницы: все на мѣстѣ, все необходимо, потому-что все перечувствовано прежде, чѣмъ сказано, все видѣно прежде, чѣмъ положено на картину... Нѣтъ ложныхъ чувствъ, ошибочныхъ образовъ, натянутаго восторга: все свободно, безъ усилія, то бурнымъ потокомъ, то свѣтлымъ ручьемъ, излилось на бумагу... Быстрота и разнообразіе ощущеній покорены единству мысли; волненіе и борьба противоположныхъ элементовъ послушно сливаются въ одну гармонію, какъ разнообразіе музыкальныхъ инструментовъ въ оркестрѣ, послушныхъ волшебному жезлу капельмейстера... Но, главное—все это блещетъ своими, незаимствованными красками, все дышетъ самобытною и творческою мыслію, все образуетъ новый, дотолѣ невиданный міръ... Только дикіе невѣжды, черствые педанты, которые за буквою не видятъ мысли, и случайную внѣшность всегда принимаютъ за внутреннее сходство, только эти честные и добрые витязи букварей и фоліантовъ, могли бы находить въ самобытныхъ вдохновеніяхъ Лермонтова подражанія не только Пушкину или Жуковскому, но и гг. Бенедиктову и Якубовичу... [216])

Повторяемъ: небольшая книжка стихотвореній Лермонтова, конечно, не есть

колоссальный монументъ поэтической славы; но она есть живое, говорящее прорицаніе великой поэтической славы. Это еще не симфонія, а только пробные аккорды, но аккорды, взятые рукою юнаго Бетховена... Просвѣщенный иностранецъ, знакомый съ русскимъ языкомъ, прочитавъ стихотворенія Лермонтова, не увидѣлъ бы въ ихъ малочисленности богатства русской литературы, но изумился бы силѣ русской фантазіи, даровитости русской натуры... Нѣкоторыя изъ нихъ законно могли бы явиться въ свѣтъ съ подписью имени Пушкина и другихъ величайшихъ мастеровъ поэзіи... «Герой Нашего Времени» обнаружилъ въ Лермонтовѣ такого же великаго поэта въ прозѣ, какъ и въ стихахъ. Этотъ романъ былъ книгою, вполнѣ оправдывавшею свое названіе. Въ ней авторъ является рѣшителемъ важныхъ современныхъ вопросовъ. Его Печоринъ—какъ современное лицо—Онѣгинъ нашего времени. Обыкновенно наши поэты жалуются,—можетъ-быть и не безъ основанія,—на скудость поэтическихъ элементовъ въ жизни русскаго общества; но Лермонтовъ, въ своемъ «Героѣ» умѣлъ и изъ этой безплодной почвы извлечь богатую поэтическую жатву. Не составляя цѣлаго, въ строгомъ художественномъ смыслѣ, почти всѣ эпизоды его романа образуютъ собою очаровательные поэтическіе міры. «Бэла» и «Тамань» въ особенности могутъ считаться однѣми изъ драгоцѣннѣйшихъ жемчужинъ русской поэзіи; а въ нихъ еще остается столько дивныхъ подробностей и картинъ, въ которыхъ съ такою отчетливостію обрисовано типическое лицо Максима Максимыча! «Княжна Мери» менѣе удовлетворяетъ въ смыслѣ объективной художественности. Рѣшая слишкомъ-близкіе сердцу своему вопросы, авторъ не совсѣмъ успѣлъ освободиться отъ нихъ и, такъ-сказать, нерѣдко въ нихъ путался; но это даетъ повѣсти новый интересъ и новую прелесть, какъ самый животрепещущій вопросъ современности, для удовлетворительнаго рѣшенія котораго нуженъ былъ великій переломъ въ жизни автора... Но увы! этой жизни суждено было проблеснуть блестящимъ метеоромъ, оставить послѣ себя длинную струю свѣта и благоуханія и—исчезнуть во всей красѣ своей...

Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ...
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!
Губителемъ неслышнымъ и незримымъ,
Во всѣхъ путяхъ бѣда насъ сторожитъ,
Пріюта нѣтъ главамъ, равно грозимымъ;
Гдѣ не была, тамъ будетъ и сразитъ.
Вотще дерзать въ борьбу съ необходимымъ:
Житейскаго никто не побѣдитъ.
Гнетомы всѣ единой грозной силой.
Намъ всѣмъ сказать о здѣшнемъ счастьѣ: „было!“

Какъ всѣ великіе таланты, Лермонтовъ въ высшей степени обладалъ тѣмъ, что̀ называется «слогомъ». Слогъ отнюдь не есть простое умѣнье писать грамматически-правильно, гладко и складно,—умѣнье, которое часто дается и безталантности. Подъ «слогомъ» мы разумѣемъ непосредственное, данное природою умѣнье писателя употреблять слова въ ихъ настоящемъ значеніи, выражаясь

сжато высказывать много, быть краткимъ въ многословіи и плодовитымъ въ краткости, тѣсно сливать идею съ формою и на все налагать оригинальную, самобытную печать своей личности, своего духа. Предисловіе Лермонтова ко второму изданію «Героя Нашего Времени» можетъ служить лучшимъ примѣромъ того, что̀ значитъ «имѣть слогъ». Выписываемъ это предисловіе:

„Во всякой книгѣ предисловіе есть первая и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя вещь; оно или служитъ объясненіемъ цѣли сочиненія, или оправданіемъ и отвѣтомъ на критики. Но обыкновенно читателямъ нѣтъ дѣла до нравственной цѣли и до журнальныхъ нападокъ, и потому они не читаютъ предисловій. А жаль, что это такъ, особенно у насъ. Наша публика такъ еще молода и простодушна, что не понимаетъ басни, если въ концѣ ея не находитъ правоученія. Она не угадываетъ шутки, не чувствуетъ ироніи; она просто дурно воспитана. Она еще не знаетъ, что въ порядочномъ обществѣ и въ порядочной книгѣ явная брань не можетъ имѣть мѣста; что современная образованность изобрѣла орудіе болѣе острое, почти невидимое и тѣмъ не менѣе смертельное, которое, подъ одеждою лести, наноситъ неотразимый и вѣрный ударъ: наша публика похожа на провинціала, который, подслушавъ разговоръ двухъ дипломатовъ, принадлежащихъ къ враждебнымъ дворамъ остался бы увѣренъ, что каждый изъ нихъ обманываетъ свое правительство въ пользу взаимной, нѣжнѣйшей дружбы.

„Эта книжка испытала на себѣ еще недавно несчастную довѣрчивость нѣкоторыхъ читателей и даже журналовъ къ буквальному значенію словъ. Иные ужасно обидѣлись—и не шутя—что имъ ставятъ въ примѣръ такого безнравственнаго человѣка, какъ герой нашего времени; другіе же очень тонко замѣчали, что сочинитель нарисовалъ свой портретъ и портреты своихъ знакомыхъ... Старая и жалкая шутка! Но видно Русь такъ ужь сотворена, что все въ ней обновляется, кромѣ подобныхъ нелѣпостей. Самая волшебная изъ волшебныхъ сказокъ у насъ едва ли избѣгнетъ упрека въ покушеніи на оскорбленіе личности!

„Герой нашего времени, милостивые государи мои, точно портретъ, но не одного человѣка; это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи. Вы мнѣ опять скажете, что человѣкъ не можетъ быть такъ дуренъ, а я вамъ скажу, что ежели вы вѣрили возможности существованія всѣхъ трагическихъ и романическихъ злодѣевъ,—отъ-чего же вы не вѣрите въ дѣйствительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо болѣе ужасными и уродливыми, отъ чего же этотъ характеръ, даже какъ вымыселъ, не находитъ у васъ пощады? Ужь не отъ того ли, что въ немъ больше правды, нежели бы вы того желали?

„Вы скажете, что нравственность отъ этого не выигрываетъ? Извините. Довольно людей кормили сластями, у нихъ отъ этого испортился желудокъ: нужны горькія лѣкарства, ѣдкія истины. Но не думайте однако послѣ этого, чтобъ авторъ этой книги имѣлъ когда-нибудь гордую мечту сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ. Боже его избави отъ такого невѣжества! Ему просто было весело рисовать современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ, и, къ его и вашему несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излечить—это ужь Богъ знаетъ!“

Какая точность и опредѣленность въ каждомъ словѣ, какъ на мѣстѣ и какъ незамѣнимо другимъ каждое слово! Какая сжатость, краткость и, вмѣстѣ

съ тѣмъ, многозначительность! Читая строки, читаешь и между строками; понимая ясно все сказанное авторомъ, понимаешь еще и то, чего онъ не хотѣлъ говорить, опасаясь быть многорѣчивымъ. Какъ образны и оригинальны его фразы: каждая изъ нихъ годится быть эпиграфомъ къ большому сочиненію. Конечно, это «слогъ», или мы не знаемъ, что такое «слогъ»...

Немного стихотвореній осталось послѣ Лермонтова. Найдется пьесъ десятокъ первыхъ его опытовъ, кромѣ большой его поэмы—«Демонъ»; пьесъ пять новыхъ, которыя подарилъ онъ редактору «Отеч. Записокъ» передъ отъѣздомъ своимъ на Кавказъ... Наслѣдіе не огромное, но драгоцѣнное! «Отеч. Записки» почтутъ священнымъ долгомъ скоро подѣлиться ими съ своими читателями. Лермонтовъ немного написалъ—безконечно меньше того, сколько позволялъ ему его громадный талантъ. Безпечный характеръ, пылкая молодость, жадная впечатлѣній бытія, самый родъ жизни,—отвлекали его отъ мирныхъ кабинетныхъ занятій, отъ уединенной думы, столь любезной музамъ; но уже кипучая натура его начала устаиваться, въ душѣ пробуждалась жажда труда и дѣятельности, а орлиный взоръ спокойнѣе сталъ вглядываться въ глубь жизни. Уже затѣвалъ онъ въ умѣ, утомленномъ сустою жизни, созданія зрѣлыя; онъ самъ говорилъ намъ, что замыслилъ написать романическую трилогію, три романа изъ трехъ эпохъ жизни русскаго общества (вѣка Екатерины II, Александра I и настоящаго времени), имѣющіе между собою связь и нѣкоторое единство, по примѣру куперовской тетралогіи, начинающейся «Послѣднимъ изъ Могиканъ», продолжающейся «Путеводителемъ въ Пустынѣ» и «Шіонерами» и оканчивающейся «Степями»... [217]) какъ вдругъ—

Младой пѣвецъ
Нашелъ безвременный конецъ!
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ!
Потухъ огонь на алтарѣ!..

Нельзя безъ печальнаго содроганія сердца читать этихъ строкъ, которыми оканчивается, въ 63 № «Одесскаго Вѣстника», статья г. Андреевскаго «Пятигорскъ»: «15 іюля, около 5-ти часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ молніею и громомъ: въ это самое время, между горами Машукою и Бештау, скончался—лечившійся въ Пятигорскѣ *М. Ю. Лермонтовъ*. Съ сокрушеніемъ смотрѣлъ я на привезенное сюда бездыханное тѣло поэта»... [218])

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ
Увялъ! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ, и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья,

И жажда знаній и труда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, признакъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой?
Быть можетъ, онъ для блага міра,
Иль хоть для славы былъ рожденъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
Быть-можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть-можетъ, унесла съ собою
Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не домчится гласъ временъ—
Благословенія племенъ! [219])

***546. Стихотворенія графини Е. Растопчиной.** 1841. Часть I. Изданіе конторы привилегированной типографіи *Фишера*. Въ Санктпербургѣ. Въ 8-ю д. л. 190 стр. [220])

Съ 1835 года, если не ошибаемся, почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ начали появляться стихотворенія, отмѣчаемыя таинственной подписью *Гр-ня Е. Р-на*. Само собой разумѣется, что причина подобнаго способа давать о себѣ знать заключалась въ нежеланіи автора быть извѣстнымъ подъ собственнымъ своимъ именемъ,—по скромности ли то было, или по не слишкомъ высокому понятію о литературной аренѣ, или по какимъ-нибудь другимъ уваженіямъ. Но поэтическое «инкогнито» не долго оставалось тайною, и всѣ читатели выговаривали таинственныя буквы опредѣленными и ясными словами: *графиня Е. Растопчина*. Истинный талантъ, особенно при общественной или личной значительности, есть врагъ всякаго «инкогнито» [221]); къ тому же люди странныя созданія (подлинно—*порожденія крокодиловы*): иногда они потому именно не знаютъ вашего имени, что вы поторопились сказать его, и добиваются знать и узнаютъ потому только, что вы его скрываете или дѣлаете видъ, что скрываете... [222]) Повторяемъ, главная причина неудачнаго литературнаго инкогнито графини Растопчиной [223]) заключалась въ поэтической прелести и высокомъ талантѣ, которыми запечатлѣны ея прекрасныя стихотворенія. Намъ тѣмъ легче отдать о нихъ отчетъ публикѣ, что всѣ они извѣстны каждому образованному и неутомимому читателю русскихъ періодическихъ изданій. Посему мы почитаемъ себя вправѣ не прибѣгать къ большимъ выпискамъ и ограничиваться только указаніемъ на ту или другую пьесу, для подтвержденія нашего мнѣнія объ интересныхъ произведеніяхъ свѣтлой музы графини Растопчиной. И мы

выскажемъ наше мнѣніе прямо и откровенно, чуждаясь сколько безусловнаго удивленія, столько и преступнаго равнодушія [224]).

Отличительныя черты музы графини Растопчиной—рефлексія [225]) и свѣтскость: это муза разсуждающая и свѣтская. Перечтите пьесы: «Страдальцу», «Полузнакомой», «Равнодушной», «Зачѣмъ? отвѣтъ на *что*», «Отринутому поэту», «На Дону», «На памятникъ Сусанину» и нѣкоторыя другія,—во всѣхъ нихъ встрѣтите вы бездну вопросовъ, вродѣ слѣдующихъ: «*зачѣмъ? уже ль? ты ль это? тебѣ ль?*» и т. п. «Зачѣмъ» особенно часто повторяется въ стихотвореніяхъ графини Растопчиной. Даже тѣ пьесы, въ которыхъ нѣтъ прямого [226]) вопрошенія, большей частью не иное что, какъ разсужденія въ прекрасныхъ, а иногда въ поэтическихъ стихахъ. Несмотря на все уваженіе къ музѣ графини Растопчиной, мы не можемъ не замѣтить, что разсужденіе охлаждаетъ даже мужескую и мужественную поэзію и придаетъ ей какой-то однообразный и прозаическій колоритъ. Правда, этого нельзя безусловно отнести къ прекраснымъ *медитаціямъ* графини Растопчиной; но все-таки нельзя не сказать, чтобы ея стихотворенія не выиграли больше въ поэзіи, еслибъ захотѣли оставаться поэтическими откровеніями міра женственной души, мелодіями мистики женственнаго сердца: тогда они были бы и любопытнѣе для остальной половины человѣческаго рода, Богъ знаетъ почему присвоившей себѣ право суда и награды. Сохрани насъ Богъ отъ вандальской мысли ограничить поэтическую дѣятельность женщины только сферою, оставленною ей варварствомъ мужчины, но мы думаемъ, что, вступая въ сферы, присвоенныя себѣ силою мужчины [227]), женщинѣ должно имѣть и мужскія силы при женской граціи, подобно геніальной Д'Юдеванъ... [228])

Исключительное служеніе «богу салоновъ» также не совсѣмъ выгодно. Наши салоны—слишкомъ сухая и безплодная почва для поэзіи. Правда, они даже и зимой дышатъ ароматомъ или, какъ говоритъ муза графини Растопчиной, *сыплятъ ароматъ*, но этотъ ароматъ искусственный, возросшій на почвѣ горшковъ [229]), а не на раздольи плодотворной земли, улыбающейся ясному небу. *Балъ*, составляющій источникъ вдохновеній графини Растопчиной, конечно, образуетъ собой обаятельный міръ даже и у насъ,—не только тамъ, гдѣ царитъ образецъ, съ котораго онъ довольно точно скопированъ; но балъ у насъ—заморское растеніе, много пострадавшее при перевозкѣ, помятое, вялое, блѣдное. Поэзія—женщина: она не любитъ показываться каждый день въ одномъ уборѣ; напротивъ, она каждый часъ любитъ являться новою; всегда быть разнообразною—это жизнь ея: а всѣ балы наши такъ похожи одинъ на другой, что поэзія не пошлетъ туда даже и своей Kammerfräulein [230]), не только сама не пойдетъ. Между тѣмъ поэзія графини Растопчиной, такъ сказать, прикована къ балу: даже встрѣча и знакомство съ Пушкинымъ, какъ совершившіяся на балѣ, суть собственно описаніе бала, которое болѣе бы шло къ письму или статьѣ въ прозѣ, чѣмъ съ риѳмами. Муза графини Растопчиной не чужда поэтическихъ вдохновеній, дышащихъ не однимъ умомъ, но и глубокимъ чувствомъ. Правда, это

чувство ни въ одномъ стихотвореніи не выказалось полно, но болѣе сверкаетъ въ отрывкахъ и частностяхъ, зато эти отрывки и частности ознаменованы печатью истинной поэзіи. Сколько, напримѣръ, души въ стихахъ:

Но вы, разрозненные рокомъ,
Любимцы блѣклые мои,
На лоно матери-земли
Вы принесенные оброкомъ
Съ родимыхъ вѣтвей и вершинъ,
Какъ много думъ и откровеній,
Какъ много горестныхъ видѣній
И занимательныхъ *судьбинъ* (?)
Я вижу въ низкой вашей долѣ!..
Немного будущности въ васъ,
Но все на жизненной юдоли
Переживете вы не разъ
И рано скошенную младость,
И сонъ любви, и красоту,
И сердца пламеннаго радость,
И вдохновенную мечту.

Еще болѣе глубокимъ чувствомъ запечатлѣно стихотвореніе «Послѣдній Цвѣтокъ»; это, по нашему мнѣнію, лучшее стихотвореніе въ книжкѣ. Вотъ оно:

Не дамъ тебѣ увянуть одинокимъ,
Послѣдній цвѣтъ *облистанныхъ* (?) полей!...
Не пропадетъ въ *безмѣрности степей* (?)
Твой ароматъ; тебя крыломъ жестокимъ
Не унесетъ холодный вихрь ночей.

Я напою съ заботливымъ стараньемъ
Тебя, мой гость, студеною водой;
Я нагляжусь, нарадуюсь тобой;
Ты отцвѣтешь... и съ нѣжнымъ состраданьемъ
Вложу тебя въ псалтырь сопутный мой.

Чрезъ много лѣтъ, въ часъ тихаго мечтанья,
Я книги той переберу листы;
Засохшій мнѣ тогда предстанешь ты...
Но оживешь въ моемъ воспоминаньи,
Какъ прежде, полнъ душистой красоты.

А я, цвѣтокъ, въ безвѣстности пустыни
Увяну я... и мысли тщетный даръ,
И смѣлый духъ, и вдохновенный жаръ,
Кто ихъ поймете?.. въ поэтѣ лучъ святыни
Кто разглядитъ сквозь думъ неясныхъ паръ?..

Поэзія, они благоуханье
И ѳиміамъ восторженной души;
Но должно ей горѣть и цвѣсть въ тиши.

Но не дано на языкѣ изгнанья
Ей высказать всѣ таинства свои.

И много думъ, и много чувствъ прекрасныхъ
Не имутъ словъ, глагола не найдутъ
И на душу обратно западутъ....
И больно мнѣ, что въ проблескахъ напрасныхъ
Порывы ихъ на вѣкъ со мной умрутъ!

Мнѣ суждено подъ схимою молчанья
Святой мечты все лучшее стаить,
Знать свѣтъ въ душѣ... и мракъ въ очахъ носить.
Цвѣтокъ полей, забытый безъ вниманья,
Себя съ тобой могу ли не сравнить?..

Отмѣченныя курсивомъ слова въ первомъ куплетѣ принадлежатъ къ числу тѣхъ неточныхъ выраженій, которыя иногда портятъ лучшія вдохновенія поэта. Особенно непріятно поражаетъ слово «облистанный», котораго значеніе едва ли кому будетъ понятно.

Даже и въ рефлектированныхъ [231]) стихотвореніяхъ графини Растопчиной встрѣчаются мѣста, ознаменованныя думою и чувствомъ,—и мы поступили бы несправедливо [232]) противъ ея музы, еслибы не выписали этихъ стиховъ изъ пьесы «Равнодушной»:

Мой другъ... мнѣ жаль тебя! ты молода, прекрасна,
Съ душой чувствительной ты дышешь для любви,
Тебѣ ль, во цвѣтѣ лѣтъ, ошибкою ужасной
Безжалостно, на вѣкъ, убить права свои,
Проститься съ счастьемъ... погибнуть для земли?...
Нѣтъ... вѣрь, Богъ милости, Богъ пламенныхъ моленій
Не принялъ робкаго отвѣта твоего!
Вѣрь, жертва слезъ твоихъ, постовъ и треволненій
Противна благости вселюбящей Его!..
Не Онъ ли создалъ насъ, чтобъ съ кротостью, съ терпѣньемъ
Посланье Ангеловъ въ быту земномъ свершить?..
Не Онъ ли намъ велѣлъ быть міру утѣшеньемъ,
Мужчинѣ гордому путь трудный облегчить,
И отъ житейскихъ смутъ въ немъ сердце охранить?
Не онъ ли одарилъ насъ пламенной душою,
Намъ сердце, чувство далъ, явилъ въ насъ благодать,
И въ умъ нашъ даръ вложилъ, какъ вѣрой и мольбою
Отступниковъ ума съ святыней примирить?..
Такъ!.. мы посредницы межъ Божествомъ и свѣтомъ.
Намъ цѣль—творить добро, намъ весело *любить*,
И женщина, любовь отвергнувши обѣтомъ,
Не вправѣ болѣе сестрою нашей быть!
Ей темный монастырь! Ей жребій закелейный!.
Ей гробъ... по съ думами, съ тревогою, съ тоской!..
И горе, горе ей, коль образъ чародѣйный,
Подъ чернымъ клобукомъ сдруженъ съ ея мечтой,
Подъ черной мантіей волнуетъ умъ младой!..

Да, *такія* думы и чувства доказываютъ, что талантъ графини Растопчиной могъ бы найти болѣе обширную и болѣе достойную себя сферу, чѣмъ салонъ, и что стихи, подобные слѣдующимъ, выражаютъ только безсознательность, несправедливую какъ къ своему собственному, такъ и вообще къ высокому назначенію женщины: [233])

А я, я женщина во всемъ значеньи слова,
Всѣмъ женскимъ склонностямъ покорна я вполнѣ;
Я только женщина... гордиться тѣмъ готова...
Я балъ люблю!.. отдайте балы мнѣ!..

***547. Очерки жизни и избранныя сочиненія Александра Петровича Сумарокова.** (,) И(и)зданныя *Сергѣемъ Глинкою*. Часть I. Спб. Въ т. С. С. Глинки и К°. 1841. Въ 8-ю д. л. XLIX и 197 стр. [234])

Вотъ одно изъ тѣхъ произведеній, которыя называются капитальными произведеніями литературы, которыя пишутся не для однихъ современниковъ, но и для потомства, переживаютъ вѣка и народы. Много нужно таланта, чтобы описать вѣрно только внѣшнюю сторону книги почтеннаго ветерана нашей литературы: найти же единство воззрѣнія и мысли въ торжественно-праздничномъ вдохновеніи, которымъ проникнута, и въ лирическомъ безпорядкѣ и отрывочности, которыми запечатлѣна ея внутренность,—это просто дѣло генія. Будучи слишкомъ далеки отъ самолюбивой мысли предполагать въ себѣ геній и почитать себя способными разоблачить передъ читателями все богатство, всю оригинальность содержанія книги почтеннѣйшаго С. Н. Глинки,—даже только познакомить ихъ съ ея оригинальною внѣшностію и восторженно-лирическимъ способомъ ея изложенія, напоминающаго торжественныя оды прошлаго вѣка: мы тѣмъ не менѣе, хотя и со страхомъ и съ трепетомъ, хотя и съ полнымъ сознаніемъ своего безсилія и недостоинства, но все-таки попытаемся на этотъ великій подвигъ.

Во-первыхъ книга почтеннѣйшаго С. Н. Глинки приводитъ читателя въ изумленіе уже самымъ заглавіемъ своимъ: всякій (особенно, кто подобно намъ, не одаренъ тонкою проницательностію и догадливостію), всякій легко можетъ подумать, что «очерки жизни» въ этой книгѣ такъ же принадлежатъ Александру Петровичу Сумарокову, какъ «и избранныя сочиненія Александра Петровича Сумарокова». Естественно, тутъ рождается вопросъ: но чьей же жизни очерки писалъ Александръ Петровичъ Сумароковъ? Вотъ тутъ-то и первый камень преткновенія, и первая важная ошибка со стороны ограниченныхъ людей, не способныхъ понимать геніевъ: «очерки жизни» написаны почтеннѣйшимъ С. Н. Глинкою, а «избранныя сочиненія Александра Петровича Сумарокова» написаны Александромъ Петровичемъ Сумароковымъ. Во-вторыхъ, книга почтеннѣйшаго [235]) С. Н. Глинки весьма предусмотрительно снабжена цѣлыми [236]) тремя заглавными листками, которые всѣ разнятся одинъ отъ другого особыми примѣтами: пер-

вый въ узорной рамкѣ и съ означеніемъ «часть первая», но безъ означенія типографіи; второй безъ узорной рамки, но съ означеніемъ типографіи, въ которой книга напечатана; третій безъ узорной рамки, съ означеніемъ части и безъ означенія города, типографіи и года, но зато съ двумя эпиграфами изъ Сумарокова и Шатобріана. За этими тремя листками слѣдуетъ четвертый, на которомъ крупными литерами значится: «Приношеніе памяти Екатерины(ы) Второй, любительницъ(ы) русскаго слова и августѣйшей русской писательницъ(ы). Затѣмъ уже слѣдуетъ посвященіе, котораго по недостатку времени и мѣста не разбираемъ: для одного этого [237]) потребовалось бы цѣлой и при томъ большой статьи. За посвященіемъ слѣдуетъ «Первый взглядъ на Сумарокова писателя», въ которомъ (первомъ взглядѣ на Сумарокова *(какъ?)* писателя) С. Н. Глинка говоритъ, что, приступая къ возобновленію «Русскаго Вѣстника», онъ рѣшился перечитать прежнихъ нашихъ писателей и началъ съ А. П. Сумарокова, въ сочиненія котораго онъ не заглядывалъ лѣтъ двадцать. Начавъ читать А. П. Сумарокова, С. Н. Глинка удивился его (А. П. Сумарокова) прозаическимъ статьямъ и тому, что онъ (А. П. Сумароковъ) предъявлялъ о собраніи, соображеніи и приведеніи законовъ въ единство и предъявилъ объ обществѣ для сохраненія чистоты русскаго слова и объ учрежденіи хлѣбныхъ магазиновъ. За «первымъ взглядомъ на Сумарокова писателя» слѣдуетъ «второй взглядъ на Сумарокова писателя», въ которомъ говорится, что Ломоносовъ напрасно упрекалъ Сумарокова въ подражаніи Расину, что Тредьяковскій *въ грозной критикѣ* напрасно подозрѣвалъ Сумарокова, что тотъ осмѣялъ его въ *Трисотиніусѣ*; что «Иліада» есть подражаніе египетскимъ надписямъ на развалинахъ стовратыхъ Ѳивъ; что весь міръ подражалъ; что Сумароковъ «зналъ и оцѣнялъ красоту Шекспира» и зналъ голландскаго трагика Ѳонделя. Въ «третьемъ взглядѣ на Сумарокова писателя» говорится, что сочиненія Сумарокова еще и при жизни его были искажены издателями и имъ самимъ: ибо онъ, «*въ разсѣянномъ состояніи мысли,* и самъ портилъ свои трагедіи, добиваясь богатыхъ, звучныхъ риомъ, къ вреду силы выраженія»: что когда публика освистывала нѣкоторыя изъ трагедій Сумарокова, онъ очень краснорѣчиво восклицалъ:

«Возьмите свѣтъ изъ глазъ и выньте духъ мой вонъ!»

Словомъ, въ «третьемъ взглядѣ на Сумарокова писателя», содержится много интереснаго, изъ чего видно ясно, какъ день Божій, что онъ, Сумароковъ, былъ великій писатель. Только напрасно «третій взглядъ» приписываетъ Сумарокову (стр. VIII) фразу: «Но неужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели Вольтеру и *лунѣ*»; Сумароковъ сказалъ то же, но не такъ, а вотъ какъ: «Но неужели Москва повѣритъ болѣе подъячему, нежели Г. Вольтеру и мнѣ» (см. «Полное собраніе всѣхъ сочиненій [238]) въ стихахъ и прозѣ, *покойнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника, ордена св. Анны кавалера и лейпцигскаго ученаго собранія члена* Александра Петровича Сумарокова», т. IV, стр. 62); о *лунѣ* же Сумароковъ и не думалъ упоминать, говоря о

Г. Вольтерѣ, послѣ котораго онъ, по сознанію своего достоинства, естественно могъ говорить только о собственной особѣ [239]). За «третьимъ взглядомъ» слѣдуетъ «содержаніе и обозрѣніе десяти частей сочиненій А. П. Сумарокова, изданныхъ Н. И. Новиковымъ». Въ этомъ отдѣленіи особенно драгоцѣнны комментаріи С. Н. Глинки, равно какъ и многіе факты русской литературы. Напримѣръ (стр. XX—XXI), онъ доказываетъ, что Озеровъ выучился такъ хорошо писать трагедіи (встарину за поэзію брались на выучку—не то, что нынѣ, по призванію) у Сумарокова, и приводитъ свой разговоръ объ этомъ съ Озеровымъ. Вотъ слова Озерова:

«Давно обдумывая трагедію *Эдипа*, и я сталъ переучиваться стопосложенію по поэзіи Сумарокова, у него стихъ мягче (чѣмъ у Княжнина), а мнѣ нужна эта мягкость для роли *Антигоны*. Признаюсь, что я теперь дивлюсь Сумарокову; гдѣ и у кого отыскалъ онъ выраженіе трагическое? Говорятъ, что онъ подражалъ французскимъ трагикамъ; это ничего не значитъ. Корнелій, Расинъ и Вольтеръ заимствовали у грековъ нѣкоторыя содержанія своихъ трагедій. Но языкъ у нихъ свой. Я пристрастенъ къ Расину; но Корнелій выше его тѣмъ, что онъ изобрѣлъ слогъ трагическій; то же должно сказать и о Сумароковѣ».

Здѣсь не знаешь, чему больше дивиться: тому-ли, что Озеровъ нашелъ себѣ такого достойнаго образца и такъ вѣрно судилъ о немъ; или тому, что С. Н. Глинка такъ хорошо упомнилъ разговоръ, происходившій *сорокъ пять* лѣтъ назадъ тому...

На XXIV стр. С. Н. Глинка приводитъ слѣдующія «неумирающія», какъ онъ говоритъ, выраженія Сумарокова:

„Скромность—ожерелье красоты.—Упасть каждый можетъ; и лошадь падаетъ, хотя у нея четыре ноги —Ты русскій, а не говоришь по-русски.—Пьяному да крючкотворцу и море по колѣно.—И подушки у ябедниковъ не слишкомъ вертятся. У тѣхъ вертятся больше, которые, дорожа своей честностью, по міру ходятъ.—Умъ превосходный лучше превосходительства чиновнаго —Что присвоено беззаконно, то отдать свыше силъ человѣческихъ.—Хвали сонъ, когда сбудется.—И змѣя птенцовъ своихъ не пожираетъ.—Тѣлу нужна голова, но и мизинецъ членъ“.

Выписавъ эти «неумирающія» выраженія Сумарокова, С. Н. Глинка восклицаетъ: «Тутъ по-неволѣ остановишь(ь)ся и скажешь: это рѣзко(і)й и живой оборотъ слова *Ла Брюйера* и *Паскаля*!» Именно такъ!...

Затѣмъ слѣдуетъ «Содержаніе первой части очерковъ жизни и сочиненій А. П. Сумарокова», состоящей изъ двѣнадцати статей, и еще двухъ дополнительныхъ статей. Затѣмъ слѣдуетъ [240]) еще заглавный листъ книги, а за нимъ—статья первая и слѣдующія. Въ нихъ С. Н. Глинка разсказываетъ по своему, т. е. оригинально и упоительно, частную и литературную жизнь Сумарокова, дѣлая свои замѣчанія и съ непостижимою быстротою переходя отъ одного предмета къ другому, хотя бы между ними не было ничего общаго. Слѣдить за изложеніемъ книги С. Н. Глинки нѣтъ никакой возможности: его мысли летятъ

на почтовыхъ [242]), кружатъ, колесятъ, обгоняютъ одна другую, отстаютъ, забѣгаютъ, сшибаютъ другъ друга съ ногъ—у читателя вертится голова; не успѣетъ онъ пройти съ авторомъ двухъ шаговъ, какъ—глядь—автора уже нѣтъ съ нимъ—онъ или за тысячу верстъ назади, или за тысячу верстъ впереди... Гдѣ же поспѣть за такимъ Протеемъ!.. Вотъ ужъ подлинно геніальный мыслитель!.. [243]) И потому мы рѣшительно отказываемся разбирать книгу С. Н. Глинки подробно, шагъ за шагомъ слѣдя за ея изложеніемъ, а поговоримъ только о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ въ ней [244]).

Отъ стр. 77 до 90-й С. Н. Глинка силится доказать, что между Ломоносовымъ и Сумароковымъ не было никакой вражды. Полно, такъ ли? — При всемъ нашемъ безусловномъ уваженіи къ великому авторитету С. Н. Глинки, позволяемъ себѣ вѣрить въ этомъ случаѣ болѣе Ломоносову, чѣмъ ему; а вотъ что писалъ Ломоносовъ въ письмѣ своемъ къ Шувалову, безуспѣшно пытавшемуся помирить его съ Сумароковымъ: «Никто въ жизни меня больше не изобидѣлъ, какъ ваше высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть, какое-нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вы меня отозвали и тѣмъ поманили. Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ! то-есть сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ человѣкомъ, отъ коего всѣ бѣгаютъ, и вы сами не рады. Свяжись съ тѣмъ человѣкомъ, который ничего другого не говоритъ, какъ только всѣхъ бранитъ, себя хвалитъ и бѣдное свое рифмичество выше всего человѣческаго знанія ставитъ. Тауберта и Миллера для того только бранитъ, что не печатаютъ его сочиненій; а не ради общей пользы. Я забываю всѣ его озлобленія, и мстить не хочу никоимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злобнаго сердца. Только дружиться и обходиться съ нимъ никоимъ образомъ не могу, испытавъ чрезъ многіе случаи и зная, каково въ кропиву.....» и пр.

На 143 страницѣ находятся слѣдующія строки, поражающія читателей смѣлостію, новостію и оригинальностію: «Я чрезвычайно люблю и уважаю геній А. С. Пушкина, но *Онѣгинъ* не представитель народнаго русскаго духа. При жизни еще нашего поэта я напечаталъ и самъ читалъ ему:

Страннаго свѣта ты живописецъ;
Кистью рисуешь призракъ людей!..
Что твой *Онѣгинъ*? Онъ лѣтописецъ
Модныхъ, безцвѣтныхъ, безжизненныхъ дней".

Прочтя эти строки, и въ прозѣ и въ стихахъ, и при томъ въ такихъ прекрасныхъ стихахъ, внезапно озаренные свѣтомъ истины, мы въ пламенномъ восторгѣ воскликнули, ставъ на колѣни и поднявъ руки вверхъ: правда, о, тысячу разъ правда, что «Онѣгинъ»—пустое, вздорное произведеніе! Проговоривши сіи роковыя слова, мы схватили всѣ *одиннадцать* томовъ сочиненій Пушкина, развернули тутъ, заглянули тамъ, и рѣшили, что все-то въ нихъ вздоръ и побрякушки, да не говоря много, бухъ ихъ въ каминъ [245]), тѣмъ болѣе, что первые восемь томовъ во всѣхъ отношеніяхъ плохо изданы. На очистившееся въ шкапѣ

мѣсто, мы съ подобающимъ благоговѣніемъ поставили десять томовъ сочиненій «покойнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Александра Петровича Сумарокова». Теперь мы только и дѣлаемъ, что читаемъ ихъ, безпрестанно восклицая въ благочестивомъ восторгѣ классическаго правовѣрія: «О Сумароче! Сумароче! меда и сота сладчайши суть козлопѣнія [246]) твоя,—и се не зримъ ихъ на θеятрахъ нашихъ искусными лицедѣями представляемыхъ!» Надобно замѣтить, что эта фраза принадлежитъ не намъ, но мы запомнили ее изъ одного стараго журнала. Впрочемъ, мы много хорошаго восклицали и отъ себя, но не почитаемъ за нужное доводить нашихъ восклицаній [247]) до свѣдѣнія нашей публики: для нея [248]) достаточно знать, что мы теперь Пушкина не ставимъ ни въ грошъ, а Сумарокову поклоняемся до земли, и что этимъ *новымъ* и прекраснымъ убѣжденіемъ обязаны мы краснорѣчивымъ и глубокомысленнымъ доводамъ почтеннѣйшаго С. Н. Глинки.

Въ заключеніе, намъ остается поблагодарить С. Н. Глинку за опроверженіе, которымъ удостоилъ онъ «Отечественныя Записки», и увѣрить его, что трудъ его не пропалъ вотще, что мы исправились отъ своихъ заблужденій, прозрѣли свѣтомъ истины до того, что эклоги Сумарокова считаемъ нѣжными, элегіи трогательными, притчи остроумными, комедіи язвительными, оды возвышенными, трагедіи величественными, прозаическія статьи глубокомысленными, словомъ, видимъ въ Сумароковѣ русскаго Теокрита, Тибулла, Лафонтена, Мольера, Пиндара, Горація, Корнеля, Расина, Вольтера, Кребильйона, Дюсиса и пр. и пр., великаго поэта, геніальнаго творца и пр., и пр., и что всѣмъ этимъ мы обязаны все ему, почтеннѣйшему С. Н. Глинкѣ!.. Ждемъ [249]) съ нетерпѣніемъ второй части его «Очерковъ жизни и избранныхъ сочиненій А. П. Сумарокова».

548. Двѣнадцать Собственноручныхъ Писемъ Адмирала Шишкова, скончавшагося 9-го, а погребеннаго 15-го прошедшаго апрѣля въ кладбищенской церкви Воскресенія св. Лазаря, при Александро-Невской Лаврѣ. Санктпетербургъ. Въ тип. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1841. Въ 8-ю д. л. 86 стр. [250])

Умилителенъ этотъ голосъ изъ-за могилы, хотя въ немъ и не слышно никакихъ звуковъ, образующихъ собою какую-либо замѣчательную рѣчь. Это просто свѣтскія письма отъ знакомаго къ знакомому, письма, которыхъ содержаніе мало интересно для публики, и которыя авторъ, вѣроятно, едва-ли бы желалъ видѣть въ печати. Между-тѣмъ, въ нихъ, мимоходомъ, есть кое-что болѣе или менѣе примѣчательное. Такъ напримѣръ, въ *третьемъ* письмѣ (стр. 5—14) авторъ очень-остроумно доказываетъ, что слово *имство* есть синонимъ словамъ «качество» и «свойство» и, означая *характеръ* или *характеръ*, какъ коренное русское слово, должно замѣнить собою иностранное «характеръ» и изгнать его изъ русскаго языка. Мы такъ убѣждены силою и основательностію

остроумныхъ доводовъ покойнаго Шишкова, касательно слова *имство*, что сейчасъ же готовы сказать, что «имство» посмертныхъ его писемъ, равно какъ и всѣхъ сочиненій, весьма-примѣчательно по своей оригинальности. Въ *четвертомъ* письмѣ,—тоже весьма замѣчательномъ своимъ «имствомъ»,—употреблено г-мъ Шишковымъ слово *предбудущее* (стр. 17), вмѣсто будущаго: удивительно, какъ такой глубокомысленный знатокъ отечественнаго слова могъ употребить такое неточное выраженіе: вѣдь *предбудущее* есть то же, что *предшествующее будущему*, слѣдовательно, то же, что̀ *настоящее*... Очень замѣчательно своимъ «имствомъ» *восьмое* письмо. Въ немъ, между прочимъ, содержатся слѣдующія строки:

„Въ вашей московской словесности, также какъ и въ здѣшней, часто встрѣчаю глупое самолюбіе и невѣжество ребятъ, которыхъ бы не худо было, для ихъ же добра, высѣчь розгами. На этихъ дняхъ попался мнѣ журналъ, въ которомъ какой-то студентъ судитъ и бранитъ безъ милости Хераскова. Вотъ правы, которымъ поучаютъ юношей! Вмѣсто, чтобъ скромными сочиненіями стараться напередъ снискать себѣ имя, онъ съ такою же дерзостію, съ какимъ и невѣжествомъ, ругаетъ мертваго старика, со всѣхъ сторонъ почтеннаго! хочетъ показать свой умъ и свои знанія, но вмѣсто сего показываетъ свою глупость, невѣжество и худой нравъ. Признаюсь, что я не могу ни чего подобнаго прочитать безъ крайняго сожалѣнія о худомъ воспитаніи молодыхъ нынѣшнихъ людей. Кажется, какъ будто всѣ училища превратились въ школы развратовъ, и кто оттуда ни выдетъ, тотчасъ покажетъ, что онъ совращенъ съ истиннаго пути и голова у него набита пустотою, а сердце самолюбіемъ, первымъ врагомъ благоразумію“.

Вотъ до какого страннаго и несправедливаго заключенія о новомъ времени и новыхъ школахъ довело добраго старика [250-а]) излишнее пристрастіе къ Хераскову! Говорить правду о Херасковѣ значитъ «показать свою глупость, невѣжество, худой нравъ, пустую голову и самолюбивое сердце», слѣдственно дурныя *имства*,—и училище, въ которомъ учился злодѣй съ сими скверными *имствами*, есть истинная «школа развратовъ»!.. Довольно сильно сказано! Но всего интереснѣе тутъ то обстоятельство, что *новое время* и *нынѣшніе молодые люди* въ письмѣ г. Шишкова относятся теперь уже къ *старому времени* и *довольно пожилымъ людямъ:* журналъ, въ которомъ покойный Шишковъ нашелъ возмутившую его душу статью о Херасковѣ, есть не иное что̀, какъ «Современный Наблюдатель Россійской Словесности» (съ марта по іюль 1815 года); сама же статья принадлежала издателю журнала, нынѣшнему почтенному археологу и археографу, Павлу Михайловичу *Строеву*, который, будучи оскорбленъ грубымъ незнаніемъ Хераскова, смѣшавшаго въ своей «Россіадѣ» Іоанна III съ Іоанномъ IV или Грознымъ, напалъ на него въ умной, энергической статьѣ, оскорбившей тогдашнихъ литературныхъ старовѣровъ; а между-тѣмъ Мерзляковъ, въ своемъ «Амфіонѣ», издававшемся въ томъ же 1815 году, напалъ на «Россіаду» съ эстетической стороны, и также навлекъ на себя бездну неудовольствій отъ литературныхъ изувѣровъ того времени [250-б])... Г. Шишковъ такъ долго

жилъ, что нынѣшнихъ старцевъ помнилъ мальчиками, и лѣтъ пятьдесятъ наблюдалъ грустнымъ взоромъ паденіе нравственности и водворявшійся развратъ молодыхъ поколѣній, которыя смѣялись надъ Тредьяковскимъ, Сумароковымъ и Херасковымъ!

Въ книжкѣ, носящей на себѣ названіе «Двѣнадцати собственноручныхъ писемъ адмирала Александра Семеновича Шишкова», и состоящей изъ 86 страницъ,—письма г. Шишкова занимаютъ только 39 страницъ; прочія же 47 страницъ заняты другими вещами, именно: отъ страницы 40—до 45-ой включительно, находится нѣчто въ родѣ письма издателя писемъ г. Шишкова къ какому-то вельможѣ, а въ письмѣ этомъ говорится о переведенной издателемъ съ французскаго торжественной одѣ «Воззваніе къ Богу, въ 28-й день іюня». Страницы 46—49 заключаютъ въ себѣ самую оду, о красотахъ которой нельзя дать понятія иначе, какъ выписавъ изъ нея хоть послѣднюю, заключительную строфу:

Блажу тебя, любовь предвѣчна!
За милосердіе твое,
Блажу тя, благость безконечна!
За избавленіе мое.
Сей день не будетъ мной забвенъ:
Въ сей день хранитель мой рожденъ:
Ты сей уставилъ день отъ вѣка,
На то, чтобъ сонмамъ сирыхъ, вдовъ,
Болящихъ, бѣдныхъ дать покровъ,
Создавъ *по сердцу человѣка.*

Страницы 50—58 заняты любопытными комментаріями на сію оду. Страницы 59—79 заключаютъ въ себѣ статью: «Выписка изъ рукописи, одобренной С.-Петербургскимъ Комитетомъ Духовной Цензуры (2-го іюня 1841 г.), подъ заглавіемъ: *Опроверженіе злоумышленныхъ толковъ, распространенныхъ лжефилософами XVIII вѣка противъ христіанскаго благочестія*»». Страницы 80—86 заняты «Прибавленіемъ къ двѣнадцати собственноручнымъ письмамъ покойнаго А. С. Шишкова». На послѣдней же страницѣ находятся слѣдующія объявленія:

№ 1. Благородная дама по происхожденію своему, Англичанка, желаетъ принять, подъ непосредственный надзоръ свой, не болѣе трехъ малолѣтныхъ дѣтей, отъ одного мѣсяца послѣ рожденія до пяти или шести лѣтъ, преимущественно такихъ, которыя лишились нѣжной материнской попечительности и заботливости. Объ условіяхъ можно узнавать ежедневно, съ 11 часовъ утра до 2 пополудни, 1-й Адмиралтейской части въ Галерной улицѣ, подъ № 195, въ квартирѣ № 15.

№ 2. Въ этой же квартирѣ, мужемъ и грековосточнымъ единовѣрцемъ помянутой дамы, принимается подписка на *Первую часть Опроверженія злоумышленныхъ толковъ.* (Послѣ объясненій условій подписки, внизу подписано: *Состоящій въ числѣ чиновниковъ при почтовомъ департаментѣ, статскій совѣтникъ* Я. Бардовскій) [251]).

549. Русская Исторія для Первоначальнаго Чтенія. Сочиненіе *Николая Полеваго.* Часть четвертая. Санктпетербургъ. Въ типографіи Н. Греча. 1841. Въ 12-ю д. л. 448 стр. [252])

Эта книжка—продолженіе прекраснаго труда, которому давно была бы пора кончиться... Можетъ-быть, нѣкоторымъ изъ читателей, особенно «не нашего прихода», покажется страннымъ, что «Отеч. Записки» хвалятъ книгу, написанную г. Полевымъ. «При сей вѣрной оказіи» просимъ этихъ господъ замѣтить однажды навсегда, что «Отеч. Записки» чужды низкой вражды къ лицу, мимо его произведеній, что онѣ всегда преслѣдовали и всегда будутъ преслѣдовать произведенія только тѣхъ людей, отъ которыхъ, по ихъ природной бездарности [253]), соединенной съ ограниченностію понятій, нельзя ожидать ничего хорошаго—по той [254]) самой простой причинѣ, —что въ наше время чудесъ не бываетъ, и [255]) вордна никогда не запоетъ соловьемъ. Правда, и подобнымъ головамъ случается иногда обмолвиться умнымъ словцомъ; и Тредьяковскому какъ-то разъ удалось написать эти прекрасные стихи:

Воньми, о небо! и реку,
Земля да слышитъ устъ глаголы,
Какъ дождь я словомъ потеку,
И снидутъ, какъ роса къ цвѣтку
Мои вѣщанія на долы.

Но въ продолженіе и въ окончаніе этихъ стиховъ, достойныхъ Державина, опять таки сказался почтенный профессоръ элоквенціи, а паче всего хитростей пінтическихъ, Василій Кирилловичъ Тредьяковскій, изобрѣтатель гекзаметра, который можетъ соперничать только развѣ съ октавами одного позднѣйшаго изобрѣтателя въ томъ-же родѣ [256]). Умныя обмолвки «профессоровъ элоквенціи» напоминаютъ прекрасную эпиграмму Баратынскаго:

Глупцы не чужды вдохновенья;
Имъ также нылкія мгновенья
Оно какъ геніямъ даритъ:
Слетая съ неба, всѣ растенья
Равно весна животворитъ.
Что жь это сходство знаменуетъ?
Что имъ глупецъ пріобрѣтетъ?
Его капустою раздуетъ,
А лавромъ онъ не расцвѣтетъ.

И потому [257]), есть имена, которыя никогда не встрѣтятъ [258]) въ «Отеч. Записках» похвалы [259]) своимъ произведеніямъ...

Но не къ такимъ именамъ принадлежитъ имя г. Полеваго. Мы поставляемъ себѣ за особенное удовольствіе и за честь признавать въ г. Полевомъ человѣка необыкновенно [260]) умнаго и даровитаго литератора [261]), дѣятельнаго, оказавшаго въ качествѣ журналиста, важныя услуги русской литературѣ и русскому образованію. Мы только не видимъ въ немъ генія, какимъ ему иногда угодно было

признавать себя, въ порывахъ свойственнаго человѣческой слабости самолюбія [262]). Уважая многія изъ его произведеній, какъ имѣющія неоспоримое достоинство для своего времени мы не видимъ въ нихъ твореній не только вѣчныхъ, но даже и [263]) долговѣчныхъ. И что жь тутъ унизительнаго, или обиднаго для г. Полеваго? [264]) Всякому свое: одинъ творитъ для вѣковъ и человѣчества, но, доступный только немногимъ избраннымъ, не служитъ сильнымъ рычагомъ для движенія общества; другой пишетъ для эпохи и сливаетъ свое имя съ исторіей этой эпохи [265]). Послѣдній еще скорѣе получаетъ свою награду, чѣмъ первый: часто, теряя въ потомствѣ первобытное свое значеніе, онъ тѣмъ выше въ глазахъ современниковъ. Развѣ и это не лестно? Развѣ для этого не должно, какъ говоритъ Гамлетъ, «быть избраннымъ изъ десяти тысячъ»?... Но, повторяемъ: отдавать должное не значитъ приписывать излишнее, и заслуга не защищаетъ отъ порицаній въ ошибкахъ. Г. Полевой оказалъ великую [266]) заслугу литературѣ своимъ «Телеграфомъ»,-и мы умѣемъ быть благодарны за нее, но не до такой же степени, чтобъ не видѣть, что съ «Телеграфомъ» кончилось время его журнальной дѣятельности, и что если его имя воскресило на минуту «Сынъ Отечества», то его же редакція и снова уморила этотъ несчастный [267]) журналъ. Всему свое время: жизнь угасаетъ и въ народахъ, не только въ отдѣльныхъ людяхъ; съ лѣтами угасаетъ и геній, не только дарованіе, какъ бы оно ни было сильно: Шеллингъ живой примѣръ [268]). Въ свое время, литературные и эстетическіе взгляды и мнѣнія г. Полеваго были и новы и вѣрны, давали литературѣ и жизнь и направленіе; а теперь нисколько не удивительно, что онъ заднимъ числомъ судитъ о Пушкинѣ, Гоголѣ и Лермонтовѣ. И должно ли быть намъ равнодушными къ подобнымъ сужденіямъ, особенно, когда ихъ источникъ, кромѣ отсталости и устарѣлости, заключался [269]) еще и въ недовольствѣ собою, въ журнальныхъ разсчетахъ, въ раздражительности [270]) самолюбія? — Г. Полевой оказалъ важную услугу, поставивъ «Гамлета» на русскую сцену; но это все-таки не мѣшаетъ намъ видѣть въ его переводѣ довольно-жалкую пародію на великое созданіе Шекспира,—хотя, можетъ-быть, этому-то обстоятельству и обязана пьеса своимъ успѣхомъ въ толпѣ. Поэтому [271]), мы убѣждены, что никто изъ людей умныхъ и благонамѣренныхъ не увидитъ пристрастія въ нашихъ постоянно-одинаковыхъ отзывахъ о жалкомъ драматическомъ поприщѣ г. Полеваго. Конечно, многія изъ его драматическихъ пьесъ несравненно-выше всѣхъ произведеній нашихъ доморощенныхъ водевилистовъ, отъ г. Ленскаго до г. Коровкина включительно; но что же изъ этого? Развѣ это слава—написать романъ, который будетъ выше всѣхъ романовъ гг. Зотова и Воскресенскаго?—Нѣтъ, если это и слава, то не для г. Полеваго: мы цѣнимъ его выше и отъ души совѣтуемъ ему перестать состязаться съ театральными писаками и побѣждать ихъ... Иное, удивляя безсмысленную чернь, недостойной вниманія порядочнаго человѣка, есть вѣнцы, унижающіе голову, на которую надѣты: вѣдь и вѣнокъ изъ калуфера и мяты [272]), тоже вѣнокъ, но какіе люди могутъ дорожить имъ и добиваться его [273]).—Г. Полевой задумалъ

писать «Исторію Русскаго Народа», и, вмѣсто исторіи, написалъ журнальную статью въ шести томахъ, наполненную полемическими выходками и безпрерывно противорѣчащую самой себѣ. Статья эта, за недостаткомъ жизненныхъ силъ, скоро остановилась, и самъ авторъ, вѣроятно, увидѣлъ съ прискорбіемъ, что взялся не за свое дѣло... Но [274]) г. Полевой можетъ еще и теперь сдѣлать много полезнаго и истинно прекраснаго [275]); лучшее доказательство—*четвертый* томъ его «Русской Исторіи для Первоначальнаго Чтенія». Когда выйдетъ послѣдній томъ этой исторіи, мы поговоримъ о ней подробнѣе; а теперь скажемъ только, что еще въ первый разъ читали по-русски такъ дѣльно, умно и съ такимъ талантомъ написанную русскую исторію для дѣтей—исторію отъ смерти царя Алексія Михайловича до восшествія на престолъ Екатерины Великой. Особенно хорошо изображено въ этой книжкѣ время отъ смерти Петра-Великаго. Это не сборъ фактовъ, давно всѣмъ извѣстныхъ; эхо не фразы, изъ которыхъ читатель узнаетъ, что всегда и все было чудо какъ хорошо, и не понимаетъ чѣмъ же Петръ-Великій выше Анны Іоанновны, Екатерина-Великая — Елисаветы Петровны [275]), Потемкинъ выше Бирона, а Державинъ выше Сумарокова. У г. Полеваго есть взглядъ, есть мысль, есть убѣжденія; оттого [276]) разсказъ его живъ, одушевленъ, увлекателенъ, а событія запечатлѣваются въ памяти читателя. Правда, съ иными взглядами г. Полеваго можно и не согласиться; но самый ошибочный взглядъ лучше отсутствія всякаго взгляда. Намъ кажется, напримѣръ, онъ не совсѣмъ понялъ Миниха и былъ пристрастенъ не въ его пользу [276]); можно было бы упрекнуть также за нѣкоторыя неполноты, небрежность въ разсказѣ и какую-то поспѣшность въ переходѣ отъ событія къ событію; но, повторяемъ, не смотря на всѣ эти недостатки, книжка г. Полеваго весьма-полезна и занимательна для «первоначальнаго чтенія». Чтобъ познакомить читателей съ разсказомъ г. Полеваго, выписываемъ изъ вышедшей нынѣ четвертой части его «Исторіи» два мѣста, которыя могутъ дать понятіе о состояніи Россіи въ два царствованія:

„Мы уже говорили о Биронѣ. Постепенно онъ до того овладѣлъ волею Императрицы, ослабѣвавшей притомъ въ здоровьи, что сдѣлался наконецъ полновластнымъ владѣтелемъ Россіи. Честолюбіе и корыстолюбіе его были неисчерпаемымъ источникомъ бѣдствій. Ему недоставало уже почестей обыкновенныхъ, и въ 1737 году, когда скончался послѣдній герцогъ курляндскій, Фердинандъ Кетлеръ, онъ вздумалъ быть его преемникомъ. Фердинандъ былъ только герцогомъ по титулу и жилъ въ Данцигѣ. Русскія войска безвыходно стояли въ Курляндіи съ 1711 года, и герцогство управлялось собраніемъ депутатовъ, а наслѣдниками Фердинанда хотѣли быть графъ Мавриній и Меншиковъ. Услышавъ о желаніи Бирона, Курляндцы не смѣли противиться, и тотъ, кого прежде дворянство курляндское не хотѣло принять въ свое сословіе, избранъ былъ въ герцоги курляндскіе. Но чѣмъ болѣе возвышался Биронъ, тѣмъ ненасытнѣе были его желанія и тѣмъ недовѣрчивѣе становился онъ, тѣмъ свирѣпѣе гналъ и терзалъ противниковъ. Только Остерманъ и Минихъ умѣли обольщать его, удерживаясь на своихъ мѣстахъ; но всякій другой, кого подозрѣвалъ онъ въ милости къ нему Императрицы, становился

его неизбѣжною жертвою. Мстя князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, въ 1737 году Бирон̀ъ обвинилъ его въ несправедливомъ рѣшеніи дѣла, за нѣсколько лѣтъ прежде конченнаго. Старца, уваженнаго при переворотѣ 1730 года, лишили чиновъ, орденовъ, отвезли въ Шлиссельбургъ и уморили въ тюрьмѣ. Замѣтивъ состраданіе Императрицы къ Долгорукимъ, Бирон̀ъ обвинилъ ихъ въ злыхъ рѣчахъ и умыслѣ; изъ Березова, изъ Соловецкаго монастыря, изъ крѣпостей свезли Долгорукихъ въ Петербургъ, вспомнили прежнія вины ихъ, и въ 1739 году свирѣпая казнь ихъ совершилась въ Новгородѣ: *Василію Лукичу* и *Сергѣю* и *Якову Григорьевичамъ* отрубили головы; *Ивана Алексѣевича*, любимца Петра II, пытали, колесовали; онъ умеръ, повторяя: „помяни мя, Господи, во царствіи своемъ!“ *Ѳеофилактъ* архіепископъ Тверской, ученый пастырь, сочинитель службы на праздникъ Полтавской побѣды, возбудилъ ярость Бирона книгою своею противъ Лютеранъ; его подвергли пыткѣ, и потомъ больнаго, разбитаго параличемъ, пять лѣтъ держали въ казематахъ крѣпости. Жертвою Бирона сдѣлался наконецъ Артемій Петровичъ *Волынскій*, сильный вельможа, любимецъ Петра Великаго, второй послѣ Остермана министръ. Честолюбецъ не менѣе Бирона, онъ вздумалъ открыто бороться съ нимъ, подавъ на него доносъ Императрицѣ, и чрезъ нѣсколько часовъ потомъ Волынскій и друзья его были въ застѣнкахъ терзаемые неслыханными пытками. Императрица со слезами подписала приговоръ, умоляя своего любимца пощадить Волынскаго, но Бирон̀ъ былъ неумолимъ: іюня 27 1740 года казнили *Волынскаго* и друзей его: ему отрубили сперва руку, потомъ голову; тайный совѣтникъ *Хрущовъ* и оберъ-интендантъ *Еропкинъ* обезглавлены послѣ него; *графу Мусину-Пушкину* отрѣзали языкъ; генералъ кригсъ-коммисаръ *Соймоновъ* и кабинетъ-секретарь *Эйхлеръ* высѣчены кнутомъ и сосланы въ Сибирь; секретарь Волынскаго *Зуда*, по наказаніи плетьми, сосланъ въ Камчатку. Дочь Волынскаго насильно присудили постричься. Слыша, что свирѣпость казни возбуждаетъ ропотъ, Бирон̀ъ наполнилъ обѣ столицы и государство шпіонами, щедро награждалъ доносчиковъ, и за одно неосторожное слово вельможа и простолюдинъ были схватываемы, увлекаемы, подвергнуты пыткѣ, казни, ссылкѣ; болѣе 20.000 человѣкъ всѣхъ званій было сослано Бирономъ въ Сибирь. Многіе увозимы были тайно; никто не зналъ ихъ именъ, а они не знали своего преступленія, томясь въ ссылкѣ или въ тюрьмѣ. Отцы страшились дѣтей, друзья не смѣли сойтиться бесѣдовать тайно, трепеща тайной канцеляріи, гдѣ засѣдалъ клеврет̀ъ Бирона *Андрей Ушаковъ*, изъ бѣдныхъ дворянъ достигшій графскаго титула, ордена Св. Андрея, предавшій потомъ Бирона, предавшій враговъ его впослѣдствіи и умершій въ почестяхъ, уже въ 1747 году.

„Но не одни заговоры и ропотъ противъ дѣлъ Бирона возбуждали свирѣпство его. Неурожаи и голодъ въ нѣсколько лѣтъ произвели большія недоимки податей. Бирон̀ъ учредилъ особенныя команды, которыя ѣздили по Россіи, собирали подати, пытали, терзали неплательщиковъ, и всѣ взысканныя суммы поступали въ *Доимочный Приказъ*, коимъ распоряжался Бирон̀ъ отдѣльно отъ государственнаго казначейства. Тысячи городскихъ и сельскихъ жителей бѣжали изъ Россіи въ Польшу, въ Турцію; тюрьмы были наполнены колодниками, когда толпы другихъ шли въ Сибирь и въ Рогервикъ на каторгу. Ни почести, ни богатства, ни безмолвное раболѣпство сильныхъ—ничто наконецъ не удовлетворяло Бирона. Онъ хотѣлъ упрочить власть свою, и даже рѣшился было женить сына своего на великой княжнѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, утверждая тѣмъ родъ свой на Россійскомъ престолѣ. Но импера-

трица не согласилась. Свадьба принца Антона Ульриха съ Анною Леопольдовною празднована была 3-го іюля 1739 года. Но Биронъ не допустилъ Императрицу объявить супруга Анны Леопольдовны наслѣдникомъ престола. Здѣсь скрывался обширный планъ его. Биронъ хотѣлъ, чтобы наслѣдникомъ объявлено было дитя, рожденное отъ брака великой княгини Анны, а его Императрица утвердила опекуномъ и правителемъ государства. Все исполнилось по желанію гордаго временщика". . . . . .

. . . . . .

„Страшная кара пала послѣ сего на главы бывшихъ временщиковъ, и въ паденіи своемъ смѣшались прежніе враги и друзья: хитрый *Остерманъ*, уцѣлѣвшій при Меншиковѣ, Долгорукихъ, Тайномъ Совѣтѣ, Биронѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ, и врагъ его *Минихъ*, грозный воинъ и побѣдитель; *Левенвольдъ*, изнѣженный царедворецъ, сынъ слѣпаго счастія, *Менгденъ* и родовой бояринъ *Головкинъ*. Минихъ былъ безтрепетенъ предъ судомъ. Оправдывался въ какомъ-то обвиненіи, вдругъ обратился онъ къ одному изъ судей. „У меня есть тяжкія преступленія" сказалъ онъ, „и вотъ одно изъ нихъ: когда во время Турецкой войны, ты былъ уличенъ въ воровствѣ казенныхъ денегъ, я не повѣсилъ тебя: виноватъ предъ Богомъ и Государынею!" Видя пристрастіе судей, онъ не хотѣлъ наконецъ отвѣчать на вопросы ихъ. „Напишите, что угодно", сказалъ онъ имъ, „а я подпишу не читая; вижу, что оправданіе мнѣ невозможно". Приговоры были ужасны; положено: Остермана колесовать, Миниха четвертовать, Головину, Левенвольду и Менгдену отрубить головы. Января 18-го 6.000 гвардіи окружили эшафотъ, на которомъ лежала плаха и топоръ. Изъ крѣпости, въ бѣдныхъ пошевняхъ везли осужденныхъ. Остермана, страдавшаго тяжкою подагрою, взнесли на эшафотъ; палачъ поднялъ надъ нимъ топоръ, когда изречено помилованіе всѣмъ и прочитанъ указъ императрицы, перемѣняющій казнь на вѣчную ссылку. Минихъ хладнокровно слушалъ его, и такъ же гордо, какъ нѣкогда передъ полками, стоялъ на эшафотѣ, одѣтый въ сѣрый кафтанъ ссыльнаго, прикрываясь ветхимъ краснымъ плащемъ. На другой день отправили Остермана въ Березовъ, Головкина въ Германгъ, Менгдена въ Колымской острогъ, Левенвольда въ Соликамскъ. Мѣстомъ ссылки Миниха назначили Пелымъ; домъ, построенный по плану его для Бирона, сдѣлался мѣстомъ его заточенія. Еще болѣе: случайно, въ Казани на мосту съѣхались сани Миниховы съ санями какого-то ссыльнаго, возвращаемаго въ Россію, и въ ссыльномъ Минихъ узналъ Бирона. Биронъ узналъ Миниха. Они безмолвно поклонились одинъ другому. Не смотря на болѣзнь, Остерманъ прожилъ въ Березовѣ до 1747 г. Могилы Меншикова и Долгорукихъ тамъ показываютъ жители. Могила Остермана никому неизвѣстна; вѣроятно, какъ Лютеранинъ, онъ былъ похороненъ не при церкви, но гдѣ-нибудь за селеніемъ, въ лѣсу. Головинъ страдалъ въ ссылкѣ 14 лѣтъ и умеръ въ 1755 году. Супругѣ его позволено было привезти его тѣло, и она похоронила его въ Москвѣ въ Георгіевскомъ монастырѣ. Левенвольдъ томился въ ссылкѣ 16 лѣтъ и умеръ въ 1758 году".

Ожидаемъ окончанія «Русской Исторіи для Первоначальнаго Чтенія», г. Полеваго: это будетъ книга, въ какой всего болѣе нуждалось русское юношество [271]).

*550. **Древнія россійскія стихотворенія**, собранныя *Киршею Даниловымъ*, и вторично изданныя. Москва. 1818.

Древнія русскія стихотворенія (,) служащія въ дополненіе (дополненіемъ?) къ *Киршъ Данилова* (у?). Собранныя *М. Сухановымъ*. Санктпетербургъ. 1840.

Сказанія русскаго народа, собранныя *И. Сахаровымъ*. Т. I. Кн. 1. 2. 3. 4. Изданіе третіе. Санктпетербургъ. 1841.

Русскія народныя сказки. Часть I. Санктпетербургъ. 1841.

Статья II. [278])

Значеніе „общаго“ и „особнаго“ въ искусствѣ. — Отношеніе народной поэзіи къ художественной, и наоборотъ. — Всеобщность и художественность греческой народной поэзіи. — Элементы общаго въ народныхъ легендахъ тевтонскихъ племенъ.

Въ первой статьѣ мы сказали, что какъ естественное противополагается въ поэзіи искусственному, такъ *народное* противополагается *общему*, и наоборотъ, и что какъ народное, такъ и общее суть понятія родственныя, заключающіяся въ самой сущности творчества. Теперь намъ должно объяснить значеніе *общаго* (мироваго, абсолютнаго) и *особнаго* (частнаго, исключительнаго). Что̀ такое «общее»?—сущность всего сущаго, единство всякаго разнообразія, душа вселенной, начало и конецъ всего, что̀ было, есть и будетъ, словомъ *идея*. Почему же, спросятъ насъ, это новое и притомъ такое странное, произвольное названіе для предмета стараго и давно уже получившаго себѣ имя? — Почему же «общее», а не просто «идея»?.. — Въ этомъ новомъ словѣ, — отвѣчаемъ мы,—одинъ изъ существеннѣйшихъ признаковъ, которымъ вполнѣ опредѣляется предметъ, берется за самый предметъ, чтобъ тѣмъ яснѣе было значеніе предмета. Слово «идея» требуетъ опредѣленія философическаго, не многимъ интереснаго и доступнаго: слово «общее» (Allgemeinheit) можетъ быть объяснено для всѣхъ болѣе или менѣе ясно и удовлетворительно. Чтобъ вѣрнѣе достичь нашей цѣли, будемъ подтверждать наши умозрѣнія примѣрами и подобіями. Все общее есть источникъ и причина существованія всего особнаго и частнаго. Общее необходимо, и потому вѣчно; особное случайно, и потому преходящее. Вы видите передъ собою животное, напр., льва. Его рожденіе, продолжительность или краткость жизни, его смерть—все это совершенно [279]) случайно, ибо *этотъ* левъ могъ и быть и не быть, и издохнуть едва родясь, и дожить до старости. Природа и міръ такъ же равнодушны къ его существованію, какъ и къ его не-существованію. Но левъ, какъ цѣлый, отдѣльный родъ животныхъ, составляющій собою звено въ цѣпи мірозданія, не *какой-нибудь*, не *этотъ* левъ (*le* lion, или *un* lion), а левъ вообще (lion) есть уже не случайное и не частное, а необходимое и, слѣдственно, *общее* явленіе. Ежедневно истребляется множество животныхъ, но роды ихъ неистребимы: равнодушная къ участи особныхъ явленій,

природа попечительно хранитъ *роды* и *виды*. Особныя явленія для нея—случайности; роды и виды—идеи, слѣдственно, *общее*. И такъ, вотъ уже мы и нашли въ безпредѣльномъ многоразличіи природы то, что̀ въ ней должно называться *общимъ*. Если сообразить, что родъ, какъ идея, совокупляетъ въ себѣ бесчисленные признаки, равно *общіе* множеству предметовъ, выражающихъ его,—то слово «общее» уже никому не можетъ казаться произвольнымъ, или страннымъ. Роды и виды въ органическихъ явленіяхъ природы, отъ минераловъ *), чрезъ растенія и животныхъ, доходя до человѣка, суть не иное что, какъ необходимые моменты ея развитія, тѣ ступени, на которыхъ она, такъ-сказать, отдыхала и успокоивалась въ своемъ творческомъ стремленіи къ сознанію себя чрезъ индивидуализированіе. Все сущее, каждый предметъ въ природѣ есть не что иное, какъ воплотившаяся, *обособившаяся* идея абсолютнаго бытія. Будучи источникомъ всего видимаго, конечнаго и преходящаго, словомъ, будучи *матерью* всякаго чувственнаго бытія, абсолютная идея, оставаясь въ своемъ элементѣ чистаго, недоступнаго чувствамъ бытія, подобна нулю, который, самъ-по-себѣ не будучи ничѣмъ, тѣмъ не менѣе принимается математиками за абсолютное начало всякой величины и всѣхъ величинъ. Только тотъ въ состояніи уразумѣть таинственное значеніе этого нуля, чей взоръ столько глубокъ, что можетъ провидѣть сущность вещей, мимо самыхъ вещей, чей умъ такъ могучъ, что въ силахъ совлечь съ міра его покровы, и не затрепетать отъ ужаса, увидѣвшись съ духомъ лицомъ-къ-лицу. Здѣсь мы приводимъ, для ясности, образное и поэтически-созерцательное выраженіе этой мысли, принадлежащее великому поэту Германіи — Гёте. Фаустъ, давъ обѣщаніе императору вызвать передъ него Париса и Елену, прибѣгаетъ къ помощи Мефистофеля, который неохотно указываетъ ему единственное средство для выполненія этого обѣщанія. «Въ неприступной пустотѣ» говоритъ онъ: «царствуютъ богини; тамъ нѣтъ пространства, еще менѣе времени: то *матери*».—Матери? восклицаетъ въ изумленіи Фаустъ:—матери! матери!—повторяетъ онъ,—это такъ странно звучитъ...—«Богини» продолжаетъ Мефистофель: «невѣдомыя вамъ, смертнымъ, и неохотно именуемыя нами. Готовъ ты ли? Тебя не остановятъ ни замки, ни запоры; тебя обойметъ пустота. Имѣешь ли ты понятіе о совершенной пустотѣ?» Фаустъ увѣряетъ его въ своей готовности. «Еслибъ тебѣ надо было плыть» продолжаетъ снова Мефистофель: «по *безграничному* океану; еслибъ тебѣ надобно было созерцать эту безграничность, ты увидѣлъ бы тамъ по-крайней мѣрѣ стремленіе волны за волною, ты увидѣлъ бы тамъ нѣчто; ты увидѣлъ бы на зелени усмирившагося моря плескающихся дельфиновъ; передъ тобою ходили бы облака, солнце, мѣсяцъ, звѣзды; но въ пустой, вѣчно-пустой дали ты не увидишь ничего, не услышишь своего соб-

*) Здѣсь слово „органическій“ берется въ обширномъ смыслѣ, какъ противоположность всему „техническому“, не самою природою, а умомъ человѣка производимому.

ственнаго шага; ногѣ твоей не на что будетъ опереться». Фаустъ непоколебимъ:—«въ твоемъ *ничто*» говоритъ онъ—«я надѣюсь найти *все*».

In deinem Nichts hoff ich All zu finden.

Мефистофель послѣ этого даетъ Фаусту ключъ. «Ступай за этимъ ключемъ» говоритъ онъ ему: «онъ доведетъ тебя до *матерей*». Слово «матери» снова заставляетъ Фауста содрогнуться.—*Матерей!*—восклицаетъ онъ:—какъ ударъ поражаетъ меня это слово! Что̀ это за слово такое, что я не могу его слышать?.. «Неужели ты такъ ограниченъ» отвѣчаетъ ему Мефистофель: «что новое слово смущаетъ тебя?» Мефистофель потомъ даетъ ему наставленія, какъ онъ долженъ поступать въ своемъ дивномъ путешествіи, — и Фаустъ, ощутивъ новыя силы отъ прикосновенія къ волшебному ключу, топнувъ ногой, погружается въ бездонную глубь. «Любопытно» говоритъ Мефистофель, оставшись одинъ: «возвратится ли онъ назадъ?» Фаустъ возвратился, и возвратился съ успѣхомъ. Онъ вынесъ съ собою изъ бездонной пустоты треножникъ, тотъ треножникъ, который былъ необходимъ для того, чтобъ вызвать въ міръ дѣйствительный красоту въ лицѣ Париса и Елены.

Этотъ поэтическій миѳъ Гёте, или, лучше сказать, эта поэтическая апоѳеоза самаго отвлеченнаго понятія, очень ясно говоритъ уму своею образностію. Подобно Фаусту, всякій, въ комъ воля способна возвышаться до самоотреченія, отважившись ринуться въ безграничную пустоту—таинственное мѣстопребываніе царственныхъ матерей всего сущаго, — вынесетъ оттуда съ собою волшебный треножникъ всяческаго знанія и всяческой жизни. Изъ пустоты возвратится онъ въ высшую дѣйствительность, въ «ничто» найдетъ все: ибо что̀-же и все какъ не «ничто», ставшее дѣйствительностью, какъ не безтѣлесныя «матери», воплотившіяся въ міры... [280]) Общее, т. е. идея, чтобъ перейдти изъ сферы идеальной возможности въ положительную дѣйствительность, должно было перейдти чрезъ моментъ отрицанія своей общности и стать особнымъ, индивидуальнымъ и личнымъ. И это общее, обособившись въ планетѣ и предметахъ ископаемаго и растительнаго царства природы, началò индивидуализироваться въ предметахъ царства животнаго. Мы уже выше сказали, что какъ обособленіе, такъ и индивидуализированіе общаго въ природѣ совершалось въ правильной постепенности восхожденія отъ низшаго *рода* и *вида* къ высшему роду и виду. Цѣль этого творческаго движенія была — сознаніе, возможное только для личности, для субъекта, до которыхъ общее достигло, ставъ *человѣкомъ*. Но какъ природа была, такъ-сказать, безсильна вдругъ достичь своей цѣли, ставъ человѣкомъ, то стремленіе ея къ средству сознанія — личности, началось съ низшихъ моментовъ; сперва съ обособленія (планеты, минералы, растенія), потомъ индивидуализированія (животныя); переходя отъ низшаго къ высшему, природа ознаменовала свое творческое стремленіе стройнымъ рядомъ существъ, постепенно приближающихся къ человѣку. Явно, что орангутангъ былъ послѣднею неудачною попыткою ея сознать себя, послѣ которой ей уже было возможно достичь

послѣдняго, высшаго абсолютнаго типа существъ—личности, субъекта, человѣка и что, достигши цѣли своего стремленія, она вдругъ, какъ-бы лишилась своей творческой силы и дѣятельности, какъ уже болѣе не имѣющей цѣли и потому ненужной [281]).

Человѣкомъ оканчивается царство природы и имъ же начинается царство духа. Мы видѣли, что въ природѣ общее (идея) является въ родахъ и видахъ веществъ и существъ: теперь посмотримъ, какъ оно является въ человѣкѣ.

Что̀ такое обще-человѣческое? Разумѣется, то, что̀ составляетъ общій интересъ всѣхъ и каждаго, то, что̀ всѣхъ волнуетъ, во всякомъ находитъ отзывъ, служитъ невидимымъ рычагомъ дѣятельности всѣхъ и каждаго. «Стало быть—*деньги!*»—воскликнетъ иной читатель: «чему же другому и быть!» Не споримъ съ тѣми, кто уже такъ глубокъ въ этомъ убѣжденіи, что его нельзя переспорить; но для многихъ другихъ, еще не слишкомъ крѣпкихъ въ подобномъ вѣрованіи, и для немногихъ, совершенно чуждыхъ ему, скажемъ нѣсколько словъ объ «общемъ» людей. Такъ какъ общее людей есть то, что̀ связываетъ людей между собою, то не споримъ, что и взаимныя нужды и отношенія суть общее. Но это еще не то общее, о которомъ говоримъ мы: есть между людьми другое высшее, благороднѣйшее, достойнѣйшее ихъ общее: это—*любовь*. Но любовь есть только чувство, и потому что-то инстинктуальное, невольное и безсознательное. Любовь, какъ чувство, свойственна и животнымъ, въ половыхъ и семейныхъ отношеніяхъ. Любовь человѣка должна быть выше, а для этого она должна быть сознательною, должна имѣть разумное содержаніе. Вы, читатель, имѣете друга: онъ погибаетъ,—и вы спасаете его съ опасностью собственной жизни, или съ пожертвованіемъ собственнаго благосостоянія. Это высокій и прекрасный подвигъ, но это еще не любовь, а только дѣйствіе любви: любви должно искать въ причинахъ вашей любви къ другу, въ томъ, что̀ связываетъ васъ съ нимъ дружбою. Мы нисколько не отвергаемъ дѣйствительности факта, что и величайшіе злодѣи иногда погибаютъ другъ за друга; но причина этого—привычка считать жизнь ни за что, и еще болѣе—взаимная нужда другъ въ другѣ, т. е. сперва безсознательность ожесточенія, а потомъ эгоизмъ: слѣдственно, тутъ о любви нечего и говорить. Связываютъ людей еще и общія страсти, пристрастія, привычки, какъ-то: вино, карты, сплетни и проч.; но въ подобнаго рода связяхъ не бываетъ примѣровъ самоотверженія. И такъ, ваша любовь къ другу, доказанная самопожертвованіемъ, должна же на чемъ-нибудь основываться, вы за что же нибудь должны любить вашего друга, а онъ васъ, словомъ, между вами должно же быть что-нибудь *общее?*.. Такъ,—и ужь конечно это общее—то, что̀ составляетъ человѣческое достоинство, что̀ дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, что̀ называется благомъ, истиною, красотою, долгомъ, обязанностію, знаніемъ и т. п. А благо, истина, красота, долгъ, честь, слава, доблесть, знаніе, все это—идеи, слѣдственно, все это «общее». И потому, любя вашего друга, вы любите въ немъ не что-нибудь частное, случайное, ему одному принадлежащее (какъ, напр., цвѣтъ волосъ, голосъ, лицо); но тотъ прометеевъ огонь, то

божественное начало, которое есть общее наслѣдіе человѣческой натуры, словомъ—идею. Вы скажете, что, несмотря на то, вы все-таки любите и лицо, и голосъ, и поступь, и манеры, и всю непосредственность вашего друга: оно такъ и должно быть, ибо въ томъ-то и состоитъ взаимное отношеніе общаго къ особному и особнаго къ общему, что они въ человѣкѣ не приклеиваются другъ къ другу внѣшнимъ образомъ, такъ, что можно было бы сказать, что̀ въ немъ общее и что̀ особное, но взаимно проникаютъ другъ друга, неразрывно, органически сливаются другъ съ другомъ. Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души, но вѣдь нельзя же сказать: вотъ въ немъ тѣло, а вотъ душа; доселѣ анатомія и физіологія еще не нашли (и никогда не найдутъ) мѣста въ тѣлѣ, гдѣ живетъ душа, и какъ тѣло безъ души, такъ и душа безъ тѣла есть отвлеченное понятіе, а не дѣйствительное явленіе, не человѣкъ. Чѣмъ болѣе проникнутъ человѣкъ общимъ, тѣмъ разительнѣе достоинство и прелесть его личности, тѣмъ онъ *особнѣе,* такъ-сказать, и мы, думая любить его за черты лица или голосъ, любимъ его за душу, а думая любить за душу, любимъ за лицо, рѣчь и манеры. Опредѣлительно на этотъ счетъ можно сказать только то, что особное получаетъ свое достоинство только [282]) отъ общаго, и что любить можно только идею. Намъ возразятъ, что есть люди, одаренные [283]) сильною способностію любить и которые часто устремляютъ свою любовь на предметы, не совсѣмъ достойные ея, или видя въ нихъ мнимыя достоинства, или просто по привычкѣ, или въ-слѣдствіе особенной обстановки обстоятельствъ. Это ничего не доказываетъ, кромѣ безсознательности. Позорно въ человѣкѣ отсутствіе всякаго чувства; но любовь всегда есть признакъ человѣческаго достоинства, на какой бы ступени ни стояла она; высшая же, дѣйствительная любовь есть любовь сознательная, разумная.

Каждый человѣкъ самъ себѣ цѣль [284]). Назначеніе каждаго человѣка—развить въ себѣ все человѣческое, общее и насладиться имъ. Всѣ люди имѣютъ равное право на дары духа,—разумѣется въ той мѣрѣ, въ какой каждый изъ нихъ, по своей натурѣ, можетъ вмѣстить въ себѣ. Но есть особый родъ людей, которые по-преимуществу могутъ назваться любимцами неба: это—великіе историческіе дѣйствователи. Исторія, нѣкоторымъ образомъ, представляетъ собою явленіе, параллельное природѣ: какъ въ природѣ общее является въ родахъ и видахъ, такъ въ исторіи это общее является въ избранникахъ судебъ Божіихъ. Они выражаютъ своею личностію все, что̀ составляетъ сущность народа или человѣчества въ ихъ эпоху; они страдаютъ и блаженствуютъ за милліоны; они—олицетворенная идея, «личное общее» своего времени. И потому ихъ личности не суть что-нибудь преходящее, но вѣчное, никогда неумирающее. Онѣ представляютъ собою «общее», и потому до нихъ всѣмъ и каждому дѣло, всякая живая душа откликнется на ихъ имя, все интересуется ихъ участью, даже малѣйшими подробностями ихъ частной жизни. Заговорите съ послѣднимъ безграмотнымъ и полудикимъ русскимъ мужичкомъ въ глуши отдаленной провинціи, заговорите съ нимъ о Петрѣ Великомъ, о Наполеонѣ, — и онъ будетъ васъ

слушать, будетъ съ участіемъ васъ разспрашивать. «*Что жь ему Гекуба?*» спрашиваете вы вопросомъ Гамлета... Общее, общее!—отвѣчаю я вамъ. Въ чемъ бы ни проявилось оно—въ исполинской ли мысли Петра преобразовать народъ; въ исполинской ли мысли Наполеона дать законы всему міру; въ исполинской ли художественной дѣятельности Шекспира; въ ужасающемъ ли патріотическомъ фанатизмѣ Брута, палача горячо-любимыхъ дѣтей своихъ; въ религіозномъ ли рвеніи Іоанна Гусса, и какъ бы ни кончилось оно—полною ли побѣдою и полнымъ оправданіемъ при жизни, островомъ ли св. Елены, полнотою ли славы при жизни, сдѣлавшейся въ тягость, костромъ ли—оно *общее*, всѣмъ равно принадлежащее, и потому каждый и знаетъ о немъ, какъ о своихъ собственныхъ нуждахъ, хотя бы и вѣка отдѣляли его отъ него...

И такъ, предметъ искусства есть *общее*, въ значеніи котораго мы условились съ читателями. Но въ искусствѣ, какъ и въ природѣ и въ исторіи, общее, чтобъ не оставаться отвлеченною идеею, должно обособляться въ отдѣльныя органическія явленія. Посему, всякое художественное произведеніе есть нѣчто отдѣльное, особное, но проникнутое общимъ содержаніемъ—идеею. Въ художественномъ произведеніи, идея съ формою должна быть органически слита, какъ душа съ тѣломъ, такъ что уничтожить форму значитъ уничтожить идею, и наоборотъ. Сущность искусства—уравновѣшеніе общаго съ особнымъ, идеи съ формою. Въ искусствѣ, форма прежде всего, потому что все въ ней; она не должна быть внѣшнимъ средствомъ для выраженія идеи, но самою идеею въ чувственномъ проявленіи. И посему, какъ трудно опредѣлить значеніе того или другого человѣка, почти такъ же трудно и опредѣлить идею художественнаго произведенія. Единосущность идеи съ формою такъ велика въ искусствѣ, что ни ложная идея не можетъ осуществиться въ прекрасной формѣ, ни прекрасная форма быть выраженіемъ ложной идеи. Если въ произведеніи искусства форма преобладаетъ надъ идеею,—это значитъ, что идея недовольно опредѣленна и ясна для созерцанія творящаго, и тогда форма не можетъ быть вполнѣ прекрасна, и произведеніе можетъ быть даже уродливо, какъ неудачный порывъ къ творческому сознанію. Таковы грубо-изваянные, или грубо-вырѣзанные идолы языческихъ племенъ, стоящихъ на низшей степени развитія. Причина ихъ безобразія не младенческое состояніе технической стороны искусства у племени, а бѣдность и, слѣдственно, неопредѣленность идеи, которая не можетъ подняться выше туманнаго предчувствія истины. Вообще, недозрѣвшая мысль если и высказывается иногда удачно въ искусствѣ, то въ подробностяхъ, а не въ цѣломъ. Этимъ объясняется чудовищность символическихъ храмовъ и идоловъ Индіи, равно какъ и чудовищная огромность «Магабгараты» и «Рамайяны», въ которыхъ цѣлое поглощается длинными эпизодами, а высокія красоты поэзіи мѣшаются съ дикими образами и случайностями. Египетскія статуи ужь ближе къ истинному искусству; онѣ отличаются даже изяществомъ внѣшней отдѣлки; но ихъ лица бѣдны выраженіемъ, позы принужденны и связаны. Въ греческой статуѣ жизнь и свобода сочетались съ красотою и граціею; это

истинные боги, сошедшіе на землю. Вообще, въ греческомъ искусствѣ идея уравновѣсилась съ формою, и потому искусство Грековъ есть болѣе искусство, чѣмъ даже искусство новѣйшаго времени. Если въ искусствѣ преобладаетъ идея надъ формою, тогда искусство теряетъ свое чистое, первоначальное значеніе и, по степени преобладанія, соприкасается съ другими абсолютными сферами сознанія, дѣлаясь для нихъ какъ-бы средствомъ и чрезъ то пріобрѣтая не менѣе важное, но уже новое значеніе.

Идея народности въ искусствѣ вытекаетъ прямо изъ процесса обособленія общаго. Самое человѣчество, хотя и нѣтъ ничего выше его изъ существующаго вовнѣ, есть уже нѣчто особное—тѣмъ болѣе народъ. Если художникъ изображаетъ въ своемъ произведеніи людей, то, во-первыхъ, каждый изъ нихъ долженъ быть человѣкомъ, а не призракомъ, долженъ имѣть физіономію, характеры, нравъ, свои привычки, словомъ, всѣ индивидуальные признаки, какими каждая личность отличается въ дѣйствительности отъ всякой другой личности. Потомъ, каждый изъ нихъ долженъ принадлежать къ извѣстной націи и къ извѣстной эпохѣ, потому что человѣкъ, внѣ національности, есть не дѣйствительное существо, а отвлеченное понятіе. Изъ этого ясно видно, что національность въ художественномъ произведеніи есть не заслуга, а только необходимая принадлежность творчества, являющаяся безъ всякаго усилія со стороны поэта. И потому, чѣмъ выше произведеніе въ художественномъ отношеніи, тѣмъ оно и національнѣе, и хвалить великаго художника за національность его творенія—все равно, что хвалить великаго астронома за то, что при вычисленіяхъ своихъ онъ не ошибается въ таблицѣ умноженія. Въ самомъ дѣлѣ, что за заслуга со стороны Русскаго, что его дѣти отличаются русскою физіономіею? Конечно, чтобъ быть національнымъ поэтомъ, нужно сперва быть великимъ человѣкомъ, представителемъ духа своей націи; но изъ этого-то и слѣдуетъ, что великій талантъ дѣлаетъ поэта національнымъ, а не національность дѣлаетъ его великимъ поэтомъ: послѣднее есть только необходимое слѣдствіе перваго [285]). При извѣстіи о вновь родившемся человѣкѣ, никто не спрашиваетъ, есть ли у него глаза и руки, сколько ногъ, и нѣтъ ли роговъ и хвоста: если онъ человѣкъ, такъ ужь само-собою разумѣется, что у него есть и глаза и руки, ногъ всего [286])двѣ, а не четыре, а роговъ и хвоста [287]) нѣтъ. Такъ и въ искусствѣ: если произведеніе художественно, то само-собою оно и національно; въ противномъ же случаѣ, оно не можетъ быть и художественнымъ произведеніемъ, а будетъ аллегоріею, символомъ, или просто надутымъ и холоднымъ призракомъ, гдѣ общее не обособилось органически, а только прикрылось лоскутьями натянутаго вымысла, который не вывелъ вовнѣ, а только закрылъ его смыслъ. Это относится не къ однимъ тѣмъ произведеніямъ, которыхъ содержаніе берется изъ дѣйствительной жизни, какъ въ романѣ, повѣсти, драмѣ, комедіи, но и къ лирическимъ поэмамъ. «Фаустъ» Гёте—міровое, обще-человѣческое произведеніе; но тѣмъ не менѣе, читая его, вы видите, что оно могло родиться только въ фантазіи Нѣмца, и байроновъ «Манфредъ»,

явно навѣянный «Фаустомъ», уже нисколько не вѣетъ германскимъ духомъ. Хотя Шекспиръ, въ своихъ драмахъ, выводилъ и не однихъ Англичанъ, но и Французовъ, и Нѣмцевъ, и Итальянцевъ, и даже древнихъ Римлянъ и Грековъ; но, читая его, вы понимаете, что только въ Англіи могъ явиться такой драматургъ: кому эта мысль показалась бы странною, тѣхъ просимъ прочесть въ «Отеч. Запискахъ» *) статью Филарета Шаля «Марія Стюртъ»: этотъ историческій отрывокъ представляетъ всѣ элементы драмы, кроющіеся въ англійской исторіи. Какъ ни разнообразенъ, какъ ни мірообъемлющъ Гёте въ своихъ созданіяхъ, но каждое изъ нихъ вѣетъ нѣмецкимъ и, сверхъ того, еще «гётевскимъ» духомъ. Хотя въ большой части лирическихъ пьесъ Пушкина, и даже въ нѣкоторыхъ эпическихъ его произведеніяхъ, какъ въ «Донъ-Хуанѣ», и содержаніе, и форма, по-видимому, чисто-европейскія; но и въ нихъ Пушкинъ является истиннымъ національнымъ русскимъ поэтомъ, уже по одному тому [288]), что ихъ никогда нельзя смѣшать ни съ байроновскими, ни съ гётевскими, ни съ шиллеровскими созданіями, и нельзя иначе назвать, какъ «пушкинскими». Повторяемъ: это необходимо, это лежитъ въ сущности творчества: изъ какого бы міра ни бралъ поэтъ содержаніе для своихъ созданій, къ какой бы націи ни принадлежали его герои, самъ онъ всегда остается представителемъ духа своей націи, смотритъ на предметы *ея* глазами и кладетъ на нихъ *ея* печать. И чѣмъ геніальнѣе поэтъ, тѣмъ общѣе его созданія, а чѣмъ они общѣе [289]), тѣмъ [290]) національнѣе и оригинальнѣе. Чѣмъ отличается геній отъ таланта? — тѣмъ, что, будучи оригинальнымъ, онъ въ то же время и *общее* таланта. Гофманъ великій талантъ, но онъ—далеко низшее явленіе въ сравненіи съ Гёте и Шиллеромъ: онъ выразилъ только одну сторону германскаго духа, тогда какъ тѣ, каждый по своему, исчерпали всю глубину его, выразили всѣ стороны его. И потому, оригинальность Гофмана для многихъ кажется странностію, и многіе люди съ эстетическимъ чувствомъ, понимая Шиллера и Гёте, не понимаютъ Гофмана. Причина этому не оригинальность Гофмана, а ея источникъ, не довольно [291]) общій, чтобъ могъ возвысить ее да абсолютнаго: оригинальность все-таки остается необходимымъ условіемъ не только генія, но даже самаго значительнаго таланта: только сфера бездарности отличается безличною общностью, для которой не существуетъ ни пространства, ни времени, ни націи, ни колорита, ни тона,—которая во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, отъ начала міра до нашихъ дней, выражается однимъ языкомъ и одними и тѣми же словами.

Но условія обособленія общаго въ произведеніяхъ искусства не оканчиваются только національностію и оригинальностію: безъ *типизма* нѣтъ ни той, ни другой. *Типъ* (первообразъ) въ искусствѣ—то же, что *родъ* и *видъ* въ природѣ, что *герой* въ исторіи. Въ типѣ заключается торжество органическаго сліянія двухъ крайностей—*общаго* и *особнаго*. Типическое лицо есть

*) Томъ XV, 1841, книжка 4, Науки.

представитель цѣлаго рода лицъ, нарицательное имя многихъ предметовъ, выражаемое однакоже собственнымъ именемъ. Такъ напримѣръ, *Отелло*—собственное имя, принадлежащее только одному лицу, изображенному Шекспиромъ; но, видя человѣка въ припадкѣ ревности, мы называемъ его Отелло, хотя бы этотъ человѣкъ назывался Иваномъ или Петромъ, и былъ Русскій, или Нѣмецъ, а не Мавръ. Въ этомъ же смыслѣ, всѣ герои поэмъ, драмъ и повѣстей Пушкина, «Горе отъ Ума» Грибоѣдова, повѣстей Гоголя—типы. Боже мой, если посмотрѣть, на сколькихъ людей приходится такъ ловко, какъ-будто по нихъ шито, достославное имя одного *Ивана Александровича Хлестакова!*.. Это не эклектическое собраніе рѣзкихъ чертъ одной и той же идеи, а общая идея, обособившаяся въ художественно-созданномъ лицѣ, это *лицо* и вмѣстѣ—*идея*; а какъ одна и та же идея является въ дѣйствительности въ безконечномъ разнообразіи, то въ лицѣ, вполнѣ выразившемъ ее собою, видится множество лицъ.

Но и здѣсь еще не конецъ условіямъ обособленія общаго въ искусствѣ. Художественное произведеніе должно быть цѣлымъ, единымъ, особнымъ и замкнутымъ въ себѣ міромъ. Въ немъ общая идея, пріявъ плоть и образъ, такъ сказать, приковывается къ пространству и времени, и притомъ къ извѣстному пространству и къ извѣстному времени. Оно овеществляется, явившись въ формѣ; но, дѣлаясь матеріею, оно не перестаетъ быть духомъ: принадлежа ничтожному клочку земли, на которомъ разъигралась драма, оно гражданинъ всего міра; принадлежа къ ничтожному мгновенію, въ которое совершилось событіе, оно достояніе вѣчности. И потому, художественное произведеніе и конечно и безконечно вмѣстѣ: конечно—потому-что состоитъ въ кускѣ мрамора, въ лоскуткѣ полотна, въ книгѣ, можетъ быть взято руками, перенесено, истреблено, а главное потому, что выражаетъ одинъ извѣстный случай, небольшое число людей, или мгновенное ощущеніе; оно безконечно, потому-что выраженный имъ случай заключаетъ въ себѣ возможность безчисленнаго множества подобныхъ случаевъ; изображенные имъ люди заключаютъ въ себѣ множество людей, которые были, есть и всегда могутъ быть, а мгновенное ощущеніе одного поэта есть достояніе, собственность милліоновъ людей,—словомъ, потому-что въ его конечной формѣ выразилось безконечное, общее, непреходящее—идея, духъ. Кто не умѣетъ въ своемъ разумѣніи примирить этихъ двухъ противоположныхъ понятій—конечнаго и безконечнаго, тотъ правъ въ отношеніи къ себѣ, хотя и виноватъ передъ истиною, думая, что «Иліада» для насъ—мертвая буква, ибо-де «мы не Греки и не Римляне».

Истинное и полное сліяніе общаго съ особнымъ возможно только чрезъ уравновѣшеніе идеи съ формою, слѣдственно только въ художественной поэзіи. Мысль младенчествующаго народа всегда болѣе или менѣе темна, неопредѣленна, а потому и не можетъ найдти себѣ равновѣснаго выраженія въ формѣ. Мысль младенчествующаго народа есть не разумное сознаніе, возросшее до опредѣленности въ выраженіи, а только темное предощущеніе истины, которое, силясь выразиться, не говоритъ, а лепечетъ, дополняя условными знаками неуло-

вимый для самой-себя смыслъ своей рѣчи. Однимъ уже этимъ достаточно опредѣляется отношеніе естественной или народной поэзіи къ художественной поэзіи. Первая есть несвязный дѣтскій лепетъ; вторая—опредѣленное слово мужа. Первая намекаетъ, вторая полагаетъ и утверждаетъ. Художественная поэзія идетъ прямо къ своей цѣли, и таинственное, неизглаголанное выражаетъ въ опредѣленномъ словѣ; естественная поэзія прибѣгаетъ къ иносказанію, къ миоу, которыхъ смыслъ можетъ провидѣть только посвященный, тогда-какъ толпа видитъ одну басню и слѣпо вѣритъ ей, какъ непреложному историческому факту. Но художественная поэзія находится въ тѣсномъ сродствѣ съ естественною, ибо [292]) такъ-сказать выростаетъ на ея почвѣ. Оттого она такъ любитъ пользоваться миѳическими преданіями народа и, отдѣляя отъ нихъ все случайное, возсоздавать ихъ въ новой лѣпотѣ. Однакожь, эта живая, родственная связь, это отношеніе матери къ дочери, между естественною и художественною поэзіею возможно только при одномъ условіи, sine qua non: естественная поэзія только тогда можетъ развиться изъ самой-себя въ художественную, когда она полна элементовъ «общаго». Для доказательства этого стоитъ только указать на греческій и тевтонско-германскій міръ. Прометей похитилъ съ неба огонь, возжегъ теплотою и свѣтомъ [293]) дотолѣ мертвыя тѣла людей; Зевесъ, увидѣвъ въ этомъ возстаніе противъ боговъ, въ наказаніе приковалъ Прометея къ скалѣ Кавказскихъ Горъ и приставилъ къ нему коршуна, который безпрестанно терзаетъ внутренности Прометея, безпрестанно зарастающія. Зевесъ ожидаетъ отъ преступника покорности; но жертва горделиво сноситъ свои страданія и презрѣніемъ отвѣчаетъ палачу своему. Вотъ миоъ, котораго одного достаточно чтобы [294]) служить источникомъ и почвою для развитія величайшей художественной поэзіи, а у Грековъ было множество такихъ миоовъ, находившихся въ живой, органической связи между собою, и переданныхъ имъ, какъ откровеніе абсолютныхъ истинъ, самою ихъ природою. И потому удивительно [295]) ли [296]), что подобный миоъ могъ дать содержаніе для величайшей трагедіи одному изъ величайшихъ національныхъ геніевъ—Эсхилу? Удивительно ли, что тотъ же самый миоъ могъ дать содержаніе генію новѣйшаго времени—Гёте, для одного изъ колоссальнѣйшихъ его произведеній—«Прометей»? Поговоримъ о первомъ, чтобъ проникнуть въ мысль миоа и въ его баснѣ провидѣть *общее содержаніе*.

Кратосъ *(сила, могущество, власть, авторитетъ)*, Біа *(сила)*, и Гефестъ *(богъ огня)* приводятъ Прометея *(провидца)* къ скалѣ Кавказскихъ Горъ, чтобъ приковать его къ ней по повелѣнію Зевеса. Кратосъ велитъ Гефесту немедленно приступить къ дѣлу: «Прометей» говоритъ онъ: «похитилъ огонь, лучшее твое достояніе и орудіе всѣхъ искусствъ, и сообщилъ его смертнымъ; за это преступленіе онъ долженъ испытать величайшія муки—да научится покоряться волѣ Зевеса» [297]). Гефестъ повинуется, но изъявляетъ Прометею свое сожалѣніе, какъ равному себѣ богу, и притомъ караемому за доброе дѣло. «Смѣлый сынъ Ѳемиды *(правосудія, справедливости)*, я *противъ тебя* и *противъ себя* долженъ приковать тебя къ этому утесу неразрушимыми цѣ-

ями; вотъ что пріобрѣлъ ты за свою *филантропію (любовь къ людямъ)*! Напрасно будешь ты жаловаться и стенать: сердце Зевеса непреклонно, ибо [298]) новый повелитель всегда жестокъ бываетъ» *). Кратосъ упрекаетъ Гефеста за его состраданіе къ Прометею, какъ за слабость, и Гефестъ, не переставая изъявлять Прометею своего соболѣзнованія, приковываетъ къ утесу обѣ его руки, приковываетъ ноги и вбиваетъ въ грудь желѣзный гвоздь. Кратосъ саркастически издѣвается надъ страдальцемъ: «Хвались теперь, съ обычною твоею гордостію» говоритъ онъ: «хвались похищеніемъ божественныхъ сокровищъ, которыя ты передалъ своимъ *эфемерамъ!* Кто изъ нихъ облегчитъ твои мученія? Ошибаются называющіе тебя *Прометеемъ (провидцемъ)*; тебѣ неприлично это имя: тебѣ бы самому нуженъ былъ Прометей для предохраненія тебя отъ этого бѣдственнаго положенія». Кратосъ, Біа и Гефестъ уходятъ; Прометей, хранившій дотолѣ молчаніе, призываетъ въ свидѣтели сдѣланнаго ему насилія эѳиръ, вѣтры, источники рѣкъ, волны морскія и землю—матерь всего существующаго. «Но», говоритъ онъ: «къ чему это? Я предвижу все, что должно случиться—не мнѣ страшиться непредвидѣнныхъ бѣдствій: зная непобѣдимую силу необходимости, предадимся опредѣленію судьбы!» Является хоръ морскихъ нимфъ, дщерей Океана, жалобно взывающій во изъявленіе своего состраданія къ Прометею. Хоръ говоритъ ему, что удары гефестова молота отдались даже въ безднахъ моря, и что возмущенныя этимъ нимфы поспѣшили сюда на колесницѣ, полунагія и босыя. Утѣшая Прометея, они обвиняютъ Кронида въ несправедливости и жестокосердіи. Тогда Прометей говоритъ имъ, что Зевесъ долженъ будетъ прибѣгнуть къ нему же, чтобъ узнать о новомъ врагѣ, долженствующемъ низвергнуть его съ престола; но что тщетно будетъ умолять его и грозить ему, ибо онъ рѣшился [299]) хранить тайну. Далѣе, Прометей разсказываетъ нимфамъ свою исторію, начиная ее съ борьбы между Крономъ и Зевесомъ, который побѣдилъ Крона, слѣдуя совѣтамъ Прометея. «И вотъ какъ вознаградилъ онъ меня! Но никому не довѣрять, даже друзьямъ своимъ—обыкновенная болѣзнь тирановъ!» Далѣе разсказываетъ, что Зевесъ, одолѣвъ Крона, началъ раздавать богамъ милости и дары, чтобъ утвердить свое владычество, а несчастныхъ смертныхъ рѣшился совершенно истребить; но что онъ, Прометей, одинъ воспротивился тому, сообщилъ людямъ огонь, могущій споспѣшествовать къ открытію многихъ искусствъ, просвѣтилъ и укрѣпилъ души ихъ, исцѣлилъ ихъ отъ боязни смерти, и возродилъ въ нихъ утѣшительную надежду... Наконецъ, Прометей убѣждаетъ нимфъ сойти съ ихъ окриленной колесницы, чтобъ удобнѣе разслушать повѣсть о его несчастіяхъ и нимфы оставляютъ «безоблачный эѳиръ, служащій птицамъ путемъ къ горячей вершинѣ скалы». Вдругъ появляется Океанъ на «птицѣ съ быстрыми крыльями», утѣшаетъ Прометея, совѣтуетъ ему не раздражать Зевеса обидными выраженіями и обѣщаетъ выпросить ему у Кронида освобожденіе. Прометей отвѣчаетъ ему, что это будетъ безполезно для страдальца и опасно для

*) Намекъ на похищеніе Зевсомъ Кронова престола.

ходатая, благодаритъ его за участіе и отказывается отъ помощи. По удаленіи Океана, Прометей говоритъ нимфамъ: «Если молчу я, то не думайте, что отъ гордости или оскорбленія; но я *въ мысляхъ пожираю сердце мое*, видя себя столь несправедливо-утѣсненнымъ». Потомъ онъ исчисляетъ свои благодѣянія людямъ и предрекаетъ, что владычество Зевеса должно имѣть конецъ, что ему, Прометею, извѣстно какъ время, когда это совершится, такъ и имя того, кто низвергнетъ Кронида. На мольбу нимфъ открыть имъ эту тайну, Прометей возражаетъ: «Напрасно будете вы упрашивать: я долженъ и буду хранить эту ужасную тайну». Зевесъ посылаетъ Гермеса къ Прометею, чтобъ исторгнуть у него роковую тайну. Прометей говоритъ, что онъ знаетъ ее, но не скажетъ,—и въ горделивомъ презрѣніи къ низкому слугѣ, веселится мыслію о неизбѣжномъ паденіи его властелина. Гермесъ грозитъ ему молніями и громами тучегонителя; но Прометей непоколебимъ: въ сознаніи правоты своей, онъ презираетъ Зевеса и власть его. Молнія расшибаетъ скалу—и Прометей исчезаетъ вмѣстѣ съ нею...

Мы взяли бы на себя слишкомъ смѣлый и тяжелый трудъ, еслибъ захотѣли объяснить удовлетворительно смыслъ великаго миѳа о «Прометеѣ», и потому довольно будетъ намекнуть на него. Прометей и Зевесъ—это божество, раздѣлившееся на самого-себя, это сознаніе, распавшееся на двѣ стороны, которыя, по закону діалектическаго развитія, враждебно стали одна къ другой [300]). Зевесъ—это непосредственная полнота сознанія; Прометей—это сила разсуждающая, духъ, непризнающій никакихъ авторитетовъ, кромѣ разума и справедливости. Зевесъ возсталъ на отца своего, Крона, съ громами и молніями; Прометей возсталъ на Зевеса съ мыслію и словомъ. Прометей въ правѣ былъ сказать своему могучему противнику: «ты сердишься, Юпитеръ: слѣдовательно, ты не правъ!» И потому Зевесъ могъ его уничтожить, но не устрашить и не преклонить. Горделивая твердость [301]), полное сознанія своего достоинства и своей правоты самоотверженіе Прометея было оправданіемъ его пророчества о концѣ власти Зевеса: Зевесъ не правъ, и потому долженъ будетъ уступить свое владычество другой, болѣе справедливой власти. Что же значитъ коршунъ, терзавшій безпрестанно-сраставшіяся внутренности похитителя небеснаго огня?—На это у Эсхила лучшій отвѣтъ даетъ самъ Прометей: «*Я въ мысляхъ пожираю сердце мое!*» Это грустная *дума*, какъ червь, грызущая сердце и подтачивающая корни жизни; это муки распаденія. Зевесъ не правъ, но онъ еще существуетъ, и власть его еще сильна: онъ еще мститъ своему противнику. Зачѣмъ же онъ силенъ, если онъ не правъ? Затѣмъ, что Прометею суждено только начать великое дѣло, а не кончить его; онъ только очистительная жертва общаго дѣла, а не торжествующій побѣдитель; онъ далъ движеніе сознанію, которое безъ него коснѣло бы въ недѣятельности, но онъ еще не видѣлъ результата сознанія; онъ началъ борьбу, но не ему суждена полная побѣда. Что же такое огонь, похищенный Прометеемъ съ неба и сообщенный имъ людямъ?—Это мысль, сознаніе, пробудившее людей отъ мертваго сна жи-

вотной непосредственности. Прометей далъ знать людямъ, что въ истинѣ и знаніи и они—боги, что громы и молніи еще не доказательства правоты, а только доказательства неправой власти. Пробуждено сознаніе въ людяхъ,—и паденіе Зевеса уже неизбѣжно; рано или поздно, но алтари его сокрушатся, и колѣни смертныхъ преклонятся предъ Богомъ правды и истины, любви и милости... Глубоко-знаменательный миѳъ, необъятный, какъ вселенная, вѣчный, какъ разумъ!.. [302])

«Прометей» Гёте, въ нѣкоторомъ смыслѣ, есть поэтическій комментарій на эсхилова «Прометея». Это та же древняя мысль, но высказанная яснѣе, опредѣленнѣе, развитая подробнѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, мысль, получившая новую силу и новое значеніе въ-слѣдствіе всемірно-историческаго развитія. Борьба идеи съ авторитетомъ не кончилась съ Прометеемъ: она не разъ возобновлялась, и даже едва ли еще рѣшена и теперь. Достовѣрно можно сказать только, что вопросъ теперь вполнѣ уяснился, и Прометеи нашего времени заранѣе торжествуютъ побѣду и уже не боятся хищнаго коршуна. Отъ этого, «Прометей» Гёте имѣетъ для насъ значеніе самобытнаго созданія, и по-преимуществу есть поэма нашего времени. Мы слишкомъ отдалились бы отъ своего предмета, еслибъ стали излагать содержаніе великой поэмы Гёте; но слѣдующій отрывокъ можетъ намекнуть на ея основную мысль. Прометей начисто отказываетъ Меркурію въ повиновеніи богамъ; Меркурій напоминаетъ ему, что они заботились о немъ, когда онъ былъ дитятею; Прометей ему отвѣчаетъ:

За это тѣшились они
Моимъ повиновеньемъ
И мной ребенкомъ управляли
По вѣтру прихотей своихъ.

Меркурій.

Они тебѣ защитой были.

Прометей.

А отъ чего?—отъ бѣдствій,
Передъ которыми дрожали сами?
Они предохранили развѣ сердце
Отъ змѣй, меня спѣдавшихъ втайнѣ?
Они ли оковали силой грудь
На страхъ Титанамъ?
Не время ль мужемъ сдѣлало меня
Всесильное, единственное время,
Нашъ общій властелинъ?

Меркурій.

Несчастный! ты богамъ безсмертнымъ
Дерзаешь это говорить?

Прометей.

Богамъ?—А я не богъ?..
Всесильные? Безсмертные?
Ну, что вы?
Вы можете ли все пространство

И небо и земли
Въ десницѣ заключить моей?
Властны ли вы
Меня отъ самого себя оторгнуть?
Вы можете ли увеличить,
Распространить меня на цѣлый міръ?

Меркурій.

Судьба!

Прометей.

Ея могущество
Ты, стало, признаешь?
Я также.
Иди, я не служу рабамъ!

Не даромъ боги греческіе признавали надъ собою неотразимую власть судьбы: судьба—это была та темная граница, за которую не переступало сознаніе древнихъ; христіанство перешагнуло черезъ эту границу, и послѣдній, великій представитель язычества [303]) Юліанъ тщетно силился поддержать всею силою своего генія сокрушающіеся алтари боговъ: они пали сами-собою...

«Иліада»—народное произведеніе; но посмотрите, какъ общи элементы этого дивнаго созданія древности! Оставляя въ сторонѣ его основную мысль, оставляя въ сторонѣ всѣхъ другихъ героевъ, взглянемъ только на Ахилла. Рьяный и могучій герой, онъ тяжко оскорбленъ Агамемнономъ; онъ могъ бы вызвать его на бой, какъ равный равнаго, какъ царь царя; онъ побѣдилъ бы его, какъ герой и полубогъ, а если бы и палъ самъ, по-крайней-мѣрѣ не пережилъ бы позора обиды. И что же? Онъ удаляется въ шатеръ, играетъ на лирѣ и льетъ тихія слезы... Что ему побѣда и отмщеніе? ему нужна справедливость; его сердце страждетъ не отъ безсилія, а отъ несправедливости; ему нужна не побѣда, а справедливость со стороны обидчика... Видите ли вы здѣсь «человѣка» въ эпоху звѣрскаго героизма?.. Убитъ другъ его юности, братъ его сердца,—онъ, могучій, бросается на землю, покрываетъ пепломъ свою прекрасную голову [304]) бьетъ себя въ перси, горько рыдаетъ, не зная сна и пищи. Но наступила минута—и онъ возстаетъ, страшный, могучій, и горе тебѣ, Гекторъ, убійца Патрокла! Двѣнадцать полоненныхъ юношей принесено въ жертву горестной тѣни Патрокла: связанные, пали они отъ копья Пелида... Звѣрство!—скажете вы; но тогда было время звѣрства, и тѣмъ угѣшительнѣе видѣть проблески человѣчности въ самыхъ звѣряхъ [305]). Мщеніе не утоляетъ тоски Ахилла: много принесено кровавыхъ жертвъ Патроклу; самъ убійца его, Гекторъ, палъ отъ руки Ахилла, а Ахиллъ по-прежнему не смыкаетъ глазъ, стеня и рыдая... Только разъ сомкнулись на минуту очи героя—и ему явилась блѣдная, молящая тѣнь безвременно-погибшаго друга—

Призракъ величіемъ съ нимъ и очами прекраснымн сходный;
Та жъ и одежда, и голосъ тотъ самый, сердцу знакомый!

Безщадно губя Троянъ, Ахиллъ встрѣчается съ однимъ изъ пріамовыхъ сыновей: обнимая колѣни губителя, молитъ его несчастная жертва о пощадѣ и жизни, обѣщая за себя богатый выкупъ;

.....но услышалъ не жалостный голосъ:
„Что мнѣ вѣщаешь о выкупахъ, что говоришь ты, безумный?
„Такъ, доколѣ Патроклъ наслаждался сіяніемъ солнца,
„Миловать Трои сыновъ мнѣ иногда было пріятно,
„Многихъ изъ васъ полонилъ, и за многихъ выкупъ я принялъ.
„Нынѣ, пощады вамъ нѣтъ никому, кого только демонъ
„Въ руки мои приведетъ подъ стѣнами пріамовой Трои!
„Всѣмъ вамъ Троянамъ смерть, и особенно дѣтямъ Пріама!
„Такъ, мой любезный, умри! И о чемъ ты столько рыдаешь?
„Умеръ Патроклъ, несравненно тебя превосходнѣйшій смертный!
„Видишь, каковъ я и самъ: и красивъ и величественъ видомъ;
„Сынъ отца знаменитаго; матерь имѣю богиню!
„Но и мнѣ на землѣ отъ могучей судьбы не избѣгнуть;
„Смерть прійдетъ и ко мнѣ поутру, ввечеру, или въ полдень,
„Быстро, лишь врагъ и мою на сраженіяхъ душу исторгнетъ,
„Или коньемъ поразивъ, иль крылатой стрѣлою изъ лука.

(Пѣснь XXI).

Кто не увидитъ въ этомъ героя и полубога? А героическое и божественное только въ общемъ, въ идеѣ. Но «Иліада», какъ и всѣ произведенія Греціи, найдетъ въ примѣръ народной поэзіи, полной элементовъ «общаго»: въ греческой поэзіи совершился процессъ гармоническаго уравновѣшенія идеи съ формою, и потому греческая поэзія, будучи народною, въ то же время и художественна въ высшей степени и не въ примѣръ другимъ. Если мы ссылались на нее, то для того, чтобъ яснѣе, живымъ фактомъ, объяснить читателямъ, что мы разумѣемъ подъ «элементами общаго» въ искусствѣ. Теперь мы можемъ обратиться къ поэзіи чисто-народной, совершенно естественной, но въ то же время и полной «элементами общаго»—къ поэзіи народовъ тевтонскаго племени, представителей новѣйшаго европеизма. Здѣсь мы будемъ кратки, ибо послѣ предшествовавшихъ объясненій намъ достаточно самыхъ легкихъ указаній. Итакъ, прежде всего просимъ читателей вспомнить разборъ нашъ тегнерова «Фритіофа», переведеннаго по-русски г. Гротомъ *). Дѣйствіе этой поэмы происходитъ во времена варварства; но сколько человѣческаго, великаго, возвышеннаго совершается въ это время варварства! Какія дивныя сѣмена мысли кроются въ дѣлахъ, чувствахъ и воззрѣніи на жизнь этихъ полудикихъ Скандинавовъ! Это міръ рыцарства въ зародышѣ, это міръ великихъ подвиговъ, благороднаго самоотверженія, обожанія чести, славы и красоты, міръ доблести, любви, вѣрности обѣтамъ, неизмѣняемости клятвъ, міръ возвышенныхъ страстей, стремленіе къ безконечному, общественной нравственности! Чтобъ не зайдти далеко въ отступленіе, укажемъ только на отвѣтъ Фритіофа пѣстуну

*) Отеч. Зап. 1841. Томъ XVII, книжка 8, Библ. Хроника [306]).

его, представлявшему ему несбыточность его надеждъ, высокость сана обожаемой имъ женщины:

Нѣтъ, женамъ мужество любезно,
И сила стоитъ красоты!

И такъ, для этихъ дикихъ сыновъ Сѣвера уже было рѣшено, что красота—великое явленіе духа, что ей всѣ жертвы, все обожаніе, что ей и сладчайшія надежды пылкой юности, и умиленный восторгъ сѣдой старости... Да, для этихъ разбойническихъ ордъ, грабившихъ Европу, вопросъ о достоинствѣ красоты былъ уже рѣшенъ... Кто же зародилъ въ нихъ этотъ вопросъ? кто рѣшилъ его имъ?—Никто; по-крайней-мѣрѣ, не они: все это было непосредственнымъ проявленіемъ національной субстанціи ихъ духа... Итакъ, красотѣ отданы всѣ ея права: варваръ-Норманъ настаиваетъ только на томъ, что и мужество стоитъ красоты... Слѣдовательно, по его понятію, женщина была не хозяйка, а представительница красоты на землѣ, вдохновительница на высокіе подвиги и награда за нихъ; мужчина не хозяинъ, а представитель силы и могущества, подвигоположникъ; тотъ и другая вмѣстѣ—дубъ, осѣняющій широколиственными вѣтвями прекрасную розу... Какое вѣрное понятіе объ отношеніяхъ половъ! въ немъ видна *мысль* [307]).

Теперь скажемъ, или лучше, перескажемъ одну нѣмецкую богатырскую сказку; оно [308]) же и кстати, потому-что сейчасъ намъ должно будетъ говорить о русскихъ сказкахъ.—Въ миѳическія времена Германіи, гораздо задолго до Тацита, оставившаго намъ извѣстія о древне-германскомъ бытѣ, жилъ богатырь, огромный, преогромный, до того, что высочайшіе сосны и дубы, которые вырывалъ онъ съ корнемъ могучею рукою, едва годились ему на посохи. У этого богатыря былъ другъ, тоже великій богатырь; и еще была у него—какъ бы сказать?—по-нашему, по-русски—любовница, или полюбовница, а по-нѣмецки Geliebte—*возлюбленная*. (Кстати: наши русскія слова «любовникъ» и «любовница» ужасно опошлились, такъ-что дерутъ уши, а «возлюбленный» и «возлюбленная» немного отзываются «высокимъ слогомъ»)... И вотъ Geliebte, или *возлюбленная* богатыря влюбилась въ его друга, да и давай преслѣдовать его своею любовью; но, вѣрный дружбѣ, честный богатырь съ богатырскою рѣшимостію отвергнулъ ея любовь. Оскорбленная отказомъ, она замѣняетъ любовь мщеніемъ и клеветами; докуками, ласками доводитъ своего мужа до того, что онъ убиваетъ своего друга соннаго... Но это было съ его стороны не злодѣйствомъ, а минутою слабости; поддавшись обаянію любимой женщины, онъ вдругъ просыпается въ сознаніи своего ужаснаго преступленія. «Поди отъ меня прочь!» говоритъ онъ обольстительницѣ: «ты не нужна мнѣ больше; изъ любви къ тебѣ я сдѣлалъ злодѣйство—убилъ моего друга, моего брата; послѣ этого, я не могу ни любить тебя больше, ни жить!» И на могильномъ холмѣ своего друга онъ принесъ себя въ жертву его оскорбленной тѣни...

Жалѣемъ, что на этотъ разъ, не имѣя подъ рукою источника, мы не могли

передать этой трагической легенды ея собственными простодушными и энергическими словами, но изъ нашего полушуточнаго разсказа читатели [309]) поймутъ въ чемъ дѣло,—и въ грубой сказкѣ увидятъ основанія человѣчности, элементы «общаго»... Послѣ этого понятно, какъ могла у Нѣмцевъ явиться такая великая, такая самобытная [310]) художественная литература: для нея была готова родная почва, богатая дивными сѣменами... Теперь мы можемъ обратиться къ русской народной поэзіи на основаніи сборниковъ, заглавія которыхъ выставлены въ началѣ этой статьи.

551. Упырь. Сочиненіе *Краснорогскаго*. Санктпетербургъ. 1841. Въ привилегированной типографіи Фишера. Въ 8-ю д. л. 177 стр. [311]).

Эта небольшая, со вкусомъ, даже изящно изданная книжка носитъ на себѣ всѣ признаки еще слишкомъ молодаго, но тѣмъ неменѣе замѣчательнаго дарованія, которое нѣчто обѣщаетъ въ будущемъ. Содержаніе ея многосложно и исполнено эффектовъ; но причина этого заключается не въ недостаткѣ фантазіи, а скорѣе въ ея пылкости, которая еще не успѣла умѣриться опытомъ жизни и уравновѣситься съ другими способностями души. Въ извѣстную эпоху жизни насъ плѣняетъ одно рѣзкое, преувеличенное: тогда мы ни въ чемъ не знаемъ середины, и если смотримъ на жизнь съ веселой точки, такъ видимъ въ ней рай, а если съ печальной, то и самый адъ кажется намъ въ сравненіи съ нею мѣстомъ прохлады и нѣги. Это самое соблазнительное и самое неудобное время для авторства: тутъ нѣтъ конца дѣятельности; но за то всѣ произведенія этой плодовитой эпохи въ болѣе зрѣлый періодъ жизни предаются огню, какъ очистительная жертва грѣховъ юности. И хорошо тому, кто въ эту пору жизни бралъ себѣ за законъ стихи Пушкина:

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья,
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за подвигъ воздаянья!

Исключеніе остается только за геніями, которые начинаютъ свое поприще съ «Геца», съ «Вертера», съ «Разбойниковъ», съ «Руслана и Людмилы» и «Кавказскаго Плѣнника»: этимъ людямъ не для чего жечь произведеній своей первой молодости: въ нихъ, хоть иногда и дѣтски, но всегда выражается господствующая дума времени. Но и раннія произведенія геніевъ рѣзкою чертою отдѣляются отъ созданій болѣе зрѣлаго ихъ возраста: въ первыхъ, если ужь злодѣй,—такъ такой, что и самый отчаянный разбойникъ не годится ему въ ученики: вспомните Франца Моора... Вообще, густота и яркость красокъ, напряженность фантазіи и чувства, односторонность идеи, избытокъ жара сердечнаго, тревога вдохновенія, порывъ и увлеченіе—признаки [312]) произведеній юности. Однакожь всѣ эти недостатки могутъ искупаться *идеею*, если только идея,

а не безотчетная страсть къ авторству была вдохновительницею юнаго произведенія.

«Упырь»—произведеніе фантастическое, но фантастическое внѣшнимъ образомъ: незамѣтно, чтобъ оно скрывало въ себѣ какую-нибудь мысль, и потому не похоже на фантастическія созданія Гофмана; однакожь оно можетъ насытить прелестью ужаснаго всякое молодое воображеніе, которое, любуясь фейерверкомъ, не спрашиваетъ: что въ этомъ и къ-чему это? Не будемъ излагать содержанія «Упыря»: это было бы очень длинно, и притомъ читатели немного увидѣли бы изъ сухаго изложенія. Скажемъ только, что, не смотря на внѣшность изобрѣтенія, уже самая многосложность и запутанность его обнаруживаютъ въ авторѣ силу фантазіи; а мастерское изложеніе, умѣнье сдѣлать изъ своихъ лицъ что-то въ родѣ характеровъ, способность схватить духъ страны и времени, къ которымъ относится событіе, прекрасный языкъ, иногда похожій даже на «слогъ», словомъ—во всемъ отпечатокъ руки твердой, литературной—все это заставляетъ надѣяться въ будущемъ многаго отъ автора «Упыря». Въ комъ есть талантъ, въ томъ жизнь и наука сдѣлаютъ свое дѣло, а въ авторѣ «Упыря»—повторяемъ—есть рѣшительное дарованіе [313]).

552. Сказка за Сказкой. I. Сержантъ Иванъ Ивановичъ, или всѣ за одно. Историческій разсказъ *Н. В. Кукольника.* Цѣна 60 коп. серебромъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Карла Крайя. 1841. Въ 8-ю д. л. 75 стр. [314]).

Странное зрѣлище представляетъ собою теперь русская, или—что все равно—петербургская литература! Въ ней все, что вамъ угодно: и драмы, и комедіи, и водевили, и романы, и повѣсти, и стихи, и привилегированныя типографіи, и журналы, и газеты, и книги, и альманахи, и, особенно, объявленія на разныя изданія, срочныя и безсрочныя, съ политипажами и безъ политипажей, и такія, которыя уже издаются, или непремѣнно будутъ издаваться, и такія, которыя никогда не будутъ издаваться, и такія, на которыя только собирается подписка, и типы, и исторіи Петра Великаго, и переводы всѣхъ произведеній такого автора, какъ напримѣръ, Гёте; словомъ, все, что вамъ угодно, все, что можетъ быть только въ европейскихъ литературахъ. Въ ней есть ссоры и примиренія: такъ, напримѣръ, на дняхъ извѣщено было о сочетаніи «Репертуара» съ «Пантеономъ», изъ которыхъ каждый теперь можетъ сказать другому:

Не боюся я насмѣшекъ—
Мы сдвоились межь собой:
Мы точь-вточь двойной орѣшекъ
Подъ одною скорлупой.

Если вѣрить на-слово этому извѣщенію, публика будетъ въ большомъ выигрышѣ: оба вмѣстѣ, эти изданія будутъ вдвое дешевле, нежели были прежде, когда надо было выписывать ихъ каждое порознь. Хвала движенію цивилизаціи и ли-

тературы, хвала этой неистощимой дѣятельности на томъ и другомъ поприщѣ! Значитъ: у насъ литература вошла въ жизнь, стала потребностію общества, явилась въ живомъ соотношеніи съ практическою дѣятельностію. Дешевизна книжныхъ произведеній есть свидѣтельство общественнаго и литературнаго движенія... Хвала!.. Но, позвольте, тутъ есть маленькое обстоятельство... Вотъ хоть бы на счетъ желаннаго соединенія «Репертуара» съ «Пантеономъ»: едва-ли оно выгодно для публики. Прежде, каждое изъ этихъ изданій имѣло свой характеръ и свою цѣль; въ одномъ помѣщались только игранныя на нашей сценѣ пьесы, безъ всякаго отношенія къ ихъ внутреннему и внѣшнему достоинству; въ другомъ могла быть помѣщена даже «Сакунтала», не только драма Шекспира, Шиллера, или какого-нибудь современнаго поэта. Теперь это изданіе пріймет одинъ общій характеръ, или—выражаясь точнѣе—будетъ тотъ же «Репертуаръ», что и прежде былъ, только листомъ или двумя потолще. Касательно дешевизны не говоримъ ни слова. Но при всемъ томъ, не можемъ не сдѣлать вопроса: могутъ ли соединенные «Репертуаръ» и «Пантеонъ» на 1842 годъ, можетъ ли эта двойчатка вознаградить своимъ достоинствомъ подписчиковъ «Пантеона» на 1841 годъ за *неизданныя восемь книжекъ*, и особенно вознаградить тѣхъ подписчиковъ, которые захотѣли бы, напримѣръ, почему бы то ни было, подписаться въ будущемъ 1842 году на примиренныхъ враговъ?..

Мы не даромъ привели въ примѣръ дружелюбно-обнявшихся витязей «Репертуаръ» и «Пантеонъ»: если взглянуть пристальнѣе на предметъ, то почти вся великая дѣятельность современной литературы представится ни чѣмъ инымъ, какъ совокупными «Репертуаромъ» и «Пантеономъ»,—и все великое богатство ея явится въ однихъ программахъ, объявленіяхъ и... благихъ и полезныхъ предначинаніяхъ, которымъ злая судьба никогда не позволитъ осуществиться. Вотъ хоть бы «Сказка за Сказкою»: программа извѣщаетъ публику, что въ неопредѣленные сроки будутъ выходить оригинальныя повѣсти *нѣкоторыхъ* русскихъ писателей, и что когда вышедшія изъ печати повѣсти составятъ отъ 15 до 20 листовъ, тогда тетради будутъ обращаемы въ одинъ томъ. Изъ этого можно заключить, что у насъ такъ много хорошихъ нувеллистовъ, а слѣдственно и хорошихъ повѣстей, что не только повѣсти эти могутъ выходить отдѣльными книжками по нѣсколько сотень въ годъ, но еще есть возможность затѣвать особенные сборники, состоящіе изъ однѣхъ оригинальныхъ повѣстей. Какое, подумаешь, богатство! Да наша литература не только не уступитъ французской, а еще и превзойдетъ ее; въ самой Франціи вся повѣствовательная дѣятельность поглощена теперь журналами и газетами, а у насъ являются отдѣльные сборники оригинальныхъ повѣстей... И что жь? Гдѣ тѣ журналы, въ которыхъ помѣщаются сколько-нибудь примѣчательныя оригинальныя повѣсти?—Кромѣ «Отеч. Записокъ», да изрѣдка «Библіотеки для Чтенія», нѣкогда щеголявшей прекрасными произведеніями г-жи Ганъ, а теперь цѣлый годъ щеголяющей романомъ г. Кукольника, публика наша не можетъ назвать ни одного журнала[315]). Нѣкоторые журналы даже почти совсѣмъ лишены оригинальныхъ повѣстей. Гдѣ наши ну-

беллисты и романисты?.. Тѣ изъ нихъ, отъ которыхъ публика могла ожидать многаго, или умерли, или не хотятъ писать и печатать: а изъ дѣйствующихъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ, все такіе, которые не могутъ разманить любопытства публики: зная, что они писали, она уже знаетъ, что и какъ напишутъ, если что-нибудь вздумаютъ написать... Программы и объявленія, объявленія и программы—вотъ современная русская литература...

Изданіе «Сказки за Сказкою» дебютируетъ повѣстью, или, лучше, разсказомъ г-на Кукольника «Иванъ Ивановичъ Ивановъ, или Всѣ за одно». Нѣкоторымъ людямъ, почему-то называющимъ себя «литераторами» (должно быть потому, что извѣстная часть публики называетъ ихъ «сочинителями»), вздумалось, разумѣется, не безъ цѣли, утверждать, что «Отеч. Записки» хвалятъ только своихъ сотрудниковъ (почитая въ ихъ числѣ Карамзина, Батюшкова, Грибоѣдова, Пушкина и Гоголя), и никогда не похвалятъ, напр., г-на Кукольника, что бы ни написалъ, и какъ бы хорошо ни написалъ. Совсѣмъ не для разувѣренія этихъ «господъ-сочинителей»—мы не хотимъ имѣть съ ними никакихъ дѣлъ, ни увѣрительныхъ, ни разувѣрительныхъ—а въ уваженіе священныхъ правъ истины и безпристрастія, мы должны сказать, что разсказъ г-на Кукольника «Иванъ Ивановичъ Ивановъ», болѣе, чѣмъ хорошъ—прекрасенъ. Правда, это не что иное, какъ извѣстный анекдотъ изъ временъ Петра-Великаго; но авторъ такъ хорошо, ловко, умно умѣлъ разсказать этотъ анекдотъ, что сдѣлалъ его лучше многихъ, даже своихъ собственныхъ повѣстей и драмъ. Онъ ввелъ васъ въ бытъ того времени; его разсказъ согрѣтъ одушевленіемъ, полонъ идеи, отличается мастерствомъ изложенія. Чтобъ не лишить читателей удовольствія прочесть хорошую вещь вполнѣ, мы не коснемся содержанія разсказа г-на Кукольника, но выпишемъ только одно мѣсто, которое можетъ намекнуть на его идею, хотя не относится ни къ завязкѣ, ни къ развязкѣ, ни къ изложенію. Авторъ описываетъ помѣщичій домъ того времени:

„Задній дворъ былъ истинный содомъ въ древнемъ до-петровскомъ быту дворянъ нашихъ. Здѣсь развращалось молодое дворянство, съ-издѣтства, безъ особеннаго усилія, такъ непримѣтно, исподоволь; здѣсь почерпались тѣ предразсудки, которыхъ до нынѣ еще вполнѣ не могли искоренить воля Петра-Великаго и просвѣщеніе; развратная отъ совмѣстнаго сожительства, дворовая челядь наперерывъ старалась угождать всѣмъ наклонностямъ своихъ молодыхъ господъ, будущихъ властителей; творила въ нихъ новыя и грязныя вожделѣнія; зарождала суевѣрія и холопскіе предразсудки; воспитывала, нестовала порокъ, по глупому невѣжеству, не изъ разсчета, потому-что изъ тѣхъ же наклонностей образовалась домашняя тиранія, какую едва ли представляетъ Исторія. Изъ этихъ, такъ-сказать, частныхъ недостатковъ общественной жизни на старой Руси рождались тѣ огромные политическіе пороки, съ которыми трудно было ладить самимъ, великимъ духомъ и силою, Государямъ нашимъ. Только внимательно разсматривая общественный бытъ среднихъ временъ нашего отечества, мы можемъ объяснить себѣ характеръ и существо боярскихъ смутъ въ Исторіи нашей; тогда только мы можемъ уразумѣть важность, сложность и дѣйствительность боярскихъ происковъ и

нѣкоторымъ образомъ измѣрить величіе и мудрость Государей, разрушившихъ эту новую гидру. Во время, нами описываемое, домашній бытъ дворянъ нашихъ былъ разбитъ, разрушенъ, но только въ столицѣ, да въ указахъ. Москва, эта огромная *губернія*, какъ тогда ее называли, боролась съ *новымъ порядкомъ;* провинціи, т. е. главные города и уѣзды, съ смущеннымъ сердцемъ слышали объ *немъ*, какъ о зловѣщей кометѣ, обѣщающей горе и несчастіе; сравнивали нововведенія съ нашествіемъ Татаръ; повиновались указамъ, какъ татарскимъ сборщикамъ податей; время свое называли *чернымъ годомъ*, и вѣровали, что этотъ черный годъ минетъ скоро и *прежній порядокъ* возстановится. *(Стр. 14—15).*

***553. Русскіе(я) Повѣсти Марьи Жуковой** (сочинительницы Вечеровъ на Карповкѣ). Изданіе второе. Санктпетербургъ. У книгопродавца Полякова. Въ тип. А. Іогансона. 1841. Двѣ части. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части 172, во II-й 283 стр. [316]).

Читателямъ извѣстно наше мнѣніе о прекрасномъ дарованіи г-жи Жуковой и неотъемлемомъ достоинствѣ ея повѣстей («Отеч. Зап.» 1840, т. IX. Отд. VI, стр. 1—8). Это второе изданіе ея повѣстей—«Судъ Сердца», «Самопожертвованіе», «Падающая Звѣзда» и «Мои Курскіе Знакомцы» мы перечли съ прежнимъ удовольствіемъ. Изданіе хорошо, хотя издатель не могъ-таки не сдѣлать грамматической ошибки въ заглавіи книги.

***554. Народныя Пѣсни Вологодской и Олонецкой Губерній,** собранныя *Ѳ. Студитскимъ*. Санктпетербургъ. У книгопродавца Ю. А. Юнгмейстера. Въ тип. Бородина и К°. Въ 16-ю д. л. 116 стр. [317]).

Не смотря на усердные труды г-на Сахарова въ собираніи русскихъ народныхъ пѣсенъ, еще много остается и для другихъ собирателей. Число народныхъ пѣсенъ должно быть весьма велико, а варіантамъ къ нимъ и конца нѣтъ: одна и та же пѣсня тамъ поется такъ, а здѣсь иначе. Но какъ всѣ онѣ очень однообразны и по содержанію и по формѣ, то ихъ и не трудно подвести подъ одинъ взглядъ. Въ отдѣлѣ Критики слѣдующей книжки «Отеч. Зап.», въ послѣдней статьѣ [318]) о русской народной поэзіи, мы упомянемъ кстати и о сборникѣ г-на Студитскаго. Мы уже извѣщали читателей о намѣреніи г-на Студитскаго издать эту книжку и помѣстили (въ Библ. Извѣстіяхъ 6-й книжки нынѣшняго года) письмо его, обнаруживающее въ немъ знатока своего дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ доказывающее любовь его къ дѣлу. Теперь скажемъ только, что, по всему замѣтно, г. Студитскій издалъ вологодскія и олонецкія пѣсни безъ всякихъ измѣненій, сохранивъ всѣ ихъ народныя отличія, что и необходимо въ подобныхъ изданіяхъ.

*555. **Мель-Дона**(,) повѣсть въ стихахъ(,) сочиненіе *П. Алексѣева*. Изданіе книгопродавца В. Истомина(.) Варшава(,) въ тип. Максимиліана Хмѣлевскаго. 1841. Въ 8-ю д. л. 31 стр. [319]).

Удивительная повѣсть, непостижимая исторія! Но—позвольте, начнемъ съ начала, которое называется такъ: «Усердное приношеніе вѣковой славѣ Ивана Андреевича Крылова». Вотъ оно:

Гордость Руси православной!
Геній твой душой любя,
Звуки пѣсни *своенравной*
Посылаю *до тебя.*
Сердце въ грудь твою зарыто,
Сребровласый нашъ пѣвецъ!
Сердце старца,—*хоть мертвецъ;*
Но въ томъ сердцѣ много скрыто
Думъ великихъ и святыхъ
И мечтаній золотыхъ.
Старецъ! *правдѣ не измѣнишь.*
Я надѣюсь, ты оцѣнишь
Маловажный трудъ пѣвца;
Въ тернъ колючаго вѣнца; (*точка съ запятою!*)
Не вонзишь *шиповъ журнальныхъ*
И отъ критиковъ нахальныхъ,
Отъ обидъ и клеветы,
Мужъ высокаго совѣта,
Защитишь *пѣвца-поэта*
Вѣковою славой ты.

Прекрасно! Вотъ истинная поэзія! Но посмотримъ, что̀ дальше.

Герой «своенравной пѣсни» говоритъ о себѣ:

. . . . . Любовью бредилъ
Какъ весны крылатый гость,
Мотылекъ горитъ на свѣчкѣ,
Такъ сгаралъ я, и какъ трость
Гнется въ звонко-струйной рѣчкѣ,
Подъ налетомъ вѣтерка,
Такъ былъ шатокъ, такъ былъ гибокъ
Я отъ глазокъ и улыбокъ.
Только взглянутъ: и тоска
Заберется въ ретивое;
Улыбнутся:—муки вдвое.
И бывало, отъ иной
Ходишь въ мірѣ, какъ шальной.

Но «не все коту масляница» говоритъ пословица:

. . . . Теперь не вѣрю глазкамъ;
Потухъ огонь въ моихъ очахъ.

Интересно знать причины такого перерожденія изъ шальнаго въ «невѣрующаго въ глазки»—не правда ли? Но увы! мы не можемъ удовлетворить справедливому любопытству читателей: сколько ни бились мы, чтобъ понять смыслъ «своенравной пѣсни»—всѣ усилія наши остались тщетны. «Пѣвецъ-поэтъ» ничего не открываетъ, но только намекаетъ, да такъ темно, что и самъ Эдипъ не разгадалъ бы загадокъ сего новаго, хотя не огромнаго, сфинкса. Однакожь, попробуемъ ресторировать смыслъ изъ руинныхъ намековъ «пѣвца-поэта». Итакъ, извольте выслушать:

Перлъ свѣтлозарный,
Въ пропасти мутной
Ищетъ пѣвецъ.
Въ дѣвѣ коварной,
Въ дѣвѣ *распутной*
Сердце мертвецъ.

Эти стихи очень важны по многимъ отношеніямъ: во-первыхъ, они отличаются высокимъ поэтическимъ достоинствомъ и художественною отдѣлкою; во-вторыхъ, изъ нихъ ясно видно, что героиня «своенравной пѣсни» есть «распутная дѣва»; въ-третьихъ, что не у однихъ старцевъ сердце — мертвецъ, какъ сказано въ «усердномъ приношеніи», но и у «распутныхъ дѣвъ». Все это очень интересно, поучительно, а главное—эстетично. За симъ слѣдуетъ на цѣлыхъ шести страницахъ, поэтическое, довольно-нескладное описаніе студенческой попойки. Далѣе, въ лунную ночь, босикомъ, героиня «своенравной пѣсни», т. е. «распутная дѣва», тайкомъ отъ матери, приходитъ къ герою и говоритъ ему:

Цѣлуй меня, цѣлуй скорѣй...
Одѣнь въ свой плащъ... вотъ такъ... согрѣй.

Съ этихъ поръ, «своенравная пѣсня» становится до того непонятною, что изъ рукъ вонъ. Герой называетъ себя Аббадоною, Каиномъ и убійцей; безпрестанно хохочетъ и такъ громко, что становится страшно за его грудь. Кажется, дѣло въ томъ, что ему измѣнила «распутная дѣва», и онъ убилъ своего соперника. Такой злодѣй!

556. Рѣчь о Современномъ Направленіи Отечественной Литературы, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Санктпетербургскаго Университета, апрѣля 3 дня 1841 года, экстраординарнымъ профессоромъ, докторомъ философіи *А. Никитенко*. Санкпетербургъ. Въ тип. Карла Крайя. 1841. Въ 8-ю д. л. 20 стр.[320]).

Г. Никитенко, какъ профессоръ, извѣстенъ живымъ, одушевленнымъ полнымъ краснорѣчія и мысли изустнымъ изложеніемъ своего предмета съ каѳедры. Немнѣвшіе удовольствія слышать его могутъ увѣриться въ этомъ изъ его жур-

нальныхъ статей, которыя, при богатствѣ содержанія и обдуманности изложенія, всегда такъ похожи на быстрыя и легкія импровизаціи. Говоренная имъ рѣчь на актѣ Петербургскаго Университета, 3 апрѣля нынѣшняго года, служитъ новымъ тому доказательствомъ. Основная мысль этой «рѣчи» состоитъ въ томъ, что современная русская литература обнаруживаетъ стремленіе *къ истинѣ* и *самобытности*, но что ея полному и удовлетворительному развитію препятствуетъ недостатокъ почвы, приготовляемой *наукою*. Это глубоко-вѣрно. Жаль только, что ораторъ не коснулся причинъ этого явленія, изъ которыхъ главнѣйшая, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что наша наука доселѣ идетъ какъ-то врознь съ жизнію и современностію. Отсюда необходимо вытекаетъ слѣдующее явленіе: люди богатые фактическою ученостію, бѣдны мыслію — и ихъ никто не слушаетъ; люди, которымъ доступна идея, обнаруживаютъ недостатокъ въ положительномъ знаніи, безъ котораго умозрительное направленіе не имѣетъ достаточной силы. Но какъ же винить послѣднихъ? они сами должны были учиться... Молодое поколѣніе профессоровъ, образовавшееся по волѣ мудраго правительства въ центрѣ и столицѣ европейской науки—въ Берлинѣ, или съ большимъ трудомъ приведшее себя къ той же степени образованія, не выѣзжая изъ Россіи,—удовлетворяетъ обоимъ требованіямъ: оно владѣетъ богатымъ положительнымъ знаніемъ, проникнутымъ мыслію; но за то кто же готовъ понимать этихъ профессоровъ и пользоваться ихъ уроками? что же есть общаго между ними, представителями новаго знанія, и всѣми, кто не они?... Это предметъ, на который можно было бы написать цѣлую книгу.

Чтобъ познакомить читателей съ прекраснымъ изложеніемъ рѣчи г. Никитенко, выписываемъ ея окончаніе:

„Какое же прибѣжище остается нашей литературѣ въ ея шаткомъ и печальномъ положеніи? Наука, мм. гг., одна наука. Она простираетъ къ ней объятія свои, наука свѣтлая, очищенная отъ схоластической грязи, цвѣтущая дарами жизни, близкая ко всѣмъ возвышеннымъ нуждамъ общества, человѣчественная, словомъ, наука вѣка нашего. — Литература должна повергнуться въ ея объятія, и ея мощнымъ и благонадежнымъ союзомъ оградить себя отъ варварскаго набѣга надменныхъ полу-мыслей и бѣдныхъ содержаніемъ идей. Одна наука имѣетъ власть связывать частное съ общимъ, сообщать истинамъ крѣпость и вѣрность анализа, и анализъ устремлять къ верховнымъ цѣлямъ разума. Напутствуемая опытами вѣковъ, вооруженная пособіями всѣхъ соединенныхъ силъ человѣческаго духа, она не обольщается блескомъ новыхъ ученій: ея не увлечетъ предательская роскошь воззрѣній, объемлющихъ все и ничего неудерживающихъ въ своей непризванной власти: ибо она служитъ одной истинѣ. И вотъ передъ вами, мм. гг., надежда лучшаго направленія нашей литературы: она расцвѣтаетъ подъ благотворною сѣнію науки, хранимой и покровительствуемой просвѣщеннымъ правительствомъ. Эти благородные юноши, обѣщающіе отечеству столько полезныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ служенія, дадутъ ему нѣкогда изъ среды себя и усердныхъ поборниковъ самобытности русской литературы и истиннаго аналитическаго ея направленія. Отъ нихъ можно этого ожидать: они учатся и размышляютъ прежде, чѣмъ рѣшатъ; бодрымъ трудомъ и путемъ

изысканій они привыкаютъ достигать окончательныхъ убѣжденій и всеобщихъ истинъ. Выйдетъ ли изъ нихъ кто-нибудь, который творческими созданіями успѣетъ запечатлѣть этотъ духъ строгаго и основательнаго развитія—мы этого не знаемъ; но смѣемъ надѣяться, что каждый изъ нихъ мыслію и словомъ своимъ, такъ же какъ и дѣломъ, успѣетъ доказать, что въ наукѣ лежатъ сѣмена всего благаго, истиннаго и прекраснаго".

*557. **Древнія россійскія стихотворенія**, собранныя *Киршею Даниловымъ*, и вторично изданныя. Москва. 1818.

Древнія русскія стихотворенія (,), служащія въ дополненіе (дополненіемъ?) къ Киршѣ Данилова (*у?*). Собранныя *М. Сухановымъ*. Санктпетербургъ. 1840.

Сказанія русскаго народа, собранныя *И. Сахаровымъ*. Т. I. Кн. 1, 2, 3, 4. Изданіе третіе. Санктпетербургъ. 1841.

Русскія народныя сказки. Часть I. Санктпетербургъ. 1841 [321]).

Статья III.

Поэзія всякаго народа находится въ тѣсномъ соотношеніи съ его исторіею въ поэзіи и въ исторіи равнымъ образомъ заключается таинственная психея народа, и потому его исторія можетъ объясняться поэзіею, а поэзія исторіею. Мы разумѣемъ здѣсь внутреннюю исторію народа, которою объясняются внѣшнія и случайныя событія въ его жизни. Но какъ есть народы, существовавшіе только внѣшнимъ образомъ, то ихъ поэзія можетъ служить не объясненіемъ ихъ исторіи, а только объясненіемъ ничтожества ихъ исторіи. Источникъ внутренней исторіи народа заключается въ его «міросозерцаніи», или его непосредственномъ взглядѣ на міръ и тайну бытія. Міросозерцаніе народа выказывается прежде всего въ его религіозныхъ миѳахъ. На этой точкѣ, обыкновенно, поэзія слита съ религіею, и жрецъ есть или поэтъ, или истолкователь миѳическихъ поэмъ. Естественно, эти поэмы самыя древнѣйшія. Въ вѣкъ героизма поэзія начинаетъ отдѣляться отъ религіи и составляетъ особую, болѣе независимую область народнаго сознанія. За героическимъ періодомъ жизни народа слѣдуетъ періодъ гражданской и семейной жизни. На этой точкѣ поэзія дѣлается вполнѣ самостоятельною областію народнаго сознанія, переходитъ въ дѣйствительную жизнь, начинаетъ совпадать съ прозою жизни, изъ поэмы становится романомъ, изъ гимна пѣснію; тогда же возникаетъ и драма, какъ трагедія и комедія. Въ послѣднемъ періодѣ, поэзія изъ естественной или народной дѣлается художественною! Если же народъ, переживъ миѳическій и героическій періодъ своей жизни, не пробуждается къ сознанію и переходитъ не въ гражданственность, основанную на разумномъ развитіи, а въ общественность, основанную на преданіи, и остается въ естественной безсознательности семейнаго быта и патріархальныхъ отношеній,—тогда у него не можетъ быть художественной поэзіи, не можетъ быть ни романа, ни драмы. Эпопею его составляютъ сказка и историческая пѣсня, ко-

торой характеръ, по большей части, опять-таки сказочный. Сравненіе казацкихъ малороссійскихъ пѣсенъ съ русскими историческими пѣснями лучше всего подтверждаетъ нашу мысль; характеръ первыхъ—поэтически-историческій; характеръ вторыхъ, какъ мы увидимъ далѣе, чисто-сказочный, и притомъ больше прозаическій, чѣмъ поэтическій. Лирическая поэзія всякаго, хоть бы и гражданскаго, но еще не сознавшаго себя общества, состоитъ только въ пѣсни—простодушномъ изліяніи горя или радости сердца, въ тѣсномъ и ограниченномъ кругу общественныхъ и семейныхъ отношеній. Это или жалоба женщины, разлученной съ милымъ сердца и насильно выданной за немилаго и постылаго, тоска по родинѣ, заключающейся въ родномъ домѣ и родномъ селѣ, ропотъ на чужбину, на варварское обращеніе мужа и свекрови. Если герой пѣсни мужчина, тогда—воспоминаніе о милой, ненависть къ женѣ, или ропотъ на горькую долю молодецкую, или звуки дикаго, отчаяннаго веселія—насильственный мгновенный выходъ изъ рвущей душу тяжелой тоски. Таково, по большей части, содержаніе всѣхъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. Это содержаніе почти всегда одно и то же; разнообразія и оттѣнковъ чувства нѣтъ, а мысль вся заключается въ монотонномъ и простодушномъ чувствѣ. Такая поэзія лучше самой исторіи свидѣтельствуетъ о внутреннемъ бытѣ народа, можетъ служить мѣркою его гражданственности, повѣркою его человѣчности, зеркаломъ его духа. Такая поэзія нѣма и безполезна для людей чуждой націи, и понятна только для того народа, въ которомъ родилась она,—подобно безсвязному лепету младенца, понятному и разумному только для любящей его матери.

Въ миѳической и героической поэзіи народа заключается субстанція его духа, по которой, какъ по данному факту, можно судить о томъ, чѣмъ будетъ народъ, *что* и *какъ* можетъ изъ него развиться въ-послѣдствіи. Здѣсь слова «что» и «какъ» показываютъ историческую судьбу народа; такъ, напримѣръ, мы увидимъ ниже, что изъ памятниковъ русской народной поэзіи можно доказать великій и могучій духъ народа. Вся наша народная поэзія есть живое свидѣтельство безконечной силы духа, которому надлежало однакожь быть возбуждену извнѣ. Отсюда понятно, почему величайшій представитель русскаго духа—Петръ Великій, совершенно отрывая свой народъ отъ его прошедшаго, стремясь сдѣлать изъ него совсѣмъ другой народъ, все-таки провидѣлъ въ немъ великую націю и не вотще пророчествовалъ о ея великомъ назначеніи въ будущемъ. Отсюда же понятно, почему величайшій и по-преимуществу національный русскій поэтъ—Пушкинъ, воспиталъ свою музу не на материнскомъ лонѣ народной поэзіи, а на европейской почвѣ, былъ приготовленъ не «Словомъ о Пълку Игоревомъ», не сказочными поэмами Кирши Данилова, не простонародными пѣснями, а Ломоносовымъ, Державинымъ, Фонвизинымъ, Богдановичемъ, Крыловымъ, Озеровымъ, Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Жуковскимъ и Батюшковымъ—писателями и поэтами подражательными и нисколько не національными, за исключеніемъ одного Крылова, котораго басни, будучи національными, все-таки не суть вполнѣ самобытное явленіе, ибо ихъ образцы найдены Крыловымъ

не въ народной поэзіи, а у Француза Лафонтена. Такова естественная поэзія всѣхъ славянскихъ племенъ: богатая чувствомъ и выраженіемъ, она бѣдна содержаніемъ, чужда элементовъ *общаго*, и потому не могла сама собою развиться въ художественную поэзію. Если Русскіе, и, можетъ быть, еще Чехи, могутъ гордиться нѣсколькими великими или примѣчательными поэтическими именами,—они первоначально обязаны этимъ соприкосновенности своей исторіи къ исторіи Европы и усвоеннымъ у Европы элементамъ жизни. Прочія славянскія племена—Болгары, Сербы, Далматы, Иллирійцы и другія, остались при одной народной поэзіи, которая безсильна возвыситься на степень художественной. Что же касается до Малороссіянъ, то смѣшно и думать, чтобъ изъ ихъ, впрочемъ прекрасной, народной поэзіи могло теперь что-нибудь развиться: изъ нея не только ничего не можетъ развиться, но и сама она остановилась еще со временъ Петра Великаго; двинуть ее возможно тогда только, когда лучшая, благороднѣйшая часть малороссійскаго населенія оставитъ французскую кадриль и и снова примется плясать тропака и гопака, фракъ и сюртукъ перемѣнитъ на жупанъ и свитку, выбрѣетъ голову, отпустивъ оселедецъ,—словомъ, изъ состоянія цивилизаціи, образованности и человѣчности (пріобрѣтеніемъ которыхъ Малороссія обязана соединенію съ Россіею) снова обратится къ прежнему варварству и невѣжеству. Литературнымъ языкомъ малороссіянъ долженъ быть языкъ ихъ образованнаго общества—языкъ русскій. Если въ Малороссіи и можетъ явиться великій поэтъ, то не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобъ онъ былъ русскимъ поэтомъ, сыномъ Россіи, горячо принимающимъ къ сердцу ея интересы, страдающимъ ея страданіемъ, радующимся ея радостію. Племя можетъ имѣть только народныя пѣсни, но не можетъ имѣть поэтовъ, а тѣмъ менѣе великихъ поэтовъ: великіе поэты являются только у великихъ націй, а что за нація безъ великаго и самобытнаго политическаго значенія? Живое доказательство этой истины въ Гоголѣ: въ его поэзіи много чисто-малороссійскихъ элементовъ, какихъ нѣтъ и быть не можетъ въ русской; но кто же назоветъ его малороссійскимъ поэтомъ? Равнымъ образомъ, не прихоть и не случайность заставили его писать по-русски, не по-малороссійски, но глубоко-разумная внутренняя причина,—чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что на малороссійскій языкъ нельзя перевести даже «Тараса Бульбу», не только «Невскаго Проспекта» [322]). Правда, содержаніе «Тараса Бульбы» взято изъ сферы народной жизни, но въ немъ авторъ не былъ поглощенъ своимъ предметомъ; онъ былъ выше его, владычествовалъ надъ нимъ, видѣлъ его не въ себѣ, а передъ собою, и потому во многихъ мѣстахъ его разсказа замѣтенъ его личный взглядъ, его субъективное воззрѣніе;—эти-то мѣста и нельзя передать на малороссійское нарѣчіе, не опростонародивъ, такъ сказать, не омужичивъ ихъ,—не говоримъ уже о томъ, что вся повѣсть, исключая разговоровъ дѣйствующихъ лицъ, написана литературнымъ языкомъ, какимъ никогда не можетъ быть языкъ малороссійскій, сдѣлавшійся теперь провинціальнымъ и простонароднымъ нарѣчіемъ [323]).

Мы сказали, что племя, или даже народъ, еще не пробудившійся изъ есте-

ственнаго состоянія къ самосознанію, можетъ имѣть только народныя поэмы и пѣсни, но не можетъ имѣть поэтовъ, а тѣмъ болѣе—великихъ поэтовъ. Истина этого положенія доказывается самыми фактами. Кромѣ Грековъ, которые, по причинамъ, изложеннымъ нами во второй статьѣ, не могутъ служить примѣромъ, когда дѣло идетъ о чисто-народной (въ смыслѣ естественной, непосредственной) поэзіи, кромѣ Грековъ, у всѣхъ народовъ или мало извѣстны, или и совсѣмъ неизвѣстны творцы народныхъ произведеній; но вездѣ самъ народъ является ихъ творцомъ. Разумѣется, всякое отдѣльное народное произведеніе было обязано своимъ началомъ одному лицу, которое, съ горя или съ радости, вдругъ запѣло его; но, во-первыхъ, это лицо, сочинивъ, или, говоря его собственнымъ языкомъ, *сложивши* пѣсню, само не знало, что оно—поэтъ, и смотрѣло на свое дѣло не какъ на дѣло, а скорѣе какъ на бездѣлье отъ нечего дѣлать; во-вторыхъ, пѣсня, переходя изъ устъ въ уста, претерпѣвала много измѣненій, то увеличиваясь, то убавляясь, то улучшаясь, то искажаясь, смотря по степени присутствія или отсутствія поэтическаго чувства въ пѣвшихъ ее. Если у народа нѣтъ письменъ—его поэтическія произведенія по необходимости хранятся въ народной памяти и изустно передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію; если у народа есть письмена,—его поэтическія произведенія опять-таки хранятся въ памяти и живутъ въ устахъ его потому-что народъ, невозросшій до самопознанія, почитаетъ униженіемъ для высокаго искусства писанія заниматься «пересыпаніемъ изъ пустаго въ порожнее», т. е. поэзіею. Такъ, по крайней мѣрѣ, было на Руси, хотя и не такъ было даже у восточныхъ народовъ — Индусовъ, Арабовъ, Персовъ, Китайцевъ и другихъ. Какія бы ни были причины этого явленія, но авторомъ русской народной поэзіи является самъ русскій народъ, а не отдѣльныя его лица,—и скудная сокровищница его произведеній состоитъ большею частію изъ безчисленныхъ варіантовъ слишкомъ немногихъ текстовъ. Обратимся къ нимъ и начнемъ съ эпическихъ произведеній [323-а]).

Эпическія поэмы бываютъ трехъ родовъ, *космогоническія* и *миѳическія*, въ которыхъ выражается непосредственное воззрѣніе народа на происхожденіе міра, религіозныя и философическія созерцанія; *сказочныя*, въ которыхъ видна особенность народной фантазіи, и которыя составляютъ эхо баснословно-героическаго быта младенчествующаго народа, и *историческія*, въ которыхъ хранятся поэтическія преданія объ исторической жизни народа, уже ставшаго государствомъ. Первыхъ, т. е. *космогоническихъ* и *миѳическихъ*, у насъ нѣтъ почти совсѣмъ, а еслибъ что въ этомъ родѣ и нашлось со-временемъ, такъ едва ли стоитъ вниманія. Причина очевидна: миѳологія всѣхъ Славянъ вообще, особенно сѣверо-восточныхъ, играла въ ихъ жизни слишкомъ незначительную роль. Одно слово Владиміра [324]) могло въ одинъ день и навсегда уничтожить наше язычество [325]). Его подданные какъ-будто чувствовали, что нѣ изъ чего хлопотать и нѣ за что стоять,—а всѣ люди ужъ такъ созданы, что изъ ничего и не бьются. Одна уже мысль Владиміра послать пословъ во всѣ земли для узнанія чужихъ вѣръ, достаточно указываетъ на отсутствіе всякаго своего вѣрованія,

которое имѣло-бы какую-нибудь субстанціальную дѣйствительность [323-б]). Хотя г. Сахаровъ въ своей книгѣ «Сказанія Русскаго Народа» и сильно возстаетъ противъ *Гизеля*, *Попова*, *Чулкова*, *Глинки* и *Кайсарова* за искаженіе славяно-русской миѳологіи; но его, впрочемъ, энергическое возстаніе доказываетъ только то, что совершенно нѣ изъ чего и нѣ за что было возставать. Г. Сахаровъ признаетъ истинными славянскими богами только тѣхъ, о которыхъ упоминается въ хроникѣ Нестора, а въ ней упоминается, и то вскользь, мимоходомъ, только о семи богахъ (*Перунѣ*, *Волосѣ*, *Даждь-богѣ*, *Стрибогѣ*, *Семерглѣ*, *Хрсѣ* и *Мокошѣ*), почти безъ всякаго объясненія ихъ значенія, аттрибутовъ, обрядовъ богослуженія и пр. Г. Сахаровъ ожидаетъ отъ будущихъ трудовъ нашихъ археологовъ великихъ открытій и поясненій касательно славянской миѳологіи: что касается до насъ, мы ровно ничего не ожидаемъ, по самой простой причинѣ: археологія прекрасная наука, но безъ данныхъ, безъ фактовъ, она рѣшительно ни къ чему не служитъ, потому что какъ ни мудрите, а изъ ничего не добьетесь ничего... [326]) Итакъ, этотъ предметъ въ сторону:— на нѣтъ и суда нѣтъ, а если когда что найдется, такъ мы тогда и поговоримъ.

Древнѣйшій памятникъ русской народной поэзіи въ эпическомъ родѣ есть, безъ сомнѣнія, «Слово о Пълку Игоревѣ». Хоть извѣстно нѣсколько сказокъ, въ которыхъ упоминается о великомъ князѣ Владимірѣ-*краснымъ солнышкѣ*, о его знаменитыхъ богатыряхъ—*Добрынѣ*, *Ильѣ Муромцѣ*, *Алешѣ Поповичѣ* и пр., но эти сказки явно сложены въ гораздо-позднѣйшее время, послѣ татарскаго владычества: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго признака язычества, которое, каково бы оно ни было, не могло же не отразиться хоть внѣшнимъ образомъ въ современной ему эпохѣ, когда христіанство еще не успѣло утвердиться въ народѣ. Въ этихъ же сказкахъ незамѣтно ни малѣйшей смѣси языческихъ понятій съ христіанскими. Мало этого: духъ и тонъ этихъ сказокъ явно отзываются новѣйшимъ временемъ, когда Русь была уже переплавлена горниломъ татарскаго ига въ единое государство. Какая-то *прозаичность* въ выраженіи, простонародность въ чувствахъ и поговоркахъ царствуетъ въ этихъ сказкахъ [327]). Ничего этого нѣтъ и тѣни въ «Словѣ о Пълку Игоревѣ»: это произведеніе явно современное воспѣтому въ немъ событію, и носитъ на себѣ отпечатокъ поэтическаго и человѣчнаго духа Южной Руси, еще незнавшей варварскаго ярма татарщины, чуждой грубости и дикости Сѣверной Руси. Въ «Словѣ» еще замѣтно вліяніе поэзіи языческаго быта; изложеніе его болѣе историческо-поэтическое, чѣмъ сказочное, не отличаясь особенною стройностію въ повѣствованіи, оно отличается благородствомъ тона и языка. Понятно, какъ нѣкоторымъ могла прійдти въ голову мысль, что это произведеніе есть поддѣлка въ родѣ оссіановыхъ поэмъ: въ немъ боярыни не пьютъ зелена вина, не бьютъ другъ друга; нѣтъ площадныхъ выраженій, нѣтъ чудовищныхъ образовъ, нѣтъ признаковъ тѣхъ грубо-мѣщанскихъ обычаевъ, которыми преисполненъ сборникъ Кирши Данилова.

«Слово о Пълку Игоревѣ» подало поводъ къ жестокой войнѣ между на-

шими археологами и любителями древности: одни видятъ въ немъ дивное произведеніе поэзіи, великую поэму, благодаря которой намъ нѣчего завидовать «Иліадѣ» Грековъ; другіе отвергаютъ древность его происхожденія, видятъ въ немъ позднѣйшее и притомъ поддѣльное произведеніе; третьи не видятъ въ «Словѣ» никакого поэтическаго достоинства. Что касается до насъ, мы рѣшительно несогласны ни съ тѣми, ни съ другими. «Слово о Пълку Игоревѣ» такъ же похоже на «Иліаду», какъ Славяне его времени на Грековъ, а Игорь и Всеволодъ на Ахилла и Патрокла. Пѣвца «Слова» такъ же нельзя равнять съ съ Гомеромъ, какъ пастуха, прекрасно играющаго на рожкѣ, нельзя равнять съ Моцартомъ и Бетховеномъ. Но тѣмъ не менѣе это «Слово» [328])—прекрасный, благоухающій цвѣтокъ славянской народной поэзіи, достойный вниманія, памяти и уваженія. Что же касается до того [328-a]), точно ли «Слово» принадлежитъ XII или XIII вѣку, и не поддѣльно ли оно: на это [329]) сама поэма лучше всего отвѣчаетъ, если только объ ней судить на основаніи самой ея, а не по разнымъ внѣшнимъ соображеніямъ [330]).

Очень жаль, что «Слово о Пълку Игоревѣ» можно [331]) читать только [332]) отрывками, потому-что многія мѣста въ немъ [333]) искажены писцами [334]) до безсмыслицы, а нѣкоторыя темны потому, что относятся къ такимъ современнымъ обстоятельствамъ, которыя вовсе непонятны для Русскихъ XIX вѣка. Да и притомъ, кто поручится, что въ единственной найденной рукописи «Слова» не пропущены цѣлыя мѣста? Кому случалось читать въ рукописяхъ ходячія по рукамъ поэмы Пушкина, тотъ не будетъ удивляться искаженію «Слова» какимъ-нибудь безграмотнымъ и невѣжественнымъ писцомъ XIV-го или XV-го вѣка. Если бы по одному изъ подобныхъ списковъ надо было возстановить черезъ два столѣтія текстъ, напр., хоть «Кавказскаго Плѣнника», то возстановитель принужденъ былъ бы отказаться отъ такого несовершимаго подвига. А что безсмыслицы и темноты «Слова о Пълку Игоревѣ» принадлежатъ не его автору, а писцу—неопровержимымъ доказательствомъ этому служатъ поэтическія красоты въ подробностяхъ и интересъ цѣлаго повѣствованія поэмы. Но возстановить текста нѣтъ никакой возможности [334-a]) для этого необходимо имѣть нѣсколько рукописей, которыя можно было бы сличить. Хоть наши любители русской старины не только пытались объяснить и переводить сомнительныя мѣста въ поэмѣ, но и остались въ увѣренности, что успѣли въ этомъ, однакожь, мы тѣмъ не менѣе должны отказаться отъ мысли видѣть въ «Словѣ» полное и цѣлое произведеніе [335]). Для [336]) доказательства справедливости нашей мысли, приводимъ здѣсь значительную часть безсмыслицъ и темнотъ.

Помняшеть бо рвыхъ временъ усобицѣ; тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедей который дотечаше, то преди пѣснь пояше, старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълки касожьскыми, красному Романови Святъславличю.

Въ первомъ изданіи 1800 года «Слова о Пълку Игоревѣ» это мѣсто переведено такъ: «Памятно намъ по древнимъ преданіямъ, что повѣдая о какомъ-

либо сраженіи, примѣняли оное къ десяти соколамъ, на стадо лебедей пущеннымъ: чей соколъ скорѣе долеталъ, тому прежде и рѣчь начиналася, либо старому Ярославу, либо храброму Мстиславу, поразившему Редедю передъ полками косожскими, или красному Роману Святославличу». Очевидно, что это переводъ произвольный, основанный на неудачной догадкѣ,—переводъ мысли, которой совсѣмъ нѣтъ въ текстѣ: къ-тому же, въ этомъ переводѣ нѣтъ логическаго смыслу, хотя и есть смыслъ грамматическій. Шишковъ [336-а]), передѣлавшій «Слово въ реторическую поэму на-подобіе «Гонзальва Кордуанскаго» или «Кадма и Гармоніи» [337]), Шишковъ [336-б]) объясняетъ это мѣсто съ бо́льшею основательностію, но все-таки произвольно, — и если въ его переводѣ есть смыслъ, за то текстъ все-таки остается безъ смыслу. Вотъ его переводъ: «Изъ древнихъ преданій извѣстно намъ, какимъ образомъ *славные во браняхъ князья и полководцы* рѣшали состязаніе свое о преимуществѣ. Десять мужей выѣзжали на чистое поле, каждый съ соколомъ въ рукѣ; они пускали ихъ на стадо лебединое: чей соколъ скорѣе долеталъ, тотъ и первенство одерживалъ, тому и пѣснь воспѣвалася, либо старому Ярославу, либо храброму Мстиславу, поразившему Редедю предъ полками косожскими, либо благозрачному Роману Святославличу».

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя вои прикрыты...

Переводъ: «Тогда взглянулъ онъ на солнце свѣтлое, и увидѣвъ мракомъ покрытое все войско свое, произнесъ»... Шишковъ [336-в]): «Но Игорь пребываетъ непоколебимъ въ намѣреніи своемъ; не устрашаетъ его *грозное чело нахмуренной природы*»... Текстъ стоитъ перевода, и переводы стоятъ текста!..

Спала князю умь похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искуспти Дону великаго.

Переводъ: «Пришло князю на мысль пренебречь худое предвѣщаніе и извѣдать счастья на Дону Великомъ». Шишковъ [336-г]) совершенно измѣнилъ это мѣсто, передѣлавъ его въ высокопарную шумиху словъ и фразъ.

Солнце ему тьмою путь заступаше.

Переводъ: «Солнце своимъ затмѣніемъ преграждаетъ путь ему». Шишковъ [336-д]): «помрачась, мѣшало ему итти». Если такъ переводить, то конечно нѣтъ на свѣтѣ безсмыслицы, которой бы нельзя было перевести и ясно и краснорѣчиво...

О Русская землѣ! уже *не* Шеломянемъ еси.

Переводъ: «О русскіе люди! уже вы *за* Шеломенемъ». Шишковъ [336-е]) переводитъ также.

Дѣти бѣсови *кликомъ поля прегородиша,* а храбрые Русицы прегородиша чрвленными щиты.

Переводъ: «Бѣсовы дѣти *оградили станъ свой крикомъ*, а храбрые *Россіяне* багряными щитами». Шишковъ [336-ж]): «Нечестивыя чада устремляются на нихъ съ воплемъ: храбрые Россы противопоставляютъ имъ щиты свои». Въ послѣднемъ переводѣ есть смыслъ; но гдѣ жь онъ въ подлинникѣ?

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе; и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада князя.

Переводъ: «Бориса же Вячеславича слава на судъ привела; онъ положенъ (?) на конскую попону зеленую за обиду молодаго храбраго князя Олега». Шишковъ [336-a]) совсѣмъ выпустилъ это мѣсто, вѣроятно по невозможности объяснить, зачѣмъ именно клали князя на конскую попону...

Съ тоя же Каялы Святоплъкъ *повелѣя* отца своего междю Угорьскими иноходцы къ святѣй Софіи къ Кіеву.

Въ книгѣ г. Сахарова въ этомъ мѣстѣ слово «повелѣя» замѣнено словами «повезѣ я».

Переводъ: «Съ той же Каялы велъ Святополкъ войска отца своего сквозь Венгерскую конницу въ Кіевъ ко святой Софіи». Шишковъ [336-b]) совсѣмъ выпустилъ это мѣсто, и не мудрено: въ немъ нѣтъ и тѣни даже грамматическаго смыслу: что̀ такое «повелѣя»?—чистѣйшая безсмыслица [336-i]). Что̀ такое «повезѣ я?»—Тоже чистѣйшая [336-k]) безсмыслица. О *войскѣ* и помину нѣтъ въ текстѣ. Притомъ, не-уже-ли «угорьскіи иноходци»—точно венгерская конница, кавалерія?

Тогда по русской земли рѣтко ратаевѣ *кикахуть*.

Переводъ: «И въ русской землѣ рѣдко веселіе земледѣльцевъ раздавалось»—это переводъ наудачу: что̀ значитъ слово «кикахуть» и было ли такое слово?

Убуди *жирня* времена.

Переводъ: «Разбудила времена *тяжкія*». Почему же здѣсь слово «жирня» переведено словомъ «тяжкія»?

За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по русской земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ.

Переводъ: «Воскликнули тогда Карна и Жля, и прискакавъ въ землю русскую, стали томить и огнемъ и мечемъ». Опять не переводъ, а произвольное толкованіе!

Чрьпахуть ми синее вино съ *трудомъ* смѣшено

Въ переводѣ сказано «съ ядомъ смѣшанное»: а гдѣ же доказательства, что здѣсь *трудъ* значитъ *ядъ?*

Всю нощь съ вечера *босуви* врани взграяху.

Что̀ такое «босуви»?

Уже тресну нужда на волю.

Переводъ: «Уже насиліе возстало на вольность».

А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и много вои брата моего Ярослава съ Черниговскими *былями* (?), съ Могуты (?), и съ Татраны (?), и съ Шельбиры (?) и съ Топчаки (?), и съ Ревугы (?), и съ Ольберы (?). Тіи бо бесъ щитовъ съ засапожники кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу.

Не приводимъ перевода: онъ такъ же ясенъ, какъ и текстъ.

Великому хръсови влъкомъ путь прерыскаше.

Объ этой фразѣ самъ Шишковъ [336-д]) сказалъ: «Невразумительно!»

Игорь спитъ, Игорь бдитъ.

Переводъ: «Игорь лежитъ, Игорь *не* спитъ»...

Можно бъ было и еще столько же привести необъяснимыхъ темнотъ и безсмыслицъ; но довольно и этихъ, чтобъ читатели могли судить, до какой степени можно наслаждаться въ цѣломъ «Словомъ о Пълку Игоревѣ». Тѣмъ не менѣе, всѣ темноты и безсмыслицы мы приписываемъ не «Слову», а рукописи и ея писцу,потому-что [337-а]) неестественно допустить безсмыслицы въ пьесѣ, отличающейся смысломъ въ цѣломъ и поэтическими красотами въ частностяхъ [338]). Чтобъ произнести судъ надъ поэтическимъ достоинствомъ этой поэмы, намъ должно изложить ея содержаніе [338-а]).

Авторъ «Слова» начинаетъ обращеніемъ къ слушателямъ, обѣщая имъ пѣсню по «былинамъ своего времени, а не по замышленію Бояню: Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облаки». Это указаніе на Бояна очень любопытно: значитъ, былъ человѣкъ, прославившійся пѣснями. Наши литераторы и піпты добраго стараго времени (которое, впрочемъ, очень-недавно было еще новымъ) сдѣлали изъ Бояна нарицательное имя въ родѣ *минстреля, трувера, трубадура, барда*, и обрадовавшись этому, начали прославлять процвѣтаніе богатой русской литературы до XII вѣка. Но изъ «Слова» ясно видно, что Боянъ имя собственное, принадлежавшее одному лицу, вѣроятно жившему во времена язычества, или вскорѣ по его паденіи, которое было вмѣстѣ и паденіемъ поэзіи, съ-тѣхъ-поръ ставшей на Руси бѣсовскою потѣхою, «пересыпаньемъ изъ пустаго въ порожнее». Частыя обращенія пѣвца игорева къ Бояну,—обращенія, исполненныя энтузіазма и благородныхъ поэтическихъ образовъ, не допускаютъ никакого сомнѣнія въ существованіи этого Бояна, «соловья стараго времени». Конечно, это не былъ Гомеръ своего рода, какъ думалъ Шишковъ, ни даже что-нибудь похожее на творца «Иліады»; но послѣ похвалъ даровитаго автора «Слова», нельзя не сожалѣть искренно о томъ, что время и невѣжество истребили пѣсни Бояна, который «своя вѣщіа пръсты на живая струны вскладаше—они же сами княземъ славу рокотаху».

«Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря» говоритъ пѣвецъ, и начинаетъ совсѣмъ не съ стараго Владимера, а прямо съ Игоря, «иже истягну умь крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрые плъки на землю половѣцьскую за землю русскую». Хочу, сказалъ онъ своей дружинѣ, переломить съ вами, *Русичи*, копье на землѣ половецкой, хочу либо положить свою голову, либо *испить шеломомъ Дону*. Не буря занесла соколовъ чрезъ

поля широкія—то летятъ стадами галици *) къ Дону великому: тебѣ бы воспѣть это, внукъ велесовъ, Боянъ вѣщій! Кони ржутъ за Сулою, гремитъ слава въ Кіевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ, вѣютъ знамена **) въ Путивлѣ; Игорь ждетъ милаго брата Всеволода. И молвилъ ему буйтуръ ***) Всеволодъ: одинъ ты братъ у меня, одинъ *свѣтъ свѣтлый*, о Игорь! оба мы Святославичи! Сѣдлай ты, брате, своихъ борзыхъ коней, а мои давно готовы для тебя и стоятъ осѣдланы у Курска. А куряне мои въ метаніи стрѣлъ искусны, подъ звукомъ трубъ они повиты, концемъ копья вскормлены, пути имъ вѣдомы, овраги знаемы, луки у нихъ натянуты, колчаны отворены, сабли изострены; сами скачутъ какъ сѣрые волки въ полѣ, ища себѣ чести, а князю славы». Тогда Игорь князь вступилъ въ златое стремя и поѣхалъ по чистому полю.

За симъ слѣдуетъ темное и нескладное (вслѣдствіе искаженія текста писцомъ) описаніе грозныхъ предвѣщаній природы. «Орлы клектомъ сзываютъ звѣрей на трупы, лисицы лаютъ на багряные щиты воиновъ. Дружина игорева уже за Шеломенемъ. День меркнетъ, свѣтъ зари потухаетъ, мгла покрываетъ поля, засыпаетъ *щекотъ славій*, умолкаетъ *говоръ галичій*». Очевидно, что весь этотъ отрывокъ, по *не*волѣ сокращенный нами, по причинѣ искаженія текста, въ первобытномъ подлинникѣ полонъ высокихъ поэтическихъ красотъ[338-б]). Сколько можно чувствовать, не смотря на искаженіе, есть что-то зловѣщее, фантастическое въ изображеніи грозно-настроившейся природы, особенно въ этомъ клѣктѣ орловъ, сзывающемъ звѣрей на кровавый пиръ, и въ лаѣ лисицъ на багряные щиты воиновъ.

Поутру *Русичи* потоптали поганые полки половецкіе, и разсыпавшись словно стрѣлы по полю, помчали красныхъ дѣвицъ половецкихъ, а съ ними злато, и паволоки, и драгіе оксамиты; япончицами и кожухами начали мосты мостить по болотамъ и *грязовымъ мѣстамъ* и всякими узорочьями половецкими. Червленный стягъ, бѣлая хоругвь, багряная чолка, серебряное древко храброму Святославичу. Дремлетъ въ полѣ храброе гнѣздо Олегово—далеко залетѣло оно; не родилось оно на обиду ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чорный воронъ, поганый Половчанинъ!

На другой день, вельми рано, появляется свѣтъ кровавой зари, идутъ съ моря черныя тучи, хотятъ закрыть четыре солнца, блещутъ синими молніями; быть грому великому, литься дождю стрѣлами съ Дону великаго; поломаться тутъ копьямъ, притупиться тутъ саблямъ о шеломы половецкіе, на рѣкѣ Каялѣ, у Дону великаго. Се вѣтры, внуки Стрибожіи, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки игоревы; земля звучитъ, рѣки мутно текутъ; мглою поля покрываются; знамена голосъ даютъ, Половцы идутъ отъ Дона, и отъ моря, и

*) Галки.

**) Въ подлинникѣ: „Стоять стязи въ Путивлѣ“.

***) *Буйтуръ* составлено изъ словъ *дикій* (буй) и *волъ* (туръ); по основательному замѣчанію Шишкова, вѣроятно, изъ „буйтура“ впослѣдствіи произошло слово „богатырь [339])“.

ото всѣхъ сторонъ. Русскіе полки отступили. Яръ туре Всеволодъ, стоишь ты на сторожѣ [339-а]) прыщешь на враговъ стрѣлами, булатными мечами гремишь о шеломы ихъ. Куда ни бросишься ты, туре, золотымъ шеломомъ своимъ посвѣчивая, тамъ лежатъ поганыя головы половецкія; и *поскепаны* каленными саблями оварскіе шеломы, отъ тебя, яръ туръ Всеволодъ! Что̀ ему раны, когда забылъ онъ и почести, и жизнь, и городъ Черниговъ, и золотой престолъ отеческій, и свычаи и обычаи своей милой *хоти*, прекрасной Глѣбовны!

(Здѣсь пѣвецъ дѣлаетъ отступленіе, обращаясь къ смутамъ и междоусобіямъ прежнихъ временъ, и не находя въ нихъ ни одной битвы, которая могла бы сравниться съ битвою Игоря и Всеволода съ Половцами).

Съ утра до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, звучатъ сабли о шеломы, трещатъ копья булатныя, въ полѣ незнаемомъ, среди земли половецкой. Черная земля подъ копытами костьми была посѣяна, а кровію полита; возрасла на ней бѣда для земли русской. Что мнѣ шумитъ, что мнѣ [339-б]) звѣнитъ рано передъ зарею? Игорь полки поворачиваетъ: жаль бо ему милаго брата Всеволода. Бились день, бились другой: на третій день къ полудню пали знамена игоревы. Тутъ разлучилися братья на берегѣ быстрой Каялы. *Не достало тутъ вина кроваваго; тутъ и кончили пиръ храбрые Русичи: сватовъ попоили, да и сами легли за землю русскую. Поникла трава отъ жалости, и дерево къ землѣ преклонилось отъ печали.*

(Здѣсь опять слѣдуетъ небольшое отступленіе, состоящее въ жалобахъ на междоусобія. Всѣ эти отступленія особенно интересны, какъ свидѣтельство, что поэма современна воспѣтому въ ней событію).

О, далеко залетѣлъ ты, соколъ, гоняя птицъ къ морю: а игорева храбраго полку уже не воскресити! Тогда взревѣли Карна и Жля и ринулись въ русскую землю съ огнемъ и мечемъ. Всплакались жены русскія, приговаривая: уже намъ своихъ милыхъ *ладъ* ни мыслію взмыслити, ни думою вздумати, ни очами узрѣти; а золота и сребра не возвратити! Взстоналъ тогда, братіе, Кіевъ ту́гою, а Черниговъ напастьми; тоска разлилася и *печаль жирна* потекла по землѣ русской; а князи сами на себя крамолу ковали...

(Здѣсь снова жалобы на междоусобія; воспоминаніе, какъ сильны были прежде князья русскіе, какъ громили они землю половецкую; какъ страшенъ былъ половцамъ великій князь кіевскій, Святославъ Грозный, отецъ Игоря и Всеволода).

Нѣмци и Венедици, Греци и Морава поютъ славу Святославлю, *каютъ* *) князя Игоря, «иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣки половецкія, русскаго злата насыпаша». Святославу-родителю приснился дурной сонъ. «Въ Кіевѣ, на горахъ, въ сію ночь одѣвали меня (говоритъ онъ боярамъ) чернымъ покровомъ, на тесовой кровати. Наливали мнѣ синяго вина *съ трудомъ смѣшан-*

*) *Хаютъ*, порицаютъ.

наго; высыпаютъ мнѣ на лоно изъ пустыхъ колчановъ нечистыя раковины съ крупнымъ жемчугомъ, и *нѣгуютъ* меня; а въ моемъ златоверхомъ теремѣ всѣ доски безъ перекладины *). Всю ночь съ вечера каркали враны». И отвѣчали бояре князю: «Печаль одолѣла умъ нашъ, княже; слетѣли бо два сокола съ золотаго престола отеческаго, поискати града тьмутараканскаго, либо испити шеломомъ Дону, и тѣмъ соколамъ обрублены крылья саблями нечестивыхъ, и сами они попались въ путы желѣзныя. Темно стало на третій день: два солнца померкли, оба багряные столбы погасли, а съ ними и молодые мѣсяцы—Олегъ и Святославъ—тьмою заволоклися. На рѣкѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по русской землѣ разсыпались Половцы, какъ изъ леопардова логовища. Раздаются пѣсни красныхъ дѣвицъ *готскихъ* на берегу синяго моря; звеня русскимъ золотомъ, воспѣваютъ онѣ время Бусово, лелѣютъ пѣснь Шароканову **). Тогда великій Святославъ *изронилъ слово злато, съ слезами смѣшано*, и молвилъ: «О, сыны мои, Игорь и Всеволодъ! не во-время вы начали добывать мечами землю половецкую, а себѣ славы искать. Нечестно ваше одолѣніе, неправедно пролита вами кровь вражеская. Сердца ваши изъ крѣпкаго булата скованы, а въ *бусти* закалены. Того ли ожидалъ я отъ васъ серебряной сѣдинѣ моей? Уже не вижу я власти сильнаго и богатаго брата моего, Ярослава, и его дружину великую! Они и безъ щитовъ, кликомъ однимъ враговъ побѣждали, гремя славою предковъ. Не говорили они: предстоящую славу сами похитимъ, а прошедшею съ другими подѣлимся. А диво ли, братіе, старому помолодѣти? Когда соколъ въ мытѣхъ бываетъ, то высоко гонитъ птицъ, и не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Но то горе, что мнѣ князья не въ пособіе; время все переиначило.

(Непонятно то, что̀ тотчасъ же слѣдуетъ за симъ мѣстомъ; есть ли это продолженіе рѣчи князя Святослава, или тутъ поэтъ начинаетъ говорить отъ себя? Все это мѣсто состоитъ въ жалобахъ на „усобицу“, какъ причину настоящихъ бѣдствій, и въ воззваніи къ современнымъ князьямъ, которые, по своему разъединенію, уже не въ сплахъ подать помощь плѣненному Игорю. Воззваніе начинается съ князя Всеволода):

Великій княже Всеволоде! не помыслишь ли ты прилетѣти издалеча постоять за златой престолъ отеческій? Ты можешь Волгу *разкропить веслами* а Донъ *шеломами вычерпать*. Когда ты былъ здѣсь, *чага* (?) ходила бы по ногатѣ, а *кощей* по резани ***). Ты можешь по суху стрѣляти живыми шеширами ****)—удалыми сыновьями Глѣбовыми. И ты, *буй* Рюрикъ и Давыдъ, не вы ли плавали въ крови по шеломы золоченые? Не ваша ли храбрая дружина

*) Въ текстѣ: „Уже дьскы безъ *кнѣса* въ моемъ теремѣ злотовръсѣмъ“.

**) Намекъ на какой-нибудь удачный набѣгъ на землю русскую.

***) Ногата и резань—самыя мелкія монеты того времени. Кощей и Чага—ругательныя названія вражескихъ народовъ, и вся эта фраза, вѣроятно, намекъ на дешевизну плѣнныхъ Половцевъ во времена Всеволода [340]).

****) *Шеширы*: вѣроятно названіе какого-нибудь военнаго орудія [341]).

рыкаетъ подобно воламъ, израненнымъ саблями калеными въ полѣ незнаемомъ? Вступите, государи, въ стремена златыя, за обиду нашего времени, за землю русскую, за раны Игоря, *буего* Святославича! А ты, Ярославъ, осмосмыслъ галицкій! высоко сидишь ты на своемъ златокованномъ престолѣ, подперъ ты горы угорскія своими полками желѣзными, заградилъ ты путь королю, заперъ ворота къ Дунаю, меча *бремена* (?) за облаки, творя судъ до Дуная! Гроза твоя по землямъ течетъ, отворяешь ты врата кіевскія, съ отчаго престола стрѣляешь въ салтановъ далекихъ! Стрѣляй, господине, въ Кончака, кощея поганаго, за землю русскую, за раны Игоря, *буего* Святославича! А ты, буй Романъ и Мстиславъ, храбрая мысль носитъ вашъ умъ на дѣло. Высоко плаваете на дѣло въ буести, словно соколы *ширяяся на вѣтрахъ*, стремяся и птицу одолѣть въ буести! У васъ латы (?) *) желѣзныя подъ шлемами латинскими; отъ нихъ потряслася земля и многія страны ханскія. Литва, Ятваги, Деремела и Половцы повергли передъ вами свои копья **), и главы свои преклонили подъ ваши мечи булатные!.. ***) Заградите въ полѣ путь своими острыми стрѣлами, за землю русскую, за раны Игоря, буего Святославича! Уже Сула не течетъ струями серебряными ко граду Переяславлю, и Двина болотомъ идетъ къ грознымъ Половчанамъ, подъ кликами поганыхъ. Единъ лишь Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвенѣлъ своими острыми мечами о шеломы литовскіе; помрачилъ славу дѣда своего, да и самъ поблекъ подъ червлеными щитами, на кровавой травѣ, отъ литовскихъ мечей. Не захотѣлъ скончаться на одрѣ, и рекъ самому себѣ: «дружину твою, княже, крылья птицъ пріодѣли, а звѣри кровь полизали!» Не было тутъ съ нимъ брата Брячислава, ни брата Всеволода: одинъ онъ *изронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла, чрезъ златое ожерелье*. Уныли голоса, поникло веселіе. О, Ярославъ и всѣ внуки Всеслава! поникнуть знаменамъ вашимъ, вложить вамъ въ ножны свои мечи поврежденные; отстали вы отъ славы дѣдовской! Вы, своими крамолами, начали наводить нечестивыхъ на землю русскую, на жизнь Всеславову. Когда прежде бывало насиліе отъземли половецкой? [341-а])

(Здѣсь слѣдуетъ опять совершенно-непонятное мѣсто, которое выписываемъ въ подлинникѣ: „На седьмомъ вѣцѣ трояни върже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй *клюками* подпръся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружіемъ злата стола кіевскаго. Скочи отъ нихъ (*отъ кого?*) лютымъ звѣремъ въ плъночи, изъ Бѣла града, обѣсися сине мглѣ, утръ же воззни стрикусы (?) отвори врата новуграду, расшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ“. По всѣмъ вѣроятіямъ, темнота этого мѣста происходитъ сколько отъ описокъ въ рукописи, столько и отъ того, что тутъ не описывается, а только намекается на обстоятельство слишкомъ современное, а потому всѣмъ извѣстное въ эпоху пѣвца „Слова“. Всеславъ, о

*) Въ текстѣ: *папорзи*.

**) Въ текстѣ: *сулици*.

***) Пропущено цѣлое мѣсто, котораго никакъ нельзя понять, а слѣдовательно, и перевести.

которомъ идетъ рѣчь, вѣроятно былъ удалецъ изъ удальцовъ, и все это мѣсто есть поэтическая апоѳеоза, въ духѣ того времени, его подвиговъ, отличавшихся удальствомъ и быстротою. *Клюки*, которыми онъ *подперся о кони*, могутъ означать не костыли, необходимые для хромаго, а названіе какого-нибудь прибора для верховой ѣзды. Что же касается до „седьмаго вѣку трояни",—*трояновъ* вѣкъ и *троянова* земля очень часто упоминаются въ „Словѣ", и еще никто не объяснилъ ихъ значенія [341-б]). Хотя все послѣдующее за выписаннымъ нами въ текстѣ мѣстомъ также непонятно въ историческомъ значеніи, однако понятно, за исключеніемъ одной фразы, по смыслу и полно [341-в]) необыкновенной поэзіи):

На Немигѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цѣпами булатными, *на току жизнь кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла.* Кровавые берега Немиги не травою засѣяны: засѣяны они костьми русскихъ сыновъ. Всеславъ князь людей судилъ, князьямъ города раздавалъ, а самъ по ночамъ волкомъ рыскалъ отъ Кіева до Курска и Тьмутараканп. Ему въ Полоцкѣ рано зазвонили заутреню у святой Софіи; а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ. Хотя и вѣщая душа была въ его *друзѣ*(?) [341-г]) тѣлѣ, но и онъ часто отъ бѣдъ страдалъ. Про него-то вѣщій Боянъ сложилъ сей разумный припѣвъ: *ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути!* О, стонать тебѣ, земля русская, вспоминая прежнія времена и прежнихъ князей! Того стараго Владиміра нельзя было пригвоздить къ горамъ кіевскимъ...

Ярославнинъ голосъ раздается рано поутру:

Полечу я по Дунаю зегзицею, омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ, отру князю кровавыя раны на *жестокомъ* тѣлѣ его!

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, *аркучи* [341-д]):

О вѣтеръ, о вѣтеръ! зачѣмъ, *господине,* такъ сильно вѣешь? Зачѣмъ на своихъ легкихъ крыльяхъ мчишь ханскія стрѣлы на воиновъ моей *лады?* Или мало для тебя горъ, чтобы вѣять подъ облаками, *лелѣючи корабли на синемъ морѣ*? Зачѣмъ, *господине,* развѣялъ ты мое веселіе по ковыль-травѣ?

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, *аркучи:*

О Днѣпръ пресловутый! ты пробилъ каменныя горы сквозь землю половецкую, ты *лелѣялъ на себѣ лады святославовы* до стану кобякова: взлелѣй же, *господине*, мою *ладу* ко мнѣ, чтобы не слала я къ нему поутрамъ слезъ моихъ на море.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, *аркучи:*

Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! всѣмъ и красно и тепло ты: зачѣмъ, *господине*, простеръ горячій лучъ свой на воиновъ моей лады, въ безводномъ полѣ жаждою луки имъ сопрягъ, печалію имъ колчаны затянулъ?

Прыснуло море въ полуночи; идутъ смерчи мглами: князю Игорю Богъ путь кажетъ изъ земли половецкой на землю русскую, къ златому престолу отчему. Погасла заря вечерняя: Игорь и спитъ и не спитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Конь готовъ съ полуночи; Овлуръ свистнулъ за рѣкою, чтобъ князь догадался. Уже нѣтъ тамъ князя Игоря. За-

стонала земля, зашумѣла трава, всколебалися вежи половецкія; а Игорь князь горностаемъ бросился къ тростнику и гоголемъ на воду; вскочилъ на борзаго коня, и соскочилъ съ него *босымъ* волкомъ и побѣжалъ къ лугу Донца, и полетѣлъ соколомъ подъ облаками, избивая гусей и лебедей на завтракъ, обѣдъ и ужинъ. Когда Игорь соколомъ летитъ, тогда Влуръ волкомъ бѣжитъ, отрясая съ себя росу холодную; ибо истомили они своихъ борзыхъ коней. И молвилъ Донецъ: «Княже Игорю, не мало для тебя величія, а Кончаку нелюбія, а русской землѣ веселія!» И молвилъ Игорь: «О Донче! не мало тебѣ величія, что ты лелѣялъ князя на волнахъ, постилалъ ему зелену-траву на своихъ *серебряныхъ* берегахъ, одѣвалъ его теплыми мглами подъ сѣнію зеленаго дерева, стерегъ меня и гоголемъ на водѣ, и чайками на струяхъ, и чернядями [341-е]) на вѣтрахъ. Не такова, примолвилъ онъ, рѣка Стугна: дурна струя ея, пожираетъ чужіе ручьи и разбиваетъ струги о берегъ. Юношѣ князю Ростиславу затворилъ Днѣпръ берега темные. Плачется мати Ростислава по юношѣ князѣ Ростиславѣ. *Уныли цвѣты отъ жалости и древо стугою къ землѣ преклонило*».

По слѣду игореву ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда враны не каркали, галицы помолкли, сороки не стрекотали; ползая по сучьямъ, только дятлы тектомъ путь къ рѣкѣ кажутъ, соловьи веселыми пѣснями свѣтъ повѣдаютъ. Молвитъ Гзакъ Кончаку: «Когда соколъ къ гнѣзду летитъ, то соколенка *) разстрѣляемъ своими стрѣлами золочеными». Молвитъ Кончакъ къ Гзаку: «Когда соколъ къ гнѣзду летитъ, то опутаемъ соколенка красною дѣвицею». И сказалъ Гзакъ Кончаку: «Если опутаемъ его красною дѣвицею, то не будетъ у насъ ни соколенка, ни красной дѣвицы, и почнутъ насъ птицы бить въ полѣ половецкомъ».

Сказалъ Боянъ: тяжко головѣ безъ плечъ, худо тѣлу безъ головы, а русской землѣ безъ Игоря. Солнце свѣтится на небеси, а Игорь князь въ русской землѣ. Дѣвицы поютъ на Дунаѣ. *Вьются голоса черезъ море до Кіева.* Игорь ѣдетъ по Боричеву ко святой Богородицѣ Пирогощей. Страны рады, грады веселы, поютъ пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ. Пѣта слава Игорю Святославичу, буйтуру Всеволоду, Владиміру Игоревичу. Да здравствуютъ князи и дружина, поборающіе за христіанъ на невѣрныя полчища! Князьямъ слава, дружинѣ аминь!

Мы хотѣли-было ограничиться только изложеніемъ содержанія «Слова о Пълку Игоревѣ», и, чтобъ нѣкоторымъ образомъ заставить его говорить за себя, хотѣли только мѣстами выписывать самыя характеристическія выраженія и самые оригинальные образы; но противъ нашей воли до того увлеклись его красотами, что, вмѣсто голаго содержанія, представили читателямъ полный по возможности переводъ. Думаемъ, что читатели не посѣтуютъ на насъ за это: «Слово о Пълку Игоревѣ» играетъ въ нашей литературѣ роль какого-то невп-

*) Относится къ сыну Игоря, оставшемуся въ плѣну.

димки; публика слышитъ о немъ самыя противорѣчащія мнѣнія, которыхъ повѣрить ей нѣтъ возможности. Причина очевидна: не у всякаго станетъ терпѣнія и охоты прочесть искаженный подлинникъ, писанный языкомъ столь устарѣвшимъ, что онъ по своей устарѣлости требуетъ гораздо-больше труда, нежели сколько въ состояніи доставить наслажденія [341-ж]), исполненный непонятныхъ словъ и оборотовъ, сомнительныхъ, темныхъ, а часто и безсмысленныхъ мѣстъ. Переводы же не даютъ о немъ вѣрнаго понятія, потому-что переводчики хотѣли переводить его все—отъ слова до слова, не признавая въ немъ непереводимыхъ мѣстъ. Нѣкоторые изъ нихъ просто пересочиняли его, и свои собственныя, весьма неинтересныя издѣлія [341-з]) выдавали за простодушную и поэтическую повѣсть старыхъ временъ. Мы же, во-первыхъ, изключили изъ нашего перевода все сомнительное и темное въ текстѣ, замѣнивъ такія мѣста собственными замѣчаніями, необходимыми для связи разорванныхъ частей поэмы; а въ переводѣ старались удержать колоритъ и тонъ подлинника, а для этого или просто выписывали текстъ, подновляя только грамматическія формы, или между новыми словами и оборотами удерживали самые характеристическіе слова и обороты подлинника. И потому нашъ переводъ можетъ дать довольно-близкое понятіе о «Словѣ», и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дастъ читателю возможность повѣрить наше мнѣніе объ этомъ примѣчательномъ произведеніи народной поэзіи древней Руси [342]).

Нѣтъ нужды [343]) доказывать, что «Слово о Пълку Игоревомъ» отличается неподдѣльными поэтическими красотами, что оно исполнено наивныхъ благородныхъ образовъ: мы для того и включили его въ нашу статью, чтобъ не толковать о томъ, что дважды-два—четыре. Читайте и судите сами; если не понравится, намъ нѣчего дѣлать съ этимъ: кому само дѣло не говоритъ за себя, тѣмъ ужь не помогутъ толкованія. Между читателемъ и критикомъ необходимо должно существовать нѣчто въ родѣ симпатіи, нѣчто въ родѣ заранѣе заключеннаго условія о томъ, что̀ хорошо и что̀ худо; иначе они не будутъ понимать другъ друга. Дѣло критика не доказывать—поэтическое, или непоэтическое такое-то произведеніе: подобный вопросъ рѣшается непосредственнымъ чувствомъ читателя, а не доказательствами критики; дѣло критика — показать не поэтическое достоинство, а степень поэтическаго достоинства въ данномъ произведеніи, его идею, полноту, оконченность. На этотъ счетъ, мы не обинуясь скажемъ, что «Слово о Пълку Игоревѣ» отличается неподдѣльными красотами выраженія [343-а]); что, со стороны выраженія, это—дикій полевой цвѣтокъ, благоухающій, свѣжій и яркій. Но въ поэтическихъ произведеніяхъ выраженіе еще не составляетъ всего; все заключается въ идеѣ, и выраженіе по той мѣрѣ возвышаетъ достоинство произведенія, по какой въ немъ высказывается идея. Въ «Словѣ о Пълку Игоревомъ» нѣтъ никакой глубокой идеи. Это больше ничего, какъ простое и наивное повѣствованіе о томъ, какъ князь Игорь, съ удалымъ братомъ Всеволодомъ и съ своей [343-б]) дружиною пошелъ на [343-в]) Половцевъ, сперва разбилъ ихъ, а потомъ самъ былъ разбитъ [343-г]) на-голову, попался въ плѣнъ, изъ котораго, пако-

нецъ, удалось ему ускользнуть. Безпрестанныя обращенія къ междоусобіямъ князей, или намеки на нихъ, также составляютъ содержаніе и, сверхъ того, историческій фонъ поэмы. Источникомъ историческаго произведенія поэзіи можетъ быть только исторія народа, и произведеніе въ той только степени можетъ отличаться глубокою идеею, въ какой полна «общимъ содержаніемъ» жизнь народа. Времена междоусобій съ перваго взгляда могутъ показаться самымъ поэтическимъ періодомъ въ русской исторіи; но если глубже и пристальнѣе загляните [343-д]) въ сущность и значеніе этого времени, то увидите [343-е]), что въ немъ не было никакихъ элементовъ, которые могли бы дать поэзіи содержаніе; тамъ были только элементы для поэзіи чувства и выраженія, по общему закону—гдѣ жизнь, тамъ и поэзія. Есть рѣзкое различіе между поэзіею души человѣческой и поэзіею общества человѣческаго, поэзіею историческою: первая существуетъ и у дикихъ племенъ; вторая только у народовъ, играющихъ [343-ж]) великую роль на аренѣ всемірно-историческаго развитія человѣчества. И потому, «Слово о Пълку Игоревѣ» не только не идетъ ни въ какое сравненіе съ «Иліадою», но даже и съ поэмами среднихъ вѣковъ въ родѣ «Артура и рыцарей круглаго стола». Для поясненія этой мысли сравните жизнь Западной Европы среднихъ временъ съ жизнію Руси въ XII вѣкѣ: какая разница! Въ феодализмѣ заключалась идея; удѣльная система повидимому была случайностію, порожденіемъ естественныхъ, патріархальныхъ понятій о правѣ наслѣдства. Феодализмъ вышелъ изъ системы завоеванія: цѣлый народъ двигался на завоеваніе другого народа; покоривъ его, основывался, дѣлался осѣдлымъ на завоеванной землѣ. Такъ-какъ у завоевателя личную силу давало не рожденіе, а храбрость и заслуга, то избранный главою войска бралъ себѣ часть завоеванной земли, а все остальное дѣлилъ на участки между своими сподвижниками. Отсюда произошли безчисленныя слѣдствія, безъ сознанія которыхъ не можетъ быть объяснена даже современная намъ исторія Европы. Сподвижники главнаго вождя, получивъ свои участки, естественно, смотрѣли на него не какъ на своего властелина, а какъ на старшаго товарища по оружію, во всемъ прочемъ равнаго имъ, и почитали себя въ правѣ по собственному произволу смотрѣть на него какъ на друга или какъ на врага, и, сообразуясь съ этимъ, становиться къ нему въ пріязненное или непріязненное отношеніе. Простые воины, неполучившіе участковъ, поступали на жалованье къ своимъ патронамъ, а не властелинамъ,—селились на ихъ землѣ и платили имъ за то военною службою: образовался классъ вассаловъ—свободныхъ воиновъ, не рабовъ. Завоеванный же народъ, по праву завоеванія, дѣлался собственностію, рабомъ завоевателя, кромѣ, разумѣется, людей высшаго сословія, которымъ политика завоевателей предоставляла равныя права, на условіи покорности. Изъ этого положенія возникала борьба, результатомъ которой было разумное развитіе. Завоеванный народъ, питая ненависть къ завоевателю, образовывалъ собою самостоятельный элементъ государственной жизни,—и борьба не переставала ни на минуту. Когда же языки обоихъ народовъ сливались въ одинъ языкъ, а оба народа въ одинъ народъ, тогда элементъ завоевателя обра-

зовался въ аристократію, элементъ завоеваннаго—въ низшій классъ общества, и изъ борьбы возникали, со одной стороны—натискъ утвержденныхъ временемъ исключительныхъ правъ, съ другой—упругій отпоръ, или оппозиція. Отличительное свойство идеи таково, что она не стоитъ на одномъ мѣстѣ, не является ни на минуту чѣмъ-то особеннымъ, опредѣлившимся, оторваннымъ отъ прошедшаго и будущаго, но безпрестанно движется, изъ стараго рождая новое. Право аристократіи сперва было ни чѣмъ инымъ, какъ правомъ сословія, справедливо гордившимся высокостію своихъ чувствъ, благороднымъ образомъ мыслей, и не безъ основанія почитавшимъ себя въ правѣ съ презрѣніемъ смотрѣть на низкую чернь, какъ на предназначенную отъ природы для низкихъ нуждъ жизни. Возникновеніе городовъ и средняго сословія было первымъ шагомъ къ измѣненію этихъ отношеній. Еще прежде завязалась борьба между государями и феодалами, борьба, бывшая не случайностію, а естественнымъ результатомъ положенія дѣлъ, и необходимая для сформированія государства въ единое политическое тѣло. Монархизмъ нашелъ себѣ естественнаго союзника въ городахъ, города—въ монархизмѣ, и оба они стали грудью противъ рыцарства, до-тѣхъ-поръ, пока рыцарство, переродившееся въ аристократію, или вельможество, снова не явилось естественнымъ союзникомъ монархизма, и только въ другомъ видѣ, но все прежнимъ врагомъ и средняго сословія и народа.

Мы потерялись бы во множествѣ элементовъ, изъ которыхъ слагается европейская жизнь, которые всѣ вышли изъ одного источника и суть не что иное, какъ единая, безконечно-развивающаяся, вѣчно-движущаяся изъ самой-себя идея. Нѣтъ ни тѣни этого въ древней русской жизни [343-з]). Удѣльная система была точь-въ-точь то же самое, что помѣщичья система: отецъ-помѣщикъ, умирая, раздѣляетъ поравну своихъ крестьянъ между своими сыновьями. Въ Россіи не было завоеванія, и потому одинокій элементъ народной жизни, не сшибаясь въ борьбѣ съ другимъ элементомъ, лишенъ былъ возможности развитія. Что ни говорятъ господа *скандинавоманы* и сколько трактатовъ ни пишутъ они, но, вопреки всѣмъ ихъ обветшалымъ доказательствамъ [343-и]), если Русь и призвала иноземныхъ властителей княжити и володѣти,—кто бы ни были эти властители—Турки или поморскіе Славяне (Померанцы), только не Скандинавы. Норманы, хоть бы и были сами призваны мирно и честно, не пришли бы съ малою дружиною, не потеряли бы въ управляемомъ ими племени своей народности, но внесли бы въ его жизнь свою народность, внесли бы феодализмъ, военное право, рыцарскія понятія, и самый русскій языкъ не оставили бы въ его первобытной чистотѣ, но вмѣстѣ съ новыми понятіями ввели бы и множество новыхъ словъ и оборотовъ. Этого не было, даже и слѣдовъ этого не видно [343-і]), и потому *варяжскіе* или, пожалуй, русскіе князья были просто-на-просто или припонтійскіе Татары (Козары), или прибалтійскіе Славяне. И потому, изъ немудреной причины и произошли немудреныя [343-к]) слѣдствія. Удѣльная система—самая естественная и простодушная изъ всѣхъ системъ въ мірѣ—принесла только внѣшнюю пользу Россіи, сдѣлавшись причиною ея внѣшняго расширенія и потомъ—силоченія. Въ междо-

усобіяхъ князей нѣтъ никакой идеи, потому-что ихъ причина — не племенныя различія, не борьба разнородныхъ элементовъ, а просто личныя несогласія. Народъ тутъ не игралъ никакой роли, не принималъ никакого участія. Черниговцы дрались съ Кіевлянами не по племенной ненависти, а по приказанію князей. Въ [343-л]) повѣсти Пушкина «Дубровскій» превосходно выражена удѣльная борьба въ раздорѣ крестьянъ Троекурова и Дубровскаго: бары поссорились, а слуги начали драться, вытаптывать поля, бить скотъ и поджигать избы [344]).

«Слово о Пълку Игоревѣ» принадлежитъ къ героическому періоду жизни Руси; но какъ героизмъ Руси состоялъ въ удальствѣ и охотѣ подраться, безъ всякихъ другихъ претензій, то «Слово» и не можетъ называться героическою поэмою. Дѣйствіе героической поэмы должно быть сосредоточено на одномъ лицѣ, которое должно осуществлять собою всѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, хоть одну изъ субстанціальныхъ сторонъ духа народа. Игорь-же только внѣшнимъ образомъ является героемъ «Слова»: это какой-то образъ безъ лица; въ немъ ничего индивидуальнаго; онъ лишенъ всякаго характера; личности его нисколько не видно; нѣтъ никакихъ данныхъ считать его представителемъ народа. Сверхъ того, онъ заслоняется то удалымъ братомъ своимъ, *буйтуромъ* Всеволодомъ, то отцомъ своимъ Святославомъ, то, наконецъ, своею храброю дружиною. Участіе его въ поэмѣ больше страдательное, чѣмъ дѣятельное. Онъ объявляетъ дружинѣ, что хочетъ или сложить голову въ землѣ половецкой, или испить шеломомъ Дону великаго; приглашаетъ храбраго брата своего Всеволода, ведетъ свою дружину въ половецкую землю, выигрываетъ битву, потомъ проигрываетъ другую и, попавшись въ плѣнъ, исчезаетъ изъ поэмы: большая часть ея состоитъ изъ рѣчи Святослава и плача Ярославны. Потомъ уже, въ концѣ поэмы, Игорь снова является на минуту, убѣгая изъ плѣна. Вообще, онъ ничѣмъ не возбуждаетъ къ себѣ нашего участія. Хотя Всеволодъ тоже обрисованъ очень слабо и какъ-бы вскользь, однако онъ больше является героемъ въ духѣ своего времени. Его рѣчь къ Игорю дышетъ страстью и вдохновеніемъ боя. Въ битвѣ онъ рисуется на первомъ планѣ и заслоняетъ собою безцвѣтное лицо Игоря. Святославъ является не какъ дѣйствующее лицо, но голосомъ исторіи, выразителемъ политическаго состоянія Руси: за нимъ явно скрывается самъ поэтъ. Вообще, въ поэмѣ нѣтъ никакого драматизма, никакого движенія; лица поглощены событіемъ, а событіе совершенно ничтожно само-по-себѣ. Это не борьба двухъ народовъ, но набѣгъ племени на сосѣднее племя. Очевидно, всѣ эти недостатки поэмы заключаются не въ слабости таланта пѣвца, но въ скудости матеріаловъ, какіе могла доставить ему народная жизнь. Здѣсь причина и того, что самъ народъ является въ поэмѣ совершенно безцвѣтнымъ: безъ вѣрованій, безъ образа мыслей, безъ житейской мудрости, съ однимъ богатствомъ живаго и теплаго чувства. И потому вся поэма—дѣтскій лепетъ, полный поэзіи, но скудный значеніемъ, лепетъ, котораго вся прелесть въ неопредѣленныхъ, мелодическихъ звукахъ, а не въ смыслѣ этихъ звуковъ...

Мы выше сказали, что «Слово о Пълку Игоревѣ» рѣзко отзывается южно-

русскимъ происхожденіемъ. Есть въ языкѣ его что-то мягкое, напоминающее нынѣшнее малороссійское нарѣчіе, особенно изобиліе гортанныхъ звуковъ и окончанія на букву *ѣ* въ глаголахъ настоящаго времени третьяго лица множественнаго числа [344-а]). Но болѣе всего говоритъ за русско-южное происхожденіе «Слова» выражающійся въ немъ бытъ народа. Есть что-то теплое, благородное и человѣчное во взаимныхъ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ этой поэмы; Игорь ждетъ *милаго* брата Всеволода, и рѣчь Всеволода къ Игорю дышитъ кроткою и нѣжною родственною любовію безъ изысканности и приторности: «Одинъ братъ ты у меня, одинъ свѣтъ свѣтлый, о Игорь, и оба мы Святославичи!» Игорь отступаетъ съ полками не по боязни сложить свою голову; ему стало жаль своего *милаго* брата Всеволода. Въ укорахъ престарѣлаго Святослава сыновьямъ слышится не гнѣвъ оскорбленной власти, а ропотъ оскорбленной любви родительской,—и укоръ его кротокъ и нѣженъ; обвиняя дѣтей въ удальствѣ, бывшемъ причиною игорева плѣна, онъ въ то же время какъ бы гордится ихъ удальствомъ: «О сыны мои, Игорь и Всеволодъ! рано вы начали добывать мечами землю половецкую, а себѣ славы искать. Не честно ваше одолѣніе, неправедно пролита вами кровь вражеская. Сердца ваши изъ крѣпкаго булата скованы, а въ *буести* закалены! Сего ли ожидалъ я отъ васъ серебряной сѣдинѣ своей!» Но особенно поразительны въ поэмѣ благородныя отношенія половъ. Женщина является тутъ не женою и не хозяйкою только, но и любовницею вмѣстѣ. Плачъ Ярославны дышитъ глубокимъ чувствомъ, высказывается въ образахъ сколько простодушныхъ, столько и граціозныхъ, благородныхъ и поэтическихъ. Это не жена, которая, послѣ гибели мужа, осталась горькою сиротою, безъ угла и безъ куска, и которая сокрушается, что ея нѣкому больше кормить и бить: [344-б]) это нѣжная любовница, которой любящая душа тоскливо порывается къ своему милому, къ своей *ладѣ*, чтобъ омочить въ Каялѣ-рѣкѣ бобровый рукавъ и отереть имъ кровавыя раны на тѣлѣ возлюбленнаго; которая обращается ко всей природѣ о своемъ миломъ: укоряетъ вѣтеръ, несущій ханскія стрѣлы на дружину милаго, и развѣявшій по ковыль-травѣ ея веселіе; умоляетъ Днѣпръ—взлелѣять до нея ладьи ея милаго, чтобъ она не слала къ нему слезъ на море рано; взываетъ къ солнцу, которое «всѣмъ и тепло и красно»—лишь томитъ зноемъ лучей своихъ воиновъ ея лады... И зато, мужчина умѣетъ цѣнить такую женщину: только жажда битвы и славы заставила буйтура Всеволода забыть на время «своея *милыя хоти*, красныя Глѣбовны, свычаи и обычаи»... Все это, повторяемъ, отзывается Южною Русью, гдѣ и теперь еще такъ много человѣчнаго и благороднаго въ семейномъ быту низшихъ классовъ народа, гдѣ отношенія половъ основаны на любви, и женщина пользуется правами своего пола: все это противоположно сѣверной Руси, гдѣ семейныя отношенія грубые, женщина родъ домашней скотины [344-в]), а любовь совершенно постороннее дѣло при бракахъ: сравните бытъ малороссійскихъ мужиковъ съ бытомъ мужиковъ русскихъ, мѣщанъ, купцовъ и отчасти и другихъ сословій, и вы убѣдитесь въ справедливости нашего заключенія о южномъ происхожденіи «Слова о Пълку Иго-

ревомъ», а наше разсмотрѣніе русскихъ народныхъ сказокъ превратитъ это убѣжденіе въ очевидность. Но кромѣ всего этого, не только въ краскахъ поэзіи и манерѣ изложенія, но и въ духѣ богатырскаго удальства, нельзя не замѣтить чего-то общаго между «Словомъ о Пълку Игоревѣ» и казацкими малороссійскими пѣснями.

Какъ фактъ для сравненія, приведемъ здѣсь одну казацкую историческую думу, въ русскомъ прозаическомъ переводѣ г. Максимовича:

Вотъ пошли козаки на четыре поля—что на четыре поля, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ, то пошелъ *Самкò Мушкéтъ*; а за паномъ хорунжимъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы—на коняхъ гарцуютъ, саблями поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ.

А Самкò Мушкетъ—онъ на конѣ не гарцуетъ, коня сдерживаетъ, къ себѣ притягиваетъ,—думаетъ, гадаетъ... Да что бы сто чертей бѣдою прошибли его думу, гаданье! Самкò Мушкетъ думаетъ, гадаетъ, говоритъ словами:—

„А чтò, какъ наше казачество, словно въ аду, Ляхи спалятъ? да изъ нашихъ козацкихъ костей пиръ себѣ на похмѣлье сварятъ?..

А чтò, какъ наши головы козацкія, молодецкія, по степи-полю полягутъ да еще и родною кровью омоются, пощепанными саблями покроются?... Пропадетъ какъ порохъ изъ дула, та казацкая слава, что по всему свѣту дымомъ стала,—что по всему свѣту степью разлеглась, протянулась,—да по всему свѣту шумомъ лѣсовъ раздалась,—Туречинѣ да Татарщинѣ добрымъ лихомъ знать далась,—да и Ляхомъ-ворогамъ на копье отдалась?...

„Закрячетъ воронъ степью летучи,
Заплачетъ кукушка лѣсомъ скачучи,
Заку́ркуютъ сизые кречеты,
Задумаются сизые орлы—
И все, все по своихъ братьяхъ,
По буйныхъ товарищахъ козакахъ!...

Или ихъ сугробомъ занесло, или въ аду потопило, что не видно чубатыхъ ни по степямъ, ни по лугамъ, ни по татарскимъ землямъ, ни по Чернымъ морямъ, ни по Ляшскимъ полямъ?...

„Закрячетъ воронъ, загруетъ, зашумитъ, да и полетитъ въ чужую землю... Анъ нѣтъ! кости лежатъ, сабли торчатъ; кости хрустятъ, пощепанныя сабли бренчатъ...

«А черная, сивая сорока оскалилась и скачетъ... А головы козацкія—словно швецъ Семенъ шкуру потерялъ! А чубы—словно чертъ жгуты повилъ, въ крови всѣ засохли: то-то и славы набрались!“

Не говоря уже о поразительномъ сходствѣ плана древней поэмы съ этими несравненно позднѣйшими произведеніями одного и того-же племени,—какое сходство въ картинахъ природы и поэтическихъ сравненіяхъ! Тамъ и здѣсь играютъ одинаковую роль вороны, орлы, кречеты, сороки! Тамъ и здѣсь битва уподобляется то свадьбѣ, то попойкѣ кровавой!

«Слово о Пълку Игоревомъ» нѣсколько разъ было переводимо прозою, и были, кажется, двѣ попытки (гг. Вельтмана и Деларю) перевести его стихами

или мѣрною, ритмическою прозою. Но попытки послѣдняго рода должны считаться совершенно излишними: «Слово» можетъ быть прекрасно только въ его первобытномъ и наивномъ видѣ безъ всякихъ другихъ измѣненій и поправокъ, кромѣ подновленія слишкомъ устарѣвшихъ словъ и оборотовъ [345]).

Теперь намъ слѣдовало бы говорить о «Сказаніи о нашествіи Батыя на русскую землю» и о «Сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ»; но мы скажемъ о нихъ очень-немного. Оба эти памятника нисколько не относятся къ поэзіи, потому что въ нихъ нѣтъ ни тѣни, ни призрака поэзіи: это скорѣе памятники даже не краснорѣчія, а простодушной реторики того времени, которой вся хитрость состояла въ безпрестанныхъ примѣненіяхъ къ Библіи и выпискѣ изъ нея текстовъ. Гораздо любопытнѣе «Слово Данінла-Заточника». Оно также не относится къ поэзіи, но можетъ служить образцомъ практической философіи и ученаго краснорѣчія XIV вѣка [345-а]). Данінлъ-заточникъ былъ человѣкъ глубокой учености въ духѣ своего времени; «Слово» его отличается умомъ, ловкостію, а мѣстами и чѣмъ-то похожимъ на краснорѣчіе. Главнѣйшее его достоинство состоитъ въ томъ, что оно такъ и дышитъ духомъ своего времени. Писано оно въ заточеніи, къ князю, у котораго нашъ заточникъ надѣялся вымолить себѣ прощеніе и свободу. Не теряя изъ виду главнаго предмета своего посланія, заточникъ безпрестанно пускается въ разныя сужденія [346]). Между прочимъ, распространяясь о своей нищетѣ, говоритъ:

„Богатъ мужъ вездѣ знаемъ есть; и въ чюжой землѣ друзи имѣетъ, а убогъ и во своихъ невидимо ходитъ. Богатъ возглаголетъ, вси возмолчатъ и слово его вознесутъ до облакъ; а убогъ возглаголетъ, вси на нь кликнутъ и уста ему заградятъ: *ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна*“.

Подлещаясь къ князю, онъ такъ восхваляетъ его:

„Птица бо радуется веснѣ, а младенецъ матери, тако и азъ, княже господине, радуюся твоей милости; весна убо украшаетъ цвѣты землю, а ты княже господине, оживляеши вся человѣкы своею милостью, сироты и вдовицы, *отъ вельможъ погружаеши*. Княже господине! яви мнѣ зракъ лица твоего, яко гласъ твой сладокъ, и образъ твой государевъ красенъ, и лицо твое свѣтло и благолѣпно, и разумъ твой государевъ якоже прекрасный рай многоплодовитъ“ [347]).

Мольбы заточника къ князю возвышаются иногда до истиннаго краснорѣчія:

„Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни сухъ хлѣбъ ядуща; или піеши сладкое питіе, а мене помяни теплу воду пьюща, и праха, попадша отъ мѣста завѣтреня; егда ляжеши на мягкихъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а мене помяни подъ единымъ платомъ лежаща, и зимою умирающа, и каплями дождевыми яко стрѣлами сердце пронизающе“.

Особенно замѣчательно слѣдующее мѣсто въ «Словѣ» заточника, гдѣ онъ даетъ князю совѣтъ уважать умъ больше богатства [348]) и говоритъ съ какимъ-то наивнымъ самохвальствомъ о самомъ себѣ [349]).

„Княже, господине мой! не лиши хлѣба нища мудра, ни вознеси до облакъ ботатаго безумна, не смысленна: нищъ бо мудръ, яко злато въ калнѣ

сосудѣ, а богатъ красенъ несмысленъ, то аки наволочитое зголовье, соломчи наткано. Господине мой! не зри внѣшняя моя, но зри внутреная: азъ бо одѣяніемъ есть скуденъ, но разумомъ обиленъ; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ, быхъ мыслію яко орелъ паряй по воздуху. Но постави сосуды скудельничьи подъ потокъ капля языка моего, да накаплютъ ти сладчайши меду словеси устъ моихъ".

Описывая, далѣе, глупцовъ, заточникъ впадаетъ въ истинный сарказмъ:

„Не сѣй бо на браздахъ жита, ни мудрости на сердце безумныхъ: безумныхъ бо ни орютъ ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, но сами ся рождаютъ. Какъ во утелъ мѣхъ воду лити, такъ безумнаго учити; псомъ и свиніямъ не надобно злато и сребро, ни безумному мудрая словеса. Коли пожретъ синица орла, коли каменіе восплыветъ на водѣ, коли свинія почнетъ на бѣлку лаяти, тогда безумный уму научится".

Замѣтно, что Даніилъ-заточникъ пострадалъ отъ злыхъ навѣтовъ со стороны бояръ и жены князя; по-крайней-мѣрѣ, ничѣмъ инымъ нельзя объяснить слѣдующей грозной филиппики противъ дурныхъ совѣтчиковъ и дурныхъ женъ:

„Княже, мой господине! не море топитъ корабли, но вѣтри; а не огонь творитъ разжженіе желѣзу, но надыманіе мѣшное: тако же и князь не самъ впадаетъ во многія въ вещи худыя, но думцы вводятъ. Съ добрымъ бо думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ. Глаголетъ бо въ мірскихъ притчахъ: не скотъ въ скотѣхъ коза, и не звѣрь во звѣрѣхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нетопырь, а не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣетъ; не жена въ женахъ, иже отъ своего мужа. . . [350]); не работа въ работахъ подъ конками возъ возити. Дивѣе дива, кто понимаетъ жену злообразну, прибытка ради — — — — лѣпше волъ ввести въ домъ свой, нежели злая жена поняти: волъ бо не молвитъ, ни зла мыслитъ; а злая жена *біема* бѣсится, а кротима высится, въ богачествѣ гордится, а во убожествѣ иныхъ осуждаетъ. Что есть жена зла? гостница неусыпаемая, куница бѣсовская. Что есть жена зла? мірскы мяжежь, ослѣпленіе уму, начальница всякой злобѣ, во церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада спасенію".

Не выписываемъ до конца этой энергической выходки: это только начало, слабѣйшая часть ея. Вмѣсто ея, выпишемъ окончаніе заточникова посланія: оно такъ въ духѣ своего времени [351]), что изъ краснорѣчиваго становится поэтическимъ, и потому особенно интересно.

„Сіи словеса азъ Даніилъ писахъ въ заточеніе на Бѣлѣозерѣ, и запечатавъ въ воску, и пустихъ во озеро, и вземъ рыба пожре, и яша бысть рыба рыбаремъ, и принесена бысть ко князю, и нача ея пороти, и узрѣ князь сіе написаніе, и повелѣ Данила свободити отъ горькаго заточенія.—Не отметай безумному прямо безумія его, да не подобенъ ему будеши. Уже бо престану глаголати, да не буду яко мѣхъ утелъ, роняя богатство убогимъ; да не уподоблюся жерновамъ, яко тѣ многія люди насыщаютъ, а сами себѣ не могутъ насытися, да не возненавидѣнъ буду міру со многою бесѣдою. Якоже бо птица учащаетъ пѣсни своя, скоро возненавидѣма бываетъ. Глаголетъ бо въ мірскихъ притчахъ: рѣчь продолжна недобро, продолжена поволока. Господи! дай же князю нашему силу Самсонову, храбрость Алексан-

дрову, Іосифовъ разумъ, мудрость Соломонію, кротость Давидову, и умножи, Господи, вся человѣки подъ руку его. Лютѣ бѣснующемуся дати пожь, а лукавому власть (?). Паче всего неповинь сторонника перетерплива. Аминь.

Кто этотъ Данилъ-заточникъ, и когда онъ жилъ—неизвѣстно [352]). Извѣстія о его заточеніи находятся въ нашихъ лѣтописяхъ подъ годомъ 1378. Какъ бы то ни было, г. Сахаровъ заслуживаетъ особенную благодарность за перепечатаніе въ своей книгѣ рукописи Данінла-заточника, столь интересной во многихъ отношеніяхъ [353]). Кто бы ни былъ Данилъ-заточникъ,—можно заключить не безъ основанія, что это была одна изъ тѣхъ личностей, которыя, на бѣду себѣ, слишкомъ умны, слишкомъ даровиты, слишкомъ много знаютъ, и не умѣя прятать отъ людей своего превосходства, оскорбляютъ самолюбивую посредственность; которыхъ сердце болитъ и снѣдается ревностію по дѣламъ, чуждымъ имъ, которыя говорятъ тамъ, гдѣ лучше было бы молчать, и молчатъ тамъ, гдѣ выгодно говорить; словомъ, одна изъ тѣхъ личностей, которыхъ люди сперва хвалятъ и холятъ, потомъ сживаютъ со свѣту, и, наконецъ, уморивши, снова начинаютъ хвалить...

Теперь намъ слѣдуетъ приступить къ сказочнымъ поэмамъ, заключающимся въ сборникѣ казака Кирши Данилова. Тамъ ихъ числомъ больше тридцати, кромѣ казачьихъ, а г. Сахаровъ помѣстилъ изъ нихъ въ своей книгѣ, въ отдѣлѣ «Былины русскихъ людей» только *одиннадцать*. Вообще, г. Сахаровъ обнаруживаетъ къ сборнику Кирши Данилова большую недовѣрчивость и даже что-то въ родѣ непріязни. Это дѣло требуетъ нѣкотораго поясненія. Рукопись сборника [354]) Кирши Данилова была найдена г. Демидовымъ, и издана (не вполнѣ) г. Якубовичемъ, въ 1804 году, подъ титуломъ «Древнія Русскія Стихотворенія». Потомъ рукопись перешла во владѣніе графа Н. П. Румянцева, по порученію котораго и издана была г. Калайдовичемъ въ 1816 году, подъ титуломъ: «Древнія *Россійскія* Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, и вторично изданныя, съ присовокупленіемъ 35 пѣсенъ и сказокъ доселѣ неизвѣстныхъ, и нотъ для напѣва». Въ предисловіи своемъ, г. Калайдовичъ говоритъ:

„Сочинитель, или вѣрнѣе, собиратель древнихъ стихотвореній, ибо многія принадлежатъ временамъ отдаленнымъ, былъ нѣкто *Кирша*, безсомнѣнія, по малороссійскому выговору Кириллъ, такъ-какъ *Павша*—Павелъ, Даниловъ, вѣроятно, козакъ, ибо онъ изрѣдка воспѣваетъ подвиги храбраго сего войска съ особеннымъ восторгомъ. Имя его было поставлено на первомъ, теперь уже потерянномъ листѣ древнихъ стихотвореній. За справедливость сего ручается г. Якубовичъ. Въ 36 піесѣ „Да не жаль добра молодца битаго, жаль похмѣльнаго“, гдѣ онъ самъ себя именуетъ „Кирилломъ Даниловичемъ“, посвящая сіе произведеніе вину и дружбѣ [355]). Мѣсто его рожденія или пребыванія означить трудно; ибо въ піесѣ „Три года Добрынюшка стольничалъ“, на стр. 37 говоритъ сочинитель:

А не было Добрынѣ шесть мѣсяцовъ.
По *нашему по-сибирскому* словетъ полгода.

„По сему не безъ вѣроятія заключить можемъ, что нѣкоторыя изъ стихотвореній сочинены въ Сибири. Въ статьѣ „Василій Буслаевъ“, на стр. 73.

А и нѣтъ *у насъ* такого пѣвца
Во славномъ Новѣгородѣ,
Супротивъ Василья Буслаева.

„И наконецъ въ „Чурильѣ игуменьѣ“ на стр. 383, представляетъ себя жителемъ кіевскимъ:

Да много было въ Кіевѣ божьихъ церквей,
А больше того почестныхъ монастырей;
А не было чудиѣе Благовѣщенія Христова.
А *у нашего* Христова Благовѣщенья честнова
А былъ де *у насъ* Иванъ пономарь.

„Собиратель древнихъ стихотвореній долженъ принадлежать къ первымъ десятилѣтіямъ XVIII вѣка“.

Г. Сахаровъ спрашиваетъ: «на чемъ основано, что собирателемъ древнихъ стихотвореній былъ Кирша Даниловъ? На томъ, что имя его поставлено на первомъ листѣ рукописи. Гдѣ этотъ листъ? Калайдовичъ говоритъ, что онъ потерялся. Кто видѣлъ листъ съ подписью? Одинъ только издатель Якубовичъ, который, по словамъ Калайдовича, ручается за справедливость этого извѣстія?»

Коротко и ясно: изъ всего этого г. Сахаровъ хочетъ вывести слѣдствіе, что Кирша Даниловъ отнюдь не былъ собирателемъ древнихъ стихотвореній. Прекрасно: но въ чемъ споръ и есть ли о чемъ тутъ спорить? Кирша Даниловъ—хорошо; не онъ, а другой, г. А. г. Б. г. В—также хорошо: по-крайней-мѣрѣ въ обоихъ случаяхъ стихотворенія не дѣлаются ни лучше, ни хуже. Впрочемъ, всѣ причины стоятъ за Киршу Данилова, и ни одной противъ него; это ясно какъ день божій [356]). Во-первыхъ, нужно же какое-нибудь общее имя для означенія сборника древнихъ стихотвореній: зачѣмъ же выдумывать новое, когда уже глаза всей читающей публики приглядѣлись въ печати къ имени Киршы Данилова? Во-вторыхъ, что имя его могло стоять на заглавномъ листкѣ—это вѣрнѣе, чѣмъ то, что его не было на немъ, ибо это имя упоминается въ текстѣ цѣлой пѣсни, сочиненной самимъ собирателемъ [357]). Вотъ она:

А и не жаль мнѣ-ко битаго, граблепаго,
А и того ли Ивана Сутырина,
Только жаль добраго молодца похмѣльнаго,
А того ли Кирилу Даниловича.
У похмѣльнаго добраго молодца буйна голова болитъ:
А вы, милы мои братцы, товарищи, друзья!—
Вы купите винца, опохмѣльте молодца.—
Хоть горько да жидко—давай еще;
Замѣните мою смерть животомъ своимъ:
Еще пѣ въ кое время пригожусь я вамъ.

Разумѣется, смѣшно и нелѣпо [358]) было-бы почитать Киршу Данилова сочинителемъ древнихъ стихотвореній; но кто же говорилъ, или утверждалъ это? [359]) Всѣ эти стихотворенія неоспоримо древнія. Начались онѣ, вѣроятно, во времена татарщины, если не раньше: по-крайней-мѣрѣ, всѣ богатыри Владиміра красна-солнышка

безпрестанно сражаются въ нихъ съ Татарами. Потомъ, каждый вѣкъ и каждый пѣвунъ или сказочникъ измѣнялъ ихъ по-своему, то убавляя, то прибавляя стихи, то переиначивая старые. Но сильнѣйшему измѣненію они подверглись, вѣроятно, во времена единодержавія въ Россіи. И потому отнюдь не удивительно, что удалой казакъ Кирша Даниловъ, *гуляка праздный*, не оставилъ ихъ совершенно въ томъ видѣ, какъ услышалъ отъ другихъ. И онъ имѣлъ на это полное право: онъ былъ поэтъ въ душѣ, что достаточно доказывается его страстію къ поэзіи и терпѣніемъ положить на бумагу 60 большихъ стихотвореній. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ принадлежать и самому-ему, какъ вышевыписанная нами пѣсня: «А и не жаль мнѣ-ко битаго, грабленаго» [360]). На Руси издавна заведено, что умный человѣкъ непремѣнно горькій пьяница: такъ, или почти такъ справедливо замѣтилъ гдѣ-то Гоголь. Въ слѣдующей пѣснѣ, отличающейся глубокимъ и размашистымъ чувствомъ тоски и грустной иронією, Кирша Даниловъ является истиннымъ поэтомъ русскимъ, какой только возможенъ былъ на Руси до вѣка Екатерины-Великой:

А и горе, горе, гореваньице!
А и въ горѣ жить—не кручинну быть,
Нагому ходить—не стыдитися,
А и денегъ пѣту—передъ деньгами,
Появилась гривна—передъ злыми дни.
Не бывать плѣшатому кудрявому,
Не бывать гулящему богатому,
Не отростить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго,
Не утѣшити дитя безъ матери,
Не скроить атласу безъ мастера.
А горе, горе, гореваньице!
А и лыкомъ горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я отъ горя въ темны лѣса—
А горе прежде вѣкъ зашелъ;
А я отъ горя въ почестный пиръ—
А горе зашелъ, впереди сидитъ;
А я отъ горя на царевъ кабакъ—
А горе встрѣчаетъ, ужь пиво тащитъ.
Какъ я нагъ-то сталъ, насмѣялся онъ.

Кирша Даниловъ жилъ въ Сибири, какъ это видно изъ частыхъ выраженій: «*а по-нашему по-сибирскому*», и изъ нѣкоторыхъ поэмъ, посвященныхъ памяти подвиговъ завоевателя Сибири, Ермака. Очень вѣроятно, что въ Сибири Кирша имѣлъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, возможности собрать древнія стихотворенія: обыкновенно колонисты съ особенною любовію и особеннымъ стараніемъ хранятъ памятники своей первобытной родины. Вообще, въ Сибири и теперь еще сохранился во всей чистотѣ первобытный духовный типъ старой Руси [361]).

«Древнія Стихотворенія», заключающіяся въ сборникѣ Кирши Данилова, большею частію эпическаго содержанія въ сказочномъ родѣ. Есть большая разница между поэмою или рапсодомъ [362]) и между сказкою. Въ поэмѣ, поэтъ какъ-бы благоговѣетъ передъ предметомъ своихъ пѣсенъ [363]), ставитъ его выше себя и хочетъ въ другихъ возбудить къ нему благоговѣніе [364]); въ сказкѣ поэтъ [365]) себѣ на умѣ: цѣль его занять праздное вниманіе, разсѣять скуку, позабавить другихъ. Отсюда происходитъ большая разница въ тонѣ того и другаго рода произведеній: въ первомъ, важность, увлеченіе, иногда возвышающееся до паѳоса, отсутствіе іроніи, а тѣмъ болѣе—пошлыхъ шутокъ; въ основаніи втораго всегда замѣтна задняя мысль, замѣтно, что разскащикъ самъ не вѣритъ тому, что̀ разсказываетъ, и внутренно смѣется надъ собственнымъ разсказомъ. Это особенно относится къ русскимъ сказкамъ. Кромѣ «Слова о Полку Игоревомъ», изъ народныхъ произведеній у насъ нѣтъ ни одной поэмы, которая не носила бы на себѣ сказочнаго характера. Русскій человѣкъ любитъ небылицы какъ забаву въ праздныя минуты долгихъ зимнихъ вечеровъ, но не подозрѣваетъ въ нихъ поэзіи. Ему странно и дико было бы узнать, что *ученые бары* списываютъ и печатаютъ его росказни и побасенки не для шутки и смѣха, а какъ что-то важное. Онъ отдастъ преимущество пѣснѣ передъ сказкою, говоря, что «пѣсня—быль, а сказка—ложь». У него нѣтъ никакого предчувствія о близкомъ сродствѣ *вымысла* съ *творчествомъ*: вымыслъ для него все равно, что ложь, что вздоръ, что чепуха. А между-тѣмъ, «Древнія Стихотворенія» не сказки собственно, но, какъ мы сказали, *поэмы въ сказочномъ родѣ*. Можетъ быть, первоначально онѣ явились чисто-эпическими отрывками, а потомъ уже, измѣняясь со временемъ, получили свой сказочный характеръ; можетъ-быть также, что въ-слѣдствіе варварскаго понятія о вымыслѣ, и съ самаго начала явились они поэмами-сказками, въ которыхъ поэтическій элементъ былъ осиленъ [366]) прозою народнаго взгляда на поэзію. Въ книжкѣ г. Сахарова «Русскія Народныя Сказки» есть нѣсколько сказокъ почти одинаковаго содержанія и почти такъ же изложенныхъ, какъ нѣкоторыя «Былины Русскихъ Людей», помѣщенныя имъ въ «Сказаніяхъ Русскаго Народа». Разница въ томъ, что въ *сказкахъ* есть нѣкоторыя лишнія противъ *былинъ* подробности, и въ томъ, что первыя напечатаны прозою, а вторыя стихами. И мы думаемъ, что г. Сахаровъ сдѣлалъ это не безъ основанія [367]): хотя и всѣ наши сказки сложены какою-то мѣрною прозою, но этотъ метризмъ, если можно такъ выразиться, составляетъ въ нихъ побочное достоинство и часто нарушается мѣстами, тогда какъ въ поэмахъ, метръ, хотя и силлабическій, и притомъ не всегда правильный, составляетъ ихъ необходимую принадлежность. Сверхъ-того, есть нѣкоторая разница и въ манерѣ, въ замашкѣ разсказа между сказкою и поэмою: первая объемлетъ собою всю жизнь богатыря, начинается его рожденіемъ, а оканчивается смертію; поэма, напротивъ, схватываетъ одинъ какой-нибудь моментъ изъ жизни богатыря, и силится создать изъ него нѣчто отдѣльное и цѣльное. И потому, одна сказка иногда [367-а]) заключаетъ въ себѣ два, три и болѣе эпическіе рапсода, какъ, напр., о Добрынѣ и объ Ильѣ-Му-

ромцѣ. Въ тонѣ сказокъ больше простонароднаго, житейскаго, прозаическаго; въ тонѣ поэмъ больше поэзіи, полету, одушевленія,—хотя тѣ и другія разсказываютъ часто объ одномъ и томъ же предметѣ и притомъ [367-б]) очень сходно, нерѣдко одними и тѣми же выраженіями. Такъ какъ русскій человѣкъ почитаетъ сказку «пересыпаньемъ изъ пустаго въ порожнее», то онъ не только не гоняется за правдоподобіемъ и естественностію, но еще какъ-будто поставляетъ себѣ за непремѣнную обязанность умышленно нарушать и искажать ихъ до совершенной [368]) безсмыслицы. По его понятію, чѣмъ сказка неправдоподобнѣе и нелѣпѣе, тѣмъ она лучше и занимательнѣе. Это перешло и въ поэмы, которыя преисполнены самыми рѣзкими несообразностями. Мы сейчасъ дадимъ это увидѣть самимъ читателямъ нашимъ,—для чего и перескажемъ имъ вкратцѣ [369]) содержаніе всѣхъ поэмъ, находящихся въ сборникѣ Кирши Данилова.

Намъ удавалось слышать до крайности [370]) странное мнѣніе, будто изъ нашихъ сказочныхъ поэмъ можно составить одну большую цѣлую поэму, подобно тому, какъ, будто-бы, изъ рапсодовъ была составлена «Иліада». Теперь уже и о происхожденіи «Иліады» почти всѣми [371]) оставлено такое мнѣніе, какъ неосновательное; что же до нашихъ рапсодовъ, то мысль склеить ихъ въ одну поэму, есть злая насмѣшка надъ ними. Поэма требуетъ единства мысли, а въ-слѣдствіе ея—гармоніи въ частяхъ и цѣлости въ общемъ. Изъ содержанія нашихъ рапсодовъ, мы увидимъ, что искать въ нихъ общей мысли—все равно, что ловить жемчужныя раковины въ Фонтанкѣ. Онѣ ничѣмъ [372]) не связаны между собою; содержаніе всѣхъ ихъ одинаково, обильно словами, скудно дѣломъ, чуждо мысли. Поэзія къ прозѣ содержится въ нихъ какъ ложка меду къ бочкѣ дегтю. Въ нихъ нѣтъ никакой послѣдовательности, даже внѣшней; каждая изъ нихъ сама-по-себѣ, не вытекаетъ изъ предъидущей, ни заключаетъ въ себѣ начала послѣдующей. Внѣшнее единство «Иліады» основано на гнѣвѣ Ахиллеса противъ Агамемнона за плѣнницу Бризенду; Ахиллесъ отказывается отъ боя, и въ-слѣдствіе этого Эллины претерпѣваютъ страшныя пораженія отъ Троянъ и погибаетъ Патроклъ; тогда Ахиллъ мирится съ Агамемнономъ, поражаетъ торжествовавшихъ Троянъ, и убійствомъ Гектора выполняетъ свою клятву мщенія за смерть Патрокла. И потому въ «Иліадѣ» вторая пѣсня слѣдуетъ за первою, а третья за второю, и такъ далѣе, отъ первой до 24-й включительно, не по цифрамъ, въ началѣ ихъ произвольно-поставленнымъ собирателями, а по внутреннему развитію хода событій. Въ нашихъ же рапсодахъ нѣтъ общаго событія, нѣтъ одного героя. Если [373]) и наберется поэмъ двадцать, въ которыхъ упоминается имя великаго князя Владиміра красна-солнышка, то онъ [374]) является въ нихъ внѣшнимъ только героемъ: самъ не дѣйствуетъ ни въ одной, и вездѣ только пируетъ, да похаживаетъ по гридницѣ свѣтлой, расчесывая кудри черныя. Что же касается до связи этихъ поэмъ, то нѣкоторыя изъ нихъ точно должны бы слѣдовать въ книгѣ одна за другою, чего, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ Калайдовичъ, напечатавшій ихъ, вѣроятно, въ такомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ находились въ сборникѣ Кирши Данилова. Но это относится къ очень-немногимъ.

такъ-что не болѣе трехъ могутъ составить одно, и это одно всегда имѣетъ своего героя, помимо Владиміра, о которомъ во всѣхъ равно упоминается. Герои эти—богатыри, составлявшіе дворъ Владиміра. Они со всѣхъ сторонъ стекаются къ нему на службу. Это очевидно отголосокъ старины, отраженіе давней были, въ которой есть своя доля истины. Владиміръ не является въ этихъ поэмахъ ни лицомъ дѣйствительнымъ, ни характеромъ опредѣленнымъ, а напротивъ какою-то миѳическою полутѣнью, какимъ-то сказочнымъ полуобразомъ, болѣе именемъ, нежели человѣкомъ. Такъ-то поэзія всегда вѣрна исторіи: чего не сохранила исторія, того не передастъ и поэзія; а исторія не сохранила намъ образа Владиміра-язычника, поэзія же не дерзнула [375]) коснуться Владиміра-христіанина. Нѣкоторые изъ богатырей Владиміра переданы намъ этою сказочною поэзіею, какъ-то: *Алеша Поповичъ* съ другомъ своимъ *Екимомъ Ивановичемъ*, *Дунай сынъ Ивановичъ*, *Чурило Пленковичъ*, *Иванъ Гостиный сынъ*, *Добрыня Никитичъ*, *Потокъ Михайло Ивановичъ*, *Илья Муромецъ*, *Михайло Казариновъ*, *Дюкъ Степановичъ*, *Иванъ Годиновичъ*, *Гордей Блудовичъ*, *жена Ставра Боярина*, *Касьянъ Михайловичъ*; нѣкоторые только упоминаются по имени, какъ-то *Самсонъ Колывановичъ*, *Суханъ Домантьевичъ*, «*Свѣтогоръ* богатырь и *Полканъ* другой», *Семь братовъ Збродовичей* и два брата *Хапиловы*... Но пусть само дѣло говоритъ за себя. Начнемъ съ *Алеши Поповича*.

Изъ славнаго Ростова, красна города, вылетывали два ясные сокола, выѣзжали два могучіе богатыря,

Что по имени Алёшинька Поповичъ младъ
А со молодомъ Екимомъ Иваповичемъ.

Наѣхали они въ чистомъ полѣ на три дороги широкія, а при тѣхъ дорогахлежитъ [376]) горючь камень съ надписями; Алёша Поповичъ проситъ Екима Ивановича, «какъ въ грамотѣ поученаго человѣка» прочесть тѣ надписи. Одна изъ нихъ означала [377]) путь въ Муромъ, другая въ Черниговъ, третья—«ко городу Кіеву, ко *ласкову* князю Владиміру». Екимъ Ивановичъ спрашиваетъ, куда ѣхать; Алёша Поповичъ рѣшаетъ—къ Кіеву. Не доѣхавши до *Сафатъ* рѣки (?), остановились на зеленыхъ лугахъ покормить добрыхъ коней. Здѣсь мы остановимся съ ними, чтобъ спросить, что это была за рѣка *Сафатъ*, протекавшая между Ростовомъ и Кіевомъ? Вѣроятно, она зашла туда изъ Палестины [378])... Разбивъ шатры, стреноживъ коней, добры молодцы стали «опочивъ держать».

Прошла та ночь осенняя,
Ото сна пробуждается,
Встаетъ рано ранешенько,
Утреннею зарею умывается,
Бѣлою ширинкою утирается,
На востокъ онъ Алеша Богу молится.

Екимъ Ивановичъ поймалъ коней, напоилъ ихъ въ Сафатъ-рѣкѣ и, *по приказанію Алеши*, осѣдлалъ ихъ. Лишь только хотѣли они ѣхать «ко городу Кіеву», какъ попадается имъ *калика перехожій*.

Лапотки на немъ семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа сорочинская, земли греческой,
Въ тридцать пудъ шеленуга подорожная,
Въ пятьдесятъ пудъ палица свинцу чебурацкаго.

Вопросъ: какъ же шеленуга могла быть въ *тридцать пудъ*, если одного свинцу въ ней было *пятьдесятъ* пудъ?.. Калика говорилъ имъ таково слово:

„Гой вы еси, удалы добры молодцы!
„Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
„Въ вышину ли онъ, Тугаринъ, трехъ сажень,
„Промежь плечей косая сажень,
„Промежду глазъ калена стрѣла;
Конь подъ нимъ какъ лютой звѣрь,
Изъ хайлища пламень пышетъ,
„Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ“.

Алеша Поповичъ *привязался* къ каликѣ, отдаетъ ему свое платье богатырское, а у него проситъ себѣ каличьяго,—и его просьба состоитъ въ повтореніи слово-въ-слово выписанныхъ нами стиховъ, изображающихъ одѣяніе и оружіе калики. Калика соглашается, и Алёша Поповичъ, кромѣ шеленуги, беретъ еще про запасъ чингалище булатное и идетъ за Сафатъ-рѣку:

Завидѣлъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ,
Продрогнула дубровушка зеленая,
Алеша Поповичъ едва живъ идетъ.
Говорилъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
„Гой еси, калика перехожая!
„А гдѣ ты слыхалъ, и гдѣ видалъ
„Про млада Алешу Поповича:
„А и я бы Алешу копьемъ закололъ,
„Копьемъ закололъ и огнемъ спалилъ“.
Говорилъ тутъ Алеша каликою:
„А и ты ой еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
„Поѣзжай поближе ко мнѣ,
„Не слышу я, что ты говоришь“.
Подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ Змѣевичъ младъ
Сверстался Алеша Поповичъ младъ
Противъ Тугарина Змѣевича,
Хлопнулъ его шеленугою по буйной головѣ,
Разшибъ ему буйну голову—
И упалъ Тугаринъ на сыру-землю;
Вскочилъ ему Алеша на черну грудь.

Втапоры взмолится Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
„Гой еси ты, калика перехожая!
„Не ты ли Алеша Поповичъ младъ?
„Только ты Алеша Поповичъ младъ,
„Семъ побратуемся съ тобою".
Втапоры Алеша врагу не вѣровалъ,
Отрѣзалъ ему голову прочь,
Платье съ него снималъ цвѣтное
На сто тысячей—и все платье на себя надѣвалъ.

Увидѣвъ Алешу Поповича въ платьѣ Тугарина Змѣевича, Екимъ Ивановичъ и калика перехожій пустились отъ него бѣжать; когда жь онъ ихъ нагналъ, Екимъ Ивановичъ бросилъ себѣ назадъ палицу въ тридцать пудъ, попалъ Алешѣ въ грудь—и тотъ повалился съ коня замертво.

Втапоры Екимъ Ивановичъ
Скочилъ со добра коня, сѣлъ на груди ему:
Хочетъ пороть груди бѣлыя—
И увидѣлъ на немъ золотъ чуденъ крестъ,
Самъ заплакалъ, говорилъ каликѣ перехожему:
„По грѣхамъ надо мною Екимомъ учинилося,
„Что убилъ своего братца роднаго".
И стали его оба трясти и качать,
И потомъ подали ему вина заморскаго;
Отъ того онъ здравъ сталъ.

Алеша Поповичъ обмѣнялся съ каликою платьемъ, а тугариново положилъ себѣ въ *чемоданъ*. Пріѣхали въ Кіевъ,

Скочили съ добрыхъ коней,
Привязали къ дубовымъ столбамъ,
Пошли во свѣтлы гридни;
Молятся Спасову образу,
И бьютъ челомъ покланяются
Князю Владиміру и княгинѣ *Апраксѣевнѣ*,
И на всѣ четыре стороны;
Говорилъ имъ *ласковый* Владиміръ князь:
„Гой вы еси, добры молодцы!
„Скажитеся, какъ васъ по имени зовутъ:
„А по имени вамъ мочно мѣсто дать,
„По изотчеству можно пожаловати".
Говорилъ тутъ Алеша Поповичъ младъ:
„Меня, осударь, зовутъ Алешею Поповичемъ,
„Изъ города Ростова, стараго попа соборнаго".
Втапоры Владиміръ князь обрадовался,
Говорилъ таковы слова:
„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
„По отечеству садися въ большое мѣсто, въ передній уголокъ,
„Въ другое мѣсто богатырское,
„Въ дубову скамью противъ меня,
„Въ третье мѣсто куда самъ захочешь".

Не садился Алеша въ мѣсто большое,
И не садился въ дубову скамью,
Сѣлъ онъ со своими товарищи на полатный брусъ (!!?!).

Вдругъ—о чудо!—на золотой доскѣ двѣнадцать богатырей несутъ Тугарина Змѣевича—того самаго, которому такъ недавно Алеша отрубилъ голову,—несутъ живаго и сажаютъ на *большое мѣсто*.

Тутъ повары были догадливы:
Понесли яства сахарныя и питья медвяныя,
А питья все заморскія,
Стали тутъ пить, ѣсть, прохлаждатися;
А Тугаринъ Змѣевичъ нечестно хлѣба ѣстъ:
По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ,
Тѣ ковриги монастырскія;
И нечестно Тугаринъ питья пьетъ:
По цѣлой чашѣ охлестываетъ,
Котора чаша въ полтретья ведра.
И говорилъ втапоры Алеша Поповичъ младъ:
„Гой еси ты, ласковый сударь, Владиміръ князь!
„Что у тебя за болванъ пришелъ,
„Что за дуракъ неотесаной!
„Нечестно у князя за столомъ сидитъ,
„Ко княгинѣ онъ, собака, руки въ пазуху кладетъ,
„Цалуетъ во уста сахарныя,
„Тебѣ князю насмѣхается“.

Далѣе, Алёша говоритъ, что у его отца была скверная собака, которая подавилась костью, и которую онъ, взявши за хвостъ, подъ гору махнулъ: «отъ меня Тугарину то же будетъ».

Тугаринъ почернѣлъ какъ осенняя ночь,
Алеша Поповичъ сталъ какъ свѣтелъ мѣсяцъ.

Начавши рушить лебедь бѣлую, княгиня обрѣзала себѣ рученку лѣвую,

Завернула рукавцомъ, подъ столъ опустила,
Говорила таково слово:
„Гой вы еси, княгини, боярыни!
„Либо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую,
„Либо смотрѣть на милъ животъ
„На молода Тугарина Змѣевича“.

Тугаринъ схватилъ лебедь бѣлую, да разомъ ее за щеку, да еще ковригу *монастырскую*. Алеша опять повторяетъ свое воззваніе къ Владиміру тѣми же словами; только, вмѣсто собаки, говоритъ о коровищѣ старой, которая, забившись въ поварню, выпила чанъ *браги пръсныя* и отъ того лопнула, и которую онъ, Алеша, за хвостъ да подъ-гору: «Отъ меня Тугарину то же будетъ». Потемнѣвъ, какъ осенняя ночь, Тугаринъ бросилъ въ Алешу чингалищемъ булатнымъ, но Поповичъ «на то-то вертокъ былъ», и Тугаринъ не попалъ въ него. Екимъ спрашиваетъ Алешу: самъ ли онъ броситъ въ Тугарина,

али ему велитъ? Алеша сказалъ, что онъ завтра самъ съ нимъ перевѣдается, подъ великій закладъ—не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ, а о своей буйной головѣ. Князья и бояре скочили на рѣзвы ноги, и всѣ за Тугарина поруки держатъ: князья кладутъ по сту рублевъ, бояре по пятидесяти, *крестьяне* (?) по пяти рублевъ, а случившіеся тутъ гости купеческіе подписываютъ подъ Тугарина три корабля свои съ товарами заморскими, которы стоятъ на быстромъ Днѣпрѣ; а за Алешу подписывалъ владыка черниговскій.

Втапоры Тугаринъ и вонъ ушелъ,
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ подъ небесью летать.
Скочила княгиня Апраксѣевна на рѣзвы ноги,
Стала пѣнять Алешѣ Поповичу:
„Деревеньщина ты, засельщина!
„Не далъ посидѣть другу милому“.
Втапоры Алеша того не слушался,
Звился съ товарищи и вонъ пошелъ.

На берегу Сафатъ-рѣки пустили они коней въ зеленые луга, разбили шатры и стали «опочивъ держать». Алеша всю ночь не спитъ, со слезами Богу молится, чтобъ послалъ тучу [379]) грозную; молитва алешина дошла до Христа, послалъ онъ «тучу съ градомъ дождя», подмочило Тугарину крылья бумажныя, и лежитъ онъ, какъ собака, на сырой землѣ. Екимъ извѣщаетъ Алешу, что видѣлъ Тугарина на сырой землѣ,—Алеша снаряжается, садится на добра коня, беретъ сабельку острую.

И увидѣлъ Тугаринъ Змѣевичъ Алешу Поповича,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
„Хошъ ли я тебя огнемъ спалю,
„Хошъ ли, Алеша, конемъ стопчу,
„Али тебя, Алешу, копьемъ заколю?“
Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:
„Гой ты еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
„Бился ты со мной о великъ закладъ,
„Биться, драться единъ-на-единъ:
„А за тобою нонѣ силы смѣты нѣтъ
„На меня Алешу Поповича“.
Оглянется Тугаринъ назадъ себя,
Втапоры Алеша подскочилъ, ему голову срубилъ—
И пала глава на сыру землю, какъ пивной котелъ.

Проколовъ уши головѣ Тугарина, Алеша привязалъ ее къ сѣдлу, привезъ въ Кіевъ въ княженецкій дворъ и бросилъ середи двора. А Владиміръ князь повелъ его во свѣтлы гридни, сажалъ за убраны столы—тутъ для Алеши и столъ пошелъ. За столомъ говоритъ ему Владиміръ князь:

„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
„*Часъ ты мнѣ свѣтъ далъ;*
„Пожалуй ты живи въ Кіевѣ,

„Служи мнѣ, князю Владиміру—
„До люби тебя пожалую“.
Втапоры Алеша Поповичъ младъ князя не ослушался,
Сталъ служить вѣрою и правдою;
А княгиня говорила Алешѣ Поповичу:
„Деревенщина ты, засельщина!
„Разлучилъ меня съ другомъ милымъ,
„Съ молодымъ Змѣемъ Тугаретиномъ“.
Отвѣчаетъ Алеша Поповичъ младъ:
„А ты гой еси, матушка княгиня Апраксѣевна!
„Чуть не назвалъ я тебя сукою,
„Сукою-то, волочайкою“.
То старина, то и дѣянье.

И вотъ, читатели, вы уже знакомы съ однимъ изъ богатырей *ласкова князя Владиміра красна-солнышка*; вы уже знаете, за какую службу и съ какими обрядами Алеша былъ принятъ ко двору его. Тутъ не было рыцарскаго посвященія; не ударяли по плечу шпагою, не надѣвали серебряныхъ шпоръ; битва была не за красоту, а противъ красоты, красоты весьма-неграціозной и и въ словахъ, и въ манерахъ, и въ характерѣ. Не ищите тутъ миѳовъ съ общечеловѣческимъ содержаніемъ; не ищите художественныхъ красотъ поэзіи; но въ этихъ странныхъ и оригинальныхъ оборотахъ все-таки есть поэтическіе элементы, если не поэзія; въ этихъ дикихъ и неопредѣленныхъ образахъ народной фантазіи все-таки есть смыслъ и значеніе [379-а]), если нѣтъ мысли, даже, если хотите, есть мысль, только частная, а не общая, народу, а не человѣчеству принадлежащая [380]); и—повторяемъ—не смотря на дубоватую неграціозность образовъ, выраженіе, чуждое мысли, очень и очень нечуждо поэзіи. Что же касается до героя, онъ является съ характеромъ. Поповичъ—это богатырь больше хитрый, чѣмъ храбрый, больше находчивый, чѣмъ сильный. Онъ идетъ на битву съ Тугариномъ переодѣвшись, подъ чужимъ видомъ; завидя врага, онъ *едва живъ идетъ* (разумѣется, отъ трусости); на возгласъ Тугарина, прикидывается глухимъ [381]),—и когда тотъ подходитъ къ нему ближе, чтобъ говорить съ нимъ, а не сражаться,—онъ вдругъ хватаетъ его по головѣ шелепугою въ триста пудъ; Тугаринъ предлагаетъ ему побрататься, но не на таковскаго напалъ: Алеша не дастся въ обманъ по великодушію рыцарскому—«втапоры Алеша врагу не вѣровалъ». Готовясь ко второй битвѣ, онъ, въ смиренномъ сознаніи своихъ богатырскихъ силъ, молится о дождѣ, чтобъ подмочило у Змѣя бумажныя крылья,—и когда тотъ полетѣлъ на него, онъ опять прибѣгаетъ къ обману: «ты—говоритъ онъ ему—держалъ закладъ биться со мною единъ-на-единъ, а за тобою сила несмѣтная противъ меня»; Змѣй оглядывается назадъ, и Алеша въ эту минуту рубитъ ему голову. Екимъ Ивановичъ—добрый и честный богатырь; но онъ служитъ Алешѣ и безъ его спросу ничего не дѣлаетъ. Это—меньшой названый братъ его; это добродушная, честная сила, добровольно покорившаяся

хитрому уму. Тугаринъ—хвастунъ, нахалъ, невѣжа; онъ при всѣхъ, весьма не по-рыцарски, весьма нетактично любезничаетъ съ Апраксѣевною; онъ у князя какъ у себя дома: ковригами глотаетъ, ушатами запиваетъ, какъ-бы для показанія полнаго своего презрѣнія къ обиженному супругу, какъ бы для того, чтобъ при всѣхъ наругаться надъ нимъ. Неужели [382]) это идеалъ стариннаго русскаго любовника чужой жены, которому мало наслажденія—нужно еще и ругаться и ломаться надъ несчастнымъ мужемъ?.. [383]) Мы еще не разъ встрѣтимся съ этимъ лицомъ [384]), состоящимъ, какъ видно, на роляхъ *любовниковъ* въ репертуарѣ народнаго театра жизни; онъ еще явится намъ и подъ другимъ именемъ, но всегда змѣемъ. Въ его безобразномъ без-образномъ лицѣ православный народъ осуществилъ [385]) сознаніе о любви,—и если этотъ русскій донъ Хуанъ, этотъ Ромео не совсѣмъ благообразенъ,—причина тому—особое созерцаніе чувства любви [386]). Любовь до того была изгнана у этихъ людей изъ тѣснаго круга народнаго созерцанія жизни, что въ самомъ бракѣ являлась какимъ-то чуждымъ грѣховнымъ [387]) элементомъ, враждебнымъ святости союза, освящаемаго религіею [388]); внѣ же брака, она—бѣсовская прелесть, дьявольское навожденіе, нечистое вожделѣніе Змѣя Горынщата, преступная контрабанда жизни. Удивительно ли послѣ этого, что эта любовь является въ подобныхъ поэмахъ такъ простонародно-неэстетическою, такъ цинически-чувственною [389]), такъ оскорбительною и возмутительною для чувства, въ такихъ грубыхъ формахъ? Удивительно ли послѣ того, что любовникъ въ этихъ поэмахъ является въ видѣ змѣя, съ характеромъ хвастуна, наглеца и труса, а любовница представляется въ видѣ грубой, наглой и безстыдной бабы, съ манерами площадной торговки, и даже,—какъ увидимъ это ниже,—въ видѣ колдуньи, злой еретицы. Смѣлый развратъ—какъ онъ ни преступенъ передъ судомъ морали—можетъ имѣть свою поэзію и свою грацію, если онъ выходитъ изъ пламеннаго клокотанія необузданной страсти, изъ неукротимаго стремленія къ наслажденію; но въ нашихъ «любовницахъ» не замѣтно ни тѣни поэзіи или граціи. Здѣсь опять та же причина: любовь, по нашему народному созерцанію, не есть чувство, не есть страсть, а какой-то холодный циническій развратъ [389-а]). Въ княгинѣ Апраксѣевнѣ олицетворенъ идеалъ любовницы,—идеалъ, котораго полное осуществленіе мы увидимъ въ Маринѣ, непріятельницѣ Добрыни Никитича и любовницѣ Змѣя Горынщата. Странно только, какимъ образомъ народная [389-б]) фантазія, выразившая въ Апраксѣевнѣ идеалъ эманципированной женщины (femme émancipée) [389-в]), навязала ее въ жены любимцу преданія, солнцу своей древней жизни и поэзіи—князю Владиміру. Нѣтъ сомнѣнія, что Владиміръ *миѳическій*, Владиміръ, окруженный богатырями, женящійся отъ живой жены, есть Владиміръ-язычникъ: народная поэзія, какъ мы сказали, не смѣла коснуться Владиміра Равноапостольнаго, Владиміра [389-г]) *историческаго*, и потому не передала намъ ни его похода въ Корсунь, ни отношеній къ Византіи, ни послѣдовавшаго за тѣмъ времени его царствованія, переданнаго исторіею и церковью. Если-же въ этихъ поэмахъ нѣтъ ни языческихъ именъ дѣйствующихъ лицъ,

ни языческихъ ихъ боговъ, а напротивъ часто упоминается о церквахъ, объ образахъ, о вѣнчаніи, то это анахронизмъ, въ родѣ того, что Владиміровы богатыри, какъ мы увидимъ ниже, безпрестанно сражаются съ татарскими ханами, мурзами, улановьями, и безпрестанно уздятъ въ Золотую Орду [389-д]). Это служитъ новымъ доказательствомъ нашей мысли [390]), что эти поэмы или сложены были во время татарщины, если не послѣ ея (а отъ старины воспользовались только миѳическими, смутными преданіями и именами), или что онѣ были перенначены и передѣланы во время или послѣ татарщины.

Мы еще два раза встрѣтимся съ Алешею Поповичемъ, и увидимъ, что даже являясь вскользь, онъ не измѣняетъ своего характера—Поповича; теперь же перейдемъ къ другому богатырю, женившему князя Владиміра.

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова, сударь, князя Владиміра,
А и было пированье, почестной пиръ,
Было столованіе, почестной столъ,
Много на пиру было князей и бояръ,
И русскихъ могучихъ богатырей;
А и будетъ день въ половину дня,
Княженецкій столъ во полу столѣ;
Владиміръ князь распотѣшился,
По свѣтлой гридиѣ похаживаетъ,
Черныя кудри расчесываетъ;
Говоритъ онъ, сударь, ласковой
Владиміръ князь таково слово:
„Гой еси вы, князи и бояре и могучіе богатыри!
Всѣ вы въ Кіевѣ переженены,
Только я, Владиміръ князь, холостъ хожу,
А и холостъ я хожу, не женатъ гуляю;
А кто мнѣ-ка знаетъ супротивницу,
Супротивницу знаетъ красну дѣвицу:
Какъ бы та дѣвица станомъ статна,
Станомъ бы статна и умомъ свершна,
Ея бѣлое лицо какъ-бы бѣлый снѣгъ,
И ягодицы какъ-бы маковъ цвѣтъ,
А и чорныя брови какъ-бы соболи,
А и ясныя очи какъ-бы у сокола“.

Тутъ большой за меньшаго хоронится, а отъ меньшаго отвѣта князю нѣтъ; тогда выступаетъ изъ стола *Иванъ Гостиный Сынъ*, и кричитъ зычнымъ голосомъ, прося слово молвити, слово единое, *безопальное*: «Я ли де Иванъ въ Золотой Ордѣ бывалъ у грознаго короля Етмануйла Етмануйловича, и видѣлъ его двухъ дочерей: первая дочь Настасья Королевишна, а другая Афросинья Королевишна; сидитъ Афросинья въ высокомъ терему, за тридесять замками булатными; а и буйные вѣтры не вихнутъ на ее, а красное солнце не печетъ лицо: а то-то, сударь, дѣвушка станомъ статна, станомъ статна и умомъ свершна (слѣдуетъ повтореніе четырехъ послѣднихъ стиховъ изъ рѣчи князя

Владиміра); посылай ты, сударь, Дуная свататься». Князь приказалъ налить чашу зелена вина въ полтора ведра, и подносить ее Ивану Гостиному за тѣ слова его хорошія. Призвалъ онъ князь Дуная Ивановича въ спальню къ себѣ и посылалъ его на *доброе дѣло, на сватанье*, и давалъ ему золотой казны, триста жеребцовъ и могучихъ богатырей; подносилъ онъ ему, Дунаю, чару зелена вина въ полтора ведра, турій рогъ меда сладкаго въ полтретья ведра [391]), разгорѣлася утроба богатырская, и могучія плечи расходилися, какъ у молода Дуная Ивановича; не беретъ онъ золотой казны, не надо ему триста жеребцовъ и могучихъ богатырей, а проситъ онъ себѣ одного молодца, какъ бы молода Екима Ивановича, который служитъ Алешѣ Поповичу. А и князь тотчасъ самъ Екима руками привелъ: «Вотъ-де те, Дунаю, будетъ паробочекъ». И пріѣхали добры молодцы, Дунай да Екимъ, въ Золоту Орду, къ тому ли грозному королю Етмануйлу Етмануйловичу. Говоритъ тутъ Дунай таково слово:

„Гой еси, король въ Золотой Ордѣ!
У тебя ли во палатахъ бѣлокаменныхъ
Нѣту Спасова образа,
Нѣкому у тебя помолитися,
А и не за что тебѣ поклонитися".
Говоритъ тутъ король Золотой Орды,
А и самъ онъ король усмѣхается:
„Гой еси, Дунай, сынъ Ивановичъ!
Али ты ко мнѣ пріѣхалъ по старому служить и по прежнему?"

Дунай объявляетъ королю о цѣли своего пріѣзда. А и тутъ королю за бѣду стало, а рветъ на главѣ кудри черныя и бросаетъ о *кирпищетъ* полъ и говоритъ, какъ бы не его, Дуная, прежняя служба, велѣлъ бы посадить его въ погреба глубокіе и уморилъ бы смертью голодною за тѣ его слова за бездѣльныя. Тутъ Дунаю за бѣду стало, разгорѣлось его сердце богатырское, вынималъ онъ сабельку острую, и говорилъ таковы слова: «какъ-бы де у тебя во дому не бывалъ, хлѣба соли не ѣдалъ, ссѣкъ бы по плечи буйную голову». Тутъ король *неладомъ* заревѣлъ зычнымъ голосомъ, псы борзы заходили на цѣпяхъ, а и хочетъ Дуная живьемъ стравить тѣми кобелями *меделянскими*. Дунай закричалъ къ Екиму, а тѣ мурзы, улановья не допустятъ Екима до добра коня, до его палицы тяжкія *мѣдныя*, въ три тысячи пудъ; не попала ему палица *желѣзная*, что попала ему ось-то телѣжная, а и зачалъ Екимъ помахивати, и побилъ онъ силы семь тысячей, да пятьсотъ кобелей меделянскихъ. Король на все соглашался, и Дунай унималъ своего слугу вѣрнаго, и пошелъ къ высокому терему, гдѣ сидитъ Афросинья—двери у палатъ были желѣзныя, а крюки, пробои по булату злачены. «Хоть нога изломить, а двери выставить». Всѣ тутъ палаты зашатались, бросится дѣвица, испужалася, хочетъ Дуная въ уста цаловать. Проговорилъ Дунай сынъ Ивановичъ: «А и ряженый кусъ, да не суженому ѣсть! Достанешься ты князю Владиміру». И хочутъ они ѣхать; спохватился тутъ король Золотой Орды, отрядилъ триста свои мурзы и улановья на тридцати телѣгахъ везти за Дунаемъ золото, серебро, жем-

чугъ скатный и каменья самоцвѣтные. Не доѣхавши до Кіева за сто верстъ, наѣхалъ Дунай на бродучій слѣдъ, велѣлъ Екиму везти невѣсту ко Владиміру «честно, хвально и радостно», а самъ поѣхалъ по тому слѣду свѣжему, бродучему. Въ четвертые сутки наѣхалъ онъ на тѣхъ на лугахъ на потѣшныихъ,—куда ѣздилъ ласковый Владиміръ князь всегда за охотою,—на бѣлъ шатеръ, а во томъ шатрѣ опочивъ держитъ красна дѣвица, а и та ли Настасья Королевишна *). Молодой Дунай онъ догадливъ былъ: пустилъ онъ изъ лука калену стрѣлу семи четвертей—

Хлеснетъ онъ Дунай по сыру дубу,
А спѣла вѣдь тетивка у туга лука,
А дрогнетъ матушка сыра земля
Отъ того удару богатырскаго,—
Угодила стрѣла въ сыръ кряковитистый дубъ,
Изломала его въ черенья ножовые.
Бросилася дѣвица изъ бѣла шатра будто угорѣлая,
А и молодой Дунай онъ догадливъ былъ,
Скочилъ онъ, Дунай, съ добра коня,
И гораздъ онъ съ дѣвицею дратися,
Ударилъ онъ дѣвицу по щекѣ,
А пиулъ онъ дѣвицу подъ...—
Женской полъ отъ того пухолъ живетъ,
Сшибъ онъ дѣвицу съ рѣзвыхъ ногъ,
Онъ выдернулъ чингалище булатное,
А и хочетъ взрѣзать груди бѣлыя;—
Втапоры дѣвица взмолилася;
„Гой еси ты, удалой добрый молодецъ!
Не коли ты меня дѣвицу до смерти,
Я у батюшки, сударя, отпрошалася,
Кто меня побѣетъ во чистомъ полѣ
За того мнѣ дѣвицѣ замужъ идти“.

А и туто Дунай тому ея слову обрадовался, думаетъ онъ разумомъ своимъ: «Въ семи ордахъ я служилъ семи королямъ, а не могъ себѣ выжить красныя дѣвицы; нонѣ я нашелъ во чистомъ полѣ обрушницу, сопротивницу». Тутъ они обручилися, *вкругъ ракитова куста вѣнчалися.* Пріѣхали они во градъ Кіевъ, а Владиміръ-князь отъ злата вѣнца шелъ на свой княженецкій дворъ, и во свѣтлы гридни убиралися, за убраные столы сажалися. А и Дунай приходилъ во церковь соборную, просить честныя милости у того архіерея соборнаго, обвѣнчать на той красной дѣвицѣ. Рады были тому попы соборные—*въ тѣ годы присяги не вѣдали*—обвѣнчали Дуная Ивановича; вѣнчальнаго далъ Дунай пятьсотъ рублей. Пріѣхавъ ко двору князя Владиміра, Дунай велѣлъ доложить ему, что не въ чемъ идти княгинѣ молодой—платья женскаго только одна и есть епанченка бѣлая. А втапоры Владиміръ-князь онъ догадливъ былъ,

*) Сестра Афросиньи, невѣсты Владиміра. Какъ она туда зашла—не спрашивайте: вѣдь пѣсня—быль, а сказка—ложь...

знаетъ онъ кого послать: послалъ онъ Чурила Пленковича выдавать платьеце женское цвѣтное. (Послѣ этого пошло столованье). А жили они время не малое. На пиру у князя Владиміра, пьяный Дунай расхвастался, что нѣтъ въ Кіевѣ стрѣльца супротивъ его. Тутъ взговоритъ молода княгиня *Апраксѣевна*(?), что нѣту-де въ Кіевѣ такого стрѣльца, какъ любезной сестрицы ея Настасьи Королевишны. Тутъ Дунаю за бѣду стало, бросилъ съ женою жеребій, кому прежде стрѣлять. Досталось Дунаю на головѣ кольцо держать, отмѣрили версту тысячну, Настасья каленой стрѣлой сшибла съ головы золото кольцо. Втѣпоры Дунай становилъ на примѣту свою молоду жену, и стала княгиня Апраксѣевна его упрашивати: «то вѣдь шуточка пошучена».

Да говорила же и его молода жена:
„Оставимъ-де стрѣлять до другаго дня,
„Есть-де въ утробѣ у меня могучъ богатырь:
„Первой-де стрѣлкой не дострѣлишь,
„А другой-де перестрѣлишь,
„А третьею-де стрѣлкой въ меня угодишь“.

Князья и бояре и всѣ сильны могучи богатыри стали Дуная уговаривати, а онъ Дунай *озадорился*, и стрѣлялъ перву стрѣлу.

И втапоры его молодая жена
Стала ему кланятися и передъ нимъ убиватися:
„Гой еси ты, мой любезный *ладушка*,
Молодой Дунай сынъ Ивановичъ!
„Оставь шутку на три дни,
„Хоть не для меня, но для своего сына нерожденнаго.
„Завтра рожу тебѣ богатыря,
„Что не будетъ ему сопротивника“.

Тому Дунай не повѣровалъ, и третьей стрѣлой въ жену угодилъ; прибѣжавши Дунай къ молодой женѣ, выдергивалъ чингалище булатное, скоро поролъ ей груди бѣлыя:—выскочилъ изъ утробы удалъ молодецъ, онъ самъ говоритъ таково слово:

„Гой еси, сударь, мой батюшка!
„Какъ-бы далъ мнѣ сроку на три часа,
„А я бы на свѣтѣ былъ попрыжѣе
„И полутчѣе въ семь семерицъ тебя“.
А и тутъ молодой Дунай, сынъ Ивановичъ, запечалился,
Ткнулъ себя чингалищемъ въ бѣлы груди,
Сгоряча онъ бросился во быстру рѣку.
Потому быстра рѣка Дунай словетъ—
Своимъ устьемъ впала въ сине море.

Теперь мы знакомы съ тремя богатырями Владиміра. Послѣдній выше первыхъ двухъ—не правда ли? Въ немъ и умъ, и сметливость, и богатырская рьяность, и прямота силы и храбрости, на себя опирающейся. Если Дунай не со-

всѣмъ вѣжливо и далеко не по-рыцарски обошелся съ Настасьей Королевишпой—это не его вина: тутъ выразилось сознаніе цѣлаго народа [392]) о любви и объ отношеніяхъ пòловъ. Сама Настасья не видитъ ничего страннаго, или обиднаго для нея, ни въ томъ, что Дунай билъ ее по щекамъ и угощалъ [393]) пинками, ни въ томъ, что онъ чунгалищемъ булатнымъ хотѣлъ вспороть ей груди бѣдныя: она съ тѣмъ и отпросплася у батюшки, что кто ее въ полѣ побьетъ, тотъ и за себя замужъ возьметъ. *Колоченая посуда два вѣка живетъ*—русскій человѣкъ свято вѣритъ глубокой мудрости этой азіатской пословицы и потому другихъ бьетъ не кается, и самого то бьютъ—не гонится [394]). Притомъ же, если бъ Настасья одолѣла Дуная,—она не задумалась бы вспороть ему груди бѣлыя чингалищемъ булатнымъ. Въ Настасьѣ Королевишнѣ осуществленъ идеалъ амазонки по понятію русскаго человѣка [395]). Жена богатыря должна рождать богатырей, а для этого сама должна быть богатыремъ своего пола. Поэтому, Настасья и мастерица такая изъ лука стрѣлять, что за версту сшибла кольцо съ головы мужа. Отношенія пòловъ, по народному сознанію [396]) всего лучше выражаются въ смерти Настасьи. Всѣ богатыри хвастливы, особенно въ русскихъ сказкахъ; всѣ богатыри любятъ подпить, особенно русскіе: потому не удивителенъ вызовъ Дуная состязаться съ женою въ стрѣльбѣ. Просьбы другихъ, слезы жены только болѣе подстрекаютъ его богатырскую рьяность и раздражаютъ упорный характеръ. Убивъ жену, онъ спѣшитъ вспороть ей бѣлыя груди; ни слезы, ни вздоха для нея; но при видѣ сына, которому онъ не далъ своею опрометчивостію созрѣть настоящимъ образомъ, въ немъ пробуждается отеческое, а слѣдовательно, и человѣческое чувство. Печаль его переходитъ въ отчаяніе, разрѣшающееся самоубійствомъ. Обстоятельство, по которому приписывается быстрому Дунаю его имя, заключаетъ въ себѣ много поэзіи и простые, безъискусственные стихи:

Потому быстра рѣка Дунай словетъ—
Своимъ устьемъ впала въ сине море—

дышутъ какимъ-то успокоительнымъ и примирительнымъ чувствомъ; въ нихъ высказывается широкое, хотя и совершенно-неопредѣленное созерцаніе.

Какимъ образомъ Настасья Королевишна могла разъѣзжать по полямъ, ища кто бы побилъ ее и женился на ней, въ то время, какъ сестра ея Афросинья сидѣла взаперти, за двѣнадцатью булатными замками; какимъ образомъ Афросинья Королевишна превращается, ни съ того ни съ сего, въ княгиню Апраксѣевну, которая Дуная называетъ зятемъ, а Настасью сестрою—объ этомъ нѣчего и спрашивать у *сказки*. И неужели всѣ жены Владиміра превращались въ Апраксѣевну?... Не забудьте притомъ, что въ предшествовавшей поэмѣ, Апраксѣевна уже отличалась съ Тугариномъ Змѣевичемъ; она не могла видѣть Екима прежде замужества Афросиньи, а между-тѣмъ, Екимъ видѣлъ ее прежде, чѣмъ увидѣлъ Афросинью: стало-быть, Владиміръ называлъ себя холостымъ и хотѣлъ жениться отъ живой жены, а Афросинья превратилась въ Апраксѣевну

для того, чтобъ избавить Владиміра отъ грѣха двоеженства?... Вотъ тутъ и извольте составлять одну цѣлую поэму изъ народныхъ рапсодовъ!..

Читатели, конечно, замѣтили въ предшествовавшей поэмѣ, когда Дунай проситъ платья для своей жены, слѣдующіе стихи:

А втапоры Владиміръ князь онъ догадливъ былъ,
Знаетъ онъ кого послать:
Послалъ онъ Чурила Пленковича
Выдавать платьеце женское цвѣтное.

Стало-быть, гдѣ касалось дѣло до чего-нибудь женскаго, Чурила Пленковичъ былъ на своемъ мѣстѣ? Оно такъ и есть, какъ мы сейчасъ это увидимъ. Въ лицѣ Чурилы народное сознаніе о любви какъ-бы противорѣчило себѣ, какъ-бы невольно сдалось на обаяніе соблазнительнѣйшаго изъ грѣховъ. Чурила—волокита, но не въ *змѣиномъ* родѣ. Это молодецъ хоть-куда, и лихой богатырь. Но онъ нисколько не противорѣчитъ нашему взгляду на сознаніе народное о любви. Крайности сходятся; въ фанатической Испаніи бывали примѣры вольнодумства, а въ Римѣ іерархія встрѣтила себѣ оппозицію прежде, чѣмъ въ самой Германіи [395-a]). Въ этихъ случаяхъ должно брать въ соображеніе перевѣшивающій элементъ, а въ исключительныхъ явленіяхъ видѣть или случайности или въ будущемъ возможность вступленія въ свои права и даже перевѣса противоположнаго элемента. И потому, должно смотрѣть [396-б]) на Тугаринныхъ какъ на нѣчто положительное, дѣйствительное и настоящее въ жизни древней Руси; а на Чурилу—какъ на фактъ, свидѣтельствовавшій о возможности въ будущемъ другого рода любовниковъ, какъ на новый элементъ жизни, только подавленный, а не существующій.

Думая, что мы уже довольно познакомили читателей съ манерою и слогомъ поэмъ, разскажемъ о Чурилѣ своими словами и короче [397]).

Во время столованія Владиміра, къ нему являются незнаемые люди, человѣкъ за триста избитыхъ, израненныхъ молодцовъ—

Булавами буйныя головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны,
Бьютъ челомъ жалобу творятъ,

Это стрѣльцы княжіе; цѣлый день они рыскали *по займищамъ* и не встрѣтили ни одного звѣря, а встрѣтили триста молодцовъ, которые звѣрей всѣхъ повыгнали и повыловили, а ихъ перебили и переранили, и отъ-того «князю добычи нѣтъ», а имъ жалованья нѣтъ, «дѣти, жены оспротѣли, пошли по міру скитаться».

А Владиміръ князь стольной, кіевскій,
Пьетъ онъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.

Не успѣла эта толпа сойдти со двора—валитъ другая. Это рыболовы: съ ними та же исторія.

А Владиміръ князь стольной, кіевскій,
Пьетъ онъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.

Не успѣла и эта толпа свалить со двора—валятъ вдругъ двѣ новыя: то сокольники и кречетники. И съ ними то же. Противъ другихъ, они прибавили въ своемъ челобитьѣ, что ограбившая и прибившая ихъ ватага называется дружиною Чуриловою. Тутъ Владиміръ князь за то слово спохватился: «кто это Чурила есть таковъ?» Выступался тутъ старый боярин Бермята Васильевичъ:

„Я-де, осударь, про Чурилу давно вѣдаю,
„Чурила живетъ не въ Кіевѣ,
„А живетъ онъ пониже малаго Кіевца,
„Дворъ у него на семи верстахъ,
„Около двора желѣзный тынъ,
„На всякой тычинкѣ по маковкѣ,
„А и есть по жемчужинкѣ,—
„Середи двора свѣтлицы стоятъ,
„Гридни бѣлодубовыя,
„Покрыты сѣдымъ бобромъ,
„Потолокъ черныхъ соболей,
„Матица-то валженая,
„Полъ середа одного серебра,
„Крюки да пробои по булату злачены.
„Первые у него ворота вальящетыя,
„Другіе ворота хрустальныя,
„Третьи ворота оловянныя".

Итакъ, Чурила Пленковичъ—щеголь, франтъ, живетъ какъ сатранъ восточный. Владиміръ князь ѣдетъ къ нему со дворомъ своимъ, въ числѣ пятисотъ человѣкъ. Встрѣчаетъ ихъ старый *Пленъ*; для князя и княгини отворяетъ ворота вальящетыя, а князямъ и боярамъ—хрустальныя, а простымъ людямъ—ворота оловянныя. Пошло столованье великое—*веселая бесѣда, на радости день*. Увидѣвъ въ окно толпу людей, князь говорилъ таково слово:

„По грѣхамъ надо мною княземъ учинилося,
„Князя меня въ домѣ не случилося,
„Ѣдетъ ко мнѣ король изъ орды,
„Или какой грозенъ посолъ".

Старый *Пленка Сароженинъ* только усмѣхается, самъ подчиваетъ, и говоритъ, что то не король и не посолъ ѣдетъ, а ѣдетъ-де дружина хоробрая сына его, молода Чурилы Пленковича. Къ вечеру, когда пиръ былъ во полу-пирѣ, а и столъ былъ во полу-столѣ *), ѣдетъ самъ Чурила Пленковичъ, а *передъ нимъ*

*) Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ,
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Русланъ и Людмила.

несутъ подсолнечникъ, чтобъ не запекло солнце бѣла его лица. Бралъ онъ Чурила ключи золотые, ходилъ въ подвалы глубокіе, вынималъ золоту казну: сорокъ сороковъ черныхъ соболей, другую сорокъ печерскихъ лисицъ и камку бѣлохрущату, а цѣна камкѣ сто тысячей; приносилъ онъ ко князю Владиміру, клалъ передъ нимъ на дубовый столъ.

Втапоры Владиміръ князь стольной, кіевскій
Больно со княгинею возрадовался,
Говорилъ ему таково слово:
„Гой еси ты, Чурила Плепковичъ!
„Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить
Подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить, князю служить!...

Втапоры Чурила князя Владиміра не ослушался. И вотъ они въ Кіевѣ; посылаетъ князь Чурилу князей и бояръ въ гости звать къ себѣ, *«а званаго приказалъ брать со всякаго по десяти рублевъ»*. Обходя гостей звать, Чурила зашелъ къ старому боярину Бермятѣ Васильевичу, ко его молодой женѣ, къ той Катеринѣ прекрасной,—*и тутъ онъ позамѣшкался.* Князь Владиміръ то замѣшканье ему ни во что положилъ. Пошло столованье и пированье. Тогда на другой день рано поутру князи и бояри къ заутрени пошли—въ тотъ день выпадала пороха снѣгу бѣлаго—и нашли они свѣжій слѣдъ,—сами они дивуются: *либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностай.*

А иные тутъ усмѣхаются, сами говорятъ:
„Знать это не зайка скакалъ, не бѣлъ горностай,
„Это шелъ Чурила Плепковичъ
„Къ старому Бермятѣ Васильевичу,
„Къ его молодой женѣ Катеринѣ прекрасныя“.

Чурила Плепковичъ выдается изъ всего круга владиміровыхъ богатырей: это такъ-сказать самая гуманная личность между ними, по-крайней-мѣрѣ въ отношеніи къ женщинамъ, которымъ онъ, кажется, посвятилъ всю жизнь свою [397]). И потому въ поэмѣ о немъ нѣтъ ни одного грубаго или сальнаго [398]) выраженія; напротивъ, его отношенія къ Катеринѣ-прекрасной отличаются какою-то рыцарскою граціозностію и означаются болѣе намеками, нежели прямыми словами. Въ первый разъ онъ *позамѣшкался* у молодой жены стараго Бермяты; во второй разъ тайна его посѣщенія выдается предательскою порошею, и оглашается не его хвастовствомъ, а рѣчами другихъ, и рѣчами, противъ обыкновенія, умѣренными, даже-поэтическими. За Чурилу можно поручиться, что онъ не сталъ бы ломаться надъ жертвою своего соблазна, не сталъ бы хвастаться побѣдою во честномъ пиру; тѣмъ болѣе можно поручиться, что онъ не сталъ бы бить женщину по щекамъ, или толкать ее пинками—«женскій-де полъ отъ того пухолъ бываетъ». А между-тѣмъ, онъ не нѣженка, не сантиментальный воздыхатель, а сильный могучій богатырь, удалой предводитель дружины храброй. Конечно, онъ смѣшонъ, когда передъ нимъ, вмѣсто китайскаго зонтика, несутъ

подсолнечникъ [398-a]), чтобъ не загорѣлось отъ солнца его лицо бѣлое, но онъ смѣшонъ граціозно: онъ женскій угодникъ, который дорожитъ своею наружностію, а не нѣженка запечный, не беззубый и безкогтый левъ нашего времени.

Просимъ нашихъ читателей вспомнить, что [399]) въ поэмѣ о женитьбѣ князя Владиміра вскользь является [400]) лицо *Ивана Гостинаго Сына*: теперь мы познакомимся съ нимъ, какъ съ героемъ особенной поэмы. Это представитель другаго сословія, всегда столь важнаго въ началѣ гражданскихъ обществъ: хоть онъ не торговецъ, а богатырь, однако онъ явно сынъ купца, силою и храбростію сѣвшій при дворѣ князя Владиміра на богатырское мѣсто.

У князя Владиміра было пированіе—почестный пиръ, а и было столованіе—почестный столъ на многи князи, бояра и на русскіе могучіе богатыри и гости богатые. Будетъ день въ половину дня, будетъ пиръ во полу-пирѣ: Владиміръ князь распотѣшился, по свѣтлой гриднѣ похаживаетъ, таковыя слова поговариваетъ: «Есть ли-де кто въ Кіевѣ таковъ молодецъ, что похвалился бы на триста жеребцовъ—изъ Кіева бѣжать до Чернигова два девяносто-та мѣрныхъ верстъ, промежь обѣдней и заутреней?»

Вызвался Иванъ Гостиный Сынъ, и побился о великъ закладъ—не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ, о своей буйной головѣ [401]). Князья, бояре и гости-корабельщики держутъ закладъ за Владиміра на сто тысячъ; а за Ивана никто поруки не держитъ; пригодился тутъ владыка черниговскій, и держитъ за него поруки крѣпкія на сто тысячей. Выпилъ Иванъ чару зелена вина въ полтора ведра, походилъ онъ на конюшню бѣлодубову, ко своему къ доброму коню бурочкѣ, косматочкѣ, троелеточкѣ, падалъ ему во правое копытечко, самъ плачетъ, что рѣка льется. Выслушалъ добрый конь про кручину Ивана, и сказалъ ему не печалиться:

„Сива жеребца того не боюсь,
„Кологрива жеребца того не блюдусь,
„Въ задоръ войду—у Воронка́ уйду“.

Только велѣлъ онъ своему ласковому хозяину водить себя по три зари, поить сытою медвяною и кормить сорочинскимъ пшеномъ. «А какъ, говоритъ, прійдетъ тотъ часъ урочный, ты не сѣдлай, Иванъ, меня добра коня, только берись за шелковъ поводокъ; вздѣнь на себя шубу соболиную, котора шуба въ три тысячи, пуговки въ пять тысячей; я стану бурка передомъ ходить, копытами за шубу посапывати, и по черному соболю выхватывати, на всѣ стороны побрасывати,—князи, бояры подивуются, и ты будешь живъ—шубу наживешь, а не будешь живъ—будто нашивалъ». И все было по сказанному, какъ по писанному. Зрявкаетъ бурко по-туриному, онъ шипъ пустилъ по змѣиному; триста жеребцовъ испужалися, съ княженецкаго двора разбѣжалися; сивъ жеребецъ двѣ ноги изломилъ, кологривъ жеребецъ тотъ и голову сломилъ, полоненъ Воронко въ Золоту Орду бѣжитъ, онъ хвостъ поднявъ, самъ всхраны-

ваетъ, а князи, бояры и всѣ люди купецкіе испужалися, *окорачь они по двору наползалися;* а Владиміръ князь со княгинею печаленъ сталъ; кричитъ въ окошко косящатое, чтобъ Иванъ уродье увелъ со двора, «за просты поруки крѣпкія, записи всѣ изодраны». Втаноры владыко черниговскій на почестномъ пиру у великаго князя велѣлъ захватить три корабля на быстромъ Днѣпрѣ съ товарами заморскими,—«а князи-де и бояри никуда отъ насъ не уйдутъ».

Трудно объяснить значеніе этой поэмы иначе, какъ народнымъ апоѳеозомъ коня—животнаго высоко-уважаемаго въ ратномъ дѣлѣ, товарища, сподвижника и друга ратнику. Странна неустойка князя, отказавшагося платить проигранный закладъ; еще страннѣе нецеремонная раздѣлка съ нимъ со стороны черниговскаго владыки. Не менѣе удивительно и то, что этотъ черниговскій владыко всегда держитъ заклады противъ князя и всѣхъ, за того, за кого никто не хочетъ поручиться. Все это должно быть или совсѣмъ безъ значенія, просто сказочная болтовня, или отъ времени потерянъ ключъ къ разрѣшенію этихъ вопросовъ.

Теперь пора намъ познакомиться съ знаменитымъ Добрынею Никитичемъ, воспѣтымъ въ трехъ поэмахъ, и упоминаемомъ вскользь и прямо еще въ нѣсколькихъ. Онъ и Илья Муромецъ [402])—знаменитѣйшіе богатыри двора Владиміра.

Жилъ въ Рязани богатый гость Никита, живучи-то Никита состарѣлся,—состарѣлся, переставился; послѣ его вѣку долгаго осталось житье-бытье, богатество: *матера* вдова [403]) Амелоа Тимоѳеевна, да чадо милое Добрынюшка Никитичъ младъ. Присадила его матушка грамотѣ учиться, а грамота Никитѣ *въ наукъ пошла.* А будетъ ему двѣнадцать лѣтъ, попросился онъ у матушки купаться на *Сафатъ-рѣку;* она вдова многоразумная его Добрыню отпускала, а сама паказывала: «*Израй*-де рѣка быстрая, а быстрая она, сердитая; не плавай, Добрыня, за перву струю, не плавай ты, Никитичъ, за другу струю». Добрыня не послушался: двѣ-то струи самъ переплылъ, а третья струя подхватила молодца, унесла во пещеры бѣлокаменны. Тутъ откуда ни возьмись лютый звѣрь—Змѣй Горынчище, самъ приговариваетъ:

„А стары люди пророчили,
„Что быть змѣю убитому
„Отъ молода Добрынюшки Никитича,
„А нынѣ Добрыня у меня самъ въ рукахъ.

Говоритъ Добрыня: «не честь, хвала молодецкая, на нагое тѣло напущаешься». Хочетъ змѣй Добрыню огнемъ спалить, огнемъ спалить, *хоботомъ* ушибить; Добрыня нагребъ въ шапку песку желтаго, и тѣмъ пескомъ змѣю глаза запорошилъ, *два* хобота ушибъ. Попалась тутъ ему дубина, и онъ Добрыня той дубиной змѣя до смерти убилъ. Поплылъ онъ по рѣкѣ и заплылъ въ пещеры бѣлокаменны, въ гнѣздо змѣя, и его малыхъ дѣтушекъ всѣхъ перебилъ, попо-

ламъ перервалъ; нашелъ онъ въ палатахъ у змѣя много злата, серебра, и свою любимую тетушку *Марью Дивовну*. Владиміръ князь о Добрынѣ больно запечалился—*сидитъ онъ, ничего свѣту не видитъ*, а увидѣлъ Добрыню, скочилъ на ноги рѣзвыя, цаловалъ его въ уста сахарныя. Бросилася его матушка родимая, хватала за бѣлы руки, цаловала его во уста сахарныя; стали его выспрашивати, а гдѣ былъ, гдѣ ночевалъ? Послали за тетушкою, привели ее къ князю во свѣтлу гридню.

Владиміръ князь свѣтелъ, радошенъ,
Пошла-то у нихъ пиръ, радость великая,
А для ради Добрынюшки Никитича,
Для другой сестрицы родимыя—Марьи Дивовны.

Что̀ сказать объ этой поэмѣ? Это какая-то безсвязная болтовня больнаго похмѣльемъ воображенія [404])... Тутъ нѣтъ не только мысли—даже смысла. У Добрыни нѣтъ ни лица, ни характера; это просто—призракъ. Подобная нелѣпица могла бы имѣть значеніе миѳа, еслибъ отъ ея чудовищныхъ образовъ вѣяло фантастическимъ ужасомъ; но въ русскихъ сказкахъ, какъ и во всей народной русской поэзіи, фантастическаго элемента почти вовсе нѣтъ. И потому, странно слышать, когда человѣкъ, который на міръ смотритъ простыми глазами, не видя въ немъ ничего таинственнаго и необъяснимаго,—странно слышать, когда такой человѣкъ спокойно, безъ увлеченія, безъ экстаза, разсказываетъ несбыточныя вещи. Что за тетушка Марья Дивовна была у Добрыни? какъ попала она къ змѣю Горынчату; что за рѣка *Сафатъ*, которая черезъ пять строкъ превращается въ *Израй*-рѣку? какъ Владиміръ, живя въ Кіевѣ, могъ знать двѣнадцатилѣтняго Добрыню, жившаго въ небывалой тогда Рязани, и печалиться, что тотъ ушелъ купаться на Сафатъ-рѣку?..

Но вторая поэма о Добрынѣ—одна изъ интереснѣйшихъ поэмъ. Въ ея дикихъ, неопредѣленныхъ образахъ есть смыслъ и значеніе, если нѣтъ мысли.

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ, у славнаго, сударь, у князя у Владиміра, *три* года Добрынюшка стольничалъ, *три* года Никитичъ приворотничалъ; онъ стольничалъ, чашничалъ *девять* лѣтъ, на *десятый* годъ погулять захотѣлъ по стольному городу по Кіеву. Взявши онъ колчанъ съ каленымъ стрѣлами, идетъ [405]) онъ по широкимъ по улицамъ, по частымъ мелкимъ переулочкамъ; по горницамъ стрѣляетъ воробушковъ, по повалушкамъ стрѣляетъ онъ сизыхъ голубей. Зашелъ въ улицу Игнатьевскую, въ Марининъ переулокъ, видитъ онъ у Марины у Игнатьевны, на ея высокомъ хорошемъ терему, сидятъ тутъ два сизые голубчика, они цалуются, милуются, желты носами обнимаются. Тутъ Добрынѣ *за бѣду стало, будто надъ нимъ насмѣхаются*: а спѣла вѣдь тетива у туга лука, *взвыла да пошла* калена стрѣла. Тутъ надъ Добрынею по грѣхамъ учинилося, нога его поскользнулася, рука удрогнула, не попалъ онъ въ сизыхъ голубей, а попалъ въ окошечко косящето, проломилъ онъ оконницу стекольчатую, отшибъ всѣ причалины серебряныя, расшибъ онъ зеркальцо сте-

кольчатое; бѣлодубовы столы пошатались, что питья медвяныя, восплеснулися. А втаноры Маринѣ безвременье было—она умывалася, снаряжалася; и бросилася она на свой на широкій дворъ: «А кто это *невѣжа* на дворъ заходилъ? а кто это невѣжа въ окошко стрѣляетъ?» Брала она Марина слѣды горячіе молодецкіе, клала беремя дровъ бѣлодубовыхъ въ печку муравленную, разжигала ихъ огнемъ налящатымъ, и сама дровамъ приговариваетъ: «Сколь жарко дрова разгораются а тѣми слѣды молодецкими, разгоралось бы сердце молодецкое, какъ у молода Добрынюшки Никитьевича». *А и Божье крѣпко, вражье-то лѣпко!* Взяло Добрыню пуще остраго ножа, по его сердцу богатырскому, со полуночи Добрынюшкѣ не уснется. Но его-то щастки великія рано зазвонили ко заутренямъ; пошелъ Добрыня ко заутрени, прошелъ онъ церкву соборную, зайдетъ ко Маринѣ на широкій дворъ, у высокаго терема подслушаетъ; у молодой Марины вечеринка была; сидѣли тутъ душечки красны дѣвицы и молоденьки молодушки, всѣ тутъ жены молодецкія. Къ нимъ бы Добрыня въ теремъ не пошелъ, а стала его Марина въ окошко бранить, ему больно пѣнять, да завидѣлъ онъ Добрыня Змѣя Горынчата—тутъ ему *за бѣду стало, за великую досаду показалося.* Ухватилъ онъ бревно въ обхватъ толщины и вышибъ имъ двери желѣзныя. Учала Марина Добрыню бранить, а Змѣища Горынчища чуть его огнемъ не спалилъ, а и чуть молодца хоботомъ не убилъ, а и самъ тутъ Змѣй почалъ бранити его, больно пѣняти: «Не хочу я звати Добрынею, не хощу величать Никитичемъ, называю те дѣтиною деревенщиною и засельщиною; почто ты, Добрыня, въ окошко стрѣлялъ?» Вынималъ Добрыня сабельку острую, воздымалъ выше буйной головы своей, грозится Змѣя изрубить на мелкія части, пирожныя [406]) разбросать по чистому полю. А и тутъ Змѣй Горынычъ хвостъ поджавъ, да и вонъ побѣжалъ; взяла страсть, такъ зачалъ....., околыши металъ по три пуда.....; бѣгучи онъ Змѣй у Марины бывать заклинается: «Есть-де у ней не одинъ другъ, есть лучше меня и *повѣжливѣе*». А Марина высунулась по-поясъ въ окно въ одной рубашкѣ *безъ пояса*, Змѣя уговариваетъ: «Воротись, милъ надежа; воротись, другъ!» Обѣщаетъ оборотить Добрыню во что онъ Змѣй похочетъ—клячею водовозною, или гнѣдымъ туромъ. И оборотила она Добрыню гнѣдымъ туромъ, пустила далече во чисто поле, а гдѣ-то ходятъ девять туровъ, девять братаниковъ, что Добрыня имъ будетъ десятый туръ, всѣмъ атаманъ—золотые рога. И нѣту о Добрынѣ слуху шесть мѣсяцевъ, *а по-нашему, по-сибирскому, словетъ полгода.*

У великаго князя вечеринка была, а на пиру были вдовы честныя, и мать Добрыни, честна вдова *Авимья Александровна* (Амелѳа Тимофеевна?!...), а друга честна вдова, молода Анна Ивановна, крестная матушка Добрынина. Промежду собою *разговоры говорятъ*—все были рѣчи *прохладныя.* Не отколь взялась тутъ Марина Игнатьевна, водилася съ дитятами княженецкими, она больно Марина ушивалася, голова на плечахъ не держится. Она больно Маринa похваляется: нѣтъ-де въ Кіевѣ и хитрѣе и умнѣе ея, обернула-де она гнѣдыми турами девять богатырей, десятаго Добрыню Никитича. Втаноры за то слово

изымется честна вдова Аѳимья Александровна, наливала она чару зелена вина, подносила любимой своей кумушкѣ, а сама она за чарою заплакала: «Гой еси ты, любимая кумушка, молода Анна Ивановна! А и выпей чару зелена вина, поминай ты любимаго крестника, а и молода Добрыню Никитича: извела его Марина Игнатьевна, а нынѣ на пиру похваляется». Проговоритъ Анна Ивановна: «я-де сама эти рѣчи слышала, а рѣчи ея похваленыя». А и молода Анна Ивановна выпила чару зелена вина, а Марину она по щекѣ ударила, спибла съ рѣзвыхъ ногъ и топчетъ ее по бѣлымъ грудямъ, сама она Марину больно бранитъ: «А и сука ты,....., еретница....! Я де тебя хитрѣя и мудренѣя, сижу я на пиру не хвастаю; а и хошь ли я тебя сукой оберну? А станешь ты, сука, по городу ходить, много за собой псовъ водить: а и женское дѣло прелестивое, переходчивое».

Марина обернулася касаткою, полетѣла въ чисто поле, сѣла Добрынѣ на правый рогъ, сама она Добрыню уговариваетъ: «Нагулялся ты, Добрыня, во чистомъ полѣ, тебѣ чистое поле наскучило и зыбучія болота *напрокучили*: а и хошь ли, Добрыня, женитися, возьмешь ли, Никитичъ, меня за себя?»—А право возьму, ей-богу возьму, а и дамъ-те, Марина, поученьице, какъ мужья женъ своихъ учатъ.—

Обернувшись дѣвицею, Марина обернула Добрыню добрымъ молодцомъ; они въ чистомъ полѣ женилися, кругъ ракитова куста вѣнчалися. Пришедши въ марининъ теремъ, Добрыня говоритъ: «А и гой еси ты, моя молодая жена, Марина Игнатьевна! У тебя въ высокихъ хоромахъ теремахъ нѣту Спасова образа: некому у тебя помолитися, не за что стѣнамъ поклонитися; а и чай моя острая сабля заржавѣла. А и сталъ Добрыня свою жену учить, молоду Марину Игнатьевну, еретницу,....., безбожницу; онъ первое ученье ей руку отсѣкъ; самъ приговариваетъ: «эта мнѣ рука не надобна: трепала она рука Змѣя Горынчища!» А второе ученье — ноги ей отсѣкъ: «А и эти-де ноги мнѣ непадобны: оплеталися со Змѣемъ Горынчищемъ». А третье ученье—губы ей обрѣзалъ и съ носомъ прочь: «А эти-де губы не надобны мнѣ: цѣловали онѣ Змѣя Горынчища!» Четвертое ученье—голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь. «А и эта голова не надобна мнѣ, и этотъ языкъ не надобенъ; зналъ онъ дѣла еретичныя!»

Какая холодная и ужасная пропія! Сколько въ ней грубаго и нечеловѣческаго! Это не казнь, а постепенное, продолжительное мученіе. Здѣсь нѣтъ мгновеннаго порыва страсти, которая разитъ вдругъ, какъ молнія: здѣсь долго-скрываемое, медленно-разгаравшееся чувство мести, высказывается сосредоточенно, холодно и медленно. Вдругъ сверкающая и мгновенно-убивающая страсть не въ русской натурѣ: много нужно, чтобы возбудить въ русскомъ человѣкѣ страсть, и глухо, медленно разгарается она въ неприступныхъ и сокровенныхъ глубинахъ сердца; за то и нескоро остываетъ, а выказывается съ какою-то ужасающею ледяностію тяжело и неповоротливо. Отъ нея нѣтъ спасенія — отъ нея нѣтъ пощады [407]). И потому, русскій богатырь не торопливъ на мщеніе: его

мщеніе [408]) не остынетъ отъ сладкаго обѣда, не заснетъ отъ зелена вина; онъ можетъ и покушать и выспаться, безъ всякаго вліянія на владѣющее имъ чувство. И это чувство проявляется у него грубо и жестоко, какъ у Добрыни Никитича, который казнитъ злую еретницу Марину. Что̀ такое эта Марина — не мудрено попять: это родная сестра княгини Апраксѣевны, и [409]) притомъ старшая сестра, далеко превосходящая ее въ полнотѣ выражаемой ею идеи. Это типъ женщины, живущей внѣ общественныхъ условій, свободно предающейся своимъ страстямъ и склонностямъ. Она въ связи со Змѣемъ Горынчатымъ—тѣломъ русскаго любовника, какъ мы замѣтили выше; но она не должна отличаться излишнею вѣрностію своему любовнику: она только больше другихъ любитъ его. Она умѣетъ и приворожить и отлучить, и оборотить оборотнемъ [410]). Она предается сама всѣмъ непстовствамъ и помогаетъ другимъ: ея теремъ—пріютъ [411]) для всѣхъ веселыхъ людей обоего пола. Она горькая пьяница; она еретница и безбожница. О граціозности ея нечего и говорить. Но вотъ о чемъ слѣдуетъ замѣтить: Анна Ивановна, крестная мать Добрыни, еще *мудреннѣя* и *хитрѣя* самой Марины: она и саму Марину можетъ обратить во что захочетъ. Она другъ *честной вдовы*—матери Добрыни; она принимаетъ горячее участіе въ правомъ дѣлѣ; она сидитъ на пиру не хвастается: по всему этому, она—представительница добраго начала, какъ Марина злаго; она добрая, благодѣтельная волшебница, какъ Марина злая и вредная. Но она пьетъ зелено вино; ея слова къ Маринѣ дышатъ площаднымъ цинизмомъ; она бьетъ Марину по щекамъ, валяетъ ее на полъ, топчетъ ногами ея груди бѣлыя, словомъ: она въ граціи ни на-волосъ не уступаетъ Маринѣ... Далѣе, изъ другихъ сказокъ, мы увидимъ, что идеалъ женщины по русской фантазіи всегда одинъ и тотъ же: это все та же Марина, только въ разныхъ видахъ...

Великій князь на пиру вызываетъ охотника очистить «дороги прямоѣзжія» до его зятя любимаго, до грозна короля Етмануйла Етмануйловича, вырубить Чудь бѣлоглазую, перекрошить Сорочину долгополую, а и тѣхъ Черкесъ пятигорскіихъ, и тѣхъ Калмыковъ съ Татарами, Чукчи всѣ бы и Алюторы (лютеране?) [412]). Вызвался только одинъ Добрыня Никитичъ. Просилъ онъ у своей матушки благословенья на шесть лѣтъ, да еще *въ запасъ* на двѣнадцать. Мать спрашиваетъ его, на кого онъ покидаетъ свою молоду жену, когда еще не прошли и свадебные дни. «Что же мнѣ дѣлать и какъ же быть? *изъ чего же насъ богатырей князю и жаловати?*»—отвѣчаетъ Добрыня, и наказываетъ своей молодой женѣ, душѣ Настасьѣ Никулишнѣ ждать его двѣнадцать лѣтъ, а тамъ пожалуй хоть и идти замужъ за кого похочетъ, а только бы не ходить за его брата названаго—Алешу Поповича. Добрыня удачно совершилъ свой подвигъ, а между-тѣмъ проходитъ шесть лѣтъ, проходитъ и двѣнадцать,—и никто на Настасьѣ не сватается; а посваталъ ее великій князь за Алешу Поповича. Когда ту свадьбу ко вѣнцу повезли, ѣдетъ Добрыня въ Кіевъ; старые люди переговариваютъ: «Знать-де полетка соколиная, видать и поѣздка

молодецкая—что быть Добрынѣ Никитичу». Входитъ онъ въ опустѣлый теремъ, нѣкому его встрѣтить—матушка его старёхонька. Поздоровавшись съ нею, онъ спѣшитъ къ великому князю Владиміру отдать отчетъ въ своемъ порученіи. Втапоры за то князь похвалилъ: «Исполать тебѣ, добрый молодецъ, что служишь правдою и вѣрою». Говоритъ тутъ Добрыня Никитичъ младъ: «Гой еси, сударь, *мой дядюшка*, ласково солнце, Владиміръ князь! *Не диво Алешъ Поповичу* —диво князю Владиміру: хочетъ у жива мужа жену отнять». Втапоры Настасья засовалася, *хочетъ прямо скочить, обезчестить столы;* говорилъ Добрыня Никитичъ младъ: «А и ты *душка* Настасья Никулишна! прямо не скочи, не безчести столы: будетъ пора, кругомъ обойдешь». Взялъ за руку ее и вышелъ изъ-за убраныхъ столовъ, извинялся князю Владиміру, да и молодому Алешѣ Поповичу: «Гой еси, мой названный братъ, Алеша Поповичъ младъ! Здравствуй женившись—да не съ кѣмъ спать!»

Мы еще встрѣтимся съ Добрынею Никитичемъ; но и теперь уже видно, что̀ онъ такое. Это честный и добрый богатырь, ненавистникъ лжи, притворства и хитростей, заклятый врагъ Змѣю Горынчату, которому стары люди напророчили погибнуть отъ него отъ Добрыни. Хотя Алеша и названый братъ Добрынѣ, но Добрыня всегда держитъ камень за пазухою противъ Алеши и не кладетъ ему пальца въ ротъ: такъ противоположенъ его прямой и честный характеръ лукавому и на всякія пакости способному характеру Поповича. Добрыня, по прошествіи двѣнадцати лѣтъ, позволяетъ женѣ своей идти за кого ей угодно, кромѣ одного Алеши. Упрекая князя за жену свою, онъ говоритъ: «*Не диво Алешъ Поповичу*—диво князю Владиміру: хочетъ у жива мужа жену отнять». А впрочемъ они—братья названые, и взаимно уважаютъ другъ друга въ качествѣ сильныхъ могучихъ богатырей. Оба эти характера — два разные типа народной фантазіи, представители разныхъ сторонъ народнаго сознанія. Къ дополненію характера Добрыни, мы должны прибавить, что въ немъ есть какая-то простоватость, и хотя въ одной поэмѣ [413]) и говорится, что «у Алеши вѣжество нерожденное», а «у Добрыни вѣжество рожденное и ученое»,—однако это должно отнести больше къ честности и добротѣ, чѣмъ къ рыцарской ловкости Добрыни. Никитичъ—нечего грѣха таить—простоватъ и мѣшковатъ—гнетъ дугу не паритъ, переломитъ не тужитъ. Цалуются голуби—ему за бѣду становится и за великую досаду учиняется. Хочетъ онъ застрѣлить голубей — и попадаетъ въ окно къ Маринѣ. Не для чего-нибудь, а для шутки, его можно назвать русскимъ Аяксомъ Теламонидомъ.

Илья Муромецъ отличается отъ всѣхъ другихъ богатырей. Онъ—старъ человѣкъ, на пирахъ не похваляется [414]), онъ тридцать лѣтъ сидѣлъ сиднемъ, и вся остальная часть жизни его посвящена была на очищеніе проѣзжихъ дорогъ отъ разбойниковъ и разныхъ чудищъ. Это русскій Геркулесъ. Въ первый разъ онъ является ко Владиміру во время пира. Поднесли ему Ильѣ чару зелена винà

въ полтора ведра, онъ принялъ ее одной рукой и выпилъ единымъ духомъ. Говорилъ ему ласковый Владиміръ князь: «Ты скажись, молодецъ, какъ именемъ зовутъ, а по имени тебѣ можно мѣсто дать, по изотчеству пожаловати»—А ты, ласковый стольный Владиміръ князь! а меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ; и проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую изъ стольнаго города изъ Мурома, изъ того села Корочаева.—Говорятъ тутъ могучіе богатыри: «А ласково солнце, Владиміръ князь! *Въ очахъ дѣтина завирается*, и а гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею, залегла та дорога тридцать лѣтъ отъ того Соловья-разбойника». Илья говоритъ, что онъ привезъ съ собою Соловья-разбойника и проситъ князя выдти на дворъ — посмотрѣть его «удачи *богатырскія*». Когда всѣ вышли, Илья сталъ Соловья уговаривать: «Ты послушай меня, Соловей разбойникъ младъ! посвисти, Соловей, по-соловьиному; пошипи, змѣй, по-змѣиному; зарявкай, звѣрь, по-турпному—и потѣшь князя Владиміра». Послушался Соловей разбойникъ—накурилъ онъ бѣды несносныя: князи и бояра и всѣ богатыри могучіе на корачкахъ по двору наползалися, гостины кони со двора разбѣжалися, а Владиміръ князь едва живъ стоитъ со душой княжной Апраксѣевной: «А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ! Уйми ты Соловья разбойника, а и эта шутка намъ не надобна».

Калинъ, царь Золотой-Орды, осадилъ Кіевъ; а войска съ нимъ было на сто верстъ. Зачѣмъ мать сыра земля не погнется, зачѣмъ не разступится? Отъ пару конинаго мѣсяцъ и солнце померкнуло. Садился Калинъ на *ременчатъ* стулъ, писалъ ярлыки скорописчаты — отъ мудрости слово поставлено; посылалъ ко князю Владиміру Татарина мѣрою трехъ саженъ, голова съ пивной котелъ въ сорокъ ведеръ, промежь плечами косая сажень, посылалъ его сказать князю, что возьметъ его князя въ полонъ, Божьи церкви *на дымъ пуститъ*. Татаринъ спасову образу не молится, Владиміру князю не кланяется, и въ Кіевѣ людей ничѣмъ не зоветъ; бросилъ ярлыки на круглый столъ передъ князя Владиміра, а князь запечалился, глядючи въ ярлыки—заплакалъ свѣтъ: по грѣхамъ надъ княземъ учинилося, богатырей въ Кіевѣ не случилося. Втапоры, *Василій-пьяница* взбѣжалъ на башню на стрѣльную, беретъ онъ свой тугой лукъ разрывчатый, калену стрѣлу переную, *наводилъ онъ трубками нѣмецкими*, стрѣлялъ онъ въ Калина царя, не попалъ во собаку Калина царя, а попалъ въ зятя его Сартака: угодила стрѣла ему въ правый глазъ и ушибла его до смерти. И тутъ Калину за бѣду стало; послалъ онъ другаго Татарина къ князю Владиміру, чтобъ выдалъ того виноватаго. Втапоры, съ тоя стороны полуденныя, что ясный соколъ въ перелетъ летитъ, какъ бѣлый кречетъ перенархиваетъ, бѣжитъ *паленица удалая, старый казакъ* Илья Муромецъ. Входитъ онъ во гридню свѣтлую, Спасу со Пречистою молится, бьетъ челомъ князю со княгинею и на всѣ четыре стороны, а самъ Илья усмѣхается: «Гой еси, сударь Владиміръ князь! Что у тебя за болванъ пришелъ, что за дуракъ неотесанный?» Князь проситъ Илью пособить ему думушку подумати: сдать ли, не сдать ли Кіевъ градъ, безъ бою, безъ драки великія, безъ того кровопролитія напраснаго.

Илья не совѣтуетъ ему печаловаться, а велитъ на Спаса надѣяться, да велитъ ему насыпать мису чиста серебра, другую красна золота, а третью скатнаго жемчуга. Взявъ дары, Муромецъ пошелъ съ Татариномъ въ станъ къ царю Калину. А не честно у него Калинъ принялъ золоту казну, самъ прибраниваетъ. И тутъ Ильѣ за бѣду стало: «собака проклятый ты Калинъ царь! отойди съ Татарами отъ Кіева; охота ли вамъ, собаки, живымъ быть». И тутъ Калину за бѣду стало—велѣлъ связать Ильѣ руки бѣлыя чембурами шелковыми; а втапоры Ильѣ за бѣду стало: «Собака проклятый ты Калинъ царь!» *и проч.* И тутъ Калину за бѣду стало, и плюетъ Ильѣ во ясны очи: «А русскій людъ всегда хвастливъ, опутанъ весь—будто лысой бѣсъ, еще ли стоитъ передо мною, самъ хвастаетъ». Илья пожалъ плечами—чембуры лопнули, схватилъ Илья Татарина за ноги, который ѣздилъ въ Кіевъ градъ, и зачалъ Татариномъ помахивати: куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ, куды отвернетъ—съ переулками, а самъ Татарину приговариваетъ: «А и крѣпокъ Татаринъ, не ломится, а и жиловатъ, собака, не изорвется!» *) Разбѣжались татарскія полчища; воротился Илья ко Калину царю, схватилъ онъ Калина во бѣлыя руки, самъ онъ Калину приговариваетъ: «Васъ-то царей не бьютъ, не казнятъ, не бьютъ не казнятъ и не вѣшаютъ». Согнетъ его корчагою, воздымалъ выше буйныя головы своей, ударялъ его о горючь камень, расшибъ его въ крохи..... Достальные Татары на побѣгъ бѣгутъ, сами они заклинаются: «Не дай-Богъ намъ бывать ко Кіеву! Не дай-Богъ намъ видать Русскихъ людей! Не-ужь-то въ Кіевѣ всѣ таковы, одинъ человѣкъ всѣхъ Татаръ прибилъ?» Илья Муромецъ пошелъ искать своего товарища, того ли Ваську пьяницу, и скоро нашелъ его на кружалѣ Петровскімъ, привелъ ко князю Владиміру. А пьетъ Илья довольно зелена вина съ тѣмъ Васильемъ со пьяницей, и называетъ Илья того пьяницу Василья братомъ названымъ.

Хотя лицо Васьки-пьяницы является какъ-бы вскользь, мимоходомъ, однако оно столь же, если еще не болѣе, важно, какъ и лица всѣхъ другихъ героевъ народной фантазіи. Знаете ли вы, читатели, что̀ такое Васька-пьяница? Если вы засмѣетесь [415]) надъ этимъ приложеніемъ къ собственному имени, надъ этимъ тривіальнымъ и *безнравственнымъ* прозвищемъ *пьяницы*, если оно покажется вамъ смѣшнымъ, или пошлымъ,—вы не понимаете [416]) глубоко-миѳическаго значенія Васьки... Этотъ Васька—любимое дитя народнаго сознанія, народной фантазіи; это не олицетвореніе слабости или порока, въ поученіе и назиданіе [417]) другихъ; это, напротивъ, похвальба подразумѣваемою слабостью. Мы не споримъ, что пьянство порокъ; но если тотъ или другой порокъ есть порокъ націи,—на него должно уже смотрѣть съ философской точки зрѣнія, должно обращать вниманіе, во-первыхъ, на историческія причины, вслѣдствіе которыхъ тотъ или другой порокъ сдѣлался общимъ для цѣлой націи, а во-вторыхъ, на то, какъ

*) Новый примѣръ саркастической ироніи русской.

являетъ себя народъ въ этомъ порокѣ. Общественная нравственность древней Руси исключила пьянство изъ числа пороковъ: оно было улегитимировано общественнымъ сознаніемъ. Русскій человѣкъ пьетъ и съ горя и съ радости; и передъ дѣломъ, чтобъ дѣло живѣе кипѣло, и послѣ дѣла, чтобъ отдыхъ былъ пріятнѣе; и передъ опасностью, чтобъ море было по колѣно, и по избѣжаніи опасности, чтобъ веселѣе было похвастаться ею. У русскаго человѣка много пословицъ въ пользу пьянства: «пьяный проспится, дуракъ никогда»; «пьяному море по колѣно»; «пьянъ да уменъ—два угодья въ немъ», и т. п. Кружало—турниръ, балъ русскаго человѣка. Въ нашемъ простонародьѣ и теперь всѣ пьютъ—и старики, и молодые, и женщины, и дѣти. У насъ пьянаго на улицѣ ни оберутъ, ни прибьютъ, но бережно обойдутъ. Просвѣщеніе уже уничтожаетъ и уничтожитъ этотъ порокъ, и дай-Богъ, чтобъ это скорѣе сдѣлалось; но въ этомъ порокѣ русскій человѣкъ является не съ одной дурной стороны своей. Виноватъ ли русскій мужичокъ въ томъ, что для него не существуетъ ни театра, ни книги, ни вечеринки (ибо вечеринка только тамъ, гдѣ женщина играетъ первую роль и гдѣ все для нея)? Я очень уважаю трезвость, но мнѣ случалось встрѣчать такихъ пьяницъ, которые лучше многихъ трезвыхъ, и едва ли только не на одной святой Руси можно встрѣтить такихъ. Человѣкъ съ слабой натурой гнется отъ несчастія, какъ тростинка отъ вѣтру; человѣкъ съ сильной натурой, если не устоитъ противъ несчастія, то сокрушается отъ него, какъ дубъ отъ напора грозы. Русскій человѣкъ, женившись не по любви, получалъ отвращеніе отъ жены, которую долженъ кормить трудами своими. Нѣмецъ и тутъ не потерялся бы—онъ сдѣлался бы примѣрнымъ супругомъ, аккуратнымъ хозяиномъ и вообще «нравственнымъ» человѣкомъ (т. е. человѣкомъ, которому можно обходиться въ жизни и безъ любви, съ однимъ картофелемъ, пивомъ и кнастеромъ). Попавши въ состояніе противорѣчія, русскій человѣкъ дѣлался суровымъ, билъ жену, колотилъ дѣтей, не жилъ дома, трудовую копейку несъ на кружало, отдавалъ ее за зеленò вино, которое, въ дикомъ, животномъ, но широкомъ и могучемъ разметѣ души заставляетъ его забывать тяжкое горе злонасмѣявшейся надъ нимъ жизни. Въ старину, на Руси, отъявленными пьяницами были богатыри, грамотники, умники, искусники, художники. Если теперь слова «художникъ» и «ученый» не имѣютъ ничего общаго съ словомъ «пьянство», такъ это потому, что общественное мнѣніе нашего времени улегитимировало наконецъ званіе художника и ученаго, общество приняло ихъ въ среду свою и дало имъ почетное мѣсто; а то, вѣдь тяжело жить умному среди глупыхъ, быть игрушкою и предметомъ презрѣнія ихъ глупости—по неволѣ пойдетъ онъ на кружало, да, приложивъ руку къ уху, затянетъ:

А и горе, горе, горевальице,
А въ горѣ жить—не кручинну быть!

Неопредѣленность общественныхъ отношеній, сжатая извнѣ внутренняя сила, всегда становятъ народъ и человѣка въ трагическое положеніе. Пьянство рус-

скаго человѣка есть не слабость,—какъ слабость, пьянство особенно гнусно:—пьянство русскаго человѣка есть порокъ, и порокъ не комическій, а трагическій... Удивительно ли послѣ этого, что [418]) русскіе богатыри единымъ духомъ выпиваютъ чару зелена вина въ полтора ведра, турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра?.. Удивительно ли, что на Руси пьяницы спасали отечество отъ бѣды и допускались къ столу Владиміра красна-солнышка?.. Васька-пьяница—это человѣкъ, который знаетъ любимое правило народной мудрости: *пей, да дѣло разумѣй*, человѣкъ, который съ вечера повалится на полъ замертво, а встанетъ раньше всѣхъ, и службу сослужитъ лучше трезваго. Это—повторяемъ—одинъ изъ главнѣйшихъ героевъ народной фантазіи: отъ того-то и Илья Муромецъ съ нимъ выпилъ довольно зелена вина и назвалъ того пьяницу Василья братомъ названымъ.

Разъ поѣхалъ Илья Муромецъ съ своимъ братомъ названымъ, Добрынею Никитичемъ, и будутъ они у рѣки Череги, у матушки у Сафатъ-рѣки, и сказалъ Илья Добрынѣ, чтобъ ѣхалъ онъ за горы высокія, а самъ-де я останусь у Сафатъ-рѣки. И наѣхалъ Добрыня на бѣлъ шатеръ; изъ того шатра выходила баба Горынинка, и у нихъ съ Добрынею учинился бой, драка великая, бросали они палицы тяжкія, стали драться рукопашнымъ боемъ. А Илья наѣхалъ по слѣду бродучему на богатыря Збута Бориса королевича, который въ то время съ руки спускалъ ясна сокола-выжлоку, а увидѣвъ Илью, сказалъ выжлоку, чтобъ летѣлъ куда хочетъ: теперь-де мнѣ не до тебя. Збутъ королевичъ угодилъ стрѣлою въ грудь стара казака Ильи Муромца, а Илья не бьетъ его палицею тяжкою, не вымаетъ изъ налужна тугой лукъ, изъ колчана калену стрѣлу, не стрѣляетъ онъ Збута Бориса королевича—его только схватилъ въ бѣлы руки и бросаетъ выше дерева стоячаго. Подхвативъ его на лету, положилъ на сыру землю и сталъ спрашивать о *дядинѣ*, *отчинѣ*. «Кабы у тебя на грудяхъ сидѣлъ, я споролъ бы тебѣ старому груди бѣлыя» сказалъ Збутъ. И до того его Илья билъ, пока всю правду сказалъ: «Я того короля Задонскаго». А втапоры заплакалъ Илья Муроменъ, глядючи на свое дитя милое. Пріѣхавъ домой, Збутъ Борисъ королевичъ разсказалъ свою удачу матушкѣ. А втапоры его матушка разлилася о сыру землю, и не можетъ во слезахъ слова молвити: «Зачѣмъ ты на Илью напущался, а надо бы тебѣ ему *поклонитися о праву руку до сырой земли:* онъ по роду тебѣ батюшка, старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ». Поѣхалъ Илья искать своего брата названаго, Добрыню Никитича: и дерется онъ съ бабой Горынинкой—едва душа его въ тѣлѣ *полудневетъ* [419]). Говоритъ ему Илья Муромецъ: «Не умѣешь ты, Добрыня, съ бабой дратися: а бей ты бабу..... по щекѣ....., шинай.... [420]), а женской полъ отъ того пухолъ». А и втапоры она баба покорнлася, говоритъ она баба таковы слова: «Не ты меня побилъ, Добрыня Никитичъ младъ: побилъ меня старый казакъ Илья Муромецъ, единымъ словомъ». Добрыня скочилъ ей бѣлы груди пороть чингалищемъ булатнымъ; взмолилася баба Ильѣ Муромцу, обѣщаетъ много злата, серебра,

и повела ихъ въ погреба глубокіе, они сами богатыри дивуются; оглянулся Илья Муромецъ во тѣ во раздолья широкія—молодой Добрыня Никитичъ младъ втапоры бабѣ голову срубилъ.

Изъ этой сказки видно, что Илья Муромецъ былъ сильнѣе всѣхъ богатырей, и самого Добрыни, и что хотя онъ съ дамами обращался въ духѣ русскаго рыцарства, однако не чуждъ былъ и любовныхъ похожденій. Добрыня тутъ является въ неизмѣнномъ своемъ характерѣ—заклятаго врага всѣхъ *Горынчатовъ* и *Горынинковъ*, мужеска и женска пола; но что за баба Горынинка—Богъ вѣсть! Вообще, это одна изъ самыхъ нескладныхъ и дикихъ сказокъ.

Послѣдняя сказка объ Ильѣ Муромцѣ «Станишники» сбивается своимъ содержаніемъ на его приключеніе съ Соловьемъ-разбойникомъ. На него напали разбойники, а онъ вмѣсто ихъ, выстрѣлилъ въ кряковистый дубъ и разбилъ его въ щепы; разбойники со страху попадали, пять часовъ безъ ума лежали, а тамъ будто отъ сна пробуждалися: а Сема встаетъ пересемываетъ, а Спиря встаетъ, то постыриваетъ,—и всѣ они просятъ его взять ихъ въ свое холопство вѣковѣчное. А Илья говоритъ имъ: «А и гой еси вы, братцы, станишники! поѣзжайте отъ меня во чисто поле, скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу, про стараго казака Илью Муромца».

На пиру у себя Владиміръ князь сказалъ Потоку Михайлу Ивановичу—сослужить службу заочную, съѣздить къ морю синему, на теплыя, тихи заводи, настрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ малыхъ уточекъ къ его столу княженецкому, «до люби-де тебя молодца пожалую». Настрѣлявъ птицъ вдоволь, Потокъ хотѣлъ воротиться въ Кіевъ, какъ вдругъ увидѣлъ бѣлую лебедушку, она черезъ перо была вся золота, а головушка у ней увивана краснымъ золотомъ, и скатнымъ жемчугомъ усажена. Натянулъ онъ свой тугой лукъ—заскрипѣли полосы булатныя и завыли рога у туга лука, а и чуть было спуститъ калену стрѣлу—провѣщается ему лебедь бѣлая, Авдотьюшка Лиховидьевна: «А и ты, Потокъ Михайло Ивановичъ! не стрѣляй ты меня лебедь бѣлую, нѣ въ кое время пригожуся тебѣ!» Обернулась она красной дѣвицей, воткнулъ Потокъ копье въ землю, привязалъ къ нему коня, схватилъ дѣвицу за бѣлы руки и цалуетъ ее въ уста сахарныя. Авдотьюшка Лиховидьевна втапоры больно его уговаривала: «А ты, Потокъ Михайло Ивановичъ! хотя ты на мнѣ и женишься, и кто изъ насъ прежде умретъ, второму за нимъ живому во гробъ итти». Согласившись, онъ поѣхалъ къ Кіеву, а она полетѣла обернувшись лебедушкой. И дивуется Потокъ, что онъ нигдѣ не мѣшкалъ, ни стоялъ, а она опередила его, и подъ окошечкомъ косящатымъ сидитъ. Пріѣхавъ къ князю, Потокъ разсказалъ свое похожденіе, и просилъ его сдѣлать для него пиръ свадебный, веселый. Обвѣнчавши Потока съ Авдотьей, попы взяли съ нихъ присягу, кто прежде кого умретъ, второму живому въ гробъ итти. Черезъ полтора года, Авдотья Лиховидьевна съ вечера она расхворалася, ко по-

луночи разболѣлася, поутру и преставилася. Вырыли могилу глубиною, шириною по двадцати саженъ, погребали тѣло авдотьино, и тутъ Потокъ Михайло Ивановичъ съ конемъ и со сбруею ратною опустился въ тое жъ могилу глубокую, и заворочали потолкомъ дубовымъ, и засыпали песками желтыми, а надъ могилою поставили деревянный крестъ,—только мѣсто оставили веревкѣ одной, котора была привязана къ колоколу соборному. Въ могилѣ для страху Потокъ зажигалъ свѣчи воску яраго, и въ полночь собирался къ нему всѣ гады змѣиные, а потомъ пришелъ большой змѣй—онъ жжетъ и палитъ пламенемъ огненнымъ. А Потокъ не робокъ былъ, саблю схватилъ да змѣю голову отрубилъ, и тою головою змѣиною учалъ тѣло авдотьино мазати. Втапоры она еретница изъ мертвыхъ пробуждается, Потокъ за веревку схватилъ; услышавъ звонъ, пришли и разрыли ихъ, объявили князю Владиміру и тѣмъ попамъ соборнымъ, поновили [421]) ихъ святой водой, приказали имъ жить по старому. Когда Потокъ умеръ, его молоду жену съ нимъ вмѣстѣ зарыли живую, и тутъ имъ стала быть память вѣчная.

Трудно сказать что нибудь объ этой сказкѣ—такъ чужда она всякой опредѣленности. Всѣ лица и событія ея—миражи: какъ будто что-то видишь, а между тѣмъ ничего не видишь [422]). Почему Авдотья Лиховидьевна—колдунья, не знаемъ, потому что она ни образъ,ни характеръ [423]). Или всѣ женщины, по понятію нашихъ добрыхъ дѣдовъ, были колдуньи? Не мудрено: вѣдь и сама любовь понималась ими не иначе какъ дьявольскимъ навожденіемъ... [424]) Потокъ—тоже что-то въ родѣ ничего, и вообще вся эта сказка—ничего, изъ котораго ничего и не выжмешь.

Какъ издалеча было изъ Галичья, изъ Волынца города изъ Галичія, выѣзжалъ удача добрый молодецъ, молодой Михайло Казарянинъ, ѣхалъ онъ ко князю Владиміру; спрашивалъ его Владиміръ князь, отколь пріѣхалъ и какъ зовутъ, чтобъ по имени ему мѣсто дать, по изотчеству пожаловати; наливалъ онъ ему чару зелена вина — не велика мѣра въ полтора ведра, и провѣдываетъ могучаго богатыря, чтобъ выпилъ чару зелена вина и турій рогъ меду сладкаго въ полтора третья. Затѣмъ онъ сдѣлалъ ему такое же порученье, какъ и Потоку Михайлу Ивановичу. Когда онъ возвращался съ настрѣленною дичью ко Владиміру, наѣхалъ въ полѣ сыръ кряковистый дубъ, на дубу сидитъ тутъ черный воронъ, съ ноги на ногу переступываетъ, онъ правильно перушко поправливаетъ, а и ноги, носъ — что̀ огонь горятъ. За бѣду Казарину показалося, и хочетъ онъ застрѣлить чернаго ворона, а черный воронъ ему провѣщится—проситъ его не трогати, а велитъ ему ѣхати дальше, а тамъ-де ему богатырю добыча есть. И увидѣлъ Казарянинъ въ полѣ три шатра, стоитъ бесѣда—дорогъ рыбій зубъ, на бесѣдѣ сидятъ три Татарина, три собаки наѣздники, передъ ними ходитъ красна дѣвица, русская дѣвица полоняночка, Марѳа Петровична, въ

слезахъ не можетъ слово молвити, *добрѣ-жалобно причитаючи*: «О злосчастная моя буйна голова! Горе-горькое, моя руса коса? а вечоръ тебя матушка расчесывала, расчесала матушка, заплетала; я сама, дѣвица, знаю, вѣдаю—расплетать будетъ мою русу косу тремъ Татаринамъ наѣздникамъ». Нашъ рыцарь перебилъ Татаръ, но съ дѣвицею полоняночкою поступилъ совсѣмъ не по-рыцарски: «Повелъ дѣвицу во бѣлъ шатеръ какъ чуть ему съ дѣвицею грѣхъ творить, а грѣхъ творить, съ нею блудъ блудить»—[425]) какъ дѣвица расплачется и скажетъ ему свое имя, что она-де изъ Волынца города, изъ Галичья, гостиная дочь. Казарянинъ узнаетъ въ ней родную сестру свою [426]). Взявъ ее съ собою, коней, оружіе и бесѣду Татаръ, пріѣхалъ ко князю Владиміру, который и беретъ себѣ всю его добычу, а ему говоритъ: «Исполать тебѣ добру молодцу, что служишь князю вѣрою и правдою».

Изъ-за моря, моря синяго, изъ славна Волынца, красна Галичья, изъ тоя Карелы богатыя, какъ ясный соколъ вонъ вылетывалъ, какъ-бы бѣлый кречетъ вонъ выпархивалъ,—выѣзжалъ удача добрый молодецъ, молодой *Дюкъ*, сынъ Степановичъ, а и конь подъ нимъ какъ-бы лютый звѣрь, лютый звѣрь конь—и буръ, косматъ, у коня грива на лѣву сторону, до сырой земли; онъ самъ на конѣ какъ ясенъ соколъ, крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ; немного съ Дюкомъ живота пошло, что куякъ и панцырь чиста серебра—въ три тысячи, а кольчуга на немъ красна золота—цѣна сорокъ тысячей, а и конь подъ нимъ въ пять тысячей. Почему коню цѣна пять тысячей?—За рѣку онъ броду не спрашиваетъ, котора рѣка цѣла верста пятисотная, онъ скачетъ съ берегу на берегъ: потому цѣна коню пять тысячей. Еще съ Дюкомъ живота немного пошло: пошелъ тугой лукъ разрывчатой, а цѣна тому луку три тысячи; потому луку цѣна три тысячи: полосы были серебряны, а рога красна золота, а и тетивочка была шелковая, а бѣлаго шелку шимаханскаго; и колчанъ пошелъ съ нимъ каленыхъ стрѣлъ, а въ колчанѣ было за триста стрѣлъ, всякая стрѣла по десяти рублевъ, а еще есть въ колчанѣ три стрѣлы, а и тѣмъ стрѣламъ цѣны не было: колоты онѣ были изъ трость древа, строганы въ Новѣгородѣ, клесны онѣ клеемъ осетра рыбы, перены онѣ перьицемъ сиза орла, а сиза орла, орла орловича, а того орла, птицы камскія,—не тоя-то Камы, коя въ Волгу пала, а тоя-то Камы за синимъ моремъ,—своимъ устьемъ впала въ сине море (т. е. не той Камы, которая есть на землѣ; а той, которой не бывало); а леталъ орелъ надъ синимъ моремъ, а ронялъ онъ перьица во сине море, а бѣжали гости корабельщики, собирали перья на синемъ морѣ, вывозили перья на святую Русь, продавали душамъ краснымъ дѣвицамъ: покупала дюкова матушка перо во сто рублей, во тысячу. Почему тѣ стрѣлки дороги?—потому онѣ дороги, что въ ушахъ поставлено по тирону, по каменю, по дорогу самоцвѣтному, а и еще у тѣхъ стрѣлокъ подлѣ ушей перевивано аравитскимъ золотомъ. Ѣздитъ Дюкъ подлѣ синя моря, и стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ; онъ днемъ стрѣляетъ, въ ночи тѣ стрѣлки собираетъ: какъ днемъ-то тѣхъ стрѣлочекъ не видѣти, а въ ночи тѣ стрѣлки что свѣчи горятъ—свѣчи теплются воска яраго:

потому онѣ, стрѣлки, дороги. Когда Дюкъ вошелъ во гридню владимірову, всѣ гости скочили съ мѣстъ на рѣзвы ноги: смотрятъ на Дюка—сами дивуются. Пошло пированье и столованье. Дюкъ съ тѣми князи и боярами откушалъ калачики крупчаты—онъ верхню корочку отламываетъ, а нижню корочку прочь откидываетъ. А во Кіевѣ былъ щастливъ добрѣ какъ-бы молодой Чурила, сынъ Пленковичъ—*оговорилъ* онъ Дюка Степановича: «Что ты, Дюкъ, чѣмъ чванишься?—верхню корочку отламываешь, а нижнюю прочь откладываешь». Говорилъ Дюкъ Степановичъ: «Ой ты, ой еси, Владиміръ князь! въ томъ ты у меня не прогнѣвайся—печки у тебя биты глиняны, а подики кирпичные, а помелечко мочальное въ лохань обмакиваютъ; а у меня Дюка Степановича, у моей сударыни матушки, печки были муравлены, а подики мѣдные, помелечко шелковое въ сыту медвяную обмакиваютъ; калачикъ съѣшь—больше хочется».

Эта неслыханная роскошь возбудила въ князѣ желаніе быть въ домѣ у Дюка, и, взявъ съ собою Чурилу и дворъ, онъ поѣхалъ. На крестьянскихъ дворахъ, Дюкъ такъ угостилъ Владиміра, что онъ сказалъ ему: «Каково про тебя сказывали, таковъ ты и есть». Переписывалъ Владиміръ князь дюковъ домъ, переписывали его четверо сутокъ, а и бумаги не стало. Втапоры Дюкъ повелъ гостей къ своей сударынѣ матушкѣ—и ужасается Владиміръ князь, что въ теремахъ хорошо изукрашено. Угостила матушка дюкова дорогихъ гостей, говорилъ ей ласковый Владиміръ князь: «Исполать тебѣ, честна вдова многоразумная со своимъ сыномъ Дюкомъ Степановымъ! Употчивала меня со всѣми гостьми [427]) и всѣми людьми; хотѣлъ-было вашъ и этотъ домъ описывати, да отложилъ всѣ печали на радости». Втапоры честна вдова многоразумная дарила князя своими честными подарками: сорокъ сороковъ черныхъ соболей, вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ, еще сверхъ того каменьи самоцвѣтными.

То старина, то дѣянье:
Синему морю на утѣшенье,
Быстрымъ рѣкамъ слава до моря;
А добрымъ людямъ на послушанье;
Веселымъ молодцамъ на потѣшенье!

Эта сказка одна изъ примѣчательнѣйшихъ, особенно по этому тону простодушной иронiи, съ какою описывается *бѣдность* вооруженія и вообще *живота*, бывшаго съ Дюкомъ,—по этой лукавой скромности, съ какою Дюкъ объясняетъ князю причину, почему онъ ѣстъ у калачиковъ только верхнюю корочку. Эта простодушная иронія есть одинъ изъ основныхъ элементовъ русскаго духа: русскій человѣкъ любитъ похвастаться, но никогда не хвастаетъ прямо, а всегда обинякомъ, болѣе же всего съ скромнымъ самоуниженіемъ, въ родѣ слѣдующаго: «гдѣ-ста намъ дуракамъ чай пить!», «что наше за богатство—всего тысячь сто въ мѣсяцъ получаемъ, да и тѣ съ горемъ пополамъ; не знаемъ-де, куда класть и прятать».—Дюкъ богаче князя Владиміра, за то Владиміръ велитъ описывать его имѣніе, и только будучи ужь слишкомъ употчиванъ, «отлагаетъ

всѣ печали на радости», а матушка Дюка даритъ князю трое сороковъ мѣховъ и каменьевъ самоцвѣтныхъ:—черта чисто восточная!..

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ-море;
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты днѣпровскіе!

Изъ-за моря, моря синяго, изъ глухоморья зеленаго, отъ славнаго города Леденца, отъ того-де царя вѣдь заморскаго, выбѣгали, выгребали тридцать кораблей, тридцать кораблей—единъ корабль славнаго гостя богатаго, молода Соловья, сына Будиміровича. Хорошо корабли изукрашены—одинъ корабль получше всѣхъ: у того было сокола у корабля вмѣсто очей было вставлено по дорогому каменю, по яхонту, вмѣсто бровей было прибивано по черному соболю *якутскому*, и *якутскому* вѣдь *сибирскому;* вмѣсто уса было воткнуто два острa копья мурзамецкія, и два горностая повѣшены, два горностая, два зимніе; у того было сокола у корабля вмѣсто гривы прибивано двѣ лисицы бурнастыя; вмѣсто хвоста повѣшено на томъ было соколѣ кораблѣ два медвѣдя бѣлые заморскіе; носъ, корма по-туриному, бока взведены по-звѣриному. На томъ кораблѣ былъ сдѣланъ *муравленъ чердакъ*, въ чердакѣ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ, подернута бесѣда рытымъ бархатомъ; на бесѣдѣ-то сидѣлъ *Купавъ* молодецъ, молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ; спрашивалъ онъ гостей корабельщиковъ и цаловальщиковъ любыхъ, чѣмъ ему ласкова князя Владиміра будетъ дарить. (Послѣ мы увидимъ, что̀ они ему присовѣтовали). Прибѣжали корабли подъ славной Кіевъ-градъ, якори метали въ Днѣпръ-рѣку, сходни бросали на крутъ бережокъ, товарную пошлину платили. Соловей у князя въ гриднѣ и подноситъ ему свои дороги подарочки: сорокъ сороковъ черныхъ соболей, вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ; княгинѣ поднесъ камку бѣло-хрущатую, недорога камочка—узоръ хитеръ: *хитрости Царяграда, мудрости Іерусалима*, замыслы Соловья, сына Будиміровича; на златѣ и серебрѣ—не погнѣваться. Князю дары полюбилися, а княгинѣ наипаче того. Говорилъ ласковой Владиміръ князь: «Гой еси ты богатый гость Соловей, сынъ Будіміровичъ! займуй дворы княженецкіе, займуй ты боярскіе, займуй ты дворы и дворянскіе». Соловей ото всего отказывается, а проситъ только загонъ земли, непаханыя и не ораныя, у княженецкой племянницы, у молодой *Запавы Путятишной,* въ ея зеленомъ саду, въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ, построить ему, Соловью, паряденъ дворъ! Походилъ Соловей на свой червленъ корабль: «Гой еси вы, мои люди работные! берите вы топорики булатные, подите къ Запавѣ во зеленый садъ, постройте мнѣ снаряденъ дворъ, въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ». Съ вечера, позднимъ-поздно, *будто дятлы въ дерево пощолкивали,* работала его дружина хоробрая, ко полуночи и дворъ поспѣлъ: три терема златоверховаты, да трои сѣни косящатыя, да трои сѣни рѣшетчатыя. Хорошо въ теремахъ изукрашено: на небѣ солнце—въ теремѣ солнце; на небѣ мѣсяцъ—въ теремѣ мѣсяцъ; на небѣ звѣзды—въ теремѣ

звѣзды; на небѣ заря—въ теремѣ заря, и вся красота поднебесная. Рано просыпалася Запава, посмотрѣла Запава въ окошечко косящатое, въ вишенье, въ орѣшенье,—чудо Запавѣ показалося: «Гой еси, нянюшки и мамушки, красныя сѣнныя дѣвушки! подите-тко посмотрите-тко, что̀ мнѣ за чудо показалося въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ!» Тѣ отвѣчаютъ ей [428]): «Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло». Бросилася Запава въ терема; у перваго терема послушала: тутъ въ теремѣ щелчитъ, молчитъ—лежитъ соловьева золота казна. Во второмъ теремѣ послушала: по-маленьку говорятъ, все молитвы творятъ — молится соловьева матушка со вдовы честны, многоразумными. У третьяго терема послушала: тутъ въ теремѣ музыка гремитъ. Входила Запава въ сѣни косящатыя, отворяла двери на пяту,—больно Запава испугалася, рѣзвы ноги подломилися, чудо въ теремѣ показалося: на небѣ солнце—въ теремѣ солнце, и проч. Подломились ея ноженьки рѣзвыя; втапоры Соловей онъ догадливъ былъ, бросилъ свои звончаты дусли, подхватывалъ дѣвицу за бѣлы ручки, клалъ на кровать слоновыхъ костей, га на тѣ ли перины пуховыя. «Чего-де ты, Запава, испужалася? мы-де оба на возрастѣ».—«А и я-де дѣвица на выданьѣ, пришла-де сама за тебя свататься». Тутъ они и помолвили, цаловалися, миловалися, золотыми перстнями обмѣнялися. Провѣдавъ про то соловьева матушка, свадьбу посрочила: «Съѣзди-де за моря синія, и когда-де тамъ расторгуешься, тогда-де и на Запавѣ женишься». Втапоры же поѣхалъ и Голый Шапъ Давидъ Поповъ, скоро онъ за морями исторгуется, а скорѣй того назадъ въ Кіевъ прибѣжалъ, приходитъ ко князю съ подарками—пришесъ сукно смурое, да крашанину печатную. Втапоры его князь о Соловьѣ спрашивалъ; отвѣчалъ ему Голый Шапъ, что видѣлъ Соловья въ Леденцѣ городѣ, у того царя заморскаго; Соловей-де въ протоможье попалъ, и за то посаженъ въ тюрьму, а корабли его отобраны на его жь царское величество. Больно Владиміръ закручинился, скоро вздумалъ о свадьбѣ—что отдать Запаву за Голаго Шапа Давида Попова. Тысяцкой—ласковый Владиміръ князь, сватева—княгиня Апраксѣевна, въ поѣзду—князи и бояре, поѣзжали ко церкви Божіей. Втапоры на девяноста корабляхъ прибылъ Соловей во Кіевъградъ. Тотчасъ по поступкамъ Соловья опознывали, приводили его ко княженецкому столу. Сперва говорила Запава Путятишна: «Гой еси, мой сударь, дядюшка, ласковый, сударь, Владиміръ князь! Тотъ-то мой прежній обрученный женихъ, прямо, сударь, скачу—обезчещу столы». Говорилъ ей ласковый Владиміръ князь: «Гой еси, ты Запава Путятишна! а ты прямо не скачи—не безчести столы». Выпускали ее изъ-за дубовыхъ столовъ, пришла она къ Соловью, поздоровалась, взяла его за рученьку бѣлую и сѣла съ нимъ на большо мѣсто, а сама она Запава говорила Голому Шапу таково слово: «Здравствуй, женимши, да не съ кѣмъ спать?» Втапоры ласковый Владиміръ князь веселъ былъ, а княгиня наипаче того; поднимали пирушку великую.

Разъ на пиру, Владиміръ князь сказалъ Ивану Годиновичу: «Гой еси, Иванъ ты Годиновичъ! а зачѣмъ ты, Иванушка, не женишься?»—Радъ бы, осударь, женился, да негдѣ взять: гдѣ охота брать, за меня не даютъ; а

гдѣ-то подаютъ, ту я самъ не беру. Князь велѣлъ ему садиться на *ременчатъ* стулъ, писать ярлыки *скоропищаты* о добромъ дѣлѣ, о сватаньѣ, къ Дмитрію, черниговскому гостю богатому. А Владиміръ князь ему руку приложить: «А не ты, Иванъ, поѣдешь свататься, сватаюсь я-де Владиміръ князь». А скоро Иванъ поѣздку чинитъ по городу Чернигову: *два девяносто* верстъ переѣхалъ въ два часа. Прочиталъ ярлыкъ Дмитрій гость: «Глупый Иванъ, неразумный Иванъ»! гдѣ ты, Иванъ, перво былъ? нынѣ Настасья просватана, душа Дмитревна запоручена въ дальню землю загорскую, за царя Афромея Афромеевича; за царя отдать—ей царицею слыть,—пановя и улановья всѣ поклонятся, а нѣмецкихъ языковъ счету нѣтъ; за тебя, Иванъ, отдать—холопкой слыть, избы мести, заходы скрести». Тутъ Иванушкѣ за бѣду стало—схватилъ ярлыкъ, да и прямо въ Кіевъ ко Владиміру князю. Тутъ ему князю за бѣду стало, рветъ на главѣ черны кудри свои, бросаетъ о кирпищетъ полъ: «Гой еси, Иванъ Годиновичъ! возьми ты у меня, князя, сто человѣкъ русскихъ могучихъ богатырей, у княгини ты бери другое сто, у себя, Иванъ, третье сто; поѣзжай ты о добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ: честью не дастъ, ты и силой бери». Выпала пороша — поѣхалъ Иванъ съ дружиною на три звѣриные слѣда: сто человѣкъ посылалъ за гнѣдымъ туромъ; другое сто—за лютымъ звѣремъ, а третье сто—за дикимъ вепремъ; велѣлъ изъимать ихъ бережно—безъ тоя раны кровавыя, и привесть ихъ въ Кіевъ градъ; а самъ онъ, Иванъ, поѣхалъ одинъ въ Черниговъ градъ. У Димитрія гостя богатаго сидятъ мурзы, улановья, *по-нашему сибирскому дружки словутъ*, привезли они отъ царя платье цвѣтное на душку Настасью Дмитревну; а самъ онъ царь Афромей отъ Чернигова въ трехъ верстахъ стоитъ, и съ нимъ силы три тысячи. Взялъ Иванушка Годиновичъ душку Настасью изъ-за занавѣсу *бѣлаго* за руку *бѣлую*, потащилъ онъ Настасью—*лишь туфли звенятъ*. Взговоритъ ему Дмитрій гость: гой еси ты, Иванушка Годиновичъ! суженое пересуживаетъ, ряженое переряживаетъ; можно тебѣ взять не гордостью—веселымъ пиркомъ, свадебкою».—Не могъ ты честью мнѣ отдать—нонѣ беру и не кланяюсь.—Посадилъ Настасью съ собой на добра коня, переѣхалъ онъ девяносто верстъ, и поставилъ тутъ свой бѣлъ шатеръ, изволилъ онъ, Иванъ, съ Настасьей опочивъ держать. Пересказали царю мурзы и улановья *телячьимъ* языкомъ вѣсточку нерадостную, а и тутъ царь закричалъ, заревѣлъ зычнымъ голосомъ; Иванъ предложилъ царю боротися—кому Настасья достанется. Согнетъ онъ царя корчагою, опустилъ на сыру землю—царь лежитъ, свѣту не видитъ. Отошелъ Иванъ за кустикъ . . . . ; а царь пропищалъ: «Думай, Настасья, не продумайся; за царемъ за мною быть—царицею слыть; за Иваномъ быть—холопкой слыть, избы мести, заходы скрести». А и снова борьба начинается—втапоры Настасья Ивана за ноги изловила—тутъ его двое и осилили. Привязалъ его царь за руки бѣлыя ко сыру дубу, сталъ съ Настасьей поигрывати, а назолу даетъ ему молоду Ивану Годиновичу. По его было талану добра молодца, прибѣжала перва высылка изъ Кіева, они срѣзали чембуры шелковые его Ивана опрастывали. Говоритъ тутъ Иванушка Годиновичъ:

«А и гой еси, дружина хоробрая! Ихъ-то царей не бьютъ, не казнятъ, не бьютъ, не казнятъ, не бьютъ и не вѣшаютъ: поведите его ко городу Кіеву, ко великому князю Владиміру». А самъ онъ Иванъ остался во бѣломъ шатрѣ, сталъ жену учить. *(Поученье Ивана есть повтореніе того, которое Добрыня далъ Маринѣ, съ слѣдующею разницею въ концѣ:* «и этотъ языкъ мнѣ не надобенъ—говорилъ онъ съ царемъ невѣрнымъ и сдавался на его слова прелестныя»). Пріѣхавъ къ князю, Иванъ благодаритъ его за милость великую, что женилъ его на душкѣ Настасьѣ Дмитревнѣ. Услышавъ отъ Ивана о *поученьи*, втапоры князь веселъ сталъ, отпускалъ Вахромея царя, своего подданника, въ его землю загорскую: только его увидѣли, что обернется гнѣдымъ туромъ, поскакалъ далече въ чисто поле къ силѣ своей.

На пиру у князя Владиміра пригодились тутъ двѣ честныя вдовы—Чесовая жена и Блудова жена—обѣ жены богатыя, богатыя жены дворянскія. Промежду собой сидятъ, *за прохладъ говорятъ*. Сватала Блудова жена сына своего Гордена за дочь Чесовой жены, Авдотью Чесовичну. Втапоры Авдотья Чесовична (мать) осердилася, била ее по щекѣ, таскала по полу кирпищету, и при всемъ народѣ, при бесѣдѣ, вдову опозорила, и весь народъ тому смѣялися. Скоро пошла вдова Блудова ко своему двору, а идетъ она шатается; выбѣжалъ къ ней за ворота широкія Горденъ сынъ Блудовичъ; поклонился матушкѣ въ праву ногу: «Гой еси, матушка! что ты, сударыня, идешь закручинилася? Али мѣсто тебѣ было не отчинѣ? али чарой зеленымъ виномъ обносили тебя?» Авдотья Блудовна жалобу приноситъ сыну своему Гордену Блудовичу; молодой Горденъ уклалъ спать свою родимую матушку—*втапоры она была пьяная*. И пошелъ Горденъ на дворъ къ Чесовой женѣ, сжималъ песку горсть цѣлую, бросилъ онъ по высокомъ терему, гдѣ сидитъ молода Авдотья Чесовична—полтерема сшибъ, виноградъ подавилъ. Втапоры Авдотья Чесовична бросилась будто бѣшенная изъ высокаго терема, пробѣжала мимо Гордена, ничего не говоря, на княженецкій дворъ своей родимой матушкѣ жаловатися. Втапоры пошелъ туда же и Горденъ—разсматривать вдову Чесову жену. Вдовины ребята съ нимъ заздорили, взяли Гордена пощипывати, надѣючись на свою родимую матушку. Горденъ имъ взмолится: «Не троните меня, молодцы! а меня вамъ убить, не корысть получить!» Они не послушались, онъ ихъ всѣхъ перебилъ, а было ихъ пять человѣкъ. Вдова Чесова посылала еще своихъ четырехъ сыновей—убить Гордена, и только одинъ хотѣлъ было ударить его по уху—Горденъ вертокъ былъ, того онъ ударилъ о землю и до смерти ушибъ, а также и остальныхъ троихъ. Взялъ онъ Горденъ Авдотью Чесовичну за руки бѣлыя, да и повелъ ко Божьей церкви вѣнчатися; а поутру столъ собралъ, позвалъ князя со княжной и молоду свою тещу, Авдотью Чесову жену. Втапоры было Чесова жена *загординилася*, не хотя идти къ своему зятю; тутъ Владиміръ князь стольный кіевскій и со княгинею стали ее уговаривати, чтобъ она то больше не кручи-

нилася, не кручинилася и не гнѣвалася,—и она тутъ ихъ послушалася, пришла къ зятю на веселый пиръ, стала пити, ясти, прохлаждатися.

Былъ пиръ у князя Владиміра. Князи и бояра пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются, *и великимъ княземъ похваляются;* и только изъ нихъ одинъ бояринъ Ставръ Годиновичъ не пьетъ, не ѣстъ *и при всей братьи не хвастаетъ*, только наединѣ съ товарищемъ *таковы рѣчи сказываетъ:* «Что это за крѣпость въ Кіевѣ, у великаго князя Владиміра? У меня-де, Ставра боярина, широкій дворъ не хуже города Кіева: а дворъ у меня на семи верстахъ, а гридни, свѣтлицы бѣлодубовы, покрыты гридни сѣдымъ бобромъ, потолокъ во гридняхъ черныхъ соболей, полъ, середа одного серебра, крюки да пробои по булату злачены». *Слуги вѣрные* донесли о томъ князю Владиміру: приказалъ князь сковать Ставра боярина, посадить въ погреба глубокіе, дворъ его запечатати и молоду жену его взять ко двору. Перепала вѣсть нерадошна молодой женѣ ставровой; скоро она наряжается, и скоро убирается: скидывала съ себя волосы женскіе, надѣвала кудри черныя, а на ноги сапоги зеленъ сафьянъ, и надѣвала платье богатое, богатое посольское, и называлась грознымъ посломъ, Василіемъ Ивановичемъ, а и будто изъ дальней орды, золотой земли, отъ грозна короля Етмануйла Етмануйловича—брать съ князя Владиміра дани невыплаты, не много не мало за двѣнадцать лѣтъ, за всякій годъ по три тысячи. А и тутъ больно князь запечалился: кидался, метался, то улицы метутъ, ельникъ ставили передъ воротами ждутъ посла. Вывела княгиня князя за собой и во тѣ во подвалы, погреба, молвила словечко тихонько: «ни о чемъ ты, осударь, не печалуйся: а не быть тому грозному послу Василью Ивановичу—быть ставровой молодой женѣ Василисѣ Микулишнѣ; знаю я примѣты по женскому: *она по двору идетъ, будто уточка плыветъ, а по горенкѣ идетъ—частенько ступаетъ, а на лавку садится—колѣнки жметъ; а и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки*, дюжина изъ перстовъ не вышли всѣ (??)». Втапоры князь употчивалъ посла до-пьяна, хочетъ его провѣдати, вызываетъ его боротися съ семью богатырями, и того посолъ Василій не пятится, вышелъ онъ на дворъ боротися: первому борцу изъ плеча руку выдернетъ, а другому борцу ногу выломитъ, она третьяго хватила поперегъ хребта, ушибла его середи двора. *А плюнулъ князь да и прочь пошелъ:* «Глупая княгиня, неразумная! *у тя волосы долги, умъ коротокъ*: называешь ты богатыря женщиною—такого посла у насъ не было еще и видано». А княгиня стоитъ на своемъ; втапоры князь опять посла провѣдаетъ, вызываетъ его изъ туга лука стрѣлять со своими могучими богатырями. Отъ тѣхъ стрѣлочекъ каленыхъ, и отъ той стрѣльбы богатырскія, только сырой дубъ шатается, будто отъ погоды сильныя. Посолъ отъ лука отказывался, есть-де у меня лучонко волокитный, съ которымъ я ѣзжу по чисту полю. Кинулися ея добры молодцы, подъ первый ротъ несутъ пять человѣкъ, подъ другой—столько же, а колчанъ каленыхъ стрѣлъ тащитъ тридцать человѣкъ. Вытягивала она лукъ за ухо, хлеснетъ по сыру

дубу, изломила его въ черенья ножовые, и Владиміръ князь окорачь наползался, и всѣ тутъ могучіе богатыри встаютъ какъ угорѣлые. Плюнулъ Владиміръ князь, самъ прочь пошелъ, говорилъ себѣ таково слово: «Развѣ самъ Василья посла провѣдаю». Сталъ съ нимъ въ шахматы играть, три заступи заступовали и три заступи посолъ поигралъ, и сталъ требовать дани, выходы, невыплаты. Говоритъ Владиміръ князь: «Изволь меня, посолъ, взять головой съ женой». Посолъ спросилъ князя: «Нѣтъ ли у тебя кому въ гусли поиграть?» Втапоры Владиміръ спохватился, велѣлъ расковать и привести Ставра боярина; втапоры посолъ скочилъ на рѣзвы ноги, посадилъ Ставра противъ себя въ дубову скамью. И зачалъ тутъ Ставръ поигрывати: *съиграшъ съиралъ Царяграда, танцы навелъ Іерусалима, величалъ князя со княгинею, сверхъ того игралъ еврейской стихъ*. Посолъ задремалъ и спать захотѣлъ, отказывался отъ даней, выходовъ и прослъ себѣ только *весела молодца*, Ставра боярина Годиновича; и поѣхалъ съ нимъ ко Днѣпръ-рѣкѣ, во свой бѣлъ шатеръ, а князь провожалъ его со княгинею. Говорилъ посолъ таково слово: «пожалуй-де, осударь, Владиміръ князь, посиди до того часу, какъ я высплюся». Раздѣвался посолъ изъ своего платья посольскаго, и убирался въ платье женское, притомъ говорилъ таково слово: «Гой еси, Ставръ, веселъ молодецъ! какъ ты меня не опознываешь? а доселева мы съ тобою въ свайку игрывали, у тебя ли была свайка серебряная, а у меня кольцо позолоченное, и ты меня поигрывалъ,—и я тебѣ толды, вселды». И втапоры Ставръ боярынъ догадается, скидавалъ платье черное, и надѣвалъ на себя посольское; и съ великимъ княземъ и со княгинею прощалися, отъѣзжали въ свою землю дальнюю.

Теперь намъ остается проститься [427]) съ ласковымъ Владиміромъ краснымъ-солнышкомъ и со княгинею Апраксѣевною: въ поэмѣ, которой содержаніе мы готовимся изложить [428]), они являются въ послѣдній разъ,—Владиміръ мелькомъ, Апраксѣевна—героинею, во всемъ апоѳеозѣ своей женственности, граціозности и нравственности.

Сорокъ каликъ со каликою шли на поклоненіе въ Іерусалимъ изъ пустыни Ефимьевы, изъ монастыря Боголюбова, выбрали они себѣ большаго атамана молода *Касьяна*, сына *Михайловича*, и положили они заповѣдь великую: кто что украдетъ, или пустится на женскій соблазнъ, да не скажетъ атаману, того закопать по плеча въ сыру-землю и во чистомъ полѣ одного оставить. Подъ Кіевомъ они встрѣтились съ Владиміромъ княземъ, а онъ, князь, охотился; завидѣли его калики перехожіе, становилися во единъ кругъ, клюки, посохи въ землю потыкали, а и сумочки исповѣсили, кричатъ калики зычнымъ голосомъ, дрогнетъ матушка сыра-земля, съ деревъ вершины попадали, подъ княземъ конь окорачился, а богатыри съ коней попадали, а Сипря сталъ поспиривати, а Сема сталъ посемывати, они-то ему князю Владиміру поклонилися, прошаютъ у него милостыню великую, а и чѣмъ бы молодцамъ душа спасти. Князь оговариваетъ, что съ нимъ на охотѣ ничего нѣту и посылаетъ ихъ въ

Кіевъ-градъ, ко душѣ княгинѣ Апраксѣевнѣ, *честна роду дочь королевична*, напоитъ, накормитъ она молодцовъ, надѣлитъ всѣмъ въ дорогу злата, серебра. Пришли калики, рявкнули, съ теремовъ верхи попадали, а съ горницъ охлонья попадали, въ погребахъ питья всколебалися; становилися во единъ кругъ, прошаютъ милостыню великую у молоды княгини Апраксѣевны. Молода княгиня испужалася, а и больно она передрогнула, звала каликъ во гридни свѣтлыя: молода княгиня Апраксѣевна поджавъ ручки будто Турчаночки, со своими нянюшки и матушки, со красными сѣнными дѣвушки; молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ садился на мѣсто большаго; отъ лица его молодецкаго, какъ-бы отъ солнышка отъ краснаго, лучи стоятъ великіе. Послѣ пиру хотятъ они калики во путь идти, а у молодой княгини Апраксѣевны не то на умѣ, не то въ разумѣ: плетъ она Алешу Поповича атамана ихъ уговаривати, чтобъ не итти имъ сего дня и сего числа; зоветъ онъ Алеша Касьяна Михайловича ко княгинѣ Апраксѣевнѣ на долгіе вечеры посидѣти, забавны рѣчи побанти, а сидѣть бы наединѣ въ спальнѣ съ ней. Замутилось его сердце молодецкое—отказалъ онъ Алешѣ Поповичу. На то княгиня осердится, велѣла Алешѣ прорѣзать у Касьяна суму рыта бархата, запихать бы чарочку серебряну. Когда калики ушли, княгиня посылаетъ Алешу въ погонь за ними, у Алеши вѣжество нерожденное, онъ сталъ съ каликами задорити, обличаетъ ворами, разбойниками; не давалися калики въ обыскъ ему, поворчалъ Алеша и назадъ поѣхалъ. Втапоры Владиміръ князь пріѣхалъ въ Кіевъ градъ, со Добрынею Никитичемъ. Молода княгиня Апраксѣевна посылала Добрыню Никитича въ погонь за Касьяномъ Михайловичемъ; у Добрыни вѣжество рожденное и ученое—настигъ онъ каликъ во чистомъ полѣ, вскочилъ съ коня, самъ челомъ бьетъ: «Гой еси, Касьянъ Михайловичъ! не наведи гнѣва на князя Владиміра, прикажи обыскать калики перехожіе, *нѣтъ ли промежу васъ глупаго*». Нигдѣ-то чарочка не явилася, у молода Касьяна пригодилася. Закопали атамана по плеча во сыру-землю, едина оставили во чистомъ полѣ. Калики въ путь пошли, а Добрыня въ Кіевъ съ тою чарочкой серебряною. А съ того время часу захворала скорбью недоброю, слегла княгиня въ великое во гноище. Сходили калики въ Іерусалимъ градъ, святой святынѣ помолилися, Господню гробу приложилися, во Ерданѣ-рѣкѣ искупалися, нетлѣнною ризою утиралися. На дорогѣ назадъ увидѣли молода Касьяна: онъ ручкой машетъ, голосомъ кричитъ, подаетъ онъ Касьянъ ручку правую, а они-то къ ручкѣ приложилися, съ нимъ поцаловалися. Молодой Касьянъ выскакивалъ изъ сырой земли, какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда, а всѣ они молодцы дивуются па его лицо молодецкое, а и кудри на немъ молодецкія до самаго пояса: стоялъ Касьянъ въ землѣ шесть мѣсяцевъ. Пришедши въ Кіевъ, ко дворцу, стоятъ они калики по-тихохоньку. Касьянъ посылаетъ *легкаго молодчика* доложиться князю Владиміру: прикажетъ ли идти намъ пообѣдати; князь послалъ имъ поклонитися и звать ихъ. Касьянъ спрашиваетъ князя о княгинѣ; князь едва рѣчи выговорилъ: «мы-де уже недѣлю другу не ходимъ къ ней». Молодой Касьянъ тому не брезгуетъ, пошелъ со княземъ во спальню

къ ней, а и князь идетъ, свой носъ зажалъ, молоду Касьяну то ничто ему, *никакого духу онъ не вѣруетъ*. Втапоры княгиня *прощалася*, что нанесла рѣчь напрасную. Молодой Касьянъ, сынъ Михайловичъ а и дунулъ духомъ святымъ своимъ на младу княгиню Апраксѣевну—не стало у ней того духу, пропасти, оградилъ ее святой рукой, прощаетъ ея плоть женскую, захотѣлось ей—пострадала она, лежала въ сраму полгода. Затѣмъ пошелъ ширъ горой, калики въ путь наряжаются, а Владиміръ князь убивается. Молода княгиня Апраксѣевна вышла изъ кожуха какъ изъ пропасти; тутъ же къ нимъ ко столу пришла, молоду Касьяну поклоняется безъ стыда, безъ сорому, а грѣхъ свой на умѣ держитъ. Калики съ Касьяномъ собрались и въ путь пошли до своего монастыря Боголюбова и до пустыни Ефимьевы.

Эта поэма носитъ на себѣ характеръ легенды и замѣчательна по противорѣчію тона первой ея половины съ тономъ послѣдней: тамъ калики—сущіе сорванцы [429]) «орутъ, рявкаютъ, прошаютъ милостыню»; тутъ они—если не граціозны, мужиковаты, зато кротки и очестливы. Въ Касьянѣ выражена идея человѣка, освятившагося страданіемъ отъ неправаго наказанія; въ его великодушномъ поступкѣ съ Апраксѣевною есть что-то умиряющее душу. Только одна Апраксѣевна осталась въ своемъ прежнемъ характерѣ: молоду Касьяну поклоняется безъ стыда, безъ сорому, а грѣхъ свой на умѣ держитъ...

По саду, саду, по зеленому, ходила, гуляла молода *княжна* Марѳа Всеславьевна; она съ камени скочила на лютаго на змѣя; обвивается лютый змѣй около чебота зеленъ-сафьянъ, около чулочика шелкова, *хоботомъ* бьетъ по бѣлу стегну. А втапоры *княгиня* поносъ понесла, и поносъ понесла и дитя родила; а на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ, а въ Кіевѣ родился могучъ богатырь, какъ-бы молодой Волхъ Всеславьевичъ: подрожала сыра земля, сотряслося словно царство индійское, а и сине море сколебалося для ради рожденья богатырскаго, молода Волха Всеславьевича; рыба пошла въ морскую глубину, птица полетѣла высоко въ небеса, туры да олени за горы пошли, зайцы, лисицы по чащицамъ, а волки, медвѣди по ельникамъ, соболи и куницы по островамъ...

Это начало поэмы есть высочайшій зенитъ, крайняя апогея [430]), до какой только достигаетъ наша народная поэзія; это апоѳеоза богатырскаго рожденія, полная величія, силы и того размашистаго чувства, которому море по колѣно, и которое есть исключительное достояніе русскаго народа [431]). Мы не будемъ пересказывать всей этой поэмы, потому-что не найдемъ въ ней, какъ и въ прежнихъ, никакого опредѣленнаго идеала народной фантазіи. По-прежнему, это—*что то*, силящееся стать ѳбразомъ, и все остающееся символомъ; сквозь произвольную и узорочную ткань этого «что-то» брезжится, какъ искра во тьмѣ, призракъ мысли, но никакъ не можетъ разгорѣться въ свѣтлое пламя. Волхъ—и богатырь и колдунъ; оборотившись горностаемъ, онъ сбѣгалъ въ царство индій-

ское, «у тугихъ луковъ тетивки накусывалъ, у каленыхъ стрѣлъ желѣзцы повынималъ, *у того ружья, вѣдь у огненнаго кременья и шомполы* повыдергалъ, и все онъ въ землю закопывалъ» *). Обернувшись яснымъ соколомъ, полетѣлъ къ своей дружинѣ хорабрыя, повелъ ее въ царство индійское—стѣна стоитъ; Волхъ оборотилъ своихъ молодцовъ мурашниками, велѣлъ имъ всѣхъ поголовно бить въ царствѣ индійскомъ, и только на *сѣмя* оставить по выбору семь тысячей душечки красны дѣвицы. Пришедши къ царю индійскому, *Салтыку* Ставрульевичу, говорилъ ему таково слово: «А и васъ-то царей не бьютъ, не казнятъ»; ухватя его ударилъ о кирпищатъ полъ, расшибъ его въ крохи..... И тутъ Волхъ самъ царемъ насѣлъ, взявши царицу Азвяковну, молоду Елену Александровну, а и та его дружина хорабрая на тѣхъ дѣвицахъ переженилися.

Вообще, идеалъ русскаго богатыря—физическая сила, торжествующая надъ всѣми препятствіями—даже надъ здравымъ смысломъ. Коли ужъ богатырь—ему все возможно, а противъ него ничто не устоитъ; объ стѣну лбомъ ударится—стѣна валится, а на лбу и шишки нѣтъ. Героизмъ есть первый моментъ пробуждающагося народнаго сознанія жизни, а дикая животная сила, сила желѣзнаго кулака и чугуннаго черепа—первый моментъ народнаго сознанія героизма. Оттого у всѣхъ народовъ богатыри цѣлыхъ быковъ съѣдаютъ, баранами закусываютъ, а бочками сороковыми запиваютъ. Но народъ, въ жизни котораго развивается *общее*, идетъ далѣе,—и просвѣтлѣніе животной силы чувствомъ долга, правды и доблести бываетъ вторымъ моментомъ его сознанія героизма. Наши народныя пѣснопѣнія остановились пока на первомъ моментѣ и дальше не пошли. И потому наши богатыри—тѣни, призраки, миражи, а не образы, не характеры, не идеалы опредѣленные. У нихъ нѣтъ никакихъ понятій о доблести и долгѣ, имъ всякая служба хороша, для нихъ всякая удаль—подвигъ: и цѣлое войско побить, конемъ потоптать, и единымъ духомъ вышить полтора ведра зелена вина и турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра, и настрѣлять къ княженецкому столу гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ малыхъ сѣрыхъ уточекъ, и стольничать и приворотничать... А между-тѣмъ, въ этихъ неопредѣленныхъ, дикихъ и безобразныхъ образахъ есть уже начало духовности, которой не доставало только исторической жизни, идеальнаго развитія [435]), чтобъ возвыситься до мысли и возрасти до опредѣленныхъ образовъ, до полныхъ и прозрачныхъ идеаловъ: мы разумѣемъ эту отвагу, эту удаль, этотъ широкій разметъ души, которому море по колѣно, для котораго и радость и горе—равно торжество, которое на огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонетъ,—этотъ убійственный сарказмъ, эту простодушно-язвительную иронію надъ жизнію, надъ собственною и чужою удалью, надъ собственною и чужою бѣдою, эту способность не торопясь, не задыхаясь, воспользоваться удачею и также точно поплатиться счастіемъ и жизнію, эту несокрушимую мощь и крѣпость духа, которыя—повторяемъ—есть какъ-бы исключительное достоинство русской натуры... [436]) Русская

*) Позднѣйшая прибавка и, вѣроятно, самаго собирателя, т. е. Кирши Данилова [432]).

поэзія, какъ и русская жизнь (ибо въ народѣ жизнь и поэзія—одно), до Петра Великаго есть тѣло полное [437]), избыткомъ органической жизни, крѣпкое, здоровое, могучее, великое, вполнѣ способное, вполнѣ достойное быть сосудомъ необъятно-великой [438]) души, но—тѣло, лишенное этой души, и только ожидающее, ищущее ея... Петръ вдунулъ въ него душу живу—и замираетъ духъ при мысли о необъятно-великой [439]) судьбѣ, ожидающей народъ Петра...

Собирался царь Саулъ Леонидовичъ за сине море, въ дальню орду, въ половецку землю—брать дани и невыплаты; прощался онъ съ царицей на двѣнадцать лѣтъ, оставлялъ ее черевасту и наказывалъ: буде дочь родится—воспоить, воскормить, замужъ отдать, а любимаго зятя за нимъ послать; а буде сынъ родится—воспоить, воскормить и за нимъ послать. Родился у царицы сынъ Константинушко, ростетъ не по днямъ, по часамъ, а который *ребенокъ двадцати годовъ*, онъ Константинушко семи годовъ. Присадила его матушка учиться, скоро ему грамата далася и писать научился. Сталъ онъ, Константинушко, по улицамъ похаживати, сталъ съ ребятами шутку шутить съ усатыми, бородатыми, онъ шутки шутитъ не по-ребячью, а *творки творилъ не по-маленькимъ:* котораго возьметъ за руку, изъ плеча тому руку выломитъ; и котораго задѣнетъ за ногу, но..... ногу оторветъ прочь; и котораго хватитъ поперегъ хребта, тотъ кричитъ, реветъ, окорачъ ползетъ, безъ головы домой прійдетъ. Князи, бояра дивуются, и всѣ купцы богатые: а что это у насъ за уродъ ростетъ, что это у насъ за выб....чекъ? [440]) Стали на него царицѣ жалобу творить, а царица стала его журить, бранить, а журить, бранить, на умъ учить, смиренно жить.

(Онъ спрашиваетъ у матери, есть ли у него батюшка: мать разсказываетъ ему все дѣло; много царевичъ не спрашиваетъ: вышелъ на крылечко, закричалъ коня осѣдлать—да и былъ таковъ. На пути онъ перебилъ войско татарское—царя *Кунгура Самородовича).*

И поѣхалъ Константинушко ко городу Угличу; онъ бѣгаетъ, скачетъ по чисту полю, *хоботы* металъ по темнымъ лѣсамъ, спрашиваетъ себѣ сопротивника, сильна могуча богатыря, съ кѣмъ побиться, подраться и поратиться. А углицки мужики были лукавые: городъ Угличъ крѣпко заперли, а сами со стѣны Константинушку обманываютъ: «Гой еси, удалой молодецъ! поѣзжай ты подъ стѣну бѣлокаменну, а и нѣту у насъ царя въ Ордѣ, короля въ Литвѣ, мы тебя поставимъ царемъ въ Орду, королемъ въ Литву». У Константинушки умокъ молодёшенекъ, зеленёшенекъ—сдавался на ихъ слова прелестныя: подъѣзжалъ онъ подъ стѣну, а мужики углицки крюки да багры закинули, и его молодца и съ конемъ подымали на стѣну высокую; связали да и засадили въ погреба глубокіе, запирали дверями желѣзными, засыпали хрящомъ, пески мелкими. Царь Саулъ воротился въ свое царство Алыберское, узналъ въ чемъ дѣло, поскакалъ въ Угличъ, а тѣ же мужики Угличи *извощики*, съ нимъ ѣхавши разсказываютъ, какого молодца засадили, и примѣтки его повѣдаютъ. Царь упрекаетъ

ихъ, что не спросили ни дядины, ни отчины, и посадили въ подвалы глубокіе—а онъ-де у Кунгура не мало силы перебилъ—можно за то вамъ его благодарити и пожаловати. Когда Саулу выдали его сына, онъ спросилъ заплечнаго мастера и приказалъ главныхъ мужиковъ въ Угличѣ казнити и вѣшати. Пріѣхалъ Саулъ съ сыномъ домой—не пива у царя варить, не вина курить, пиръ пошелъ на радостяхъ.

Слѣдующая [441]) пѣсня отличается какимъ-то поэтически-унылымъ тономъ. Содержаніе ея состоитъ въ томъ, что добрый молодецъ, переѣхавъ черезъ рѣку *Сомородину*, похаялъ ее; рѣка провѣщала ему человѣческимъ голосомъ, какъбы душою красной дѣвицей, что онъ забылъ на томъ берегу два ножа булатные; когда онъ вновь переправлялся, рѣка Сомородина потопила его, отвѣчая на его мольбы, что не она топитъ его, *молодца безвременнаго*, а топитъ-де тебя похвальба твоя, пагуба. Вотъ начало этой наивной и грустной пѣсни [442]):

„Когда было молодцу пора, время великое, честь-хвала молодецкая: Господь-Богъ миловалъ, государь-царь жаловалъ, отецъ-мать молодца у себя во любви держатъ, а и родъ, племя на молодца не могутъ насмотрѣться; сосѣди, ближніе почитаютъ и жалуютъ; друзья и товарищи на совѣтъ съѣзжаются, совѣту совѣтывать, крѣпку думушку думати они про службу царскую и службу воинскую. Скатилась ягодка съ сахарнаго деревца, отломилась вѣточка отъ кудрявыя отъ яблони; отстаетъ добрый молодецъ отъ отца, сынъ отъ матери, а нынѣ ужь молодцу безвременье великое: Господь-Богъ прогнѣвался, государь-царь гнѣвъ возложилъ, отецъ и мать молодца у себя не въ любви держатъ, а и родъ, племя молодца не могутъ и видѣти; сосѣди ближніе не чтутъ, не жалуютъ, а друзья и товарищи на совѣтъ не съѣзжаются. А нынѣ ужь молодцу кручина великая и печаль не малая. Со кручины-де молодецъ, со печали великія, пошелъ онъ на свой на конюшенный дворъ, бралъ добрый молодецъ онъ добра коня стоялаго, поѣхалъ добрый молодецъ на чужу, дальню сторону“.

Какъ гармонируетъ грустное окончаніе этой поэмы съ ея грустнымъ началомъ!...

И вотъ мы кончили *весь* циклъ собственно-богатырскихъ сказокъ, чуждыхъ всякаго историческаго значенія. Теперь намъ слѣдуетъ приступить къ лучшему, благоуханнѣйшему цвѣту народныхъ поэмъ—поэмъ Великаго Новагорода, этого источника русской народности, откуда вышелъ весь бытъ русской жизни. Новгородскихъ поэмъ немного—всего четыре; но эти четыре стоятъ всѣхъ, какъ по преимущественно-поэтическому достоинству, такъ и по субстанціальности [443]) своего содержанія. Онѣ—ключъ къ объясненію всей народной русской поэзіи, равно какъ и къ объясненію характера быта русскаго. Послѣ нихъ, мы приступимъ къ обозрѣнію сказокъ собственно такъ-называемыхъ потомъ къ пѣснямъ историческимъ, казацкимъ, разбойничьимъ [444]), а наконецъ уже къ семейнымъ и обряднымъ; все это сдѣлаемъ мы въ четвертой и послѣдней нашей статьѣ, которую, по недостатку мѣста и значительной величинѣ настоящей статьи, отлагаемъ до слѣдующей книжки «Отеч. Записокъ». Мы

увѣрены, что высокій интересъ предмета нашей статьи—русская народная поэзія, на которую доселѣ еще не обращалось должнаго вниманія [445]),—извинитъ въ глазахъ читателей нашу невольную отсрочку окончанія статьи.

*558. **Русская Бесѣда**, собраніе сочиненій русскихъ литераторовъ, издаваемое въ пользу *А. Ф. Смирдина*. Томъ I. Санктпетербургъ. 1841. Въ 8-ю д. л. 658 стр. [446]).

Имя Смирдина неразрывно связано съ исторіею русской литературы. Будь у насъ не одинъ, а нѣсколько такихъ книгопродавцевъ, какъ Смирдинъ, современная русская литература не являлась бы въ такомъ жалкомъ состояніи: не было бы этой агоніи, скудости въ хорошихъ книгахъ, не было бы исключительнаго торжества одной посредственности и книжной промышленности, которая только прикрывается громкими фразами безпристрастія и любви къ литературѣ. Въ наше время, деньги—душа всего; безъ нихъ нѣтъ ни поэзіи, ни литературы, ни науки. Это особенно относится къ Россіи, гдѣ охота къ чтенію еще только что распространяется, вкусъ публики и общественное мнѣніе не установились, и потому хорошія сочиненія не могутъ пріобрѣтать себѣ хода, опираясь лишь на свое собственное достоинство. При такомъ положеніи вещей, понятно, какое огромное вліяніе можетъ имѣть на литературу книгопродавецъ со средствами, съ усердіемъ къ своему дѣлу, не къ однимъ своимъ барышамъ. Онъ обезпечиваетъ трудъ писателя, издаетъ его книгу и даетъ ей ходъ, тогда какъ безъ него эта книга, можетъ-быть, никогда не была бы напечатана; а еслибъ автору и удалось какъ-нибудь издать ее, то онъ непремѣнно издалъ бы ее въ убытокъ себѣ, не говоря уже о невознагражденномъ трудѣ и потерянномъ времени, оторванномъ отъ другихъ, болѣе *хлѣбныхъ* занятій. Смирдинъ дѣйствовалъ на поприщѣ книгопродавческомъ рѣшительно «не въ примѣръ» другимъ русскимъ книгопродавцамъ: дѣйствовалъ усердно, безкорыстно и благородно. Ему обязана русская публика изданіемъ нашихъ классическихъ писателей—Карамзина, Державина, Батюшкова, Крылова, Жуковскаго, и многихъ другихъ. Онъ произвелъ рѣшительный переломъ въ цѣнности книжнаго товара: до него книги на Руси были дороже серебра и золота. Благородная страсть къ книгопродавческой дѣятельности, въ европейскомъ значеніи этого слова, послужила во вредъ его личнымъ выгодамъ и поколебала его коммерческое положеніе, обогативъ нѣкоторыхъ литераторовъ или «сочинителей». Онъ пришелъ въ необходимость обратиться съ просьбою о поддержкѣ къ той публикѣ, которой онъ служилъ съ такимъ безпримѣрнымъ безкорыстіемъ, съ такою пользою для нея, съ такимъ забвеніемъ собственныхъ личныхъ выгодъ. Впрочемъ, причиною теперешняго стѣсненнаго положенія Смирдина былъ общій кризисъ въ книжной торговлѣ, вдругъ происшедшій въ 1839-мъ году; не менѣе повредила ему, излишняя съ его стороны, исключительная довѣренность къ нѣкоторымъ литературнымъ авторитетамъ, ко-

торые не остались въ накладѣ отъ этой довѣренности, но умѣли, какъ слѣдуетъ, воспользоваться ею... [447]).

Самый способъ обратиться къ вспомоществованію одолженной имъ публики— дѣлаетъ большую честь Смирдину. Онъ проситъ у публики не пособія, но вниманія къ изданію, которое должно доставить ему выгоды, если разойдется все. Русскіе литераторы сдѣлали свое дѣло: забывъ о всякой парціальности, они спѣшатъ соединить въ одной книгѣ свои посильные труды. Теперь публикѣ остается заплатить свой долгъ Смирдину и поддержать славу русскаго общества. И публика вдвойнѣ не останется безъ вознагражденія: съ одной стороны, она поможетъ Смирдину, съ другой—пріобрѣтетъ себѣ четыре тома интересныхъ разсказовъ, статей для пріятнаго чтенія.

Первый томъ «Русской Бесѣды» разнообразенъ и занимателенъ; слѣдующіе будутъ еще интереснѣе. Въ первомъ томѣ помѣщены статьи Державина, Батюшкова, Фан-Дима, И. И. Панаева, Бенедиктова, Жуковой, Кукольника, князя Кропоткина, Бернета, Кульжинскаго, князя Шаховскаго, Каменскаго, Б. М. Ѳедорова, Губера, князя Кугушева, А. Н. Муравьева и Бороздны. Мы не войдемъ здѣсь въ разсмотрѣніе каждой изъ этихъ статей: подобное изданіе не требуетъ критики, хотя и можетъ не бояться неблагосклоннаго отзыва съ ея стороны. При томъ же, въ глазахъ критики, уважающей приличіе и доброе намѣреніе, всѣ статьи живыхъ литераторовъ должны быть здѣсь равно хороши. И потому, мы замѣтимъ только о двухъ произведеніяхъ писателей уже не существующихъ лично для современниковъ: объ одѣ Державина «Слѣпой Случай» и «Видѣніи на берегахъ Леты» Батюшкова. Оба они принадлежатъ къ самымъ посредственнымъ произведеніямъ этихъ писателей, и оба гораздо ниже ихъ славныхъ именъ; но Смирдинъ тѣмъ не менѣе заслуживаетъ признательность за сохраненіе этихъ пьесъ для потомства: все, относящееся къ знаменитымъ талантамъ, интересно,— и поэтическая ода «На смерть Мещерскаго», и реторически-прозаическое разсужденіе о «Слѣпомъ Случаѣ», и роскошно-поэтическая «Элегія на развалинахъ замка въ Швеціи», и неудачная попытка въ юмористическомъ родѣ «Видѣніе на берегахъ Леты»: то и другое—равно факты для исторіи русской литературы, хотя и не одинаковаго значенія. Не для похвалы «Русской Бесѣды» а для украшенія нашей рецензіи чѣмъ-нибудь остроумнымъ и забавнымъ, выписываемъ здѣсь миленькую и замысловатую басенку почтеннаго ветерана нашей поэзіи и литературы, талантливаго Б. М. Ф(Ѳ)едорова:

К о м а р ъ.

Лошадка возъ везла куда-то на базаръ,
Съ тяжелой кладью возъ: лошадка пріустала,
А на возу сидѣлъ комаръ:
Въ немъ жалость къ лошади припала.
Быть такъ, сказалъ комаръ, тебя я облегчу:
Чтобъ ты подъ бременемъ тяжелымъ не упала,
И съ воза я слечу.

Слетѣлъ комаръ, жужжитъ, летаетъ,
Свою умѣренность и жалость прославляетъ,
И то, какъ былъ тяжелъ,
И то, какъ онъ слетѣлъ.
Пигмейкинъ, — критикъ, тожъ мечтаетъ,
Что тяготя однихъ, другихъ онъ облегчаетъ...
Заносчивъ и хвастливъ!.. Комаръ всегда таковъ,
Хоть былъ бы изъ числа—журнальныхъ комаровъ.

Впрочемъ, какъ ни прекрасна эта остроумная басня, но она такъ мала и въ огромной книгѣ «Русской Бесѣды» занимаетъ такой ничтожный клочекъ бумаги, что совсѣмъ не по ней должно судить о достоинствѣ или недостаткахъ перваго тома изданія, предпринятаго съ благородною цѣлію—помочь почтенному Смирдину.

Наружность «Русской Бесѣды» отличается общими достоинствами всѣхъ изданій Смирдина: она не только опрятна и красива, но изящна *).

***559. Стихотворенія И. Бочарова.** Санктпетербургъ. Въ тип. *И. Глазунова и К°*. 1842. Въ 8-ю д. л. 51 стр. [449]).

Вотъ одна изъ тѣхъ книжекъ, которыя истинное наказаніе для рецензента! Публика всегда требуетъ, чтобъ рецензіи или были поучительны для нея, или забавляли и смѣшили ее; но перваго рода рецензіи можно писать только о дѣльныхъ сочиненіяхъ, а послѣднія—на книги особенно глупыя. Слѣдовательно, книга, которая ни хороша, ни худа, но принадлежитъ къ золотой серединѣ, плохая пожива для библіографіи: о ней нельзя сказать ни чего-нибудь дѣльнаго, ни чего-нибудь забавнаго. Таково свойство посредственности: она хуже всего худаго! Въ стихотвореніяхъ г-на Бочарова есть смыслъ, грамматика; версификація вездѣ правильна; нѣтъ ничего пошлаго, грубаго, нелѣпаго; мѣстами даже и стихъ гладокъ, мелькаетъ даже что-то похожее на чувство, словомъ «все обстоитъ благополучно»; незамѣтно только таланта.

***560. Сказка за Сказкой. Шахъ и Матъ.** Историческая повѣсть XIV столѣтія. *Александра Грамотова*. Санктпетербургъ. Въ тип. *Карла Крайя*. 1841. Въ 12-ю д. л. 59—98 стр. [450]).

Не смотря на нѣсколько изъисканный и натянутый разсказъ повѣсти «Шахъ и Матъ», она читается не безъ удовольствія, тѣмъ болѣе, что въ ней

---

*) Цѣна за три тома «Русской Бесѣды» 10 рублей серебромъ. Подписка принимается *для петербургскихъ* читателей—въ Конторахъ журналовъ: «Отечественныя Записки», «Библіотека для чтенія» и «Сѣверная Пчела»; *для иногородныхъ*—въ Газетной Экспедиціи Санктпетербургскаго Почтамта [448]).

изображаются нравы одного изъ интереснѣйшихъ народовъ міра—испанскихъ Мавровъ.

561. Князь Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій. Драма въ пяти актахъ, въ стихахъ и въ прозѣ, сочиненіе *Н. В. Кукольника.* [451]).

Репертуаръ русской сцены необыкновенно бѣденъ. Причина очевидна: у насъ нѣтъ драматической литературы. Правда, русская литература можетъ хвалиться нѣсколькими драматическими произведеніями, которыя сдѣлали бы честь всякой европейской литературѣ; но для русскаго театра это скорѣе вредно, чѣмъ полезно. Геніальныя созданія русской литературы въ трагическомъ родѣ написаны не для сцены: «Борисъ Годуновъ» едва-ли бы произвелъ на сценѣ то, что̀ называется эффектомъ и безъ чего пьеса падаетъ, а между тѣмъ, онъ потребовалъ бы такого выполненія, какого отъ нашего театра и ждать [452]) невозможно. «Борисъ Годуновъ» писанъ для чтенія. Мелкія драматическія поэмы Пушкина, каковы: «Сальери и Моцартъ», «Пиръ во время Чумы», «Русалка», «Скупой Рыцарь», «Рыцарскія Сцены», «Каменный Гость»,—неудобны для сцены по двумъ причинамъ: онѣ слишкомъ еще мудрены и высоки для нашей театральной публики, и требовали бы геніальнаго выполненія, о которомъ намъ и мечтать не слѣдуетъ. Что же касается до комедіи, у насъ всего двѣ комедіи—«Горе отъ Ума» и «Ревизоръ»; онѣ могли бы, особливо послѣдняя, не говоримъ—украсить, но обогатить любую европейскую литературу. Обѣ онѣ выполняются на русской сценѣ лучше, нежели что нибудь другое; обѣ онѣ имѣли неслыханный успѣхъ, выдержали множество представленій, и никогда не перестанутъ доставлять публикѣ величайшее наслажденіе. Но это-то обстоятельство, будучи съ одной стороны чрезвычайно благодѣтельно для русскаго театра, въ то же время и вредно для него. Съ одной стороны, несправедливо было бы требовать отъ публики, чтобъ она круглый годъ смотрѣла только «Горе отъ Ума» да «Ревизора», и не желала видѣть что-нибудь новое, нѣтъ—новость и разнообразіе необходимы для существованія театра; всѣ новыя произведенія національной литературы должны составлять капитальныя суммы его богатства, которыми однѣми можетъ держаться его кредитъ; такія пьесы должны даваться не вседневно, идти не заурядъ,—напротивъ, ихъ представленія должны быть праздникомъ, торжествомъ искусства; вседневною же пищею сцены должны быть произведенія низшія, бельлетрическія, полныя живыхъ интересовъ современности, раздражающія любопытство публики: безъ богатства и обилія въ такихъ произведеніяхъ, театръ походитъ на призракъ, а не на что-нибудь дѣйствительно существующее. Съ другой стороны, что̀ же прикажете намъ смотрѣть на русской сценѣ послѣ «Горе отъ Ума» и «Ревизора»? Вотъ это-то и почитаемъ мы вредомъ, который эти пьесы нанесли нашему театру, объяснивъ намъ живымъ образомъ—фактомъ, а не теоріею,—тайну комедіи, представивъ

намъ собою ея высочайшій идеалъ... Есть ли у насъ что-нибудь такое, что бы сколько нибудь, хоть относительно,—не говоримъ, подходило подъ эти пьесы но—не оскорбляло послѣ нихъ эстетическаго чувства и здраваго смысла? Правда, иная пьеса еще и можетъ понравиться, но не больше, какъ на одинъ разъ, – и надо слишкомъ много самоотверженія и храбрости, чтобъ рѣшиться видѣть ее во второй разъ. Да и все достоинство такихъ пьесъ состоитъ въ томъ только, что онѣ не лишаютъ актеровъ возможности выказать свои таланты; а совсѣмъ не въ томъ, чтобъ онѣ давали актерамъ средства развернуть свои дарованія. Вообще, по крайней мѣрѣ половина нашихъ актеровъ, чувствуютъ себя выше пьесъ, въ которыхъ играютъ,—и они въ этомъ совершенно справедливы. Отсюда происходитъ гибель нашего сценическаго искусства, гибель нашихъ сценическихъ дарованій (на скудость которыхъ мы не можемъ пожаловаться): нашему артисту нѣтъ ролей, которыя требовали бы съ его стороны строгаго и глубокаго изученія, съ которыми надобно бы ему было побороться, помѣриться, словомъ—до которыхъ бы ему должно было постараться возвысить свой талантъ; нѣтъ, онъ имѣетъ дѣло съ ролями ничтожными, пустыми, безъ мысли, безъ характера, съ ролями, которыя ему нужно натягивать и растягивать до себя. Привыкши къ такимъ ролямъ, артистъ привыкаетъ торжествовать на сценѣ своимъ личнымъ комизмомъ, безъ всякаго отношенія къ роли, привыкаетъ къ фарсамъ, привыкаетъ смотрѣть на свое искусство какъ на ремесло, и много-много, если заботится о томъ, чтобъ протвердить роль: объ изученіи же ея не можетъ быть и слова. Въ самомъ дѣлѣ, что такое наши драматическія пьесы?—Разсмотримъ ихъ.

Мы пока исключимъ изъ нашего разсмотрѣнія трагедію—о ней рѣчь впереди,—а поговоримъ только о тѣхъ пьесахъ, которыя не принадлежатъ ни къ трагедіи, ни къ комедіи собственно, хотя и обнаруживаютъ претензіи быть и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ,—пьесы смѣшанныя, мелкія, трагедіи съ тупоумными куплетами, комедіи съ усыпительными патетическими сценами, словомъ—этотъ винегретъ бенефисовъ, предметъ нашей Театральной Лѣтописи.

Онѣ раздѣляются на три рода: 1) пьесы, переведенныя съ французскаго, 2) пьесы, передѣланныя съ французскаго, 3) пьесы оригинальныя. О первыхъ прежде всего должно сказать, что онѣ большою частію неудачно переводятся, особенно водевили. Водевиль есть любимое дитя французской національности, французской жизни, фантазіи, французскаго юмора и остроумія. Онъ непереводимъ, какъ русская народная пѣсня, какъ басня Крылова. Наши переводчики французскихъ водевилей переводятъ слова, оставляя въ подлинникѣ жизнь, остроуміе и грацію. Остроты ихъ тяжелы, каламбуры вытянуты за уши, шутки и намёки отзываются духомъ чиновниковъ пятнадцатаго класса. Сверхъ того, для сцены эти переводы еще и потому не находка, что наши актеры, играя Французовъ, на зло себѣ остаются Русскими,—точно такъ же, какъ французскіе актеры, играя «Ревизора», на зло себѣ остались бы Французами. Вообще, водевиль—прекрасная вещь только на французскомъ языкѣ, на французской

сценѣ, при игрѣ французскихъ актеровъ. Подражать ему такъ же нельзя, какъ и переводить его. Водевиль русскій, нѣмецкій, англійскій—всегда останется пародіею на французскій водевиль. Недавно въ какой-то русской газетѣ было возвѣщено, что пока-де нашъ водевиль подражалъ французскому, онъ никуда не годился; а какъ-де скоро сталъ на собственныя ноги, то вышелъ изъ него молодецъ хоть куда—почище и французскаго. Можетъ быть, это и такъ, только, признаемся, если намъ случалось видѣть русскій водевиль, который ходилъ на собственныхъ ногахъ, то онъ всегда ходилъ на кривыхъ ногахъ, и глядя на него, мы невольно вспоминали эти стихи изъ русской народной пѣсни:

Ахъ, пожища-то--что вилища
Ручища-то—что граблища!
Головища—что пивной котелъ!
Глазища-то—что ямища!
Губища-то—что палчища!

Русскія передѣлки съ французскаго нынѣче въ большомъ ходу: большая часть современнаго репертуара состоитъ изъ нихъ. Причина ихъ размноженія очевидна: публика равнодушна къ переводнымъ пьесамъ; она требуетъ оригинальныхъ, требуетъ на сценѣ русской жизни, быта русскаго общества. Наши доморощенные драматурги на выдумки бѣдненьки, на сюжетцы неизобрѣтательны: что жь тутъ остается дѣлать? Разумѣется, взять французскую пьесу, перевести ее слово въ слово, дѣйствіе (которое, по своей сущности, могло случиться *только* во Франціи) перенести въ Саратовскую Губернію или въ Петербургъ, французскія имена дѣйствующихъ лицъ перемѣнить на русскія, изъ префекта сдѣлать начальника отдѣленія, изъ аббата—семинариста, изъ блестящей свѣтской дамы—барыню, изъ гризетки—горничную, и т. д. Объ оригинальныхъ пьесахъ нечего и говорить. Въ передѣлкахъ, по крайней мѣрѣ, бываетъ содержаніе—завязка, узелъ и развязка; оригинальныя пьесы хорошо обходятся и безъ этой излишней принадлежности драматическаго сочиненія. Какъ тѣ, такъ и другія и знать не хотятъ, что драма,—какая-бы она ни была, а тѣмъ болѣе драма изъ жизни современнаго общества,—прежде всего и больше всего должна быть вѣрнымъ зеркаломъ современной жизни, современнаго общества. Когда нашъ драматургъ хочетъ выстрѣлить въ васъ,—становитесь именно на то мѣсто, куда онъ цѣлитъ: непремѣнно дастъ промаха, а въ противномъ случаѣ—чего добраго, пожалуй и зацѣпитъ. Общество, изображаемое нашими драмами, такъ же похоже на русское общество, какъ и на арабское. Какого бы рода и содержанія ни была пьеса, какое бы общество ни рисовала она—высшаго круга, помѣщичье, чиновничье, купеческое, мужицкое, что бы ни было мѣстомъ ея дѣйствія—салонъ, харчевня, площадь, шкуна,—содержаніе ея всегда одно и то же: у дураковъ-родителей есть милая, образованная дочка; она влюблена въ прелестнаго молодаго человѣка, но бѣднаго—обыкновенно въ офицера, изрѣдка (для разнообразія) въ чиновника; а ее хотятъ выдать за какого-нибудь дурака, чудака, подлеца, или за все это вмѣстѣ. Или, наоборотъ, у че-

столюбивыхъ родителей есть сынъ—идеалъ молодаго человѣка (т. е. лицо безцвѣтное, безхарактерное), онъ влюбленъ въ *дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей*, идеалъ всѣхъ добродѣтелей, какія только могутъ умѣститься въ водевилѣ, образецъ всякаго совершенства, которое бываетъ вездѣ, кромѣ дѣйствительности; а его хотятъ выдать замужъ—то-есть женить, на той, которой онъ не любитъ. Но къ концу добродѣтель награждается, порокъ наказывается: влюбленные женятся, дражайшіе родители ихъ благословляютъ, разлучникъ съ посомъ—и раёкъ надъ нимъ смѣется. Дѣйствіе развивается всегда такъ: дѣвица одна—съ книжкой въ рукѣ, жалуется на родителей и читаетъ сентенціи о томъ, что «сердце любитъ не спросясь людей чужихъ». Вдругъ: «Ахъ! это вы, Дмитрій Ивановичъ, или Николай Ивановичъ!» [453])—Ахъ! это я, Любовь Петровна или Ивановна, или иначе какъ нибудь... Какъ я радъ, что засталъ васъ *однихъ!*—Проговоривши таковы слова, нѣжный любовникъ цалуетъ ручку своей возлюбленной. Замѣтьте, непремѣнно цалуетъ—иначе онъ и не любовникъ и не женихъ, иначе по чемъ бы и узнать публикѣ, что сей храбрый офицеръ, или добродѣтельный чиновникъ—любовникъ или женихъ? Мы всегда удивлялись этому неподражаемому искусству нашихъ драматурговъ такъ тонко и ловко намекать на отношеніе персонажей въ своихъ драматическихъ издѣліяхъ... Далѣе: *она* проситъ его уйдти, чтобъ не увидѣли папенька или маменька; *онъ* продолжаетъ цаловать ея ручку и говоритъ, что какъ онъ несчастливъ, что онъ умретъ съ отчаянія, но что впрочемъ, онъ употребитъ всѣ средства: наконецъ *онъ* въ послѣдній разъ цалуетъ *ея* ручку и уходитъ. Входитъ «разлучникъ» и тотчасъ цалуетъ ручку—разъ, и два, и три, и болѣе, смотря по надобности; *барышня* надуваетъ губки и сыплетъ сентенціями; маменька, или папенька бранитъ ее и грозитъ ей; наконецъ—къ любовнику является на помощь богатый дядя, или разлучникъ оказывается негодяемъ: *дражайшіе* соединяютъ руки влюбленной четы—любовникъ нѣжно ухмыляется и, чтобъ не стоять на сценѣ по пустякамъ, принимается цѣловать ручку, а въ губки чмокнетъ; *барышня* жеманно и умильно улыбается и будто нехотя позволяетъ цаловать свою ручку... Глядя на все это, поневолѣ воскликнешь:

Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?
А если и случалось имъ—
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ.

Если вѣрить нашимъ драмамъ, то можно подумать, что у насъ на святой Руси все только и дѣлаютъ, что влюбляются, и замужъ выходятъ за тѣхъ, кого любятъ; а пока не женятся, все ручки цалуютъ у своихъ возлюбленныхъ... И это зеркало жизни, дѣйствительности, общества!.. Милостивые государи, поймите наконецъ, что вы стрѣляете холостыми зарядами на воздухъ, сражаетесь съ мельницами и баранами, а не съ богатырями! Поймите наконецъ, что вы изображаете тряпичныхъ куколъ, а не живыхъ людей, рисуете міръ правоучительныхъ сказочекъ, способный забавлять семилѣтнихъ дѣтей, а не современное общество,

котораго вы не знаете и которое васъ не желаетъ знать! Поймите наконецъ, что влюбленные (если они хоть сколько-нибудь люди съ душою), встрѣчаясь другъ съ другомъ, всего рѣже говорятъ о своей любви, и всего чаще о совершенно посторонникъ и притомъ незначительныхъ предметахъ. Они понимаютъ другъ-друга молча—а въ томъ-то и состоитъ искусство автора, чтобъ заставить ихъ высказать передъ публикою свою любовь, ни слова не говоря о ней. Конечно, они могутъ и говорить о любви, но не пошлыя, истертыя фразы, а слова, полныя души и значенія, слова, которыя вырываются невольно и рѣдко...

Обыкновенно, «любовники» и «любовницы»—самыя безцвѣтныя, а потому и самыя скучныя лица въ нашихъ драмахъ. Это просто—куклы, приводимыя въ движеніе посредствомъ бѣлыхъ нитокъ руками автора. И очень понятно: онѣ тутъ не сами для себя, онѣ служатъ только внѣшнею завязкою для пьесы. И потому мнѣ всегда жалко видѣть артистовъ, осужденныхъ злою судьбою на роли любовниковъ и любовницъ. Для нихъ уже большая честь, если они съумѣютъ не украсить, а только сдѣлать свою роль сколько возможно меньше пошлою... Для чего же выводятся нашими драматургами эти злополучные любовники и любовницы? Для того, что безъ нихъ они не въ состояніи изобрѣсти никакого содержанія; изобрѣсти же не могутъ, потому-что не знаютъ ни жизни, ни людей, ни общества, не знаютъ, *что* и *какъ* дѣлается въ дѣйствительности. Сверхъ-того, имъ хочется посмѣшить публику какими-нибудь чудаками и оригиналами. Для этого они создаютъ характеры, какихъ нигдѣ нельзя отыскать, нападаютъ на пороки, въ которыхъ нѣтъ ничего порочнаго, осмѣиваютъ нравы, которыхъ не знаютъ, зацѣпляются за общество, въ которое не имѣютъ доступа. Это обыкновенно насмѣшки надъ купцомъ, который сбрилъ бороду; надъ молодымъ человѣкомъ, который изъ-за границы воротился съ бородою; надъ молодою особою, которая ѣздитъ верхомъ на лошадяхъ, любитъ кавалькады; словомъ—надъ покроемъ платья, надъ прической, надъ французскимъ языкомъ, надъ лорнеткою, надъ желтыми перчатками и надъ всѣмъ, что̀ любятъ осмѣивать люди въ своихъ господахъ, ожидая ихъ у подъѣзда съ шубами на рукахъ... А какіе идеалы добродѣтелей рисуютъ они—Боже упаси! Съ этой стороны, наша комедія нисколько не измѣнилась со временъ Фон-Визина: глупые въ ней иногда бываютъ забавны, хоть въ смыслѣ карикатуры, а умные всегда и скучны и глупы...

Что̀ касается до нашей трагедіи—она представляетъ такое же плачевное зрѣлище. Трагики нашего времени представляютъ изъ себя такое же зрѣлище, какъ и комики: они изображаютъ русскую жизнь съ такою же вѣрностію и еще съ меньшимъ успѣхомъ, потому-что изображаютъ историческую русскую жизнь въ ея высшемъ значеніи. Оставляя въ сторонѣ ихъ дарованія, скажемъ только, что главная причина ихъ неуспѣха—въ ошибочномъ взглядѣ на русскую исторію. Гоняясь за народностію, они все еще смотрятъ на русскую исторію съ западной точки зрѣнія. Иначе они и не стали бы въ Россіи до временъ Петра-Великаго искать драмы. Историческая драма возможна только при условіи

борьбы разнородныхъ элементовъ государственной жизни. Не даромъ только у однихъ Англичанъ драма достигла своего высшаго развитія; не случайно Шекспиръ явился въ Англіи, а не въ другомъ въ какомъ государствѣ: нигдѣ элементы государственной жизни не были въ такомъ противорѣчіи, въ такой борьбѣ между собою, какъ въ Англіи. Первая и главная причина этого—тройное завоеваніе: сперва туземцевъ Римлянами, потомъ Англо-Саксами, наконецъ Норманами; далѣе: борьба съ Датчанами, вѣковыя войны съ Франціею, религіозная реформа, или борьба протестантизма съ католицизмомъ [454]). Въ русской исторіи не было внутренней борьбы элементовъ, и потому ея характеръ скорѣе эпическій, чѣмъ драматическій. Разнообразіе страстей, столкновеніе внутреннихъ интересовъ и пестрота общества—необходимыя условія драмы: а ничего этого не было въ Россіи. Пушкина «Борисъ Годуновъ» потому и не имѣлъ успѣха, что былъ глубоко-національнымъ произведеніемъ. По той же причинѣ, «Борисъ Годуновъ» нисколько не драма, а развѣ поэма въ драматической формѣ. И съ этой точки зрѣнія, «Борисъ Годуновъ» Пушкина—великое произведеніе, глубоко исчерпавшее сокровищницу національнаго духа. Прочіе же драматическіе наши поэты думали увидѣть національный духъ въ охобняхъ и горлатныхъ шапкахъ, да въ рѣчи на простонародный ладъ, и вслѣдствіе этой чисто-внѣшней народности, стали рядить Нѣмцевъ въ русскій костюмъ и влагать имъ въ уста русскія поговорки. Поэтому, наша трагедія явилась въ обратномъ отношеніи къ французской псевдо-классической трагедіи: французскіе поэты въ своихъ трагедіяхъ рядили Французовъ въ римскія тоги и заставляли ихъ выражаться пародіями на древнюю рѣчь; а наши какихъ-то Нѣмцевъ и Французовъ рядятъ въ русскій костюмъ и навязываютъ имъ подобіе и призракъ русской рѣчи. Одежда и слова русскія, а чувства, побужденія и образъ мыслей нѣмецкій или французскій... Мы не станемъ говорить о вульгарно-народныхъ, безвкусныхъ, бездарныхъ и не-эстетическихъ издѣліяхъ: подобныя чудища вездѣ нерѣдки и вездѣ составляютъ необходимый соръ и дрязгъ на заднемъ дворѣ литературы. Но что такое «Ермакъ» и «Дмитрій Самозванецъ» г. Хомякова, какъ не псевдо-классическія трагедіи въ духѣ и родѣ трагедій Корнеля, Расина, Вольтера, Кребильйона и Дюсиса? А ихъ дѣйствующія лица что такое, какъ не Нѣмцы и Французы въ маскерадѣ, съ накладными бородами и въ длинополыхъ кафтанахъ? Ермакъ—нѣмецкій буршъ; казаки, его товарищи—нѣмецкіе школьники; а возлюбленная Ермака—пародія на Амалію въ «Разбойникахъ» Шиллера, Дмитрій Самозванецъ и Басмановъ—люди, которыхъ какъ ни назовите—Генрихами, Адольфами, Альфонсами—все будетъ равно, и сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣнится. Впрочемъ, основателемъ этого рода псевдо-классической и мнимо-русской трагедіи должно почитать Нарѣжнаго, написавшаго (впрочемъ, безъ всякаго злаго умысла) пародію на «Разбойниковъ» Шиллера, подъ названіемъ: «Дмитрій Самозванецъ» *(трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Москва. 1800. Въ типографіи Бекетова)*. Послѣ г. Хомякова, надъ русскою трагедіею много трудился баронъ Розенъ,—и его трудолюбіе заслуживаетъ полной похвалы. Съ боль-

шимъ противъ обоихъ ихъ успѣхомъ подвизался и подвизается на этомъ поприщѣ г. Кукольникъ. Мы готовы всегда отдать должную справедливость способностямъ г. Кукольника въ поэзіи,—и хотя не читали его «Паткуля» вполнѣ, но, судя по напечатанному изъ этой драмы прологу, думаемъ, что и вся драма можетъ быть не безъ значительныхъ достоинствъ. Что же касается до другихъ его драмъ, которыхъ содержаніе взято изъ русской жизни,—о нихъ мы уже все сказали, говоря о «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина и трагедіяхъ г. Хомякова. Въ нихъ русскія имена, русскіе костюмы, русская рѣчь; но русскаго духа слыхомъ не слыхать, видомъ не видать. Въ нихъ русская жизнь взята на-прокатъ для нѣсколькихъ представленій драмы: публика имъ отхлопала и забыла о нихъ, а заключающіеся въ нихъ элементы русской жизни снова возвратились въ прежнее свое хранилище—въ «Исторію Государства Россійскаго». Никакой драмы не было во взятыхъ г. Кукольникомъ изъ исторіи Карамзина событіяхъ: никакой драмы не вышло и изъ драмъ г. Кукольника. Какъ умный и образованный человѣкъ, г. Кукольникъ самъ чувствовалъ это, хоть можетъ быть безсознательно,—и рѣшился на новую попытку: свести русскую жизнь лицомъ-къ-лицу съ жизнію ливонскихъ рыцарей, и выжать изъ этого столкновенія драму. Вотъ что породило «Князя Данила Дмитріевича Холмскаго» новую его драму. Мы не будемъ излагать подробно содержаніе трагедіи г. Кукольника: этотъ трудъ былъ бы выше нашихъ силъ и терпѣнія читателей, ибо содержаніе «Холмскаго» запутано, перепутано, загромождено множествомъ лицъ, неимѣющихъ никакого характера, множествомъ событій чисто-внѣшнихъ, мелодраматическихъ, придуманныхъ для эффекта, и чуждыхъ сущности пьесы. Это, какъ справедливо замѣчено въ одной критикѣ, «не драма и не комедія, и не опера, и не водевиль, и не балетъ; но здѣсь есть всего по-немножку, кромѣ драмы, словомъ, это *дивертиссментъ*».

Вотъ вкратцѣ содержаніе «Князя Холмскаго»: баронесса Адельгейда фон-Шлуммермаусъ любитъ псковскаго купца Александра Михайловича Княжича, и, чтобъ соединиться съ нимъ, позволяетъ отряду московскаго войска, присланнаго великимъ княземъ Іоанномъ подъ предводительствомъ Холмскаго раздѣлаться съ ливонскимъ орденомъ, взять себя въ плѣнъ. Надо сказать, что она—амазонка: ломаетъ копья и завоевываетъ острова. Холмскій влюбляется въ нее насмерть; сперва кокетство, а потомъ козни брата ея, барона фон-Шлуммермауса, заставляютъ ее подать Холмскому надежду на взаимность съ ея стороны. Послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, Холмскій, поджигаемый коварнымъ барономъ и соумышленникомъ его, тайнымъ Жидомъ Озноблинымъ, ни съ того ни съ сего доходитъ до нелѣпаго убѣжденія, что *звѣзды* велятъ ему отложиться отъ отечества, образовать новое государство изъ Ганзы, Ливоніи и Пскова. Когда онъ объявилъ «волю звѣздъ» на псковскомъ вѣчѣ, его берутъ подъ стражу; великій князь прощаетъ его какъ-бы изъ снисхожденія къ его безумію, и наказываетъ одного барона фон-Шлуммермауса. Къ довершенію *комическаго* положенія забавнаго героя—Холмскаго, онъ узнаетъ, что амазонка-баронесса интриговала съ нимъ и выходитъ замужъ за своего бородатаго любовника, торговца Княжича.

*

Онъ хочетъ зарѣзать ихъ, но его не допускаетъ шутъ Середа—его пѣстунъ, лицо нелѣпое, безъ смысла, смѣшная пародія на русскихъ юродивыхъ, сто-первый незаконнорожденный потомокъ Юродиваго въ «Юріи Милославскомъ». Драма тянулась, тянулась; въ ней и ходили, и выходили, и говорили, и пѣли, и плясали; декорація безпрестанно мѣнялась, а публика зѣвала, зѣвала, зѣвала... Драма *заснула*, говоря рыболовнымъ терминомъ, а публика проснулась и начала разъѣзжаться. Только одно лицо барона фон-Кульмгаусборденау оживляло немного апатическій спектакль, и то благодаря умной и ловкой игрѣ г. Каратыгина 2-го.

Очевидно, что Холмскій г. Кукольника есть русскій Валленштейнъ: тотъ и другой вѣрятъ въ звѣзды и хотятъ основать для себя независимое отъ своего отечества государство. Разница только въ томъ, что Валленштейнъ вѣритъ въ звѣзды въ-слѣдствіе фантастической настроенности своего великаго духа, гармонировавшаго съ духомъ вѣка, а стремится къ похищенію власти въ-слѣдствіе ненасытнаго честолюбія, жажды мщенія за оскорбленіе и безпокойной дѣятельности своего великаго генія; Холмскій же вѣритъ въ звѣзды по слабоумію, а стремится къ похищенію власти по любви къ женщинѣ, которая обманываетъ его, и по ничтожности своей маленькой душонки.—Хорошъ герой для трагедіи!... Валленштейна останавливаетъ на пути предательство и смерть, Холмскаго останавливаетъ на пути самая нелѣпость его предпріятія, какъ розга останавливаетъ забаловавшагося школьника. «Князь Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій» можетъ почесться довольно-забавною, хотя и весьма-длинною и еще больше скучною пародіею на великое созданіе Шиллера—«Валленштейнъ». Оставляя въ сторонѣ частные недостатки, спросимъ читателей: есть ли въ изобрѣтеніи (концепціи) драмы г. Кукольника что-нибудь русское, принадлежащее русской субстанціи, русскому духу, русской національности? Есть ли въ нашей исторіи примѣры—хоть одинъ примѣръ того, чтобъ русскій боярин съ ввѣреннымъ ему отъ царя войскомъ вздумалъ отложиться отъ отечества и основать себѣ новое государство?... Правда, Ермакъ съ горстью казаковъ завоевалъ жезлъ властительства надъ Сибирью, но съ тѣмъ, чтобъ повергнуть его къ ногамъ своего царя. Не правы ли мы, говоря, что наши драматурги, цѣлясь въ русскую жизнь, бьютъ по воздуху, и попадаютъ развѣ въ воронъ, созданныхъ ихъ чудотворною фантазіею?... Замыселъ Холмскаго, его любовь, его вѣра въ астрологію, все это—ворóны...

562. Костромскіе Лѣса, русская быль въ двухъ дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ соч. *Н. А. Полеваго* [455]).

Г. Полевой явился у насъ тоже создателемъ особаго рода драмы—драмы анекдотической, которая есть не что иное, какъ анекдотъ, переложенный на разговоры между любовникомъ, любовницею и разлучникомъ и оканчивающійся

свадьбою. Да, г. Полевой законный владѣлецъ этого рода драмы, помѣщикъ этой полосы рукодѣльной литературы, точно такъ же, какъ г. Булгаринъ—помѣщикъ въ несуществующей области нравственно-сатирическихъ и нраво-описательныхъ статеекъ и романовъ. Обоимъ этимъ почтеннымъ писателямъ суждено обезсмертить свои имена въ русской литературѣ изобрѣтеніемъ совершенно новыхъ способовъ занимать и забавлять публику. Но и здѣсь та же исторія, какъ и во всей почти нашей драматической литературѣ, т. е. стрѣльба холостыми зарядами на воздухъ. Вотъ хоть бы «Костромскіе Лѣса»: подумалъ ли нашъ сочинитель о томъ, что онъ хотѣлъ дѣлать? Высокое самоотверженіе Сусанина есть великій подвигъ, дѣлающій славу русскому имени; поэзія *должна* и *можетъ* брать его своимъ содержаніемъ; но *какъ*—вотъ вопросъ. Сусанина можно сдѣлать героемъ пѣсни, эпическаго рапсода, баллады, поэмы, оперы,—но никогда драмы. Конечно, драма объемлетъ собою одинъ моментъ въ жизни избраннаго его героя, но сосредоточиваетъ въ этомъ моментѣ всю жизнь его. А что мы знаемъ о жизни Сусанина, исключая его великаго и священнаго подвига? Страдалецъ святаго чувства преданности къ царю—онъ умеръ молча, пожертвовалъ собою не для эффекта, не требуя ни хвалы, ни удивленія. Хвала и удивленіе нашли его; но нашли въ подвигѣ, а не въ жизни, въ дѣлѣ, а не въ личности. Какъ данное лицо, какъ характеръ, Сусанинъ нейдетъ для драмы. Самый подвигъ его—плодъ мгновеннаго, лирическаго восторга, а не плодъ цѣлой его жизни, или драматическаго столкновенія двухъ противоположныхъ влеченій... Что же сдѣлалъ г. Полевой изъ Сусанина? какой создалъ изъ него характеръ? Увы! что-то такое странное, такъ мало достойное памяти великаго человѣка, что грустно и говорить объ этомъ! Вся драма состоитъ изъ сцены между Сусанинымъ и пьянымъ, хвастливымъ и глупымъ Полякомъ, съ которымъ онъ и поетъ и пляшетъ, вывѣдывая тайну экспедиціи его отряда и придумывая средства для совершенія своего подвига. Заведши Поляковъ въ глушь, онъ слышитъ голосъ отыскивающаго его зятя съ крестьянами; потомъ ведетъ далѣе, а на его мѣсто приходятъ отыскивающіе; эти уходятъ—опять является Сусанинъ, говоритъ цѣлые монологи тамъ, гдѣ истинный Сусанинъ только молился, заставляя говорить за себя Полякамъ самому дѣлу; раненый пулею, онъ опять говоритъ—длинно, напыщенно, реторически... Тѣмъ все и кончается.

563. Отецъ и Откупщикъ, Дочь и Откупъ. Нѣсколько сценъ въ родѣ драмы. Комедія въ одномъ дѣйствіи. соч. *Н. А. Полеваго* [456]).

Интрига этой пьесы довольно внѣшняя: откупщикъ Хамовъ пріѣхалъ въ Петербургъ на торги и взялъ съ собой изъ пансіона дочь свою—пустую дѣвчонку, умѣющую только болтать по-французски. Вымпелову, шурину Хамова, хочется выдать племянницу за артиллерійскаго офицера *Милова;* Хамовъ не хочетъ объ этомъ и слышать. Повѣренный откупщика, Ѳедька Кулакъ, помо-

гаетъ Вымпелову: по наученію Ѳедьки, Вымпеловъ объявляетъ Хамову, что самъ хочетъ идти на торги, чтобъ перебить у него откупъ, не беретъ отъ Хамова 50.000 отступнаго, и соглашается отступиться только на условіи брака племянницы съ Миловымъ. Хамовъ—дѣлать нѣчего, соглашается. Вымпеловъ приводитъ Милова—Миловъ цалуетъ ручки у невѣсты... Ѳедька Кулакъ—цаловальникъ; онъ знаетъ, что Хамовъ началъ свое поприще съ этого же званія, знаетъ положеніе его дѣлъ, всѣ тайны его торговли; онъ уже самъ много наворовалъ, но унижается, льститъ, цалуетъ руки Хамова за то, что тотъ учитъ его добру, т. е. бьетъ по щекамъ. Онъ проситъ у Хамова мѣста главнаго повѣреннаго; Хамовъ отказываетъ, и Ѳедька грозитъ предложить свои услуги богатой купчихѣ Кривобоковой, соперницѣ Хамова по откупамъ. Хамовъ велитъ своему прикащику Такалкину задержать Ѳедьку у себя въ домѣ и послать за квартальнымъ. Но Ѳедька суетъ Такалкину денегъ и ускользаетъ. Настаетъ рѣшительная минута—Хамову надо ѣхать на торги; Ѳедька даетъ Такалкину полтораста рублей, чтобъ тотъ задержалъ Хамова дома на одинъ часъ. Хамовъ торопится, но то не готова карета, то входитъ живописецъ, то вбѣгаетъ архитекторъ, то дантистъ. Является Сидоренко—тоже откупщикъ, и упрекаетъ его въ скрытности, что онъ самъ не поѣхалъ на торги, а послалъ вмѣсто себя повѣреннаго—и городъ остался за нимъ. Въ томъ же увѣряютъ Хамова товарищи его по ремеслу—Крючковъ, Непаленой и Кривобокова; Хамовъ въ изумленіи. Является Ѳедька и объявляетъ, что онъ давно уже купецъ первой гильдіи, взялъ городъ на откупъ себѣ, и что залогами его ссудила Кривобокова. Хамовъ въ отчаяніи, онъ ничего не хочетъ дать за дочерью; Миловъ, искавшій приданаго, а не жены, отказывается отъ Лизы.

Вообще, эта пьеса г. Полеваго—не холостой зарядъ на воздухъ. Въ ней есть истина, есть дѣйствительность. Видно, что авторъ хорошо знаетъ сферу жизни, которую взялся изобразить. Въ ней есть, если не характеры лицъ, то вѣрные очерки нѣкоторыхъ сословій. Хамовъ и Ѳедька—лучшія лица; всѣ прочія, по-крайней-мѣрѣ, правдоподобны, исключая Вымпелова и Милова—лицъ совершенно вставочныхъ, внѣшнихъ пьесѣ, безхарактерныхъ и ничтожныхъ. Къ числу недостатковъ пьесы должно еще отнести и нѣкоторую растянутость. Впрочемъ, пьеса хорошо идетъ на сценѣ, и видѣть ее въ тысячу разъ пріятнѣе, чѣмъ иную трагедію съ танцами, или историческую быль съ пѣснями и трагическою пляскою.

564. Современное Бородолюбіе. Оригинальная комедія въ трехъ отдѣленіяхъ, сочиненіе *Д. Г. Зубарева* [457]).

Помѣщикъ Курдюковъ отказываетъ въ рукѣ своей дочери ротмистру Славскому, котораго она любитъ и который цалуетъ у ней руки, безпрестанно восклицая: «Ахъ, это я, Софья Петровна!» Курдюковъ—видите ли, смотритъ на

свою дочь съ моральной стороны, т. е. какъ на вещь: онъ далъ слово отдать ее за Разъѣздова, сына своего друга—и сдержитъ свое честное слово, хоть бы его дочь умерла отъ этого. Хорошій родитель—нѣчего сказать! самый дражайшій! Во второмъ отдѣленіи, Разъѣздовъ на станціи; онъ прямо изъ Парижа скачетъ жениться на Софьѣ Курдюковой, и такъ торопится, что не успѣлъ сбрить бороды, которую отпустилъ въ Парижѣ. Станціонный смотритель не хочетъ вѣрить, чтобъ человѣкъ съ бородою могъ быть отставнымъ корнетомъ, не даетъ лошадей и посылаетъ за становымъ; становой рѣшительно убѣжденъ, что Разъѣздовъ—бѣглый купецъ, убившій корнета Разъѣздова и воспользовавшійся паспортомъ своей жертвы. Къ-счастію, эта станція недалеко отъ деревни Курдюкова: становой рѣшается не сажать Разъѣздова въ желѣза и не представлять его въ городъ, а съѣздить съ нимъ къ Курдюкову. Курдюковъ читаетъ Разъѣздову наставленія о томъ, что бороду носить позорно, и отказываетъ ему въ рукѣ дочери, а Славскій снова начинаетъ цаловать у ней руки, восклицая: «Ахъ, это я, Софья Петровна!» За тѣмъ, галиматьѣ конецъ.—Тутъ нѣтъ ни лицъ, ни образовъ, ни характеровъ, ни комическихъ положеній, ни остроумія, ни веселости, ни правдоподобія, ни смыслу. Писать такія комедіи значитъ уже и не стрѣлять въ воронъ по воздуху, а развѣ считать галокъ на крышахъ домовъ... И что̀ за мораль! Конечно, смѣшно ходить съ бородою тамъ, гдѣ это не принято ни обычаемъ, ни всевластною модою, такъ же, какъ смѣшно ходить безъ бороды тамъ, гдѣ всѣ ходятъ съ бородами; но гдѣ же видалъ г. сочинитель у насъ на Руси свѣтскихъ, образованныхъ людей съ бородами? [458]) А вѣдь комедія должна осмѣивать *общія* странности. И кого же онъ противопоставилъ *безнравственному* Разъѣздову? — Отца, который, чтобъ сдержать честное слово (котораго не имѣлъ права давать), хочетъ погубить свою дочь; глупца станціоннаго смотрителя и наконецъ такого становаго, какого—можемъ поручиться—къ чести Россіи, нельзя отыскать ни въ какомъ захолустьѣ. И это картины русскаго общества! Бѣдное русское общество! Чѣмъ ты виновато, что бездарные маляры мажутъ съ тебя своими мазилками безсмысленныя каррикатуры и выдаютъ ихъ за твои портреты?...

***565. Древнія россійскія стихотворенія**, собранныя *Киршею Даниловымъ*, и вторично изданныя. Москва, 1818.

Древнія русскія стихотворенія (,) служащія въ дополненіе (дополненіемъ?) къ *Киршъ Данилова(у?)*. Собранныя М. Сухановымъ. Санктпетербургъ. 1840.

Сказанія русскаго народа, собранныя *И. Сахаровымъ*. Т. I. Кн. 1. 2. 3. 4. Изданіе третіе. Санктпетербургъ. 1841.

Русскія народныя сказки. Часть I. Санктпетербургъ. 1841.

Статья IV-я и послѣдняя [459]).

Циклъ новгородскихъ поэмъ очень не обширенъ; ихъ всего четыре. Двѣ изъ нихъ посвящены одному герою; другія двѣ—другому герою; слѣдовательно, че-

тыре поэмы воспѣваютъ только двухъ героевъ. Бѣдность поразительная! Но, вникнувъ въ ихъ духъ и содержаніе, мы увидимъ, что передъ ними бѣдна вся остальная сказочная поэзія русская; увидимъ міръ новый и особый, служившій источникомъ формъ и самого духа русской жизни, а слѣдовательно, и русской поэзіи. Новгородъ былъ прототипомъ русской цивилизаціи и вообще формъ общественной и семейной жизни древней Руси. Все это яснѣе можно видѣть изъ новгородскихъ поэмъ, почему и приступаемъ немедленно къ изложенію ихъ содержанія, которое должно снабдить насъ данными для сужденій и выводовъ.

Въ славномъ великомъ Новѣградѣ, а и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ, *съ Новымъ городомъ жилъ, не перечился, со мужики новгородскими поперекъ словечка не говаривалъ.* Живучи Буслай состарѣлся, состарѣлся и переставился; послѣ его вѣку долгаго оставалося его житьё-бытьё и все имѣніе *дворянское;* оставалася матера вдова, *Амелѳа Тимоѳеевна,* оставалося чадо милое — молодой сынъ *Василій Буслаевичъ.* Будетъ Василька семи годовъ, отдавала матушка родимая учить его во грамотѣ, а грамота ему въ наукъ пошла; присадила перомъ его писать, письмо Василью въ наукъ пошло; отдавала пѣтью учить церковному,—пѣтье Василью въ наукъ пошло. А и нѣтъ у насъ такого пѣвца во славномъ Новгородѣ, супротивъ Василья Буслаева. Повадился вѣдь *Васька* Буслаевичъ со пьяницы, съ безумницы, съ веселыми удалыми добры молодцы, до пьяна ужъ сталъ напиватися, а и ходя въ городѣ уродуетъ: котораго возьметъ онъ за руку, изъ плеча тому руку выдернетъ; котораго задѣнетъ за ногу, то изъ... ногу выломитъ; котораго хватитъ поперекъ хребта, тотъ кричитъ, реветъ, окарачъ ползетъ.Пошла-то жалоба великая: а и мужики новгородскіе, *посадскіе, богатые,* приносили жалобу великую матерѳй вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳѣевнѣ на того на Василья Буслаева. А и мать-то стала его журить, бранить, журить, бранить, его на умъ учить,—журьба Васькѣ не взлюбилася; пошелъ онъ Васька во высокъ теремъ, садился на ременчатъ стулъ, писалъ ярлыки скорописчаты—отъ мудрости слово поставлено: «кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго, валися къ Васькѣ на широкій дворъ—пей и ѣшь готовое и носи платье разноцвѣтное». А втапоры поставилъ Васька чанъ середи двора, наливалъ чанъ полонъ зелена вина, опущалъ онъ чару въ полтора ведра. Во славномъ было во Новѣградѣ, грамотны люди шли, прочитали тѣ ярлыки скорописчаты, пошли къ Васькѣ на широкій дворъ, къ тому чану, зелену вину. Въ началѣ былъ Костя Новоторженинъ: Василій тутъ его опробовалъ—сталъ его бити по буйной головѣ червленнымъ вязомъ во двѣнадцать пудъ: *стоитъ тутъ Костя не шевельнется, и на буйной головѣ кудри не тряхнутся.* И назвалъ Васька его Костю своимъ братомъ названымъ—паче брата родимаго. А и мало время позамѣшкавши, пришли Лука и Моисей—дѣти боярскіе, а Василій молодой сынъ Буслаевичъ тѣмъ молодцамъ сталъ радешенекъ и веселешенекъ. Пришли тутъ мужики *Залѣшана (?)—и не смѣлъ Васька показатися къ нимъ.* Еще тутъ пришло

семь братовъ Сбродовичи—собирался, сходился тридцать молодцовъ безъ единаго, — онъ самъ Василій тридцатый сталъ. Какой зайдетъ—убьютъ его, убьютъ его, за ворота бросятъ. Послышалъ Васинька: у мужиковъ новгородскіихъ *канунъ варенъ*, *пива ячныя*; пошелъ Василій съ дружиною, пришелъ во *братчину въ Никольщину*. «Не малу мы тебѣ *сыпь* (?) платимъ: за всякаго брата по пяти рублевъ». А и тотъ-то *староста церковный* принимаетъ ихъ во братчину въ Никольщину; а и зачали они тутъ канунъ варенъ пить, а и тѣ-то пива ячныя.

(Васька и его молодцы бросаются на *царевъ кабакъ*,—и всѣ они возвращаются въ Никольщину *добръ пьяны*).

А и будетъ день къ вечеру; отъ малаго до стараго, начали ужь ребята боротися, а въ иномъ кругу въ кулаки битися; отъ тое борьбы отъ ребячія, отъ того бою отъ кулачнаго, началася драка великая; молодой Василій сталъ драку разнимать, а иной дуракъ зашелъ съ носка, его по уху оплёлъ; а и тутъ Василій закричалъ громкимъ голосомъ: «Гой еси ты, Костя Новоторженинъ, и Лука, Моисей, дѣти боярскіе! уже Ваську меня бьютъ».

Васькины молодцы пошли на выручку: много народу перебили до смерти, больше того переуродовали. Тогда Васька вызываетъ новгородскихъ мужиковъ на великій закладъ: «напущаюсь-де я на весь Новгородъ битися, дратися, со всею дружиною хороброю»; если возьметъ сторона мужицкая,—Васька платитъ мужикамъ дани, выходы по смерть свою, на всякій годъ по три тысячи; буде же его сторона одолѣетъ,—мужики платятъ ему такую же дань. И въ томъ договорѣ руки они подписали. Василій Буслаевъ началъ съ своими молодцами одолѣвать противниковъ; тогда мужики новгородскіе бросились съ дорогими подарками къ васькиной матушкѣ: «Уйми-де свое чадо милое, Василья Буслаевича». Тутъ является на сцену совершенно-новое и до крайности странное лицо—*дѣвушка чернавушка*; по приказанію Амелѳы Тимоѳѣевны, прибѣжала *дѣвушка-чернавушка*, сохватала Ваську за бѣлы руки, *притащила* его къ матушкѣ на широкій дворъ; а и та старуха неразмышлена, посадила его въ погреба глубокіе, затворяла дверьми желѣзными, запирала замки булатными. Между-тѣмъ, дружина васькина бьется съ утра до вечера—и ей становится ужь не въ мочь; увидѣвъ *дѣвушку чернавушку*, пошедшую на Волховъ за водою, молодцы взмолились ей: «Не подай насъ у дѣла ратнаго, у того часу смертнаго». И тутъ *дѣвушка чернавушка* бросала она ведро *кленовое*, бросала коромысло *кипарисово;* коромысломъ тѣмъ стала она помахивати по тѣмъ мужикамъ новгородскіимъ; перебила ужь много до смерти; и тутъ дѣвка заныхалася, побѣжала къ Василью Буслаеву, срывала замки булатные, отворяла двери желѣзныя: «А и спишь ли, Василій, или такъ лежишь? твою дружину хоробрую мужики новгородскіе всѣхъ перебили, переранили, булавами буйны головы пробиваны». Ото сна Василій пробуждается, онъ выскочилъ на широкій дворъ,—не попала палица желѣзная, что попала ось тележная,—побѣжалъ Василій по Новгороду, по тѣмъ по широкимъ улицамъ; стоитъ тутъ *старецъ пилигримища*, на могучихъ

плечахъ держитъ колоколъ, а вѣсомъ тотъ колоколъ во триста пудъ; кричитъ тотъ старецъ пилигримища: «*А стой ты, Васька, не попарживай, молодой глуздырь, не полетывай: изъ Волхова воды не выпити, въ Новѣградѣ людей не выбити; есть молодцовъ супротивъ тебя, стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ*». Говорилъ Василій таково слово: «А и гой еси, старецъ пилигримища! а и бился я о великъ закладъ со мужики новгородскими, *опричъ почестнаго монастыря, опричъ тебя, старца пилигримища; во задоръ войду—тебя убью*»! Ударилъ онъ старца въ колоколъ а и той-то осью тележною,—качается старецъ, не шевельнется; заглянулъ онъ, Василій, старца подъ колоколомъ, *а и во лбѣ глазъ, ужь вѣку нѣту!* Пошелъ молодецъ по Волхъ-рѣкѣ, завидѣли добрые молодцы молода Василья Буслаева,—у ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ-то молодцовъ думушки прибыло.

Мужики новгородскіе побиты — они [460]) покорилися и помирилися; насыпали чашу чистаго серебра, а другую—чистаго золота; пошли ко двору дворянскому, къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳѣевнѣ, бьютъ челомъ, поклоняются: «Осударыня матушка, принимай ты дороги подарочки, а уйми свое чадо милое, молода Василья со дружиною; а и рады мы платить на всякій годъ по три тысячи, на всякій годъ будемъ носить: съ хлѣбниковъ по хлѣбику, съ калачниковъ—по калачику, съ молодицъ—повѣнечное, съ дѣвицъ повалешное, со всѣхъ людей со ремесленныхъ, *опричь поповъ и дьяконовъ*...»

Амелѳа Тимоѳѣевна посылаетъ дѣвушку чернавушку привести Василья съ дружиною; бѣжавши та дѣвка запыхалася, нельзя пройти дѣвкѣ по улицѣ, что *полтеи* (?) по улицѣ валяются тѣхъ мужиковъ новгородскіихъ. Прибѣжала дѣвушка Чернавушка, сохватала Василья за бѣлы руки, а стала ему разсказывати, что-де мужики новгородскіе принесли къ его матушкѣ дороги подарочки и записи крѣпкія. Повела дѣвка Василья со дружиною на тотъ на широкій дворъ, привела-то ихъ къ зелену вину, а сѣли они молодцы во единый кругъ, выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина, съ того уразу молодецкаго отъ мужиковъ новгородскіихъ. Вскричатъ тутъ ребята зычнымъ голосомъ: «*Умота* и *пьяницы* у молода Василья Буслаевича, не упито, не уѣдено, вкраснѣ хорошо не ухожено, а цвѣтнаго платья не уношено, а увѣчье на вѣкъ залѣзено». И повелъ ихъ Василій обѣдати къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳѣевнѣ; втапоры мужики новгородскіе приносили Василью подарочки, вдругъ *сто тысячей*,—и затѣмъ у нихъ мирова пошла; а мужики новгородскіе покорилися и сами поклонилися.

Не говоря уже о томъ, что въ этой поэмѣ очень много—по-крайней-мѣрѣ сравнительно съ прежними—поэзіи и силы въ выраженіи,—въ ней есть еще не только мысль, но и что-то похожее на идею. Эту поэму можно понимать какъ миѳическое выраженіе историческаго значенія и гражданственности Новгорода. Исторія Новгорода не могла дать содержанія для чисто-исторической поэмы; или, лучше сказать, государственная идея Новгорода не могла выра-

зиться въ исторически-поэтической формѣ, и по необходимости должна была ограничиться смутными, неопредѣленными и дикими миѳическими полуобразами, очерками и намеками. Точность и опредѣленность—одни изъ главнѣйшихъ и необходимѣйшихъ качествъ и условій истинной поэзіи; но эти качества зависятъ отъ одного содержанія: чѣмъ содержаніе существеннѣе, дѣйствительнѣе, субстанціальнѣе, тѣмъ и форма точнѣе и опредѣленнѣе, образы яснѣе, живѣе и полнѣе. Всякая народная поэзія начинается миѳами; но и миѳы могутъ имѣть свою ясность, опредѣленность и, такъ-сказать, прозрачность: только для этого необходимо, чтобъ выражаемое ими содержаніе было *обще-человѣческое* и заключало въ себѣ возможность дальнѣйшаго діалектическаго развитія, а слѣдовательно и возможность служить содержаніемъ для поэзіи, развившейся и возросшей до своей апогеи [461])—до художественности. Новогородская жизнь была *какимъ-то* зародышемъ *чего-то*, по-видимому, важнаго; но она и осталась зародышемъ *чего-то:* чуждая движенія и развитія, она кончилась тѣмъ же, чѣмъ и началась—*чѣмъ-то*, а *что-то* никогда не можетъ дать опредѣленнаго содержанія для поэзіи и по-необходимости должно ограничиться миѳическими и аллегорическими полу-образами и намеками. Новгородъ, вѣроятно, былъ колоніею южной Руси, которая была первоначальною и коренною Русью [462]). Колоніи народовъ, находящихся на низкой степени гражданственности, всегда бываютъ цивилизованнѣе своихъ метрополій: онѣ составляются изъ самой предпріимчивой части народа, которая, переселившись на новую почву и подъ новое небо, по-неволѣ отрѣшается отъ ограниченности прежняго быта, открываетъ новые источники жизни, указываемые новою страною, и, удерживая много отъ [463]) духа прежней родины, много и измѣняется въ своемъ характерѣ. Почва Новгорода бѣдная, болотистая, климатъ холодный; это обстоятельство, въ соединеніи съ сосѣдствомъ Нѣмцевъ, и направило по-неволѣ дѣятельность Новгородцевъ на торговлю: по невозможности быть земледѣльцами, они оторвались отъ общаго славянскаго быта и сдѣлались купцами; сосѣдство же съ Нѣмцами еще болѣе способствовало развитію ихъ предпріимчивости. Но, сдѣлавшись купеческимъ городомъ, Новгородъ отнюдь не сдѣлался муниципальнымъ городомъ, и Новгородцы, сдѣлавшись купцами, отнюдь не сдѣлались гражданами торговой республики: у нихъ не было цѣховъ, не было опредѣленнаго раздѣленія классовъ, которые составляютъ основаніе торговыхъ государствъ, не было ни малѣйшаго понятія о правѣ личномъ, общественномъ, торговомъ. Тамъ всѣ были купцами случайно, и торговали на авось да на удачу, по-азіатски [464]). Духъ европеизма всему опредѣлялъ значеніе, всему указывалъ мѣсто, все силился освободить отъ случайности и подвести подъ общія, неизмѣнныя и опредѣленныя условія необходимости; все подчинялъ системѣ, ремесло возвышалъ до искусства, изъ искусства дѣлалъ науку. Ничего этого не было и тѣни въ основахъ новгородской гражданственности. Внѣшнія обстоятельства были причиною ея возникновенія: внѣшнія обстоятельства и докончили ее. Безсиліе разъединенной Руси дало Новгороду укрѣпиться; а соединеніе Руси въ одну державу, безъ борьбы и осо-

бешныхъ усилій [465]), низпровергло его. И еслибы Москва допустила существованіе Новгорода,—онъ палъ бы самъ собою и сталъ бы легкою добычею Польши, или Швеціи. Что не развивается, то не живетъ, а что не продолжаетъ жить, то умираетъ: таковъ міровой [466]) законъ всѣхъ гражданскихъ обществъ. Въ Новгородѣ не было зерна жизни, не было развитія, а потому, повторяемъ, изъ него ничего не могло выйдти; и онъ никогда не былъ органически-политическимъ обществомъ, у котораго бы могла быть исторія, а слѣдовательно, и поэзія.

Но, съ другой стороны, нельзя не признать Новгорода весьма примѣчательнымъ явленіемъ, имѣвшимъ важное вліяніе даже на Московское Царство. Торговля родила въ Новгородѣ богатство, а богатство породило духъ какого-то самодовольствія, приволья, удальства, отваги, молодечества. Въ-слѣдствіе этого, въ Новгородѣ образовался родъ какой-то странной и оригинальной гражданственности; явилась аристократія богатства, съ особенными формами жизни, своимъ церемоніаломъ, своими общественными нравами и обычаями, своею общественною и семейною нравственностію. Все это, вмѣстѣ взятое, сдѣлалось типомъ русскаго быта. Новгородъ былъ богатъ, силенъ и славенъ на Руси въ то время, когда Русь была бѣдна и безсильна, когда въ ней не было никакой общественности, никакой гражданственности, когда въ ней было не до прохлады, не до роскоши, ни до удальства и разгула: ее терзали сперва междоусобія, потомъ Татары. Теперь очень понятно, что Новгородъ для тогдашней Руси былъ тѣмъ же, чѣмъ теперь Парижъ для Европы. Новгородъ былъ городомъ аристократіи, въ смыслѣ сословія, которое, много имѣя денегъ, много и тратило ихъ на свои прихоти: аристократія безъ денегъ нигдѣ и никогда не бывала, и если выскочекъ называютъ мѣщанами въ дворянствѣ, то бѣдныхъ аристократовъ должно называть дворянами въ мѣщанствѣ. Богатство родитъ множество нуждъ и прихотей, страсть къ удобству и уваженіе къ приличію, и, если оно не въ состояніи возвысить души, отъ природы низкой, то всегда можетъ смягчить внѣшнюю грубость, дать душѣ большій просторъ и полетъ въ сферѣ житейскаго и общественнаго образованія, потому-что богатство освобождаетъ человѣка отъ низкихъ нуждъ, заботъ и работъ жизни. И потому мы думаемъ, что русскій этикетъ, свадебные и другіе обряды, образовались первоначально въ Новгородѣ, и оттуда, вмѣстѣ съ венеціанскими и нѣмецкими товарами, разлились и распространились по всей Руси [467]). Мы здѣсь разумѣемъ собственно сѣверную Русь, бѣдную и грубую, центромъ которой былъ сперва Владиміръ-на-Клязьмѣ, а послѣ Москва. Сѣверная Русь рѣзко отдѣлилась отъ южной, превратившейся въ-послѣдствіи въ Малороссію; Червонная Русь, болѣе близкая къ Кіевско-Черниговской, также не имѣла ничего общаго съ сѣверною. Явно, что типъ общественнаго быта сѣверной Руси образовался и развился въ Новгородѣ. Лучшимъ доказательствомъ этому могутъ служить всѣ поэмы, въ которыхъ упоминается о великомъ князѣ Владимірѣ и которыя мы разбирали въ предъидущей статьѣ: въ нихъ нѣтъ ничего, принадлежащаго и свойственнаго южно-русской поэзіи, въ нихъ нѣтъ ничего общаго ни въ изобрѣтеніи, ни

въ колоритѣ съ «Словомъ о Пълку Игоревѣ». Напротивъ, въ нихъ все новогородское: и изобрѣтеніе, и выраженіе, и тонъ, и колоритъ и замашка, и, наконецъ, эти герои-богатыри изъ *купцовъ*, какъ *Иванъ гостиный сынъ* и другіе. «Василій Буслаевъ» явно новогородская поэма—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; но сличите эту поэму со всѣмъ цикломъ богатырскихъ сказокъ временъ Владиміра,—и увидите, что какъ та, такъ и другія [468]) какъ-будто бы сочинены однимъ и тѣмъ же лицомъ. Это показываетъ, что онѣ всѣ дѣйствительно сложены въ Новгородѣ,—и богатырскія сказки о *Владимірѣ-красномъ-солнышкѣ* были ничѣмъ инымъ, какъ воспоминаніемъ Новогородца о своей прежней родинѣ [469]). Измѣнившись и выродившись, изъ земледѣльца или ратника южной Руси ставши новогородскимъ купчиною, Новогородецъ воскресилъ смутныя преданія о первобытной родинѣ по идеалу современнаго ему быта своей новой и настоящей отчизны. И потому, изъ преданія онъ взялъ однѣ имена и нѣкоторые смутные образы,—и *Владиміръ-красно-солнышко* является у него такимъ же смутнымъ воспоминаніемъ, какъ и *Дунай-сынъ-Ивановичъ*, берега котораго тоже были нѣкогда его отчизною [470]). Но Дунай и остался въ его пѣсняхъ миѳическимъ воспоминаніемъ; а *Владиміръ великій князь кіевскій стольный* превратился, въ поэмахъ Новогородца, въ какого-то купчину, гостя богатаго, и по рѣчамъ, и по манерамъ, и по складу ума [471]). Отъ-того же и княгиня Апраксѣевна, равно какъ и всѣ героини киршевыхъ поэмъ, такъ похожи на купчихъ: ихъ иначе и нельзя представить, какъ въ жемчугахъ, съ повязанными головами, разбѣленныхъ, нарумяненныхъ, съ черными зубами и съ чарами зелена вина въ рукахъ; *онѣ по двору идутъ—будто уточки плывутъ, а по горенкѣ идутъ—частенько ступаютъ, а на лавицу садятся—колѣнцо жмутъ,—а и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки, дюжина изъ перстовъ не вышли всѣ...*

Но не по одному этому вліянію на Русь замѣчателенъ Новгородъ: онъ и самъ-по-себѣ есть интересное явленіе съ своимъ меньшимъ братомъ, Псковомъ. Это какой-то неразвившійся, но большой зародышъ чего-то, какая-то неудавшаяся, но размашистая попытка на что-то. По преобладанію восточнаго элемента, всѣ славянскіе народы являли собою одни зачатки жизни, которымъ не суждено было развиться [472]) во что-нибудь дѣйствительное и опредѣленное изъ самихъ-себя, собственною самодѣятельностію, не принявъ въ себя обще-человѣческихъ элементовъ европейскаго духа. Повторяемъ: Новгородъ былъ не республикою, какъ думаютъ нѣкоторые изъ нашихъ такъ-называемыхъ [473]) историковъ, а скорѣе каррикатурою на республику. Ничѣмъ нельзя такъ хорошо охарактеризовать Новгорода, какъ его же собственнымъ прозваніемъ, простодушнымъ и безсознательнымъ, но мѣткимъ и вѣрнымъ: *новогородская вольница*. Гдѣ нѣтъ права и закона, нѣтъ развившихся изъ жизни государственныхъ постановленій, тамъ нѣтъ и свободы, нѣтъ гражданъ, а есть вольность и *вольница*, которыя, въ отношеніи къ личной безопасности и независимости членовъ общины и индивидуумовъ [474]), ничѣмъ не лучше азіатскаго деспотизма, если еще не

хуже: извѣстно [475]), что вѣче *великаго Господина Новгорода* часто оканчивалось кровавымъ самоуправствомъ невѣжественной черни, а спокойствіе города нерѣдко нарушалось самыми безсмысленными мятежами. Въ Новгородѣ не было представительности: толпа невѣжественная и дикая безусловно владычествовала на вѣчѣ [476]). Но Новгородъ былъ богатъ и зналъ это, Новогородцы были полны отваги и удали, и говорили: «Кто противъ Бога и великаго Новагорода!» Святая Софія была его покровительницею, и въ ея храмѣ хранилась граммата Ярослава. Новогородцы по-своему любили Новгородъ и гордились имъ. Вѣчевой колоколъ—символъ ихъ политическаго значенія, былъ для нихъ дорогъ, и рыдая провожали они его въ Москву [477])... Новгородъ не былъ государствомъ, но въ немъ были зачатки государственной жизни,—и потому онъ былъ явленіемъ неопредѣленнымъ, страннымъ, *чѣмъ-то* и въ то же время *ничѣмъ*; это былъ инфузорій государственной жизни, но не государство. Проблескивало въ его жизни что-то и размашистое и грандіозное, но только проблескивало и, мгновенно поразивъ зрѣніе, тотчасъ же исчезало, подобно миражамъ и ночнымъ блудящимъ огнямъ...

Такова была историческая дѣйствительность Новгорода; такова и его поэзія: никакія лѣтописи, никакія историческія изысканія не могутъ такъ вѣрно выразить смутнаго его существованія, какъ его поэзія. Начнемъ съ «Василья Буслаева»: это—апоѳеоза Новгорода, столь же поэтическая, удалая, размашистая, сильная, могучая и столь же неопредѣленная, дикая, безобразная, какъ и онъ самъ. Съ самаго начала поэмы, вы видите существованіе въ Новгородѣ двухъ сословій—аристократіи и черни, которыя не совсѣмъ въ ладу между собою. Какъ бы въ похвалу Буслаю, отцу Василья, говорится, что онъ «съ Новымъ городомъ жилъ, не перечился, со мужики новогородскими поперекъ словечка не говаривалъ». Да и какъ не хвалить за это: изъ чего же и ссориться было сему благородному дворянину со мужики новогородскими? Въ Римѣ, между патриціями и плебеями была вражда основательная и разумная [478]): первые возникли и образовались изъ племени завоевателей, вторые—изъ племени побѣжденнаго и завоеваннаго: вотъ первый исходный пунктъ вражды двухъ сословій. Далѣе [479]): патриціи образовывали собою правительственную корпорацію; въ ихъ рукахъ была высшая государственная власть, они были полководцами и сенаторами, изъ нихъ преимущественно выбирались консулы и диктаторы; вообще, сословіе патриціевъ пользовалось большими правами, которыя составляли часть коренныхъ государственныхъ законовъ, владѣли большими имѣніями: а народъ былъ бѣденъ и правами и полями, ему предоставлено было только лить кровь за отечество и повиноваться его законамъ [480]). Наконецъ: патрицій считалъ себя существомъ высшимъ плебея и гнушался вступить съ нимъ въ родство, или допустить его въ свое общество. Патрицій оскорблялъ плебея и самымъ превосходствомъ своимъ въ образованіи. Все это поддерживало борьбу, бывшую источникомъ римской исторіи и причиною ея колоссальнаго развитія. Но въ Новгородѣ дворянамъ и боярамъ нѣ изъ чего было перечиться съ мужиками; а мужикамъ нѣ изъ чего было враждовать противъ дворянъ и бояръ:

при равенствѣ правъ съ той и другой стороны, и при равенствѣ образованія, или при совершенномъ отсутствіи всякаго образованія съ той и другой стороны, тамъ только бѣдный могъ завидовать богатому, а не мужикъ дворянину, ибо тамъ и мужикъ могъ быть богаче боярина, и, потому, больше его имѣть вѣсу на вольномъ вѣчѣ. Но тутъ была безсмысленная [481]) спѣсь, которая основывалась не на превосходствѣ образованія, общественнаго или умственнаго, не на правѣ заслуги, а на пергаментныхъ граматахъ [482]); спѣсь съ одной стороны вызывала вражду съ другой; а какъ неважныя причины родятъ и неважныя слѣдствія, то вражда и разрѣшалась кулачными боями и тѣлеснымъ увѣчьемъ. Василій Буслаевъ есть представитель аристократической партіи въ Новгородѣ: онъ человѣкъ превосходно образованный — умѣетъ читать, писать и пѣть: чего же больше?.. Повадился онъ со пьяницы, съ безумницы; но быль молодцу не укора, тѣмъ болѣе, что общественная нравственность Новгорода отнюдь не презирала этихъ господъ, потому-что они были не только пьяницы, безумницы, но и «веселые, удалые *добры молодцы*». Костя Новоторженинъ долженъ быть не изъ дворянъ, а изъ купчинъ; выдержавъ экзаменъ Васьки, т. е. ударъ по головѣ червленнымъ вязомъ во двѣнадцать пудъ, онъ дѣлается его братомъ названымъ: вотъ вамъ и символъ единства и родства высшаго и низшаго сословій въ политической организаціи Новгорода! Лука и Моисей—два боярченка; Василій особенно «сталъ радошенъ и веселешенекъ» ихъ приходу: это своя братія—аристократы... Но что за мужики Залѣша, не разъ упоминаемые въ киршевыхъ поэмахъ — неизвѣстно; и почему Васька, никого нетрусившій, не посмѣлъ имъ показаться, хоть они и пришли къ нему на дворъ, гдѣ онъ бесѣдовалъ за чаномъ зелена вина съ своею ватагою—тоже темно и неопредѣленно. Не менѣе загадочны и братья Збродовичи, не разъ упоминавшіеся и въ прежнихъ поэмахъ: о нихъ, какъ и о мужикахъ Залѣшанахъ, можно сказать съ достовѣрностію только, что они—Новогородцы. Что за братчина, Никольщина, гдѣ на складчину пьютъ канунъ варенъ и пива яичныя—тоже загадка [483]). Драка началась не изъ ссоры: побывавши въ кабакѣ, молодцы Василья начали «боротися, а въ иномъ кругу въ кулаки битися», начали за здравіе, а свели за упокой, по русскому обычаю [484]); слѣдовательно, не вражда между сословіями, а то, что руки расчесались и плечи расходились—произвело нецивилизованную драку. Вызовъ Васьки мужиковъ новогородскихъ на бой съ его дружиною о великъ закладъ, прекрасно характеризуетъ новогородскую удаль и молодечество; въ его условіи съ ними, къ которому были «подписаны руки» съ обѣихъ сторонъ, промелькиваетъ коммерческая цивилизація Новгорода. Въ жалобѣ мужиковъ, приносимой къ матери Васьки, и скорой расправѣ матери съ сыномъ, вполнѣ выражается патріархально-семейное основаніе гражданскаго быта того времени; а «дороги подарочки», представленные матерью вдовѣ Амелѣ Тимоѳѣевнѣ при жалобѣ на сына, показываютъ ясно, что и въ новогородской республикѣ безъ «подарочковъ» никакая просьба не обходилась. *Дѣвушка Чернавушка* упоминается и въ нѣкоторыхъ другихъ

русскихъ сказкахъ; слѣдовательно, она должна имѣть какое-нибудь значеніе; но какое именно—нельзя понять. Для насъ эта *дѣвушка Чернавушка*, которая хватаетъ Ваську за бѣлы руки и, какъ ребенка, тащитъ въ погреба глубокіе, а потомъ кипарисовымъ коромысломъ побиваетъ мужиковъ новогородскихъ, сшибаетъ замки булатные, ломаетъ двери желѣзныя и освобождаетъ Василья,—для насъ она не имѣетъ никакого смысла. Замѣчательно, что эта *дѣвушка Чернавушка* явно держитъ сторону Василья и его молодцовъ, и, только въ качествѣ служанки его матери, обязанной повиноваться своей госпожѣ, дѣйствуетъ она противъ Василья. Встрѣча освобожденнаго изъ подвала Василья съ старцемъ-пилигримищемъ есть лучшее мѣсто въ поэмѣ. Этотъ старецъ пилигримище есть поэтическая апоѳеоза Новгорода, поэтическій символъ его государственности. Старецъ держитъ на могучихъ плечахъ колоколъ въ триста пудъ; онъ холодно и спокойно, какъ голосъ увѣреннаго въ себѣ государственнаго достоинства, останавливаетъ рьяность Буслаева: «Изъ Волхова воды не вышити, въ Новѣгородѣ людей не выбити: есть молодцовъ супротивъ тебя, стоимъ мы молодцы, не хвастаемъ». Въ отвѣтѣ Василья видны привилегіи духовнаго сословія и уваженіе Буслаева къ идеѣ Новгорода, однакоже побѣждаемое неукротимостію его молодечества: «Бился я о великъ закладъ со мужики новогородскими, *опричь почестнаго монастыра, опричь тебя старца-пилигримища; во задоръ войду—и тебя убью!*» Васька ударяетъ телѣжною осью по головѣ старца: *качается старецъ, не шевельнется; заглянулъ онъ, Василій, старца подъ колоколомъ: а и во лбѣ глазъ—ужъ вѣку нѣту*..... Хоть слова *качается* и *не шевельнется* и кажутся противорѣчіемъ другъ-другу, однако въ нихъ нѣтъ противорѣчія, а только неточность выраженія: слово *качается* должно относить къ колоколу, а *не шевельнется*—къ старцу, образу Новгорода. *А и во лбѣ глазъ—ужъ вѣку нѣту*—указываетъ на мистическую древность историческаго существованія Новгорода. Вообще, этотъ образъ Новгорода дышетъ какою-то грандіозностію, силою и поэзіею; но въ то же время онъ страненъ, дикъ, неопредѣленъ,—словомъ: самый вѣрный портретъ историческаго Новгорода, поэтическій инфузорій, огромный взмахъ безъ удара...

Теперь мы докончимъ исторію *мота* и *пьяницы*, молода Василья Буслаевича, пересказавъ содержаніе другой новогородской поэмы, представляющей Буслаева въ новомъ положеніи.

Подъ *славнымъ*, *великимъ* Новымъ-городомъ, по славному озеру по Ильменю, плаваетъ, поплаваетъ сѣръ селезень, какъ-бы ярый гоголь понуриваетъ: а плаваетъ, поплаваетъ червленъ корабль какъ бы молода Василья Буслаевича со его дружиною хороброю: Костя Никитинъ корму держитъ, маленькій Потаня на носу стоитъ, а Василій-то по кораблю похаживаетъ, таковы слова поговариваетъ: «Свѣтъ моя дружина хоробрая, тридцать удалыхъ, доб-

рыхъ молодцовъ! ставьте корабль поперекъ Ильменя, приставайте, молодцы, ко Новугороду!»

Вышедъ изъ корабля, Василій идетъ къ своей матушкѣ, матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ, проситъ у нея благословенія великаго «идти въ Ерусалимъ градъ, Господу помолитися, святой святыни приложитися, во Ерданѣ-рѣкѣ искупатися». Мать отвѣчаетъ: «Коли ты пойдешь на добрыя дѣла, тебѣ дамъ благословеніе великое; коли ты, дитя, на разбой пойдешь, я не дамъ благословенія великаго, а и не носи Василья сыра земля». Камень отъ огня разгарается, а булатъ отъ жару растопляется, материно сердце распущается; и даетъ она много свинцу, пороху, и даетъ Василью запасы хлѣбные, и даетъ оружье долгомѣрное. «Побереги ты, Василій, буйну голову свою».

Поѣхалъ Буслай со дружиною по Ильменю озеру во Ерусалимъ-градъ; плывутъ они уже другую недѣлю *(какое огромное озеро!...)*, встрѣчу имъ гости корабельщики: «Здравствуй, Василій Буслаевичъ! куда, молодецъ, повзволилъ погулять?» Отвѣчаетъ Василій Буслаевичъ: «Гой еси вы, гости корабельщики! А мое то вѣдь гулянье неохотное: *съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душу спасти;* а скажите вы, молодцы, мнѣ прямаго путя ко святому граду Іерусалиму». Корабельщики отвѣчаютъ, что если ѣхать прямымъ путемъ—то семь недѣль, а если окольною дорогою—полтора года; и что на славномъ Каспійскомъ Морѣ, на Кумпнскомъ Острову, стоитъ застава крѣпкая—атаманы казачіе, не много, не мало ихъ—три тысячи, грабятъ бусы, *галеры* (?), разбиваютъ червлены корабли».—«А не вѣрую я, Василька, ни въ сонъ, ни въ чохъ, а и вѣрую въ свой червленый вязъ; а бѣгите вы, ребята, прямымъ путемъ». И завидя Буслай гору высокую, скоро приставалъ ко круту бережку и походилъ на ту гору Сорочинскую, а за нимъ летитъ дружина хорабрая. Будетъ Василій въ полугорѣ, попадается ему пуста голова, человѣческая кость; пнулъ Василій тоё голову съ дороги прочь; провѣщится пуста голова человѣческая: «Гой еси, Василій Буслаевичъ! ты къ чему меня, голову, побрасываешь? Я молодецъ не хуже тебя былъ; умѣю я, молодецъ, валятися,—и гдѣ лежитъ пуста голова молодецкая, и будетъ лежать головѣ васильевой». Плюнулъ Василій, прочь пошелъ: «Али, голова, въ тебѣ врагъ говоритъ, али нечистый духъ?»

На вершинѣ горы, *на самой сопкѣ,* стоитъ камень, а на немъ написано, что-де кто у каменя станетъ тѣшиться, забавлятися, вдоль скакать по каменю—сломить будетъ буйну голову. Василій тому не вѣруетъ, и сталъ съ молодцами тѣшиться, забавлятися, поперекъ того каменю поскакивати, *а вдоль-то его не смѣетъ скакать.*

Наскакавшись вдоволь, молодцы ѣдутъ далѣе и достигаютъ заставы казачей; и скочилъ-то Буслай на крутъ бережокъ, червленымъ вязомъ подпирается. Атаманы сидятъ, не дивуются, сами говорятъ таково слово: «Стоимъ мы на острову тридцать лѣтъ, не видали страху великаго: это-де идетъ Василій Буслаевичъ; знать-де полетка соколиная, видѣть-де поступка молодецкая». Ва-

снлій спрашиваетъ ихъ о пути въ Іерусалимъ, а они просятъ его «за единый столъ хлѣба кушати». Втапоры Василій не ослушался, садился съ ними за единый столъ, наливали ему чару зелена вина въ полтора ведра, принимаетъ Василій единой рукой и выпилъ чару единымъ духомъ, и только атаманы тому дивуются: а сами не могутъ и по полу-ведру пить. Когда Василій собрался въ путь, атаманы казачіе дали подарки свои: перву мису чиста серебра и другу красна золота, третью скатнаго жемчуга. Проситъ онъ у нихъ до Іерусалима провожатаго; тутъ атаманы Василью не отказали, дали ему молодца провожатаго. По Каспійскому морю молодцы прибѣжали прямо во Ердань-рѣку и пошли въ Ерусалимъ-городъ. Пришелъ Василій во церкву соборную, служилъ обѣдню за здравіе матушки и за себя, Василья Буслаевича; и обѣдню съ папихидою служилъ по родимомъ своемъ батюшкѣ и по всему роду своему; на другой день служилъ обѣдни съ молебнами про удалыхъ добрыхъ молодцовъ, *что съ молоду бито много, граблено*. И ко святой святынѣ приложился онъ, и въ Ерданѣ-рѣкѣ искупался. И расплатился Василій съ попами, съ дьякопами, и которые старцы при церкви живутъ, даетъ золотой казны несчитаючи. Пошолъ онъ на червленъ корабль, а дружина его хорабрая купалася во Ерданѣ-рѣкѣ; приходила къ нимъ *баба залѣсная* (?!), говорила таково слово: «Почто вы купаетесь во Ерданѣ-рѣкѣ? А не кому купатися, опричь Василья Буслаевича,— во Ерданѣ крестился самъ Господь Іисусъ Христосъ; потерять его вамъ будетъ большаго Атамана, Василья Буслаевича». И они говорятъ таково слово: «Нашъ Василій тому не вѣруетъ ни въ сонъ, ни въ чохъ». И мало времени попзойдучи, пришелъ Василій ко дружинѣ своей; выводили корабли изъ Ердань-рѣки, подняли топки парусы полотняны, побѣжали по морю Каспійскому. У острова Кумпнскаго, атаманы казачіе Василью кланялись и «здорово ли съѣздилъ во Ерусалимъ-градъ?» его спрашивали. Много Василій не бантъ съ ними, подалъ Василій письмо въ руку имъ, что много трудовъ за нихъ положилъ, служилъ обѣдни съ молебнами за ихъ молодцовъ. Ѣдутъ молодцы недѣлю другую, доѣхали до горы Сорочинской, и Василью вздумалось опять потѣшиться, позабавиться, не смотря на вторичное зловѣщее предсказаніе головы. Только на этотъ разъ ему вздумалось поскакать *вдоль камени;* разбѣжался, скочилъ вдоль по каменю, и не доскочилъ только четверти, и тутъ убился подъ каменемъ. Гдѣ лежитъ пуста голова, тамъ Василья схоронили. Пріѣхавъ въ Новгородъ, молодцы пошли къ матерой вдовѣ, Амелоѣ Тимоѳеевнѣ, пришли и поклонилися, всѣ письмо въ руки подали; прочитала письмо матерà вдова, сама заплакала, говорила таковы слова: «Гой вы есп, удалы добры молодцы! у меня нынѣ вамъ дѣлать нечего; подите въ подвалы глубокіе, берите золотой казны несчитаючи». Дѣвушка чернавушка сводила ихъ въ подвалы глубокіе, брали они казны *по малу числу*, кланялись матерой вдовѣ, что «поила, кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцовъ». Затѣмъ, матерà вдова велѣла дѣвушкѣ чернавушкѣ наливать по чаркѣ зеленà вина, подносить удалымъ добрымъ молодцамъ: они выпили, сами поклонилися и *пошли кому куда захотѣлося*.

Отпуская Буслаева, мать даетъ ему благословеніе только на добрыя дѣла, а за разбой заклинаетъ землю не носить его. Когда Василья корабельщики спрашиваютъ о цѣли поѣздки, онъ отвѣчаетъ: «А мнѣ-то вѣдь гуляньe неохотное: *съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душу спасти*». Оставляя въ сторонѣ странное понятіе о возможности такъ легко сложить съ себя кровавыя преступленія, обратимъ вниманіе на самыя преступленія. Это не былъ разбой въ прямомъ смыслѣ: разбойникъ тотъ, кого отвергло общество, или кто самъ отвергся общества и принялся за ножъ, какъ за средство къ существованію, кто рѣжетъ и грабитъ съ полнымъ сознаніемъ преступности подобнаго промысла. Не таковъ нашъ Василій Буслаевичъ: какъ ни важны его преступленія, но онѣ только шалости, плодъ невѣжественнаго понятія о молодецкой удали и широкомъ разметѣ души. Такое дурное проявленіе бурнаго бушеванія крови и неукротимой рьяности души есть порожденіе полудикой гражданственности, лишенной всякаго духовнаго движенія и развитія. Сильная натура непремѣнно требуетъ для себя широкаго, размашистаго круга дѣятельности. И потому, лишенная нравственной сферы, она бѣшено и дико бросается въ безумное упоеніе удалой жизни, разрываетъ, подобно паутинѣ, слабую ткань общественной морали. Въ Римѣ, сильная натура являлась въ колоссальныхъ образахъ Коклесовъ, Сцеволъ, Коріолановъ, Гракховъ; въ Новѣгородѣ она могла являться только въ образѣ буйныхъ и дикихъ Буслаевичей и Костей Никитичей. Сама общественная нравственность того времени видѣла только молодечество и удальство въ томъ, что въ другихъ странахъ было буйствомъ и разбойничествомъ. Новогородцы цѣлыми шайками отправлялись въ Пермь и Вятку, рѣзали, жгли и грабили по Камѣ. На нихъ жаловались московскимъ царямъ,—и они иногда являлисъ съ повинною головой, какъ черезчуръ-задурившіеся удальцы, а не какъ воры и разбойники. Ихъ вызывали на подобные подвиги не бѣдность, не нищета, не развратъ и кровожадность, а жажда какой бы то ни было дѣятельности, лишь бы сопряженной съ опасностями, отвагою и удалью. Новгородъ можно смѣло назвать гнѣздомъ русской удали, и теперь составляющей отличительную черту характера русскаго народа, но уже такую черту, которая, благодаря успѣхамъ цивилизаціи, дѣлаетъ ему честь, а не безчестье [485]). Дурно-направленная сила души дурно и дѣйствуетъ, а хорошонаправленная и дѣйствуетъ хорошо; но срамъ и горе народу, у котораго нѣтъ того, что бы могло дурно, или хорошо быть направляемо! И потому Васька Буслаевъ, мотъ и пьяница, право былъ лучше многихъ тысячь людей, которые тихо и мирно прожили вѣкъ свой: онъ былъ мотомъ и пьяницей отъ избытка душевнаго огня, лишеннаго истинной пищи; а тѣ жили тихо и мирно по недостатку силы [486]). Замѣтьте, что нашъ Буслаевичъ говоритъ слова: *съ молоду бито много, граблено*, какъ будто мимоходомъ, безъ поясненій, безъ сентенцій, безъ самообвиненія, и какъ-будто съ какимъ-то хвастовствомъ; и можно поручиться, что гости-корабельщики выслушали его безъ удивленія, безъ ужаса, но съ тою улыбкою, съ какою пожилой человѣкъ выслушиваетъ любовныя

похожденія юноши, воспоминая о своихъ собственныхъ во время оно. Да и почему не пошалить, если поѣздка въ Іерусалимъ могла загладить всѣ шалости... [487]).

И Буслаевичъ поѣхалъ совсѣмъ не смиреннымъ пилигримомъ: удальство и молодечество заглушаютъ въ немъ всякое другое чувство, если только было что̀ заглушить въ немъ... Узнавъ, что прямая дорога сопряжена съ опасностію, онъ выбираетъ ее, говоря, что «не вѣруетъ онъ, Василька, ни въ сонъ, ни въ чохъ, а вѣруетъ въ свой червленый вязъ». Не доѣзжая до казачей заставы, онъ видитъ гору: ему надо побывать на ней—а зачѣмъ?—да такъ, изъ удали. Роковое предвѣщаніе мертвой головы и надпись на камнѣ не только не отвращаютъ его отъ безумнаго желанія «тѣшиться, забавлятися, поперекъ того каменю поскакивати», но вызываютъ на эту потѣху. Что̀ такое эта Сорочинская гора, мертвая голова и камень съ надписью, и почему можно было скакать только поперекъ его, а не вдоль,—все это имѣетъ смыслъ развѣ того пошлаго мистицизма, который видитъ таинственное и глубокое во всемъ, что̀, за отсутствіемъ здраваго смысла, непонятно разсудку. Скачи поперекъ, а вдоль не скачи: это такъ нелѣпо, что простому, неразвитому размышленіемъ и наукою уму непремѣнно должно было показаться необыкновенно-таинственнымъ и глубоко-знаменательнымъ, подобно мистическимъ числамъ — *три*, *семь*, *девять*, *двѣнадцать*, подобно молодому мѣсяцу съ лѣвой стороны, зайцу, перебѣжавшему дорогу, и другимъ предразсудкамъ старыхъ бабъ [488]). Замѣчательно, впрочемъ, что, не смотря на прямой путь изъ Ильменя въ Каспійское море, а изъ него прямо въ рѣку Ерданъ, есть въ поэмѣ и признаки географической достовѣрности; на вершинѣ Сорочинской горы находится сопка—явленіе, возможное на юго-западномъ берегу Каспійскаго моря [489]).

Страхъ, а въ-слѣдствіе его и уваженіе, обнаруженные казаками къ герою поэмы, указываютъ на славу Василья Буслаева, какъ удальца изъ удальцовъ, какъ человѣка, съ которымъ плохи шутки. *Баба залѣсная*, которая предсказываетъ купающейся въ Ерданѣ дружинѣ Василья о гибели его, одно изъ тѣхъ чудовищныхъ порожденій лишенной всякаго содержанія фантазіи, которыми особенно любитъ щеголять русская народная поэзія. Смерть Василья выходитъ прямо изъ его характера, удалаго и буйнаго, который какъ-бы напрашивается на бѣду и гибель. Слова матери Василья къ его осиротѣлой дружинѣ не отличаются особенною материнскою нѣжностію; однако видна истинная грусть по безвременно-погибшемъ сынѣ, въ выраженіяхъ: *у меня нынѣ вамъ дѣлать нечего*. Есть также что-то глубоко-грустное въ умѣренности молодцовъ Василья, которые «брали казны по малу числу»; они были и сильны, и могучи, и удалы, и веселы только съ своимъ лихимъ предводителемъ, а безъ него на что̀ имъ и золота казна! При немъ, они составляли дружину и братчину, а безъ него—«пошли добры молодцы, кому куда захотѣлося»... Такъ бываетъ не въ однѣхъ сказкахъ, такъ бываетъ въ дѣйствительности: сильный и богатый дарами природы духъ собираетъ вокругъ себя кружокъ людей, способныхъ понимать его,

и соединяетъ ихъ между собою союзомъ братства; но нѣтъ его—и оспротѣлый кругъ, лишенный своего центра, распадается самъ собою [490])...

Теперь мы должны перейдти къ другому герою, по-преимуществу новогородскому. Это уже не богатырь, даже не силачъ и не удалецъ въ смыслѣ забіяки и человѣка, который никому и ничему не дастъ спуску, который, подобно Василькѣ Буслаевичу, не вѣруетъ ни въ сонъ, ни въ чохъ, а вѣруетъ въ свой червленый вязъ; это и не бояринъ, не дворянинъ: нѣтъ, это сила, удаль и богатырство денежное, это аристократія богатства, пріобрѣтеннаго торговлею,—это купецъ, это апооеоза купеческаго сословія.

По славной матушкѣ Волгѣ рѣкѣ а гулялъ *Садко* молодецъ тутъ двѣнадцать лѣтъ: никакой надъ собою притки и скорби Садко не вѣдывалъ, а все молодецъ во здоровьи пребывалъ. Захотѣлось молодцу побывать въ Новѣгородѣ, отрѣзалъ хлѣба великій сукрой, а и солью насолилъ, его въ Волгу опустилъ: «А спасибо тебѣ, матушка Волга-рѣка! А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ, никакой я притки, скорби не видывалъ надъ собой, и въ добромъ здоровьи отъ тебя отошелъ; а нду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать». Проговоритъ ему матка Волга-рѣка: «Гой еси, удалой добрый молодецъ! когда прійдешь ты во Новгородъ, а стань ты подъ башню проѣзжую, поклонися отъ меня брату моему а славному озеру Ильменю». Правилъ Садко Ильменю-озеру челобитье великое: «А и гой еси, славный Ильмень-озеро! Сестра тебѣ Волга челобитье посылаетъ *двою*» (?). Приходилъ тутъ отъ Ильмень-озера удалой добрый молодецъ и спрашивалъ Садку: «Гой еси, съ Волги удалъ молодецъ! какъ-де ты Волгу сестру знаешь мою?» А и тотъ молодецъ Садко отвѣтъ держитъ: «Тоде я гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ, съ вершины знаю и до устья ее, а и нижняго Царства Астраханскаго». А и сталъ тотъ молодецъ наказывати, который посланъ отъ Ильмень-озера, чтобъ Садко проспилъ *бошлыковъ* закинуть въ Ильмень три невода: будетъ-де ему Садкѣ Божья милость». Первый неводъ къ берегу пришолъ: и тутъ въ немъ рыба бѣлая, бѣлая вѣдь рыба мелкая; и другой-то вѣдь неводъ къ берегу пришолъ, въ томъ-то рыба красная; а и третій неводъ къ берегу пришолъ: а въ томъ-то вѣдь рыба бѣлая, бѣлая рыба въ три четверти. Перевозился Садко молодецъ на гостиный дворъ съ тою рыбою ловленою, навалилъ ею три погреба глубокіе, запиралъ тѣ погребы накрѣпко, ставилъ караулъ на гостиномъ на дворѣ, и давалъ тѣмъ бошлыкамъ за труды ихъ сто рублевъ. А не ходитъ Садко на тотъ на гостиный дворъ по три дни, на четвертый день погулять захотѣлъ: заглянетъ онъ въ первый погребъ—котора была рыба мелкая, что то вѣдь стали деньги дробныя; заглянулъ онъ въ другой погребъ: гдѣ была рыба красная—очутились у Садки червонцы лежатъ; въ третьемъ погребу, гдѣ была рыба бѣлая—а и тутъ у Садки все монеты лежатъ. Втапоры Садко купецъ богатый гость, сходилъ онъ на Ильмень-озеро, а бьетъ челомъ поклоняется: «Батюшко мой, Ильмень-озеро! поучи меня жить въ

Новѣгородѣ». Ильмень даетъ ему совѣтъ поводиться со людьми со таможенными, да позвать молодцовъ посадскихъ людей, «а станутъ-де те знать и вѣдати». Позвалъ къ себѣ Садко людей таможенныхъ и сталъ водиться съ людьми посадскими. Сходилися мужики новогородскіе, у того ли Николы Можайскаго, во братчину Никольщину, пить канунъ, пива ячныя; Садко бьетъ челомъ, покланяется—принять его во братчину Никольщину, сулитъ имъ заплатить *сыть* немалую, и даетъ имъ пятьдесятъ рублевъ. Когда молодцы напивались до пьяна, а и съ хмѣлю тутъ Садко захвастался: велитъ припасать товаровъ въ Новѣгородѣ, онъ-де тѣ товары всѣ выкупитъ, не оставитъ ни на денежку, ни на малу разну полушечку: а не то—заплатитъ казны имъ сто тысячей. И ходитъ Садко по Новугороду, выкупаетъ всѣ товары повольной цѣной, не оставилъ ни на малу разну полушечку. Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце: а и шедъ Садко Божій храмъ сорудилъ, а и во имя Стефана Архидьякона: кресты, маковицы золотомъ золотилъ, онъ мѣстны иконы изукрашивалъ, изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ, царскія двери вызолачивалъ. На второй день онъ опять выкупилъ всѣ товары въ Новѣгородѣ и сорудилъ церковь во имя Софіи премудрыя. По третій день по Новугороду товару больше стараго, всякіихъ товаровъ заморскіихъ: онъ выкупилъ товары въ половину дня, и сорудилъ Божій храмъ во имя Николы Можайскаго. А и ходитъ Садко по четвертый день, ходилъ Садко по Новугороду, а и цѣлый день онъ до вечера, не нашелъ онъ товаровъ въ Новѣгородѣ ни на денежку, ни на малу разну полушечку. Зайдетъ Садко онъ во темный въ рядъ, и стоятъ тутъ черепаны, гнилые горшки, а всѣ горшки уже битые; *онъ самъ Садко усмѣхается*, дастъ деньги за тѣ горшки, самъ говоритъ таково слово: «Пригодятся ребятамъ черепками играть, помипать Садку гостя богатаго, *что не я Садко богатъ—богатъ Новгородъ! всякими товарами заморскими, и тѣми черепанами, гнилыми горшки!*»

Въ этой поэмѣ ощутительно присутствіе *идеи:* она есть поэтическая апоѳеоза Новагорода, какъ торговой общины! Садко выражаетъ собою безконечную удаль; но эта сила и удаль основаны на безконечныхъ денежныхъ средствахъ, пріобрѣтеніе которыхъ возможно только въ торговой общинѣ. Русскій человѣкъ во всемъ удалъ и во всемъ любитъ хвастнуть своею удалью. У насъ и теперь всякій проживаетъ вдвое больше того, что получаетъ: исключенія рѣдки. Въ этомъ отношеніи, Русскіе—совершенный контрастъ съ Нѣмцами [491]). Садко выкупаетъ товары въ Новѣгородѣ не по разсчету, не по нуждѣ, а потому-что онъ расходился, и ему море по колѣно. Онъ хочетъ насладиться чувствомъ своего *золотаго* могущества: черта чисто-русская! Русскій человѣкъ любитъ похвастаться чѣмъ Богъ послалъ: и кулакомъ, и плечами, и рѣчами, и безразсудною удалью, которая можетъ стоять ему жизни. Что же до денегъ,—извѣстное дѣло, что у него послѣдняя копейка ребромъ. Коштъ онъ иногда деньгу цѣлый годъ, живетъ скрягой [492]), во всемъ себѣ отказываетъ — и для чего все это?—чтобъ

подъ веселый часъ все разомъ спустить. Когда разходится,—онъ добръ и тароватъ: вали къ нему на дворъ званый и незваный, пей и ѣшь сколько душѣ угодно; нейдетъ въ душу, — лей и бросай на полъ. Тутъ онъ уже и не торгуется,—даетъ безъ счету, сколько руки захватили; а завтра—хорошо, если осталось, чѣмъ опохмѣлиться, и голодаетъ, не раскаяваясь, безъ вздоховъ и оховъ—до новаго праздника [493])... Конечно, въ этомъ есть нѣчто дикое, если хотите, но въ формѣ, а не въ сущности: въ сущности, это—черта благородная, признакъ души сильной, широко размѣтывающейся [494]).

Но Садко обязанъ своимъ богатствомъ не себѣ, а Волгѣ да Ильменю, да Новугороду Великому. Волга прислала съ нимъ поклонъ брату своему Ильменю; Ильмень разговариваетъ съ Садкою въ видѣ удалаго добраго молодца: это олицетвореніе имѣетъ великій смыслъ [495]): рѣки и озера судоходныя—божества торговыхъ народовъ. Превращеніе рыбы въ деньги—тоже не безъ смысла: это языкъ поэзіи, выразившій собою прозаическое понятіе о выгодномъ торговомъ оборотѣ. Садко выкупилъ всѣ товары въ Новѣгородѣ; остались только битые горшки—и тѣ надо скупить: пусть играютъ ребятишки, да поминаютъ Садку гостя богатаго. Новгородъ униженъ, оскорбленъ, опозоренъ въ своемъ торговомъ могуществѣ и величіи: частный человѣкъ скупилъ всѣ его товары, и все остался богатъ, а товаровъ больше нѣтъ... Но этотъ Садко сталъ такъ богатъ, благодаря Новугороду же,—и потому, пусть ребятишки играютъ битыми черепками, да поминаютъ Садку гостя богатаго, что *не Садко богатъ—богатъ Новгородъ всякими товарами заморскими, и тѣми черепанами, гнилыми горшки*...

И такъ, Садко великъ и полонъ поэзіи не самъ-по-себѣ, но какъ одинъ изъ представителей Великаго-Новагорода, въ которомъ всего много, все есть—отъ драгоцѣннѣйшихъ заморскихъ товаровъ до битыхъ черепковъ. Послѣднія слова, выставленныя нами курсивомъ, удивительно замыкаютъ собою поэму, даютъ ей какое-то художественное [496]) единство и полноту, дѣлаютъ осязательно-ясною скрытую въ ней идею. Вся поэма проникнута необыкновеннымъ одушевленіемъ и полна поэзіи. Это одинъ изъ перловъ русской народной поэзіи.

Послѣдняя новогородская поэма едва-ли уступаетъ въ поэтическомъ достоинствѣ этой. Можно сказать утвердительно, что, уступая ей съ-одной стороны, она превосходитъ ее съ другой [497]). Въ ней опять два героя: одинъ видимый Садко, другой невидимый—Новгородъ, но уже не самъ-собою, а своими божествами-покровителями—морями, озерами и рѣками, особенно тою, которая поила его изъ своихъ береговъ. Всѣ эти моря, озера и рѣки олицетворены въ поэмѣ, и являются поэтическими личностями, что̀ придаетъ поэмѣ какой-то фантастическій характеръ, столь вообще чуждый русской поэзіи, и тѣмъ болѣе поразительный въ этой поэмѣ [498]).

Плывутъ по синему морю тридцать кораблей, единъ соколъ корабль самого Садки гостя богатаго. Всѣ корабли что соколы летятъ, а Соколъ садкинъ ко-

рабль на морѣ стоитъ. Садко велитъ своимъ *ярыжкамъ*, людямъ *наемнымъ*, *подначальнымъ*, рѣзать жеребья волжены и бросить ихъ на сине море, которы-де по верху плывутъ, а и тѣ-бы душеньки правыя, и которы въ морѣ тонутъ, тѣхъ-то спихнемъ-де мы во сине море. Садко кинулъ хмѣлево перо съ своею подписью: а всѣ жеребья по морю плывутъ, кабы яры гоголи по заводямъ; единъ жеребій во морѣ тонетъ—въ морѣ тонетъ хмѣлево перо самого Садки гостя богатаго. Садко велитъ рѣзать жеребьи вѣтляныя: которы-де жеребьи потонутъ, а и тѣ-бы душеньки правыя. Самъ онъ бросаетъ жеребій булатный въ десять пудъ. И всѣ жеребья во морѣ тонутъ, единъ жеребій по верху плыветъ—самого Садки гостя богатаго. Говоритъ тутъ Садко купецъ, богатый гость: «Вы ярыжки, люди наемные, а наемны люди, подначальные! Я Садъ-Садко знаю, вѣдаю: бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ, тому царю заморскому не платилъ я дани, пошлины, и во то синее море Хвалынское хлѣба съ солью не опускивалъ,—по меня Садку смерть пришла. И вы, купцы, гости богатые, а вы цаловальники любимые, а и всѣ прикащики хорошіе, принесите шубу соболиную«. И скоро Садко наряжается, беретъ онъ гусли звончаты со хороши струны золоты, и беретъ онъ шахматницу со золоты тавлеями. На золотой шахматницѣ поплылъ Садко по синю морю. Всѣ корабли по морю шли, и садкинъ корабль что кречетъ бѣлъ летитъ. Отца, матери молитвы великія, самого Садки гостя богатаго: подымалася погода тихая, прибила Садку къ крутому берегу. Пошелъ Садко подлѣ синя моря, нашелъ онъ избу великую, а избу великую—во все дерево, нашелъ онъ двери—и въ избу вошелъ. И лежитъ на лавкѣ царь морской: «А и гой еси ты, купецъ, богатый гость! А что душа радѣла, того Богъ мнѣ далъ, и ждалъ Садку двѣнадцать лѣтъ, а нынѣ Садко головой пришелъ; поиграй Садко въ гусли ты звончаты». Сталъ Садко царя тѣшити, а царь морской зачалъ скакать, плясать; и того Садку напоилъ питьями разными—развалялся Садко, и пьянъ онъ сталъ, и уснулъ Садко купецъ богатый гость. А во снѣ пришелъ святитель Николай къ нему, говоритъ ему таковы слова: «Гой еси ты, Садко купецъ, богатый гость! А рви ты свои струны золоты, и бросай ты гусли звончаты: расплясался у тебя царь морской, а сине море всколебалося, а и быстры рѣки разливалися, топятъ много бусы, корабли, топятъ души напрасныя того народу православнаго». Бросилъ Садко гусли звончаты, изорвалъ струны золоты; пересталъ царь морской скакать и плясать: утихло море синее, утихли рѣки быстрыя. Поутру царь морской сталъ уговаривать Садку жениться и привелъ ему тридцать дѣвицъ; а Никола ему во снѣ наказывалъ, чтобъ не выбиралъ онъ хорошей *бѣлыя*, *румяныя*, а взялъ бы дѣвушку поваренную, котора хуже всѣхъ. Садко думался, не продумался, и взялъ дѣвушку поваренную; царь морской положилъ Садку съ новобрачною въ подклетѣ спать, а Никола святой во снѣ Садкѣ наказывалъ не обнимать и не цаловать жены. Съ молодой женой Садко на подклетѣ спитъ, свои рученьки ко сердцу прижалъ; со полуночи ногу лѣву накинулъ онъ въ просоньи на молоду

жену; ото сна Садко пробуждался: онъ очутился надъ Новымъ городомъ, *а лѣвая нога на Волхъ рѣкѣ*.

Взглянулъ Садко на Новгородъ, узналъ онъ церкву, приходъ свой, того Николу Можайскаго, перекрестился онъ крестомъ своимъ. И глядитъ Садко на Волхъ-рѣкѣ: отъ того синя моря Хвалынскаго, по славной матушкѣ Волхъ-рѣкѣ, бѣгутъ, побѣгутъ тридцать кораблей, единъ корабль самого Садки гостя богатаго. И встрѣчаетъ Садко купецъ богатый гость цаловальниковъ любимыихъ, и со всѣхъ кораблей въ таможню положилъ казны своей сорокъ тысячей—по три дни не осматривали.

Кто бы ожидалъ такой развязки отъ лѣвой ноги?... Какая широкая, размашистая фантазія! А пляска морского царя, отъ которой само море всколебалося, а и быстры рѣки разливалися!... Да, это не сухія, аллегорическія и реторическія олицетворенія: это живые образы идей, это поэтическое олицетвореніе покровительныхъ для торговой общины водяныхъ божествъ, это поэтическая миѳологія Новагорода, которая въ тысячу разъ лучше славянской миѳологіи, съ ея семью дряннымн богами!.. Замѣчательная черта характера русскаго человѣка видна въ хитростяхъ Садки, чтобъ отдѣлаться отъ наказанія: видя, что его хмѣльное перо потонуло, онъ предлагаетъ новую пробу, наоборотъ; но когда онъ видитъ, что его булатный жеребій въ десять пудъ поплылъ поверхъ воды, а вѣтвяные жеребья товарищей потонули,—то уже болѣе не отвертывается, но, по-русски, бросается прямо въ глаза, со всею рѣшимостію, отвагою и удалью...

Есть еще новогородское сказаніе, но то уже не поэма, а сказка, въ которой новогородскаго—только герой. Мы говоримъ [499]) объ «Акундинѣ» [500]), помѣщенномъ въ первой части «Русскихъ Народныхъ Сказокъ», изданныхъ г. Сахаровымъ. Такъ-какъ мы теперь, кончивъ весь циклъ богатырскихъ поэмъ, должны сказать что-нибудь и о сказкахъ,—то кстати перейти прямо къ «Акундину». На этотъ разъ, мы ограничимся только общею характеристикою, не пускаясь въ подробности [501]). Акундинъ—богатырь въ сказочномъ родѣ. Жилъ онъ въ старомъ Новѣгородѣ, а былъ со посадской стороны, со торговой, ни пива не варилъ, ни вина не курилъ, ни въ торгу торговалъ; а ходилъ онъ, Акундинъ, со новольницей и гулялъ по Волгѣ по рѣкѣ на суденышкахъ. Понаскучило ему, Акундину, новольницу водить; вотъ и думаетъ Акундинъ: кабы ему до Кіева дойти, въ Москвѣ побывать. Сѣлъ онъ на суденышко и поплылъ по Волгѣ-рѣкѣ, черезъ тридцать-три дня увидѣлъ себя у крута бережка. На встрѣчу ему попался калечище перехожій, онъ спрашиваетъ у [502]) него: что то за сторона, что за городъ? И узнаетъ [503]) Акундинъ отъ калечища, что «сторона то широкая, что отъ Оки-рѣки потягла до Дону глубокаго, зовутъ Рязанью, а правитъ тою стороной стольный князь Олегъ; и что городъ-то поселенъ по Окѣ-рѣкѣ, то зовутъ Ростиславль, а на столѣ княжитъ рязанскаго роду князь,

молодой Глѣбъ Олеговичъ». Акундинъ призадумался, да и сказалъ себѣ невзначай: «А кабы ту широкую сторону Рязань и съ молодымъ княземъ Глѣбомъ Олеговичемъ и со всѣми его исконными слугами покорить Новугороду». Здѣсь виденъ Новогородецъ, членъ вольной и торговой общины, который все относитъ къ своей родинѣ и о ея выгодахъ заботится, какъ о своихъ себственныхъ. Слушая Акундина, калечище думаетъ: «не корыстна сторона для Новагорода! кабы Рязань не полонили злы Татарове, да не обложили данью великою, постояла бъ Рязань за себя. Да и Рязань не та чета Новугороду».

Калечище [504]) показываетъ Акундину, что на Окѣ плыветъ чудовище невиданное—Змѣй Тугаринъ. Длиною-то былъ тотъ Змѣй Тугаринъ въ триста сажень, хвостомъ бьетъ рать рязанскую, спиною валитъ круты берега, а самъ все проситъ стару дань. Разгорѣлось богатырское сердце у Акундина: хочетъ онъ сражаться съ Змѣемъ за Рязань. Калечище, узнавъ о родѣ-племени Акундина, снималъ съ себя платье перехожее, надѣвалъ платье посадничье, и называется Замятнею Путятичемъ, дядею Акундина: братъ его, отецъ Акундина, былъ посадскимъ въ Новѣгородѣ, и не взлюбили его люди новогородскіе—*вишь правилъ ими не такъ*, и порѣшили сгубить съ родомъ, съ племенемъ, «и сокрушили его со всѣмъ домомъ; а Замятня Путятичъ пошелъ въ Кіевъ, и «съ той-де поры во тоскѣ, во кручинѣ, горе-гореваньщемъ качу, свое милое дѣтище (Акундина) дожидаючи». Но какимъ образомъ, дожидаясь въ Кіевѣ, увидѣлся онъ съ племянникомъ на Окѣ—Богъ-вѣсть [505])... Не домолвивши рѣчи вѣстныя, сталъ Замятня Путятичъ кончатися, со бѣлымъ свѣтомъ разставатися: *видно на роду ему, братцы, такъ написано, что довелось посередь поля переставиться!*.. Какъ сталъ Замятня Путятичъ со бѣлымъ свѣтомъ разставатися и учалъ отповѣдь чинить: «А и гой еси ты, мое милое дѣтище, Акундинъ Акундиновичъ! какъ и будешь ты во славномъ во Новѣгородѣ, и ты ударь челомъ ему, Новугороду, и ты скажи, скажи ему, Новугороду: и дай же то ты Боже! тебѣ ли, Новугороду, вѣкъ вѣковать, твоимъ ли дѣтушкамъ славы добывать! Какъ и быть ли тебѣ, Новугороду, во могуществѣ, а твоимъ ли дѣтушкамъ во богачествѣ!»..

Какая поэтическая и умилительная картина любви къ родинѣ со стороны оскорбленнаго ею сына!.. [506]) Сколько простодушія, чувства, любви, безконечнаго стремленія и порыванія [507]) выражаются въ простыхъ, но глубоко-поэтическихъ словахъ умирающаго гражданина Великаго-Новагорода! Послѣдняя мысль, послѣднее слово изгнанника—благословеніе неправой, но все милой родинѣ!.. Да, это поэзія! Тутъ есть мысль—и мысль глубокая! [508])..

Глѣбъ Олеговичъ женится, а Змѣй Тугаринъ грозитъ потопить Ростиславъ. Старый посадникъ Юрья Никитичъ даетъ совѣтъ князю—послать пословъ къ Тугарину. Змѣю понравилось смиреніе князя; онъ вступилъ въ переговоры, принималъ отъ пословъ хлѣбъ-соль и съѣдалъ за единый разъ. Послы говорили, что миръ готовы урядить, а дани не вѣдаютъ за собою никакой. Змѣй называетъ ихъ смердами Ростиславичами и ссылается на записи. Хитрый старый

дьякъ Чеботокъ развернулъ записи поручныя и свелъ по нимъ, что долгу нѣтъ. Змѣй требуетъ мѣшка золота за Ростиславичей, мѣшка серебра за отцовъ ихъ, и мѣшка каменьевъ самоцвѣтныхъ за дѣдовъ—иначе, грозитъ затопить городъ, а женъ въ Орду продать. Здѣсь Змѣй Тугаринъ—ясно аποθεоза Татаръ, обыкновенно дѣлавшихъ набѣги свои изъ-за Оки, и прежде всего опустошившихъ Рязанское княжество. Хитрый дьякъ Чеботокъ проситъ у Тугарина мѣшковъ, и, получивъ, думаетъ ихъ сжечь: безъ мѣшковъ-де не во что будетъ и дани собирать. Но посадскій Юрья Никитичъ думаетъ иначе: ему жаль золотой казны княжеской, и онъ напустилъ на дьяка Чеботка: «А постой ты, дьякъ! А и погоди ты, дьякъ! А и ты-то, дьякъ, злой еретикъ, за одно съ Тугаринымъ держишься еретичества. А и знаю я, какъ тебя изнять, а и знаю я, какъ тебя со бѣла свѣта согнать!» Взялъ да и посадилъ дьяка въ мѣшки, да и послалъ къ Змѣю. И онъ дьякъ Чеботокъ на ту пору догадливъ былъ: давай мѣшки глодать, свѣту Божьяго искать; какъ проѣдалъ онъ единъ мѣшокъ, два зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ второй мѣшокъ, три зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ третій мѣшокъ, всѣ пять сломалъ. И началъ дьякъ Тугарину всю вину на посадника слагать, что жаль ему золотой казны княжеской. И сталъ Тугаринъ пытать дьяка, сколько-де у князя золотой казны, каменьевъ самоцвѣтныхъ и силы ратной. «А и право скажу, ничего не утаю: лишь, дядюшка, окунись въ Оку, да достань бѣлосыпучаго песку». Змѣй досталъ и подалъ дьяку, а дьякъ учалъ бѣгать по полю, утекаючи къ городу, крича: «А и вотъ какова сила ратная у молода князя Глѣба Олеговича!» И туто Тугаринъ догадался, что дьяку въ обманъ дался, а догадавшись, давай Оку-рѣку гонять, городъ Ростиславль затоплять. А дьякъ, пришедши въ городъ, объявилъ князю, что Змѣй готовъ на миръ, да только хочетъ переговоры вести съ однимъ посадникомъ Юрьемъ Никитичемъ. И тому-то старый посадникъ вѣру ималъ. А и не зналъ онъ, старый посадникъ, что дьякъ-то его избывалъ. *Да и дьяку ли вѣру имать? И волчья снасть у дьяка на зубахъ; пулы беретъ, на судно* сыды (?) *ведетъ*[509]). Змѣй почелъ посадника за дьяка, въ другорядъ въ обманъ не хотѣлъ даться, и туто его, стараго посадника, съѣлъ за единъ разъ. И дьякъ Чеботокъ на ту пору догадливъ былъ; онъ, злодѣй, въ воротахъ за старчища стоялъ, да на стара посадника смотрѣлъ. Какъ-де завидѣлъ онъ дьякъ, что Змѣй Тугаринъ стара посадника съѣлъ, то и давай себѣ кричать: «Ай, батюшки, бѣда! ай, родимые, бѣда! Не стало нашего посадника, Юрья Микитича, на бѣломъ свѣтѣ. Ужь его ли, родимаго, Змѣй Тугаринъ съѣлъ. А что мы, сироты, будемъ безъ него!» И его дьячьи слова скоро до князя дошли; а никто про то во городѣ не вѣдаетъ, а никто про то не знаетъ, *что то дьячья стряпня, стара дьяка Чобота.*

Этотъ интересный эпизодъ о хитрыхъ продѣлкахъ дьяка Чобота показываетъ, что поэзія иногда лучше всѣхъ лѣтописей можетъ быть историческимъ фактомъ[510]). Дьяки Чоботы мало измѣнились съ-тѣхъ-поръ.....

Князь Глѣбъ собираетъ войско, идетъ на Тугарина, попадаетъ ему стрѣ-

лою въ правый глазъ; но Рязанцамъ скоро стало не въ мочь. Тогда Акундинъ напустился на Змѣя Тугарина и убилъ его. Князь Глѣбъ одарилъ его шубою соболиною, гривною золотою, а князья и бояре повели его, Акундина, подъ бѣлыя руки во гридницы княженецкія, сажали за столы дубовые, за скатерти браныя, за яства сахарныя, прошали *хлѣба соли покушать бѣлыихъ лебедей рушать*. Князь оставлялъ его у себя, жаловалъ боярствомъ, давалъ усадбище немалое, палаты посадничьи. Но Акундинъ ото всего отказывался и поѣхалъ на своемъ судёнышкѣ оснащенномъ въ Кіевъ-градъ. Доѣхавъ до Мурома, онъ узналъ, что Татары полонили много народу изъ Мурома, и дочь воеводы муромскаго, Настасью Ивановну. Акундину стало жаль добрыхъ муромцевъ, а жальчѣй того воеводы муромскаго. Онъ отправился на своемъ судёнышкѣ въ Орду немирную, перебилъ ее всю до одного человѣка, и выручилъ изъ полону Настасью Ивановну, и отправилъ ее впередъ въ Муромъ съ молодымъ бояриномъ Замятнею Микитичемъ, который ходилъ съ нимъ въ Орду изъ Мурома. На дорогѣ ему попалась другая орда—онъ и ту изрубилъ. Пріѣхалъ въ Муромъ, а тамъ сватьба: Настасья Ивановна выходитъ за Замятню Микитича. Воевода говоритъ Акундину: «А и думали мы, что тебя въ живыхъ не стало; за твои услуги великія награжу я тебя золотой казной, а на нашей лебедушкѣ не погнѣвайся». Уѣзжая, Акундинъ слово молвилъ: «не дай же то Боже во вѣкъ въ Муромѣ бывать, того воеводу муромскаго видать: а и его-то воеводины слова перелетныя—*на посуляхъ висятъ*». Нежданъ Ивановичъ за то слово велитъ слугамъ гнать его вонъ со двора: «а и онъ ли, невѣжа, деревенскій мужикъ, смѣлъ свататься за боярску дочь». Но Акундинъ ужь былъ далеко. Въ Кіевѣ онъ угостилъ и одѣлилъ золотой казной сорокъ каликъ съ каликою, и одинъ изъ нихъ сказалъ ему таково слово: «За твою хлѣбъ-соль великую, за твой канунъ варенъ, повѣдаю твою судьбинушку: тебѣ ли, доброму молодцу, на роду счастье написано—женитися на молодой вдовѣ во чужомъ городу. Не умѣлъ ты, добрый молодецъ, изловить бѣлую лебедушку, такъ съумѣй же ты, добрый молодецъ, достать сѣру утицу». Акундинъ идетъ въ Муромъ, застаетъ тамъ Настасью Ивановну вдовою, и женится на ней.

Эта сказка—цѣлый романъ; мы выжали [511]) изъ нея, такъ-сказать, одинъ сокъ, и опустили множество подробностей, превосходно характеризующихъ общественный и семейный бытъ древней Руси. Въ этомъ отношеніи, сказка «Акундинъ» имѣетъ даже историческій интересъ — и г. Сахаровъ заслуживаетъ особенную благодарность за спасеніе отъ забвенія этого во всѣхъ отношеніяхъ любопытнѣйшаго факта русской народной поэзіи, русскаго духа и русскаго быта.

Мы не будемъ пересказывать содержанія другихъ сказокъ въ сборникѣ г. Сахарова: всѣ онѣ, исключая «Акундина» и «Семи Семіоновъ» — тѣ же самыя поэмы, которыя уже разсказаны и разобраны нами въ предъидущей статьѣ: разница, какъ мы замѣтили тамъ же, состоитъ [512]) только въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, въ нѣсколько-особенной (сказочной) манерѣ, а главное—въ томъ, что сказка объемлетъ собою всю жизнь героя, отъ рожденія до смерти, и слѣдова-

тельно заключаетъ въ себѣ содержаніе иногда нѣсколькихъ поэмъ; ибо поэма схватываетъ только одинъ, отдѣльный моментъ изъ жизни героя и представляетъ его какъ-бы чѣмъ-то цѣльнымъ и оконченнымъ. Такъ, сказка о *Добрынѣ* начинается кручиною и печалью князя Владиміра, испуганнаго какимъ-то неизвѣстнымъ богатыремъ, разбившимъ свой шатеръ передъ Кіевомъ. Этотъ богатырь былъ уже знакомый намъ Тугаринъ Змѣевичъ. «Чохнулъ онъ чохъ по полю заповѣданному;—дрогнула сыра земля; попадали ничь могучіе княжіе богатыри. А и былъ же Тугаринъ Змѣевичъ не въ уростъ человѣчь: голова-то съ пивной котелъ, глаза-то со пивные ковши, туловище-то со круту гору, ноги-то со дубовы колоды, руки-то со шесты вязовы. А и самъ-то Тугаринъ Змѣевичъ ѣдетъ по лѣсу—ровенъ съ лѣсомъ; ѣдетъ по полю—ровенъ со поднебесью. А и держится Тугаринъ Змѣевичъ еретичествомъ, да и хвастаетъ, собака, онъ молодечествомъ». Когда отъ Тугарина пришлось плохо, вдругъ откуда ни возмись сильный могучій богатырь: это нашъ давнившній знакомецъ, Добрыня Никитичъ. Онъ *родомъ изъ Новагорода*, и пріѣхалъ служить князю Владиміру вѣрою и правдою. И вышелъ онъ, съ своимъ *Тороповъ* слугою, на Тугарина Змѣевича, и, какъ у богатырей ужь изстари заведено, далъ ему карачунъ. «И со той-то поры Добрынюшка Никитичъ жилъ во славномъ городѣ во Кіевѣ, у ласкова осударя Владиміра князя, свѣтъ Святославьевича. Три года Добрынюшка стольничалъ, три года Добрынюшка приворотничалъ, три года Добрынюшка чашничалъ. Стало девять лѣтъ; на десятомъ году онъ погулять захотѣлъ». Дальнѣйшія похожденія Добрынюшки уже извѣстны нашимъ читателямъ.

Сказка о Василіѣ Буслаевѣ отличается отъ поэмы многими подробностями: въ ней мужики новогородскіе, провидя въ Буслаевѣ опаснаго для свободы общины человѣка, сами задираютъ его, чтобъ заранѣе отдѣлаться отъ него. Они приглашаютъ его къ себѣ на пиръ, сажаютъ его на первое мѣсто, но Буслаевъ *скромно* (изъ политики) отговаривается: «Вы, гой еси, люди степенные, честны мужики посадскіе, *велика честь моей молодости: есть постарше меня*».

„Застучали стопы съ зеленымъ виномъ, понеслись яства сахарныя. Пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются, въ полпьяна напиваются, рѣчи держатъ крупныя. Одинъ Васька сидитъ не пьянъ, сидитъ не молвитъ ни словечушка. Стали мужики посадскіе похвальбу держать. *Садко* молвитъ: „А и нѣтъ нигдѣ такого ворона коня супротивъ моего Сокола: онъ броду не спрашиваетъ, рѣки проскакиваетъ, дороги промахиваетъ, горы перелетываетъ“. *Чурило* молвитъ: „А и нѣтъ нигдѣ такой молодой жены, супротивъ моей Настасьи Апраксѣевны! Ужь она ли ступитъ, не ступитъ по алу бархату; ѣстъ яства сахарныя, запиваетъ сытой медовой; ужь у моей ли молодой жены очи сокольи, брови собольи, походка павлиная, грудь лебединая; а и краше ея нѣтъ нигдѣ во всей околицѣ поднебесной“. *Костя Новоторженинъ* молвитъ: „А и нѣтъ нигдѣ такого богачества супротивъ моего: три корабля плывутъ за синими морями съ крупнымъ жемчугомъ, три корабля плывутъ по лукоморью съ соболями; три корабля плывутъ по морю Хвалынскому со камнями самоцвѣтными; а золотомъ, серебромъ потягаюсь со всѣмъ Новымгородомъ“. *Ставеръ* молвитъ: „А и нѣтъ нигдѣ такого удалаго молодца, супротивъ Ставра: ѣдетъ ли онъ во поѣздѣ богатырскомъ, не вѣтры въ поляхъ подымаются, не вихри бурные кру-

тятъ пыль черную—выѣзжаетъ сильный могучъ богатырь Ставръ Путятичъ, на своемъ конѣ богатырскомъ, съ своимъ слугой Акундиномъ. На Ставрѣ доспѣхи ратные, словно жаръ горятъ; на бедрѣ виситъ мечъ-кладенецъ, во правой рукѣ копье булатное, во лѣвой шелковая плеть, того ли шелку шемаханскаго; на конѣ збруя красна золота. Наѣзжаетъ Ставръ на Чудь поганую: вскрикиваетъ богатырскимъ голосомъ, засвистываетъ молодецкимъ посвистомъ, сыры боры приклоняются, зелены листы съ деревъ опускаются; онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ: богатырскій конь осержается, мечетъ изъ-подъ копытъ по сѣиной копнѣ; бѣжитъ въ полѣ—земля дрожитъ, изо рта пламя валитъ, изъ ноздрей пыль столбомъ. Ставръ гонитъ силу поганую: конемъ вернетъ—улица; копьемъ махнетъ—нѣтъ тысячи; мечемъ хватитъ—лежитъ тьма людей".

Мужики спрашиваютъ Буслаева, отъ-чего сидитъ онъ задумался, самъ ничѣмъ не похваляется. «На что мнѣ, молодцу, радоватися, чѣмъ передъ вами похвалятися? Оставилъ меня осударь батюшка во сиротствѣ, а сударыня матушка живетъ во вдовствѣ. Есть у меня золота казна, богатства несмѣтныя: *и то я не самъ добылъ*».

„Отъ слова умнаго Васьки Буслаева мужики посадскіе дивовалися, стали его промежъ себя перешептывать: „Зло держитъ Васька на сердцѣ". Наливаютъ братину зелена вина, ставятъ на столы дубовые, отошедъ кланяются и всѣ едину рѣчь говорятъ: „Кто хочетъ дружить Новугороду, тотъ ней зелено вино до суха!" Садятся мужики посадскіе за дубовы столы, усмѣхаючись, и и ждутъ отповѣди отъ Васьки. Встаетъ Васька поклапяется, принимаетъ братину во бѣлы руки, выпиваетъ зелено вино единымъ духомъ. И стала братина пуста до-суха, а Васька сидитъ въ полиьяна. Заиграла хмѣлинушка, закипѣла кровь молодецкая, и сталъ Васька похвалятися: „Глупые вы, неразумные, мужики посадскіе! Взять будетъ Василію Буслаевичу Новгородъ за себя; править будетъ мужиками посадскими на своей волѣ: брать будетъ пошлины даточныя со всей земли; съ лову заячьяго и гоголинаго, съ заѣзжихъ гостей пошлины мытныя, а мужикамъ посадскіимъ будетъ лежать у ногъ монхъ".

„Не любы стали мужикамъ посадскіимъ рѣчи спорныя; закричали всѣ во едино слово: „Младъ еще ты, дѣтище неудалое; не зрѣлъ твой умъ, не бывать за тобой Новугороду; потерять тебѣ буйну голову; не честь тебѣ съ нами жить; нѣтъ про тебя съ нами земли".

„Разгорается сердце молодецкое пуще прежняго; распаляется голова буйная. „Не честь мнѣ съ вами жить (отповѣдь держитъ Васька)—иду съ вами перевѣдаться". Встаетъ Васька изъ-за стола дубоваго, встаетъ, идетъ, не кланяется; и только его видѣли!"

И вотъ мы прошли весь циклъ богатырскихъ поэмъ. Что до сказокъ — ихъ въ сборникѣ г. Сахарова такъ мало, что мы обо всѣхъ по-крайней-мѣрѣ упомянули, а въ хранилищѣ народной памяти такъ много, что обо всѣхъ не переговоришь. Скажемъ коротко объ общемъ характерѣ этихъ поэмъ и сказокъ. Содержаніе ихъ бѣдно до пустоты, а потому и однообразно до утомительности. Отсутствіе миѳическихъ созерцаній, какъ зерна развитія внутренняго и гражданственнаго, ограниченная сфера народнаго быта, такъ-сказать стоячесть жизни, вращавшейся вокругъ себя безъ движенія впередъ,—вотъ причина скудости и однообразія въ содержаніи этихъ поэмъ [513]). Только въ Новѣгородѣ, гдѣ, въ-слѣд-

ствіе торговли и плода ея—всеобщаго богатства и довольства — жизнь раскинулась пошире, поразмашистѣе, а духъ предпріимчивости, удальства и отваги, свойственныхъ русскому племени, нашелъ себѣ болѣе свободную сферу,—только въ Новѣгородѣ народная поэзія могла явиться болѣе яркими проблесками. Мы уже говорили выше, что новогородскій штемпель лежитъ на всемъ русскомъ бытѣ, а слѣдовательно, и на всей русской народной поэзіи; что даже самъ Владиміръ, великій князь кіевскій стольный, и всѣ богатыри его говорятъ, дѣйствуютъ и пируютъ както по-новогородски и какъ-будто по-купечески.

Но, не смотря на всю скудость и однообразіе содержанія нашихъ народныхъ поэмъ, нельзя не признать необыкновенной, исполинской силы, заключающейся въ нихъ жизни, хотя эта жизнь и выражается по-видимому только въ матеріальной силѣ, для которой все равно—побить ли цѣлую рать ординскую, или единымъ духомъ выпить чару зелена вина въ полтора ведра, турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра. Богатырь всегда—богатырь, и сила, въ чемъ бы ни выражалась она—всегда сила: сильный плѣняется только силою, и богатырь богатырствомъ. Въ грезахъ народной фантазіи оказываются идеалы народа, которые могутъ служить мѣрою его духа и достоинства. Русская народная поэзія кишитъ богатырями, и если въ этихъ богатыряхъ незамѣтно особеннаго избытка какихъ-либо нравственныхъ началъ,—ихъ сила все-таки не можетъ назваться лишь матеріальною: она соединялась съ отвагою, удальствомъ и молодечествомъ, которымъ—море по колѣно, а это уже начало духовности, ибо принадлежитъ не къ комплексіи, не къ мышцамъ и тѣлу, а къ характеру и вообще нравственной сторонѣ человѣка. И эта отвага, это удальство и молодечество, особливо въ новогородскихъ поэмахъ, являются въ такихъ широкихъ размѣрахъ, въ такой несокрушимой, исполинской силѣ, что передъ ними невольно преклоняешься. Одни эти качества—отвага, удаль и молодечество, еще далеко не составляютъ человѣка; но они—великое поручительство въ томъ, что одаренная ими личность можетъ быть по-преимуществу человѣкомъ, если усвоитъ себѣ и разовьетъ въ себѣ духовное содержаніе. Мы уже сказали и снова повторяемъ: Русь, въ своихъ народныхъ поэмахъ, является только тѣломъ, но тѣломъ огромнымъ, великимъ, кипящимъ избыткомъ исполинскихъ физическихъ силъ, жаждущимъ пріять въ себя великій духъ, и вполнѣ способнымъ и достойнымъ заключить его въ себѣ... Долго ждала она своего духовнаго возрожденія, приготовлялась къ нему тяжелымъ и кровавымъ испытаніемъ, долгою годиною ужасныхъ бѣдствій и страданій—и дождалась: нестройный хаосъ ея существованія огласился творческимъ глаголомъ «да будетъ!»—и бысть... [514])

Форма народныхъ поэмъ совершенно соотвѣтствуетъ ихъ содержанію: та же исполинская мощь—и та же скудость, та же неопредѣленность, то же однообразіе въ выраженіи и образахъ. Если у князя, или гостя богатаго, пиръ,—то во всѣхъ поэмахъ описаніе его совершенно одинаково: «А и было пированье-почестный пиръ, а и было столованье-почестной столъ; а и будетъ день во полуднѣ, а и будетъ пиръ во полу-пирѣ, а и будетъ столъ во полу-столѣ». Если

богатырь стрѣляетъ изъ лука, то непремѣнно: «а и спѣла вѣдь тетивка у лука—взвыла да пошла калена стрѣла». Обезоруженный ли богатырь ищетъ своего оружія, то уже всегда: «не попала ему его палица желѣзная, что попала-то ему ось тележная». Если дѣло идетъ объ удивительномъ убранствѣ палатъ, то: «на небѣ солнце—въ теремѣ солнце» и проч. Однимъ словомъ, всѣ источники нашей народной поэзіи такъ немногочисленны, что какъ-будто перечтены и отмѣчены общими выраженіями, которыя и употребляются по надобности.

Форма русской народной поэзіи вообще оригинальна въ высшей степени. Къ главнымъ ея особенностямъ принадлежитъ музыкальность, пѣвучесть какая-то. Между русскими пѣснями есть такія, въ которыхъ слова какъ-будто набраны не для составленія какого-нибудь опредѣленнаго смысла, а для послѣдовательнаго ряда звуковъ, нужныхъ для «голоса». Уху русскій человѣкъ жертвовалъ всѣмъ—даже смысломъ. Художникъ легко примиряетъ оба требованія; но народный пѣвецъ по-необходимости долженъ прибѣгать къ повтореніямъ словъ и даже цѣлыхъ стиховъ, чтобы не нарушить требованій ритма. Сверхъ того, въ русской народной поэзіи большую роль играетъ рифма не словъ, а смысла: русскій человѣкъ не гоняется за рифмою—онъ полагаетъ ее не въ созвучіи, а въ кадансѣ, и полубогатыя рифмы какъ-бы предпочитаетъ богатымъ; но настоящая его рифма есть—рифма смысла: мы разумѣемъ подъ этимъ словомъ двойственность стиховъ, изъ которыхъ второй рифмуетъ съ первымъ по смыслу [515]). Отсюда эти частыя и, по-видимому, ненужныя повторенія словъ, выраженій и цѣлыхъ стиховъ; отсюда же и эти отрицательныя подобія, которыми, такъ-сказать, оттѣняется настоящій предметъ рѣчи: «Не грозна туча во широкомъ полѣ подымалася, не полая вода на круты берега разливалася: а выводилъ то молодой князь Глѣбъ Олеговичъ рать на войну»: или: «Не высоко солнце по поднебесью восходило, не румяная заря на широкомъ полѣ разстилалася: а выходилъ то молодой Акундинъ».

Не допустятъ Екима до добра коня,
До *своей его* палицы *тяжкія*,
А и *тяжкія* палицы *мѣдныя*,
Лита она была въ три тысячи пудъ;
Не *попала* ему палица *желѣзная*,
Что *попала* ему ось-то тележная.

Всѣ эти повторенія и ненужныя слова: *своей* и *его*, *тяжкія* и *тяжкія*, *попала* и *попала*, сдѣланы явно для пѣвучей гармоніи размѣра и для рифмы смысла; для того же сдѣлана и безсмыслица, т. е. въ третьемъ стихѣ палица названа *мѣдною*, а въ пятомъ *желѣзною*: желѣзная была необходима, сверхъ того, и для кадансовой, просодической (а не для созвучной) рифмы: *желѣзная—тележная*: ⏑ — ⏑ ⏑ и ⏑ — ⏑ ⏑.

Такихъ примѣровъ можно найдти бездну; но для поясненія нашей мысли довольно и этихъ. Теперь, сообразно плану нашей статьи, мы должны перейдти

къ пѣснямъ историческимъ [516]). Этотъ отдѣлъ русской народной поэзіи бѣденъ во всѣхъ отношеніяхъ: и числомъ, и содержаніемъ, и поэзіею. Трудное и тяжкое историческое развитіе Руси до Петра-Великаго было слишкомъ сухою и безплодною почвою для поэзіи.

Древнѣйшая историческая пѣсня въ разсматриваемыхъ нами сборникахъ находится въ книгѣ Кирши Данилова и называется «Щелканъ Дудентьевичъ». Она носитъ на себѣ характеръ сказочный; но явно, что историческое событіе дало для нея содержаніе. Герой ея *Щелканъ Дудентьевичъ* не получилъ себѣ отъ своего шурина, царя Азвяка Ставруловича, удѣла, потому-что былъ во время раздачи удѣловъ въ Литвѣ: «Бралъ онъ, младъ Щелканъ, дани, выходы, царски невыплаты; съ князей бралъ по сту рублевъ, со бояръ по пятидесяти, съ крестьянъ по пяти рублевъ;—у котораго денегъ нѣтъ, у того дитя возьметъ, у котораго дитя нѣтъ, у того жену возьметъ; у котораго жены-то нѣтъ, того самого головой возьметъ». Возвратившись къ царю Азвяку съ данями, невыплатами, онъ проситъ у него себѣ въ удѣлъ старую Тверь. Азвякъ отвѣчаетъ ему: «Гой еси, шуринъ мой, Щелканъ Дудентьевичъ! заколи-тко ты сына своего, сына любимаго, крови ты чашу нацѣди, выпей ты крови тоя, крови горячія, и тогда я тебя пожалую Тверью богатою, двумя братцами родимыми, двумя удалыми Борисовичами». Выполнивъ это *гуманное* требованіе, Щелканъ «судьею насѣлъ въ Тверь ту старую, въ Тверь ту богатую; а немного онъ судьею сидѣлъ: и вдовы-то безчестити, красны дѣвицы позорити, надо всѣми наругатися, надъ домами насмѣхатися. Мужики-то старые, мужики-то богатые, мужики посадскіе, они жалобу приносили двумъ братьямъ родимымъ, двумъ удалымъ Борисовичамъ; отъ народа они съ поклономъ пошли, *съ честными подарками*. Изошли его въ домѣ у себя Щелкана Дудентьевича; подарки принялъ отъ нихъ, чести не воздалъ имъ. Втапоры младъ Щелканъ зачванился, онъ *загординился*, и они съ нимъ раздорили—одинъ ухватилъ за волосы, а другой за ноги, и тутъ его разорвали. Тутъ смерть ему случилася, ни на комъ не сыскалося».—Эта пѣсня есть искаженная быль XIV столѣтія: Щелканъ Дудентьевичъ есть не кто иной какъ Шевкалъ, сынъ Дюденевъ, двоюродный братъ хана Узбека (переименованнаго сказкою въ *Азвяка*, да еще и *Ставруловича*), который, прибывъ посломъ въ Тверь въ 1327 году, за свою жестокость и наглость былъ сожженъ гражданами со всею свитою [517]).

Кромѣ этой пѣсни, нѣтъ ни одной [518]), которая бы относилась къ эпохѣ татарщины; равнымъ образомъ, нѣтъ ни одной исторической пѣсни, которая бы относилась къ Донскому, къ Іоанну III; есть нѣсколько пѣсень объ Иванѣ-Грозномъ, да нѣсколько пѣсень, относящихся къ эпохѣ самозванцевъ и борьбы Россіи съ Польшею за независимость; также изъ эпохи царя Алексѣя Михайловича и Петра-Великаго. Всѣхъ этихъ пѣсень числомъ не болѣе десяти, да и тѣ совершенно ничтожны и по содержанію, и по формѣ, и по историческому значенію. Русская народность еще сознавала себя въ сказкахъ: въ исторіи она потерялась. Русскій человѣкъ какъ бы не чувствовалъ себя членомъ государ-

ства и потому не зналъ, что въ немъ и дѣлалось. До него доходили слухи, онъ и самъ бывалъ свидѣтелемъ событій, какъ ратникъ, лилъ кровь свою по царскому наказу, боярскому приказу; но ничего не понималъ въ этихъ столь близкихъ ему событіяхъ и потому перевиралъ вопреки здравому смыслу и исторической дѣйствительности. Такъ [519]) въ одной пѣснѣ, «кругомъ сильна царства московскаго, *Литва* облегла со всѣ четыре стороны, а и съ нею сила, *Сорочина долгополая*, и тѣ *Черкесы пятигорскіе*, еще ли *Калмыки* съ *Татарами*, со *Татарами*, со *Башкирцами*, еще *Чукши* со *Лютерами* (съ Лютеранами, изъ которыхъ политическій тактъ древней Руси сдѣлалъ особый народъ [520])»; тогда Михайло Скопинъ «правитель царству московскому, оберегатель міру крещеному, и всей нашей земли свѣто-русскія» пріѣзжалъ въ Новгородъ, «садился на ременчатъ стулъ, а и беретъ чернилицу золотую, какъ-бы въ ней перо лебединое, и беретъ онъ бумагу бѣлую, писалъ ярлыки скорописчаты во свицкую (шведскую) землю, *Сасонскую*, ко любимому брату названому, ко свицкому королю Карлусу, а отъ мудрости слово поставлено: «А и гой еси, названый братъ, а ты свицкій король Карлусъ! а и смилуйся, смилосердуйся, смилосердуйся, попокажи милость, а и дай мнѣ силы на подмочь». Это посланіе—образецъ дипломатическаго краснорѣчія, отослано къ шведскому королю, который и прислалъ къ Скопину на помощь сорокъ тысячъ войска. Соединившись съ Шведами, наши войска пошли въ восточную сторону и вырубили Чудь бѣлоглазую и Сорочину долгополую; въ полуденную сторону — перекрошили Черкесъ пятигорскихъ «еще нонѣ тутъ Малороссія», и такимъ же образомъ уничтожили Литву, Чукчей, Башкирцевъ, Калмыковъ и «Алюторовъ». Въ остальной половинѣ пьесы перевирается по-сказочному отравленіе Скопина, котораго причина—самая народная: Скопинъ на пиру у Воротынскаго больно началъ похваляться: «Я, Скопинъ, очистилъ царство московское и велико государство россійское, еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку, отъ стараго до малаго, отъ малаго до вѣку моего». И тутъ боярамъ за бѣду стало: они подсыпали въ чашу зелья лютаго, а кума Скопина крестовая, дочь Малюты Скурлатова, поднесла ему отравленную чашу. Окончаніе пьесы отличается всею наивною и удалою прелестью русской народной поэзіи:

То старина, то и дѣянье,
Какъ-бы синему морю на утѣшенье,
А быстрымъ рѣкамъ слова до моря,
Какбы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перенйманье,
Еще намъ, веселымъ молодцамъ, на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Испиваючи медъ, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласковому.

Въ другой пѣснѣ, царь Алексѣй Михайловичъ три года стоитъ подъ Ригою, потомъ ѣдетъ въ Москву; войско проситъ царя не оставлять его подъ Ригою:

«она скучила намъ Рига, напрокучила: много голоду, холоду приняли, наготы, босоты вдвое того». Царь отвѣчаетъ: «когда прибудемъ въ каменну Москву, забудемъ бѣдность, нужу великую, а и выставлю вамъ погребы царскіе, что̀ съ пивомъ, съ виномъ, меды сладкіе».

Лучшія историческія пѣсни—объ Иванѣ-Грозномъ. Тонъ ихъ чисто-сказочный, но образъ Грознаго просвѣчиваетъ сквозь сказочную неопредѣленность со всею яркостію громовой [521]) молніи. Въ драгоцѣнномъ сборникѣ Кирши Данилова, къ сожалѣнію, далеко не вполнѣ перепечатанномъ г. Сахаровымъ [522]), есть пѣсня подъ названіемъ «Мастрюкъ Темрюковичъ», въ которой описывается кулачный бой царскаго шурина, Мастрюка, съ двумя московскими удальцами. Грозный пировалъ по случаю женитьбы своей на *Маріи Темрюковнѣ*, сестрѣ *Мастрюковнѣ*, *Купавѣ Крымской*, царевнѣ благовѣрной, дочери *Темрюка Степановича*, царя *Золотой Орды* (о исторія!..). На пиру всѣ были веселы, не веселъ одинъ Мастрюкъ Темрюковичъ, шуринъ царскій: онъ еще нигдѣ не нашелъ борца по себѣ и думаетъ Москву загонять, сильно царство московское. Узнавъ о причинѣ его кручины-раздумья, царь велѣлъ боярину Никитѣ Романовичу искать бойцовъ по Москвѣ. Два братца родимые по базару похаживаютъ, а и бороды бритыя, усы торженые, а платье саксонское, сапоги съ раструбами. Они спрашиваютъ боярина: «смѣть ли нога ступить съ царскимъ шуриномъ и смѣть ли его побороть?» Царь велѣлъ боярину сказать имъ: «кто бы Мастрюка поборолъ, царскаго шурина, платья бы съ плечъ снялъ, да нагаго съ круга спустилъ, а нагаго [523]) какъ мать родила, а и мать на свѣтъ пустила». Прослышавъ борцовъ, «скачетъ прямо Мастрюкъ изъ мѣста большаго, угла передняго, черезъ столы бѣлодубовы, повалилъ онъ тридцать столовъ, да прибилъ триста гостей; живы—да негодны, на корачкахъ ползаютъ по палатѣ бѣлокаменной: *то похвальба Мастрюку, Мастрюку Темрюковичу*». Но эта похвальба худо кончилась для Мастрюка: Мишка Борисовичъ его «съ носка бросилъ о землю; похвалилъ его царь государь: *Исполать тебѣ молодцу, что чисто борешься*». А и Мишка къ сторонѣ пошелъ, ему полно боротися. А Потанька бороться пошелъ, костылемъ подпирается, самъ впередъ подвигается, къ Мастрюку приближается; смотритъ царь-государь, что кому будетъ Божья помочь; Потанька справился, за плеча сграбился, согнетъ кочергою, воздымалъ выше головы своей, опустилъ о сыру землю—Мастрюкъ безъ памяти лежитъ, не слыхалъ какъ платье сняли. Былъ Мастрюкъ во всемъ, сталъ Мастрюкъ ни въ чемъ, со стыда и сорома окарачкахъ подъ крылецъ ползетъ. Какъ бы бѣла лебедушка по зарѣ она прокликала, говорила царица царю, Марья Темрюковна: «Свѣтъ ты, вольный царь Иванъ Васильевичъ! такова у тебя честь добра до любимаго шурина, а дѣтина наругается, что дѣтина деревенской; а почто онъ платье снимаетъ?» Говорилъ тутъ царь-государь: «Гой еси ты, царица во Москвѣ, да ты Марья Темрюковна! *а не то у меня честь во Москвѣ, что Татарыте борются; то-то честь въ Москвѣ, что Русакъ тѣшится;* хотя бы

ему голову сломилъ, до люби бы я пожаловалъ двухъ братцовъ родимыихъ, двухъ удалыхъ Борисовичевъ».

Другая пѣсня содержитъ въ себѣ сказочное описаніе историческаго происшествія, касающагося до ужасной личности грознаго царя—гнѣва его на сына. У грознаго пиръ во дворцѣ, «а всѣ тутъ князья и бояра на пиру напивалися, промежь собой разхвастался: а сильный хвастаетъ силою, богатой-отъ хвастаетъ богачествомъ. Злата труба въ царствѣ протрубила, прогласилъ царь-государь, слово выговорилъ: «А глупы бояра, вы неразумные! и всѣ вы бездѣлицей хвастаетесь; а смѣю я царь похвалитися, похвалитися и похвастати: что вывелъ измѣну я изъ Кіева, да вывелъ измѣну изъ Новагорода, а взялъ я Казань, взялъ и Астрахань». Царевичъ Ѳедоръ говоритъ отцу, что не вывелъ онъ измѣны въ Москвѣ, что три большіе боярина, а три Годуновы измѣнники. Царь велитъ сыну назвать трехъ измѣнниковъ, говоря, что одного велитъ въ котлѣ сварить, другаго—на колъ посадить, а третьяго — скоро казнить. «Ты пьешь съ ними, ѣшь съ единаго блюда, единую чару съ ними требуешь» отвѣчалъ царевичъ; но [524]) царю то слово за бѣду стало, за великую досаду показалося, скричалъ онъ царь зычнымъ голосомъ: «А есть ли въ Москвѣ немилостивы палачи? возьмите царевича за бѣлы ручки, ведите царевича со царскаго стола, за тѣ за вороты москворѣцкія, за славную матушку Москву-рѣку, за тѣ живы мосты калиновы, къ тому болоту поганому, ко той ко лужѣ кровавыя, ко той ко плахѣ бѣлодубовой». Всѣ палачи испужалися, по Москвѣ разбѣжалися: единъ палачъ не нужается, единъ злодѣй выступается—Малюта палачъ, сынъ Скурлатовичъ. До стараго боярина Никиты Романовича дошла вѣсть нерадошна, кручинная, тоде «упала звѣзда поднебесная, потухла во соборѣ свѣча мѣстная, не стало царевича у насъ въ Москвѣ, а меньшаго Ѳедора Ивановича». Боярин скачетъ къ болоту поганому, настигъ палача на полу-пути, кричитъ ему зычнымъ голосомъ: «Малюта палачъ, сынъ Скурлатовичъ! не за свойскій кусъ ты хватаешься, а этимъ кусомъ ты подавишься; не переводи ты роды царскіе». Малюта отвѣчаетъ, что его дѣло невольное, что не самому же ему быть сказнену; чѣмъ окровенить саблю острую, руки бѣлыя, и съ чѣмъ притти къ царю предъ очи, предъ его очи царскія? Никита Романовичъ совѣтуетъ ему сказнить его конюха любимаго и въ его крови предстать предъ очи царскія. Какъ завидѣлъ царь Малюту въ крови, «а гдѣ-ко стоялъ, онъ и тутo упалъ, что рѣзвы ноги подломилися, царски очи помутилися, что по три дни не пьетъ, не ѣстъ». А Никита Романовичъ увезъ царевича въ село Романовское. Царю докладываютъ: у тебя-де кручина великая, а у стараго Никиты Романовича пиръ идетъ на веселѣ. «*А грозный царь, онъ и крутъ добръ*, велитъ схватить боярина нечестно; когда привели его къ нему, онъ пригвоздилъ ему къ полу ногу жезломъ своимъ, грозитъ его въ котлѣ сварить, либо на колъ посадить». Когда дѣло объяснилось, царь даетъ боярину село Романовское, съ такою привилегіею: «Кто церкву покрадетъ, мужика ли убьетъ, али у жива мужа жену уведетъ и уйдетъ

во село боярское, ко старому Никитѣ Романовичу, и тамъ быть имъ не на выдачѣ».

Покореніе Казанскаго Царства воспѣто въ цѣлыхъ двухъ пѣсняхъ, на основаніи которыхъ однакожь нельзя сдѣлать и одной поэмы. Одна изъ этихъ пѣсень разсказываетъ, какъ Иванъ Васильевичъ подъ Казанью съ войскомъ стоялъ, за Сулай-рѣку бочки съ порохомъ каталъ, а пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ; какъ Татары по городу похаживали, и всяко грубіянство оказывали, и грозному царю насмѣхалися, что не быть-де нашей Казани за бѣлымъ царемъ; какъ царь на пушкарей осерчался, приказалъ пушкарей казнить, что подрывъ такъ долго медлился; и какъ—лишь пушкари слово молвить поотважились, — взрывъ воспослѣдовалъ, а «всѣ Татары тутъ, братцы, устрашилися, они Бѣлому царю покорилися».

Другая пѣсня почти вся состоитъ изъ сна казанской царицы *Елены*, который она разсказываетъ своему мужу, *Симеону*, что ей привидѣлось «какъ отъ сильнаго царства московскаго кабы сизый орлище встрепенулся, кабы грозная туча подымалась, что на наше вѣдь царство наплывала; а изъ сильнаго царства московскаго подымался великій князь московскій, а Иванъ, сударь, Васильевичъ, *прозритель*». Далѣе слѣдуетъ содержаніе первой пѣсни. Когда подрывъ грянулъ, Иванъ Васильевичъ побѣжалъ въ палаты царскія, а Елена догадалася: посыпала соли на ковригу и съ радостью встрѣчала московскаго князя,—за что̀ онъ ее пожаловалъ: привелъ въ крещеную вѣру и постригъ въ монастырь; а царю Симеону за гордость, что не встрѣтилъ онъ великаго князя, «вынялъ ясны очи косицами», взялъ съ него царскую корону, порфиру и царскій костыль изъ рукъ принялъ. *И въ то время князь воцарился и насѣлъ на московское царство, что тогда-де Москва основалася; и съ тѣхъ-поръ великая слава.*

И вся то пѣсня—сказка, поводомъ къ которой было, впрочемъ, историческое событіе; но что такое конецъ ея?.. Когда царь Иванъ Васильевичъ Казань взялъ, тогда только и на московское царство насѣлъ, а до-тѣхъ-поръ словно былъ безъ царства... И вотъ какъ отразился въ народной поэзіи колоссальный образъ и отозвалась страшная память Грознаго — этого исполина тѣломъ и духомъ, который такъ ужасно рвался изъ тѣсныхъ оковъ ограниченной народности, и явившись не во-время, безсильный съ самого-себя свергнуть и разбить ихъ, нашелъ въ себѣ силу страшно выместить на своемъ народѣ враждебную себѣ народность [525])!..

Изъ пѣсни о Гришкѣ Разстригѣ ясно видно, что этотъ даровитый и пылкій, но неблагоразумный и нерасчетливый удалецъ палъ въ глазахъ народа не за самозванство, а за то, что втупору, какъ «князи и бояра пошли къ заутрени, а Гришка Разстрига онъ въ баню съ женой; уже князи и бояра отъ заутрени, а Гришка Разстрига изъ бани съ женой; выходитъ Разстрига на Красный Крылецъ, кричитъ, ревetъ зычнымъ голосомъ: «Гой еси, ключники мои, приспѣшники, приспѣвайте кушанье разное, а и поспѣшное и скоромное: заутра будетъ

ко мнѣ гость дорогой, Юрья панъ съ паньею». Тогда, вишь, стрѣльцы догадалися, въ Боголюбовъ монастырь бросалися, къ царицѣ Мареѣ Матвѣевнѣ; а узнавъ отъ нея всю правду, ко красному царскому крылечику металися и тутъ въ Москвѣ взбунтовалися; зла жена Разстриги, Марина безбожница сорокою обернулась и изъ палатъ вонъ вылетѣла; а Разстрига догадается, на копья стрѣлецкія съ крыльца бросается—и тутъ ему такова смерть случилась».

Но слѣдующая пѣсня о «Борисѣ Шереметевѣ», достойномъ сподвижникѣ Петра-Великаго, лицѣ нисколько не миѳическомъ, а вполнѣ историческомъ и современномъ пѣснѣ,—лучше всего обнаруживаетъ историческую субстанціальность [526]) нашихъ историческихъ пѣсень. Шереметевъ, подходя съ войсками къ сильному городу Орѣшку, послалъ въ объѣздъ донскихъ и яицкихъ казаковъ—снять шведскіе караулы. Они полонили майора и привели его къ самому государю; злата труба въ полѣ протрубила, прогласилъ государь, слово молвилъ, государь московскій — первый императоръ: «А и гой еси, Борисъ, сынъ Петровичъ! изволь ты майора допросити тихонько, по-малешеньку: а сколько-де силы въ Орѣшкѣ у вашего короля шведскаго?» Майоръ наговорилъ силы несмѣтное множество; тогда императоръ велѣлъ Шереметеву морить его голодомъ. А втапоры Борисъ Петровичъ Шереметевъ *на то-то больно догадливъ:* и двое-де сутки майора не кормили, въ третьи винца ему подносили; втапоры майоръ правду сказалъ: «всѣхъ съ королемъ нашимъ и генераломъ силы семь тысячей, а болѣ того нѣту». И тутъ государь взвеселился—велѣлъ ему, майору, *голову отляпать*».

И вотъ какъ народная фантазія поняла великаго преобразователя Руси!.. Какого же историческаго содержанія, какой исторической жизни можно требовать отъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, относящихся къ эпохѣ Петра-Великаго!.. Не такова историческая поэзія Малороссіи. Исторія Малороссіи не принадлежитъ къ исторіи всемірно-человѣческой; кругъ ея тѣсенъ, политическое и государственное значеніе ея—то же, что̀ въ искусствѣ гротескъ; но, не смотря на все это, Малороссія была органически-политическимъ тѣломъ, гдѣ всякая отдѣльная личность сознавала себя, жила и дышала въ стихіи своего общественнаго существованія, и потому знала хорошо дѣла своей родины, столь близкія къ ея сердцу и душѣ. Народная поэзія Малороссіи была вѣрнымъ зеркаломъ ея исторической жизни. И какъ много поэзіи въ этой поэзіи! Пусть читатели вспомнятъ думу о Самкѣ Мушкетѣ, которую мы привели выше (стр. 377), для доказательства аналогіи, существующей между «Словомъ о Полку Игоревомъ» и малороссійскою поэзіею [527]),—это диѳирамбъ исторической поэзіи, это паѳосъ патріотическаго сознанія! Что̀ передъ однимъ этимъ отрывкомъ скудный сборникъ всѣхъ русскихъ историческихъ пѣсень!..

Донскія казачьи пѣсни можно причислить къ циклу историческихъ,—и онѣ въ-самомъ-дѣлѣ болѣе заслуживаютъ названія историческихъ, чѣмъ собственно такъ-называемыя историческія русскія народныя пѣсни. Въ нихъ весь бытъ и вся исторія этой военной общины, гдѣ русская удаль, отвага, молодечество и

разгулье нашли себѣ гнѣздо широкое и привольное. Онѣ и числомъ несравненно больше историческихъ пѣсенъ; въ-нихъ и исторической дѣйствительности больше, чѣмъ въ послѣднихъ, въ нихъ и поэзія размашистѣе и удалѣе. Взглянемъ бѣгло на тѣ только, героемъ которыхъ является Ермакъ.

На Бузанѣ-островѣ сидѣли атаманы и есаулы—Ермакъ Тимоѳеевичъ, Самбуръ Андреевичъ, Анофрій Степановичъ; они думушку думали крѣпкую про дѣло ратное, про добычу казацкую. Есаулъ кричитъ голосомъ во всю буйну голову: «А и вы, гой еси, братцы, атаманы казачіе!У *насъ кто на морѣ не бывалъ, морской волны не видалъ,—не видалъ дѣла ратнаго, человѣка кроваваго, отъ желанья тѣ Богу не маливались;* останьтесь таковы молодцы на Бузанѣ-островѣ». И садилися молодцы во свои струги легкіе, они грянули молодцы внизъ по матушкѣ Волгѣ-рѣкѣ, по протокѣ по Ахтубѣ.

Какая широкая и размашистая поэзія, сколько въ ней силы и простору душевнаго! Такъ и говоритъ: берегись—ушибу [528])!.. Но дальнѣйшее содержаніе этой пѣсни мы разскажемъ своею прозою [529])... Молодцамъ нашимъ повстрѣчались двѣнадцать турецкихъ кораблей—они взяли ихъ въ плѣнъ, а съ ними и душу красну-дѣвицу, молоду Урзамовну, дочь мурзы турецкаго. Потомъ они повстрѣчались съ посломъ царскимъ, Семеномъ Константиновичемъ, возвращавшимся изъ Персіи съ своими солдатами и матросами. *Казаки были пьяные, а солдаты не со всѣмъ умомъ*, попущалися на нихъ дратися ради корысти своея. Не разобравъ дѣла, посолъ выслалъ на казаковъ сто человѣкъ изъ своей свиты: Ермакъ велѣлъ своимъ бить ихъ и бросать въ Волгу. Казаки перебили всю посольскую свиту и самого посла, а всѣ животы пограбили; пріѣхали въ Астрахань, назвались купцами, заплатили пошлины и пошли торговать безъ запрещенія. Тѣмъ старина и кончилась — въ первой пѣснѣ.

Но во второй мы видимъ результаты этой старины: во славномъ понизовомъ городѣ Астрахани, противъ пристани матки-Волги-рѣки, наши молодцы снова сходились думать думушку крѣпкую. Ермакъ Тимоѳеевичъ говорилъ: «А и вы гой еси, братцы, атаманы молодцы! не корыстна у васъ шутка запучена; убили мы посла персицкаго и всѣмъ животомъ его покорыстовались: и какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать? Въ Астрахани жить нельзя; на Волгѣ жить—ворами слыть; на Яикъ итти—переходъ великъ; въ Казань итти—грозенъ царь стоитъ, грозенъ царь осударь Иванъ Васильевичъ; въ Москву итти — перехваченнымъ быть, по разнымъ городамъ разосланнымъ и по темнымъ тюрмамъ разсаженнымъ; пойдемъ мы въ усолья ко Строгановымъ, ко тому Григорью Григорьевичу, къ тѣмъ господамъ ко Вороновымъ — возьмемъ мы много свинцу, пороху и запасу хлѣбнаго». Дальнѣйшее содержаніе пѣсни состоитъ въ разсказѣ, какъ молодцы пошли въ Сибирь, добрались до Тагиль-рѣки, до горы Магницкой, зимовали, настроили коломенокъ, надѣлали соломенныхъ людей и, добравшись до Тоболя, обманули ими Татаръ и выиграли великую битву; какъ Ермакъ Тимоѳеевичъ взялъ въ полонъ Ку-

чума царя татарскаго; какъ Ермакъ, пошивши казакамъ шубы и шапки соболиныя, пріѣхалъ въ Москву съ повинной головою къ грозному царю Ивану Васильевичу; какъ государь прощалъ Ермаку всѣ вины его, и снова посылалъ его въ Сибирь—брать съ Татаръ дани, выходы въ казну государеву; какъ Татары взбунтовались противъ Ермака и напали на него на Енисеѣ, когда у него было казаковъ только на двухъ коломенкахъ; и какъ въ битвѣ погибъ храбрый и удалой завоеватель Сибири. «Онъ хотѣлъ перескочити на другую свою коломенку—и ступилъ на переходню обманчивую, правою ногою поскользнулся онъ—и та переходня съ конца верхняго подымалася и на него опущалася, расшибла ему буйну голову и бросила его въ тое Енисей быстру рѣку: *тутъ Ермаку такова смерть случилась.*

Исключая поѣздки Ермака въ Москву, на мѣсто есаула его Кольца, все остальное довольно правдоподобно для русской народной исторической пѣсни. Впрочемъ, историческая вѣрность—качество почти чуждое историческимъ русскимъ пѣснямъ. Причина очевидна: такъ-какъ всѣ явленія исторической жизни старой Руси возникали какъ-бы случайно, всякое само-по-себѣ, и не имѣли корня въ политическомъ устройствѣ государства [530]),—то и казались народу сказочными явленіями. Оттого всякое историческое лицо для народа казалось миѳомъ, и онъ дѣлалъ изъ его жизни сказку. Такъ въ одной казацкой пѣснѣ, Ермакъ сидитъ въ Азовѣ въ тюрьмѣ, мимо которой случилось пройдти турецкому царю Салтану Салтановичу (Ермакъ, видите, былъ посланъ къ султану изъ Москвы съ подарками, а мурзы, улановья ограбили его, да и посадили въ темницу). Султанъ, одаривъ его златомъ, серебромъ, съ честью отпускаетъ въ Москву; но донской казакъ «загулялся по матушкѣ-Волгѣ-рѣкѣ, не явился въ каменну Москву».

Солдатскія пѣсни образуютъ собою особый циклъ народной поэзіи. По формѣ своей, онѣ ничѣмъ не отличаются отъ другихъ русскихъ пѣсенъ; но содержаніе ихъ оригинально по русско-простонародному разумѣнію европейскихъ вещей и по смѣси чисто-русскихъ выраженій съ терминами и словами изъ сферы регулярно-военнаго быта. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ распространиться о солдатскихъ пѣсняхъ, а потому ограничимся только выпискою одной изъ нихъ[531]), которая показываетъ, что великій преобразователь Россіи прежде всѣхъ другихъ своихъ подданныхъ встрѣтилъ къ себѣ сочувствіе въ храбрыхъ солдатахъ созданнаго имъ войска:

Ахъ, ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по-старому,
Не по-старому и не по-прежнему?
Что со вечера не до полуночи,
Со полуночи не до бѣла свѣта;
Все ты прячешься за облаки,
Укрываешься тучей темною.
Что у насъ было, на святой Руси,
Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,

Во соборѣ Петропавловскомъ,
Что̀ у праваго у клироса,
У гробницы государевой,
У гробницы Петра-Перваго,
Петра-Перваго, Великаго,
Молодой сержантъ Богу молится,
Самъ онъ плачетъ, какъ рѣка льется,
По кончинѣ вскорѣ государевой,
Государя Петра Перваго;
Въ возрыданья слово вымолвилъ:
„Разступись ты, мать сыра земля,
„Что на всѣ ли на четыре стороны!
„Ты разкройся, гробова доска,
„Развернися, золота парча!
„И ты встань, пробудись, Государь,
„Пробудись, батюшка, православный царь!
„Погляди ты на свое войско милое,
„Что на милое и на храброе:
„Безъ тебя мы оспротѣли,
„Оспротѣвъ, обезсилѣли!“

Въ сборникѣ Кирши Данилова есть одна пѣсня, которую можно причислить къ разряду солдатскихъ:

Въ хорошомъ-то высокомъ теремѣ
Подъ краснымъ подъ косящатымъ окошкомъ,
Что голубь со голубушкой воркуетъ,
Дѣвица съ молодцемъ рѣчи говорила:
„А душечка, удалой доброй молодецъ!
Божился доброй молодецъ, ратился,
А всякими неправдами заклинался,
Порукою давалъ мнѣ Спасовъ образъ,
Образъ Святителя Николу Чудотворца—
Не пить бы пива пьянаго,
До пьяна зеленаго вина не пить,
До повалу сладкіихъ медовъ, безпросыпныхъ
А понѣ ты, мой надежа, запиваешься;
Ты пьешь-то пива пьянаго,
До пьяна зеленое вино, пьешь до повалу,
А сладкіе пьешь меды безъ просыпу!“
Отвѣтъ держитъ удалой, доброй молодецъ:
„Ты глупая дѣвица, да не разумная!
Не съ радости пью я, молодецъ, съ кручины,
Съ тоя ли.. .. великія печали:
Записанъ доброй молодецъ въ солдаты,
Поверстанъ, доброй молодецъ, я въ капралы.
Не то мнѣ доброму молодцу забѣдно,
Что царь меня на службу ту посылаетъ;
А то мнѣ доброму молодцу забѣдно,
Отецъ, мати старешеньки остаются,
А не кому поить будетъ, ихъ кормити,

Еще мнѣ доброму молодцу забѣдно.
Что съ недругомъ въ одномъ полку мнѣ быти,
Въ одной мнѣ переножкѣ служити [532]).

Такъ-называемыя «удалыя» пѣсни должны слѣдовать непосредственно за казацкими: что̀ такое были казаки, какъ не удальцы, промышлявшіе на Волгѣ чѣмъ Богъ послалъ; и что̀ такое были удальцы, какъ не казаки, только неимѣвшіе опредѣленнаго мѣста для жительства? Существованіе «удальцовъ» не было улегитимировано правительственною властью, но было улегитимировано общественнымъ мнѣніемъ,—и потому въ одной пѣснѣ они сами про себя говорятъ:

Мы не воры,—мы разбойнички:
Атамановы мы работнички.

Въ подобныхъ явленіяхъ нѣтъ ничего унизительнаго для національной чести, ибо въ нихъ виновато было неустройство и шаткость общественнаго зданія, а совсѣмъ не національный духъ. Италія и Испанія—классическія страны разбойниковъ: тамъ эти господа еще недавно разгуливали на улицахъ столичныхъ городовъ, среди бѣла̀ дня, и ихъ боялись многіе, но никто не презиралъ [533]); съ массою народа они всегда были даже въ большихъ ладахъ. Теперь этого [534]) уже нѣтъ: нація все та же, да порядокъ въ обществѣ другой — вотъ и все. Теперь можно изъѣздить и исходить святую Русь вдоль и поперекъ [535]) съ туго-набитымъ бумажникомъ: можетъ-быть, васъ обокрадутъ или засудятъ [536]), но уже не ограбятъ и не зарѣжутъ. А прежде было не такъ, особенно до эпохи Петра-Великаго. Стѣсненность и ограниченность условій общественной жизни, безусловная зависимость бѣднаго отъ произвола сильнаго и богатаго, словомъ *Кошихинскій* характеръ администраціи и общественной нравственности: все это [537]), заставляло людей, чаще всего [538]) съ сильными и благородными [539]) натурами, искать какого бы то ни было выхода изъ тѣсноты и духоты на просторъ и приволье души. Низовыя страны, особенно степи, прилегающія къ Волгѣ и Дону, давали полную возможность для подвиговъ удальства и молодечества. И наши удальцы того времени никогда не были ни казаками, ни разбойниками, а всегда тѣмъ и другимъ вмѣстѣ: они били басурмановъ, оберегали границы, и иногда, при стѣсненныхъ обстоятельствахъ, грабили и посланниковъ царскихъ и бояръ, и кто попадется [540]). Подвиги этихъ витязей такого рода никогда не были запечатлѣны ни звѣрствомъ, ни жестокостію: они были удальцы и молодцы, а не злодѣи. Конечно, они не отличались и идеальнымъ рыцарствомъ; но можно ли было требовать рыцарства въ тѣ варварскія времена, когда и войны походили на разбой, когда само правосудіе было свирѣпо и кровожадно? Повторяемъ: наши удальцы не были, по крайней мѣрѣ, хуже всѣхъ другихъ сословій своего времени [541]), если не были лучше ихъ. При дурной общественности, падшія души часто бываютъ самыя благороднѣйшія по своей натурѣ—и ужь конечно скорѣе можно предполагать человѣчность, благородство и возвышенность въ покорителѣ Сибири, чѣмъ во многихъ изъ знатныхъ

тунеядцевъ стараго времени, богатыхъ только спѣсью, невѣжествомъ и низостью [542]).

Въ пѣсняхъ о Ермакѣ, читатели могутъ сами видѣть справедливость [543]) всего сказаннаго нами объ удалыхъ казакахъ. Теперь взглянемъ на удальцовъ собственно, въ глазахъ которыхъ удаль и успѣхъ извиняли всякое дѣло. Здѣсь опять господствующій элементъ—удальство и молодечество, а сверхъ того и [544]) ироническая веселость, какъ одна изъ характеристическихъ чертъ народа русскаго. Слѣдующій отрывокъ изъ большой пѣсни можетъ служить лучшимъ примѣромъ такого рода сочиненій:

„Ахъ, доселева Усовъ и слыхомъ не слыхать, а слыхомъ ихъ не слыхать, видомъ не видать; а нонѣче Усы проявились на Руси. Собиралися Усы на царевъ на кабакъ, а садилися молодцы во единый кругъ. Большой Усище и всѣмъ атаманъ, а Гришка Мурышка, дворянскій сынъ, самъ говоритъ, самъ усомъ шевелитъ: „А братцы Усы, удалы молодцы! А и лѣто проходитъ, зима настаетъ, а и надо чѣмъ Усамъ голова кормить, на палатяхъ спать и намъ сытымъ быть. Ахъ, нутетъ-ко, Усы, за свои промыслы! А мечитеся по кузницамъ, накуйте топоры со подбородышами, а накуйте ножей по три четверти, а и сдѣлайте бердыши и рогатины, и готовьтесь всѣ; ахъ, знаю я крестьянина—богатъ добрѣ, живетъ на высокой на горѣ, далеко въ сторонѣ, *хлѣба онъ не пашетъ, да рожь продаетъ, онъ деньги беретъ да въ кубышку кладетъ, онъ пива не варитъ и сосѣдей не поитъ, а прохожихъ-то людей ночевать не пущаетъ, а прямыя дороги не сказываетъ.* Ахъ, надо-де къ крестьянину умѣючи итти: а и по полю итти—не посвистывати, а и по бору итти — не покашливати, ко двору его итти—не пошаркивати. Ахъ, у крестьянина-то въ домѣ борзые кобели, и ограда крѣпка, избушка заперта, у крестьянина ворота крѣпко заперты“.

Теперь намъ слѣдовало бы перейдти къ собственно-лирической поэзіи; но это потребовало бы особой статьи, и мы [545]) ограничимся только тѣми пѣснями, которыя особенно характеризуютъ духъ народный; а для этого мы должны говорить и о пѣсняхъ эпическаго содержанія, но которыхъ преобладающій элементъ—лирическій, и которыя могутъ служить зеркаломъ семейнаго быта древней Руси. Какъ отличительный характеръ эпической поэзіи—духъ удальства, отваги, молодечества, такъ отличительный характеръ лирической поэзіи—заунывность, тоска и грусть души сильной и мощной. Климатъ и географическое положеніе страны имѣютъ сильное вліяніе на образованіе характера націи. Ровное, степное положеніе Россіи, этотъ климатъ срединный, ни южный, ни сѣверный, ни жаркій, ни холодный, этотъ годъ, состоящій изъ краткаго лѣта, длинной осени и длинной зимы,—все это не могло не способствовать развитію въ русскомъ народѣ чувства безконечной и глубокой грусти, какъ основнаго мотива его поэзіи и музыки. Не забудьте, что колыбелью настоящей, коренной Руси были Новгородъ, Владиміръ, Рязань, Москва и Тверь, гдѣ небо такъ часто бываетъ свинцово и мелкій дождь однообразно падаетъ на скользкую траву и уличную слякоть... А продолжительная русская зима, съ ея трескучими морозами и усѣяннымъ звѣздами небомъ, съ ея пушистыми мятелями, залѣпляющими

очи путника, и ея заунывнымъ вѣтромъ [546]), свободно гуляющимъ по необозримой снѣжной равнинѣ, которой унылое однообразіе изрѣдка нарушается то печально-зеленѣющеюся ёлкою, то нагимъ лѣсомъ съ бѣловатыми отъ инея сучьями!.. Вотъ скачетъ удалая тройка, борода лихаго возничаго покрыта пушистымъ инеемъ, путникъ глубоко забился въ кибитку, въ своей тяжелой шубѣ, колокольчикъ надрываетъ ему сердце своимъ утомительнымъ звономъ; ямщикъ даетъ вздохнуть *родимымъ*—медленно идутъ онѣ, онъ затягиваетъ заунывную пѣсню, впереди ничего—только безконечная снѣжная скатерть сливается вдали съ свинцовымъ небомъ... Да, тутъ необходима заунывная, протяжная пѣсня ямщика—душа упивается полнотою собственной грусти, ей такъ привольно въ однообразной мелодіи этихъ задушевныхъ звуковъ:

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Присовокупите ко всему этому медленное, тяжкое, испытательное историческое развитіе Руси: междоусобія и темное владычество Татаръ, которыя пріучили русскаго крестьянина считать свою жизнь, свое поле, свою жену и дочь, и все свое скудное достояніе — чужою собственностію, ежеминутно готовою отойтти во владѣніе перваго, кто, съ желѣзомъ въ рукѣ, вздумаетъ объявить на нее свое право... Далѣе кровавое самовластительство Грознаго, смуты междоцарствія—все это такъ гармонировало, и съ суровою зимою, и съ свинцовымъ небомъ холодной весны и печальной осени, и съ безконечностію ровныхъ и однообразныхъ степей... Вспомните бытъ русскаго крестьянина того времени, его дымную, неопрятную хижину, такъ похожую на хлѣвъ, его поле, то орошаемое кровавымъ его потомъ, то пустое, незасѣянное, или затоптанное татарскими отрядами, а иногда и псовою охотою боярина... Вспомните привычку русскаго человѣка, зашибивъ деньгу, зарывать ее въ землю—и ходить въ лохмотьяхъ, ѣсть черствый хлѣбъ по поламъ съ мякиною, стоная и жалуясь на нищету,—и поймите причину этой привычки... Если и этого мало, прочтите Кошихина,—и вамъ все будетъ ясно безъ комментаріевъ [547])...

Но географія (положеніе и климатъ) и исторія страны еще ничто въ-сравненіи съ семейнымъ бытомъ древней Руси, о которомъ мы теперь, сравнивая его съ нашимъ, современнымъ, поневолѣ говоримъ, какъ о чемъ-то такомъ, что̀ трудно понять, чему трудно повѣрить. Семейный бытъ—первый и непосредственный источникъ народной поэзіи. Русская народная эпическая поэзія какъ-будто совсѣмъ не приняла въ себя элемента сердечной тоски и душевной грусти, составляющей основной элементъ лирической поэзіи. И это понятно: русская эпическая поэзія какъ будто совсѣмъ обошла и миновала семейный бытъ, посвятивъ себя преимущественно идеѣ своей народности въ общественномъ значеніи. И потому въ эпической поэзіи чувство отваги, удальства и молодечества составляетъ главный преобладающій мотивъ. Лирическая поэзія, напротивъ, вся

посвящена семейному быту, вся выходитъ изъ него,—и потому она такъ грустна, такъ заунывна и нерѣдко дышетъ такимъ сокрушительнымъ чувствомъ отчаянія и ожесточенія. Здѣсь кстати мы должны замѣтить, что грусть русской души имѣетъ особенный характеръ: русскій человѣкъ не расплывается въ грусти, не падаетъ подъ ея томительнымъ бременемъ, но упивается ея муками съ полнымъ сосредоточеніемъ всѣхъ духовныхъ силъ своихъ. Грусть у него не мѣшаетъ ни иронiи, ни сарказму, ни буйному веселію, ни разгулу молодечества: это грусть души крѣпкой, мощной, несокрушимой. Все, что могло бы обезсилить и уничтожить всякій другой народъ, все это только закалило русскій народъ,—и то, что сказалъ Пушкинъ о Россіи въ-отношеніи къ ея борьбѣ съ Карломъ XII, можно примѣнить къ Руси въ отношеніи ко всей ея исторіи:

Но въ искушеньяхъ долгой кары
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Значительную часть семейныхъ пѣсенъ составляютъ такъ-называемыя «свадебныя» пѣсни. Ихъ можно раздѣлить на два рода—на веселыя и печальныя. Въ первыхъ воспѣвается счастіе обрученныхъ и особенно обрученной. Слѣдующая пѣсня можетъ служить образцомъ веселыхъ свадебныхъ пѣсень:

Съ ранней, утренней зари
Стояли кони на дворѣ.
Никто про тѣхъ коней не знаетъ,
Никто про тѣхъ коней не вѣдаетъ;
Одна знала, спознала Машенька,
Машенька свѣтъ Ефимовна.
Брала коней за поводы,
Ставила коней во стойла,
Сыпала сахаръ вмѣсто овса,
Лила сыту вмѣсто воды,
Отошедши, конямъ кланялась:
Ужъ вы кушайте, пейти, кони мои!
Завтра поутру свезите меня
Далѣ, подалѣ отъ батюшки,
Ближе, поближе къ свекру въ домъ:
Далѣ, подалѣ отъ матушки,
Ближе, поближе къ свекрови въ домъ.

Но въ пѣсняхъ такого рода личное чувство невѣстъ не принимало никакого участія: онѣ слагались явно безъ ихъ согласія, да и число ихъ слишкомъ невелико. Свадебныя печальныя пѣсни гораздо многочисленнѣе и болѣе исполнены поэзіи. Всѣ онѣ выражаютъ одно чувство—страхъ невѣсты къ будущему, безусловному властителю ея участи, ужасъ при мысли о свекрови, горесть отъ разлуки съ домомъ отца и матери.

Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшка!
Красно солнышко, родима матушка!

Не бейте вы полу о полу,
Не хлопайте вы пирогъ о пирогъ,
Не пробивайте вы меня бѣдную,
Не давайте вы меня горькую,
На чужду дальню сторонушку,
Ко чужому отцу, ко чужой матери.
Какъ чужіе-то отецъ съ матерью
Безжалостливы уродилися:
Безъ огня у нихъ сердце разгорается,
Безъ соломы у нихъ гнѣвъ разкипается;
Наснжусь-то я, у нихъ, бѣдная,
На концѣ стола дубоваго,
Нагляжусь-то я, наплачуся.

И всѣ пѣсни, въ которыхъ изображается картина замужества, суть оправданіе этихъ [548]) зловѣщихъ предчувствій... И ни единой, ни единой, гдѣ бы жена не была жертвою насильственнаго брака, жестокости мужа и родни его...

Калинушку съ малинушкой вода поняла:
На ту пору матушка меня родила;
Не собравшись съ разумомъ, замужъ отдала,
На чужедальнюю на сторонушку.
Чужая сторонушка безъ вѣтру сушитъ;
Чужой отецъ съ матерью безвинно крушитъ;
Не буду я къ матушкѣ ровно три годка,
На четвертый къ матушкѣ пташкой полечу,
Горемышной пташечкой, кукушичкой.
Сяду я у матушки во зеленомъ саду,
Своимъ кукованьемъ весь садъ изсушу,
Слезами горючими весь садъ потоплю,
Родимую матушку сердцемъ надорву.
Матушка по сѣнничкамъ похаживаетъ,
Невѣстушекъ-ластушекъ побуживаетъ:
Вы встаньте, невѣстушки, голубки мои!
Что у насъ за пташка въ зеленомъ саду?
Большая невѣстка велитъ застрѣлить,
Меньшая невѣстка проситъ погодить,
Родная сестрица, заливши слезами,
Молвила: не наша ль горюша сюда
Прилетѣла пташкой съ чужой стороны?

Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ,
Въ помышленьѣ того не было,
Чтобъ красной дѣвицѣ замужъ идти.
Соизволилъ такъ сударь батюшка,
Похотѣла такъ моя матушка
Ради ближнева перепутьица:
И я въ торгъ пойду, побывать зайду,
Изъ торгу пойду, почевать зайду,
Я спрошу у своей дитятки:
Каково жить въ чужихъ людяхъ?—

Государыня моя матушка!
Отдавши въ люди, стала спрашивать:
Во чужихъ людяхъ жить умѣючи,
Держать голову поклонную,
Ретиво сердце покорное.
Ахъ, вечоръ меня больно свекоръ билъ,
А свекровь ходя похваляется:
Хорошо учить чужихъ дѣтей,
Нерожденныхъ, нехоженыхъ.
Невспоенныхъ и невскормленыхъ.

Выдала меня матушка далече замужъ,
Хотѣла матушка часто ѣзжати,
Часто ѣзжати, подолгу гостити.
Лѣто проходитъ, матушки нѣту;
Другое проходитъ, сударыни нѣту;
Третье въ доходѣ, матушка ѣдетъ.
Ужь меня матушка не узнаваетъ:
Что это за баба? что за старуха?
Я вить не баба, я не старуха,
Я твое, матушка, милое чадо.
Гдѣ твое дѣвалося бѣлое тѣло?
Гдѣ твой дѣвался алый румянецъ?
Бѣлое тѣло на шелковой плеткѣ,
Алой румянецъ на правой на ручкѣ:
Плеткой ударитъ—тѣла убавитъ,
Въ щеку ударитъ – румянцу не станетъ [549]).

Смѣшно было бы доказывать, что и въ старину у русскихъ людей любовь составляла одинъ изъ элементовъ жизни: любовь, достояніе общечеловѣческое, и сердце дикаря сибирскаго такъ же бьется отъ нея, какъ и сердце образованнаго европейца. Разница въ проявленіи и развитіи чувства, а не въ самомъ чувствѣ. Въ отношеніи же къ обществамъ, важно то, какъ смотритъ на чувство общество. Съ этой стороны, древняя Русь представляетъ зрѣлище не совсѣмъ отрадное: чѣмъ богаче народъ чувствомъ, тѣмъ ужаснѣе видѣть это чувство сдавленнымъ не правильно развившеюся общественностію. А что любовь на Руси могла быть не только поэтическою, но даже и граціозно-поэтическою, тому доказательствомъ можетъ служить слѣдующая прелестная пѣсня:

На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька.
Приходилъ къ ней батюшка,
Будилъ ее, побуживалъ:
Ты, Машенька, пойдемъ домой!
Ты, Ефимовна, пойдемъ домой!
Я пейду и не слушаю:
Ночь темна и немѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,

Лѣса темны, карауловъ нѣтъ.
На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька.
Приходила къ ней матушка,
Будила, побуживала:
Машенька, пойдемъ домой!
Ефимовна, пойдемъ домой!
Я пейду и не слушаю:
Ночь темна и немѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ.
На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька.
Приходитъ къ ней Петръ,
Петръ, сударь Петровичъ,
Будилъ ее, побуживалъ:
Машенька, пойдемъ домой!
Душа Ефимовна, пойдемъ домой!
Я иду, сударь, и слушаю!
Ночь свѣтла и мѣсячна,
Рѣки тихи, перевозы есть,
Лѣса темны, караулы есть.

Но это, къ сожалѣнію, чуть-ли не единственная пѣсня во всемъ сборникѣ г. Сахарова. Если и еще найдутся подобныя, то число ихъ слишкомъ незначительно въ-сравненіи съ числомъ пѣсень, подобныхъ слѣдующимъ: Молодецъ—

.....держалъ красну дѣвицу за бѣлы ручки
И за хороши за перстни злаченые,
Цаловалъ, миловалъ, ко сердцу прижималъ,
Называлъ красну дѣвицу животомъ своимъ.
И проговоритъ дѣвица душа краспая:
„Ты надежда мой, надежда сердечный другъ!
А не честь твоя, хвала молодецкая,
Безъ числа больно надежа упиваешься,
А и ты мной красной дѣвицей похваляешься.
А и ты будто надо мной все насмѣхаешься“.
Ему туто молодцу за бѣду стало,
Какъ онъ бьетъ красну дѣвицу по бѣлу ея лицу:
Онъ расшибъ у дѣвицы лицо бѣлое,
Проливалъ у дѣвицы кровь горючую,
Замаралъ на дѣвицѣ платье цвѣтное.

Противорѣчіе общественности съ разумными потребностями и стремленіями человѣческой натуры становитъ общество въ трагическое положеніе. Въ нашей народной поэзіи бездна трагическихъ элементовъ, свидѣтельствующихъ о глубинѣ и страшной силѣ русскаго духа, который, попавшись въ противорѣчіе,

мстилъ и себѣ самому и всему окружающему. Вотъ нѣсколько примѣровъ для подтвержденія этой мысли:

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣтъ стыда въ глазахъ,
Нѣтъ стыда въ глазахъ, ни совѣсти!
Нѣтъ у молодца заботушки,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки!
Зазнобилъ меня любезный другъ,
Зазнобилъ, сердце повысушилъ;
Безъ краснова солнца высушилъ,
Безъ морозу сердце вызнобилъ.
Я сама дружка повысушу,
Не зельями, не кореньями,
Безъ морозу сердце вызнобю,
Безъ краснова солнца высушу!
Схороню тебя, мой миленькой,
Въ зеленомъ саду подъ грушею:
Я сама сяду, послушаю:
Не стонетъ ли мать сыра земля?
Не вскрывается ль гробова доска?
Не встаетъ ли мой сердечный другъ?
Зарости, моя могилушка,
Ты травушкой, муравушкой!
Не достанься, мой любезный другъ,
Ни дѣвушкамъ, ни молодушкамъ,
Ни своей змѣѣ-полюбовницѣ!
Ты достанься, мой любезный другъ,
Сырой землѣ, гробовой доскѣ.

Во сыромъ-то бору брала Маша ягодки:
Она, бравши ягодки, заблудилася
Заблудившись, пріаукнулась:
„Ты, ау, ау! милъ сердечный другъ!“
— Не аукайся, моя Машенька:
За мной ходятъ здѣсь три сторожа—
Первый сторожъ, тесть мой батюшка;
Другой сторожъ—теща матушка;
Третій сторожъ—молода жена.
Ты взойди-ка, взойди, туча грозная!
Ты убей-ко громомъ тестю батюшку,
Молоньей ты сожги тещу матушку;
Лишь не бей ты, не жги молодой жены:
Съ молодой женой самъ я справлюся:
Я слезьми ее, слезьми вымочу,
Я кручинушкой жену высушу,
Во сыру землю положу ее;
А тебя, Машенька, за себя возьму.

Какъ сватался Димитрій князь
Какъ сватался сынъ Васильевичъ,

Что на Домнѣ на Домнушкѣ,
На Домнѣ Фалелѣевнѣ.
По три года, по три мѣсяца,
По три утра, по три вечера
Отъ воротъ не отъѣзжаючи;
Зазвонили ко заутрени,
Что къ честной воскресенскія;
Тутъ поѣхалъ Димитрій князь,
Поѣхалъ сынъ Васильевичъ,
Что къ той ко заутрени,
Ко честной воскресенскія.
Кидался Домнушка,
Домна Фалелѣевна,
Въ косящето окошечко,
Что по плечъ буйну голову.
„Ужь вы няпюшки, мамушки,
„Вы идите скоро ко мнѣ,
„Посмотрите на улицу:
„Еще этотъ ли Димитрій князь?
„Еще этотъ ли сынъ Васильевичъ?
„Ахъ, ножища-то, что вилища!
„Ручища-то, что граблища!
„Головище, что пивной котелъ!
„Глазища-то, что ямища!
„Губища-то, что палчища!“
Какъ приходитъ Димитрій князь,
Какъ приходитъ сынъ Васильевичъ,
Отъ Божьей отъ заутрени,
Отъ честной воскресенскія,
Говоритъ сестрицѣ родимыя,
Настасьѣ Васильевнѣ:
„Ты, сестрица родимая,
„Настасья Васильевна!
„Собери ты честной пиръ,—
„Не князьямъ, не боярамъ,
„Не княгинямъ, не боярынямъ:
„А для Домны, для Домнушки,
„Для Домны Фалелѣевны!
„Скажи, что Димитрій князь
„Со князьями, со боярами
„Забавляется охотою“.

(Мать уговорила Домну не ходить къ Настасьѣ: она видѣла дурной сонъ; Домна не послушалась; на дорогѣ отговаривали ее двое калеки перехожіе— Домна опять не послушалась).

Приходила Домнушка,
Свѣтъ Домна Фалелѣевна,
Къ широку двору Настасьину:
Встрѣчали тутъ Домнушку,
Домну Фалелѣевну

Все князи и бояра,
Княгини и боярыни.
Приходила Домнушка,
Домна Фалелѣевна,
Приходила къ новымъ сѣнямъ:
Ее на сѣничкахъ встрѣтила
Ея вѣрная подруженька,
Настасья Васильевна.
Говоритъ ей таковы рѣчи:
„Приходи ты, горделивая!
Приходи-ка, ломливая!
Приходи, высокородная!..“
И ввела ее въ нову горницу.
Тамъ изъ занавѣски узорчатой
Встрѣчалъ ее самъ Димитрій князь.
Въ то время у Домнушки,
У Домны Фалелѣевны
Ноги рѣзвы подломилися,
Изъ глазъ слезы покатилися.
Что кладетъ она честный крестъ
На свои-то на бѣлы плечи,
И молилась Божьей Матери.
А потомъ въ четыре стороны
Всѣмъ князьямъ и боярамъ
Въ шелковъ поясъ поклонилася.
Тутъ Настасья Васильевна,
Ея вѣрная подруженька,
Ее посадила за дубовый столъ;
Ея братецъ Димитрій князь,
Родимый сынъ Васильевичъ,
Налилъ чару зелена вина,
Подносилъ чару ко Домнушкѣ,
Ко Домнѣ Фалелѣевнѣ.
„Ты пріими-ка, горделивая,
Ты пріими-ка, ломливая,
Эту чару зелена вина, —
Отъ ручищей, что отъ граблищей,
Отъ глазищей, что отъ ямищей,
Отъ главищи, что пивной котелъ“.
Что возговоритъ Домнушка,
Домна Фалелѣевна:
„Ты позволь мнѣ, Димитрій князь,
Ты позволь, сынъ Васильевичъ,
Мнѣ съѣздить во чисто поле,
На могилу къ родну батюшкѣ
Попросить позволенія.
А чтобы я не ушла отъ васъ,
Пошли спереди вожатаго,
А позади провожатаго“.
Пріѣхала-то Домнушка,

Домна Фалелѣевна,
На могилу родна батюшки;
Сходила со добра коня,
Становилась на сыру землю,
И втыкала во могилушку
Что два ножичка булатные;
И сказала таковы слова:
„Не достанься ты, тѣло бѣлое,
„Что не суки-то борзыя!
Не змѣи заозерскія!
„Что не кобелю борзому“.

Много бы можно было сказать о лирической поэзіи, много бы можно было привести примѣровъ; но для основательнаго и сосредоточеннаго обсуживанія такого обширнаго предмета нужна не журнальная статья [550]), а отдѣльный трактатъ—плодъ изученія и обдуманнаго труда. Мы и такъ уже вышли изъ предѣловъ журнальной статьи, увлекшись занимательностію, важностію и обширностію предмета, доселѣ нетронутаго критикою и неизвѣстнаго публикѣ, и принуждены были обо многомъ сказать на-скоро и слегка, а многое и совсѣмъ пропустить: пѣсни хороводныя, святочныя, шуточныя или юмористическія, разгульныя, требовали бы особой статьи. По крайней-мѣрѣ, мы утѣшаемъ себя мыслію, что первые заговорили о предметѣ, о которомъ другіе только восклицали [551]). Въ другое время поговоримъ, можетъ-быть, и объ остальномъ.

***566. Непостижимая.** *Владиміра Филимонова.* Санктпетербургъ. Въ тип. III Отдѣленія Е. И. В. Канцеляріи. 1841. Пять частей: Въ I-й части 252, во II-й—264, въ III-ей—227, IV-й—207, въ V-й—216 стр. Въ 12-ю д. л. [552]).

Авторъ «Обѣда» и «Дурацкаго Колпака» [553])—шуточныхъ произведеній, написанныхъ рѣзво, бойко, и непретендующихъ на высокое мѣсто въ литературѣ,—выступаетъ теперь на поприще романиста. «Непостижимая», если не ошибаемся, первая попытка его въ этомъ родѣ. Не будемъ разсказывать содержаніе этого романа, ни судить объ идеѣ его—по причинамъ, о которыхъ нѣтъ надобности говорить, и о которыхъ почтенный авторъ вѣроятно самъ догадается. Но вотъ что̀ считаемъ нужнымъ замѣтить ему.

Въ произведеніяхъ литературы идея является двояко. Въ однихъ она уходитъ внутрь формы и оттуда проступаетъ во всѣхъ оконечностяхъ формы, согрѣваетъ и просвѣтляетъ собою форму: эта идея жизненная, творческая, возникшая не черезъ разсудокъ, но непосредственно,—не сама собою, но вмѣстѣ съ формою; это созданія изящныя, художественныя. Другая идея родится въ головѣ автора независимо отъ формы—форма сочиняется имъ особо и потомъ прилаживается къ идеѣ. Изъ этого выходитъ, что сочиненіе умное по идеѣ (т. е. по намѣренію автора), не заслуживаетъ никакого вниманія по формѣ. Причина

очевидна: свѣтлый взглядъ на жизнь, глубокое чувство—могутъ быть достояніемъ многихъ, но способность выражать въ поэтическихъ формахъ свои взгляды на жизнь, свое глубокое чувство, — достояніе немногихъ избранныхъ. Можно быть поэтомъ въ душѣ, въ чувствѣ, въ жизни, даже въ политической и гражданской дѣятельности,—и не быть поэтомъ въ искусствѣ и литературѣ. Кто понимаетъ поэзію, тотъ уже одаренъ поэтической душою; но этого еще мало, чтобъ самому быть поэтомъ: для этого нужно быть одареннымъ отъ природы *творческою фантазіею*, которая одна составляетъ исключительное достояніе поэта, отличающее его отъ не-поэтовъ. Послѣ этого объясненія, нашимъ читателямъ отнюдь не должно показаться страннымъ, когда мы скажемъ, что еслибъ идея романа г. Филимонова и понравилась кому-нибудь, то едва-ли кому можетъ понравиться его исполненіе.

Начнемъ съ того, что въ «Непостижимой» нѣтъ ни одного характера: все это образы, которые отличаются другъ отъ друга только именами и тѣми отношеніями, въ какихъ авторъ поставилъ ихъ другъ къ другу (т. е. назвавъ одного мужемъ, другого любовникомъ, третью любовницею). Лицъ въ романѣ довольно много; но ихъ кругъ связанъ механически и, кромѣ трехъ главныхъ лицъ (мужа, жены и друга), всѣ другія кажутся совершенно лишними: исключите ихъ — и романъ не проиграетъ. Но всѣхъ неудачнѣе введено въ концѣ романа лицо Клементины: она безъ всякой нужды наполняетъ пятую часть, которая отъ того и не кажется слишкомъ тощею въ сравненіи съ четырьмя первыми. Весь романъ очень растянутъ; онъ весьма удобно умѣстился бы и въ одной части; даже въ двухъ ему было бы просторно. Отъ-этого, дѣйствіе въ немъ тянется утомительно: вездѣ слова и фразы, рѣдко мысли и картины. Является ли на сцену новое лицо—авторъ начинаетъ его описывать, вмѣсто того чтобъ заставить это лицо говорить и дѣйствовать за себя. Эти описанія такъ часты и такъ длинны, что романъ по справедливости можетъ быть названъ *описательнымъ*, слѣдовательно антипоэтическимъ, потому что *описаніе* относится къ *поэзіи* точно такъ же, какъ морозъ къ жару, или вода къ вину: поэзія не *описываетъ* предмета, а *показываетъ* его. Притомъ же описанія автора такъ общи, такъ блѣдны, такъ лишены всякой образности, такъ богаты словами и такъ небогаты содержаніемъ, что по нимъ трудно составить себѣ какое-нибудь представленіе объ описываемомъ лицѣ или событіи. Вся первая часть романа заключается въ *описаніи* поэтическаго развитія чувства въ сердцѣ героя; но вы не видите этой постепенности, и должны вѣрить на слово автору. Возьмите письма Вертера, читайте ихъ отъ перваго до послѣдняго,—и вы почувствуете, какъ съ каждымъ изъ нихъ ускоряется біеніе пульса у жертвы несчастной любви, какъ глубже и глубже входитъ страсть въ тайники его духовной жизни и овладѣваетъ ими. Вертеръ пишетъ къ своему другу не объ одной своей страсти, но и о своихъ занятіяхъ, о Гомерѣ, о своихъ воззрѣніяхъ на жизнь: ибо смѣшно было бы видѣть человѣка, который, отдавшись весь и исключительно своей страсти, только и думаетъ, только и пишетъ, что

о ней; гораздо естественнѣе можно предполагать, что часто ему самому хочется забыть о ней, и что часто, какъ больному, ему самому не хочется слышать своихъ стоновъ и терзать ими другихъ. Но о чемъ бы ни говорилъ Вертеръ, хоть бы о ландшафтѣ, котораго видъ, во время прогулки, на минуту позабавилъ его,—вездѣ и во всемъ видите вы болѣзненное состояніе его духа вслѣдствіе несчастной страсти. Въ томъ-то и высочайшее искусство поэта, чтобъ, не говоря о предметѣ, говорить о немъ. Всего болѣе заслуживаютъ сожалѣніе люди, которые дѣлаютъ какое-то занятіе, какую-то работу изъ своего чувства, называютъ его по имени, носятъ на рукахъ и всѣмъ показываютъ, какъ мать показываетъ своего ребенка. *Я влюбленъ, я люблю,—ахъ!* и пр., восклицаетъ герой плохого романа, и варіируетъ общими мѣстами на эту бѣдную тэму, а читатель пусть себѣ зѣваетъ сколько хочетъ,—автору и дѣла нѣтъ. Нѣтъ, читатель не хочетъ, чтобъ съ нимъ обращались какъ съ дитятею и все ему разбалтывали и объясняли: напротивъ, ему хочется самому все понять, все разгадать, все оцѣнить, а отъ автора требуетъ онъ только *поэтическихъ фактовъ*.

Для убѣжденія читателей, что мы говоримъ это не произвольно, не вслѣдствіе какого-нибудь предубѣжденія, выписываемъ изъ романа небольшой отрывокъ, изъ котораго можно видѣть, какъ понимаетъ авторъ образованныхъ людей и какимъ образомъ излагаетъ онъ свои понятія о разныхъ вещахъ.

— Что я слышу? Это говорите вы, графиня—женщина свѣтская, блестящая! Я полагалъ, что поэзія общества для васъ милѣе поэзіи природы...

Тутъ Германъ, увлеченный этимъ разговоромъ, сказалъ князю Р***:

— О! Ипполитъ, еслибы ты коротко зналъ жену мою, ты не удивлялся бы словамъ ея. Повѣрь, мой другъ, трудно, однакожь возможно соединить поэзію общества съ поэзіею природы. Я часто смѣюсь надъ этими угрюмыми философами, которые пишутъ толстыя книги о людяхъ, зная ихъ только изъ книгъ же. Они напрасно думаютъ, что въ гостиныхъ бродятъ однѣ пустыя женщины. Нѣтъ, мой другъ! въ нихъ есть достойныя, необыкновенныя женщины!.. Вотъ, продолжалъ Германъ, показывая на графиню, примѣръ передъ тобою!..

— Послушайте, князь, замѣтила Альма, вы не слишкомъ довѣряйте другу вашему, когда онъ говоритъ о мнѣ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ мужей, которые льстятъ женамъ своимъ—т. е. льстятъ неумышленно, отъ чистаго сердца. Германъ успѣлъ убѣдить себя въ такихъ высокихъ достоинствахъ жены своей, какихъ она вовсе не имѣетъ.

— Вы запрещаете мнѣ вѣрить Герману, графиня, возразилъ Ипполитъ: позвольте же мнѣ вѣрить по крайней мѣрѣ собственному моему убѣжденію.

— Только не увлекайтесь, князь, мнѣніемъ моего мужа. Онъ судья мой пристрастный. Но теперешній разговоръ нашъ походитъ на обыкновенныя гостиныя учтивости. Оставимъ ихъ. Онѣ хороши тамъ, гдѣ людямъ тошно подъ тяжелыми каменными сводами: онѣ неумѣстны подъ открытымъ небомъ... Забудемъ эту прозу. Здѣсь все дышетъ поэзіей. Будемте говорить объ ней, она рѣдкая гостья въ нашей жизни!.. Точно, и въ обществѣ есть поэзія: но многіе ли чувствуютъ ее? Вы не меньше моего знаете наши общества. Дайте волю памяти. Представьте намъ такъ называемый *прекрасный свѣтъ*. Блестя-

щіе, великолѣпные дома, на паркетѣ цвѣтущіе сады всѣхъ климатовъ, прелестная музыка, соединеніе красоты... милльоны истрачиваютъ на балы и прекрасные балы—для чего же?—для того, чтобы выказать холодную, мраморную красоту Зизи, какой нибудь Мими; чтобъ выставить на паркетѣ бездушные истуканы, для которыхъ въ нашъ вѣкъ безчудесный нѣтъ Пигмаліоновъ; чтобъ разсадить ходячіе восковые кабинеты (?) за зеленые сады; чтобъ взмостить на ходули пигмеевъ; чтобъ въ праздничныя слова одѣть будничныя мысли... Не правда ли, въ этой поэтической рамѣ—какая прозаическая картина! согласитесь, что для нея не нужны ни волшебные звуки, ни ароматъ востока... А наши бальныя сборища не похожи ли на эту картину? Какъ мало исключеній, князь! какъ мало у насъ жизни! мы танцуемъ, играемъ въ вистъ—мы не веселимся даже... (Ч. I, стр. 115—116).

Мужъ, который книжными фразами, такъ простодушно, не прикрываясь даже свѣтскою шутливостію, хвалитъ другу своему жену; жена сидитъ тутъ же, и, въ свою очередь, книжными сентенціями резонёрствуетъ о природѣ и обществѣ,—будто бы это общество возвышенныхъ душъ, будто бы это князья и графы!.. А бѣдный Ипполитъ отъ всего этого въ восторгѣ—чудакъ!.. Положимъ, что все сказанное Альмою справедливо, вѣрно, основательно; но какая же женщина (а тѣмъ болѣе идеальная, поэтическая, «непостижимая») будетъ разговаривать покнижному?..

Двѣ послѣднія части наполнены почти одною перепискою героевъ романа Ипполита и Альмы. Что же въ этихъ письмахъ?—Исповѣдь двухъ душъ, страдающихъ и блаженствующихъ въ роковой, но высокой страсти? — Откровенія любви, мистика сердца, глухіе диссонансы страданія, разрѣшающіеся въ гармонію блаженства?.. Ни чуть не бывало: это просто общія мѣста (длинныя, растянутыя, безпрестанно-повторяемыя) на жалкую тэму: *я люблю тебя, ты любишь меня, мнѣ скучно безъ тебя*, и т. п. Въ этихъ фразахъ, въ этихъ восклицаніяхъ, не ищите ничего недосказаннаго, но вѣющаго музыкою чувства, горящаго свѣтомъ мысли: тутъ все высказано обстоятельно, точно, подробно, и потому ничего не высказано, а только много насказано... Къ довершенію же всего, Ипполитъ растягиваетъ свои письма выписками изъ разныхъ дорожниковъ и Guides des Voyageurs, описываетъ Дрезденъ, Римъ, Неаполь, ничего не говоря о нихъ новаго...

Вообще, въ этомъ романѣ поражаетъ васъ какая-то слишкомъ-юная, дѣтски-молодая откровенность—въ чувствѣ, въ манерѣ высказывать, и вмѣстѣ съ этимъ какая-то устарѣлость въ мнѣніяхъ. Обѣ эти силы борятся между собою, и борьба разрѣшается во что-то странное. Германъ, давно невидѣвшійся съ другомъ своей юности, съ Ипполитомъ, зоветъ его пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ нашелъ ему хорошее мѣсто. За этимъ слѣдуетъ цѣлый трактатъ о дружбѣ, которая, по словамъ автора, принадлежитъ уже къ преданіямъ старины, ибо-де теперь уже нѣтъ дружбы. И что же? По пріѣздѣ въ Петербургъ, Ипполитъ, этотъ новый Орестъ, говоритъ своему Пиладу: «Нѣтъ, графъ, я не въ силахъ объяснить *вамъ* благодарности моей! *Вы* такъ радушно, такъ неожиданно, до-

ставили мнѣ средство быть полезнымъ въ службѣ и быть неразлучнымъ съ вами!» Тогда Германъ, называя его «добрымъ товарищемъ», проситъ его оставить «вы» и говорить «ты» (Ч. I, стр. 45). Странная была встарину дружба, если она допускала такія китайскія церемоніи!.. Нѣсколько мѣсяцевъ сряду, Ипполитъ, подъ разными предлогами, уклоняется отъ знакомства съ женою своего друга. А почему?—Видите ли, въ Дрезденской Галлереѣ такъ поразило Ипполита доминикиново изображеніе Іоанна, что онъ пріобрѣлъ себѣ миллерову гравюру съ этой картины, и никогда съ нею не разлучался. Будучи въ Москвѣ, получилъ онъ отъ своего друга письмо, приглашавшее его переѣхать въ Петербургъ; тутъ взглядъ на гравюру поразилъ его какимъ-то тяжелымъ и грустнымъ чувствомъ, отъ котораго онъ едва разсѣялся въ Англійскомъ Клубѣ. Когда, по приглашенію Германа, Ипполитъ хотѣлъ ѣхать знакомиться съ женою своего друга, взглядъ на эстампъ произвелъ то же непонятное впечатлѣніе и заставилъ его нѣсколько мѣсяцевъ уклоняться отъ знакомства съ Альмою. Это должно быть фантастическое. Но у Германа балъ—отказаться нельзя. Увидѣвъ Альму, Ипполитъ тотчасъ же запылалъ къ ней «роковой любовью»,—и ему сталъ понятенъ невольный и таинственный страхъ, такъ долго заставлявшій его невольно трепетать при мыслѣ о знакомствѣ съ женою своего друга. Но, читатели, все это по-прежнему непонятно! Альма спрашиваетъ Ипполита, почему онъ не хотѣлъ познакомиться съ нею; онъ отвѣчаетъ ей: «не знаю».

— Вѣрю, сказала графиня, и, послѣ нѣкотораго молчанія, спросила Ипполита:

— Были вы въ 1815 году въ Дрезденѣ?

— Былъ, графиня.

— Вы были тамъ въ картинной галлереѣ?

— Былъ.

— Вы однажды поутру входили туда во фракѣ, съ какимъ-то дипломатическимъ чиновникомъ нашимъ при австрійскомъ дворѣ?

— Точно, съ барономъ Ш***.

— И такъ, князь, на ваше „не знаю“, я вамъ скажу, что я—*все знаю*.

Далѣе, во время разговора, «она очаровательными глазами своими взглянула на него съ такимъ чувствомъ, съ такою выразительностію» и заключила разговоръ такъ: «Узнаете, все объяснится... все должно объясниться». Въ третьей, кажется, части, все объясняется слѣдующимъ образомъ: Альма долго не хотѣла показать Ипполиту своего таинственнаго кабинета, которымъ давно уже раздражала его любопытство; наконецъ святилище отворено для него,—и онъ увидѣлъ тамъ изображеніе Іоанна и свой собственный портретъ... Мы не отвергаемъ, что бываютъ предчувствія, что человѣкъ иногда инстинктивно, непосредственно предвидитъ горе или радость, и потому предчувствіе можетъ играть свою роль въ романѣ—но слегка, вскользь. Выстроить же на этомъ зыбкомъ основаніи такое большое зданіе, посвятить предчувствіямъ и эстампамъ такъ много страницъ,—это значитъ искать эффектовъ слишкомъ юношескихъ...

Что же до устарѣлости, то вотъ самый рѣзкій ея образчикъ. Желая воз-

высить свою героиню до идеальнаго совершенства, авторъ заставляетъ ее любить русскую литературу, которую всѣ истинно-поэтическія женщины полюбили, какъ и слѣдовало, только съ Пушкина. Мало этого: онъ заставляетъ ее читать даже «Вѣстникъ Европы». Теперь удивительно ли, что она фразами изъ него вотъ какъ судитъ о русскихъ писателяхъ:

— Не правда ли, въ Вяземскомъ большое дарованіе? Я люблю его — сколько въ немъ ума и чувства! Какъ онъ хорошо сердится! Вы вѣрно знаете Баратынскаго?—это настоящій поэтъ гостиной. Духовная поэзія Глинки умилительна. Партизанскія элегіи нашего гусара-поэта доказываютъ, что война не пугаетъ вдохновенія. И въ Мерзляковѣ есть душа: его пѣсни хороши; одна бѣда—онъ иногда слишкомъ запѣвается. Слѣпцу-Козлову вдохновеніе открыло Божій свѣтъ. А Василій Львовичъ? Это нашъ женскій стихотворецъ, нашъ трубадуръ *(конечно!..)*. *А славный* племянникъ *добраго* дяди, молодой Пушкинъ! Это русскій поэтъ! Это блестящая заря: она обѣщаетъ яркій свѣтъ Россіи...“

Пушкинъ сказалъ:

Я знаю: дамъ хотятъ заставить
Читать по-русски. Право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представить
Съ „Благонамѣреннымъ“ въ рукахъ!

Думалъ ли онъ, что авторъ «Непостижимой» заставитъ одну изъ нихъ даже судить о русскихъ книгахъ фразами изъ «Благонамѣреннаго»?.. Но это очень оригинально и мы не можемъ удержаться, чтобъ не представить читателямъ еще нѣсколько выписокъ. Ипполитъ такъ восхитился тонкими сужденіями Альмы (подлинно, влюбленные слѣпы, и имъ все кажется прекраснымъ въ ихъ красавицахъ!), что вскричалъ:

— *Ради Бога*, скажите всю правду, что вы думаете о Державинѣ, Карамзинѣ, Дмитріевѣ и другихъ нашихъ современникахъ?

— Охотно. Только не смѣйтесь надо мною: я сужу по-женски. По моему мнѣнію, Державинъ неоспоримо великій поэтъ—и все великій, не смотря на то, что языкъ его теперь нѣсколько тяжелъ и старъ—по-крайней-мѣрѣ для меня. Карамзинъ любезенъ, пріятенъ, милъ: въ его сочиненіяхъ видна вся добрая душа его. Стихи Дмитріева золотые! Крыловъ это русскій смышленый умъ; его наблюдательная поэзія отличается мѣстнымъ премуществомъ(?): она кстати(?), она впору(?), и потому она *почти* (?!) народна. Поэзія Долгорукаго—домашняя, семейная: онъ умѣлъ поэтизировать самые простые предметы, но онъ не всегда удачно ихъ высказывалъ. Признаюсь вамъ, я всего болѣе читаю Жуковскаго и Батюшкова, они ближе къ намъ. Но вы посмѣетесь, можетъ-быть, тому, что я сдѣлала съ сочиненіями Жуковскаго посмотрите...

Тогда она подала Ипполиту книгу съ наклейками на листахъ, а на нихъ съ прекрасными рисунками. Дѣло въ томъ, что, желая видѣть въ Жуковскомъ не переводчика, а русскаго поэта, Альма отдѣлила изъ его стихотвореній все, собственно ему принадлежащее, а на переводныхъ мѣстахъ наклеила бѣлую бумагу, на которой нарисовала разныя виньеты. Жаль, что авторъ не упомянулъ, какъ велика

вышла книжка—это было бы очень интересно... Любя Василья Львовича Пушкина, Долгорукаго и другихъ, Альма страстно любила Байрона, Шиллера и Гёте... Все это такъ восхитило Ипполита, что сперва онъ воскликнулъ изъ глубины души: «Какъ вы изобрѣтательны, графиня, въ оцѣнкѣ истиннаго дарованія!» а потомъ съ умиленіемъ: «Вы необыкновенная женщина!» — Такой чудакъ!

***567. Сказка за сказкой.** III. Дуняша. IV. Эдуардъ и Кунигунда, или Серебрянная Свадьба. Анекдотъ. *Соч. Н. В. Кукольника.* V. Полковникъ Лесли. Историческій разсказъ. *Н. В. Кукольника.* Санктпетербургъ. Въ типографіи Карла Крайя. 1841. Въ 8-ю д. л. 99—254 стр. [554]).

Это изданіе дебютировало прекрасною повѣстью г. Кукольника «Иванъ Ивановичъ Ивановъ». Мы отдали полную справедливость этой повѣсти [555]), а на счетъ хорошаго продолженія «Сказки за Сказкою» высказали нѣкоторыя сомнѣнія. И вотъ напечатано пять повѣстей, а наши сомнѣнія уже вполнѣ оправдались. «Дуняша»—просто болтовня о разныхъ пустыхъ и неестественныхъ событіяхъ. «Эдуардъ и Кунигунда»—очень неудачный опытъ г. Кукольника въ юмористическомъ родѣ, сказка, или, лучше сказать, анекдотъ, лишенный всякаго правдоподобія, очень бѣдный остроуміемъ. «Полковникъ Лесли»—длинная, и скучная повѣсть, гдѣ всѣ лица — образы безъ лицъ, а особенно лицо Стрешнева—русскаго Цинцината, что-то натянутое, неестественное. Конечно, въ этой повѣсти г. Кукольника есть мѣста занимательныя и страницы удачныя и въ цѣломъ она—все-таки произведеніе человѣка умнаго и талантливаго, а не какого-нибудь писаки, скрывающаго свою бездарность подъ нѣмецкою или голландскою фамиліею; но ея концепція ложна, характеры изъисканны, большая часть подробностей лишена правдоподобія. Вообще, г. Кукольнику даются повѣсти только изъ временъ Петра Великаго. Впрочемъ, объ этомъ предметѣ, равно какъ и повѣстяхъ г. Кукольника изъ временъ Петра Великаго, мы будемъ имѣть случай поговорить въ первой книжкѣ «Отеч. Записокъ» на будущій годъ, въ обозрѣніи русской литературы 1841 года. Что же касается до «Сказки за Сказкою», объ этомъ мы можемъ сказать теперь же, не откладывая вдаль: не быть ей Шехеразадою, и усыпленный ею грозный султанъ—публика, проснувшись между пятою и шестою сказкою, велитъ ей отрубить голову, какъ плохой разскащицѣ, способной только усыплять, а не возбуждать любопытство... Да иначе и быть не можетъ: откуда брать у насъ оригинальныхъ повѣстей? вся русская литература, въ-продолженіи цѣлаго года, не производитъ болѣе пятишести хорошихъ повѣстей,—а тутъ одно изданіе хочетъ насъ подчивать десятками повѣстей ежегодно...

***568. Басни и Сказки И. И. Хемницера.** Въ трехъ частяхъ. Съ описаніемъ его (?!) жизни. Печатано съ изданія 1830 года, безъ исправленій (!?). Иждивеніемъ *Ильи Глазунова*. Санктпетербургъ. Въ типографіи *Ильи Глазунова* и К^{6}. 1841. Въ 12-ю д. л. 154 стр. [556]).

Хемницеръ написалъ пять-шесть басень, отличающихся неподдѣльнымъ талантомъ, остроуміемъ, простодушіемъ и народностью; потомъ онъ написалъ около сотни самыхъ обыкновенныхъ басень, изъ которыхъ большая часть очень плохи, какъ, на-примѣръ, вотъ эта, начинающая собою новое изданіе; называется она «Дерево»:

Стояло дерево въ долинѣ,
И на судьбу свою пѣняя, говоритъ:
Зачѣмъ оно не на вершинѣ
Какой-нибудь горы стоитъ,
И то жъ да то же все Зевесу докучаетъ.
Зевесъ, который всѣмъ на свѣтѣ управляетъ,
Неудовольствіе отъ дерева внимаетъ,
И говоритъ ему:
Добро, перемѣню твое я состояніе
Ко угожденью твоему.
И далъ Вулкану приказанье
Долину въ гору *премѣнить*,
И такъ подъ деревомъ горою мѣсто стало.
Довольнымъ дерево тогда казалось быть,
Что на горѣ стояло.
Вдругъ на лѣса Зевесъ за что-то гнѣвенъ сталъ,
И въ гнѣвѣ приказалъ
Всѣмъ вѣтрамъ на лѣса пуститься.
Ужъ дѣйствуетъ свирѣпыхъ вѣтровъ власть,
Колеблются лѣса, листы столпомъ крутятся,
Деревья ломятся, валятся,
Все чувствуетъ свою погибель и напасть;
И дерево теперь, *стоявши* на вершинѣ,
Трепещетъ о своей судьбинѣ.
Счастливы, говоритъ,
Деревья, что стоятъ въ долинѣ!
Ихъ буря столько не вредитъ.
И только это лишь сказало,
Изъ корня вырвано упало.
Мнѣ кажется, легко изъ басни сей понять,
Что страшно иногда на высотѣ стоять.

Но Хемницеръ родился въ 1744 году (почти столѣтіе назадъ), а печатать началъ свои басни съ 1778 года: слѣдовательно, все это было давно, очень давно—въ тѣ блаженныя времена, когда торжественная ода на иллюминацію, или тріолетъ по случаю прыщика на носу Лилеты давали вѣнокъ поэтическаго безсмертія. И потому, удивительно ли, что авторъ «Метафизика» Хемницеръ, изъ

человѣка не безъ дарованія, какимъ онъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ, произведенъ въ геніи; въ этомъ классѣ и понынѣ онъ продолжаетъ числиться по понятію нашего грамотнаго простонародья, котораго библіотека для чтенія состоитъ изъ Хемницера, изъ «Душеньки», плохой рифмованной сказки Богдановича, изъ «Милорда Англинскаго», «Гуака или непобѣдимой вѣрности», плохаго перевода «Потеряннаго Рая» и разныхъ сатирическихъ и нравоописательныхъ романовъ—преимущественно твореній Александра Аѳимовича Орлова. По закону, черезъ 25 лѣтъ послѣ смерти автора, сочиненіе его дѣлается общимъ достояніемъ [557]); а Хемницеръ умеръ назадъ тому 57 лѣтъ: вотъ причина, почему такъ часто печатаются у насъ басни Хемницера. Книгопродавцу не нужно платить за рукопись... Благодаря же извѣстному кругу тѣхъ покупателей книгъ, которые, идучи въ книжную лавку, никогда не знаютъ, что имъ купить, а предоставляютъ выборъ книги судьбѣ и рекомендаціи образованнаго торговца книжнымъ товаромъ,—нельзя опасаться, чтобъ перепечатка залежалась...

Это новое, ужь и не помнимъ *которое*, изданіе перепечатано съ какого-то плохаго изданія 1830 года, какъ гласитъ наивное заглавіе книги. «Жизнь *сочинителя*» есть, вѣроятно, сотая перепечатка съ какого-нибудь давнишняго изданія, сдѣланнаго вскорѣ послѣ смерти Хемницера. Эта статья очень замѣчательна по безграмотности и простодушію,—и мы не можемъ удержаться, чтобъ не выписать изъ нея нѣсколькихъ строкъ:

„Рожденный съ добрымъ сердцемъ, легко заимствовалъ онъ отъ родителей своихъ *коренныя* добродѣтели, *наиболѣе*: безкорыстіе и *горячность въ дружбѣ; а наконецъ*, съ такими расположеніями *пущенный* въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ на свою волю въ свѣтъ, *которыя опасности живо ему изображаемы были*, изострилъ онъ всегдашнею осторожностію наблюдательный умъ, причины и дѣйствія вещей испытующій, которому обязаны мы большею частію басенъ и сказокъ его, одной *токмо* природѣ подражающихъ".

Раздѣленіе басень на три части сдѣлано безъ всякой необходимости и причины, если исключить увеличеніе числа пустыхъ страницъ и вящшее великолѣпіе заглавія, для ослѣпленія людей, читающихъ по складамъ. Орѳографія въ изданіи г. Глазунова страждетъ только относительно прописныхъ буквъ; все же прочее обстоитъ благополучно; но лучше всего то, что книжка издана опрятно, на хорошей бумагѣ, и стоитъ только 30 копеекъ серебромъ. Пусть читаетъ да почитываетъ ее на-здоровье православный людъ, котораго могутъ тѣшить басни Хемницера.

***569. Очерки Жизни и Избранныя Сочиненія Александра Петровича Сумарокова**, изданные *Сергѣемъ Глинкою*. Санктпетербургъ. 1841. Въ тип. С. С. Глинки и К°. Въ 8-ю д. л. Часть вторая и третья. Во—II-й части 253, въ III-й—278 стр. [558]).

Эти двѣ книги суть благополучное продолженіе и окончаніе благополучно-начатаго великаго труда. С. Н. Глинка очень дѣятеленъ: онъ издаетъ журналъ

—и притомъ какой превосходный журналъ! Онъ издаетъ біографіи замѣчательныхъ русскихъ людей, пишетъ статьи обо всемъ; наконецъ, въ качествѣ критика и историка, *предъявляетъ* намъ,—говоря его любимымъ и многозначительнымъ словомъ,—«Очерки Жизни и Избранныя Сочиненія Александра Петровича Сумарокова». А что еще прежде-то, во времена оны, писывалъ С. Н. Глинка—ужасъ! И драмы, и лирическіе стихи, и исторію Россіи, и патріотическія статьи.

Первая статья второй части содержитъ въ себѣ неоспоримыя доказательства, что новую русскую словесность Ломоносовъ и Сумароковъ изобрѣли оба вмѣстѣ, а не кто-нибудь одинъ изъ нихъ. Тутъ же желающіе могутъ найдти и сильныя опроверженія несправедливой мысли, будто-бы Сумароковъ съ Ломоносовымъ были во враждѣ. Жаль только, что при этомъ случаѣ г-ну Глинкѣ заблагоразсудилось не сказать ни слова объ извѣстномъ письмѣ Ломоносова къ Шувалову, письмѣ, въ которомъ выражается со стороны великаго мужа столько презрѣнія къ Сумарокову [559])... Въ этой же любопытной статьѣ, *предъявляется* совершенно новое и оригинальное мнѣніе, что «въ одѣ Ломоносова болѣе полета восторженнаго; а въ первыхъ лирическихъ стихахъ Сумарокова болѣе мягкости, не чуждой однако ни порыва, ни силы выраженія поэтическаго». А вотъ и доказательство:

Вперясь въ перемѣны странъ,
Взыграй, взыграй *моя мнѣ* лира!
И счастья шаткаго обманъ,
И нѣсколько хотя исчисли
Людей тщеславныхъ праздны мысли,
Тѣхъ смертныхъ, коихъ праха нѣтъ,
Которы въ ярости мѣшались
И только въ книгахъ лишь остались
По памяти ужасныхъ бѣдъ.

Кто не согласится, что это и мягко и не чуждо ни порыва, ни силы выраженія поэтическаго?..

Впрочемъ, мы должны отказаться отъ удовольствія слѣдить г-на Глинку шагъ за шагомъ: это рѣшительно невозможно. Въ этой второй части [560]) «Очерковъ Жизни и Сочиненій Сумарокова» наговорено много хорошаго о Сумароковѣ, но еще больше о предметахъ, не имѣющихъ къ Сумарокову никакого отношенія, какъ-то: объ Александрѣ Македонскомъ, о Гомерѣ, Пиндарѣ, Анакреонѣ, Софоклѣ, обо всѣхъ латинскихъ поэтахъ, о нѣкоторыхъ итальянскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, индійскихъ, камчатскихъ и, между прочимъ, о Байронѣ, что онъ, въ своихъ твореніяхъ, не сказалъ ничего новаго, а все повторялъ давно уже до него и чуть-ли не Сумароковымъ сказанное... Ну какъ угоняться за такимъ Протеемъ, какъ не потеряться въ такомъ разнообразіи и множествѣ предметовъ, о которыхъ съ такою непостижимою легкостію трактуетъ нашъ сочинитель?.. Вотъ почему отъ первой статьи второй части переходимъ прямо къ первой главѣ третьей части.

„Сумароковъ зналъ Шекспира; отдавалъ справедливость красотамъ этого непостижимаго чародѣя драматическаго; но въ то же время, по духу тогдашней европейской словесности, почиталъ въ немъ то безобразнымъ, что теперь почитается первымъ вѣнкомъ поэта британскаго; то есть: переходъ въ его трагедіяхъ отъ *великана* къ *карлу*, отъ *кедра* къ *исопу*. Къ драмамъ его можно примѣнить то, чѣмъ Наполеонъ 1812 года *огромилъ бытъ европейскій*. „Отъ великаго до смѣшнаго, сказалъ онъ: одинъ шагъ“. Это живая картина мишурнаго и превратнаго нашего свѣта; это душа единственнаго шекспирова генія“.

Весь этотъ отрывокъ мы выписали болѣе для того, чтобъ показать, какимъ волшебнымъ орудіемъ дѣлается перо въ рукахъ г-на Глинки. *Наполеонъ огромилъ бытъ европейскій:*—ново, оригинально и смѣло!

Въ трехъ слѣдующихъ за первою статьяхъ, содержатся разборы трагедій Сумарокова: «Хоревъ», «Гамлетъ» и «Синавъ и Труворъ». Разборъ «Хорева» отличается удивительно-тонкою критикою, которая,—говоримъ это не шутя,—ничѣмъ не уступаетъ критикѣ Лагарпа, если еще не превзойдетъ ея. За разборомъ «Хорева» слѣдуетъ и самъ «Хоревъ», перепечатанный почти весь, за исключеніемъ шести съ половиною страницъ. Знаменитый нашъ критикъ оканчиваетъ свою перепечатку слѣдующею патетическою сценою:

Посланный.

Скрѣпися, государь!

Кій.

О злое рока жало!

Велькаръ.

Что сдѣлалося здѣсь?

Посланный.

Оспельды, *ахъ!* не стало!

Все остальное г. Глинка «предъявляетъ» въ прозаическомъ сокращеніи, не желая «огромлять быта россійскаго» раздражающею душу сценою. Но мы не хотимъ быть сострадательными къ публикѣ, «огромимъ» ее продолженіемъ патетической сцены и окончательнымъ монологомъ *злополучнаго* Хорева, стремящагося въ адъ для соединенія съ своею *дражайшею* Оспельдою:

Велькаръ.

Какой, увы! ударъ...

Кій.

Почто я въ свѣтъ рожденъ!
Къ чему несчастливый я нынѣ приведенъ!

Велькаръ.

Какія лютости душа твоя имѣла,
Что въ горести ее(?) хранити не умѣла.

Кій.

Не вѣдаешь еще несчастій ты моихъ.

Велькаръ.

Что можетъ, государь, быть больше бѣдъ намъ снхъ?
Оснельды нѣтъ, Хоревъ..

Кій.

Хоревъ теперь въ покоѣ:
Ахъ, мнитъ ли онъ притти на зрѣлище такое!
Скажи, что видѣлъ ты?

Посланный.

Я съ вѣстію къ ней шелъ...
О боги! какову Оснельду я нашелъ;
Смутился *весь* мой духъ, и сердце задрожало:
То тѣло на одрѣ безчувственно лежало,
Увяли красоты, *любви заразовъ нѣтъ*. .

Кій.

Сокройся отъ очей моихъ, противный свѣтъ!

Именно—сокройся!.. Нѣтъ, мы не можемъ больше выписывать: какая «заразительная» поэзія!.. Изъ глазъ текутъ слезны токи, руки дрожатъ... Но соберемся съ силами—вотъ конецъ:

Кій.

Карай *мя*, я твое сокровище похитилъ

Хоревъ.

Пускай сей кровію тебя твой гнѣвъ насытилъ,
Который *толь тебя на мя* ожесточилъ,
Но если ты о мнѣ когда нибудь *рачилъ*,
Такъ сдѣлай только то, о чемъ напоминаю!
Сіе прошеніе исполнишь ты, я знаю:
Отдай *Завлоху* мечъ, свободу возврати,
И воинство все съ нимъ изъ града *изпусти*.

(Кій *отдаетъ* Завлоху *мечъ, а* Хоревъ *говоритъ* Завлоху):

А ты, несчастный князь! возьми съ собой то тѣло,
Съ которымъ сердце быть на вѣкъ хотѣло,
И *плачемъ омочивъ* лишенное души,
Предай его землѣ; надъ гробомъ напиши:
„Дѣвица, коей прахъ въ семъ мѣстѣ почиваетъ!
„И въ адѣ со своимъ Хоревомъ пребываетъ,
„Котораго она любила въ жизни сей,
„Хоревъ ея лишась послѣдовалъ за ней. *(закололся)*

Странное дѣло: отъ-чего не даютъ на театрѣ этой прекрасной трагедіи? Какъ бы хорошъ былъ въ роли злополучнаго Хорева г. Толченовъ старшій!..

Въ разборѣ «Гамлета» сумароковскаго особенно замѣчателенъ тонкій судъ нашего проницательнаго критика о Шекспирѣ:

„Стало быть, творенія Шекспира—солнце безъ темныхъ мѣстъ? Сказано было выше, что и на англійскомъ театрѣ выпускаютъ нѣкоторыя явленія изъ его драмъ, *отжившія въ новое время*. Были у Е(Э)вринида *фуріи:* есть и у Шекспира *вѣдмы*. У Е(Э)вринида фуріи выведены по-крайней-мѣрѣ для изобличенія преступной совѣсти; у Шекспира вѣдьмы забрасываютъ въ душу дунканова полководца ядовитыя сѣмена властолюбія и *тлетворные порывы*

убійства. Слѣдственно: полководецъ не виноватъ. Духъ убійства *не въ немъ* зародился, но *извнѣ* вторгнулся въ грудь его".

Именно такъ! глубокая мысль! Правда, европейскіе критики толкуютъ, будто вѣдьмы у Шекспира не что иное, какъ страшная поэтическая апоѳеоза мрачныхъ помысловъ, таившихся въ сокровеннѣйшихъ нѣдрахъ властолюбиваго духа Макбета; но это рѣшительный вздоръ: европейскіе критики не читали ни Сумарокова, ни г-на Глинки, а потому и ничего не смыслятъ ни въ искусствѣ, ни въ критикѣ.

Пятая статья особенно замѣчательна: въ ней проведена паралель между «Борисомъ Годуновымъ» Пушкина и «Димитріемъ Самозванцемъ» Сумарокова. Глубокомысленный аристархъ нашъ ни слова не говоритъ о томъ, которая изъ двухъ трагедій выше; но наша проницательность и наша симпатія къ образу мыслей господина критика раскрыли намъ его задушевную мысль. Да и гдѣ бѣдному Пушкину было бороться съ Сумароковымъ, если сей трагикъ побѣдилъ самого Шекспира! Да, читатели, побѣдилъ, «огромилъ» и «предъявилъ»... Слушайте, слушайте:

„Смѣлымъ, отважнымъ порывомъ Сумароковъ выставилъ *Самозванца* провозгласителемъ суда Божія, гремѣвшаго надъ его главою. На всѣ вопросы *наперстника* своего *Пармена*: что причиною смущенія и тревоги его душевной? онъ *гласно*, утвердительно отвѣчаетъ:

Зла Фурія во мнѣ смятенно сердце гложетъ;
Злодѣйская душа спокойна быть не можетъ!

„Здѣсь Сумароковъ, въ отношеніи развитія волненія душевнаго, превосходнѣе того, что Шекспиръ *предъявилъ* въ своемъ *Макбетѣ*. Въ сердцѣ этого властолюбца чары *вѣдмъ* пересилили жажду владычества; слѣдственно, альбіонскій поэтъ какъ будто оправдываетъ неистовства *Макбета*, приписывая ихъ вдохновенію силы посторонней. Но адъ Самозванца и возникъ и свирѣпствовалъ въ душѣ *его* собственными *его* вдохновеніями. Онъ былъ жертвою самого-себя и онъ разительно высказалъ тайну суда Божія, казнившаго *его* имъ *самимъ*".

Совершенно справедливо! въ вящшее доказательство этого выписываемъ слѣдующій анекдотъ о Сумароковѣ:

„Послѣ перваго представленія Димитрія Самозванца на московскомъ театрѣ, одна барыня изъ *того тогдашняго* круга, въ которомъ *Скапиновы плутни* называли трагедіей, пріѣхала къ Аннѣ Петровнѣ, родной сестрѣ Александра Петровича, и разохавшись отъ восторга и удивленія восклицала „ну, ужь! какъ же весело было, матушка! вашему братцу! Въ театрѣ такъ то хлопали, что мнѣ кажется всѣ руки пообколотили себѣ!"

„А тутъ, какъ сонъ въ руку, шасть въ гостиную и самъ торжествующій поэтъ! Лицо его сіяло удовольствіемъ; отъ порывистыхъ взлетовъ головы, подпудренный рыжеватый парикъ перевалился на одинъ високъ; по кружевнымъ манжетамъ струились густыя полосы испанскаго табаку, спѣша подарить счастливаго поэта радостнымъ привѣтомъ, Анна Петровна сказала: ну братецъ! вотъ эта госпожа говоритъ, что хлопанье восхищенныхъ зрителей оглушало весь театръ. „Сумароковъ подлетѣлъ къ гостьѣ, усѣлся подлѣ нее

и ожидая новыхъ *пальмовъ* (пальмъ?), спросилъ со всею уклончивостію увѣнчаннаго поэта: „скажите, сударыня! Что болѣе всего вамъ понравилось?“ А какъ стали плясать, мой батюшка! отвѣчала гостья“. Закипѣвъ досадою, Сумароковъ вскочилъ со стула, вскрикнулъ на сестру: „охота тебѣ принимать къ себѣ такихъ дуръ!“ схватилъ шляпу и—убѣжалъ“.

Это была лучшая трагедія, сочиненная Сумароковымъ!

Въ заключеніе, мы хотимъ привести мнѣніе Пушкина о нѣкоторыхъ старинныхъ нашихъ стихотворцахъ. Почему же и не такъ: Сумароковъ великій піита, господинъ С. Н. Глинка великій критикъ, а Пушкинъ—ну, хоть порядочный стихотворецъ и не глупый человѣкъ; слѣдовательно, и его скромное мнѣніе можетъ имѣть мѣсто и вѣсъ даже при глубокихъ «предъявленіяхъ» и «огромленіяхъ» г-на Глинки. Вотъ что *предъявляетъ* Пушкинъ въ статьѣ своей «Ломоносовъ»:

„Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. Его вліяніе на словесность было вредное, и до-сихъ-поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности—вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Ломоносовъ самъ не дорожилъ своею поэзіею и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нежели о должностныхъ одахъ на высокоторжественный день тезоименитства и проч. Съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о Сумароковѣ, страстномъ къ своему искусству, *объ этомъ человѣкѣ, который ни о чемъ, кромѣ какъ о бѣдномъ своемъ рифмотворчествѣ не думаетъ...* За то съ какимъ жаромъ говоритъ онъ о наукахъ, о просвѣщеніи. Смотрите письма его къ Шувалову, къ Воронцову и проч.

. . . . . .

Вообще, изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей. *Сумароковъ и Херасковъ вѣрно не стоятъ Тредьяковскаго.* (Томъ XI, стр. 22 и 34).

***570. Пиратъ.** Соч. *Марріета.* Переводъ съ англійскаго. Санктпетербургъ. 1841. Въ типографіи Іогансона. Въ 64-ю д. л. Въ двухъ частяхъ. Въ I-й части 231, во II-й—152 стр. [561]).

Марріетъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которыхъ произведенія охотно читаются большинствомъ публики тотчасъ по ихъ выходѣ, и потомъ навсегда забываются. Онъ писатель не безъ дарованія, особенно когда не берется не за свое дѣло, остается вѣренъ доступной ему сферѣ жизни,—а ему доступна только сфера низшихъ сторонъ общественности, онъ хорошо нарисуетъ портретъ негодяя шкипера, который между службою промышляетъ и контрабандою; онъ занимательно разскажетъ похожденія какого-нибудь сироты, брошеннаго на произволъ случая, натерпѣвшагося горя и бѣдствій, прошедшаго сквозь огонь и воду. По роду изображаемой имъ жизни, Марріетъ подходитъ подъ одну кате-

горію съ Диккенсомъ и Поль-де-Кокомъ; но по таланту, каждый изъ этихъ романистовъ—великанъ въ сравненіи съ Марріетомъ. Русская публика довольно знакома съ Марріетомъ. Въ одномъ изъ журналовъ была переведена его большая повѣсть подъ названіемъ «Чортъ-собака»; потомъ отдѣльно былъ изданъ его романъ «О томъ, какъ Іафетъ ищетъ своего отца»; оба эти произведенія читаются не безъ удовольствія. Но прежде еще «Іафета» былъ переведенъ по-русски романъ Марріета «Морской Офицеръ»—произведеніе вялое, растянутое, скучное, написанное въ духѣ той узенькой морали, почитающей развратомъ всякое проявленіе жизни и желающей, чтобъ люди были мертвыми машинами, которыя чувствуютъ, мыслятъ и дѣйствуютъ не сами собою, а посредствомъ пружинъ и колесъ пошленькихъ сентенцій и резонерскихъ принциповъ. Въ «Пиратѣ» Марріету вздумалось нарядиться въ чужія перья и, будучи вороной, разъиграть орла. Должно быть, Куперъ своимъ превосходнымъ «Краснымъ Корсаромъ» взманилъ его на попытку—вмѣсто плута и негодяя, создать страшнаго, пожираемаго огненными страстями и сильнаго характеромъ разбойника. Но куда господамъ Марріетамъ гоняться за Купером! Какъ ни силился англійскій сказочникъ придать своему пирату черты какого-то дикаго и страшнаго величія, но его пиратъ, на зло ему, остался чудовищемъ низкимъ, подлымъ, кровожаднымъ, свирѣпымъ и развратнымъ, безъ всякихъ проблесковъ человѣчности. Однакожь г-ну Марріету, во что бы ни стало, нужно было исправить своего гнуснаго героя,—и онъ натянулъ то, что само-собою не могло дойти до предположенной мѣры. Раскаяніе его Каина неестественно и произвольно, да и вся повѣсть слѣплена изъ пустыхъ и внѣшнихъ эффектовъ. Впрочемъ, тѣ изъ читателей, которые смотрятъ на романъ и повѣсть, какъ на сказку, требуя отъ нихъ только разныхъ приключеній и похожденій, найдутъ и въ «Пиратѣ» занимательную для себя книгу.

Переводъ такъ-и-сякъ—съ грѣхомъ пополамъ; впрочемъ, смыслъ вездѣ налицо; что же касается до орѳографіи, часто замѣтно ея отсутствіе. Изданіе довольно скромно, но форматъ книжки, сообразно съ величиною шрифта, очень малъ; жаль только, что книгопродавческій разсчетъ изъ одной книжки сдѣлалъ полторы, безъ всякой нужды, раздѣливъ романъ на *двѣ* части.

***571. Русская Азбука,** составленная по грамматикамъ *Н. Греча* и *А. Востокова*. Съ присовокупленіемъ сокращенія русской грамматики, правилъ чистописанія и каллиграфическихъ чертежей. Санктпетербургъ. Въ типографіи Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. 1841. Въ 12-ю д. л. 94 стр. [562]).

У насъ нѣтъ ни одной сколько-нибудь порядочной русской азбуки: всѣ преплохія и предорогія. Исключеніе остается только за «Таблицею Складовъ для употребленія въ Дѣтскихъ Пріютахъ», изданною въ нынѣшнемъ году (см.

Отеч. Записки т. XV, стр. 63. Библ. Хроника). Жаль, что эта таблица не превращена въ азбуку, т. е. не дополнена примѣрами для чтенія и не напечатана книжкою, въ большомъ количествѣ экземпляровъ, которые продавались бы не дороже десяти копеекъ серебромъ. Тогда русскимъ дѣтямъ было бы по чему учиться русской грамотѣ. А то, посудите сами, что̀ это такое: нелѣпые склады *бря*, *вря*, *дру*, *вру*, потомъ пошлыя побасенки, да лубочныя картинки, вздорная мораль, изложенная дурнымъ языкомъ и съ орѳографическими ошибками: какъ тутъ учиться? И при этомъ—цѣна чудовищно-огромная: есть такія азбуки по *семи рублей ассигнаціями!*

Какіе-то гг. издатели, заблагоразсудившіе скрыть свои имена подъ завѣсою неизвѣстности, вздумали никогнито издать азбуку, что называется «на славу»,—и для того выставили на ней имена гг. Греча и Востокова. Но не смотря на то, ихъ азбука, *составленная по грамматикамъ гг. Греча и Востокова*, недалеко ушла отъ всѣхъ бывшихъ и сущихъ русскихъ азбукъ. Всѣ ея улучшенія состоятъ во введеніи въ азбуку того, что̀ не относится къ азбукѣ, назначаемой для обученія дѣтей грамотѣ. Такъ, напр., за изображеніемъ прописныхъ, строчныхъ и скорописныхъ (курсивныхъ?) буквъ слѣдуетъ теорія раздѣленія буквъ на гласныя, полугласныя и согласныя: предметъ, совершенно непостижимый для ребенка, который едва успѣлъ различать буквы по начертанію и произношенію! Затѣмъ слѣдуетъ *ба*, *бя*, *фя*, *гю*, *зю*, *бря*, *мря*, *хря* и подобная тому дичь, безсмысленная, безполезная и смѣшная... Скажутъ: «нельзя же безъ складовъ»; точно нельзя—но только надобно, чтобъ въ примѣрахъ для складовъ былъ смыслъ и метода. Въ «Таблицѣ Складовъ для Дѣтскихъ Пріютовъ», на которую мы ссылались выше, есть то и другое: тамъ всѣ склады суть слова и рѣченія, выражающія понятія, а не безсмысленные звуки; притомъ, они расположены по алфавиту, такъ что въ каждомъ словѣ нѣтъ буквы, съ которою бы ученикъ не встрѣчался прежде.

За складами, въ азбукѣ, *составленной по грамматикамъ гг. Греча и Востокова*, слѣдуютъ примѣры для чтенія, изъ которыхъ первый глаголетъ: «Добрыя дѣла никогда не остаются безъ вознагражденія», и пр.—Не лучше ли учить дѣтей любить добро для добра, безвозмездно, безъ спекуляцій на благосостояніе?..

Азбука оканчивается 55-ю страницею, а съ 36-й начинается сокращеніе русской грамматики—родъ компиляціи, состряпанной изъ убогихъ началъ грамматики г. Греча.—Грамматики г. Востокова тутъ нѣтъ и тѣни; склоненій три, спряженій также три, и потому имъ, а особенно спряженіямъ, никакъ нельзя выучиться. Да и странная мысль—составить грамматику изъ двухъ чужихъ грамматикъ, совершенно противоположныхъ одна другой по началамъ!

* * *

Статьи, примыкающія къ «Критической Исторіи русской литературы».

*572. Идея искусства [563]).

Искусство есть *непосредственное* созерцаніе истины, или мышленіе въ *образахъ*.

Въ развитіи этого опредѣленія искусства заключается вся теорія искусства: его сущность, его раздѣленіе на роды, равно какъ условія и сущность каждаго рода.

Примѣч. Это опредѣленіе еще въ первый разъ произносится на русскомъ языкѣ, и его нельзя найдти ни въ одной русской эстетикѣ, или такъ-называемой теоріи словесности,— и поэтому, чтобы оно не показалось страннымъ, дикимъ и ложнымъ для тѣхъ, которые слышатъ его въ первый разъ, мы должны войдти въ самыя подробныя объясненія всѣхъ представленій, заключающихся въ этомъ совершенно новомъ у насъ опредѣленіи искусства,—хотя бы многое тутъ и не относилось собственно къ искусству, и могло бы для людей, знакомыхъ съ наукою въ ея современномъ состояніи, показаться неважнымъ, лишнимъ, мелочно-подробнымъ.

Первое, что особенно должно, въ нашемъ опредѣленіи искусства, поразить собою, какъ странностію, многихъ изъ читателей,—есть безъ сомнѣнія то, что мы *искусство* называемъ *мышленіемъ*, и тѣмъ самымъ соединяемъ между собою два самыя противоположныя, самыя несоединимыя представленія.

Въ самомъ дѣлѣ, философія всегда враждовала съ поэзіею, — и въ самой Греціи, истинномъ отечествѣ и поэзіи и философіи, философъ осудилъ поэтовъ на изгнаніе изъ своей идеальной республики, хотя и увѣнчалъ ихъ предварительно лаврами. Общее мнѣніе приписываетъ поэтамъ живую, страстную натуру, которая заставляетъ ихъ увлекаться настоящимъ мгновеніемъ, забывая о прошедшемъ и будущемъ, пріятному жертвовать полезнымъ, ненасытимую ничѣмъ и никогда не удовлетворяемую жажду наслажденія, всегда предпочитаемаго нравственности, легкость, измѣнчивость и непостоянство во вкусахъ и стремленіяхъ, наконецъ—безпокойную фантазію, которая всегда увлекаетъ ихъ отъ дѣйствительнаго къ идеальному и отнимаетъ въ ихъ глазахъ цѣну вѣрному счастію дня для прекрасной и несбыточной мечты. Напротивъ, философамъ общее мнѣніе приписываетъ стремленіе къ мудрости, какъ высшему благу жизни, непонятному для толпы и недостижимому для людей обыкновенныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно почитаетъ ихъ неотъемлемыми качествами — несокрушимую силу воли, постоянства въ стремленіи къ единой и неизмѣнной цѣли, благоразуміе въ поступкахъ, умѣренность въ желаніяхъ, предпочтеніе полезнаго и истиннаго пріятному и обольщающему, умѣніе достигать въ жизни благъ прочныхъ, дѣйствительныхъ и наслаждаться, находя ихъ источникъ въ самихъ себѣ, въ таинственной сокровищницѣ своего безсмертнаго духа, а не въ призрачной внѣшности и калейдоскопической пестротѣ обманчивыхъ обольщеній

земной жизни. И потому общее мнѣніе видитъ въ поэтѣ любимое дитя, счастливаго баловня пристрастной матери—природы, дитя испорченное, шаловливое, капризное, часто злое даже, но тѣмъ больше очаровательное и милое; въ философѣ видитъ оно строгаго служителя вѣчной истины и мудрости, олицетворенную правду въ словахъ, добродѣтель въ поступкахъ. И потому перваго встрѣчаетъ оно съ любовью, и если, оскорбляемое его легкостію, изъявляетъ ему иногда свое негодованіе, то не иначе, какъ съ улыбкою на устахъ; второго встрѣчаетъ оно съ уваженіемъ, сквозь которое просвѣчиваетъ робость и холодность. Однимъ словомъ, простое, непосредственное, эмпирическое сознаніе видитъ между поэзіею и философіею ту же разницу, какъ и между живою, пламенною, радужною, легкокрылою фантазіею и сухимъ, холоднымъ, кропотливымъ и суровымъ брюзгою-разсудкомъ. Но то же самое общее мнѣніе, которое положило между поэзіею и философіею такую же разницу, какъ-бы между огнемъ и водою, жаромъ и холодомъ, — то же самое общее мнѣніе, или непосредственное сознаніе, указало имъ и одинаковое стремленіе къ единой цѣли— къ небу. Поэзіи приписываетъ оно божественную силу восторгать къ небу духъ человѣческій высокими ощущеніями, возбуждая ихъ въ немъ прекрасными нерукотворенными образами общей жизни; дѣломъ философіи поставляетъ оно роднить духъ человѣческій съ тѣмъ же небомъ и тѣми же высокими ощущеніями, но возбуждая ихъ живымъ сознаніемъ въ мысли законовъ общей жизни.

Мы нарочно привели здѣсь простое, естественное сознаніе толпы: оно всѣмъ доступно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключаетъ въ себѣ глубокую истину, такъ-что наука вполнѣ подтверждаетъ и оправдываетъ его. Дѣйствительно, въ самой сущности *искусства и мышленія* заключается и ихъ враждебная противоположность и ихъ тѣсное, единокровное родство другъ съ другомъ, какъ мы увидимъ ниже.

Все сущее, все, что̀ есть, все что̀ называемъ мы матеріею и духомъ, природою, жизнію, человѣчествомъ, исторіею, міромъ, вселенною, — все это есть *мышленіе*, которое само-себя мыслитъ [564]). Все существующее, все это безконечное разнообразіе явленій міровой жизни, есть ничто иное, какъ формы и факты мышленія; слѣдовательно, существуетъ одно мышленіе, и кромѣ мышленія ничто не существуетъ.

Мышленіе есть дѣйствіе, а всякое дѣйствіе необходимо предполагаетъ при себѣ движеніе. Мышленіе состоитъ въ діалектическомъ движеніи, или развитіи мысли изъ самой себя. Движеніе или развитіе есть жизнь и сущность мышленія: безъ нихъ не было бы движенія, а была бы какая-то мертвая, неподвижно-стоячая пребываемость первосущныхъ силъ только-что наклюнувшейся жизни, безъ всякаго опредѣленія, осуществившаяся въ явѣ картина хаотическаго состоянія души, съ такою ужасающею вѣрностію изображенная поэтомъ:

То было тьма безъ темноты;
То было бездна пустоты
Безъ протяженья и границъ;

То были образы безъ лицъ;
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть—какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой
Недвижный, мрачный и нѣмой.

Точка отправленія, исходный пунктъ мышленія есть божественная абсолютная идея; движеніе мышленія состоитъ въ развитіи этой идеи изъ самой-себя, по законамъ высшей (трансцендентальной) логики или метафизики; развитіе идеи изъ самой-себя есть ея прохожденіе черезъ собственные моменты, — какъ мы покажемъ это ниже самимъ примѣромъ.

Развитіе идеи изъ самой-себя, или изнутри самой-себя называется на философскомъ языкѣ *имманентнымъ*. Отсутствіе всякихъ внѣшнихъ вспомогательныхъ способовъ и толчковъ, которые могъ бы представить опытъ, есть условіе имманентнаго развитія; въ жизненномъ содержаніи самой идеи заключается органическая сила имманентнаго развитія,—такъ живое зерно заключаетъ въ нѣдрахъ своихъ силу своего развитія въ растеніе,—и чѣмъ богаче жизненное содержаніе, въ нѣдрахъ зерна заключенное, тѣмъ могущественнѣйшее растеніе развивается изъ него, и наоборотъ; изъ жолудя и изъ маленькаго орѣшка развиваются величественный дубъ и огромный кедръ, въ облака упирающіеся своими вершинами, а изъ картофелины, которая можетъ-быть въ пятьдесятъ разъ больше жолудя и въ 1000 разъ больше кедроваго орѣха—огородная былинка, едва ли на нѣсколько вершковъ возвышающаяся надъ землею.

Мышленіе необходимо условливаетъ собою существованіе двухъ противоположныхъ, какъ явленія, сторонъ духа, которыя себѣ находятъ въ немъ свое примиреніе, единство и тожество: это—духъ *субъективный* (внутренній, мыслящій) и духъ *объективный* (внѣшній первому, мыслимый, предметъ мышленія) [565]). Изъ сего ясно видно, что мышленіе, какъ дѣйствіе, необходимо предполагаетъ два противоположные другъ другу предмета—мыслящій (субъектъ) и мыслимый (объектъ), и что оно невозможно безъ разумнаго существа—человѣка. Послѣ этого насъ вправѣ спросить: какимъ же образомъ весь міръ и сама природа есть ничто иное, какъ мышленіе?—

Мыслимое съ мыслящимъ—однородно, единосущно и тождественно, такъ что первое движеніе первобытной матеріи, стремившейся стать (werden) нашею планетою, и послѣднее разумное слово сознающаго человѣка есть ничто иное, какъ одна и та же сущность, только въ различныхъ моментахъ своего развитія. Сфера познаваемаго есть почва, изъ которой возникаетъ и образуется сознаніе.

Ничто повидимому такъ ни противоположно и ни враждебно одно другому, какъ природа и духъ, и въ то же время ничто такъ и ни родственно и ни

единосущно одно съ другимъ, какъ природа и духъ. Духъ есть причина и жизнь всего сущаго; но самъ по себѣ онъ есть только возможность бытія, но не его дѣйствительность; чтобы стать (werden) бытіемъ дѣйствительнымъ, онъ долженъ былъ явиться тѣмъ, что мы называемъ міромъ, и прежде всего стать природою.

Итакъ природа есть первый моментъ духа изъ возможности стремящагося стать дѣйствительностію. Но и тотъ первый шагъ его къ бытію дѣйствительному не былъ имъ сдѣланъ вдругъ, но совершался въ послѣдовательномъ рядѣ множества моментовъ, изъ которыхъ каждый ознаменовался особенною ступенью творенія. Прежде нежели явились творенія, населяющія землю, образовалась сама земля, и образовалась не вдругъ, а постепенно, перейдя черезъ множество превращеній, перетерпѣвъ множество переворотовъ, но такъ-что всякій послѣдующій переворотъ былъ ступенью къ ея совершенству *). Законъ всякаго развитія есть то, что каждый послѣдующій моментъ выше предшествовавшаго. Но вотъ планета наша готова, — и изъ нѣдръ ея возникаютъ милліоны созданій, образующія собою три царства природы. Мы видимъ ихъ въ безпорядкѣ, въ хаотическомъ смѣшеніи: на вершинѣ дерева сидитъ птица, у корня змѣя сторожитъ свою добычу, возлѣ пасется волъ, и т. д. Воля человѣка на одномъ небольшомъ пространствѣ соединяетъ самыя разнородныя явленія природы: бѣлаго медвѣдя, жителя полярныхъ льдовъ, со львомъ и тигромъ, жителями знойныхъ странъ тропическихъ; разводитъ въ Европѣ американскія растенія— табакъ и картофель, и въ сѣверныхъ странахъ, съ помощію теплицъ, возращаетъ роскошные плоды вѣчно-весенняго юга. Но въ этомъ хаотическомъ безпорядкѣ, въ этой пестрой смѣси, въ этомъ безконечномъ разнообразіи теряется и изчезаетъ только утомленный взоръ человѣка: разумъ же его видитъ въ этихъ явленіяхъ строгую послѣдовательность, непреложное единство. Отвлекая отъ этихъ безконечно разнообразныхъ и безконечно безчисленныхъ явленій природы ихъ общія свойства, онъ доходитъ до сознанія родовъ и видовъ, — и нестройный хаосъ изчезаетъ передъ нимъ, уступая мѣсто совершенному порядку; милліоны случайныхъ явленій превращаются въ единицы необходимыхъ явленій, изъ которыхъ каждое есть навсегда остановившійся въ своемъ полетѣ моментъ воплощенія развивающейся божественной идеи! Какая строгая послѣдовательность! Нигдѣ нѣтъ скачковъ—звѣнья цѣпляются за звѣнія и образуютъ единую безконечную цѣпь, въ которой каждое послѣдующее звѣно лучше предшествовавшаго! Кораловыя деревья соединяютъ минеральное царство съ растительнымъ; полипы — животнорастенія соединяютъ живымъ звѣномъ растительное царство съ животнымъ, которое открывается миріадами насѣкомыхъ, этихъ какъ бы сорвавшихся съ своихъ стеблей и летающихъ цвѣтовъ, и постепенно переходя до высшихъ организацій, оканчивается оранг-утангомъ, этимъ

*) Новая Голландія и теперь еще представляетъ собою зрѣлище недостигшаго своего развитія материка

неудавшимся человѣкомъ! Всему свое мѣсто и время, и каждое послѣдующее явленіе есть какъ бы необходимый результатъ предшествовавшаго: какая строгая логическая послѣдовательность, какое непреложно правильное мышленіе! Но вотъ является человѣкъ — и царство природы оканчивается — начинается царство духа, но духа еще порабощеннаго природѣ, хотя уже и порывающагося къ свободѣ чрезъ побѣду надъ нею. Полу-звѣрь и полу-человѣкъ, онъ весь покрытъ волосами, огромный станъ его наклоненъ впередъ, нижняя челюсть высунулась впередъ, голени почти безъ икръ, большой палецъ на ногахъ отстоящій; но его надежда уже не на одну силу, но и на ловкость и соображеніе: руки его вооружены, но не простою палкою, не дубиною, но чѣмъ-то въ родѣ каменнаго топора, прикрѣпленнаго къ длинной палкѣ... Въ Австраліи мы видимъ дикарей раздѣленными на племена: они пожираютъ подобныхъ себѣ,— и физіологи говорятъ, что причина этого страшнаго заблужденія—ихъ организація, требующая пищи изъ человѣческаго мяса, какъ наилучше претворяющагося въ кровь и плоть питающихся имъ. Туземецъ Африки—лѣнивое, звѣрообразное, тупоумное существо, осужденное на вѣчное рабство и работающее изъ-подъ палки и смертельныхъ истязаній. Въ Америкѣ только мелкія племена, на окружающихъ ее островахъ, были подвержены человѣкоядѣнію; на материкѣ же ея были двѣ огромныя монархіи, Перу и Мехика, представительницы высшаго образованія, до какого только могли достигнуть дикари высшей противъ другихъ организаціи. Какая правильная постепенность, какая строгонепреложная послѣдовательность въ этихъ переходахъ изъ низшаго рода въ высшій, изъ низшей организаціи въ высшую, въ этомъ безконечномъ стремленіи духа найдти самого себя, какъ самосознающую личность. Принимая новую форму и какъ бы не удовлетворяясь ею, онъ не разрушаетъ ее, но оставляетъ какъ воплощенный и навсегда прикованный къ пространству моментъ своего развитія,—и принимаетъ новую форму, какъ выраженіе новаго момента своего развитія. Бѣдные сыны Америки и теперь остались тѣми же, какими застали ихъ Европейцы. Переставши бояться огнестрѣльнаго оружія, какъ гласа боговъ раздраженныхъ, даже научившись употреблять его сами, — они все-таки нисколько не очеловѣчились съ тѣхъ поръ, и дальнѣйшаго развитія человѣческаго существа мы должны искать въ Азіи. Только тутъ кончилось твореніе, природа совершила свой полный кругъ и уступила свое мѣсто новому чистодуховному развитію—исторіи. Тутъ опять раздѣленіе человѣческаго рода на расы—и племя кавказское является цвѣтомъ человѣчества. Изъ колѣнъ и племенъ образуются народы, изъ семействъ—государства,—и каждое государство есть ничто иное, какъ моментъ духа, развивающагося въ человѣчествѣ, и даже время явленія каждаго соотвѣтствуетъ моменту развивающейся изъ себя абстрактной мысли или философскому мышленію. И для человѣчества тѣ же законы, что и для человѣческой личности: и для него есть эпохи младенчества, юности и возмужалости. Въ своей священной колыбели—въ Азіи, оно—дитя природы, спеленанное ею по рукамъ и по ногамъ, исповѣдуетъ непосредствен-

ную вѣру преданія, живетъ религіозными мнѣами, до тѣхъ поръ, пока въ Греціи не вышло изъ-подъ опеки природы, а темныя религіозныя вѣрованія изъ символовъ не возвысило до поэтическихъ образовъ и не просвѣтлило свѣтомъ разумной мысли. Жизнь греческаго народа была цвѣтомъ древней жизни, конкреціею ея элементовъ, богатымъ пиромъ, за которымъ послѣдовалъ упадокъ древняго міра. Младенчество кончилось—наступилъ періодъ юношества, періодъ религіозный по преимуществу, рыцарскій, поэтическій, полный жизни, движенія, романическихъ подвиговъ, несбыточныхъ предпріятій. Открытіе Америки, изобрѣтеніе пороху и книгопечатанія были внѣшними толчками для перехода человѣчества изъ юношескаго возраста въ эпоху возмужалости, продолжающейся и теперь. Каждый вѣкъ вытекалъ изъ другого и одинъ былъ необходимымъ результатомъ другого.

Старѣясь въ сомнѣньяхъ
О великихъ тайнахъ,
Идутъ невозвратно
Вѣки за вѣками;
У каждаго вѣка
Вѣчность вопрошаетъ
Чѣмъ кончилось дѣло?
Вопросп другова!
Каждый отвѣчаетъ.

Каждое важное событіе въ человѣчествѣ совершается въ *свое время*, а не прежде и не послѣ. Каждый великій человѣкъ совершаетъ дѣло своего времени, рѣшаетъ современные ему вопросы, выражаетъ своею дѣятельностію духъ того времени, въ которое онъ родился и развился. Въ наше время невозможны ни крестовые походы, ни инквизиція, ни всемірное владычество державнаго священника; въ средніе вѣка невозможны были ни эта личная безопасность, которою пользуется каждый изъ членовъ новѣйшаго гражданскаго общества, ни это свободное развитіе, возможность котораго предоставляетъ новѣйшее гражданское общество даже послѣднѣйшему изъ своихъ членовъ, ни эти великія побѣды духа надъ природою, или, лучше, сказать, это полное покореніе природы духу, которое выразилось въ паровыхъ машинахъ, почти уничтожившихъ время и пространство. Организаціи, подобныя организаціямъ Колумба, Карла V, Франциска I, герцога Альбы, Лютера и проч. возможны и въ наше время, какъ онѣ и всегда были возможны; да только явившись въ наше время, они совсѣмъ не такъ бы дѣйствовали и не то бы совсѣмъ сдѣлали.

Итакъ отъ перваго пробужденія довременныхъ силъ и элементовъ жизни, отъ перваго движенія ихъ въ матеріи чрезъ всю лѣствицу развивавшейся въ твореніи природы, до вѣнца творенія—человѣка; отъ перваго соединенія людей въ общества до послѣдняго историческаго факта нашего времени—одна цѣпь развитія, нигдѣ не прерывающаяся, единая лѣствица съ земли на небо, на которой нельзя подняться на высшую ступень, не опершись на ту, которая подъ нею! И въ природѣ и въ исторіи владычествуетъ не слѣпой случай, а строгая,

непреложная внутренняя необходимость, по причинѣ которой всѣ явленія связаны другъ съ другомъ родственными узами, въ безпорядкѣ является стройный порядокъ, въ разнообразіи единство, и по причинѣ которой возможна наука. Что же такое эта внутренняя необходимость, дающая смыслъ и значеніе всѣмъ явленіямъ бытія, и эта строгая послѣдовательность и постепенность, въ которой явленія слѣдуютъ другъ за другомъ, какъ бы выходя другъ изъ друга? Это—*мышленіе, само-себя мыслящее.*

Природа есть какъ бы средство для духа стать дѣйствительностію и увидѣть и сознать самого себя. Посему ея вѣнецъ—человѣкъ, съ которымъ окончилась и на которомъ остановилась ея творческая дѣятельность. Гражданское общество есть средство для развитія человѣческихъ личностей, которыя суть—все, и въ которыхъ живетъ и природа, и общество, и исторія, въ которыхъ снова повторяются всѣ процессы міровой жизни, то есть природы и исторіи. Какимъ же образомъ это происходитъ? Чрезъ мышленіе, посредствомъ котораго человѣкъ проводитъ чрезъ себя все внѣ его существующее—и природу, и исторію, и наконецъ собственную свою личность, какъ будто бы и она была чуждый и внѣ его находящійся предметъ.

Въ человѣкѣ духъ обрѣлъ самаго себя, нашелъ свое полное и непосредственное выраженіе, созналъ въ немъ себя, какъ субъектъ или личность. Человѣкъ есть воплощенный разумъ, существо *мыслящее*—титулъ, которымъ онъ и отличается отъ всѣхъ другихъ существъ и возвышается какъ царь надъ всѣмъ твореніемъ. Подобно всему въ природѣ существующему, онъ есть мышленіе уже по одному непосредственному существованію какъ факту; но еще болѣе есть онъ мышленіе по дѣйствію своего разума, въ которомъ повторяется, какъ въ зеркалѣ, все бытіе, весь міръ, со всѣми его явленіями, физическими и умственными. Средоточіе и фокусъ этого мышленія есть его *Я*, которое или которому онъ противопоставляетъ и на которое онъ рефлектируетъ (отражаетъ) всякій мыслимый имъ предметъ, не исключая и самого-себя. Еще не пріобрѣтши никакихъ идей, онъ уже родится мыслящимъ, ибо самая природа его непосредственно открываетъ ему тайны бытія,—и всѣ первоначальные мѳы младенчествующихъ народовъ суть не выдумки, не изобрѣтенія, не вымыслы, а непосредственное откровеніе истины о Богѣ и мірѣ и ихъ отношеніяхъ, откровенія, которыя своей образностію дѣйствовали на младенческій умъ не прямо, а чрезъ фантазію передавались сперва чувству. Вотъ религія въ ея философскомъ опредѣленіи: непосредственное представленіе истины.

Во всякомъ младенчествующемъ народѣ замѣчается сильная наклонность выражать кругъ своихъ понятій видимымъ чувственнымъ образомъ и, начиная съ символа, доходить до поэтическихъ образовъ. Это второй путь, вторая форма мышленія — искусство, котораго философское опредѣленіе есть — непосредственное созерцаніе истины. Мы къ нему скоро возвратимся, такъ какъ оно составляетъ главный предметъ нашей книги.

Наконецъ вполнѣ развившійся и созрѣвшій человѣкъ переходитъ въ выс-

шую и послѣднюю сферу мышленія — въ мышленіе чистое, отрѣшенное отъ всего непосредственнаго, все возвышающее до чистаго понятія и опирающееся на само-себя.

Очевидно, что все это только три различные пути, три различныя формы одного и того же содержанія, которое есть — бытіе. Какъ бы то ни было, только эти три рода мышленія, если можно такъ выразиться, совсѣмъ не то, что мы называли мышленіемъ до человѣка, міромъ природы и исторіи. Дѣйствительно это не одно и то же, хотя и одно и то же, точно такъ же какъ человѣкъ-младенецъ и человѣкъ-мужъ есть не одно и то же существо, хотя послѣдній все-таки есть ничто иное какъ новая и высшая форма перваго.

Читатели не забыли, что въ нашемъ опредѣленіи искусства мы употребили слово «непосредственный»; вѣроятно также они замѣтили, что и потомъ мы часто его употребляли. Значеніе этого слова такъ важно, оно замѣняетъ собою такъ много словъ и, посему, частое употребленіе его такъ необходимо, что мы почитаемъ долгомъ сдѣлать отступленіе отъ предмета для его объясненія.

Слово «непосредственный» и происходящее отъ него «непосредственность» взято съ нѣмецкаго языка [566]) и принадлежитъ новѣйшей философіи. Оно означаетъ и бытіе и дѣйствіе прямо изъ самого-себя выходящее, безъ всякаго посредства. Объяснимъ это примѣромъ [567]). Ежели вы знаете человѣка по его образу мыслей и его образу жизни и характеру дѣйствій, любите и уважаете его за нихъ,—вы знаете его не непосредственно, потому что онъ открылся вашему разумѣнію, не непосредственно, а посредствомъ своего образа мыслей, жизни и дѣйствій. И такимъ, вы можете передать его и разумѣнію другого человѣка, никогда его не видавшаго,—и изъ вашихъ словъ этотъ другой можетъ почувствовать къ нему такое же уваженіе и такую же любовь. Но тутъ еще не весь человѣкъ, а только тѣнь, которую онъ отъ себя отбрасываетъ, не самъ человѣкъ, а только его описаніе. Когда вы слышите отъ другого разсказъ о такомъ человѣкѣ,—умъ вашъ занятъ болѣе или менѣе яснымъ представленіемъ разныхъ хорошихъ или дурныхъ качествъ, но воображеніе ваше пусто,—въ немъ не отражается, какъ въ зеркалѣ, никакого живаго образа, который бы говорилъ самъ за себя, или подтверждалъ бы то, что вамъ говорятъ о немъ. Что жь это значитъ? —то, что какъ описаніе примѣтъ человѣка не даетъ яснаго представленія его наружности, такъ и изображеніе, отвлеченіе его хорошихъ или дурныхъ качествъ, какъ бы ни были они замѣчательны, не дастъ живаго созерцанія личности человѣка; надо, чтобы онъ самъ за себя говорилъ, внѣ своихъ хорошихъ или дурныхъ качествъ. Есть лица, которыя, будучи и хороши и дурны, не оставляютъ въ нашей памяти рѣзкаго слѣда и скоро изчезаютъ изъ нея. Есть, напротивъ, другія, которыя, повидимому ничего не имѣя особеннаго, рѣзко хорошаго, или рѣзко дурнаго, съ перваго взгляда навсегда остаются въ вашемъ воображеніи. Это особенно поразительно въ отношеніи къ женскимъ лицамъ: часто ослѣпительная красота уступаетъ въ нашемъ созерцаніи мѣсто самому скромному, самому, кажется, обыкновенному лицу. Причина такой разности въ впечатлѣніяхъ,

производимыхъ тою или другою личностію, безъ сомнѣнія, заключается въ самой этой личности, но тѣмъ не менѣе эта причина не выговариваемая словомъ, какъ всякая тайна. Вотъ человѣкъ: смѣло и бойко говоритъ онъ обо всемъ, ловко и искусно даетъ вамъ знать о своихъ высокихъ качествахъ; по его словамъ, онъ живетъ въ одномъ высокомъ и прекрасномъ, готовъ отдать за истину свою жизнь; вы слушаете его, видите въ немъ много ума, не отрицаете даже и чувства, его мнѣніе о самомъ-себѣ кажется вамъ правдоподобнымъ,— и между тѣмъ вы остаетесь къ нему холодны, онъ не возбуждаетъ въ васъ никакого живаго интереса. Что это значитъ?—Конечно то, что вы безсознательно чувствуете какое-то противорѣчіе между его словами и имъ-самимъ. Разсудокъ вашъ одобряетъ его слова, беретъ ихъ какъ данныя для сужденія о немъ, *а непосредственное* впечатлѣніе, которое онъ производитъ на васъ, возбуждаетъ недовѣрчивость къ его словамъ и отталкиваетъ васъ отъ него. Но вотъ другой человѣкъ: онъ такъ чуждъ всякихъ претензій, такъ простъ, такъ обыкновененъ; онъ говоритъ о томъ же, о чемъ и всѣ говорятъ—о погодѣ, о лошадяхъ, о шампанскомъ, объ устрицахъ,—а между тѣмъ вы, видя его въ первый разъ, какъ-будто по какому-то капризу своего чувства, на-зло вашему разсудку увѣряетесь, что этотъ человѣкъ не то, чѣмъ кажется, что ему открыты высшія идеальныя области и глубочайшія тайны бытія,—и онъ смѣло и прямо, какъ свою собственность, беретъ вашу любовь и уваженіе, прежде нежели вы успѣете замѣтить это. [568]) Здѣсь опять та же причина—сила и власть непосредственнаго впечатлѣнія, которое производитъ на васъ этотъ человѣкъ. Все, что скрывается въ его натурѣ,—все это выражается въ самыхъ его движеніяхъ, жестахъ, голосѣ, лицѣ, игрѣ физіономіи, словомъ—въ его *непосредственности*. Такъ точно иногда, вся роскошь образованія, умственнаго, эстетическаго и свѣтскаго, даже при выгодной наружности, не возбуждаетъ въ насъ къ женщинѣ того трепетнаго, музыкальнаго чувства, которое внушаетъ присутствіе женщины, того благоговѣнія, какимъ оно насъ оковываетъ; а простая дѣвушка, лишенная всякаго образованія, но которой натура глубока и богата, однимъ спокойнымъ взглядомъ, заставляетъ опускаться дерзко устремленные на нее взоры, какъ будто бы ихъ поразили лучи солнечные. По той же самой причинѣ, вы иногда тяготитесь и скучаете самыми острыми словами, самыми умными шутками, не находя въ нихъ ничего забавнаго, кромѣ претензіи быть забавными; и вы же не можете безъ смѣха ни слышать ни одного слова, ни видѣть ни одного движенія иного человѣка, хотя ни въ его словахъ, ни въ его движеніяхъ, повидимому, нѣтъ ничего смѣшнаго, такъ-что пересказывая о нихъ кому-нибудь и думая произвести несомнѣнный эффектъ, вы сами находите, къ своему удивленію, что въ нихъ ровно ничего нѣтъ, и что вся ихъ обаятельная сила заключалась въ *непосредственности* того человѣка [569]).

Эта же самая непосредственность, составляющая такое важное условіе *личности* всякаго человѣка, является и въ *дѣйствіи* человѣка. Бываютъ случаи, въ которыхъ наша натура какъ бы дѣйствуетъ за насъ, не ожидая посредни-

чества нашей мысли, или нашего сознанія,—и мы какъ бы инстинктивно поступаемъ тамъ, гдѣ, повидимому, невозможно дѣйствовать безъ сознательнаго соображенія. Такъ, напримѣръ, случается, что человѣкъ сильно ушибшись, или подвергавшись опасности сильно ушибиться объ какой-нибудь, незамѣченный имъ по разсѣянности, или по сосредоточенности въ себѣ, предметъ,—всякій разъ, какъ проходитъ мимо того мѣста, хотя бы ночью, наклоняется безсознательно. Такое дѣйствіе есть вполнѣ *непосредственное*. Но гораздо выше и поразительнѣе тѣ непосредственныя дѣйствія человѣческаго духа, въ которыхъ проявляется его высшая жизнь. Какъ бы ни было свято и истинно убѣжденіе человѣка, какъ бы ни были благородны и чисты его намѣренія, но чтобы высказать, или привести ихъ въ исполненіе, для этого еще недостаточно ни силы убѣжденія, ни благонамѣренности стремленія: для этого необходимъ тотъ вдохновенный порывъ, въ которомъ сливаются во-едино всѣ силы человѣка, физическая природа его проникаетъ собою духовную его сущность, которая, въ свою очередь, просвѣтляетъ собою физическую его природу, разумное дѣйствіе становится инстинктивнымъ движеніемъ и, наоборотъ, мысль дѣлается фактомъ, дѣйствіе разумной и свободной человѣческой воли—непосредственнымъ явленіемъ. Исторія представляетъ намъ поразительный примѣръ подобнаго непосредственнаго проявленія силы человѣческаго духа, торжествующаго даже надъ законами природы: сынъ Креза былъ отъ рожденія нѣмъ, но увидѣвъ, что непріятельскій солдатъ хочетъ, по незнанію, убить его отца, вдругъ получилъ употребленіе языка и воскликнулъ: «Воинъ, не убивай царя!» [570]). Но и этотъ примѣръ, какъ ни поразителенъ онъ, еще не представляетъ самаго высшаго проявленія непосредственной разумности: ее можно видѣть во всей безконечности ея великаго значенія только въ тѣхъ свободныхъ и разумныхъ дѣйствіяхъ человѣка, въ которыхъ обнаруживается его высшая духовная природа и стремленіе къ безконечному. Вся исторія человѣчества, съ одной стороны есть ничто иное, какъ безконечный рядъ картинъ такого рода непосредственно-разумныхъ и разумно-непосредственныхъ дѣйствій, въ которыхъ личное желаніе сливается съ внѣшнею для личности необходимостію, воля дѣлается инстинктомъ, порывъ къ дѣйствію самимъ дѣйствіемъ [571]). Непосредственность дѣйствія не исключаетъ изъ себя ни воли, ни сознанія,—напротивъ, чѣмъ болѣе того и другого участвуетъ въ немъ, тѣмъ оно выше, плодотворнѣе и дѣйствительнѣе; но воля и сознаніе, сами по себѣ, какъ отдѣльно взятые элементы духа, никогда не переходятъ въ дѣйствіе и не приносятъ плодовъ въ высшихъ сферахъ дѣйствительности, ибо тутъ они являются силами враждебными непосредственности, въ которой заключается живая производительная сила. Начало и развитіе природы, всѣ явленія исторіи и искусства совершались *непосредственно*.

Можетъ-быть многимъ изъ нашихъ читателей слово «непосредственный» покажется совершенно равнозначительнымъ слову «безсознательный», а «непосредственность»—«безсознательности»,—и они, можетъ-быть, упрекнутъ насъ въ суетномъ желаніи изобрѣтать и вводить въ моду новыя и никому неизвѣст-

ныя слова для старыхъ и всѣмъ извѣстныхъ понятій, давно уже выраженныхъ тоже всѣмъ извѣстными словами, и обвинятъ въ педантской охотѣ вдаваться въ излишнія объясненія и ненужныя отступленія, которыя не поясняютъ, а только затемняютъ дѣло. Если это случится, и если причиною этого будетъ не опрометчивая невнимательность поверхностнаго читателя,—то уже конечно и не справедливость его обвиненія, а развѣ то, что мы неудовлетворительно объяснили этотъ предметъ. Въ непосредственности можетъ быть безсознательность, но не всегда бываетъ,—и оба эти слова отнюдь не одно и то же, и даже не синонимы. Природа, напримѣръ, произошла непосредственно и вмѣстѣ съ тѣмъ безсознательно; историческія же явленія, каковы начало языковъ и политическихъ обществъ, произошли непосредственно, но отнюдь не безсознательно; также точно непосредственность явленія есть основный законъ, непреложное условіе въ искусствѣ, дающее ему высокое значеніе; но безсознательность не только не составляетъ необходимой принадлежности искусства, но враждебна ему и унизительна для него. Слово «непосредственный» объемлетъ собою и заключаетъ въ себѣ гораздо обширнѣйшее, глубочайшее и высшее понятіе, нежели слово «безсознательный»: это мы ясно докажемъ въ дальнѣйшемъ развитіи идеи искусства.

Условіе непосредственности всякаго явленія, есть вдохновенный порывъ; результатъ непосредственности всякаго явленія есть—организація. Только вдохновенное можетъ явиться непосредственно, только непосредственно-явившееся можетъ быть органическимъ, только органическое можетъ быть живымъ. Организмъ и механизмъ, или природа и ремесло,—вотъ два міра, враждебно-противоположные другъ другу [572]). Одинъ—свободный, безпрестанно движущійся, измѣняющійся, неуловимый въ переливахъ цвѣтовъ и красокъ, шумный и звучный; другой—оцѣпенѣлый въ мертвенной неподвижности, рабски-правильный и безжизненно-опредѣленный, съ ложнымъ блескомъ, поддѣльною жизнію, нѣмой и безгласный. Явленія перваго міра, живыя и непосредственно произрождающіяся, называются еще и вдохновенными или творческими, а явленія второго міра—предметами механическими, или произведеніями рукъ человѣческихъ. Разумѣется, что этого не должно понимать буквально, и первоначальную живоносную причину смѣшивать съ посредствующею: всѣ статуи и всѣ картины дѣлаются руками человѣческими, но несмотря на то, есть статуи и картины органическія, вдохновенныя, творческія, и есть статуи и картины механическія, не созданныя, а сдѣланныя.

Очевидно, что созданнымъ или творческимъ называется все, что не можетъ быть произведено соображеніемъ, разсчетомъ, разсудкомъ и волею человѣка, даже все, что не можетъ назваться и изобрѣтеніемъ; но что непосредственно является изъ небытія въ бытіе или творящею силою природы, или творческою силою духа человѣческаго, и что, въ противоположность изобрѣтенію, должно называться *откровеніемъ*. Организація, составляющая существенное различіе между произведеніями творческими и произведеніями механическими, очевидно есть результатъ того процесса, посредствомъ котораго она возникаетъ. Противо-

поставимъ природу ремеслу, чтобы объяснить это примѣромъ. Когда у человѣка, изобрѣтшаго часы, мелькнула въ головѣ первая мысль объ этой машинѣ,—дѣло не было кончено этимъ мгновеніемъ: не говоря уже о томъ, что много долженъ былъ думать и соображать прежде нежели приступилъ къ выполненію своей мысли,—онъ долженъ былъ еще и безпрестанно повѣрять ее опытомъ, и въ опытѣ искать дополненія своей мысли. Созидая, онъ снова разрушалъ, слагая, разбиралъ, ибо всегда находилъ, что чего-нибудь да недоставало. Главный духовный дѣятель въ актѣ его изобрѣтенія было *соображеніе, разсчетъ, вычисленіе вѣроятностей*. Осторожно, будто въ потьмахъ, дѣлалъ онъ шагъ за шагомъ, работая головою и считая на пальцахъ. И потому его изобрѣтеніе не могло быть тотчасъ же совершеннымъ, но нужны были вѣковые успѣхи точныхъ наукъ, чтобы оно могло дойдти до совершенства. Хочетъ ли ремесло подражать природѣ,—тутъ еще поразительнѣе видно могущество одной и безсиліе другого [573]). Человѣкъ хочетъ сдѣлать цвѣтокъ—розу. Для этого онъ беретъ натуральную, долго и внимательно изучаетъ ее во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ—каждый лепестокъ, складку, переливъ и оттѣнокъ цвѣта, общую форму, и уже послѣ многихъ соображеній и разсчетовъ выкраиваетъ и сшиваетъ свой цвѣтокъ изъ тканей, окрашенныхъ подъ цвѣта природы. И въ самомъ дѣлѣ, какъ велико его искусство: за десять шаговъ вы не отличите его искусственной розы отъ натуральной; но подойдите ближе—и вы увидите холодный, неподвижный трупъ подлѣ прекраснаго, полнаго жизни созданія природы,—и ваше чувство оскорбится мертвою поддѣлкою. Съ радостнымъ чувствомъ схватываете вы очаровательный цвѣтокъ—разсматриваете и обоняете его. Его листики и лепестки расположены такъ симметрически, такъ пропорціонально, что ихъ правильность можетъ постигаться только нашимъ умомъ, а не повѣряться нашими инструментами, слишкомъ недостаточно для этого правильными, и потомъ каждый изъ нихъ такъ тщательно, съ такою заботливостью, съ такимъ безконечнымъ совершенствомъ отдѣланъ и изукрашенъ до малѣйшихъ подробностей... Какъ роскошно прекрасенъ его цвѣтокъ, сколько на немъ жилочекъ и оттѣнковъ, какая нѣжная и яркая пыль... о, самъ царь Соломонъ во славѣ своей не одѣвался такъ великолѣпно!... И какое, наконецъ, упоительное благоуханіе!... Но до сихъ поръ, пока мы на эту розу смотримъ совнѣ, любуясь и дивясь ея видомъ, цвѣтомъ и запахомъ, искусственный цвѣтокъ еще можетъ быть сравниваемъ съ нею, по крайней мѣрѣ, хоть какъ пародія на нее, доказывающая своего рода силу и могущество человѣческаго ума; но развѣ въ розѣ однимъ этимъ все оканчивается? О, нѣтъ! это только внѣшняя форма, выраженіе внутренняго: эти чудныя краски вышли изнутри растенія, этотъ обаятельный ароматъ есть его бальзамическое дыханіе... Загляните туда, внутрь этого цвѣтка,—и всякое сравненіе съ нимъ искусственной розы уничтожается само-собою, какъ нелѣпость, оскорбляющая здравый смыслъ. Тамъ, внутри зеленаго стебелька, на которомъ такъ граціозно держится этотъ роскошный цвѣтокъ, тамъ цѣлый новый міръ: тамъ самостоятельная лабораторія жизненности, тамъ по тончайшимъ

сосудцамъ, дивно-правильной отдѣлки, течетъ влага жизни, струится невидимый эѳиръ духа... И между тѣмъ природа употребила на этотъ дивный цвѣтокъ и меньше времени и болѣе простые и дешевые матеріялы, и нисколько труда, соображенія, или разсчета: пало въ землю небольшое зерно,— и изъ земли вышло растеніе, одѣлось въ листья и украсилось цвѣтами на брачный пиръ весны... Уже въ его зернѣ заключался и корень и стволъ, и красивые листочки, и пышный ароматическій цвѣтъ, и вся архитектура растенія, со всѣми его формами и пропорціями! Но что же тутъ сдѣлала природа? Чѣмъ же ознаменовала она свое участіе въ созданіи этого цвѣтка? Повторяемъ: ей это ничего не стоило. Спокойно, безъ всякихъ усилій, повторяетъ она теперь однажды навсегда созданныя ею явленія. Но было мгновеніе, когда она страшно работала, въ напряженіи и борьбѣ всѣхъ силъ своихъ... Когда всемощное «Да будетъ» пробудило довременный хаосъ, небытіе воззвало къ бытію [574]), возможность къ дѣйствительности, идею къ явленію,—тогда безплотная божественная мысль, довременно существовавшая, изъ ничего явилась нашею планетою,—и долго вращалась эта планета то въ океанѣ воды, то въ океанѣ огня,—и высокіе хребты горъ на мѣстѣ бывшаго дна морскаго, подземные потоки водъ и огней, бездонныя моря, острова и озера, огнедышущіе вулканы, свидѣтельствуютъ о ея страшныхъ переворотахъ, прежде чѣмъ она стала тѣмъ, что теперь есть, о ея великой работѣ, которая и теперь еще не кончилась, судя по цѣлому огромному материку, еще и доселѣ не совершенно сформировавшемуся *). Да, это была великая работа; какъ будто съ болями и страданіями порождала природа безконечные ряды явленій,—и каждое изъ нихъ было могучимъ, мгновеннымъ и нечаяннымъ порывомъ изъ тьмы небытія на свѣтъ жизни. Величественно и прекрасно зданіе вселенной! Какъ правиленъ этотъ голубой куполъ неба, по которому въ такомъ строгомъ порядкѣ, въ такой неизмѣнной правильности и гармоніи восходитъ и заходитъ солнце, появляется и скрывается луна съ міріадами звѣздъ! И между тѣмъ не циркулю обязаны своимъ существованіемъ эти круги и сферы, не было начертано на бумагѣ предварительнаго плана, и соображеніе математика не опредѣлило заранѣе этихъ безконечныхъ отношеній между безконечными величинами, тяжестями и пространствами. Нѣтъ конца вселенной, нѣтъ числа небеснымъ тѣламъ, и всѣ они дѣлятся на міры, подчиненные одинъ другому, и каждое изъ нихъ есть часть цѣлаго, составляющаго какъ бы живое органическое тѣло и находится во взаимномъ отношеніи и взаимной зависимости отъ всякаго другого,—и все это пространство безъ границъ, вся эта величина безъ измѣренія, все это множество безъ исчисленія, составляющее собою единое и цѣлое, родилось само изъ себя, заключая въ себѣ и свои законы, и свои вѣчныя неизмѣнныя числа и линіи, и весь чертежъ своего тоталитета. Вселенная есть божественная мысль, отъ вѣчности довременно существовавшая, какъ разумная возможность, и вдругъ ставшая очевидною дѣйствительностію, чрезъ воплощеніе въ форму. Въ полнотѣ ея существованія мы видимъ двѣ, повидимому,

*) Новая Голландія.

противоположныя, но въ сущности, родственныя стороны: духъ и матерію. Духъ есть божественная мысль, источникъ жизни; матерія есть та форма, безъ которой мысль не могла бы проявиться. Очевидно, что оба эти элемента нуждаются другъ въ другѣ: безъ мысли всякая форма мертва, безъ формы, мысль есть только могущее быть, но не сущее. Въ явленіи они составляютъ единое и нераздѣльное, проникая другъ друга и изчезая другъ въ другѣ. Процессъ ихъ слитія воедино (конкреціи) есть таинство, въ которомъ жизнь какъ бы сокрылась отъ самой себя, не желая и самое себя сдѣлать свидѣтельницею своего величайшаго акта, своего торжественнѣйшаго священнодѣйствія. Мы знаемъ необходимость, но только ощущаемъ или созерцаемъ таинство этого процесса. Онъ есть необходимое условіе жизненности явленій, и его результатъ есть—*организація*, результатъ которой есть *особность*, *индивидуальность и личность*.

Всѣ явленія природы суть ничто иное, какъ частныя и особныя проявленія *общаго*. Общее есть идея. Что такое идея? По философскому опредѣленію, идея есть конкретное понятіе, котораго форма не есть что-нибудь внѣшнее ему, но форма его развитія, его же собственнаго содержанія. Но какъ мы чужды философскаго изложенія нашего предмета, то и постараемся намекнуть о немъ нашимъ читателямъ какъ можно менѣе отвлеченно, какъ можно образнѣе. Во второй части «Фауста» Гёте есть мѣсто, которое можетъ навести насъ на предъощущеніе значенія «идеи» близкое къ истинѣ. Фаустъ, давъ обѣщаніе императору вызвать предъ него Париса и Елену, требуетъ помощи у Мефистофеля, который неохотно указываетъ ему единственное средство для выполненія этого обѣщанія. «Въ неприступной пустотѣ—говоритъ онъ—царствуютъ богини; тамъ нѣтъ пространства, еще менѣе времени: то *матери*».—Матери?—восклицаетъ изумленный Фаустъ,—матери, матери, повторяетъ онъ,—это такъ странно звучитъ...—«Богини—продолжаетъ Мефистофель—невѣдомыя вамъ смертнымъ, и неохотно именуемыя нами. Готовъ ли ты? Тебя не остановятъ ни замки, ни запоры; тебя обойметъ пустота. Имѣешь ли ты понятіе о совершенной пустотѣ?»—Фаустъ увѣряетъ его въ своей готовности.—«Еслибъ тебѣ надобно было плыть,—продолжаетъ снова Мефистофель,—по *безграничному* океану, еслибы тебѣ надобно было созерцать эту безграничность,—ты бы увидѣлъ тамъ по крайней мѣрѣ стремленіе волны за волной, ты бы увидѣлъ тамъ нѣчто; ты бы увидѣлъ на зелени усмирившагося моря плескающихся дельфиновъ; передъ тобою ходили бы облака, солнце, мѣсяцъ, звѣзды, но въ пустой, вѣчно пустой дали ты не увидишь ничего, не услышишь своего собственнаго шага, ногѣ твоей не на что будетъ опереться».—Фаустъ непоколебимъ:—Въ твоемъ *ничто*,—говоритъ онъ—я надѣюсь найдти *все* (Зи deinem Nichts hoff ich das All zu finden).—Мефистофель послѣ этого даетъ Фаусту ключъ. «Ступай за этимъ ключемъ—говоритъ онъ ему—онъ доведетъ тебя до *матерей*».—Слово «матери» снова заставляетъ Фауста содрогнуться.—Матерей!—восклицаетъ онъ—какъ ударъ поражаетъ меня это слово! Что это за слово такое, что я не могу его слышать?—«Неужели ты такъ ограниченъ,—отвѣчаетъ ему Мефистофель,—что

повое слово смущаетъ тебя?»... Мефистофель потомъ даетъ ему наставленія, какъ онъ долженъ поступать въ своемъ дивномъ путешествіи, и Фаустъ, ощутивъ въ груди своей новыя силы отъ прикосновенія къ волшебному ключу, топнувъ ногой, погружается въ бездонную глубь.—«Любопытно—говоритъ Мефистофель, оставшись одинъ,—возвратится ли онъ назадъ?» — Но Фаустъ возвратился, и возвратился съ успѣхомъ: онъ вынесъ съ собою, изъ бездонной пустоты, треножникъ, тотъ трепожникъ, который былъ необходимъ для того, чтобы вызвать въ міръ дѣйствительный красоту въ лицѣ Париса и Елены *).

Да, страшное это слово «матери», безъ тайнаго содроганія нельзя его выговаривать, какъ будто бы это было одно изъ тѣхъ мистическихъ словъ, отъ которыхъ блѣднѣетъ луна и мертвые шевелятся въ гробахъ своихъ!... Но еще болѣе нужно отваги, чтобы пуститься въ безпредѣльную пустоту и дойдти до «матерей»!... Но кто не содрогнется и не отступитъ назадъ и не изнеможетъ въ своемъ страшномъ подвигѣ—тотъ воротится съ волшебнымъ треножникомъ, съ которымъ можно вызывать тѣни давно умершихъ и безплотныя мысли одѣвать въ благолѣпныя тѣла... Эти «матери»—тѣ первосущныя, довременныя идеи, которыя, воплотившись въ формы, стали мірами и явленіями жизни. Жизнь никого не страшитъ, но какъ красавица съ огненнымъ взоромъ, розовыми ланитами и манящими поцѣлуй устами, она влечетъ къ себѣ насъ неодолимою обаятельною силою,—закрывъ глаза, потерявъ сознаніе, мы бросаемся въ ея объятія,—и мы смотримъ на нее не насмотримся, любуемся ею не налюбуемся... Но въ насъ сидитъ червякъ, отравляющій полноту наслажденія—этотъ червякъ жажда знанія. Лишь только онъ зашевелится,—очаровательный образъ красавицы начинаетъ отъ насъ скрываться; червякъ ростетъ, превращается въ змѣю, сосущую кровь изъ нашего сердца,—красавица изчезаетъ совсѣмъ, и чтобы возвратить ее, мы должны отвратить нашъ взоръ отъ формъ и красокъ, и устремить его на скелеты безъ жизни и красоты. Но скоро мы должны отказаться и отъ этого, и ринуться въ безграничную пустоту, гдѣ нѣтъ жизни, нѣтъ образовъ, нѣтъ звуковъ и красокъ, нѣтъ пространства и времени, гдѣ не на чемъ остановиться взору, не на что опереться ногѣ, гдѣ царствуютъ—матери всего сущаго—безтѣлесныя идеи, которыя суть то *ничто*, изъ которыхъ произошло *все*, которыя были отъ вѣчности, прежде міра, и отъ которыхъ двинулось время и потекли міры своимъ вѣковѣчнымъ путемъ...

Итакъ, идеи суть матери жизни, ея субстанціальная сила и содержаніе, тотъ неизсякаемый резервуаръ, изъ котораго немолчно текутъ волны жизни. Идея по существу своему есть общее, ибо она не принадлежитъ ни извѣстному времени, ни извѣстному пространству; переходя въ явленіе она дѣлается особнымъ, индивидуальнымъ, личнымъ. Вся лѣствица творенія есть ничто иное, какъ

*) Все это мѣсто, содержащее въ себѣ указаніе на «Фауста», есть выписка къ статьѣ Ретшера «О философской критикѣ художественнаго произведенія», сдѣланная переводчикомъ этой статьи, г. Катковымъ, и здѣсь цѣликомъ взятая нами. См. «Московскій Наблюдатель» 1838, Часть XVIII, стр. 187 и 188. [575])

обособленіе общаго въ частное, явленіе общаго частнымъ. Изъ общей міровой матеріи вышла наша планета и, получивъ свою единичную и особную форму, въ свою очередь стала общею субстанціею, матеріею, которая безпрестанно стремится къ объособленію въ міріадахъ существъ. Безобразныя массы металловъ и камней, не представляя собою никакой опредѣленной формы, тѣмъ не менѣе представляютъ собою особныя явленія, имѣющія свою, хотя и низшую и внѣшнюю организацію. Нѣкоторые изъ нихъ даже организуются въ опредѣленныя и правильныя формы призмъ, какъ бы вырастающихъ и какой-то почвы, которая состоитъ изъ одинаковаго съ ними вещества и служитъ имъ безобразнымъ базисомъ. Организація растеній выше, и вообще они представляютъ собою что-то уже высшее особности, хотя еще и не достигшее индивидуальности. Въ каждомъ изъ нихъ равно необходимы и корень, и стволъ, и вѣтвь, и листъ, но число листовъ ихъ неопредѣленно, и отшибенные не измѣняютъ особности дерева; что же до вѣтвей, то, хотя опѣ..... [576])

573. Общее значеніе слова литература. [577])

Прежде, нежели приступимъ къ изложенію исторіи русской литературы, опредѣлимъ общее значеніе слова: *литература*, чтобы потомъ можно было яснѣе показать, какимъ образомъ и до какой степени русская литература соотвѣтствуетъ значенію литературы вообще.

Многіе придаютъ совершенно одинаковое значеніе словамъ: «словесность», «письменность», «литература» и употребляютъ ихъ безъ разбору. Другіе, по принципу пуризма, вовсе не хотятъ употреблять иностраннаго слова *литература*, думая, что его значеніе вполнѣ выражается русскими словами: *словесность и письменность*. Пуристы хотѣли бы совершенно изгнать изъ употребленія слово: «литература», какъ иностранное и притомъ лишнее въ русскомъ языкѣ. Но ихъ усилія остаются безплодными. Слово существуетъ: стало быть, оно необходимо, и его не можетъ замѣнить собою никакое другое слово, потому-что въ языкѣ не можетъ существовать двухъ словъ, совершенно равносильныхъ и тождественныхъ въ выраженіи одного и того же понятія. Если «словесностію» можно замѣнить «литературу», то книжное и нѣсколько тяжелое слово *словесникъ* не можетъ замѣнить собою слова *литераторъ*. Всѣ говорятъ и пишутъ: «литературный журналъ», «литературная газета», но никто, подъ опасеніемъ быть или непонятымъ, или смѣшнымъ, не скажетъ: «словесный журналъ», «словесная газета». Равнымъ образомъ, можно сказать: «человѣкъ есть словесное (въ смыслѣ одареннаго словомъ) животное», но нельзя сказать: «человѣкъ есть литературное животное». Изъ этого видно, что ни «словесность» не можетъ совершенно замѣнить собою «литературы», ни «литература»—«словесности»: оба эти слова равно необходимы, потому-что, несмотря на ихъ родственность, есть рѣзкій оттѣнокъ въ сущности выражаемыхъ ими понятій.

Впрочемъ, требовать, чтобы три эти слова: «словесность», «письменность» и «литература», никогда не употреблялись одно вмѣсто другого,—значило бы впасть въ педантизмъ, тѣмъ болѣе, что эти слова иногда дѣйствительно сходятся между собою въ значеніи. Но какъ, съ другой стороны, они часто расходятся въ оттѣнкахъ общаго имъ всѣмъ значенія: то и странно было бы не опредѣлить этой разницы и не воспользоваться ею, какъ средствомъ къ большей опредѣлительности и ясности въ понятіяхъ. Во всѣхъ европейскихъ языкахъ, употребляется только одно слово—«литература» для выраженія понятія, выражаемаго по-русски тремя словами—«словесность», «письменность» и «литература»: тѣмъ лучше для насъ! Значитъ: въ этомъ отношеніи, нашъ языкъ богаче другихъ. Надобно же пользоваться этимъ богатствомъ.

Письменность и литература прежде всего относятся къ словесности, какъ видъ къ роду. Понятіе, выражаемое словесностію, гораздо общѣе, нежели понятія, выражаемыя письменностію и литературою: въ обширномъ смыслѣ, словесность заключаетъ въ себѣ и письменность и литературу, какъ ея же собственныя проявленія. Все, что̀ находитъ свое выраженіе въ словѣ, все это принадлежитъ къ области словесности: и народная поговорка, или пословица—и курсъ философіи; и народная сказка, или пѣсня—и эпическая поэма, или драматическое произведеніе, какъ великаго поэта, такъ и бездарнаго сочинителя; и лѣтопись, и исторія, и ученое сочиненіе, и учебникъ, и лексиконъ и каталогъ книгъ, и книжка о легчайшемъ способѣ отращивать волоса и истреблять мухъ. Къ области письменности принадлежатъ тѣ словесныя произведенія, которыя народъ, незнавшій еще книгопечатанія, почелъ достойными сохранить отъ забвенія, посредствомъ письменнаго искусства. Подъ литературою разумѣется или словесность народа, исторически развившаяся и отражающая въ себѣ народное сознаніе, или какая-нибудь отрасль словесности, обнимающая собою извѣстную сторону искусства и науки. Такъ, въ послѣднемъ случаѣ, говорится: литература эстетики, литература исторіи, литература математики, медицины, технологіи и т. д., разумѣя подъ этимъ собраніе всѣхъ сочиненій, относящихся до того или другого изъ исчисленныхъ предметовъ. Понятіе о литературѣ тѣсно связано съ понятіемъ о книгопечатаніи.

Изъ этого видно, что письменность и литература относятся еще къ словесности и какъ постепенные моменты ея развитія. Другими словами: словесность, письменность и литература суть три главные періода въ исторіи народнаго сознанія, выражающагося въ словѣ. Сознаніе всѣхъ младенчествующихъ народовъ прежде всего выражается въ поэзіи, и потому каждый народъ и каждое племя непремѣнно имѣетъ свою поэзію, на какой-бы низкой степени цивилизаціи и образованія ни стояли они. Отсюда не исключаются ни номады средней Азіи, ни дикари океанійскіе. Народъ или племя можетъ не знать искусства писанія, но не можетъ не имѣть поэзіи. Поэзія младенчествующихъ народовъ состоитъ не столько въ поэтическомъ содержаніи и поэтической формѣ, сколько въ поэтическомъ выраженіи. Форма и выраженіе—не всегда одно и то же:

первая относится къ расположенію, къ композиціи поэтическаго произведенія; подъ вторымъ должно разумѣть только складъ рѣчи, слогъ, короче—форму слова. И потому у младенчествующихъ народовъ выраженіе всегда поэтическое, хотя содержаніе часто бываетъ нелѣпое, а форма чудовищная. Они поэтически выражаютъ и свою опытную мудрость (поговорки, пословицы, параболы, басни), и прошедшее ихъ жизни (преданіе) и свои космогоническія и религіозныя понятія (миѳы, гимны и т. п.). О такомъ народѣ, или племени, можно сказать, что они имѣютъ *словесность*,—и въ этомъ смыслѣ, нѣтъ на землѣ народа, ни племени, даже дикаго, у которыхъ не было бы словесности. Когда народъ знакомится съ искусствомъ письменъ, его словесность получаетъ новый характеръ, зависящій отъ духа народа и отъ степени его цивилизаціи и образованности. Такимъ образомъ, самые древніе памятники космогонической и миѳической поэзіи Грековъ дошли до насъ, сохраненные посредствомъ письма; по преимуществу народъ эстетическаго чувства, Греки, познакомившись съ искусствомъ писать, тотчасъ же поспѣшили передать храненію буквы прежде всего поэтическія произведенія ихъ національнаго духа. Другое зрѣлище представляютъ словенскія [578]) племена въ отношеніи къ письменности: этимъ искусствомъ они обязаны ревности христіанскихъ проповѣдниковъ, которые видѣли въ немъ вѣрнѣйшее средство распространить между ними евангельское ученіе. А такъ какъ христіанство, естественно, произвело въ словенскихъ племенахъ духъ безусловнаго отрицанія прежней языческой ихъ національности, и такъ какъ понятіе о письменности въ умѣ этихъ племенъ тѣсно слилось съ понятіемъ о христіанской религіи, то письменность и приняла у нихъ характеръ по-преимуществу церковный: Словяне считали достойнымъ предавать письменамъ только книги религіознаго и теологическаго содержанія [579]). Къ этому присовокупился еще родъ словесности, бывшій долгое время исключительнымъ достояніемъ монашествующаго духовенства—*лѣтописи*. Благочестивые иноки, въ назидательное поученіе потомству, описывали дѣла мірскія, съ тѣмъ взглядомъ на вещи, который невольно сообщало имъ чувство ихъ разъединенія съ міромъ, въ нѣдрахъ тихаго успокоенія кельи. Естественно, что памятники языческой поэзіи были забыты и не ввѣрялись буквѣ. Оттого, до насъ не дошло не только никакихъ пѣсенъ языческаго періода Руси, но мы даже не имѣемъ почти никакого понятія о словенской миѳологіи. Немногія имена боговъ и названія праздниковъ и обрядовъ сохранились для насъ только въ обличительныхъ противу остатковъ язычества словахъ ревностныхъ поборниковъ церкви. Если до насъ дошло нѣсколько сказокъ, или поэмъ въ сказочномъ родѣ, въ которыхъ имя «Владиміра-краснаго-солнышка, ласковаго князя кіевскаго стольнаго» играетъ значительную роль,—это сдѣлалось какъ бы случайно. Сказки эти долго хранились въ народной памяти и до того измѣнялись съ каждымъ вѣкомъ, подновляясь и въ языкѣ и въ понятіяхъ, что въ то время, когда грамотнымъ людямъ пришла охота положить ихъ на бумагу, онѣ уже совершенно лишились своего первобытнаго вида. А списаны онѣ съ словъ народа на бумагу, вѣроятно, не раньше

XVII столѣтія. «Слово о полку Игоревомъ», этотъ прекрасный памятникъ уже полуязыческой поэзіи, дошло до насъ въ единственномъ и притомъ искаженномъ спискѣ. Сколько же памятниковъ народной поэзіи погибло совсѣмъ! Этому причиною было, во-первыхъ, высокое понятіе нашихъ предковъ о достоинствѣ письменности: они думали, что письмо назначено только для сохраненія слова Божія и важныхъ дѣлъ государственныхъ, и что значило бы унижать его, записывая выдумки праздныхъ балагуровъ и потѣшниковъ; во-вторыхъ, наши предки, какъ бы чувствуя безсознательно ничтожность и незначительность ихъ народной поэзіи, по инстинкту не дорожили ея памятниками. И они были правы: гибнетъ въ потокѣ времени только то, что лишено крѣпкаго зерна жизни, и что, слѣдовательно, не стоитъ жизни. И потому, не презирая уцѣлѣвшими остатками нашей народной поэзіи, въ то же время не будемъ слишкомъ жалѣть объ утраченныхъ. Такимъ образомъ, періодъ нашей словесности до временъ письменности для насъ погибъ невозвратно, а періодъ нашей письменности, совпадая, въ своемъ началѣ, съ эпохою изобрѣтенія Кирилломъ и Меѳодіемъ словенской азбуки (эпохою до сихъ-поръ еще не опредѣленною съ точностію [580]), совпадаетъ въ своемъ концѣ съ эпохою начала русской литературы, т. е. съ эпохою появленія первыхъ свѣтскихъ русскихъ писателей. Періодъ русской письменности ознаменовался нѣсколькими (весьма немногими) сочиненіями, если не совсѣмъ литературными, то и не подходящими подъ разрядъ ни теологическихъ, ни лѣтописныхъ произведеній словесности.

Литература есть послѣднее и высшее выраженіе мысли народа, проявляющейся въ словѣ. Органическая послѣдовательность въ развитіи—вотъ что составляетъ характеръ литературы, и вотъ чѣмъ отличается литература отъ словесности и письменности. Если произведеніе литературы носитъ на себѣ печать существеннаго достоинства,—оно уже не можетъ быть случайнымъ явленіемъ, которое не было бы нѣкоторымъ образомъ результатомъ предшествовавшихъ ему произведеній, или, по крайней-мѣрѣ, не объяснялось бы ими, и которое бы, въ свою очередь, не порождало бы другихъ литературныхъ явленій, или, по крайней-мѣрѣ, не имѣло бы на нихъ прямаго или косвеннаго вліянія. Такимъ образомъ, не только современная намъ французская, но и современная намъ германская литература, не могутъ быть поняты и оцѣнены надлежащимъ образомъ безъ знанія французской литературы XVII вѣка,—равно какъ и послѣдняя можетъ быть объяснена только чрезъ изученіе французской литературы, вѣка Людвига XIV-го. И мало того, что нужно особенное изученіе вообще литературы среднихъ вѣковъ, чтобы понять французскую литературу XVI и послѣдующихъ столѣтій: надобно еще имѣть понятіе о древней классической литературѣ Грековъ и Римлянъ, чтобъ владѣть возможностію изучать какую бы то ни было изъ европейскихъ литературъ отъ временъ возрожденія до настоящей минуты. Изъ этого видно, что всякая сфера, въ какой ни развивается духъ человѣческій, состоитъ изъ фактовъ, органически связанныхъ одинъ съ другимъ, и послѣдовательно родившихся одинъ изъ другого, и что, кромѣ литературы

того или другого народа, есть еще литература всеобщая, человѣческая, вселенская, у которой есть своя исторія. Предметъ этой исторіи: развитіе человѣческаго сознанія въ сферѣ слова. Литература, которая не можетъ имѣть своей исторіи, т. е. литература, явленія которой не состоятъ въ живой органической связи между собою, не есть литература, но только словесность, или письменность. Правда, и словесность и письменность могутъ имѣть свою исторію, но какую—вотъ вопросъ! Исторія словесности, или письменности есть ничто иное, какъ болѣе или менѣе обширный каталогъ произведеній, хранящихся въ памяти народа, или въ его письменности,—каталогъ съ необходимыми объясненіями и учеными комментаріями. Но каталогъ можетъ служить только матеріяломъ для исторіи, но самъ исторіею быть не можетъ.

Періодъ литературы у всѣхъ новѣйшихъ народовъ начинается собственно съ эпохи изобрѣтенія книгопечатанія. И потому, понятіе о литературѣ у нихъ какъ-то невольно сливается съ понятіемъ о книгопечатаніи.—Дѣйствительно, до изобрѣтенія книгопечатанія, словесность Европы носитъ на себѣ характеръ письменности, т. е. разъединенности и случайности. Исключеніе остается почти за одною Италіею, которая считалась уже просвѣщеннѣйшею страною Европы, когда еще сама Франція тонула во мракѣ невѣжества и дикости нравовъ. Поэтому Италія гордилась именами Данта, Петрарки и Боккачіо еще въ XIII и XIV столѣтіяхъ, тогда какъ сама Франція только въ XVI вѣкѣ гордилась довольно ничтожными знаменитостями, въ родѣ Ронсара, Ренье, Малерба, и только въ XVII вѣкѣ увидѣла своего перваго великаго поэта—Корнеля; имена Рабле и Монтаня принадлежатъ XV и XVI столѣтію. Правда, еще въ средніе вѣка являлись великіе люди, сильные мыслію, и упреждавшіе свое время; такъ Франція еще въ XII вѣкѣ имѣла Абеллара; но люди, подобные ему, безплодно бросали во мракъ своего времени яркія молніи могучей мысли: они были поняты и оцѣнены черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ ихъ смерти. Наука и мысль, до начала XVI вѣка, скрывались во мракѣ, какъ чернокнижничество, разбой и контрабанда. Ученыя сочиненія, какъ тайна, передавались въ рукописяхъ отъ одного адепта къ другому. Словомъ, это была письменность, но не литература. Только словесность одной Италіи и въ варварскія времена имѣетъ характеръ литературы; по крайней-мѣрѣ, въ Италіи поэзія является уже какъ литература, въ то время, какъ въ другихъ странахъ Европы поэзія находилась еще на степени словесности и письменности.

Въ области словесности нѣтъ знаменитыхъ именъ, потому-что авторъ словесности—всегда народъ. Никто не знаетъ, кто сложилъ его простыя и наивныя пѣсни, въ которыхъ такъ безыскусственно и ярко отразилась внутренняя и внѣшняя жизнь юнаго народа или племени. Въ эпоху младенчества народъ и не заботится объ именахъ своихъ первыхъ поэтовъ, равно какъ и сами поэты не заботятся о сохраненіи ихъ имени въ потомствѣ. Въ эти времена, поэзія—не заслуга, а инстинктивная потребность: человѣку поется—и онъ поетъ, совсѣмъ не подозрѣвая, что онъ—поэтъ. И переходитъ пѣсня изъ рода въ родъ,

отъ поколѣнія къ поколѣнію; и измѣняется она со временемъ: то укоротятъ ее, то удлинятъ, то передѣлаютъ, то соединятъ ее съ другою пѣснею, то сложатъ другую пѣсню въ дополненіе къ ней: и вотъ изъ пѣсенъ выходятъ поэмы, которыхъ авторомъ можетъ назвать себя только народъ. Послѣ этого понятно, почему письменность, когда она удостоивала своего вниманія поэтическія произведенія, не передавала именъ ихъ творцовъ, и мы не знаемъ имени автора «Нибелунговъ» и другихъ поэмъ въ этомъ родѣ. Другое дѣло—литература: ея дѣятелемъ является уже не народъ, а отдѣльныя лица, выражающія своею умственною дѣятельностію различныя стороны народнаго духа. Въ литературѣ, личность вступаетъ въ полное право свое, и литературныя эпохи всегда означаются именами лицъ. Литература образуетъ собою отдѣльную и самостоятельную область умственной дѣятельности, существованіе и права которой признаются всѣмъ обществомъ. Литература всегда опирается на публичность, получаетъ свое утвержденіе отъ общественнаго мнѣнія. Она существуетъ не при свѣтѣ только уединенной лампы отшельника, или гонимаго ученаго, но при свѣтѣ солнца, открыто и явно. Она поддерживается не вниманіемъ только небольшого круга посвященныхъ, составляющихъ родъ тайнаго общества, или избранныхъ любителей, но вниманіемъ всего народа, по крайней-мѣрѣ, въ лицѣ его образованныхъ классовъ. Литература есть достояніе всего общества, которое, черезъ нее, обратно получаетъ себѣ, въ сознательной и изящной формѣ, все то, чему источникомъ было его-же собственное непосредственное бытіе. Общество находитъ въ литературѣ свою дѣйствительную жизнь, возведенную въ идеалъ, приведенную въ сознаніе. Поэтому, въ моментахъ развитія литературы, обыкновенно называемыхъ литературными эпохами и періодами, отражаются моменты историческаго развитія народа,—и въ такомъ случаѣ, литература точно такъ же объясняетъ собою политическую исторію народа, какъ и исторія—литературу. Такъ, исторія Франціи XVIII вѣка вся заключается преимущественно въ ея литературѣ этого времени.

Если мы сказали, что понятіе о *книгопечатаніи* почти тождественно съ понятіемъ о литературѣ—это потому, что книгопечатаніе есть великое и могущественное средство къ *публичности*, безъ которой слово «литература» есть звукъ безъ смысла, тѣло безъ души. Публичность такъ важна для литературы, что теперь во Франціи вошло въ употребленіе слово *пресса* (la presse—книгопечатаніе), какъ выражающее болѣе общее и обширное понятіе, нежели слово *литература*. Вся сфера современнаго общественнаго движенія теперь выражается словомъ *пресса:* это живой пульсъ общества, по біенію котораго вѣрнѣе, нежели по какому-нибудь другому признаку, можно судить о состояніи общества въ отношеніяхъ: политическомъ, административномъ, ученомъ, литературномъ, эстетическомъ, нравственномъ, въ отношеніи къ народному духу, богатству, промышленности, ремесламъ, и пр. и пр. Нѣтъ стороны въ обществѣ, которая бы теперь не выражалась *прессою*, не жила въ ней и ею. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы литература могла быть только у народа, знакомаго съ

искусствомъ книгопечатанія: изъ этого слѣдуетъ только, что публичность, въ смыслѣ доступности литературныхъ произведеній вниманію общества, составляетъ одно изъ главнѣйшихъ условій существованія литературы. Книгопечатаніе есть только могущественнѣйшее, но не единственное средство къ публичности. Подъ литературою, въ точномъ и опредѣленномъ значеніи этого слова, должно разумѣть *сознаніе народа, исторически* выразившееся въ словесныхъ произведеніяхъ его ума и фантазіи,—а такъ какъ сознаніе есть высшее проявленіе жизни народа, то литература необходимо должна быть его общимъ достояніемъ, чѣмъ-то такимъ, что до всѣхъ равно касается, всѣхъ равно интересуетъ, всѣмъ равно доступно. Словомъ: литература должна быть, въ отношеніи къ народу, вмѣстѣ и сценою и спектаклемъ, который на ней разыгрывается, а народъ, въ отношеніи къ литературѣ, долженъ быть публикою, которая не сводитъ глазъ со сцены, созерцая представляемое на ней зрѣлище. Лучшее для этого средство, повторяемъ, есть книгопечатаніе,—и однакожь, несмотря на то, древняя греческая литература, со стороны публичности, едва ли не болѣе подходитъ подъ наше опредѣленіе, нежели любая изъ новѣйшихъ литературъ, не исключая и французской, хотя Греки и не знали искусства печатанія. Жизнь Грековъ, политическая, государственная, общественная, религіозная, артистическая, ученая, была, и безъ книгопечатанія, въ высшей степени *публична*, такъ что книгопечатаніе, столь важное въ новомъ мірѣ, можетъ-быть, противорѣчило бы духу и характеру ихъ публичности. Хотя произведенія поэтовъ греческихъ существовали и письменно, тѣмъ не менѣе Эллины предпочитали живое изустное слово мертвой буквѣ, и лучше любили слушать, нежели читать. Оттого декламація была у нихъ отдѣльнымъ и самостоятельнымъ искусствомъ, которое требовало не только изученія, но и природнаго дарованія. Древніе читали стихи не такъ, какъ читаемъ ихъ мы, но нараспѣвъ; ихъ поэзія тѣсно была соединена съ музыкою, и нѣвучая декламація стиховъ ихъ сопровождалась аккомпаниментомъ на лирѣ. Отъ имени этого инструмента получила свое названіе *лирическая* поэзія; а отъ пѣвучей декламаціи стиховъ, слова *пѣть* и *воспѣвать*, получили значеніе слова *сочинять*, *творить*, что̀ сохранилось, по преданію отъ Грековъ, и притомъ не совсѣмъ основательно, и въ новѣйшей европейской поэзіи, въ которой весьма обыкновенны выраженія «пою то-то или того-то», «я пѣлъ мою любовь, мои страданія» и т. п. Что Греки не читали, а какъ бы пѣли свои стихи, это имѣло у нихъ глубокое основаніе, ибо происходило не отъ произвола обыкновенія и привычки, а отъ свойственнаго и сроднаго ихъ національному духу созерцанія искусства. У насъ каждый самъ читаетъ для себя стихи и наслаждается ихъ изяществомъ такъ-же полно и при дурномъ чтеніи, какъ и при хорошемъ; для Грека хорошо продекламировать стихи было то же, что̀ для насъ разыграть музыкальную піесу. Оттого у насъ хорошее чтеніе стиховъ есть не больше, какъ умѣніе, которое не даетъ ни славы, ни извѣстности; у Грековъ хорошая декламація стиховъ была искусствомъ, для котораго требовался своего рода талантъ. Это было

одною изъ причинъ, почему греческій театръ такъ же мало имѣлъ общаго съ нашимъ театромъ, какъ и наша драма мало имѣетъ общаго съ греческою. По понятію Грековъ, искусство было представленіемъ, въ грандіозныхъ образахъ, явленій идеальной жизни—родъ религіозно-государственнаго представленія, героемъ котораго была національная жизнь. Посему ихъ трагедія могла сосредоточивать свой паѳосъ и свою главную идею на полубогахъ, герояхъ *), царяхъ и народѣ (который, въ видѣ хора, изъявлялъ свое мнѣніе о созерцаемомъ имъ зрѣлищѣ); изъ жизни же своихъ божественныхъ и царственныхъ героевъ, трагедія греческая могла брать только идеальные, высокіе моменты. Поэтому, актеры играли на котурнѣ и въ маскѣ: въ ихъ рѣчи хотѣли слышать спокойно-возвышенный голосъ, исполненный достоинства и величія; котурнъ, возвышавшій ростъ актеровъ, отходя отъ натуры дѣйствительности, тѣмъ болѣе приближался къ натурѣ идеальности, дѣлая представляемыхъ ими героевъ какъ бы жителями другого высшаго міра, для которыхъ были бы унизительны обыкновенные размѣры человѣческаго роста; маски, увеличивавшія собою лица актеровъ и носившія на себѣ общее идеальное выраженіе, такъ же представляли глазамъ зрителей героевъ трагедіи въ особенномъ идеальномъ свѣтѣ. Къ тому же, греческій народъ почелъ бы за профанацію увидѣть героя въ знакомомъ ему лицѣ актера. Современность тоже не могла давать содержанія для трагедіи: нужно было, чтобы колоссальные образы героевъ представлялись въ священномъ сумракѣ и таинственной дали вѣковъ и преданія. Изо всего этого видно, что какъ трагедія, такъ и театръ греческій, были чисто *искусственны*. Здѣсь слово «искусственный» должно понимать въ смыслѣ «художественнаго», «артистическаго», противоположнаго пошлой, повседневной дѣйствительности, презрѣнной прозѣ житейскаго, а не въ смыслѣ противоположнаго натурѣ и естественности, поддѣльнаго и ложнаго, какъ понимаемъ мы слово «искусственный». Французы XVII и XVIII столѣтій, проникнувшіе отчасти въ таинства греческой буквы, но не проникнувшіе въ таинства греческаго духа, не понявши, что у всякаго вѣка и всякаго народа свои идеи, а слѣдовательно, и свои, соотвѣтственныя имъ, формы,—создали у себя искусство на манеръ древнихъ, тѣмъ болѣе не похожее на него, чѣмъ болѣе рабски было оно копировано съ его непонятыхъ ими формъ и внѣшностей. Французы рѣшились не пускать въ трагедію никого, кромѣ царей и ихъ паперсниковъ, а изъ простого народа допустили только вѣстниковъ, заставивъ ихъ рапортовать надутымъ слогомъ о томъ, что сдѣлалось за кулисами; они забыли, что въ новѣйшемъ обществѣ проза жизни получила полное свое право на поэтическое представленіе, и что драма новѣйшей жизни слагалась изъ лицъ всѣхъ сословій.

Этой же страсти Грековъ къ живому, изустному слову обязано было своимъ развитіемъ и процвѣтаніемъ ораторское искусство, кромѣ дара краснорѣчія,

*) Отчего и произошло, по преданію отъ Грековъ, слово *герой*, въ смыслѣ главнаго дѣйствующаго лица въ поэмѣ, драмѣ, романѣ, повѣсти, даже комедіи.

требовавшее еще и необыкновеннаго дара декламаціи. Кому не извѣстно, какихъ чрезвычайныхъ усилій стòило Демосоену, отъ природы надѣленному огромнымъ даромъ краснорѣчія, выработать изъ себя настоящаго оратора? Но страсть Грековъ къ живому изустному слову не ограничивалась только театромъ и ораторскою каѳедрою: преданіе говоритъ, что древніе поэты—Гомеръ и Гезіодъ, особенно первый, и притомъ слѣпецъ и старецъ, ходя по Греціи, пѣли свои поэмы царямъ и народамъ. Пиндаръ состязался съ Коринною на олимпійскихъ играхъ. Оклеветанный въ безуміи неблагодарными дѣтьми, старецъ Софоклъ оправдался передъ народомъ, прочтя ему отрывки изъ своего «Эдипа». Отецъ исторіи, Геродотъ, читалъ передъ народомъ, на олимпійскихъ играхъ, свое повѣствованіе о славной борьбѣ Эллады съ персидскими царями; а юноша Ѳукидитъ, слушая его, всенародно плакалъ отъ умиленія, въ предчувствіи собственнаго торжества на томъ же поприщѣ... Самая наука у Грековъ была публичнымъ дѣломъ, а не таинственною магіею, какъ въ новѣйшія времена. Сократъ преподавалъ свое живое ученіе на площадяхъ и улицахъ; толпами могли ходить Аѳиняне въ сады академіи, чтобы внимать урокамъ высшей мудрости изъ устъ божественнаго Платона... Причиною такого въ высшей степени прекраснаго и человѣческаго зрѣлища, *единственнаго*, какое когда-либо представляла собою народная жизнь, былъ національный духъ древней Эллады—первобытной родины изящной гуманности. Если въ Аѳинахъ не было равенства состояній и даже равенства просвѣщенія и образованія, за то въ нихъ не было и *черни*, невѣжественной, грязной, покрытой лохмотьями, помышляющей только о матеріяльномъ удовлетвореніи грубыхъ потребностей тѣла, чуждой всякаго чувства человѣческаго достоинства: масса аѳинскаго народонаселенія состояла не изъ черни, а изъ народа. Образованіе Грековъ было общественное, а потому и всеобщее, народное, а не исключительное, въ пользу однихъ и невыгоду другихъ сословій. Аѳиняне столь важнымъ считали публичное воспитаніе дѣтей, что когда, при нашествіи Ксеркса, они принуждены были оставить свой городъ, и взрослые сѣли на суда, чтобы сражаться съ непріятелемъ, а дѣти, жены и старцы удалились въ Тризену,—то Тризенцы, въ числѣ другихъ знаковъ своего радушія и участія къ бѣдственному положенію Аѳинянъ, опредѣлили платить за ихъ дѣтей жалованье учителямъ. Удивительно ли, послѣ этого, что Периклъ, сбираясь говорить передъ аѳинскимъ народомъ, просилъ боговъ, чтобы никакое неприличное предмету, или неблагозвучное слово, не вырвалось изъ устъ его; удивительно ли, что старая зеленщица аѳинская по выговору могла признать въ ученомъ Грекѣ не-аѳинскаго уроженца? Удивительно ли, что Аѳиняне были не только народомъ войны и гражданственности, но и народомъ-артистомъ, народомъ-художникомъ, и что массы аѳинскаго народонаселенія могли быть судіями и страстными любителями изящнаго. Когда обвиняемый въ растратѣ общественной казны на зданія, Периклъ погрозилъ заплатить свои деньги, но за то написать на зданіяхъ свое имя, то народныя толпы закричали единодушно, чтобы онъ не щадилъ казны на зданія. Причиною всего этого была публичность,

составлявшая основу гражданственной жизни Грековъ. Оттого жизнь ихъ отличается полнотою, многосторонностію и какою-то цѣлостностію, такъ-что религія была у нихъ искусствомъ, искусство—религіею, жрічество было тѣсно слито съ администраціею; воинъ во время мира учился мудрости, а мудрецъ, во время войны, сражался за отечество, художникъ былъ гражданиномъ, а простолюдинъ не могъ жить безъ театра. Не такъ-какъ въ новомъ мірѣ, гдѣ ученый дичится свѣта и боится запаху пороха, военный, какъ достоинствомъ, хвалится безграмотностію и гордится невѣжествомъ, а художникъ поставляетъ себѣ за честь и обязанность жить внѣ современныхъ интересовъ общества, и за облаками не видѣть земли, забывъ, что облака не другое что̀, какъ пустой туманъ, разсѣявающійся отъ лучей солнца! Да и какъ понятно послѣ этого, что Греки только себя считали людьми, а иностранцевъ считали варварами, и не хотѣли дѣлиться правами даже съ тѣми, у кого отецъ или мать не были чистой, безпримѣсной аѳинской крови.

Итакъ литература Грековъ, въ полномъ значеніи слова, была выраженіемъ ихъ сознанія, слѣдовательно, всей ихъ жизни: религіозной, гражданственной, политической, умственной, нравственной, артистической, семейственной. Исторія греческой литературы тѣсно и неразрывно связана съ ихъ государственною или политическою исторіею; тогда какъ исторія литературы новѣйшихъ народовъ есть только исторія одной стороны существованія каждаго изъ нихъ. Это оттого, что какъ въ древнемъ мірѣ всѣ стихіи общественной жизни были тѣсно и неразрывно связаны другъ съ другомъ и, взаимно проникая одна другую, образовывали собою прекрасное и живое единое цѣлое, такъ въ новомъ мірѣ всѣ общественныя стихіи дѣйствуютъ разъединенно и каждая самобытно и особно. Это распаденіе, представляющее собою столь печальное и грустное зрѣлище, особенно при сравненіи его съ свѣтлымъ и прекраснымъ міромъ греческой жизни, было однакожь необходимо для того, чтобы стихіи общественности, развиваясь отдѣльно, тѣмъ полнѣе, глубже и совершеннѣе разработались, а потомъ бы уже снова слились и образовали новое, цѣлое и единое, которое будетъ тѣмъ выше міра греческой жизни, чѣмъ разъединеннѣе было въ новомъ мірѣ развитіе отдѣльныхъ стихій общественности. И начало этого новаго единенія мы видимъ уже и теперь: стѣна національности между народами постепенно падаетъ; дружественно и братски начинаютъ они дѣлиться духовными дарами своего національнаго историческаго развитія и постепенно сливаются въ единое семейство человѣчества; наука мирится съ жизнію, искусство проникается общественными интересами; ученый принимаетъ участіе въ дѣлахъ общественныхъ и миритъ кабинетную жизнь свою съ жизнью свѣтскаго салона; воинъ и купецъ не только ищутъ литературнаго образованія, но не чуждаются и интересовъ науки, хода идей. Конечно все это еще только начало, и все это преимущественно относится пока только къ Франціи, этой Эллады новаго міра, отечества всемогущей прессы; но за началомъ всегда слѣдуетъ конецъ, и скоро, или еще и не скоро, но придетъ же время, когда въ новомъ человѣчествѣ воскреснетъ древняя

Грецію, лучше и прекраснѣе, чѣмъ была она: Грецію, прошедшая черезъ христіянство, побѣдившая климаты, природу, пространство и время, вполнѣ покорившая духу своему царство матеріи.

Книгопечатаніе есть публичность новѣйшихъ народовъ, фокусъ, сосредоточивающій въ себѣ свѣтлые лучи народнаго сознанія. Но, какъ мы уже сказали выше, у новѣйшихъ народовъ, несмотря на усиливающіеся со дня на день успѣхи книгопечатанія, литература все еще остается только одною изъ многихъ сторонъ сознанія, а не полнымъ его выраженіемъ, какъ въ Греціи. Въ самыхъ образованнѣйшихъ государствахъ Европы, книгопечатаніе все еще болѣе или менѣе остается чѣмъ-то въ родѣ кабалистики, темныя таинства которой открыты только для одной, сравнительно съ массою цѣлаго народонаселенія, весьма малой части: большинство, нигдѣ не лишенное благодѣтельнаго вліянія цивилизаціи, тѣмъ не менѣе вездѣ коснѣетъ въ дикомъ невѣжествѣ, которое сильно заставляетъ сомнѣваться въ чрезвычайныхъ будто бы въ настоящее время успѣхахъ человѣчества. Сама литература у новѣйшихъ народовъ раздроблена на множество отраслей, такъ что знакомый съ одною почитаетъ себя въ правѣ не знать другихъ. Впрочемъ, это нисколько не отрицаетъ существованія литературъ, въ полномъ значеніи этого слова, у новѣйшихъ народовъ; ибо хотя большинство и массы не пользуются у нихъ, какъ это было въ древней Греціи, дарами національнаго духа, котораго они сами источникъ и почва, однако внимательный взоръ легко открываетъ въ литературахъ новѣйшихъ народовъ живое историческое развитіе духа тѣхъ самыхъ массъ, которыя, въ своемъ невѣжествѣ, и не подозрѣваютъ существованія литературы, выразившей сущность ихъ же собственнаго нравственнаго существованія. И потому, литературы новѣйшихъ народовъ представляютъ собою картину исторически развившагося народнаго духа, гдѣ каждое отдѣльное явленіе вышло изъ предшествовавшаго и произвело, въ свою очередь, послѣдующее, гдѣ ничего не являлось случайно, особно, но все связано въ единый живой организмъ.

Мы сказали, что литература есть сознаніе народа, исторически выражающееся въ словесныхъ произведеніяхъ его ума и фантазіи. Исторію можетъ имѣть только то, что органически развивается, имѣя точкою отправленія зародышъ, зерно національнаго духа народа (субстанцію), выходя изъ предыдущаго и производя послѣдующее. Развиваться же органически можетъ только то, что въ самомъ-себѣ заключаетъ собственное свое содержаніе, подобно зерну, заключающему въ себѣ, какъ возможность, жизнь и форму будущаго растенія, а потому и одаренному жизненностію, которая, при выполненіи необходимыхъ условій— почвы, воздуха, свѣта, влажности, тотчасъ же принимается за отправленіе своихъ функцій, превращая зерно въ стебель, стебель въ стволъ съ вѣтвями и листьями, съ цвѣтомъ и плодомъ. Вслѣдствіе этого, литературу могутъ имѣть только тѣ народы, въ національномъ развитіи которыхъ выразилось развитіе человѣчества, и которымъ, слѣдовательно, міродержавныя судьбы предоставили высокую роль представителей человѣчества въ великой драмѣ всемірной исторіи.

И потому-то изъ древнихъ народовъ, только у Грековъ и Римлянъ была своя литература, которой высокое значеніе не утратилось до сихъ поръ, но, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, перешло къ новымъ народамъ и послужило къ развитію ихъ общественной, ученой и литературной жизни. Причиною этому—богатое содержаніемъ субстанціальное зерно духовной жизни Грековъ: въ этомъ зернѣ заключалась плодородная идея, изъ которой развилась вся исторія, а слѣдовательно, и литература этого народа. Идея эта была обще-человѣческая въ греческой формѣ, а потому и греческая литература, отслуживши Грекамъ, не умерла вмѣстѣ съ ними, но перешла въ общее достояніе народовъ, въ лицѣ которыхъ, послѣ Грековъ, стало выражаться человѣчество. Литература Римлянъ не имѣетъ такого высокаго значенія въ сферѣ искусства, какъ литература греческая; лучшее и величайшее произведеніе Римлянъ былъ *кодексъ* Юстиніана—плодъ историческаго развитія римской жизни. И однакожь зерно національнаго духа Римлянъ, развившееся въ «вѣчный городъ», оцивилизовавшее весь древній міръ и давшее новое направленіе цивилизаціи новѣйшаго міра, заключаетъ въ себѣ такое великое, всемірно-историческое и обще-человѣческое значеніе, что, ради его, латинская литература, поэтическая и историческая, возросшая, такъ-сказать, на могилѣ римской жизни, доселѣ уважается почти на равнѣ съ греческою. И чѣмъ обще-человѣчественнѣе оплодотворяющая жизнь народа субстанціальная идея, чѣмъ болѣе народъ выражаетъ своею жизнію человѣчество и чѣмъ болѣе имѣетъ вліянія на его судьбы,—тѣмъ болѣе литература такого народа подходитъ подъ значеніе литературы вообще, тѣмъ она выше и важнѣе. И наоборотъ, чѣмъ меньше источникъ духовной жизни народа, чѣмъ отдѣльнѣе судьба народа отъ судебъ человѣчества,—тѣмъ ограниченнѣе значеніе его литературы, тѣмъ менѣе—она литература. И потому-то гораздо болѣе такихъ народовъ, которыхъ литературы или незначительны, или у которыхъ вовсе нѣтъ литературы, чѣмъ народовъ, которыхъ литературы значительны, или которые имѣютъ какую-либо литературу.

Говоря о литературѣ, мы преимущественно разумѣемъ *изящную литературу*—кругъ произведеній поэтическихъ, художественныхъ. Сюда, для полноты слова «литература», могутъ относиться такія словесныя произведенія, которыя, принадлежа къ сферѣ ученой, какъ исторія, или, имѣя своимъ источникомъ опредѣленную практическую цѣль, какъ ораторскія рѣчи, тѣмъ не менѣе составляютъ собою предметъ живого общаго интереса и требуютъ, для своего выраженія, болѣе или менѣе художественной формы, а отъ людей, посвящающихъ себя такого рода дѣятельности, болѣе или менѣе художественнаго таланта. Такимъ образомъ, творенія Геродота, Оукидита, Тацита, ученыя по своему содержанію, въ то же время суть и изящныя произведенія, по искусству ихъ концепціи и изложенія. О рѣчахъ Демосѳена и Цицерона нечего и говорить: хотя краснорѣчіе и невполнѣ искусство, какъ поэзія, потому что оно имѣетъ опредѣленную, чисто-практическую цѣль и опирается на діалектику, а

не на творчество, но все же оно—искусство, потому что требуетъ отъ импровизаціи художественности въ выраженіи, а отъ оратора—таланта и вдохновенія.

Съ этой точки зрѣнія литература и словесность представляются въ новыхъ отношеніяхъ различія между собою. Поэзія, не возвысившаяся на степень искусства, художества, принадлежитъ къ области словесности, а не литературы. Такая поэзія называется *народною*. Она выражаетъ собою сознаніе народа, еще не вышедшее изъ пеленъ непосредственнаго, безсознательнаго созерцанія. Въ произведеніяхъ народной поэзіи еще нѣтъ мысли, а есть только темное стремленіе къ мысли, ея предощущеніе, предчувствіе. И потому произведенія народной поэзіи не могутъ возвыситься до художественной формы, въ которую можетъ только воплощаться развившееся до *идеи* созерцаніе. Вслѣдствіе этого, народная поэзія одного народа мало и невполнѣ доступна другому: на ней лежитъ печать исключительной особности. Сфера народной поэзіи не обширна и не многосложна: пословица, поговорка, парабола, басня, пѣсня, сказка, легенда—эти первыя проявленія сознанія младенческихъ обществъ—вотъ все, что заключаетъ въ себѣ поэзія, которую называютъ народною, естественною или непосредственною, и которую еще можно назвать поэтическою словесностію народа. Если субстанціальное зерно духовной жизни народа попадаетъ на историческую почву и получаетъ возможность развиться изъ самого себя,— тогда *естественная* поэзія народа перерождается въ *художественную*, его словесность въ *литературу*, и первая остается преимущественно на долю низшихъ, необразованныхъ классовъ народа, никогда не умирая въ его устахъ, а вторая дѣлается исключительнымъ достояніемъ высшихъ, образованныхъ классовъ народа. Когда наступаетъ періодъ исторической и критической разработки литературы, естественная, или народная поэзія, т. е. словесность становится предметомъ изученія для ученыхъ и литераторовъ, а черезъ нихъ, дѣлается извѣстною и читающей публикѣ, и болѣе или менѣе интересуетъ ее своими наивными произведеніями. Художественная же поэзія только развѣ черезъ театръ бываетъ болѣе или менѣе доступна низшимъ классамъ народа. Если содержаніе жизни народа лишено обще-человѣческаго значенія, такъ что безъ искусственнаго и насильственнаго отрицанія своей національности и своего историческаго развитія, въ пользу цивилизаціи народовъ, представляющихъ въ лицѣ своемъ человѣчество, онъ не можетъ возвыситься до значенія всемірно-историческаго народа: то изъ естественной поэзіи такого народа, не можетъ развиться художественная, а изъ его словесности литература. Тогда словесность такого народа остается исключительнымъ достояніемъ простонародья, а для образованныхъ классовъ создается подражательная литература, господствующая до тѣхъ поръ, пока чужеземные элементы не проникнутъ національныхъ и, вслѣдствіе этого, не возникнетъ наконецъ литература самобытная. Въ послѣднемъ случаѣ, народная поэзія вновь обращаетъ на себя вниманіе образованныхъ классовъ и, по духу реакціи, дѣлается предметомъ подражанія даже со стороны истинныхъ художниковъ; но скоро узнаютъ, что изъ нея немного выжмешь, и отводятъ ей

укромное мѣсто въ исторіи отечественнаго слова, отдѣльно и безъ связи съ исторіею собственно литературы. Такъ было, какъ увидимъ ниже, съ народною поэзіею въ Россіи.

Произведенія словесности, непосредственно выходя изъ духа народа, носятъ на себѣ общій отпечатокъ этого духа и въ содержаніи и въ формѣ: этимъ однимъ и ограничиваются ихъ отношенія и связь между собою. Ни одно изъ нихъ не имѣетъ вліянія на другое, ни одно не бываетъ слѣдствіемъ другого; они являются отдѣльно, разрозненно, и для нихъ, слѣдовательно, нѣтъ исторіи. Память народа хранитъ ихъ также отрывочно, не зная ихъ числа, многія изъ нихъ измѣняя, другія забывая совсѣмъ. Изъ этого общаго правила должна быть исключена только греческая народная поэзія, въ первыхъ проявленіяхъ которой видѣнъ зародышъ, изъ котораго въ послѣдствіи развилась вся греческая литература. Глубокія философскія идеи скрыты въ гимнахъ поэтовъ до-омировскаго времени, и эти гимны приписываются извѣстнымъ именамъ, а не безличному лицу народа. Оттого и самая форма первыхъ проблесковъ возникавшаго народнаго сознанія въ греческой поэзіи не чужда нѣкоторой художественности, хотя въ то же время, ихъ содержаніе и исполнено символизма. И потому, у Грековъ почти не было ни народной поэзіи, ни словесности въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ эти слова; но была художественная поэзія и литература. Ихъ литература, съ самаго начала ея, теряющагося во мракѣ временъ, была національною, а не народною, потому что въ Греціи народъ никогда не составлялъ особеннаго государства въ государствѣ, никогда не былъ *чернью*, и творенія Омира и трагиковъ точно такъ же существовали и для него, какъ и для высшихъ сословій. Въ греческой литературѣ нѣтъ рѣзкой черты, которая бы отдѣляла ихъ младенческую, естественную поэзію отъ художественной; напротивъ въ ней все вытекаетъ одно изъ другого, подобно рѣкѣ, становясь въ своемъ теченіи все шире и шире... Хотя нѣкоторыя изъ новѣйшихъ литературъ то же связаны съ своею естественною поэзіею и развились изъ нея, однакожь эта связь въ нихъ далеко не такъ тѣсна, какъ въ греческой. Если пѣсня, романсъ и баллада—эти чисто-народныя произведенія Европы среднихъ вѣковъ, были началомъ и источникомъ художественной лирической поэзіи въ Европѣ,—то все-же между какимъ-нибудь Байрономъ, Гёте и Шиллеромъ едва-ли есть такъ много общаго съ менестрелями, трубадурами, труверами и бардами, какъ много общаго въ гимнахъ, приписываемыхъ Липу, Музею и Орфею, съ позднѣйшими гимнами Изіода и Омира, съ «Иліадою» и трагиками. Если испанская и англійская драма развились изъ мистерій среднихъ вѣковъ, какъ греческая изъ вакхическихъ праздниковъ, то все-же нѣтъ ничего общаго между этими мистеріями и драмами Шекспира, и по крайней мѣрѣ, очень немного общаго между этими мистеріями и драмами Лопеца-де-Веги и Кальдерона, не говоря уже о французской трагедіи, которая вслѣдствіе ошибочнаго подражанія греческой, пошла совершенно другою дорогою.

Письменность служитъ, хотя и не всегда, естественнымъ переходомъ

отъ словесности къ литературѣ; ею иногда какъ бы оканчивается словесность и начинается литература. Письменность оказываетъ великую услугу словеснымъ произведеніямъ народа, освобождая ихъ отъ непосредственной принадлежности лицамъ и избавляя отъ опасности погибнуть навсегда съ лицами, вслѣдствіе разныхъ случайностей. Но эта услуга не полная, потому-что рукопись такъ-же, въ свою очередь, подвержена вліянію случайностей: можетъ сгорѣть, потонуть, сгнить, затеряться. «Слово о Полку Игоревѣ» дошло до насъ въ единственномъ спискѣ, и то искаженномъ мѣстами до безсмыслицы. А кто поручится, что древняя Русь не имѣла и другихъ поэмъ въ родѣ «Слова о Полку Игоревомъ», которыхъ не сохранила для насъ письменность? Сколько погибло памятниковъ древней литературы Греціи и Рима.

У народовъ, не игравшихъ всемірно-исторической роли, письменность мало, или почти никакихъ услугъ не оказала поэзіи, какъ мы уже говорили объ этомъ выше. Такъ, до насъ дошли только тѣ изъ русскихъ пѣсенъ, которыя сохранились въ памяти народа, хотя и измѣненныя временемъ. Но совсѣмъ другую роль играла письменность у народовъ, которые своею жизнію выразили движеніе всемірно-историческаго духа. Такъ, напримѣръ, когда монархія Александра Македонскаго рушилась, міръ греческой жизни уже отцвѣлъ, и свитокъ рукописи заглушилъ собою живое изустное слово: тогда явилась письменная литература, образовавшая нѣчто цѣлое и единое соединеніемъ въ себѣ произведеній такъ-называемой «Александрійской» или «Неоплатонической школы». Такъ, въ послѣдствіи, творенія отцовъ церкви христіанской, всегда образовывали собою, и на Востокѣ и на Западѣ, отдѣльную литературу, которой развитіе совершилось въ связи и послѣдовательности и которой исторія тѣсно связана съ исторіею человѣчества въ ту великую эпоху.

Существенное и главное различіе между «словесностію» и «литературою» состоитъ въ томъ, что въ «словесности» преобладающимъ интересомъ является *языкъ*, какъ матеріалъ всякаго словеснаго произведенія; а въ «литературѣ» самостоятельный интересъ языка изчезаетъ, подчиняясь другому, высшему интересу — *содержанію*, которое въ литературѣ является преобладающимъ и самостоятельнымъ интересомъ. И потому, если можетъ быть исторія словесности, такъ это въ смыслѣ исторіи развитія языка въ словесныхъ произведеніяхъ народа, безъ отношенія къ ихъ содержанію. А оттого, «словесность» и принимается въ смыслѣ науки, и можно сказать: «учиться словесности». Въ этомъ отношеніи, словесность соприкасается въ своемъ значеніи съ *филологіею*. Но литературѣ нельзя *учиться*, а можно только *изучать* литературу. Словесныя произведенія могутъ разсматриваться со стороны этимологіи, графики, лексикографіи, грамматики, стилистики. Словесныя произведенія народа могутъ раздѣляться по содержанію только внѣшнимъ образомъ, чтобы поэтическіе памятники не смѣшивать съ лѣтописями и памятниками духовной, юридической словесности; но главное и существенное ихъ раздѣленіе бываетъ по эпохамъ, въ которыхъ совершились измѣненія, испытанныя языкомъ въ его развитіи во

времени. Когда же словесныя произведенія разсматриваются со стороны ихъ содержанія, мимо интереса языка, тогда они совершенно выходятъ изъ сферы словесности и поступаютъ въ вѣдѣніе той науки, къ которой относится ихъ содержаніе: такъ, напримѣръ, произведенія духовнаго содержанія отходятъ тогда къ церковной исторіи, лѣтописи и хроники къ политической исторіи, памятники законодательства, судебные и т. п. къ исторіи права, и т. д. Вообще, словесность не разборчива: она принимаетъ въ себя равно и худое и хорошее, и посредственное и превосходное, лишь бы оно выразилось въ словѣ. Литература исключаетъ изъ себя все случайное, и признаетъ своими произведеніями только то, въ чемъ положительно или отрицательно выразилось діалектическое движеніе развивающейся во времени идеи. Поэтому, къ литературѣ относятся даже и такія произведенія, въ которыхъ видно уклоненіе отъ здраваго вкуса и основныхъ законовъ творчества, если только это уклоненіе было не случайное, но или выразило собою, необходимо, вслѣдствіе глубокихъ историческихъ причинъ, родившееся заблужденіе общества или и цѣлаго человѣчества (какъ, напримѣръ, псевдо-классическая поэзія во Франціи XVII и XVIII вѣковъ и морально-романическая школа въ Англіи XVIII вѣка, школа Фильдинга и Ричардсона), или, необходимый переходъ отъ стараго къ новому (какъ, напримѣръ, неистовыя произведенія новѣйшей романтической школы). Напротивъ того, литература исключаетъ изъ себя даже ознаменованныя бо́льшею или меньшею степенью таланта произведенія, если только они, не принадлежа къ высшимъ явленіямъ въ сферѣ искусства, въ то же время не выражаютъ собою духа времени, его господствующей идеи, а потому и лишены всякаго историческаго значенія. Въ область литературы входятъ только родовыя типическія явленія, которыя фактически осуществили собою моменты историческаго развитія. И потому, всякая литература имѣетъ свою исторію, тогда какъ словесность можетъ имѣть только библіографію. Задача всякой *исторіи* состоитъ въ томъ, чтобы подвести многоразличіе частныхъ явленій подъ общее значеніе, открыть въ многоразличіи частныхъ явленій органическую связь, взаимнодѣйствіе и отношенія, и прослѣдить въ послѣдовательности многоразличныхъ явленій развитіе живой идеи, составляющей ихъ душу. Задача *библіографіи* состоитъ только въ томъ, чтобы *описать* каждое изъ данныхъ произведеній словесности, по его содержанію, формѣ, особенностямъ. Библіографія говоритъ просто: такая-то рукопись или книга заключаетъ въ себѣ то-то и то-то, принадлежитъ она къ такому-то вѣку, писана на пергаментѣ, или на бумагѣ, уставомъ, столбцами, или печатана такимъ-то шрифтомъ, въ такую-то долю листа, и т. п. Если библіографія соблюдаетъ какой-нибудь порядокъ, то всегда внѣшній, для удобства употребленія, а не по требованію сущности предмета; она классифицируетъ рукописи и книги, какъ классифицируютъ ихъ каталоги и реестры. По этому, произведенія словесности суть какъ бы тѣни, являющіяся на заклинанія магика; произведенія литературы—живыя, всѣмъ извѣстныя и для всѣхъ равно-доступныя лица, съ опредѣленными именами. Лабораторія словесности—келья монаха, уединеніе мудреца,

залъ пиршества, темный лѣсъ, зеленыя дубравы и широкія поля; оттуда выходили всѣ произведенія ея—хроники, лѣтописи, поученія, легенды, пѣсни, сказки и т. п. Лабораторія литературы—общество съ его интересами и жизнію. Словесность лишена арены: она можетъ интересовать только любознательныхъ ученыхъ, тружениковъ науки, книжниковъ, литераторовъ, которые одни только и могутъ ею заниматься. Литература имѣетъ опредѣленную арену въ книгѣ, журналѣ, театрѣ, трибунѣ; она сама есть родъ сцены, на которой разыгрывается драма передъ лицомъ многочисленнаго собранія, изъявляющаго рукоплесканіями и кликами свое участіе и восторгъ.

Письменность есть средство равно и для словесности и для литературы, сохраняя произведенія первой, и выражая собою движеніе послѣдней. Если въ письменности выражается духъ эпохи и она принимаетъ характеръ не только догматическій, но и полемическій, тогда она бываетъ литературою, или по крайней мѣрѣ служитъ переходомъ отъ словесности къ литературѣ. Разумѣется, это бываетъ только у народовъ, стоящихъ во главѣ человѣчества, и притомъ въ самыя жизненныя эпохи своего историческаго существованія. Такъ было, какъ сказали мы выше, въ первые вѣка христіанской церкви, во время расколовъ и соборовъ; такъ было въ западной Европѣ среднихъ вѣковъ, гдѣ изъ богословской полемики образовалась діалектика, логика и метафизика. Но письменность во всякомъ случаѣ представляетъ для развитія литературы слишкомъ тощую почву и ограниченную сферу, и безъ книгопечатанія новѣйшая литература навсегда бы могла остаться слабымъ растеніемъ, поддерживающимся искусственными средствами. Съ другой стороны, не должно забывать, что у народа, лишеннаго духа всемірно-исторической жизни, и книгопечатаніе не родитъ литературы: будутъ книги и, пожалуй, въ огромномъ количествѣ, но литературы все-таки не будетъ.

Выше сказали мы, что «литература есть выраженіе умственнаго существованія (сознанія) народа въ его словесныхъ произведеніяхъ». Каждый народъ живетъ своею жизнію, а какъ жить не значитъ только родиться, ѣсть, пить и умирать, но и мыслить, знать,—то, слѣдовательно, каждый народъ живетъ и своимъ сознаніемъ, которое есть не что иное, какъ одна изъ многихъ сторонъ сознающаго себя обще-человѣческаго духа. Особенность сознанія, принадлежащаго одному народу и отличающаго его отъ всѣхъ другихъ народовъ, состоитъ въ его міросозерцаніи, въ томъ инстинктивномъ внутреннемъ взглядѣ на міръ, съ которымъ онъ, такъ-сказать, родится, какъ съ непосредственнымъ и только одному ему присущимъ откровеніемъ истины, и который есть его самодвижительная сила, жизнь и значеніе. Міросозерцаніе народа,—это та умственная призма, съ однимъ или нѣсколькими первосущными цвѣтами радуги, сквозь которую онъ созерцаетъ тайну бытія всего сущаго. Народъ есть идеальная личность, у которой, подобно каждому отдѣльному человѣку, своя особенная натура, свой темпераментъ, свой характеръ, словомъ своя *субстанція* (слово, котораго значеніе далеко не вполнѣ можетъ быть выражено словомъ *сущность*). Почему

у того или другого народа именно такая, а не этакая субстанція,—этого такъ же невозможно объяснить, какъ и того, почему одинъ человѣкъ родится съ способностію къ живописи, а не къ музыкѣ, другой—къ математикѣ, а не къ военному искусству, и т. д. Правда, на образованіе субстанціи народа имѣютъ бо́льшее или меньшее вліяніе географическія, климатическія и историческія обстоятельства; но тѣмъ не менѣе очевидно, что первая и главная причина субстанціи всякаго народа, какъ и всякаго человѣка, есть физіологическая, составляющая непроницаемую тайну непосредственно-творящей природы. Субстанція, въ свою очередь, есть прямой и непосредственный источникъ міросозерцанія народа. Изъ міросозерцанія народа возникаетъ животворная идея; развитіе этой идеи въ живой практической дѣятельности составляетъ историческую жизнь народа. Движительнымъ развитіемъ этой идеи народъ живетъ; ею онъ и силенъ, и крѣпокъ, и могущъ, такъ что когда эта идея совершитъ полный кругъ своего развитія—животворный источникъ народной жизни изсякнетъ, народъ теряетъ свою энергію и начинаетъ существовать только внѣшнимъ образомъ, пока какой-нибудь внѣшній же толчекъ не прекратитъ его призрачнаго существованія. Такъ кончилось существованіе Греціи и Рима, когда первая изжила всю свою религіозно-миѳическую и эстетически-гражданственную жизнь, а второй утратилъ энтузіазмъ республиканской доблести. Міросозерцаніе, а слѣдовательно, и субстанціальная идея народа проявляется въ его религіи, въ его гражданственности, въ его искусствѣ и знаніи. Уловить міросозерцаніе какого бы то ни было народа въ краткое и удовлетворительное опредѣленіе чрезвычайно трудно; довольно указать на его присутствіе въ многоразличныхъ проявленіяхъ народнаго сознанія. Въ Индіи, напр., издревле до нашихъ временъ царствуетъ пантеистическое міросозерцаніе, и Богъ понятъ, какъ вѣчно-производящая и вѣчно-разрушающая сила природы. Для Индійца, каждое явленіе природы есть воплощеніе Брамы, и потому для него все въ природѣ выше человѣка, и онъ набожно хранитъ жизнь всякаго животнаго, хотя бы то̀ было насѣкомое, и небрежетъ о своей собственной и своихъ ближнихъ. Погружаться въ созерцаніе совершенствъ Брамы, изчезать въ восторженномъ блаженствѣ этого піэтистическаго созерцанія и духомъ и плотью—цѣль жизни Индійца. И потому-то въ Индіи въ такомъ употребленіи добровольно терзать свою плоть физическими муками, бросаться подъ колеса гигантскаго истукана, сожигаться на кострахъ, и т. п. Это міросозерцаніе отразилось и въ искусствѣ индійскомъ. Неопредѣленное божество, подавляющее бѣднаго человѣка своимъ всесокрушающимъ величіемъ, не могло выразиться иначе, какъ въ храмахъ колоссальныхъ, подобно горамъ, въ гигантскихъ и уродливыхъ истуканахъ. Тоже явленіе повторилось и въ литературѣ: «Махабгарата» и «Рамаяна», по ихъ внѣшней формѣ, огромны, нестройны, завалены эпизодами; по содержанію, исполнены присутствіемъ божества, производящаго и разрушающаго, и человѣкъ въ нихъ съ безусловнымъ самоотверженіемъ поглощается въ деспотической волѣ этого страшнаго божества, изъ-подъ безчисленныхъ образовъ котораго всегда выглядываетъ обоготворенная матерія вселенной. Въ Персіи это

пантеистическое божество отрѣшилось отъ всякой образности, изъ царства видимой природы перешло въ царство духовъ (самодѣйствующихъ и первосущныхъ силъ природы) и распалось на двойственное и враждебное себѣ самому понятіе добра и зла. Въ племенахъ симическихъ, божество, отрѣшившись отъ всякой образности, явилось безплотною и отвлеченною идеею *всесущности*—безличною индивидуальностію. Это міросозерцаніе перешло впослѣдствіи и въ муггамеданство. Но, несмотря на свою духовность, оно есть тотъ же индійскій пантеизмъ, только на высшей степени своего развитія. Въ Египтѣ видна борьба природы съ человѣкомъ: египетское ваяніе коснулось и человѣка, но этотъ человѣкъ лишенъ жизни, связанъ и блещетъ только мертвою правильностію чертъ лица. Часто онъ является тамъ неотдѣленнымъ отъ животнаго, и въ сфинксѣ выразилось торжество египетской фантазіи, не могшей ни оторваться отъ животнаго, ни возвыситься до человѣка. Въ Греціи, въ лицѣ миѳическаго Эдипа, человѣкъ побѣдилъ сфинкса, разгадавъ его загадку, смыслъ который былъ—«человѣкъ», и въ разгадкѣ которой выразилось самосознаніе человѣка: Сфинксъ, отъ стыда и досады бросился въ море, а человѣкъ остался царемъ на землѣ. И потому, если Грекъ очеловѣчилъ божество, выражавшееся на Востокѣ только въ животныхъ образахъ, то и обожествилъ человѣка—и это не въ одномъ изяществѣ благородныхъ формъ его тѣла, но и въ духовномъ стремленіи его къ истинному, прекрасному, доблестному, которое, по понятію Грека, было божественнымъ, хотя въ немъ и отразилась его же собственная человѣческая сущность. Итакъ, по созерцанію Эллина, божественное внѣшняго человѣка состояло въ *красотѣ*, а божественное внутренняго человѣка состояло въ *героизмѣ*, въ смыслѣ борьбы долга съ рокомъ,—и тамъ, гдѣ побѣда оставалась за человѣкомъ, человѣкъ дѣлался выразителемъ и представителемъ божественнаго, а гдѣ человѣческая личность побѣждалась страстью и эгоизмомъ, тамъ *божественное* являлось торжествующимъ въ трагической катастрофѣ падшей нравственно личности. Во всемъ, и въ природѣ, и въ духѣ человѣка, и въ религіи, и въ гражданственности, и въ искусствѣ, Грекъ искалъ и находилъ—божественное и упивался имъ въ блаженномъ созерцаніи. Цѣль жизни для Грека было—наслажденіе, заключавшееся въ одномъ божественномъ. И потому, у Грека самая чувственность была обожествлена чувствомъ красоты и изящества, которыя тѣсно были соединены въ его созерцаніи съ чувствомъ нравственнаго. Жрецъ ли, воинъ ли, администраторъ ли, мудрецъ ли, художникъ ли, гость ли на пиру: Грекъ вездѣ священнодѣйствовалъ, вездѣ былъ актеромъ, который беретъ себѣ роль, чтобы, слившись съ страданіемъ и блаженствомъ героя драмы, насладиться и своимъ съ нимъ единствомъ и своею отъ него особностію въ одно и то же время. Вотъ это-то *міросозерцаніе* и лежитъ въ основѣ каждаго художественнаго произведенія греческаго, а слѣдовательно, и въ греческой литературѣ, лежитъ въ ихъ основѣ, какъ мысль затаенная, но тѣмъ не менѣе ясная и ощутительная, какъ національный мотивъ, по которому узнаютъ музыку того или другого народа во всѣхъ его пѣсняхъ. И это-то міросозерцаніе и составляетъ то вѣчное и не-

преходящее, тò божественное греческой литературы, которое и сдѣлало ее общимъ достояніемъ человѣчества, несмотря на измѣненіе нравовъ и понятій, въ теченіе тысячелѣтій, которое пережило эмпирическое существованіе Грековъ и умретъ только съ человѣчествомъ, если человѣчество можетъ умереть. Въ греческомъ міросозерцаніи мы видимъ торжество развитія древняго міра, видимъ въ ней цвѣтомъ тò, чтò въ Индіи было корнемъ, въ Египтѣ стеблемъ и листьями. По этому самому, даже искусство и литература Индійцевъ имѣютъ всемірно-историческое значеніе, какъ выраженіе ступени всемірно-историческаго развитія. Египтяне оставили памятники своего интеллектуальнаго существованія преимущественно въ зодчествѣ и ваяніи, въ громадной нескладности и животныхъ типахъ которыхъ выразилось окончательное обожествленіе природы и порываніе къ идеѣ человѣка. И потому египетское искусство тоже имѣетъ всемірно-историческое значеніе. Но несравненно выше ихъ всемірно-историческое значеніе греческаго искусства и греческой литературы, въ которыхъ все, чтò въ другихъ древнихъ народахъ проявлялось неопредѣленно, разрозненно, чудовищно, явилось опредѣленно, полно и изящно.

Пантеистическое міросозерцаніе, отправившееся отъ Индіи, черезъ Персію, къ симическимъ племенамъ и принявшее отвлеченно-духовный характеръ, миновало Грецію, и перешло въ Европу среднихъ вѣковъ, преображенное христіанствомъ; а въ Азіи преобразовалось въ магометанство. Нѣтъ нужды доказывать, что священная литература Евреевъ имѣетъ всемірно-историческое значеніе; но должно сказать, что поэзія восточныхъ народовъ, какъ до исламизма, такъ и во время его владычества, имѣетъ свое всемірно-историческое значеніе въ той мѣрѣ, въ какой выражается въ ней пантеистическое міросозерцаніе. Въ Европѣ новыхъ временъ, по исходѣ среднихъ вѣковъ, геній Востока, развивавшійся мимо Греціи, снова встрѣтился съ древне-европейскимъ міромъ, черезъ знакомство съ литературами Греціи и Рима.

У Римлянъ, какъ у народа, по-преимуществу практически-дѣятельнаго, не могло развиться ни самостоятельной поэзіи, ни самобытной литературы: литература ихъ есть подражаніе греческой, и явилась у нихъ при крутомъ поворотѣ римской жизни къ упадку и гніенію. Латинская литература преимущественно заключается въ рѣчахъ ораторовъ и въ историческихъ твореніяхъ, которыхъ характеръ болѣе риторическій, какъ оно и должно было быть у народа общественнаго, гдѣ краснорѣчіе имѣло характеръ судебный и политическій. Истинная латинская литература, т. е. національная и самобытная латинская литература, заключается въ Тацитѣ и сатирикахъ, изъ которыхъ главнѣйшій—Ювеналъ. Эта литература, явившаяся въ эпоху крайняго разложенія стихій общественной жизни Римлянъ, имѣетъ высокое значеніе высшаго нравственнаго суда надъ сгнившимъ въ развратѣ обществомъ, чтò и даетъ ей попреимуществу всемірно-историческое, а слѣдовательно, и никогда не умирающее значеніе. Литература же великаго и цвѣтущаго Рима преимущественно заключается въ его законодательствѣ.

На позорищѣ новаго міра три націи представляютъ въ своемъ лицѣ современное намъ человѣчество—Франція, Германія и Англія. Прежде нихъ вышедшая на поприще всемірно-исторической дѣятельности, Италія уже какъ бы умерла въ настоящее время и въ летаргическомъ усыпленіи, съ тоскою, тщетно ожидаетъ своего возрожденія для будущаго. Мы говоримъ—не о политическомъ, а о нравственномъ, духовномъ существованіи народовъ. Италія, по разрушеніи Рима варварами, никогда не играла сколько-нибудь значительной роли въ политическомъ мірѣ, и только хитростію отдѣлывалась отъ многочисленныхъ враговъ, и съ сѣвера и съ юга безпрестанно наводнявшихъ собою ея прекрасную почву. Германія и теперь не одно государство, не одинъ народъ, а множество государствъ и народовъ, и въ политическомъ мірѣ, не Германія, а Пруссія и Австрія играютъ теперь первостепенныя роли. Но предметъ нашего изслѣдованія—не Пруссія, и еще менѣе Австрія, а Германія, или, лучше сказать, духъ германскаго племени, его нравственное, а не политическое владычество въ современномъ мірѣ. И вотъ, въ этомъ-то отношеніи, Италія—страна мертвая въ наше время. А какую блестящую роль играла она еще въ то время, когда вся остальная Европа была погружена во мракѣ варварства! Еще тогда въ ней была уже цивилизація—отблескъ наслѣдованной ею классической цивилизаціи, утонченность нравовъ, наука и искусство. Въ XIII и XIV столѣтіяхъ, какъ мы уже говорили объ этомъ выше, Италія имѣла уже Данта, Петрарку и Боккаціо; въ XVI, Аріоста и Тасса; но не этимъ только ограничивалось владычество Италіи въ сферѣ искусства: Италія—отечество зодчества, живописи, скульптуры, музыки. Нѣтъ никакой нужды приводить здѣсь имена ея великихъ художниковъ: они такъ извѣстны всѣмъ. Итальянецъ, это—или артистъ, или диллетантъ уже по самой натурѣ своей; онъ родится или артистомъ, или диллетантомъ. Гондольеръ, въ Италіи, поетъ октавы Тасса, народъ апплодируетъ при появленіи на улицѣ какого-нибудь знаменитаго маэстро. Путешественники всѣхъ странъ не могутъ не удивляться правильной и благородной красотѣ римскаго простонародья, искусству римскаго крестьянина драпироваться своимъ бѣднымъ плащомъ и принимать живописныя позы во всѣхъ его положеніяхъ. Земля священныхъ развалинъ, почва, усѣянная памятниками и обломками древняго искусства, царство благодатной и роскошной природы, вся прелесть, вся наслажденіе, вся восторгъ и вдохновеніе,—поэтическая, живописная и пѣвучая Италія, въ артистическомъ отношеніи, была наслѣдницею древней Греціи. Она царила въ области изящнаго, въ области вкуса. Что было этому причиною, если не субстанція народа? Скажутъ: это направленіе произвели обстоятельства, видъ памятниковъ древняго искусства, непосредственное наслѣдіе древней цивилизаціи. Но почему же Римляне, ограбившіе Грецію произведеніями ея искусства, почему они, несмотря на то, по-прежнему остались народомъ безъ эстетическаго вкуса, безъ всякой способности къ творчеству, потому что всѣ, даже позднѣйшія произведенія древняго рѣзца, уже ознаменованныя признаками упадка искусства, были дѣломъ рукъ Грековъ, пріѣзжавшихъ или переселявшихся въ Римъ? Чтобы Италія сдѣ-

лалась отчизною искусствъ, римской крови нужно было возродиться черезъ смѣшеніе съ кровію Готѳовъ и Лонгобардовъ...

Другая роль въ человѣчествѣ суждена Французамъ, Нѣмцамъ и Англичанамъ—этимъ тремъ національностямъ, идущимъ теперь во главѣ человѣчества. Германія и Франція представляютъ собою два противоположные полюса, двѣ противоположныя крайнія стороны духа человѣческаго: первая, вся — мысль, вся—созерцаніе, вся—знаніе, вся—мышленіе; вторая, вся—страсть, вся—движеніе, вся—дѣятельность, вся—жизнь. Германія понимаетъ (созерцаетъ) природу и человѣка, словомъ—дѣйствительность, понимаетъ ее не иначе, какъ предметъ для сознанія,—и отсюда мыслительно-созерцательный, субъективно-идеальный, восторженно-аскетическій, отвлеченно-ученый характеръ ея искусства и науки. Оттого, и само искусство ея не что̀ иное, какъ параллель философіи, какъ особенная форма созерцательнаго мышленія, и оттого же и всемірно-историческій характеръ произведеній ея литературы—и науки и поэзіи. Отсюда же проистекаетъ и яркая противоположность между высокимъ, всемірно-историческимъ значеніемъ Нѣмцевъ въ наукѣ и искусствѣ, и ихъ пошлостію въ гражданскомъ и семейственномъ быту. Франція, напротивъ, понимаетъ жизнь какъ жизнь, а мысль какъ дѣятельность, какъ развитіе общественности, какъ приложеніе къ обществу всѣхъ успѣховъ науки и искусства. Для Нѣмца, наука и искусство—сами себѣ цѣль, самостоятельная и священная сфера, которую значило бы профанировать, внося въ нее что-нибудь отъ міра, или требуя отъ нея вмѣшательства въ дѣла жизни; для Француза, наука и искусство — средства для общественнаго развитія, для отрѣшенія личности человѣческой отъ тяготящихъ и унижающихъ ее оковъ преданія и временныхъ (а не вѣчныхъ) общественныхъ отношеній. И вотъ причина, почему литература французская имѣетъ такое огромное вліяніе на всѣ образованные и даже полуобразованные народы міра; вотъ почему даже ея летучія, эфемерныя произведенія пользуются такою всеобщностію, такою повсюдною извѣстностію. Нѣмецъ бьется только изъ того, чтобы понять истину, а поймутъ ли его самого, — объ этомъ онъ мало заботится; онъ пишетъ для тружениковъ истины, готовыхъ добиваться ея въ потѣ лица, для ученыхъ; людей просто, общества онъ знать не хочетъ. Отсюда туманность, неуклюжесть, и часто педантизмъ нѣмецкаго способа писать и выражаться. Французъ, по-преимуществу человѣкъ общительный и общественный, исполненный симпатіи къ людямъ и обществу, прежде всего заботится о томъ, чтобы его поняли всѣ, и скорѣе рѣшится пожертвовать глубокостію мысли, лишь бы только быть понятымъ, нежели заслужить упрекъ въ темнотѣ изложенія, оставаясь глубокомысленнымъ. Оттого, Нѣмцы изъ самыхъ популярныхъ предметовъ умѣютъ сдѣлать родъ элевзинскихъ таинствъ; а Французы, изъ самыхъ отвлеченныхъ и сухихъ предметовъ умѣютъ сдѣлать общедоступный и увлекательный предметъ знанія. Положите Нѣмца въ тиски, — ему и въ нихъ будетъ хорошо, если онъ пойметъ ихъ механизмъ и переведетъ ихъ значеніе на языкъ науки; Французу всегда тѣсно и на просторѣ, потому-что для него жить

значитъ безпрестанно расширять горизонтъ жизни. Нѣмецъ сознаетъ дѣйствительность; Французъ творитъ ее. Нѣмецъ любитъ знаніе о человѣкѣ; Французъ любитъ человѣка. Особенность каждаго изъ народовъ рѣзко выражается въ ихъ литературѣ, и эта-то особенность и даетъ литературѣ каждаго изъ нихъ всемірно-историческое значеніе. Примиреніе и взаимное проникновеніе нѣмецкаго и французскаго элементовъ, если оно произойдетъ, какъ и должно ожидать этого, никогда не изгладитъ ни особенности, ни самостоятельности той и другой литературы, но придастъ имъ еще бо́льшее всемірно-историческое значеніе и будетъ истиннымъ торжествомъ для человѣчества [581]).

Гораздо труднѣе характеризовать и опредѣлить всемірно-историческое значеніе англійской націи и ея литературы. Англійская національность доселѣ представляетъ собою зрѣлище самыхъ поразительныхъ противоположностей. Всегда живя и дѣйствуя внѣ человѣчества, погруженная въ свой національный эгоизмъ, Англія тѣмъ не менѣе служитъ человѣчеству, заботясь только о собственныхъ выгодахъ на чужой счетъ. Распространяя свою всемірную торговлю, а для этого, распространяя свои завоеванія на всемъ земномъ шарѣ, она по всему лицу его разноситъ сѣмена европейской цивилизаціи. Опередивши всю Европу въ общественныхъ учрежденіяхъ, на совершенно-новыхъ основаніяхъ, Англія, въ то же время, упорно держится феодальныхъ формъ и чтитъ букву закона, потерявшаго смыслъ и давно замѣненнаго другимъ. Политическое и религіозное ханжество Англичане считаютъ своею обязанностію, своею добродѣтелью, потому-что она имъ полезна, какъ опора ихъ statu quo. Нигдѣ индивидуальная, личная свобода не доведена до такихъ безграничныхъ размѣровъ, и нигдѣ такъ не сжата, такъ не стѣснена общественная свобода, какъ въ Англіи. Нигдѣ нѣтъ ни такого чудовищнаго богатства, ни такой чудовищной нищеты, какъ въ Англіи. Нигдѣ такъ не прочны общественныя основы какъ въ Англіи, и нигдѣ, какъ въ ней же, не находятся онѣ въ такой опасности ежеминутно разрушиться, подобно черезчуръ крѣпко натянутымъ струнамъ инструмента, ежеминутно готовымъ лопнуть. Народъ по преимуществу практическій, промышленный, торговый, мануфактурный, словомъ, утилитарный, Англичане сильны въ положительныхъ наукахъ, особенно въ ихъ примѣненіи къ практикѣ; философія же и вообще всѣ умозрительныя знанія, находятся въ Англіи въ самомъ жалкомъ положеніи [582]). Но плохіе и ничтожные мыслители, Англичане обладаютъ такою художественною литературою, которую скорѣе можно поставить выше, нежели ниже всякой другой европейской литературы. Что же, какая же сторона англійской національности преимущественно отразилась въ англійской литературѣ? Трудно сказать это. Читая Шекспира и Вальтеръ-Скотта, видишь, что такіе поэты могли явиться только въ странѣ, которая развилась подъ вліяніемъ страшныхъ политическихъ бурь, и еще болѣе внутреннихъ, чѣмъ внѣшнихъ; въ странѣ общественной и практической, чуждой всякаго фантастическаго и созерцательнаго направленія, діаметрально-противоположной восторженно-идеальной Германіи, и въ то же время, родственной ей по глубинѣ своего

духа. Читая Байрона, видишь въ немъ поэта глубоко-лирическаго, глубоко-субъективнаго, а въ его поэзіи энергическое отрицаніе англійской дѣйствительности; и въ то же время, въ Байронѣ все-таки нельзя не видѣть Англичанина и притомъ лорда, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и демократа. Страна всеобщаго тартюфства, Англія имѣла историка Гиббона. Сколько противорѣчій! Но изъ этихъ-то противорѣчій и вышелъ тотъ мрачный титаническій юморъ, который составляетъ характеристическую черту англійской литературы, рѣзко-отличающую ее отъ всѣхъ другихъ литературъ. Англія—отечество юмора, который теперь болѣе или менѣе привился ко всѣмъ европейскимъ литературамъ, и который составляетъ могущественнѣйшее орудіе духа отрицанія, разрушающаго старое и приготовляющаго новое. Англійскій юморъ есть искупленіе національной англійской ограниченности въ настоящемъ, и залогъ ея будущаго выхода изъ ограниченности [583]).

Впрочемъ, всемірно-историческое значеніе литературы есть только высшая степень ея достоинства, но не есть необходимая принадлежность. Могутъ быть литературы и безъ всемірно-историческаго значенія, но органически развившіяся и имѣющія свою исторію. Только важность подобной литературы гораздо значительнѣе для того народа, которому она принадлежитъ, нежели для другихъ народовъ. Всемірно-историческое значеніе литературы даетъ ей интересъ общій, дѣлаетъ ее извѣстною всѣмъ народамъ; тогда какъ кругъ вліянія и очевидность важности литературы, не имѣющей всемірно-историческаго значенія, ограничивается предѣлами выражаемой ею національности. Таковы литературы: шведская, голландская, польская, богемская. Онѣ могутъ блестѣть именами знаменитыхъ талантовъ, но интересны онѣ, болѣе или менѣе, только именно произведеніями этихъ талантовъ, а не совокупностью всѣхъ своихъ произведеній. Такъ извѣстны въ Европѣ имена Эленшлегера, Тегнера, Мицкевича; сочиненія ихъ даже переводятся на иностранные языки; но за то, кромѣ этихъ писателей, болѣе никто не извѣстенъ за предѣлами своего отечества. Итакъ по одному знаменитому имени на каждую литературу! А между-тѣмъ, въ каждой изъ этихъ литературъ есть много писателей даровитыхъ и замѣчательныхъ, хотя не столь знаменитыхъ, какъ тѣ, которыхъ мы назвали; но вліяніе и значительность этихъ талантовъ важны только у себя дома. Они оказали услуги, можетъ-быть, весьма большія, своему языку, своей литературѣ, своему отечеству, но не человѣчеству, и потому ихъ знаетъ и чествуетъ только ихъ отечество; человѣчество же не хочетъ и не можетъ ихъ знать.

Но чтобы литература и для своего народа была выраженіемъ его сознанія, его интеллектуальной жизни,—необходимо, чтобъ она была въ тѣсной связи съ его исторіею и могла служить объясненіемъ ей, необходимо, чтобы она развилась органически и имѣла свою исторію. Безъ этихъ условій, каково бы ни было количество книгъ на языкѣ того или другого народа, — оно доказываетъ только то, что у этого народа существуетъ книгопечатаніе и процвѣтаютъ типографіи; но совсѣмъ не то, чтобы у него была литература. Бо̀льшее или мень-

шее число писателей, даже съ замѣчательными дарованіями, также доказываетъ только то, что у народа есть люди, которые нашли свои причины и побужденія составлять и издавать въ свѣтъ книги; но опять-таки совсѣмъ не то, чтобы у него была литература. Еще менѣе можетъ служить доказательствомъ существованія литературы книжная торговля: она доказываетъ только существованіе въ народѣ болѣе или менѣе значительнаго числа грамотныхъ людей, которымъ надобно же что-нибудь читать, хотя отъ скуки и для разсѣянія, или по незнанію иностранныхъ языковъ, или по особой симпатіи ко всему родному, отечественному. Подобными чисто-внѣшними доводами нельзя доказать существованія литературы у того или у другого народа. Правда, безъ книгъ, безъ писателей и безъ читателей невозможна никакая литература, какъ невозможенъ театръ безъ сцены, безъ репертуара, безъ актеровъ и публики; но только одни книги, писатели и читатели, еще не составляютъ собою литературы: ее производитъ духъ народа, выражающійся въ его исторіи, и потому литературу можетъ имѣть народъ, существующій не эмпирически только, но и нравственно, духовно, развивающій своею жизнію какую-нибудь сторону обще-человѣческаго духа, словомъ, народъ, который существуетъ по праву, необходимо, а не случайно.

Было время, когда мы, Русскіе, имѣли огромную литературу, которая не только не уступала ни одной изъ извѣстныхъ литературъ древняго и новаго міра, но и далеко превосходила и каждую изъ нихъ порознь и всѣ вмѣстѣ. Тредьяковскій «полезными своими трудами пріобрѣлъ себѣ безсмертную славу». Ломоносовъ былъ «Малербъ нашихъ странъ и Пиндару подобенъ», кромѣ того,

Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ.

Сумароковъ «различныхъ родовъ стихотворными и прозаическими сочиненіями пріобрѣлъ себѣ великую и безсмертную славу не только отъ Россіянъ, но и отъ чужестранныхъ академій и славнѣйшихъ европейскихъ писателей, и хотя первый онъ изъ Россіянъ началъ писать трагедію по всѣмъ правиламъ театральнаго искусства, но столько успѣлъ въ оныхъ, что заслужилъ названіе *сѣвернаго Расина;* его еклоги равняются знающими людьми съ виргиліевыми и поднесь еще остались неподражаемы; а притчи его почитаются сокровищемъ россійскаго парнаса, и въ семъ родѣ стихотворенія далеко превосходитъ онъ Федра и де ла Фонтена, славнѣйшихъ въ семъ родѣ» [584]). Петровъ побѣдилъ въ своихъ одахъ Пиндара. Хераскову не нанесутъ вреда зоилы: Владиміръ и Іоаннъ покроютъ его щитомъ и проведутъ въ храмъ безсмертія.

Херасковъ нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни брани,
Россіи торжество, паденіе Казани.

Державинъ—сѣверный Пиндаръ, Горацій и Анакреонъ, далеко превзошедшій южныхъ—Пиндара, Горація и Анакреона. Богдановичъ, въ своей «Душенькѣ» побѣдилъ Лафонтена. Но мы бы долго не кончили, если бы стали исчислять

всѣхъ русскихъ поэтовъ и писателей, которые превзошли и побѣдили поэтовъ и писателей всего міра. Такъ дѣтски тѣшили свое самолюбіе неразвившійся вкусъ и неопытная критика. Подобное направленіе общественнаго мнѣнія въ пользу русской литературы, впрочемъ, было болѣе полезно, нежели вредно, потому что это невинное самообольщеніе рождало въ пишущихъ людяхъ охоту къ литературнымъ трудамъ, а въ публикѣ—охоту читать ихъ литературные труды. Въ свое время, это самообольщеніе начало проходить, потому-что стали являться вольнодумцы, которые вооружились противъ незаслуженныхъ и преувеличенныхъ авторитетовъ. Въ своемъ мѣстѣ мы покажемъ заслугу этихъ смѣльчаковъ. Но рѣшительная потребность сознанія значенія и важности русской литературы, истинной оцѣнки заслугъ русскихъ писателей обнаружилась не болѣе какъ лѣтъ десять назадъ тому. Вдругъ, къ изумленію однихъ, къ оскорбленію другихъ, раздался смѣло предложенный вопросъ: «есть ли русская литература? существуетъ ли русская литература?» Разумѣется тотъ, кто первый предложилъ этотъ вопросъ, тогда же рѣшилъ его отрицательно, невольно увлекшись сомнѣніемъ, которое имъ первымъ было высказано. И хотя отрицательное рѣшеніе этого вопроса было ошибочно, однако оно принесло большую пользу, возбудивши споры *за и противъ* и заставивши всѣхъ не шутя подумать о томъ, о чемъ они такъ утвердительно говорили по привычкѣ, и безпристрастнѣе разсмотрѣть слишкомъ восторженно признанныя заслуги писателей. Результатомъ этихъ споровъ и изслѣдованій было сознательное признаніе существованія русской литературы, но только въ ея дѣйствительныхъ размѣрахъ, въ ея дѣйствительной важности. Но доселѣ такое признаніе существовало только какъ журнальное мнѣніе, отрывочно и по временамъ высказывавшееся по разнымъ случайнымъ поводамъ, и болѣе или менѣе отзывавшееся въ публикѣ; но еще не было предметомъ отдѣльнаго сочиненія, въ которомъ идеи были бы оправданы исторически-критическимъ изложеніемъ фактовъ литературы, а въ фактахъ была бы прослѣжена оживляющая ихъ идея. Вотъ задача, рѣшеніе которой составляетъ содержаніе книги, которая, подъ именемъ «Критической исторіи Русской Литературы» предлагается теперь благосклонному вниманію читателя [585]).

Несмотря на подражательность и ея неизбѣжный результатъ—риторизмъ русской литературы, отъ Ломоносова до Пушкина; несмотря на то, что и отъ Пушкина до настоящей минуты, содержаніе русской литературы довольно скудно и большею частію состоитъ изъ идей, возникшихъ и развившихся не на туземной почвѣ; несмотря на то, что сумма произведеній русской литературы, ознаменованныхъ печатію сильнаго самобытнаго таланта и блистающихъ не относительными, а безусловными достоинствами, очень не велика; несмотря на то, что масса читающей русской публики ничтожна въ сравненіи съ массою нечитающей публики, что даже эта небольшая читающая публика раздѣляется и подраздѣляется на множество различныхъ и дробныхъ сторонъ, почти не связанныхъ одна съ другою, и что самая высшая литературная публика у насъ до сихъ поръ состоитъ преимущественно изъ самихъ же литераторовъ, которые,

въ свою очередь, несмотря на свою малочисленность, тоже раздѣляются на множество почти ничѣмъ не связанныхъ между собою котерій,—несмотря на все это, существованіе русской литературы есть фактъ, неподверженный никакому сомнѣнію. Но дѣйствительность этого факта очевидна только тогда, когда на русскую литературу будутъ смотрѣть какъ на міръ, хотя не большой, но существующій по своимъ собственнымъ законамъ и развивающійся своимъ собственнымъ путемъ. Оттого и могло родиться сомнѣніе въ существованіи русской литературы, что на нее хотѣли смотрѣть, какъ, напр., на древне-греческую и латинскую и новѣйшую французскую литературы, сравнивали ее съ ними, требовали отъ нея непремѣнно тѣхъ же явленій, какими были ознаменованы эти литературы; и поэтому нашихъ поэтовъ называли русскими Гомерами, Виргиліями, Пиндарами, Гораціями, Анакреонами, Федрами, Лафонтенами, Расинами, потомъ—Шиллерами, Байронами и т. д. Начало и развитіе русской литературы совершенно особенное, не имѣющее себѣ примѣра ни въ одной литературѣ міра, также какъ и развитіе русскаго народа. И вотъ здѣсь-то является, во всей своей очевидности, та истина, что литература есть выраженіе жизни своего народа, и что исторія литературы тѣсно слита съ исторіею народа. Всемірно-историческаго значенія русская литература никогда не имѣла и теперь имѣть не можетъ. Россійская имперія, созданная Петромъ Великимъ, имѣетъ теперь всемірно-историческое значеніе въ политическомъ смыслѣ, занимая почетное мѣсто между первостепенными державами Европѣ и оказывая могущественное вліяніе на весь политическій міръ. Но Россія, но народъ русскій, находятся еще въ одномъ изъ первыхъ моментовъ процесса своего только-что начинающагося развитія; они не успѣли еще установиться и опредѣлиться, вырости до самихъ себя—и потому не могутъ претендовать на умственное всемірно-историческое значеніе въ современномъ человѣчествѣ. Что Россіи готовится великое будущее, что русское племя носитъ въ себѣ плодотворное зерно субстанціальной жизни, которое нѣкогда должно развиться въ величественное, широколиственное дерево,—такое предположеніе и теперь не чуждо достовѣрности; но въ чемъ будетъ состоять это великое будущее, какое міросозерцаніе разовьется изъ субстанціи русскаго народа, даже въ чемъ именно состоитъ субстанція его духовной природы,—этого теперь опредѣлить нельзя, а фантазировать объ этомъ и безплодно и нелѣпо. Русскій народъ, въ этомъ отношеніи, похожъ на геніальнаго ребенка: его физіономія уже значительна и обѣщаетъ много въ будущемъ, но дѣтскимъ чертамъ его лица еще не достаетъ опредѣленности, и по нимъ еще нельзя сказать, по какой дорогѣ и какъ именно пойдетъ это геніальное дитя, когда сдѣлается взрослымъ человѣкомъ. И потому, намъ должно пока отказаться отъ всякихъ притязаній сравнивать и равнять русскую литературу съ французскою, нѣмецкою или англійскою;—хотя, въ то же время, нельзя сказать, чтобы мы вовсе лишены были права сравнивать, равнять (и даже иногда ставить выше) иныя отдѣльныя произведенія нашей литературы тоже съ отдѣльными произведеніями другихъ литературъ; но въ отношеніи чисто-художественномъ, а не

философско-историческомъ. Наша литература исполнена большого интереса, но только для насъ, Русскихъ, потому-что въ ней выразилось наше собственное развитіе, общественное и человѣчественное. Другими словами: наша литература имѣетъ для насъ великое значеніе не въ одномъ эстетическомъ, но еще болѣе въ историческомъ значеніи.

Русская литература тѣмъ отличается отъ всѣхъ другихъ литературъ, что она не возникла самобытно и непосредственно изъ почвы народной жизни, но была результатомъ крутой общественной реформы, плодомъ искусственной пересадки. И потому, она сперва была подражательною и риторическою, бѣдною содержаніемъ, скудною жизнію. Еслибы она навсегда осталась такою, она была бы не литературою, а книжничествомъ, и не заслуживала бы никакого вниманія. Но въ отношеніи къ нашей литературѣ, можетъ-быть больше, нежели во всякомъ другомъ отношеніи, и обнаружилась вся плодовитость и жизненность искусственной реформы Петра Великаго. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить поэта Ломоносова съ поэтомъ Пушкинымъ, сатирика Фонвизина съ юмористическимъ поэтомъ Гоголемъ: какая безконечная разница! Кажется, между этими людьми легли цѣлые вѣка, тогда какъ ихъ едва раздѣляетъ одно столѣтіе! И это развитіе подражательной и риторической, школьной и книжной поэзіи въ самобытную и художественную, живую и доступную обществу, совершилось постепенно, органически. Державинъ уже болѣе поэтъ, нежели Ломоносовъ; Озеровъ болѣе поэтъ, нежели Сумароковъ и Княжнинъ; за баснописцами даровитыми, но подражательными—Хемницеромъ и Дмитріевымъ, является геніальный и народный баснописецъ Крыловъ; Карамзинъ, преобразовавъ ломоносовскую прозу, приближаетъ ее къ естественной русской рѣчи, и прививаетъ къ русской литературѣ элементы изящнаго французскаго публицизма, а Дмитріевъ роднитъ русскую поэзію съ духомъ и манерою изящной свѣтской поэзіи Французовъ, и оба они далеко опереживаютъ своихъ предшественниковъ въ легкости языка и даже въ поэтическомъ выраженіи стиха; Жуковскій прививаетъ къ русской поэзіи романтическіе элементы германской и англійской поэзіи; Батюшковъ вноситъ въ русскую поэзію элементы пластически-художественнаго созерцанія жизни и ея выраженія, въ духѣ древне-классической поэзіи,—и оба они далеко опереживаютъ Карамзина и Дмитріева въ фактурѣ стиха, не говоря уже о поэзіи выраженія. За ними, наконецъ, является Пушкинъ, поэтъ и художникъ по-преимуществу, окончательно преобразовываетъ языкъ русской поэзіи, возведя его на высочайшую степень художественности,—и съ нимъ первымъ является въ русской литературѣ искусство, какъ искусство, поэзія—какъ художественное творчество. Въ Пушкинѣ вся предшествовавшая ему изящная литература русская; прежде, чѣмъ онъ сталъ самобытнымъ и національнымъ поэтомъ-мастеромъ, онъ былъ поклонникомъ и ученикомъ предшествовавшихъ ему поэтовъ, и все сдѣланное ими усвоилъ въ свою собственность, явивши красоты и достоинства, которыхъ они не являли, и не повторивши ихъ недостатковъ. И потому, есть живая, органическая связь между Ло-

моносовымъ и Пушкинымъ, какъ между причиною и ея слѣдствіемъ. И вотъ эта-то живая, органическая послѣдовательность развитія русской литературы и даетъ ей столько же права называться «литературою», сколько и тѣ яркіе, даже великіе, хотя немногіе таланты, которыми по справедливости она можетъ гордиться, и больше всего удостовѣряетъ въ ея существенномъ достоинствѣ въ настоящее время и въ ея способности пріобрѣсти нѣкогда всемірно-историческое значеніе. Прежде русская литература подражала буквѣ иностранной, учась словесному выраженію; послѣ она стала усвоять себѣ элементы различныхъ національностей Европы, и это усвоеніе, долженствующее обогатить и сдѣлать ее многосторонпею, еще и теперь продолжается и еще будетъ продолжаться. Къ особеннымъ свойствамъ русскаго народа, принадлежитъ его способность, проистекающая изъ его положенія къ Европѣ, усвоять себѣ все чуждое, ничѣмъ не увлекаясь, ничему не покоряясь исключительно. Только въ недавнее время началось сближеніе между собою французской и германской національности, но и теперь еще такъ трудно для Француза понять Нѣмца, а для Нѣмца—понять Француза. Русскій легко понимаетъ обоихъ ихъ и легко понимаетъ, отчего такъ трудно имъ понять другъ друга; но самъ отъ этого не дѣлается ни Французомъ, ни Нѣмцемъ. Короче: русскій человѣкъ еще не живетъ, а только запасается средствами на жизнь, беря ихъ вездѣ и всюду, гдѣ ни встрѣтитъ,— и видно, богата должна быть его жизнь въ будущемъ, если для нея ему нуженъ такой огромный запасъ!

Очень понятно, отчего родился у насъ вопросъ: существуетъ ли русская литература! Его произвели, съ одной стороны, ребячество нашего литературнаго самообольщенія, которое во всякомъ русскомъ писателѣ хотѣло видѣть то Гомера, то Пиндара; съ другой стороны, односторонняя точка зрѣнія на русскую литературу. Если смотрѣть только съ художественной точки зрѣнія на нашихъ старыхъ писателей, то не только какіе-нибудь Сумароковъ, Херасковъ и Петровъ, даже Ломоносовъ—мало того—самъ Державинъ лишится почти всего своего значенія и перестанетъ казаться не только великимъ, даже замѣчательнымъ явленіемъ въ области русской поэзіи. Но исключительно эстетическая точка зрѣнія, какъ всякая односторонность, всегда доводитъ до ложныхъ заключеній: и потому, при сужденіи о литературѣ, кромѣ эстетической точки зрѣнія, нужна еще и историческая. И вотъ съ этой послѣдней точки зрѣнія, не только Державинъ—и Ломоносовъ получаетъ великое значеніе въ русской литературѣ, не только какъ писатель вообще, но и какъ поэтъ. Даже Сумароковъ, Херасковъ и Княжнинъ, которыхъ такъ легко совершенно уничтожить съ эстетической точки зрѣнія,—съ исторической, напротивъ, получаютъ полное оправданіе, и являются, въ русской литературѣ, именами замѣчательными и почтенными. Эти трудолюбивые люди, своею дѣятельностью, хотя и ошибочною, размножали на Руси книги, а черезъ книги—читателей, распространяли въ обществѣ охоту и страсть къ благороднымъ умственнымъ наслажденіямъ литературою и театромъ,—и такимъ образомъ, мало по малу, приготовили для

Карамзина возможность образовать въ обществѣ публику для русской литературы. Не смотря на то, что эта публика еще и теперь слишкомъ не многочисленна въ сравненіи съ массою цѣлаго общества и тѣмъ болѣе съ массою всего народа, и что, при ея малочисленности, она поражаетъ взоръ наблюдателя разнохарактерностію, пестротою и противорѣчіемъ своихъ вкусовъ, понятій и требованій,—не подлежитъ никакому сомнѣнію, что у насъ есть уже и публика, такъ же, какъ есть и литература. Это доказывается, тѣмъ, что бездарность, мелочная талантливость и ложная оригинальность пользуются у насъ только мгновеннымъ, хотя иногда и сильнымъ успѣхомъ, тогда-какъ истинный талантъ, истинная геніальность скоро оцѣниваются, оказываютъ на публику огромное вліяніе и пріобрѣтаютъ прочную извѣстность, прочную славу. Пушкинъ, при своемъ появленіи, былъ встрѣченъ и восторгомъ и негодованіемъ, но первый скоро одержалъ верхъ, и скоро геніальность Пушкина безусловно была признана всѣмъ обществомъ. «Горе отъ Ума» Грибоѣдова еще въ рукописи было прочитано всею Россіею. Лермонтовъ, при первомъ своемъ появленіи на литературномъ поприщѣ, обратилъ на себя изумленные взоры всего общества, и несмотря на свою преждевременную кончину, остался во мнѣніи публики великимъ поэтомъ. Но никто изъ русскихъ писателей не возбуждалъ такого общаго и такого энергическаго негодованія, и никто изъ нихъ съ такимъ блескомъ и торжествомъ не побѣдилъ его, какъ Гоголь. Встрѣченный съ энтузіазмомъ только немногими голосами, во всѣхъ остальныхъ возбудилъ онъ ропотъ оскорбленія и негодованія, очень естественный и понятный по духу сочиненій Гоголя и по отношенію ихъ къ обществу; но—удивительное дѣло!—съ равною жадностію былъ онъ читаемъ и перечитываемъ какъ своими почитателями, такъ и своими хулителями. Наконецъ, истина взяла свое, и общественное мнѣніе торжественно признало Гоголя великимъ національнымъ поэтомъ. Такихъ примѣровъ, доказывающихъ, что все истинное, все живое скоро пріобрѣтаетъ симпатію и признаніе русской публики, очень много.

Написать исторію русской литературы, значитъ: показать, какимъ образомъ, какъ слѣдствіе общественной реформы, произведенной Петромъ Великимъ, началась она рабскимъ подражаніемъ иностраннымъ образцамъ, принявши чисто риторическій характеръ; какъ потомъ, постепенно, стремилась къ освобожденію изъ формальности и риторизма и пріобрѣтенію для себя жизненныхъ элементовъ и самостоятельности; и какъ, наконецъ, развилась до полной художественности и сдѣлалась выраженіемъ жизни своего общества, стала русскою. Вмѣстѣ съ этимъ, должно показать, что русская литература положила у насъ основаніе публичности и общественнаго мнѣнія, была проводникомъ въ общество всѣхъ человѣческихъ идей и постоянно, не безъ успѣха, боролась съ предразсудками и пороками, завѣщанными намъ невѣжественною, полуазіатскою стариною.

Но прежде, нежели приступимъ мы къ изложенію исторіи русской литературы, считаемъ за нужное бросить взглядъ на нашу народную поэзію. Хотя

художественная русская литература развилась не изъ народной поэзіи, однако первая, при Пушкинѣ, встрѣтилась съ послѣднею, и вопросъ о народной русской поэзіи и теперь принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ вопросовъ современной русской литературы, потому что онъ сливается съ вопросомъ о народности въ поэзіи. Но разсмотрѣніи произведеній народной русской поэзіи, мы бросимъ бѣглый взглядъ на произведенія древней и старой русской словесности, которая не принадлежитъ ни къ богословію, ни къ хроникамъ, такъ какъ ни то, ни другое не входитъ въ составъ нашей книги, предметомъ которой — исключительно свѣтская изящная (бельлетрическая) литература [586]).

574. Первая редакція начала предыдущей статьи [587]).

Нельзя писать исторіи какого бы то ни было предмета, не опредѣливши предварительно значенія, сущности, содержанія и объема даннаго предмета. Посему, мы должны сперва опредѣлить значеніе литературы вообще, а потомъ показать, какимъ образомъ и до какой степени *русская литература* соотвѣтствуетъ значенію *литературы вообще*.

У насъ многіе замѣняютъ, или думаютъ замѣнить, русскимъ словомъ «словесность» иностранное слово «литература». Одни дѣлаютъ это въ предположеніи, что «словесность» и «литература» совершенно тождественны въ своемъ значеніи, и что, посему, можно безъ ошибки употреблять то и другое когда вздумается и какъ придется. Другіе, по принципу пуризма, совсѣмъ не хотятъ употреблять слова «литература», какъ иностраннаго и не нужнаго, думая, что русское слово «словесность», по объему своего содержанія, совершенно равно слову «литература».

Тѣ и другіе несправедливы. Въ языкѣ не можетъ быть двухъ словъ, совершенно тождественныхъ по своему значенію. Если вошедшее въ какой-нибудь языкъ иностранное слово можетъ замѣниться собственнымъ того языка словомъ—иностранное уступаетъ мѣсто національному и, какъ уже излишнее, а потому и ненужное, само-собою выходитъ изъ употребленія. Такъ исчезли изъ русскаго языка иностранныя слова: *викторія* (вмѣсто *побѣда*), *презентъ* (вм. *подарокъ*), *аттенція* (вм. вниманіе, *уваженіе* къ кому-либо), *ондировать* (вм. *волноваться*), *решпектъ* (вм. *уваженіе*) и множество другихъ. Но иностранное слово «литература» удержалось, и всякій, кто только понимаетъ значеніе «словесности» и употребляетъ это слово, понимаетъ также и значеніе слова «литература» и также употребляетъ его. Значитъ: между этими двумя словами есть разница, въ ихъ значеніи, какъ бы онѣ ни были между собою сходны, есть оттѣнокъ, и они только *сходны* другъ съ другомъ, но отнюдь не *тождественны*. Знаніе точнаго значенія словъ и ихъ различія между собою, хотя бы и самаго легкаго, есть необходимое условіе всякаго истиннаго мышленія, ибо слова суть выраженія понятій, а можно ли мыслить, не умѣя отли-

чать, во всей тонкости, одного понятія отъ другаго? Посему, мы, прежде всего, должны опредѣлить значеніе и различіе словъ *литература и словесность*.

Когда какое-нибудь слово употребляется неопредѣленно, то должно прибѣгнуть къ его этимологіи, а потомъ уже обратиться къ его настоящему употребленію, дабы показать, что̀ можно и должно разумѣть подъ нимъ. Существительное «слово», какъ выраженіе разума—лучшаго дара, которымъ человѣкъ высоко поставленъ надо всѣмъ твореніемъ—играетъ важную роль въ *словенскихъ* языкахъ. Не даромъ многіе производятъ отъ «слова» не только общее, родовое названіе *словенскаго* племени, но и самое названіе «человѣка» (*словикъ*, *словѣкъ*, *словакъ*, *словякъ*). Въ самомъ-дѣлѣ, если первобытный человѣкъ почувствовалъ необходимость въ названіи себя такимъ словомъ, которое бы выразило собою его главное и существенное отличіе отъ всѣхъ животныхъ: онъ, естественно, могъ всего лучше произвести его отъ «слова». И такъ-какъ *первобытный* или, что̀ все равно, *дикій* человѣкъ, встрѣтивши другого, котораго языкъ былъ ему непонятенъ, не могъ въ этихъ, непонятныхъ ему, звукахъ уразумѣть слова, а принялъ ихъ просто за звуки, свойственные даже и животнымъ безсловеснымъ; то и почелъ этого человѣка лишеннымъ дара «слова» и назвалъ его «нѣмцемъ». Впослѣдствіи, когда онъ вышелъ изъ состоянія дикости, слово «нѣмецъ», по преданію оставшееся въ его языкѣ, было употреблено имъ для выраженія понятія «иностранецъ»; а наконецъ сдѣлалось родовымъ названіемъ ближайшаго къ нему по сосѣдству племени. Существительное «слово» въ русскомъ языкѣ имѣетъ обширнѣйшее значеніе, чѣмъ существительныя «глаголъ» и «рѣченіе»: оно первоначально соотвѣтствовало греческому λόγος, и означало и *идею*, и *слово*, и *разумъ*, и *духъ*, и *Бога*, какъ это видно изъ первыхъ строкъ Евангелія апостола Іоанна: «Въ началѣ бѣ *слово*, *и слово* бѣ къ Богу, и Богъ бѣ *слово;* сей бѣ искони къ Богу».

Корень существительнаго «слово» есть *сл*. Первоначальное рѣченіе отъ этого корня есть *слуть*, *слыть*, отъ чего уже и происходитъ рѣченіе «слово». Здѣсь *слово* означаетъ названіе предмета, *то*, *чѣмъ слыветъ* предметъ. Для означенія въ человѣкѣ отличительной способности слова, производится, чрезъ присовокупленіе образовательнаго слога *нъ*, *ный*, прилагательное *словес-нъ*, *словес-ный* (такъ же, какъ отъ *тѣло*, *тѣлесъ—тѣлесный*, *слава—славный*, *умъ—умный* и т. п.). Отсюда ясно слѣдуетъ, что первоначальное значеніе слова «словесность» есть выраженіе дара слова, способности въ человѣкѣ говорить. Однако это первоначальное значеніе утратилось въ употребленіи, ибо нельзя сказать, не оскорбивъ уха: «человѣкъ отличенъ словесностію»: но говорится: «человѣкъ отличенъ даромъ слова», или просто—«словомъ». Тѣмъ не менѣе, въ словѣ «словесность» таится, какъ элементъ, значеніе «способности или дара слова»: ибо мы, не оскорбляя слуха, можемъ сказать: «человѣкъ есть существо словесное», или: «всѣ животныя суть существа безсловесныя». Но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, слово «словесный» стало выражать все то̀, что̀ непосредственно относится къ слову, какъ напр., «словесныя науки», «сло-

весное отдѣленіе», или «словесный факультетъ» (говоря объ университетѣ), «словесное выраженіе», «словесный памятникъ», «словесное объясненіе», и т. д. По этому же самому, и наука о словесности, дарѣ слова, или короче—наука о словѣ называется у насъ *словесностію*. Отсюда ясно и опредѣленно видно и значеніе слова «словесность» и его различіе отъ слова «литература». Если можно сказать: «словесныя науки», то нельзя сказать: «литературныя науки»; если же «литературное выраженіе», «литературное объясненіе» и т. п. можно такъ же точно сказать, какъ и «словесное выраженіе», «словесное объясненіе», то для выраженія совершенно различныхъ и отнюдь не тождественныхъ понятій. Слѣдовательно, не даромъ иностранное слово «литература» получило въ нашемъ языкѣ право гражданства и сдѣлалось, такъ сказать, туземнымъ, національнымъ словомъ, котораго не можетъ ни замѣнить, ни вытѣснить русское слово «словесность»; и, въ свою очередь, не даромъ русское слово «словесность» не могло быть ни замѣнено, ни вытѣснено иностраннымъ словомъ «литература». Каждое изъ этихъ словъ равно необходимо и незамѣнимо, и ни одно изъ нихъ не выражаетъ другаго, но каждое существуетъ въ языкѣ самостоятельно. Но въ дальнѣйшемъ развитіи слова «словесность» оно нѣсколько сходится, въ своемъ значеніи, съ словомъ «литература»; но только *сходится*, а отнюдь не *отождествляется*. А между тѣмъ, многіе, не замѣчая ускользающихъ отъ опредѣленія какихъ-то дробныхъ чиселъ, составляющихъ собою различіе «словесности» отъ «литературы» и наоборотъ, принимаютъ оба эти слова за сумму одной и той же величины, и думаютъ, что легко можно обойдтись безъ одного изъ нихъ, замѣнивъ его другимъ, или употреблять каждое изъ нихъ по произволу. Отсюда частію и произошли сбивчивость и неопредѣленность въ значеніи самаго предмета, выражаемаго словами «словесность» и «литература».

Такъ-какъ слово «словесность» объемлетъ собою все, что только относится къ дару слова и самому слову, то подъ «словесностью» должно разумѣть какъ языкъ, такъ и всю умственную, выразившуюся въ языкѣ жизнь народа, съ ея теоріею и исторіею, поколику послѣднія касаются языка, какъ общаго матеріяла, черезъ который и въ которомъ выразилась эта умственная жизнь народа. Такимъ образомъ, и языкъ, какъ матеріалъ всякаго словеснаго произведенія, съ его теоріею и историческимъ развитіемъ, и всѣ произведенія ума и фантазіи народа, выразившіяся въ словѣ:—пословица, поговорка, древняя надпись на камнѣ, на монетѣ, преданіе, миѳъ, лѣтопись [588]), народная пѣсня, сказка, художественно-созданная поэма или драма, философское сочиненіе, журнальная статья, ученый трактатъ о политической экономіи или статистикѣ, газетное объявленіе, геометрія, теорія сельскаго хозяйства, руководство для поваровъ и кухарокъ, средства къ истребленію мышей и клоповъ:—все это равно принадлежитъ къ области «словесности», какъ предметы, существующіе черезъ слово и въ словѣ.

575. Общій взглядъ на народную поэзію и ея значеніе. Русская народная поэзія [589]).

Народность есть альфа и омега эстетики нашего времени, какъ *украшенное подражаніе природѣ* было основнымъ и главнымъ положеніемъ поэтическаго кодекса прошлаго вѣка. Высочайшая похвала, какой только можетъ удостоиться поэтъ нашего времени, самый громкій титулъ, какимъ только могутъ теперь почтить его современники или потомки, заключается въ волшебномъ эпитетѣ «народнаго». Выраженія: *народная поэма*, *народное произведеніе*, часто употребляются теперь вмѣсто словъ: *превосходное*, *великое*, *вѣковое произведеніе*. Волшебное слово, таинственный символъ, священный іероглифъ какой-то глубоко-знаменательной, неизмѣримо-обширной идеи, — *народность* какъ будто замѣнила теперь собою и творчество, и вдохновеніе, и художественность, и классицизмъ, и романтизмъ, заключила въ одномъ себѣ и эстетику и критику; сдѣлалась теперь высшимъ критеріумомъ, пробнымъ камнемъ достоинства всякаго поэтическаго произведенія и прочности всякой поэтической славы. Всѣ требуютъ отъ поэзіи прежде всего народности, а потомъ уже здраваго смысла; но многіе ли отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ, что̀ такое эта народность, хотя это слово и кажется всѣмъ столь простымъ и понятнымъ? Но не все то̀ бываетъ въ самомъ дѣлѣ тѣмъ, чѣмъ кажется. По крайней мѣрѣ, слово *народность* такъ же точно требуетъ своего опредѣленія, какъ и всякое другое слово, которое заключаетъ въ себѣ какую-нибудь мысль. Слово же *народность* именно есть одно изъ тѣхъ словъ, которыя потому только и кажутся слишкомъ понятными, что лишены опредѣленнаго и точнаго значенія. По крайней мѣрѣ, въ нашей литературѣ, не замѣтно особенной опредѣленности въ понятіи о народности въ поэзіи [590]).

Всякая поэзія только тогда истинна, когда она народна, т. е. когда она отражаетъ въ себѣ личность своего народа. Жизнь всего живущаго составляетъ *идея:* въ чемъ нѣтъ идеи, то̀ не живетъ. Но сущность идеи, внѣ ея чувственнаго проявленія, заключается въ отвлеченной, безразличной всеобщности [591]). И потому, идея только тогда есть нѣчто живое и дѣйствительное, когда она переходитъ въ явленіе, а ея всеобщность является особенностію, индивидуальностію и личностію. Такъ природа есть идея, до сознанія которой человѣкъ дошелъ черезъ созерцаніе безконечно разнообразныхъ явленій видимаго міра. Въ словѣ *природа*, человѣческій разумъ выразилъ свое понятіе о единствѣ безконечно разнообразныхъ явленій чувственной жизни. Человѣчество есть тоже идея, какъ выраженіе понятія о физическомъ и нравственномъ единствѣ безчисленнаго множества отдѣльныхъ существъ, называемыхъ людьми. Въ своемъ первоначальномъ значеніи, природа есть самодѣятельная творящая сила, неисчерпаемая и неистощаемая жизненная субстанція, которая, изъ безразличнаго субстанціяльнаго пребыванія въ самой себѣ, безпрестанно опредѣляется въ живыя отдѣльныя явленія,—другими словами: безпрестанно обособляется, индивидуализируется и персонифицируется. Въ царствѣ ископаемомъ и растительномъ она обособляется,

т. е. раскидывается на безконечное множество *особныхъ* явленій, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою особенную форму. Въ царствѣ животномъ, особность является еще и индивидуальностію (недѣлимостію). Камень есть предметъ особный, но не индивидуальный: расколите его на тысячи кусковъ, превратите въ пыль,—этимъ вы не лишите его жизни, а только изъ одного камня сдѣлаете множество камней безконечно меньшаго объема. Дерево живетъ высшею жизнію въ сравненіи съ камнемъ; но и оно представляетъ собою только высшее явленіе *особности*, но еще не представляетъ собою *индивидуальности:* нельзя ничѣмъ доказать, чтобы ему нужно было именно столько вѣтвей и листьевъ, сколько ихъ есть на немъ, и обрубивши часть его вѣтвей, или сорвавши часть его листьевъ, вы не лишите его этимъ ни его жизни, ни его особности. Дерево есть *организмъ*, но стоящій на низшей степени: оно увеличивается, какъ и животное, черезъ ращеніе изнутри, но это ращеніе носитъ на себѣ характеръ случайности и внѣшности; вѣтвь удлиняется колѣнами, число которыхъ случайно: сломивши одно, вы этимъ ничего не лишаете дерево. Основаніе животнаго царства, кромѣ особности, заключается еще и въ индивидуальности: у животнаго опредѣленное число органовъ и членовъ. Отрѣзавши у собаки ногу, можно ее залѣчить и не допустить умереть, но тогда она изуродована, потому-что у нея отнятъ членъ, необходимый для полноты ея существованія. Въ человѣкѣ, какъ высшемъ существѣ животнаго царства, повторяется и особность и индивидуальность, и сверхъ того является *личность*, какъ *чувственная форма разумнаго сознанія*. Человѣкъ потому есть личность, что онъ сознаетъ свое *Я*, т. е. можетъ самого себя разсматривать и изслѣдовать какъ будто-бы чуждое ему и внѣ его пребывающее существо. Царство природы раздѣляется на роды и виды; каждое явленіе природы отличается признаками и качествами, не ему самому, а его роду и виду свойственными: и потому каждый дубъ совершенно похожъ на всякій другой дубъ, за исключеніемъ чисто-случайныхъ различій величины; каждый быкъ совершенно похожъ на всякаго другаго быка, и отличается отъ него не выраженіемъ своей морды, или своего рыла, а величиною, цвѣтомъ шерсти и другими чисто случайными, но не существенными признаками [592]). Человѣкъ отъ человѣка существенно отличается лицомъ, физіономіею,—и какъ ни много людей на земномъ шарѣ, никогда одно и то же лицо не повторяется въ двухъ человѣкахъ. Это различіе лицъ имѣетъ глубокое значеніе: лицо выражаетъ собою личность, а личность есть выраженіе духовной сущности человѣка. Если каждый человѣкъ разнится отъ другого лицомъ: значитъ, каждый человѣкъ разнится отъ другаго и своею духовною личностію; значитъ: каждый человѣкъ есть особенный, въ самомъ-себѣ замкнутый міръ. Отсюда различіе темпераментовъ, характеровъ, способностей и наклонностей; отсюда же и свойство каждому человѣку видѣть и понимать предметы съ своей особенной, ему только свойственной точки зрѣнія. Все, что̀ есть въ каждомъ человѣкѣ, все, чѣмъ владѣетъ каждая личность, все это принадлежитъ человѣчеству; но ни одинъ человѣкъ въ одномъ себѣ не можетъ вмѣстить всего человѣче-

скаго, а получаетъ на свою долю нѣчто отъ обще-человѣческаго, но какъ собственность своей натуры. Какъ въ фортопьяно каждая клавиша имѣетъ свой особенный тонъ, но всѣ клавиши, каждая издавая свой звукъ, образуютъ гармонію,—такъ и различіе отдѣльныхъ личностей образуетъ жизнь племенъ и народовъ, а жизнь отдѣльныхъ племенъ и народовъ образуетъ жизнь человѣчества. Будь всѣ люди совершенно одинаковы въ своихъ нравственныхъ средствахъ и ихъ направленіи: каждый человѣкъ переставъ бы чувствовать нужду въ другомъ и не было бы между людьми узъ братства. Каждая личность есть опредѣленіе общаго, и въ этомъ ея сила и ея слабость: сила потому, что идея безъ явленія, общее безъ обособленія индивидуальности и личности суть призраки; слабость потому, что всякое опредѣленіе есть ограниченіе, исключеніе изо всего въ одномъ. Философъ тѣмъ больше философъ, чѣмъ менѣе онъ поэтъ, и потому-то самому его больше всего интересуетъ поэтическая личность. Во всемъ и вездѣ, личность одного пополняетъ собою личность другаго, и, въ свою очередь, пополняется личностію другаго.

Человѣкъ былъ послѣднимъ и высшимъ усиліемъ природы въ ея стремленіи къ самосознанію. Организмъ человѣка явился личностію—орудіемъ разумнаго сознанія, потому-что личность имѣетъ *Я*, которое оно можетъ противопоставить всему внѣшнему ей міру, всему, что̀, въ отношеніи къ ней, составляетъ не-*Я*. Создавши человѣка, природа повершила дѣло своего творчества и перестала быть творящею; приготовивши въ человѣкѣ личность въ возможности, природа предоставила дальнѣйшее развитіе этой личности уже другой, болѣе высшей, болѣе духовной сферѣ жизни: отселѣ человѣкъ долженъ былъ развиваться черезъ сообщество съ подобными себѣ. И потому, испытующій умъ вездѣ находитъ людей какъ общество, какъ племя, какъ народъ: человѣкъ не помнитъ своего разъединеннаго, до-общественнаго состоянія, какъ не помнитъ своего зарожденія и формированія во чревѣ своей матери, и какъ не помнитъ своего перваго возраста. Племя, или народъ есть тоже личность, только идеальная, сознаваемая умомъ реальныхъ личностей, т. е. отдѣльныхъ людей. Какъ различіе реальныхъ личностей необходимо для того, чтобы онѣ могли сложиться въ общество (въ племя, въ народъ), такъ необходимы племенныя и народныя особенности и различія, чтобы племена и народы могли образовать собою другую высшую идеальную личность—человѣчество. Только различныя струны могутъ производить аккордъ, одинаковыя же звучатъ безсмысленно и дисгармонически [593]). Какъ каждый человѣкъ выражаетъ собою преимущественно одну какую-нибудь сторону обще-человѣческой натуры, и потому самому нуждается въ другихъ людяхъ; такъ и каждый народъ выражаетъ собою преимущественно одну какую-нибудь сторону всецѣлаго и единаго духа человѣческаго, и потому нуждается въ соприкосновеніи съ другими народами, принимаетъ отъ нихъ въ себя то̀, чего ему недостаетъ, и даетъ имъ отъ себя то̀, чего имъ недостаетъ. Каждый народъ отличается отъ всякаго другаго типомъ лица,—и потому, за немногими исключеніями, не трудно узнать въ человѣкѣ по его лицу Нѣмца, Англичанина,

Француза, Италіянца, Русскаго. Кромѣ того, у людей одной націи есть какое-то семейное сходство и въ манерахъ, и въ способѣ смотрѣть на вещи, и въ образѣ дѣйствованія, не говоря уже объ особенности языка—этого живаго, чувственнаго проявленія народной логики. Между людьми есть личности характерныя, самостоятельныя, которыя на все, что ни говорятъ и ни дѣлаютъ онѣ, кладутъ яркую печать свойственной имъ особенности; и есть между людьми личности безхарактерныя, безцвѣтныя, которыя не могутъ сопротивляться никакимъ внѣшнимъ вліяніямъ и, не имѣя въ себѣ ничего особнаго и рѣзкаго, вѣчно играютъ при другихъ роль нулей. Такая же разница и между народами. Есть народы, которые существуютъ только внѣшнимъ образомъ, благодаря благопріятному для нихъ стеченію внѣшнихъ обстоятельствъ, которые, изчезая съ лица земли, не оставляютъ по себѣ никакихъ памятниковъ своего существованія. Обыкновенно они бываютъ добычею болѣе ихъ сильныхъ народовъ, и, смѣшавшись съ своими завоевателями, теряютъ свой языкъ, вѣру и обычаи, не производя никакой перемѣны въ народѣ, который поглотилъ ихъ. Такихъ народовъ было множество, и исторія только упоминаетъ вскользь ихъ имена, для внѣшней связи событій. Нѣкоторые изъ этихъ народовъ играли даже значительную, хотя и чисто внѣшнюю роль въ исторіи: движимые, или сліяніемъ какихъ-нибудь внѣшнихъ обстоятельствъ, или какимъ-нибудь сильнымъ человѣкомъ, или оживляемые мгновеннымъ фанатизмомъ, они грозили гибелью цивилизаціи, рабствомъ всему міру,—и... скоро изчезли, какъ призраки, не оставивъ никакихъ слѣдовъ своего существованія. Таковы были Гунны, Монголы, явившіеся міру какъ страшный метеоръ и, подобно метеору, скоро изчезнувшіе; дольше ихъ существовали Турки, благодаря силѣ своего религіознаго фанатизма и разъединенности европейскихъ государствъ,—а теперь мы видимъ только живой трупъ этого, нѣкогда страшнаго народа. Есть народы, которымъ жизнь и развитіе даны были только на опредѣленный срокъ и до извѣстной степени, и которые, свершивъ свое назначеніе, остались какъ бы окаменѣлыми памятниками прошедшаго, живя въ старыхъ, потерявшихъ смыслъ формахъ, безъ движенія, безъ прогресса. Таковы Индійцы, Китайцы, Японцы—эти, можетъ-быть, старѣйшіе народы въ человѣчествѣ [594]). Однимъ народамъ суждена первостепенная роль въ человѣчествѣ,—и это всемірно-историческіе народы; другимъ суждена просто-историческая роль; третьимъ—и это народы ничтожные и случайные, не суждено никакой роли въ исторіи, кромѣ развѣ скоропреходящихъ и оставшихся безъ слѣдствій переворотовъ. Только такой народъ можетъ назваться историческимъ, который при жизни своей имѣлъ бо́льшее или меньшее вліяніе на судьбы человѣчества, и оставилъ по себѣ неизгладимые слѣды своего существованія. Замѣчено, что замѣчательнѣйшіе въ исторіи народы большею частію составлялись изъ разныхъ племенъ: такъ Грецію образовалась, по преданіямъ, кромѣ основнаго пелазгійскаго племени, изъ переселенцевъ финикійскихъ, египетскихъ и другихъ. Но всегда въ основѣ такимъ образомъ сформировавшихся народовъ краеугольный камень составляетъ одно какое-нибудь племя. Какъ бываютъ безплодные браки.

такъ бываютъ и безплодныя соединенія племенъ. Галлія, Испанія и Британія, завоеванныя Римлянами, не организировались въ крѣпкіе и самостоятельные народы; но покоренные тевтонскими племенами, смѣшавшіеся съ ними, они получили глубокое начало политической жизни, продолжающейся и теперь. Покоренная Готами Италія, не выродилась; пришли Лонгобарды—и отъ готскаго владычества не осталось никакихъ слѣдовъ, а смѣшавшись съ Лонгобардами, остатки древнихъ Римлянъ переродились въ совершенно новый народъ, и теперь существующій отдѣльными государствами, извѣстными подъ общимъ именемъ италіянскихъ. Въ Англіи, туземное племя Бриттовъ изчезло въ саксонскомъ и норманскомъ элементѣ; во Франціи, галльское начало навсегда осталось преобладающимъ надъ франкскимъ: Французы, въ общихъ чертахъ, и теперь еще такъ похожи своимъ національнымъ характеромъ на древнихъ Галловъ, описанныхъ Юліемъ Цезаремъ. Изъ этого видно, что непосредственный источникъ сильной, рѣзко-проявляющейся національности заключается въ самой крови племени, и что есть племена характерныя и племена безхарактерныя, какъ есть характерные и безхарактерные люди.

Теперь, если человѣкъ, личность котораго.....

Примѣчанія къ VI тому.

1) Стр. 1. „Отеч. Зап.“ 1841 г., т. XIV. Цензурн. разрѣш. около 1 февр. 1841 г. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ огромнаго большинства цитатъ.

2) Стр. 4. Черезъ нѣсколько лѣтъ Бѣлинскій будетъ держаться совсѣмъ иного взгляда на это же самое profession de foi теоріи „искусства для искусства“. Тургеневъ, знавшій Бѣлинскаго только въ послѣдній періодъ его критической дѣятельности и даже не подозрѣвавшій, что когда-то Бѣлинскій былъ страстнымъ защитникомъ почти діаметрально-противоположныхъ взглядовъ, пишетъ въ своихъ „Литературныхъ Воспоминаніяхъ“:

„Бѣлинскій, *какъ извѣстно* (!), не былъ поклонникомъ принципа: искусство для искусства;—да оно и не могло быть иначе по всему складу его образа мыслей. Помню я, съ какой комической яростью онъ однажды при мнѣ напалъ на—отсутствующаго, разумѣется—Пушкина, за его два стиха въ „Поэтъ и Чернь“—

Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣваришь!

— „И конечно—твердилъ Бѣлинскій, сверкая глазами и бѣгая изъ угла въ уголъ:—конечно дороже.—Я не для себя одного, я для своего семейства, я для другого бѣдняка въ немъ пищу варю,—и прежде чѣмъ любоваться красотой истукана—будь онъ распрефидіасовскій Аполлонъ—мое право, моя обязанность накормить своихъ и себя, на зло всякимъ негодующимъ барчамъ и вприщеплетамъ!“

3) Стр. 12. Любопытныя черты прежняго, такъ сказать, *наряднаго* отношенія къ исторіи. Современная исторія прежде всего интересуется именно этими „подробностями“, въ которыхъ бьется настоящій пульсъ исторической дѣйствительности.

4) Стр. 13. Чрезвычайно важное для исторіи русскаго гегельянства мѣсто. Въ этюдѣ, приложенномъ къ IV тому, мы уже говорили о трагическомъ положеніи, въ которое ставила знаменитая формула всякаго мыслящаго наблюдателя „неправды черной“, лежавшей въ основѣ дореформеннаго быта нашего. Память о трагизмѣ этого противорѣчія жива до сихъ поръ, но совершенно неправильны представленія о томъ, какъ вышли изъ него наши гегельянцы. Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ писалъ:

„Много хлопотъ тогда надѣлало въ Москвѣ извѣстное изреченіе Гегеля: „Что разумно—то дѣйствительно, что дѣйствительно—то разумно“. Съ первой

половиной изреченія всѣ соглашались, но какъ было понять вторую? Неужели же нужно было признать все, что тогда существовало въ Россіи, за разумное? Толковали, толковали и порѣшили: вторую половину изреченія *не допустить*. Если-бъ кто-нибудь шепнулъ тогда молодымъ философамъ, что Гегель *не все существующее признаетъ за дѣйствительное*—много бы умственной работы и томительныхъ преній было сбережено; они увидали бы, что эта знаменитая формула, какъ и многія другія, есть простая тавтологія и въ сущности значитъ только то, что „opium facit dormire, quare est in eo virtus dormitiva", т. е. опіумъ заставляетъ спать по той причинѣ, что въ немъ есть снотворная сила (Мольеръ)".

Это было писано въ 1868 г. Почти тридцать лѣтъ спустя, А. Волынскій въ своихъ статьяхъ о Бѣлинскомъ [1]) ожесточенно напалъ на нашихъ гегельянцевъ за „извращеніе" Гегеля, который-де никогда не думалъ признавать все существующее дѣйствительнымъ. Тургеневу, все-таки, было жаль нашихъ бѣдныхъ искателей истины, надѣлавшихъ себѣ своею прямолинейностью столько душевныхъ мученій. Г.-же Волынскій только негодуетъ, усматривая тутъ типическую черту нашей интеллигенціи—воспринимать европейскія умственныя теченія въ „извращенномъ" видѣ.

Все это, однако, оказывается несоотвѣтствующимъ дѣйствительности. Гегельянцы наши, а всѣхъ пламеннѣе Бѣлинскій, на первыхъ порахъ несомнѣнно не дѣлали никакой разницы между „существующимъ" и „дѣйствительнымъ" и въ результатѣ явилось Бакунинское предисловіе къ „Гимназическимъ рѣчамъ" Гегеля (см. т. IV) и „Бородинская годовщина" Бѣлинскаго. Но угаръ соскочилъ очень быстро. Надо полагать, что, съ одной стороны, несомнѣнно, кто-то (за отъѣздомъ Бакунина, вѣроятно, Катковъ) „шепнулъ" Бѣлинскому о настоящемъ толкованіи формулы, а съ другой, вразумили его собственныя наблюденія надъ „гнусною рассейскою дѣйствительностью". Но, какъ бы то ни было, предъ нами прямое доказательство, что Бѣлинскій не думалъ отсѣкать вторую половину формулы, какъ увѣряетъ Тургеневъ, и за полвѣка до наставленій г. Волынскаго знакомилъ русскую публику съ гегелевскою формулою въ доподлинномъ ея видѣ, ни мало не „извращая" ее.

5) Стр. 14. Нельзя сказать, чтобы все это многословное, не свободное отъ реторики опредѣленіе поэзіи отличалось отчетливостью и давало сколько-нибудь опредѣленное мѣрило. Въ теоретически-эстетическихъ построеніяхъ Бѣлинскій, вообще, не силенъ. Сила его въ вѣрности непосредственнаго эстетическаго чувства.

6) Стр. 14. Старинное слово, теперь уже вышедшее изъ употребленія: наперсникъ, любимецъ.

7) Стр. 17. Политически двинувшись въ другую сторону, Бѣлинскій, покамѣстъ, въ вопросахъ эстетическихъ остается въ общемъ тѣмъ же, что и раньше. Ср. прим. 2.

8) Стр. 17. Тутъ слово „диллетантъ" употребляется въ старинномъ, теперь не удержавшемся въ рѣчи, обозначеніи страстнаго любителя.

9) Стр. 19. Въ этой статьѣ мы, такимъ образомъ, имѣемъ одинъ изъ кульминаціонныхъ пунктовъ перваго періода эстетическихъ воззрѣній Бѣлинскаго. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ знаменитомъ рядѣ статей о Пушкинѣ, Бѣлинскій именно по поводу той-же самой „Черни" будетъ говорить, что Пушкинъ принадлежитъ „къ той школѣ искусства, которой пора уже миновала",

[1]) Вошли въ составъ его книги „Русскіе Критики".

что „страстное, полное вражды и любви мышленіе сдѣлалось теперь жизнью всякой истинной поэзіи“, что поэзія должна „давать отвѣты на вопросы времени“ и т. д. Ср. прим. 2.

10) Стр. 21. Бѣлинскаго можно назвать самымъ страстнымъ полемистомъ русской литературы, но онъ полемизировалъ съ идеями, а не съ лицами. Поэтому его никогда не стѣсняло относиться положительно къ извѣстнымъ сторонамъ литературной дѣятельности тѣхъ самыхъ писателей, которые другими сторонами своей дѣятельности возбуждали въ немъ самое неистовое негодованіе. Такъ, почти вся литературная жизнь Бѣлинскаго прошла въ ожесточенныхъ схваткахъ съ Шевыревымъ. Но это ему не мѣшаетъ и въ настоящей статьѣ и, въ особенности, въ слѣдующей усердно цитировать книгу Шевырева въ тѣхъ частяхъ, которыя ему кажутся цѣнными.

11) Стр. 22. Нельзя сказать, чтобы эта историческая точка зрѣнія очень соотвѣтствовала тому презрѣнію къ толпѣ, о которомъ см. въ прим. 2 и 9 Въ эстетическихъ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго внутренно, очевидно, уже начинался переломъ и онъ часто себѣ противорѣчилъ.

12) Стр. 22. Какая-то явная описка или опечатка. Повидимому, слѣдуетъ тутъ быть слову „произведеніе“.

13) Стр. 22. Не располагая точными свѣдѣніями о Лермонтовѣ, Бѣлинскій сдѣлалъ нѣсколько фактическихъ ошибокъ въ своей статьѣ. Всего менѣе Лермонтовъ „началъ“ свою литературную дѣятельность „историческою поэмою“, т. е. „Пѣснью про Царя Ивана Васильевича“. Это только Бѣлинскій впервые обратилъ на него вниманіе послѣ появленія „Пѣсни“ (см. т. III, прим. 247). Эпоха созданія поэмы (1837) не начало творческой дѣятельности Лермонтова, а почти зенитъ ея. Но и при этой ошибкѣ, однакоже, такъ вѣрно угаданная Бѣлинскимъ даже при отсутствіи точныхъ данныхъ противоположность душевныхъ настроеній юноши-Пушкина и юноши-Лермонтова остается во всей своей характеристичности. И самыя раннія стихотворенія Лермонтова „поражаютъ“, какъ говоритъ дальше, Бѣлинскаго „безотрадностію, безвѣріемъ въ жизнь и чувства человѣческія, при жаждѣ жизни и избыткѣ чувства“.

14) Стр. 23. Невѣрно. Первая вещь Лермонтова, появившаяся въ печати—„Хаджи-Абрекъ“, напечатанный, хотя и безъ вѣдома автора, но съ полной его подписью въ „Библ. для Чтенія“ 1835 г., т. XI.

15) Стр. 24. Очень странное сообщеніе. Принято думать, что знаменитое стихотвореніе „На смерть Пушкина“, написанное за полгода до „Пѣсни про царя Ивана Васильевича“ хотя и въ рукописи, но „облетѣло всю Россію“ и дало имени молодого поэта всеобщую извѣстность.

16) Стр. 24. Тутъ Бѣлинскій пропустилъ *ты*.

17. Стр. 25. О взглядѣ Бѣлинскаго на Іоанна Грознаго ср. т. II, прим. 440 и дальше прим. 525.

18) Стр. 29. Очевидно описка или опечатка вмѣсто: *не*многосложныхъ.

19) Стр. 35. Въ своихъ взглядахъ на народную поэзію Бѣлинскій слишкомъ строго предъявлялъ требованія чисто-эстетическія и слишкомъ мало цѣнилъ нѣкоторыя особенности, которыя придаютъ народной поэзіи своеобразную красоту. Ср. дальше рядъ статей о народной поэзіи.

20) Стр. 35. Бѣлинскій черезъ чуръ легко надѣлялъ разныя произведенія свойствомъ непереводимости на иностранные языки. Мы уже не разъ (см. прим. 322) приводили фактическія опроверженія, а въ данномъ случаѣ можно цитировать діаметрально-противоположный отзывъ знаменитаго переводчика Лермонтова на нѣмецкій языкъ Боденштедта:

„Чтобы точнѣе опредѣлить значеніе Лермонтова въ русской и во всемірной литературѣ, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что онъ выше всего тамъ, гдѣ становится наиболѣе народнымъ; и что высшее проявленіе этой народности (какъ „Пѣсня о царѣ Иванѣ Васильевичѣ“) не требуетъ ни малѣйшаго комментарія, чтобы быть понятною для всѣхъ. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что описываемые въ ней нравы и частности столь-же чужды для нерусскихъ, какъ и выбранный поэтомъ стихотворный размѣръ стиха, сдѣлавшійся извѣстнымъ въ Германіи только по нѣкоторымъ моимъ переводнымъ опытамъ, а въ Россіи имѣющій почти то же значеніе, какъ у насъ строфа „Пѣсни о Нибелунгахъ“. *Поэма Лермонтова*, въ которой видна поистинѣ гомеровская вѣрность, сила и простота, *произвела сильнѣйшее впечатлѣніе во многихъ германскихъ городахъ, гдѣ ее читали публично*». («Современникъ» 1861, № 2; переч. въ сборникѣ Зелинскаго „Рус. крит. лит. о Лермонтовѣ“).

21) Стр. 38. Еще болѣе явное проявленіе начала переворота эстетическихъ воззрѣній Бѣлинскаго (ср. прим. 11). Сопоставимъ эту начинающуюся холодность съ безгранично восторженнымъ отношеніемъ къ Гете въ статьѣ „Менцель“ (т. IV, статья № 430), гдѣ Бѣлинскій становится на колѣни именно передъ олимпійствомъ Гете и его „довольствомъ дѣйствительностью“.

22) Стр. 41. Мы неоднократно отмѣчали (ср. I, пр. 21; II, пр. 452 и 439; III, пр. 81; VI, 22, 309) органическое отвращеніе Бѣлинскаго ко всякому намеку на щеголяніе въ павлиньихъ перьяхъ. Его прямо тяготитъ мысль, что ему припишутъ знанія, которыхъ у него нѣтъ, и онъ всегда быстро спѣшитъ заявить, что того-то и того-то не знаетъ. И здѣсь онъ, желая приравнять Лермонтова къ Ювеналу, съ которымъ не пришлось ему ознакомиться непосредственно, говоритъ о немъ только гадательно.

23) Стр. 59. Едва-ли кто согласится съ мнѣніемъ Бѣлинскаго о „незрѣлости идеи“, лежащей въ основѣ „Мцыри“. Эта великолѣпная поэма, съ ея истинно-геніальною глубиною страстнаго порыва принадлежитъ къ лучшимъ во всей всемірной литературѣ изображеніямъ безотчетной, чисто-стихійной потребности борьбы и проявленія своей силы. „Критиканъ“, съ которымъ здѣсь незаслуженно-рѣзко полемизируетъ Бѣлинскій—*Межевичъ*, подъ псевдонимомъ *Л. Л.* помѣстившій восторженный и, въ общемъ, вѣрный отзывъ о стихотвореніяхъ Лермонтова въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1840 г. (№ 284 и 285).

24) Стр. 62. Рѣчь идетъ, очевидно, о Языковѣ, который въ это время становится однимъ изъ самыхъ рьяныхъ глашатаевъ теоріи „гніенія“ Европы Намъ еще придется подробно говорить о роли Языкова въ ожесточенной борьбѣ, которая скоро завяжется между Бѣлинскимъ и славянофилами.

25) Стр. 62. Колкости, должно быть, по адресу только что возобновившагося тогда (1841) при участіи Полевого „Русскаго Вѣстн“., гдѣ дѣятельно сотрудничалъ Кукольникъ. Въ одной изъ первыхъ книжекъ дѣйствительно помѣщены сразу 2 повѣсти Кукольника „Прокуроръ“ и „Аннинскій зимній домъ“.

26) Стр. 62. По поводу статей Бѣлинскаго о Гоголѣ и Грибоѣдовѣ (т. II, ст. № 124 и т. V, ст. № 435) намъ уже приходилось цитировать удивительно-образное опредѣленіе Аполлона Григорьева:

„Имя Бѣлинскаго, какъ плющъ, обросло четыре поэтическихъ вѣнца, четыре великихъ и славныхъ имени—Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя, Лермонтова,—сплелось съ ними такъ, что, говоря о нихъ, какъ объ источникѣ современнаго литературнаго движенія,—постоянно бываешь поставленъ въ необходимость говорить и о немъ“ (Соч. I, стр. 233).

Мы прослѣдили въ примѣчаніяхъ къ ст. № 124 и 435 вѣрность этого опредѣленія по отношенію къ Гоголю и Грибоѣдову. Посмотримъ теперь, какую роль сыгралъ **Бѣлинскій въ литературной судьбѣ Лермонтова.**

Соотвѣтственно особенностямъ литературной судьбы Лермонтова, и роль Бѣлинскаго въ истолкованіи лермонтовскаго творчества была совсѣмъ особенная. Здѣсь его заслуга, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ спасъ жгучесть и глубину лермонтовской поэзіи отъ поверхностнаго, пошлаго и тупого пониманія критиковъ, выступившихъ передъ публикою въ роли искреннѣйшихъ поклонниковъ великаго поэта.

Въ истолкованіи Гоголя, удивительное чутье Бѣлинскаго, какъ мы въ своемъ мѣстѣ отмѣтили, сказалось прежде всего въ томъ, что онъ понялъ размѣры гоголевскаго дарованія. Онъ первый произвелъ его въ геніи, первый возводитъ его на царственное „мѣсто, оставленное Пушкинымъ“. Но относительно Лермонтова не было никакой надобности доказывать размѣры его дарованія. Промелькнувшая блестящимъ метеоромъ кратковременная литературная дѣятельность его ослѣпила рѣшительно всѣхъ. И низменный Булгаринъ, для котораго Гоголь былъ русскимъ Поль-де-Кокомъ, и противникъ всего молодого и свѣжаго—надутый педантъ Шевыревъ, и дешевый Мефистофель Сенковскій—всѣ они восхищались Лермонтовымъ не многимъ меньше, чѣмъ Бѣлинскій. Всѣ сразу признали его первоклассный талантъ и безъ всякихъ колебаній и оговорокъ провозгласили преемникомъ Пушкина.

Но именно въ этомъ-то всеобщемъ признаніи и скрывалась страшная опасность. Пошлая брань Булгарина и негодованіе Шевырева въ 10 разъ больше объяснили-бы истинное значеніе поэзіи Лермонтова, чѣмъ ихъ одобреніе, которое не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ недоразумѣніемъ и грубымъ непониманіемъ. Пойми они Лермонтова во всемъ объемѣ его отрицанія, они могли-бы только съ ужасомъ отвернуться отъ этого родоначальника того гордаго духа презрѣнія къ окружающей средѣ, изъ котораго вышли и настроеніе „мести и печали“ и все протестующее теченіе новѣйшей русской общественности. Чтобы оцѣнить значеніе Бѣлинскаго въ исторіи истолкованія сложнаго творчества Лермонтова, нужно почитать, что о немъ написали другіе критики начала 40-хъ годовъ. Во что обратился духовный обликъ своеобразнѣйшаго изъ русскихъ поэтовъ подъ кистью такихъ портретистовъ, какъ Булгаринъ, Шевыревъ и К°! Попробуйте-ка узнать столь характерныя и рѣзкія черты Лермонтова въ этихъ лубочныхъ малеваніяхъ, въ которыхъ пропали самыя основные контуры лермонтовскаго профиля.

Вотъ напр. предъ нами восторженная статья Булгарина о „Героѣ нашего времени“. Прямо таки восторженная, приглашающая Виктора Гюго съ его „великимъ дарованіемъ“ „положить перо предъ нашимъ юнымъ романистомъ“. Нѣкоторые отрывки изъ этой статьи мы уже привели въ V т. (стр. 573, прим. 228). Теперь-же отмѣтимъ только, какъ понялъ Булгаринъ основной тонъ романа:

„Герой нашего времени“ есть созданіе высокое, глубоко обдуманное, выполненное художественно. Господствующая идея есть разрѣшеніе великаго нравственнаго вопроса нашего времени: къ чему ведутъ блистательное воспитаніе и всѣ свѣтскія преимущества, безъ положительныхъ правилъ, безъ вѣры, надежды и любви? Авторъ отвѣчаетъ своимъ романомъ: къ эгоизму, къ пресыщенію жизнью въ началѣ жизни, къ душевной сухоткѣ, и наконецъ къ гибели“ („Сѣвер. Пчела“ 1840, № 246).

Подумаешь, какъ это просто и ясно! Надо имѣть „положительныя правила“, а не то погибнешь. Лермонтовъ написалъ нравоучительный романъ,

въ которомъ порокъ получилъ достойную мзду. Надо полагать, что именно Булгаринскій отзывъ имѣлъ въ виду Лермонтовъ, когда, въ предисловіи ко II-му изд. „Героя нашего времени“, насмѣшливо открещивался отъ „гордой мечты сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ“.

Еще поверхностнѣе понялъ Лермонтова такой въ общемъ литературно- и общественно-чуткій человѣкъ, какъ Никитенко. Занявшись стихотвореніями Лермонтова, онъ только и оцѣнилъ въ нихъ что „сладостные звуки“ и ни больше, ни меньше какъ совѣтывалъ ему отдѣлаться отъ настроеній, сказавшихся въ «Первомъ января» (О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ, и дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью), въ „И скучно и грустно“ (И жизнь какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,—такая пустая и глупая шутка...), въ „Благодарности“ (За все Тебя благодарю я: за тайныя мученія страстей, за горечь слезъ, отраву поцѣлуя, за месть враговъ и клевету друзей; за жаръ души, растраченный въ пустынѣ, за все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ... устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ недолго я еще благодарилъ), т. е. отдѣлаться отъ всего того, что составляетъ самую основную сущность лермонтовскаго душевнаго склада. Приводимъ конецъ рецензіи Никитенки, забавной уже по одному тону обращенія съ *премилой* поэзіей Лермонтова:

„Мы за то и благодарны господину Лермонтову, что у него идеи сдѣлались премилыми, преумными пьесками: онѣ вотъ какъ-то сосредоточились въ его теплой и крѣпкой душѣ, не разлетѣлись въ разныя стороны по пространству безконечнаго, организовались, какъ слѣдуетъ всему живому въ природѣ—получили такое хорошенькое тѣло, стройное, здоровое, бѣлое, съ самою прекрасною головкою, съ глазами, полными страсти и ума, съ носикомъ, немножко вздернутымъ, потому что это ужъ нѣчто фамильное у всѣхъ олицетворенныхъ идей нашего вѣка: но вѣдь, это только новый оттѣнокъ прелести. Вотъ идея стала живымъ существомъ, настоящею поэзіею, которая наконецъ устроившись совсѣмъ въ своей внутренней экономіи, получивъ уже и порядочное воспитаніе, какъ и слѣдуетъ всякой благородной поэзіи, раскрыла, наконецъ, свои бархатныя алыя уста, и заговорила такими энергическими, живыми, легкими, ясными, такими классическими стихами, что даже строгая и важная критика, заслушавшись ихъ, уронила свой анатомическій ножичекъ и бросилась обнимать и цѣловать милую гостью. Извѣстно, однакожъ, что истинная критика (есть много и ложныхъ) нелегко предается безотчетнымъ восторгамъ; она тотчасъ оправилась, подняла свой ножичекъ, подошла опять къ прелестной поэзіи и сказала ей съ нѣжностью: «Какія же вы хорошенькія, милая сестрица (доказательство, что критика и поэзія не только не чужды другъ другу, но даже родныя!)! Я безъ памяти васъ полюбила! Позвольте же, моя милая, безъ церемоній, поправить немножко вашъ туалетъ; вотъ тутъ виситъ нѣсколько лишнихъ лентъ что-ли, которыя мотаются такъ, безъ нужды, и портятъ только изящную гармонію вашего наряда: мы отрѣжемъ ихъ. Станьте ко мнѣ спиной, вотъ такъ: *первое января* долой, *и скучно и грустно*—также, *благодарность* тоже. Смотрите, душечка, кто это вамъ присовѣтовалъ пришить сѣрые лоскутки? Что въ нихъ хорошаго, достойнаго вашей прелестной физіономіи? Вмѣсто мужественныхъ, жаркихъ, благородныхъ мыслей, которыя вы такъ любите, тутъ выведены самые обыкновенные траурные узоры, въ родѣ отцвѣтшихъ надеждъ, угасшихъ страстей, поэтическаго презрѣнія къ толпѣ—однимъ словомъ, эти *лирическія личности* души, обезсиленной своими собственными стремленіями, тщетными притязаніями на право, на которое нѣтъ права,—на право высшаго существованія. Фи! Это совсѣмъ пойдетъ къ вамъ. Вы дитя доблести и силы, дитя истиннаго поэтическаго призванія. Ваши самыя слезы должны быть пролиты только во имя великихъ скорбей человѣчества, а не во имя вашей домашней скуки, чтобъ отъ этихъ слезъ

какъ отъ благодатной росы неба, прозябло въ душѣ людей святое сочувствіе ко всему человѣчеству. Нѣкоторые говорятъ, будто все, что красавица ни скажетъ, ни сдѣлаетъ, ни надѣнетъ,—все чудо совершенства, не вѣрьте этимъ пустякамъ. Что нехорошо, то нехорошо всегда и вездѣ. Вѣтка пальмы не сдѣлается благоухающею лиліею, хотя-бы по странной прихоти красавица приколола ее у самой груди своей. Впрочемъ, я говорю вамъ такъ единственно потому, что люблю васъ: вѣдь, вы не сердитесь? Не правда-ли?

Намъ сказывали, что поэзія выслушала все это очень благосклонно... („Сынъ Отеч.“, 1841, № 1).

Бѣдный профессоръ! Онъ вѣдь былъ серьезно убѣжденъ, что направляетъ „премилую“ поэзію Лермонтова на надлежащій путь! А теперь, послѣ болѣе чѣмъ полувѣкового господства толкованія Бѣлинскаго, уже каждый гимназистъ знаетъ, что Лермонтовъ поэтъ не „премилый“, а „мятежный“ и что именно мятежность-то и отводитъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ во всемірной поэзіи. Преблагородно, конечно, было со стороны Никитенки и то, что онъ требовалъ отъ Лермонтова „слезъ“, отъ которыхъ, „какъ отъ благодатной росы неба, прозябло-бы въ душѣ людей святое сочувствіе ко всему человѣческому». Но онъ проявилъ феноменальное отсутствіе чутья, не замѣтивши ихъ у поэта, все творчество котораго было однимъ сплошнымъ рыданіемъ. Столь-же смѣшно, конечно, и зачисленіе лермонтовской тоски въ разрядъ „домашней скуки“. Въ дѣйствительности, та часть поколѣнія 40-хъ г.г., отъ котораго „прозябло“ въ русской жизни „святое сочувствіе ко всему человѣческому“ полюбило Лермонтова превыше всѣхъ поэтовъ, на жгучести его чувства воспитало свою бодрость и именно изъ лермонтовской глубоко-общественной, а не никакъ не „домашней“ тоски, почерпнуло стремленіе къ обновленію старыхъ формъ общественной жизни.

Второй профессоръ, писавшій о Лермонтовѣ—Сенковскій тоже нашелъ, что сборникъ его стихотвореній (1840) есть „собраніе пьесъ, бо́льшею частью очень короткихъ, но всегда *чрезвычайно милыхъ*, и показывающихъ въ авторѣ *прелестный* поэтическій талантъ“. Выписавъ цѣликомъ „Молитву“, „Дары Терека“, „Казачью Колыбельную пѣсню“, «Ребенку», „Вѣтку Палестины“ и взявъ лишь первые два стиха изъ „Думы“, въ которой только и нашелъ, что много „красоты“, критикъ закончилъ свою рецензію сожалѣніемъ, что ему приходится „разстаться съ такими *милыми* стихами“ („Библ. д. Чт.“ 1840, т. 43). Впрочемъ, спустя нѣсколько лѣтъ, когда литературное положеніе Лермонтова, подъ вліяніемъ коментаріевъ Бѣлинскаго, до извѣстной степени успѣло дифференцироваться, когда пора *всеобщаго* увлеченія мятежнымъ поэтомъ стала проходить, Сенковскій сталъ значительно иначе относиться къ автору „чрезвычайно милыхъ“ стихотвореній. Въ 1843 г. («Библ. д. Чт.», т. 56) онъ уже находилъ, что „многаго, очень многаго не доставало еще Лермонтову, какъ поэту, между прочимъ литературнаго образованія, немножко хорошихъ свѣдѣній, немножко классической учености, столь полезной для вкуса, для силы и изящества мысли, даже для разнообразія воображенія“. А еще черезъ годъ („Библ. д. Чт.“ 1844, т. 63) Сенковскій уже прямо заявлялъ, что

„Откровенно сказать, „Герой нашего времени“—не такое произведеніе, которымъ русская словесность могла-бы похвастаться. Это, просто, *неудавшійся опытъ юнаго писателя, который еще не умѣлъ писать книгъ, учился писать; слабый, нетвердый очеркъ* молодого художника, который обѣщалъ что-то,—великое или малое, неизвѣстно—но только обѣщалъ».

Все это писалось въ пику восторженнымъ гимнамъ „Отеч. Зап“., т. е. Бѣлинскаго.

Но кульминаціонного пункта полное непониманіе Лермонтова достигаетъ въ статьяхъ третьяго профессора—Шевырева, тоже въ высшей степени сочувственно привѣтствовавшаго поэта при его дебютахъ. Отзывъ Шевырева особенно любопытенъ потому, что послѣ Бѣлинскаго онъ былъ безспорно самый видный критикъ начала 40-хъ г.г. Только-что появившаяся въ основанномъ Погодинымъ и имъ „Москвитянинѣ“ знаменитая статья о гніеніи Запада произвела большое впечатлѣніе,—на кого отвратительное, но на очень многихъ и самое благопріятное. И во всякомъ случаѣ статья окончательно утвердила Шевырева въ первыхъ рядахъ литературы и имени его придали во многихъ кругахъ большой престижъ.

Что-же усмотрѣлъ этотъ ученый словесникъ и знатокъ всѣхъ литературъ въ новомъ писателѣ?

Шевыревъ посвятилъ дебютамъ Лермонтова двѣ статьи: одну о „Героѣ нашего времени“, другую о стихотвореніяхъ. Статья о „Героѣ нашего времени“ („Москвитянинъ“ 1841, № 2), въ концѣ концовъ, еще не такъ ужасна, не смотря на всѣ курьезы ея. Уважая искренность всякаго увлеченія, простимъ автору тезиса о гніеніи Запада, когда онъ на протяженіи всей статьи только тѣмъ и занимается, чтобы находить въ романѣ подтвержденія этого тезиса. Такъ по поводу типа Максима Максимовича онъ восклицаетъ: „Какой цѣльный характеръ коренного русскаго добряка, въ котораго не проникла *тонкая зараза западнаго образованія*“.

Опредѣливъ затѣмъ психологію Печорина, какъ „скуку, вѣчный голодъ развратной души“, онъ полагаетъ, что „главный корень всему (этому) злу *западное воспитаніе*, чуждое всякаго чувства вѣры“. Печоринъ, по мнѣнію Шевырева, принадлежитъ къ числу тѣхъ „пигмеевъ зла, которыми такъ обильна теперь повѣствовательная и драматическая литература Запада“. Онъ „есть одинъ только призракъ, отброшенный на насъ Западомъ, тѣнь его недуга, мелькающая въ фантазіи нашихъ поэтовъ, un mirage de l'occident“.

А происходятъ на Западѣ прямо ужасныя вещи, волосы дыбомъ встаютъ: „вѣкъ гордой философіи, которая духомъ человѣческимъ думаетъ постигнуть всѣ тайны міра, и вѣкъ суетной промышленности, которая угождаетъ наперерывъ всѣмъ прихотямъ истощеннаго наслажденіями тѣла—такой вѣкъ этими двумя крайностями выражаетъ самъ собою недугъ, его одолѣвающій. Не гордость-ли человѣческаго духа видна въ этихъ *злоупотребленіяхъ личной свободы воли и разума*, какія замѣтны во Франціи и Германіи? Развратъ нравовъ, унижающій тѣло, не есть-ли зло, признанное необходимымъ у многихъ народовъ Запада и вошедшее въ ихъ обычаи?—Между этими двумя крайностями какъ не погибнуть, какъ не изсохнуть душѣ, безъ питательной любви, безъ вѣры и надежды, которыми только и можетъ поддерживаться ея земное существованіе?“

Такъ характеризовалась одна изъ самыхъ идеалистическихъ эпохъ всемірной исторіи, эпоха „молодой Германіи“ и полоса возникновенія „утопій“ во Франціи, когда и „вѣра“ и „надежда“ въ близкое наступленіе чуть-ли не царства Божія на землѣ овладѣла самыми трезвыми умами, когда, по не разъ уже цитированному нами свидѣтельству Щедрина, съ „гнилого“ Запада „лилась на насъ вѣра въ человѣчество“ и „возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ не позади, а впереди насъ“.

Шевыревъ во всемъ этомъ видѣлъ одинъ „развратъ“, или вѣрнѣе онъ даже и приблизительно не понималъ характеръ, силу и внутренній смыслъ новыхъ европейскихъ теченій. Это, конечно, было его право, но курьезно,

что онъ и Лермонтова, со смѣлостью, достойною лучшей участи, тоже записалъ въ свою вѣру. «По мнѣнію автора», говоритъ Шевыревъ, «Печоринъ есть герой нашего времени. Въ этомъ выражается и взглядъ его на жизнь, намъ современную, и основная мысль произведенія. Если это такъ, стало быть, вѣкъ нашъ тяжко боленъ—и въ чемъ же заключается главный недугъ его?—Если судить по тому *больному*, которымъ дебютируетъ фантазія нашего поэта,—то этотъ недугъ вѣка заключается въ гордости духа и въ низости пресыщеннаго тѣла!—*И въ самомъ дѣлѣ, если обратимся мы на Западъ, то найдемъ, что горькая ироніа автора есть тяжкая правда*».

Такимъ образомъ Шевыревъ приходилъ къ такому-же выводу, какъ и Булгаринъ; но съ тою разницею, что по Булгарину «Герой нашего времени» есть правоучительный разсказъ, имѣющій цѣлью показать, какъ не хорошо быть эгоистомъ и какъ «эгоизмъ» ведетъ къ гибели, а Шевыревъ все свелъ къ желанію Лермонтова изобразить пагубныя послѣдствія «гордости духа», занесеннаго къ намъ съ развратнаго Запада. Смиренія побольше, вотъ что хотѣла сказать «горькая ироніа» и «тяжкая правда» Лермонтова.

Какъ ни курьезно и, можно сказать безъ всякаго преувеличенія, дико превращеніе Лермонтова въ славянофильствующаго проповѣдника смиренія, того самаго Лермонтова, о которомъ, повторяемъ, теперь уже на гимназическомъ экзаменѣ полагается отвѣчать, что онъ «мятежный», тѣмъ не менѣе съ этой оцѣнкой, какъ мы уже замѣтили выше, можно еще кое-какъ помириться, усмотрѣвъ въ ней только близорукую тенденціозность. Тутъ нѣтъ, все-таки, той поразительной безвкусицы, того удивительнаго отсутствія эстетическаго чутья, которое Шевыревъ проявилъ въ разборѣ стихотвореній Лермонтова. Этотъ разборъ—одна изъ тѣхъ статей, которая служитъ наиболѣе яркимъ оправданіемъ Бѣлинскому въ его страстныхъ утвержденіяхъ, что Шевыревъ ученый педантъ, совершенно неспособный разбираться въ живыхъ явленіяхъ литературы, еще не классифицированныхъ и не получившихъ опредѣленнаго ярлычка. Простимъ Шевыреву и тутъ кое-что, въ родѣ напр. той смѣшной непослѣдовательности, съ которою онъ, самъ-же пересыпавъ свою статью величайшими комплиментами, вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ, что Лермонтову «еще *рано* было собирать свои звуки, разсѣянные по альманахамъ и журналамъ». Это «*рано*» относится къ Сборнику 1840 г., въ которомъ, за исключеніемъ «Демона» и «Ангела», на лицо всѣ перлы лермонтовской поэзіи, опредѣлившіе ея мѣсто въ исторіи русской литературы. Не поставимъ также критику въ смертельный грѣхъ и то, что, по его мнѣнію, Лермонтовъ «какъ лирикъ, еще не образовался», что «Молитву» «какъ будто написалъ *самъ* Жуковскій», что въ качествѣ образцовъ совершенства Лермонтову указываются кн. Вяземскій и Хомяковъ. Все это вещи простительныя при первомъ появленіи новаго таланта, отъ котораго, какъ отъ высокаго зданія, надо немножко отойти, чтобы понять его размѣры.

Но что сказать о чутьѣ критика, который утверждалъ, что отличительною чертою лермонтовской поэзіи является отсутствіе въ ней «*оригинальнаго, рѣшительнаго характера*» и «какой-то необыкновенный протензмъ таланта, правда замѣчательнаго, но тѣмъ не менѣе опасный развитію оригинальному». Лермонтовская «лира не обозначила еще своего особеннаго строя, и умѣетъ съ большимъ искусствомъ подладить свою на строй, уже извѣстный!» «Въ стихотвореніяхъ Лермонтова мы слышимъ *отзывы уже знакомыхъ намъ лиръ* и читаемъ ихъ какъ будто воспоминанія русской поэзіи послѣдняго двадцатилѣтія». Въ силу всего этого критикъ задается вопросомъ не «предстаетъ-ли

намъ новый поэтъ какимъ-то *эклектикомъ*, который, какъ пчела, собираетъ въ себя всѣ сладости русской музы, чтобы сотворить изъ нихъ новые соты?» Вопросъ рѣшается утвердительно, но критикъ находитъ такое явленіе, «очень естественнымъ въ молодомъ талантѣ, еще не развившемся, еще не достигшемъ своей самобытности». Пріятно, во всякомъ случаѣ то, что «поэтъ подчиняетъ свою музу *не чьей-либо преимущественно, а многимъ*—и это разнообразіе вліяній есть *уже доброе ручательство въ будущемъ*». Современемъ, значитъ, изъ него, пожалуй, выработается и поэтъ самобытный.

Лермонтовъ, какъ извѣстно, не могъ осуществить надеждъ Шевырева на самобытное развитіе, потому что уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ, ничего не прибавивъ къ книжкѣ 1840 г. И переходитъ онъ, такимъ образомъ, по Шевыреву, въ потомство въ качествѣ талантливаго «эклектика» и подражателя «многимъ поэтамъ». Какимъ-же, однако, многимъ? Критикъ не скупится на перечисленіе: и на ряду съ несомнѣннымъ вліяніемъ Байрона и Пушкина, указываетъ цѣлый рядъ другихъ вліяній, болѣе или менѣе фантастическихъ. Чудное *возсозданіе* старины въ «Пѣснѣ про удалого купца Калашникова» есть для него «мастерское *подражаніе* эпическому стилю русскихъ пѣсенъ, извѣстныхъ подъ именемъ собирателя ихъ Кирши Данилова»; «Три пальмы», поражающія насъ съ одной стороны геніальною изобразительностью, а съ другой мрачнымъ отчаяніемъ, «принадлежатъ къ стилю Жуковскаго», у котораго нѣтъ никакой изобразительности и который полонъ только тихой «резиньяціи»; «мелькаютъ, затѣмъ, въ стихотвореніяхъ Лермонтова обороты Баратынскаго и Дениса Давыдова». Однако, главный курьезъ впереди: по мнѣнію тонкаго цѣнителя «протей» и «эклектикъ» Лермонтовъ подражаетъ и притомъ въ *лучшихъ* стихотвореніяхъ.... Бенедиктову!! «Молитва» и «Туча», говоритъ онъ, «*до того отзываются звуками, оборотами, выраженіемъ лиры Бенедиктова, что могли бы быть перенесены въ собраніе его стихотвореній*». Выписавъ затѣмъ оба стихотворенія, проницательный и тонкій эстетическій судья восклицаетъ:

«Читая эти стихи, какъ не припомнить «Полярную звѣзду» и «Незабвенную» Бенедиктова».

Лермонтовъ, возвышающійся до картонной поэзіи Бенедиктова, Лермонтовъ, за наиболѣе удавшіяся ему стихотворенія включаемый въ собраніе сочиненій самаго реторическаго и мишурнаго изъ русскихъ поэтовъ! Вотъ въ какомъ освѣщеніи могъ-бы онъ утвердиться въ сознаніи чутко прислушивающагося къ печатному слову русскаго читателя, если бы эти геркулесовскіе столпы безвкусицы не опрокинулъ силою своего вдохновеннаго толкованія Бѣлинскій.

Наряду съ безподобной увѣренностью Шевырева, что Лермонтовъ подчасъ сочиняетъ не хуже самого Бенедиктова, въ статьѣ имѣются и другія весьма замѣчательныя проявленія тонкаго чутья критика. Такъ напр., вспоминая лермонтовскія «произведенія въ повѣствовательномъ родѣ», онъ замѣчаетъ въ нихъ «способность, которую именуемъ съ нѣмецкаго *объективностью*». Лермонтовъ и объективность! Но еще, конечно, поразительнѣе отысканіе въ Лермонтовѣ «того, что Жанъ-Поль, въ своей Эстетикѣ, такъ прекрасно назвалъ *женственнымъ* геніемъ?» Подумаешь только, какое печальное употребленіе дѣлаютъ иной разъ люди изъ хорошихъ и умныхъ книгъ!

Шевыревъ твердо былъ убѣжденъ, что поэзія Лермонтова представляетъ собою все «отзывы знакомыхъ уже намъ лиръ» и «воспоминанія русской поэзіи послѣдняго двадцатилѣтія». Попадались, однако, вещички у новаго поэта,

которыя какъ будто не были похожи ни на мирнаго Жуковскаго, ни на веселаго Дениса Давыдова, ни на великолѣпнаго, запятаго созерцаніемъ красотъ полярной звѣзды и дѣвъ-чародѣекъ, Бенедиктова. Кому, напр. подражалъ нашъ «эклектикъ», обладающій «женскимъ», т. е. «подчиненнымъ власти другихъ художниковъ» геніемъ въ «Думѣ», въ «И скучно и грустно» и т. п. стихотвореніяхъ? Критикъ сначала былъ смущенъ этими диссонансами.

«Случалось-ли вамъ», спрашиваетъ онъ читателя «по голубому, чистому небу увидѣть вдругъ черное крыло ворона или черное облако, рѣзко противорѣчащее ясной лазури? Такое-же *тягостное впечатлѣніе*, какое производятъ эти *внезапныя* явленія въ природѣ, произвели на насъ *не многія* пьесы автора, мрачно мелькающія въ *свѣтломъ вѣнкѣ* его стихотвореній. Сюда отнесемъ мы: «И скучно и грустно», слова писателя изъ разговора съ журналистомъ, и въ особенности эту черную, траурную, эту роковую «Думу».

Въ самомъ дѣлѣ какая незадача критику: такъ это хорошо приладилъ онъ «свѣтлую» поэзію новаго поэта къ Бенедиктову и вдругъ такія непріятности! Смущеніе его, однако, было самое непродолжительное: «Успокоимся», быстро спѣшитъ онъ прибавить, «*такія произведенія, какъ видно по всему, ихъ окружающему, являются только мгновенными плодами какой-то мрачной хандры, навѣщающей по временамъ поэта*». Послѣ этого критикъ становится въ торжественную позу и обращается къ дебютанту съ величественною нотаціею:

«Поэтъ!... Если васъ въ самомъ дѣлѣ посѣщаютъ такія думы, *лучше-бы таить ихъ про себя* и не повѣрять взыскательному свѣту. Вы даже *обязаны* тѣмъ, какъ художникъ, потому что *такія произведенія, нарушая гармонію чувства, совершенно противны міру прекраснаго*, какъ представитель мыслей современнаго вамъ поколѣнія, потому что эти думы не могутъ отзываться пріятно въ душѣ вашихъ сверстниковъ,—и, наконецъ, вы должны быть побуждены къ тому изъ собственнаго расчета, коль не хотите прослыть въ глазахъ міра играющимъ какую-то выисканную роль преждевременнаго разочарованія».

Предупрежденіе очень любезное: кому-же, въ самомъ дѣлѣ, охота прослыть букой? Да и не дѣло это совсѣмъ поэзіи разстраивать мирнаго читателя нелѣпыми диссонансами. Еще вѣдь старикъ Державинъ такъ это хорошо сказалъ, что поэзія должна быть столь-же пріятна «какъ лѣтомъ сладкій лимонадъ»

Теперь, когда читатель ознакомился съ тѣмъ, какъ авторитетнѣйшая часть современной критики не имѣла и отдаленнѣйшаго представленія о самыхъ основныхъ чертахъ лермонтовской поэзіи, онъ пойметъ всѣ высокія достоинства оцѣнки Бѣлинскаго.

Въ ней прежде всего замѣчательна гармоничность отклика. Статьи Бѣлинскаго о Лермонтовѣ—своего рода варіаціи на лермонтовскіе мотивы, придающія этимъ мотивамъ особую сочность и лермонтовскимъ настроеніямъ особую выпуклость и яркость.

Во вдохновенномъ пересказѣ «Героя нашего времени» и въ выхваченныхъ съ необыкновенно-тонкимъ чутьемъ цитатахъ изъ стихотвореній Лермонтова поэтъ и критикъ какъ-бы сливаются въ одно прекрасное цѣлое Поистинѣ предъ нами алмазъ въ чудной золотой оправѣ, которая своимъ благороднымъ блескомъ еще больше поднимаетъ красоту драгоцѣннаго камня.

Эту созвучность настроенія, это душевное единеніе между глубиною чувствованія Лермонтова и высотою помысловъ Бѣлинскаго мы считаемъ однимъ изъ счастливѣйшихъ событій въ исторіи русскаго литературнаго сознанія. Своимъ возвышеннымъ пониманіемъ комментарій Бѣлинскій облагородилъ многое такое, что въ золотой рудѣ лермонтовской поэзіи оставалось отъ не-

благороднаго состава окружавшей и воспитавшей Лермонтова среды. Въ авторѣ «Героя нашего времени», при всей необыденности его душевнаго склада, все-таки, сидѣло и что-то гвардейское, что-то такое, что главному элементу всего духовнаго существа Лермонтова—печоринству, при иной настроенности критика, могло-бы сообщить оттѣнокъ великосвѣтскаго дэндизма. Бѣлинскій выдѣлилъ всѣ эти приставшіе къ лермонтовскому золоту шлаки, и вывелъ лермонтовскіе порывы на широкій путь вѣчныхъ и высокихъ интересовъ. Статьи Бѣлинскаго дали русскому литературному сознанію надлежащій *тонъ* отношенія къ Лермонтову не только какъ къ поэту высокоталантливому, но и какъ къ духовной организаціи съ совсѣмъ особеннымъ, жгучимъ душевнымъ складомъ, при которой компромиссы съ житейскою пошлостью и мелкотою органически немыслимы.

Но помимо огромной заслуги Бѣлинскаго въ установленіи того тона, который пріобщаетъ читателя къ музыкѣ жгучаго творчества Лермонтова, статьи Бѣлинскаго замѣчательны и по силѣ психологическаго анализа. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ блестящій анализъ психологіи Печорина, который до сихъ поръ остается и самымъ полнымъ, и самымъ тонкимъ, и самымъ вѣрнымъ разборомъ этого сложнаго характера. Бѣлинскій въ общемъ, конечно, подпалъ подъ неотразимое обаяніе, которое Печоринъ производилъ на всѣхъ окружающихъ. Его влечетъ къ себѣ эта выдающаяся, властная личность. Но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отлично сознаетъ и видитъ всѣ его недостатки. Онъ не думаетъ отрицать ни эгоизма Печорина, ни подчасъ прямой его безнравственности. Но, поясняетъ онъ, «сила всегда останется силою и всегда будетъ полна поэзіи»; «въ идеяхъ Печорина много ложнаго, въ ощущеніяхъ его есть искаженіе; но все это выкупается его богатою натурою; *его, во многихъ отношеніяхъ, дурное настоящее обѣщаетъ прекрасное будущее*». Бѣлинскій смотритъ на Печорина всего менѣе какъ на человѣка пресыщеннаго, скучающаго отъ душевной разслабленности, больного собачьей старостью, по глубокомысленному мнѣнію Шевырева. Бѣлинскій показываетъ, что Печоринъ полонъ жажды къ чему-нибудь настоящему, дѣйствительному. Такимъ образомъ предъ нами огромная нравственная сила, полная внутренней бодрости и, ни мало не разочарованная и только не находящая себѣ надлежащаго примѣненія.

Вѣрой въ будущее Печорина и выясненіемъ тоски его по чему-нибудь настоящему, «дѣйствительному» Бѣлинскій подходитъ къ той единственной чертѣ, которую позднѣйшее толкованіе Лермонтова прибавило къ проницательному анализу великаго энтузіаста. Теперь уже болѣе или менѣе утвердилось убѣжденіе, всего ярче выраженное въ заглавіи статьи Н. К. Михайловскаго о Лермонтовѣ, что въ лицѣ Лермонтова-Печорина мы имѣемъ предъ собою «Героя безвременья». С. А. Андреевскій пробовалъ назвать такое пониманіе Лермонтова «фальшивымъ». «Точно и въ самомъ дѣлѣ», иронизируетъ онъ, «послѣ николаевской эпохи, въ періодъ реформъ, Лермонтовъ чувствовалъ-бы себя какъ рыба въ водѣ! Точно послѣ освобожденія крестьянъ и въ особенности въ шестидесятые годы открылась дѣйствительная возможность «вѣчно любить» одну и ту же женщину? Или совсѣмъ искоренилась «лесть враговъ и клевета друзей»? Или «сладкій недугъ страстей превратился въ безконечное блаженство, не «исчезающее при словѣ разсудка»? Или «радость и горе» людей, отходя въ прошлое, перестали для нихъ становиться «ничтожными»... И почему этими вѣковѣчными противорѣчіями жизни могли страдать только современники Лермонтова, въ эпоху формализма?» («Литер. чтенія», стр. 226)

Вся эта иронія потрачена совершенно понапрасну и очень односторонне, потому что она беретъ Лермонтова только со стороны его разочарованности и упускаетъ самое существенное въ немъ, то, что̀ сдѣлало его любимымъ поэтомъ всего менѣе разочарованнаго поколѣнія сверстниковъ Некрасова—бодрую натуру бойца. «Какъ рыба въ водѣ» Лермонтовъ-Печоринъ, конечно, не чувствовалъ-бы себя и въ 60-хъ годахъ, съ ихъ скромнѣйшимъ минимумомъ возможности приложить къ чему-нибудь настоящему тѣ силы, о которыхъ Печоринъ говоритъ: «зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?... А, вѣрно, она существовала и, вѣрно, *было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя*»... Но несомнѣнно, что если въ 40-хъ г.г. Лермонтову его любовь къ родинѣ казалась «странною» только потому, что «ни слава, купленная кровью, ни полнаго гордаго довѣрія покой, ни темной старины завѣтныя преданья», не «шевелили» въ немъ «отраднаго мечтанья», то въ 60-хъ гг. въ такой любви уже ничего страннаго бы не было. И столь-же несомнѣнно, что въ эпоху освобожденія крестьянъ ему никакъ не пришлось-бы конфузиться того, что «съ отрадой, *многимъ незнакомой*», любуется онъ на

. . . . . полное гумно
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно

и что вообще съ любовью къ родинѣ у него связана любовь къ «мужичкамъ». Наконецъ, столь-же безусловно несомнѣнно, что поэтъ, создавшій грандіозный образъ пророка, читавшаго въ «очахъ людей страницы злобы и порока», и въ силу этого начавшаго «провозглашать любви и правды чистыя ученья» ни въ какомъ случаѣ не могъ отнестись сколько-нибудь безразлично къ той, говоря соединенной формулой славянофила Хомякова и западника Бѣлинскаго, «неправдѣ черной» «гнусной россійской дѣйствительности», изъ которыхъ слагалось «безвременье» лермонтовской эпохи.

Бѣлинскій, когда писалъ статью о «Героѣ нашего времени», еще находился всецѣло въ періодѣ преклоненія предъ «разумностью» дѣйствительности и «гнусность» ея еще не обрисовалась передъ его духовнымъ взоромъ (см. т. IV, очеркъ «Бакунинско-гегеліанскій періодъ жизни Бѣлинскаго»). Когда писалась статья о стихотвореніяхъ Лермонтова, слѣпота уже начинала соскакивать, но новое міросозерцаніе еще не сложилось окончательно. Поэтому безплодная трата великихъ силъ Печорина еще не была прямо и опредѣленно связана въ его представленіи съ безвременьемъ николаевской эпохи. Но своею вѣрою въ достойное *будущее* Печорина Бѣлинскій сдѣлалъ все для выясненія того, что печальное *настоящее* не даетъ развернуться и развиться великимъ силамъ, дремлющимъ въ душахъ людей съ высокимъ сознаніемъ своей человѣческой личности. Бѣлинскій такимъ образомъ вполнѣ опредѣленно поставилъ діагнозъ той болѣзни, которой позднѣйшее литературное сознаніе дало только точное названіе.

Бездна, отдѣляющая пониманіе Бѣлинскаго отъ пониманія какъ значительной части публики, такъ и всѣхъ критиковъ, видѣвшихъ въ Печоринѣ второе изданіе вялой пресыщенности Онѣгина, это выясненіе кипѣнія бодрости и жажды дѣятельности въ поэтѣ, котораго всѣ считали воплощеніемъ разочарованности, до такой степени поразительно, что является желаніе отыскать какіе-нибудь особые источники проницательности Бѣлинскаго. И дѣйствительно, нельзя не видѣть связи между статьей о «Героѣ нашего времени», написанной приблизительно въ маѣ и началѣ 1840 г. и знаменатель-

нымъ, оставившимъ глубокій слѣдъ въ душѣ Бѣлинскаго свиданіемъ съ Лермонтовымъ въ апрѣлѣ того-же 1840 года, когда поэтъ, послѣ дуэли съ Барантомъ, сидѣлъ подъ арестомъ въ ордонансъ-гаузѣ. По разсказу Панаева, Бѣлинскій встрѣчался и до того съ Лермонтовымъ у Краевскаго:

«Бѣлинскій пробовалъ было не разъ заводить съ нимъ серьезный разговоръ, но изъ этого никогда ничего не выходило. Лермонтовъ всякій разъ отдѣлывался шуткой или просто прерывалъ его, а Бѣлинскій приходилъ въ смущеніе.

— Сомнѣваться въ томъ, что Лермонтовъ уменъ,—говорилъ Бѣлинскій,—было бы довольно странно; но я ни разу не слыхалъ отъ него ни одного дѣльнаго и умнаго слова. Онъ, кажется, нарочно щеголяетъ свѣтскою пустотою.

И дѣйствительно, Лермонтовъ какъ будто щеголялъ ею, примѣшивая къ ней иногда что-то сатаническое и байроническое: пронзительные взгляды, ядовитыя шуточки и улыбочки, желаніе показать презрѣніе къ жизни, а иногда даже и задорливость бретера.

Когда онъ сидѣлъ въ ордонансъ-гаузѣ послѣ дуэли съ Барантомъ, Бѣлинскій навѣстилъ его; онъ провелъ съ нимъ часа четыре, глазъ на глазъ, и отъ него прямо пришелъ ко мнѣ.

Я взглянулъ на Бѣлинскаго и тотчасъ увидѣлъ, что онъ въ необыкновенно пріятномъ настроеніи духа.

— Знаете-ли, откуда я?—спросилъ Бѣлинскій.

— Откуда?

— Я былъ въ ордонансъ-гаузѣ у Лермонтова, и попалъ очень удачно. У него никого не было. Ну, батюшка, въ первый разъ я видѣлъ этого человѣка настоящимъ человѣкомъ!... Вы знаете мою свѣтскость и ловкость: я взошелъ къ нему и сконфузился, по обыкновенію. Думаю себѣ: ну, зачѣмъ меня принесла къ нему нелегкая? Мы едва знакомы, общихъ интересовъ у насъ никакихъ, я буду его женировать, онъ меня... Что еще связываетъ насъ не много,—такъ это любовь къ искусству, но онъ не подается на такіе разговоры... Я, признаюсь, досадовалъ на себя и рѣшился пробыть у него не больше четверти часа. Первыя минуты мнѣ было неловко, но потомъ у насъ завязался какъ-то разговоръ объ англійской литературѣ и Вальтеръ-Скоттѣ... «Я не люблю Вальтеръ-Скотта,—сказалъ мнѣ Лермонтовъ,—въ немъ мало поэзіи. Онъ сухъ». И онъ началъ развивать эту мысль, постепенно одушевляясь. Я смотрѣлъ на него—и не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Лицо его приняло натуральное выраженіе, онъ былъ въ эту минуту самимъ собою... Въ словахъ его было столько истины, глубины и простоты! Я въ первый разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ я всегда желалъ его видѣть. И онъ перешелъ отъ Вальтеръ-Скотта къ Куперу и говорилъ о немъ съ жаромъ, доказывалъ, что въ Куперѣ несравненно болѣе поэзіи, чѣмъ въ Вальтеръ-Скоттѣ, и доказывалъ это съ тонкостію, съ умомъ—и что удивило меня—даже съ увлеченіемъ. Боже мой! Сколько эстетическаго чутья въ этомъ человѣкѣ! Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа въ немъ!... Не даромъ же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ наконецъ удалось-таки его видѣть въ настоящемъ свѣтѣ. А вѣдь чудакъ. Онъ, я думаю, раскаивается, что допустилъ себя хотя на минуту быть самимъ собою,—я увѣренъ въ этомъ...» (Панаевъ, Литер. Воспоминанія, Спб. 1876 г. стр. 178—180).

Разсказъ Панаева вполнѣ подтверждается [1]) разсказомъ самого Бѣлин-

[1]) Одно время къ нему относились съ недовѣріемъ. Въ своей біографіи Лермонтова, приложенной къ Глазуновскому изданію 1873 г., А. Н. Пыпинъ назвалъ его «не вполнѣ достовѣрнымъ, на основаніи словъ лица, бывшаго свидѣтелемъ разговора» (Пыпинъ, Бѣлинскій, II, 37). Но уже черезъ 2 года, занявшись біографіею Бѣлинскаго, онъ наткнулся на приводимое дальше письмо и, конечно, взялъ обвиненіе обратно. Тѣмъ не менѣе заподозриваніе цѣннаго разсказа Панаева не исчезло въ литературѣ. Еще въ

скаго въ письмѣ его къ Боткину отъ 19-го апрѣля 1840 г. Подробности почти одинѣ и тѣ же, но, въ передачѣ Бѣлинскаго, онѣ выиграли въ страстности и силѣ и томъ невыразимомъ нравственномъ обаяніи, которое всегда испытываешь, когда предъ нами раскрывается хрустально-чистая душа Бѣлинскаго въ порывахъ его энтузіазма.

«Недавно былъ я у Лермонтова въ заточеніи—пишетъ Бѣлинскій другу,—и въ первый разъ поразговорился съ нимъ отъ души. Глубокій и могучій духъ! Какъ онъ вѣрно смотритъ на искусство, какой глубокій и чисто-непосредственный вкусъ изящнаго! О, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго! Чудная натура! Я былъ безъ памяти радъ, когда онъ сказалъ мнѣ, что Куперъ выше В.-Скотта, что въ его романахъ больше глубины и больше художественной цѣлости. Я давно такъ думалъ и еще перваго человѣка встрѣчаю, думающаго также. Передъ Пушкинымъ онъ благоговѣетъ, и больше всего любитъ «Онѣгина». Женщинъ ругаетъ: однихъ за то... другихъ за то... Мужчинъ онъ также презираетъ, но любитъ однѣхъ женщинъ, и въ жизни только ихъ и видитъ. Взглядъ чисто—онѣгинскій. Печоринъ—это онъ самъ какъ есть. *Я съ нимъ спорилъ, и мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого.* Я это сказалъ ему—онъ улыбнулся и сказалъ: дай Богъ! Боже мой, какъ онъ ниже меня по своимъ понятіямъ, и какъ я безконечно ниже его въ моемъ предъ нимъ превосходствѣ. Каждое его слово—онъ самъ, вся его натура во всей глубинѣ и цѣлости своей. Я съ нимъ робокъ—меня давятъ такія цѣлостныя, полныя натуры, я передъ нимъ благоговѣю и смиряюсь въ сознаніи своего ничтожества». (Пыпинъ, Бѣлинскій, т. II, 38).

Касаясь этого знаменательнаго свиданія, Н. К. Михайловскій, между прочимъ, говоритъ:

«Наши художники-живописцы, вообще говоря, довольно равнодушны къ русской литературѣ и въ особенности къ ея исторіи. Но фигуры Лермонтова и Бѣлинскаго достаточно, кажется, популярны и крупны, чтобы заинтересовать художника, и мудрено найти тему для картины, болѣе благодарную, чѣмъ это собесѣдованіе великаго критика и великаго поэта въ ординарсъ-гаузѣ. Представьте себѣ Лермонтова съ привычно насмѣшливымъ складомъ губъ и пронзительными черными глазами, отъ взгляда которыхъ смущаются тѣ, на кого онъ смотритъ. Смущается, можетъ быть, и Бѣлинскій, что не мѣшаетъ ему, однако, «упорствуя, волнуясь и спѣша», въ горячей рѣчи отстаивать свои «понятія». Онъ твердо увѣренъ въ истинности и возвышенности этихъ понятій; но всѣмъ своимъ чуткимъ и дѣтски-искреннимъ существомъ чувствуетъ, что въ бесѣдующемъ съ нимъ гусарскомъ поручикѣ есть нѣчто, чего въ немъ самомъ нѣтъ и передъ чѣмъ онъ долженъ преклониться». (Михайловскій, Соч. т. 5, стр. 336).

Технически, предложенная сейчасъ задача едва-ли исполнима; едва-ли и самому талантливому живописцу можетъ удасться наглядно передать тѣ внѣшне-неуловимыя проявленія могучей внутренней работы духа, которая происходитъ при задушевной бесѣдѣ людей такой умственной, нравственной, и художественной силы. Но что самъ по себѣ сюжетъ высокозамѣчателенъ и достоинъ воспроизведенія—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Какъ часто живописцы и историки посвящаютъ свои яркія кисти и краснорѣчивыя перья изображенію свиданій великихъ монарховъ,

---

1891 г. симпатичный писатель, но крайне небрежный и несвѣдущій «историкъ» новѣйшей русской литературы, А. М. Скабичевскій повторилъ обвиненіе А. Н. Пыпина въ своей біографіи поэта, приложенной къ павленковскому изданію сочиненій Лермонтова, за что и получилъ суровый укоръ въ цитированной выше статьѣ Н. К. Михайловскаго «Герой безвременья».

послѣ которыхъ «измѣняется ходъ міровыхъ событій». Когда исторія сойдетъ съ офиціально-дипломатической точки зрѣнія и всецѣло отдастъ себя изученію явленій, изъ которыхъ слагается основное зерно всѣхъ историческихъ событій—жизни отдѣльныхъ, незамѣтныхъ въ сосѣдствѣ съ королями и дипломатами рыцарей духа, то такимъ событіямъ, какъ свиданію Бѣлинскаго съ Лермонтовымъ, конечно, будетъ придаваться не меньшее значеніе, чѣмъ свиданію самыхъ могущественныхъ монарховъ. Да развѣ и здѣсь не было свиданія двухъ могущественнѣйшихъ властителей, за которыми покорно шло одно изъ самыхъ могущественныхъ теченій русской жизни?

И результаты свиданія были ярки и знаменательны. По отношенію къ Лермонтову трудно, конечно, сказать что-нибудь опредѣленное уже потому, что черезъ годъ его не стало. Но нельзя, однако, не обратить вниманія на то, что именно въ этотъ годъ написанъ рядъ стихотвореній, въ которыхъ, одновременно съ обычною жгучестью лермонтовскихъ настроеній, особенно поражаетъ глубина мыслей: «Родина» съ ея совершенно новыми задачами любви къ отчизнѣ, «Валерикъ» съ его протестомъ противъ войны и главнымъ образомъ «Пророкъ»—этотъ великій призывъ провозглашать «любви и правды чистыя ученья» и быть готовымъ переносить во имя ихъ преслѣдованія поклонниковъ грубой силы. «Журналистъ, читатель и писатель» имѣетъ въ концѣ помѣтку: 21 марта 1840, подъ арестомъ на арсенальной гауптвахтѣ". Мы не знаемъ въ точности, когда происходило свиданіе Бѣлинскаго съ Лермонтовымъ: до 21 марта или послѣ. Но это въ данномъ случаѣ и не важно для нашей цѣли. Для насъ цѣнно и знаменательно въ этой глубоковдумчивой пьесѣ то, что поэтъ вводитъ насъ въ свою душевную лабораторію и показываетъ, что происходитъ съ нимъ «когда за ботъ спадаетъ бремя» и когда для него «наступаютъ дни вдохновеннаго труда». Съ удивленіемъ узнаетъ тотъ, кто смотритъ на Лермонтова какъ на представителя эгоистическаго озлобленія, что въ эти благотворныя минуты

Восходитъ чудное свѣтило
Въ душѣ проспувшейся едва:
На мысли, дышащіл силой
Какъ жемчугъ нижутся слова...
Тогда съ отвагою свободной
Поэтъ на будущность глядитъ
И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ.

Если эта бодрящая исповѣдь написана послѣ свиданія съ Бѣлинскимъ, то несомнѣнно, она органически связана съ тѣмъ, что мы узнали изъ письма къ Боткину. Предъ нами художественное выраженіе той соглашающейся и лишенной всякаго озлобленія или отчаянія улыбки, съ которою Лермонтовъ сказалъ Бѣлинскому «дай Богъ». Если-же стихотвореніе написано до свиданія, то, значитъ, Бѣлинскій дѣйствительно замѣчательно удачно пришелъ—дѣйствительно въ такой моментъ, когда сквозь лермонтовскій «разсудочный, охлажденный и озлобленный» взглядъ на жизнь и людей» особено ярко прорвалась «глубокая вѣра въ достоинство того и другого».

Въ томъ и другомъ случаѣ свиданіе получаетъ огромное литературное значеніе, какъ моментъ, когда два духовныхъ вождя великаго поколѣнія 40-хъ годовъ пришли къ полному душевному единенію. Смутная вѣра Бѣлинскаго въ «настоящаго Лермонтова» превратилась теперь въ твердую увѣренность и онъ съ особеннымъ воодушевленіемъ могъ теперь заняться выясне-

ніемъ сокровенной сущности лермонтовскаго пессимизма, могъ показать, что въ этомъ пессимизмѣ нѣтъ ничего ни мертвящаго, ни парализующаго дѣйствительную силу. Изъ коментаріевъ или вѣрнѣе варіацій Бѣлинскаго на лермонтовскія поэмы читатель выноситъ не отчаяніе, а только очень высокій критерій. Безъ этихъ коментаріевъ было бы непонятно, почему рвавшееся къ новой жизни молодое поколѣніе 40-хъ г.г. именно «пессимиста» Лермонтова полюбило больше всѣхъ поэтовъ и поставило его выше чуждаго какого бы то ни было отчаянія Пушкина. Но въ томъ-то и дѣло, что всего менѣе выносило оно изъ Лермонтова отчаяніе. Перенимало оно только глубину презрѣнія къ пошлости и то необыкновенно высокое сознаніе своей личности, которымъ проникнуты всѣ герои Лермонтова и всѣ его настроенія. Лермонтову не разъ казалось, что жизнь «пустая и глупая шутка», и было ему часто «и скучно и грустно», но все это отъ избытка силъ, отъ того, что требованія были огромныя. И вотъ это-то внутреннее кипѣніе бодрости и подсмотрѣлъ Бѣлинскій, эту полноту жизни при внѣшней разочарованности онъ и выясняетъ въ своихъ коментаріяхъ и варіаціяхъ и въ этомъ ихъ огромное значеніе.

Источникъ прозорливости Бѣлинскаго лежалъ, конечно, въ собственной его настроенности, восторженной, бодрой, рвавшейся на борьбу. Изъ сокровеннѣйшей глубины взволнованной души критика вылились эти пламенныя поясненія къ самому жгучему изъ русскихъ писателей. Весь горѣлъ Бѣлинскій, нашедши предметъ, по поводу котораго онъ могъ высказать всю полноту переполнявшихъ его восторженныхъ порываній. Вотъ почему эти статьи принадлежатъ къ самымъ яркимъ проявленіямъ того «великаго сердца», которое намъ кажется главнымъ источникомъ литературнаго значенія Бѣлинскаго. Никакая самая проницательная и умная статья о поэтѣ не можетъ ограничиваться однимъ холоднымъ анализомъ. Нельзя красоту, глубину и жгучесть показать наглядно, нельзя *убѣдить*, что данное поэтическое настроеніе глубоко, жгуче, красиво выражено. Но можно передать часть своей *вѣры*. И тутъ-то «великое сердце» Бѣлинскаго, чутко уловивъ все, что было благороднаго въ поэзіи Лермонтова и высказалось во всей своей силѣ и нравственной красотѣ.

27) Стр. 63. «Отеч. Зап.» 1841 г., т. XV, № 3. Ценз. разр. отъ 28 февр. 1841 г. Въ изд. Солдатенкова (т. XII) вошло съ опущеніемъ примѣчанія.

28) Стр. 64. Въ этомъ, подписанномъ «редакціей», примѣчаніи, Краевскому едва-ли принадлежитъ больше двухъ, трехъ строкъ. Вся программа будущей книги, несомнѣнно, могла быть дана только самимъ Бѣлинскимъ.

Мысль составить «Теоретическій и критическій курсъ русской литературы» очень занимала Бѣлинскаго и онъ много сдѣлалъ для ея осуществленія. Кромѣ 1) настоящей статьи, къ задуманному курсу примыкаютъ: 2) четыре статьи о народной литературѣ—см. дальше въ настоящемъ томѣ ст. №№ 544, 550, 557 и 565. 3—5) оставшіяся незаконченными и не напечатанными статьи — «Идея искусства»; «Общее значеніе слова: литература»; «Общій взглядъ на народную поэзію и ея значеніе» - см. дальше въ настоящемъ томѣ ст. №№ 572, 573, 574 и 575. Въ значительной степени знаменитыя статьи о Пушкинѣ могутъ считаться исполненіемъ намѣренія Бѣлинскаго дать въ своемъ курсѣ «исторію книжной русской литературы отъ Кантемира и Ломоносова до Карамзина, отъ Карамзина до Пушкина и отъ Пушкина до 1841 г. включительно».

Осуществить вполнѣ свою мысль Бѣлинскому не удалось ни «къ началу слѣдующаго 1842 года», ни позже. Усердно поработавъ въ теченіе 1841 г. надъ назначенными для «Курса» статьями о народной литературѣ, онъ затѣмъ

въ 1844—45 г.г. опять съ большимъ увлеченіемъ пишетъ разросшіяся въ настоящій курсъ исторіи новой русской литературы статьи о Пушкинѣ. Оставшіяся незакопченными и ненапечатанными статьи №№ 572—575, кажется, писаны послѣ статей о Пушкинѣ. Но къ тому, чтобы собрать всѣ эти membra disjecta въ одно цѣльное сочиненіе онъ такъ и не приступилъ. Ср. прим. 321.

Объ источникахъ и цензурныхъ судьбахъ «Раздѣленія поэзіи на роды и виды» см. дальше прим. 46.

29) Стр. 66. Бѣлинскій тутъ очень неосторожно положился на переводъ Полевого, не только извратившаго «Гамлета», но еще прямо сочинявшаго для вящаго эфекта, цѣлыя фразы и мысли, которыхъ нѣтъ у Шекспира (вспомнимъ знаменитое восклицаніе «за человѣка страшно», котораго нѣтъ въ оригиналѣ). Въ данномъ случаѣ у Шекспира нѣтъ и намека на игру оттѣнками между «непокрытымъ» и «открытымъ»

Вотъ буквальный переводъ всей пѣсни Офеліи, изъ которой взяты цитированные Бѣлинскимъ стихи перевода Полевого: «Онъ умеръ и ушелъ милэди! Онъ умеръ и ушелъ! Въ головахъ его травянозеленый дернъ, въ ногахъ камень. Бѣлъ его саванъ какъ горный снѣгъ! Усыпанъ онъ прекрасными цвѣтами, которые зарыты въ могилу, окропленные ливнемъ слезъ вѣрной любви» (Шекспиръ въ переводѣ А. Л. Соколовскаго, т. II).

Въ оправданіе Полевого можно, впрочемъ, сказать, что нѣтъ ни одного *стихотворнаго* перевода (какъ между русскими, такъ и нѣмецкими), который сколько-нибудь точно передавалъ-бы пѣсеньки сумасшедшей Офеліи. Онѣ такъ поэтичны, что всякому переводчику-поэту хочется удержать ихъ обаяніе, а это при буквальной передачѣ почти немыслимо.

30) Стр. 66. Въ противоположность Полевому, Козловъ довольно точно передалъ (хотя и другимъ размѣромъ) какъ самую пѣснь Дездемоны, такъ и ея припѣвъ («Sing all a green willow» и «Sing willow, willow, willow»).

31) Стр. 68. Сноска сдѣлана по ошибкѣ.

32) Стр. 69. Начиная постепенно отходить отъ прежнихъ идеаловъ строго-объективнаго искусства (ср. примѣч. 11, 21, 207), Бѣлинскій въ Шекспирѣ цѣнитъ теперь лиризмъ. А въ «Литер. мечтаніяхъ» онъ, выдвигая идеалъ «холодности» поэта, которая есть «высочайшій зенитъ художественнаго совершенства» (I, стр. 321), какъ на образецъ достиженія этого идеала указываетъ именно на Шекспира.

33) Стр. 73. Весьма странное отождествленіе «разумной необходимости» со спеціально-греческимъ понятіемъ о слѣпомъ и *не*разумномъ рокѣ.

34) Стр. 73. Теперь пишутъ или Айвенго или Ивангое.

35) Стр. 80. Совсѣмъ теперь забытыя «Сен-Ронанскія Воды» Вальтеръ-Скота такъ волновали Бѣлинскаго, что онъ, какъ мы увидимъ изъ писемъ его, съ величайшимъ энтузіазмомъ переписывался о нихъ съ ближайшимъ другомъ своимъ, Василіемъ Боткинымъ.

36) Стр. 82. И это вторичное обѣщаніе (см. т. V, стр. 579 прим. 298) не было исполнено.

37) Стр. 89. Отголоски лѣтъ, когда Бѣлинскій примыкалъ къ «скептическому» настроенію нашей исторіографіи. Ср. I, прим. 38; II, пр. 148 и особенно 158.

38) Стр. 91. Бѣлинскій очень легко раздаетъ эпитеты непереводимости (ср. пр. 20 и 322). Даже «заключенныя въ тѣсномъ кругу народной индивидуальности» произведенія всякой народной поэзіи вполнѣ, все-таки, поддаются переводу и читаются съ интересомъ. «Калевала» съ ея чисто-финскимъ со-

держаніемъ всѣмъ доступна. Знаменитая Лонгфеловская «Пѣснь о Гайаватѣ», съ очень небольшими измѣненіями передающая сказанія сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, тоже чрезвычайно интересна. Если русская народная поэзія до сихъ поръ еще мало привлекала къ себѣ вниманіе переводчиковъ, то не потому, однако, чтобы переводъ представлялъ какія-нибудь особенныя трудности или лишалъ былины и другія сказанія интереса. Извѣстный переводчикъ Ф. Ф. Фидлеръ перевелъ почти весь циклъ русскихъ героическихъ сказаній, и его трудъ, вѣроятно, скоро увидитъ свѣтъ. О взглядѣ Бѣлинскаго на народную поэзію см. дальше ст. №№ 544, 550, 557, 565.

39) Стр. 93. Весьма странный подборъ. Первоклассныя литературныя имена Ричардсона, Фильдинга, Лесажа, Гюго, Диккенса (Бѣлинскій все еще его не оцѣнилъ; ср. т. V, пр. 279) попали въ одну компанію съ Поль-де Кокомъ, Маріетомъ и др.

40) Стр. 94. Обычное въ 30-хъ и 40-хъ гг. преувеличеніе Вальтеръ-Скотта.

41) Стр. 97. Фаросъ (по-гречески)—маякъ.

42) Стр. 110. Какъ и все задуманное «сочиненіе», и это намѣреніе не было приведено въ исполненіе.

43) Стр. 110. Начиная теперь значительно смягчаться къ французамъ въ политическомъ отношеніи (V, пр. 271), Бѣлинскій все еще продолжаетъ безмѣрно строго относиться къ французской литературѣ. (Ср. III, пр. 92, 258, 185, 288, 293; IV, пр. 9, 24, 189; V, пр. 11, 22, 78, 126). «Ничего общаго не имѣютъ» съ искусствомъ Расинъ и Корнель!

44) Стр. 112. Въ примѣчаніяхъ къ статьѣ о Грибоѣдовѣ (V, прим. 38) мы уже отмѣтили, что, очнувшись отъ право-гегеліанскаго угара, горько раскаявался позднѣе Бѣлинскій въ своей несправедливой оцѣнкѣ великой сатиры. Отмѣчаемое мѣсто принадлежитъ къ числу страстныхъ опроверженій самого себя. Еще страстнѣе покаяніе въ частной перепискѣ. Василію Боткину онъ писалъ въ декабрѣ 1840 г.:

«Послѣ этого (статьи «Менцель») всего тяжелѣе мнѣ вспомнить о «Горѣ отъ ума», которое я осудилъ съ художественной точки зрѣнія и о которомъ говорилъ свысока, съ пренебреженіемъ, не догадываясь, что это—благороднѣйшее, гуманическое произведеніе, энергическій (и при томъ еще первый) протестъ противъ гнусной расейской дѣйствительности, противъ чиновниковъ, взяточниковъ, баръ-развратниковъ, противъ... свѣтскаго общества, противъ невѣжества, добровольнаго холопства *и пр. и пр. и пр.*» (Пыпинъ, II, 78).

45) Стр. 113. Очевидно, описка или опечатка.

46) Стр. 118. Если судить по введенію, то будущій курсъ Бѣлинскаго, конечно, представилъ-бы собою высокоинтересное литературное явленіе, но именно только чисто литературное. Довольно мало напоминаетъ это введеніе научный эстетическій или историко-литературный трактатъ, т. е. нѣчто такое, гдѣ взвѣшено каждое слово и господствуетъ пропорціональное распредѣленіе матеріала. Предъ нами обычная страстная критическая статья Бѣлинскаго, полная всякихъ лирическихъ отступленій и уклоненій въ сторону. А уже о пропорціональности и говорить нечего. На князѣ Одоевскомъ введеніе къ будущему «курсу» останавливается съ тою же подробностью, какъ и на Гомерѣ, о двухъ романахъ Вальтера Скотта и Купера говорится больше, чѣмъ о всѣхъ другихъ величайшихъ произведеніяхъ всемірной литературы.

Источники, которыми пользовался Бѣлинскій, немногочисленны, и онъ ихъ всѣ и называетъ. Въ ряду ихъ главное мѣсто занимаетъ: «Исторія поэзіи» Шевырева. Расходясь съ Шевыревымъ—критикомъ текущихъ литературныхъ

явленій и считая его педантомъ, лишеннымъ живого эстетическаго пониманія, Бѣлинскій, однако, очень часто прибѣгалъ къ его книгѣ, какъ къ собранію характерныхъ и цѣнныхъ цитатъ. Даже въ письмахъ къ Боткину онъ дѣлаетъ длинныя выписки этихъ цитатъ (Пыпинъ II, 80).

Но кромѣ печатныхъ источниковъ, Бѣлинскому оказалъ весьма существенную помощь одинъ изъ очень близкихъ къ нему тогда друзей—Катковъ. Мы уже отмѣчали въ предыдущихъ томахъ (ср. IV, прим. 178; V, 100) кое-что, говорящее о большомъ вліяніи, которое оказалъ на Бѣлинскаго Катковъ, знакомившій его съ очень многими явленіями западно-европейской литературно-философской мысли. Еще больше мы встрѣтимся съ отдѣльными чертами катковскаго вліянія въ перепискѣ Бѣлинскаго. При составленіи настоящаго введенія въ Курсъ, Катковъ сдѣлалъ для него нѣчто очень существенное. Передавая содержаніе одного изъ относящихся къ марту 1841 г. писемъ Бѣлинскаго къ Боткину, А. Н. Пыпинъ сообщаетъ:

«Бѣлинскій говоритъ потомъ о своей статьѣ, которая должна была появиться въ 3-ей книгѣ «Отеч. Зап.» («Раздѣленіе поэзіи на роды и виды»): онъ впередъ подчиняется строгому приговору Боткина, признавая, что для подобной работы нужна голова болѣе логическая и систематическая, и говоритъ, что въ этой статьѣ воспользовался «тетрадками», оставленными ему Катковымъ, напримѣръ, особенно въ изложеніи лирической поэзіи».

Какъ ни существенна была такая помощь, не слѣдуетъ, однако, преувеличивать ея значенія. Именно потому, что голова для «подобной» работы требовалась болѣе «систематическая», введеніе весьма мало и напоминаетъ стройный научный трактатъ, матеріалы для котораго далъ Бѣлинскому Катковъ. Очевидно, Катковъ далъ ему фактическій матеріалъ, и такъ какъ главное въ статьѣ одушевленіе и тонко-эстетическое *примѣненіе* теоретическихъ положеній къ отдѣльнымъ литературнымъ явленіямъ, то, въ общемъ, конечно, помощь Каткова была не больше той помощи, которую оказала Бѣлинскому печатная книга Шевырева.

Говоря въ томъ же письмѣ о недостаткахъ своей попытки, Бѣлинскій дѣлаетъ такое резюме ея значенія:

«Впрочемъ, что-же? Если я не далъ теоріи поэзіи, то убью старыя, убью наповалъ наши реторики, піитики и эстетики,—а это развѣ шутка? И потому, охотно отдаю на поруганіе честное имя свое».

И это была правда. Конечно, Бѣлинскій не «убилъ» старыя піитики, потому что «Курсъ» не вышелъ, и статья была прочитана только подписчиками «Отеч. Зап.». Но появись книга, она произвела-бы несомнѣнное впечатлѣніе одухотворенностью тѣхъ принциповъ, которыми Бѣлинскій старался замѣнить мертвечину формализма старыхъ реторикъ. Кладя въ основу искусства воспроизведеніе жизни, Бѣлинскій не стѣснялъ его никакими внѣшними правилами. Онъ ставилъ, правда, и весьма опредѣленныя требованія соотвѣтствія съ идеею произведенія. Но идею произведенія онъ понималъ не въ смыслѣ стариннаго заданія извѣстною дидактическою цѣлью и не въ смыслѣ позднѣйшей тенденціозности, а какъ свободное *органическое*, самою своею сущностью обусловленное, развитіе той творческой мысли, которая западаетъ въ душу писателя, когда имъ овладѣваетъ извѣстная художественная задача.

Въ томъ-же письмѣ находимъ нѣкоторыя подробности о цензурныхъ выкидкахъ въ статьѣ: одна относилась къ «Горю отъ ума», о которомъ Бѣлинскій хотѣлъ сказать, что «это произведеніе было обличеніемъ гнусной дѣйствительности» (Пыпинъ, II, 108). Другая выкидка относится: 1) къ «Отеч.

Зап.» 1841 г., № 3, стр. 56; 2) къ изд. Солдатенкова т. XII, стр. 349 и 3) къ нашему изданію, стр. 108. Она слѣдовала у Бѣлинскаго послѣ характеристики «Ромео и Юліи». Бѣлинскій выписывалъ для Боткина все выкинутое мѣсто

«Насъ возмущаетъ преступленіе Макбета и демонская натура его жены но если бы спросить перваго, какъ онъ совершилъ свой злодѣйскій поступокъ, онъ вѣрно отвѣтилъ бы: «и самъ не знаю»; а если бы спросить вторую, зачѣмъ она такъ нечеловѣчески-ужасно создана, она вѣрно бы отвѣтила, что знаетъ объ этомъ столько же, сколько и вопрошающіе, и что если слѣдовала своей натурѣ, такъ это потому, что не имѣла другой... Вотъ вопросы, которые рѣшаются только за гробомъ, вотъ царство рока, вотъ сфера трагедіи!... Ричардъ II возбуждаетъ въ насъ къ себѣ непріязненное чувство своими поступками, унизительными для короля. Но вотъ Болингброкъ похищаетъ у него корону—и недостойный король, пока царствовалъ, является великимъ королемъ, когда лишился царства. Онъ уходитъ въ сознаніе величія своего сана, святости своего помазанія, законности своихъ правъ,—и мудрыя рѣчи, полныя высокихъ мыслей, бурнымъ потокомъ льются изъ его устъ, а дѣйствія обнаруживаютъ великую душу, царственное достоинство. Вы уже не просто уважаете его—вы благоговѣете передъ нимъ».

Сообщеніе Бѣлинскаго не совсѣмъ точно. Если читатель сравнитъ приведенное Бѣлинскимъ мѣсто съ тѣмъ, что напечатано на стр. 108 настоящаго тома, онъ убѣдится, что кое-что уцѣлѣло.

Текстъ «Раздѣленія поэзіи на роды и виды» воспроизведенъ нами какъ всегда, по тексту «Отеч. Записокъ», а не по тексту Солдатенковскаго изданія. Слѣдящіе за нашими примѣчаніями хорошо знаютъ, что журнальный текстъ статей Бѣлинскаго гораздо полнѣе текста Солдатенковскаго изданія, редакторъ котораго Кетчеръ сплошь да рядомъ выбрасывалъ огромные куски (главнымъ образомъ цитаты). На этотъ разъ, однако, оказалось, что текстъ Солдатенковскаго изданія немногимъ—строкъ на 10—15, но, все таки, полнѣе текста «Отеч. Записокъ»: то мѣсто, которое сейчасъ было приведено изъ письма къ Боткина, въ изданіи Солдатенкова напечатано полностью безъ цензурныхъ выкидокъ. Илъ этого ясно, что, печатая «Раздѣленіе поэзіи на роды и виды», Кетчеръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи подлинную рукопись. (Ср. примѣч. 321).

47) Стр. 118. «Отеч. Зап.» 1841 г., т XV, № 4. Цензурою разрѣшено 1 Апр. 1841 г.

48) Стр. 121. Взгляды Бѣлинскаго на задачи историческихъ изслѣдованій довольно таки удивительны въ устахъ бывшаго студента историко-филологическаго факультета. Еще можно было-бы примириться съ тѣмъ, что Бѣлинскій подсмѣивается надъ «цѣлыми томами», посвященными вопросу: «какого цвѣта были доспѣхи Святослава». Въ его время археологія и изслѣдованія внѣшняго быта еще были въ зачаточномъ состояніи, въ періодѣ простого и безсистемнаго собиранія сырыхъ матеріаловъ и еще не были сдѣланы тѣ обобщенія, которыя изъ сопоставленія данныхъ вродѣ «цвѣта доспѣховъ Святослава» создали исторію культуры. Но уже менѣе понятно то, что изысканія о родинкѣ на щекѣ Игоря становятся на одну доску съ вопросомъ о томъ, «откуда пошла Русь», а вопросъ о томъ, откуда пришли татаре: изъ-за Урала или изъ-за Дона—сводится къ тому, ступили-ли они «въ Словенскую землю правою, а не лѣвою ногою». А уже совсѣмъ непонятно убѣжденіе Бѣлинскаго, что историку не стоитъ «хлопотать» надъ вопросами о забалтійскихъ норманахъ и запонтійскихъ татарахъ, потому что тѣ «не внесли въ русскую

жизнь европейскаго элемента, плодотворнаго зерна всемірно-историческаго развитія». Выходитъ, что историкъ долженъ заниматься только явленіями свѣтлыми и благотворными, а явленіями темными, чуждыми «европейскаго элемента» и заниматься не стоитъ.

Было-бы, однакоже, несправедливо ставить Бѣлинскому въ личную вину это, очень часто у него встрѣчающееся, пренебрежительное отношеніе къ детальнымъ историческимъ изысканіямъ, въ которыхъ онъ всегда видѣлъ одно только мелкое крохоборство. Въ то время, съ одной стороны, доживалъ свои послѣдніе дни взглядъ на исторію какъ на «историческое искусство», при которомъ отъ историка требовалась не столько основательность разработки, сколько широта обобщеній и художественная изобразительность. Гоголь, напр., въ своей статьѣ «О преподаваніи всеобщей исторіи», которая съ одобренія Уварова была напечатана въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» и являлась какъ-бы оффиціальной университетской программой, полагалъ, что «всемірная исторія должна собрать въ одно всѣ народы міра, разрозненные временемъ, случаемъ, горами, морями, и соединить ихъ въ одно стройное цѣлое, изъ нихъ составить одну величественную полную поэму».

Если такъ смотрѣлъ на задачи исторіи чуждый философскаго движенія Гоголь, то что уже говорить о Бѣлинскомъ, прошедшемъ сквозь двойное горнило шеллингизма и гегеліанства. Оба эти ученія смотрятъ на исторію вполнѣ абстрактно и телеологически. Мы знаемъ, что уже въ «Литерат. Мечтаніяхъ» Бѣлинскій восторженно слѣдитъ за проявленіемъ единаго всемірно-историческаго процесса въ отдѣльныхъ народахъ. А теперь, подъ вліяніемъ гегеліанства, запросы къ исторіи, которая *должна* непремѣнно уловить единое «всемірно-историческое развитіе», становятся еще настойчивѣе. Бѣлинскій ещеменѣе склоненъ подчиняться тому, что говорятъ реальные историческіе факты и необинуясь вычеркиваетъ изъ историческихъ изученій все то, что не является иллюстраціей абстрактно и апріорно-философски предначертанной всемірной исторіи задачи.

49) Стр. 123. Начало полемики съ Погодино-Шевыревскимъ «Москвитяниномъ», которая будетъ все разгораться и разгораться. Покамѣстъ Бѣлинскій еще сдержанъ и, какъ мы знаемъ, очень тепло привѣтствовалъ вѣсть о предстоящемъ появленіи московскаго журнала. Намеки Бѣлинскаго относятся къ появившимся въ 1 № новаго журнала двумъ статьямъ: восторженному панегирику Погодина—«Петръ Великій» и знаменитому Шевыревскому «Взгляду русскаго на современное образованіе Европы», въ которомъ было провозвѣщено, что «Европа умираетъ» и что Россія найдетъ свое спасеніе въ трехъ «коренныхъ чувствахъ», положенныхъ «мужемъ Царскаго Совѣта» (т. е. Уваровымъ) въ «основу воспитанія народа: самодержавіи, православіи и народности». Какъ это часто бываетъ у Бѣлинскаго, онъ не совсѣмъ точенъ въ цитированіи (см. I, пр. 202; II, пр. 33, 401; III, пр. 62; IV, пр. 193; V, пр. 13). Въ излагаемыхъ имъ статьяхъ не только не сказано, что «желѣзныя дороги ведутъ въ адъ», а, напротивъ того, Погодинъ прямо заявляетъ:

«Можемъ ли мы теперь отказываться отъ употребленія паровъ, желѣзныхъ дорогъ? Не можемъ, даже потому только, что живемъ въ Европѣ. Не можемъ—пары понесутся сами и повезутъ насъ по Волгѣ, по Днѣпру, по Черному морю, будутъ ткать намъ сукно, тянуть бумагу; желѣзныя дороги придутъ сами и лягутъ по нашимъ гатямъ, какъ прежде пришли и установились типографическіе станки, какъ прежде пришли и грянули пушки. Если австрійцы будутъ поспѣвать изъ Вѣны до Варшавы

въ одинъ день, то какъ же намъ ѣхать туда недѣлю» («Москвитянинъ», 1841 г., № 1, отд. I, стр. 12).

50) Стр. 128. Фалака—батоги, которыми въ Турціи и другихъ мусульманскихъ странахъ били по пятамъ.

51) Стр. 131. Эта сноска сдѣлана по недоразумѣнію.

52) Стр. 131. Сергѣй Васильевичъ *Соловьевъ* († 1875).

53) Стр. 143. Продолженіе статьи см. дальше подъ № 534.

54) Стр. 144. «Отеч. Зап.» 1841 г., т. XV, № 3. Ценз. разр. 28 февраля 1841 г. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ многихъ цитатъ и нѣкоторыхъ выводовъ изъ нихъ.

55) Стр. 144. Конечно, Пушкинъ.

56) Стр. 152. Второй разъ восхищается Бѣлинскій этой весьма мало замѣчательною скорбью 12-ти-лѣтней кокетки.

57) Стр. 153. Замѣчаніе Бѣлинскаго совершенно правильно: и «Элегія» Батюшкова и «Къ морю» Козлова представляютъ собою переводъ строфы CLXXVIII и частью CLXXIX-ой IV-ой пѣсни «Чайльдъ-Гарольда». Ср. соч. Батюшкова подъ ред. Л. Н. Майкова, т. I, стр. 439.

58) Стр. 153. «Отеч. Зап.» 1841, т. XV, № 31 Цензур. разр. 28 февр. 1841.

59) Стр. 155. «О прекрасподушіи» см. III, пр. 107, 160; IV. пр. 107, 187.

60) Стр. 157. Цѣлая бездна отдѣляетъ второй отзывъ объ «Аббадонѣ» отъ восторженнаго перваго отзыва, писаннаго въ 1835 г. (т. II, статья № 63). За это время преувеличенное преклоненіе предъ Полевымъ успѣло превратиться въ столь-же преувеличенное преслѣдованіе (См. исторію отношеній Бѣлинскаго и Полевого по примѣчаніямъ, указаннымъ въ прим. 315-мъ настоящаго тома). Несомнѣнно, однако, что, при всѣхъ своихъ придиркахъ, второй отзывъ даетъ гораздо болѣе правильное представленіе о романѣ, чѣмъ преувеличенныя похвалы перваго отзыва.

61) Стр. 157. «Отеч. Зап.» 1841, т. XV, № 3. Ценз. разр. 28 февр. 1841. Имя *Ивана Языкова* больше не встрѣчается въ литературѣ. Ср. еще отзывъ въ «Литер. Газетѣ» 1841, № 33.

62) Стр. 158. «Отеч. Зап.» 1841, т. XV, № 3. Ценз. разр. 28 февр. 1841.

63) Стр. 159. Въ отзывѣ Бѣлинскаго о драмѣ Ивельева чувствуется большая сдержанность. Критикъ явно щадитъ автора и хотя, по долгу добросовѣстности, отмѣчаетъ разныя нелѣпицы и нескладицы, но по возможности старается подсластить и позолотить пилюлю. Это объясняется тѣмъ, что подъ псевдонимомъ Ивельева скрывался въ общемъ очень посредственный писатель, до извѣстной степени даже графоманъ, но человѣкъ въ высшей степени добрый и благородный, добровольно приходившій на помощь всякому нуждающемуся, въ томъ числѣ и Бѣлинскому.

Ивельевъ—псевдонимъ *Ивана Ермолаевича* **Великопольскаго.** Онъ происходилъ изъ старинаго и богатаго дворянскаго рода Великолуцкаго уѣзда Псковской губерніи. Отецъ его былъ генералъ, мать богатая казанская помѣщица, урожденная княжна Болховская. Родился Великопольскій въ Казани 27 декабря 1797 г. Рано лишившись отца, онъ остался на попеченіи умной и дѣятельной матери, которая въ 1812 г. отдала его въ казанскій университетъ, гдѣ онъ пробылъ около трехъ лѣтъ. Въ 1815 г. Великопольскій поступаетъ подпрапорщикомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ. Въ Петербургѣ онъ сближается съ литературными кружками, печатаетъ стихи въ «Благонамѣренномъ» Измайлова и «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія», становится членомъ «Общества любителей словесности, наукъ и художествъ».

Къ 1820 г. относятся весьма крупныя непріятности въ жизни Великопольскаго: онъ проигрываетъ въ карты болѣе 30.000 р. и послѣ извѣстной «семеновской исторіи», въ которой онъ, впрочемъ, не принималъ никакого участія, ему пришлось оставить Петербургъ и перейти на службу въ Псковъ. Псковское пребываніе сблизило его съ Пушкинымъ, у котораго онъ часто бывалъ въ Михайловскомъ. Сближали ихъ не только литературные интересы, но и обоюдная страсть къ картамъ, которая въ концѣ-концовъ ихъ разсорила. Когда въ 1828 г., вылечившись отъ разорявшей его страсти, Великопольскій выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ «Сатиру на игроковъ»—«Къ Эрасту», Пушкинъ напечаталъ въ «Сѣв. Пчелѣ» (1828, № 30), въ общемъ добродушное «Посланіе къ В., сочинителю Сатиры на игроковъ», которое заканчивалось такими прозрачными намеками:

. . . . . Нѣкто мой сосѣдъ,
Въ томленьяхъ благородной жажды
Хлебнувъ Кастальскихъ водъ бокалъ,
На игроковъ, какъ ты, однажды
Сатиру злую написалъ,
И другу съ жаромъ прочиталъ.
Ему въ отвѣтъ его пріятель
Взялъ карты, молча стасовалъ,
Далъ снять,—и нравственный писатель
Всю ночь, увы! понтировалъ!
Тебѣ знакомъ-ли сей проказникъ?
Но встрѣча съ нимъ была бъ мнѣ праздникъ:
Я съ нимъ готовъ всю ночь не спать
И до полдневнаго сіянья
Читать моральныя посланья
И проигрышъ его писать.

Обыкновенно столь добродушный пінта чрезвычайно разсердился—можетъ быть его особенно задѣло сведеніе его усердной поэтической дѣятельности всего только къ тому, что онъ «хлебнулъ Кастальскихъ водъ бокалъ». Онъ тотчасъ же написалъ довольно бойкій и злой «Отвѣтъ знакомому сочинителю посланія ко мнѣ, помѣщеннаго въ № 30 *Сѣверной Пчелы*», гдѣ есть такія строфы:

Съ твоимъ проказникомъ сосѣднимъ
Знакомъ съ давнишней я поры:
Обязанъ другу онъ послѣднимъ
Урокомъ вѣтренной игры!
Онъ очень помнитъ, какъ, смѣняя
Былые рублики въ кисѣ,
Глава «Опѣгина» вторая
Съѣзжала скромно на тузѣ...

Въ печать отвѣтъ Великопольскаго не попалъ, потому что цензура, по увѣренію Булгарина, безъ согласія Пушкина не пропускала этотъ отвѣтъ «какъ личность». Пушкинъ-же не только не далъ своего согласія, но въ небрежно-ласковомъ письмѣ къ Великопольскому, мимоходомъ, бросилъ чрезвычайно-странную угрозу:

«Мнѣ кажется, что вы немножко мною недовольны. Правда-ли? Покрайней мѣрѣ, отзывается чѣмъ-то горькимъ ваше послѣднее стихотвореніе. Неужели вы захотите со мною поссориться не на шутку *и заставить меня, вашего миролюбиваго друга, включить непріязненныя строфы въ 8-ую главу «Онѣгина»*.

Великопольскій вполнѣ справедливо еще болѣе вознегодовалъ и съ тѣхъ поръ избѣгалъ даже говорить о Пушкинѣ.

Въ 30-хъ годахъ матеріальныя дѣла его очень поправились. Онъ и самъ получилъ наслѣдство послѣ матери и взялъ огромное приданое за своей женой, дочерью извѣстнаго московскаго врача, профессора и ректора московскаго университета М. Я. Мудрова. Широко и хлѣбосольно зажилъ Великопольскій въ Москвѣ, задавая балы и вечера. Въ воспоминаніяхъ Панаева находимъ характерную картинку одного изъ такихъ вечеровъ, тѣмъ болѣе для насъ любопытную, что тутъ встрѣчается и имя Бѣлинскаго:

«Великопольскій имѣлъ тогда (1839 г.) собственный домъ на Прѣсненскихъ прудахъ. Однажды онъ давалъ въ этомъ домѣ по какому-то случаю, а можетъ быть—безъ всякаго случая, балъ и пригласилъ къ себѣ всѣхъ старыхъ и новыхъ знакомыхъ и, въ томъ числѣ, меня и Бѣлинскаго... часу въ девятомъ я отправился на балъ... вмѣстѣ съ К. С. Аксаковымъ и Бѣлинскимъ... Домъ его былъ набитъ биткомъ гостями, оркестръ гремѣлъ, танцы были во всемъ разгарѣ. Лакеи безпрестанно разносили разныя прохладительныя, конфекты и фрукты. Толпы любопытныхъ собрались у дома. Садъ на Прѣсненскихъ прудахъ былъ также наполненъ гуляющими. Бѣлинскій, К. Аксаковъ и я недолго оставались въ комнатахъ, гдѣ была нестерпимая духота. Мы пошли гулять на Прѣсненскіе пруды. Когда стемнѣло, къ изумленію нашему, часть Прѣсненскихъ прудовъ была иллюминована и импровизировалось народное гулянье. Около подъѣзда дома, на дворѣ, толпы гудѣли; многіе господа, незнакомые хозяину праздника, входили безцеремонно въ домъ и угощались. Хозяинъ дома появлялся на крыльцо, розговаривалъ привѣтливо съ стоявшими тутъ и отдалъ приказаніе угощать всѣхъ лимонадомъ, оршадомъ и конфектами. Подносы появлялись даже на Прѣсненскихъ прудахъ. Изъ толпы явился какой-то поэтъ и продекламировалъ стихи въ честь великодушнаго хозяина. Все это было чрезвычайно оригинально.

— «Вотъ какіе праздники даютъ у насъ въ Москвѣ!—воскликнулъ К. Аксаковъ, съ торжественнымъ, сіяющимъ лицомъ обращаясь ко мнѣ:—гдѣ вы увидите что-нибудь подобное?.. Не выражается-ли въ этомъ широкая, размашистая славянская натура? (и Аксаковъ при этомъ размахнулъ рукою). Какъ не любить нашу Москву, Иванъ Ивановичъ, не правда-ли?»

Одной этой „размашистости“ было бы достаточно, чтобы разстроить самое крупное состояніе. Но въ добавокъ дѣтски-непрактичный и идеально-честный Великопольскій, вздумалъ еще пуститься въ коммерческія предпріятія. Всего за 1.000 р. онъ купилъ у нѣкоего мѣщанина Игнатьева секретъ чрезвычайно-простого, но вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно-выгоднаго способа обработки льна и пеньки. Способъ этотъ самъ Великопольскій еще усовершенствовалъ и, видимо, достигъ весьма хорошихъ результатовъ, судя по тому, что цѣлый рядъ ученыхъ коммиссій признали его способъ очень удачнымъ. Казалось бы, оставалось только приложить извѣстную энергію, чтобы пустить дѣло въ ходъ и тѣмъ или другимъ способомъ эксплуатировать изобрѣтеніе. Но всецѣло человѣкъ эпохи, когда чувство общественной инициативы было совершенно подавлено въ россійскомъ обывателѣ, Великопольскій всю свою замѣчательную энергію направилъ на то, чтобы добиться правительственной субсидіи и вообще оффиціальной поддержки. Дѣйствуя въ этомъ направленіи, онъ, благодаря связямъ и удивительной настойчивости, достигалъ очень мно-

таго, порою прямо дѣлалъ чудеса. Такъ напр. онъ въ концѣ 50-хъ гг. добился разрѣшенія устроить, пополамъ съ благотворительнымъ обществомъ лютеранской церкви въ Петергофѣ, лоттерею, выручка съ которой шла на образованіе паевъ его предпріятія. Но рядомъ съ такими чудесами удачи, нарождались и совершенно фантастическія неудачи, въ родѣ того, что III отдѣленіе по своему усмотрѣнію ограничительно истолковало Высочайшее повелѣніе, добытое Великопольскимъ и этимъ нанесло смертельный ударъ очень удачно пошедшей лоттереѣ. Въ результатѣ, Великопольскій, потративши 25 лѣтъ на хлопоты по своему предпріятію, совершенно разстроилъ огромное состояніе и умеръ окончательно разореннымъ 6 февраля 1868 г.

Такую-же смѣсь кое-какого таланта съ нелѣпою и безплодною энергіею и иниціативой представляетъ собою и литературная дѣятельность Великопольскаго. Въ его стихахъ попадаются удачныя строфы, а драмы во всякомъ случаѣ всѣ очень оригинально задуманы. Съ „магнетическимъ“ сюжетомъ драмы „Любовь и честь“ мы знакомы. Еще болѣе необычайно содержаніе драмы „Міръ Слѣпыхъ“, въ которой, со ссылками въ монологахъ дѣйствующихъ лицъ на всевозможные научные авторитеты, авторъ старается изобразить представленія о мірѣ слѣпо-рожденныхъ, ослѣпшихъ и людей прозрѣвшихъ послѣ долгихъ лѣтъ лишенія зрѣнія. „Оригинальность“ драмы „Янетерской“ вызвала даже большую цензурную передрягу. Въ ней герой пьесы убиваетъ на дуэли нѣкоего развратнаго полковника, который потомъ оказывается его отцемъ. Цензоръ Ольдекопъ пропустилъ драму, но вскорѣ въ напечатанной и уже поступившей въ продажу драмѣ усмотрѣли страшную „безправственность“, цензора прогнали, а книгу отобрали изъ магазиновъ и сожгли. Сюжеты другихъ драмъ Великопольскаго столь-же „оригинально“ задуманы. Но въ исполненіе интересныхъ замысловъ своихъ Великопольскій всегда вносилъ столько всяческихъ курьезовъ, что даже самые расположенные къ нему критики не могли относиться къ нему иначе, какъ къ полу-комическому литературному персонажу.

Бѣлинскій отнесся къ Великопольскому какъ разъ такъ, какъ слѣдуетъ: отмѣтилъ извѣстную „даровитость“ автора, а затѣмъ добродушно вышутилъ пьесу. Строже уже онъ никакъ не могъ отнестись при томъ чувствѣ признательности, которое онъ питалъ къ Великопольскому, по свидѣтельству Панаева „нерѣдко помогавшему ему“. Эта помощь была тѣмъ цѣннѣе, что была предложена безъ всякой просьбы. Разсказывая Панаеву въ письмѣ отъ 19 августа 1839 г. свое тяжелое матеріальное положеніе, Бѣлинскій сообщаетъ: „Я было и носъ повѣсилъ, но вдругъ является И. Е. Великопольскій, освѣдомляется о здоровьѣ и проситъ меня быть съ нимъ безъ церемоній и сказать, нужны-ли мнѣ деньги. Я попросилъ 50 рублей, но онъ заставилъ меня взять 100. Вотъ такъ благодѣтельный помѣщикъ! На другой день, передъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ деревню, опять навѣстилъ меня“.

Такимъ-же образомъ какъ къ Бѣлинскому, Великопольскій относился ко всякому нуждающемуся. Стоило ему только прослышать, что кому-нибудь туго приходится, и онъ первый спѣшилъ на помощь. Когда въ концѣ 30-хъ гг. стали говорить, что долги очень тѣснятъ Гоголя, онъ тотчасъ-же предложилъ 1.000 р. Когда цензоръ Ольдекопъ, пропустившій „Янетерскаго“, лишился было службы, Великопольскій тоже тотчасъ-же предложилъ ему 3.000 р. Всѣ такъ привыкли къ его широкой помощи, что не разъ даже онъ возбуждалъ неудовольствіе тѣмъ, что давалъ „мало“. Такъ одно время Погодинъ собиралъ деньги для Шафарика. Великопольскій далъ для невѣдомаго ему чешскаго

ученаго „только“ 400 р. и Погодинъ остался недовольнымъ: по его мнѣнію, всеобщій благодѣтель долженъ былъ дать 1.000 р. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что доброта Великопольскаго ни мало не стояла въ связи съ его богатствомъ. Если читатель загляпетъ въ прим. 164 къ V тому, то онъ увидитъ, что какъ только появился на литературномъ горизонтѣ крестьянинъ-поэтъ Слѣпушкинъ, Великопольскій тотчасъ-же сталъ хлопотать о томъ, чтобы выкупить его изъ крѣпостной зависимости. А между тѣмъ денежныя обстоятельства несчастливо игравшаго тогда въ карты Великопольскаго были въ то время весьма не блестящи.

При такихъ качествахъ Великопольскаго, могъ-ли Бѣлинскій рѣшиться серьезно огорчить этого истинно-благороднаго человѣка?

Очень тщательно-разработанныя біографическія и библіографическія свѣдѣнія о Великопольскомъ см. въ недавно-появившейся обстоятельной, составленной по неизданнымъ матеріаламъ монографіи *В. Л. Модзалевскаго* „И. Е. Великопольскій“. Спб. 1902. 8⁰. 116 стр. (Отд. оттискъ изъ сборника „Памяти Л. Н. Майкова“).

64) Стр. 159. „Отеч. Зап.“ 1841. Т. XV, № 3. Цензур. разр. 28 февр. 1841. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

65) Стр. 160. „Отеч. Зап.“ 1841. Т. XV, № 3. Статья не имѣетъ особаго заглавія и помѣщена въ числѣ „Библіографическихъ Извѣстій“.

66) Стр. 160. Съ 1841 г. сталъ выходить „тетрадями“ журналъ „Экономъ, Хозяйственная Общеполезная Библ.“, издаваемая *И. Несоцкимъ*, подъ редакціею *Ѳ. Булгарина*». Совершенный диллетантъ въ агрономіи, Булгаринъ больше занимался рекламированіемъ себя и своихъ „помѣстій“, т. е. небольшого имѣнія въ остзейскихъ губ., а въ чисто-хозяйственныхъ вопросахъ обнаружилъ величайшее невѣжество. „Отеч. Записки“ не оставили безъ вниманія спекуляцію Булгарина и помѣстили убійственный разборъ (т. XIV, отд. VI, стр. 73—76). Рецензія сначала разбираетъ новый журналъ съ общей точки зрѣнія, какъ наглый набѣгъ на карманы легковѣрной публики, а въ обличеніе агрономическихъ нелѣпицъ, особенно ярко сказавшихся въ статьѣ о картофелѣ, въ рецензію было вставлено письмо спеціалиста—„тверского помѣщика“. Булгаринъ не остался въ долгу и „пустилъ картофелемъ“ въ „Отеч. Зап.“, т. е., яко-бы отвѣчая по вопросу о сѣяніи картофеля, въ обычномъ своемъ тонѣ пустился въ характеристику ненавистнаго журнала. „Тверской помѣщикъ“, въ свою очередь написалъ отвѣтъ, напечатанный вслѣдъ за замѣткою Бѣлинскаго о Навроцкомъ. Отвѣтъ видимо составной: агрономическая часть доставлена спеціалистомъ—„тверскимъ помѣщикомъ“, а попутныя, очень бойкія выходки противъ Булгарина какъ журналиста вообще,—кѣмъ-нибудь изъ ближайшихъ сотрудниковъ „Отеч. Зап.“, можетъ быть даже и Бѣлинскимъ, ссылающимся на этотъ отвѣтъ.

67) Стр. 160. Поставщики лубочныхъ книжекъ 1830-хъ гг. Объ Орловѣ см. т. IV, прим. 8.

68) Стр. 160. Объ этой травлѣ „Отеч. Зап.“ за иностранныя слова см. т. V, пр. 285.

69) Стр. 163. Первую замѣтку о Навроцкомъ см. т. V, статья № 491., стр. 417—419.

Настоящая полемическая статейка требуетъ нѣкоторыхъ важныхъ оговорокъ. Какъ ни бездаренъ самъ по себѣ авторъ „Новаго Недоросля“, какъ ни правъ, въ общемъ, Бѣлинскій въ своемъ отношеніи къ Навроцкому, но въ одной существенной детали онъ къ нему несправедливъ и приписываетъ ему притязанія, которыя тотъ и не думалъ предъявлять.

Навроцкій непадолго появляется въ литературѣ—въ самомъ началѣ 40-хъ гг. и затѣмъ исчезаетъ. Неудивительно, что о немъ не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній. Единственное біографическое указаніе находимъ въ „Азбучномъ Указателѣ именъ рус. дѣятелей для рус. біограф. словаря“ („Сборникъ Имп. рус. Ист. общ.“ т. 62), гдѣ указанъ: „*Навроцкій, Серѣй Никаноровичъ*, сотрудникъ журнала „*Маякъ*“ 1840 г., д. с. с., р. 1808,†1865“. Тамъ-же находимъ указаніе должно быть на брата его: „*Навроцкій, Николай Никаноровичъ*, членъ корреспондентъ Спб. Академіи Наукъ, докторъ философіи Лейпцигскаго универс., р. 1803, † 1859. Состоялъ по департаменту удѣловъ“.

Скудныя свѣдѣнія о С. Н. Навроцкомъ кое въ чемъ дополняются его статьями. Такъ, въ обстоятельной рецензіи о „Видахъ внутренняго судоходства на 1839 г.“ помѣщ. въ „Маякѣ“ 1841 г. (ч. XIII), онъ говоритъ о себѣ:

«Нѣсколько лѣтъ имѣвши обязанностію составлять генеральные отчеты одного изъ обширнѣйшихъ управленій въ Государствѣ,—я смѣю надѣяться, что имѣю нѣкоторую опытность въ счетномъ дѣлѣ и могу (по собственнымъ опытамъ) оцѣнить всю огромность труда по составленію вѣдомостей въ Видахъ внутренняго судоходства за 1839 г. Я дѣлалъ сличенія всѣхъ соотвѣтствующихъ суммъ, обревизовалъ контрольнымъ порядкомъ всѣ вѣдомости, во всѣхъ ихъ подробностяхъ, и долженъ сказать, что не можетъ быть болѣе правильнаго, болѣе вѣрнаго составленія отчетовъ».

Въ связи съ тѣмъ, что Навроцкій помѣстилъ въ „Маякѣ“ программу своего будущаго (не осуществленнаго) труда „Исторія Кораблестроенія въ Россіи“, и что въ выше названной рецензіи онъ обнаруживаетъ спеціальныя знанія по судоходству, надо полагать, что служилъ онъ въ одномъ изъ департаментовъ морского вѣдомства или Главнаго Управленія путей сообщенія.

Помѣщенныя Навроцкимъ въ томъ же „Маякѣ“ бездарнѣйшія „Письма бронницкаго помѣщика“, видимо, соотвѣтствуютъ своему заглавію, потому что въ концѣ имѣютъ весьма опредѣленную помѣтку: „Московской губ., Бронницкаго уѣзда, с. Костино“.

Кромѣ названнаго у Бѣлинскаго, литературный формуляръ Навроцкаго слагается изъ слѣдующихъ небольшихъ замѣтокъ и беллетристическихъ произведеній:

Новый Недоросль, комедія (1-ое д.). «Маякъ» 1840 г., ч. VI. *Программа соч. «Исторія Корабельнаго дѣла въ Россіи»*. Тамъ же. *Письма Бронницкаго помѣщика*. Тамъ же, ч. VII. *Усовершенствованіе русской грамматики*. Тамъ же, ч. X. *Наполеонова шляпа съ мясомъ или какъ надо покорять великую націю*. Тамъ же, ч. 5—8, стр. 45. (Смѣсь). *Кабрера*. (Изъ Revue de Deux Mondes). Тамъ же, ч. 5—8, стр. 155 ч. 9—12, стр. 1. *Эспартеръ* (Изъ Revue de Deux Mondes). Тамъ же, ч. 9—12, стр. 34. *Рецензія на книгу «Виды внутренняго судоходства въ Россіи»*. Тамъ же, 1841 г., ч. XIII. *Испытаніе солдатскому сердцу*. Тамъ же 1842 г., т. VI. *Исторія Охты*. «С. Отеч.» 1842 г., № 9.

Въ замѣткахъ Навроцкаго виденъ человѣкъ съ порядочнымъ образованіемъ. По направленію своему онъ примыкаетъ къ тому забавному обскурантизму, представителемъ котораго былъ „Маякъ“. Что касается беллетристики его и тупѣйшихъ потугъ на остроуміе, то онѣ вполнѣ заслуживаютъ того пренебреженія, съ которымъ отнесся къ нимъ Бѣлинскій. Безусловно правъ Бѣлинскій и въ томъ мѣстѣ своей замѣтки, гдѣ говоритъ: „О фразѣ-же г. Навроцкаго касательно Res publica, мы не скажемъ ни слова“... По тому времени, дѣйствительно, трудно было назвать просто полемическою выходкою такое мѣсто изъ обсуждаемой въ замѣткѣ Бѣлинскаго „комедіи“:

Данило Ѳомичъ. Вотъ-те разъ! Пушкинъ важенъ потому, что о немъ говорятъ и

судятъ, а Тредьяковскій бездарный варваръ, и о немъ тоже говорятъ и судятъ.—Я что-то не возьму въ толкъ этого.

Анна Васильевна. Ты, шерчикъ, разсуждаешь такъ, потому что никогда Французскихъ книгъ не читаешь. Два разные *сюжета* нельзя сравнивать: чувствительный Жанъ-Жакъ Руссо воровалъ пирожки, и дѣлалъ ужасныя дебоширства, потому что онъ былъ *великій человѣкъ*, а нашъ Тимошка дѣлаетъ то же, потому что онъ—*негодяй*.

Данило Ѳомичъ не любитъ противурѣчить своей женѣ, однако на сей разъ не промолчалъ.—Полно-те, Анна Васильевна (сказалъ онъ), вы этакъ и Богъ знаетъ какія вольнодумства впушите Ванюшѣ; и то уже въ немъ есть разныя завиральныя идеи.

Ванюша (читаетъ): «Res publica дѣло общественное, великое, важное, источникъ высокаго нравственнаго наслажденія живыхъ восторговъ»...

Данило Ѳомичъ. Слышите, слышите! съ нами крестная сила! что онъ бредитъ?...

Егоровна. Не вспрыснуть-ли его крещенскою водицею?... («Сѣв. Пчела» 1841 г., № 31).

Это былъ не только форменный доносъ, но еще доносъ лживый, потому что выхваченная изъ статьи Бѣлинскаго фраза трактовала не о той „республикѣ“, за прославленіе которой въ то время вспрыснули-бы не одною крещенскою водою, а о res publica въ смыслѣ общественнаго блага. И если къ этому прибавить тупоумнѣйшія выходки по поводу выхваченныхъ изъ статей Бѣлинскаго философскихъ терминовъ, превращеніе „индивидуума“ въ „индивидуя“ и т. д., то, повторяемъ, нельзя будетъ не признать, что, въ общемъ, бездарному кропателю досталось вполнѣ по дѣломъ.

Но Бѣлинскій абсолютно неправъ, утверждая, что Навроцкій „провозгласилъ себя въ 245 номерѣ „Сѣверной Пчелы“ прошлаго года, кандидатомъ въ геніи“. На протяженіи всей замѣтки Бѣлинскій безпрерывно трактуетъ Навроцкаго, какъ „кандидата въ геніи“ и съ этимъ же титуломъ онъ появляется и въ позднѣйшихъ мимоходныхъ упоминаніяхъ. Такимъ образомъ въ памяти читателя прочно утверждается представленіе о Навроцкомъ, какъ о формальномъ мономанѣ, который по поводу бездарнѣйшихъ кропаній своихъ производитъ себя въ геніи. Но стоитъ, однако, прочесть замѣтку, которую обсуждаетъ Бѣлинскій, чтобы убѣдиться, что въ кандидаты въ геніи и, кромѣ того, еще въ „мѣткіе сатирики“ Навроцкій произвелъ себя *въ шутку*, что это съ его стороны не болѣе, какъ полемическій пріемъ. Вотъ цѣликомъ замѣтка Навроцкаго (изъ № 245 „Сѣв. Пчелы“ за 1840 г.), любопытная еще по нѣкоторымъ подробностямъ, о которыхъ въ статейкѣ Бѣлинскаго не упомянуто.

Литературное объясненіе.

Отечественныя Записки (въ 10 №) раздѣлили первое дѣйствіе моей комедіи *Новый Недоросль*. Искренно, чувствительно благодарю ихъ за эту критику: я именно желалъ, ожидалъ ея; она дѣлаетъ меня кандидатомъ въ *геніи*, а на первый случай доказываетъ, что я такой мѣткій сатирикъ, какимъ и самъ не ожидалъ быть. Извольте видѣть въ чемъ дѣло: въ Новомъ Недорослѣ выводится на сцену *Кутейкинъ*. Въ очеркѣ содержанія піесы [1]) сказано: «Кутейкинъ литераторъ (25 лѣтъ), послѣдователь *юной* школы; онъ не кончилъ университетскаго курса потому что Русскіе университеты находитъ недостаточными для образованія его генія, и счелъ за лучшее самому (безъ руководителей) заняться современною литературою и въ особенности Германскою Филосо-

[1]) Въ VI части Маяка.

фіею, въ которой онъ ничего не понялъ; онъ критикуетъ всѣхъ Русскихъ писателей, отъ Ломоносова до Полеваго включительно; усиливается быть преобразователемъ отечественнаго языка, и сочиняетъ одни кое-какіе пустяки, ниже всякой критики, искажаетъ языкъ своими нововведеніями, въ которыхъ самъ путается». О томъ же Кутейкинѣ въ моихъ *Письмахъ Бронницкаго Помѣщика* [1]) сказано: «Есть у насъ одинъ *литературо-словесникъ*, пламенный копіистъ всего новаго, *реформатурнаго* въ литературѣ, *индивидуй*, который письменно*стно*, цѣлостно и члѣно-раздѣльнымъ голосомъ, *отъ себя и для себя* проявляетъ духъ свой въ безконечномъ развитіи *Я. Кпр*искорбію [2]), онъ ничего еще не написалъ; но онъ у насъ *впочести*, какъ философъ и *во*собенности какъ важный Критикъ, для котораго какой-нибудь Державинъ ни по чемъ. Ученность его выше всякаго удивленія, напр. какое-нибудь Герцожство Брауншвейжское онъ знаетъ какъ свою деревню, во владѣніе которой онъ (по несовершеннолѣтію) еще не поступалъ. *Кпр*искорбію и *к*досадѣ моей, я не могу въ настоящее время сообщить вамъ положительныхъ свѣдѣній на счетъ требованій сего господина, поелику онъ требованія свои еще не проявилъ *нормальнымъ* образомъ, ни *субъективно*, ни *объективно*». Опытный литераторъ, П. А. Корсаковъ, тогда же [3]), въ примѣчаніи къ Новому Недорослю сказалъ: «Не сдобровать Навроцкому отъ Кутейкиныхъ: при первомъ чтеніи — закритикуютъ, при первомъ представленіи—зашикаютъ его».—Я не вѣрилъ его предсказанію; однако же вышло, что онъ правъ. Да не подумаютъ читатели Сѣверной Пчелы, что я отдѣлываюсь фразами: право, я радъ былъ бы писать антикритику, да *не на что*: въ Отеч. Запискахъ ничего не доказано [4]); хотѣли меня осудить, и расхвалили какъ нельзя болѣе. Лучше же всего то, что говоря о всей моей комедіи, Отеч. Записки даже не замѣтили, что до сихъ поръ онѣ видѣли одно только первое дѣйствіе. Да какое до того дѣло? Нужно только уничтожить дерзкаго писателя, который осмѣлился вывести на сцену *Кутейкина*

А публика должна терпѣть
Въ чужомъ пиру похмѣлье.

Сдѣлайте одолженіе, господа, потрудитесь прочесть Отеч. Записки: уморительно смѣшно; прочтите, ежели только вы въ состояніи читать подобныя нелѣпости. Въ особенности усердно благодарю редактора Отеч. Записокъ за насмѣшки: онѣ окончательно доказываютъ, что голосъ Отеч. Записокъ не имѣетъ ничего общаго съ мнѣніемъ безпристрастныхъ людей. Право, не многимъ изъ нашихъ литераторовъ посчастливилось, такъ, какъ мнѣ, съ перваго раза поймать рыбку въ свои сѣти. Ахъ, если бы еще заговорили противу меня другія лица, выведенныя на сцену въ Новомъ Недорослѣ! То-то хорошо было бы: тогда слава моя была бы навѣки упрочена. *С. Навроцкой.*

Какъ ни отнестись къ этой замѣткѣ по существу, но несомнѣнно, что въ ней нѣтъ и отдаленнѣйшаго намека на литературное маньячество и производство себя въ „кандидаты въ геніи“. Такимъ образомъ,

---

[1]) Въ VII части Маяка.

[2]) Здѣсь и въ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ курсивомъ напечатанныхъ началахъ словъ Навроцкій вышучиваетъ ореографію «Отеч. Зап.», которыя предлоги писали слитно съ словами, вмѣсто петербурскій—петербуржскій и т. д. *С. В.*

[3]) Въ VI части Маяка.

[4]) Напр.: Отеч. Записки утверждаютъ, что дѣйствующее лицо *Правдинъ* ужасно *глупъ*, потому что самъ *вѣритъ* своимъ резонерствамъ; но все резонерство Правдина заключается только въ двухъ выраженіяхъ: 1) ропотъ на судьбу грѣхъ! 2) и Горюновъ и Иршерахальскій найдутъ свою мзду въ будущей жизни. Кто же *не вѣритъ* этимъ резонерствамъ!.. Кто же глупъ?..

окраска того безсмертія, которое суждено было получить темному имени Навроцкаго вмѣстѣ съ безсмертіемъ сочиненій Бѣлинскаго, совершенно имъ незаслужена.

Чѣмъ же объяснить напраслину, взведенную Бѣлинскимъ?

Люди, мало знающіе Бѣлинскаго, могутъ, конечно, отнестись подозрительно къ тому, что онъ ни единымъ словомъ не упомянулъ о характеристикѣ Кутейкина. Выходитъ, какъ будто, что тупые намеки Навроцкаго очень уже разсердили Бѣлинскаго.

Но такъ могутъ себѣ объяснить этотъ странный эпизодъ именно только люди, мало знающіе Бѣлинскаго. Бѣлинскій всегда съ полнымъ пренебреженіемъ цѣликомъ цитировалъ ту брань, которою его осыпали литературные противники. Въ настоящемъ же томѣ читатель найдетъ „Отвѣтъ Москвитянину“. „Въ Москвитянинѣ“ авторитетные противники, не чета какому-нибудь невѣдомому Навроцкому, грубѣйшимъ образомъ прямо поносили Бѣлинскаго, и тѣмъ не менѣе онъ полностью воспроизвелъ всѣ эти поношенія. Еще менѣе, конечно, нужно знать Бѣлинскаго, чтобы въ напраслинѣ, взведенной на Навроцкаго, усмотрѣть месть. Вспомнимъ исторію съ повѣстью Ушакова „Піюша“, о которой см. во II т. стр. 353—62: на непмѣвшаго еще къ тому время (1835) никакого литературнаго положенія Бѣлинскаго, въ такомъ распространенномъ журналѣ какъ „Библ. для Чтенія“, былъ написанъ отвратительный пасквиль, въ которомъ гнусныя выдумки такъ были перепутаны съ чертами дѣйствительности, что дѣйствительно могло явиться желаніе отомстить пасквилянту. И тѣмъ не менѣе съ какимъ удивительнымъ добродушіемъ и равнодушіемъ отнесся Бѣлинскій къ пасквилю Ушакова, котораго тутъ же не преминулъ похвалить за „Киргизъ-Кайсака“.

Смѣшно, слѣдовательно, видѣть и тѣнь чего-нибудь намѣреннаго во взведенной на Навроцкаго напраслинѣ. Объясняется же она не разъ уже отмѣченною нами слабостью Бѣлинскаго — неточностью въ цитированіи (см. прим. 49). Особенно неточенъ бывалъ онъ часто въ передачѣ общаго смысла. Вспомнимъ напр. яркій эпизодъ съ Вяземскимъ (см. III, прим. 62) когда онъ, буквально безъ малѣйшаго основанія, отдался величайшему негодованію противъ Вяземскаго за мысли, которыя тотъ и приблизительно не думалъ высказывать. Въ эпизодѣ съ Навроцкимъ произошла такая же ошибка памяти. Замѣтка Навроцкаго появилась въ октябрѣ, а писалъ Бѣлинскій отвѣтъ черезъ 4 мѣсяца и, конечно, по памяти, потому что кто же хранитъ старую газету?

70) Стр. 163. „Отеч. Зап.“ 1841, т. XV, № 4. Ценз. разр. около 1 апр. 1841. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ нѣкоторыхъ цитатъ.

71) Стр. 163. Колкости по адресу Полевого, принимавшаго подписку на 18 томовъ „Исторіи русскаго народа“, но издавшаго только 6 и Булгарина, родившагося въ Бѣлоруссіи.

72) Стр. 164. Свѣдѣніе, кажется, не вѣрное. «Ботанисты», открывая новое растеніе, всегда даютъ ему названіе въ честь какого-нибудь ученаго, короля и т. д.

73) Стр. 167. *А. Н.*—псевдонимъ, подъ которымъ помѣщалъ свои беллетристическія произведенія извѣстный впослѣдствіи историкъ П. Н. Кудрявцевъ.

74) Стр. 167. Несомнѣнно рѣчь о переводѣ на нѣмецкій языкъ вышедшаго съ именемъ Булгарина сочиненія „Россія въ историческомъ, статистическомъ и литературномъ отношеніяхъ“ (Спб. 1837. Нѣмец. пер. *H. von Bra-*

ckel'л. Рига и Лейпцигъ. 1839—1841). Судьба этой книги весьма любопытна. Къ ней отнеслись весьма пренебрежительно изъ-за того, что на обложкѣ стояло имя Булгарина. Въ дѣйствительности, однако, книгу составилъ даровитый молодой историкъ, впослѣдствіи профессоръ казанскаго и дерптскаго университетовъ Николай Алексѣевичъ *Ивановъ* (1811—1869). Не имѣя средствъ привести въ исполненіе возникшій у него широкій планъ „написать сочиненіе, которое представило бы полную картину Россіи въ историческомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ", Ивановъ обратился къ Булгарину за помощью. Тотъ мысль молодого ученаго „обратилъ въ свое прославленіе: онъ принялъ на себя доставить Иванову всѣ средства къ исполненію задуманнаго труда, съ обязательствомъ, однако, чтобы сочиненіе вышло въ свѣтъ не подъ именемъ настоящаго автора, а подъ псевдонимомъ издателя" (А. А. Котляревскій, Сочиненія, т. II, стр. 129). Участіе самого Булгарина въ составленіи книги, въ общемъ, было незначительно. Ивановъ согласился и имя его было только упомянуто въ предисловіи какъ сотрудника по статистической части. „Прославленіе" для Булгарина, однако, вышло не очень блистательное. „По милости своего ложнаго паспорта", какъ выражается Котляревскій, и благодаря грубымъ беззастѣнчивымъ рекламамъ Булгарина своему мнимому сочиненію, къ книгѣ отнеслись крайне придирчиво. Говорили только о промахахъ и недостаткахъ и не замѣчали свѣжести мысли и массы серьезныхъ знаній, которыхъ у реальнаго Булгарина никогда и въ поминѣ не было. Иностранцы, судившіе книгу не по имени пользовавшагося всеобщимъ презрѣніемъ мнимаго автора, а по ея дѣйствительнымъ достоинствамъ, отнеслись къ „Россіи" съ уваженіемъ и такой ученый, какъ Шафарикъ, далъ о ней вполнѣ благопріятный отзывъ. Но какъ бы то ни было, въ русскихъ литературныхъ кружкахъ съ „Россіей" Булгарина было тѣсно связано представленіе о грубой спекуляціи и слова Бѣлинскаго являются яркимъ выраженіемъ этого незаслуженнаго презрѣнія. Ср. прим. 97.

75) Стр. 168. „Отеч. Зап." 1841, т. XV, № 3. Ценз. разр. отъ 28 февр. 1841.

76) Стр. 168. „Отеч. Зап. 1841, № 5. Ценз. разр. отъ 30 апрѣля 1841. Въ изд. Солдатенкова почти на половину сокращено.

77) Стр. 169. Эта эпитафія, появившаяся первоначально въ „Другѣ Просвѣщенія" 1804 г. (ч. 1 и 2) за подписью *2...*, затѣмъ перепечатана во второмъ изданіи „Душеньки" (1818) Платона Бекетова съ подписью *Ил...нъ Бе...въ*, что, очевидно, означаетъ Платонъ Бекетовъ. (См. „Рус. Поэзія" С. А. Венгерова т. I, отд. III, стр. 16 и 18).

78) Стр. 173. Нѣкоторыя изъ нападокъ на слогъ „Душеньки" слишкомъ строги. Бѣлинскому напр. не нравится архаическое *почто*. Однако же, еще цѣлыхъ 50 лѣтъ спустя, Жуковскій въ знаменитомъ монологѣ Іоанны Д'Аркъ пользовался этимъ же самымъ, хотя и архаическимъ, но очень краснвымъ союзомъ:

Ахъ, *почто* за мечъ воинственный
Я свой посохъ отдала и т. д.

79) Стр. 173. „Отеч. Зап. 1841, т. XVI, № 5. Ценз. разр. 30 апр. 1841. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

80) Стр. 174. Иванъ Петровичъ *Мятлевъ* (1796—1844).

81) Стр. 174. „Отеч. Зап." 1841. т. XVI, № 5. Ценз. разр. отъ 30 апр. 1841. Какая рѣзкая перемѣна тона по отношенію къ Жоржъ-Зандъ. См. дальше прим. 93.

82) Стр. 176. „Отеч. Зап.“ 1841, т. XVI, № 5. Ценз. разр. отъ 30 апр. 1841. Въ изданіе Солдатенкова, не вошло, въ Галаховскихъ спискахъ (т. IV, прим. 197) тоже не указано. Но принадлежность рецензіи Бѣлинскому, какъ намъ кажется, устанавливается: полемикой съ Навроцкимъ, (см. статью № 524) и выходками противъ *„моральныхъ китайскихъ сочиненій“*, съ которыми Бѣлинскій только что воевалъ въ рецензіи о романѣ Рафаила Зотова „Цинь-Кіу-Тонгъ“ (см. статью т. V, ст. № 508).

83) Стр. 177. „Отеч. Зап.“ 1841, т. XVI, № 5. Ценз. разр. 30 апр. 1841. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Первую рецензію см. т. V, статья № 511.

84) Стр. 177. „Отеч. Зап.“ 1841, т. XVI., № 5. Ценз. разр. 30 апр. 1841. Въ изданіе Солдатенкова не вошло. Первую рецензію о „Памятникѣ Искусствъ“ см. т. V, статья № 512.

85) Стр. 178. „Отеч. Зап.“ 1841, т. XVI, № 5. Ценз. разр. 30 апр. 1841. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Намѣреніе „представить читателямъ большую критическую статью о русскихъ грамматикахъ вообще“ въ исполненіе приведено не было. О грамматическихъ работахъ Бѣлинскаго см. т. III, прим. 68.

86) Стр. 179. „Отеч. Зап.“ 1841, т. XVI. Въ какой книжкѣ этого тома — въ № 5 или № 6 появилась статья—мы опредѣлить не могли, потому что въ петербургскихъ библіотекахъ имѣются только переплетенные тома и нѣтъ отдѣльныхъ книжекъ. Обыкновенно это не является препятствіемъ къ опредѣленію № книжки, потому что въ „Отеч. Зап.“ отдѣлъ „Критика“ имѣлъ особую нумерацію и, смотря потому, помѣщена ли статья на первыхъ листахъ отдѣла или на послѣдующихъ, можно всегда опредѣлить напечатана-ли она въ первой книжкѣ тома или во второй. Но „Критика“ всего XVI тома состоитъ только изъ одной статьи Бѣлинскаго и потому нѣтъ никакихъ данныхъ пріурочить ее къ опредѣленной книжкѣ. Если статья появилась въ № 5, то цензурою она пропущена не позже 28 апр. 1841, если въ № 6—то около 1 іюня 1841. Первую статью см. выше № 519.

87) Стр. 182. Здѣсь и дальше начало борьбы съ славянофильствомъ, еще не принявшимъ пока вполнѣ опредѣленныхъ очертаній и не получившимъ клички. Бѣлинскому не пришлось „далѣе коснуться этихъ возраженій“, потому что ему не удалось окончить статью (см. прим. 92).

88) Стр. 187. Въ смыслѣ политическомъ Бѣлинскій продолжаетъ быть человѣкомъ вполнѣ „благонамѣреннымъ“.

89) Стр. 189. Общій тонъ этого мѣста (считая съ абзаца, начинающагося со словъ „Духъ народный“ и т. д.) показываетъ, что и теперь, вполнѣ отрѣшившись отъ своего прославленія „разумной дѣйствительности“, Бѣлинскій былъ вполнѣ преданъ основамъ государственнаго строя и порою даже впадалъ въ слогъ Булгарина. Ср. 174, 455.

90) Стр. 190. Въ этихъ частныхъ доказательствахъ своей, въ общемъ, конечно, совершенно вѣрной мысли, Бѣлинскій не правъ. Пытки отмѣнены въ Россіи и Европѣ одновременно—во второй половинѣ XVIII вѣка, и даже подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ-же воздѣйствій: протестовъ энциклопедистовъ и Беккаріи. Что касается суевѣрія и изувѣрства, то ихъ было достаточно въ Европѣ 18 вѣка: еще въ 1782 въ Швейцаріи, *по приговору суда*, была сожжена одна служанка за „колдовство“.

92) Стр. 198. Это примѣчаніе редакціи „Отеч. Зап.“ иллюстрируется рядомъ скорбныхъ мѣстъ въ перепискѣ Бѣлинскаго съ Боткинымъ. Въ письмѣ

отъ 16 января 1841 г. онъ, съ чрезвычайнымъ воодушевленіемъ, сообщаетъ другу, что задумалъ большую статью о Петрѣ Великомъ: „она лежитъ у меня на сердцѣ, давитъ его и просится вонъ“ (Пыпинъ II, 91). Но статья, несмотря на отдаленность эпохи, о которой трактовала, совершенно разбилась о цензурные рифы. 9 апрѣля Бѣлинскій пишетъ: „изъ моей несчастной статьи вырѣзанъ весь смыслъ, ибо выкинуто ровно половина“ (Пыпинъ II, 114). Наконецъ, въ письмѣ отъ 27 іюня Бѣлинскій подводитъ итогъ своей неудачной попытки:

«Въ «Отеч. Зап». напечатана моя вторая статья о Петрѣ Великомъ; въ рукописи это точно о Петрѣ Великомъ, и, не хвалясь, скажу, статейка умная, живая; но въ печати—это рѣчь о проницаемости природы и склонности человѣка къ чувствамъ забвенной меланхоліи. Ее исказилъ весь цензурный синедріонъ соборнѣ. Ея напечатана только треть и смыслъ весь выключенъ, какъ опасная и вредная для Россіи вещь. Вотъ до чего мы дожили: намъ нельзя хвалить Петра Великаго» (Пыпинъ II, 120).

93) Стр. 198. „Отеч. Зап.“ 1841, т. XVI, № 6. Ценз. разр. около 30 мая 1841. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ конца (отзывъ о переводѣ). Со всею силою своего энтузіазма, Бѣлинскій отъ пеистовой вражды къ Жоржъ-Зандъ (см. II, пр. 166—67.) переходитъ теперь къ безпредѣльному поклоненію. „Безправственною писательницею“ „ославляла“ Жоржъ-Зандъ не „слѣпая чернь и невѣжественная толпа“, а самъ авторъ теперешняго дифирамба, шесть лѣтъ тому назадъ обозвавшій Жоржъ-Зандъ непотребной женщиной.

94) Стр. 200. Тамъ-же.

95) Стр. 202. Объ отношеніи Бѣлинскаго къ малороссамъ, оставшемся до конца его жизни однимъ и тѣмъ-же, намъ придется еще говорить по поводу нѣкоторыхъ позднѣйшихъ статей. Безсознательно-пренебрежительное отношеніе къ „мужицкому“ и простонародному, которое мы отмѣчали раньше (см. I, пр. 180; II, пр. 246 и 378; III, пр. 112, 139, 162; VI, 95, 208) все еще продолжается.

96) Стр. 202. „Отеч. Зап.“ 1841, т. XVI, № 6. Ценз. разр. около 30 мая 1841.

97) Стр. 203. Намекъ на затѣянное тогда Булгаринымъ огромное сочиненіе „Россія“ (см. прим. 74).

98) Стр. 205. Вопросъ о составителѣ сборника „Кирши Данилова“ недавно подвергся обстоятельному изслѣдованію въ предисловіи къ новѣйшему изданію сборника, вышедшему въ 1901 г. (Спб.) подъ ред. *И. Н. Шеффера*. О томъ, что сборникъ составленъ извѣстнымъ богачемъ П. А. Демидовымъ не можетъ быть и рѣчи. Онъ только списанъ для него. Но придти къ какому-нибудь опредѣленному выводу относительно личности и участія въ составленіи сборника миѳическаго Кирши Данилова—не представляется возможности.

99) Стр. 206. Въ 40-хъ гг. къ извѣстному собирателю—этнографу и археологу Ивану Петровичу *Сахарову* (1807—1863) относились еще съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Только со средины 50-хъ гг. это довѣріе стало колебаться, а въ 60-хъ гг. изученіе собранныхъ Сахаровымъ памятниковъ народнаго творчества показало, что, наряду съ высоко-цѣннымъ и безусловно-достовѣрнымъ матеріаломъ, у него множество слащавыхъ фальсификацій, а кое-что и прямо сочинено, напр. сказка объ Акундинѣ, которую съ такимъ довѣріемъ коментируетъ дальше (стр. 457 и слѣд.) Бѣлинскій. Сахаровъ былъ довольно близокъ съ Краевскимъ, бывалъ у него и, можетъ быть, Бѣлинскій даже встрѣчался съ нимъ лично. Ср. прим. 511.

100) Стр. 206. „Отеч. Зап.“ 1841, т. XVI, № 6. Цензур. разр. около 30 мая 1841.

101) Стр. 207. См. дальше статью № 544.

102) Стр. 207. „Отеч. Зап.“ 1841, т. XVII, № 7. Цензъ. разр. отъ 30 іюня 1841.

Мы воспроизводимъ настоящую статью по изданію П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина „Семь статей В. Г. Бѣлинскаго“, о которомъ см. т. III, пр. 165. О бывшей въ ихъ распоряженіи рукописи редакторы сообщаютъ:

„Рукопись неполная, не достаетъ 1-го листа, затѣмъ идетъ безъ перерыва до конца. Послѣдній листъ съ помѣтою—„50“, но 19-ый имѣется въ-тройнѣ, а между 22-мъ и 23-мъ еще одинъ листъ ненумерованный, такъ что всего имѣется 52 листа f°. Листы 2—4 писаны съ обѣихъ сторонъ, съ 5-го листа писано на одной сторонѣ. 19/1 опять написанъ съ обѣихъ сторонъ, почему при первомъ наборѣ оборотная сторона и была пропущена наборщикомъ и на ней сдѣлана надпись (рукою Краевскаго): „Все это не набрано: очень мило!“ Все мѣсто, которое пропущено было въ печати и теперь вставлено впервые изъ рукописи (стр. 39—40 по изданію гг. Ефремова и Якушкина, стр. 210 по настоящему изд. *С. В.*), написано на оборотѣ 3-го листа (страница эта заполнена не вся) и, можетъ быть, это мѣсто точно также не было замѣчено при наборѣ. Путаница въ нумераціи объясняется тѣмъ, что Бѣлинскій отсылалъ оригиналъ въ типографію не сразу, а по нѣскольку страницъ. („Напишешь пять полулистовъ, да и шлешь въ типографію“, разсказываетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ). Съ этой статьи—изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи—начинаются въ рукописяхъ редакторскія поправки: этихъ поправокъ и не могло быть въ статьяхъ о Гамлетѣ и Уголино, такъ какъ Бѣлинскій былъ самъ редакторомъ „Московскаго Наблюдателя“. Редакторскія поправки въ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, принадлежатъ Краевскому. Цитаты на листахъ 14—15 (стр. 51 по изд. гг. Ефремова и Якушкина и стр. 218 по настоящему изд. *С. В.*)—басня „Кукушка и Пѣтухъ“—вписана другою рукою.—22-ой листъ не дописанъ, и на немъ помѣта (рукою Краевскаго): „NB оставить мѣсто строкъ для 15-ти“, а дальше идетъ цитата изъ „Денницы“ (стр. 58 по изд. гг. Ефремова и Якушкина, стр. 223 по настоящему изд. *С. В.*), занимающая обѣ страницы ненумерованнаго листа между 22 и 23 листами и выписанная другою рукой. Сверху этого листа помѣта карандашемъ (Краевскаго): „Вставка въ 13 и въ 24 листъ. Критика“. При перепечаткѣ въ собраніи сочиненій были пропущены басня Крылова и отзывы о картинкахъ“.

Воспроизводя настоящую статью по изд. гг. Ефремова и Якушкина, мы, однакоже, какъ и при воспроизведеніи остальныхъ статей, оставляемъ старую орѳографію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ текстъ „Отеч. Записокъ“ совпадаетъ съ текстомъ рукописи.

103) Стр. 208. Сноска поставлена здѣсь по ошибкѣ.

104) Стр. 208. Въ рукописи чужою рукою вставлено: „большею частію“. Такъ и въ печати (примѣчаніе изданія П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина. Всѣ дальнѣйшія примѣчанія объ отличіяхъ рукописнаго текста статьи отъ печатнаго взяты оттуда-же).

105) Стр. 209. Чужою рукою вставлено: „Впрочемъ“. Такъ и въ печати.

106) Стр. 209. Зачеркнуто „пѣтъ, бишь“.

107) Стр. 209. Чужою рукою исправлено: „объ этомъ предметѣ“. Такъ и въ печати.

108) Стр. 209. То же: вставлено „собственнымъ“.

109) Стр. 209. Чужою рукою исправлено: „издателемъ старинным“. Такъ и въ печати.

110) Стр. 210. Зачеркнуто: „милостивые государи“.

111) Стр. 210. Въ печати рядомъ съ Жуковскимъ поставлено имя кн. Вяземскаго, котораго нѣтъ въ рукописи.

112) Стр. 210. Все напечатанное далѣе до словъ: „всѣ до одного романтики“ не вошло въ печатные тексты.

Примѣчанія П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина.

113) Стр. 210. За упоминаніемъ о Вельтманѣ, зачеркнуто въ рукописи: „г. Губеръ (Поборовъ, по словамъ знаменитой афиши, изданной покойнымъ Воейковымъ)—не побоявшійся бороться съ великаномъ Германской литературы и побѣдившій его на смерть, такъ что „Фауста“ можно считать на Руси рѣшительно умершимъ“.

114) Стр. 210. Зачеркнуто: „г. Менцовъ, поэтъ даровитый и критикъ основательно тонкій“.

Прим. П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина.

115) Стр. 211. Изъ ряда бездарныхъ и незначительныхъ писателей, названныхъ здѣсь Бѣлинскимъ, въ предыдущихъ томахъ даны свѣдѣнія о *М. А. Марковѣ* въ IV т., прим. 21; о *Н. А. Коровкинѣ*, въ т. IV, прим. 231; объ *Олинѣ* въ т. IV, прим. 80. О другихъ придется еще говорить.

116) Стр. 211. Колкости по адресу „Маяка“, о которомъ намъ еще придется говорить.

116—bis) Стр. 212. По ошибкѣ двѣ сноски подъ рядъ обозначены 116; поэтому вторую сноску съ № 116 обозначаемъ здѣсь какъ 116—bis. Въ „Отеч. Зап.“ предыдущихъ 7 строкъ („которыя есть нѣчто въ родѣ анекдотовъ . . . не было и никакого значенія“) нѣтъ. Тогда еще нельзя было очень-то критически отнестись къ такому литератору-сановнику, какимъ былъ только-что умершій Шишковъ (ум. 19 апр. 1841).

117) Стр. 212. Зачеркнуто: „на которой изображена Екатерина II“.

118) Стр. 212. Чужою рукою. вставлено: „самому“. Такъ и печати.

119) Стр. 212. Чужою рукою приписано въ скобкахъ: вѣроятно для того, чтобъ не сказать: „перекличкою“.

120) Стр. 212. Чужою рукою приписано: и сдѣлался языкомъ „русскимъ“. Такъ и въ журналѣ.

121) Стр. 212. То-же: „и не дотронувшихся до него“. Вмѣсто „бездушный“—холодный.

122) Стр. 212. Чужою рукою исправлено: „тутъ нѣтъ ничего мудренаго“. Такъ и въ печати.

123) Стр. 213. То - же: боясь „какой - нибудь незначительной обмолвки“.

Примѣчанія П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина.

123-а) Стр. 214. Въ печати эти 1½ строки: —„человѣчества . . . . есть общее человѣчества“ не появились.

123-б) Стр. 215. Въ печати 3 строки: „долго было-бы . . . . авторскихъ талантовъ“ не появились.

124) Стр. 217. Въ рукописи это имя зачеркнуто и чужою рукою приписано: „самъ“.

125) Стр. 217. То-же: „быть“.—Весь абзацъ пропущенъ въ журналѣ; въ сочиненіяхъ напечатанъ безъ послѣдней фразы.

126) Стр. 218. Басня вписана другою рукою. Послѣ басни зачеркнуто: „Вообще Крыловъ попалъ въ „Сто русскихъ литераторовъ“—такъ ужь, заурядъ съ другими“.

127) Стр. 218. Эти два слова зачеркнуты и чужою рукою надписано: „состоитъ въ томъ, чтобъ“. Такъ и въ печати.

128) Стр. 219. То-же: „издателя“.

129) Стр. 219. Зачеркнуто: „представились уму и взорамъ россійской публики въ книгѣ“.

130) Стр. 219. Чужою рукою исправлено: „сдѣлался“. Такъ и въ печати.

Примѣчанія П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина.

130-а) Стр. 219. Трехъ строкъ: „во всемъ не литературномъ . . . октябрскою почью“ въ журналѣ нѣтъ.

130-б) Стр. 220. Полутора строкъ „разница . . . . безъ объясненія“ въ журналѣ нѣтъ.

130-в) Стр. 221. Всей этой фразы: „сверхъ того . . . . поколѣніе Выжигиныхъ“ въ журналѣ нѣтъ.

130-г) Стр. 221. Двухъ строкъ: „опѣ тихо . . . . воряговъ“ въ журналѣ нѣтъ.

131) Стр. 221. Чужою рукой исправлено: „если же кто (нибудь) не знаетъ“. Такъ и въ собраніи сочиненій. Въ журналѣ эта фраза выпущена.

132) Стр. 221. То-же: „листка“.—То же: послѣ „который“ вставлено: „говорятъ“ [1]).

133) Стр. 221. Зачеркнуто: „а г. Навроцкаго великимъ сочинителемъ“ [2]).

134) Стр. 221. Чужою рукою: „потомъ“ исправлено—„послѣ“, а за словомъ „повторенія“ вставлено: „(кажется, такъ?)“.—Такъ въ печати.

135) Стр. 221. То-же: „либретто оперы . . . . написалъ музыку“. Дальше идетъ еще нѣсколько подобныхъ измѣненій, которыхъ по ихъ незначительности мы не отмѣчаемъ, возстановляя подлинный текстъ.

Примѣчанія П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина.

136) Стр, 222. Въ печати здѣсь прибавлено: „расхваливший его“.

137) Стр. 222. Псевдонимъ В. С. Межевича.

138) Стр. 223. Здѣсь въ рукописи чужая помѣтка: „NB. Оставить мѣсто строкъ для 15“ и дальше идетъ, на отдѣльномъ листѣ, цитата изъ „Пепницы“, выписанная другою рукой. *Прим. П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина.*

139) Стр. 223. Цитируемая Бѣлинскимъ безыменная статья принадлежитъ И. В. Кирѣевскому.

140) Стр. 223. Терминъ того времени для обозначенія лубочной литературы, поставщики которой, получая гроши отъ рыночныхъ издателей, были, конечно, очень бѣдно одѣты и носили самыя дешевыя „фризовыя“ (изъ дешевой байки) шинели.

141) Стр. 224. Чужою рукою вставлено: „экземпляровъ“. Такъ и въ печати.

142) Стр. 224. Чужою рукою вставлено: „толкучимъ рынкомъ“. Въ собраніи сочиненій эти два слова выпущены, а въ журналѣ пропущено все послѣ слова „эфемерный“.

143) Стр. 224. Далѣе, въ рукописи вымарана слѣдующая фраза: „но это недостатокъ, достойный величайшей похвалы, дѣлающій большую честь сердцу г. Булгарина“.

Прим. П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина.

143-а) Стр. 224. Двадцати предшествующихъ строкъ, „сверхъ того . . . . къ отечеству“ въ журналѣ нѣтъ.

144) Стр. 225. Чужою рукою исправлено: „нарисованныя имъ“. Такъ въ журналѣ.

145) Стр. 225. То-же: „рожею“.

146) Стр. 225. Зачеркнуто: „Любовь къ отечеству дѣлаетъ чудеса“.

147) Стр. 225. Чужою рукою приписано: „литовскихъ и“. Такъ и въ собраніи сочиненій.

Примѣчанія П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина.

---

[1]) Объ „Экономѣ“ Булгарина см. прим. 66. *С. В.*

[2]) Намеки на „Москвитянинъ“ и „Маякъ“ ср. прим. 49 и 69. *С. В.*

147-а) Стр. 225. Девяти предыдущихъ строкъ: „Это происходитъ . . . . и Лифляндію“ въ журналѣ нѣтъ.

147-б) Стр. 225. То-же исправлено—„сочинитель“. Далѣе та-же поправка въ трехъ мѣстахъ. *Примѣч. П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина.*

147-в) Стр. 225. Четырехъ предыдущихъ строкъ: „но согласиться . . . . храбрости“ въ печати нѣтъ.

148) Стр. 226. Въ печати предыдущія четыре строки, со словъ „частный приставъ . . . . фигуры“ приняли весьма краткій и интересный для характеристики тогдашней цензуры видъ: „стоящій подлѣ его стола еще *кто-то* (Sic!) съ оффиціальною физіономіею—просто превосходенъ“.

148-а) Стр. 226. И эта фраза („она изображаетъ . . . . времени“) въ печати исчезла.

148-б) Стр. 228. Предыдущихъ трехъ строкъ отъ „и ей . . . . портретомъ“ въ журналѣ нѣтъ. Выкидка, очевидно, редакторская.

149) Стр. 228. Послѣднія слова зачеркнуты карандашомъ и сбоку, повидимому, другою рукой исправлено: „чтобъ читатели его оскорбились“. Такъ въ печати.

150) Стр. 229. Чужою рукой приписано: „хоть и не новыя“.

} Примѣч. гг. Ефремова и Якушкина.

150-а) Стр. 229. Въ печати эта тѣнь какого-то осужденія („несмотря . . . . вѣкъ“) исчезла.

150-б) Стр. 230. Предыдущія 15 строкъ („какъ звѣздою . . . . жены“) въ печати исчезли: не ко времени напомнили онѣ, что „жизнь государства заключается въ живой, движущейся идеѣ“.

151) Стр. 230. Поправка чужою рукой: „давно извѣстной всѣмъ по гравюрамъ, даже политипажамъ“. Такъ въ журналѣ; въ сочиненіяхъ здѣсь пропускъ.

152) Стр. 230. То-же: „помнимъ“. Такъ и въ печати.

153) Стр. 230. Чужою рукой приписано: „да въ этомъ, кажется, нѣтъ и надобности“. Такъ и въ журналѣ.

154) Стр. 230. То-же: „можно крѣпко сомнѣваться въ существованіи или въ подлинности этой рукописи, если . . . . заимствована изъ рукописи“. Такъ и въ журналѣ.

155) Стр. 230. То-же: „нѣчто въ родѣ пародіи“. Такъ и въ печати.

156) Стр. 231. То-же, карандашомъ: „не совсѣмъ удобна“. Въ соч. здѣсь пропускъ.

157) Стр. 231. Въ рукописи дальше зачеркнуто, повидимому, не самимъ Бѣлинскимъ: просто на просто, безъ обиняковъ: мы ничего не поняли въ „Урсулѣ“ и скорѣе смогли бы сочинить свою (хоть плохую, но понятную) повѣсть, чѣмъ пересказать содержаніе повѣсти г. Вельтмана. Что это такое?... Неужели паденіе таланта.

} Примѣчанія П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина.

158) Стр. 232. Гг. Ефремовъ и Якушкинъ дѣлаютъ въ этомъ мѣстѣ примѣчаніе: „Исправлено карандашомъ: „порядочна“. Такъ и въ журналѣ“. Почтенные редакторы внали тутъ въ ошибку. Въ „Отеч. Зап. “всей этой фразы „картинка къ повѣсти г. Вельтмана очень плоха“ совсѣмъ нѣтъ.

159) Стр. 232. Исправлено карандашомъ: „въ пувеллистовъ“. Такъ и въ печати. *Примѣч. гг. Ефремова и Якушкина.*

160) Стр. 232. Карандашомъ исправлено: „писанной для полученія степени“... Такъ и въ печати. *Примѣч. гг. Ефремова и Якушкина.*

161) Стр. 232. См. т. V, примѣч. 113.

162) Стр. 233. По указанію гг. Ефремова и Якушкина, въ этомъ мѣстѣ карандашомъ исправлено: „какъ говорили тогда его противники“. Въ такомъ видѣ фраза появилась и въ печати. Смягченіе, слѣдовательно, принадлежитъ Краевскому. А самъ-то Бѣлинскій не постѣснился назвать статьи Надеждина—*недоумочными*—черта весьма характерная для исторіи „вліянія“ Надеждина на Бѣлинскаго. См. пр. 164.

163) Стр. 233. Послѣдняя фраза зачеркнута карандашомъ и пропущена въ печати.

164) Стр. 233. Ср. о Надеждинѣ и объ отношеніи къ нему Бѣлинскаго Т. I, стр. 397—414; IV пр. 114; V, пр. 10, 12, 118.

165) Стр. 233. П. А. Ефремовъ и В. Е. Якушкинъ дѣлаютъ здѣсь примѣчаніе: „Вмѣсто *плохо* карандашомъ исправлено *изрядно*, а затѣмъ чернилами исправлено: *поразительнымъ сходствомъ, какъ другіе*. Такъ и въ журналѣ“.

Почтенные редакторы „Семи статей“ тутъ впали въ ошибку. Въ дѣйствительности, въ журналѣ вотъ что напечатано:

„Картинка, приложенная къ повѣсти г. Надеждина, хороша, а портретъ его не отличается особеннымъ сходствомъ какъ другіе“. („Отеч. Зап.“ 1841, т. XVII, отд. V, стр. 20).

166) Стр. 233. Послѣдняя фраза также смягчена чужою рукой и напечатана такъ: „ .... то, и другое хорошо ... Г. Каменскій извѣстенъ, какъ авторъ сатирическаго романа... и драмы...“ Такъ и въ печати [1]). *Примѣч. гг. Ефремова и Якушкина.*

167) Стр. 234. Чужою рукой исправлено: „Картинка къ разсказу не совсѣмъ удалась, а портретъ автора превосходенъ и отличается поразительнымъ сходствомъ“. Такъ въ журналѣ. *Примѣч. гг. Ефремова и Якушкина.*

168) Стр. 235. Въ журналѣ въ этомъ мѣстѣ примѣчаніе: Хлестаковъ въ „Ревизорѣ“ Гоголя. (Это примѣча-ніе, по указанію гг. Ефремова и Якушкина, приписано карандашомъ, повидимому—другою рукой.

169) Стр. 235. Примѣчаніе гг. Ефремова и Якушкина: одно зачеркнутое слово не разобрано. Карандашомъ исправлено: „Смѣло и безмыслено“.— Въ печати: „Смѣло и странно“.

169—а) Стр. 235. Предыдущихъ четырехъ строкъ: „потомъ .... журналѣ“ (Сноска 169—а по ошибкѣ попала не на свое мѣсто: ей слѣдуетъ быть въ началѣ строки, а не въ концѣ) въ журналѣ нѣтъ.

170) Стр. 235. Этой фразы: „послѣ .... гостинницы“ въ журналѣ нѣтъ.

171) Стр. 235. Въ скобкахъ чужою рукой вставлено: „кромѣ басни Крылова, которая зашла сюда случайно“. Такъ въ журналѣ. *Примѣч. гг. Ефремова и Якушкина.*

172) Стр. 236. Карандашомъ приписано: „когда иныхъ ужъ нѣтъ, другіе ничего не хотятъ дѣлать“. *Примѣч. гг. Ефремова и Якушкина.* Въ журналѣ послѣднихъ 9 строкъ рецензіи „Вотъ что значитъ... Дай-то Богъ“ совсѣмъ нѣтъ.

Скучный и утомительный трудъ сличенія первоначальнаго текста съ печатнымъ текстомъ окупается кое-какими, не лишенными интереса выводами, характеризующими и цензуру того времени, и редакторскіе пріемы Краевскаго. Цензурныя выходки, конечно, мало прибавляютъ къ тому, что извѣстно, но, все-таки, любопытно наглядно видѣть, до какой мелочности доходила придир-

---

[1]) Эта передѣлка отзыва о Каменскомъ значительно смягчаетъ пренебрежительно-насмѣшливое отношеніе къ нему Бѣлинскаго. *С. В.*

чивость. По отношенію къ Шишкову, хотя и умершему уже, но бывшему министру и адмиралу, нельзя сказать, что онъ былъ „безполезный и бездушный свидѣтель тысячелѣтій, пролетѣвшихъ мимо него“, а можно употребить только почтительный эпитетъ: „холодный свидѣтель“; отзываться-же иронически о Шишковѣ (см. конецъ 217-й страницы) совсѣмъ нельзя. Но что уже говорить о бывшемъ министрѣ. Не великъ чинъ частный приставъ, но и о немъ нельзя было сказать, что онъ „руки по швамъ, съ оффиціальною физіономіею, съ благоговѣніемъ, какъ на таинство, взиралъ на обжорство высокой персоны“ (стр. 226 и пр. 148). Хотя почитаніе „добраго стараго времени“ строжайше тогда вмѣнялось всѣмъ въ обязанность, тѣмъ не менѣе, нельзя было изречь такую безобидную истину, что „бюрократія мало измѣнилась въ своемъ духѣ“ со „временъ очаковскихъ и покоренія Крыма“. А уже прямо чѣмъ-то анекдотическимъ отзывается свирѣпое зачеркиваніе цѣлаго абзаца въ 15 строкъ (стр. 229—230 и пр. 150—6), восторженно превозносящаго Екатерину. „Великая жена“ превозносилась во имя того, что „жизнь государства заключается въ живой, движущейся идеѣ“ и этого было достаточно, чтобы цензоръ отнесся къ восхваленію императрицы съ полною безпощадностью.

Редакторскія поправки Краевскаго интересны для выясненія положенія Бѣлинскаго въ „Отеч. Запискахъ“. Въ общемъ, конечно, онъ былъ вполнѣ независимъ въ своихъ сужденіяхъ и редакторская цензура почти ни въ чемъ не отражалась на его статьяхъ. Для активной роли у Краевскаго не хватало ни умственныхъ силъ, ни опредѣленныхъ взглядовъ, и этотъ ловкій литературный антрепренеръ, чувствуя насколько успѣхъ журнала создается пламенною страстностью Бѣлинскаго и новизною его взглядовъ, предоставлялъ „пенстовому Виссаріону“ почти полную свободу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, Краевскій, всегда напускавшій на себя важность, ни мало не отказывался отъ редакторской роли и редакторскій зудъ его, не проявляясь ни въ чемъ серьезномъ, выражался, главнымъ образомъ, въ множествѣ мелкихъ стилистическихъ поправокъ и передѣлокъ. Общее впечатлѣніе отъ этихъ редакторскихъ измѣненій самое жалкое: они совершенно лишнія и всѣ заключаются въ томъ, что страстному и оттого иной разъ хотя и нагроможденному, но отнюдь не въ ущербъ красотѣ и силѣ, стилю Бѣлинскаго, сообщали холодную и бездушную грамматическую правильность. Кое-гдѣ поправки Краевскаго являются обдѣлываніемъ его литературныхъ дѣлишекъ. Онъ пока еще не хочетъ очень задѣвать имѣющаго большія связи Погодина и потому вычеркиваетъ самое невинное замѣчаніе по его адресу (прим. 163), онъ выбрасываетъ иронію по адресу Каменскаго, зятя президента Академіи Художествъ гр. Толстого (пр. 166), онъ зачеркиваетъ насмѣшливый каламбуръ по отношенію къ вновь входящему въ силу Надеждину (пр. 162), наконецъ позволяетъ себѣ совсѣмъ неприличную вещь: Бѣлинскій, перечисляя „благородныхъ дѣятелей“, оставшихся послѣ смерти Пушкина, называетъ Крылова, Жуковскаго, Одоевскаго, Лажечникова, Гоголя, Лермонтова, а Краевскій отъ себя прибавляетъ могущественнаго кн. Вяземскаго (пр. 111).

173) Стр. 236. „Отеч. Зап.“ 1841, XVII, № 7. Ценз. разр. отъ 30 іюня 1841. Въ подлинникѣ не имѣетъ особаго заглавія и помѣщено подъ рубрикою „Библіографическія и Журнальныя Извѣстія“.

174) Стр. 238. Ср. прим. 89.

175) Стр. 238. Въ „Отеч. Зап.“ напечатано: „штидесятыхъ“. Солдатенковское изданіе усмотрѣло тутъ испорченное „шестидесятыхъ“. Мы, безъ особенной, впрочемъ, увѣренности, передѣлываемъ въ „десятыхъ“. Чтеніе —

„шестидесятыхъ“, кажется, не имѣетъ за собою никакихъ доводовъ: рѣчь вѣдь могла, въ такомъ случаѣ, идти только о 1760-хъ гг., когда въ литературѣ никакой борьбы поколѣній не было. „Десятые“-же годы, т. е. 1810-ые гг.— эпоха, когда старшій братъ Ѳедора Глинки—Сергѣй стоялъ во главѣ патріотическаго, антифранцузскаго, и „русскаго“ настроенія, а самъ Ѳеодоръ Глинка начиналъ свою литературную карьеру.

176) Стр. 240. Бѣлинскому было тутъ собственно въ чужомъ пиру похмѣлье. Рецензію, отъ которой такъ разсвирѣпѣлъ „Москвитянинъ“, писалъ вовсе не онъ, а Галаховъ, какъ это видно изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи рукописныхъ реэстровъ Галахова (о нихъ IV, пр. 197). Какъ читатель сейчасъ увидитъ, рецензія Галахова написана очень бойко и совсѣмъ въ стилѣ Бѣлинскаго. Правда, человѣкъ, вчитавшійся въ Бѣлинскаго, замѣтитъ въ ней, при всей легкости стиля, извѣстную тяжеловатость оборотовъ. Но Шевыревъ, писавшій замѣтку въ „Москвитянинѣ“, конечно, судилъ по первому впечатлѣнію и въ рядѣ рѣзкихъ намековъ поспѣшилъ сорвать давно накипавшую въ немъ злобу противъ Бѣлинскаго.

Взявшись отвѣчать анонимно, отъ имени журнала, Бѣлинскій уже не раздѣляль своего отвѣта отъ Галаховской рецензіи и, цитируя ее, говоритъ: „когда *мы* написали эти строки“, „*намъ* пришла на память“, „*мы* прибавили“ и т. д. Такимъ образомъ получается впечатлѣніе, что и рецензія и отвѣтъ писаны однимъ лицомъ. Н. П. Барсуковъ, разсказывая въ своей біографіи Погодина (т. VI, стр. 79—82) этотъ эпизодъ, прямо приписываетъ рецензію о „Малолѣткѣ“ Бѣлинскому. Мы тоже, несомнѣнно, сочли-бы себя вправѣ включить рецензію въ составъ сочиненій Бѣлинскаго, если бы не заглянули въ неоставляющія никакого сомнѣнія записи Галахова, *современныя* появленію рецензіи.

Но, во всякомъ случаѣ, считаемъ необходимымъ включить неправильно приписываемую Бѣлинскому статейку въ настоящія примѣчанія:

„М а л о л ѣ т о к ъ, *кормилецъ престарѣлаго, обнищавшаго отца своего, или чистое родительское благословеніе*. *Сочиненіе* Александра Орлова. *Москва. Въ типографіи В. Кирилова. 1841. Въ 12-ю д. л. 21 стр.*

Твореніе, изданное по смерти! Мы съ особеннымъ любопытствомъ прочли его. Сохраняя одно и то же искусство въ изображеніи добродѣтелей и пороковъ, вѣрный своему языку и слогу, Александръ Анфимовичъ Орловъ помѣстилъ, въ началѣ стихотворенія, предисловіе, изъ котораго ясно видно его воззрѣніе на поэзію, его задушевное мнѣніе объ изящномъ. Выпишемъ это назидательное предисловіе:

„Почитать родителей есть величайшая и священнѣйшая обязанность въ человѣческой жизни; а быть имъ полезнымъ при старости лѣтъ ихъ есть сладчайшее удовольствіе, котораго я, по стѣсненнымъ моимъ обстоятельствамъ, и вкусить не могъ. За всѣ благодѣянія родительскія я, до самой ихъ кончины, не могъ ничего для нихъ сдѣлать. Они легли въ сырой землѣ безъ меня, безъ меня положены въ холодную могилу, чего я себѣ во всю жизнь мою не прощу: поелику я, при кончинѣ ихъ, имѣлъ еще физическія силы придти пѣшкомъ, дабы своими руками опустить ихъ въ сырую землю. А потому, слушая повѣствованія другихъ о томъ, какъ дѣти были при погребеніи родителей своихъ, какія были попеченія ихъ при немощахъ ихъ, я всегда содрогаюсь, упрекая себя, что я не былъ при послѣднихъ минутахъ ихъ жизни. Конечно, обстоятельства были тому причиною. Но это отговорка ма-

ловажная: обстоятельства можно было преодолѣть", и проч. и проч.,—что уже не относится къ нашему предмету.

Видите ли, читатели, въ чемъ дѣло? Александръ Анфимовичъ Орловъ, наравнѣ со многими писателями и журналистами, почиталъ нравственность и поэзію за предметы тождественные, такъ что, по его воззрѣнію, поэзія есть нравственность, а нравственность есть поэзія, и доказательствомъ тому его сочиненіе, написанное съ прекрасною, нравственною цѣлію—съ цѣлію укрѣпить любовь дѣтей къ родителямъ. Каемся въ нашемъ прежнемъ заблужденіи: мы прежде думали, что смѣшивать такіе два разнородные предмета, каковы нравственность и поэзія, могутъ только тѣ люди, у которыхъ въ головѣ или нѣтъ ничего, или есть хаосъ, и которые, вслѣдствіе пустоты или хаоса не въ состояніи отличить печнаго горшка отъ головы Аполлона Бельведерскаго; что, при оцѣнкѣ произведенія, надобно имѣть въ виду не то, что выражено сочинителемъ, а то, *какъ* выраженъ избранный предметъ; что Тредьяковскій, воспѣвая небеса, море, добродѣтель, все-таки пѣлъ скверно, а Пушкинъ, не пренебрегая міромъ дольнимъ, вещами обыкновенными, все-таки творилъ изящныя созданія, и... мало ли что думали мы прежде; но теперь мы думаемъ иначе.

Въ самомъ дѣлѣ, мнѣніе о томъ, что быть нравственнымъ значитъ быть поэтомъ, и наоборотъ, быть поэтомъ, значитъ быть нравственнымъ, такъ поразительно-великолѣпно, такъ оригинально чудно, что мы долго не знали, откуда оно явилось—съ границъ ли Китая, или изъ внутреннихъ земель Патагоніи; недоумѣніе наше теперь разрѣшается: мы достовѣрно знаемъ, что это мнѣніе въ первый разъ ясно высказано двумя особами: Александромъ Анфимовичемъ Орловымъ, въ стихотвореніи его „Малолѣтокъ", которое, безъ всякаго сомнѣнія, еще при жизни автора ходило по рукамъ любителей нравственности, то-есть поэзіи, и умнымъ помѣщикомъ басни Крылова „Музыканты", по словамъ котораго отличный музыкантъ есть человѣкъ прекраснаго поведенія, не берущій въ ротъ хмѣльнаго. Можно ль было не увлечься голосомъ такихъ особъ? Въ затруднительныхъ, спорныхъ пунктахъ *авторитеты* всегда имѣютъ большое значеніе.

Оригинально-чудное мнѣніе о томъ, что въ русскомъ языкѣ существуютъ два слова: *нравственность* и *поэзія*, выражающія совершенно одно и то же понятіе (чего нѣтъ ни въ одномъ изъ существующихъ языковъ и не было ни въ одномъ изъ существовавшихъ), приноситъ неисчислимыя пользы. Укажемъ на одну изъ нихъ. Для истинной оцѣнки литературныхъ произведеній не нужно читать ихъ, — что̀ прежде считалось необходимостію, — а надобно только отобрать вѣрныя справки о жизни сочинителя, и оцѣнка готова. Если реченный сочинитель не пилъ вина даже за обѣдомъ, не бралъ въ руки картъ, платилъ исправно въ овощныя лавки за взятый въ долгъ товаръ, кухарку свою держалъ въ почтительномъ отъ себя отдаленіи, тогда вы заключаете: *означенный сочинитель есть поэтъ*; если же нѣтъ—то *не поэтъ*. И вѣрно и —легко!

Да, нравственность есть поэзія, поэзія есть нравственность. *Нравственный* поэтъ нашъ, Ѳ. Н. Глинка, того же мнѣнія. Въ одномъ изъ нумеровъ весьма нравственной газеты „Московскія Вѣдомости", онъ помѣстилъ очень *нравственную* статью о торжествѣ нравственности и поэзіи, привязавъ это *нравственное* сужденіе къ самой *нравственной* цѣли: похвалѣ журнала, въ которомъ онъ участвуетъ. Намъ остается восхищаться *нравственною* статьею Ѳ. Н. Глинки, упрекать себя за прежнія заблужденія и душевно пожалѣть, что

Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька, такой прекрасный нравственный человѣкъ, никогда не бралъ пера въ руки—вѣроятно отъ застѣнчивости. Какихъ изящныхъ созданій должно было ожидать отъ человѣка, который въ сорокъ лѣтъ сохранилъ свою невинность, стыдился говорить съ персоной женскаго пола, утромъ и вечеромъ подходилъ къ ручкѣ своей тетушки, называя ее „милая тетинька!“... Необыкновенный человѣкъ! Многаго лишилась въ немъ изящная русская литература!

Есть, однакожь, противники общаго мнѣнія. Они упорствуютъ въ прежнихъ заблужденіяхъ и никакъ не соглашаются назвать печной горшокъ изящнымъ произведеніемъ, потому единственно, что въ немъ варятся щи и каша, самые полезные предметы, а голову Аполлона Бельведерскаго—произведеніемъ неизящнымъ, потому что ее нельзя обратить въ печной горшокъ. Къ числу такихъ противниковъ принадлежатъ Жуковскій и Крыловъ. Первый, въ сочиненіи своемъ: „Кто истинно-добрый и счастливый человѣкъ?“ ясно высказалъ, что можно быть справедливымъ судьею, искуснымъ полководцемъ, истиннымъ поэтомъ—и не быть истинно-добрымъ, и наоборотъ, истинно-добрый можетъ и не быть ни судьею, ни полководцемъ, ни поэтомъ; а второй дерзнулъ даже замѣтить въ баснѣ своей „Музыканты“:

По моему ужь лучше *пей*,
Да *дѣло разумѣй*.

Но это—такъ, частности, исключенія, о которыхъ и говорить нечего“.

Въ сейчасъ названной біографіи Погодина, находимъ въ высшей степени любопытныя свѣдѣнія, касающіяся полемической схватки изъ-за рецензіи о „Малолѣткѣ“.

„Статья Бѣлинскаго“, разсказываетъ г. Барсуковъ (не сомнѣваясь, какъ и сотрудники „Москвитянина“ въ томъ, что сейчасъ воспроизведенная нами Галаховская рецензія принадлежитъ именно Бѣлинскому), глубоко возмутила и „встревожила“ М. А. Дмитріева *), который предложилъ Погодину „*написать оффиціальную бумагу* и подписать ее всѣмъ противъ правилъ, проповѣдуемыхъ „Отечественными Записками“. На это предложеніе Погодинъ замѣтилъ: „Все это вздоръ, и я не понимаю, какъ слабы эти религіозные люди, смущаясь подобными выходками *дряни и сволочи*“. Но Дмитріевъ не успокоивался. „(Заѣхалъ) къ Дмитріеву“, пишетъ Погодинъ (въ своемъ дневникѣ), „который топорщится за Глинку и говоритъ даже дерзости“... Съ своей стороны и Шевыревъ, задѣтый тоже Бѣлинскимъ, писалъ Погодину: „Выходка противъ Глинки гадка: за нее надо высѣчь Бѣлинскаго. Слѣдовало-бы тебѣ напечатать нѣсколько строкъ отъ своего имени, чтобы дать окликъ на *пьяницу Бѣлинскаго*, чтобы не обижалъ честныхъ людей, и на „Отечественныя Записки“, чтобы не позволяли у себя выходокъ противъ людей, которые, кромѣ литературнаго имени, ограждены противъ нахальныхъ нападеній нравственнымъ достоинствомъ“. Но Погодинъ уклонился вступать въ личное состязаніе съ Бѣлинскимъ, а потому въ защиту Ѳ. Н. Глинка и себя принужденъ былъ выступить Шевыревъ, не подписавши впрочемъ подъ статьею *Къ „Отечественнымъ Запискамъ“* своего имени“. (Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина, ч. VI, стр. 81).

---

*) Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ; мы съ нимъ скоро встрѣтимся.
С. В.

Въ извлеченныхъ нами свѣдѣніяхъ всего любопытнѣе, конечно, предложеніе злобно-бездарнаго Михаила Дмитріева, давно имѣвшаго зубъ противъ Бѣлинскаго, подать „*оффиціальную бумагу*“, т.-е., по-просту говоря, написать куда слѣдуетъ донось. Съ этимъ административно-юридическимъ дополненіемъ къ литературной полемикѣ мы не разъ будемъ встрѣчаться въ ожесточенной войнѣ, которую поведетъ Бѣлинскій съ „Москвитянинымъ“ и другими литературными старовѣрами. На первыхъ порахъ Погодинъ побрезгалъ, но впослѣдствіи „Москвитянинъ“ не разъ прибѣгалъ къ такимъ полемическимъ пріемамъ, которые на вынужденно-сдержанномъ языкѣ Бѣлинскаго и его друзей получили эпитетъ „юридическихъ бумагъ“.

Затѣмъ, конечно, въ приведенномъ отрывкѣ въ высокой степени забавна классификація, по которой Бѣлинскій—ужъ рѣшительно со всѣхъ точекъ зрѣнія самая благородная личность всей русской литературы — зачисленъ въ разрядъ „сволочи и дряни“. И притомъ кѣмъ? Погодинымъ,—къ которому съ достаточною долею брезгливости относились даже очень близкіе къ нему люди и единомышленники! Но по истинѣ безподобно негодованіе Шевырева противъ „пьяницы Бѣлинскаго“. Это Бѣлинскій-то пьяница! Онъ не только самъ ничего не пилъ, но даже физически не выносилъ самыхъ дорогихъ и близкихъ друзей своихъ, когда они на дружескихъ собраніяхъ приходили въ пьяное возбужденіе.

177) Стр. 241. „Отеч. Зап.“ 1841, т. XVII, № 8. Цензъ. разр. около 30 іюля 1841 г. Въ изданіи Солдатенкова помѣщено съ опущеніемъ большинства цитатъ.

178) Стр. 241. См. т. V, ст. № 454.

179) Стр. 250. Рѣчь о „Теоріи поэзіи“ Шевырева, которою Бѣлинскій усердно пользовался для введенія къ задуманному имъ курсу исторіи русской литературы. См. примѣч. 46.

Стр. 180) 261. Бѣлинскій вторично впадаетъ въ ошибку, приписывая Анакреоновскаго „Мокраго Амура“ Ломоносову и по прежнему восторгается совсѣмъ незаслуживающимъ такихъ похвалъ стихотвореніемъ Андрея Шенье.

181) Стр. 267. Этотъ „неизвѣстный“ тогда поэтъ—Майковъ, дарованіе котораго съ такою поражающею проницательностью угадалъ Бѣлинскій съ перваго раза. (См. т. V, прим. 120).

182) Стр. 271. Это сравненіе съ подлинникомъ принадлежитъ, конечно, не Бѣлинскому, почти не знавшему по нѣмецки, а кому-нибудь изъ пріятелей—всего вѣроятнѣе Василію Боткину, часто наѣзжавшему изъ Москвы. Но оно, во всякомъ случаѣ, не свободно отъ неточностей. „Die Hüften hinab“ не значитъ „по прекрасному тѣлу“, а—по бедрамъ. Гекзаметры Гете отсчитывалъ не на „плечѣ“, а на спинѣ.

183) Стр. 271. Принадлежа, съ одной стороны, къ лучшимъ нашимъ переводчикамъ по изяществу, силѣ и умѣнію передать *общій* духъ переводимаго, Струговщиковъ очень, однако, удаляется отъ подлинника и переводы его скорѣе представляютъ собою то, что нѣмцы называютъ „Nachdichtungen“, т. е. что-то среднее между переводомъ и подражаніемъ.

184) Стр. 272 „Отеч. Зап.“ 1841, т. XVII, № 8. Цензъ. разр. около 30 іюля. 1841. Въ изд. Солдатенкова напечатано съ пропускомъ почти всѣхъ цитатъ.

185) Стр. 272. Послѣ смерти Пушкина въ задачи опеки надъ дѣтьми его вошло и изданіе его сочиненій, порученное Жуковскому, Плетневу и кн. Вя-

земскому. Изданіе велось довольно вяло и небрежно, а главное очень уже осторожно и это возбуждало въ литературныхъ кружкахъ неудовольствіе, отголоскомъ котораго не разъ выступалъ Бѣлинскій въ своихъ замѣткахъ о вновь выходящихъ отдѣльныхъ томахъ Пушкина.

186) Стр. 272. Намѣреніе неисполненное.

187) Стр. 274. Ср. т. II, примѣч. 151.

188) Стр. 274. Въ подлинникѣ 1835, но это явная опечатка, потому что „Москов. Телеграфъ“ былъ закрытъ въ 1834 г. Въ „Моск. Телеграфѣ“ была помѣщена не одна, а двѣ статьи Пушкина: „О г-жѣ Сталь и г. Мухановѣ“, „О предисловіи Лемонте къ переводу басенъ Крылова“.

189) Стр. 275. Не въ I-мъ, какъ говоритъ Бѣлинскій, а во II-мъ томѣ „Современника“ были рядомъ помѣщены статьи „Россійская Академія“ и „Французская Академія“. Первая, дѣйствительно, принадлежитъ Пушкину и включается въ собраніе его сочиненій. Вторая же не есть, собственно, статья, а состоитъ изъ рѣчи Скриба при пріемѣ во французскую академію и отвѣтной рѣчи Вильмена. Переводъ этихъ рѣчей снабженъ коротенькимъ вступленіемъ, строкъ въ 30, а послѣ рѣчи Скриба идетъ маленькое послѣсловіе строкъ въ 20. Издатели соч. Пушкина не включаютъ эти небольшія замѣтки, хотя, судя по увѣренному тону и кое-какимъ блесткамъ, онѣ, можетъ быть, принадлежатъ Пушкину.

190) Стр. 276. Бѣлинскому не могло быть извѣстнымъ, что предыдущія 4 строки, изъ цензурныхъ соображеній, были передѣланы или вѣрнѣе совершенно извращены кроткимъ Жуковскимъ. У Пушкина послѣ первоначальной, еще болѣе рѣзкой редакціи [1]), эта строфа вылилась такъ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу,
И милость къ падшимъ призывалъ.

190—а) Стр. 279. Бѣлинскій черезъ чуръ довѣрился нѣкоторымъ заглавіямъ Пушкинскихъ стихотвореній, произвольно придуманнымъ „попечительною опекою“ и сдѣлалъ тутъ совершенно невѣрные комментаріи. Тѣ стихотворенія („Въ началѣ жизни школу помню я“, „И далѣ мы пошли“, „Тогда я демоновъ увидѣлъ черный рой“), которыя до изданія П. А. Ефремова (1880) печатались подъ общимъ заглавіемъ „*Подражаніе Данту*“, объединены Жуковскимъ и другими издателями посмертнаго собранія не только совершенно произвольно (такого общаго заглавія въ рукописяхъ Пушкина нѣтъ), но и очень искусственно. Общее заглавіе соединяетъ въ одно стихотворенія хотя и написанныя всѣ терцинами, но по настроенію другъ къ другу неподходящія. Послѣднія два стихотворенія („И далѣ мы пошли“ и „Тогда я демоновъ увидѣлъ черный рой“), еще, дѣйствительно, представляютъ собою нѣчто въ родѣ подражанія Данту, хотя, какъ замѣчаетъ по этому поводу Анненковъ, въ нихъ „открываются нѣкоторыя черты, имѣющія видъ насмѣшки надъ дѣйствительными жизненными обстоятельствами“. И если, въ самомъ дѣлѣ,

---

[1]) И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ
Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу,
И милосердіе воспѣлъ.

сравнить тѣ нѣсколько строкъ, которыя Данте посвятилъ въ 14 пѣснѣ «Ада» ростовщикамъ съ длиннымъ стихотвореніемъ Пушкина «И далѣ мы пошли», въ которомъ такъ пластично и юмористически изображено какъ лопался отъ адскаго огня жирный ростовщикъ, то станетъ совершенно яснымъ, что стихи Пушкина просто поэтическая шалость. Это была своего рода месть какому нибудь изъ прижимавшихъ его ростовщиковъ россійскихъ. Но, повторяемъ, все-таки, какъ «И далѣ мы пошли», такъ и «Тогда я демоновъ увидѣлъ черный рой», по крайней мѣрѣ искусно стилизованы и незнакомый до того съ Данте Бѣлинскій получалъ довольно точное представленіе о Дантовской манерѣ. Но какъ разъ то мнимо-«дантовское» стихотвореніе («Въ началѣ жизни школу помню я»), которое особенно восхитило Бѣлинскаго и на основаніи котораго онъ сдѣлалъ такіе опредѣленные выводы, о «страстномъ итальянцѣ», рвущемся «къ обаяніямъ искусства и жизни», ничего общаго съ Данте не имѣетъ. Непонятно, какимъ образомъ литературно-образованные Жуковскій и Плетневъ могли усмотрѣть въ этомъ стихотвореніи «подражаніе Данту». Уже одного сколько-нибудь вдумчиваго чтенія цитируемаго Бѣлинскимъ стихотворенія достаточно, чтобы усомниться въ какой бы то ни было связи стихотворенія съ Данте. Начать съ того, что описывается какая-то школа, во главѣ которой стоитъ женщина—явленіе почти невѣроятное для «начала» жизни Данте, т. е. для второй половины XIII в. Однакоже, какъ рѣдчайшее явленіе это, все-таки, еще возможно. Но что является полнѣйшимъ анахронизмомъ, исключающимъ всякую возможность пріурочить стихотвореніе къ Данте—это описаніе сада. Такіе сады могли появиться не раньше какъ лѣтъ чрезъ 150—200 послѣ Данте.

Передъ нами типичный садъ эпохи позднѣйшаго Ренесанса, украшенный статуями языческихъ боговъ. Правда, поэтъ, по выраженію Бѣлинскаго, «стоитъ на католической точкѣ зрѣнія» и называетъ эти статуи „кумирами“, „идолами“ и „бѣсами“. Но во времена Данте античные „идолы“ давно уже были безжалостно уничтожены духовенствомъ, а отъ мысли дѣлать новыхъ „идоловъ“ только что зарождавшееся искусство съ ужасомъ-бы отвернулось. „Бѣсы“ иной разъ фигурируютъ въ скульптурныхъ украшеніяхъ церквей, гдѣ ихъ посрамляютъ святые и праведники, но, во-первыхъ, фигурируютъ въ самомъ омерзительномъ видѣ, такъ что о томъ, чтобы находить ихъ „прекрасными“, конечно, и рѣчи не можетъ быть, а, во-вторыхъ, самостоятельно въ видѣ отдѣльныхъ статуй, никто ни „идоловъ“, ни „кумировъ“ тогда не дѣлалъ. Да и сама скульптура была еще въ XIII вѣкѣ въ такомъ зачаточномъ состояніи, что садъ, украшенный рядомъ статуй—явленіе абсолютно немыслимое.

Приведенныхъ соображеній, собственно говоря, совершенно достаточно, чтобы отвергнуть всякую связь пушкинскаго стихотворенія съ Данте. Но намъ, все-таки, не хотѣлось оставаться на почвѣ однихъ соображеній и на всякій случай мы просмотрѣли „Божественную комедію“, „Vita Nuova“ и лирическія стихотворенія Данте. Конечно, ничего и приблизительно подходящаго не нашлось.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ возобновленнаго знакомства съ Данте можемъ еще прибавить, что Данте на всемъ протяженіи какъ своей грандіозной поэмы, такъ и нѣжной „Vita Nuova“ нигдѣ не рвется „къ обаяніямъ искусства и жизни“ и въ этомъ отношеніи характеристика введеннаго въ заблужденіе Бѣлинскаго совершенно не вѣрна. Творчество Данте стоитъ

совершенно обособленно во всемірной литературѣ по своей несравненной величавости. Правда, по выраженію Пушкина

Суровый Дантъ не презиралъ сонета

и слагалъ ихъ множество въ честь своей Беатриче. Но любовь къ Беатриче и описаніе ея до того лишены всякаго отдаленнаго намека на чувственность, на борьбу съ „обаяніями жизни“, что на нихъ можно смотрѣть только какъ на символизацію, какъ на поэтическое воплощеніе мистическихъ порывовъ въ область идеала.

191) Стр. 279. Къ этому спорному положенію намъ еще придется вернуться.

192) Стр. 282. Рѣчь, конечно, о знаменитыхъ эпиграммахъ Пушкина на Булгарина.

193) Стр. 283. Рѣчь, очевидно, о Языковѣ, который отъ стихотвореній, воспѣвавшихъ вино и любовь, перешелъ теперь къ самому задирающему шовинизму и кваснóму патріотизму.

194) Стр. 283. „Скоро“ затянулось на 4 года, а, въ общемъ, Бѣлинскій пріобирался написать свои знаменитыя статьи о Пушкинѣ 8 лѣтъ. Конецъ рецензіи, съ ея самозащитой противъ „ученыхъ невѣждъ“, „бездарныхъ витязей фоліантовъ“ и т. д., т. е. противъ Шевырева является продолженіемъ полемики, о которой см. статью № 540 и прим. 176.

195) Стр. 283. „Отеч. Зап.“ 1841, т. XVII, № 8. Ценз. разр. около 30 іюля 1841. Въ изд. Солдатенкова напечатано съ опущеніемъ большинства цитатъ, причемъ цитаты пощаженныя выбраны крайне произвольно и безъ эстетическаго пониманія.

196) Стр. 293. Со свойственною ему чуткостью ко всякому новому литературному явленію, Бѣлинскій тотчасъ-же подмѣтилъ новый типъ неизвѣстнаго у насъ до того редактированія и изданія сочиненій выдающихся писателей. Въ основныхъ чертахъ здѣсь намѣчены всѣ особенности будущихъ изданій „Гротовскаго“ типа.

197) Стр. 293. „Отеч. Зап.“ 1841, т. XVIII, № 9. Ценз. разр. отъ 30 августа 1841 г. Въ изданіи Солдатенкова эта первая изъ четырехъ статей о народной поэзіи напечатана съ слѣдующимъ примѣчаніемъ:

„Статья эта, напечатанная по рукописи, мѣстами измѣненной и пополненной самимъ Бѣлинскимъ, должна была войти въ „Критическую исторію Русской литературы“, которую, не задолго до смерти, онъ началъ составлять изъ прежнихъ статей своихъ“.

Эти свѣдѣнія не совсѣмъ точны. Мы знаемъ изъ собственнаго примѣчанія Бѣлинскаго къ его статьѣ «Раздѣленіе поэзіи на роды и виды» (т. VI, стр. 63—64), что „Критич. исторію рус. лит.“ онъ началъ „составлять“ не „не задолго до смерти“, а въ 1841 г. и не изъ „прежнихъ статей своихъ“, а, напротивъ того, рядъ статей былъ имъ задуманъ какъ отдѣльныя главы будущей книги. Но „измѣненія и пополненія“, отличающія текстъ, напечатанный въ „Отеч. Зап.“ отъ рукописи, съ которой Кетчеръ напечаталъ статью въ изд. Солдатенкова дѣйствительно позднѣйшаго происхожденія, о чемъ см. въ примѣчаніяхъ къ дальнѣйшимъ тремъ статьямъ о народ. поэзіи.

198) Стр. 293. Вышедшій изъ употребленія оборотъ. Теперь говорятъ: „этимъ словомъ“.

199) Стр. 294. Теперь говорятъ: Реставраціи.

200) Стр. 296. Рѣчь объ изданной Августомъ Вильгельмомъ Шлегелемъ,

во время его пребыванія въ Парижѣ (въ домѣ m-me де-Сталь), брошюрѣ, въ которой онъ сравнивалъ „Федру“ Еврипида и „Федру“ Расина („Comparaison entre la Phedre de Racine et celle d'Euripide“ 1807). Своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ Расину и франц. классической трагедіи брошюра произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе во французскихъ литературныхъ кружкахъ.

201) Стр. 298. Въ яркой и образной формѣ на этихъ полутора страницахъ изложена вся сущность Гегелевскаго діалектическаго процесса. Стадіи тезиса, антитезиса и синтезиса, которыя неизбѣжно должна пройти жизнь каждой идеи, здѣсь объяснены безъ употребленія хотя-бы одного философскаго термина, но вмѣстѣ съ тѣмъ безусловно точно. Трудно только согласиться съ метафорой Бѣлинскаго, что зерно идеи снова становится тѣмъ-же самымъ зерномъ, съ тою только разницею, что оно перестаетъ быть „незнакомымъ“. Всякое синтетическое понятіе въ свою очередь является тезисомъ, новымъ зерномъ, которое въ этомъ новомъ видѣ подлежитъ эволюціи, т. е. дальнѣйшему діалектическому развитію.

202) Стр. 301. Въ началѣ своей критической дѣятельности Бѣлинскій гораздо лучше относился къ Хомякову (ср. т. I, стр. 393; т. II, стр. 93—94, 107), защищалъ его отъ холодности другихъ критиковъ и, даже указывая ходульность и напыщенность „Ермака“ и „Димитрія Самозванца“, относился къ автору съ большою теплотою и симпатіею. Но уже начиная съ эпохи полемики съ шевыревскимъ „Москов. Наблюдателемъ“ (ср. т. II, стр. 485, 498) отношеніе это становится все придирчивѣе. Теперь оно обостряется подъ вліяніемъ разгорающейся полемики съ „Москвитяниномъ“.

203) Стр. 301. Неожиданная милость Полевому (ср. прим. 277), въ которомъ, впрочемъ, главную роль, можетъ быть, играетъ стремленіе низвести Марлинскаго.

204) Стр. 302. Бѣлинскій тутъ очень несправедливъ къ Погодину, повѣсти котораго были замѣчательнымъ литературнымъ явленіемъ и на нѣсколько десятковъ лѣтъ опередили Островскаго (ср. II, прим. 233). Дальше, впрочемъ, (стр. 306—307) Бѣлинскій лучше относится къ Погодину.

205) Стр. 302. Намекъ на романъ Загоскина „Тоска по родинѣ“.

206) Стр. 302. Тутъ явная описка. Слово *всего*, очевидно,—лишнее.

207) Стр. 306. Тутъ какъ-бы перекинутъ соединительный мостъ между эстетическими принципами Бѣлинскаго перваго и второго періода. Онъ еще очень цѣпко держится за принципъ „искусства для искусства“, но уже весьма снисходительно допускаетъ „внѣшнюю цѣль“ для весьма растяжимаго разряда „бельлетристики“ (ср. объ этомъ терминѣ V, пр. 109).

208) Стр. 307. Брезгливое и презрительное отношеніе къ „мужицкому“ и „простонародному“ все еще сидитъ въ будущемъ пламенномъ демократѣ (ср. I, пр. 180; II, 246, 378; III, пр. 112, 139, 162; VI, 95, 551).

209) Стр. 309. Мы уже знаемъ (ср. прим. 48), что Бѣлинскій въ научныхъ работахъ цѣнилъ не научность методовъ изслѣдованія, а важность предмета изслѣдованія. И теперь онъ полагаетъ, что „чухонская литература“ предметъ недостаточно значительный для человѣка „съ умомъ и душою“. На это прежде всего можно возразить, что чудесной финской эпической поэмой „Калевала“ занималось очень много людей „съ умомъ и душею“. Затѣмъ, опять-таки слѣдуетъ отмѣтить, что для истинной науки дѣло не въ „ничтожности“ предмета изслѣдованія, а въ томъ, какъ это изслѣдованіе

вести и къ какимъ обобщающимъ выводамъ придти на основаніи самыхъ «ничтожныхъ» фактовъ.

210 — 211) Стр. 309. Яванскій языкъ *Кави* показался-бы Бѣлинскому предметомъ еще менѣе достойнымъ для научныхъ интересовъ человѣка „съ умомъ и душою“, чѣмъ „чухонская литература“. А между тѣмъ одинъ изъ величайшихъ ученыхъ—Вильгельмъ Гумбольдтъ именно изслѣдованіемъ языка Кави положилъ начало такой высокообобщающей наукѣ какъ сравнительное языкознаніе. Бѣлинскій относится неправильно и къ персидской поэзіи. Уступая арабской *литературѣ* и культурѣ въ области философіи и науки, персидская *поэзія* въ достаточной мѣрѣ самостоятельна, и въ то время какъ арабская поэзія не выдвинула ни одного мірового поэтическаго имени, персидская можетъ гордиться такими всемірно-извѣстными поэтами какъ Гафизъ и Саади. Что касается увѣренности Бѣлинскаго, что персидская исторія состоитъ только изъ „перемѣны династій и властей“, то и это надо принять съ большими оговорками. Русская исторія тоже состоитъ изъ ряда столѣтій весьма скучныхъ княжескихъ междуусобицъ, что не мѣшаетъ, однако, русской жизни этихъ столѣтій имѣть свою „исторію“. А главное, персидская исторія далеко не состоитъ изъ однѣхъ „перемѣнъ династій“. Въ ней можно указать такое напр. въ высшей степени интересное умственное движеніе какъ суффизмъ, которое свидѣтельствуетъ объ очень интенсивной духовной жизни. Ср. статьи проф. Крымскаго о суффизмѣ, персидской литературѣ и отдѣльныхъ персидскихъ поэтахъ въ „Энцикл. словарѣ“ Брокгаузъ-Ефрона.

212) Стр. 310. Въ то время еще никто не сомнѣвался въ подлинности знаменитой „Краледворской рукописи“ и другихъ мнимыхъ произведеній древней чешской поэзіи. Въ настоящее время уже окончательно установлено, что всѣ эти, какъ ихъ остроумно назвалъ извѣстный славистъ В. И. Ламанскій, *„новѣйшіе* памятники древне-чешской письменности“, поддѣланы знаменитымъ дѣятелемъ чешскаго возрожденія Ганкой, чтобы отстоять предъ нѣмцами древность чешской культуры.

213) Стр. 310. Къ этой формулѣ, получившей широкую извѣстность и навлекшей на Бѣлинскаго такъ много преувеличенныхъ нареканій, мы еще вернемся въ прим. 551.

214) Стр. 312. Начало переработки этого введенія см. дальше, статью № 575

215) Стр. 313. „Отеч. Зап.“ 1841, т. XVIII, № 9. Ценз. разр. 30 авг. 1841. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ цитаты изъ предисловія и комментарія къ нему.

216) Стр. 313. Рѣчь о статьѣ Шевырева въ „Москвитянинѣ“ 1841 г. См. о ней прим. 26. Этой статьей Бѣлинскій возмущался и въ перепискѣ съ Боткинымъ: „Хорошъ Шевыревъ: Лермонтовъ подражаетъ Бенедиктову и пр. Святители!“ (Пыпинъ II, 114),

217) Стр. 316. Важный для біографіи Лермонтова фактъ, извѣстіе о которомъ только въ этихъ словахъ Бѣлинскаго и сохранилось: Лермонтовъ подѣлился съ Бѣлинскимъ своимъ намѣреніемъ, вѣроятно, во время задушевной бесѣды на гауптвахтѣ (см. VI, пр. 26).

218) Стр. 316. О томъ, что Лермонтовъ погибъ на дуэли, тогда было запрещено писать.

219) Стр. 317. Въ теперешней оцѣнкѣ Лермонтова (ср. прим. 26) Бѣлинскій взялъ нѣсколько странный тонъ—какое-то тутъ умаленіе. Почему Лермонтовъ «надежда», а не колосальный поэтическій фактъ?

220) Стр. 317. «Отеч. Зап.» 1841, т. XVIII, № 9. Ценз. разр. 30 авг. 1841.

Воспроизводимъ эту рецензію по изд. П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина «Семь статей В. Г. Бѣлинскаго» (см. III, пр. 165 и VI, пр. 102). Въ библіографическомъ примѣчаніи къ этой статьѣ издатели сообщаютъ:

„Рукопись полная, 7 листовъ f°, писанныхъ съ одной стороны. Цитата «Не дамъ тебѣ» (листъ 5—6), кромѣ перваго куплета, написана другою рукой. Въ собраніи сочиненій цитата эта пропущена, какъ и слѣдующее за ней замѣчаніе, до новаго абзаца".

221) Стр. 317. Послѣдняя фраза зачеркнута и чужою рукою исправлено: «какъ-то не уживается съ инкогнито». Такъ и въ печати.

222) Стр. 317. Зачеркнуто: „Евпины потомки, люди всего скорѣе попадаются на приманку таинственности, которая раздражаетъ ихъ врожденное любопытство".

223) Стр. 317. Исправлено чужою рукой: «Главная причина того, что литературное инкогнито Графини Ростопчиной скоро было разгадано». Такъ и въ печати.

224) Стр. 318. Двѣ послѣднія фразы сокращены и измѣнены чужою рукою такъ: „для подтвержденія нашего мнѣнія. Постараемся высказать это мнѣніе прямо и откровенно, чуждаясь и безусловнаго удивленія и преступнаго равнодушія". Такъ и въ печати.

Прим. П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина.

225) Стр. 318. То-же „наклонность къ разсужденіямъ".

226) Стр. 318. Кажется, почтенные издатели отступили тутъ отъ орѳографіи рукописи: въ то время *ого* въ родительномъ падежѣ почти никѣмъ не употреблялось. Въ тѣхъ рукописяхъ, которыя были въ нашемъ распоряженіи, Бѣлинскій пишетъ на *аго*: другаго, живаго и т. д.

227) Стр. 318. Чужою рукою измѣнено: «только тою сферою, которая оставлена ей варварствомъ мужчины, однакожъ мы думаемъ, что, вступая въ сферы, насильственно присвоенныя себѣ мужчиною» *Прим. гг. Ефремова и Якушкина*.

228) Стр. 318. Преклоненіе предъ Жоржъ Зандъ (см. прим. 81, 93) все растетъ.

229) Стр. 318. Чужою рукой написано: „оранжерейной». Такъ и въ печати.

230) Стр. 318. То-же: «ассистентки».

231) Стр. 320. То-же «разсуждающихъ».

232) Стр. 320. То-же «неучтиво».

233) Стр. 321. То-же: „только мнѣніе, кажется, несправедливое въ отношеніи къ высокому назначенію женщины".

Примѣч. гг. Ефремова и Якушкина.

234) Стр. 321. „Отеч. Зап." 1841, т. XVIII, № 9. Ценз. разр. 30 августа 1841. Воспроизводимъ по изданію П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина (см. III, пр. 165 и VI, прим. 102 и 120). Издатели сообщаютъ о рукописи: „полная рукопись, 8 листовъ f°, писанныхъ съ одной стороны". Ср. ст. № 540.

235) Стр. 321. Это слово зачеркнуто въ рукописи карандашемъ, его нѣтъ и въ печати.

236) Стр. 321. Тоже.

237) Стр. 322. Исправлено чужою рукой карандашемъ: „такого разбора потребовалась-бы цѣлая" и т. д. Такъ и въ печати.

Примѣч. гг. Ефремова и Якушкина.

238) Стр. 322. Въ изд. гг. Ефремова и Якушкина по явной опечаткѣ „сочинителей".

239) Стр. 323. Странно, что Бѣлинскій такъ много говоритъ о явной опечаткѣ у Глинки: *лунь* вмѣсто *мнѣ*.

240) По ошибкѣ нижеслѣдующее примѣчаніе вмѣсто 240 нумеровано какъ 241-ое.

241) Стр. 323. Исправлено чужою рукой карандашемъ: «потомъ идетъ». Такъ и въ печати.

242) Стр. 324. То-же: «курьерскихъ».

243) Стр. 324. Вся эта фраза зачеркнута карандашемъ, а начало слѣдующей исправлено: «Вотъ почему». Такъ и въ печати.

244) Стр. 324. То-же: «ея».

245) Стр. 324. Въ скобкахъ вставлено чужою рукой: («это было въ холодный іюльскій день»). Вмѣсто слова «бухъ» исправлено: «бросили». Такъ и въ печати.

Прим. П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина.

246) Стр. 325. Трагедія—буквально (по-гречески) «козлопѣніе». Объ этомъ любимомъ предметѣ неправильныхъ по существу глумленій Бѣлинскаго см. V, пр. 30).

247) Стр. 325. Чужою рукою исправлено: «все это». Такъ и въ печати.

248) Стр. 325. То-же «читателей: имъ».

249) Стр. 325. Это слово вставлено карандашемъ, чужою рукой, какъ пропущенное авторомъ.

Прим. гг. Ефремова и Якушкина.

250) Стр. 325. «Отеч. Зап.» 1841, т. XVIII, № 9. Ценз. разр. 30 Августа 1841. Въ изд. Солдатенкова статья, судя по нѣкоторымъ измѣненіямъ, (ср. пр. 250—а и 250—б), печаталась Кетчеромъ по рукописи. Ср. прим. 321.

250—а) Стр. 326. Въ «Отеч. Зап. вмѣсто «добраго старика»—«автора».

250—б) Стр. 326. «Отъ литературныхъ изувѣровъ того времени» въ печати изчезло.

251) Стр. 327. Яковъ Іовлевичъ *Бардовскій* (1779—1851)—плохой піита и переводчикъ духовныхъ книжекъ, былъ очень близокъ, благодаря своему благочестивому направленію, съ Шишковымъ, который въ 1813 г. исхлопоталъ ему пособіе въ 1500 р. ежегодно для описанія «происшествій» французскаго пребыванія въ Москвѣ. См. *Венгеровъ*, Критико-біогр. Словарь т. III и его-же «Источники Словаря рус. писателей» т. I.

252) Стр. 328, «Отеч. Зап.» 1841, т. XVIII, № 9. Ценз. разр. 30 Авг. 1841 г. Въ изд. Солдатенкова напечатано съ сокращеніемъ цитатъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ полнѣе, чѣмъ въ «Отеч. Зап.». Изъ этого очевидно, что Кетчеръ печаталъ статью по рукописи. (Ср. прим. 321).

253) Стр. 328. Рѣчь, очевидно, о Шевыревѣ (ср. дальше пр. 255—56).

254) Стр. 328. Въ «Отеч. Зап.» короче: «по самой простой причинѣ: потому что ворона»...

255—56) Стр. 238. Въ «Отеч. Зап». выброшено около 10 строкъ. Всѣ прозрачные намеки на Шевырева и это мѣсто изложены такъ:

«Тредьяковскому какъ-то разъ удалось написать пять прекрасныхъ стиховъ; но за то во всѣхъ остальныхъ его твореніяхъ видѣнъ почтенный «профессоръ» элоквенціи и хитростей—піитическихъ».

Передѣлки Краевскаго (цензурѣ тутъ не къ чему было придраться), не желавшаго очень уже ссориться съ вліятельными редакторами «Москвитянина» лишили это мѣсто и эстетическаго интереса: цитата изъ Тредьяковскаго чрезвычайно интересна по тѣмъ дѣйствительно «прекраснымъ» стихамъ, которыми какимъ-то чудомъ обмолвился бездарнѣйшій піита. Печальная попытка «изобрѣтенія» русскихъ октавъ принадлежитъ Шевыреву. Бѣлинскій вышутилъ ее еще въ эпоху «Телескопа» (II, стр. 207).

257—59) Стр. 328. Въ Отеч. Зап..: «такимъ образомъ есть имена, которымъ трудно встрѣтить въ «Отеч. Зап.» когда-нибудь похвалу своимъ произведеніямъ».

260) Стр. 329. Эпитетъ «необыкновенно» показался Краевскому черезъ чуръ сильнымъ и онъ исчезъ въ журналѣ.

261) Стр. 328. Въ «Отеч. Зап.»: «Писателя даровитаго».

262) Стр. 329. «Самолюбія» въ журналѣ исчезло.

263) Стр. 329. Слова: «не только вѣчныхъ, но даже и» въ журналѣ исчезли.

264) Стр. 329. Словъ «для г. Полевого» въ журналѣ нѣтъ.

265) Стр. 329. Въ журналѣ: «для эпохи—и имя его памятно этой эпохѣ».

266) Стр. 329. Эпитетъ «великую» завистливый редакторъ выбросилъ.

267) Стр. 329. «Несчастный» въ журналѣ исчезъ.

268) Стр. 329. «Шеллингъ живой примѣръ» въ журналѣ нѣтъ.

269) Стр. 329. Въ журналѣ: «заключается».

270) Стр. 329. Въ журналѣ: «въ журнальной парціальности, можетъ быть въ раздраженномъ самолюбіи».

271) Стр. 329. Въ журналѣ: «вотъ почему».

272) Стр. 329. Намеки на преувеличенныя похвалы Сѣнковскаго Кукольнику, о которыхъ см. II, прим. 304 и III, прим. 33.

273) Стр. 329. Предыдущихъ 4 строкъ: «иное удивляя..... добиваться его» въ журналѣ нѣтъ.

274) Стр. 330. Сноска сдѣлана по ошибкѣ.

275) Стр. 330. «Истинно-прекраснаго» въ журналѣ исчезло.

275–bis) Стр. 330. Въ нашемъ текстѣ эта сноска по ошибкѣ нумерована, какъ и предыдущее примѣчаніе—275. Въ журналѣ трехъ предыдущихъ строкъ: «читатель узнаетъ.... Елисаветы Петровны» нѣтъ. Выбросила очевидно цензура.

276) Стр. 330. Начиная отсюда все выкинуто Кетчеромъ въ изд. Солдатенкова.

277) Стр. 332. Эта рецензія представляетъ собою передышку въ исторіи жестокаго преслѣдованія, которому Бѣлинскій подвергъ Полевого за то, что онъ перешелъ въ лагерь Булгарина и Греча. Всего менѣе преслѣдуя Полевого какъ человѣка, Бѣлинскій обрадовался, что имѣетъ возможность сказать о немъ доброе слово и говоритъ его во весь голосъ, не стѣсняясь недавними ожесточеннѣйшими нападками. Объ отношеніи Бѣлинскаго къ Полевому см. т. V, прим. 8, гдѣ указано все относящееся въ настоящемъ изд. къ исторіи этихъ отношеній. Ср. также VI, прим. 203.

278) Стр. 333. «Отеч. Зап.» 1841, т. XVIII, № 10. Ценз. разр. около 30 сент. 1841. Первую статью см. выше подъ № 544. Въ изданіи Солдатенкова статья полнѣе и слѣдовательно напечатана Кетчеромъ по рукописи. (Ср. пр. 321).

279) Стр. 333. Въ журналѣ «совершенно» нѣтъ.

280) Стр. 335. Предыдущихъ трехъ строкъ: «ибо что-же..... воплотившіеся въ міры» въ журналѣ нѣтъ.

281) Стр. 336. Всей этой тирады (6 строкъ: «явно, что орангутангъ..... и потому не нужной») въ журналѣ нѣтъ. Цензура въ этой странной смѣси метафизики и телеологіи съ мыслями, подготовившими теорію Дарвина, очевидно усмотрѣла слишкомъ научное отношеніе къ «природѣ».

282) Стр. 337. Въ журналѣ передѣлано въ «исключительно».

283) Стр. 337. Въ журналѣ передѣлано въ «которые одарены».

284) Стр. 337. Этой фразы въ журналѣ нѣтъ. Выброспла, очевидно, цензура, а не Краевскій, правившій «стиль» и сокращавшій только рѣзкости и полемическія выходки.

285) Стр. 339. Сноска поставлена по ошибкѣ.

286) Стр. 339. Въ журналѣ передѣлано въ «только».

287) Стр. 339. Въ журналѣ: «вовсе нѣтъ».

288) Стр. 340. Въ журналѣ передѣлано въ «потому только».

289—290) Стр. 340. Въ журналѣ передѣлано: «а чѣмъ общѣе созданіе, тѣмъ они».

291) Стр. 340. Въ журналѣ передѣлано въ «столько».

292) Стр. 242. Въ журналѣ передѣлано въ «потому что».

293) Стр. 342. Въ журналѣ прибавлено: «его».

294) Стр. 342. Въ журналѣ передѣлано: «который одинъ можетъ».

295—96) Стр. 342. Въ журналѣ передѣлано: «удивительно-ли послѣ этого»

297) Стр. 342. Здѣсь, а также раньше и послѣ, въ журналѣ правописаніе «Зевесъ», а въ изд. Солдатенкова «Зевсъ». Мы оставили правописаніе журнала, потому что въ 40-хъ гг. всѣ такъ писали, въ томъ числѣ, вѣроятно, и Бѣлинскій. Кетчеръ эту статью хотя и печаталъ по рукописи, но правописанія ея не держался.

298) Стр. 343. Въ журналѣ «потому что».

299) Стр. 343. Сноска поставлена по ошибкѣ.

300) Стр. 344. Это попытка гегеліанскаго объясненія мнѳа о Прометеѣ очень ярко характеризуетъ абстрактно—метафизическое направленіе того времени. Казалось вполнѣ достаточнымъ найдти какое-нибудь вдумчивое, «глубокое» объясненіе, чтобы считать себя вправѣ дѣлать самыя рѣшительныя заключенія.

Въ настоящее время въ основу объясненія мнѳа, какъ реальнаго факта «психологіи народовъ» кладется только то пониманіе мнѳа, которое исторически существовало.

301) Стр. 344. Въ журналѣ: «Горделивое».

302) Стр. 345. Бѣлинскій принимаетъ исключительно только то толкованіе, которое дано сложному мнѳу о Прометеѣ поэтами—Гете, Байрономъ и односторонпимъ комментированіемъ трагедіи Эсхила. Но есть цѣлый рядъ другихъ пониманій, съ одной стороны объясняющихъ мнѳъ просто какъ символизацію культурнаго значенія огня, а съ другой усматривающихъ въ Прометеѣ не столько борца за правду, сколько неразумнаго нарушителя вѣчныхъ міровыхъ законовъ. Изъ общедоступныхъ источниковъ см. обзоръ различныхъ толкованій мнѳа о Прометеѣ въ статьѣ *И. Обнорскаго* въ «Энцикл. Словарѣ» Брокгаузъ-Ефрона..

303) Стр. 346. Въ журналѣ передѣлано въ «великій язычникъ».

304) Стр. 346. Въ журналѣ «главу».

305) Стр. 346. Въ журналѣ: «звѣряхъ—людяхъ».

306) Стр. 347. См. выше статью № 543.

307) Стр. 348. Сноска поставлена по ошибкѣ.

308) Стр. 348. Въ журналѣ передѣлано въ «опо».

309) Стр. 349. Въ журналѣ, начиная съ абзаца совсѣмъ иначе: «Изъ нашего короткаго пересказа этой трагической легенды читатели» и т. д. Перемѣна очень характерна. По своему обыкновенію быть съ читателемъ безусловно-искреннимъ и откровеннымъ даже когда это неудобно и нелестно

(Ср. пр. 22), Бѣлинскій прямо заявлялъ, что не имѣетъ «подъ рукою источника». Краевскій-же, по своему обыкновенію напускать важность и на себя и на свой журналъ, счелъ нужнымъ признаніе въ неточной и «полуточной» передачѣ выбросить.

310) Стр. 349. «Такая самобытная» въ журналѣ нѣтъ.

311) Стр. 349. «Отеч. Зап.» 1841, т. № 10. Ценз. разр. около 30 сентября 1841. Какъ въ „Отеч. Зап.“, такъ и въ перепечаткѣ статьи въ изд. Солдатенкова и др. авторъ разбираемой книжки названъ *Красногорскимъ*. Это ошибка: надо *Краснорогскій* — псевдонимъ, подъ которымъ дебютировалъ родившійся въ *Красномъ Рогѣ* Алексѣй Толстой.

312) Стр. 349. Въ „Отеч. Зап.“—призраки. Но это, конечно, опечатка.

313) Стр. 350. Этотъ небольшой отзывъ о Краснорогскомъ—Алексѣѣ Толстомъ принадлежитъ къ числу весьма яркихъ проявленій эстетической проницательности Бѣлинскаго. Со свойственною ему въ моменты эстетическаго ясновидѣнія опредѣленностью, говоритъ онъ здѣсь о „рѣшительномъ“ дарованіи пока неизвѣстнаго дебютанта, которому предстояло занять видное мѣсто въ ряду русскихъ писателей. Сквозь незрѣлости юношескаго опыта Бѣлинскій, все-таки, замѣтилъ блестки того таланта, который получилъ яркое выраженіе только лѣтъ 15 позднѣе.

314) Стр. 350. «Отеч. Зап.» 1841, т. XVIII, № 10. Ценз. разр. около 30 сентября 1841.

315) Стр. 351. О глубоко-убѣжденномъ со стороны Бѣлинскаго расхваливаніи „Отеч. Зап.“ см. V, прим. 69, 115, 137, 194, 252, 228.

316) Стр. 353. „Отеч. Зап.“ 1841, т. XVIII, № 10. Ценз. разр. около 30 сентября 1841. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Отзывъ, на который ссылается Бѣлинскій, см. т. V, статья № 450.

317) Стр. 353. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

318) Стр. 353. Бѣлинскій, такимъ образомъ, собирался писать три статьи о народной поэзіи, но, по обыкновенію, увлекся и написалъ четыре статьи и то почти скомкавъ конецъ.

319) Стр. 354. Тамъ-же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

320) Стр. 355. Тамъ-же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

321) Стр. 357. „Отеч. Зап.“ 1841, т. XIX, № 11. Ценз. разр. отъ 31 октября 1841. Предыдущія 2 статьи см. выше №№ 544 и 550.

Въ изданіи Солдатенкова статья напечатана по рукописи, которая, начиная съ 8-го листа рукописи (стр. 359 настоящаго тома, строка 10 снизу «взято изъ сферы и т. д.), была и въ нашемъ распоряженіи. Это одна изъ 11 рукописей, пріобрѣтенныхъ 1898 г. гг. Сабашниковыми у букиниста Толченова (подробнѣе см. т. III, стр. 533). Часть ихъ легла въ основаніе изданной гг. Сабашниковыми подъ ред. П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина юбилейной книги „Семь статей В. Г. Бѣлинскаго“. Въ предисловіи, редакторы сообщали, что имъ „по недостатку времени пришлось ограничить программу изданія и отложить до времени слѣдующія статьи: *О народной поэзіи статьи III и IV*, *Идея искусства*, *Общее значеніе слова литература*(позднѣйшая редакція), *Общій взглядъ на народную поэзію*“. „Впослѣдствіи“, прибавляли редакторы „предполагается издать и эти статьи“.

Въ настоящемъ томѣ, это намѣреніе почтенныхъ редакторовъ приведено въ исполненіе нами. Благодаря любезному разрѣшенію М. А. Сабашникова, четыре вышеназванныя рукописи, находившіяся покамѣстъ еще только на

храненіи въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ [1]) были пересланы намъ въ Петербургъ. Приносимъ М. А. Сабашникову нашу глубочайшую благодарность за эту пересылку рукописей, безъ чего свѣрка различныхъ редакцій статей, чрезвычайно утомительная и требующая очень много времени, едвали могла-бы быть нами выполнена, такъ какъ пришлось-бы спеціально поѣхать въ Москву на продолжительное время. Приносимъ также искреннюю благодарность В. Е. Якушкину за любезное содѣйствіе пересылкѣ намъ рукописей.

Въ семи статьяхъ, изданныхъ по Кетчеро-Толченовскимъ рукописямъ, гг. Ефремовъ и Якушкинъ выдѣляютъ „*четыре* послѣдовательныхъ редакціи“ (подробнѣе см. III, стр. 533). Въ нашемъ изданіи остатка этихъ рукописей есть еще *пятая* редакція — позднѣйшая переработка Бѣлинскаго для его „Критич. Курса Исторіи Русской Литературы“ (См. прим. 28). Въ большинствѣ случаевъ позднѣйшая переработка менѣе полна, чѣмъ первоначальная редакція. Бѣлинскій выбрасывалъ изъ будущей книги своей многое такое, что носило чисто-журнальный характеръ и что вообще было отступленіемъ отъ основной тэмы. Вотъ почему мы въ текстъ включили болѣе полную первоначальную редакцію, а позднѣйшія передѣлки и сокращенія отмѣтили въ примѣчаніяхъ.

Въ этихъ примѣчаніяхъ—тамъ, гдѣ измѣненія болѣе или менѣе существенны—читатель найдетъ кое-какія соображенія о томъ, что передѣлки относятся къ болѣе поздней эпохѣ духовной жизни Бѣлинскаго, когда онъ окончательно отошелъ отъ недавнихъ шовинистическихъ увлеченій и ко всему, что пахло хоть сколько-нибудь квасным патріотизмомъ, относился съ особеннымъ раздраженіемъ. Такимъ образомъ, нѣсколько лѣтъ, во всякомъ случаѣ, отдѣляютъ писанныя въ концѣ 1841 года статьи о народной Словесности отъ позднѣйшей ихъ переработки для систематическаго курса. Но сколько именно—сказать трудно. Дальнѣйшее изслѣдованіе переписки Бѣлинскаго можетъ быть дастъ болѣе точныя указанія.

Здѣсь будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ рукописей, не лишенномъ и нѣкотораго внутренняго значенія. До извѣстной степени можно прослѣдить по этимъ рукописямъ ту интенсивность духовной и душевной работы, съ которою Бѣлинскій писалъ свои статьи. Извѣстно, что работалъ Бѣлинскій, всегда лихорадочно—передъ самымъ выходомъ книжки, когда наступалъ крайній срокъ сдачи статей. Сдавалъ онъ, почти не перечитывая, большими частями. „Напишешь пять полулистовъ, да и шлешь въ типографію“, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Панаеву пришлось не разъ наблюдать этотъ лихорадочный способъ работы, въ которомъ такъ ярко сказалась страстная натура Бѣлинскаго:

„Надобно было взглянуть на него также въ тѣ минуты, когда онъ писалъ что-нибудь, въ чемъ принималъ живое, горячее участіе... Лицо и глаза его горѣли, перо съ необыкновенною быстротою бѣгало по бумагѣ, онъ тяжело дышалъ и безпрестанно отбрасывалъ въ сторону исписанный полулистъ. Онъ обыкновенно писалъ только на одной сторонѣ полулиста, чтобы не останавливаться въ ожиданіи, покуда просохнутъ чернила...

Сколько разъ заставалъ я его въ такія минуты и смотрѣлъ на него незамѣчаемый имъ; если-же онъ оборачивался и взглядывалъ на меня, прежде нежели я уходилъ, онъ безъ церемоніи говорилъ мнѣ:

---

[1]) Первыя 7 статей пожертвованы гг. Сабашниковыми Музею и, составляя его собственность, изъ стѣнъ учрежденія не выдаются.

— Извините меня, Панаевъ... Видите, я занятъ...

Онъ откладывалъ на минуту перо и прикладывалъ руку къ головѣ. Я какъ теперь вижу его въ этомъ положеніи.

Одинъ разъ я засталъ его ходящимъ по комнатѣ въ волненіи и съ усиліемъ махающимъ правою рукою.

— Что это съ вами? спросилъ я его.

— Рука отекла—отъ писанія.... Я часовъ 8 къ ряду писалъ не вставая.

Внѣшній видъ рукописей въ общемъ подтверждаетъ этотъ разсказъ всегда достовѣрнаго Панаева: онѣ почти безъ помарокъ и написаны быстрымъ, размашистымъ почеркомъ. Для наглядности прилагаемъ къ настоящему тому одну такую страницу, которая позднѣе мало подверглась переработкѣ (Страница 23 рукописи III статьи о народной поэзіи).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ образчикъ переработки и позднѣйшаго почерка Бѣлинскаго, воспроизводимъ изъ той-же рукописи страницу 31.

Всего въ рукописи *третьей* статьи о народной поэзіи 91 страница въ листъ. Бумага синеватаго отлива и шероховатая. Позднѣйшія вставки, занимающія цѣлые листы, писаны на гладкой желтоватой бумагѣ; почеркъ позднѣйшихъ вставокъ вездѣ мельче, чѣмъ въ первоначальной редакціи.

Гг. Сабашниковы пріобрѣли у московскаго букиниста Толченова всего 11 рукописей. Толченовъ-же пріобрѣлъ ихъ у наслѣдниковъ Кетчера. Мы не знаемъ въ точности, при какихъ условіяхъ бумаги Кетчера поступили къ г. Толченову и потому не можемъ ничего сказать о томъ, что представляетъ собою покупка г. Толченова: весь Кетчеровскій архивъ или-же часть его. Но одно несомнѣнно: Толченовскими рукописями ни въ какомъ случаѣ не ограничается рукописный матеріалъ, бывшій въ распоряженіи Кетчера, когда онъ выпускалъ Солдатенковское изданіе. Это видно изъ сравненія текста „Отеч. Зап.“ съ текстомъ Солдатенковскаго изданія, мѣстами болѣе полнаго, чѣмъ въ журналѣ. Изъ статей, вошедшихъ въ настоящій томъ, несомнѣнно по рукописи напечатаны въ изданіи Солдатенкова, кромѣ „Одиннадцати“ статей, еще статьи №№ 518, 548, 549.

Въ дальнѣйшихъ томахъ можетъ быть тоже найдутся разночтенія между текстомъ „Отеч. Зап.“ и Солдатенковскимъ и, такимъ образомъ, вѣроятно, можно будетъ опредѣлить весь составъ бывшихъ въ распоряженіи Кетчера рукописей Бѣлинскаго, часть которыхъ утеряны либо еще самимъ Кетчеромъ, либо пропали послѣ его смерти.

322) Стр. 359. По своему обыкновенію (ср. V, пр. 20, 38), Бѣлинскій слишкомъ легко раздаетъ тутъ эпитеты непереводимости. Въ дѣйствительности на малороссійскій яз. не только многократно переведенъ весь Гоголь, но и Шекспиръ.

323) Стр. 359. Объ упорномъ пренебреженіи Бѣлинскаго къ малороссійскому языку намъ еще придется говорить.

323—а) Стр. 360. Въ этомъ мѣстѣ рукопись (между концомъ листа 9 и началомъ листа 10) подверглась какой-то переработкѣ самого Бѣлинскаго еще въ первой редакціи. Зачеркнуто около шести строкъ (почва, богатая дивными сѣменами... Теперь мы можемъ обратиться къ русской народной поэзіи на основаніи сборниковъ, заглавія которыхъ выставлены въ началѣ нашей статьи. Начнемъ съ эпическихъ стихотвореній, сказокъ и историческихъ пѣсенъ), изъ которыхъ тирада, начинающаяся словами „теперь мы“ представляетъ конечно простую перемѣну одного приступа другимъ. Но первая

строчка новаго листа (10) „почва, богатая дивными сѣменами“ является окончаніемъ какой-то мысли, начала которой нѣтъ въ предыдущемъ (9-мъ) листѣ. Самая бумага, на которой писаны ближайшіе листы (10, 11 и 13; листа 12 недостаетъ въ рукописи) иная.

323—б) Стр. 361. Предыдущихъ трехъ строкъ („одна уже мысль... дѣйствительность“) нѣтъ въ журналѣ, а въ рукописи она зачеркнута, что показываетъ, что ихъ устранилъ Краевскій или самъ Бѣлинскій изъ цензурныхъ опасеній.

324) Стр. 360. Въ рукописи зачеркнуто и замѣнено: „великаго князя кіевскаго“. Такъ и въ журналѣ.

325) Стр. 360. Утвержденіе въ своей категоричности болѣе чѣмъ спорное. Извѣстно, что такъ называемое *двоевѣріе* т. е. удержаніе языческихъ представленій является основнымъ фактомъ духовной жизни русскаго народа въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ послѣ принятія христіанства. Главное содержаніе проповѣдей русскихъ пастырей этого времени сводится къ борьбѣ съ двоевѣріемъ.

326) Стр. 361. Именно изъ „ничего“, или почти что изъ „ничего“—изъ обломковъ, черепковъ, отдѣльныхъ словъ и выраженій археологія XIX вѣка возсоздала поразительно полную картину доисторической и ранней исторической жизни. Но во времена Бѣлинскаго вся эта систематизація еще не приняла опредѣленныхъ очертаній. Ср. прим. 48.

327) Стр. 361. Одно изъ наиболѣе невѣрныхъ положеній статьи: сказки у всѣхъ народовъ принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ произведеній народной поэзіи.

328) Стр. 362. „Слово“ приписано карандашемъ. Въ журналѣ этого нѣтъ, изъ чего видно, что всѣ карандашныя приписки прибавлены Бѣлинскимъ впослѣдствіи, когда онъ подготовлялъ статью для включенія въ свою „Критич. исторію рус. литературы“. Очень многія изъ этихъ поправокъ мелкостилистическаго характера: перемѣны падежей, пунктуаціи и т. д. Отмѣчать ихъ не представляетъ интереса. Мы будемъ отмѣчать только тѣ измѣненія, которыя вносятъ что-нибудь новое.

329—330) Стр. 362. Мелкія разночтенія между текстомъ «Отеч. Зап.» и позднѣйшею передѣлкою.

331—336) Стр. 362. Тоже.

336) Стр. 362. Начиная отсюда, все послѣдующее сравненіе переводовъ въ изданіи Солдатенкова выброшено.

336—а, 336—б, 336—в, 336—г, 336—д, 336—е, 336—ж, 336—з, 336 и 336—і, 336—н, 336—к) Стр. 363—65. Во всѣхъ отмѣченныхъ мѣстахъ въ «Отеч. Зап.» имя *Шишкова* замѣнено безличнымъ «толкователь» и «переводъ». Цензура едва-ли тутъ причемъ. Всего вѣроятнѣе, что Краевскій, не стѣсняя Бѣлинскаго въ полемикѣ съ литературнымъ старовѣрствомъ вообще, счелъ нужнымъ выбросить личныя нападки на такого высокосановнаго старовѣра, какимъ былъ только что умершій (9 апр. 1841) Шишковъ. Но, можетъ быть, выбрасывала имя Шишкова и цензура. Ср. прим. 172.

337) Стр. 363). „Гонзальвъ Кордуанскій или возвращенная Гренада“ соч. Флоріана (русск. пер. *Григорія Шиповскаго*, Спб. 1793). О Флоріанѣ см. т. II, прим. 225; „Кадмъ и Гармонія“—правоучительное и обличающее „ложную философію“ „повѣствованіе“ Хераскова.

337—а) Стр 365. Первоначально (такъ-же и въ „Отеч. Зап.“)—„ибо“ измѣненное (карандашная поправка) при послѣдующей передѣлкѣ на „потому-

что". Замѣна интересна для исторіи языка: „ибо" уже показалось теперь Бѣлинскому архаизмомъ.

338) Стр. 365. Здѣсь кончается (см. пр. 336) опущенное въ изд. у Солдатенкова.

338—а) Стр. 365. При позднѣйшей передѣлкѣ мелкія измѣненія.

338—б) Стр. 366. Тоже.

339) Стр. 366. Замѣчаніе Шишкова совсѣмъ не „основательно". Кромѣ Буслаева, сближающаго слово „богатырь" съ славянскими словами „богъ", „богатый", всѣ изслѣдователи не сомнѣваются въ восточномъ происхожденіи „богатыря", возникшаго изъ тюркскихъ однородныхъ понятій „багадуръ", „батуръ", „батырь", „баторъ". О курьезномъ домыслѣ Шишкова даже не говорятъ въ наукѣ.

339—а) Стр. 367. Въ „Отеч. Зап." почему-то „на боронѣ".

339—б) Стр. 367. Въ „Отеч. Зап".—„что мнѣ шумитъ" выброшено.

340) Стр. 368 Отъ «Кощей и Чага..... Всеволода»—позднѣйшая вставка Бѣлинскаго (карандашемъ).

341) Стр. 368. Слово это, кажется, остается неразъясненнымъ до сихъ поръ. Въ спеціальномъ «Описаніи старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, разныхъ доспѣховъ и конскаго прибора» извѣстнаго археолога *Савваитова* (Спб. 1896) слова „шеширы" совсѣмъ нѣтъ.

341—а) Стр. 369. Бѣлинскій сначала было пытался здѣсь продолжать свое изложеніе: «на седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ Всеславъ бросилъ жребій о милой ему дѣвицѣ», но, не усмотрѣвъ тутъ яснаго смысла, зачеркнулъ эти строки и дальше излагаетъ мѣсто какъ непонятное.

341—б) и 341—в) Стр. 370. Мелкія разночтенія.

341—г) Стр. 370. Въ позднѣйшей передѣлкѣ вопросительный знакъ зачеркнутъ карандашемъ

341—д) Стр. 370. Мелкія измѣненія.

341—е) Стр. 371. Въ позднѣйшей передѣлкѣ сдѣлано примѣчаніе: «утками».

341—ж, 341—з) Стр. 372. Мелкія разночтенія какъ здѣсь, такъ и во всемъ этомъ абзацѣ.

342) Стр. 372. Надо отдать справедливость Бѣлинскому: его полупереводъ, полуизложеніе «Слова о полку Игоревѣ» сдѣланъ превосходно и читается съ захватывающихъ интересомъ. Въ этомъ сказалась одна изъ сильнѣйшихъ, по нашему мнѣнію, сторонъ критическаго дарованія Бѣлинскаго—его замѣчательнѣйшее умѣніе излагать содержаніе разбираемыхъ произведеній. Въ позднѣйшей передѣлкѣ въ послѣднихъ 3 строчкахъ «повѣрить наше мнѣніе» выброшено и замѣнено: „даетъ самому читателю возможность судить".

343) Стр. 372. Въ журналѣ: „мы не считаемъ за нужное".

343—а) Стр. 372. Въ рукописи предыдущія 13 строкъ („мы для того и включили..... красотами выраженія") зачеркнуты. Въ журналѣ эти строки имѣются; слѣдовательно, Бѣлинскій ихъ зачеркнулъ позднѣе, подготовляя статью для своей исторіи литературы и, очевидно, считая это мѣсто неподходящимъ для систематическаго курса. Отмѣтимъ кстати, что до этого мѣста, позднѣйшія поправки сдѣланы карандашемъ, а начиная отсюда чернилами.

343—б, 343—в, 343—г, 343—д, 343—е, 343—ж). Стр. 372—73. Мелкія стилистическія поправки при позднѣйшей передѣлкѣ.

343—з) Стр. 374. Въ рукописи въ этомъ мѣстѣ небольшой перерывъ, видимо въ $1^1/_2$ страницы: отъ стр. 30-ой отрѣзана нижняя половина, а на

слѣдующей страницѣ нумерація 32 замѣнена 31. Несомнѣнно, слѣдовательно, что при позднѣйшей передѣлкѣ Бѣлинскій хотѣлъ выбросить эти полторы страницы (все разсужденіе о феодализмѣ на стр. 373—74., отъ словъ „Для поясненія этой мысли“ до „нѣтъ ни въ древней русской жизни“). Онъ замѣнилъ выброшенное слѣдующимъ краткимъ резюме на полѣ 31-й (прежней 32) страницы (фототипическое воспроизведеніе этой страницы составляетъ одно изъ приложеній къ настоящему тому).

«Какъ-бы ни натягивались видѣть въ нашей удѣльной системѣ что-то похожее на западный феодализмъ, между ними никогда и ничего общаго быть не можетъ. Феодализмъ произошелъ изъ завоеванія одного племени другимъ. Побѣдители смѣшались съ побѣжденными; происходилъ новый народъ и новый языкъ. Но племя побѣдителей удерживало за собою господство надъ страною, какъ аристократія; а покоренное племя образовывало массу народа—плебеевъ. Отсюда эта вѣковая борьба, еще и теперь не кончившаяся въ Европѣ, отсюда безпрерывный консервативный напоръ и безпрерывный оппозиціонный отпоръ. Ничего подобнаго нѣтъ въ древней русской жизни“.

343—h) Стр. 374. Позднѣйшая передѣлка: „натянутымъ доказательствомъ“.

343—i) Стр. 374. Мелкія переправки.

343—k) Стр. 374—75. Тоже.

343—l) Стр. 375. Тоже.

344) Стр. 375. Въ журналѣ предъидущихъ 5 строкъ („Черниговцы дрались... и поджигать избы“) нѣтъ. Очевидно, выбросила цензура.

344—a) Стр. 376. Въ рукописи тутъ зачеркнуто шесть строкъ, замѣненныхъ дальше другими, выражающими ту-же мысль.

344—b) Стр. 376. „И бить“ въ журналѣ исчезло.

344—v) Стр. 376. Слово „Скотины“ зачеркнуто самимъ Бѣлинскимъ и замѣнено: „работницы“. Въ журналѣ этого мѣста совсѣмъ нѣтъ, потому что вообще тутъ опущено 7 строкъ (отъ „все это противоположно Сѣверной Руси... убѣжденіе въ очевидность“).

345) Стр. 378. При воспроизведеніи текста страницы 377 и первыхъ 4 строкъ страницы 378 мы, вообще держась 1-й редакціи, на этотъ разъ, какъ и изданіе Солдатенкова, держались позднѣйшей редакціи, потому что она полнѣе передаетъ мысль Бѣлинскаго. Въ журналѣ тотчасъ послѣ словъ „правами своего пола“. (Стр. 376, 5 строка снизу) переходъ къ „Сказанію о нашествіи Батыя“ (Стр. 378, 5 строка сверху). Пѣснь о Самкѣ Мушкетѣ, была и въ журналѣ, но только въ другомъ мѣстѣ (см. дальше стр. 470) и приводилась не для подтвержденія мыслей Бѣлинскаго о южно-русскомъ происхожденіи „Слова“. Мысль о связи „Слова“ съ мало-русскою поэзіею и мало-русскимъ бытомъ была высказана раньше Бѣлинскаго Максимовичемъ въ его лекціяхъ по исторіи русской словесности, напечатанныхъ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1836—37 гг. Не можетъ, однако, быть никакого сомнѣнія что эти появившіяся въ мало читаемомъ спеціальномъ журналѣ лекціи остались Бѣлинскому неизвѣстными. Мы достаточно знаемъ (см. пр. 22), какъ ненавидѣлъ Бѣлинскій щеголять въ павлиньихъ перьяхъ чужой учености, съ какой щепетильностью самъ всегда заявлялъ, если чего нибудь не зналъ и какъ усердно цитировалъ авторовъ, у которыхъ что-нибудь бралъ. Въ настоящемъ томѣ мы въ статьѣ „Раздѣленіе поэзіи на роды и виды“ встрѣчаемъ рядъ ссылокъ даже на Шевырева, съ которымъ Бѣлинскій находился

въ такой ожесточенной враждѣ. Нечего и говорить, слѣдовательно, что, будь онъ знакомъ со статьями Максимовича, онъ-бы непремѣнно ихъ цитировалъ, тѣмъ болѣе, что уже разъ назвалъ имя Максимовича, взявъ изъ его сборника южно-русскихъ пѣсенъ (М. 1834) думу о Самкѣ Мушкетѣ. Мысль о малорусскомъ характерѣ „Слова“ занимаетъ очень видное мѣсто въ ряду тѣхъ многочисленныхъ догадокъ и гипотезъ, которыя вызвало это загадочное произведеніе. Далеко не всѣ изслѣдователи его принимаютъ; укажемъ для примѣра Е. В. Барсова, автора огромнаго незаконченнаго труда о „Словѣ о полку Игоревѣ“ (М. 1887—1890, 3 т.), который горячо полемизируетъ съ Максимовичемъ. Но во всякомъ случаѣ Максимовичу, по вѣрному замѣчанію проф. Владимірова, „принадлежитъ честь первыхъ сличеній Слова съ народной поэзіей“ („Слово о полку Игоревѣ“. Вып. I, Кіевъ 1894, стр. 28). Воздадимъ-же эту честь и Бѣлинскому, который не будучи спеціалистомъ и стоя даже на ложномъ пути оцѣнки историческаго памятника исключительно съ эстетической точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе совершенно самостоятельно пришелъ къ очень знаменательнымъ сопоставленіямъ.

Кстати будетъ отмѣтить, что пѣснь о Самкѣ Мушкетѣ въ дѣйствительности не есть произведеніе народной словесности. Ее, увы, сочинилъ изъ своеобразно понятаго „патріотизма“ знаменитый впослѣдствіи славистъ Измаилъ Ив. Срезневскій. Какъ извѣстно, такія поддѣлки были въ большомъ ходу въ 1820-хъ и 1830-хъ гг. у всѣхъ патріотическихъ дѣятелей маленькихъ народностей, которые не брезгали этимъ путемъ отстоять права на самостоятельность. Удивляться тому, что Бѣлинскій повѣрилъ подлинности „думы“ нечего: еще въ 1861 г. знаменитѣйшій русскій филологъ Буслаевъ включилъ думу о Самкѣ Мушкетѣ въ свою „Историческую Хрестоматію“ какъ яркій образчикъ народнаго малорусскаго творчества.

345—а) Стр. 378. „Слово Даніила Заточника“ относится не къ XIV, а къ XII вѣку. Бѣлинскій руководствовался Сахаровымъ, хотя, какъ видно изъ примѣч. 352-го и 353-го, ему было извѣстно, что Калайдовичъ напечаталъ „Слово“ въ числѣ памятниковъ XII в. Къ „Слову“ Даніила Бѣлинскій относится, какъ къ произведенію, дышащему „духомъ своего времени“. Позднѣйшія изслѣдованія показали, что очень многое въ „Словѣ“ (напр. обличеніе „злыхъ женъ“) ни мало не является отголоскомъ русской дѣйствительности, а представляетъ собою отголоски чтенія разныхъ сборниковъ и другихъ произведеній византійскаго происхожденія. Сводъ разныхъ взглядовъ на Даніила см. въ очень интересномъ изслѣдованіи А. І. Лященки „О моленіи Даніила Заточника“ (Спб. 1896).

346) Стр. 378. Въ изданіи Солдатенкова тутъ выброшены ближайшія 3 цитаты изъ „Слова“.

347) Стр. 378. Тутъ самимъ Бѣлинскимъ зачеркнуты дальнѣйшія слова Заточника: „Азъ-же худшій добрѣ дивлюся“.

348) Стр. 378. Самимъ Бѣлинскимъ зачеркнуто „и красоты“.

349) Стр. 378. Въ журналѣ передѣлано: „и говоритъ о самомъ—себѣ съ какимъ-то наивнымъ возвышеннымъ сознаніемъ собственнаго достоинства“.

350) Стр. 379. Въ рукописи Бѣлинскій сначала тутъ написалъ „блядетъ“, затѣмъ: „б..детъ“; но въ журналѣ и это было замѣнено точками.

351) Стр. 379. Въ рукописи мелкія переправки.

352) Стр. 380. Тутъ сначала Бѣлинскій написалъ: „А Калайдовичъ отнесъ его рукопись къ памятникамъ“, а затѣмъ зачеркнулъ.

353) Стр. 380. При позднѣйшей передѣлкѣ предыдущія четыре строки („какъ-бы то ни было... во многихъ отношеніяхъ“) зачеркнуты, а вмѣсто нихъ къ цифрѣ 1378 сдѣлано примѣчаніе:

*) Въ первый разъ отрывки изъ „Слова Даніила Заточника“ были помѣщены Карамзинымъ въ VIII томѣ его „Исторіи Россійскаго Государства“; потомъ г. К. Калайдовичъ напечаталъ его вполнѣ въ памятникахъ XII вѣка, и наконецъ г. Сахаровъ, съ новаго списка, напечаталъ его въ первомъ томѣ изданныхъ имъ „Сказаній Русскаго Народа“ 1841.

Фраза Бѣлинскаго: „извѣстія о его заточеніи находятся въ нашихъ лѣтописяхъ подъ годомъ 1378“ можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію, въ которое, возможно, впадалъ и самъ Бѣлинскій. Такое извѣстіе дѣйствительно встрѣчается подъ 1379 г., но какъ воспоминаніе о временахъ давно минувшихъ. (Ср. *Ляшенко*, О моленіи Даніила Заточника, Спб. 1896, стр. 12).

354) Стр. 380. При позднѣйшей передѣлкѣ предыдущія 5 строкъ („Тамъ ихъ числомъ... нѣкотораго поясненія“) зачеркнуты Бѣлинскимъ.

355) Стр. 380. Тутъ недостаетъ сказуемаго, и вообще смыслъ не ясенъ, потому что Бѣлинскій не точно списалъ Калайдовича, у котораго это мѣсто напечатано такъ:

«Имя его было поставлено на первомъ, теперь уже потерянномъ, листѣ Древнихъ Стихотвореній [1]) и въ 31 піесѣ: *да не жаль добра молодца битаго—жаль похмыльнаго*, гдѣ онъ самъ себя именуетъ *Кириллом Даниловичемъ*, посвящая сіе произведеніе вину и дружбѣ».

356) Стр. 381. Сначала было написано: „день божій“, затѣмъ „божій“ зачеркнуто и въ журналѣ его нѣтъ.

357) Стр. 381. При позднѣйшей передѣлкѣ предыдущія 17 строкъ („Г. Сахаровъ спрашиваетъ... самимъ собирателемъ“) зачеркнуты и замѣнены болѣе сжатымъ и спокойнымъ изложеніемъ:

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Кирша Даниловъ [2]) больше собирателемъ этихъ стихотвореній, чѣмъ ихъ авторомъ, хотя нѣкоторыя пьесы, можетъ быть, принадлежатъ и ему, а нѣкоторыя имъ измѣнены, или поправлены. Вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли существовалъ Кирша Даниловъ не заключаетъ въ себѣ особенной важности; впрочемъ, нѣтъ причинъ и сомнѣваться въ существованіи этого весьма замѣчательнаго лица, тѣмъ болѣе, что его имя упоминается въ текстѣ цѣлой пѣсни, которую мы и выписываемъ.

358—59) Стр. 381. При позднѣйшей передѣлкѣ эти 2 строки («Разумѣется .... утверждалъ это») зачеркнуты.

360) Стр. 382. При позднѣйшей передѣлкѣ эта фраза («нѣкоторые .... грабленаго») зачеркнута.

361) Стр. 382. При позднѣйшей передѣлкѣ весь этотъ абзацъ въ 8 строкъ («Кирша .... старой Руси») зачеркнутъ.

362) Стр. 383. Теперь говорятъ «рапсодія».

363) Стр. 383. Въ первоначальной редакціи и въ журналѣ не совсѣмъ удачно сказано: «какъ бы уважаетъ свой предметъ».

364) Стр. 383. Въ позднѣйшей редакціи: «уваженіе».

365) Стр. 383. Въ журналѣ передѣлано: «Сказочникъ—себѣ на умѣ».

366) Стр. 383. Позднѣйшая передѣлка: «пересленъ».

367) Стр. 383. Въ позднѣйшей передѣлкѣ предыдущія 7 строкъ («Въ

---

[1]) За справедливость сего ручается г. Якубовичъ. *Примѣч. Калайдовича.*

[2]) Тутъ, вѣроятно, пропущено: «былъ».

книжкѣ г. Сахарова . . . . не безъ основанія») частью сокращены, частью измѣнены:

„Нѣкоторыя изъ этихъ народныхъ произведеній разсказываются двумя манерами, изъ которыхъ одинъ [1]) болѣе эпическій, другой болѣе сказочный. По первому должно печатать ихъ съ раздѣленіемъ на стихи, по второму—сплошною прозою, потому-что хотя“ и т. д.

367—а) Стр. 383. «Иногда» позднѣйшая прибавка, которой нѣтъ въ журналѣ.

367—б) Стр. 384. «И притомъ»—позднѣйшая прибавка.

368) Стр. 384. «Совершенной»—позднѣйшая прибавка.

369) Стр. 384. Позднѣе передѣлано: «мы сей часъ увидимъ это изъ краткаго, по возможности, изложенія содержанія».

370) Стр. 384. Позднѣйшая передѣлка: «Есть весьма».

371) Стр. 384. «Почти всѣми» — позднѣйшая прибавка.

372) Стр. 384. При позднѣйшей передѣлкѣ это, очень уже журнальное, сравненіе выброшено и предыдущія 3 строки («изъ содержанія . . . Онѣ») замѣнены: «по нашимъ».

373) Стр. 384. Первоначально и въ журналѣ «хоть».

374) Стр. 384. Позднѣе передѣлано: «этотъ князь».

375) Стр. 385. Позднѣе передѣлано; «не могла».

376) Стр. 385. Позднѣе передѣлано: «лежалъ».

377) Стр. 385. Позднѣе передѣлано: «казала».

378) Стр. 385. Очевидно, ироніи. Въ то время теорія заимствованія еще не зачиналась, и Бѣлинскій для того, чтобы показать до чего могутъ доходить нелѣпости въ былинахъ, предположилъ ужъ не зашла-ли Сафатъ-рѣка подъ Кіевъ изъ Палестины. Въ дѣйствительности, при постоянной миграціи былинныхъ мотивовъ и именъ, идущихъ не то, что изъ Палестины, а и подальше — изъ Индіи, недостаточно еще обслѣдованная въ нашемъ фольклорѣ Сафатъ—рѣка могла отличнѣйшимъ образомъ «зайти» изъ Палестины, быть напр. искаженіемъ Іосафатъ—рѣки.

379) Стр. 389. Сноска поставлена въ этомъ мѣстѣ по недоразумѣнію.

379—а и 380). Стр. 390. Въ первоначальной рукописи тутъ («не ищете тутъ . . . . . смыслъ и значеніе») около 10 строкъ, такъ густо зачеркнутыхъ, что многое прочитать невозможно; но изъ того, что можно прочитать, видно, что не дававшаяся сначала мысль затѣмъ вполнѣ выражена.

381) Стр. 390. Въ позднѣйшей передѣлкѣ: «завидя врага, онъ *едва живъ идетъ* (по мнѣнію однихъ, отъ трусости; по мнѣнію другихъ, по хитрому притворству, а въ самомъ дѣлѣ можетъ быть по тому и другому)».

382) Стр. 391. Вопросительная форма фразы («неужели» и вопросительный знакъ) а также слово «стариннаго» едва-ли принадлежатъ Бѣлинскому. Все это въ рукописи приписано карандашемъ и, повидимому, чужою рукою, а при позднѣйшей передѣлкѣ зачеркнуто. Вѣроятно мы тутъ имѣемъ дѣло съ цензурными смягченіями Краевскаго.

383) Стр. 391. Позднѣйшая приписка къ этому мѣсту: «но въ этихъ грубыхъ символахъ скрывается и еще другая мысль: побѣда вспомоществуемой небомъ правды надъ нечистою силою, которая на бумажныхъ крыльяхъ. Но въ поэмѣ, эта сила довольно страшна, а правда довольно хитра“.

---

[1]) Въ 40-хъ годахъ, очевидно, говорили „манеръ“, а не „манера“.

384) Стр. 391. При позднѣйшей передѣлкѣ вмѣсто «этимъ лицомъ»—«Змѣемъ Горынычемъ».

385) Стр. 391. Въ журналѣ (очевидно цензурою) выброшены слова: «православный народъ» и безлично сказано: «осуществилось».

386) Стр. 391. Въ рукописи тутъ зачеркнуто словъ 8, которыя трудно разобрать.

387) Стр. 391. «Грѣховнымъ» въ журналѣ нѣтъ.

388) Стр. 391. Невинныя слова «враждебнымъ святости союза, освящаемаго религіею» въ журналѣ исчезли, несомнѣнно выброшенныя цензурою.

389) Стр. 391. Сноска поставлена по недоразумѣнію.

389—а) Стр. 391. Предыдущія семь строкъ («смѣлый развратъ . . . . холодный цинническій развратъ») въ журналѣ исчезли, очевидно выброшенныя цензурою (обыкновенно редакторскія выброски дѣлались въ рукописи).

389—б) Стр. 391. Въ журналѣ «черни».

389—в) Стр. 391. При позднѣйшей передѣлкѣ статьи это послѣднее заміраніе вражды Бѣлинскаго противъ жоржъ-зандизма и «эмансипированныхъ» женщинъ (ср. пр. 93) было замѣнено словами: «идеалъ свергнувшей съ себя узы общественной нравственности и приличія женщины».

389—г) Стр. 391. «Владиміра Равноапостольнаго» въ журналѣ исчезло.

389—д) Стр. 392. Предыдущихъ 5 строкъ («Если-же въ этихъ поэмахъ.... въ Золотую Орду») въ журналѣ нѣтъ. Если сравнить выкидки въ мѣстахъ, отмѣченныхъ примѣчаніями 388, 389—г и настоящемъ, то получается яркая лишняя иллюстрація къ тому извѣстному факту изъ исторіи цензуры 1840—гг., что тогда не допускалось даже самое почтительное «неосторожное» прикосновеніе къ нѣкоторымъ сюжетамъ.

390) Стр. 392. Въ позднѣйшей редакціи «нашей мысли» зачеркнуто.

391) Стр. 393. Въ журналѣ «турій рогъ меда сладкаго въ полтреть ведра», очевидно по недосмотру, пропущено.

392) Стр. 396. «Цѣлаго народа» въ журналѣ исчезло.

393) Стр. 396. «Угощалъ»—позднѣйшая передѣлка. Первоначально и въ журналѣ: «подчивалъ».

394) Стр. 396. Весь коментарій Бѣлинскаго („русскій человѣкъ....—не гонится")—въ журналѣ исчезъ.

395) Стр. 396. Въ журналѣ „русскаго человѣка" замѣнено: „черни". „По народному сознанію" въ журналѣ исчезло.

396—а) Стр. 397. (По опечаткѣ это примѣчаніе нумеровано въ текстѣ какъ 395—а). Въ позднѣйшей редакціи предыдущія $2^1/_2$ строки („въ фанатической Испаніи.. .самой Германіи") зачеркнуты.

396—б) Стр. 397. „Должно"—позднѣйшая передѣлка.

397) Стр. 397. Позднѣйшее сравнительное изученіе былинъ о Чурилѣ не оставило ни малѣйшихъ сомнѣній относительно того, что это типъ безусловно-иноземнаго происхожденія, ничего общаго съ древне-русскою жизнью не имѣющій. Если вообще основной недостатокъ статьи Бѣлинскаго въ томъ, что онъ, не обинуясь, принялъ былины за подлинный отголосокъ старо-народной жизни, то особенно ярко выступаютъ погрѣшности его метода въ примѣненіи къ такимъ наносным и чисто-экзотическимъ элементамъ русскаго эпоса какъ Чурила Пленковичъ, Дюкъ Степановичъ и др.

397—bis) Стр. 399. Сноска поставлена по недоразумѣнію.

398) Стр. 399. Тоже.

398—а) Стр. 400. Бѣлинскій какъ будто не догадывается, что „подсолнечникъ“ и есть старинный терминъ для зонтика.

399) Стр. 400. Въ позднѣйшей передѣлкѣ эта фраза зачеркнута.

400) Стр. 400. Позднѣе передѣлано: „являлось вскользь“.

401) Стр. 400. Первоначально и въ журналѣ: „головушкѣ“.

402) Стр. 401. Въ позднѣйшей редакціи въ этомъ абзацѣ нѣсколько мелкихъ передѣлокъ.

403) Стр. 401. Въ позднѣйшей редакціи: „жена“.

404) Стр. 402. Ставши на ложный путь чисто-эстетическаго отношенія къ народной поэзіи, Бѣлинскій приходитъ къ особенно-невѣрнымъ выводамъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда говоритъ категорически. Не усмотрѣвши въ былинѣ о Добрыни „мысли“ и даже „смысла“, онъ съ обычною своею рѣшительностью объявилъ эту былину „безсвязной болтовней больного похмѣльемъ воображенія“. Въ дѣйствительности былина, конечно, часто утрачиваетъ всякій „смыслъ“, но оттого, что она представляетъ собою рядъ самыхъ разнообразныхъ наслоеній историческихъ, этническихъ и миѳологическихъ. Изслѣдованія Вс. Миллера, Сумцова, Кирпичникова, Ор. Миллера, Дашкевича, Халанскаго, Александра Веселовскаго и др. выдѣлили въ русскомъ эпосѣ амальгаму элементовъ какъ первобытныхъ, такъ и историческихъ. Наряду съ фактами русской исторической дѣйствительности, въ ней встрѣчаются такія уходящія въ самую сѣдую доисторическую старину воспоминанія, какъ змѣеборчество; отдѣльныя детали былинъ забрели въ нихъ, богъ вѣсть откуда—изъ талмудическихъ апокрифовъ напр. И въ добавокъ многіе связующіе эпизоды, какъ во всѣхъ произведеніяхъ народной поэзіи, явно исчезли изъ памяти народа—такъ удивительно-ли, что „смысла“ въ иной былинѣ нелегко добиться. Но это только означаетъ, что мы утеряли ключъ къ „смыслу“ былины, но отнюдь не то, что его нѣтъ въ ней.

405) Стр. 402. Зачеркнуто: „пошелъ“.

406) Стр. 402. Въ журналѣ почему-то вмѣсто „пирожныя“—„туловище“.

407) Стр. 404. При позднѣйшей передѣлкѣ эта фраза выкинута.

408) Стр. 405. Позднѣе передѣлано: „Оно у него“.

409) Стр. 405. Первоначально Бѣлинскій написалъ:„ это уже не княгиня Апраксѣевна, связанная по крайней... это femme émancipée“, затѣмъ зачеркнулъ.

410) Стр. 405. Бѣлинскій неправильно употреблялъ это слово: оборотень—самъ волшебникъ, тотъ, который оборачиваетъ во что-нибудь, а не жертва его, не тотъ, котораго оборачиваютъ.

411) Стр. 405. Первоначально Бѣлинскій написалъ: „домъ разврата“, затѣмъ зачеркнулъ.

412) Стр. 405. Попытка въ „Алюторахъ“ усмотрѣть „лютеранъ“—крайне неудачна. По объясненію новѣйшаго фольклора Алюторы—всего, вѣроятнѣе, имя какого-нибудь сибирскаго инородческаго племени. Ср. прим. 520.

413) Стр. 406. Въ рукописи тутъ разныя мелкія перечеркиванія.

414) Стр. 406. Бѣлинскій сначала написалъ: „онъ не былъ женатъ“, потомъ зачеркнулъ.

415) Стр. 408. При позднѣйшей передѣлкѣ предыдущія $1^1/_2$ строки („знаете-ли....засмѣетесь“) зачеркнуты и замѣнены: „смѣяться“.

416) Стр. 408. При позднѣйшей передѣлкѣ предыдущая строка („если оно ....не понимаете“) зачеркнута и замѣнена: „значило-бы не понять“.

417 и 418) Стр. 408 и 410. Въ этомъ мѣстѣ рукописи идетъ листъ (78-й)

совсѣмъ другой бумаги, (такой-же, на какой писана вставка о Самкѣ Мушкетѣ, см. прим. 345) и самое содержаніе того, что написано на 78-мъ листѣ значительно разнится отъ первоначальной редакціи. Очевидно на старомъ листѣ было очень напачкано отъ переправокъ и Бѣлинскій (судя по тому, что листъ 78-й замѣчательно чисто написанъ) всѣ переправки переписалъ на новый листъ, а старый уничтожилъ. Въ новой редакціи мѣсто между примѣчаніями 417 (стр. 408) и 418 (стр. 410) значительно сокращено и изложено такъ:

«Это напротивъ, похвальба слабостію, какъ удальствомъ и молодечествомъ, апоѳеоза порока, о которомъ идетъ рѣчь. Общественная нравственность древней Руси исключила пьянство изъ числа пороковъ; сознаніе цѣлаго народа дало характеръ неоспоримой законности этому дикому образу наслажденія. Русскій человѣкъ пьетъ и съ горя, пьетъ и съ радости; и передъ дѣломъ, чтобы дѣло лучше шло, и послѣ дѣла, чтобы отдыхъ былъ веселѣе; и передъ опасностію, чтобы море было по колѣно, и послѣ опасности, чтобы заносчивѣе можно было похвастаться ею. Отъ-того, въ старину на Руси почти всѣ богатыри, умники, грамотники, искусники, художники, мастера были отъявленными пьяницами. У русскаго человѣка много пословицъ въ пользу и оправданіе пьянства: *пьяный проспится, дуракъ никогда;* пьяному море по колѣно; *пьянъ да уменъ, два угодья въ немъ* и т. п. Кружало, это—турниръ, балъ русскаго человѣка. Великій князь Владиміръ, какъ говоритъ преданіе, отвергъ вѣру жидовъ и муггамеданъ потому, что пити есть веселіе Руси. Въ нашемъ простонародіи и теперь всѣ пьютъ—и старики и юноши, и женщины и дѣти. Пьянаго въ деревнѣ на улицѣ не прибьютъ, ни оберутъ, но бережно обойдутъ. Успѣхи цивилизаціи уже уничтожаютъ у насъ этотъ порокъ, замѣняя сивуху чаемъ—и дай Богъ, чтобы онъ скорѣе уничтожился совсѣмъ; но все-таки этотъ порокъ весьма любопытенъ, ибо русскій человѣкъ не всегда является въ немъ съ одной дурной своей стороны. И виноватъ-ли русскій мужичекъ въ томъ, что для него и существуетъ ни книги, ни театра, ни вечеринки (потому что вечеринка только тамъ, гдѣ женщина играетъ первую роль и гдѣ все для нея). Условія общественнаго быта тутъ много значатъ: неопредѣленность общественныхъ отношеній и сжатая извнѣ внутренняя сила, всегда становятъ и народъ и отдѣльныя лица въ ложное положеніе и порождаютъ ложныя и вредныя средства къ выходу и утѣшенію — и потому пьянство Русскаго человѣка не всегда бываетъ только слабостью или порокомъ, но часто признакомъ глухой силы, которая неправильно рвется наружу. Зелено вино, часто бывая причиною промаховъ и неуспѣховъ Русскаго человѣка, иногда бываетъ и истиннымъ его вдохновеніемъ. И потому, мудрено ли, что“.

419) Стр. 410. Сноска здѣсь не нужна.

420) Стр. 410. Въ подлинникѣ наивно-грубыя выраженія, которыя возстановлены въ новѣйшемъ прекрасномъ изданіи сборника Кирши Данилова, вышедшемъ подъ ред. П. Н. Шеффера (Спб. 1901).

421) Стр. 412. Позднѣйшая переправка. Въ журналѣ: „поливали“.

422) Стр. 412. При позднѣйшей передѣлкѣ вся фраза зачеркнута.

423) Стр. 412. Въ первоначальной рукописи тутъ начата (строка) какая-то другая мысль, но зачеркнута и разобрать ее трудно.

424) Стр. 412. Въ журналѣ этой фразы („не мудрено.... навожденіемъ“) нѣтъ.

425) Стр. 413. Въ журналѣ только: „повелъ дѣвицу во бѣлъ шатеръ“.

426) Стр. 413. Въ рукописи зачеркнуто тутъ: „и спрашиваетъ какъ она досталась Татарамъ“.

427) Стр. 414. По недоразумѣнію, у насъ тутъ маленькая неточность. Надо: „Со всѣми гостьми, со всѣми людьми“.

427—bis). Стр. 420. Позднѣйшая передѣлка: „Скоро мы простимся“.

428) Стр. 416. Позднѣйшая передѣлка: „Отвѣчаютъ ей матушки и нянюшки и сѣнныя дѣвушки“.

428—bis) Стр. 420. Въ позднѣйшей передѣлкѣ короче: „въ слѣдующей поэмѣ“.

429) Стр. 422. Первоначально: „ярыги“.

430) Стр. 422. Позднѣе передѣлано: „Начало этой поэмы представляетъ собою крайнюю степень высоты“.

431) Стр. 422. Въ позднѣйшей редакціи: „и которое есть исключительное достояніе русскаго народа“—зачеркнуто.

432) Стр. 423. Предположеніе и не подтверждающееся подлинною рукописью сборника Кирши (см. изд. П. Н. Шеффера стр. 21), и не имѣющее интереса по существу, потому что, вообще, всяческаго рода анахронизмы—одна изъ основныхъ чертъ народнаго творчества: въ древнюю основу всегда вкрапливаются отдѣльныя детали позднѣйшаго быта.

433 и 434) Эти №№ по ошибкѣ пропущены при нумераціи примѣчаній.

435) Стр. 423. „Идеальнаго развитія“ при позднѣйшей передѣлкѣ выброшено.

436) Стр. 423. При позднѣйшей передѣлкѣ послѣднія 2 строки („эту несокрушимую....русской натуры“) выброшены—можетъ быть вслѣдствіе ихъ славянофильской окраски.

437) Стр. 424. Позднѣе передѣлано: „до Петра Великаго была только тѣломъ, но тѣломъ, полнымъ избытка“.

438) Стр. 424. Въ позднѣйшей редакціи: „необъятной“ выброшено.

439) Стр. 424. „Необъятно-великой“ въ позднѣйшей редакціи тоже выброшено.

440) Стр. 424. Первоначально написано: „выблядочекъ“, потомъ замѣнено: „выб...чекъ“.

441) Стр. 425. Сначала написано: „Эта пѣсня полу-сказочная, полу-историческая“, потомъ зачеркнуто.

442) Стр. 425. Въ этомъ мѣстѣ рукописи при позднѣйшей передѣлкѣ Бѣлинскій сдѣлалъ (по поводу нижеслѣдующей цитаты) такую помѣтку: „(NB для писца—съ начала строки)“. Такимъ образомъ Бѣлинскій къ своей передѣлкѣ отнесся съ чрезвычайною тщательностью: не только выбрасывалъ всѣ отступленія отъ основной тэмы, сглаживалъ отдѣльныя выраженія и вообще старался дать будущей книгѣ характеръ цѣльнаго и стройнаго изложенія, но, очевидно, во избѣжаніе типографскихъ недоразумѣній съ перечирканной рукописью, даже собирался отдать ее переписать. Это было нѣчто совсѣмъ необычное для Бѣлинскаго: обыкновенно онъ свои статьи сдавалъ въ типографію по клочкамъ, не только не передѣлывая ихъ послѣ написанія, но даже не перечитывая.

443) Стр. 425. Позднѣйшая передѣлка: „существенности“.

444) Стр. 425. Здѣсь кончается бывшая въ нашемъ распоряженіи рукопись 3-й статьи о народныхъ пѣсняхъ. Подготовляя статью для отдѣльнаго изданія своей исторіи литературы, Бѣлинскій нѣсколько завершительныхъ строкъ, имѣвшихъ интересъ только въ журналѣ, отрѣзалъ.

445) Стр. 426. Совершенно вѣрно и въ этомъ несомнѣнно значеніе статей Бѣлинскаго о народной поэзіи. Ср. дальше прим. 551.

446) Стр. 426. „Отеч. Зап.“ 1841, т. XIX, № 11. Цензъ. разр. 30 окт. 1841. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

447) Стр. 427. Намеки на Греча, Булгарина и Сенковскаго, которые самымъ безсовѣстнымъ образомъ эксплуатировали благоговѣніе предъ литературою и писателями знаменитаго книгопродавца Александра Филипповича *Смирдина* (1807—1857), человѣка рѣдкой доброты и истиннаго благородства.

448) Стр. 428. Еще такъ недавно Бѣлинскій очень зло отнесся къ изданію Смирдина (см. ст. № 539), но теперь имъ владѣетъ только жалость къ злополучному книгопродавцу и онъ изо-всѣхъ силъ старается содѣйствовать успѣху книги.

449) Стр. 428, „Отеч. Зап.“ 1841, т. XIX, № 11. Цензъ. разр. 30 окт. 1841. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

450) Стр. 428. Тамъ-же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

451) Стр. 429. Тамъ-же.

452) Стр. 429. Въ „Отеч. Зап.“—„желать“, а въ изд. Солдатенкова „ждать“. Такъ какъ можно предположить, что при печатаніи всѣхъ статей и статеекъ, примыкающихъ по времени къ статьямъ о народной поэзіи, Кетчеръ печаталъ текстъ Солдатенковскаго изданія по подлинной рукописи, то мы въ случаяхъ разночтенія между журналомъ и изд. Солдатенкова придерживаемся послѣдняго.

453) Стр. 432. Такъ въ изд. Солдатенкова. Въ журналѣ „Николай Александровичъ“. Ср. прим. 452.

454) Стр. 434. Это объясненіе расцвѣта англійской драмы едва-ли принадлежитъ лично Бѣлинскому и, вѣроятно, заимствовано имъ изъ какой-нибудь иностранной статьи. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ изученіе Шекспира, особенно въ Германіи, переживало весьма странный и, по своимъ результатамъ, весьма безплодный періодъ. Это была эпоха разныхъ домысловъ по преимуществу, когда критики заботились главнымъ образомъ о томъ, чтобы создать какое-нибудь „глубокое“ объясненіе и весьма мало о томъ чтобы такое „глубокое“ объясненіе соотвѣтствовало исторической дѣйствительности. (См. подробнѣе прекрасную статью Н. И. Стороженки „Шекспировская критика въ Германіи“ въ его „Опытахъ изученія Шекспира“). Къ числу такихъ „глубокихъ“ домысловъ нельзя не отнести и объясненіе развитія англійской драмы „борьбой“ и „противорѣчіемъ элементовъ государственной жизни“, „вѣковой войной съ Франціей“, „религіозной реформой“ „борьбой протестантизма съ католицизмомъ“. Въ какой странѣ Европы не было этой „борьбы“ и въ еще болѣе сильной степени? Что значитъ, въ общемъ, безъ особенныхъ потрясеній утвердившаяся въ Англіи религіозная реформа въ сравненіи съ страшнымъ полуторавѣковымъ кровопролитіемъ въ Германіи, съ Варѳоломеевскою ночью и гугенотскими войнами? Если, затѣмъ, Англія вела „вѣковую“ войну съ Франціей, то вѣдь эту-же войну вела и Франція. Борьбы разныхъ элементовъ государственной жизни въ Англіи было безусловно меньше, чѣмъ въ средневѣковой Германіи и Италіи, раздираемыхъ на части никогда не прекращавшейся борьбой императоровъ съ крупными феодалами и городами, крупныхъ феодаловъ съ мелкими, мелкихъ съ окрестнымъ населеніемъ и т. д. Наконецъ, если Англію завоевывали три раза, то можно-ли перечислить, сколько разъ завоевывали Италію? И во всякомъ случаѣ въ эпоху развитія англійской драмы о внутреннемъ антагонизмѣ расъ не было и самыхъ отдаленныхъ воспоминаній.

455) Стр. 436. „Отеч. Зап.“ 1841 г. т. XIX, № 11. Цензур. разр. 30 окт. 1841. Рецензія эта любопытна какъ яркое доказательство того, что и отдѣлавшись отъ своего преклоненія предъ „разумною дѣйствительностью“

(ср. т. IV, стр. 547 и дальше), Бѣлинскій все еще въ преданности основамъ русскаго государственнаго строя ничѣмъ не отличался отъ Булгарина или Шевырева.

456) Стр. 437. Тамъ-же.

457) Стр. 438. Тамъ-же.

458) Стр. 439. Интересная черта времени. Характеренъ и тотъ ужасъ, въ который повергаетъ Бѣлинскаго видъ „свѣтскихъ образованныхъ людей съ бородами", характерно и то, что грозный босцъ съ авторитетами и рутиною находитъ, что „смѣшно ходить съ бородою тамъ, гдѣ это не принято ни обычаемъ, ни всевластною модою".

459) Стр. 439. „Отеч. Зап." 1841, т. XIX, № 12. Цензъ. разр. около 1 дек. 1841. Статья воспроизведена нами по рукописи (см. прим. 321). По внѣшнему виду рукопись такая-же, какъ и та, по которой воспроизведена 3-я статья о народной поэзіи. Всего листовъ 75.

460) Стр. 442. При позднѣйшей передѣлкѣ „побиты—они" зачеркнуто.

461) Стр. 443. Позднѣе передѣлано: „до высшей степени своего совершенства".

462) Стр. 443. Большинство новѣйшихъ историковъ склонно видѣть въ Ильменскихъ славянахъ не южно-русскихъ выходцевъ, а кривичей, ядро которыхъ занимало верховья Волги, Днѣпра и Западной Двины.

463) Стр. 443. Первоначально „отъ старой цивилизаціи".

464) Стр. 443. При позднѣйшей передѣлкѣ эти 7 строкъ измѣнены:

«Но сдѣлавшись купеческимъ городомъ, Новгородъ не сдѣлался ни Венеціею, ни Амстердамомъ, а только однимъ изъ ганзеатическихъ городовъ, съ которыми онъ торговалъ. Равнымъ образомъ, Новгородцы, сдѣлавшись купцами, отнюдь не сдѣлались гражданами правильно-организованной республики: у нихъ не было опредѣленнаго раздѣленія классовъ, не было ни малѣйшаго понятія о правѣ личномъ, общественномъ и торговомъ. Тамъ всѣ были купцами случайно, и торговали на авось да на удачу, по азіатски".

465) Стр. 444. При позднѣйшей передѣлкѣ „безъ борьбы и особенныхъ усилій" зачеркнуто.

466) Стр. 444. Позднѣе передѣлано: „общій".

467) Стр. 444. Предположеніе весьма фантастическое. „Средне-русская свадьба", говоритъ извѣстный знатокъ обрядовъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, „имѣетъ общеславянскій характеръ, походитъ на бѣлорусскую, малорусскую, сербскую, болгарскую, какъ по нѣснямъ, такъ и по обрядамъ" (Брокгаузъ-Ефронъ, Энцикл. Словарь, т. XXIX, стр. 63). Этикетъ начинаетъ складываться не раньше конца XV в. и по преимуществу подъ вліяніемъ константинопольскимъ и татарскимъ.

468) Стр. 445. Позднѣе передѣлано: „нельзя не увидѣть, что всѣ они".

469) Стр. 445. Съ такою категоричностью можно было высказаться только въ 40-хъ годахъ, когда русская былинная поэзія еще совершенно не была подвергнута научному обслѣдованію. Бѣлинскій не имѣетъ и приблизительнаго представленія о томъ, какой сложный вопросъ онъ тутъ затрагиваетъ. Съ тѣхъ поръ какъ въ 60-хъ гг. началось научное изслѣдованіе русской народной поэзіи, создалась огромная литература по вопросу о происхожденіи былинъ, набраны горы всякихъ фактовъ и соображеній, и все-таки ни къ какимъ опредѣленнымъ выводамъ не пришли. Но въ одномъ во всякомъ случаѣ никто изъ изслѣдователей не сомнѣвается: элементъ заимствованія, съ Востока-ли, съ Запада-ли—по несомнѣненъ и значителенъ. О полномъ самоза-

рожденіи былиннаго эпоса въ одной изъ русскихъ областей и рѣчи не можетъ быть. Въ догадкѣ Бѣлинскаго, впрочемъ, характерно, не столько самое содержаніе ея—сколько, если можно такъ выразиться, научная наивность, съ которою онъ высказываетъ свою догадку. Онъ приступаетъ къ одолѣнію неприступной твердыни вопроса о происхожденіи былинъ, такъ сказать, съ голыми руками, ничѣмъ не вооруженный, кромѣ обычной своей эстетической проницательности. Было-бы, однако, верхомъ несправедливости ставить это чисто-литературное отношеніе къ вопросу въ личную вину Бѣлинскому, о чемъ см. въ прим. 551.

470) Стр. 445. Происхожденіе „Дуная“ въ пѣсняхъ объясняется совсѣмъ иначе. Рѣчь тутъ не объ опредѣленномъ географическомъ терминѣ. „Племена, выселившіяся изъ общей Арійской родины“, говоритъ Буслаевъ, „вынесли съ собою общее индо-европейское имя рѣки вообще *дунъ*, и въ этомъ-же нарицательномъ значеніи оставили его между горными племенами на Кавказѣ, гдѣ доселѣ у Осетинцевъ формы *дун* и *дон* означаютъ рѣку или воду вообще. Но потомъ у славянъ *Донъ* получило смыслъ собственнаго имени, а форма *дун*, съ окончаніемъ *овъ*, именно *Дунавъ*, и потомъ *Дунай*, имѣетъ значеніе и собственное извѣстной рѣки, и нарицательное, рѣки вообще, какъ напр., поется въ одной польской пѣснѣ: *за рѣками...За Дунаями* (*Буслаевъ*. Народная поэзія. Спб. 1887. Стр. 29).

471) Стр. 445. Нельзя отказать домыслу Бѣлинскаго въ психологической тонкости, но, увы, нельзя рѣшать историческіе и историко-литературные вопросы простымъ разгадываніемъ внутренняго смысла, точно рѣчь идетъ объ анализѣ какого-нибудь современнаго чисто-литературнаго произведенія, Ср. примѣч. 469.

472) Стр. 445. Позднѣе прибавлено „изъ самихъ себя“.

473) Стр. 445. Въ позднѣйшей передѣлкѣ, избѣгавшей вообще полемики и журнальныхъ пріемовъ, „такъ называемыхъ“ зачеркнуто.

474) Стр. 445. Въ позднѣйшей передѣлкѣ вмѣсто „членовъ общины и индивидуумовъ“—„людей“.

475) Стр. 446. Послѣ „извѣстно“ первоначально было написано: „какими кровавыми сценами часто оканчивалось“, но затѣмъ зачеркнуто.

476) Стр. 446. Предыдущихъ 9 строкъ („гдѣ нѣтъ....владычествовала на вѣчѣ“) въ журналѣ нѣтъ. Выбросила, очевидно, цензура. Какъ ни рѣзко выступаетъ тутъ Бѣлинскій противъ „невѣжественной толпы“, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говорилъ о „правѣ“, „законѣ“, „развившихся изъ жизни государственныхъ постановленій“...

477) Стр. 446. Послѣ этого была начата фраза: „источникомъ этого была торговля и ея слѣдствіе—довольство и изобиліе, веселье, размашистая жизнь“, но затѣмъ зачеркнута.

478) Стр. 446. Въ журналѣ мысль о томъ, что вражда между патриціями и плебеями была „основательная и разумная“, очевидно, показалось цензурѣ черезчуръ смѣлой и была замѣнена „важными причинами“.

479) Стр. 446. Предыдущая фраза („патриціи образовывали....Далѣе“) въ журналѣ исчезла.

480) Стр. 446. Очевидно иронія послѣднихъ 2 строкъ („ему предоставлено. . его законамъ“) цензурой „одобрена“ не была и онѣ въ журналѣ исчезли.

481) Стр. 447. Первоначально тутъ еще было прибавлено „боярская“, но затѣмъ зачеркнуто.

482) Стр. 447. „А на пергаментахъ“ въ журналѣ нѣтъ. Очевидно цензурная выкидка.

483) Стр. 447. Загадочнаго тутъ ничего нѣтъ. Братчина—весьма распространенная форма древне-русскаго общенія. Она встрѣчается въ двухъ видахъ, какъ:

«1) Товарищество, братство, артель, съ правомъ самосуда, которое удержалось за ней до конца XVII в. Во главѣ ея стоялъ выборный староста, вѣдавшій хозяйство братчины и наблюдавшій за порядкомъ во время пированья. Впрочемъ, подъ конецъ дѣла уголовныя были изъяты изъ вѣдѣнія Б. и 2) Складчина, ссыпщина, пиръ на общій счетъ, называемый иногда братовщиною и братовщинками; участники въ ней назывались ссыпщами, вѣроятно, отъ того, что въ старину каждый жертвовалъ на вареніе пива и браги зерномъ. Братчины собирались преимущественно между крестьянами и въ праздники и потому назывались именами праздниковъ: Братчина Никольщина (на Николинъ день), Братчина Покровщина, Братчина Рождественская и др. На нихъ участвовали также вмѣстѣ съ крестьянами и владѣльцы и онѣ сопровождались бо́льшими безчинствами и драками, чѣмъ пиры частные, почему духовенство не совѣтовало участвовать на нихъ. Такіе пиры происходятъ и теперь среди крестьянъ—на масляной, осенью, въ храмовой праздникъ, и среди нѣкоторыхъ инородцевъ (мордвы)». «(Энц. Словарь» *Брокгаузъ-Ефрона*, IV, 606).

Было-бы несправедливо ставить Бѣлинскому въ упрекъ его недоумѣніе по поводу слова „братчина“. Если въ наше время значеніе его извѣстно не только спеціалистамъ, то потому, что въ полемикѣ славянофиловъ и народниковъ часто говорилось о братчинахъ, какъ объ одномъ изъ проявленій старорусскаго стремленія къ общинности. Во времена-же Бѣлинскаго свѣдѣнія о братчинахъ были очень мало распространены. Это совершенно очевидно изъ того, что считавшій себя „ученымъ“ Краевскій пропустилъ въ печать недоумѣніе Бѣлинскаго. Конечно „ученость“ Краевскаго не многаго стоила, но, все-же таки, онъ былъ кандидатъ филологическаго факультета и занимался даже спеціально по русской исторіи (изслѣдованіе о Борисѣ Годуновѣ), былъ членомъ археографической коммиссіи и редактировалъ одинъ изъ томовъ „Актовъ“, изданныхъ этою коммиссіей.

Отмѣтимъ, кстати, что по ошибкѣ у насъ напечатано: „нива *яичныя*“. Надо „*ячныя*“.

484) Стр. 447. Позднѣе передѣлано: „по русской коренной поговоркѣ“.

485) Стр. 451. При позднѣйшей передѣлкѣ предыдущія 3 строки („и теперь составляющей ..., а не безчестье“) зачеркнуты Бѣлинскимъ

486) Стр. 451. Въ журналѣ предыдущихъ 5 строкъ („И потому Васька .. по недостатку силы“) нѣтъ. Возможно, что ихъ выбросила цензура, но можетъ быть и благонравный, аккуратный Краевскій.

487) Стр. 452. И предыдущія 3 строки («Да и почему....всѣ шалости») въ журналѣ исчезли, но уже, конечно, ихъ зачеркнула цензура.

488) Стр. 452. «Старыхъ бабъ» въ журналѣ нѣтъ.

489) Стр. 452. „Сонку“ скорѣе можно объяснить сибирскимъ происхожденіемъ сборника Кирши Данилова.

490) Стр. 453. Конечно, горестное воспоминаніе о Станкевичѣ (см. т. I, стр. 420). Послѣ словъ «оспротѣлый кругъ» Бѣлинскій началъ было: «разсыпается въ разныя стороны, и каждый говоритъ про себя съ глубок », но затѣмъ зачеркнулъ.

491) Стр. 454. При позднѣйшей передѣлкѣ эта фраза зачеркнута Бѣлин-

скимъ, какъ зачеркивалъ онъ вообще все, что хоть сколько-нибудь отзывалось квасным патріотизмомъ. Ср. пр. 485, 494, 514.

492) Стр. 454. Первоначально было написано: «какъ жидъ», затѣмъ зачеркнуто.

493) Стр. 455. Въ позднѣйшей редакціи послѣ «чѣмъ опохмѣлиться» зачеркнуто и передѣлано: «а тамъ опять на постъ и на лишенія, иногда безъ раскаянія, безъ сожалѣнія, безъ вздоховъ и оховъ, а чаще всего съ жалобами на горькую участь свою,—и все это до новаго праздника".

494) Стр. 455. Въ позднѣйшей редакціи этотъ дифирамбъ, очевидно подъ вліяніемъ все нараставшей вражды къ руссопетству (ср. пр. 491), зачеркнутъ Бѣлинскимъ.

495) Стр. 455. Позднѣйшая редакція: «въ этомъ олицетвореніи есть мысль».

496) Стр. 455. Въ позднѣйшей редакціи «какое-то художественное» зачеркнуто.

497) Стр. 455. Въ позднѣйшей редакціи вся фраза («можно сказать. ..съ другой») зачеркнута.

498) Стр. 455. Позднѣйшая редакція: «здѣсь поразительный».

499) Стр. 457. Позднѣе: «она называется».

500) Стр. 457. Въ рукописи Бѣлинскій сначала нѣсколько разъ упорно пишетъ «*Анкудинъ*» вмѣсто «*Акундинъ*», но потомъ исправляетъ свою ошибку.

501) Стр. 457. При позднѣйшей передѣлкѣ предыдущія 4 строки («Такъ мы теперь....въ подробности») выброшены Бѣлинскимъ.

502) Стр. 457. Позднѣе: «И спрашаетъ Анкудинъ».

503) Стр. 457. Позднѣе: «и сказалъ калечище».

504) Стр. 458. Первоначально въ рукописи тутъ была начата фраза: «по этому началу, можно думать, что главный характеръ сказки—историческій, но историческаго въ ней нѣтъ ничего, и все сказочное, но мѣстамъ или чуждо благу (не кончено) поэзіи», но не кончено и зачеркнуто.

505) Стр. 458. Первоначально: „сказавшись племянницу, Замятня Путятичъ кончается, переставляется, и учитъ Акундину отповѣдь чинить". «Какъ и будешь ты во славномъ въ Новѣгородѣ, и ты ударь челомъ ему, Новугороду, и ты скажи, молви ему, Новугороду», затѣмъ зачеркнуто.

506) Стр. 458. Сначала: «одного изъ сыновей своихъ», затѣмъ зачеркнуто.

507) Стр. 458. Позднѣе: «сколько простодушія, чувства, любви, тоски и стремленія"

508) Стр. 458. Первоначально была начата фраза: „здѣсь оканчивается историческая часть сказанія и начинается чисто-сказочная", но затѣмъ зачеркнута.

509) Стр. 459. Слова „пулы" и „сыды", кажется, и теперь не могутъ быть объяснены. Но въ этомъ нѣтъ и особенной надобности, въ виду того, что „народная" сказка объ Акундинѣ сочинена самимъ Сахаровымъ. См. прим. 511.

510) Стр. 459. Позднѣе передѣлано: „поэзія иногда лучше всѣхъ лѣтописей можетъ снабжать отдаленное потомство любопытными важными историческими фактами".

511) Стр. 460. Позднѣе: „здѣсь выжать" и въ соотвѣтствіи съ этимъ дальше: „опущено" вмѣсто „опустили".

Въ своемъ увлеченіи сказкой объ „Акундинѣ" и вообще въ полномъ довѣріи къ матеріалу Сахарова, Бѣлинскій сдѣлался жертвой мистификаціи.

Въ настоящее время можетъ считаться установленнымъ, что если Сахаровъ вообще не стѣснялся пріурочивать собранный имъ матеріалъ къ тому, чтобы подкрѣплять имъ свои казенно-патріотическіе взгляды и сентиментальное воздыханіе по благообразной старинѣ, то особенной „переработкѣ“ подверглись сказки. Напечатанныя имъ *сказки* о Добрынѣ, Василіѣ Буслаевичѣ и Ильѣ Муромцѣ (не былины), представляютъ собою „миѳо-народные прозаическіе и подправленные пересказы былинъ, а *«Акундинъ» есть просто сочиненіе самаго Сахарова на тему*, вычитанную имъ въ поэмѣ Ѳ. Глинки, „Карелія“ (1830), изъ олонецкихъ преданій“. (*Пыпинъ*, Ист. рус. этнографіи. I, 307). Фальсификаціи Сахарова выяснились только въ 60-хъ годахъ.

512) Стр. 460. Въ позднѣйшей редакціи предыдущія 7 строкъ („г. Сахаровъ заслуживаетъ.... замѣтили тамъ-же“) частью совсѣмъ опущены, частью сокращены и измѣнены такъ: „Почти всѣ поэмы, содержаніе которыхъ здѣсь изложено, разсказываются еще и на сказочный ладъ, какъ это было замѣчено выше. Разница состоитъ“.

513) Стр. 462. Въ позднѣйшей редакціи предыдущія 9 строкъ сокращены: „И вотъ мы прошли весь циклъ богатырскихъ поэмъ. Скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ ихъ характерѣ. Содержаніе богатырскихъ поэмъ очень бѣдно и потому утомительно однообразно. Отсутствіе миѳическихъ созерцаній, какъ зерна развитія, внутренняго и гражданственнаго, ограниченная сфера народнаго быта, стоячесть жизни, вращавшейся вокругъ себя безъ движенія впередъ [1])—вотъ причина скудости и однообразія въ содержаніи этихъ поэмъ“.

514) Стр. 463. Всего этого абзаца (28 строкъ; отъ „Но не смотря на всю скудость.... — и быстъ....“) въ рукописи совсѣмъ нѣтъ. Но такъ какъ 1) нумерація въ рукописи, однако, не прерывается (42, 43), 2) Дальнѣйшій текстъ („формула народныхъ поэмъ....“) написанъ на неполномъ, явно подрѣзанномъ листѣ и 3) нумерація дальнѣйшихъ листовъ (44 и дальше) переправлена на 1 единицу), то ясно, что Бѣлинскій текстъ этого абзаца (занимавшій $1^1/_4$ листа) выбросилъ изъ второй редакціи. Этотъ остракизмъ можно объяснить и систематическимъ вытравленіемъ въ новой редакціи всего, что отзывалось національною хвастливостью (ср. прим. 491) и стремленіемъ Бѣлинскаго устранить все чрезмѣрно-лирическое и непосредственно къ дѣлу не относящееся.

515) Стр. 464. Первоначально было написано: „Въ этотъ отношеніи наша народная поэзія имѣетъ сходство съ еврейскою“, затѣмъ зачеркнуто.

516) Стр. 465. Если въ этомъ мѣстѣ сравнить текстъ статьи по „Отеч. Запискамъ“ съ текстомъ изданія Солдатенкова, то получается впечатлѣніе, что у Солдатенкова огромный пропускъ: выпущенъ весь отдѣлъ историческихъ пѣсенъ. На самомъ дѣлѣ тутъ простая перетасовка и разборъ историческихъ пѣсенъ помѣщенъ у Солдатенкова дальше, послѣ сказокъ. Эта перетасовка соотвѣтствуетъ второй редакціи статьи. При переработкѣ Бѣлинскій отнесъ *историческія* пѣсни къ пѣснямъ вообще и занялся ими послѣ сказокъ, мотивируя новый порядокъ тѣмъ, что отъ поэмъ и сказокъ самый естественный переходъ къ „историческимъ пѣснямъ“. Такъ какъ мы при воспроизведеніи статьи держимся первой редакціи, то у насъ статья соотвѣтствуетъ порядку „Отеч Зап.“.

---

[1]) И въ первой, и во второй редакціи здѣсь зачеркнуто: „подобно колесу, ось котораго утверждена въ стѣнѣ“.

517) Стр. 465. Позднѣе: „со всею его татарскою свитою“.

518) Стр. 465. Позднѣе: „въ сборникѣ Кирши Данилова пѣтъ ни одной“.

519) Стр. 466. Предыдущія 6 строкъ („Русскій человѣкъ.... исторической дѣйствительности. Такъ“) въ журналѣ исчезли, очевидно, выброшенныя цензурою.

520) Стр. 466. Какъ мы уже отмѣтили въ прим. 412 — крайне неудачный домыслъ: въ подлинникѣ сборника Кирши Данилова (см. изданіе Шеффера стр. 115) нѣтъ „со Лоторами“, а написано такъ: „еще чюкши с *олю*торами“. Такимъ образомъ рѣчь здѣсь не объ *Лю*торахъ, а объ *Олю*торахъ или Алюторахъ — явно-сибирскомъ народцѣ, о которомъ говорится и въ былинѣ о Добрынѣ Никитичѣ (ср. Сочиненія *Константина Аксакова*, т. I, стр. 335).

521) Стр. 467. Позднѣе передѣлано: „грозовой“.

522) Стр. 467. Въ позднѣйшей редакціи „къ сожалѣнію, далеко не вполнѣ перепечатанной г. Сахаровымъ“ вычеркнуто.

523) Стр. 467. Въ позднѣйшей редакціи, Бѣлинскій и здѣсь и въ предыдущей строчкѣ переправляетъ, чтобы держаться правописанія Кирши Данилова, „нагаго“ въ „нагова“.

524) Стр. 468. Въ позднѣйшей редакціи „отвѣчалъ царевичъ“ зачеркнуто.

525) Стр. 469. Позднѣе: „эту враждебную ему народность“. Благоговѣніе Бѣлинскаго къ Іоанну Грозному продолжается. Ср. II, прим. 490.

526) Стр. 470. Позднѣе передѣлано: „значительность“.

527) Стр. 470. Ср. прим. 345. Въ первой редакціи и въ журналѣ это мѣсто изложено такъ:

«И какъ много поэзіи въ этой поэзіи! Вотъ на выдержку одна пѣсня, которую выписываемъ изъ сборника г. Максимовича, для уразумѣнія, въ русскомъ прозаическомъ переводѣ, сдѣланномъ самимъ собирателемъ (Слѣдуетъ пѣсня, напечатанная у насъ на стр. 377). Ср. прим. 516.

528) Стр. 471. Въ позднѣйшей редакціи обѣ фразы („Какая широкая.... берегись ушибу!“) зачеркнуты, а въ «Отеч. Зап.» нѣтъ второй.

529) Стр. 471. Въ позднѣйшей редакціи зачеркнуто.

530) Стр. 472. Позднѣйшая редакція: «Такъ какъ («причина очевидна» зачеркнуто) всѣ явленія исторической жизни старой Руси возникали какъбы случайно, имѣя свой корень скорѣе въ политическомъ неустройствѣ, чѣмъ устройствѣ,—то и».

531) Стр. 472. Позднѣйшая редакція начала фразы: «Этотъ родъ пѣсенъ еще не довольно извѣстенъ у насъ печатно, и потому о немъ трудно сказать что-нибудь дѣльное. Но для примѣра приведемъ здѣсь одну солдатскую пѣсню».

Первоначально у Бѣлинскаго было начато: „Въ нихъ... (неразобрано 2 слова) народа на Западъ, особенно про походы подъ Азовъ и.... (неразобрано 3 слова) въ нихъ взгляды русскаго солдата на солтановъ, на королей шведскихъ“, но затѣмъ зачеркнуто.

532) Стр. 474. Въ первоначальной редакціи и, слѣдовательно, въ журналѣ этой пѣсни и вступительныхъ къ ней словъ: („Въ сборникѣ Кирши Данилова есть одна пѣсня, которую можно причислить къ разряду солдатскихъ“) нѣтъ. Она прибавлена во второй редакціи, текстъ пѣсни написанъ чужою рукою.

533) Стр. 474. Въ позднѣйшей редакціи прошедшее перемѣнено въ настоящее: „тамъ эти господа и теперь еще разгуливаютъ на улицахъ столич-

ныхъ городовъ, среди бѣла дня, и ихъ боятся многіе, но никто не презираетъ".

534) Стр. 474. Позднѣе: „удальцовъ" (кавычки Бѣлинскаго).

535) Стр. 474. Позднѣе вмѣсто „святую Русь" просто „Россію".

536) Стр. 474. „Засудятъ" въ журналѣ нѣтъ. Очевидно выбросила цензура.

537) Стр. 474. Въ журналѣ осталось только осужденіе „стѣсненности и ограниченности условій общественной жизни", а „безусловная зависимость бѣднаго отъ произвола сильнаго и богатаго, словомъ *Кошихинскій* характеръ администраціи и общественной нравственности" исчезли.

538) Стр. 474. Въ журналѣ вмѣсто „чаще всего"—„преимущественно".

539) Стр. 474. Въ рукописи „благородными" зачеркнуто, но трудно опредѣлить первоначально или при второй редакціи. Въ журналѣ „благородными" нѣтъ.

540) Стр. 474. Въ журналѣ вмѣсто „и посланниковъ царскихъ и бояръ, и кто попадется": „кого ни попало". И тутъ было усмотрѣно умаленіе престижа власти.

541) Стр. 474. Въ журналѣ основная мысль Бѣлинскаго—сопоставленіе съ „другими сословіями своего времени" совершенно извращена (очевидно цензурнымъ) превращеніемъ „другихъ сословій" въ „другихъ *этого рода* людей".

542) Стр. 475. Нужно-ли удивляться тому, что вся эта тирада (6 строкъ: „при дурной.... и низостью") въ журналѣ не появилась.

543) Стр. 475. Позднѣйшая редакція: „Въ пѣсняхъ о Ермакѣ—лучшее доказательство справедливости".

544) Стр. 475. Позднѣе передѣлано: „Въ ихъ пѣсняхъ, кромѣ удальства и молодечества, господствуетъ еще".

545) Стр. 475. Первоначально Бѣлинскій написалъ: „по недостатокъ времени и мѣста заставляетъ насъ, противъ воли нашей, ограничиться", затѣмъ зачеркнулъ.

546) Стр. 476. Бѣлинскій ни въ первой, ни во второй редакціи не испугался двухъ „которыхъ" въ одной фразѣ: „и ея заунывнымъ вѣтромъ, который свободно гуляетъ по необозримой снѣжной равнинѣ, который унылое однообразіе изрѣдка" и т. д. Но въ журналѣ первое „которое" замѣнено причастіемъ „свободно гуляющимъ".

547) Стр. 476. Весь этотъ абзацъ въ 16 строкъ („присовокупите.... безъ комментаріевъ") въ журналѣ исчезъ. Черезъ-чуръ мрачно выходило по тогдашнему времени.

548) Стр. 478. Въ журналѣ эта фраза совершенно обезличена: „и все пѣсни, въ которыхъ изображается картина зловѣщихъ предчувствій".

549) Стр. 479. Эта цитата и нѣкоторыя изъ дальнѣйшихъ писаны чужой рукой.

550) Стр. 484. Въ рукописи тутъ зачеркнута довольно характерная прибавка: „къ спѣху и сроку писанная ". Зачеркнулъ, повидимому, самъ Бѣлинскій.

551) Стр. 484. Въ этомъ самоопредѣленіи лучшая оцѣнка **статей Бѣлинскаго о народной поэзіи** и, вмѣстѣ съ тѣмъ, единственный критерій для правильнаго сужденія о нихъ. Мы должны хорошенько проникнуться тѣмъ, что это дѣйствительно *первая* попытка обнять всю совокупность нашей народной словесности. И тогда мы, съ одной стороны, не сможемъ не преклониться предъ силою обобщающей мысли Бѣлинскаго, а съ другой вполнѣ извинимъ тѣ грубые промахи, въ которые онъ впалъ, пролагая пути въ области абсолютно неизвѣданной.

Но на эту піонерскую роль статей Бѣлинскаго у насъ совершенно не обращаютъ вниманія и онѣ подвергаются нападкамъ съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ.

Начало нападкамъ положилъ Буслаевъ въ самомъ началѣ 1860-хъ гг. Тогда, при огромномъ сочувствіи и вниманіи публики, выходило собраніе сочиненій Бѣлинскаго, и когда почти цѣлый томъ (V-ый) этого собранія заняли собою статьи о народной поэзіи, высказанные въ нихъ взгляды многихъ очень взволновали. Въ числѣ ихъ былъ Буслаевъ, близко тогда примыкавшій къ славянофильскимъ кружкамъ. Онъ былъ глубоко-оскорбленъ тѣмъ пренебреженіемъ sui generis, которымъ проникнуты статьи Бѣлинскаго, съ ихъ знаменательною формулою: „одно небольшое стихотвореніе истиннаго художника неизмѣримо выше всѣхъ народныхъ произведеній, вмѣстѣ взятыхъ“. Не называя Бѣлинскаго по имени, Буслаевъ съ горечью говорилъ о „выспренной“ эстетической критикѣ, которая съ „аристократическимъ“ пренебреженіемъ придаетъ значеніе только „свѣтиламъ“ литературы.

«Такіе теоретики-критики», говорилъ оскорбленный изслѣдователь русской народной поэзіи, „не только не хотѣли знать нашей письменной старины и народности, но и на самомъ дѣлѣ не знали ни той, ни другой, и своими выспренними взглядами, становясь будто-бы выше нашей старины и народности, только возбуждали къ той и другой презрѣніе, приведшее къ вредному предразсудку, довольно распространенному еще и теперь, будто можно составить себѣ вѣрное понятіе объ исторіи русской литературы по изученію позднѣйшихъ писателей, начиная отъ Кантемира или Ломоносова, безъ основательнаго знанія нашей древней литературы и безъ живѣйшаго сочувствія къ народной словесности“. („Историч. очерки“ т. I, стр. 401—405; цитируемъ по „Истор. рус. этнографіи“ А. Н. Пыпина, т. II, 90—91.

За Буслаевымъ потянулись другіе обвинители. Въ началѣ 1870-хъ гг. появилась даже спеціальная книжка довольно извѣстнаго педагога—словесника С. З. Бураковскаго (1843—1898) „Русская народная поэзія и Бѣлинскій“ (Спб. 1871), посвященная борьбѣ съ „презрѣніемъ“ Бѣлинскаго къ народному творчеству, его „непониманіемъ“ „народнаго склада души“ и т. д. Эти обвиненія стали общимъ мѣстомъ и держатся вплоть до нашихъ дней. Всякій, кто касается вопросовъ народной словесности, уже непремѣнно такъ или иначе касается прегрѣшеній Бѣлинскаго по отношенію къ народной поэзіи.

Чрезъ всѣ эти нападки проходитъ, однако, одно крупнѣйшее недоразумѣніе. Что къ статьямъ Бѣлинскаго о народной поэзіи слѣдуетъ отнестись не то, чтобы отрицательно, а осторожно, что чтеніе ихъ въ настоящее время для неподготовленнаго читателя должно быть обставлено оговорками—объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Но всѣ эти оговорки, по преимуществу, должны сосредоточиться на чисто-научной сторонѣ статей. Съ научной точки зрѣнія статьи Бѣлинскаго устарѣли до послѣдней степени, и по методу и по отдѣльнымъ замѣчаніямъ. Но обыкновенно-то на нихъ нападаютъ совсѣмъ съ иной точки зрѣнія. Въ нихъ, по преимуществу, совершенно неправильно усматриваютъ одно изъ яркихъ проявленій „западничества“ Бѣлинскаго. Такъ авторъ вышеназванной книжки, спеціально посвященной обсуждаемымъ статьямъ, человѣкъ довольно свѣдущій и много писавшій по исторіи русской литературы, категорически заявляетъ, что въ нихъ „*западническія теоріи того времени* совершенно почти скрыли самобытную черту русскихъ народныхъ произведеній“ (стр. 78).

*

Это усматриваніе во взглядахъ Бѣлинскаго на народную словесность одного изъ моментовъ полемики между западничествомъ и славянофильствомъ установилось настолько прочно, что его можно постоянно встрѣтить не только у славянофиловъ, но и у всѣхъ вообще изслѣдователей, касающихся взглядовъ Бѣлинскаго. Каемся, сами мы до того, какъ пристальнѣе занялись сочиненіями Бѣлинскаго, тоже такъ относились къ статьямъ его о народной поэзіи и ставили ихъ въ укоръ всему западничеству какъ направленію. Въ своей замѣткѣ о народничествѣ въ „Энцикл. Словарѣ“ (т. XX, 586), мы писали: „Великій расколъ русской интеллигенціи, происшедшій въ концѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и разбившій русскую общественную мысль на два главныхъ русла—западничество и славянофильство—породилъ много партійной односторонности и мѣшалъ правильной оцѣнкѣ явленій русскаго духа и русской жизни. Такъ Бѣлинскій пренебрежительно относился къ народной словесности“ и т. д.

Тутъ кроется, однако, хронологическая ошибка, отъ которой пора уже категорически отказаться. Въ 1841 году, когда были закончены статьи Бѣлинскаго о народной литературѣ, распаденіе на западничество и славянофильство только внутренно подготовлялось, но не приняло еще никакихъ опредѣленныхъ формъ и во всякомъ случаѣ никакими полемическими увлеченіями осложнено не было. И если въ знаменитой формулѣ: „одно небольшое стихотвореніе истиннаго художника неизмѣримо выше всѣхъ народныхъ произведеній, вмѣстѣ взятыхъ“, несомнѣнно чувствуется пренебреженіе, то не къ *русскому* элементу, въ противоположность западному, а вообще ко всему „простонародному“, Слѣдя за эволюціей общественныхъ воззрѣній будущаго пламеннаго демократа, мы много разъ указывали (См. въ настоящемъ томѣ прим. 95-ое), какъ пренебрежительно Бѣлинскій относится къ „простонародному“ и „мужицкому“, усматривая въ немъ что-то такое, что грозитъ опасностью культурѣ, что должно исчезнуть въ сіяніи науки и искусства. И вотъ формула Бѣлинскаго есть только частный случай этой культурной гордыни и стоитъ совершенно внѣ вопросовъ о русской народности какъ національности. Такимъ образомъ народническія и славянофильскія нападки на нее направлены просто не по адресу.

Наибольшія прегрѣшенія разсматриваемыхъ статьей въ ихъ несостоятельности съ научной точки зрѣнія. Какъ мы уже не разъ отмѣчали (см. прим. 19, 397, 404, 469) не выдерживаетъ критики исключительно-эстетическій методъ Бѣлинскаго. Бѣлинскій приступаетъ къ анализу былинъ съ тѣмъ совершенно-ложнымъ убѣжденіемъ, что русскій народный эпосъ—одно психологическое цѣлое, вышедшее изъ одного творческаго настроенія и къ которому, слѣдовательно, можно примѣнить литературныя требованія соразмѣрности, единства, правдоподобія, наконецъ изящества. Бѣлинскій не имѣетъ и приблизительнаго представленія о различныхъ наслоеніяхъ въ былинахъ, о томъ, что это сплошь да рядомъ лоскутки самаго различнаго происхожденія, сплошь да рядомъ механически склеенные отдѣльными „сказителями“. Когда онъ встрѣчается съ мѣстомъ, ему непонятнымъ, съ образомъ грубымъ и преувеличеннымъ, Бѣлинскій съ тою наивною непосредственностью, которая вытекала изъ того, что онъ и понятія не имѣлъ, къ вопросу какой трудности подходитъ, не стѣсняясь говоритъ: „безсмыслица“, „безобразіе“ и т. д. Ему ни разу не приходитъ на мысль искать слѣды древнѣйшихъ миѳологическихъ воззрѣній въ тѣхъ преувеличеніяхъ, которыми полны былины. Для него были-бы совершеннымъ откровеніемъ сравнительно-историческій методъ и установленная теоріей заимствованія миграція сюжетовъ и

мотивовъ, въ силу которой какая-нибудь деталь, оторванная отъ создавшихъ его условій и почвы, несомнѣнно производитъ впечатлѣніе полной безсмыслицы и чепухи.

Но констатируя всѣ эти недочеты, можемъ-ли мы, однако, хоть сколько-нибудь поставить ихъ въ вину Бѣлинскому? Это было-бы актомъ величайшей несправедливости и полнымъ отсутствіемъ исторической перспективы. Сравнительно-историческій методъ изслѣдованія народной поэзіи, съ высоты котораго мы можемъ обвинять Бѣлинскаго въ прегрѣшеніяхъ противъ научности, установился въ русской наукѣ не раньше какъ 20—25 лѣтъ послѣ статей Бѣлинскаго. Больше 10 лѣтъ спустя, ученый славянофилъ, магистръ русской словесности, Константинъ Аксаковъ, написалъ не просто статью, а „изслѣдованіе“ о „Былинахъ Владимірова цикла“, съ которымъ до сихъ поръ считаются какъ съ серьезнымъ научнымъ „вкладомъ“. Изслѣдованія Аксакова діаметрально противоположны статьямъ Бѣлинскаго по тѣмъ восторженнымъ выводамъ, къ которымъ онъ приходитъ, по тому безграничному восхищенію, съ которымъ онъ относится къ оскорблявшей Бѣлинскаго своею грубостью древне-русской жизни, по той слащаво-величавой идилліи, которую онъ нарисовалъ на основаніи отдѣльныхъ черточекъ былиннаго быта. Но по методу „изслѣдованіе“ Аксакова ни на одну іоту не отличается отъ пріемовъ Бѣлинскаго. Вѣрно замѣтилъ Орестъ Миллеръ въ своей книгѣ объ Ильѣ Муромцѣ, что Аксаковъ изслѣдуетъ русскій эпосъ „изъ него самаго“, т. е. также какъ Бѣлинскій смотритъ на него какъ на нѣчто вполнѣ самодовлѣющее, возникшее исключительно какъ выраженіе духовнаго существа русскаго народа въ эпоху его исторической жизни, безъ всякихъ вліяній, безъ всякихъ наслоеній, о которыхъ ученый Аксаковъ столь-же мало догадывается какъ „недоучившійся“ Бѣлинскій. Почти 20 лѣтъ спустя послѣ статей Бѣлинскаго—въ 1859 году, вышло 2-е изданіе лекцій по исторіи русской литературы столь кичившагося своею ученостью именно предъ Бѣлинскимъ московскаго профессора Шевырева. Въ предисловіи Шевыревъ заявлялъ, что внесъ въ лекціи, читанныя въ серединѣ 1840-хъ гг., кое-какія измѣненія, чтобы поставить ихъ „въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки“. И тѣмъ не менѣе предъ нами тотъ-же совершенно несостоятельный методъ разсматриванія русскаго эпоса исключительно какъ выраженія идеаловъ русскаго народа въ эпоху его историческаго существованія. Только совершенно мимоходомъ, въ двухъ трехъ словахъ, Шевыревъ упомянулъ объ Индіи, какъ прародинѣ нѣкоторыхъ былинныхъ чертъ. Вводитъ онъ также до извѣстной степени сравнительный методъ сопоставленіемъ съ испанскимъ Сидомъ. Но и упоминаніе объ Индіи и обстоятельное сравненіе Ильи Муромца съ Сидомъ нимало не было вызвано научными стремленіями, а самымъ узкимъ квасным патріотизмомъ. Упоминаніемъ объ Индіи Шевыревъ хотѣлъ, такъ сказать, установить знатное родство. Сравненіе-же съ Сидомъ было предпринято не съ тѣми цѣлями, съ какими предпринимаются плодотворныя сравнительныя изысканія, т. е. не для того, чтобы указать *общія* черты, а совсѣмъ съ противоположными цѣлями. Сидъ понадобился Шевыреву единственно для того, чтобы показать насколько Илья Муромецъ въ нравственномъ отношеніи выше Сида.

Настоящее научное изслѣдованіе русскаго эпоса начинается только съ 60-хъ годовъ, когда вышедшіе изъ школы братьевъ Гриммовъ труды Буслаева ввели въ русскій фольклоръ сравнительный методъ, который въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи сдѣлалъ совершенно немыслимымъ изслѣдованіе эпоса

„изъ него самаго“, путемъ болѣе или менѣе остроумныхъ и „глубокихъ“ домысловъ.

Но поскольку несостоятельны статьи Бѣлинскаго тамъ, гдѣ однихъ домысловъ было мало и гдѣ онъ пошелъ по невѣрному пути эстетически-литературнаго изслѣдованія былинъ, по столько-же Бѣлинскій приходилъ къ безусловно-вѣрнымъ результатамъ тамъ, гдѣ достаточно было одной силы обобщающей мысли и здраваго эстетическаго чутья. Тѣ-же обвинители (Орестъ Миллеръ, Бураковскій), которые въ значительной степени справедливо нападаютъ на Бѣлинскаго за его пренебреженіе къ народному творчеству, не могутъ не признать высокихъ достоинствъ отдѣльныхъ частностей статьи. Въ ряду ихъ на первомъ мѣстѣ стоятъ выдѣленіе особенностей новгородскаго элемента былинъ и характеристика женской доли по народнымъ пѣснямъ. А въ общемъ статьи Бѣлинскаго о народной поэзіи, при всѣхъ своихъ недочетахъ, поражаютъ широтою пріемовъ. *Такой всеобъемлющей картины всей совокупности русскаго народнаго творчества нѣтъ у насъ и до настоящаго времени.* Сила обобщающей мысли Бѣлинскаго сказалась здѣсь во всемъ своемъ блескѣ.

552) Стр. 484. „Отеч. Зап.“ 1841, № 12, цензурное разр. около 1 дек. 1841. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ цитатъ.

553) Стр. 484. О Филимоновѣ см. т. IV, прим. 46.

554) Стр. 490. „Отеч. Зап.“ 1841, № 12. Ценз. разр. около 1 дек. 1841. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

555) Стр. 490. Ср. выше статью № 552.

556) Стр. 491. Отеч. Зап.“ 1841, № 12. Цензур. разр. около 1 дек. 1841 г. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

557) Стр. 492. 50-лѣтній срокъ литературной собственности установленъ у насъ только въ 1857 г. изъ желанія оказать услугу семьѣ Пушкина.

558) Стр. 492. „Отеч. Зап.“ 1841, № 12. Цензур. разр. около 1 дек. 1841. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

559) Стр. 493. Письмо это разъ уже было приведено Бѣлинскимъ цѣликомъ (См. т. III, стр. 14—15).

560) Стр. 493. Отзывъ о I части см. выше статью № 547.

561) Стр. 487. „Отечест. Зап.“ 1841, № 12. Ценз. разр. около 1 дек. 1841. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Диккенсъ опять тутъ попалъ въ одну компанію съ Поль-де-Кокомъ. Ср. примѣч. 39-е.

562) Стр. 498. „Отеч. Зап.“ 1841, № 12. Цензур. разр. около 1 дек, 1841. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

563) Стр. 500. Эта незакопченная статья при жизни Бѣлинскаго не была напечатана и впервые появилась въ XII томѣ изд. Солдатенкова. Кетчеръ печаталъ ее по той-же рукописи, которая была и въ нашемъ распоряженіи (см. прим. 321-ое). Нѣсколько фразъ, очевидно по недосмотру, въ Солдатенковско-Кетчеровскомъ изд. пропущено. Есть также въ Солдатенковскомъ изданіи кое-какія отступленія отъ орѳографіи Бѣлинскаго.

Кетчеръ снабдилъ статью такимъ примѣчаніемъ:

«Это другой отрывокъ изъ отдѣла Эстетики, найденной въ бумагахъ покойнаго большая часть которыхъ, къ несчастью, была уничтожена имъ въ 1848 году. Весь написанный карандашемъ и оставленный незакопченнымъ, онъ принадлежитъ, судя по всему, къ одному времени съ первымъ».

„Первымъ“ отрывкомъ Кетчеръ называетъ статью „Раздѣленіе поэзіи на роды и виды“ (см. выше статью № 518). Въ примѣчаніи (28, стр. 570) къ „Раз-

дѣленію поэзіи“ мы сказали, что „оставшіяся незаконченными и ненапечатанными статьи №№ 572—575, кажется, писаны послѣ статей о Пушкинѣ“ т. е. въ серединѣ 40-хъ гг.

На основаніи соображеній, о которыхъ см. прим. 577, 585, 586, мы готовы и второй разъ настаивать на этой хронологіи по отношенію къ бо́льшей части оставшихся ненапечатанными рукописей. Но собственно по отношенію къ статьѣ „Идея Искусства“, мы присоединяемся къ мнѣнію Кетчера, который полагаетъ, что она писана тогда же, когда и „Раздѣленіе поэзіи на роды и виды“ т. е. въ 1841 г. Основывается наше мнѣніе какъ на внѣшнихъ, такъ и на внутреннихъ признакахъ. *Внѣшніе* признаки—это, прежде всего, полное тождество частью голубовато-сѣрой, частью желтоватой, но главное—шероховатой бумаги, на которой писаны какъ „Идея Искусства“, такъ и бывшія въ нашемъ распоряженіи статьи 1841 года о народной поэзіи (№№ 557, 565). Это признакъ довольно важный, потому что позднѣйшія вставки въ передѣланную статью о народной поэзіи писаны на совершенно иной, гладкой бумагѣ. Очень также напоминаетъ статьи о народной поэзіи крупный размашистый почеркъ „Иден Искусства“. О самомъ-же рѣшающемъ внѣшнемъ признакѣ см. дальше прим. 576. *Внутренними* признаками мы бы назвали прежде всего общій обѣимъ статьямъ. гегеліанскій поти́бъ, который свойственъ статьямъ Бѣлинскаго начала 40-хъ годовъ и исчезаетъ въ концѣ его дѣятельности. Характерна затѣмъ ссылка на Каткова. Едва-ли Бѣлинскій сталъ-бы ссылаться на Каткова въ концѣ 40-хъ гг., когда дружескія связи его съ Катковымъ значительно ослабѣли. По всей вѣроятности, многое въ теоретической части „Иден Искусства“ взято изъ тѣхъ-же Катковскихъ „тетрадокъ“, о которыхъ см. прим. 46-ое.

Бывшая въ нашемъ распоряженіи рукопись отрывка состоитъ изъ бо́льшихъ полулистовъ формата писчей бумаги. Противъ обыкновенія Бѣлинскаго, полулисты, кромѣ послѣдняго, исписаны съ обѣихъ сторонъ. Всѣхъ полулистовъ 34 (страницъ, значитъ 64). Въ нумерацію ихъ вкралась ошибка: цыфра 21 повторяется два раза подрядъ, а послѣ 32 слѣдуетъ 34.

564) Стр. 501. Здѣсь и дальше одушевленное изложеніе основъ Гегелевскаго ученія о тождествѣ міра и мышленія (ср. подробнѣе т. IV, этюдъ „Бакунинско-Гегельянскій періодъ жизни Бѣлинскаго“, стр. 552 и слѣд.).

565) Стр. 502. Тутъ одна строчка стерлась.

566) Стр. 507. Тутъ оставлено пустое мѣсто въ скобкахъ для нѣмецкаго термина.

567) Стр. 507. Тутъ поставленъ знакъ Г и на полѣ начата при такомъ-же знакѣ фраза: „Когда вы слышите отъ другого разсказъ о какомъ-нибудь человѣкѣ, то какой-то....“.

568) Стр. 508. Тутъ въ рукописи зачеркнуто: „Такъ тоже иногда, вся роскошь образованія, и умственнаго и свѣтскаго не возбуждаетъ“.

569) Стр. 508. Тутъ въ рукописи перечеркнуто:

«Всѣ эти примѣры... Но всѣ эти примѣры поясняютъ только одну сторону понятія, заключеннаго въ словахъ «непосредственный и непосредственность»,—и мы должны привести другіе для показанія полнаго значенія этихъ словъ“.

570) Стр. 509. Странно, какъ Бѣлинскій серьезно придаетъ вѣру этому нелѣпому анекдоту, принадлежащему къ числу разныхъ другихъ легендарныхъ розсказней о Крезѣ, сообщаемыхъ Геродотомъ и другими древними писателями.

571) Стр. 509. Въ рукописи зачеркнуто Бѣлинскимъ:

«Въ чемъ видна одна воля человѣческая, одно сознаніе,—тамъ не можетъ быть непосредственнаго дѣйствія, которое одно плодотворно и дѣйствительно; и напротивъ, въ чемъ видна одна непосредственность, безъ всякой воли и всякаго сознанія,—тамъ нѣтъ никакой разумности и человѣческое дѣйствіе становится противоположнымъ дѣйствіемъ».

572) Стр. 510. Эта фраза надписана надъ другой фразой:

«Какъ произведеніямъ природы противополагаются произведенія ремеслъ, такъ всему непосредственно-являющемуся противополагается искусственное. Здѣсь два міра, враждебно стоящіе другъ противъ друга, какъ жизнь и смерть—одинъ въ безпрестанной движимости, въ переливахъ цвѣтовъ и красокъ, свободный...».

573) Стр. 511. Въ рукописи тутъ зачеркнуто нѣсколько строкъ почти стершихся и очень трудно читаемыхъ. Но, видимо, въ нихъ высказана также мысль объ искусственномъ цвѣткѣ, которая развита дальше.

574) Стр. 512. Мысль Бѣлинскаго тутъ еще всецѣло работаетъ въ теологическихъ предѣлахъ и это является еще однимъ доказательствомъ того, что отрывокъ относится къ началу 40-хъ годовъ. Позднѣе его космогоническія представленія принимаютъ другой характеръ.

574—а) Стр. 511. Эта сноска, по недосмотру, неуказана на своемъ мѣстѣ; ей слѣдовало быть на 8-й строкѣ снизу передъ словами „развѣ въ розѣ“ и т. д. Въ рукописи здѣсь нѣсколько строкъ зачеркнуто:

«Не внѣшнею только формою должно ограничиться наше разсмотрѣніе естественной розы и какъ скоро мы загляднемъ внутрь ея—всякое сравненіе съ нею искусственной уничтожится, какъ нелѣпость, оскорбляющая здравый смыслъ».

575) Стр. 514. Въ изд. Солдатенкова тутъ опечатка, перешедшая и въ остальныя изданія Бѣлинскаго—указанъ „Московск. Наблюдатель“ 1832 года, когда этотъ журналъ и не выходилъ еще. Надо 1838.

Ссылка на Каткова примыкаетъ къ ряду многихъ проявленій того большого вліянія, которое въ началѣ 40-хъ годовъ Катковъ имѣлъ на Бѣлинскаго (ср. прим. 46).

576) Стр. 515. Тутъ обрывается этотъ великолѣпный, истинно-вдохновенный отрывокъ, которому, вѣроятно, было-бы суждено развернуться въ одну изъ лучшихъ статей Бѣлинскаго. Статья начата очень стройно и въ этомъ, можетъ быть, сказалась подпочва—Катковскія „тетрадки“. Но огромное, захватывающее воодушевленіе въ развитіи основной идеи, блестящія комментаріи—варіаціи на тэму объ идеяхъ-матеряхъ, и вообще все это одухотвореніе абстрактной тэмы статьи, принадлежитъ одному Бѣлинскому и въ немъ вся сила впечатлѣнія.

Несмотря на то, что статья неокончена, она сыграла большую роль въ исторіи русскаго литературнаго сознанія: великолѣпное опредѣленіе искусства какъ *„мышленія въ образахъ“* стало крылатымъ и является основнымъ мѣриломъ при установленіи значенія всякаго литературнаго произведенія претендующаго на художественность. Самъ Бѣлинскій придавалъ большое значеніе своему опредѣленію и подчеркиваетъ, что оно въ „первый разъ произносится на русскомъ языкѣ“. Остается опредѣлить въ какой мѣрѣ Бѣлинскій былъ тутъ оригиналенъ. Къ этому мы вернемся, когда займемся сводомъ эстетическихъ взглядовъ Бѣлинскаго.

Рукопись, которою мы пользовались при воспроизведеніи настоящей статьи получена нами изъ Румянцевскаго музея въ обложкѣ съ надписью „Искусство“ и съ помѣткою *34 л.* (листа). Помѣтка совершена вѣрно: хотя листа съ

нумераціею *33* и нѣтъ, но за то, какъ мы уже сказали выше, нумерація *21* невѣрно поставлена Бѣлинскимъ два раза подрядъ. Послѣдній листъ нашей рукописи имѣетъ нумерацію двоякую: чернильную, рукою Бѣлинскаго,—*2* и въ скобкахъ карандашную: (34). Кому принадлежитъ послѣдняя—Кетчеру или лицамъ, пріобрѣвшимъ рукописи—мы опредѣлить не имѣемъ возможности. Но одно несомнѣнно и это очень важно въ данномъ случаѣ: то лицо, которое дѣлало помѣтку (*34*) и такимъ образомъ включило этотъ листъ въ составъ отрывка объ „Идеѣ Искусства", имѣло полное право такъ поступить—(*34*)-ый листъ до такой степени похожъ на остальные листы рукописи, что нельзя ихъ не счесть составными частями одного и того-же цѣлаго: абсолютно та же самая бумага и абсолютно тотъ-же самый почеркъ, да притомъ еще карандашемъ. То обстоятельство, что написанное на (*34*)-мъ листѣ не совсѣмъ вяжется съ предыдущимъ 32-мъ листомъ (на которомъ оканчивается „Идея Искусства" въ зданіи Солдатенкова и у насъ), не должно было смущать, потому что могло казаться, что промежуточный листъ затерянъ.

Болѣе пристальное изученіе, однако, (*34*)-го листа не оставляетъ никакого сомнѣнія, что къ статьѣ „Идея Искусства" онъ не принадлежитъ. Листъ начинается съ нѣсколькихъ строкъ, писанныхъ *чернилами*:

«Поэзія эпическая достигаетъ своей вершины, полнаго осуществленія самого себя, дойдя до живого источника событій—до человѣка и выразившись въ эпопеѣ собственно такъ называемой.

Эпосъ въ собственномъ смыслѣ есть...»

Чернильныя строки занимаютъ самый верхъ страницы, а вся остальная часть полулиста написана карандашемъ, какъ мы сказали, поразительно схоже съ первыми 32—33 полулистами рукописи „Идеи Искусства". Однако, это нѣчто иное:

«И смотрѣть на это, какъ на эпосъ, уже по одному тому (неразобрать); донъ Карлосъ слишкомъ незначительное лицо въ исторіи, чтобы вѣрность или невѣрность его историческаго характера въ худож. произведеніи могла быть какимъ нибудь вопросомъ. Многихъ соблазняетъ вольность Гете, сдѣлавшаго изъ восьмидесятилѣтняго Эгмонта, отца многочисленнаго семейства, пастоящаго юношу и заставивъ его любить Клару; вольность самая законная, ибо Гете хотѣлъ изобразить въ своей трагедіи не Эгмонта, а молодого человѣка, страстнаго къ упоеніямъ жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жертвующаго для искупленія свободы своей родины. Всякое лицо въ трагедіи принадлежитъ не исторіи, а поэту, хотя-бы и носило историческое имя. Глубоко справедливы...»

Когда мы читали сейчасъ приведенныя строки, онѣ намъ показались знакомыми и мы затѣмъ вспомнили, что онѣ изъ «Раздѣленія поэзіи на роды и виды» (см. выше стр. 109). И все же это то, да не то: *нѣкоторыя отличія есть*. Такимъ образомъ предъ нами *черновикъ* «Раздѣленія поэзіи на роды и виды». Этотъ выводъ имѣетъ рѣшающее значеніе для интересующаго насъ теперь вопроса о времени возникновенія «Идеи Искусства». Разъ весьма своеобразный *карандашный* черновикъ «Раздѣленія поэзіи» и рукопись «Идеи Искусства» до такой степени похожи, что прямо нѣтъ никакой возможности отличить ихъ другъ отъ друга, то, конечно, обѣ рукописи относятся къ одному и тому-же времени, т. е. къ началу 1841 года.

577). Стр. 515. Эта статья принадлежитъ къ числу ненапечатанныхъ при жизни Бѣлинскаго (ср. статьи № 572—575 и дальше въ VII-мъ томѣ) и впервые появилась въ XII томѣ изданія Солдатенкова, откуда мы ее воспроизводимъ.

Не имѣя въ своемъ распоряженіи очевидно потерянную рукопись статьи (см. прим. 321), мы не можемъ высказать какихъ-бы то ни было соображеній о времени написанія статьи по внѣшнимъ признакамъ, которые сослужили намъ службу при опредѣленіи хронологіи статьи объ «Идеѣ Искусства» (прим. 576). Но нѣкоторые внутренніе признаки заставляютъ насъ думать, что статья относится не къ началу, а къ серединѣ или даже ко второй половинѣ 40-хъ годовъ. Въ началѣ 40-хъ годовъ Бѣлинскій относился крайне враждебно ко всему французскому (см. прим. 43). Здѣсь-же онъ прямо преклоняется предъ всѣмъ французскимъ, восторгается столь презираемою имъ прежде французскою прессою, провозглашаетъ Францію «Эладою новаго міра». Онъ съ осторожностью говоритъ теперь о французской литературѣ XVII вѣка, ни разу не примѣняетъ къ ней созданнаго имъ термина, «псевдоклассицизмъ» (см. V прим. 13) и раньше неоднократно вышученнаго Корнеля называетъ даже «великимъ поэтомъ». Все это явно указываетъ на второй, «французскій» періодъ духовной жизни Бѣлинскаго, когда онъ съ тою-же необузданностью полюбилъ Францію и французовъ, съ которою въ «нѣмецкій» періодъ все французское ненавидѣлъ.

578). Стр. 517. Въ 40-хъ годахъ писали Словенскіе и Словянскіе, а не Славянскіе.

579). Стр. 517. Свѣдѣніе, требующее извѣстныхъ оговорокъ. Для своего времени, въ общемъ, Бѣлинскій имѣлъ основаніе сказать, что Словяне «считали достойнымъ предавать письменамъ только книги религіознаго и теологическаго содержанія». Но за время, отдѣляющее насъ отъ Бѣлинскаго собрано множество памятниковъ древней «Словянской» письменности, которые указываетъ на жгучій интересъ къ самымъ разнообразнымъ предметамъ

580). Стр. 518. Сноска поставлена по недоразумѣнію.

581). Стр. 537. Ср. прим. 577.

582). Стр. 537. Второй разъ Бѣлинскій впадаетъ въ непонятную ошибку, пренебрежительно отзываясь о философскихъ дарованіяхъ народа, выдвинувшаго Бэкона, Юма, Локка и цѣлый рядъ другихъ первостепенныхъ мыслителей.

583). Стр. 538. Мысль достаточно спорная. Генетически англійскій юморъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ со «старой веселой Англіей» (Old merry England) и нимало не есть «орудіе духа отрицанія». Въ большинствѣ случаевъ англійскій юморъ добродушенъ по преимуществу.

584). Стр. 539. Цитируемыя Бѣлинскимъ характеристики Ломоносова, Тредьяковскаго и Сумарокова взяты изъ извѣстнаго «Опыта Историческаго Словаря россійскихъ писателей» Новикова.

585). Стр. 540. Тутъ, несомнѣнно, Бѣлинскій говоритъ о своихъ «Литературныхъ Мечтаніяхъ». Это они поставили вопросъ о томъ «есть-ли русская литература».

Въ примѣчаніяхъ къ «Лит. Мечтаніямъ» мы своевременно разъяснили, что вопросъ о томъ, есть-ли у насъ литература далеко не былъ такимъ дерзкимъ и ставился до Бѣлинскаго; но несомнѣнно, что рѣзкость и опредѣленность ему дала только та страстность, съ которою Бѣлинскій развилъ мысли своихъ предшественниковъ. Когда Надеждинъ въ концѣ 1835 г. вернулся изъ за границы, онъ засталъ столько толковъ по этому поводу, что счелъ нужнымъ въ особой статьѣ «(Телескопъ» 1836 г., № 1) обстоятельно заняться нападками на тезисъ своего молодого сотрудника. Въ общемъ, онъ его поддерживалъ, но разными оговорками старался смягчить рѣзкость постановки. Объ

этихъ журнальныхъ спорахъ 1835—36 гг. и говоритъ здѣсь Бѣлинскій и мы получаемъ, такимъ образомъ, довольно точную дату для опредѣленія времени написанія настоящей статьи. Бѣлинскій ихъ относитъ «лѣтъ десять назадъ тому», значитъ писалась статья въ 1845—46 гг., что вполнѣ совпадаетъ съ другими соображеніями, высказанными въ примѣч. 577.

586). Стр. 545. Конецъ этой прекрасной статьи, написанной въ удивительно благородномъ тонѣ, сначала нѣсколько вялой и элементарной, но потомъ все разгорающейся, едва-ли можетъ оставить сомнѣнія относительно того, къ какому періоду жизни Бѣлинскаго ее пріурочить. Какъ ни удерживается авторъ отъ всякой полемики и партійности, но въ этомъ призывѣ къ общественности и торжеству «человѣческихъ идей», въ протестѣ противъ невѣжественной, полуазіатской старины вполнѣ опредѣленно сказался весь Бѣлинскій послѣдняго періода его жизни.

587). Стр. 545. Статья напечатана здѣсь по рукописи (см. примѣч. 321). по этой же рукописи она напечатана въ XII т. изд. Солдатенкова, но съ нѣкоторыми отступленіями отъ пунктуаціи рукописи и съ замѣною излюбленныхъ Бѣлинскимъ курсивовъ кавычками. Всего большихъ полулистовъ in f⁰—4; изъ нихъ 2 еще удлинены приклейками. Бумага гладкая, желтоватая, такая-же какъ въ позднѣйшихъ вставкахъ и передѣлкахъ статей о народной поэзіи.

588) Стр. 547. Тутъ въ рукописи совершенно несущественныя передѣлки въ порядкѣ изложенія. Предыдущія 6 строкъ написаны на полѣ послѣдней страницы рукописи; текстъ противъ этого мѣста Бѣлинскій перечеркнулъ.

589). Стр. 548. Статья напечатана нами по рукописи (см. прим. 321); по этой же рукописи статья напечатана въ XII т. изд. Солдатенкова Кетчеромъ, снабдившимъ ее такимъ примѣчаніемъ:

«Это позднѣйшая передѣлка начала, напечатаннаго въ пятой части этого собранія разбора «Древнихъ россійскихъ стихотвореній» собр. Киршею Даниловымъ и т. д. Этотъ разборъ долженъ былъ составить вторую главу отдѣла (?) «Критической исторіи русской литературы».

Что значитъ тутъ «вт орую главу *отдѣла*» «Крит. исторіи рус. литературы» мы не понимаемъ. Надписаніе «Глава II», дѣйствительно стоитъ на верху первой страницы рукописи, но цифра II такъ написана, что вполнѣ можетъ быть прочтена и какъ 11.

Всего въ рукописи 4 полулиста in f⁰. Бумага гладкая, желтоватая, позднѣйшаго типа, почеркъ мелкій. Въ противоположность всѣмъ остальнымъ рукописямъ Бѣлинскаго, листы исписаны съ обѣихъ сторонъ.

Въ изданіи Солдатенкова, а на основаніи его во всѣхъ остальныхъ изданіяхъ Бѣлинскаго, курсивы рукописи замѣнены кавычками. Эта замѣна порою превращаетъ подчеркиваніе той или другой мысли *автора* въ цитату чужой мысли.

Кетчеръ въ своемъ примѣчаніи называетъ настоящій отрывокъ «позднѣйшей *передѣлкой*» начала статьи о сборникѣ Кирши Данилова. Если, однакоже, читатель сравнитъ это начало (см. выше стр. 393), то онъ увидитъ, что общаго небольше десятка строкъ, все-же остальное написано совершенно заново.

590). Стр. 548. Первоначально вмѣсто этой фразы было: «Въ слѣдствіе этого, и Свѣтлана напр. въ нашей литературѣ считается народнымъ произве-

дешіемъ», затѣмъ зачеркнуто и начато иначе: «*Людмила* и *Свѣтлана* Жуковскаго, *Гусаръ* и *Людмила* Пушкина», но и это Бѣлинскій зачеркнулъ.

591). Стр. 548. Рядъ мелкихъ перечеркиваній недававшейся Бѣлинскому фразы.

592). Стр. 549. Первоначально тутъ еще было:

«И для того владѣльцы животныхъ часто прибѣгаютъ къ искусственнымъ средствамъ узнавать принадлежащихъ имъ животныхъ, обрѣзывая имъ уши, дѣлая парѣзы на рогахъ, иногда клейма на шерсти», но затѣмъ зачеркнуто.

593). Стр. 550. Сравненіе не изъ удачныхъ. Аккорда одинаковыя струны, конечно, не даютъ, но звучатъ онѣ ни мало не «дисгармонически», а въ *унисонъ*, что есть, напротивъ того, предѣлъ музыкальнаго соотвѣтствія, переходящій въ тождество.

594). Стр. 551. Дальнѣйшая мысль особенно не давалась Бѣлинскому и онъ много разъ начиналъ ее:

«Есть народы, которымъ сужд... но есть народы, которые столь субстанціальны, столь самобытны, столь богатые, что даже подход... которые такъ богаты избыткомъ самостоятельнаго субстанціальнаго.... Но есть народы, столь, до того наполненные внутренней субстанц.... которые носятъ въ себѣ зародышъ такой глубокой самостоятельной жизненности, что, даже не подпадая подъ власть другого народа, они измѣняютъ характеръ своихъ завоевателей. Мы уже говорили въ предшествующей главѣ, что есть народы которымъ суждена первая роль въ человѣчествѣ».

Приложенія къ VI тому.

1. Портретъ Бѣлинскаго, работы И. А. Астафьева.

Это, безспорно, лучшій изъ портретовъ Бѣлинскаго. Вотъ что, тотчасъ послѣ его появленія, писалъ Кавелинъ („Рус. Мысль“ 1882, № 2, Сочиненія т. III):

До сихъ поръ не было сходнаго портрета В. Г. Бѣлинскаго. По какой-то странной случайности послѣ него не осталось даже дагерротипа. Въ публикѣ обращается, въ фотографическихъ снимкахъ, безобразнѣйшая передѣлка литографіи художника Горбунова.

Послѣдняя тоже не отличается сходствомъ, а только напоминаетъ Бѣлинскаго, и теперь стала большою рѣдкостью. Съ покойнаго была снята маска, но болѣзнь и смерть такъ измѣнила его черты, что онъ по ней почти неузнаваемъ. Довольно удачный (конечно, я имѣю въ виду одно лишь сходство) бюстъ Бѣлинскаго сдѣланъ профессоромъ Ге, гораздо позднѣе, въ шестидесятыхъ годахъ, по этой маскѣ и по указанію друзей покойнаго.

При помощи такихъ-то скудныхъ данныхъ, а также воспоминаній и разсказовъ нѣсколькихъ оставшихся въ живыхъ друзей и знакомыхъ Бѣлинскаго, задумалъ возсоздать его образъ и московскій художникъ И. А. Астафьевъ.

Я видѣлъ выполненный имъ рисунокъ въ подлинникѣ и въ фотографическомъ снимкѣ и, какъ бывшій ученикъ и другъ покойнаго, могу засвидѣтельствовать, что дорогія его черты переданы съ большою вѣрностью и очень живо его напоминаютъ.

Рисунокъ И. А. Астафьева, по сходству, далеко оставляетъ за собою все, что мнѣ случалось до сихъ поръ видѣть, не исключая и бюста проф. Ге.

Нельзя довольно благодарить г. Астафьева за трудъ, который, какъ пойметъ всякій, дался ему не легко и не вдругъ. Исполнилъ онъ его какъ разъ во-время.

Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и не станетъ современниковъ Бѣлинскаго, а съ нимъ уснутъ и устныя преданія, безъ которыхъ едва ли было бы возможно сохранить для будущаго времени живой образъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей русской культуры во второй четверти девятнадцатаго вѣка.

Май 1881 г.“.

2. **Снимокъ съ рукописи Бѣлинскаго.**

I. Образчикъ страницы съ незначительными помарками.

3. **Снимокъ съ рукописи Бѣлинскаго.**

II. Образчикъ страницы, подвергшейся впослѣдствіи переработкѣ.

Конецъ VI тома.

=80к.